

Class D 20

Book W 3717

YUDIN COLLECTION

ВУЗ.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ГЕОРГА ВЕБЕРА.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРАГО ИЗДАНІЯ,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ДОКОНЧЕННАГО ПОСЛѢ СМЕРТИ АВТОРА

Докт. Фридрихомъ Веберомъ.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Отдѣлъ 2-й: Отъ парижской іюльской революціи до настоящаго времени.

Переводъ В. Невѣдомскаго.

Издание К. М. Солдатенкова

Цѣна 5 рублей.

МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.

1892.

Изданія К. Т. Солдатенкова.

(ПРОДАЮТСЯ ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ).

- Бень А.** Стилистика и теорія устной и письменной рѣчи. Перев. *А. Грузинскаго*.
М. 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Брайса Д.** Американская республика. Томъ I, II и III. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго*.
М. 1890 г. Цѣна 10 р. 50 к.
- Буассье Гастона.** Римская религія. Пер. *М. Корсакъ*. М. 1878 г. Ц. 5 р.
— — Цицеронъ и его друзья. — М. 1880 г. Ц. 2 р.
- Бэра.** Исторія Всемирной торговли. 3 ч. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1876 г.
Цѣна 7 р. 50 к.
- Вебера Георга.** Всеобщая исторія. М. 1886. Переводъ со втораго изданія *г. Анд-
реева*. Т. I, II, III, IV, V, VI, VII, VIII, IX, X, XI, XII, XIII, XIV и
XV, ч. I. Цѣна 74 р.
- Вегеле, Франца.** Дантъ Алигьери, его жизнь и сочиненія. Перев. *А. Н. Весе-
ловскаго*. М. 1881 г. Ц. 3 р.
- Вейса.** Внѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ.—5 частей
(съ 1945-ю рисунками въ текстѣ) въ пер. *В. Чаева и И. Васильева*.
М. 1879 г. Цѣна 20 р.
- Викторова П. П.** Ученіе о личности, вып. I. М. 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гаймъ. Р.** Гердеръ, его жизнь и сочиненія, Пер. *В. Невѣдомскаго*, 2 тома. М. 1889 г.
Цѣна 10 р.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. *В. Н. Невѣдомскаго*, М. 1891 г.
Ц. 5 руб.
- Гартмана.** Сущность міроваго процесса или философія безсознательнаго. *А. Козлова*.
М. 1876 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к.
- Геттнера.** Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Т. III. кн. I и III. М. 1872 г.
Ц. 4 р. 75 к.
- Гиббона.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портр. автора).
Перев. *В. Н. Невѣдомскаго*. Въ 7-ми томахъ. М. 1886 г. Ц. 26 руб.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Перев. *П. Г. Виноградова*.
М. 1877 г. Ц. 4 р.
- Гнейста Рудольфа.** Исторія государственныхъ учрежденій Англіи, переводъ съ
нѣмецкаго *С. А. Венгерева*. Москва, 1885 г. Ц. 4 р. 50 к.
- Гринъ Д.** Исторія Англійскаго народа. Т. I, II и III. М. 1892 г. Пер. *П. Ни-
колаева*, Ц. 8 р.
- Гюббаръ Г.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Перев. *Ю. Доппель-
майеръ*. М. 1892 г. Ц. 2 р.
- Давидъ-Соважо А.** Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер.
А. Серебряковой. М. 1891 г. Ц. 2 р.
- Дройзена.** Исторія Эллинизма. Т. I. Пер. *М. Шелмунова*. М. 1891 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Забѣлина И. Е.** Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М. 1872 г. Ц. 2 р.
- Зибера Н. И.** Соч. Очерки первобытной экономической культуры. М. 1883 г.
Ц. 4 р. 50 к.
- Игеринга.** Борьба за право. Пер. *П. Волкова*. М. 1872 г. Ц. 75 к.
- Ингрэма Д.** Исторія политической экономіи. Перев. подъ редакц. *И. И. Янжула*.
М. 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кавелина.** Сочиненія, въ 4 томахъ. Цѣна 5 руб.

(Продолженіе на 3 и 4 стр. обертки).

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Weber, Georg
"
Usseobshchaja
ВСЕОБЩАЯ
Istoriia
ИСТОРИЯ

ГЕОРГА ВЕБЕРА.

~~~~~
ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРАГО ИЗДАНІЯ,

ПЕРЕСМОТРѢННАГО И ДОКОНЧЕННАГО ПОСЛѢ СМЕРТИ АВТОРА

Докт. Фридрихомъ Веберомъ.

—————
ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

—————
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

—————
ДЕВЯТНАДЦАТОЕ СТОЛѢТІЕ.

Отдѣлъ 2-й: Отъ парижской іюльской революціи до настоящаго времени.

—————
Переводъ В. Невѣдомскаго.

—————
Изданіе К. М. Солдатенкова

—————
МОСКВА.

Типо-литографія В. Рихтеръ, Тверская, Мамоновскій пер., свой домъ.

1892.

D20
W/3717

THE

RIFOTON

OF THE

REPUBLIC OF THE UNITED STATES

OF AMERICA

AND THE

PEOPLE OF THE

STATE OF

NEW YORK

IN SENATE

AND

ASSEMBLY

1890

1890

NEW YORK: PUBLISHED BY THE STATE OF NEW YORK, 1890.

И С Т О Р І Я

ДЕВЯТНАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Отъ парижской іюльской революціи до революціонныхъ движеній 1848—1851 г. Культура и умственная жизнь новаго времени.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	<i>Стр.</i>
А. Событія въ промежуткѣ времени между двумя революціями	1
<i>І. Политическое положеніе. Движенія въ сферахъ соціальной и церковной. . . . .</i>	<i>—</i>
1. Политическое положеніе и національности	—
2. Неравенство общественныхъ положеній и соціалистическіе проекты реформъ.	14
Литература.	—
3. Движенія въ области религіи и церкви	29
Литература.	—
А. Католическая церковь	—
В. Протестантская церковь	58
а. Протестантская теологія въ Германіи	—
б. Колебанія и разномысліе въ нѣдрахъ протестантской церкви.	64
с. Протестантизмъ внѣ Германіи	78
<i>ІІ. Историческія событія въ отдѣльныхъ государствахъ. . . . .</i>	<i>82</i>
А. Первая группа. Западъ и югъ	—
Литература	—
1. Франція при Луи Филиппѣ.	83
а. Внутренняя исторія	—
1. Іюльское правительство пріобрѣтаетъ прочность	—
2. Іюльское правительство въ эпоху своего упадка	104
б. Внѣшнее положеніе Франціи	115
1. Италія и востокъ	—
2. Алжиръ и Таити	133
2. Пиренейскій полуостровъ.	142
а. Послѣдніе годы царствованія Фердинанда VII и законъ о престолонаслѣдіи.	—
б. Карлисты и Христианосы.	152
с. Междоусобная война.	159
д. Борьба партій въ Испаніи.	167
с. Португалія.	174
3. Великобританія.	179
а. Государственная жизнь въ Англіи	—
б. Положеніе дѣлъ въ Ирландіи.	192
с. Отношенія къ иностраннымъ государствамъ. Положеніе восточно-азіатскихъ царствъ.	200

	<i>Стр.</i>
В. Вторая группа. Германія и востокъ	211
Литература	—
1. Исторія Германіи отъ іюльской революціи до фев-	
ральской	212
1. Революціонныя движенія и реакція	—
2. Національныя стремленія. Таможенный Союзъ. Шлез-	
вигъ-гольштинскій вопросъ	225
3. Пруссія	234
а. Ретроградная система управленія при Фридрихъ	
Вильгельмъ IV	—
б. Вопросъ о конституціи и соединенный сеймъ. . .	241
4. Среднія и мелкія сѣверо-германскія государства. . .	247
5. Южно-германскія государства.	256
II. Австрія.	265
1. Система Меттерниха отживаетъ свое время.	—
2. Національныя движенія въ сосѣднихъ съ Австріей	
провинціяхъ	270
III. Россія въ царствованіе императора Николая I.	276
Воинственная политика	—
В. Революціонныя движенія съ 1848 до 1851 года.	278
Источники и литературныя пособія.	—
I. Предвѣстники революціи.	280
1. Италія.	—
2. Война Зондербунда въ Швейцаріи.	288
II. Парижская февральская революція и вторая республика . . .	294
III. Революція распространяется по Европѣ	306
1. Германія и великія нѣмецкія державы.	—
2. Событія въ Италіи	318
IV. Борьба Нѣмцевъ за введеніе конституціи.	333
1. Учредительное національное собраніе во Франкфуртѣ . . .	—
2. Пруссія и Франкфуртъ	340
3. Учредительное національное собраніе въ Берлинѣ	344
4. Австрійскій сеймъ и положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ.	350
5. Германія и Австрія.	360
6. Германская имперская конституція	365
7. Перемены политики въ Австріи и въ Пруссіи	374
8. Шлезвигъ-Гольштинія.	388
9. Старанія отстоять германскую имперскую конституцію. . .	391
10. Подавленіе революціи въ юго-западной Германіи.	398
V. Возстаніе и паденіе Венгрии.	408
1. Борьба между подвластными Австріи племенами	—
2. Революція одерживаетъ верхъ.	415
3. Пораженіе инсургентовъ	419
VI. Безуспѣшныя усилія нѣмецкихъ реформаторовъ и повсемѣстная	
реакція.	424
1. Последнія попытки ввести имперскую конституцію.	—
2. Гессенъ-кассельская драма и униженіе Пруссіи	431
3. Возстановленіе союзнаго сейма и подчиненіе сѣверныхъ	
герцогствъ датскому королю	439
VII. Республика и бонапартистскій государственный переворотъ во	
Франціи.	442

	<i>Стр.</i>
С. Культура и умственная жизнь преимущественно въ Германіи	454
Литературныя пособія	—
I. Нѣмецкая поэтическая литература послѣ Гёте	455
1. Отношенія литературы къ духу времени.	—
2. Бёрне и Гейне. „Молодая Германія“.	458
3. Поэты подъ вліяніемъ современныхъ политическихъ и со- ціальныхъ вопросовъ.	467
4. Литература въ Австріи	475
5. Женщины-писательницы.	479
II. Обзоръ литературы настоящаго времени и недавняго прошлаго.	484
А. Южная и западная Германія	486
1. Прирейнскія страны.	—
2. Швейцарія	492
3. Швабія.	493
4. Гессенъ.	495
5. Франконія.	496
6. Баварія.	498
7. Австрія.	500
В. Средняя и сѣверная Германія	502
1. Тюрингія и Саксонія.	—
2. Старая Пруссія и Берлинъ.	505
3. Ганноверъ.	511
4. Ганзейскіе города.	512
5. Ольденбургъ, Мекленбургъ и Остзейскія провинціи.	513
6. Шлезвигъ-Гольштинія	514
III. Литература въ чужихъ краяхъ въ девятнадцатомъ столѣтіи.	516
А. Французская литература послѣ Вѣнскаго конгресса	—
1. Представители новой романтики Ламартины и Викторъ Гюго	—
2. Оппозиціонная литература	528
3. Реализмъ и натурализмъ.	543
4. Исторіографія.	547
В. Англія и сѣверная Америка.	553
1. Поэтическая литература новоромантиковъ въ Англіи	—
2. Романы и исторіографія.	555
3. Сѣверо-американская литература.	563
С. Италія.	566
1. Политическая поэзія Италіи въ промежуткѣ времени между іюльской революціей и основаніемъ итальян- скаго королевства.	—
2. Поэты объединенной Италіи	571
Д. Испанія	574
Е. Венгрія	581
Ф. Скандинавія.	583
1. Данія и Норвегія	—
2. Швеція	586
Г. Новѣйшая нидерландская и фламандская литература.	589
IV. Искусство въ девятнадцатомъ столѣтіи.	591
Литературныя пособія.	—
А. Образовательныя искусства.	—
1. Различныя направленія въ области искусства.	—
2. Живопись.	597

	<i>Стр.</i>
а. Германія.	—
б Живопись въ чужихъ краяхъ	615
3. Пластика	629
4. Архитектура.	636
В. Музыка въ девятнадцатомъ столѣтїи	640
V. Нѣмецкая наука въ девятнадцатомъ столѣтїи.	649
Литературныя пособія	—
1. Пути и цѣли.	650
2. Нѣмецкая философія съ 1830 года	651
3. Филологія и словесныя науки.	660
4. Исторіографія.	673
5. Юриспруденція	681
6. Педагогика	696
7. Естественныя науки и математика.	701
VI. Народное хозяйство и социальная политика новаго времени	721
Литературныя пособія	—
1. Экономическая дѣятельность въ новое время.	722
2. Технические улучшенія въ способахъ сообщенія и про- мышленной дѣятельности	723
а. Исторія пользованія паровой силой	725
б. Извлеченіе практической пользы изъ электричества	730
с. Промышленная дѣятельность новаго времени.	732
3. Наука народнаго хозяйства	736
а. Англія	—
б. Франція.	741
с. Германія.	743

А. СОБЫТІЯ ВЪ ПРОМЕЖУТКѢ ВРЕМЕНИ МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦІЯМИ.

І. Политическое положеніе. Движенія въ сфе- рахъ соціальной и церковной.

1. Политическое положеніе и національности.

Изъ содержанія предъидущаго тома намъ уже извѣстно, какія дви- Вліяніе
женія вызвала въ политической сферѣ парижская іюльская революція. іюльской рево-
Народы избавились отъ тяжелыхъ узъ, сковывавшихъ умы, и стали люціи.
громко требовать такого государственнаго устройства, какое можетъ
удовлетворять людей свободныхъ и образованныхъ. Высшія пра-
вительственныя сферы встревожились: тамъ опасались новой рево-
люціонной пропаганды, которая могла бы низпровергнуть существую-
щіе порядки при содѣйствіи безпокойныхъ и недовольныхъ элемен-
товъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; поэтому стали дѣлать-
ся, съ цѣлію обороны отъ революціонеровъ, военныя приготовленія,
которыя были приняты во Франціи за предвѣстниковъ новаго втор-
женія иностранныхъ армій и вызвали основаніе патріотическаго «на-
ціональнаго общества» для защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ.
Но такъ какъ іюльское правительство стало ясно обнаруживать свой
миролюбивый характеръ, не старалось удовлетворять желанія поли-
тическихъ мечтателей, не дѣлало никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ
возбужденному общественному мнѣнію и публично заявило, что не
допуститъ никакого иностраннаго вмѣшательства, то встревоженные
умы успокоились; а послѣ того, какъ Паскевичъ донесъ русскому
царю: Варшава у ногъ Вашего Величества! и французскій министръ
иностранныхъ дѣлъ сообщилъ палатѣ, что спокойствіе господствуетъ
въ Варшавѣ, высшія правительственныя сферы стали мало по малу
снова вступать въ свою обычную колею и прибѣгать для борьбы съ
недовольными къ старому оружію. И такъ, благодаря миролюбивой

политикѣ короля Луи Филиппа, іюльская революція не произвела въ строѣ европейскихъ государствъ такихъ потрясающихъ переворотовъ, какихъ сначала опасались трусливые пессимисты въ родѣ историка Нибура. Но уже не было возможности придерживаться ретроградской системы управленія съ прежней строгостью и безцеремонностью; Священный Союзъ утратилъ свою магическую силу; народы перестали полагаться на обманчивыя обѣщанія; требованія дѣйствительной жизни отодвинули романтику на задній планъ не только въ литературѣ и въ искусствѣ, но и во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Затѣйливыя мечтанія о соединеніи народовъ братскими узами въ одну христіанскую семью оказались несбыточными. Монархически-легитимистская политика консерватизма и внутренняго спокойствія уступила мѣсто основному принципу, что не слѣдуетъ мѣшаться въ чужія дѣла. Не смотря на то, что монархи восточные и сѣверные сначала не хотѣли признавать новаго международного права, правителямъ никто не мѣшалъ улаживать ссоры съ ихъ подданными по ихъ собственному усмотрѣнію. Для новой политики послужили опорой обширныя военныя приготовленія, которыя были сдѣланы во Франціи. Только русскій императоръ не сдѣлалъ никакихъ уступокъ духу своего времени: онъ постоянно относился враждебно къ французскому королю, вступившему на престолъ вслѣдствіе соглашенія съ революціонерами.

Конституціонныя правитель- ства западн. Европы. Іюльская революція раздѣлила европейскія государства на двѣ группы,—на конституціонный западъ, подчинявшійся вліянію Франціи и Англіи, и абсолютный востокъ, гдѣ господствовали Австрія, Россія и Пруссія. Въ мелкихъ средне-европейскихъ государствахъ, въ Скандинавіи, въ Германіи, въ Италіи, народное большинство желало либеральнаго прогресса и относилось сочувственно къ Англіи и къ Франціи; но правительственныя власти, родовая и чиновничья аристократія отстаивали абсолютный монархическій режимъ и искали для себя опоры въ Австріи и въ Россіи: они, по большей мѣрѣ, старались удовлетворить народныя требованія введеніемъ земскихъ собраній, въ которыхъ преобладали сословные интересы. Между іюльскимъ правительствомъ и англійскимъ министерствомъ виговъ служили связью однородная внутренняя политика, общее стараніе поддерживать въ Европѣ либеральныя стремленія и дипломатическая ловкость Талейрана, который, состоя посланникомъ въ Лондонѣ, дѣйствовалъ совершенно въ духѣ личной политики Луи Филиппа; добрыя отношенія между двумя правительствами временно нарушались то стараніемъ cadaго изъ нихъ пріобрѣсть преобладающее вліяніе въ Бельгіи, то событіями въ сѣверной Африкѣ, то разными политическими размовками и пререканіями, не остававшимися въ тайнѣ по причинѣ публичности парламентскихъ преній и свободы печати; узы, соединявшія двѣ націи, еще ослабѣли послѣ того, какъ

Талейранъ отказался отъ должности французскаго посланника въ Лондонѣ и вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ умеръ (въ маѣ 1838), но ихъ не допускали до продолжительнаго разрыва обоюдные интересы, равно какъ симпатіи Гизо и его единомышленниковъ къ Англіи и симпатіи Брума и виговъ къ Франціи. По случаю пріѣзда маршала Сульта въ Лондонъ, Англичане заглушили свою національную гордость и оказали «тулузскому герою» одинакія почести съ «побѣдителемъ при Ватерлоо». Когда Англичане, изъ желанія прекратить торговлю невольниками, присвоили себѣ право обыскивать всѣ подозрительные корабли, а потомъ заключили съ восточными державами четверной союзъ для прекращенія восточныхъ смутъ и борьбы между оттоманскою Портою и египетскимъ вице-королемъ, французскій народъ сталъ относиться къ Англіи съ завистью и недовѣріемъ: общественное мнѣніе принудило Англію отказаться отъ права обыска и стало сдерживать свои воинственныя стремленія только послѣ того, какъ четыре державы, ради сохраненія мира, допустили Францію къ участию въ заключенномъ между ними договорѣ. Когда французское правительство попыталось вытѣснить англійскихъ протестантовъ съ острова Отаити при помощи католическихъ миссіонеровъ и утвердить тамъ французскій протекторатъ и когда двойной брачный союзъ связалъ Испанію съ орлеанскою династіей, тогда почувствовали себя оскорбленными и рвеніе англійской высокой церкви и британская гордость. Но не смотря на эти столкновенія, союзъ между двумя конституціонными монархіями не подвергался продолжительному разрыву. Желаніе двухъ правительствъ дѣйствовать общими силами нашло для себя опору и выраженіе въ «сердечномъ единомысліи» монарховъ во время ихъ свиданія въ замкѣ *Еи* и въ Виндзорѣ. Эта *entente cordiale* предохранила и въ нѣмецкихъ государствахъ конституціонный принципъ отъ того оконченія, до котораго его хотѣли довести сѣверо-восточныя державы. Двѣ западныя державы пошли различными путями только послѣ того, какъ іюльское правительство, не задолго до своего паденія, стало все болѣе и болѣе придерживаться политики Священнаго Союза, стало поддерживать консерваторовъ и реакціонеровъ во время междоусобицъ, возникавшихъ въ сосѣднихъ государствахъ, и стало дѣйствовать сообща съ Меттерниховскою Австріей; тогда Англія снова сдѣлалась единственною защитницею либерализма и конституціонныхъ формъ управленія.

Тождество интересовъ побуждало и три абсолютныя монархіи общими силами охранять принципъ единовластія отъ революціоннаго принципа народнаго верховенства, сдерживать усиливавшіяся демократическія стремленія и подавлять заговоры и революціонныя попытки польскихъ эмигрантовъ. Добродушный австрійскій народъ, стремившійся не столько къ свободѣ, сколько къ житейскимъ наслажденіямъ, очень спокойно выносилъ патріархальный режимъ, ко-

Державы съ
абсолютной
формой прав-
ленія.

торый былъ введенъ княземъ Меттернихомъ подъ владычествомъ династїи, пользовавшейся народною любовью. Австрія не принимала никакого участія ни въ нѣмецкой жизни, ни въ нѣмецкой культурѣ и была отгорожена строгой запретительной системою отъ той націи, съ которой въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія дѣлила и горести и радости; поэтому для нея становились все болѣе чуждыми нѣмецкіе порядки и интересы; связанная непрочными узами съ иностранными націями, она не замѣчала, что ея государственное устройство приближается къ разложенію, которое предсказывали ея поэты въ своихъ тревожныхъ предостереженіяхъ.—Пруссія, по видимому, позабыла, что ея настоящая сила заключается въ ея національности, что Фридрихъ II былъ обязанъ своими побѣдами народному воодушевленію не менѣе, чѣмъ храбрости своей арміи. Она достигла высокой степени народнаго образованія, превосходнаго военнаго устройства и процвѣтанія промышленности подъ управленіемъ славнаго царствующаго дома, поэтому могла бы занять господствующее положеніе среди европейскихъ государствъ, если-бы крѣпко и искренно примкнула къ остальной Германіи, если-бы ея правительство удовлетворило желанія народа введеніемъ конституціонной формы правленія, если-бы ея король искалъ для себя опоры въ либеральномъ и просвѣщенномъ среднѣмъ сословіи, а не въ узкой сферѣ аристократовъ, ревностныхъ протестантовъ, чиновниковъ и ученыхъ. Если-бы управляемая на основаніи конституціи, Пруссія ввела у себя свободу совѣсти и преподаванія, соединилась съ Германіей въ одно цѣлое и взяла подъ свою защиту мелкія средне-европейскія государства, она сдѣлалась бы посредницей между востокомъ и западомъ и пріобрѣла-бы господствующее вліяніе; но, примкнувши къ абсолютнымъ восточнымъ монархіямъ, она заняла второстепенное положеніе среди европейскихъ государствъ.—Россія, наводившая страхъ на демократовъ и служившая опорой для тѣхъ правительствъ, которыя стремились къ абсолютизму, обладала внутренней силой подъ управленіемъ самодержца, а во внѣшнихъ дѣлахъ была вліятельна благодаря своимъ матеріальнымъ средствамъ и своей дипломатической мудрости. Императоръ Николай хотѣлъ, чтобъ русская національность достигла цивилизаціи своими собственными силами и чтобъ съ нею слились въ одно цѣлое всѣ подвластныя ей племена, не схожія съ ней языкомъ и религіей; будучи неограниченнымъ властелиномъ надъ государствомъ и церковью, онъ управлялъ своей громадной имперіей силою своей твердой воли; передъ нимъ преклонялись съ одинакой безусловной покорностью и богатое дворянство и невѣжественное духовенство и полудикое сельское населеніе, состоявшее большею частію изъ крѣпостныхъ.—Польша, вычеркнутая тремя абсолютными монархіями изъ ряда самостоятельныхъ государствъ, оставалась и въ своемъ раздробленномъ видѣ опасной для тѣхъ правительствъ, которыя расши-

рили свои владѣнія на ея счетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ польское королевство было покорено Россіей, надежды польскихъ эмигрантовъ сосредоточились на городѣ Краковѣ, который былъ поставленъ подъ охрану трехъ сосѣднихъ государствъ въ качествѣ республики, а для эмигрантовъ былъ особенно привлекателенъ тѣмъ, что въ немъ находились гробницы старыхъ польскихъ королей, что съ его именемъ соединялось не мало патріотическихъ воспоминаній и что онъ былъ послѣднимъ столбомъ, уцѣлѣвшимъ отъ развалинъ всей польской націи.

Государства второстепенныя и третьестепенныя имѣли незначитель- Среднія и мел-
ное вліяніе на внѣшнюю исторію европейскихъ націй. Такъ какъ Гер- кія государ-
манія не имѣла одной центральной правительственной власти, не вела ства.
внѣшнихъ войнъ и не имѣла одной внѣшней политики, то ея ум-
ственная производительность ограничивалась сферами церковной и
литературной, въ которыхъ велась горячая борьба.—Испанія и Пор-
тугалія, обезсиленные междоусобицами и борьбой изъ-за конституціи,
подчинялись вліянію Франціи и Англіи. Когда, по случаю поѣздки Сент. 1833.
русскаго императора въ Богемію, сѣверо-восточныя державы заклю-
чили въ Мюнхенгрецѣ договоръ, по видимому, съ цѣлію возобновить
Священный Союзъ противъ западныхъ конституціонныхъ государствъ,
тогда Англія и Франція заключили съ Португаліей и съ Испаніей Апрель 1834.
четверной союзъ для охраны конституціоннаго принципа на Пире-
нейскомъ полуостровѣ отъ правительствъ петербургскаго, вѣнскаго
и берлинскаго, поддерживавшихъ партіи абсолютистовъ. Однако обѣ
великія державы избѣгали всякаго непосредственнаго вмѣшательства
въ португальскія и испанскія дѣла. Когда Марія Христина обратилась
въ 1835 году къ Франціи съ просьбою помочь ей въ борьбѣ съ кар-
листами, Луи Филиппъ ограничился увѣреніями въ своихъ «добрыхъ
желаніяхъ».—Англія и Франція постоянно покровительствовали и Бель-
гій, старательно охранявшей свои демократическія вольности отъ влі-
янія духовенства и радовавшейся процвѣтанію своей промышленности
и искусствъ подъ управленіемъ иноземнаго конституціоннаго монарха;
а Голландія (Нидерланды), сильно страдавшая отъ разстройства фи-
нансовъ, не могла помѣшать своему наследственному монарху изъ
Оранскаго дома, королю Вильгельму I вывезти за границу милліоны
послѣ того, какъ онъ отрекся отъ престола въ пользу своего сына. Окт. 1840.
Онъ въ теченіе десяти лѣтъ причинялъ Бельгій большой вредъ, воз-
буждая въ ней клерикальную агитацію, а потомъ женился въ Берлинѣ
на ревностной католичкѣ графинѣ д'Ультремонъ.—Скандинавскіе пра-
вители стокгольмскій и копенгагенскій, находившіеся въ дружествен-
ныхъ отношеніяхъ съ Россіей, не имѣли большого вліянія на евро-
пейскую политику: ихъ власть была слаба частію по причинѣ издавна
пріобрѣтенныхъ ихъ подданными вольностей и правъ, частію по при-
чинѣ неопредѣленности порядка престолонаслѣдія.—Въ Италіи, «ко-
торую, по видимому, сама природа украсила, какъ украшаютъ жер-

твенныхъ животныхъ», скоро заглохли надежды патріотовъ, пробужденныя іюльской революціей. Возстанія въ Болоньѣ, въ Моденѣ и въ Пармѣ были скоро подавлены австрійскими войсками, а выгнанные изъ двухъ послѣднихъ городовъ правители были возстановлены въ своихъ правахъ. Но когда правительство папы Григорія XVI оставило безъ вниманія совѣтъ европейскихъ державъ успокоить народъ введеніемъ сообразныхъ съ требованіями времени реформъ, тогда снова взяли за мечъ жители легатствъ, доведенные до отчаянія деспотизмомъ католическаго духовенства. Противъ мятежниковъ были высланы папскія наемныя войска, которыя стали совершать такіа безчинства, что для спасенія римскаго правительства и папской области отъ ихъ собственныхъ солдатъ понадобилось вмѣшательство австрійскихъ войскъ. Чтобы не допустить исключительнаго господства Австріи надъ Италіей, былъ отправленъ французскій экспедиціонный отрядъ, который завладѣлъ Анконой благодаря неожиданности нападенія. И Франція, находившая для себя опору въ старыхъ воспоминаніяхъ, и Англія, искавшая широкаго рынка для сбыта своихъ товаровъ, не теряли изъ виду Италіи и поддерживали въ ней надежды либераловъ; но близость и военное могущество Австріи, стоявшія въ Неаполѣ и въ Римѣ наёмныя швейцарскія войска, и влеченіе мѣстныхъ правителей къ военному деспотизму ослабляли вліяніе западныхъ державъ и дѣлали тщетными всѣ возстанія, всѣ попытки реформъ. Отрядъ изъ эмигрантовъ польскихъ, итальянскихъ и нѣмецкихъ, находившійся подъ начальствомъ генуэзскаго уроженца, польскаго генерала Раморино (XIV, 899) и руководствовавшійся внушеніями агитатора и заговорщика Маццини, вторгнулся изъ Швейцаріи въ Савойю съ цѣлію свергнуть сардинскую династію съ престола и въ союзѣ съ «молодой Италіей» вызвать революцію во всей странѣ; но это предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ какъ по недостатку зрѣло обдуманнаго плана, такъ и вслѣдствіе бдительности сардинскихъ властей и равнодушія савойскаго населенія. Раморино былъ отвергнутъ своей собственной партіей, какъ измѣнникъ, велъ жизнь искателя приключеній и по прошествіи пятнадцати лѣтъ умеръ въ Италіи трагическою смертію.—Греческое королевство—это неудачное твореніе европейской дипломатіи—не было въ состояніи возвыситься до одного уровня съ тѣми цивилизованными государствами, отъ которыхъ заимствовало внѣшнія формы государственнаго устройства; но въ то-же время оно старалось положить конецъ варварству и разбоямъ стараго времени. Аѳины съ своими развалинами, напоминавшими о славномъ прошедшемъ, были назначены резиденціей для новаго королевскаго дома, а вновь основанный университетъ обратился къ помощи нѣмецкаго образованія для того, чтобъ возстановить культуру и гуманныя идеи тамъ, гдѣ когда-то была ихъ колыбель. Но народъ, съ завистью смотрѣвшій на иноземцевъ, занимавшихъ

23 февр.
1832.

1—3 февр.
1834.

высшія должности при дворѣ, въ гражданской и въ военной службѣ, выгналъ представителей нѣмецкой культуры посредствомъ новой революціи, предпринятой въ защиту національной свободы; а греческое государство, подчинявшееся вліянію то Англіи, то Франціи, то Россіи, то Оттоманской Порты, не было въ состояніи достигнуть самостоятельнаго положенія не смотря на то, что пользовалось конституціонными учрежденіями, религіозной терпимостью и другими благами, составляющими принадлежность свободной націи. Лордъ Пальмерстонъ завидовалъ французскому вліянію, которое старался поддерживать въ Греціи бывший вождь паликаровъ Колеттисъ, въ теченіи многихъ лѣтъ занимавшій постъ греческаго посланника въ Парижѣ, а потомъ стоявшій въ Греціи во главѣ аѳинскаго министерства; Пальмерстонъ относился съ недовѣріемъ и къ хитрой русской дипломатіи; поэтому, чтобъ поддерживать авторитетъ Англіи, онъ подвергалъ слабое греческое королевство и слабое аѳинское правительство безжалостному политическому гнѣту. Когда домъ находившагося подъ покровительствомъ Англіи, португальскаго еврея донъ-Пасифико былъ ограбленъ и разрушенъ чернью, англійская эскадра появилась въ Пирей и принудила аѳинское правительство уплатить не только вознагражденіе еврею, но и остававшіеся въ недоимкѣ проценты государственнаго долга.—Царство Османовъ не столько цивилизовалось, сколько ослабѣло отъ введенія европейскихъ учрежденій; оно неудержимо приближалось къ распаденію, отъ котораго его предохраняло только взаимное соперничество европейскихъ державъ. При вступленіи на престолъ молодого Абдулъ-Меджида «министръ-реформаторъ» Решидъ-паша торжественно обнародовалъ подписанный въ кіоскѣ Гюлгане (домъ розъ) султанскій гаттишерифъ, посредствомъ котораго надѣялся превратить феодальное царство Османовъ въ культурное государство по образцу западныхъ монархій; но это была лишь обманчивая мечта, не имѣвшая никакихъ практическихъ послѣдствій.

Сент 1843.

Весной
1847.

3 ноября
1839.

Старая федеральная республика Швейцарія, въ которой отдѣльные кантоны были связаны между собою лишь очень слабыми узами, подверглась, послѣ іюльской революціи, сильнымъ внутреннимъ потрясеніямъ: аристократическія правительства и учрежденія, существовавшія въ большей части кантоновъ, были замѣнены демократическими (XIV, 871); а вслѣдствіе того, что Швейцарія служила убѣжищемъ для политическихъ изгнанниковъ и скитальцевъ всякаго рода, сосѣднія государства часто обращались къ ней съ угрозами за то, что ея сеймъ не мѣшалъ иностраннымъ выходцамъ заниматься политическими интригами, употреблять во зло право убѣжища и дѣлать изъ Швейцаріи средоточіе мятежническихъ замысловъ. Сосѣднія правительства иногда прибѣгали къ временному запрещенію кого-либо пропускать черезъ швейцарскую границу. Франція принимала швейцарскую республику подъ свою защиту въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,

Республики.

пока во главѣ управленія стоялъ герцогъ Брольи, относившійся дружелюбно къ Швейцаріи въ качествѣ зятя г-жи Сталь-Неккеръ, которая вела свое происхожденіе отъ швейцарскихъ уроженцевъ; но когда Луи-Филиппъ, не питавшій никакой признательности къ странѣ, когда-то доставившей ему безопасное убѣжище, сталъ руководствоваться преимущественно своими династическими интересами и угрожать легитимнымъ монархамъ, тогда и тюльерійское правительство стало, черезъ посредство своего посланника Монтебелло, относиться враждебно къ нейтральной странѣ, гдѣ стекались политическіе изгнанники и откуда велась революціонная пропаганда. Съ теченіемъ времени консерваторы снова ободрились: согласовавши ретроградныя цѣли съ стремленіями строго-церковной партіи — и католическихъ ультрамонтановъ и протестантской ортодоксіи, они снова достигли господствующаго положенія и сохранили его до той поры, когда война Зондербунда снова доставила перевѣсъ демократическимъ стремленіямъ къ централизаціи.—Свободная сѣверная Америка, служившая убѣжищемъ для гонимыхъ демократовъ и либераловъ, для страждущихъ и угнетенныхъ, достигла высокой степени матеріальнаго благосостоянія благодаря своей политической и религіозной свободѣ. Административная власть, сосредоточенная въ рукахъ президента, избиравшагося черезъ каждые четыре года всѣмъ населеніемъ, и законодательная власть, раздѣленная между сенатомъ и палатой депутатовъ, направляли свою дѣятельность преимущественно къ внѣшнему процвѣтанію молодой республики, къ развитію торговли и промышленности, къ облегченію торговыхъ сношеній посредствомъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ и каналовъ, къ расширенію государства посредствомъ завоеваній или добровольныхъ вступленій въ его составъ, къ организаціи военныхъ силъ, состоявшихъ изъ набранныхъ рекрутъ и изъ милицій, и къ улучшеніямъ въ отправленіи правосудія; но онѣ предоставляли общинамъ заботы о внутреннихъ благахъ — о религіи и просвѣщеніи, о церквахъ и школахъ. Всѣ религіи, секты и вѣроисповѣданія, начиная съ самой суевѣрной ортодоксіи и кончая самымъ поверхностнымъ раціонализмомъ, безпрепятственно возвышали тамъ свой голосъ, находили послѣдователей и устраивали церковныя общины. Народное образованіе хотя и находилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще въ зародышѣ, но вообще успѣшно развивалось благодаря разумной и гуманной о немъ заботливости. Въ торговлѣ и въ мореплаваніи Америка соперничала съ Англіей, изъ которой происходила самая солидная часть ея населенія и къ которой она все еще относилась съ старой національной завистью; эта зависть снова обнаружилась по случаю спора изъ-за обладанія областью Орегона на рѣкѣ Колумбін, гдѣ находилась колонія Асторія, основанная для мѣховой торговли. Мало-населенную страну долго эксплуатировали и Американцы и Англичане для расширенія мѣховой торговли, но ни тѣ, ни другіе

не заботились о разъясненіи вопроса, которой изъ двухъ націй принадлежитъ право собственности на эксплуатируемую мѣстность. Только послѣ того, какъ жители долины Миссиссиппи расширили свои поселенія до верховьевъ Миссури и, перебравшись черезъ Скалистыя горы, достигли береговъ Тихаго океана, для всѣхъ стало ясно выгодное положеніе прибрежныхъ странъ для торговли съ Азіей. Соединенные Штаты и Англія предъявили свои притязанія на вновь заселившіяся страны и только благодаря умѣренности британскаго правительства спорный вопросъ былъ разрѣшенъ не силою оружія, а путемъ соглашенія. Когда Соединенные Штаты потребовали отъ Франціи вознагражденія за убытки, причиненные имъ континентальной системой, ихъ требованіе было удовлетворено іюльскимъ правительствомъ. Съ Техасомъ, — прежде принадлежавшимъ Мексикѣ, а потомъ пріобрѣвшимъ независимость благодаря успѣшному возстанію, — конгрессъ заключилъ договоръ, на основаніи котораго эта рабовладѣльческая страна была присоединена къ Соединеннымъ Штатамъ; тогда между сѣверо-американской республикой и раздраемой внутренними междоусобицами мексиканской республикой возгорѣлась кровопролитная война, окончившаяся взятіемъ мексиканской столицы и значительнымъ расширеніемъ Соединенныхъ Штатовъ въ западномъ направленіи. О томъ, что народы испанскаго происхожденія не были способны къ республиканскому самоуправленію, свидѣтельствовало положеніе прежнихъ испанскихъ владѣній въ сѣверной, центральной и южной Америкѣ: населеніе этихъ странъ обнаруживало одинакую съ жителями прежней метрополіи нравственную распущенность, склонность къ внутреннимъ раздорамъ и безчинствамъ; тамъ господствовали попеременно то анархія, то диктаторская власть, а партійная вражда, склонность къ мятежу и безпрестанно возобновлявшіяся междоусобныя войны препятствовали водворенію законной свободы и прочнаго порядка.

1847.

Но какъ ни были разнообразны формы правленія въ различныхъ государствахъ, никакая правительственная власть не была въ состоя-
ніи совершенно устранить вліяніе новой силы, возникшей со временъ французской революціи и постоянно пріобрѣтавшей болѣе широкій объемъ и значеніе по мѣрѣ того, какъ распространялась цивилизація и усиливалась дѣятельность прессы. Такой силой было общественное мнѣніе; оно требовало правильно организованной политической свободы съ охраной національных особенностей, равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ, участія народа въ государственной жизни, уваженія къ свободѣ отдѣльныхъ личностей въ области религіозной и церковной, научной и экономической. Периодическая печать, журналы и газеты стали пріобрѣтать въ нашемъ вѣкѣ все болѣе важное значеніе въ качествѣ поборниковъ просвѣщенія и представителей умственныхъ интересовъ. Ежедневныя, еженедѣльные и ежемѣсячныя изданія, получающія и развлекающія читателей статьями всякаго рода, и поли-

Общественное
мнѣніе и га-
зеты.

тическими и научными и сельско-хозяйственными, достигли громаднаго распространенія и проникли въ такія сферы, куда не легко проникаютъ болѣе серьезныя, но и болѣе тяжеловѣсныя сочиненія, издающіяся отдѣльными книгами. Нельзя отвергать того, что дешевая журнальная литература, удовлетворяющая потребность публики въ легкомъ чтеніи и въ разнообразіи сюжетовъ, является могущественнымъ двигателемъ культуры благодаря своему широкому распространенію и своей способности слѣдить за современными умственными стремленіями и интересами; но съ другой стороны возникаетъ опасеніе, чтобъ такая литература не вносила въ умственную жизнь нѣкоторой поверхности сужденій, недостатка въ глубинѣ и въ зрѣлости идей. Однако это опасеніе исчезаетъ въ виду безконечнаго разнообразія просвѣтительныхъ идей, проникающихъ этимъ путемъ въ народныя массы. Ни въ какой другой сферѣ періодическая печать не приобрѣтала такого-же важнаго значенія и не обнаруживала такой-же усиленной дѣятельности, какъ въ политической. Политическая печать, достигшая въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій блестящаго развитія и въ техническомъ и въ умственномъ отношеніяхъ и служащая отголоскомъ для всей общественной жизни въ самыхъ разностороннихъ ея направленіяхъ, сдѣлалась великою силой, вліяніе которой неизмѣримо. Громадныя улучшенія въ нашихъ общественныхъ учрежденіяхъ, прогрессивныя реформы въ строѣ нашей государственной жизни и успѣшныя результаты умственной работы во всѣхъ сферахъ человеческой дѣятельности были возможны только при содѣйствіи газетъ, постоянно поучавшихъ, просвѣщавшихъ и толкавшихъ впередъ народныя массы. Въ Германіи зачатки періодической политической прессы возникли еще въ шестнадцатомъ столѣтіи; происходившая въ то время горячая умственная борьба, распространявшееся просвѣщеніе и пылкая воспріимчивость поколѣнія, жившаго въ эпоху реформацій, создали необходимость скорыхъ и легко доступныхъ сообщеній о современныхъ событіяхъ. Но для того, чтобъ изъ этихъ слабыхъ зачатковъ могло развиваться газетное дѣло до своихъ теперешнихъ размѣровъ, конечно, нужно было много времени, — нужно было ввести огромныя усовершенствованія въ технику печатнаго искусства, въ устройствѣ почтъ и телеграфовъ, и усилить интересъ народа къ событіямъ общественной жизни. Кромѣ того, прессѣ приходилось вести трудную борьбу съ ретроградными стремленіями правительствъ, выносить угнетенія, преслѣдованія, цензурныя стѣсненія, обременительныя пошлины и подчиняться предохранительнымъ мѣрамъ всякаго рода, пока она не достигла свободы въ томъ удовлетворительномъ размѣрѣ, какой ей предоставленъ у насъ въ настоящее время. Въ широкомъ развитіи этого самаго новаго изъ всѣхъ видовъ литературы успѣшно соперничали съ Германіей другія культурныя страны; нѣкоторыя изъ этихъ странъ, въ которыхъ интересъ къ явленіямъ об-

щественной жизни пробудился ранѣе, даже опередили насъ на этомъ поприщѣ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превзошли нѣмецкую публицистику.

При прежней политикѣ, государства раздѣлялись на области по произволу правителей, на отличительныя племенные особенности не обращалось большого вниманія, при заключеніи мирныхъ договоровъ принималось въ соображеніе только географическое положеніе странъ, а не происхожденіе, языкъ и національныя особенности ихъ населенія; напротивъ того, въ новое время народы стали требовать раздѣленія разнородныхъ провинцій, самостоятельности національностей и племенъ подъ особымъ управленіемъ, сохраненія племенныхъ отличій и языковъ. Правительства, старавшіяся соединять жителей покоренныхъ провинцій въ одно цѣлое съ господствующимъ племенемъ и, мало по малу, вытѣсняя языкъ, нравы, учрежденія побѣжденныхъ, создавать государства, состоящія изъ однородныхъ составныхъ частей, встрѣчали сопротивленіе со стороны угнетаемыхъ и усиливали въ нихъ желаніе сохранять языкъ, нравы и преданія предковъ. Эта система возбуждала въ господствующемъ племени стремленія къ партикуляризму и вызывала борьбу между различными національностями, усиливая ихъ взаимную племенную ненависть. Только Франціи не пришлось много страдать отъ такой внутренней политики, потому что кровавая суровость великой революціи подавила партикуляризмъ и мѣстные интересы отдѣльныхъ провинцій,—потому что стремленія къ обособленности не находили поддержки среди націи, имѣвшей достаточно патріотизма и политическаго такта, чтобъ понимать, что величіе государства зависитъ отъ его способности направлять всѣ его силы къ одной цѣли, а нѣмецкое населеніе восточныхъ провинцій Лотарингіи и Эльзаса терпѣливо и безъ сопротивленія выносило старанія парижскаго правительства уничтожать всѣ племенные несходства. Тѣмъ рѣзче обнаруживались національныя противоположности въ Бельгій, гдѣ онѣ имѣли послѣдствіемъ не только отдѣленіе отъ Голландіи, но также усиленное развитіе фламандскаго языка и литературы для борьбы съ возрастающимъ преобладаніемъ французскаго языка и литературы.—Въ Великобританіи различныя расы слились въ одно могущественное цѣлое; но въ Ирландіи католическіе потомки кельтовъ не переставали питать непримиримую вражду къ протестантскимъ потомкамъ Саксовъ, между тѣмъ какъ въ Валлисѣ и среди шотландскихъ горцевъ древній (гельскій) мѣстный языкъ былъ только предметомъ научныхъ изслѣдованій и по большей мѣрѣ сохранялся въ народныхъ пѣсняхъ или оставался въ употребленіи въ нѣкоторыхъ уединенныхъ долинахъ.—Даже въ Испаніи, не смотря на замкнутость ея географическаго положенія и на ея національную обособленность, жившіе въ горахъ Баски отстаивали свои старинныя вольности и права противъ болѣе сильныхъ южанъ, а въ Арагоніи и въ Ката-

Борьба національностей.

Франція.

Бельгія.

Великобританія.

Испанія.

лоніи снова стала обнаруживаться старая національная зависть и ненависть къ сосѣднимъ Кастиліянцамъ.

Германія. Національное чувство проявлялось всего сильнѣе у тѣхъ народовъ, у которыхъ оно не находило для себя никакого удовлетворенія при разчлененіи и безсиліи государственнаго организма, — у Нѣмцевъ и у Итальянцевъ. Стремленія къ объединенію, которыя были такъ долго подавлены въ нѣмецкой націи, снова пробудились подъ вліяніемъ событій въ Шлезвигъ-Гольштинскихъ герцогствахъ, храбро отстаивавшихъ свои старинныя учрежденія противъ властолюбія Датчанъ. На

Италія. Апеннинскомъ полуостровѣ мысль объ объединеніи Италіи, распространившаяся еще во времена французскаго владычества при содѣйствіи общества карбонаріевъ, пріобрѣтала все болѣе многочисленныхъ приверженцевъ въ особенности со времени возникновенія общества «молодой Италіи», подчинявшагося вліянію ловкаго и отважнаго Маццини. Соединеніе всѣхъ итальянскихъ провинцій въ одно цѣлое — или въ формѣ монархіи или въ формѣ союзнаго государства, въ которомъ каждая составная часть имѣла-бы свою особую республиканскую или монархическую конституцію — сдѣлалось лозунгомъ дня, а ненависть къ «Нѣмцамъ» (Австрійцамъ) сдѣлалась содержаніемъ всѣхъ публичныхъ рѣчей и отличительною особенностью всѣхъ патріотовъ.

Самая упорная борьба національностей велась на востокѣ, гдѣ закоренѣлыя несправедливости и непрекращавшіяся въ теченіе многихъ столѣтій угнетенія разжигали страсти, гдѣ сила цивилизаціи не всегда могла сдерживать вспышки грубыхъ натуръ, и гдѣ со времени великаго переселенія народовъ жила пестрая смѣсь различныхъ племенъ, относившихся одно къ другому чаще враждебно, чѣмъ дружелюбно. Тамъ боролись между собою изъ-за господства или изъ-за сохраненія своей независимости Германцы, Славяне и Мадьяры. Въ странахъ, когда-то входившихъ въ составъ Польскаго королевства, Нѣмцамъ приходилось отстаивать отъ польскаго фанатизма и свою національность и свою болѣе высокую культуру; свой языкъ, свои нравы и учрежденія они должны были охранять въ Венгріи и въ Трансильваніи отъ нападений Мадьяръ, въ другихъ частяхъ австрійской монархіи отъ ненависти и зависти славянскихъ племенъ, въ особенности Чеховъ, въ Балтійскихъ провинціяхъ отъ Русскихъ. Сла-

Славяне. вянское племя составляетъ большинство населенія въ восточныхъ странахъ, но оно является господствующимъ только въ Россіи и въ нѣкоторыхъ небольшихъ государствахъ Балканскаго полуострова. Древняя Польша погибла отъ внутреннихъ неурядицъ и внѣшнихъ насилій, а всѣ попытки предприимчивыхъ эмигрантовъ возвратить жизнь разсѣченному на части трупъ оказались безплодными. Остальные Славяне болѣею частію живутъ разсѣянными подъ различными названіями по всей австрійской имперіи, не обнаруживая сильнаго влеченія къ благамъ цивилизаціи. Они недостаточно сильны для того, чтобъ

высвободиться изъ-подъ господства Нѣмцевъ, обусловленнаго болѣе высокою культурой, и вмѣстѣ съ тѣмъ неспособны отказаться отъ своихъ національных особенностей для того, чтобъ усвоить нѣмецкую культуру; поэтому они повсюду относятся съ ненавистью и къ Нѣмцамъ и къ другимъ національностямъ. Попытка богемскихъ Чеховъ освободиться отъ нѣмецкаго вліянія при помощи кровавой революціи и взять управленіе страной въ свои собственные руки окончилась ихъ пораженіемъ. Съ тѣхъ поръ они съ ожесточеніемъ держатъ сторону оппозиціи противъ австрійскаго правительства. Широко-развѣтвившееся общество панславистовъ старалось поддерживать въ разсѣянныхъ по различнымъ странамъ славянскихъ племенахъ сознание общности ихъ происхожденія и интересовъ и воодушевить ихъ стремленіемъ къ великой цѣли національнаго единства. Панславизмъ, сначала возбуждавшій въ Петербургѣ недовѣріе и опасенія, сталъ впослѣдствіи служить орудіемъ для русской политики. Русское правительство относилось къ этому движенію все съ болѣе дружескимъ и съумѣло расположить къ себѣ живущихъ въ Галиціи и въ Дунайскихъ княжествахъ Славянъ, напоминая имъ о племенномъ и религіозномъ съ ними родствѣ. Русскіе и почти все славянскія племена принадлежатъ къ греческой православной церкви, а богослуженіе совершается у нихъ на родномъ языкѣ; напротивъ того, Поляки принадлежатъ къ римско-католической церкви, которая чтитъ въ лицѣ папы своего главу. Благодаря рвенію польской пропаганды и дѣятельности іезуитовъ, многіе изъ Славянъ, — въ особенности тѣ, которые живутъ въ Галиціи, въ сѣверной Венгріи и въ южной Россіи, — были силою и обманомъ присоединены подъ названіемъ униатовъ къ римской церкви. — Мадьяры господствуютъ въ Венгріи преимущественно на пло-

Мадьяры.

лять только мѣстные продукты для пищи, одежды и домашняго хозяйства. Они упорно и мужественно отстаивали свои наслѣдственные вольности и права, но руководствовались не столько чувствомъ справедливости, сколько властолюбіемъ, отказывая подчиненнымъ племенамъ въ тѣхъ благахъ, которыхъ такъ настойчиво требовали для самихъ себя. Они запретили употребленіе латинскаго языка въ своемъ сеймѣ и замѣнили его мадьярскимъ языкомъ, не обращая вниманія на племена, говорящія на своихъ собственныхъ языкахъ; они настаивали на томъ, что только мадьярами слѣдуетъ замѣщать высшія военныя и гражданскія должности, а стараясь все болѣе и болѣе ослаблять узы, связывавшія ихъ съ Австрійской имперіей, они въ то-же время старались упрочивать свое собственное господство.

2. Неравенство общественныхъ положеній и соціалистическіе проекты реформъ.

Литература: *Louis Reybaud, Études sur les Réformateurs ou Socialistes modernes. Par. 1864, 2 части.*—*L. Stein, Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreich. Leipzig 1848.* Тотъ-же сюжетъ болѣе подробно обработанъ въ трехъ-томномъ сочиненіи того-же автора: *Geschichte der sozialen Bewegung in Frankreich, Leipzig 1850* и сл.; здѣсь перечислены всѣ сочиненія какъ основателей соціальной системы, такъ и тѣхъ нѣмецкихъ писателей, которые разбирали ее.—*K. Grün, Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien. Darmst. 1845.*—*Johannes Huber, Sozialismus und Kommunismus;* это сочиненіе помѣщено у *Bluntschli u Brater'a* въ *Staatswörterbuch*, часть 9.

Зачатки стрем-
леній къ рав-
номѣрному
раздѣленію соб-
ственности.

Неравенство состояній было во всѣ времена предметомъ философскихъ размышленій и причиной междоусобицъ. Изъ исторіи древнихъ временъ и Среднихъ вѣковъ намъ уже извѣстно, что бѣдняки и угнетенные, рабы и крѣпостные люди пытались силою оружія добиться уравниенія собственности и человѣческихъ правъ, что крестьянская война возникла изъ желанія снять съ тѣла и съ души узы, наложенныя на нихъ силою и обычаями. Да и со временъ Платона, Томаса Мора, Кампанеллы и другихъ философовъ и филантроповъ не было недостатка въ проектахъ, составлявшихся съ цѣлію избавить міръ отъ этихъ наслѣдственныхъ золъ. Но это были единичныя явленія, не имѣвшія прочнаго вліянія на исторію развитія человѣчества. И въ предшествовавшіе французской революціи годы внутреннихъ тревогъ, когда отважные умы подвергали весь строй общественной жизни своему скептическому анализу, возникали проекты улучшить положеніе народныхъ массъ и ввести болѣе справедливые и болѣе разумные порядки. Въ сочиненіи *Le code de la nature*, которое долго приписывали Дидро, но авторомъ котораго былъ аббатъ Мо-

фелли, находились всѣ зачатки позднѣйшихъ социалистическихъ теорій: тамъ есть намеки и на уничтоженіе личной собственности, и на общность имущества, и на обязательный для каждаго трудъ, и на общественное воспитаніе, и на всеобщее равенство, и на раздѣленіе націи на семейства, племена, города и провинціи, и на право каждаго пользоваться землею. Всѣ сочиненія этого рода, — со включеніемъ «Принциповъ законодательства», изложенныхъ братомъ Кондильяка, Мабли, который утверждалъ, что частная собственность несовмѣстима съ понятіемъ о гражданскомъ равенствѣ, — были продуктами богатаго новыми идеями времени, но имѣли лишь скоропреходящее вліяніе; это были продукты мечтаній объ основаніи Платоновской республики для исцѣленія недуговъ, которыми страдалъ тотъ вѣкъ, нуждавшійся въ реформахъ. Однако, подобно тому, какъ въ политической жизни впослѣдствіи пытались осуществлять принципы Руссо, и въ социальной сферѣ не прошли безслѣдно возбужденные вопросы и новыя теоріи.

Французская революція девяностыхъ годовъ была материнскими нѣдрами для новѣйшаго социализма и коммунизма, который развился во Франціи, въ этой отчизнѣ теорій и системъ, а оттуда съ теченіемъ времени проникъ и къ другимъ народамъ. А эти системы новаго общественного строя облекались, въ періоды умственного броженія, въ философскія умозрѣнія и стремились къ практическому примѣненію. Мы уже ранѣе говорили о томъ, что во времена террора вожди парижской коммуны пытались осуществить на дѣлѣ принципъ свободы, равенства, братства (XIII, 812 и сл.), что во время владычества директоріи былъ составленъ Гракхомъ Бабёфомъ и «обществомъ равныхъ» проектъ раздѣленія собственности и уравниенія имуществъ (XIII, 889 и сл.). Вѣдь если правительственная власть могла отобрать собственность у привилегированныхъ сословій и употребить ее на общественныя нужды, то она поступила-бы послѣдовательно, если бы распространила эту мѣру и на всю частную собственность. Съ подавленіемъ революціи были отложены въ сторону и коммунистическія требованія; при возникшихъ вслѣдъ за тѣмъ буряхъ не было благоприятной почвы для такихъ стремленій. Только послѣ паденія республики и Наполеоновскаго военного владычества, когда настало продолжительное мирное время, на социальные вопросы было обращено болѣе серьезное вниманіе. Тогда оказалось, что дѣйствительность находилась въ рѣзкомъ противорѣчій съ возвышенными принципами революціи, что золотой вѣкъ, который, какъ надѣялись, долженъ былъ возникнуть изъ развалинъ стараго феодальнаго режима, былъ очень далекъ отъ своего осуществленія. Вмѣсто ожидавшагося благоденствія разверзлась бездна нужды и бѣдствій.

Большая французская революція, стремившаяся къ практическому осуществленію принциповъ свободы и равенства, разбила оковы, на-

Французская революція и социальный вопросъ.

Пауперизмъ и пролетаріатъ.

ложенныя прежними поколѣніями на людей низкаго происхожденія и бѣдняковъ, и уравнила въ правахъ съ высшими сословіями тѣ классы населенія, которые жили ручнымъ трудомъ. Тогда выступили на поприще общественной дѣятельности, въ качествѣ равноправныхъ гражданъ, тѣ люди, которые необходимы въ человѣческомъ обществѣ для исполненія тяжелыхъ физическихъ работъ и для удовлетворенія низшихъ житейскихъ потребностей, — тѣ люди, которые въ древнихъ республикахъ были безправными рабами, а въ Средніе вѣка были частію крѣпостными крестьянами, частію простыми рабочими и холопами безъ политическихъ правъ, безъ собственности и безъ личной свободы; теперь они стали предъявлять притязанія на право независимаго существованія работою, на основаніе семействъ посредствомъ вступленія въ браки, — то-есть такія притязанія, которые прежде оставались безъ вниманія и подвергались существеннымъ ограниченіямъ. Когда революціонныя бури стихли, земледѣліе и промышленность снова стали процвѣтать, а развитіе мирныхъ искусствъ доставило средства для житейскихъ наслажденій и роскоши, тогда стали обнаруживаться послѣдствія уничтоженія прежнихъ общественныхъ узъ. Безпредѣльная возможность дѣлить недвижимую собственность и равное участіе всѣхъ дѣтей въ дѣлѣжѣ наслѣдствъ увеличили до безконечности сословіе землевладѣльцевъ и создали свободное крестьянское сословіе съ мелкою земельною собственностью. Это явленіе, сначала казавшееся радостнымъ, сдѣлалось источникомъ страшныхъ бѣдствій. Съ каждымъ новымъ поколѣніемъ земельная собственность стала подвергаться новымъ раздѣламъ и дошла до такихъ ничтожныхъ размѣровъ, что рѣдко могла прокармливать цѣлыя семейства; тогда свободные крестьяне стали мало-по-малу превращаться въ подѣнщиковъ, положеніе которыхъ было гораздо хуже положенія прежнихъ крѣпостныхъ: вѣдь эти послѣдніе въ случаѣ нужды, болѣзни или какого-нибудь несчастія получали помощь отъ помѣщиковъ и на основаніи старыхъ феодальныхъ законовъ и вслѣдствіе того, что ихъ связывали съ помѣщиками чувства взаимной привязанности; а свободные подѣнщики должны были рассчитывать только на свои собственные силы и, сверхъ того, должны были уплачивать съ своего ничтожнаго имущества и съ своихъ мазанокъ значительныя подати государству и общинамъ, не говоря уже о томъ, что въ нѣкоторыхъ странахъ присоединялись къ этимъ взысканіямъ десятинные подати и феодальные налоги. Нужда вовлекала въ долги; если крестьянинъ попадалъ въ руки ростовщиковъ и жидовъ, то онъ черезъ нѣсколько лѣтъ оставался безъ всякой собственности; въ лучшемъ случаѣ, онъ беззаботно влачилъ свое существованіе до старости и, умирая, оставлялъ свое семейство въ нищетѣ. Еще хуже было положеніе рабочихъ въ городахъ. Вслѣдствіе уничтоженія цеховыхъ и всякихъ другихъ стѣсненій, до такой степени увеличилось число свободныхъ ра-

ботниковъ и ремесленниковъ, что между ними возникла до крайности невыгодная для нихъ конкуренція, которая, въ связи съ удешевленіемъ фабричныхъ произведеній со времени употребленія машинъ, до такой степени понизила заработную плату, что ремесленникъ уже не былъ въ состояніи прокармливать свое семейство; такимъ образомъ, не только онъ лишился своей земельной собственности, но и сословіе, къ которому онъ принадлежалъ, утратило свою прежнюю солидную репутацію вслѣдствіе наплыва неспособныхъ рабочихъ. Тогда и землевладѣльцы и люди, у которыхъ не было никакой недвижимой собственности, стали все чаще посвящать свой трудъ фабричной промышленности. А такъ какъ этотъ родъ занятій допускалъ безпредѣльное раздѣленіе труда и доставлялъ искуснымъ работникамъ болѣе значительный доходъ, то ремесленники стали все чаще поступать въ работу къ богатымъ фабрикантамъ; число этихъ послѣднихъ стало увеличиваться съ каждымъ днемъ, потому что, въ виду усиливавшагося вліянія капиталовъ и уменьшенія сословныхъ и землевладѣльческихъ правъ, высшія сословія стали употреблять свои состоянія преимущественно на выгодныя предпріятія этого рода. Такимъ образомъ, реставрація сдѣлалась періодомъ господства промышленныхъ обществъ, при которомъ все рѣзче обнаруживалась противоположность между капиталомъ и трудомъ. Фабричный рабочій, которому нужно было содержать на свою поденную плату не только самого себя, но въ большинствѣ случаевъ цѣлое семейство, сдѣлался какъ-бы рабочимъ фабриканта, съ которымъ имѣлъ равныя политическія права; никакой законъ не могъ охранить его отъ увольненія; если его физическія силы ослабѣвали, то его поденная плата уменьшалась, а если возникалъ застой въ торговлѣ или финансовый кризисъ, то значительная часть рабочихъ оставалась безъ хлѣба. Капиталъ и крупная промышленность достигли такого могущества, такой деспотической власти, какихъ никогда не достигало ни одно изъ привилегированныхъ сословій. Къ этимъ неблагопріятнымъ для рабочаго класса условіямъ присоединились еще слѣдующія: доведенныя до громадныхъ размѣровъ кредитная система и биржевая спекуляція очень понизили цѣну денегъ; плата, которую получали подѣнщики и работники, далеко не соответствовала барышамъ торговцевъ и фабрикантовъ, а цѣна жизненныхъ потребностей и усиливавшаяся роскошь все расширяли пропасть между богатыми и бѣдными, между сословіями, которыя обладаютъ капиталами, образованіемъ и талантами, и рабочимъ сословіемъ, которое находитъ для себя опору только въ физической силѣ.

Эти соціальныя недуги усилились въ теченіе продолжительнаго мира, когда расширилась сфера промышленной дѣятельности, усилилось вліяніе образованія, а число жителей увеличилось въ громадныхъ размѣрахъ; тогда еще громче стали раздаваться жалобы на усиливавшееся обѣднѣніе низшихъ классовъ (пауперизмъ). Принципы свободы

и равенства, изъ-за которыхъ были пролиты потоки крови, казались еще болѣе, чѣмъ когда-либо, далекими отъ своего практическаго примѣненія. Тогда возникъ вопросъ: что выиграло человѣчество отъ того, что третье сословіе, «буржуазія», сдѣлалось равноправнымъ съ дворянствомъ и съ духовенствомъ, если эти новые граждане, слившись съ частию дворянства, держатъ четвертое сословіе не имѣющихъ никакой собственности рабочихъ (пролетаріевъ) еще въ болѣе тяжелой рабской зависимости, чѣмъ въ какой сами когда-то находились, — если въ государствѣ и въ обществѣ господствуетъ, вмѣсто старыхъ привилегированныхъ сословій, классъ богачей? Развѣ для равноправности есть границы? Развѣ революція отняла у церкви ея владѣнія, у духовенства десятинную подать, у дворянства его земельные доходы только для того, чтобъ обогатить буржуазію, а рабочій классъ поставить въ еще болѣе тяжелую зависимость, чѣмъ прежде? Представителей крупной промышленности упрекали за то, что они превращаютъ людей въ производительный матеріалъ, извлекая для себя выгоды изъ грубой рабочей силы; работники жаловались на то, что свобода промышленности и ничѣмъ не стѣсняемая конкуренція дѣлаютъ ихъ рабами капитала; они говорили, что государство должно обезпечить имъ средства существованія. Такія жалобы рѣдко раздавались въ то время, когда вниманіе народовъ было приковано военными предпріятіями, великими событіями временъ революціи и Наполеоновскаго владычества. Право каждого пріобрѣтать недвижимую собственность признавалось всѣми конституціями временъ революціи и имперіи. Коммунистическая система республиканскаго фанатика Бабефа, основанная на новомъ равномѣрномъ раздѣленіи земель, на матеріальномъ и умственномъ равенствѣ всѣхъ людей, считалась одной изъ многочисленныхъ незрѣлыхъ идей, возникшихъ во время революціи вслѣдствіе сильнаго возбужденія умовъ. Но когда, съ восстановленіемъ внутренняго спокойствія, началась лихорадочная дѣятельность въ сферѣ промышленности, тогда стали все яснѣе обнаруживаться общественные недуги, стала все шире разверзаться пропасть, отдѣляющая богатыхъ отъ бѣдныхъ; тогда стали всё громче раздаваться требованія реформъ со ссылками то на христіанское ученіе о равенствѣ и человѣколюбіи, то на философскія міровоззрѣнія и на историческія данныя, а въ доказательство исполнимости этихъ требованій приводились политико-экономическія соображенія. Тогда исчезло уваженіе къ существующимъ государственнымъ учрежденіямъ; люди, недовольные дѣйствующими законами, стали считать ихъ за тиранническую власть, которую имѣютъ право свергнуть вслѣдствіе необходимости самообороны. Тогда стали проповѣдывать необходимость всемірнаго промышленнаго гражданства, которое должно замѣнить повѣйшую цивилизацію.

Франція, провозгласившая принципъ свободы и равенства, создала Соціалистическія системы соціальныхъ реформъ. Всѣ эти системы, основанныя на неясномъ и многостороннемъ понятіи о равенствѣ, расходились между собою въ двухъ направленіяхъ — въ соціалистическомъ и коммунистическомъ: первыя, не прямо отвергавшія право частной собственности, требовали лучшей организаціи труда, соединенія силъ физическихъ и умственныхъ и такого подчиненія частной собственности требованіямъ общей пользы, при которомъ человѣчество достигло-бы высшей степени благосостоянія, нищета совершенно исчезла-бы и даже самые бѣдные люди не были-бы лишены нѣкоторой доли въ жизненныхъ наслажденіяхъ; вторыя, усматривавшія корень всѣхъ золъ въ личной собственности и въ ея неравномѣрномъ распредѣленіи, требовали ея уничтоженія и надѣялись осуществить на практикѣ принципъ равенства посредствомъ раздѣленія продуктовъ человѣческой дѣятельности и ея подчиненія общественному руководству. Слово равенство, сдѣлавшись тайнымъ лозунгомъ пролетаріевъ. Недовольные идеальнымъ и юридическимъ равенствомъ, они стали стремиться къ равенству матеріальному. «Тогда возникло мнѣніе», — говоритъ Штейнъ, — «что назначеніе человѣка среди матеріи заключается въ обладаніи ею, что это обладаніе есть высшее благо на землѣ и основа всякаго общества. Такимъ образомъ, это мнѣніе подчиняло себѣ не только всѣ науки, но и всѣ человѣческія дѣянія; въ немъ сказывалась старая мысль Дидро, что личный интересъ есть настоящее средоточіе нашего земнаго бытія, а польза служитъ мѣриломъ для всего, — не только для того, что хорошо, но и для того, что дурно». Системы этого рода были основаны не на благородномъ стремленіи къ самосохраненію, побуждающемъ человѣка къ предпримчивости, а на томъ чувствѣ эгоизма, корыстолюбія и зависти, которое внушаетъ желаніе наслаждаться чужимъ добромъ; онѣ создавались людьми, у которыхъ фантазія господствовала надъ разсудкомъ, которые составили себѣ крайне-ложное понятіе о задачахъ государства и стремились, съ уничтоженіемъ индивидуальной свободы, къ такому порядку вещей, который, при своемъ послѣдовательномъ развитіи, привелъ-бы къ самому тяжелому рабству, болѣе невыносимому, чѣмъ положеніе Китайца подъ его полицейскимъ деспотизмомъ. Этотъ принципъ себялюбія и грубаго влеченія къ жизненнымъ наслажденіямъ лежитъ преимущественно въ основѣ коммунизма, который считаетъ личное благополучіе и чувственные наслажденія за конечную цѣль человѣческой жизни и человѣческаго назначенія на землѣ, относится съ страстной сословной ненавистью къ богатымъ и болѣе обезпеченнымъ классамъ населенія и позабываетъ о томъ, что сама природа установила постепенность въ развитіи живыхъ существъ, что человѣческое неравенство создано Богомъ; съ другой стороны, социализмъ навлекаетъ на себя упреки за то, что смотритъ на чело-

вѣческую натуру съ точки зрѣнія чрезмѣрно идеальной, что не принимаетъ въ соображеніе ни человѣческой слабости или нравственной испорченности, ни дурныхъ страстей и похотей, что въ концѣ концовъ онъ сводится, и въ своей цѣли и въ своихъ средствахъ, къ ложной филантропіи, которая хочетъ уничтожить въ этомъ мірѣ даже зло, чинимое по человѣческой винѣ, не понимая его значенія для нравственнаго воспитанія человечества. Эти системы реформъ были продуктами умственной дѣятельности лишь немногихъ людей, но онѣ нашли для себя поддержку въ современномъ настроеніи умовъ.

Сенъ-Симонъ-
низмъ.

Сенъ-Симонъ.
1760—1825.

Проповѣдникомъ новыхъ социальныхъ реформъ былъ графъ Сенъ-Симонъ; онъ родился французскимъ пэромъ и испанскимъ грандомъ, принадлежалъ къ высшимъ сферамъ общества, былъ щедро надѣленъ богатствами и талантами, былъ внушавшимъ зависть баловнемъ фортуны, но частію по причинѣ революціи, частію по причинѣ чрезмѣрной расточительности и неудачныхъ спекуляцій лишился своего состоянія, прожилъ много лѣтъ въ крайней нуждѣ, изучая на собственномъ опытѣ всѣ стороны человѣческой жизни и помышляя только о средствахъ спасти человечество отъ общественныхъ недуговъ. Онъ кончилъ жизнь въ 1825 году среди небольшого числа своихъ учениковъ, послѣ того, какъ за два года передъ тѣмъ покусился на самоубійство и тяжело себя ранилъ. Исходя изъ распространеннаго въ его время историческаго воззрѣнія, что развитіе всякаго организма должно совершаться постепенно, Сенъ-Симонъ полагалъ, что задача девятнадцатаго столѣтія заключается въ возведеніи человечества на болѣе высокую ступень развитія, чѣмъ на какой оно находилось въ древности и въ Средніе вѣка, что человечество уже къ этому подготовлено умственнымъ трудомъ трехъ предшествующихъ столѣтій, что уже насталъ «органический періодъ» для созданія новаго общественнаго строя, основаннаго на наукѣ и промышленности. Наука, которую Сенъ-Симонъ называлъ «физицизмомъ», а сначала бывший его ученикомъ философъ Ог. Контъ называлъ «позитивизмомъ», должна была изслѣдовать человѣческую натуру и характеръ для того, чтобы преобразование общественнаго строя имѣло прочный фундаментъ. Сенъ-Симонъ былъ первый писатель, указавшій на рѣзкую противоположность между положеніемъ рабочаго класса или народа (*peuple*, — какъ называлъ его Сенъ-Симонъ), не имѣющаго никакой недвижимой собственности, и положеніемъ зажиточнаго средняго сословія или буржуазіи; онъ также прежде всѣхъ сталъ утверждать, что задача «новаго христіанства» заключается въ стараніи сгладить эту противоположность посредствомъ исполненія заповѣди о любви къ ближнему и улучшить положеніе ремесленника, придавая промышленности самое важное общественное значеніе. Въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ (*Réorganisation de la société européenne*; *Système industriel*; *Catechisme des Industriels*) онъ доказывалъ, что про-

мышленность есть средоточіе человѣческой дѣятельности, что «высшая степень цивилизаціи можетъ быть достигнута только въ томъ случаѣ, если въ общественной жизни займетъ главное мѣсто рабочій классъ, на которомъ зиждется существованіе общества». Изложенныя въ этихъ сочиненіяхъ и въ послѣднемъ сочиненіи Сень-Симона *Nouveau Christianisme*, идеи и теоріи новаго промышленнаго государства и общественнаго строя тщательно распространялись во время реставраціи его любимымъ ученикомъ Олиндомъ Родригомъ, а во время вызваннаго іюльской революціей возбужденія умовъ находили благопріятную для себя почву и многочисленныхъ послѣдователей, которые подробно развивали зародыши неясныхъ ученій наставника и облакали ихъ въ практическую форму. Для нихъ служилъ органомъ журналъ *Le Producteur* съ эпиграфомъ: Золотой вѣкъ, отодвинутый слѣпою традиціей въ прошлое, теперь насталъ! Съ этими новыми идеями, сначала не обращавшими на себя большого вниманія, случилось, по выраженію Рейбо, то-же, что случается съ сѣменемъ, которое переносится вѣтромъ съ одного поля на другое, перелетаетъ за море и пускаетъ ростки далеко отъ того дерева, которое дало ему жизнь. Краснорѣчивый и талантливый Базаръ, воодушевлявшійся желаніемъ свободы и народнаго благосостоянія и прежде стоявшій во главѣ общества карбонаріевъ во Франціи, сталъ излагать новое политико-соціальное ученіе передъ воспріимчивыми слушателями: онъ говорилъ, что слѣдуетъ положить конецъ обогащенію однихъ людей трудомъ другихъ, что случайность, которою опредѣляется человѣческая судьба, должна быть устранена посредствомъ болѣе справедливаго распредѣленія собственности, что съ этой цѣлію должно быть упразднено семейное право наслѣдованія, вся оставшаяся послѣ смерти собственность должна поступать въ распоряженіе государства и дѣлиться такъ, что каждый получалъ бы извѣстную часть соразмѣрно съ своими способностями, а каждый способный человѣкъ соразмѣрно съ своимъ трудомъ, что тогда положеніе каждаго зависѣло-бы не отъ случайности его происхожденія, а отъ его заслугъ. Базаръ сдѣлался настоящимъ основателемъ новой школы. Онъ былъ тѣмъ ревностнымъ послѣдователемъ Сень-Симона, который съ пылкимъ убѣжденіемъ усвоилъ идеи своего наставника, а его отрывочныя изреченія обработалъ въ своемъ сочиненіи *Doctrine de St.-Simon* въ цѣльную систему. Ежедневная газета *Organisateur*, превратившаяся послѣ іюльской революціи въ большой журналъ *Le Globe*, развивала и распространяла ученіе Сень-Симона объ организаціи общества на основаніи принципа равенства съ уничтоженіемъ всякихъ привилегій и всякихъ личныхъ наслѣдственныхъ правъ.

Родригъ.

Базаръ.

1791—1832.

Анфантенъ.

Сущность новой теоріи выразилъ Бартелеми Просперъ Анфантенъ въ своей *Economie politique* слѣдующимъ основнымъ положеніемъ 1796—1864.

ніемъ: теперешнее общество состоитъ только изъ тупяцевъ и труженниковъ; политика должна имѣть цѣлю улучшение участи послѣднихъ и уничтоженіе класса первыхъ. Эта цѣль можетъ быть достигнута уничтоженіемъ права наследованія. Въ качествѣ мечтателя, увлекавшагося неясными идеями и склоннаго къ чувственнымъ наслажденіямъ, Анфантенъ проповѣдывалъ новое евангеліе, основанное на гармоніи плоти и духа, а христіанскому ученію о подчиненіи плоти духу противопоставлялъ право всѣхъ человѣческихъ влеченій на удовлетвореніе. По его мнѣнію, духовенство, во главѣ котораго стоялъ-бы верховный священникъ или отецъ, олицетворяющій въ себѣ законъ, должно, подобно общественному провидѣнію, съ любовью управлять всѣмъ человѣческимъ обществомъ, раздѣленнымъ на нѣсколько рядовъ сообразно съ занятіями каждаго. Мечтанія о такомъ теократически — промышленномъ строѣ общества распространялись черезъ посредство проповѣдей, миссій, брошюръ и встрѣчали горячее сочувствіе даже въ лучшихъ сферахъ литературы и публицистики. Въ Парижѣ образовалось общество Сенъ-Симонистовъ съ множествомъ рабочихъ мастерскихъ и съ воскресными религіозными собраніями; оно должно было служить въ маломъ видѣ изображеніемъ того, какимъ должно быть все человѣческое общество. Во всей Франціи образовались женскія филиальныя отдѣленія со школами и съ рабочими мастерскими, въ которыхъ были заняты слишкомъ четыре тысячи рабочихъ. Но когда Анфантенъ, — человѣкъ фантастическій, тщеславный, жадный къ наслажденіямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ умѣвшій привлекать къ себѣ людей любезнымъ обхожденіемъ, — сталъ заботиться преимущественно о положеніи женщинъ, сталъ требовать для нихъ не только равноправности со всѣми членами общества, но также права брачнаго сожитія со всѣми мужчинами, тогда благородный Базаръ вышелъ изъ общества Сенъ-Симонистовъ. Онъ глубоко скорбѣлъ о томъ, что его надежды обезпечить счастье человѣчества рушились. Вслѣдъ за нимъ вышли изъ общества и другіе послѣдователи Анфантена, въ числѣ которыхъ находился Пьеръ Леру, — философъ, создавшій изъ стараго мистико-пантеистическаго ученія объ одушевленномъ міровомъ организмѣ свою собственную систему, въ которой слышались отголоски нѣмецкой системы тождества; однако Анфантенъ не переставалъ идти все далѣе по своей скользкой дорогѣ: онъ помышлялъ о такой свободной женщинѣ, которая руководила-бы семьей, какъ мессія женскаго пола, вмѣстѣ съ верховнымъ священникомъ, — или «папой промышленности», какъ его называли насмѣшники; для этого онъ придумывалъ нелѣпыя и оскорбительныя для нравственности средства; тогда всѣ разсудительные и серьезные люди отдѣлились отъ школы, такъ далеко уклонявшейся отъ своей миссіи. Принадлежавшая ей собственность исчезла въ результатѣ расточительности и роскоши вождей, а когда правительство наконецъ признало это

общество не законнымъ, приказало запереть залу его засѣданій, а 13 февр. 1832. его членовъ привлекло къ суду за распространеніе безправственныхъ принциповъ, тогда изъ него вышелъ и Родригъ, недовольный совершеннымъ расторженіемъ семейныхъ узъ. Послѣ того, Анфантенъ удался съ нѣсколькими приверженцами въ помѣстье Менильмонтанъ; тамъ они жили въ монастырскомъ уединеніи, навлекая на себя общее презрѣніе и насмѣшки своимъ образомъ жизни, своей странной одеждой, своимъ оригинальнымъ мистическимъ языкомъ, пока обвинительный судебный приговоръ не окружилъ ихъ незаслуженнымъ ореоломъ мученичества. Анфантенъ, Миш. Шевалье и Дювейрье были приговорены къ тюремному заключенію на одинъ годъ; другіе члены общества отдѣлались небольшими денежными штрафами. Они переселились въ отдаленныя страны и многіе изъ нихъ, — въ томъ числѣ самъ Анфантенъ, Шевалье, Барро, Фурнель, — въ послѣдствіи отличились серьезными заслугами въ области торговли, промышленности и въ организаціи кредитной системы.

Авторомъ самой точной, обработанной во всѣхъ подробностяхъ, Фурье и его системы преобразованія общественныхъ учреждений былъ безансонскій уроженецъ Карлъ Фурье, — очень странный человѣкъ, соединившій горячее состраданіе къ страждущему человѣчеству съ ограниченнымъ умомъ, наполненнымъ причудливыми фантазіями и химерами. Онъ былъ воспитанъ для коммерческихъ занятій, но несчастію лишился своей наслѣдственной собственности и былъ вынужденъ поступить бухгалтеромъ въ чужое торговое заведеніе; свободное отъ этихъ занятій время онъ употреблялъ на обработку своей соціальной системы, которая была изложена неяснымъ языкомъ съ придуманною самимъ авторомъ новой терминологіей, но, не смотря на множество нелѣпостей, странностей и причудливыхъ выдумокъ, обратила на себя общее вниманіе. Исходя изъ основнаго положенія, что всякая страсть сама по себѣ хороша и что изъ свободного развитія всѣхъ страстей возникаетъ полная гармонія вселенной, онъ съ метафизическою тонкостью раздѣлялъ страсти или влеченія, сообразно съ ихъ главными направленіями, на различные классы и категоріи, чтобъ на этой основѣ воздвигнуть новое общественное зданіе. По его словамъ, всеобщее счастье заключается въ соединеніи (association) силъ и индивидуумовъ для общихъ цѣлей, или въ соціальной гармоніи, въ возстановленіи которой и заключается задача человѣчества. Эта соціальная гармонія можетъ быть достигнута только посредствомъ вѣрнаго распознаванія человѣческихъ влеченій и страстей, равно какъ посредствомъ цѣлесообразнаго распредѣленія занятій сообразно съ этими природными влеченіями и наклонностями. Человѣческое счастье, — эта конечная цѣль всѣхъ земныхъ стремленій, въ сущности зависитъ отъ удовлетворенія влеченій какъ къ труду, такъ и къ наслажденіямъ; но это удовлетвореніе возможно только при.

соціальная система.
1772—1837.

условіи, чтобъ люди съ различными натурами, различнаго возраста и пола соединялись для веденія одного общаго домашняго хозяйства. Поэтому, вмѣсто отдѣльныхъ семейныхъ хозяйствъ и общиннаго устройства, слѣдуетъ заводить соединенное домашнее хозяйство, «фаланги» въ большомъ зданіи (фаланстеріѣ), въ которомъ могутъ помѣщаться отъ 1200 до 1800 семействъ и при которомъ находится достаточное количество земли, приблизительно въ одну квадратную милю; такія соціалистическія казармы возникали-бы и поддерживались-бы въ силу всеобщаго міроваго закона притяженія, заставляющаго людей постоянно стремиться къ удовлетворенію своихъ влеченій. Трудовыя занятія распредѣлялись-бы по классамъ или группамъ съ многочисленными подраздѣленіями, какъ напр. они заключались-бы или въ завѣдываніи домашнимъ хозяйствомъ, или въ обработкѣ земли, или въ фабричномъ производствѣ, или въ воспитаніи юношества, или въ изученіи наукъ и искусствъ; въ нихъ участвовали-бы тѣ или другіе члены фаланги смотря по своимъ наклонностямъ и способностямъ. И при распредѣленіи предметовъ потребленія слѣдовало принимать въ соображеніе требовательность каждаго члена фаланги въ той мѣрѣ, въ какой внесенный имъ капиталъ, его трудъ и дарованія давали ему право на нѣкоторую долю общихъ доходовъ. Эту систему Фурье подробно изложилъ въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ (*Théorie des quatre mouvements; le nouveau monde industriel*); еслибы она была введена, то, по мнѣнію Фурье, исчезли-бы съ теченіемъ времени всѣ дурныя страсти и преступленія, люди стали-бы руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ не себялюбіемъ и самосохраненіемъ, а натуральными влеченіями и братолюбіемъ, а ихъ соединенныя усилія довели бы всякій трудъ до такого совершенства, что всякому нуждающемуся можно-бы было оказывать щедрую помощь: вѣдь общество производителей живетъ одинакою жизнью съ тѣломъ, въ которомъ для каждой работы есть особый органъ для того, чтобъ эта работа производилась охотно и превосходно. Во главѣ такого общества долженъ стоять совѣтъ выборныхъ старшинъ. Фурье допускаетъ при соціализмѣ право личной собственности, а при раздѣлѣ заработковъ онъ даже предоставляетъ капиталу болѣе значительную долю, чѣмъ таланту; у него собственность равноправна съ трудомъ. За то онъ упраздняетъ бракъ и семейство въ пользу фаланстерія, признавая полное равенство между лицами обоего пола и такимъ образомъ эманципируя женщинъ. Онъ былъ убѣжденъ, что нуженъ былъ только одинъ примѣръ практическаго примѣненія его системы для того, чтобъ она была введена повсюду. Поэтому онъ напечаталъ объявленіе, въ которомъ выражалъ желаніе, чтобъ какой нибудь филантропъ снабдилъ его однимъ милліономъ франковъ; затѣмъ онъ

въ теченіе двѣнадцати лѣтъ ежедневно ходилъ въ назначенный часъ, въ назначенное мѣсто, чтобъ узнать, не найдетъ-ли тамъ желаемаго филантропа съ милліономъ. Позднѣйшія попытки устройства фаланстерія, на которыя депутатъ Бодэ-Дюлари пожертвовалъ своимъ состояніемъ, не имѣли успѣха по недостатку денежныхъ средствъ. Викторъ Консидеранъ былъ самымъ даровитымъ изъ послѣдователей Фурье. Въ своихъ лекціяхъ и сочиненіяхъ (*Destinée sociale*; журналъ *Phalange*) онъ очистилъ систему своего наставника отъ многихъ недостатковъ, сдѣлалъ болѣе понятнымъ ученіе о социальномъ возрожденіи, защищалъ его отъ многочисленныхъ нападокъ и упрековъ и краснорѣчиво отстаивалъ основное положеніе, что улучшение общественнаго строя есть настоящая задача его времени.

И владѣлецъ прядильни въ Нью-Ланаркѣ, въ Шотландіи, Англичанинъ Роб. Оуень, сдѣлавши своихъ работниковъ благонравными и счастливыми благодаря своимъ разумнымъ и гуманнымъ распоряженіямъ, своей осмотрительной заботливости и человѣколюбію, задумалъ, подобно Фурье, преобразовать строй общества, чтобъ избавить людей отъ лишеній и доставить рабочему классу долю участія въ пользованіи общественными благами. Пока онъ старался нравственно улучшить и образовать низшіе классы населенія посредствомъ учрежденія и улучшенія школъ (воскресныхъ для бѣдныхъ и для маленькихъ дѣтей) и пока онъ старался вліять на рабочихъ не наградами и наказаніями, а пробуждая въ нихъ чувства чести, долга и справедливости, англійскій народъ относился къ нему съ участіемъ и поддерживалъ его. Но его положеніе совершенно измѣнилось, когда онъ издалъ нѣсколько сочиненій съ цѣлію доказать необходимость полного преобразованія социальнаго строя, когда онъ сталъ возбуждать взаимную вражду между капиталомъ и трудомъ и говорить о фабрикантахъ и о рабочихъ союзахъ, какъ о воюющихъ державахъ, заключающихъ между собою договоры, когда онъ, переходя въ область религіи, сталъ называть землю конечною цѣлію всѣхъ человѣческихъ стремленій, а загробную жизнь химерой, когда онъ задумалъ замѣнить таинство брака свободой любовныхъ связей, а семейство рабочими союзами, когда въ замѣнъ христіанскаго догмата о врожденной грѣховности сталъ проповѣдывать ученіе о первобытной чистотѣ человѣческой натуры, еще неиспорченной бѣдностью и невѣжествомъ, и согласно съ этими нелѣпыми идеями сталъ посредствомъ публичныхъ лекцій, брошюръ и разсылки миссіонеровъ стремиться къ преобразованію человѣческаго общества; тогда здравый смыслъ англійскаго народа сталъ протестовать противъ его ученія; для того, чтобъ онъ окончательно уронилъ себя въ мнѣніи Англичанъ даже едва-ли была пужна совершенно неудавшаяся попытка основать въ Индіанѣ, въ сѣверной Америкѣ, коммунистическую колонію, названную Нью-Гармоніей. Но онъ побуждалъ рабочихъ къ всту-

Оуень.

1771—1858.

1824.

ленію въ обязательные союзы и къ устройству стачекъ, чтобъ вынуждать отъ фабрикантовъ уступки, — что привело къ пагубнымъ послѣдствіямъ.

Коммунизмъ. Болѣе разнообразны и болѣе практичны были коммунистическія теоріи, которыя зародились послѣ іюльской революціи, а многочисленными тайными обществами обрабатывались и распространялись. Рабочее сословіе, болѣе всѣхъ участвовавшее въ избавленіи націи отъ деспотизма, не могло довольствоваться результатами кровопролитной борьбы. Какая была польза пролетаріямъ отъ измѣненія конституціи и отъ расширенія политической свободы, если они сами были устранены цензомъ отъ всякаго участія въ выборахъ? Мы уже ранѣе упоминали о томъ, что въ дни кризиса демократическая партія хотѣла предоставить вновь выбраннымъ народнымъ представителямъ разрѣшеніе вопроса о будущей формѣ правленія, что она не признавала права выбирать форму правленія за такой палатой депутатовъ, которая была выбрана при совершенно иныхъ условіяхъ. Эта партія, недовольная результатами революціонныхъ усилій, пріобрѣтала съ каждымъ годомъ новыхъ приверженцевъ и все болѣе важное значеніе. Ея члены стремились къ основанію республики, а ея ораторы открыто проповѣдывали необходимость насильственныхъ мѣръ для достиженія своихъ революціонныхъ цѣлей и выдавали королеубійство за самый полезный изъ геройскихъ подвиговъ. Скоро вся Франція покрылась сѣтью тайныхъ обществъ, которыя, не смотря на разнообразіе своей организаціи и своихъ теорій, преслѣдовали одинакія республиканскія и коммунистическія цѣли: всѣ они руководствовались основнымъ принципомъ, что положеніе пролетаріевъ находится въ противорѣчій съ идеями свободы и равенства, что корень этого противорѣчія кроется въ частной собственности и въ семейныхъ узахъ, что, стало быть, необходимо преобразовать государство и общество и засыпать глубокую пропасть, отдѣляющую имущихъ отъ неимущихъ, «буржуазію» отъ «народа». Въ коммунистическомъ листкѣ *L'homme libre* говорилось: «приближается время, когда народъ съ оружіемъ въ рукахъ потребуетъ, чтобъ ему было возвращено то, что ему принадлежитъ. То, чѣмъ владѣетъ богачъ, есть болѣею частію плодъ хищничества. Земля должна принадлежать всѣмъ. Тѣ, которые ничего не имѣютъ, были обокрадены тѣми, которые имѣютъ собственность». Намъ уже извѣстно (XIII, 893), что написанная Буонаротти, исторія заговора

Ученіе Бабёфа. Бабёфа, послужила поводомъ для образованія коммунистическихъ обществъ по указаніямъ Бабёфа: эти новыя общества отличались отъ старыхъ только тѣмъ, что не обращали свое вниманіе исключительно на сельское хозяйство и на аграрныя реформы, а стремились главнымъ образомъ къ преобразованіямъ въ сферѣ промышленной дѣятельности. Подъ различными, перѣдко измѣнявшимися, названіями («Друзья народа», «Общество человѣческихъ правъ»,

«Времена года», «Общество работников равенства», Egalitaires), они проповѣдывали въ публичныхъ рѣчахъ и въ журналахъ грубый коммунизмъ, — выдавали материализмъ за высшій законъ природы, требовали уничтоженія собственности, семейства, брака, какъ главныхъ помѣхъ для безусловнаго равенства и братства, хотѣли уничтожить цивилизацію и обречь на разрушеніе ея распространителей — города, а счастье челоѣчества усматривали только въ общности труда, имущества и наслажденій.

Для осуществленія этихъ теорій, нарушавшихъ требованія нравственности и гуманности, члены тайнаго общества рекомендовали употребленіе самыхъ насильственныхъ мѣръ, а свое ученіе старались распространять, возбуждая демагогическую агитацію среди рабочихъ; они наконецъ оттолкнули отъ себя лучшихъ и болѣе умѣренныхъ людей и вызвали въ средѣ своихъ приверженцевъ раздоры въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ судебное разбирательство по случаю попытки возстанія въ 1839 году раскрыло всю глубину ихъ безнравственности и преступныхъ замысловъ. Тогда образовалась болѣе умѣренная коммунистическая партія подъ названіемъ реформистовъ; ея цѣль заключалась въ политическомъ равенствѣ и въ справедливомъ раздѣленіи того, что приобрѣтено общимъ трудомъ, между тѣмъ какъ послѣдователи Бабѣфа желали революціи для того, чтобъ при демократически-республиканской формѣ государственнаго управленія достигнуть переустройства общества согласно съ своими принципами. Другіе послѣдователи Бабѣфа перешли на сторону религіознаго коммунизма Ламеннэ (XIV, 976), который требовалъ уничтоженія права собственности и семейства во имя религіи любви и хотѣлъ, чтобъ люди, равные передъ Богомъ и предназначенные Богомъ для счастья, пользовались всѣмъ сообща: вѣдь христіанское ученіе гласитъ, что Богъ желаетъ людямъ счастья, стало быть всё, что несовмѣстимо съ челоѣческимъ счастьемъ, несовмѣстимо и съ христіанствомъ. Ламеннэ былъ знаменосцемъ религіозно-философскаго направленія въ коммунизмѣ, которое то строило свои проекты челоѣческой эманципаціи на пантеистической основѣ, какъ напр. у аббата Констана, то взбиралось, — какъ у Пьера Леру, — на высоту будущей мистической религіи гуманизма, при которой вполне осуществилась бы идея челоѣчности и не было-бы ни отдѣльныхъ государствъ, ни отдѣльныхъ семействъ, ни личной собственности. Сочиненія этого геніальнаго мыслителя *De l'Égalité* и *De l'humanité* имѣли большое вліяніе на Жоржъ Занда. — Адвокатъ, участникъ іюльской революціи и членъ палаты депутатовъ Этьенъ Кабе излагалъ, на основѣ неопредѣленныхъ воззрѣній реформистовъ, свое ученіе объ икаріи-скомъ коммунизмѣ въ сочиненіи «Поѣздка въ Икарію», представляющемъ идиллическое описаніе коммунистической утопіи, равно какъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ и брошюрахъ; онъ также

Другія коммунистическія системы.

Реформисты.

Икарлисты.
Кабе.
1788—1856.

требовалъ полнаго политическаго равенства съ точнымъ осуществленіемъ принципа народнаго верховенства, — требовалъ введенія демократическаго самоуправленія, всеобщей подачи голосовъ и общности имуществъ посредствомъ раздѣленія продуктовъ земледѣлія и промышленности; но онъ оставлялъ неприкосновенными бракъ и семейство, противопоставлялъ грубому матеріализму коммунистовъ вѣру въ высшее существо и социалистическую религію но безъ духовнаго сословія, и хотѣлъ осуществленія своихъ теорій не силой, а путемъ поученій и убѣжденій. Онъ полагалъ, что слѣдовало начать съ введенія демократической формы правленія посредствомъ радикальнаго измѣненія закона о выборахъ, что это была-бы переходная форма государственнаго устройства, при которой мало по малу уничтожилось-бы неравенство состояній и образованія посредствомъ измѣненія наслѣдственныхъ правъ, введенія прогрессивныхъ налоговъ и распространенія цивилизаціи, — что это былъ-бы періодъ перехода къ братскому равенству и любви, которымъ поучалъ Христосъ. Этотъ вовсе незамѣчательный философскій и социальный рассказъ о коммунистическомъ государствѣ, наполненный описаніями райскаго блаженства и написанный Кабе, во время случайнаго пребыванія въ Англіи, въ подражаніе Томасу Мору, служилъ для многочисленныхъ рабочихъ евангеліемъ и получилъ широкое распространеніе. Новый журналъ *Le Prolaire* былъ въ теченіе многихъ лѣтъ органомъ икаристовъ, выраженіемъ ихъ коммунистическихъ вѣрованій. — Оригинальную точку зрѣнія проводилъ «критическій» коммунизмъ тонкаго діалектика, безансонскаго уроженца Прудона, который, въ своемъ остроумномъ сочиненіи «О собственности», съ одной стороны возставалъ противъ нея, какъ противъ эксплуатированія слабыхъ сильными («собственность есть воровство»), съ другой стороны называлъ общность имуществъ эксплуатированіемъ сильныхъ слабыми; онъ требовалъ уничтоженія наслѣдственныхъ правъ и полагалъ, что настоящей основой общественнаго строя должна служить личная собственность, соразмѣрная съ производительною способностью cadaго. Безансонская академія признала книгу Прудона негодной и отняла у ея автора денежное вспомошествованіе, которое прежде выдавала ему на ученія занятія; только благодаря энергическимъ протестамъ своего друга Бланки, Прудонъ избѣгнулъ предація суду. Излагая свою теорію, Прудонъ приходитъ къ цѣлому ряду отрицательныхъ выводовъ: по его мнѣнію, не должны существовать ни государство, ни правительство, ни собственность, ни пошлины, ни капиталы, — короче сказать никакіе неизмѣнно установленные порядки. Всѣ политическія и социальныя учрежденія замѣняются у него свободнымъ соглашеніемъ между отдѣльными личностями, которое касается только опредѣленныхъ цѣлей и обязательно только для тѣхъ, кто принялъ въ немъ участіе. Этимъ путемъ люди дошли-бы до ничѣмъ не стѣсняемаго кулачнаго

Прудонъ.
1809—1865.

права. Ученіе Прудона находится въ нѣсколькихъ пунктахъ въ противорѣчіи съ той соціальной системой, которую изложилъ Луи Бланъ въ журналѣ *Organisation du travail* (1840 г.) и которая сводится къ всемогуществу демократической государственной власти; по его мнѣнію, причина бѣдственнаго положенія рабочихъ классовъ заключается въ неограниченной свободѣ конкуренціи, въ войнѣ каждаго противъ всѣхъ; отъ этого заработная плата понижается до крайнихъ предѣловъ и даже капиталъ истощается. Чтобъ положить конецъ этой всеобщей борьбѣ, государство, въ качествѣ самаго крупнаго капиталиста, должно взять въ свои руки всю промышленную дѣятельность: тогда исчезли-бы мелкіе капиталы и государство само стало-бы назначать размѣръ заработной платы. Вмѣстѣ съ этимъ слѣдуетъ ввести демократическую организацію промышленности, превратившейся въ государственную работу, и принять за высшее основное правило, что каждый получаетъ занятіе, сообразное съ своими силами, но получаетъ вознагражденіе соразмѣрно съ своими потребностями. Луи Бланъ возставалъ противъ права собственности только въ той мѣрѣ, въ какой считалъ необходимымъ ограничить наследственные права въ пользу государства и національныхъ мастерскихъ.

Луи Бланъ.
1811—1882.

3. Движенія въ области религіи и церкви.

Литературныя пособія *L. Witte, Italien. Freienwalde 1878; Pres- sel, Das Evangelium in Spanien; тамъ-же 1877; H. Schmid, Geschichte der katholischen Kirche Deutschlands von der Mitte des achtzehnten Jahrhunderts bis in die Gegenwart. München 1872—1874; F. Nielsen, Die römische Kirche im neunzehnten Jahrhundert. I. Gotha 1878.* Уже упомянутыя въ XIV томѣ сочиненія: *F. Ch. Baur, Kirchengeschichte des neunzehnten Jahrhunderts; 2-е изд. Лейпцигъ 1877; F. Nippold, Handbuch der neuesten Kirchengeschichte; 3-е издан. Эльберфельдъ 1800 и сл. и Henke-Gass, Kirchengeschichte; A. Hausrath, D. F. Strauss und die Theologie seiner Zeit. Гейдельбергъ 1876—1878; C. Schwarz, Zur Geschichte der neuesten Theologie; 5-е изд. Лейпцигъ 1870.*

А. Католическая церковь.

Стремленія, которыми обусловливается религіозная жизнь народовъ, и въ новое время не легко отдѣлить отъ стремленій, господствующихъ въ политической сферѣ. Однако они требуютъ отдѣльнаго изученія, потому что церковь вообще и католическая въ особенности относится къ явленіямъ государственной и общественной жизни, какъ международная сила, дающая различнымъ народамъ однородные им-

Характеръ и
цѣли католи-
цизма.

пульсы и дѣйствующая въ различныхъ странахъ въ одномъ и томъ-же направленіи. Кромѣ того, нельзя не замѣтить, что движенія въ сферахъ церковной и политической возникаютъ одни вслѣдъ за другими съ нѣкоторой правильностью. При продолжительномъ стѣсненіи гражданской свободы, безпокойные умы искали для себя удовлетворенія въ лонѣ церкви; напротивъ того, во времена политическихъ волненій, когда жизненные интересы народовъ заставляли ихъ всецѣло сосредоточивать свое вниманіе на цѣляхъ національных и государственныхъ, церковь снова ограничивалась тѣмъ, что втайнѣ собиралась съ силами. Но въ общемъ результатъ оказывается, что католическая церковь, не смотря на всѣ нападки на нее, сохранила непоколебимымъ свой авторитетъ, и что ея неизмѣнная привязанность къ старымъ традиціямъ и по сіе время служить преградой для смѣлыхъ нововведеній. Поэтому, даже многіе изъ протестантскихъ государственныхъ дѣятелей долго держались того мнѣнія, что «новый государственный корабль нашего времени подвергнется крушенію на утесѣ церкви». Благодаря такому настроенію умовъ, всѣ результаты реакціонной горячки, обыкновенно возникающей вслѣдъ за каждой эпохой политическаго прогресса, обращались почти исключительно въ пользу римскаго католицизма, который снова принимался укрѣплять снизу и отстраивать сверху свое церковное зданіе, расшатанное во время революціонныхъ бурь. Первую изъ этихъ двухъ задачъ онъ исполнялъ съ успѣхомъ при помощи цѣлой сѣти католическихъ обществъ, которая точно будто сама собою выростала повсюду изъ земли и опутывала общественную жизнь во всѣхъ ея слояхъ и на всѣхъ ступеняхъ, подчиняя ее требованіямъ церковныхъ цѣлей, между тѣмъ какъ хорошо организованная католическая пресса настроивала на свой ладъ общественное мнѣніе. Вѣдь римская курія, осудившая свободу прессы вмѣстѣ съ другими нововведеніями, не отказалась отъ употребленія этого оружія и въ особенности журналистика сдѣлалась для нея тѣмъ-же, чѣмъ были въ концѣ Среднихъ вѣковъ нищенствующіе монахи. Но другая задача, заключающаяся въ увѣнчаніи зданія, была достигнута тѣмъ, что католицизмъ призналъ своего видимаго главу непогрѣшимымъ выразителемъ воли Божіей. Въ этомъ направленіи пришлось нашему столѣтію дожить до такихъ поразительныхъ явленій, какихъ не могъ-бы предсказать или даже только считать возможными ни одинъ изъ пророковъ временъ Вольтера и Руссо или Лессинга и Гердера. Главная причина такого необычайнаго усиленія католическихъ притязаній заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, что политика европейскихъ державъ въ церковныхъ дѣлахъ никогда не руководствовалась ясными цѣлями, часто впадала въ противорѣчія, то играла съ огнемъ, то чрезмѣрно боялась его. Правители государствъ долго, съ непонятной безпечностью, ласкали себя надеждой, что, въ случаѣ надобно-

сти, достаточно будет лишь слегка нажать пружины превосходно устроенного государственного механизма для того, чтобъ отнять у католическаго духовенства всякую охоту къ сопротивленію и лишить его всякаго вліянія. Но когда къ пріятному усыпленію безпечныхъ государственныхъ дѣятелей примѣшивалось непріятное сознаніе, что католическая церковь обнаруживаетъ слишкомъ смѣлыя притязанія или даже позволяетъ себѣ смѣлыя нарушенія чужихъ правъ, тогда прежняя безпечность замѣнялась внезапно пробуждавшимся и неразборчивымъ на средства рвеніемъ. Тогда бичъ полицейскаго и законодательнаго вмѣшательства наносилъ безъ всякаго успѣха и, главное, безъ всякой пользы, неразборчивые удары то въ одну сторону, то въ другую, нерѣдко попадая не туда, куда слѣдуетъ; послѣ того, какъ религіозныя чувства народа были оскорблены безъ всякой надобности, а могущество католической церкви оттого усилилось въ своемъ корнѣ, вся кампанія обыкновенно оканчивалась торопливыми капитуляціями и нелѣпыми, а нерѣдко даже унижительными, мирными договорами. Послѣ такихъ неудачныхъ попытокъ государства исполнять свою миссію наперекоръ требованіямъ церкви и поддерживать свое достоинство самостоятельнаго учрежденія, церковь, — какъ-бы въ наказаніе за нихъ, — обыкновенно увеличивала свои притязанія, а государство соглашалось на новыя уступки. Такимъ образомъ, со времени возстановленія ордена іезуитовъ до провозглашенія догмата папской непогрѣшимости, римская курія одерживала безпримѣрный рядъ побѣдъ какъ благодаря послѣдовательности своего образа дѣйствій, такъ и благодаря неразборчивости въ своихъ практическихъ пріемахъ; поэтому высокоомѣрие ея представителей не знало никакихъ границъ.

Ультрамонтанизмъ девятнадцатаго столѣтія нашелъ для себя настоящихъ тріаріевъ въ іезуитахъ. Повсюду, гдѣ онъ достигалъ большихъ успѣховъ, была видна ихъ опытная рука. Поэтому, противъ нихъ разразилось народное негодованіе, лишь только февральская революція освободила умы отъ оковъ. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль они были выгнаны изъ Германіи и изъ Италіи, даже изъ Рима въ качествѣ явныхъ враговъ всякаго политическаго прогресса и всякихъ національных стремленій. Но лишь только наступила реакція, они снова вылезли изъ тайныхъ убѣжищъ, въ которыхъ укрывались отъ угрожавшей имъ опасности; скоро со всѣхъ сторонъ стало слышно, что іезуиты возвращаются и снова вступаютъ въ обладаніе тѣмъ, что утратили. Со времени возвращенія папы въ Римъ, они стали пріобрѣтать все болѣе сильное вліяніе на высшее церковное управленіе; тогда церковная реакціонная машина стала работать съ такой силой, какой она не обнаруживала уже въ теченіе многихъ столѣтій. Политическая реставрація нигдѣ не могла обойтись безъ помощи іезуитовъ; они даже съумѣли примириться съ народомъ бла-

годаря рвенію своихъ миссіонеровъ. Однако, въ настоящее время для всѣхъ ясенъ тотъ фактъ, что именно іезуиты, которые, по-видимому, одни были способны побороть дракона революцій, очень скоро довели до паденія тѣ правительства, которыя искали въ нихъ опоры, и что революціи сдѣлались хроническимъ явленіемъ въ тѣхъ странахъ, которыя въ теченіе столѣтій подчинялись вліянію іезуитскаго ордена. Польша поплатилась утратой своего политическаго существованія за господство въ ней іезуитовъ.

Эти явленія составляютъ оборотную сторону того блеска и обаянія, которыхъ съумѣла достигнуть католическая религія въ девятнадцатомъ столѣтіи. Не подлежитъ сомнѣнію, что она все болѣе и болѣе отталкивала отъ себя людей просвѣщенныхъ и образованныхъ своимъ противодѣйствіемъ всякимъ своевременнымъ реформамъ, своей поблажкой средневѣковымъ суевѣріямъ, своей оппозиціей и смертельной враждой ко всѣмъ благотворнымъ послѣдствіямъ революціи, — къ свободѣ изслѣдованій въ научной сферѣ, къ либеральнымъ стремленіямъ въ сферѣ политической. Это упорное высокомеріе неспособной къ реформамъ римской куріи вызвало противодѣйствіе даже со стороны нѣкоторыхъ членовъ католическаго духовенства; но обнаружившіяся въ этой средѣ либеральныя стремленія, конечно, не находили со стороны правительствъ такой искренней и твердой поддержки, какая была имъ необходима для того, чтобъ устоять противъ постоянно усиливавшейся тяжести церковнаго авторитета. Поэтому просвѣщенные воззрѣнія нѣкоторыхъ католиковъ могли высказываться только урывками и мимоходомъ, между тѣмъ какъ всю массу вѣрующихъ вели на буксирѣ паписты и ультрамонтаны. Подъ этими названіями разумѣли во многихъ странахъ безусловныхъ приверженцевъ и поборниковъ романизма, которые съ теченіемъ времени все нагляднѣе снова выводили на сцену средневѣковой церковный режимъ съ его рассчитанною на чувственныя впечатлѣнія обстановкой, съ его фанатизмомъ и ненавистью къ еретикамъ, а всякое проявленіе разсудка старались подчинять католическимъ догматамъ. Утверждая, что спасеніе и счастье возможны только при безусловномъ подчиненіи велѣніямъ римской куріи, они эксплуатировали ту потребность въ авторитетѣ, которая возникаетъ въ народныхъ массахъ въ видѣ протеста противъ революціонныхъ движеній.

Италія.

Великое умственное движеніе, помогавшее католической церкви занимать въ теченіе девятнадцатаго столѣтія все болѣе независимое положеніе и вмѣстѣ съ тѣмъ преобразовывать ея учрежденія въ духъ папскаго абсолютизма, одерживало самыя незначительныя побѣды именно въ центрѣ этого абсолютизма, а въ Италіи даже претерпѣло цѣлый рядъ неудачъ. Причину этого замѣчательнаго явленія слѣдуетъ искать въ томъ, что папство и католическая церковь были созданы непозабывшимъ своего прежняго всемірнаго господства римскимъ и итальянскимъ народнымъ умомъ, который съ

одной стороны желалъ сохранить эту принадлежавшую ему собственность, а съ другой стороны, будучи посвященъ въ тайну ея возникновенія и уже выйдя изъ прежнихъ пелёнокъ, не могъ относиться къ римскому святилищу съ такимъ-же безусловнымъ уваженіемъ, съ какимъ относились къ нему другіе народы. По естественному ходу вещей, разочарованіе возникаетъ преимущественно тамъ, гдѣ люди стоятъ близко къ источнику чудесъ и догматовъ, могутъ наблюдать за жизнью своихъ полубоговъ и испытывать на самихъ себѣ благодѣянія ихъ владычества. Правда, и въ Италіи не было недостатка въ мечтателяхъ, пытавшихся украшать католицизмъ волшебными чарами романтизма, какъ это съ успѣхомъ дѣлали во Франціи Ламеннэ, Монталамберъ, Озанамъ. Этотъ послѣдній даже былъ по происхожденію Итальянцемъ. Но школа Джіоберти примыкала къ французскимъ писателямъ преимущественно черезъ посредство Сильвіо Пеллико, Алессандро Манцони и Цезаре Бальбо (XIV, 1010). Въ средѣ образованной сѣверо-итальянской знати долго сохранялась надежда на такое сочтаніе прошлаго съ настоящимъ; ея отголоскомъ былъ и лозунгъ Кавура „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“. Но людямъ этого направленія приготовилъ горькое разочарованіе Пій IX, котораго они сначала считали своимъ единомышленникомъ. Вся исторія папства со временъ реставраціи служитъ доказательствомъ того, что съ его характеромъ несовмѣстима никакая уступка либеральнымъ стремленіямъ. Особенно поучительное и отрезвляющее впечатлѣніе долженъ былъ производить тотъ фактъ, что именно то правительство, которое по теоріи было самымъ мудрымъ и благотворнымъ, на дѣлѣ оказывалось самымъ зловреднымъ, безнравственнымъ, ненавистнымъ и даже болѣе пагубнымъ для внѣшняго благосостоянія, чѣмъ которое-либо изъ многочисленныхъ негодныхъ итальянскихъ правительствъ. Поэтому, въ Италіи ранѣе, чѣмъ въ какой-либо другой странѣ, должно было созрѣть убѣжденіе въ необходимости полного разобщенія между интересами свѣтскими и духовными, политическими и религіозными. Революція въ началѣ управленія Григорія XVI была подавлена Австрійцами, а гораздо болѣе опасная революція въ началѣ управленія Пія IX была подавлена Французами. Съ тѣхъ поръ вѣра въ возможность либеральнаго папскаго режима стала испытывать постоянныя разочарованія, а самъ увѣнчанный папскою тіарой реформаторъ,—не смотря на свою непогрѣшимость,—сознался въ своихъ ошибкахъ и постарался загладить ихъ. Но его интересы уже навсегда отдѣлились отъ интересовъ независимой Италіи. Сначала итальянская нація возлагала свое довѣріе на французскаго императора, которому была обязана своими успѣхами въ 1859 году; однако, она не могла вступить въ обладаніе Римомъ, пока французскій престолъ былъ занятъ Наполеономъ III, который боялся огорчить своихъ католическихъ подданныхъ уступкой наслѣдія св. Петра и окончательнымъ объединеніемъ Италіи.

Та религія, къ которой привязано большинство Итальянцевъ, всегда будетъ имѣть очень близкое сходство съ фантастической религіей природы. Стремленія къ Напротивъ того, религіозность, основанная преимущественно на соблюденіи требованій нравственности, едва-ли можетъ сдѣлать большіе успѣхи въ такой странѣ, гдѣ внѣшній блескъ богослуженія составляетъ существенную потребность народа, гдѣ „въ составъ церковныхъ празднествъ входятъ иллюминаціи, пусканія ракетъ и пунечная пальба и ежегодно совершаются новыя чудеса“, гдѣ „духовенство, при своемъ суетливомъ пріятномъ ничегонедѣланіи, живетъ общею народною жизнью и, будучи матеріально обеспечено, настроено дружелюбно“. По этой причинѣ и церковная реакція имѣла въ Италіи не только безвредныя, но даже симпатичныя для народа формы, а вплоть до основанія единаго итальянскаго королевства не имѣли боль-

шого вліянія старанія либеральнихъ патріотівъ и „молодой Італіи“ изба-
вити народъ отъ усыпляющихъ умъ суевѣрій и отъ господства духовенства
и внушити ему стремленіе къ національной независимости и къ либераль-
нымъ учрежденіямъ. Только Мадзини и Гарибальди достигли болѣе значи-
тельныхъ успѣховъ въ этомъ направленіи. Напротивъ того, некатоліческая
агитація уже ранѣе достигла нѣкоторыхъ результатовъ. Торговля сношенія
вызвали въ нѣкоторыхъ итальянскихъ городахъ возникновеніе нѣмецкихъ
и англійскихъ общинъ, втихомолку исповѣдывавшихъ свою некатоліческую
вѣру; прусское посольство завело въ римскомъ Капитоліѣ отправленіе нѣ-
мецко-протестантскаго богослуженія. Повсюду дѣйствовали библейскія об-
щества. Изученіе Библіи побудило отдѣлиться отъ римской церкви даже
Лунджи Де- одного изъ высшихъ папскихъ сановниковъ—Лунджи Десанктиса, который
санктисъ. бѣжалъ въ 1847 году изъ Рима и перешелъ на сторону Вальденсовъ, са-
1808—1869. мыхъ старинныхъ и самыхъ почтенныхъ миссіонеровъ христіанства въ
Італіи. Незадолго до взрыва революціи эти миссіонеры достигли въ Піе-
монтѣ религіозной свободы и гражданской равноправности. За тѣмъ, въ
1851 году была построена въ Туринѣ первая протестантская церковь, а
единственный протестантскій членъ піемонтскаго парламента, адвокатъ
Бонавентура Мадцарелла основалъ протестантскую общину изъ Вальден-
совъ и изъ перешедшихъ въ протестантскую вѣру католиковъ; въ 1854 году
итальянскіе протестанты отдѣлились отъ говорившихъ по-французски Валь-
денсовъ главнымъ образомъ по національнымъ мотивамъ; съ тѣхъ поръ
вышеупомянутая община стала служить фундаментомъ для „свободной еван-
гелической церкви“, представлявшей своеобразную итальянскую форму про-
тестантизма и обязанной своимъ возникновеніемъ Десанктису и Мадца-
реллѣ. Но послѣ подавленія революціи, когда полицейская система управ-
ленія снова была введена и въ церковной сферѣ, начались новыя религі-
озныя преслѣдованія, въ особенности въ Тосканѣ. Перешедшій въ проте-
1851. стантскую вѣру, графъ Пьетро Гвиччардини былъ принужденъ выѣхать
1852. изъ Флоренціи, а супруги Мадіал были присуждены къ продолжительному
тюремному заключенію за то, что распространяли Библію и этимъ содѣй-
ствовали распространенію протестантизма. Но это вызвало громкіе воз-
гласы негодованія въ протестантской Европѣ и въ особенности въ Англіи;
великій герцогъ Тосканскій долго противился требованіямъ общественнаго
мнѣнія, ссылаясь на независимость своей юстиціи и на свою обязанность
охранять государственную религію; наконецъ, получивши отъ Росселя энер-
15 марта гическую дипломатическую ноту, онъ счелъ болѣе благоразумнымъ изба-
1858. виться отъ непріятныхъ арестантовъ посредствомъ высылки ихъ изъ страны.
Не такъ успѣшно было вліяніе общественнаго мнѣнія въ Римѣ, когда рас-
Іюль 1858. пространилось извѣстіе, что еврейскій мальчикъ Мортара отнять духовен-
ствомъ у своихъ родителей на томъ основаніи, что во время болѣзни былъ
окрещенъ, по желанію своей няньки, въ христіанскую вѣру и стало быть
принадлежитъ къ числу католиковъ.

Еще съ болѣшими затрудненіями пришлось бороться католической церкви
съ тѣхъ поръ, какъ совершилось объединеніе Італіи. Хотя придуманная
Кавуромъ формула „свободная церковь въ свободномъ государствѣ“ и не
причинила католической церкви вреда, — въ особенности потому, что піе-
монтская конституція 8 февраля 1848, введенная во всей Італіи, призна-
вала въ своемъ первомъ параграфѣ католицизмъ за государственную ре-
лигію, а другія вѣроисповѣданія допускала въ той мѣрѣ, „въ какой это
дозволялось дѣйствующими законами“, — но, не смотря на такую неясность
закона, Вальденсы и свободная церковь стали расширять свое вліяніе. Въ
виду того, что дарбисты и другіе англійскіе сектанты стали вносить въ „сво-
бодную церковь“ спиритуализмъ, Десанктисъ снова перешелъ въ 1864 году

на сторону Вальденсовъ, открывшихъ съ 1861 года во Флоренціи теологическій факультетъ, во главѣ котораго сталъ профессоръ Геймона. А послѣ того, какъ „свободная церковь“ устранила опасность распадѣнія на секты, созданную гарибальдійскимъ полковымъ священникомъ Александро Гавацци, она установила свой символъ вѣры и свое внутреннее устройство на общихъ собраніяхъ въ Миланѣ (въ 1870 г.) и во Флоренціи (въ 1871 г.). Мелкія общины итальянскихъ протестантовъ мѣстами подвергались кровавымъ преслѣдованіямъ со стороны фанатической черни, какъ напр. въ 1866 въ Барлеттѣ; однако, когда Пій IX умеръ, въ Италіи находилось на лицѣ около ста семидесяти протестантскихъ общинъ, а число тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершалось протестантское богослуженіе, до такой степени увеличилось въ самомъ Римѣ, что Левъ XIII счелъ нужнымъ возобновить старыя церковныя проклятія противъ тѣхъ Римлянъ, которые стали-бы содѣйствовать распространенію раскола.

Но ни протестантизмъ, неспособный когда-либо пустить глубокіе корни во всей итальянской націи, ни масоны, вступившіе въ борьбу съ приверженцами папства (Paparini), не были такъ опасны для папскаго владычества, какъ національныя идеи, широко распространившіяся даже среди духовенства и съ 1861 года находившія краснорѣчивыхъ защитниковъ даже среди высокопоставленныхъ лицъ духовнаго званія; такъ напр. совѣтъ отказать отъ свѣтской власти высказывали: апостолическій протонотарій Ливерани въ направленномъ противъ политики кардинала Антонелли сочиненіи „Папство, имперія и итальянское государство“; іезуитскій патеръ Пассалія въ сочиненіи „За интересы Италіи къ католическимъ епископамъ“ и Курци, который хотя и былъ основателемъ журнала *Civiltà cattolica*, но былъ впослѣдствіи исключенъ изъ членовъ іезуитскаго ордена. Самое сильное движеніе въ пользу преобразования „итальянской національной церкви“ исходило изъ Неаполя подъ руководствомъ священника Луиджи Прота-Джурлео; но Риказоли подавилъ его изъ политическихъ соображеній. Однако, такіе благонамѣренные идеалисты, какъ Джіоберти и Розмини и вмѣстѣ съ ними государственный дѣятель Маміани не отказывались отъ увѣренности, что въ католической церкви совершаются внутреннія преобразования, между тѣмъ какъ гегеліанецъ Рафаэль Маріано тщетно старался разсѣять эту иллюзію своихъ соотечественниковъ и внушить имъ расположеніе къ философскому міровоззрѣнію („Религіозный вопросъ въ Италіи“, 1872). Но самую глубокую рану нанесла въ Италіи папству національная политика піемонтской династіи, побѣдоносно объединившей страну и уничтожившей существованіе Церковной области. Не смотря на то, что итальянское правительство признало „независимость церкви“ и закономъ о гарантіяхъ обезпечило самостоятельность папы, жалобы на „жалкое положеніе“ святаго отца и его мнимое содержаніе въ плѣну раздаются непрерывно, производя болѣе сильное впечатлѣніе за границей и въ особенности въ Германіи, чѣмъ на преданное національнымъ интересамъ большинство итальянскихъ католиковъ.

Ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не былъ такъ безусловно привязанъ къ католицизму, какъ Испанцы. Вся Испанія была покрыта сѣтью религіозныхъ орденовъ и братствъ. Инквизиція, съ негодованіемъ отвергнутая всѣми цивилизованными народами, была тамъ національнымъ учрежденіемъ. Въ ея „празднествахъ“ вѣрно выражался мрачный и страстный характеръ испанскаго благочестія. Хотя реставрація 1814 года и не возобновила публичнаго сожиганія еретиковъ, но она снова ввела мучительное тюремное заключеніе и ссылку на галеры для тѣхъ, кто усвоивалъ или поддерживалъ еретическія ученія. Борьба съ расколомъ снова сдѣлалась высшею цѣлю испанской политики. А подобно политикѣ, юстиціи,

Испанія и
Португалія.

адміністраціи, и университеты и школы не сходили со стези монашескаго правовѣрія. „Никогда никакая церковь не пользовалась ни въ какой странѣ такимъ-же безпредѣльнымъ могуществомъ, какъ католическая въ управляемой Габсбургами Испаніи“. Отъ этого страна пришла въ совершенный упадокъ. Чувства и мысли когда-то славившейся своимъ могуществомъ націи были отравлены въ самомъ корнѣ; слѣды просвѣщенія восемнадцатаго столѣтія были изглажены безъ всякаго труда; священные обѣты, процессіи, мольбы о ниспосланіи чудесъ снова составляли существенное содержаніе народной жизни, а самыя дикія страсти по временамъ находили для себя удовлетвореніе въ оргіяхъ, которыя устроивались отрядами фанатиковъ, защищавшихъ тронъ и алтарь отъ нападковъ либерализма. Церковная іерархія дѣйствовала за-одно все съ болѣе грубыми и болѣе негодными слоями населенія, поэтому дѣло мало по малу дошло до разрыва между церковью и лучшими элементами общества. Такъ какъ католическій король Фердинандъ VII, подобно португальскому королю донъ-Мигуэлю, искалъ для себя опоры преимущественно въ нравственно-испорченномъ духовенствѣ, въ монахахъ, въ іезуитахъ и въ инквизиціи, то замѣна неограниченной монархической власти либеральною конституціею кортесовъ сильно отразилась на положеніи церкви. Въ то время, какъ въ Испаніи малодушный, суевѣрный донъ-Карлосъ боролся изъ-за обладанія королевскимъ трономъ при содѣйствіи всего духовенства, а его противники — Христина и ея дочь Изабелла обратились за помощью къ либераламъ и старались найти для себя опору въ націи посредствомъ созванія кортесовъ, 1835—1837. народъ — какъ мы увидимъ впоследствии — отплачивалъ за свое долгое умственное рабство разрушеніемъ монастырей, умерщвленіемъ священниковъ и въ особенности монаховъ, которыхъ считалъ виновниками холеры вслѣдствіе распространившагося слуха, будто они отравляли колодцы. Кортесы, раздраженные сопротивленіемъ духовенства демократическому преобразованію испанскихъ государственныхъ учреждений, наконецъ прибѣгнули къ такимъ-же мѣрамъ, къ какимъ прибѣгало въ девяностыхъ годахъ французское національное собраніе. Они отобрали въ казну всѣ монастырскія имѣнія и продали церковную утварь на государственныя потребности и на покрытіе военныхъ расходовъ; они отмѣнили взысканіе десятинной подати и объявили всѣ церковныя имущества собственностью націи; инквизиція и іезуиты исчезли; торговля и устройство школъ стали дѣлать успѣхи. Папа тщетно объявлялъ недѣйствительными постановленія кортесовъ, посягавшія на церковную собственность. 1840. Эспартеро, назначенный регентомъ въ награду за свою побѣду надъ донъ-Карлосомъ, приказалъ силою вывезти папскаго нунція изъ Испаніи, угрожалъ упраздненіемъ папской юрисдикціи, а всѣхъ священниковъ, исполнявшихъ папскія приказанія, смѣнялъ или отправлялъ въ изгнаніе. Съ тѣхъ поръ въ Испаніи сдѣлался окончательнымъ разрывъ между цивилизаціей и церковью, а большинство націи стало безпрестанно колебаться въ своихъ убѣжденіяхъ, увлекаясь то обѣщаннымъ ей либералами, идеальнымъ государственнымъ устройствомъ, то обѣщаніями клерикаловъ доставить ей вѣчное блаженство, и постоянно испытывая съ обѣихъ сторонъ все новыя разочарованія.

Строгія мѣры противъ побѣжденной церкви, за которую папа приказалъ произносить въ церквахъ молитвы, привели къ паденію регента. Юная королева Изабелла II и ея преданная папскому престолу мать уладили примиреніе съ папой, подобно тому, какъ такая-же цѣль была достигнута въ Португаліи подъ управленіемъ донны Маріи да-Глоріи. Тогда выгнанные священники возвратились въ Испанію, а продажа уцѣлѣвшихъ церковныхъ имѣній была прекращена. Возобновились и преслѣдованія иновѣрцевъ; ихъ сдерживало въ извѣстныхъ предѣлахъ только вмѣшательство иностранныхъ

правительствъ. Въ то-же время проникъ въ испанскую жизнь новый элементъ, по видимому, неимѣвшій характера прочности: испанскій офицеръ Манюэль Матаморосъ перешелъ въ протестантскую вѣру и нашолъ нѣсколькихъ единомышленниковъ. Всѣ они были немедленно заключены въ тюрьмы въ Малагѣ и въ Гренадѣ. Ихъ ожидала ссылка на галеры; но депутация, составившаяся изъ представителей всѣхъ націй благодаря главнымъ образомъ стараніямъ Голландца д-ра Канадозе, психодатайствовала 20 мая 1862. у испанскаго правительства замѣну ссылки изгнаніемъ. Эти изгнанники основали въ По, въ Женевѣ, въ Лозаннѣ учебныя заведенія съ цѣлю распространенія евангелической вѣры въ Испаніи, а вскорѣ послѣ смерти Матамороса (въ 1866 г.) для ихъ дѣятельности открылось болѣе широкое поле: вѣдь революція 1868 года принесла по меньшей мѣрѣ ту пользу, что конституція 1869 года признала полную свободу культа. Вся либеральная пресса стала вступаться за протестантовъ и дѣло дошло до образованія протестантскихъ общинъ. Уже въ 1869 году возникли въ Мадридѣ четыре такія общины и въ томъ числѣ та, которую основалъ Франциско де-Паула Рюэ, перешедшій въ протестантскую вѣру еще въ 1855 году. Съ 1870 года съ успѣхомъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи нѣмецъ Фридрихъ Флинднеръ. Первый протестантскій генеральный синодъ открылъ свои засѣданія въ Севильѣ въ 1871 году. Но въ томъ-же году смерть отняла у испанскаго протестантизма одного изъ его главныхъ представителей въ лицѣ Карраско. Подъ управленіемъ сына Изабеллы, Альфонса XII, возникли съ 1876 года новыя стѣсненія, такъ какъ 11-ая статья конституціи 1876 года предоставляла только государственной религіи право публичнаго богослуженія, а статья 134-ая снова наводнила страну іезуитами и другими религіозными орденами. Протестантовъ снова стали повсюду угнетать; только съ 1881 года, съ тѣхъ поръ какъ во главѣ министерства былъ поставленъ Сагаста, произошла перемѣна къ лучшему. Во всякомъ случаѣ очень важное значеніе имѣетъ тотъ фактъ, что и на Пиренейскомъ полуостровѣ не только значительно уменьшились богатства церкви и ослабѣло вліяніе духовенства, но даже сдѣлалось спорнымъ единовластіе католическаго вѣроисповѣданія. И въ Португаліи достигла нѣкоторыхъ успѣховъ протестантская пропаганда, которая велась изъ Лиссабона.

Реставрированный католицизмъ этого періода извлекалъ свои главные силы не изъ Италіи и не изъ Испаніи, а изъ Франціи. Тамъ революція и Наполеонъ подрѣзали въ самомъ корнѣ старинныя высокомѣрныя притязанія галликанской церкви, отнявши у духовенства собственность. Это, конечно, не мѣшало французскимъ епископамъ еще долго увлекаться галликанскими идеями. Но участь, постигшая, послѣ заключенія конкордата, тѣхъ священниковъ, которые присягнули республикѣ, постоянно служила грознымъ предостереженіемъ, которое никогда не терялось изъ виду. Когда епископамъ предоставлялась свобода выбора, они, не колеблясь, становились подъ римское знамя, даже если оно находилось въ рукахъ іезуитовъ. Побужденіе къ религіозной реставраціи во Франціи исходило въ сущности и не отъ духовенства и не отъ іезуитовъ, а находилось въ связи съ странной перемѣной въ настроеніи народныхъ умовъ. Вслѣдствіе пресыщенія такъ долго непрерывно повторявшимися основными идеями революціи, то есть «принципами 1789 года», возникло новое направленіе не только въ Французская церковь.

политикѣ, но также въ литературѣ, въ искусствѣ и въ особенностяхъ въ религіозной жизни. Люди, жившіе во времена Учредительнаго Собранія и Конвента, Директоріи и Консульства, возвращались въ старости въ лоно католической церкви только въ рѣдкихъ случаяхъ. подѣ гнѣтомъ необходимости и не безусловно, — такъ напр. престарѣлый Талейранъ подчинялся увѣщаніямъ своей племянницы, герцогини Дино, а въ послѣдствіи кардинала Дюнанлу, и сталъ приходить, — какъ онъ самъ говорилъ, — къ тому убѣжденію, что вѣра внушаетъ не менѣе аристократическія чувства, чѣмъ невѣріе. Тѣмъ съ большимъ рвеніемъ участвовало подроставшее поколѣніе въ Крестовомъ походѣ противъ раціонализма и индивидуализма прошлаго столѣтія. Руководящею мыслию, — насколько могла идти рѣчь о такой мысли, — служили потребность въ авторитетѣ и стараніе возвратитъ историческимъ преданіямъ права, отнятыя у нихъ революціей, защититъ заглухшее влеченіе къ религіознымъ вѣрованіямъ и благочестивую фантазію отъ нападковъ со стороны близорукаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ высокомѣрнаго разума. Уже при послѣднихъ Бурбонахъ началась эта работа возстановленія связи съ прошлымъ, которое изображалось не иначе какъ полнымъ благочестіемъ и святости. И это не была грубая работа фанатическихъ роялистовъ и клерикаловъ; благочестивымъ тономъ стали выражаться такіе, начинавшіе въ то время пріобрѣтать извѣстность, писатели, какъ Ламартинъ и Викторъ Гюго; даже философъ Жюффруа (XIV, 969), въ рассказѣ о своемъ впаденіи въ невѣріе (*Comment les dogmes finissent*), соединялъ съ своей странной исповѣдью краснорѣчивое описаніе пылкаго влеченія къ новой вѣрѣ, которою живетъ все юношество.

Но только послѣ іюльской революціи ретроградныя стремленія католической церкви стали одерживать самыя блестящія и самыя прочныя побѣды. Эта революція была вызвана столько-же могуществомъ духовенства, постоянно усиливавшимся въ царствованіе склонной къ ханжеству, королевской династіи, сколько реакціонной политикой монарха, стремившагося къ неограниченной власти, а произведенный ею переворотъ былъ и въ религіозномъ отношеніи не менѣе важенъ, чѣмъ въ политическомъ. Помазанника Божія замѣнилъ король-буржуа. Народъ вторгнулся въ архіепископскій дворецъ и въ нѣкоторыя изъ парижскихъ церквей, служившихъ для политическихъ цѣлей, и вынесъ оттуда кресты вмѣстѣ съ лиліями. Прелаты были исключены изъ состава верхней палаты; ихъ жалованье было уменьшено; министерство духовныхъ дѣлъ было упразднено; католицизмъ утратилъ привилегію государственной религіи. Но послѣ того, какъ исчезло политическое могущество духовенства, возбуждавшее ненависть, исчезла и сама ненависть. Положеніе церкви всегда улучшалось тамъ, гдѣ духовенство должно было рассчитывать только на свое нравственное вліяніе. Токвиль писалъ въ 1835 году: «Съ тѣхъ поръ,

какъ религіи нѣтъ никакого дѣла до политики, обнаруживается между молодыми людьми склонность къ благочестію, неопредѣленная въ своихъ цѣляхъ, но очень вліятельная по своимъ послѣдствіямъ. Многіе вѣруютъ и всѣ желали-бы вѣрить».

Несмотря на стремленія этого французскаго католицизма къ реставраціи и на его привязанность къ прошлому, онъ извлекъ свѣжія силы и особенную привлекательность изъ сочетанія церковныхъ воззрѣній съ демократическими. При этомъ обнаружилась способность папства пріобрѣтать вліяніе, вступаясь за угнетенныя католическія націи, какъ напр. за польскую и ирландскую; его стали считать защитникомъ народовъ и отъ бюрократическаго и отъ всякаго другого деспотизма. Главнымъ проповѣдникомъ такихъ воззрѣній былъ Ламеннэ (XIV, 976 и сл.). Вѣдь знатные люди, до той поры стоявшіе во главѣ консервативнаго направленія, были большею частію дѣтьми прошлаго столѣтія: они считали религію необходимой для простонародья, а въ церковномъ ученіи находили общепонятное, но неудовлетворительное выраженіе натуральной религіи, которою въ сущности можно-бы было довольствоваться. Даже самъ Людовикъ XVIII едва-ли когда либо иначе смотрѣлъ на этотъ вопросъ. Но уже въ его царствованіе появилось сочиненіе Ламеннэ *Essai sur l'indifférence en matière de religion*, 1818—1825. которое объявляло войну господствовавшему при дворѣ и въ «университетахъ» религіозному индиферентизму, называло всю философію со временъ Декарта скептицизмомъ, а уступки, дѣлаемыя церковью государству, и въ особенности галликанскія стремленія епископовъ, называло измѣной. Точно то-же думали и новыя люди, которые при іюльскомъ правительствѣ уже не смотрѣли на религію съ точки зрѣнія интересовъ высшаго духовенства и государства, а видѣли въ ней только интересы народа и, — какъ они воображали, — неразрывно связаннаго съ ними папства. Главными вожаками были католическій священникъ Лакордеръ, впослѣдствіи поступившій въ монашескій орденъ Доминиканцевъ, и графъ Монталамберъ; имъ приходилось испыты-
Лакордеръ.
1802—1861.
Графъ Монталамберъ.
1810—1870.

вать не мало разочарованій, между тѣмъ какъ ихъ общій наставникъ Ламеннэ, — человекъ непреклоннаго характера, гордый и проявлявшій величіе своего ума даже въ своихъ заблужденіяхъ, — отвергалъ всё, что не согласовалось съ самыми крайними выводами изъ его ученія. Сущность этого ученія сводится къ тому, что основу для религіозныхъ вѣрованій слѣдуетъ искать не въ человѣческомъ разсудкѣ, а въ преданіи, что свою окончательную и самую совершенную форму преданіе находитъ въ христіанствѣ, что самая всеобщая и самая популярная форма христіанства есть католицизмъ, который имѣетъ въ папѣ олицетвореніе непогрѣшимаго авторитета. Всѣ государственныя власти на землѣ должны подчиняться папѣ, потому что ни одна изъ нихъ не пользуется такимъ-же, какъ папа, уваженіемъ, и ни одна не основана такъ-же безспорно, какъ папская власть, на принципѣ

народнаго верховенства. Эти мысли распространялъ журналъ *Avenir*, выходившій съ эпиграфомъ «Богъ и свобода!»; онъ былъ первый изъ множества католическихъ журналовъ, ратовавшій во всѣхъ европейскихъ государствахъ не за старый принципъ «трона и алтаря», а въ сущности за алтарь противъ трона. Епископы не были въ состояніи болѣе года выдерживать нападки демократическаго проповѣдника: они обратились съ жалобами къ папѣ; тогда Ламеннэ, Монталамберъ и Лакордеръ отправились въ Римъ для того, чтобъ услышать свой приговоръ изъ устъ того, кого они сами признали непогрѣшимымъ. Но они услышали не то, чего ожидали. Папа не хотѣлъ ничего слышать ни о демократической церкви, ни о томъ, какъ съ ея помощью слѣдуетъ низвергнуть владычество деспотовъ и привилегированныхъ сословій; его интересы еще были связаны съ интересами европейскаго абсолютизма; всего менѣе онъ былъ расположенъ отказатьсь отъ своей свѣтской власти. Тогда Ламеннэ воскликнулъ: «Откажитесь отъ бранныхъ остатковъ вашего прежняго величія; оттолкните ихъ отъ себя, какъ васъ недостойныхъ; скоро придетъ время, когда ихъ отнимутъ у васъ». Эти пророческія слова пришлись по вкусу только тѣмъ, кого приглашали къ присвоенію тѣхъ бранныхъ остатковъ, а папа не обратилъ на нихъ никакого вниманія: глубоко разочарованный, Ламеннэ покинулъ вѣчный городъ послѣ семимѣсячнаго въ немъ пребыванія. Немедленно вслѣдъ за его отъѣздомъ, 13 авг. 1832. Григорій XVI обнародовалъ энциклику, въ которой осуждалъ всѣ теоріи будущаго государственнаго устройства и въ особенности требованіе гражданской свободы, свободы печати и совѣсти, равно какъ оправданіе возстаній угнетенныхъ народовъ. А когда отъ Ламеннэ потребовали не только изъявленія покорности, но также отреченія отъ своихъ убѣжденій, тогда порвалась послѣдняя нить, привязывавшая оскорбленнаго мыслителя къ Риму. Этотъ писатель, прежде проповѣдывавшій «безусловную необходимость непогрѣшимой церкви для борьбы съ безразсудствами индивидуальнаго разума», быстро измѣнилъ свои воззрѣнія (XIV, 977). Лакордеръ разошелся съ нимъ еще въ Римѣ, а Монталамберъ послѣ появленія сочиненія *Paroles d'un croyant*. Однако, не смотря на то, что папа отвергнулъ этого «вѣроотступника», королевское правительство преслѣдовало его, а суды постановляли надъ нимъ обвинительные приговоры, онъ остался во Франціи такою силою, съ которою нельзя было не считаться, — а это ясно доказывало, что большая часть французской націи утратила прежнюю искреннюю привязанность къ римской церкви. Въ виду этого факта, аббатъ Шатель присвоилъ себѣ званіе примаса Галліи и основалъ французско-католическую церковь во вкусѣ радикальнаго либерализма; эта церковь отдѣлилась отъ римской и успѣла организовать нѣсколько общинъ, но ея тщеславіе, ея политическія стремленія и отрицательный характеръ ея религіознаго ученія скоро до-

вели ее до упадка и она была закрыта по распоряженію полиціи. Только Ламеннэ соединялъ съ силой религіознаго убѣжденія способность понимать, съ какой стороны слѣдовало вліять на французскій народный умъ для того, чтобъ привести въ движеніе народныя массы. Но онъ бесплодно истощалъ свои силы на недостижимую цѣль, стараясь согласовать свободный духъ революціи съ непогрѣшимостью церкви. Другіе пытались воспользоваться посѣянными имъ сѣменами въ интересахъ «свободной церкви». Именно такую цѣль преслѣдовалъ перешедшій въ орденъ доминиканскихъ монаховъ, священникъ Лакордеръ, который всегда умѣлъ придавать религіи легкій отпечатокъ либерализма и, подобно іезуитскому священнику Равиньяну, произносилъ въ парижскомъ соборѣ Богоматери проповѣди, напоминавшія самыя славныя эпохи французскаго церковнаго краснорѣчія. Въ томъ-же направленіи дѣйствовали Монталамберъ, произносившій зажигательныя рѣчи въ палатѣ пэровъ, и воинственный аббатъ Дюпанлу, впослѣдствіи назначенный орлеанскимъ епископомъ и нѣкоторое время бывшій въ Сорбоннѣ коллегой рано умершаго профессора Озанама; этотъ послѣдній написалъ прекрасное сочиненіе о Данте, а основаніемъ общества St.-Vincent de Paul доставилъ религіозной пропагандѣ могущественное средство вліянія на кружки образованныхъ людей. Этихъ писателей поддерживала пресса, которою руководилъ главнымъ образомъ Луи Вельо; онъ сначала былъ преданнымъ министерству журналистомъ, обратился въ католицизмъ послѣ своей поѣздки въ Римъ на праздникъ Пасхи и съ тѣхъ поръ сдѣлался, въ качествѣ издателя газеты *Univers*, однимъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ ультрамонтанизма.

1842.

1840.

1838.

Эти люди съумѣли ввести во Франціи въ моду ультрамонтанизмъ. «Набожность скоро стала считаться за хорошій тонъ среди дамъ высшаго общества; даже мушоны боялись прослыть за отсталыхъ людей, если-бы стали такъ-же, какъ въ двадцатыхъ годахъ, громко высказывать свое сочувствіе къ мнѣніямъ Вольтера». Даже епископы убѣдились въ невозможности отстаивать галликанскія притязанія и стали дѣйствовать за-одно съ приверженцами «свободной церкви». При дворѣ постоянно держала эту сторону королева, которая была родомъ Неаполитанка. Хотя самъ король и былъ по складу своего ума рационалистъ, но его заставляли подчиняться духу времени политическія соображенія: во внѣшней политикѣ онъ подчинялся вліянію Австріи, во внутренней онъ руководствовался желаніемъ примирить дворянство и духовенство съ іюльской монархіей и привлечь ихъ на сторону новой династіи.

Вотъ при какихъ условіяхъ іезуиты стали пожинать плоды безразсуднаго, но благороднаго воодушевленія, вызваннаго сочиненіями Ламеннэ. Исчезновеніе прежней умѣренной религіозности неизбѣжно должно было привести къ тому, что французскій католицизмъ воплилъ

подчинится вліянію іезуитовъ. Изгнанные еще при Карлѣ X, іезуиты возвратились теперь во Францію втихомолку и переодѣвшись въ чужіе костюмы. Тѣ двѣнадцать учебныхъ заведеній, которыя принадлежали имъ во время ихъ изгнанія въ 1828 году, разрослись въ 1843 году въ сорокъ семь; число мужскихъ монастырей удвоилось при іюльскомъ правительствѣ, а число женскихъ даже утроилось. Только тогда твердо установилась тактика ультрамонтанскаго направленія и сдѣлалась ясной его цѣль возстановить обѣщанную хартіей, свободу преподаванія. Слова «свобода преподаванія» пріятно звучали въ ушахъ народа, а тѣ люди, которые стали громко ее требовать, безъ сомнѣнія, понимали ее въ смыслѣ промышленной свободы. Напротивъ того, ультрамонтаны старались забрать въ свои руки образованіе юношества, уничтожить государственную монополію, укоренившуюся въ этой сферѣ подъ названіемъ «университета Франціи», и устранить зависимость отъ государства во-первыхъ въ народныхъ школахъ, во-вторыхъ въ гимназіяхъ, въ третьихъ въ университетахъ. Въ школахъ эта цѣль уже была въ сущности достигнута при іюльскомъ правительствѣ; въ гимназіяхъ она была достигнута въ 1850 году, въ университетахъ въ 1873; такимъ образомъ, по меньшей мѣрѣ по отношенію къ успѣхамъ ультрамонтанизма можно замѣтить, что новѣйшая исторія Франціи шла путемъ прямолинейнаго развитія.

Уже въ тридцатыхъ годахъ министры просвѣщенія Гизо и Кюзенъ разными способами содѣйствовали успѣху этихъ стремленій, потому что усматривали въ немъ пользу для консервативныхъ интересовъ. Еще дальше зашли тѣмъ-же путемъ Виллеменъ, вызвавшій горячую борьбу своимъ проектомъ закона о народномъ образованіи, и Сальванди, старавшійся возстановить согласіе посредствомъ уступокъ въ пользу церкви. Но чѣмъ снисходительнѣе относилось правительство къ духовенству, тѣмъ заносчивѣе становились притязанія этого послѣдняго. Борьба за свободу преподаванія, начавшаяся въ исповѣдной и на церковной каѳедрѣ, продолжалась безчисленными религіозными обществами, брошюрами, журналами и почти совершенно наполнила собою послѣдніе десять лѣтъ іюльскаго режима. Хотя епископы, вызванные

1841. на судъ государственнаго совѣта за свое обращеніе къ королю съ невѣжливымъ письмомъ, и были подвергнуты порицанію за употребленіе во зло своего высокаго положенія, но скоро для всѣхъ стало ясно, что всё это было лишь исполненіемъ пустой формальности, надъ которымъ публично смѣялись осужденные. Уже въ то время церковь могла хвалиться тѣмъ, что извлекла изъ іюльской революціи только выгоды. Число лицъ духовнаго званія увеличилось. Посѣщеніе церквей и исполненіе церковныхъ обрядовъ снова вошли въ обыкновеніе, которому съ теченіемъ времени сталъ подчиняться самъ король. Вліяніе духовенства въ средѣ знати и буржуазіи постоянно усиливалось; число браковъ между лицами различныхъ вѣроисповѣданій стало уменьшаться.

Мартъ 1844.

Католическая пресса и благочестивая беллетристика сдѣлались новыми орудіями для духовенства и устояли въ борьбѣ съ литературой противоположнаго направленія. Тѣмъ враждебнѣе относились къ церкви оппозиціонныя партіи—либеральная и республиканская. Знаменитые ученые и даровитые писатели,—какъ напр. историкъ Мишле и поэтъ-философъ Кинэ, — выступили въ походъ противъ церковной партіи и іезуитовъ: при содѣйствіи либеральнаго политическаго дѣятеля Тьера, они добились отъ палаты постановленія, что къ іезуитамъ слѣдуетъ примѣнять законы о недозволенныхъ обществахъ. Но іезуиты уже сѣумѣли заручиться такой сильной опорой въ правительственныхъ сферахъ, что постановленіе палаты послужило лишь поводомъ для заключенія съ папскимъ правительствомъ притворнаго соглашения, вслѣдствіе котораго небольшое число іезуитовъ удалилось изъ Франціи и было закрыто нѣсколько іезуитскихъ учебныхъ заведеній, но главные вожди іезуитовъ стали лишь съ бѣльшей осмотрительностью продолжать свою прежнюю дѣятельность. Хотя правительственная пресса и выдавала этотъ результатъ за блестящій триумфъ, но для всякаго было ясно, что правительство старалось ввести націю въ заблужденіе; недовольство еще усилилось, когда Луи Филиппъ и его министръ Гизо стали поддерживать орденъ іезуитовъ даже въ Швейцаріи, гдѣ его пребываніе послужило поводомъ для войны Зондербунда. Поэтому нисколько не удивительно, что начавшая развиваться во Франціи, республиканская литература стала съ теченіемъ времени въ непріязненныя отношенія къ церкви и къ христіанству. Она стала стремиться къ замѣнѣ большихъ религіозныхъ обществъ обществами съ мірскими, соціальными цѣлями, а въ замѣнъ небесной религіи стала проповѣдывать ученіе о земномъ счастьи (эвдемонизмъ).

Май 1845.

Бельгія была той страной, въ которой римской церковной политикѣ было суждено выказать на дѣлѣ всѣ ея превосходства надъ новѣйшимъ либерализмомъ. Такъ какъ голландское правительство выгнало іезуитовъ и сдерживало фанатизмъ католическихъ священниковъ требованіемъ обязательнаго образованія, то ультрамонтанское духовенство стало дѣйствовать заодно съ либералами и этимъ привело къ распаденію королевства на двѣ самостоятельныя части. Это была первая попытка, — въ послѣдствіи повторившаяся въ Германіи и въ другихъ странахъ, — осуществить на практикѣ союзъ церкви съ революціей. Но послѣ того, какъ духовенство достигло полной свободы для дѣятельности церковныхъ орденовъ, а благодаря болѣе широкому простору для дѣятельности своихъ миссіонеровъ набрало въ странѣ болѣе чѣмъ достаточную и вполне преданную своимъ вождямъ папскую армію, оно могло отказаться отъ противоестественнаго союза съ либерализмомъ. Какъ были опасны эти союзники, либералы замѣтили слишкомъ поздно,—замѣтили только тогда, когда бельгійское духовенство воспользовалось свободой преподаванія для того, чтобъ организовать систему воспитанія согласно съ своими принципами и этимъ способомъ дать умственной дѣятельности будущихъ поколѣній выгодное для ультрамонтанъ направленіе, а епископы стали употреблять во зло свою власть, увольняя

Бельгія.

либеральныхъ священниковъ отъ должностей и отказывалъ въ отпущеніи грѣховъ просвѣщеннымъ либераламъ, которыхъ называли масонами. Мечты о свободномъ университетѣ, которыми горячо увлекались въ Германіи общія собранія католиковъ лишь при слѣдующемъ поколѣніи, блистательно осуществились въ Бельгін еще въ 1834 году. Для противодѣйствія католической коллегіи въ Лёвенѣ, либералы основали на собственные средства университетъ въ Брюсселѣ. Но не смотря на принадлежность короля къ протестантскому вѣроисповѣданію и на либеральныя учрежденія страны, клерикальная партія почти постоянно одерживала верхъ; даже въ болѣе близкое къ намъ время лучшіе бельгійскіе министры, дѣйствовавшіе въ ущербъ клерикальнымъ интересамъ, съ трудомъ могли держаться на своихъ мѣстахъ съ помощію крайне непрочного парламентскаго большинства; такимъ образомъ, было основаніе опасаться, что на берегахъ Шельды и Мааса возникнетъ церковная область съ номинальнымъ королемъ подъ охраной самыхъ либеральныхъ государственныхъ учреждений.

Ирландія.

Ирландскій народъ былъ доведенъ безжалостной системой англійскаго управленія и своимъ собственнымъ нерадѣніемъ до такого отчаяннаго положенія, что „въ своемъ собственномъ отечествѣ жилъ наемной платой, которую получалъ отъ иноземной іерархіи и аристократіи, и каждую зиму опасался голодной смерти“; онъ, наконецъ, сталъ съ угрозами требовать церковныхъ и политическихъ реформъ, которыя вывели-бы его изъ такого бѣдственнаго положенія. Великій агитаторъ О'Коннель старался, при содѣйствіи духовенства, усиловать возбужденіе умовъ и поддерживать требованія реформъ угрозой отмѣны „акта соединенія“ (the Act of Union); въ то-же время, доминиканскій монахъ Матіу († 1856) старался внушать основанныя на самоуваженіи правила нравственности при содѣйствіи общества трезвости (the teetotallers). Въ концѣ двадцатыхъ годовъ и въ теченіе тридцатыхъ вниманіе всей Европы было обращено на этихъ людей, впервые блистательно доказавшихъ на дѣлѣ, что новѣйшими либеральными государственными учрежденіями можно пользоваться для отставанія средневѣковаго міровоззрѣнія. Въ сущности тутъ шло дѣло объ эманципаціи католиковъ и объ отмѣнѣ десятинной подати. Но не смотря на то, что англійское министерство, составленное изъ виговъ, настойчиво стремилось къ преобразованію ирландскихъ церковныхъ учреждений, оно добилося только замѣны церковной десятинной подати болѣе умѣреннымъ поземельнымъ налогомъ; всѣ другія попытки реформъ встрѣчали непреодолимое препятствіе въ рвеніи приверженцевъ высокой церкви. „Для примиренія съ Ирландіей, министерство Пилля провело въ парламентѣ билль о духовныхъ завѣщаніяхъ, позволявшій католической церкви—впрочемъ за исключеніемъ монашескихъ орденовъ—пріобрѣтать на свое имя собственность, и назначившій ежегодное денежное вспоможеніе майнотской семинаріи, въ которой воспитывалось католическое духовенство; кромѣ того лондонское правительство помогло основанію въ Ирландіи такихъ народныхъ школъ, которыя старались игнорировать различіе между церквами католической и протестантской“. Но только билль объ ирландской реформѣ и слѣдовавшій вслѣдъ за нимъ билль, по которому ирландская церковь перестала считаться государственной (disestablishment of the Irish church), отняли у англиканской церкви въ Ирландіи право облагать налогами католиковъ и диссентеровъ. Однако, и эти мѣры не скоро успокоили недовольныхъ.

1838.

1845.

1868.

1869.

Швейцарія.

Только въ Швейцаріи ультрамонтанизму пришлось переживать рѣшительныя неудачи. Орденъ іезуитовъ постарался утвердиться въ католическихъ кантонахъ лишь только былъ возстановленъ. Средоточіемъ ультрамонтанскихъ стремленій сдѣлался Люцернъ въ особенности съ тѣхъ поръ,

1839.

какъ Іосифъ Левъ Эберсолъ сталъ хлопотать о передачѣ учебныхъ заведеній въ завѣдываніе іезуитовъ и достигъ этой цѣли не смотря на вызванное имъ сильное волненіе. Подчинившіеся вліянію іезуитовъ, кантоны уже ранѣе вступили между собою въ особый союзъ (Зондербундъ), фактически упразднившій существованіе Швейцарскаго Союза. Либераламъ другихъ кантоновъ, наконецъ, удалось, послѣ продолжительной борьбы, провести въ сеймѣ постановленіе объ упраздненіи Зондербунда и объ изгнаніи іезуитовъ изъ Швейцаріи; но только благодаря энергіи и заботливости сейма, возведенное іезуитами зданіе было разрушено въ концѣ 1847 года, не смотря на поддержку, оказанную Зондербунду Меттернихомъ и Луи Филиппомъ.

1844.

1847.

Высказанное нами ранѣе замѣчаніе, что недостатокъ широкой сферы для свободной политической дѣятельности легко вызываетъ чрезмѣрно горячую борьбу между церковными партіями, оправдывается преимущественно примѣромъ Германіи въ особенности потому, что такому направленію жизненной дѣятельности благопріятствуетъ врожденное влеченіе нѣмецкаго ума къ отвлеченностямъ и къ мечтательности. Ни въ одной изъ романскихъ странъ строго-церковная партія не была въ состояніи воздвигнуть для себя такихъ-же твердыхъ оплотовъ, какіе были воздвигнуты нѣмецкими ультрамонтанами въ главныхъ центрахъ ихъ владычества — въ Баваріи и въ при-рейнскихъ странахъ. Даже въ Австріи, гдѣ эта партія находила для себя чрезвычайно сильную политическую поддержку, либеральные принципы стали съ теченіемъ времени вести борьбу съ ультрамонтанизмомъ съ такими шансами успѣха, какихъ нельзя было найти ни въ старой при-рейнской «поповской улицѣ» (Pfaffenstrasse), ни въ вестфальскихъ и баварскихъ провинціяхъ. Но такъ какъ эта партія ясно сознавала, какъ былъ губителенъ для нея духъ времени, то она повсюду вступала въ борьбу съ умственной свободой и навлекала на себя ея проклятія. Для противодѣйствія просвѣщенію и умственному развитію, она поддерживала въ народѣ склонность къ обскурантизму, къ суевѣріямъ и фантастическую страсть къ чудесамъ; смѣлымъ философскимъ теоріямъ «молодой Германіи» она противопоставляла разукрашенныя поэзіей и искусствомъ, средне-вѣковыя вѣрованія, а чтобъ защитить католическую церковь отъ разрушительнаго вліянія протестантизма, отстаивала недопускавшій никакихъ реформъ культъ прошлаго, враждебный и наукѣ и образованію и даже государственнымъ интересамъ. Главнымъ для нея органомъ служили историко-политическіе журналы, основанные энергичнымъ и одареннымъ богатою фантазіей, мюнхенскимъ профессоромъ Іаковомъ Іосифомъ Гёрресомъ; этотъ романтикъ, перешедшій изъ либеральной оппозиціи на сторону папскаго абсолютизма и клерикальных демагоговъ, изливалъ свою ярость и свое остроуміе на бюрократическій механизмъ новѣйшей системы государственнаго устройства. Во времена Наполеоновскаго владычества и въ первые годы существованія Герман-

Церковная
борьба въ Гер-
маніи.

1838.

Іаковъ Іосифъ
Гёрресъ.
1776—1848.

скаго Союза, когда повсюду господствовала реакція, Гёрресъ былъ горячимъ поборникомъ національныхъ интересовъ и увлекательнымъ народнымъ трибуномъ: въ то время онъ требовалъ возстановленія Германской имперіи, вступался за народныя права, былъ горячимъ патріотомъ, которымъ гордились его земляки; но преслѣдованія и огорченія все сильнѣе побуждали его перейти на сторону ультрамонтанъ.

Однако, прошло еще не мало времени прежде, чѣмъ новомодный романизмъ заглушилъ тѣ болѣе возвышенныя чувства, которыми руководствовалась католическая церковь въ концѣ прошедшаго столѣтія и въ началѣ настоящаго. Въ особенности въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ католики и протестанты пользовались равными правами, новое направленіе встрѣчало сильное сопротивленіе. Только въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ мало по малу вымерло то поколѣніе католическихъ священниковъ, которое, благодаря своимъ сношеніямъ съ протестантами, научилось религіозной терпимости, дружелюбно относилось къ своимъ коллегамъ евангелическаго вѣроисповѣданія и излечилось отъ многихъ предразсудковъ благодаря болѣе либеральному образованію, которое получало въ университетахъ. Эти люди искренно желали церковной реформы: они требовали учрежденія мѣстныхъ синодовъ для введенія соотвѣтствующихъ требованій времени улучшеній, возставали противъ безбрачія католическаго духовенства, хотѣли сблизить католицизмъ съ протестантизмомъ посредствомъ дозволенія совершать богослуженіе на мѣстномъ языкѣ, свободно объяснять содержаніе Священнаго Писанія и искоренять склонность къ ханжеству путемъ распространенія просвѣщенія (сравн. XIV, 604).

Вессенбергъ. Это направленіе имѣло многочисленныхъ приверженцевъ въ Баденѣ, а 1774—1860. такъ какъ это явленіе приписывалось дѣятельности барона Вессенберга, бесспорно, представлявшаго собою самый симпатичный типъ нѣмецко-національнаго, анти-римскаго направленія въ католицизмѣ, то Вессенбергъ былъ удаленъ отъ управленія констанцскимъ епископствомъ; — стало быть „никакія оказанныя церкви услуги не могли служить въ глазахъ римской куріи оправданіемъ свободныхъ нѣмецкихъ воззрѣній“. И фрейбургскій

Гиршеръ. каноникъ Гиршеръ, старавшійся кроткими мѣрами вводить реформы въ 1788—1865. католической церкви, навлекъ на себя своимъ либеральными воззрѣніями и требованіями непріятности и подозрѣнія; онъ былъ вынужденъ подчиниться требованіямъ римской куріи. Въ Тюбингенѣ долѣе выдерживалъ

Іоаннъ Кунъ. борьбу съ ультрамонтанизмомъ епископъ Кунъ. Въ Регенсбургѣ, въ Ин- 1806—1887. гольштадтѣ, въ Ландсгутѣ и вообще въ Баваріи обнаруживалъ благотвор-

Сэлеръ. ную дѣятельность благочестивый регенсбургскій епископъ Сэлеръ. Онъ со- 1751—1832. биралъ вокругъ себя молодежь, для которой христіанство заключалось въ спасеніи рода человѣческаго, а религія въ челоуѣколюбіи. Поэтому онъ не придавалъ большого значенія церковнымъ обрядамъ, рекомендовалъ чтеніе произведеній Фенелона и Лафатера и находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ вюртембергскими піетистами. Такъ какъ члены этого кружка подвергались преслѣдованіямъ со стороны романистовъ и насмѣшкамъ со

стороны либераловъ, то нѣкоторые изъ нихъ отложились отъ церкви. Какая путаница идей господствовала въ эпоху реставраціи, видно изъ того факта, что протестантскій ученый Нибуръ, бывший въ то время прусскимъ посланникомъ въ Римѣ, считалъ вышеупомянутыхъ противниковъ ультрамонтанизма революціонерами и сумасбродами, а папство казалось ему „приходящимъ въ упадокъ, безвреднымъ учрежденіемъ“. Послѣдствія такой государственной мудрости очень скоро обнаружались въ борьбѣ, вызванной образомъ дѣйствій кѣльнскаго епископа и вопросомъ о смѣшанныхъ бракахъ (т. е. между лицами различныхъ вѣроисповѣданій).

Прежніе члены нѣмецкаго духовенства, всячески старавшіеся устрани- Споры о смѣ-
нить поводы для раздоровъ между нѣмецкими подданными различныхъ шанныхъ бра-
вѣроисповѣданій, мало по малу замѣнялись, начиная съ тридцатыхъ кахъ.
годовъ, новыми членами, допускавшими патріотическую точку зрѣнія
по большей мѣрѣ съ очень значительными оговорками и относивши-
мися съ неуваженіемъ къ правамъ государства. Характеристическая
особенность этого новаго, чисто-римскаго, католицизма заключалась
въ томъ, что, не смотря на свое совмѣстное существованіе съ про-
тестантизмомъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ протестанты были равно-
правны съ католиками, онъ какъ будто не признавалъ за про-
тестантизмомъ не только права на существованіе, но даже самого
факта существованія. Несовмѣстимость ультрамонтанскихъ принци-
повъ съ законными правами государственной власти обнаружилась
въ первый разъ и въ типичной формѣ, когда возникъ споръ о смѣ-
шанныхъ бракахъ, создавшій въ разрозненной Германіи новыя пре-
пятствія стремленіямъ къ національному единству. Католическая цер-
ковь въ Пруссіи, недовольная своимъ зависимымъ положеніемъ въ
протестантскомъ государствѣ, не обнаруживала большой признатель-
ности благочестивому королю Фридриху Вильгельму III за то, что онъ
поддерживалъ ея вліяніе среди рейнско-вестфальскаго дворянства,
обогащая ея духовенство, основывая церкви и школы, возстановляя
майораты и другія дворянскія привилегіи. Со времени заключенія
Вестфальскаго мира исчезла преграда, недопускавшая никакого сбли-
женія между двумя христіанскими вѣроисповѣданіями; съ тѣхъ поръ
стали совершаться, безъ протестовъ со стороны церкви, смѣшанные
браки, и установилось обыкновеніе воспитывать дѣтей женскаго пола
въ религіи матери, дѣтей мужскаго пола въ религіи отца, — если
не было сдѣлано въ брачномъ договорѣ какихъ либо другихъ усло-
вій. Это обыкновеніе вошло въ законодательство нѣкоторыхъ странъ
съ смѣшаннымъ населеніемъ, такъ какъ считалось основаннымъ на
требованіяхъ равноправности. Въ 1825 году былъ распространенъ
на Вестфалію и на Рейнскія провинціи прусскій законъ, по которому
все дѣти, родившіяся отъ смѣшанныхъ браковъ, должны быть вос-
питаны въ отцовской религіи, — если мужъ и жена не условились
поступить иначе. Такъ какъ тамъ браки протестантовъ изъ старыхъ

25 марта
1830.

пруссскихъ провинцій съ мѣстными католичками случались чаще, чѣмъ браки католиковъ съ протестантками, то мѣстное духовенство было встревожено мыслию, что число католиковъ неизбѣжно будетъ уменьшаться. Епископы Рейнскихъ провинцій обратились въ Римъ за инструкціями. Папской грамотой было объявлено, что смѣшанные браки не дозволяются, но имѣютъ легальную силу; папа дозволялъ церковное освященіе такихъ браковъ только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ женихъ и невеста обязались воспитывать всѣхъ дѣтей въ католической вѣрѣ: въ противномъ случаѣ, вѣнчаніе могло совершаться въ присутствіи духовной особы, но безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ. Такимъ образомъ, установившіяся на практикѣ и одобренныя нѣмецкими епископами, болѣе мягкія правила были замѣнены болѣе строгими, потому что были послѣдствіемъ сближенія между двумя вѣроисповѣданіями, а римская курія, присвоивая себѣ исключительное право устанавливать правила для смѣшанныхъ браковъ, считала совершенно несуществующимъ тотъ фактъ, что католицизмъ и протестантизмъ пользуются равноправностью въ государствахъ новаго времени. Впрочемъ, прусское правительство достигло, путемъ переговоровъ съ епископами Рейнскихъ провинцій, негласнаго смягченія папскихъ требованій: епископы обѣщали ему, что будутъ въ большинствѣ случаевъ давать церковное благословеніе смѣшаннымъ бракамъ и въ случаѣ неисполненія предписанныхъ папою условій. И когда бывшій мюнстерскій викарій, баронъ Климентъ Дросте Вишерингъ, подчинявшійся вліянію ультрамонтанъ, былъ возведенъ въ званіе кѣльнскаго архіепископа, онъ далъ обѣщаніе, что будетъ дѣйствовать сообразно съ состоявшимся соглашеніемъ. Но когда замѣнившій Нибура въ званіи прусскаго посланника въ Римѣ, Бунзенъ сообщилъ папскому государственному секретарю о томъ, кого министерство выбрало въ преемники Шпигеля, этотъ секретарь воскликнулъ: Развѣ ваше правительство сошло съ ума? Дѣйствительно, немедленно послѣ своего вступленія въ должность, Дросте приказалъ духовенству въ точности придерживаться папской грамоты и совершать вѣнчаніе лицъ различныхъ вѣроисповѣданій лишь послѣ даннаго обѣщанія воспитывать дѣтей въ католической вѣрѣ. На исповѣди духовники впускали женщинамъ, что церковное благословеніе необходимо и для дѣйствительности брака и для спасенія души, такимъ образомъ смущая ихъ совѣсть. Въ то-же время архіепископъ, подчиняясь вліянію своихъ ультрамонтанскихъ приближенныхъ, сталъ припимать строгія мѣры противъ Гермезіанцевъ. Прусское правительство тщетно напоминало ему о данномъ обѣщаніи и угрожало увольненіемъ отъ должности; онъ упорно стоялъ на своемъ и заявилъ, что церковь равноправна съ государствомъ, что всякое стѣсненіе ея сношеній съ Римомъ немыслимо, что ему одному принадлежитъ право назначать и увольнять профессоровъ теологическаго факультета въ

1836.

Боннскомъ университетѣ и что онъ одинъ компетентенъ во всемъ, что касается образованія духовенства. Тогда онъ былъ внезапно арестованъ и отправленъ въ минденскую крѣпость за то, что нарушилъ данное слово, не хотѣлъ подчиняться дѣйствующимъ законамъ и волновалъ умы, подчиняясь вліянію революціонныхъ партій. Это послужило сигналомъ для сильныхъ раздоровъ какъ между прусскимъ правительствомъ и римской куріей, требовавшей возстановленія плѣннаго «мученика» въ должности, прежде чѣмъ заводить какіе либо переговоры, такъ и между учеными двухъ различныхъ вѣроисповѣданій. Общественное мнѣніе разъединилось. Католики усматривали въ дѣйствіяхъ прусскаго правительства угнетеніе церкви чиновниками и требовали ея независимости отъ государства. Въ своей брошюрѣ *Athanasius*, Гёрресъ превозносилъ архіепископа, называя его мученикомъ. Протестанты усматривали въ этихъ раздорахъ борьбу нѣмецкой свободы съ папскимъ владычествомъ. Но даже Бунзенъ, очевидно, имѣлъ преувеличенное понятіе о могуществѣ Пруссіи; его отозваніе изъ Рима было началомъ уступокъ. Церковная неурядица еще усилилась, когда архіепископъ Гнезепскій и Позенскій Дунинъ также запретилъ церковное вѣнчаніе лицъ различныхъ вѣроисповѣданій безъ предварительнаго обязательства воспитывать дѣтей въ католической религіи; онъ былъ вызванъ въ Берлинъ, избавился бѣгствомъ отъ ареста, а потомъ былъ отправленъ въ крѣпость Кольбергъ. Но населеніе Позена вступилось за главу своей церкви еще болѣе единодушно, чѣмъ населеніе Рейнскихъ провинцій.

20 ноября
1837.

1838.

При такихъ обстоятельствахъ вступилъ на прусскій престолъ Фридрихъ Вильгельмъ IV, подъ вліяніемъ котораго, какъ полагаютъ, состоялся выборъ кѣльнскаго архіепископа; онъ сталъ горячо заботиться о возстановленіи спокойствія въ церковной сферѣ. Онъ возвратилъ свободу архіепископу Дунину, положившись на данныя имъ очень двусмысленныя обѣщанія, дозволилъ непосредственныя сношенія съ Римомъ, приказалъ освободить архіепископа Дросте изъ-подъ ареста и вѣжливымъ письмомъ снялъ съ него обвиненія въ революціонныхъ проискахъ, предварительно условившись съ нимъ и съ римской куріей, что онъ самъ откажется, подъ предлогомъ разстроеннаго здоровья, отъ возвращенія въ Кѣльнъ и передастъ свою должность шпейерскому епископу Іоанну Гейсселю. Незадолго передъ смертію престарѣлый архіепископъ публично изложилъ свои воззрѣнія на «миръ между церковью и государствами». Съ его именемъ связано воспоминаніе, похожее на то, которое связано со словомъ Каносса: одинъ изъ высокихъ католическихъ іерарховъ, самовольно отказавшійся отъ исполненія обязанностей, возложенныхъ на него свѣтскою властью, былъ, къ ужасу всѣхъ католиковъ Рейнскихъ провинцій, внезапно арестованъ и посаженъ въ крѣпость, а по прошествіи четырехъ лѣтъ получилъ самое полное удовлетвореніе за эту обиду и

1843.

былъ съ почётомъ вынужденъ на свободу. Этимъ заранее оправдывалось всякое сопротивленіе, которое могло-бы быть и впредь оказано духовенствомъ,—а всякія принудительныя мѣры, къ которымъ прибѣгла-бы свѣтская власть, заранее осуждались, какъ опрометчивыя и противузаконныя. Правительство, неруководствовавшееся никакой великой идеей, способной увлечь народныя массы, отважилось на борьбу съ такою властію, противъ которой были безсильны и королевскіе декреты и министерскія предписанія и вообще весь механизмъ государственнаго правленія; оно взялось за разрѣшеніе такой задачи, которая вовсе не входитъ въ кругозоръ бюрократіи. Поэтому оно потерпѣло полное пораженіе. Касательно смѣшанныхъ браковъ оно удовлетворило притязанія католическаго духовенства; оно отмѣнило необходимость королевскаго согласія на вступленіе католическихъ епископовъ въ должность; оно дозволило епископамъ ничѣмъ не стѣсняться въ своихъ сношеніяхъ съ римской куріей; въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ оно организовало католическое отдѣленіе, которое незамедлило взять на себя роль представителя ультрамонтанскихъ стремленій въ системѣ государственнаго управленія. И эти и многія другія доказательства уступчивости протестантскихъ правительствъ передъ требованіями и угрозами католическаго духовенства внушили католической церкви высокое мнѣніе о ея могуществѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ все яснѣе обнаруживали безспіе разрозненныхъ протестантовъ. Все громче и громче раздававшееся съ тѣхъ поръ требованіе отдѣлить школу отъ государства и подчинить ее церкви ясно доказывало, что нѣмецкое католическое духовенство предавалось одинакой самоувѣренности съ духовенствомъ французскимъ и бельгійскимъ. Этому благопріятствовали средневѣковыя идеи, находившія сочувствіе у многихъ коронованныхъ особъ, въ особенности у королей прусскаго и баварскаго, и у многихъ членовъ дворянства и аристократіи. Римская церковь считалась представительницей консервативнаго направленія, не смотря на многія доказательства противнаго, а ультрамонтаны и люди обратившіеся въ католическую вѣру постоянно находили любезный пріемъ въ высшихъ сферахъ общества. Въ Баваріи, размножавшіяся католическія церкви и монастыри, увеличивавшееся число монаховъ, стѣсненія, налагавшіяся на протестантовъ и на евангелическую церковь, свидѣтельствовали о господствѣ ультрамонтанскаго духовенства и подчинявшагося его вліянію министерства (Абея). Самое сильное недовольство было возбуждено среди протестантовъ распоряженіемъ военнаго министра, чтобъ и протестанты военнаго званія преклоняли колѣна передъ Св. Дарами. Только послѣ семилѣтней борьбы протестанты добились отмѣны этого унижительнаго для ихъ церкви распоряженія. И въ Вюртембергѣ было снова раздуто угасавшее пламя религіозныхъ распрей; но здравый смыслъ народа устоялъ противъ попытокъ навести его

Споръ о колѣнопреклоненіи.

1838—1845.

на ложный путь. На Рейнѣ, гдѣ реставрированные въ готическомъ стилѣ замки свидѣтельствовали о романтически-рыцарскихъ вкусахъ прусскаго короля и какъ протестантскаго такъ и католическаго дворянства, обнаруживалось желаніе сдѣлать изъ возобновившейся достройки кѣльнскаго собора не символъ единства и могущества нѣмецкой націи, а доказательство преобладанія католической церкви. Явное поощреніе къ процессіямъ, къ странствованіямъ на богомолье, къ поклоненію мощамъ и къ суевѣріямъ всякаго рода повсюду вызывало самыя горячіе протесты со стороны людей здравомыслящихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ либеральныхъ и патріотическихъ. Нѣмецкіе правители подготовили почву для революціонныхъ движеній 1848 года преимущественно тѣмъ, что поддерживали самыя явныя и самыя нелѣпыя суевѣрія.

Въ то-же время возникли многочисленные поводы для новыхъ распрей, Борьба между которыми суждено было ясно доказать, до какой степени несовмѣстимы со всякой окончательно выработанной религіозной системой пробуждающіяся въ теологіи серьезныя научныя стремленія, какъ эти стремленія неизбежно сталкиваются съ принципомъ авторитета и, вступая съ нимъ въ борьбу, неизбежно должны терпѣть неудачи. Въ теченіе первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія обнаруживалась до нѣкоторой степени однородность въ направленіи ученыхъ трудовъ католическихъ и протестантскихъ теологовъ. И католическіе теологи пытались извлечь для своей догматики пользу изъ философскихъ системъ Канта и Фихте, а изслѣдованія Жана и Гуга въ области библейской археологіи и критики были такого рода, что отъ нихъ не отказались бы и протестантскіе теологи того времени. На изученіи протестантской теологіи созрѣли убѣжденія даже самого Мёлера, — этого даровитаго полемика и критика, который въ тридцатыхъ годахъ отстаивалъ въ Тюбингенѣ и въ Мюнхенѣ интересы католицизма. То было знаменіемъ времени, что одновременно съ возникновеніемъ католической журналистики стала развиваться полемическая и апологетическая литература, принимавшая вѣнпую форму научныхъ изслѣдованій. Въ этомъ отношеніи служила классическимъ образцомъ „Символика“ Мёлера, выдержавшая съ 1832 года нѣсколько изданій: ея авторъ сумѣлъ извлечь для своей точки зрѣнія пользу изъ выводовъ теологіи Шлейермахера и изъ вошедшихъ въ ея содержаніе научныхъ элементовъ. Съ тѣхъ поръ, занимавшіеся полемикой католики и въ томъ числѣ мюнхенскій сослуживецъ Мёлера, Дёллингеръ постоянно придерживались той основной мысли, что протестантизмъ есть ничто иное, какъ продуктъ произвола, какъ бессмысленное и безцѣльное блужданіе религіознаго субъекта, оторвавшагося отъ общей жизненной основы и дѣйствующаго на свой собственный рискъ. Не смотря на то, что, по видимому, общность интересовъ заставляла протестантовъ и католиковъ общими силами бороться съ современнымъ настроеніемъ умовъ, несочувствовавшихъ никакимъ догматамъ, разладъ между ними усилился вслѣдствіе несходства ихъ воззрѣній. При этомъ, часто возникали толки о томъ, что протестантизмъ самъ сознаетъ неизбежность своего внутренняго разложенія; но они были лишь выраженіемъ несбыточныхъ желаній и надеждъ католиковъ. Борьба между католиками изъ-за догматовъ.

Въ одно время съ Мёлеромъ, профессоръ боинскаго университета Гермесъ попытался построить, при помощи Кантовской философіи, такую теоло- Георгъ Гермесъ.

1775—1831.

рію знанія, которая приводила-бы къ убѣжденію въ необходимости вѣры. Онъ надѣялся этимъ способомъ укрѣпить установленныя вѣрованія, „не способныя стать выше всякихъ сомнѣній“, — надѣялся также упрочить существованіе католицизма при помощи такой разсудочной вѣры, которая служила-бы подтвержденіемъ вѣры, основанной на откровеніи. Онъ привлекъ къ себѣ многочисленныхъ послѣдователей, которые скоро заняли теологическія и философскія профессорскія кафедры въ при-рейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфаліи, а съ 1832 стали издавать свой собственный теологическій и философскій журналъ. Послѣдователи такъ называемаго „гермезіанизма“ не подвергались никакимъ преслѣдованіямъ пока былъ живъ почтенный кѣльнскій архіепископъ графъ Шингель. Но послѣ его смерти, противники новаго ученія исходатайствовали изданіе папской грамоты, осуждавшей сочиненія умершаго Гермеса. Новый архіепископъ Дросте Вишерингъ, считавшій еретическими даже всѣ книги въ библіотекѣ своего предмѣстника, запрещалъ студентамъ слушать лекціи Гермезіанцевъ, а всѣхъ священниковъ своей епархіи заставлялъ подписывать восемнадцать основныхъ положеній, опровергавшихъ новое ученіе, какъ зараженное еретическими мнѣніями. Гермезіанцы тщетно пытались оправдаться передъ кѣльнскимъ и передъ римскимъ духовнымъ начальствомъ; Браунъ и Эльвенихъ напрасно ѣздили въ Римъ, чтобъ убѣдить святаго отца въ правотѣ своего наставника и чтобъ доказать ему, что анализъ сочиненій Гермеса былъ неточенъ и былъ сдѣланъ безъ знанія нѣмецкаго языка и безъ научныхъ познаній. Высказанное папой порицаніе осталось въ силѣ; преслѣдованія не прекращались, а профессора боннскаго университета Браунъ и Ахтерфельдтъ были уволены отъ своихъ должностей по настоянію архіепископскаго коадьютора Гейсселя. Столкновенія, возникавшія до 1848 года въ Пруссіи между государствомъ и католическою церковью, находились въ большинствѣ случаевъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ гермезіанизмомъ. Достойнъ вниманія тотъ фактъ, что именно въ то время, когда былъ постановленъ обвинительный приговоръ надъ разсудочной вѣрой Гермеса, французскій теологъ-философъ аббатъ Ботенъ былъ принужденъ отречься отъ противоположнаго заблужденія, — отъ той мысли, что разумъ неспособенъ познавать то, что божественно, и что церковь вовсе не нуждается въ разсудочныхъ доводахъ. Обѣ стороны, очевидно, старались съ научнымъ рвеніемъ доискаться въ спорномъ вопросѣ основного принципа и разъяснить его при помощи діалектики, — что и побудило римскую курію вмѣшаться въ споръ и безусловно отстаивать свой принципъ авторитета. Этому принципу съ готовностью подчинился основатель новой, имѣвшей двойственный характеръ, философін, вѣнскій писатель Гюнтеръ (сравн. XIV, 935), лишь только всѣмъ католикамъ было запрещено читать его сочиненія. Иная участь постигла бреславльскаго соборнаго каноника Бальцера, внушавшаго недовѣріе іезуитамъ тѣмъ, что былъ ученикомъ Гермеса и защитникомъ Гюнтера. Епископъ Фѣрстеръ обратился къ нему съ отеческимъ совѣтомъ отказаться отъ профессорской должности и убѣдилъ Антонелли обратиться къ нему съ двумя письмами, въ которыхъ повторялся тотъ-же совѣтъ. Такъ какъ чувство личнаго достоинства не позволяло Бальцеру подчиниться такимъ внушеніямъ, то ему дали понять, что, упорствуя въ сопротивленіи, онъ сдѣлается жертвою своего высокомерія. Тогда Бальцеръ прибѣгнулъ къ покровительству прусскаго правительства, которое назначило его на профессорскую должность и которому, конечно, былъ извѣстенъ безспорный успѣхъ его профессорской дѣятельности. Но министры духовныхъ дѣлъ Раумеръ, Бетмаппъ-Голльвегъ и Мюлеръ руководствовались въ своемъ образѣ дѣйствій какими-то непонятными соображеніями. Они заставили Бальцера подчиниться епископскому распоряженію, они не помѣшали архі-

26 сент.
1835.

1837.

1844.

Антонъ Гюн-
теръ.

1783—1863.

Іоаннъ Баль-
тистъ Баль-
церъ.

1803—1871.

епископу уволить отъ должностей и Бальцера и его противника Биттнера, 1860.
они воспретили Бальцеру чтеніе лекцій, а такъ какъ онъ добровольно от-
казался отъ профессорскаго содержанія, они уменьшили его жалованье
до четырехъ сотъ талеровъ. Только послѣ окончанія войны съ Франціей, 1871.
онъ незадолго до своей смерти былъ снова назначенъ на прежнюю долж-
ность. Подобно ему, и послѣдователи Гермеса въ Боннѣ возставали про-
тивъ догмата непогрѣшимости. И они были исключены изъ числа привер-
женцевъ католической церкви вмѣстѣ съ Дёллингеромъ и со всѣми тѣми,
которые придерживались ультрамонтанской точки зрѣнія до того момента,
когда стремленія іезуитовъ стали угрожать неизбежной смертію всѣмъ
наукамъ и въ томъ числѣ нѣмецкой теологіи. Впрочемъ, мы еще будемъ
подробно говорить объ этомъ послѣднемъ актѣ трагедіи тамъ, гдѣ будемъ
излагать исторію стараго католицизма. Таковы были, въ области школы
и науки, плоды смѣло проповѣдываемой иллюзіи, которую не совсѣмъ без-
успѣшно излагалъ отпавшій отъ своей церкви, католикъ Каровѣ въ своихъ
сочиненіяхъ о „Единственной душеспасительной церкви“ (1826 и 1835) и
о томъ, „Что называется римско-католическою церковью?“ (1847).

Еще до возникновенія споровъ о папской непогрѣшимости, фор- Нѣмецкій ка-
мальный расколъ въ средѣ католической церкви былъ вызванъ та- толицизмъ.
кимъ умственнымъ движеніемъ, которое возникло внѣ школы и внѣ
теологіи и которое съ самаго начала было направлено къ отрицанію
доведеннаго до крайности принципа авторитета. Разсчитывая на ро-
мантическія чувства, которыя расшевелила въ населеніи Рейнскихъ
провинцій церковная борьба въ Кельнѣ, мѣстное духовенство осмѣ- 18 авг.—6 окт.
лилось, въ ознаменованіе своей побѣды, установить поклоненіе свя- 1844.
щенной ризѣ, хранящейся въ Трирѣ. Католическое духовенство, дѣй-
ствительно, достигло блестящаго успѣха: оно видѣло, какъ въ теченіе
только двухъ мѣсяцевъ болѣе милліона богомольцевъ проходили передъ
ризой, вставленной въ рамку подъ стекломъ. Однако, легковѣріе на-
рода было подвергнуто этимъ нововведеніемъ тяжелому испытанію и
многіе изъ просвѣщенныхъ католиковъ впали въ разномысліе съ ду-
ховенствомъ. Радость, возбужденная въ духовенствѣ многочислен-
ностью пилигримовъ, была нарушена появленіемъ посланія, осуждав-
шаго «языческое празднество въ Трирѣ» и адресованнаго къ трирскому
епископу, какъ къ Тецелю девятнадцатаго столѣтія. Авторомъ этого 1 окт.
посланія былъ Іоаннъ Ронге, молодой человѣкъ, уволенный церков-
нымъ начальствомъ отъ священническаго званія за неповиновеніе;
онъ былъ родомъ изъ Сплезіи, то-есть изъ такой страны, гдѣ либе-
ральная партія съ ученымъ Тейнеромъ во главѣ уже ранѣе возста- Іоанъ Антонъ
вала противъ угнетеній со стороны римской церкви. Вслѣдъ за по- Тейнеръ.
сланіемъ стали появляться брошюры, приглашавшія вѣрующихъ осно- 1799—1860.
вать нѣмецкую католическую церковь и производившія впечатлѣніе
при тогдашнемъ возбужденіи умовъ. Вокругъ Ронге собралось въ Бре- Іоаннъ Ронге.
славлѣ нѣсколько свободномыслящихъ католиковъ, которые основали, 1813—1887.
подъ руководствомъ профессора церковнаго права Регенбрехта, цер- Февраль 1845.
ковную общину, независимую отъ Рима и отъ епископской юрисдикціи;

молодой викарій Іоаннъ Черскій, желавшій жениться на польской дѣвушкѣ, отрекся отъ католической церкви и отъ многихъ изъ ея догматовъ и, не слагая съ себя священническаго сана, основалъ при содѣйствіи нѣсколькихъ единомышленниковъ католическую общину въ прусско-польскомъ городкѣ Шнейдемюль. Во многихъ городахъ сѣверной Германіи, а впоследствии и южной, но въ особенности въ Пруссіи и въ Саксоніи, скоро образовались по примѣру Бреславля нѣмецко-католическія общины, которыя обмѣнялись сочувственными посланіями съ Ронге и сходились съ нимъ въ томъ, что принимали за руководство въ высшей степени простые и понятные догматы и требовали ничѣмъ нестѣсняемаго права пользоваться Священнымъ Писаніемъ и церковной власти для общины. Исходившее изъ Бреславля движеніе болѣе соотвѣтствовало демократическому духу времени и находило болѣе сильное сочувствіе среди поссорившихся съ своею церковью католиковъ, чѣмъ ученіе Черскаго, который не только сохранялъ основныя особенности старо-католической ортодоксіи, но также придерживался нѣкоторыхъ римскихъ догматовъ. Такимъ образомъ одновременно съ возникновеніемъ независимыхъ католическихъ общинъ возникъ между ними и разладъ, который не былъ улаженъ на происходившемъ около Пасхи 1845 года въ Лейпцигѣ собраніи представителей пятнадцати общинъ подъ предсѣдательствомъ Роберта Блума. Составленные тамъ правила заключали въ себѣ,—кромѣ безусловнаго отреченія отъ папской іерархіи и заявленія о правѣ свободно и согласно съ требованіями разума объяснять Священное Писаніе,—только изложенное въ обще-понятной формѣ апостолическое вѣроученіе и указаніе на то, что вѣра должна обнаруживаться въ добрыхъ дѣлахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, церковныя учрежденія были построены на чисто-демократической основѣ. Съ тѣхъ поръ нѣмецкій католицизмъ относился дружелюбно ко всѣмъ проявленіямъ радикализма, въ особенности когда принималъ рѣзко-раціоналистическое направленіе. Напротивъ того, Черскій придерживался апостолическихъ догматовъ во всемъ ихъ объемѣ вмѣстѣ съ вѣрой въ божественность Христа, между тѣмъ какъ у Ронге нѣмецкій католицизмъ нашелъ для себя подкрѣпленіе въ нѣсколькихъ протестантскихъ «любителяхъ просвѣщенія», примкнувшихъ къ нему вслѣдствіе разлада

25 мая 1847. съ государственною церковью. На происходившемъ въ Берлинѣ второмъ собраніи, состоявшемъ изъ семидесяти уполномоченныхъ отъ ста сорока двухъ общинъ, дѣло дошло до того, что приверженцы болѣе строгихъ правилъ отдѣлились отъ новой церкви. Эта послѣдняя насчитывала во время своего наибольшаго процвѣтанія около шестидесяти тысячъ послѣдователей. Правительства относились къ нѣмецкимъ католикамъ несочувственно. Въ Баваріи и въ Австріи было приказано не пропускать черезъ границу и изгонять католическихъ «диссидентовъ» (тамъ даже было запрещено называть ихъ нѣмецкими католи-

ками); въ Пруссіи и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ имъ было запрещено пользоваться церквами для богослуженія; распоряженія ихъ духовенства были лишены легальной обязательной силы, а распространенію ихъ вліянія противодѣйствовали ограниченіями ихъ гражданской равноправности; въ курфюршествѣ Гессенскомъ имъ даже было отказано въ приличномъ погребеніи. За ихъ права повсюду вступались палаты сословныхъ представителей, но въ Баденѣ предложеніе признать религіозную свободу привело къ распаденію сейма. Протестантское населеніе почти единодушно дозволяло приверженцамъ новой церкви пользоваться его церквами, помогало имъ деньгами и вліяніемъ газетъ, не обнаруживая желанія присоединиться къ нимъ, но сначала горячо увлекаясь національными надеждами. Правительства, находившіяся въ затруднительномъ положеніи въ 1848 и 1849 годахъ, временно признавали или допускали существованіе нѣмецкихъ католическихъ общинъ; но эти общины соединились на второмъ лейпцигскомъ собраніи съ возникшими въ 1848 году «свободными общинами», поэтому были въ нѣкоторыхъ странахъ при- 22 мая 1850. знаны утратившими свой религіозный и церковный характеръ, были подчинены законамъ о политическихъ обществахъ и отданы подъ строгій надзоръ полиціи. Послѣ того, почти всѣ нѣмецкія католическія общины прекратили свое существованіе. Описанныя нами стремленія снова мѣстами пробудились только въ шестидесятыхъ годахъ, когда обнаружилась болѣе оживленная дѣятельность въ церковныхъ сферахъ. Но происходившее во Франкфуртѣ на М., подъ руко- 24. 25 окт. водствомъ Ронге, Дука, Струве, общее собраніе приверженцевъ религіозной реформы было едва-ли не послѣднимъ признакомъ жизни либеральнаго движенія. Руководители этого движенія съ самаго начала стали въ неблагопріятныя для себя отношенія къ протестантизму: вмѣсто того, чтобъ развивать далѣе то, что уже было давно сдѣлано и упрочено, они захотѣли все передѣлывать съизнова, становясь въ противорѣчіе съ историческими фактами и прибѣгая къ помощи такихъ силъ, которыя не всегда могли внушать полное къ себѣ довѣріе. Къ тому-же главный руководитель движенія держалъ себя безъ надлежащаго достоинства и вовлекался въ пустую декламацию. Но не смотря на то, что ни у этого руководителя ни у другихъ виновниковъ движенія не было способностей и личныхъ качествъ, необходимыхъ для исполненія ихъ «миссіи», все таки ихъ предпріятіе было очень замѣчательнымъ явленіемъ: оно прорвало ту вѣтхую оболочку церковнаго единства, которою католицизмъ до того времени прикрывалъ свои внутренніе недостатки. Съ той поры стало ясно, что и въ нѣдрахъ католической церкви существуетъ не менѣе сильное разномысліе, чѣмъ въ нѣдрахъ протестантизма,—что къ ея послѣдователямъ причисляютъ тысячи людей, вовсе нераздѣляющихъ ея воззрѣній, что между этими людьми есть представители

всѣхъ направленій, начиная съ вѣры въ небесныя явленія и въ чудотворныя исцѣленія князя Гогенлоэ и жившаго въ кельнской епархіи пастуха, и кончая полнымъ невѣріемъ и атеизмомъ. Это разнообразіе между католиками обнаружилось очень кстати именно во время засѣданій ватиканскаго собора и вслѣдъ за ними. Возникшій по этому поводу «старый католицизмъ» могъ извлечь для себя поученіе изъ той ошибки нѣмецкихъ католиковъ, что они поспѣшили приступить къ провѣркѣ всѣхъ догматовъ и кромѣ того вмѣшались въ разрѣшеніе политическихъ вопросовъ; поэтому болѣе старое движеніе стало съ тѣхъ поръ отодвигаться на задній планъ передъ болѣе новымъ и болѣе зрѣлымъ, однако вовсе этимъ необезпечивши успѣхъ послѣдняго.

Борьба между церковью и государствомъ. Вслѣдъ за литературными стычками и за дипломатическими успѣхами церкви совершилось такое событіе, которое было въ высшей степени неожиданнымъ для многихъ безпечныхъ протестантовъ. Хотя католическіе епископы, по видимому, и уклонялись отъ всякаго участія въ революціонныхъ стремленіяхъ и въ политическихъ волненіяхъ 1848 года, но они нашли, что это время было очень благоприятно для успѣшнаго предъявленія ихъ притязаній. Поэтому они сблизились съ одной стороны съ либерализмомъ, требуя вмѣстѣ съ нимъ освобожденія церкви отъ правительственной опеки, съ другой стороны съ тѣми правительствами, которыя изъявляли готовность исполнить ихъ требованія; они обѣщали этимъ правительствамъ свое содѣйствіе въ подавленіи всякихъ либеральныхъ и революціонныхъ стремленій. Эта тактика оказалась до такой степени успѣшной, что именно съ 1848 года начинается самая богатая своими послѣдствіями, эпоха реставраціи въ церковной сферѣ. Дѣло началось съ того, что нѣмецкіе епископы и архіепископы собрались на совѣщанія въ Вюрцбургѣ; вслѣдъ за тѣмъ австрійскіе и прусскіе епископы обратились къ своимъ правительствамъ съ просьбами, въ которыхъ излагали самыя широкія притязанія на церковную автономію. Эти желанія были почти повсюду удовлетворены съ большою готовностью. Въ особенности Пруссія покровительствовала въ то время развитію такихъ элементовъ, отъ которыхъ безуспѣшно старалась избавиться по прошествіи тридцати лѣтъ. Пятнадцатая статья заново пересмотрѣнной и утвержденной 31 января 1850, конституціи предоставила церкви право самоуправленія. То же было сдѣлано въ Австріи конституціоннымъ патентомъ 4 марта 1849, а послѣ его отмѣны конкордатомъ 18 августа 1855. Этотъ неудачный договоръ съ Римомъ представлялъ во всѣхъ отношеніяхъ контрастъ съ законами императора Іосифа: благодаря ему, всѣ права императора по отношенію къ церкви превращались въ иллюзію. Очень скоро обнаружилось, что заключеніе конкордата вовлекало имперію въ безконечныя затрудненія: вѣдь ультрамонтанское духовенство стало предъявлять

Окт. 1848.
Апрѣль. Іюль
1849.

такія чрезмѣрные притязанія, которыя могли снова вовлечь австрійское правительство въ ссору съ епископами. Слѣдуетъ, однако, признать за австрійскимъ правительствомъ ту заслугу, что, предоставляя католической церкви широкую свободу, оно въ то же время изъявило готовность исполнять желанія протестантской церкви, а данныя ей обѣщанія большею частію исполнило изданіемъ венгерскаго протестантскаго патента отъ 1 сентября 1859 и изданіемъ для коронныхъ земель патента отъ 8 апрѣля 1861. Съ тѣхъ поръ сдѣлались невозможными такія возмутительныя несправедливости, какъ изгнаніе въ 1837 г. изъ Тироля четырехъ жителей долины Циллера, перешедшихъ въ протестантскую вѣру. Но именно по этой причинѣ конкордатъ утратилъ значительную долю своего первоначальнаго значенія, а во время внутреннихъ потрясеній, въ послѣдствіи вызванныхъ тяжелыми войнами, онъ былъ оставленъ вовсе безъ примѣненія.

Напротивъ того, клерикальныя притязанія встрѣчали сильное сопротивленіе въ тѣхъ государствахъ, гдѣ уже давно были введены конституціонныя учрежденія; это видно на примѣрѣ Баваріи, гдѣ предъявленныя епископами въ октябрѣ 1850 требованія оставались безъ отвѣта, и еще яснѣе видно на примѣрѣ тѣхъ областей, которыя входили въ составъ верхне-рейнской епархіи. Самовластно назначенный тамъ папой, майнцскій епископъ Кеттелеръ сталъ съ 1851 года во главѣ клерикальнаго движенія и уже 11 февраля 1852 формально заявилъ, что, въ случаѣ неисполненія его требованій, онъ освободитъ жителей отъ принесенной свѣтскому правителю присяги. Мы въ послѣдствіи увидимъ, что вслѣдствіе этого произошелъ въ Баденѣ съ 1853 года полный разрывъ между правительствомъ и архіепископомъ, что архіепископъ сталъ прибѣгать къ отлученіямъ отъ церкви, а правительство къ тюремному заключенію, къ процессамъ, къ задержанію церковныхъ доходовъ, пока не утратило энергію вслѣдствіе противоположныхъ вліяній австрійскаго и прусскаго: оно, наконецъ, согласилось вступить въ переговоры съ Римомъ. Тогда и тамъ восторжествовала папская политика, но на короткое время. Гессенъ-Дармштадтское правительство заключило 23 августа 1854 съ майнцскимъ епископомъ «временный договоръ», который былъ такъ унижителенъ, что оно сочло нужнымъ держать его въ тайнѣ въ теченіе семи лѣтъ. Вюртембергъ и Баденъ заключили непосредственно съ папой конвенціи 8 апрѣля 1857 и 28 іюня 1859, въ которыхъ были оставлены безъ вниманія и права короны, и верховенство государства, и равноправность другихъ вѣроисповѣданій. Тогда успѣхи римской куріи временно достигли своего апогея. Конкордатъ былъ 7 апр. 1860. отмѣненъ прежде всего въ Баденѣ вслѣдствіе энергическаго сопротивленія народныхъ представителей; тогда урегулированіе церковныхъ дѣлъ было тамъ предоставлено законодательной дѣятельности зем-

16 марта
1861.

скихъ чиновъ. И Вюртембергъ послѣдовалъ примѣру Бадена: въ обоихъ государствахъ заключенные договоры утратили свою обязательную силу; въ гессенской палатѣ образовалась сильная оппозиція противъ министерства Дальвигка, а въ Нассау сословные представители два раза обращались къ правительству съ настойчивыми просьбами не вступать ни въ какія соглашенія ни съ папой ни съ епископомъ Лимбургскимъ. Такимъ образомъ еще до кореннаго преобразования германскаго государственнаго устройства, по меньшей мѣрѣ, была отложена въ сторону политика, основанная на заключеніи конкордатовъ.

В. Протестантская церковь.

а. ПРОТЕСТАНТСКАЯ ТЕОЛОГІЯ ВЪ ГЕРМАНИИ.

Теологическія
направленія.

Противоположность между религіей сердца, которую проповѣдывалъ Шлейермахеръ, и философскимъ воззрѣніемъ Гегеля на религію послужила при слѣдующемъ поколѣніи обильнымъ источникомъ разномыслія. Гегель смотрѣлъ на догматику съ философской точки зрѣнія, такъ какъ былъ увѣренъ, что философія обладаетъ въ болѣе высокой формѣ понятія тѣмъ-же, что входитъ въ религію въ низшей формѣ представленія. Поэтому для всѣхъ мыслящихъ людей возникала необходимость перейти отъ представленія къ понятію, или, — какъ яснѣе выразился Давидъ Фридрихъ Штраусъ, — перейти изъ общества вѣрующихъ въ общество знающихъ. Правда, та школа, къ которой сначала принадлежалъ и этотъ писатель, признавала христіанство за абсолютную религію, основанную на понятіи о полномъ выраженіи божескаго самосознанія въ человѣчествѣ, но ей долго ставили въ вину ея пантеистическій отпечатокъ. Отсюда возникъ первый поводъ для разномыслія о значеніи личности какъ божеской такъ и человѣческой; за тѣмъ скоро возникло еще болѣе рѣзкое разномысліе касательно вопроса, съ какого момента сознаніе единства между божествомъ и человѣчествомъ выразилось въ историческомъ событіи. Въ этомъ отношеніи «Жизнь Іисуса», написанная такъ называемымъ швабскимъ теологомъ, имѣла разрушительное вліяніе на всю прежнюю теологію. Тогда возникло въ церковной сферѣ уже давно небывалое сильное волненіе, а ретроградная партія искусно воспользовалась затруднительнымъ положеніемъ, въ которое были поставлены нѣмецкія правительства: она повсюду стала утверждать, черезъ посредство своихъ приверженцевъ, что библейская критика и историческая наука стремятся къ низпроверженію общественныхъ основъ и богопочитанія. Воззрѣнія Штрауса далѣе развивались въ *Hallische Jahrbücher* и въ произведеніяхъ Лудвига Фейербаха. Но преувеличенія, въ которыя впадали писатели

этой школы, лишь ускорили окончательную побѣду теологической реакціи. Такого результата не могли предотвратить члены такъ называемой Тюбингенской школы, болѣе осмотнительно развивавшіе основныя воззрѣнія Штрауса — Ф. Х. Бауръ, Целлеръ, Ричль, Липсіусъ. Въ то-же время ветхозавѣтная филологія и археологія были доведены Эвальдомъ и Гицигомъ до такого-же высокаго уровня, на какомъ стояли всѣ восточныя науки. Изслѣдованіями по исторіи церкви съ большимъ успѣхомъ занимались Неандеръ и Гизелеръ, Бауръ и Газе. Своими трудами по философіи религіи и по теологіи съ точки зрѣнія Шлейермахера и Гегеля приобрѣли извѣстность цюрихскіе теологи Александръ Швейцеръ и Бидерманнъ, нѣмецкіе писатели Липсіусъ, Пфлейдереръ и Ричль; этотъ послѣдній сдѣлался основателемъ новой школы, старавшейся по примѣру Канта установить неразрывную связь между религіей и нравственностью. Не смотря на то, что число такихъ писателей, занимавшихся изученіемъ теологіи, впослѣдствіи очень уменьшилось вслѣдствіе непріязненнаго къ нимъ отношенія правительственныхъ сферъ,—не смотря на то, что многіе изъ нихъ были вынуждены искать для себя иной сферы ученыхъ занятій или совершенно прекратить свою дѣятельность, имъ все-таки удалось довести библейскую критику и исторію до одного уровня съ тѣми науками, которыя развивались при болѣе благопріятныхъ условіяхъ и встрѣчали болѣе горячее поощреніе при тогдашнемъ настроеніи умовъ.

Слѣдующимъ важнымъ моментомъ въ исторіи нѣмецкой теологіи было Правые и лѣ-
обнаружившееся послѣ смерти Гегеля, неожиданное измѣненіе направленія вые Гегеліан-
или, вѣрнѣе, рѣшительное разномысліе между его послѣдователями. Осно- цы.
ватель школы придерживался направленія, благопріятнаго какъ для фило-
софскаго, такъ и для государственнаго абсолютизма, но его ученики нахо-
дили, что не было достаточныхъ основаній несходить съ указаннаго имъ
пути. Ихъ учитель превозносилъ христіанство, какъ самую совершенную
форму развитія міроваго духа, стремящагося къ сознанію самого себя, а
они дѣлали отсюда иные выводы. Правые Гегеліанцы настойчиво протес-
товали противъ основнаго пантеистическаго характера всей философской
системы, а лѣвые Гегеліанцы всего охотнѣе развивали именно такое міро-
воззрѣніе. Поэтому, послѣ смерти наставника, его ученики раздѣлились на
ортодоксаловъ и иновѣрцевъ. Этихъ послѣднихъ, высказывавшихъ смѣлыя,
разрушительныя идеи, обыкновенно называютъ послѣдователями молодой
гегеліанской школы. Они впервые рѣшительно отвергнули противополож-
ность между божествомъ и человѣчествомъ и стали признавать за един-
ственно истинное, полное жизни божество тотъ духъ, которымъ проникнута
природа, который пробуждается въ человѣкѣ до самосознанія и застав-
ляетъ какъ цѣлыя народы такъ и индивидуумовъ стремиться къ развитію.
Слѣдующее разномысліе возникло по вопросу о безсмертіи душъ, которое
Фридрихъ Рихтеръ впервые отвергнулъ въ своей *Lehre von den letzten*
Dingen; по его мнѣнію, индивидуальный духъ снова поглощается всеобщимъ
духомъ, изъ котораго возникъ, подобно тому, какъ волна поглощается
океаномъ. Это было прелюдіей къ безконечнымъ спорамъ о личности бо-
жества и богочеловѣчности Христа; впрочемъ они приняли острый харак-
теръ только съ выступленія на сцену Штрауса. Подобно тому какъ пред-

Молодые Ге- вѣстники великой французской революціи, Вольтеръ и энциклопедисты геліанцы. враждебно относились къ христіанскому ученію и къ церковнымъ учрежденіямъ, и предвѣстниками революціонныхъ движеній 1848 года были въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ смѣлые писатели, считавшіе самихъ себя за новыхъ титановъ и безпощадно нападавшіе на религіозныя вѣрованія. Люди противоположныхъ воззрѣній глубоко возмущались этими нападками на религію, служившую въ теченіе восемнадцати столѣтій утѣшеніемъ въ человѣческихъ скорбяхъ. Мы впослѣдствіи перечислимъ въ литературномъ отдѣлѣ тѣхъ поэтовъ и писателей, которые пытались произвести столь громадный переворотъ, еще не успѣвши развить свои юношескіе умы до полной зрѣлости; а теперь мы ограничимся замѣчаніемъ, что хотя такая легкомысленная юношеская поэзія и не могла взять верхъ надъ серьезными нравственными убѣжденіями и традиціонными вѣрованіями народа, но тѣмъ не менѣе она поколебала во многихъ сердцахъ основы религіи и нравственности.

Давидъ Фридрихъ Штраусъ. Научныя пренія о всѣхъ этихъ вопросахъ возбудили человѣкъ, соединившій съ острымъ критическимъ умомъ изящество изложенія и потому возвысившійся до положенія классическаго нѣмецкаго писателя. Его литературная дѣятельность обнимала всю новѣйшую теологію при жизни цѣлаго поколѣнія и даже долѣе. Штраусъ родился 27 января 1808 въ Лудвигсбургѣ, а воспитывался съ 1825—1830 года въ Тюбингенскомъ университетѣ почти въ непрерывныхъ дружескихъ связяхъ съ Христіаномъ Мёрклиномъ; тамъ онъ былъ однимъ изъ раннихъ учениковъ Баура, ревностно занимался какъ философіей такъ и теологіей, всего болѣе интересуясь произведеніями Шлейермахера и Гегеля. Чтобы лично познакомиться съ этими писателями, онъ ѣздилъ въ Берлинъ. По возвращеніи оттуда, онъ былъ назначенъ помощникомъ профессора и сталъ писать свое знаменитое сочиненіе „Жизнь Иисуса“, не предчувствуя, какое пламя раздоровъ онъ раздуетъ въ христіанскомъ мірѣ. Подъ такимъ-же заглавіемъ уже были ранѣе изданы рационалистическія сочиненія Грейлинга (1813 г.) и Паулуса (XIV, 947) и небольшой учебникъ Карла Газе (1829 г.). Книга Штрауса написана въ направленіи, противоположномъ направленію тѣхъ сочиненій и лекцій Шлейермахера; ея своеобразность заключается въ томъ, что она примѣняетъ къ содержанію Евангелій понятіе о мифѣ, возникшее въ области ученыхъ изслѣдованій классической древности.

1835. Эта книга имѣла прежде всего пагубное вліяніе на житейское поприще своего автора. Лишь только она вышла въ свѣтъ, на ея содержаніе обратилась съ жалобой въ министерство внутреннихъ дѣлъ директоръ народнаго просвѣщенія Флаттъ. Помощникъ профессора, осмѣлившійся „написать въ своемъ кабинетѣ“ и выпустить въ свѣтъ такую книгу, былъ наказанъ тѣмъ, что его перевели въ его родной городъ на должность преподавателя классическихъ языковъ. По прошествіи года, Штраусъ отказался отъ этихъ занятій, не соотвѣтствовавшихъ его вкусамъ; съ тѣхъ поръ онъ постоянно жилъ литературнымъ трудомъ то въ Штуттгартѣ, то въ Мюнхенѣ, Веймарѣ, Кёльнѣ, Гейдельбергѣ, Гейльброннѣ, Дармштадтѣ и наконецъ снова поселился въ Лудвигсбургѣ. Мы впослѣдствіи будемъ вести рѣчь о тѣхъ замѣчательныхъ біографіяхъ, которыя были плодами этого досуга. Если бы Штраусъ былъ менѣе впечатлительнаго характера, то и тогда намъ было-бы понятно, что онъ не могъ довольствоваться той дѣятельностью, на которую его обрекало негодование, вызванное его книгой среди благочестивыхъ людей, и что онъ нисколько не смягчилъ своихъ сужденій о христіанской церкви. Онъ сдѣлался болѣе сдержаннымъ въ своихъ мнѣніяхъ только тогда, когда либеральное цюрихское правительство вознамѣрилось назначить его профессоромъ теологіи въ цюрихскомъ университетѣ и исполнило

это намѣреніе, не обращая вниманія на агитацію, которую поддерживала изъ Берлина евангелическая церковная газета. Такъ напр. въ третьемъ изданіи „Жизни Иисуса“ онъ превозноситъ Христа, какъ „самого великаго религіознаго генія“, въ которомъ вполне выразилось единство божественности и человѣчности. Но между городскими жителями Цюриха и сельскимъ населеніемъ цюрихскаго кантона издавна существовала вражда; привязанные къ религіи своихъ предковъ, поселяне возстали противъ правительства и принудили его уволить новаго профессора и назначить ему пенсію.

1839.

6 сент.

1839.

„Жизнь Иисуса“ была настоящей зажигательной искрой, отъ которой воспламенился давно накопившійся горючій матеріалъ. Противъ ея содержанія возстали и старые и новые ортодоксалы, и благочестивые послѣдователи Гегеля, и философы-позитивисты, и теологи, державшіеся середины между противорѣчивыми воззрѣніями или проповѣдывавшіе религію сердца; поэтому, въ теченіе слѣдующихъ десятилѣтій появилось множество новыхъ сочиненій о жизни Иисуса, о вѣкѣ апостоловъ и вообще о Новомъ Завѣтѣ, что отчасти объяснялось и тѣмъ, что при тогдашнемъ строѣ государственной и церковной жизни благоволеніе правителей пріобрѣталось всего легче изданіемъ апологетическихъ сочиненій на такія темы. Этимъ способомъ въ послѣдствіи пріобрѣлъ сильное вліяніе и берлинскій придворный пасторъ Вильгельмъ Гофманъ. Но даже авторы лучшихъ сочиненій, написанныхъ съ цѣлю опровергнуть воззрѣнія Штрауса, — какъ напр. Неандеръ и Ульманъ, — не прибѣгали къ основательной критической провѣркѣ литературныхъ источниковъ, чтобъ выставить на видъ дѣйствительно слабыя стороны книги „Жизнь Иисуса“. Только сочиненіе христіана Германа Вейссе представляло въ этомъ отношеніи шагъ впередъ; съ тѣхъ поръ, въ особенности благодаря вмѣшательству оріенталиста Генриха Эвальда, содержаніе Евангелій сдѣлалось предметомъ болѣе точныхъ теологическихъ изслѣдованій. Уже при новомъ поколѣніи тотъ-же сюжетъ былъ заново обработанъ и самимъ Штраусомъ и множествомъ другихъ писателей, какъ напр. Реваномъ, Шенкелемъ и Вейцсекеромъ, между которыми занялъ выдающееся положеніе Кеймъ. Тогда возникла особая литература, цѣлю которой было исправленіе неосновательныхъ выводовъ Штрауса. Распространеніемъ этихъ радикальныхъ воззрѣній молодыхъ Гегеліанцевъ занимались преимущественно *Hallische Jahrbücher*, которые издавались Арнольдомъ Руге и Эктермейеромъ, но были скоро запрещены правительствомъ. Но уже не Штраусъ, а Фейербахъ выступилъ въ этомъ журналѣ въ роли пророка. Отъ своей первоначальной вѣры въ субстанцію Спинозы онъ перешолъ къ чистому гуманизму и наконецъ къ натурализму. Его ученіе изложено въ двухъ главныхъ его сочиненіяхъ — о сущности христіанства (1841 г.) и о сущности религіи (1845 г.). Оно нравилось молодому поколѣнію въ особенности потому, что было чрезвычайно просто и обходилось безъ широкаго запаса метафизическихъ или историческихъ познаній.

1838.

1864.

Теодоръ Кеймъ.

1825—1878.

Hallische

Jahrbücher.

1838—1841.

Людвигъ Фейер-

бахъ.

1804—1872.

Среди радикальныхъ Гегеліанцевъ нѣкоторое время очень славился Бруно Бауеръ; но его воззрѣнія были признаны несовмѣстимыми съ званіемъ приватъ-доцента теологіи въ боннскомъ университетѣ и онъ былъ уволенъ. Строгость, съ которою правительства относились къ Штраусу, къ Бауеру, къ *Hallische Jahrbücher* и къ множеству другихъ произведеній этого рода, свидѣтельствовала объ ихъ опасеніи, что враждебное къ церкви настроеніе умовъ можетъ поколебать нравственные основы всѣхъ государственныхъ и церковныхъ учреждений. Но вмѣсто того, чтобъ стремиться къ разумному примиренію между двумя противоположными лагерями, они искали для себя опоры только въ ортодоксіи и не достигали своей цѣли. Подорванное новое поколѣніе не сдѣлалось болѣе ортодоксальнымъ, чѣмъ его

Бруно Бауеръ.

1809—1882.

Теологическая

политика пра-

вительствъ.

отцы. Такъ какъ нѣмецкій народъ повсюду жилъ въ оппозиціи съ своими правительствами и не пыталъ довѣрія къ ихъ намѣреніямъ, то онъ охотно внималъ проповѣдникамъ новыхъ ученій. Тогда Шеллингъ былъ вызванъ въ Берлинъ для того, чтобъ пріостановить разрушительную дѣятельность умовъ и подготовить полное единеніе между наукой и церковью. Но эта мѣра оказалась безплодной. Бѣольшая часть нѣмецкаго народа относилась враждебно къ философін, олобрюемой въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, а преслѣдуемыхъ писателей считала проповѣдниками истины и мучениками; даже болѣе старый раціонализмъ Паулуса съ успѣхомъ вступилъ въ борьбу съ престарѣлымъ берлинскимъ пророкомъ (XIV, 934).

Тюбингенская
школа.

Новая стадія въ развитіи теологіи наступила съ возникновеніемъ такъ называемой Тюбингенской школы, но при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, такъ какъ правительства постоянно усматривали опасность для общества во всякихъ научныхъ изслѣдованіяхъ на теологической почвѣ. Между тѣмъ какъ критика въ главномъ сочиненіи Штрауса въ сущности была лишь критикой разсказа, извлеченнаго изъ источниковъ, а не критикой самихъ источниковъ, этотъ пробѣлъ былъ восполненъ главою Тюбингенской школы Бауромъ и его учениками Швеглеромъ, Целлеромъ, Кестлиномъ: они примѣнили къ теологіи и къ вопросу о зачаткахъ христіанства тотъ методъ, который съ успѣхомъ примѣнялся въ первой половинѣ текущаго столѣтія къ изученію историческихъ событій. Результаты ихъ изслѣдованій были въ послѣдствіи значительно смягчены другими учениками Баура, — какъ напр. Гильгенфельдомъ и Кеймомъ; но въ своихъ существенныхъ частяхъ они остались неопровергнутыми не смотря на нѣкоторыя основательныя возраженія со стороны Генриха Эвальда, Альбрехта Ричля, страсбургскаго ветерана науки Эдуарда Рейсса и преемника Баура, Карла Вейцсекера. Во всякомъ случаѣ нельзя отвергать того факта, что благодаря почину, исходившему изъ Тюбингенской школы, и благодаря трудамъ Липсиуса, Пфлейдерера, Овербека, Гольштена, Гаузрата, Гарнака, Шюрера, возникновеніе христіанства было освѣщено настоящимъ историческимъ свѣтомъ, а научные методы изслѣдованій были съ успѣхомъ примѣнены и къ этой исторической эпохѣ.

Фердинандъ
Христіанъ
Бауръ.

1792—1860.

Теологія ре-
ставраціи.

Но не смотря на то, что результаты этихъ изслѣдованій мало по малу усвоивались людьми образованными, они не нашли твердой почвы для своего развитія въ самой теологіи, даже оставались незнакомыми большинству практическихъ представителей этой послѣдней. Это объясняется господствовавшимъ среди практическихъ теологовъ ретрограднымъ направленіемъ, переживавшимъ различныя эпохи, сообразно съ болѣе или меньшею горячностью старыхъ религіозныхъ убѣжденій. Сначала преобладали чистыя, хотя и не вполне ясныя, влеченія религіознаго чувства. Тогда взяло верхъ такое-же возрѣніе на религію, изъ какого возникла теологія Шлейермахера, — тогда стали возвращаться къ старымъ вѣрованіямъ, стараясь согласовать ихъ съ религіозными чувствами, которыя были сильно возбуждены со времени войнъ за освобожденіе Германіи. То была эпоха преобладанія фантазіи и болѣе глубокаго сочувствія къ той сторонѣ духовной жизни, которая такъ долго оставалась въ пренебреженіи; но за тѣмъ скоро наступила эпоха дипломатическаго кокетничанья съ наукой и наконецъ эпоха анализа. Типичными представителями стараго піетизма, еще пытавшимися прямо изъ первоначальныхъ источниковъ религіи, были: церковный историкъ Августъ Неандеръ, спекулятивный теологъ Рихардъ Роте, догматики Исаакъ Дорверъ, истолкователи Священнаго Писанія Германъ Ользгаузенъ, Рудольфъ Штирль и въ особенности Августъ Толукъ, который трудился съ 1824 въ Галле, преобразовалъ теологическій факультетъ мѣстнаго университета, прежде отличавшійся раціоналистиче-

Августъ То-
лукъ.

1799—1877.

скими направлениемъ, и въ своемъ фантастическомъ благочестіи перѣдко обнаруживалъ подозрительное сочувствіе къ *esprit* новаго времени. Всѣ они болѣе или менѣе держали сторону такъ называемой *Vermittelungstheologie* (примирительной теологіи), самыми даровитыми научными представителями которой были ученики Шлейермахера: экзегеты Фридрихъ Люке и Фридрихъ Блекъ; въ области догматики держались такого-же направленія основатели такъ называемой позитивной уніи вѣроисповѣданій Карлъ Иммануиль Ницшъ и Юлій Мюллеръ, а въ области церковной исторіи—Карлъ Ульманнъ. Но какъ ни старались эти писатели согласовать свои воззрѣнія съ наукой, они оказывались съ теченіемъ времени всё болѣе и болѣе неспособными бороться съ враждебнымъ наукѣ направлениемъ новѣйшей ортодоксіи. Представители этой ортодоксіи сначала пытались сблизиться съ представителями науки, чтобъ съ помощью ихъ увеличить число своихъ послѣдователей; но взаимныя отношенія между тѣми и другими скоро приняли противоположное направленіе: связь съ ортодоксалами перѣдко заставляла членовъ школы поддерживать и прикрывать своимъ именемъ такія предпріятія, успѣхъ которыхъ былъ бы смертельнымъ ударомъ для науки и для свободы изслѣдованій.

Еще не вполне выяснилось, въ какой мѣрѣ вышензложенное замѣчаніе можетъ относиться къ школѣ Альбрехта Ричля, пріобрѣтавшей многочисленныхъ послѣдователей въ теченіе послѣднихъ лѣтъ и придерживающейся того основнаго принципа, что безъ вѣры нельзя составить себѣ точнаго понятія о требованіяхъ нравственности или нельзя исполнять эти требованія на практикѣ. Представителями этого направленія являются Шульцъ, Германнъ, Готтшикъ и др.; ему дано названіе церковнаго ново-кантіанизма и его слѣдуетъ отнести къ ряду самыхъ полныхъ жизни вѣтвей отъ высохшаго древа теологической науки. Но, устанавливая принципиальное разобщеніе между всякимъ познаваніемъ натуры и міра и вѣрой въ сверхъ-чувственныя, т. е. нравственныя блага, эта школа устраняетъ основное церковное воззрѣніе, по которому догматъ имѣетъ рѣшающее вліяніе на правильность всякаго міровоззрѣнія. Въ этомъ послѣднемъ направленіи издавались очень недавно цѣлые апологетическіе журналы и трудились такіе теологи, какъ Лютгардтъ, Делицшъ, Эбрардъ, Цеклеръ, Пфаффтъ; но ихъ старанія согласовать древне-еврейское міровоззрѣніе съ результатами новѣйшаго изученія законовъ природы производили впечатлѣніе только на тѣхъ, кто заранѣе раздѣлялъ ихъ убѣжденія. Поэтому, сочиненія этого рода вызывали безусловное одобреніе только въ той сферѣ, гдѣ главной задачей теологіи считалось возстановленіе міровоззрѣній шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, т. е. возстановленіе „теологіи предковъ“ и запрещеніе высказывать какія либо другія воззрѣнія и съ профессорской и съ церковной каѳедры.

Уже съ 1828 года Генгштенбергъ сталъ издавать свою евангелическую церковную газету, пользовавшуюся покровительствомъ высшихъ правительственныхъ сферъ и въ особенности прусскаго наслѣднаго принца; онъ старался не только усилить вліяніе протестанской церкви, но и прекратить всякія свободныя научныя изслѣдованія; съ тѣхъ поръ, какъ онъ опорочилъ своими доносами профессоровъ галльскаго университета Вегшейдера и Гезеніуса, не было почти ни одного сколько нибудь выдающагося теолога, который не былъ-бы запятнанъ въ его газетѣ обвиненіемъ въ расколѣ. Въ лейпцигскомъ университетѣ былъ представителемъ этого направленія Лютгардтъ: онъ отвергалъ болѣе либеральныя теологическія воззрѣнія Винера и Ангера, а послѣ смерти Генгштенберга издавалъ лютеранскую церковную газету, игравшую въ Германіи одинакую роль съ вышеупомянутой евангелической церковной газетой. Въ этомъ-же духѣ были „преобразованы“ теологическіе факультеты почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ. Лишь

Примирительная теологія.

Евангелическая церковная газета.

не многіе факультеты,—какъ напр. іенскій, а въ послѣдствіи и гейдельбергскій—устояли отъ такихъ внѣшнихъ вліяній благодаря болѣе благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ. Но вообще можно замѣтить, что тогда исторія теологіи совершенно слилась съ исторіей стремленій церкви къ реставраціи и къ реакціи: это было патуральнымъ послѣдствіемъ того, что церковныя власти и ихъ газеты постоянно переносили всякій научный вопросъ на арену борьбы церковно-политическихъ партій. Ничто такъ не роило теологію въ общественномъ мнѣніи, какъ постоянно упрочивавшееся обыкновеніе выбирать замѣстителей церковныхъ должностей и профессоровъ теологіи не по ихъ научной подготовкѣ, а по ихъ направленію. Поэтому постоянно уменьшалось число серьезныхъ, любознательныхъ людей, рѣшавшихся посвящать себя такой карьерѣ, которая могла поставить ихъ въ затруднительное положеніе.

В. КОЛЕБАНИЯ И РАЗНОМЫСЛІЕ ВЪ НѢДРАХЪ ПРОТЕСТАНТСКОЙ ЦЕРКВИ.

Церковная ре-
акція въ
Германіи.

Новѣйшая исторія протестантской церкви является преимущественно отголоскомъ тѣхъ сильныхъ волненій, которыя въ то-же время нарушали спокойствіе католической церкви. Такъ напр., переворотъ, происшедшій внутри протестантской церкви, былъ лишь слабымъ подражаніемъ громадной перемѣны, совершившейся въ католической церкви въ первой половинѣ текущаго столѣтія. Вотъ почему, въ болѣе-шей части жизненныхъ проявленій протестантизма обнаруживается ретроградное направленіе; но это направленіе относится къ великому ретроградному движенію въ католической церкви только подобно послѣдствію, происходящему по закону инерціи отъ какого бы то ни было внѣшняго толчка. Въ католицизмѣ мы находимъ широкое развитіе такой церковности, которая скоро перестаетъ опасаться какихъ-либо послѣдствій средневѣковой теоріи и практики; а протестантизмъ часто представляетъ намъ зрѣлище мелочныхъ споровъ, въ которыхъ большею частію идетъ дѣло только о преобладаніи той или другой теологической котеріи, пользующейся милостивымъ расположеніемъ мѣстнаго правительства; но не легко уловимая цѣль этой внутренней борьбы заключается въ возстановленіи тѣхъ религіозныхъ понятій, которыя сложились въ семнадцатомъ столѣтіи, то-есть въ самое печальное для Германіи время. Такимъ образомъ, съ трудомъ реставрированный и снова развернувшій старые паруса, лютеранскій церковный корабль поплылъ не прямо на буксирѣ у великой іезуитской реакціи, но по меньшей мѣрѣ по проложенному ею фарватеру, а въ теченіе многихъ лѣтъ въ его паруса дули тѣ-же самые попутные вѣтры, благодаря которымъ увѣличивались усиѣхомъ стремленія ультрамонтанъ. А въ тѣхъ случаяхъ, когда благопріятные вѣтры угрожали перемѣной направленія, приближеніе опасности немедленно сознавалось въ обоихъ лагеряхъ, не смотря на ихъ относительное несходство. Протестантская церковь не устояла противъ соблазна

поискать для своего, построеннаго на менѣе твердомъ фундаментѣ зданія, опоры въ болѣе старыхъ католическихъ каменныхъ постройкахъ, которыя могли служить стѣною для болѣе мелкаго зданія. Вслѣдствіе сознанія непрочности такого положенія, представители новаго лютеранскаго направленія Канисъ и Лутгардтъ брали сторону католическихъ притязаній въ тѣхъ случаяхъ, когда происходили столкновенія между церковью и государствомъ: они полагали, что вмѣстѣ съ каждымъ обломкомъ отваливающимся отъ католицизма, отваливается обломокъ и отъ протестантскаго догматизма. Протестантская іерархія, старавшаяся подавить непріятное для нея направленіе въ ея собственной церкви, не стыдилась насмѣшливыхъ замѣчаній католиковъ, что только своему союзу съ папствомъ она обязана сохраненіемъ нѣкоторыхъ остатковъ вѣры въ своей разрушающейся церкви. Еще въ теченіе первой половины этого столѣтія знаменитый лозунгъ «солидарности всѣхъ консервативныхъ интересовъ» связывалъ католическихъ и протестантскихъ реакціонеровъ все болѣе крѣпкими узами, а тѣ «христіанско-германскія государственныя учрежденія», о введеніи которыхъ заботились Шталь, Лео, фонъ-Герлахъ, считая ихъ за завѣщанное романтиками наслѣдство, въ сущности почти ничѣмъ не отличались отъ средневѣковыхъ государственныхъ учреждений, основанныхъ на каноническомъ правѣ. Не только въ Пруссіи подъ управленіемъ Фридриха Вильгельма IV, но также въ странѣ Вельфовъ, въ саксонскихъ провинціяхъ и болѣе или менѣе въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, образовалась, подъ покровительствомъ мѣстныхъ правительствъ, партія строго-вѣрующей для борьбы съ духомъ времени, неблагопріятнымъ для церкви; она раздѣляла съ ультрамонтанскимъ направленіемъ католицизма благосклонное расположеніе высшихъ сословій, для которыхъ былъ опасенъ постоянно усиливавшійся духъ отрицанія. Этимъ двумъ союзницамъ было одинаково чуждо уваженіе къ независимой наукѣ и къ возвышающему душу, вліянію серьезнаго образованія. Такимъ образомъ возникло въ Германіи то ложное благочестіе, которое во времена реакціи обмѣнивалось выраженіями сочувствія съ властію, неуважавшею законныхъ правъ,—такимъ образомъ упрочился въ Германіи тотъ пагубный для истинной религіозности и нравственности, союзъ трона съ алтаремъ, который сдѣлался главною причиною жалкаго положенія нашего отечества.

Впрочемъ справедливость требуетъ упоминанія и о тѣхъ трудностяхъ, съ которыми приходилось бороться многочисленнымъ мѣстнымъ нѣмецкимъ церквамъ: вѣдь даже при самыхъ честныхъ отношеніяхъ къ религіозной сферѣ, многіе изъ нѣмецкихъ правителей не могли приписывать себѣ такой же миссіи, какую брала на себя свѣтская власть въ Пруссіи, потому что иначе имъ пришлось бы брать на себя роль «мѣстныхъ епископовъ» и дѣйствовать въ интѣ-

ресахъ церкви. И что же могли бы они предпринять въ такой сферѣ дѣятельности, въ которой такъ трудно установить руководящія правила, потому что настоящіе знатоки этого дѣла—теологи постоянно придерживаются различныхъ мнѣній? Развѣ можно было найти твердую почву въ пучинѣ современныхъ теологическихъ воззрѣній, взаимно другъ друга отвергавшихъ? Только въ видѣ исключенія иногда принималось съ соображеніе то обстоятельство, что можно совершенно сбить съ толку народъ рѣзкимъ противорѣчіемъ между тѣмъ, чему поучаетъ церковь, и тѣми свѣтскими науками, которыя преподаются въ школахъ и имѣютъ неотразимое вліяніе на человѣческую жизнь. Казалось, что гораздо проще возстановить старые символы и обряды и пользоваться ими, какъ болѣе надежными и болѣе для всѣхъ понятными, законными основами церковнаго авторитета. Такимъ образомъ, дѣло дошло до бюрократической организаціи нѣмецкой церкви, — до такой организаціи, въ которой уже не легко было отыскать слѣды того религіознаго воодушевленія, которое обнаруживалось въ годы борьбы за свободу церкви; тогда уцѣлѣли въ религіозной сферѣ только слабые остатки и того, что было приобрѣтено войнами за освобожденіе Германіи; поэтому, потомкамъ бойцевъ, когда-то проливавшихъ кровь за свое святилище, было не легко отыскать это святилище въ тѣхъ властолюбивыхъ, но безсильныхъ, полицейски-организованныхъ церквяхъ, которыя были заведены въ каждомъ изъ мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Этимъ объясняется пренебреженіе, съ которымъ относились къ церкви и католическіе и протестантскіе патріоты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Они видѣли въ ней ничто иное, какъ вредное учрежденіе, гдѣ приготавлился морфій, съ помощью котораго вводили народъ въ умственное усыпленіе или, по меньшей мѣрѣ, мѣшали ему здраво мыслить.

Но только съ великимъ періодомъ реакціи, наступившимъ послѣ 1848 года, начались благодатные годы для церкви, стремившейся къ единовластію. Тогда окончательно завершилась описанная нами ранѣе (стр. 62), первая и болѣе безвредная стадія религіозной реставраціи. Прежде протестантское духовенство относилось враждебно къ мірскимъ интересамъ, а теперь явно обнаруживаемыя на дѣлѣ мірскія стремленія являются характеристическими узами, связывающими новомодную протестантскую церковность съ однороднымъ направленіемъ католицизма. Обѣ стороны стараются вліять на высокопоставленныхъ людей черезъ посредство придворныхъ пасторовъ и духовниковъ; обѣ стороны обнаруживаютъ сознаніе, что только онѣ имѣютъ право законнаго существованія; наконецъ обѣ стороны одинаково понимаютъ «церковную свободу», подъ знаменемъ которой и для полнаго возстановленія которой ведутъ борьбу: для нихъ эта свобода заключается не въ ничѣмъ не

стѣсняемой возможности жить и дѣйствовать рядомъ съ другими, а въ принадлежащей имъ однимъ привилегіи жить и дѣйствовать, попирая ногами тѣхъ, кто не раздѣляетъ ихъ мнѣній.

Намъ уже не разъ приходилось упоминать объ уніи, учрежденной Фридрихомъ Вильгельмомъ III (XIV, 605, 951). Она соотвѣтствовала издавна принадлежавшему къ числу традицій дома Гогенцоллерновъ, благотворному стремленію къ объединенію всѣхъ силъ протестантизма. При этомъ, конечно, предполагалось ничѣмъ не стѣснять свободное, научное изложеніе протестантскаго ученія. Но невоздержныя выходки нѣкоторыхъ ученыхъ побудили правительство прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Такъ напр., Бруно Бауеръ объявилъ, что унія есть перешедшее въ дѣло и въ законъ просвѣщеніе, есть совершившійся въ церкви переворотъ. По его мнѣнію, унія могла состояться только послѣ того, какъ оба вѣроисповѣданія, взаимно исключаяющія одно другое, сами отказались отъ своего существованія, потому что, пока они существуютъ, они исключаютъ одно другое, и только пока они исключаютъ одно другое, они существуютъ. Да и всѣ привязанные къ церкви, люди съ самаго начала тревожились опасеніемъ, что унія можетъ привести къ религіозному индифферентизму. Потому она вызывала все болѣе сильное сопротивленіе по мѣрѣ того, какъ усиливалось могущество церкви. Во главѣ строго-лютеранской партіи, образовавшейся въ Бреславлѣ, стали: теологъ Шейбель, юристъ Гушке и философъ Стеффенсъ (XIV, 934). Послѣ того, какъ правительство неоднократно прибѣгало къ принудительнымъ мѣрамъ, было издано предписаніе, проводившее раздѣльную черту между принадлежностью къ уніи и употребленіемъ требника; вступленіе въ унію предоставлялось доброй волѣ протестантовъ, но употребленіе требника было отнесено къ числу вѣроподданническихъ обязанностей. Тогда стали происходить въ Силезіи такія сцены, которыя наложили неизгладимое пятно на исторію прусской церкви: тамъ увольнялись пасторы; въ церквахъ появлялись военные отряды; недовольные приводились въ повиновеніе тѣмъ, что въ ихъ домахъ отводились помѣщенія для солдатъ и вообще они подвергались такимъ угнетеніямъ, что многіе изъ лицъ духовнаго званія и вѣрующихъ переселялись въ Америку. Но всего прискорбнѣе для лютеранской партіи было то, что вліятельные теологи, какъ напр. Ользгаузець и Ганъ, прежде вполнѣ раздѣлявшіе ея воззрѣнія, отдѣлились отъ нея и перешли на сторону правительства. Даже Генгштенбергъ полагалъ, что долгъ христіанина и подданнаго обязываетъ его дѣйствовать за одно съ правительствомъ, принимающимъ строгія мѣры противъ стараго лютеранства. Но хотя правительство и успѣло осуществить проектъ уніи и съ помощью принудительныхъ мѣръ заставить молчать самыхъ энергичныхъ своихъ противниковъ, какъ напр. галльского профессора Герике, оно все таки не могло

Фридрихъ
Вильгельмъ
IV и унія.

1840.

28 февр.
1834.

устранить противорѣчія, возникавшія изъ занятаго имъ положенія. Съ одной стороны были уничтожены уніей различія между протестантскими вѣроисповѣданіями, съ другой стороны выражалось сознаніе, что нельзя жить безъ вѣрованій, что безъ нихъ нельзя найти никакой «основы». Всѣ заявленія, сдѣланныя правительствомъ съ цѣлію разъяснить смыслъ и цѣль уніи, заключали въ себѣ такія опредѣленія, которыя сами себя опровергали. Правительственный ордеръ отъ 28 февраля 1834 объяснялъ, что унія вовсе не требуетъ отмѣны прежнихъ вѣрованій, что присоединеніемъ къ ней выражается только умѣренность воззрѣній, запрещающая исключать изъ состава церковной общины тѣхъ, которые несходятся съ ней только въ объясненіи нѣкоторыхъ догматовъ: эта правильная точка зрѣнія на унію, какъ на общій принципъ, вызвала самыя разнообразныя примѣненія и истолкованія. Вопросъ объ уніи вступилъ въ новую фазу развитія со вступленіемъ на престолъ Фридриха Вильгельма IV, немедленно отмѣнившего принудительныя мѣры противъ лютеранъ; поэтому уже въ 1841 могла образоваться рядомъ съ государственною церковью лютеранская церковная община; однако она не была въ состояніи возвыситься до такого положенія, которое не имѣло-бы сходства съ положеніемъ мелкой секты; а съ 1862 года она сама распалась вслѣдствіе того, что синодъ вдвойнѣ разъединенныхъ лютеранъ отбросилъ свою зависимость отъ бреславльской церкви. Приверженцы ортодоксіи ожидали, что съ вступленіемъ на престолъ привязаннаго къ старымъ вѣрованіямъ короля наступитъ для нихъ новый золотой вѣкъ; но первымъ дѣломъ новаго короля было учрежденіе англо-прусской епископской должности въ Іерусалимѣ; онъ задумалъ, по соглашенію съ англійской королевой, основать у Гроба Господня общину изъ приверженцевъ двухъ національныхъ церквей, — такую общину, къ которой очень скоро стали-бы присоединяться всѣ протестанты; но на дѣлѣ оказалось, что учрежденіе епископства было задумано во вкусъ англійской высокой церкви и что оно привело лишь къ униженію нѣмецко-евангелической церкви. Во имя нѣмецкихъ національныхъ интересовъ Шнекенбургеръ и Гундесгагенъ горячо протестовали противъ всякихъ попытокъ «англиканизировать» евангелическую церковь въ Германіи и вводить въ ней англо-католическое понятіе о епископствѣ. Король съ своей стороны не переставалъ держать себя, какъ «возсѣдающій на тронѣ романтикъ»: онъ былъ крестнымъ отцемъ принца Уэльскаго; во время празднованія отстройки кельнскаго собора онъ восхищался пышностью католическаго богослуженія; онъ учредилъ орденъ Лебеда и вообще поощрялъ всякое стремленіе, возникавшее на почвѣ религіозныхъ вѣрованій и церковныхъ учреждений. Но чтобъ достигнуть существенныхъ результатовъ, былъ снова поднятъ вопросъ о прусскихъ церковныхъ учрежденіяхъ. Было рѣшено снова прибѣгнуть къ созванію синодовъ: въ 1843 году были

учреждены окружные синоды, въ 1844 провинціальныя, а въ концѣ концовъ предполагалось созвать генеральный синодъ; но прежде, чѣмъ дѣло дошло до этой послѣдней мѣры, была сдѣлана попытка приготовить соединеніе нѣмецкихъ мѣстныхъ церквей. Прологомъ для этого предпріятія служило изданное въ 1845 году Ульманомъ воззваніе, озаглавленное такъ: «О будущности евангелической церкви въ Германіи». Тѣ, къ кому было обращено это воззваніе, прислали въ началѣ 1846 года въ Берлинъ своихъ уполномоченныхъ, которые совѣщались между собою въ теченіе полутора мѣсяца, но не достигли желаемого объединенія церковныхъ учреждений. Результаты ихъ совѣщаній хранились въ тайнѣ. За тѣмъ, въ Троицынъ день того-же года, король созвалъ генеральный синодъ подъ предсѣдательствомъ министра духовныхъ дѣлъ Эйхгорна, котораго злой геній побудилъ оставить постъ министра финансовъ и стать во главѣ завѣдыванія церковными дѣлами. Генеральный синодъ долженъ былъ обсуждать вопросы касательно догматовъ, уніи и церковныхъ учреждений; половина его членовъ состояла изъ мірянъ, но вовсе не изъ такихъ, которые были-бы выбраны общинами; между засѣдавшими въ немъ теологами господствовалъ духъ такъ называемой «примирительной теологіи» (*Vermittlungstheologie*). Карлъ Иммануиль Ницшъ составлялъ докладъ о томъ, что касалось сущности вѣрованій, а Юлій Мюллеръ о томъ, что касалось уніи. Оба они сходились въ убѣжденіи, что евангелическая унія можетъ найти для себя объединяющій принципъ только въ единствѣ вѣрованій, а такое единство слѣдуетъ искать въ томъ, въ чемъ сходятся оба протестантскихъ вѣроисповѣданія. На такой почвѣ унія не была-бы учрежденіемъ новой церкви наряду съ церквами реформатской и лютеранской и не создавала-бы новой основы для вѣрованій, а лишь признавала-бы раздѣленіе двухъ церквей за результатъ заблужденія. Это было впослѣдствіи названо «положительной уніей» (*positive Union*). Но даже и противъ нея возстали такіе ревностные лютеране, какъ Шталь и профессора теологіи Твестенъ и придворный пасторъ Штраусъ; они принимали за точку исхода основное положеніе, что только лютеранское и реформатское вѣроученія могутъ быть усвоены уніей, а всякій способъ ихъ соглашенія былъ-бы равнозначущъ съ введеніемъ новаго вѣроученія. Напротивъ того, лѣвая сторона, которою руководилъ очень вліятельный зять Шлейермахера, графъ Шверинъ, отвергала всякое обязательство придерживаться какого-либо установленнаго вѣроученія. Результатомъ этого разномыслія было то, что коммиссія предложила держаться середины между свободой религіознаго преподаванія и обязательнымъ соблюденіемъ установленныхъ правилъ. Тогда «Евангелическая церковная газета» стала яростно нападать на новый «разбойническій синодъ», а либералы были недовольны тѣмъ, что синодомъ не были приняты

въ соображеніе слѣдующія истины, постоянно все яснѣе выдвигавшіяся на передній планъ,—что раздоры въ нѣдрахъ протестантской церкви уже отжили свое время и не соотвѣтствуютъ духу новаго времени, что противоположность миѣній уже успѣла сгладиться во время своего историческаго развитія, что сущность христіанства слѣдуетъ искать не въ систематически выработанныхъ догматахъ. Еще менѣе успѣшны были старанія синода привлечь общины къ участию въ церковной жизни посредствомъ введенія настоящихъ синодальныхъ и пресвитеріанскихъ учрежденій. Поэтому единственнымъ практическимъ послѣдствіемъ созванія синода было учрежденіе собравшейся въ январѣ 1848 года высшей консисторіи, которая превратилась съ 1850 года въ высшій церковный совѣтъ и стала управлять прусскою церковью по своему усмотрѣнію. Нисколько неудивительно, что вызвавшее столько свѣтлыхъ надеждъ, созваніе генеральнаго синода осталось безъ всякаго вліянія на прусскій народъ: оно только содѣйствовало возникновенію того пессимизма, съ которымъ пріучились съ тѣхъ поръ относиться ко всему, что касается церковныхъ дѣлъ.

Общество «Лю- При прежнемъ правительствѣ горячія старанія ввести церковную унію бителей про- вызвали оппозицію со стороны приверженцевъ стараго лютеранскаго вѣро- свѣщенія». исповѣданія; напротивъ того, при новомъ правительствѣ система церковнаго управленія вызвала нападки на ортодоксальныя стремленія придворнаго духовенства и духовной консисторіи; во главѣ этого движенія стояли старые раціоналисты, вышедшіе изъ школы Вегшейдера: своимъ острымъ чутьемъ они предугадывали приближавшійся важный переворотъ, устроивали съ 1841 года публичныя конференціи и основали общество „приверженцевъ протестантизма“ (*Protestantische Freunde*) или „любителей просвѣщенія“ (*Lichtfreunde*) съ цѣлію поощрять къ практическому примѣненію разумныхъ и согласныхъ съ духомъ времени воззрѣній на христіанство; душою этого общества былъ саксонскій пасторъ Улихъ, — человекъ столько-же. Улихъ. 1799—1872. благочестивый, сколько либеральный, и даже своимъ противникамъ внушавшій уваженіе своимъ образомъ жизни и своею служебною дѣятельностью. Его знаменемъ былъ „раціонализмъ здраваго человѣческаго разсудка“, а его опорами были среднее сословіе и очень вліятельная партія прогресса. Представителемъ партіи, болѣе бурно и болѣе торопливо стремившейся впередъ, былъ пасторъ въ Галле Визлиценусъ. На сходкѣ въ Кётенѣ онъ Визлиценусъ. 1803—1875. въ присутствіи трехъ тысячъ слушателей прочелъ 29 мая 1844 лекцію о такъ называемомъ формальномъ принципѣ протестантизма и доказывалъ, что весь вопросъ сводится къ тому, чего слѣдуетъ придерживаться—буквы Священнаго Писанія или его духа. Онъ называлъ духомъ то, что называлось у раціоналистовъ разсудкомъ, и въ этомъ случаѣ придерживался философіи Гегеля, къ которой уже стали относиться въ Пруссіи съ недовѣріемъ. Но такъ какъ этимъ путемъ низпровергался принципъ уваженія къ буквѣ Священнаго Писанія, то жившій въ Галле приверженецъ стараго лютеранскаго ученія, Гверике оповѣстилъ въ „Евангелической церковной газетѣ“ о возникновеніи этого новаго ученія и обратился къ правительству съ обвиненіемъ „любителей просвѣщенія“ въ формальномъ отпаденіи отъ христіанства. За тѣмъ народныя сходки были запрещены правитель-

ствомъ и были устроены ортодоксалами публичныя демонстраціи, вызвавшія съ противной стороны еще болѣе горячіе протесты, въ которыхъ принимали участіе всѣ, кто были возмущены прописками Генгштенберга. Наконецъ было опубликовано особое заявленіе, подъ которымъ подписались 15 августа 1845 восемьдесятъ семь нотаблей, большею частію принадлежавшихъ къ школѣ Шлейермахера. Въ этомъ заявленіи говорилось, что главной виновницей возникшихъ раздоровъ была евангелическая церковная газета и что не слѣдуетъ ничѣмъ стѣснять дальнѣйшее развитіе понятій о личности Христа. Тогда Генгштенбергъ поспѣшилъ разорвать всѣ связи съ партіей Шлейермахера и сталъ выдавать миѣнія этого писателя за ересь, а король ясно доказалъ, чью онъ держитъ сторону, оказавши немилостивый приѣмъ членамъ городского магистрата, обратившимся къ нему съ жалобами на Генгштенберга. И церковные и свѣтскіе администраторы были сильно встревожены сочувствіемъ средняго сословія къ либеральнымъ идеямъ: они опасались послѣдствій усиливавшагося невѣрія и присоединявшихся къ нему либеральныхъ политическихъ стремленій; поэтому на лицъ духовнаго званія стали возлагать обязанность безусловно придерживаться буквы Священнаго Писанія, а тѣхъ, кто не подчинялся этой обязанности, стали подвергать взысканіямъ и увольненіямъ отъ должностей и такимъ образомъ мало по малу вытѣснили ихъ изъ лона церкви. Тогда недовольные стали переходить изъ государственной церкви налѣво, между тѣмъ, какъ при прежнемъ правительствѣ они переходили направо. Члены „свободныхъ общинъ“ стали собираться прежде всего въ Кёнигсбергѣ и въ Галле вокругъ уволенныхъ пасторовъ Руппа и Визлиденуса. Ихъ примѣръ вызвалъ подражаніе: и въ другихъ нѣмецкихъ странахъ стали возникать такіе же общества, сводившія все христіанское ученіе къ общему понятію о гуманизмѣ. Тогда умѣренный и добродушный раціонализмъ „любителей просвѣщенія“ сталъ мало по малу превращаться въ радикализмъ свободныхъ общинъ вслѣдствіе взведенныхъ на него Генгштенбергомъ обвиненій въ ереси и вслѣдствіе чрезмѣрной строгости административныхъ мѣръ. Самъ Улихъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ въ Магдебургѣ въ качествѣ церковнаго проповѣдника, былъ уволенъ; тогда и въ Магдебургѣ была основана свободная община. Ожесточенный преслѣдованіями, Улихъ сталъ все болѣе и болѣе уклоняться отъ церковнаго ученія и усвоивать матеріалистическія идеи своего времени; свободныя общины подверглись во времена политической реакціи угнетеніямъ; нѣкоторыя изъ нихъ, — числомъ до сорока, — перестали существовать; для нихъ настали болѣе сносныя времена только съ 1859 года.

1846.

30 марта
1847.

Первымъ послѣдствіемъ мартовскихъ событій 1848 года для протестантской церкви было то, что министръ духовныхъ дѣлъ графъ Шверинъ, думавшій созвать синодъ изъ выборныхъ членовъ, но отказавшійся отъ этого намѣренія въ виду грозныхъ протестовъ со стороны евангелической церковной газеты и всѣхъ консисторій и богословскихъ факультетовъ; дѣло ограничилось тѣмъ, что въ 1850 году былъ составленъ проектъ организаціи протестантскихъ общинъ, вызвавшій со стороны Генгштенберга обвиненіе въ преслѣдованіи демократическихъ цѣлей, а со стороны комитета церковной, униіи, — въ которомъ были вождями оппозиціи послѣдователи Шлейермахера Іонасъ, Сидовъ, Краузе, — обвиненіе въ преслѣдованіи іерархическихъ цѣлей. Результатомъ всѣхъ этихъ пререканій было то, что несмотря на обезпеченное прусскими законами право каждой церкви самостоятельно завѣдывать своими дѣлами, церковное управленіе сосредоточилось въ высшемъ церковномъ совѣтѣ, который дѣйствовалъ отъ имени короля и по соглашенію съ министрами духовныхъ дѣлъ Раумеромъ и Мюллеромъ.

Реакція и новый переворотъ.

1859.

Въ то-же время церковное управленіе, находившее для себя опору въ политической реакціи, присвоило себѣ такія широкія права, что даже дальнѣйшее существованіе церковной уніи сдѣлалось сомнительнымъ, а въ виду происхожденія „лютеранскихъ провинціальныхъ обществъ“ былъ изданъ 6 марта 1852 королевскій декретъ, вызвавшій возникновеніе въ высшемъ церковномъ совѣтѣ двухъ фракцій — лютеранской и реформатской; и среди приверженцевъ церковной уніи этотъ декретъ возбудилъ сильное волненіе, для прекращенія котораго понадобилось изданіе новаго декрета отъ 12 іюля 1853. Но такъ какъ этими мѣрами, по видимому, отымѣнялись уступки, незадолго передъ тѣмъ сдѣланныя въ пользу каждаго изъ двухъ протестантскихъ вѣроисповѣданій, то лютеранскіе пасторы собрались въ сентябрѣ 1853 на совѣщаніе въ Виттенбергѣ и обратились къ королю съ протестомъ. И на этотъ разъ король выразилъ глубокое сожалѣніе о томъ, что его старанія охранять самостоятельность обоихъ вѣроисповѣданій не вызываютъ признательности. Съ тѣхъ поръ прусская церковь вступила въ колею византійскаго режима, съ которой уже болѣе не сходила. Впрочемъ, сначала никто не могъ понять, въ какомъ положеніи находился церковный вопросъ, а путаница еще усилилась, когда Шталь, въ своемъ сочиненіи о лютеранской церкви и объ уніи, позволилъ себѣ называть лютеранское вѣроисповѣданіе абсолютно-истиннымъ, реформатское вѣроисповѣданіе чѣмъ-то въ родѣ анти-христианства, а всякій проектъ церковной уніи неосуществимымъ. Нельзя было яснѣе, чѣмъ въ этомъ сочиненіи, выразить ту мысль, что въ лютеранской церкви господствуетъ такой-же іерархическій принципъ, какъ въ католической, а демократическій церковный режимъ и республиканская непокорность земнымъ властямъ въ религіозныхъ вопросахъ составляютъ отличительную принадлежность реформатскаго вѣроисповѣданія.

Противоположныя воззрѣнія на церковный вопросъ были наконецъ доведены до такихъ крайностей, что не могли долго оставаться на этомъ пунктѣ. Религіозныя воззрѣнія, изложенныя Шталемъ отъ имени господствующей „немногочисленной, но могущественной партіи“, не соотвѣтствовали традиціоннымъ симпатіямъ Гогенцоллернской династіи къ реформатскому вѣроисповѣданію и къ церковной уніи; а такъ какъ они отдавали всю церковную власть въ руки духовенства, то они несоотвѣтствовали и стремленіямъ короля къ личному режиму. Правда, Фридрихъ Вильгельмъ IV никогда не привязывался безусловно къ какой либо одной теологической партіи; онъ былъ отъ природы такого впечатлительнаго характера, что всякой церковной котерин, рассчитывавшей на его поддержку, приходилось-бы нерѣдко испытывать разочарованія. Но онъ постоянно обнаруживалъ ясное несочувствіе не только къ направленіямъ, слегка неблагоприятнымъ для церкви, но и къ серьезнымъ научнымъ изслѣдованіямъ либеральныхъ теологовъ. Поэтому дѣло дошло до того, что при замѣщеніи церковныхъ и учительскихъ должностей, въ особенности должностей профессоровъ теологін, и даже должностей административныхъ и судебныхъ, стали принимать въ соображеніе почти исключительно религіозныя воззрѣнія кандидатовъ; а министръ духовныхъ дѣлъ и другія высшія должностныя лица, принадлежавшія къ разряду строгихъ ортодоксаловъ, сообразовали свою дѣятельность съ наклонностями монарха. Этотъ послѣдній, быть можетъ, руководствовался желаніемъ придать самому распространенному въ Германіи, протестантскому вѣроисповѣданію такое единство и такую прочность, что оно было-бы въ состояніи стать на ряду съ прочно организованнымъ во Франціи католицизмомъ и русскою православною церковью. Но онъ не могъ достигнуть этой цѣли частію потому, что окружилъ себя неспособными исполнителями своей воли, частію потому, что нѣмецкое

среднее сословіе, привязанное къ принципу религіозной свободы, не допускаетъ, чтобъ правительственная власть могла навязывать ему тѣ или другія вѣрованія.

Въ теченіе нѣкотораго времени можно было предполагать, что съ наступленіемъ „новой эры“ и въ церковной сферѣ все измѣнится. Обращаясь къ своимъ новымъ министрамъ, принцъ-регентъ подвергнулъ въ старой системѣ управленія самому безпощадному порицанію именно то, что касалось церковныхъ дѣлъ. Онъ сказалъ: „Самый трудный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый щекотливый изъ всѣхъ вопросовъ, требующихъ вниманія, есть вопросъ церковный, такъ какъ въ этой сферѣ было сдѣлано въ послѣднее время много ошибокъ. Прежде всего необходимо установить между двумя христіанскими вѣроисповѣданіями такую равноправность, какая только возможна. Но въ обѣихъ церквахъ слѣдуетъ всѣми силами противоdѣйствовать тому направленію, которое старается прикрывать религіей политическія стремленія. Нельзя отвергать того факта, что въ евангелическую церковь проникли ортодоксальныя идеи, которыя несомнѣстимы съ ея основными воззрѣніями и которыхъ придерживаются лицемѣры. Эти идеи противоdѣйствуютъ благотворному вліянію евангелической униі и даже, какъ мы это видѣли на дѣлѣ, готовятъ ея распадѣніе. Я твердо рѣшился поддерживать эту унию и содѣйствовать ея распространенію. Для успѣшнаго разрѣшенія этой задачи необходимо осмотрительно выбирать ея исполнителей и частію замѣнять ихъ новыми. слѣдуетъ по мѣрѣ возможности искоренять лицемѣріе и ханжество, какъ средства для достиженія эгоистическихъ цѣлей. Истинная религіозность обнаруживается въ каждомъ изъ человѣческихъ поступковъ; ее слѣдуетъ отличать отъ старанія выставлять свои религіозныя чувства на показъ“.

Тогда Шталь вышелъ изъ высшаго церковнаго совѣта, а Раумеръ былъ уволенъ отъ должности министра духовныхъ дѣлъ и оба они вскорѣ послѣ того умерли. Однако Генгштѣнбергъ уже тогда понималъ настоящій смыслъ кажущейся переменны; иначе этотъ теологъ, такъ внимательно изучавшій настроеніе высшихъ правительственныхъ сферъ, едва ли осмѣлился-бы такъ открыто осмѣивать въ своей „Евангелической церковной газетѣ“ новую эру, напоминать о Соломонѣ, отдавшемъ свое сердце новымъ богамъ, а объявленія новаго министра духовныхъ дѣлъ Бетманнъ-Гольвега о бракахъ и о диссидентсахъ сравнивать съ отреченіемъ апостола Петра и съ измѣной Іуды. Самымъ важнымъ нововведеніемъ при Бетманнъ-Гольвегѣ было учрежденіе общинныхъ церковныхъ совѣтовъ и окружныхъ синодовъ даже во всѣхъ частяхъ шести восточныхъ провинцій. Но вслѣдствіе разныхъ безчинствъ, совершавшихся въ религіозной сферѣ въ теченіе періода реакціи, общій интересъ къ церковнымъ дѣламъ до такой степени охладѣлъ, что число участвовавшихъ въ выборахъ оказалось очень незначительнымъ. Возникшіе вскорѣ послѣ того раздоры между большинствомъ палаты депутатовъ и новыми министрами, доставили ловкому придворному пастору Гоффманну возможность воротить то, что было ранѣе утрачено; за тѣмъ, въ теченіе семидесятихъ годовъ въ Пруссіи господствовала такая сильная реакція, какой ей еще никогда не приходилось переживать. И большая часть другихъ нѣмецкихъ государствъ представляла такое же зрѣлище рѣзкой противоположности между духомъ церковнаго управленія и убѣжденіями мыслящей части населенія. Реакція пятидесятихъ годовъ не проникала только въ Веймаръ, въ Кобургъ и въ Ольденбургъ, а Баденъ, баварскій Пфальцъ и Гессенъ-Дармштадтъ скоро сбросили съ себя узы ретроградной церковности и частію ввели у себя конституціонный церковный режимъ на основѣ общиннаго устройства.

8 ноября
1858.

Въ добавленіе къ вышензложенному слѣдуетъ замѣтить, что съ 1830 года наряду съ церковнымъ благочестіемъ постоянно заявлялъ о своемъ существованіи піетизмъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Къ нему примыкали разныя секты, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ усиливавшееся благочестіе даже принимало причудливое направленіе, несогласное съ требованіями нравственности. Въ Кенигсбергѣ, піетисты, привлекавшіе въ свой кружокъ и людей изъ высшаго общества, отличались утонченнымъ приторнымъ благочестіемъ, которое, вслѣдствіе неосновательно взведенныхъ на него обвиненій, усилилось до такой степени, что стало выражаться въ совершеніи циничныхъ тайныхъ обрядовъ, вызвало судебныя преслѣдованія и послужило поводомъ для увольненія двухъ пасторовъ. Въ Саксоніи, необразованный и втайнѣ предававшійся разврату, пасторъ Стефанъ пріобрѣлъ своимъ краспорѣчіемъ такое вліяніе на непросвѣщенную народную массу, что организовалъ общину старо-лютеранъ, преданныхъ ему до фанатизма. 1835. Когда ему стала угрожать опасность судебного преслѣдованія, онъ сообщилъ своимъ послѣдователямъ Божеское приказаніе покинуть отечество, 1838. и переселился въ сѣверную Америку въ сопровожденіи почти семи сотъ членовъ своей общины. Возведенный въ санъ и духовнаго и свѣтскаго правителя, онъ сталъ ничѣмъ не стѣсняться въ удовлетвореніи своихъ порочныхъ наклонностей, пока не былъ выгнанъ слишкомъ поздно образумившимися членами общины. Религіозныя направленія въ такомъ-же родѣ возникали въ Вюртембергѣ: тамъ нѣкоторыя общины сепаратистовъ ввели у себя своеобразныя гражданскія и церковныя учрежденія съ одобренія и подъ надзоромъ правительственной власти; другіе сектанты переселились въ Америку и, подъ названіемъ Гармонитовъ, основали неподалеку отъ Питтсбурга общину съ патріархальными учрежденіями и съ общностью имущества. Даже въ Швабіи благочестивые люди раздѣлились на такъ называемыхъ Михеліанцевъ и на послѣдователей пастора Прегницера. Люди, отстаивавшіе необходимость крещенія, методисты и Ирвигіанцы находили въ Германіи послѣдователей во многихъ мѣстахъ. Болѣзненная религіозная мечтательность проявилась въ Швеціи и въ населенныхъ Нѣмцами швейцарскихъ кантонахъ въ томъ, что молодые мужчины и женщины призывали людей къ покаянію, неистово выкрикивая изреченія изъ Библіи; въ Швейцаріи, и въ особенности въ Цюрихскомъ кантонѣ, она проявилась въ вѣрѣ въ привидѣнія, возникшей тамъ во время пребыванія г-жи Крюднеръ и подъ ея вліяніемъ.

Христіанская 1 Между тѣмъ, какъ нѣмецкій умъ, не находившій для себя занятій благотвори- въ политической дѣятельности, подвергался опасности безплодно тельность и истощать свои силы на религіозный фанатизмъ, не было недостатка церковныя и въ благотворныхъ послѣдствіяхъ сильнаго возбужденія религіоз- общества. ныхъ чувствъ. Искренность религіозныхъ убѣжденій и самоотвер- женная благотворительная дѣятельность (уходъ за нищими и боль- ными, устройство домовъ сестеръ милосердія и пріютовъ для сиротъ) лучшихъ представителей піетизма не остались безъ вліянія и на тѣхъ, кому не нравились односторонность піетистовъ и ихъ склонность къ религіознымъ преслѣдованіямъ. Поэтому, наряду съ церковной уніей возникли въ Германіи особые общества, старавшіяся пробудить и усилить въ провинціальныхъ церквахъ сознаніе ихъ принадлежности къ единой протестантской церкви. Такъ напр. нѣмецкій народъ отнесся съ сильнымъ сочувствіемъ къ возникшему въ

Саксоніи намѣренію основать «общество Густава Адольфа» для оказанія поддержки тѣмъ евангелическимъ общинамъ, которыя, будучи окружены католиками, подвергались опасности мало-по-малу утратить свои жизненныя силы. Послѣ того, какъ на собраніи во Франкфуртѣ былъ составленъ для новаго общества уставъ, былъ учрежденъ центральный комитетъ (въ Лейпцигѣ), и были назначены періодическіе съѣзды уполномоченныхъ для совѣщаній, оно такъ разрослось, что по своему вліянію могло стать наравнѣ съ аристократическимъ обществомъ, основаннымъ для отстройки Кёльнскаго собора. Несмотря на то, что оно подвергалось притѣсненіямъ со стороны баварскаго правительства, а въ Пруссіи находило лишь слабую поддержку, оно привлекало въ свой составъ народную массу, которая находила въ немъ «священную нейтральную почву для всѣхъ партій, возникшихъ въ евангелической церкви». Это возрѣніе было сильно поколеблено тѣмъ, что на общемъ собраніи въ Берлинѣ былъ не допущенъ на совѣщанія уполномоченный кёнигсбергской общины Руппъ и было признано за основное правило, что въ составъ упомянутой во франкфуртскомъ уставѣ, евангелической церкви входятъ только всѣ провинціальныя церкви за исключеніемъ сектъ. Тогда раздался по всей протестантской Германіи громкій протестъ противъ такого рѣшенія, которое превращало «свободный союзъ любви въ инквизиціонное судилище». Однако опасность распада общества была предотвращена добровольнымъ удаленіемъ Руппа и примирительными рѣшеніями, принятыми на слѣдующемъ совѣщаніи въ Дармштадтѣ. Съ тѣхъ поръ «общество Густава Адольфа» постоянно расширяло сферу своего вліянія, а въ Австріи, гдѣ оно дѣйствовало всего успѣшнѣе, теперь принадлежитъ къ числу его членовъ четырнадцатая часть евангелическаго населенія. Гораздо менѣе популярной была полуофіціальная «эйзенахская церковная конференція», возникшая съ 1852 года; въ ней занимали преобладающее положеніе представители Мекленбурга и Ганновера, а участіе принимали только уполномоченные отъ церковныхъ властей. Напротивъ того, возникшій съ 1848 года «евангелическій церковный сеймъ» былъ основанъ на принципѣ добровольнаго въ немъ участія людей съ одинаковыми религіозными убѣжденіями; онъ стремился къ сосредоточенію въ своихъ рукахъ церковнаго управленія во всей исповѣдывавшей евангелическую религію, Германіи. Но такъ какъ идея такого «церковнаго союза» не всегда пользовалась сочувствіемъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, то церковные сеймы были только пасторскими конференціями, которыя посѣщались мірянами и профессорами и старались охранять интересы своей церкви отъ враждебныхъ ей современныхъ стремленій. Въ тѣсной связи съ церковными сеймами находится такъ называемая «внутренняя миссія», возникшая преимущественно по почину Вихерна и старавшаяся подчинять вліянію

1846.

церкви самыя разнообразныя стороны общественной жизни. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть и о «евангелическомъ союзѣ», который старался включить въ свой составъ послѣдователей евангелическаго вѣроисповѣданія во всѣхъ странахъ и въ первый разъ открылъ свои засѣданія въ 1846 году въ Лондонѣ; но онъ съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе превращался въ союзъ ортодоксаловъ различныхъ церквей противъ свободной теологіи и церковнаго либерализма. Явленія этого рода очень характеристичны для нашего времени. Они свидѣтельствуютъ о стараніи церкви не утрачивать вліянія на разрѣшеніе современныхъ жизненныхъ вопросовъ и, неизмѣнно преслѣдуя заранѣе намѣченныя цѣли, заявляютъ о своемъ существованіи и о своемъ значеніи.

Новый люте-
ранизмъ.

Изъ всего вышеизложеннаго ясно видно, что протестантская церковь сознавала свое могущество и всячески старалась усиловать и расширять его; поэтому она все враждебнѣе относилась ко всему, что, повидимому, могло-бы сдѣлаться помѣхой для ея стремленій къ безусловному господству. Въ особенности наука служила для нея тѣмъ пугаломъ, съ помощью котораго она подчиняла своему вліянію самыя высшіе и самыя низшіе и необразованныя слои общества. Она выставляла на видъ только самыя крайнія ошибочныя мнѣнія такихъ писателей, какъ Штраусъ, и принимала эти мнѣнія за мѣрило для оцѣнки всѣхъ другихъ писателей той-же школы. Таковъ былъ ея образъ дѣйствій въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ вслѣдъ за либеральными движеніями 1848 года наступила въ пятидесятыхъ годахъ сильная реакція. До той поры процвѣтала такъ называемая „примирительная теологія“, а теперь научные споры отодвинулись на задній планъ и тенденціи теологіи къ реставраціи стали служить поддержкой для политической реакціи. Повсюду проявлявшіяся наружу, стремленія господствующей церкви къ исключительному преобладанію нерѣдко поддерживались высокопоставленными людьми и членами царствующихъ династій. Прусское правительство стало заниматься инквизиторскими осмотрами церквей, подвергать либеральныхъ пасторовъ дисциплинарнымъ наказаніямъ и низвело провѣрку теологическихъ воззрѣній на степень инквизиціонныхъ розысковъ. При прусскихъ министрахъ духовныхъ дѣлъ Раумеръ и Мюллеръ, весь церковный административный организмъ сдѣлался орудіемъ для самой бездушной ортодоксіи, жадной до религіозныхъ преслѣдованій. Въ то-же время Вильгельмъ Гоффманъ сумѣлъ поднять должность придворнаго пастора на такую высоту, что она сдѣлалась орудіемъ для возстановленія союза между трономъ и алтаремъ, а въ высшихъ правительственныхъ сферахъ онъ распространилъ убѣжденіе, что церковное ученіе есть самая надежная охрана отъ тѣхъ разрушительныхъ силъ, которыми расшатываются основы установленнаго порядка. Эта „солидарность всѣхъ консервативныхъ интересовъ“, сдѣлавшаяся главной и единственной точкой зрѣнія при обсужденіи церковныхъ вопросовъ, натурально имѣла самыя печальныя послѣдствія для теологіи, какъ науки. Такіе приверженцы „примирительной теологіи“, какъ Люке и Дорнеръ, пожали только плоды посѣянныхъ ими самими сѣмянъ, когда собравшіеся осенью 1857 года въ Штаде, ганноверскіе пасторы подвергли своему обсужденію положеніе теологическаго факультета въ Гёттингенѣ и усмотрѣли въ немъ вопіющее безобразіе; принятое ими рѣшеніе гласило, что въ той мѣрѣ, въ какой господствуетъ

въ Ганноверѣ лютеранская церковь, и преподаваніе теологіи въ Гёттингенскомъ университетѣ должно быть чисто-лютеранскимъ. Этотъ „новый лютеранизмъ“, — такъ названный въ противоположность старому лютеранизму Шейбеля и др., ограничивавшемуся только защитой самого себя, — напоминаетъ объ участи тѣхъ криптокальвинистскихъ профессоровъ Виттенбергскаго университета, которыхъ преслѣдовали въ шестнадцатомъ столѣтіи съ безпощадной строгостью и наконецъ выгнали. И теперь стали требовать увольненія профессоръ, чтобъ доставить возстановленной лютеранской церкви безусловное господство. Но это благочестивое желаніе было исполнено только по прошествіи четырехъ лѣтъ въ Магдебургѣ: тамъ былъ уволенъ отъ должности Михаилъ Баумгартенъ, хотя и принадлежавшій къ числу строгихъ ортодоксаловъ, но не всегда подчинявшійся требованіямъ церковныхъ властей. Съ тѣхъ поръ возникла необходимость стать твердо ногой на почвѣ символовъ, чтобъ служить оракуломъ и для теологовъ. Но въ концѣ всѣхъ этихъ новыхъ стремленій было то, что даже Лютера признали недостаточно искреннимъ лютераниномъ, церковное ученіе о символахъ нашли недостаточнымъ, а лютеранское ученіе о таинствахъ не достаточно святымъ. Генгштебергъ, Делицшъ, Мюнхмейеръ стали утверждать, что евангелическая церковь основана не на вѣрѣ, а на таинствахъ, что только совершеніемъ одинакихъ таинствъ опредѣляется принадлежность къ одной и той-же церкви. Но главной темой для новаго лютеранизма служить ученіе о пастырской должности: чтобъ устранить субъективный элементъ изъ протестантскаго богослуженія, пасторовъ низвели со степеней церковныхъ проповѣдниковъ на степень орудій Божескаго милосердія. Этимъ способомъ снова дѣлалось возможнымъ сближеніе лютеранской церкви съ католицизмомъ, отъ котораго въ ней сохранилось не мало элементовъ. Это направленіе довелъ до крайности Вильмаръ: въ своемъ сочиненіи „Теологія фактическая въ противоположность теологіи ригористической“ онъ признавалъ за „факты“ и за настоящую сущность теологіи догматическія изреченія, фантастическіе вымыслы, іерархическія притязанія и т. п., а всѣ научные методы изслѣдованій съ презрѣніемъ и съ насмѣшкой называлъ „риторикой“. Политическая цѣль этого направленія, господствовавшего нѣкоторое время въ правительственныхъ сферахъ Гессенъ-Касселя, обнаружилась въ томъ, какъ Вильмаръ превозносилъ высокое положеніе германскаго короля во времена Каролинговъ и его права на безусловную преданность подданныхъ.

1856.

Конечно, не было недостатка въ противоположныхъ стремленіяхъ и среди протестантовъ и среди католиковъ, хотя и тутъ и тамъ становились все болѣе равнодушными къ церковнымъ спорамъ именно тѣ сферы образованнаго общества, на помощь которыхъ слѣдовало всего болѣе рассчитывать. Однимъ изъ первыхъ писателей, мужественно возставшихъ противъ криводушія церковной реставраціи, былъ авторъ сочиненія „Знаменія времени“, баронъ Бунзенъ. Но такъ какъ стремленіе къ церковной реакціи съ теченіемъ времени всё усиливалось, а представители „примирительной теологіи“ окончательно перешли на сторону господствующей церкви, то люди съ либеральными убѣжденіями стали соединяться въ самостоятельныя общества. Такимъ образомъ возникло въ Швейцаріи „общество реформы“, а въ Германіи „протестантское общество“; во главѣ этого послѣдняго стояли даровитые люди духовнаго и свѣтскаго званія, какъ напр. Р. Роте, Шенкель, Блунчли, Гольцендорфъ, Циттель; оно сначала встрѣчало сочувствіе и въ народныхъ массахъ и среди образованныхъ людей; но, благодаря стараніямъ прусскихъ придворныхъ теологовъ, оно было заподозрѣно во враждебныхъ замыслахъ противъ правительства и впало въ немилость у коронованнаго представителя протестантизма. Церковный

Протестантское общество.

1855.

сеймъ, въ которомъ участвовали самые вліятельные представители теологій и церковной политики и который собирався подъ предсѣдательствомъ Бетмана-Гольвега, Мюлера и Гоффмана, лишь временно придавалъ своимъ рѣшеніямъ, подъ руководствомъ Геррманна, болѣе мягкій и примирительный характеръ. И у „христіанской уніи“, задавшейся цѣлію противодѣйствовать стремленіямъ какъ радикаловъ, такъ и ультрамонтанъ, не достало мужества, чтобъ дѣйствовать за-одно съ „протестантскимъ обществомъ“; а со времени перемѣны, происшедшей въ прусской государственной и въ церковной сферахъ въ промежутокъ времени между 1877 и 1879 (эта перемѣна будетъ нами описана впослѣдствіи), исключеніе членовъ „протестантскаго общества“ изъ состава церкви сдѣлалось открыто намѣченною цѣлію той партіи, которая достигла исключительнаго господства. „Эпидемія посягательствъ на убійства“ вызвала такую-же реакцію, какая была послѣдствіемъ умерщвленія Коцебу Зандомъ; тогда нѣмецкія правительства стали стремиться къ сближенію съ римскою куріей, находя для себя вознагражденіе въ привлеченіи на свою сторону старо-католиковъ, а свободная протестантская теологія была принесена въ жертву церковной политикѣ прудворнаго духовенства.

С. ПРОТЕСТАНТИЗМЪ ВНѢ ГЕРМАНИИ.

Англія. И въ другихъ протестантскихъ странахъ возникали церковные раздоры, а. Диссентеры. но они были менѣе сильны, чѣмъ въ Германіи, потому что свободныя государственныя учрежденія создавали тамъ для безнокойныхъ умовъ нную сферу дѣятельности. Въ Англіи, кромѣ разнообразныхъ обществъ диссентеровъ, возникли общества Дарбистовъ и Ирвингянцевъ, сходявшіяся между собою по меньшей мѣрѣ въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, развитіе церковныхъ учреждений вступило со смертію апостоловъ на ложный путь и что слѣдовало ожидать въ скоромъ времени новаго пришествія Христа. Но Дарбисты, извѣстные также подъ названіемъ „плимутскихъ братьевъ“, соединились въ свободную конгрегацію, обходящуюся безъ пасторовъ, а общество Ирвингянцевъ, основанное пресвитеріанскимъ пасторомъ Ирвингомъ, стремилось къ возстановленію апостольскихъ церковныхъ должностей и съ этой цѣлію создало для себя руководителей въ лицѣ новыхъ „апостоловъ“, „про-роковъ“, „евангелистовъ“ и „ангеловъ“. Но болѣе сильнымъ вліяніемъ пользовались старыя секты, въ особенности методисты. Такихъ ораторовъ, какъ церковный проповѣдникъ баптистовъ Спюржонъ, Англичанамъ не приходилось слушать со временъ Веслея. Къ сектѣ квакеровъ принадлежалъ даже государственный дѣятель Джонъ Брайтъ. Научными теологическими изслѣдованіями занимались,—кромѣ немногихъ представителей того „широко-церковнаго“ направленія, котораго придерживался Стэнли,—только унитаріи, во главѣ которыхъ стоялъ Джемсъ Мартино. Для всѣхъ этихъ сектъ служило до нѣкоторой степени общою связью стараніе вывести государственную церковь изъ ея окоченѣлаго застоя. На дѣлѣ оказалось, что даже въ упорно придерживавшейся старыхъ вѣрованій, Англіи общественное мнѣніе было достаточно сильно для того, чтобъ обезпечить диссентерамъ свободу. Отмѣна *Testakt'a* открыла имъ доступъ въ парламентъ; затѣмъ имъ было дозволено совершать обряды крещенія и вѣнчанія безъ содѣйствія духовенства епископальной церкви и поступать въ свободный лондонскій университетъ; но они должны были уплачивать налоги въ пользу государственной церкви, а верхняя палата до 1871 года не позволяла имъ вступать въ тѣ старыя провинціальныя университеты, въ которыхъ еще оставались въ силѣ старыя ортодоксальныя уставы. О введе-

ніи въ Англіи полного религіознаго равенства заботилось съ 1844 года общество, возникшее для борьбы съ государственною церковью; о его закрытіи ежегодно вносились въ парламентъ предложенія. Съ тѣхъ поръ Англія стала превосходить всѣ европейскія страны разнообразіемъ своихъ церковныхъ учреждений. Въ большихъ англійскихъ городахъ существуютъ сборные пункты для самыхъ разнообразныхъ церковныхъ обществъ, своеобразныя цѣли которыхъ вовсе не легко уяснить. Половина англійскаго населенія еще подчиняется государственной церкви, пользующейся огромными доходами; епископы этой церкви засѣдаютъ въ верхней палатѣ, а ея лица духовнаго званія занимаютъ большую часть профессорскихъ кафедръ въ университетахъ. Во всемъ, что касается филантропіи и христіанской благотворительности, диссентеры отличались важными заслугами. Имена Вильберфорса, Бёкстона, г-жи Фрай связаны со всѣми человеколюбивыми предпріятіями въ пользу больныхъ и нищихъ, для улучшенія исправительныхъ заведеній и тюремъ, для освобожденія невольниковъ и т. д. Но на дѣятельности этихъ людей нерѣдко лежитъ отпечатокъ піетизма, закрывающій для нихъ доступъ въ болѣе высокія сферы духовной жизни. Поэтому во всѣхъ сферахъ науки, искусства и государственной жизни выдвигаются на передній планъ приверженцы англиканской церкви; и въ обществѣ они считаются лучшими представителями націи, такъ какъ принадлежатъ къ самымъ честнымъ и самымъ вліятельнымъ классамъ населенія.

Но и въ нѣдрахъ англійской государственной церкви обнаружился раз- b. Пьюизмъ. ладъ между партіями высоко-церковной и евангелической; первая изъ нихъ, заключавшая въ себѣ преимущественно католическіе элементы епископальной церкви, считала своей задачей поддержаніе неразрывной связи англо-католической церкви съ апостольскою, а реформацію считала лишь за актъ самоочищенія при посредствѣ законныхъ церковныхъ властей; вторая, заключавшая въ себѣ преимущественно протестантскіе элементы, придавала болѣе важное значеніе согласованію церковнаго ученія съ Священнымъ Писаніемъ, заботилась о распространеніи Библіи, объ организаціи миссій, объ освобожденіи невольниковъ; наконецъ существовала еще третья партія, названная „широкоцерковной“ въ отличіе отъ второй партіи, называвшейся „нижнецерковною“: она придерживалась направленія „латинутинаризма“ и считала существенно необходимымъ дальнѣйшее развитіе смысла догматовъ посредствомъ соотвѣтствующихъ духу времени реформъ. Влеченіе къ католицизму до такой степени усилилось у оксфордскихъ ученыхъ Ньюманна и Пьюзи (*Pusey*), что они лишь съ помощью софистическихъ объясненій могли согласовать съ тридцатью девятью статьями свои религіозныя воззрѣнія, сложившіяся подъ вліяніемъ ученія католической церкви; поэтому самые добросовѣстные изъ пьюизмовъ предпочли возвращеніе въ лоно католической церкви такому двусмысленному положенію, которое отзывается лицемѣріемъ. Тѣ пьюизмы, которые остались вѣрны своей партіи, получили названіе „ритуалистовъ“ (приверженцевъ обрядовъ), потому что придавали важное значеніе церковнымъ обрядамъ: ихъ главною цѣлію было согласованіе высоко-церковнаго богослуженія съ римскимъ посредствомъ введенія католическихъ церковныхъ церемоній и внѣшнихъ формъ культа; такъ напр. они заимствовали отъ римской церкви вѣру въ пресуществленіе и литургію. Эти переходы въ католицизмъ, всё ярче бросававшееся въ глаза сходство пьюизма съ ученіемъ римско-католической церкви и побѣдные возгласы палистовъ усилили привязанность англійскихъ протестантовъ къ ученію Лютера и привели къ тому, что даже епископы высокой церкви стали непризнавать пьюизмовъ за приверженцевъ англо-католической церкви. Виги старались пріобрѣсти расположеніе высоко-церковной партіи

1850. посредствомъ учрежденія новыхъ епископствъ (какъ напр. въ Манчестерѣ) безъ увеличенія числа членовъ верхней палаты. Тѣмъ не менѣе, католическая церковь постоянно увеличивала число своихъ приверженцевъ. Теперь въ Англіи болѣе милліона католиковъ, тридцать четыре католическихъ пэра (не считая ирландскихъ пэровъ) и около сорока католическихъ членовъ нижней палаты. Но когда римская курія возвела ирландскаго прелата Виземана въ званіе кардинала и епископа вестминстерскаго, въ Англичанахъ снова пробудилось прежнее религіозное рвеніе; въ особенности въ средѣ такъ называемой „нижнецерковной“ партіи сталъ такъ громко раздаваться возгласъ *No—Popery* (долой папство), что правительство и парламентъ сочли нужнымъ воспротивиться чрезмѣрнымъ притязаніямъ римской куріи посредствомъ изданія новаго закона (*Titelakte*), не обращая вниманія на протесты католиковъ и приверженцевъ безусловной религіозной свободы. Постоянно гноившейся раной на тѣлѣ епископальной церкви была необходимость прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ для поддержанія существованія этой церкви въ Ирландіи. Не смотря на то, что къ ней принадлежало тамъ не болѣе восьмой части населенія, на ея содержаніе тратились доходы прежнихъ церковныхъ имѣній и она навязывалась народу въ качествѣ государственной церкви. Только съ 1868 года были введены значительныя улучшенія въ такомъ ненормальномъ положеніи дѣлъ.

Шотландія. Въ Шотландіи снова пробудившееся пуританское стремленіе къ независимости вызвало упорное сопротивленіе противъ отмѣненнаго въ 1690 году и восстановленнаго свѣтскою властію въ 1711 году, патронатнаго права, на основаніи котораго патроны и правительство могли навязывать общинамъ пасторовъ по своему выбору. Такъ какъ суды не признавали за общинами права налагать „вето“ на такія назначенія пасторовъ, а парламентъ охранялъ права патроновъ, то поборники церковной свободы (*Nonintrusionists*) отдѣлились отъ господствующей церкви и основали, на добровольные взносы шотландскаго населенія, пресвитеріанскую „свободную церковь“. Твердость характера демократическаго Кнокса перешла и къ послѣдователямъ основанной имъ церкви. Энергичное шотландское духовенство, руководимое мужественнымъ Шальмерсомъ, отказалось отъ своихъ доходовъ и отъ своихъ храмовъ, чтобъ не вступать въ разладъ съ своею совѣстью, и публично протестовало противъ того позора, что свѣтская власть посягаетъ на ученіе Христа. Въ короткое время шотландскій народъ издержалъ милліоны на потребности своей свободной національной церкви, къ которой стали присоединяться пэры и члены парламента. Большинство народа осталось привязаннымъ къ государственной церкви, ничѣмъ не отличавшейся по своимъ догматамъ отъ свободной церкви; хотя эта государственная церковь и не признавала за общинами права налагать „вето“ на назначенія пасторовъ, но въ сущности обезпечила это право изданіемъ особаго закона (*Aberdeensbill*).

Ваадтландъ. Въ Ваадтландѣ (*canton de Vaud*) и въ другихъ кантонахъ французской Швейцаріи размножились послѣдователи строгаго методизма вслѣдствіе небрежнаго отношенія мѣстной церкви къ своимъ религіознымъ обязанностямъ. Народъ далъ имъ насмѣшливое прозвище *Momiers* (комедіанты) подобно тому, какъ въ Германіи ихъ прозвали *Mucker* (ханжами); они внушали отвращеніе своимъ высокомѣріемъ; чернь долго осыпала ихъ самыми дерзкими оскорбленіями, а правительство не только запрещало имъ назначать по своему выбору пасторовъ, но даже не позволяло собираться по вечерамъ на благочестивыя бесѣды. Стремленіямъ къ основанію независимыхъ церквей благопріятствовало то обстоятельство, что государство вполне подчинило себѣ церковное управленіе и вело его въ духѣ либерализма безъ яснаго пониманія жизненныхъ интересовъ религіи; кромѣ того, ученіе дар-

бистовъ усиливало религіозное возбужденіе. Дѣло дошло до ожесточенной борьбы, когда прежнее аристократическое правительство было низвергнуто за свое двусмысленное поведеніе въ вопросѣ о іезуитахъ, а вслѣдъ за побѣдой радикальной партіи власть перешла въ руки демагоговъ. Чернь стала осыпаться угрозами и собиравшихся на молитву *Momiers* и тѣхъ, кто посѣщалъ сходки (*oratoires*), которыя устроивались духовенствомъ. Отъ „фанатиковъ“ требовали, чтобъ они не посѣщали собраний, неодобряемыхъ народовъ; сельскимъ пасторамъ также было запрещено посѣщать эти собранія, а тѣ изъ нихъ, которые не подчинялись такому запрету, увольнялись въ отставку. Они съ своей стороны стали горячо нападать на „коммунизмъ“ и „атеизмъ“ правительства, а нѣкоторые изъ нихъ даже старались подготовить контръ-революцію. Наконецъ, когда была выработана новая конституція, правительство стало пользоваться стариннымъ правомъ государства, требуя отъ лицъ духовнаго званія, чтобъ они, послѣ окончанія проповѣди, прочитывали съ церковной кафедры заявленіе о необходимости соблюдать конституцію. Около сорока пасторовъ, возмущавшихся такимъ стѣсненіемъ свободы совѣсти, отказались отъ такихъ унижительныхъ для церкви и для религіи демонстрацій. Они были подвергнуты за это судебнымъ преслѣдованіямъ и наказаны устраненіемъ отъ должностей на одинъ годъ; за тѣмъ большинство изъ нихъ отказалось отъ своихъ должностей и отъ жалованья. Но именно въ то время даровитый теологъ Александръ Вине, занимавшій профессорскую кафедру въ Лозаниѣ, сталъ отстаивать принципъ отдѣленія церкви отъ государства. Безусловная независимость церкви сдѣлалась лозунгомъ, во имя котораго совершалось тогда раздѣленіе господствующей церкви на части: оно было вызвано точно такими-же мотивами и цѣлями, какъ за два года передъ тѣмъ въ Шотландіи. Послѣ двухъ-дневныхъ совѣщаній въ Лозаниѣ, около ста пятидесяти пасторовъ отдѣлились отъ господствующей церкви и основали свободную церковь (*église libre évangélique*), которая содержалась только на добровольные взносы своихъ послѣдователей. Однако этимъ религіознымъ общинамъ нерѣдко приходилось прибѣгать къ посторонней помощи, а отдѣлившіеся отъ господствующей церкви, пасторы находили случай высказывать свои независимыя убѣжденія только на тайныхъ сходкахъ благочестивыхъ людей изъ высшаго сословія. Пособія, получавшіеся отъ иностранныхъ протестантскихъ церквей, не соотвѣтствовали ожиданіямъ; даже среди мѣстнаго населенія новая церковь не находила многочисленныхъ приверженцевъ, не смотря ни на готовность своего духовенства къ самопожертвованію, ни на вліяніе Вине. Съ другой стороны, и государственная церковь снова стала пріобрѣтать утраченное вліяніе; поэтому съ теченіемъ времени возникла для обѣихъ церквей возможность мирно продолжать свою дѣятельность рядомъ одна съ другой.

Точно такъ-же, какъ въ Ваадтландѣ, возникли свободныя церкви въ Женевѣ, въ Невшателѣ и въ Бернѣ. Возрѣнія Вине встрѣтили сильное сочувствіе въ особенности среди протестантовъ во Франціи; представители преобразованной отродоксин, графъ Гаспаринъ и Фридрихъ Монодъ основали тамъ независимую церковь по образцу шотландской и ваадтландской; съ тѣхъ поръ эта церковь существуетъ рядомъ съ реформатской національной церковью, а самымъ выдающимся изъ ея поборниковъ является Эдмондъ де-Прессансе. Главной причиной разлада была досада на то, что синодъ, желая предотвратить раздоры, уклонялся отъ установленія символа вѣры. Съ тѣхъ поръ, нѣмецкая научная теологія находила приверженцевъ и послѣдователей и въ средѣ духовенства реформатской національной церкви, въ особенности среди профессоровъ страсбургскаго богословскаго факультета. Тогда образовалась многочисленная либеральная церковная партія,

14 февр.
1845.

Александръ
Вине.
1797—1847.

11. 12 ноября
1845.

Франція.

1848.

во главѣ которой стояли Кокерели отецъ и сынъ. Но во время имперіи Гизо вызвалъ серьезный кризисъ во французской реформатской церкви тѣмъ, что всѣми силами старался вытѣснить изъ нея либеральное направленіе; поэтому, со времени увольненія Кокереля младшаго возникли въ ней сильные раздоры, которые стали утихать только при третьей республикѣ благодаря безпристрастному и примирительному вмѣшательству правительства.

Сѣверная
Америка.

Самыя разнообразныя церковныя учрежденія и секты находятся въ соединенныхъ сѣверо-американскихъ штатахъ, гдѣ господствуетъ самая неограниченная религіозная свобода. На основаніи конституціи государство не заботится о существованіи какой либо церкви, а свой христіанскій характеръ выражаетъ только въ законѣ о празднованіи воскресныхъ дней и предоставляетъ полныя гражданскія права всякому, кто вѣруетъ въ Бога. Каждая изъ христіанскихъ общинъ имѣетъ самостоятельное существованіе, но общины одинакаго вѣроисповѣданія стремятся къ соединенію въ одно религіозное общество черезъ посредство синодальныхъ учреждений. Однако, не смотря на полную свободу, въ Америкѣ замѣтно сильное стремленіе къ церковнымъ учрежденіямъ преимущественно въ духѣ пуританъ и методистовъ. Въдѣ среди смѣшаннаго населенія сѣверной Америки религіозныя и церковныя интересы до сихъ поръ представляютъ едва-ли не единственный способъ удовлетворенія идеальныхъ стремленій къ духовной жизни. Американская религіозность вызвала появленіе двухъ замѣчательныхъ личностей—Вильяма Эллери Чаннинга и Теодора Паркера, которые стали развивать старый непослѣдовательный и ультранатуралистическій унитаризмъ въ духѣ нѣмецкой научной и свободной теологіи. Самымъ уродливымъ и самымъ оригинальнымъ продуктомъ американской религіозной свободы было возникновеніе общества Мормоновъ на берегахъ Соленого озера, возбуждавшее и удивленіе и отвращеніе. Однако и въ Америкѣ замѣтно медленное, но постоянное и опасное для религіозной свободы, распространеніе католицизма, для котораго служатъ главной поддержкой переселенцы изъ Ирландіи.

II. Историческія событія въ отдѣльныхъ государствахъ.

А. Первая группа. Западъ и югъ.

Литература: Почти во всѣхъ сочиненіяхъ, перечисленныхъ въ XIV томѣ (стр. 595), идетъ рѣчь о событіяхъ послѣ июльской революціи; дополненіемъ къ этимъ источникамъ могутъ служить самыя большія газеты. Изъ монографій, относящихся къ группѣ западныхъ и южныхъ государствъ, укажемъ на слѣдующія: 1. Для исторіи Франціи: *Capetigue*, *L'Europe depuis l'avènement de Louis Philippe*. Парижъ, 1847 и сл., 10 частей; *Histoire de Louis Philippe par Crétineau — Joly*. Парижъ, 1862, 2 части; *Billaut de Gerainville*. Пар. 1870—1876, 3 части; *Boudin*, D. v. *Grosse*. Лейпц. 1847, 1848, 2 части; *Nourion*, *Hist. du règne de Louis Phil.*, Пар. 1858—1861, 4 части; *Regnault*, *Hist. de huit ans 1840—1848*. Пар. 1860, 3 части; *Guizot*, *Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps*. Парижъ, 1858—1868, 9 частей, *Mémoires de Dupin*. Пар. 1855—1861, 4 части и *Mémoires d'Odilon-Barrot*. Пар. 1875. 1876, 4 части; *d'Haussonville*, *Hist. de la politique*

extérieure du gouvernement français 1830—1848; 2 части, Парижъ, 1850; *L. Blanc*, Hist. de dix ans (1830—1840), Брюссель, 1877, 5 частей; эта книга выдержала много изданий и была переведена почти на всѣ европейскіе языки; на нѣмецкій языкъ ее перевели *Buhl*, Берлинъ 1848, и *Fink*, Цюрихъ, 1845; *Ludwig Philipp der Erste, König der Franzosen, von L. Birch*, Штуттгартъ 1841—1844, 3 части, и ранѣе упомянутыя сочиненія *K. Hillebrand'a*.—2. Для исторіи Италіи: кромѣ писателей *Coppi*, *Reuchlin*, *Ruth*: *L. C. Farini*, Lo stato Romano dall'an. 1815 al 1850. Флоренція 1853, 4 части, и *Stato d'Italia dal 1814 ai nostri giorni*. Туринъ, 1854. (Продолженіе историческаго сочиненія Ботты); *Gualterio*, Gli ultimi rivolgimenti Italiani. Флор. 1852; *Ranalli*, Le istorie Italiane dal 1846—1853. Флор. 1855; *Rey*, Histoire de la renaissance politique de l'Italie 1814—1861. Пар. 1864; *Beaumont-Vassy*, Hist. des états Italiens depuis le congr. de Vienne. Брюссель 1857; *Balbo*, Della storia d'Italia dal 1814—1831; перевелъ на нѣм. языкъ *Moll*. Пестъ 1851. Изъ многочисленныхъ сочиненій объ отдѣльныхъ итальянскихъ государствахъ заслуживаютъ вниманія только слѣдующія: *Brofferio*, Storia di Piemonte dal 1814 ai giorni nostri. Torino 1849—1852, 5 частей и *History of Piedmont by Ant. Gallenga*. Лондонъ 1855, 3 части; *V. Reumont*, Gesch. Toscanas, Гота 1876, 2 части; *Brosch*, Gesch. des Kirchenstaats (—1870), Гота 1882.—3. Для исторіи Испаніи и Португаліи: кромѣ *Lafuente* и *Baumgarten'a*: Мемуары *Мирафлореса*, Мадридъ 1843, 1844, 2 части и Мемуары ген. *Лаудера* (*Marquis de Rivas*). Мадридъ 1844; *Miguel*, De la guerre civile d'Espagne. Пар. 1836; также записки нѣмецкихъ офицеровъ, служившихъ въ арміи карлистовъ: *Lichnowski*, Erinnerungen aus den Jahren 1837, 1838, 1839. Франкф. 1841 и *Portugal*, Erinnerungen aus dem Jahre 1842. Майнцъ 1843; *A. v. Goeben*, Vier Jahre in Spanien. Ганнов. 1841; *v. Rhaden*, Aus Spaniens Bürgerkrieg. Берл. 1851 и *Cabrera*, Erinnerungen aus dem spanischen Bürgerkrieg. Франкф. 1840; *v. Schellhorn*, Dom Pedro V, König von Portugal. Нюрнб. 1866.—4. Для исторіи Великобританіи: кромѣ *Pauli*, *May* (*Coynst. hist.*), *Miss Martineau*, *Alison*, *Molesworth*, Hist. of Engl. from 1830—1874. Лондонъ 1874, 3 части; *J. Mac-Carthy*, Hist of our own times 1837—1880, 4 части; перевелъ на нѣм. языкъ *L. Katscher*. Лейпц. 1881; *Bagehot*, The Engl. constit. Лондонъ 1878.—Биографическія сочиненія о Роб. Пилѣ (*Rob. Peel speeches, etc.*, Лонд. 1833, 4 части; *L. Peel*, A sketch of the life and charact. of Sir R. P., Лонд. 1860; *Doubleday*, The polit. life of Sir R. P. Лонд. 1856, 2 части; *Guizot*, Sir R. P.), о лордѣ Пальмерстонѣ (*The life of Visc. P. by H. L. Bulwer*, 2 части, Лейпц. 1871. *D. v. Arn. Ruge by Ashley*, Лондонъ 1876, 2 части, *par le comte Fiquelmont*. Брюсс. 1852, двѣ части), о принцѣ Альбертѣ (*Martin*, Life of Pr. Alb. Лонд. 1876—1879, 4 части); *Parliamentary debates* и *Annual register Hansard'a*.

1. Франція при Луи-Филиппѣ.

а. ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ.

1. Июльское правительство приобретаетъ прочность.

Французская революція 1789 года окончательно уничтожила сред-
невѣковыя различія между сословіями: она отняла у дворянства и

Характеръ
июльского пра-
вительства.

у духовенства ихъ привилегіи и доставила преобладаніе среднему сословію. Бурбоны лишь противъ воли признавали этотъ фактъ и старались возстановить порядки, существовавшіе до революціи. Тронъ и алтарь вступили въ тѣсный союзъ; дворянство хвасталось своими предками и превозносило величіе, подвиги и геройство крестоносцевъ, отъ которыхъ вело свое происхожденіе; оно хотѣло поставить среднее сословіе въ прежнее зависимое положеніе. Тогда вспыхнула іюльская революція, снова отправившая въ изгнаніе послѣднихъ представителей той династіи, которая была связана съ французской націей тысячами узъ. Герцога Орлеанскій Луи Филиппъ вступилъ на престолъ въ качествѣ «короля Французовъ». Новый королевскій тронъ, воздвигнутый на принципъ народного верховенства, окружили вожди либеральной оппозиціи вмѣстѣ съ возвратившимися въ свое отечество, старыми приверженцами Наполеоновскаго владычества. Тогда стали всячески превозносить пережитую геройскую борьбу и награждать храбрыхъ іюльскихъ бойцевъ; въ основныхъ государственныхъ законахъ (въ хартіи) были сдѣланы измѣненія во вкусъ либераловъ и были исключены постановленія, стѣснявшія свободу (XIV, 863 и сл.); должности мэровъ въ двѣнадцати столичныхъ кварталахъ были замѣщены людьми изъ средняго сословія, пользовавшимися общимъ уваженіемъ; въ городскую думу были выбраны новые члены; была снова организована муниципальная стража и Французы стали справлять національные праздники. Эта быстрая организація новаго режима была дѣломъ средняго сословія, которое, стремясь къ наживѣ и къ наслажденію тѣмъ, что нажито, могло достигать своихъ цѣлей только при конституціонной монархіи съ свободными государственными учрежденіями и съ либеральными законами и потому боялось какъ волненій, возникающихъ въ республикахъ отъ партійныхъ раздоровъ и политическихъ страстей, такъ и застоя при абсолютной монархіи, опирающейся на сословныя привилегіи и военную силу и окруженной аристократическими и іерархическими учрежденіями. Хотя палата депутатовъ и дѣлилась на различныя группы и мелкія партіи сообразно съ болѣе консервативными или болѣе либеральными воззрѣніями своихъ членовъ, но ея большинство стояло за введенныя іюльской революціей конституціонныя учрежденія и поддерживало министерство Лафитта точно такъ-же, какъ поддерживало прежнее министерство Брорли—Гизо. Къ числу самыхъ выдающихся членовъ палаты, — въ особенности послѣ смерти Б. Констана, — принадлежали: очень даровитый Адольфъ Тьеръ, имѣвшій большое вліяніе на успѣшный исходъ іюльскаго возстанія и въ награду за это назначенный товарищемъ министра финансовъ, его другъ и единомышленникъ графъ Ремюза, сенскій префектъ Одилонъ Барро и др. Руководителями новой системы управленія были люди почтенные, либеральные, патристическіе, но они желали умѣренныхъ конституціонныхъ учреж-

деній и потому не внушали сочувствія ни старымъ легитимистамъ, ни новой демократической Франціи. Къ новому режиму стали относиться враждебно и приверженцы Бурбоновъ (легитимисты, карлисты) и республиканцы, которые набирали своихъ послѣдователей въ обществѣ «друзей народа», между членами соціалистическихъ и коммунистическихъ тайныхъ обществъ, а своихъ вожаковъ находили между уличными демагогами и демократическими журналистами; первые, державшіеся въ сторонѣ отъ двора и отъ государственныхъ должностей, порицали въ легитимистскихъ газетахъ всѣ дѣйствія и намѣренія правительства; вторые то вовлекались въ агитаторскіе происки и въ шумныя манифестаціи, какъ напр. по случаю процесса арестованныхъ министровъ (XIV, 859), то дѣлали попытки возстаній въ Парижѣ, въ Ліонѣ и въ другихъ мѣстахъ, а въ послѣдствіи даже дѣлали покушенія на жизнь Луи Филиппа съ цѣлію низвергнуть «короля-буржуа». Поэтому первые пять лѣтъ царствованія новой династіи вовсе не отличались внѣшнимъ блескомъ и внутреннимъ спокойствіемъ; напротивъ того, это былъ для іюльской династіи «періодъ бурныхъ стремленій».

Король былъ человекъ разумный, ловкій и въ своей полной тревогѣ жизни привыкшій къ притворству и къ дипломатическимъ проускамъ; пока онъ былъ вѣренъ принципамъ іюльской революціи и опирался на среднее сословіе, его власти не угрожала никакая опасность. Даже за то, что во время охватившихъ всю Европу волненій онъ воздержался отъ вооруженнаго вмѣшательства въ Польшу, въ Италіи и въ другихъ странахъ и не подалъ сигнала къ европейской войнѣ, ему было признательно большинство націи, не смотря на свою жажду военной славы; оно было ему признательно потому, что среднее сословіе могло достигнуть цѣли своей жизненной дѣятельности скорѣе при мирномъ развитіи общаго благосостоянія, чѣмъ въ бурное военное время. Но Луи Филиппъ очень скоро сталъ утрачивать любовь народа, все болѣе и болѣе придерживаясь въ своей политикѣ тѣхъ-же принциповъ, которые господствовали при Бурбонахъ, и обнаруживая такія личныя свойства, за которыя народъ не могъ ни любить его ни уважать. Ему была не по вкусу настоящая конституціонная монархія съ настоящимъ народнымъ представительствомъ. Въмѣсто того, чтобъ привязывать народъ къ новому режиму, привлекая къ участию въ выборахъ все среднее сословіе и всякаго, кто успѣлъ возвыситься надъ нисшими слоями народной массы трудолюбіемъ, предприимчивостью и бережливостью; былъ утвержденъ новый законъ, по которому избирательный цензъ былъ только уменьшенъ съ трехъ сотъ франковъ на двѣсти и такимъ образомъ число участвующихъ въ выборахъ гражданъ было ограничено менѣе, чѣмъ полу-милліономъ. Все вниманіе правительства было обращено на денежную аристократію,—на богатую буржуазію,

Король и на-
родные пред-
ставители.

на негоціантовъ, на банкировъ, на крупныхъ землевладѣльцевъ и на тѣхъ, кто стоялъ во главѣ крупныхъ промышленныхъ предприятий; а ремесленники, крестьяне, мелкіе землевладѣльцы оставались безъ вниманія, ставились на ряду съ поденщиками и съ пролетаріями и не имѣли права голоса на выборахъ. Господствующій классъ не умѣлъ «сохранять въ себѣ юношескую бодрость, призывая къ себѣ на помощь свѣжія силы изъ народной массы. Интересы рабочихъ и крестьянъ приносились въ жертву интересамъ богатыхъ людей; хотя мелкіе буржуа и не несли матеріальныхъ потерь отъ такого режима, но они были оскорблены въ своемъ самолюбіи тѣмъ, что имъ высокомерно закрывали доступъ къ высшимъ сферамъ общества; даровитая молодежь изъ образованныхъ сословій по неволѣ примыкала къ оппозиціи вмѣсто того, чтобъ приносить практическую пользу на государственной службѣ». Провозглашенные революціей, принципы свободы и равенства входили въ программу оппозиціи и при господствѣ реставраціи. Но между тѣмъ, какъ либеральные члены палаты депутатовъ выдавали за цѣль своихъ стремленій только политическую свободу, напротивъ того для радикаловъ, руководившихъ общественнымъ мнѣніемъ черезъ посредство прессы, литературы и демократическихъ обществъ, гражданское и общественное равенство служило евангеліемъ. Такимъ образомъ образовалось два теченія идей — либеральное и демократически-соціалистическое, которыя сходились между собою только въ оппозиціи правительству; въ дѣлахъ религіозныхъ и церковныхъ; первое изъ нихъ стремилось къ возстановленію старинныхъ правъ галликанской церкви, а второе скорѣй склонялось на сторону ультрамонтанъ.

Палаты.

Ограниченіемъ права голоса былъ открытъ широкій просторъ внѣшнему давленію на избирателей и подкупу; правительство, руководствовавшееся «неизмѣнными убѣжденіями» Луи Филиппа, съумѣло — посредствомъ раздачи должностей, посредствомъ обѣщаній и предоставленія разныхъ матеріальныхъ выгодъ — постоянно собирать въ Бурбонскомъ дворцѣ услужливую палату депутатовъ подъ многолѣтнимъ президентствомъ престарѣлаго Дюпена и съ помощью ея приводить въ исполненіе всѣ свои замыслы и желанія. Народное представительство стало олицетворять въ себѣ не столько всю націю, сколько то сословіе, которое захватило въ свои руки власть въ 1830 году. Даже «династическая оппозиція», руководимая въ палатѣ Одилономъ Барро, постоянно поддерживала господствовавшую систему не смотря на то, что стремилась къ ограниченію «личнаго» управленія. Палата пэровъ, состоявшая изъ членовъ, назначенныхъ королемъ, и засѣдавшая въ Люксембургскомъ дворцѣ, почти вовсе не участвовала въ законодательной дѣятельности: лишенная наслѣдственныхъ правъ, какъ политическаго такъ и нравственнаго авторитета, она служила для іюльской династіи такимъ-же, неимѣющимъ

собственной воли, орудіемъ, какимъ когда-то былъ императорскій сенатъ, а ея дѣятельность заключалась почти исключительно въ томъ, что она исполняла обязанности экстраординарнаго суда по государственнымъ преступленіямъ.

Полагаясь на покорность палаты депутатовъ, Луи-Филиппъ сталъ мало-по-малу вводить ту систему себялюбія, корыстолюбія, продажности и нравственной испорченности, которую такъ часто выдавали за высокую государственную мудрость. Онъ сталъ отдалять отъ себя виновниковъ іюльской революціи и окружать себя такими людьми, которые подчинялись его личной волѣ, исполняли его замыслы и служили его династическимъ интересамъ. Во время преобразования національной гвардіи было рѣшено упразднить должность главнокомандующаго всѣхъ разсѣянныхъ по Франціи отрядовъ этой гвардіи. Только парижская національная гвардія должна была оставаться подъ начальствомъ Лафайета. Это крайне оскорбило «ветерана свободы», который еще незадолго передъ тѣмъ защищалъ отъ жаждавшей мщенія народной толпы и судъ, засѣдавшій въ Люксембургскомъ дворцѣ, и преданныхъ суду министровъ павшаго Бурбона: онъ подалъ въ отставку и отказался отъ той должности, которую исторія неразрывно связала съ его именемъ. Этотъ «патріархъ революціи» и «герой двухъ странъ свѣта», неспособный быть счастливымъ безъ обладанія властію и безъ народной любви, былъ такъ огорченъ тѣмъ, что случилось, что отказался отъ всякой общественной дѣятельности въ досадѣ на то, что основанный имъ режимъ могъ обходиться безъ его авторитета. Прервавши всякія сношенія съ королемъ и съ правительствомъ и негодуя на направленіе французской политики, онъ кончилъ жизнь 20 мая 1834 въ преклонныхъ лѣтахъ, но до послѣдней минуты сохранилъ народную любовь. Вслѣдъ за его увольненіемъ отъ званія главнокомандующаго всей французской національной гвардіи, вышли въ отставку и нѣкоторые изъ министровъ либеральнаго или республиканскаго направленія, въ томъ числѣ Дюпонъ де л'Ёръ. Скоро былъ вынужденъ выйти въ отставку и Лафиттъ, потому что постоянно колебался между направленіями консервативнымъ и либеральнымъ и, вслѣдствіе своего нерѣшительнаго образа дѣйствій, не былъ въ состояніи бороться съ увеличившимися трудностями и внутренняго и внѣшняго управленія; къ тому же его вліяніе было поколеблено разстройствомъ его состоянія, а во время происходившихъ въ Парижѣ народныхъ волненій и возникшихъ въ пограничныхъ провинціяхъ революціонныхъ происковъ онъ не принялъ достаточно строгихъ мѣръ. Ближайшимъ поводомъ для его выхода въ отставку послужило то, что король и министръ иностранныхъ дѣлъ скрыли отъ него полученную изъ Вѣны, важную депешу касательно итальянскихъ дѣлъ. Луи Филиппъ уволилъ этого стараго друга повидимому съ сожалѣніемъ, но въ глубинѣ сво-

Король уда-
ляетъ людей,
помогавшихъ
ему вступить
на престолъ.

27 сент.
1830.

12 марта
1831.

его сердца былъ очень радъ разстаться съ нимъ; а Лафиттъ выразилъ свою скорбь восклицаніемъ: «прошу у Бога и у людей прощенья въ томъ, что былъ соучастникомъ въ возведеніи новой династіи на престолъ». Его замѣнилъ, въ качествѣ отвѣтственного президента министерства, грепобльскій уроженецъ, Казиміръ Перье,—пылкій патріотъ съ твердымъ характеромъ, съ умѣренными политическими убѣжденіями, а по своему богатству, образованію и фамильнымъ традиціямъ способный снискать уваженіе и во Франціи и за границей. Придерживаясь «настоящей середины», Перье съумѣлъ отстаивать конституціонный принципъ и законность и противъ ретроградныхъ причудъ короля и противъ революціонныхъ стремленій партіи прогресса и «національнаго общества», старавшихся навести внѣшнюю политику на стезю демократическаго радикализма.

Бережливость
короля.

Луи-Филиппъ умѣлъ очень искусно оберегать свои денежные интересы. Онъ оказалъ лишь очень незначительную помощь своему министру Лафитту въ его денежныхъ затрудненіяхъ, не смотря на то, что главной причиной этихъ затрудненій были расходы на іюльскую революцію и возникшій вслѣдъ за тѣмъ застой въ торговлѣ и въ денежныхъ оборотахъ; уже при своемъ вступленіи на престолъ онъ произвелъ дурное впечатлѣніе на французскую націю тѣмъ, что предоставилъ свою личную собственность членамъ своего семейства и постарался воспользоваться спорнымъ завѣщаніемъ Конде въ интересахъ своего сына (XIV, стр. 868, 870); это дурное впечатлѣніе еще усилилось, когда министерство, не смотря на затруднительное положеніе финансовъ, обратилось къ палатѣ депутатовъ съ предложеніемъ назначить королю ежегодное содержаніе въ восемнадцать милліоновъ франковъ, то есть на одну треть болѣе той суммы, какую желала назначить оппозиція. Всѣ ожидали, что послѣ іюльской катастрофы Франція будетъ имѣть не дорого стоящее правительство; вмѣсто того, бюджетъ расходовъ увеличивался съ каждымъ годомъ и превзошелъ бюджеты всѣхъ прежнихъ правительствъ; не смотря на это, правительство неоднократно обращалось къ народному представительству съ просьбами о назначеніи крупныхъ суммъ на содержаніе королевскихъ сыновей и дочерей и не получало отказа. Еще до своего вступленія на престолъ Луи-Филиппъ навлекалъ на себя не мало порицаній и упрековъ той выдающейся чертой своего характера, что постоянно имѣлъ въ виду свою личную выгоду и старался увеличивать свое громадное состояніе; поэтому нисколько неудивительно, что съ теченіемъ времени стали распускаться разные неблагопріятные о немъ слухи, ронявшіе его въ мнѣніи народа. Отсутствие роскоши при его дворѣ приписывалось его скупости; виконтъ Кормелинъ,—выскачка, возведенный при Карлѣ X въ дворянское званіе, но позабытый или обойденный при раздачѣ многочисленныхъ должностей въ августѣ 1830,—сталъ

издавать брошюры и пасквили, въ которыхъ горячо осуждалъ громадность доходовъ главы государства. И во Франціи и за границей король составилъ себѣ репутацію корыстолюбца, занимающагося денежными спекуляціями; въ томъ, что касалось его денежной кассы и интересовъ его семейства, онъ не боялся возбуждать зависть, вызывать порицанія и насмѣшки. При второмъ министерствѣ Брольи, въ 1835 году, и правительство и палата депутатовъ согласились, для избѣжанія войны съ сѣверной Америкой, выдать Соединеннымъ Штатамъ нѣсколько милліоновъ для вознагражденія за убытки, понесенные еще во времена закрытія европейскаго континента для внѣшней торговли; общественное мнѣніе высказывалось о такой уступчивости очень неодобрительно, а въ витринахъ парижскихъ магазиновъ были выставлены портреты короля съ подписью: кто уплачиваетъ свои долги, тотъ увеличиваетъ свое состояніе. Народъ остроумно называлъ «сердечными законами» короля тѣ постановленія, которыми отводились удѣльные помѣстья королевскимъ дѣтямъ. Чтобы достигнуть утвержденія этихъ постановленій, король не стыдился пріобрѣтать голоса членовъ оппозиціи посредствомъ личныхъ записки-ваній. Такъ какъ конверсія ренты, предложенная въ 1836 году министромъ финансовъ Гуманномъ, была-бы невыгодна преимущественно для крупныхъ капиталистовъ, то король добился неутвержденія этого проекта при помощи финансистовъ и палаты пэровъ, не смотря на то, что общественное мнѣніе и большинство палаты депутатовъ находили выгоднымъ для государственнаго казначейства уменьшеніе процентовъ, уплачиваемыхъ государственнымъ кредиторами. Послѣ переселенія короля изъ Пале-Рояля въ Тюльерійскій дворецъ, слишкомъ скоро были позабыты тѣ дни довѣрчиваго добродушія, когда Луи-Филиппъ, одинъ и никѣмъ неузнанный, ходилъ по парижскимъ улицамъ съ зонтикомъ въ рукѣ. Вслѣдствіе укоренившагося въ народѣ предубѣжденія противъ богатаго и бережливаго монарха, осталась неосцѣненной по достоинству та заслуга Луи-Филиппа, что онъ на свой собственный счетъ основалъ въ блестящей резиденціи Людовика IV и Людовика XV національный музей, значеніе котораго для развитія французскаго искусства было немаловажнымъ.

Мы уже ранѣе говорили о личныхъ свойствахъ Луи-Филиппа (XIV, 867 и сл.). Въ его характерѣ было не мало хорошихъ сторонъ, но было мало такихъ особенностей, которыя могли-бы привлекать къ себѣ такую рыцарски-храбрую націю, какъ французская. Мѣщански-прозаическая натура короля, его расчетливость и житейское благоразуміе, его заботливость о собственной выгодѣ и объ интересахъ династіи такъ открыто выступали наружу, что этими слабостями легко могла пользоваться оппозиція въ своихъ нападкахъ на всю систему управленія. Къ тому-же съ теченіемъ времени накопи-

Луи-Филиппъ и его совѣтники.

лось не мало доказательствъ того, что и среди людей, руководившихъ дѣлами управленія, самолюбіе и эгоизмъ были господствующими страстями, что соображенія личной выгоды, заставлявшія общественное мнѣніе относиться съ недовѣріемъ къ главѣ государства, очень часто, руководили дѣйствіями и приближенныхъ Луи-Филиппа. Старое основное правило одного англійскаго государственнаго дѣятеля, что каждый человѣкъ продаженъ за болѣе или менѣе высокую цѣну, печальнымъ образомъ подтвердилось на людяхъ, стоявшихъ во Франціи во главѣ управленія. Продажа должностей, подкупъ, покупка концессій, даровая раздача акцій за выхлопотанныя уступки, подлоги и разныя другія постыдныя средства обогащенія, все чаще случались въ высшихъ общественныхъ сферахъ и вслѣдствіе своего частаго повторенія мало по малу перестали считаться постыдными; поддѣлка монеты и шулерство наложили пятно позора на нѣсколько самыхъ знатныхъ французскихъ семействъ. Правительственныя должности раздавались въ награду за оказанныя услуги, а тѣ люди, которые достигали этихъ должностей, пользовались ими для удовлетворенія своего корыстолюбія и жажды наслажденій. Матеріальныя выгоды считались выше чести и добраго имени. Даже о нѣкоторыхъ изъ министровъ ходили слухи, что они удовлетворяли свое корыстолюбіе недозволенными способами. Гиске, занимавшій въ теченіе многихъ лѣтъ постъ префекта полиціи, навлекъ на себя обвиненія въ томъ, что злоупотреблялъ своею властію въ своихъ личныхъ интересахъ и въ интересахъ своихъ родственниковъ. Когда генераль Бюжо, послѣ заключенія столь безславнаго для Франціи договора у Тафны, принялъ отъ Абдъ-эль-Кадера сто тысячъ франковъ (*будшу*) въ качествѣ «почетнаго подарка», народное остроуміе дало этому генералу прозвище маршала Будшу. Генераль и бывшій военный министръ Кюбьеръ былъ въ сороковыхъ годахъ отданъ подъ судъ за взятки, а министръ Тестъ поплатился тюремнымъ заключеніемъ за свою доказанную виновность. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что народъ относился съ недовѣріемъ къ своимъ правителямъ, черпавшимъ золото изъ того источника, который наполнялся его трудомъ въ потѣ лица!—Луи-Филиппъ окружалъ себя такими государственными дѣятелями, которыхъ превосходилъ умомъ и знаніемъ людей и которые подчинялись его вліянію; изъ нихъ онъ попеременно выбиралъ своихъ министровъ. Знаменитый авторъ исторіи французской революціи и Наполеоновской имперіи, Тьеръ—человѣкъ дѣятельный, умный и краснорѣчивый, былъ въ 1834 и 1835 г. до втораго министерства Бролы настоящимъ руководителемъ кабинета, во главѣ котораго только для виду стояли износившіяся имена такихъ знаменитостей временъ имперіи, какъ Сультъ, Жераръ, Маре (Бассано), Мортъе (Тревизо); только съ февраля 1836 года онъ самъ былъ назначенъ президентомъ министерства; но онъ не захотѣлъ безусловно подчиняться «личному режиму» и выставилъ слѣдующій основной принципъ:

король царствуетъ, а не управляетъ, т. е. конституціонный монархъ долженъ быть только королемъ (regner), а не долженъ управлять кормиломъ государства (gouverner); однако и ему не удалось про- извести прочной перемѣны въ политикѣ и въ системѣ управленія. Когда Луи-Филиппъ вмѣшался безъ вѣдома своего министра въ ино- странную политику и отказалъ правительству испанскихъ кортесовъ въ энергической поддержкѣ, Тьеръ попросилъ отставки, которую король охотно далъ этому выскочкѣ изъ журналистовъ и «мелкому буржуа». Въ тѣ дни, когда Тьеръ не пользовался милостивымъ ра- сноложеніемъ короля, онъ отстаивалъ въ своемъ органѣ, газетѣ Constitutionel, принципы демократически-конституціонной монархіи и настоящей парламентской системы управленія. По словамъ Гил- лебрада, «его личность внушала націи симпатію. Онъ былъ одаренъ той живостью ума, которой требовалъ Вольтеръ отъ французскихъ государственныхъ дѣятелей, потому что она нравится націи и облег- чаетъ ей исполненіе ея обязанностей. Его чарующее, хотя и не ли- шенное расчетливости, прямотушіе, его горячая вѣра въ преданія, завѣщанныя великой революціей и имперіей, его пылкое національное чувство дѣлали его внѣ Бурбонскаго дворца столько-же популярнымъ, сколько онъ былъ вліятеленъ въ палатѣ депутатовъ выдающимися достоинствами своего ума и своимъ краспорѣчіемъ». Податливѣе Тьера былъ Гизо, прославившійся въ качествѣ ученаго и историка, пользовавшійся общимъ уваженіемъ какъ частный человѣкъ и не за- пятнавшій себя никакими грязными попытками обогащенія. Но онъ былъ покорнымъ слугою своего государя, не обнаруживалъ не- обходимой самостоятельности и твердости характера и отказался отъ тѣхъ либеральныхъ принциповъ, которымъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ. Онъ сталъ все упорнѣе придерживаться воззрѣнія Священнаго Союза: все для народа, ничего посредствомъ народа! Королю приходились по сердцу преимущественно Монталиве и Моле, которые всегда были готовы исполнять его личную волю; поэтому онъ всего чаще къ нимъ обращался за совѣтами. Луи-Филиппъ былъ очень доволенъ, когда дѣлались сравненія между ходомъ событій во Франціи и исторіей Англіи, а изъ этихъ сравненій дѣ- лался выводъ, что Орлеанская династія можетъ рассчитывать на такую-же прочность, какую пріобрѣла англійская династія съ 1688 года; но Вильгельмъ Оранскій не приносилъ, подобно Луи-Филиппу, свободу и права народа въ жертву своимъ династическимъ интересамъ.

Іюльское правительство полагало, что всего вѣрнѣе будетъ въ состояніи предохранять государственный корабль отъ грозныхъ бурь и опасныхъ подводныхъ камней, если не будетъ брать сторону ни одной изъ большихъ политическихъ партій, на которыя были въ то время раздѣлены европейскія націи, а будетъ держаться середины, на которой стали-бы потомъ соединяться съ двухъ противоположныхъ

6 сент. 1836.

Система на-
стоящей сере-
ни дини и оппо-
зиція.

сторонѣ люди умѣренныхъ убѣжденій. Поэтому министры, во главѣ которыхъ стоялъ строгій поборникъ легальности, преемникъ Лафитта, Казиміръ Перье, выработали систему настоящей середины (*juste milieu*) и стали выдавать ее за руководство своей дѣятельности. Они сблизились съ принципами тѣхъ болѣе старыхъ государственныхъ дѣятелей, которымъ еще во времена реставраціи было дано названіе доктринѣровъ, и навлекли на себя упреки за то, что ихъ политика основана не на требованіяхъ дѣйствительной жизни, не на практическомъ припоравливаніи къ условіямъ времени, а на произвольно построенныхъ теоріяхъ, на предвзятыхъ мнѣніяхъ и воззрѣніяхъ. Ихъ господство скоро вызвало сопротивленіе и встрѣтило предпримчивыхъ противниковъ. Прежде всѣхъ зашевелились легитимисты, полагавшіеся на могущество духовенства, которое было ихъ союзникомъ. Но ненависть къ Бурбонамъ еще не успѣла охладѣть настолько, что парижская демократія, работники, студенты, воспитанники Политехнической школы и склонная къ революціоннымъ движеніямъ народная масса стали-бы спокойно смотрѣть на какую либо публичную враждебную манифестацію противъ «великой недѣли». Вслѣдствіе того, что духовенство водрузило бѣлое знамя въ церкви Сенъ-Жерменъ л'Оксерруа въ годовщину смерти герцога Беррійскаго, въ Парижѣ вспыхнуло сильное возстаніе; не только внутри церкви были уничтожены всѣ картины и украшенія и точно такъ-же, какъ во времена конвента, народъ далъ волю своему неуваженію къ священническимъ ризамъ и принадлежностямъ богослуженія, но даже дворецъ и загородный домъ архіепископа были опустошены, а домашняя утварь была выброшена изъ нихъ въ Сену.

Но приверженцы старой монархіи твердо держались убѣжденія, что «даже свобода будетъ процвѣтать во Франціи и будетъ въ состояніи устоять противъ всякихъ бурь только тогда, когда она вырастетъ изъ могучаго ствола историческихъ преданій, глубокіе корни котораго теряются въ воспоминаніи людей». Они возлагали свои надежды на вѣрную Вандею, въ прежніе годы такъ много потрудившуюся на пользу короля и такъ много за него пострадавшую, и на южныя провинціи, гдѣ роялисты когда-то удовлетворяли свою жажду мщенія, вводя «бѣлый терроръ». Душою задуманнаго легитимистами предпріятія была герцогиня Каролина Фердинанда Беррійская, — пылкая южанка, соединявшая при своемъ нѣжномъ, красивомъ тѣлосложеніи пылкость фантазіи съ живостью ума и способная до такой степени увлечься минутнымъ впечатлѣніемъ, чтобъ совершенно потерять изъ виду ожидавшія ее опасности и препятствія. Получивши въ Голиродѣ отъ своего тестя документъ, возводившій ее въ званіе регентши, она отправилась, въ сопровожденіи своего стараго фаворита Блакаса, изъ Лондона въ Роттердамъ, оттуда поднялась вверхъ по Рейну и проѣхала черезъ Швейцарію и Туринъ въ не-

большой приморскій городокъ Массу, пользуясь на своемъ пути покровительствомъ и поощреніями отъ Піемонтскаго короля и отъ герцога Моденскаго. Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Неаполѣ у своего брата Фердинанда II, она сѣла въ Массѣ на пароходъ «Карль Альбертъ», который высадилъ ее за Ниццей неподалеку отъ Марсели вмѣстѣ съ сопровождавшей ее знатью, въ числѣ которой находились Бурмонъ, Сень-При и Кергорлей. Уже тамъ она ожидала возстанія роялистовъ. Послѣ того, какъ это возстаніе было подавлено въ самомъ зародышѣ, герцогиня направилась переодѣтой, неудобными окольными путями, въ Вандею, гдѣ вѣрные приверженцы ея дома уже подготовили народъ къ прибытію «геройской матери» того принца, котораго называли «дитя чуда». Богатое приключеніями странствованіе герцогини изъ одной хижины въ другую вплоть до замка Ла-Прейль, а оттуда до мызы Меслье, напоминало жизнь скитальца, которую велъ претендентъ Карль Стюартъ. Тѣмъ временемъ корабль «Карль Альбертъ» былъ настигнутъ однимъ французскимъ крейсеромъ и отведенъ въ Англію, такъ какъ на немъ предполагалось присутствіе герцогини. Вожди заговорщиковъ, въ томъ числѣ Шатобріанъ, Беррье, Бурмонъ, Шареттъ, Ларошъ-Жакеленъ ласкали себя надеждой, что при появленіи герцогини немедленно возьмутся за оружіе жители всѣхъ южныхъ и западныхъ провинцій и съ триумфомъ проводятъ регентшу до Парижа. Когда ихъ ожиданія не оправдались, имъ пришлось измѣнять прежніе планы и рѣшенія. Они такъ долго совѣщались о томъ, что слѣдуетъ дѣлать, и такъ часто давали противорѣчивыя приказанія, что правительство получило вѣрныя свѣдѣнія о пребываніи герцогини въ Вандеѣ и приказало окружить войсками на далекомъ разстояніи ту мѣстность, гдѣ она находилась. Въ нѣсколькихъ мелкихъ стычкахъ съ крестьянами, возставшими подъ предводительствомъ Шаретта и другихъ представителей старинной французской знати, побѣда оставалась на сторонѣ войскъ и дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ ними городскихъ милицій. Каролина, переодѣтая мужчиной и часто мѣнявшая свой костюмъ, переходила, при помощи своихъ приверженцевъ, изъ одного надворнаго строенія въ другое и послѣ безчисленныхъ опасностей достигла 9 іюня 1832. Нанта, гдѣ ей было приготовлено безопасное убѣжище. Беррье и другіе участники заговора были арестованы и преданы суду, но были большею частію оправданы. Сама герцогиня въ теченіе многихъ мѣсяцевъ укрывалась отъ розысковъ жандармовъ; наконецъ ее мѣсто-пребываніе указалъ за большую денежную сумму одинъ изъ ея приближенныхъ, еврей изъ Кельна, по имени Дейцъ, который перешелъ въ Римъ въ католическую вѣру и былъ рекомендованъ Каролинѣ папой. За тѣмъ правительство приказало отправить плѣнницу въ укрѣпленный замокъ Блэ подлѣ Бордо для того, чтобъ содержать ее тамъ до той минуты, когда палаты разрѣшатъ вопросъ о ея участи.

24 апр.
1832.

9 іюня 1832.

8 ноября.

Но по прошествіи нѣкотораго времени ея наружность разоблачила тайну брака, заключеннаго ею въ Италіи съ сицилійскимъ маркизомъ Лукчези-Пальи; послѣ того, какъ она разрѣшилась отъ бремени ребенкомъ женскаго пола, правительство безъ всякихъ колебаній освободило ее изъ подъ ареста и, отправивши ее въ Палермо, избавилось отъ всякихъ политическихъ тревогъ, которыя она могла причинить іюльской династіи. Приверженцы Бурбоновъ долго отвергали фактъ тайнаго брачнаго союза, обвиняя своихъ противниковъ въ лжи и въ клеветѣ. Это послужило поводомъ для нѣсколькихъ дуэлей и для произнесенія бранныхъ рѣчей. Но когда исчезла всякая возможность отвергать существующій фактъ, стало мало по малу исчезать и романтическое обаяніе изгнаннаго королевскаго семейства. Легитимисты, съ престарѣлымъ поэтомъ Шатобріаномъ во главѣ, отказались тогда отъ надежды возвести на престолъ герцога Бордосскаго, котораго они называли Генрихомъ Пятымъ; они съ досадою возвратились въ Сень-Жерменское предмѣстіе, а нѣкоторые изъ нихъ стали поддерживать своимъ золотомъ возстанія республиканцевъ, увлекаясь неосновательной увѣренностью, что въ случаѣ внутренняго переворота снова взойдетъ ихъ счастливая звѣзда.

8 іюня 1833.

Возстанія республиканцевъ.

Для іюльскаго правительства были болѣе опасны отважныя предпріятія республиканцевъ. Недовольные патріоты и демократы старались свергнуть Орлеанскую династію посредствомъ неоднократныхъ народныхъ возстаній въ столицѣ и въ провинціяхъ: они возмущались политикой правительства, которое не вступилось за Поляковъ, заводило съ старыми европейскими министрами дипломатическія интриги, не защищало германскихъ и итальянскихъ либераловъ отъ мстительности ихъ противниковъ, внутри Франціи преслѣдовало республиканскія газеты, запрещало тайныя общества, издавало строгіе законы противъ участниковъ въ сходкахъ и въ политическихъ демонстраціяхъ и возбуждало судебныя преслѣдованія противъ такихъ демагогическихъ ораторовъ и журналистовъ, какъ Годафруа Кавеньякъ, Трела, Гинаръ. Всякое судебное разбирательство служило поводомъ для республиканскихъ манифестацій, въ особенности если оно оканчивалось оправданіемъ обвиняемыхъ. Во время одной шумной сходки на Вандомской площади, новый начальникъ національной гвардіи, маршалъ Лобау (Мутонъ, XIV, 350) прибѣгнулъ къ оригинальному средству разгонять буйную народную толпу—онъ сталъ поливать ее водой изъ пожарныхъ трубъ. И годовщина взятія Бастиліи не обошлась безъ уличной борьбы. Еще сильнѣе воспламенились народныя страсти, когда пришло извѣстіе о бѣдственномъ положеніи Поляковъ и паденіи Варшавы. Въ Парижѣ было вооружено знамя мятежа, чтобъ принудить правительство къ вооруженному вмѣшательству. Въ Ліонѣ вспыхнуло страшное возстаніе, вызванное какъ политическими такъ и соціальными мотивами, такъ

какъ городскіе рабочіе терпѣли крайнюю нужду вслѣдствіе накопленія не находившихъ сбыта промышленныхъ произведеній и застоя въ торговлѣ, а также вслѣдствіе того, что правительство не утвердило установленный особой комиссіей размѣръ заработной платы. Республиканцы и ткачи шелковыхъ матерій въ кварталѣ Круа Руссъ Ноябрь 1831. взяли за оружіе; національная гвардія прекратила борьбу послѣ непродолжительнаго сопротивленія; находившіяся въ городѣ, немногочисленные войска понесли большія потери и были принуждены отступить; мятежники господствовали въ городѣ въ теченіе цѣлой недѣли; наконецъ военный министръ Сульта прибылъ въ Ліонъ во главѣ достаточныхъ военныхъ силъ и прекратилъ мятежъ. Но неудача мятежниковъ не помѣшала ихъ единомышленникамъ предпринимать всзанія въ Парижѣ и въ большихъ городахъ. Заговоры и мятежи возникали одни вслѣдъ за другими и служили поводомъ для судебныхъ преслѣдованій, сильно волновавшихъ умы. Въ Греноблѣ линейныя войска съ трудомъ подавили революціонное движеніе, ко- Мартъ 1832. торымъ руководилъ Жюль Бастидъ. Весной и лѣтомъ 1832 года страшно свирѣпствовала холера; отъ нея умеръ и президентъ министерства Казиміръ Перье, преждевременно истощившій свои жизненные силы чрезмѣрнымъ трудомъ; это еще сильнѣе разожгло страсти, а въ фантазіи народа возникли самыя ужасныя подозрѣнія, которыхъ не могла заглушить человеколюбивая заботливость правительства и высшихъ сословій. Вскорѣ послѣ Перье умеръ и генералъ Ламаркъ, который вмѣстѣ съ Лафайетомъ и Лафиттомъ стоялъ во главѣ либеральной оппозиціи, а за свое пылкое декламаторское краснорѣчіе былъ очень любимъ народомъ. Республиканцы и всѣ враги іюльской династіи воспользовались выносомъ тѣла усопшаго генерала для устройства уличныхъ демонстрацій, которыя скоро приняли характеръ мятежа и вызвали вмѣшательство войскъ и національный гвардіи: тогда возгорѣлась на улицахъ борьба, сопровождавшаяся сооруженіемъ баррикадъ и напоминавшая первые дни великой іюльской недѣли; обѣ стороны лишились нѣсколькихъ тысячъ человекъ убитыми и ранеными. Мятежъ былъ подавленъ; на короткий срокъ было введено осадное положеніе; Политехническая школа была закрыта; зачинщики и руководители возстанія были арестованы и преданы суду, а Луи-Филиппъ, обнаружившій во время революціонныхъ смутъ мужество и энергію, сталъ пользоваться большимъ уваженіемъ, чѣмъ прежде.

16 мая.

5 іюня.

Послѣ смерти Перье наступилъ продолжительный министерскій кризисъ, потому что Луи-Филиппъ не хотѣлъ снова имѣть при себѣ «вице-короля». Наконецъ состоялось соглашеніе касательно состава новаго министерства подъ предсѣдательствомъ престарѣлаго маршала Сульты: въ него вошли доктринеры изъ школы Ройе-Коллара, герцогъ Броули и историкъ Гизо, первый въ званіи мини- 11 октября.

стра иностранных дѣлъ, второй въ званіи министра народнаго просвѣщенія; во главѣ министерства финансовъ сталъ трудолюбивый эльзасскій уроженецъ Гуманнъ, а во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ—искусный писатель и ораторъ Тьеръ. Это министерство 11-го октября продержалось во главѣ управленія четыре года; только самые вліятельные его члены Гизо и Тьеръ нѣсколько разъ мѣнялись своими портфелями съ другими министрами; даже выходъ Броли изъ министерства былъ непродолжителенъ не смотря на то, что король съ трудомъ выносилъ самостоятельный, во вмѣстѣ съ тѣмъ упрямый и угрюмый, характеръ этого государственнаго дѣятеля.

Демократи-
чески-республиканская
оппозиція.

Съ тѣхъ поръ республиканская партія измѣнила свой планъ военныхъ дѣйствій; она перестала дѣлать попытки насильственныхъ переворотовъ и возстаній, а постаралась, посредствомъ журналистики, тайныхъ обществъ и внутреннихъ происковъ, распространить свои доктрины и организовать армию, готовую поддерживать ея стремленія. Газета *National*, въ которой участвовали Тьеръ и Минье до своего вступленія на политическое поприще, и которая была самымъ вліятельнымъ органомъ общественнаго мнѣнія послѣ поддерживавшей правительство газеты *Débats* и легитимистской *Gazette de France*, открыто перешла на сторону республиканцевъ и приобрѣла въ лицѣ бывшаго офицера, Армана Карреля, такого редактора, который съ твердостью характера отстаивалъ свои убѣжденія и даже въ моментъ самой горячей борьбы соблюдалъ требованія приличія, чести и рыцарскаго благородства. И между народными представителями было не мало республиканцевъ одного закала съ Каррелемъ, съ Годефруа Кавеньякомъ и Распалемъ. Къ ихъ числу принадлежалъ Гарнье-Паже, талантливый и пылкій южанинъ, отличавшійся своимъ пріятнымъ, вкрадчивымъ краснорѣчіемъ и съ каждымъ днемъ приобретающій все болѣе сильное вліяніе. Судебныя преслѣдованія и обвинительные приговоры увеличивали значеніе газеты «*National*», такъ часто подвергавшейся наказаніямъ, и усиливали рѣзкій тонъ ея полемики. Ея нападки на короля, на министровъ, на отправление правосудія, на конституцію и на весь организмъ государственнаго управленія подрывали авторитетъ правительственныхъ властей. Въ одномъ направленіи съ газетами писались многочисленные памфлеты, служившіе органами для тайныхъ обществъ и распространявшіеся среди народа разнощиками, а пренія о составленіи адреса, «эти періодически возобновлявшіяся битвы на почвѣ французскаго парламентаризма», доставляли членамъ оппозиціи удобный случай для обвиненій и нападеній, нерѣдко служившихъ поводомъ для дуэлей: такъ напр. въ январѣ 1834 происходила между генераломъ Бюжо и членомъ палаты депутатовъ Дюлономъ дуэль, стоившая жизни этому послѣднему. Правительство и враждовавшая съ нимъ демократическая партія постоянно находились на военномъ положеніи. Каждый законопроектъ,

составленный съ цѣлію прекратить невоздержныя выходки газетъ и распространеніе запрещенныхъ изданій, и ограничить право составленія обществъ, вызывалъ бурныя сцены, народныя волненія и демонстраціи. Но съ теченіемъ времени возобновились и попытки возстаній.

Весной 1834 года Ліонъ сдѣлался вторично театромъ возстанія и Новыя возста-
уличной борьбы между мятежниками и войсками, при чемъ происхо- нія въ Ліонѣ
дили ужасныя сцены кровопролитія и жестокости. Возстаніе началось и въ Парижѣ.
съ прекращенія работъ ткачами шелковыхъ матерій и скоро при-
няло политическій характеръ вслѣдствіе того, что въ немъ приняли
участіе члены «общества мастеровъ» и члены общества «человѣчес-
кихъ правъ» подъ руководствомъ демагоговъ Альбера и Лагранжа.
Пламя возстанія раздули посланцы изъ Парижа и политическіе изгнан-
ники. Только послѣ пятидневной упорной борьбы внутри города и 9—13 апрѣля
въ предмѣстіяхъ, народное возстаніе было подавлено генераломъ Эй- 1834.
маромъ; оно вызвало однородныя попытки во всей южной Франціи,
а въ Парижѣ возобновилась борьба на баррикадахъ, которая была 14 апрѣля.
прекращена энергическимъ образомъ дѣйствій начальника національной
гвардіи Лобау и начальника линейной арміи Бюжо. И тамъ дѣло не
обошлось безъ страшной рѣзни. Въ теченіе многихъ лѣтъ Парижане
разсказывали разныя подробности о «кровопролитіи въ улицѣ Тран-
сноненъ». Но правительство одержало полную побѣду и, пользуясь
произведеннымъ ею впечатлѣніемъ, издало законъ противъ тѣхъ, кто 25 мая.
заводитъ тайныя склады оружія, распустило палату депутатовъ и воз-
будило уголовныя преслѣдованія какъ противъ зачинщиковъ возстаній
парижскаго и ліонскаго, такъ и противъ захваченныхъ въ плѣнъ
мятежниковъ. Ожидалось наступленіе новой политической эры съ той 20 мая.
минуты, какъ кончилъ жизнь Лафайетъ. «Вмѣстѣ съ нимъ исчезло
послѣднее звѣно той цѣпи, которая связывала приверженцевъ легальной
свободы съ революціонной партіей. Кто желалъ по прежнему участво-
вать въ политической борьбѣ, тотъ уже не находилъ такого двухъ-
цвѣтнаго знамени съ блестящимъ именемъ, подъ которымъ могъ-бы
пріютить и себя и свои двусмысленныя убѣжденія: тогда пришлось вы-
бирать одно изъ двухъ—или быть Гвельфомъ или быть Гибеллиномъ!»
За нѣсколько дней передъ тѣмъ, гигантскій процессъ участниковъ 5 мая.
апрѣльскихъ возстаній начался въ палатѣ пэровъ въ нарочно воз-
двигнутомъ для него зданіи. Изъ двухъ тысячъ арестованныхъ мя-
тежниковъ только сто двадцать одинъ были привлечены къ отвѣт-
ственности и подвергнуты допросамъ. Во всемірной исторіи едва-ли
найдется другая судебная драма, въ которой обвиняемые обнаружи-
вали-бы такую-же раздражительность, дерзость и непокорность, и во
время которой происходили-бы такія-же шумныя сцены и въ тюрь-
махъ, и въ залѣ судебныхъ засѣданій, и на городскихъ улицахъ.
Палату пэровъ публично обвиняли въ «убійствѣ» маршала Нея. Про-

цессъ продолжался съ нѣкоторыми перерывами нѣсколько мѣсяцевъ. Только послѣ того, какъ половина содержащихся въ St.-Pelagie арестантовъ, и въ томъ числѣ главные вожди мятежниковъ Г. Кавеньякъ, Маррастъ, Гинаръ, спаслась бѣгствомъ, а покушеніе Море и Фіески на жизнь короля привлекло вниманіе націи къ другой судебной драмѣ, состоялся приговоръ палаты пэровъ, присудившій семерыхъ обвиняемыхъ къ ссылкѣ, нѣсколько человѣкъ къ болѣе или менѣе продолжительному тюремному заключенію, а нѣкоторымъ арестантамъ возвратившій свободу.

Разладъ между республиканцами и социалистами.

Уже во время этихъ событій обнаружилось раздѣленіе республиканской партіи на нѣсколько фракцій съ очень разнообразными направленіями. Между тѣмъ какъ настоящіе приверженцы республиканской формы правленія возставали противъ существующей конституціи и старались достигнуть своей цѣли посредствомъ преобразованія государственныхъ учрежденій, другіе недовольные, какъ напр. Бланки, Барбесъ и ихъ единомышленники, занимались составленіемъ политическихъ заговоровъ и организаціей тайныхъ обществъ («Общества человѣческихъ правъ», «Семейнаго общества»), которыя раздѣлялись на нѣсколько отдѣленій, имѣли свои развѣтвленія во всей странѣ и подчинялись одной высшей дирекціи; послѣдователи Прудона признавали собственность воровствомъ (стр. 28) и угрожали войной всѣмъ, у кого она была; послѣдователи Луи Блана льстили самолюбію рабочихъ классовъ, преувеличивая стоимость ихъ труда и ихъ общественное значеніе, проповѣдывали равноправность капитала и труда, требовали увеличенія заработной платы и обезпеченія положенія рабочихъ посредствомъ законодательныхъ мѣръ. Люди, желавшіе коренныхъ переменъ, считали необходимымъ преобразование всего строя общества и усвоили выработанныя нѣкоторыми причудливыми мечтателями, системы коммунизма и социализма, обѣ отличительныхъ особенностяхъ которыхъ мы уже говорили ранѣе. Луи Бланъ старался доказать въ своей «Исторіи десяти лѣтъ», что господство «буржуазіи» причиняло Франціи и внутренній и внѣшній вредъ. Онъ говорилъ, что вслѣдствіе введенія избирательнаго ценза правительство стало руководствоваться только экономическими соображеніями, — что оно унижало честь и вліяніе націи, стараясь избѣгать столкновеній съ другими государствами, чтобъ не создавать застоя въ промышленности и въ торговлѣ. Но кругозоръ демократическихъ реформаторовъ былъ еще болѣе узокъ. Теряя совершенно изъ виду широкое разнообразіе международныхъ сношеній, эти люди примѣняли къ человѣческому обществу узкій масштабъ мастерскихъ и клубовъ. Коммунистическія и социалистическія идеи распространялись, постоянно разрастаясь въ своемъ объемѣ: подъ покровомъ запрета и таинственности, онѣ принимались людьми умственно-ограниченными и несчастными за глубокую мудрость и за якорь спасенія; такъ какъ образованные

классы не обращали на нихъ большого вниманія или смѣялись надъ ними, какъ надъ несбыточными химерами, то онѣ оставались неопровергнутыми и, подобно плевеламъ, разводились во всѣхъ странахъ злонамѣренными развратителями народа. Процвѣтаніе торговли и промышленности вслѣдствіе продолжительнаго мира увеличило благосостояніе владѣющихъ классовъ; благодаря кредитной системѣ, основанной на выдачѣ векселей и на выпускѣ бумажныхъ денегъ, многіе увеличили удачными спекуляціями свое состояніе до громадныхъ размѣровъ; возникшая отсюда роскошь высшихъ классовъ, обыкновенно соединяющаяся съ болѣе высокой цивилизаціей, ослѣпляла своимъ блескомъ бѣдную народную массу и внушала ей убѣжденіе, что въ домахъ богачей хранятся необъятныя сокровища, что торговцы и фабриканты извлекаютъ громадныя выгоды изъ тяжелаго труда бѣдствующихъ рабочихъ. Всѣмъ этимъ искусно пользовались революціонеры, чтобъ обольщать софистическими теоріями равенства и братства тѣхъ необразованныхъ, умственно-ограниченныхъ и довѣрчивыхъ людей, которые жили подъ гнетомъ матеріальной нужды и были оскорблены своимъ униженнымъ общественнымъ положеніемъ. Агитаторы находили благопріятную почву для своихъ теорій въ постоянно размножавшемся пролетаріатѣ. Цѣлю тайныхъ обществъ были низпроверженіе существующаго режима, равномерное распредѣленіе собственности, борьба съ высшими классами, а ихъ открыто выставленнымъ лозунгомъ были избирательная реформа и измѣненіе конституціи. Недовольство народныхъ массъ усиливали поэтическія произведенія, разжигавшія ненависть къ буржуазіи, и описанія трогательныхъ сценъ изъ жизни бѣдныхъ людей; любимой темой для литераторовъ и романистовъ служила неестественность положеній, создаваемая стѣснительными законами и уродливымъ строемъ общественной жизни. Вѣра въ безсмертіе души и въ награды, ожидающія праведниковъ въ загробной жизни, выдавались за химеру, съ помощью которой старались утѣшить обобраннаго рабочаго и отклонить его отъ предъявленія его законныхъ правъ на земное благосостояніе; правительственная власть выдавалась за продуктъ насилія, по отношенію къ которому не существуетъ никакихъ обязанностей и который находится на лицѣ только пока «народъ» не сознаетъ своей силы или пока не употребитъ ее въ дѣло.

Эти теоріи, укоренившіяся во Франціи, а оттуда распространявшіяся по всѣмъ европейскимъ странамъ, мало по малу расшатывали фундаментъ государственнаго зданія. Элементы умственнаго броженія, съ каждымъ годомъ расширявшіеся въ своемъ объемѣ и въ своей организаціи, угрожали низпроверженіемъ всему строю человѣческаго общества. Члены тайныхъ обществъ были убѣждены, что французскій государственный организмъ держится только ловкостью и благоразуміемъ своего главы; поэтому они замыслили убійство короля, чтобъ

Попышенія на жизнь короля.

въ моментъ общаго замѣшательства провозгласить республику и затѣмъ немедленно приступить къ социальнымъ реформамъ. На жизнь Луи-Филиппа были предприняты цѣлый рядъ покушеній, отъ которыхъ онъ однако спасся съ удивительнымъ счастьемъ. Первое покушеніе было сдѣлано 19 ноября 1832. Въ то время, какъ король, окруженный блестящей свитой, ѣхалъ изъ Тюльерійскаго дворца въ Бурбонскій дворецъ открывать засѣданія парламента, въ него былъ сдѣланъ выстрѣлъ на Pont Royal. Предполагаемый преступникъ, молодой человекъ по имени Бержеронъ, былъ преданъ суду присяжныхъ, но, не смотря на свои дерзкіе отвѣты, былъ оправданъ за отсутствіемъ достаточныхъ уликъ. Впослѣдствіи онъ хвастался передъ своими единомышленниками тѣмъ, что дѣйствительно онъ совершилъ покушеніе. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ часто возникали слухи о замыслахъ противъ жизни короля; они причиняли полиціи много хлопотъ и служили поводомъ для судебныхъ преслѣдованій. Но улики оказывались недостаточными для постановленія обвинительныхъ приговоровъ, а въ кружкахъ, враждебно относившихся къ правительству, высказывалось убѣжденіе, что выдумкой мнимыхъ преступленій занимались полицейскіе агенты съ цѣлію создать опору для деспотизма и оправданіе для строгихъ правительственныхъ мѣропріятій. Но

28 іюля 1835. 28 іюля 1835 было совершено такое страшное злодѣяніе, что вся Европа была объята ужасомъ при мысли объ опасностяхъ, которыя готовитъ ей революціонная партія. Въ то время, какъ король, въ сопровожденіи царедворцевъ, министровъ и генераловъ, дѣлалъ смотръ національной гвардіи и линейныхъ войскъ по случаю празднованія годовщины іюльской революціи, въ него было пущено множество ядеръ изъ цѣлаго ряда ружей, поставленныхъ въ открытомъ окнѣ одного изъ домовъ на бульварѣ Тамплъ; восемнадцать человекъ изъ свиты короля, въ томъ числѣ престарѣлый маршалъ Мортъе, герцогъ Тревизскій, были убиты; еще значительнѣе было число болѣе или менѣе тяжело раненыхъ. Но самъ Луи-Филиппъ былъ лишь слегка раненъ и продолжалъ смотръ съ своимъ обычнымъ хладнокровнымъ мужествомъ. Великолѣпные похороны убитыхъ, происходившіе въ Домѣ Инвалидовъ въ присутствіи всего королевскаго семейства и парижскаго архіепископа, свидѣтельствовали о сильномъ впечатлѣніи, произведенномъ неслыханнымъ злодѣяніемъ. Новую «адскую машину» соорудилъ Корсиканецъ Іосифъ Фіески, который когда-то служилъ солдатомъ въ арміи Мюрата, а во время своей многолѣтней бродяжнической жизни неоднократно подвергался наказаніямъ за воровство и за другія преступленія; это былъ человекъ тщеславный, хвастливый, жадный до наслажденій и необнаруживавшій ни малѣйшихъ признаковъ нравственности и добросовѣстности. Его помощниками были: старый рабочій временъ первой революціи, по имени Море, принадлежавшій къ числу членовъ «Общества человѣческихъ правъ»,

получившій декорацію за участіє въ іюльской борьбѣ и питавшій фанатическую ненависть къ королевскому званію, и мелочпой торговецъ колониальными товарами, Пепинъ, — демократъ и республиканецъ, снабдившій Фіески необходимыми денежными средствами. Послѣ продолжавшагося нѣсколько недѣль судебнаго разбирательства въ палатѣ пэровъ, доставившаго преступному Корсиканцу случай выказать всю его душевную низость, три главныхъ виновника злодѣянія были приговорены къ смертной казни, а двое другихъ — Буаро и одна изъ любовницъ Фіески, Нина Лассавъ, — были оправданы. Фіески и двое его помощниковъ умерли на гильотинѣ, отвергнутые и презираемые настоящими республиканцами, но демократы и члены тайныхъ социалистическихъ обществъ выдавали за мучениковъ если не самого Фіески, то по меньшей мѣрѣ Море и Пепина. Нисколько не удивительно, что при такомъ разгарѣ политическихъ страстей возобновились попытки убійствъ. Въ іюнѣ 1836, молодой республиканецъ, уроженецъ города Нима Алибо, воображавшій себя новымъ Брутомъ, выстрѣлилъ подъ проѣзжими воротами Тюльерійскаго дворца въ карету, въ которой король ѣхалъ въ Нейли вмѣстѣ съ своей супругой и съ своей сестрой; на эшафотѣ преступникъ хвастался тѣмъ, что умираетъ «за свободу, за счастье человѣчества, за уничтоженіе гнусной монархіи съ корнемъ». Влеченіе къ попыткамъ убійства охватило республиканскихъ фанатиковъ подобно заразительному умственному разстройству; поэтому король, не смотря на свое личное мужество, послѣдовалъ совѣту министровъ впредь воздерживаться отъ участія въ публичныхъ празднествахъ, а для охраненія его личной безопасности были приняты самыя строгія мѣры.

16 февр.
1836 г.

11 іюля.

Орлеанская династія вовсе не пользовалась народною любовью. Высшія сословія и большая часть низшей буржуазіи хладнокровно и съ злорадствомъ взирали на происки революціонной партіи, республиканскихъ и социалистическихъ обществъ, и даже оказывали поддержку оппозиціи, потому что были недовольны правительствомъ. Вмѣсто того, чтобъ приноравливаться къ требованіямъ времени и привязывать средніе классы къ существующему режиму посредствомъ введенія либеральныхъ реформъ и расширенія правъ, іюльское правительство пользовалось каждымъ возстаніемъ, каждымъ покушеніемъ на жизнь короля, каждымъ демократическимъ движеніемъ для того, чтобъ ограничивать обезпеченныя хартіей права и усиливать строгость карательныхъ мѣръ. Оно старалось пріобрѣсть доброе расположеніе абсолютныхъ континентальныхъ монархій, чтобъ примирить ихъ съ Орлеанскою династіей; оно отказало мадридскому либеральному правительству въ ранѣе обѣщанной помощи; оно не заботилось о заключеніи союза съ Англіей. Свободѣ прессы и личной безопасности угрожали изданные вслѣдствіе злодѣянія Фіески, сентябрьскіе законы, которые стѣсняли періодическую печать требованіемъ крупныхъ за-

Сентябрьскіе
законы и ре-
прессивная
политика.

1835.

логовъ и строгимъ надзоромъ, усиливали строгость судебныхъ рѣшеній, вводя тайную подачу голосовъ присяжными засѣдателями и дозволяя постановлять обвинительные приговоры надъ отсутствующими (*in contumaciam*), а власть и авторитетъ суда усиливали сокращеніемъ судебного разбирательства. Въ мнѣніи народа эти законы были тѣмъ-же, чѣмъ было въ началѣ революціи королевское veto, — орудіемъ невыносимой тиранніи. Этимъ ретрограднымъ мѣрамъ тщетно противилась руководимая Одилономъ Барро, лѣвая сторона палаты, находившая въ этомъ случаѣ поддержку въ старомъ роялистскомъ государственномъ дѣятелѣ и философѣ Ройе-Колларѣ; всѣ проекты ретроградныхъ законовъ утверждались палатскимъ большинствомъ, воображавшимъ, что усиливающіяся демократическія стремленія можно сдерживать только запугиваніемъ, что либеральная пресса была единственной виновницей господствовавшего въ низшихъ классахъ волненія умовъ и недовольства. Полагаясь на то, что при каждомъ возобновленіи личнаго состава палаты, получалось, посредствомъ вліянія на избирателей и посредствомъ подкуповъ, преданное династіи большинство, правительство не переставало подвигаться впередъ по намѣченному пути и все болѣе разобщалось съ націей; а своимъ вліяніемъ на выборы присяжныхъ засѣдателей оно даже подорвало довѣріе къ учрежденію суда присяжныхъ. Прокуроры безпрестанно возбуждали новые процессы по обвиненіямъ въ государственной измѣнѣ; сотни людей содержались подъ арестомъ до окончанія слѣдствія и постановленія судебного рѣшенія; оппозиціонныя газеты Tribune и National много разъ подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ, нерѣдко кончавшимся присужденіемъ ихъ редакторовъ къ тюремному заключенію или къ денежному штрафу. Армана Карреля, убитаго на дуэли Эмилемъ Жирарденомъ, замѣнилъ, во главѣ редакціи National'я, Маррасть, который придалъ еще болѣе рѣзкій тонъ оппозиціонному направленію этой газеты. Характеръ управленія мало измѣнился оттого, что министерство 11 октября распалось вслѣдъ за отказомъ законодательнаго собранія утвердить предложенное министромъ финансовъ Гуманномъ, пониженіе процентовъ съ государственной ренты; тогда вожди доктринёровъ Брольи и Гизо вышли въ отставку, а Тьеръ взялся составить новое министерство изъ представителей умѣренной партіи въ палатѣ депутатовъ. Борьба правительства съ республиканцами и съ революціонной партіей продолжалась и при новыхъ министрахъ съ энергіей и съ успѣхомъ. Когда Тьеръ былъ принужденъ отказаться отъ своего намѣренія вмѣшаться въ испанскія дѣла въ интересахъ конституціонной партіи, онъ вышелъ изъ министерства и сталъ во главѣ оппозиціи; 1 марта 1840 онъ снова занялъ постъ президента министерства и министра иностранныхъ дѣлъ, но оставался на этомъ посту лишь нѣсколько мѣсяцевъ.

Къ проидамъ радикаловъ и легитимистовъ присоединилась новая опасность. Третій сынъ бывшаго короля Голландскаго Людовика, принцъ Луи-Наполеонъ Бонапартъ попытался въ октябрѣ 1836 года вызвать военное возстаніе въ Страсбургѣ съ цѣлію низвергнуть іюльскую династію и снова водрузить императорское знамя съ орломъ. Это безразсудное предпріятіе не имѣло успѣха. Принцъ не захотѣлъ спастись бѣгствомъ подобно своему другу Персиньи и пиятерымъ, участвовавшимъ въ заговорѣ, офицерамъ; его отвезли плѣнникомъ въ Парижъ и, противъ его желанія, по распоряженію Луи-Филиппа, отправили на французскомъ кораблѣ въ Америку, вовсе не предавая суду. Это произвольное помилованіе произвело такое впечатлѣніе на народъ, что всѣ соучастники въ преступной попыткѣ принца — большею частію офицеры и въ томъ числѣ полковникъ Водре, — были признаны на судѣ невиновными, а палаты не утвердили представленный правительствомъ новый законопроектъ, по которому только несостоящіе на военной службѣ, участники заговоровъ и возстаній подвергались-бы суду присяжныхъ, а мятежники военного званія судились-бы военнымъ судомъ. 30 окт. 1836. Мартъ 1837.

Луи-Филиппъ надѣялся снискать народную любовь этимъ актомъ милосердія, о которомъ его просила мать принца, Гортензія. Вѣдь и іюльское правленіе съ самаго начала своего царствованія старался участвовать въ выраженіяхъ народной привязанности къ основателю имперіи: онъ, въ противоположность Бурбонамъ, поддерживалъ все, что напоминало о Наполеонѣ, и какъ будто хотѣлъ сдѣлать свою династію участницею въ славѣ бывшаго императора. Тьеръ, никогда не скрывавшій своего высокаго мнѣнія о Наполеонѣ, поддерживалъ короля въ его стараніи придать іюльской монархіи блескъ имперіи. Военныя знаменитости временъ имперіи постоянно осыпались отличіями въ Тюльерійскомъ дворѣ великіе памятники искусства въ Парижѣ и въ Версали украшались изображеніями геройскихъ подвиговъ Наполеона; триумфальная арка de l'Etoile превратилась въ памятникъ величія императора; на Вандомской колоннѣ была поставлена статуя «маленькаго капрала» въ той оригинальной одеждѣ и въ той шляпѣ, въ какихъ личность императора представлялась народной фантазіи; а эта статуя была открыта въ годовщину іюльской революціи. Площадямъ, улицамъ, мостамъ давались названія, напоминавшія о побѣдахъ Наполеона; въ національномъ музеѣ въ Версали всѣ искусства соперничали между собою въ стараніи возвеличить имя императора. Бонапартизмъ, распрославленный поэзіей и народными сказаніями, и освященный трагическою кончиною своего героя, сдѣлался политическимъ догматомъ, въ который вѣровало большинство французской націи. Мémorial de St. Hélène находился у всѣхъ въ рукахъ; имя императора звучало въ воинственныхъ и въ элегическихъ пѣсняхъ. Однако еще не было на лице 1833.

достаточно сильной бонапартистской партіи, которая могла-бы водворить принца Луи-Наполеона въ Тюльерійскомъ дворцѣ подобно тому, какъ его дядя когда-то возвратился туда съ триумфомъ изъ своей ссылки.

2. іюльское правительство въ эпоху своего упадка.

Орлеанская династія на вершинѣ своего могущества. Съ 1837 года, казалось, настала для Луи-Филиппа болѣе счастливая пора. Въ концѣ предшествовавшаго года было сдѣлано новое покушеніе на жизнь короля умственно и физически больнымъ юношей по имени Мёнье; оно неудалось и преступникъ былъ наказанъ ссылкой. Моле и Монталиве, больше всѣхъ другихъ государственныхъ людей приходившіеся по вкусу главѣ государства, стояли во главѣ кабинета, а Тьеръ далъ монарху честное слово, что, въ качествѣ вождя лѣваго центра въ палатѣ, не будетъ создавать слишкомъ большихъ затрудненій министерству. Въ Горицѣ, въ Австріи, скончался бывший король Карлъ X, а въ октябрѣ слѣдующаго года сошла въ могилу бывшая королева Голландская, герцогиня Сентъ-Лё, Гортензія, чья Арененбергская вила на берегу Боденскаго озера непрерывно служила сборнымъ мѣстомъ для недовольныхъ Французовъ, между тѣмъ какъ ея сынъ искалъ убѣжища въ Англіи. Дарованная 27 дек. 1836. королемъ по собственному почину, амнистія нѣсколькимъ политическимъ преступникамъ на нѣкоторое время расположила антимонархическія фракціи къ болѣе миролюбивому образу дѣйствій. Въ то же время, одинъ изъ бывшихъ членовъ Священнаго Союза, Пруссійскій король Фридрихъ Вильгельмъ III изъявилъ свое согласіе на бракосочетаніе французскаго наслѣднаго принца съ родственницей Гогенцоллерновъ. Лѣтомъ 1836 года двое старшихъ сыновей Луи-Филиппа предприняли поѣздку въ Берлинъ и были тамъ приняты съ большимъ почетомъ. Пруссійскій министръ иностранныхъ дѣлъ Ансильонъ сообщилъ въ Парижъ, что его государь былъ-бы очень радъ случаю доказать французскимъ принцамъ, какъ глубоко онъ уважаетъ ихъ отца за искусную и мудрую политику, съ которой руководить дѣлами управленія при крайне трудныхъ обстоятельствахъ. Сыновья «короля баррикадъ» нашли болѣе сдержанный пріемъ въ высшемъ обществѣ австрійской столицы, несмотря на то, что производили тамъ хорошее впечатлѣніе своей красивой наружностью. Въ Тюльерійскомъ дворцѣ желали женитьбы наслѣднаго принца на одной изъ эрцгерцогинь и остановили свой выборъ на дочери героя, командовавшаго австрійской арміей въ битвѣ при Ашпернѣ. Графу Сентъ-Олеру, умѣвшему снискать личное расположеніе австрійскаго императора, было поручено уладить этотъ бракъ; сама эрцгерцогиня не обнаруживала противодѣйствія. Но оппозиція легитимистовъ одержала верхъ.

Задуманный брачный союзъ съ принцессой Габсбургскаго дома не состоялся. Тѣмъ успѣшнѣе была попытка, сдѣланная на сѣверѣ. Племянница бывшей Прусской королевы Луизы, Елена Мекленбургъ-Шверинская, отличавшаяся своей образованностью и личными качествами столько-же, сколько своимъ происхожденіемъ и знатностью своего рода, отложила въ сторону предразсудки легитимизма и согласилась на бракъ наперекоръ предостереженіямъ со стороны родственнаго ей, русскаго царствующаго дома. Она покинула 15 мая 15 мая 1837. свою родину; герцогъ Брольи, окруженный блестящей свитой, встрѣтилъ ее въ Фульдѣ и проводилъ до Фонтенебло, гдѣ были совершены обряды гражданскаго и церковнаго бракосочетанія. Духовенство съ парижскимъ архіепископомъ Квеленомъ во главѣ неодобряло бракосочетанія съ протестантской принцессой; но на это не обратили вниманія ни просвѣщенный король, склонный къ религіозной терпимости, ни раздѣлявшіе его воззрѣнія приближенные, а общественное мнѣніе оказывало имъ поддержку. Были устроены блестящія народныя празднества; былъ открытъ для публики версальскій музей, въ которомъ удивленные зрители могли «читать исторію Франціи въ произведеніяхъ искусства»; городскіе жители и придворные старались превзойти другъ друга расточительною пышностью; іюльская династія еще никогда не пользовалась такою же популярностью, какъ во время лѣтнихъ празднествъ 1837 года. Страшное несчастіе на Марсовомъ полѣ, гдѣ много зрителей лишились жизни среди давки, набросило мрачную тѣнь на общее веселье, но скоро было забыто. Между королевскимъ трономъ и націей установилось единодушіе, внушавшее королю свѣтлыя надежды и самоувѣренность. Это радостное настроеніе еще усилилось вслѣдствіе того, что вскорѣ послѣ перваго брачнаго торжества, и талантливая дочь короля, Марія вышла замужъ за герцога Александра Вюртембергскаго. Такимъ образомъ, Орлеанская династія была принята въ семейный кружокъ легитимныхъ династій и начала внушать Европѣ увѣренность въ своей прочности. Между Бельгіей и Голландіей были устранены послѣднія препятствія къ прочному мирному соглашенію вслѣдствіе того, что король Вильгельмъ рѣшился подчиниться двадцати четыремъ статьямъ лондонской конференціи, устанавливавшимъ пограничную черту между владѣніями бельгійскими и голландскими. Изъ Анконы и изъ церковной области были выведены иностранные гарнизоны; полученное съ юга извѣстіе о взятіи Константины доставило Франціи давно небывалый случай праздновать побѣду. И французскій флотъ дѣйствовалъ успѣшно: эскадра, которою командовалъ Дюпети-Туаръ, принудила республику Гаити уплатить денежное вознагражденіе прежней французской колоніи въ Санъ-Доминго (XIV, 140); другая эскадра, которою командовалъ принцъ Жуанвильскій, завладѣла крѣпостью Санъ-Жуанъ-д'Уллоа въ Мексикѣ и принудила

14 іюня.

17 окт.

эту заморскую республику удовлетворить требованія французскихъ подданныхъ.

- 17 дек. 1838. Однако, палата депутатовъ, открывшая свои засѣданія въ декаб-
Министерство рѣ, создавала не мало затрудненій для министерства Моле, служив-
Моле и палата шаго вѣрнымъ органомъ для воли короля. Въ ея составъ входило
депутатовъ. такъ много выдающихся ораторовъ и государственныхъ людей съ
самыми разнообразными политическими убѣжденіями, что этотъ пе-
ріодъ считается временемъ процвѣтанія монархическаго режима съ
парламентскими учрежденіями. Но члены оппозиціи далеко не сходи-
лись ни въ своихъ воззрѣніяхъ, ни въ своихъ цѣляхъ: легитимис-
тами руководилъ Беррье, отличавшійся ораторскими дарованіями,
благозвучнымъ сильнымъ голосомъ и аристократическими манерами;
вышедшіе изъ школы Лафайета, радикалы и республиканцы Дюпонъ-
де-л'Ёръ, Могенъ, Мишель-де-Буржъ, Лафиттъ, маршалъ Клозель,
Гарнье-Паже, а послѣ ранней смерти этого послѣдняго Ледрю-Рол-
ленъ возставали противъ «личнаго» управленія Луи-Филиппа на
основаніи тѣхъ-же доводовъ, на какіе ссылалась оппозиція во вре-
мена реставраціи; «династическая лѣвая» подчинялась вліянію Оди-
лона Барро,—того искуснаго вождя «стыдливыхъ республиканцевъ»,
обращаясь къ которому однажды воскликнулъ Ройе-Колларъ: «Я
зналъ васъ еще сорокъ лѣтъ тому назадъ; въ то время ваше имя
было Петіонъ»; къ этимъ разнохарактернымъ членамъ оппозиціи
присоединялась при обсужденіи важныхъ вопросовъ средняя группа,
въ которой были самыми вліятельными членами «теоретикъ призрач-
ной королевской власти» Тьеръ, Дювержье-де-Гораннъ, Ремюза. Бла-
годаря такому пестрому составу оппозиціи, правительственная пар-
тія,—поддерживавшая дѣловитаго практически-опытнаго потомка того
отважнаго члена парламента Матьё Моле, который прославился во
времена фронды, — постоянно располагала большинствомъ голосовъ.
даже въ тѣхъ случаяхъ, когда фракція доктринёровъ, группировав-
шаяся вокругъ Гизо, Дюпена, Дюфора и политико-эконома Пасси,
отдѣлялась отъ большинства, чтобъ отстаивать свои собственные
воззрѣнія. Даже когда честолюбивые члены умѣренной оппозиціон-
ной партіи составили коалицію противъ системы управленія Моле,
президентъ министерства сто тридцать пять разъ возражалъ своимъ
противникамъ во время бурныхъ двѣнадцати-дневныхъ преній объ
адресѣ и съумѣлъ отразить всѣ нападенія съ искусствомъ и муже-
ствомъ полководца. Но одержанная имъ побѣда была похожа на
побѣду Пирра: онъ вынесъ изъ борьбы разодранное на куски знамя.
- 2 февр. 1839. Огорченный незначительностью большинства, онъ распустилъ пала-
ту, а когда оппозиціонная партія оказалась еще болѣе многочислен-
ной въ новой палатѣ, онъ подалъ въ отставку. Королю было неже-
лательно разстаться съ такимъ министромъ, который былъ ему со-
вершенно по сердцу. Но этотъ разумный знатокъ въ людяхъ, ясно
- 8 марта.

видѣлъ, что изъ враждовавшихъ между собою группъ оппозиціи нѣтъ возможности составить однородное министерство, что ни поборникъ «парламентскаго единовластія» Тьеръ, ни несговорчивый доктринёръ Гизо не будутъ въ состояніи организовать такое министерство, которое придерживалось-бы неизмѣнныхъ принциповъ. Поэтому, чтобъ выиграть время, онъ снова назначилъ маршала Сульта номинальнымъ президентомъ кабинета. Онъ вступилъ въ переговоры съ Тьеромъ, съ Гизо, съ Дюпеномъ и вовсе не былъ недоволенъ тѣмъ, что, послѣ непродолжительныхъ попытокъ и колебаній, каждый изъ этихъ государственныхъ людей отказался отъ возложенной на него задачи. Такимъ образомъ, Луи-Филиппъ достигъ господствующаго положенія, которое не измѣнилось и послѣ того, какъ составилось новое министерство, въ которое не вошелъ ни одинъ изъ вождей политическихъ партій: въ его составъ вошли, подъ предсѣдательствомъ Сульта, второстепенные государственные люди, какъ Тестъ, Дюшатель, Пасси, Дюфоръ, Виллеменъ. Эта быстрая развязка министерскаго кризиса была вызвана происшедшимъ 12 мая возстаніемъ 12 мая 1839. коммунистовъ.

То было вызванное раздраженіемъ мнѣніе, что исторія новаго времени есть исторія тайныхъ обществъ; однако въ немъ найдетъ не- Возстаніе коммунистовъ въ 1839 году. Май 1838.

большую долю правды тотъ, кто будетъ имѣть въ виду преимущественно событія, совершившіяся во Франціи и на обоихъ южно-европейскихъ полуостровахъ. Весной 1838 года былъ открытъ новый заговоръ противъ жизни короля прежде чѣмъ былъ приведенъ въ исполненіе, а виновники его—Губертъ, швейцарскій механикъ Штёбль, составившій планъ сооруженія новой адской машины, и экзальтированная республиканка Лаура Грувелль—были наказаны частію ссылкой, частію тюремнымъ заключеніемъ. Это нисколько не утратило мастеровъ въ искусствѣ составленія заговоровъ—Бланки, Барбеса, Бернара; въ своихъ брошюрахъ и въ средѣ тайныхъ обществъ («семейнаго общества» и «общества временъ года») они не переставали рекомендовать убійство тирана, чтобъ посредствомъ внезапнаго возстанія произвести соціальную и радикальную революцію. Ихъ отвага и самоувѣренность усилились во время министерскаго кризиса, по видимому, ослабившаго энергію правительства. Скрывшіеся подъ таинственными именами, заговорщики напали съ оружіемъ въ ру- 12 мая 1839.

кахъ на зданіе судебной палаты и на городскую ратушу, завладѣли ими, убили нѣсколькихъ часовыхъ, построили нѣсколько баррикадъ и провозгласили низложеніе короля и учрежденіе республики. Но этимъ и ограничилось ихъ предпріятіе, такъ какъ они не нашли поддержки со стороны парижскаго городского населенія. Послѣ того, какъ въ рядахъ мятежниковъ и въ рядахъ войскъ было убито и ранено нѣсколько человѣкъ, виновники мятежа были арестованы и присуждены палатой пэровъ частію къ смертной казни, частію къ

ссылкѣ, частію къ тюремному заключенію. Но главные зачинщики заговора Барбесъ и Бланки избѣгнули смертной казни: они были осуждены на пожизненное тюремное заключеніе. Благодаря событіямъ слѣдующихъ лѣтъ, они получили свободу, но привычка составлять заговоры сдѣлалась для нихъ второй натурой и при всякомъ хорошо организованномъ правительствѣ ихъ снова ожидали тюрьма и ссылка. Однако это не были люди низкаго характера; въ особенности Ар-

Барбесъ. манъ Барбесъ былъ безупреченъ въ своей домашней жизни, даже
1809—1870. обнаруживалъ рыцарскія и религіозныя чувства. Выпущенный на свободу при второй имперіи, онъ, въ качествѣ яраго республиканца, не захотѣлъ помилованія отъ монархическаго главы государства и умеръ въ Гагѣ добровольнымъ изгнанникомъ. Декорированный іюльскій боецъ и фанатическій демократъ Бланки былъ мастеръ во всемъ,
1805—1881. что касалось организаціи заговоровъ, тайныхъ обществъ и возстаній, но побудительныя причины и цѣли его предпріятій были болѣе низки, чѣмъ у Барбеса.

Министерство Луи-Филиппъ постарался упрочить систему «личнаго управленія»,
Тьера и ожиданія войны. пользуясь тѣмъ, что министерство составилось изъ людей вполнѣ ему преданныхъ. Но этимъ онъ не принесъ пользы странѣ. Мы да-
лѣе увидимъ, что онъ до такой степени перепуталъ нити иностран-
ной политики, что война казалась болѣе чѣмъ когда либо неизбѣж-
ной и что восточныя затрудненія были улажены такимъ способомъ,
который очень ослабилъ вліяніе Франціи за-границей. Горячія пре-
нія, вызванныя въ палатѣ депутатовъ предложеніемъ назначить еже-
годное содержаніе въ пять сотъ тысячъ франковъ второму сыну
короля, герцогу Немурскому, по случаю его обрученія съ нѣмецкой
принцессой изъ дома Кобурговъ, и усилившіяся замѣшательства на
1 марта 1840. востокѣ имѣли послѣдствіемъ отставку министерства 12 мая и на-
значеніе Тьера главою кабинета. Въ то-же время Гизо былъ назна-
ченъ посланникомъ въ Лондонъ вмѣсто Себастіани, очень любимаго
въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Тогда стала угрожать опасность европей-
скому миру, такъ долго остававшемуся ненарушимымъ. Во Франціи
общественное мнѣніе желало войны; на Рейнѣ, въ верхней Италиі,
въ Бельгіи ожидали возобновленія революціонныхъ вспышекъ 1793 г.
кто со страхомъ, кто съ радостными надеждами. Петербургское пра-
вительство желало всеобщей европейской войны для того, чтобъ
задушить революцію въ ея колыбели. Все это не нравилось королю.
Попытка бонапартистскаго возстанія и покушеніе республиканскаго
15 окт. фанатика Дармеса на жизнь короля ясно доказывали, какъ было-бы
опасно для іюльской династіи разнуздывать воинственныя страсти
народа. Поэтому Луи-Филиппъ предпочелъ не вмѣшиваться въ восточ-
ныя дѣла и разогнать опасенія войны, перемѣнивши составъ мини-
стерства. Когда Дармесъ расплачивался на эшафотѣ за свое пре-
ступленіе, Тьеръ уже давно пересталъ быть министромъ.
31 мая 1841.

Въ то время была сдѣлана бонапартистами новая попытка возстанія. Второе возста-
 Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Америкѣ, Луи-Наполеонъ не бонапар-
 торопливо возвратился въ Арненбергъ къ смертному одру своей ма- тистовъ.
 тери († окт. 1837), а потомъ, чтобъ не причинять никакихъ не- Племянникъ и
 пріятностей Швейцарскому Союзу въ виду угрожающаго образа дѣй- прахъ дядюшки.
 ствій Франціи и другихъ великихъ державъ, онъ добровольно пере-
 селился въ Лондонъ, «гдѣ одной ногой онъ постоянно находился въ
 обществѣ свѣтскихъ людей и знатныхъ любителей спорта, а другой
 ногой въ обществѣ занимавшихся заговорами карбонаріевъ». Когда
 затрудненія, возникшія на востокѣ во время втораго министерства
 Тьера, пробудили во французской націи ея воинственные наклонности,
 правительство и законодательство оживили заглохшія воспоминанія
 объ имперіи, а Тьеръ исходатайствовалъ у англійской націи дозво-
 леніе перевезти смертные останки императора съ острова св. Елены
 въ Парижъ, тогда настала, по мнѣнію Луи-Наполеона, благопріятная
 минута для новой попытки свергнуть іюльскую династію. Онъ нашелъ
 себѣ помощниковъ въ лицѣ своихъ страсбургскихъ сообщниковъ
 Водре, Паркена и Персины, къ которымъ присоединились генераль
 Монтолонъ, жившій вмѣстѣ съ императоромъ на островѣ св. Елены,
 и полковники Вуазенъ, Лабордъ и др.; онъ вступилъ въ тайное со-
 глашеніе съ нѣсколькими офицерами высшаго ранга—съ уволеннымъ
 майоромъ генеральнаго штаба Дуффъ де-Мезонаномъ, съ командовав-
 шимъ въ Лиалѣ, генераломъ Маньяномъ, и даже, можетъ быть, съ мар-
 шаломъ Клозелемъ, и высадился подлѣ Булони, гдѣ нѣсколько заговорщи- 6 авг. 1840.
 ковъ собрались вокругъ него и попытались завладѣть городомъ и ка-
 зармами. Встрѣтивши сопротивленіе и со стороны гарнизона и со сто-
 роны городскихъ жителей, Луи-Наполеонъ повернулъ, вмѣстѣ съ своими
 сообщниками, спину колоннѣ, воздвигнутой въ честь «великой арміи» и
 вскочилъ въ лодку съ намѣреніемъ возвратиться въ Англію. Но лодка
 опрокинулась; національная гвардія стала стрѣлять въ людей, упав-
 шихъ въ воду; многіе изъ нихъ были ранены и даже мундиръ на
 принцѣ былъ разорванъ пулями; но дѣло кончилось тѣмъ, что всѣ
 мятежники были арестованы. Луи Наполеонъ былъ преданъ суду
 палаты пэровъ; онъ ссылался на свое наследственное право, осно-
 ванное на томъ всеобщемъ народномъ голосованіи, которое когда-то
 возвело его дядю на императорскій престолъ; но ни его собственные
 оправданія, ни блестящая рѣчь Беррье, избраннаго имъ въ защит-
 ники, не могли смягчить судебного приговора. Пэры приговорили его 6 окт.
 самого къ пожизненному тюремному заключенію, а его сообщниковъ
 къ болѣе или менѣе продолжительному аресту или къ ссылкѣ. Затѣмъ
 Луи-Наполеонъ былъ отправленъ въ тюрьму въ Гамбъ и запертъ въ
 той самой комнатѣ, въ которой ранѣе его содержался Полиньякъ.
 Тогда много смѣялись надъ безразсуднымъ предпріятіемъ император-
 скаго племянника, надъ театральной обстановкой высадки, во время

15 дек.

которой леталъ надъ головою претендента живой орелъ, и надъ высокопарными прокламаціями, написанными во вкусъ дядюшки. Однако Луи-Наполеонъ не только доказалъ, что еще никто не позабылъ умершаго императора, — смертные останки котораго были около того времени перевезены въ Парижъ на французскомъ фрегатѣ принцемъ Жуанвильскимъ, Бертраномъ, Гурго, Ласъ-Казесомъ и Маршаномъ для того, чтобъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ быть торжественно погребенными въ Домъ Инвалидовъ со всѣми военными почестями, — но онъ также доказалъ, что еще есть на свѣтѣ живые наслѣдники имени императора, и что «Наполеоновскія идеи» коренятся въ душѣ его племянника, какъ это объяснялось въ сочиненіи, которое Луи-Наполеонъ написалъ, живя изгнанникомъ въ Лондонѣ.

Луи-Наполеонъ
спасается бѣг-
ствомъ въ
Лондонъ.

Май 1846.

Въ теченіе почти шести лѣтъ сидѣлъ Луи-Наполеонъ подъ замкомъ. Онъ тщетно обращался къ королю съ вѣжливымъ письмомъ, въ которомъ просилъ освободить его изъ-подъ ареста для того, чтобъ онъ могъ посѣтить во Флоренціи своего умирающаго отца. Отъ него потребовали формальнаго изъявленія покорности, просьбы о помилованіи и обѣщанія впредь ничего не предпринимать противъ царствующей династіи. Но въ то время, какъ производились починки въ тюремномъ зданіи, ему удалось переодѣться рабочимъ и, при содѣйствіи его доктора Ковно, спастись бѣгствомъ въ Англію.

Министерство
Сульта и Гизо.
Агитація за
избирательную
реформу.
29 окт. 1840.

Подъ номинальнымъ президентствомъ маршала Сульта руководилъ иностранной политикой вмѣсто Тьера Гизо, утратившій на своемъ посланническомъ посту въ Лондонѣ всѣ свои воинственные помыслы и свою склонность къ оппозиціи. Министерство, составившееся 29 октябрю, было совершенно во вкусъ Луи-Филиппа: оно чистосердечно помогало ему приготовить мирную развязку смутѣ, возникшихъ въ Оттоманской имперіи, и успокоить взволнованные умы внутри Франціи. Вѣдь королю причиняли много заботъ радикалы и уличные демократы, высокомерно поднимавшіе голову при слухахъ о предстоявшей войнѣ. Для достиженія тѣхъ двухъ цѣлей правительство могло рассчитывать на поддержку со стороны парламентскаго большинства. Землевладѣльцы, крупные промышленники и аристократическіе негоціанты, составлявшіе большинство въ палатѣ депутатовъ, не питали никакого расположенія ни къ войнѣ, ни къ революціоннымъ движеніямъ. По этой причинѣ постоянно усиливалась агитація въ пользу парламентской реформы. Въ печати, на сходкахъ и въ петиціяхъ, покрытыхъ безчисленными подписями, требовалось расширение избирательныхъ правъ и устраненіе тѣхъ стѣснительныхъ правилъ, которыя ограничивали число избираемыхъ, — требовалось пониженіе ценза избирателей и допущеніе умственной аристократіи и офицеровъ національной гвардіи къ участию въ выборахъ, хотя-бы

они и не уплачивали налоги въ размѣрѣ двухъ сотъ франковъ. Радикалы и социалисты даже требовали права подачи голосовъ для всѣхъ гражданъ или съ двойной системою выборовъ или съ выборами по прямому народному голосованію. Движеніе въ пользу парламентской реформы имѣло своихъ представителей даже въ нижней палатѣ въ лицѣ вождей лѣвой стороны Гарнье-Паже, Араго, Лафитта, Дюпона, Одиллона Барро. Во всѣхъ большихъ городахъ устраивались агитаторами банкеты. Лозунгомъ дня сдѣлались слова: Да здравствуетъ реформа! Ламеннэ, отказавшійся отъ вѣры въ непогрѣшимость папы и увѣровавшій въ непогрѣшимость демократіи, усилилъ волненіе народныхъ умовъ изданіемъ брошюры, въ которой горячо нападалъ на владычество оптиматовъ. Даже Кинэ поддѣлывался подъ тонъ демагоговъ въ своемъ «Предостереженіи къ народу». Застой въ торговлѣ, забастовки рабочихъ и введенныя министромъ финансовъ Гуманномъ строгія мѣры для взысканія податей усилили тревожное состояніе умовъ и недовольство. Въ нѣкоторыхъ городахъ дѣло дошло до вспышекъ мятежа и до уличной борьбы съ войсками. Однако, всѣ проекты парламентской реформы отвергались палатой депутатовъ. Парламентское большинство не хотѣло ослаблять своего господствующаго положенія, а «правительство сопротивленія», — какъ прозвали министерство 29 октября, — раздѣляло убѣжденіе короля, что движеніе въ пользу парламентской реформы вызвано небольшимъ числомъ недовольныхъ и что въ его нѣдрахъ кроется желаніе республики.

Это убѣжденіе не было вполне неосновательнымъ. Къ антимонар- Энергическія
хической партіи прогресса примыкали члены тайныхъ обществъ съ мѣры противъ
своими социалистическими и коммунистическими цѣлями. Если-бы имъ демагоговъ.
удалось, путемъ парламентской реформы, осуществить на практикѣ принципъ народного верховенства и всеобщей подачи голосовъ, то они могли-бы достигнуть учрежденія демократической республики и за тѣмъ приступить къ введенію своей социалистической системы. Поэтому министерство принимало энергическія мѣры противъ главныхъ агитаторовъ. Ламеннэ былъ приговоренъ судомъ присяжныхъ къ тюремному заключенію на одинъ годъ и къ уплатѣ денежнаго штрафа; адвокатъ Ледрю-Ролленъ, выбранный на мѣсто умершаго (28 іюня 1841) Гарнье-Паже вождемъ оппозиціи въ палатѣ депутатовъ, поплатился четырехъ-мѣсячнымъ арестомъ и денежнымъ штрафомъ въ три тысячи франковъ за демагогическую рѣчь, которую произнесъ передъ избирателями; оппозиціонныя газеты подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ. Новыя событія усилили волненіе умовъ и разожгли партійныя страсти. Въ то время, какъ возвратившійся изъ Африки, герцогъ Омальскій проѣзжалъ верхомъ по парижскимъ 13 сент. 1841.
улицамъ во главѣ своего полка вмѣстѣ съ своими двумя старшими братьями, въ нихъ сдѣланъ былъ выстрѣлъ въ предмѣстіи Сентъ-Антуанъ. Виновникомъ этого преступленія былъ членъ одного тайнаго

Дек. общества, работникъ Кениссе; палата пэровъ присудила его къ смертной казни, но король замѣнилъ это наказаніе пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ; и редакторъ газеты *Journal du Peuple*, Дюпоті былъ, на основаніи очень недостаточныхъ уликъ, приговоренъ къ пятилѣтнему тюремному заключенію за нравственное соучастіе въ преступленіи.

Смерть наслѣд-
наго принца и
законъ о ре-
гентствѣ.

13 іюля 1842.

Мрачное настроеніе умовъ, вызванное политическими событіями, было доведено до крайности страшнымъ извѣстіемъ о кончинѣ наслѣд-наго принца. Герцогъ Орлеанскій, на котораго нація возлагала всѣ свои надежды, выскочилъ изъ экипажа въ то время, какъ на дорогѣ въ Нёлы его понесли лошади; при этомъ онъ такъ расшибся, что по прошествіи нѣсколькихъ часовъ испустилъ духъ въ сосѣднемъ домѣ лавочника. Королевское семейство не могло понести болѣе тяжелой утраты и не смотря на то, что въ сердцѣ націи не было глубокой привязанности къ Луи-Филиппу, печаль была всеобщей, глубокой и искренней. Герцогу Орлеанскому былъ только тридцать одинъ годъ и онъ былъ самымъ популярнымъ изъ всѣхъ королевскихъ сыновей. Тотъ день, въ который перевозили трупъ принца въ семейный склепъ Орлеанскаго дома въ Сень-Дени, былъ днемъ траура для всей Франціи. Такъ какъ графъ Парижскій, сдѣлавшійся, вслѣдствіе смерти своего отца, наслѣдникомъ престола, былъ еще ребенкомъ, то пришлось прибавить къ конституціи законъ о регентствѣ на случай, если-бы Луи-Филиппъ кончилъ жизнь до совершеннолѣтія своего внука. Поэтому правительство внесло въ новую палату законопроектъ, возлагавшій обязанности регента на второго сына Луи-Филиппа, герцога Немурскаго, а вдовѣ умершаго принца, Еленѣ Мекленбургской поручавшій руководить воспитаніемъ ея дѣтей и завѣдывать ихъ частной собственностью; этотъ законопроектъ былъ утвержденъ значительнымъ большинствомъ голосовъ послѣ того, какъ было произнесено не мало напыщенныхъ рѣчей. Лишь очень немногіе изъ депутатовъ высказались за предложеніе назначить будущей регентшей овдовѣвшую принцессу, которую очень уважалъ и любилъ народъ, но къ которой всегда относились въ Тюльерійскомъ дворцѣ съ сдержанною холодною и съ недовѣріемъ; не встрѣтило поддержки и предложеніе новаго народнаго трибуна Ледрю-Роллена предоставить народному голосованію разрѣшеніе вопроса о регентствѣ. Новый законъ, утвержденный парламентомъ согласно съ правительственнымъ проектомъ, былъ обнародованъ 30 августа 1842.

Исчезнувшая
увѣренность
въ прочности
династіи.

Но какъ ни была тверда опора, которую постоянно находило правительство въ парламентскомъ большинствѣ, Луи-Филиппъ утратилъ, послѣ смерти наслѣднаго принца, увѣренность въ прочности своей династіи. Поддерживавшіе министерство, члены палаты депутатовъ не пользовались народнымъ довѣріемъ, а нѣкоторые изъ нихъ навлекли на себя подозрѣніе въ томъ, что пользуются своимъ общественнымъ положеніемъ для достиженія своихъ корыстолюбивыхъ цѣлей или для

доставленія матеріальныхъ выгодъ своимъ родственникамъ и друзьямъ; напротивъ того, члены парламентской оппозиціи—въ особенности Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ, все болѣе и болѣе примѣшивавшіе къ своимъ демократическимъ воззрѣніямъ социалистическія теоріи, подчиняясь вліянію Луи-Блана,—считались настоящими представителями народа, а ежедневная пресса и въ особенности юмористическія изданія въ родѣ «Шаривари» постоянно старались подкапываться подъ авторитетъ правительственной власти. Душевное настроеніе короля сдѣлалось еще болѣе мрачнымъ послѣ того, какъ старый лѣсничій Леконтъ подкараулилъ его въ лѣсу подлѣ Фонтенебло и попытался 16 апр. 1846. убить его,—за что былъ приговоренъ палатой пэровъ къ смерти и былъ казненъ. Онъ сталъ рѣдко выѣзжать изъ Тюльерійскаго дворца; но даже когда онъ вышелъ на балконъ дворца въ годовщину іюльской революціи, въ него были сдѣланы два выстрѣла изъ пистолета однимъ полусумасшедшимъ рабочимъ. Чтобъ предохранить и самого себя и свою династію отъ всякихъ неожиданныхъ переворотовъ, Луи-Филиппъ воспользовался воинственнымъ настроеніемъ умовъ въ 1840 году для того, чтобъ осуществить, при содѣйствіи президента министерства Тьера, свой любимый проектъ сооруженія укрѣпленій вокругъ всего Парижа подъ предлогомъ защиты столицы отъ внѣшнихъ враговъ, а на самомъ дѣлѣ для подавленія демократическихъ и республиканскихъ возстаній: вѣдь при строгой централизаціи управленія, дѣлавшей изъ Парижа средоточіе всей политической дѣятельности, господство надъ столицей, по видимому, обезпечивало господство и надъ всей страной. На этотъ предметъ были израсходованы громадныя суммы, которыхъ было-бы достаточно для того, чтобъ покрыть всю Францію сѣтью желѣзныхъ дорогъ; но нѣсколькихъ февральскихъ дней 1848 года было достаточно для того, чтобъ доказать, что нельзя полагаться ни на укрѣпленія, ни на военную силу, если тронъ не поддерживаютъ любовь и преданность народа. Нѣсколько небольшихъ отрядовъ возмущившихся рабочихъ, построившихъ нѣсколько баррикадъ, не могли-бы произвести радикальнаго государственнаго переворота, еслибы іюльское правительство не уклонялось все болѣе и болѣе отъ либеральныхъ принциповъ іюльской революціи, если бы оно не покровительствовало только людямъ раболѣпнымъ и денежнымъ аристократамъ, отталкивая отъ себя многочисленное среднее сословіе, въ которомъ сосредоточиваются силы народныхъ массъ. Во время неоднократно возобновлявшейся борьбы между университетомъ и церковью по вопросу о свободѣ преподаванія и о правительственномъ надзорѣ, правительство только съ виду удовлетворило желаніе либеральной и интеллигентной части населенія закрыть іезуитамъ доступъ въ учебныя заведенія. (Стр. 43).

29 іюля.

1845.

Обновленіе личнаго состава палаты депутатовъ не возбуждало общаго интереса, потому что при выборѣ депутатовъ не всей на-

Настроеніе народныхъ умовъ.

ціей, а небольшою ея частію, состоявшею изъ богатыхъ буржуа, нельзя было ожидать никакихъ существенныхъ переменъ; народъ отнесся равнодушно и къ извѣстію о перемѣнѣ министерства: вѣдь государственнымъ механизмомъ руководила все одна и та же неизмѣнная мысль, все равно кто бы ни стоялъ у кормила правленія—Гизо или Моле; а похвальными статьями газеты *Débats* восхищались лишь тѣ немногочисленные читатели, которымъ была выгодна тогдашняя система правленія; всѣ остальные читали оппозиціонныя газеты—или главный органъ высокопарнаго оратора палаты депутатовъ, Ламартина, газету Жирардена *Presse*, или газету Армана Марраста *National*, въ которой излагали свои воззрѣнія такіе старые либералы, какъ Араго, Лафиттъ, Дюпонъ, или *Gazette de France*, направленіемъ которой руководили два выдающихся оратора—потомокъ знаменитой вандейской фамиліи Ларошъ-Жакеленъ и знатокъ ораторскаго искусства Беррье, или газету *Réforme*, служившую органомъ для радикальныхъ республиканцевъ; большинство населенія съ злорадствомъ замѣчало, что почти всѣ государственные люди, окружавшіе тронъ Луи-Филиппа, мало по малу утрачивали уваженіе народа и оказывались негодными для правительственной дѣятельности; оно съ удовольствіемъ читало брошюры Ламеннэ, Корменена и др., рѣзко нападавшихъ на систему управленія, или-же впитывало въ себя тотъ ядъ непристойныхъ романовъ и театральныхъ пьесъ, который предлагался ему подъ видомъ умственной пищи. «Франція скучаетъ»,—однажды сказалъ Ламартинъ въ палатѣ депутатовъ. Это была вѣрная характеристика настроенія народныхъ умовъ. Эту склонность къ равнодушію и къ скукѣ лишь ненадолго разогнали ораторскія битвы, возникшія въ палатѣ депутатовъ по случаю того, что нѣсколько сотъ французскихъ легитимистовъ воспользовались притѣсненіемъ претендента графа Шамбора въ Лондонѣ для выраженія «королю Генриху V» своихъ вѣрноподданныхъ чувствъ и были за это названы въ адресѣ палаты людьми «заклеймившими себя позоромъ». Французамъ доставили удовольствіе насмѣшки и упреки, сыпавшіеся во время парламентскихъ преній со скамей оппозиціи на Гизо за то, что онъ когда-то посѣтилъ легитимнаго короля, жившаго изгнанникомъ въ Гентѣ, а общественное мнѣніе никогда не могло простить этому министру, болѣе всего дорожившему милостивымъ расположеніемъ короля, его высокомѣрнаго заявленія, что оскорбительныя насмѣшки его противниковъ никогда не достигнутъ высоты его презрѣнія. Въ то время, когда вслѣдствіе плохого урожая вздорожали всѣ сѣбствыя припасы и самый бѣдный классъ населенія былъ доведенъ голодомъ до отчаянія, обнаружилось такъ много доказательствъ подкуповъ, хищничества и глубокой нравственной испорченности въ правительственныхъ сферахъ и въ кружкахъ депутатовъ, что чувство негодованія проникло во всѣ слои общества.

Янв. 1844.

Это негодование было выражено въ очень рѣзкой формѣ Жирарде-
номъ въ его газетѣ *Presse*. Правительство вознамѣрилось предать
смѣлаго журналиста суду палаты пэровъ, но для этого требовалось
предварительное разрѣшеніе палаты депутатовъ. По этому случаю
Жирарденъ осыпалъ правительство такими обвиненіями, что оппози-
ція потребовала производства слѣдствія. Но большинство палаты
признало возраженія министровъ удовлетворительными и перешло Янв. 1847.
къ очереднымъ дѣламъ, скорѣй усиливъ, чѣмъ ослабивъ общее не-
довѣріе къ правительству. Тогда оппозиціонныя газеты стали пре-
слѣдовать оскорбительными насмѣшками тѣхъ, «кто считалъ себя
удовлетвореннымъ». Около того времени скончалась принцесса 1 янв. 1847.
Аделаида,—эта разумная совѣтница короля, которой онъ повѣрялъ
всѣ свои самые тайные помыслы, и мнѣнію которой онъ придавалъ
очень большой вѣсъ; это была невознаградимая утрата для Луи-
Филиппа, который всегда находилъ въ своей сестрѣ непоколебимую
преданность. Она въ теченіе сорока лѣтъ жила въ бездѣтномъ бракѣ
съ адъютантомъ короля, генераломъ Атталиномъ. Ея состояніе пе-
решло послѣ ея смерти къ тремъ младшимъ сыновьямъ Луи-Филиппа.

Посредникъ въ переговорахъ объ испанскихъ бракахъ, графъ Брессонъ Мнѣніе принца
лишилъ себя жизни въ Неаполѣ; когда принцъ Жуанвильскій узналъ объ Жуанвильскаго
этомъ, онъ, подъ вліяніемъ негодованія на Луи-Филиппа, написалъ своему о положеніи
брату, герцогу Немурскому замѣчательное письмо, въ которомъ говорилъ дѣль.
слѣдующее: „Король непреклоненъ; онъ не слушаетъ ничьихъ совѣтовъ;
все должно дѣлаться по его личной волѣ. Министры ничего не значутъ;
ихъ отвѣтственность—пустое слово. Все исходитъ отъ короля. Онъ достигъ
того возраста, въ которомъ люди не выносятъ никакихъ возраженій. Наше
положеніе очень не хорошо. Положеніе нашихъ финансовъ послѣ семнад-
цати лѣтъ мира вовсе не блестяще; во внѣшней политикѣ мы не достигли
ни одного успѣха, который могъ-бы доставить національному самолюбію
хоть какое нибудь удовлетвореніе, и съ помощію котораго можно-бы было
отвлечь общее вниманіе отъ серьезныхъ внутреннихъ золъ. Мы являемся
передъ палатами при крайне жалкомъ положеніи внутреннихъ дѣлъ и при
такомъ положеніи внѣшнихъ дѣлъ, которое несколько не лучше. Все это—
дѣло короля, послѣдствіе его преклонныхъ лѣтъ; онъ хочетъ самъ управ-
лять государствомъ, но ему недостаетъ силъ для мужественныхъ рѣшеній“.

в. внѣшнее положеніе франціи.

1. Италія и востокъ.

Іюльская революція была для большинства европейскихъ госу-Франція и по-
дарствъ электрическимъ ударомъ, который, въ связи съ холерой и положеніе
страхомъ, одновременно распространившимися въ Европѣ, сбилъ Европы.
съ толку правителей, а высшимъ классамъ помѣшалъ спокойно
наслаждаться жизнью. Обширныя военныя приготовленія, которыя
дѣлались во всѣхъ странахъ, свидѣтельствовали о тревожномъ

положеніи правительствъ. Недовольная существующими порядками, либеральная партія волновалась и въ Нидерландахъ, и въ Польшѣ, и въ Германіи, и въ Италіи: она стремилась къ введенію либеральныхъ реформъ въ государственныхъ учрежденіяхъ, рассчитывая на поддержку со стороны Франціи. Но европейскія державы опасались войны, которая, при тогдашнемъ возбужденіи умовъ, при партійныхъ раздорахъ и при политической зрѣлости народовъ, легко могла-бы перейти въ борьбу изъ-за политическихъ принциповъ и въ междоусобицу; поэтому европейскія правительства сдѣлали нѣкоторыя уступки либераламъ и были-бы принуждены идти еще далѣе путемъ уступчивости, еслибы ихъ не поощрили къ совокупному сопротивленію чрезмѣрныя требованія либераловъ, сопровождавшіяся угрозами, заговорами и не зрѣло обдуманнми возстаніями, и если-бы не разсѣяло ихъ опасеній миролюбивое настроеніе короля буржуазіи, старавшагося возвыситься до одного уровня съ европейскими династіями не съ помощью меча,—какъ это когда-то дѣлалъ императоръ Наполеонъ,—а въ качествѣ «Наполеона мира», съ помощью оружія политики и дипломатіи. Несмотря на то, что сначала во всей Франціи громко высказывалось недовольство націи ненавистными трактатами 1815 года, а революціонная партія стремилась къ расширенію французскихъ границъ со стороны Рейна и савойскихъ Альповъ, миръ и политическое равновѣсіе европейскихъ государствъ не были нарушены благодаря заключенію между Франціей и Великобританіей союза, который былъ плодомъ дипломатической дѣятельности Талейрана. Желавшимъ мира, парижскимъ государственнымъ дѣятелямъ не легко было сдерживать возбужденіе умовъ; общество «друзей народа» отправило въ Брюссель снаряженный на его собственный счетъ, батальонъ; во время преній въ палатѣ депутатовъ объ иностранной политикѣ, президентъ министерства Лафиттъ произнесъ знаменитую рѣчь, настроенную на воинственный тонъ, а одинъ изъ популярныхъ депутатовъ, генералъ Ламаркъ сказалъ: Война — такая крѣпкая мастика, она окружаетъ тронъ такимъ сіяніемъ и придаетъ новой династіи такіе глубокіе корни, что политично желать ее даже тогда, когда къ ней нѣтъ никакихъ поводовъ. Даже Талейранъ отстаивалъ въ Лондонѣ «съ ожесточеніемъ дракона» притязанія Франціи на расширение ея границъ со стороны Бельгіи. Но Пальмерстонъ объявилъ, что Англія горячо желаетъ сохранять хорошія отношенія съ Франціей и жить съ ней въ тѣсной дружбѣ, однако лишь въ томъ предположеніи, что Франція будетъ довольствоваться своими владѣніями, самыми лучшими во всей Европѣ, и не будетъ предпринимать никакихъ территоріальныхъ захватовъ и завоеваній; а Луи-Филиппъ поручилъ своему посланнику Мортемару увѣрить петербургское правительство въ своемъ искреннемъ желаніи мира; все это заставило

1 дек. 1830.

воинственныхъ Парижанъ отказаться отъ требованій вмѣшательства въ пользу возставшихъ народовъ. Признаніе независимости бельгійскаго королевства и срытіе нѣсколькихъ пограничныхъ крѣпостей были единственными выгодами, которыя Франція извлекла изъ іюльской революціи послѣ многолѣтнихъ переговоровъ на лондонской конференціи. Эта дипломатическая кампанія много разъ принимала бурный и воинственный характеръ; но Пальмерстонъ рѣшительно заявилъ, что настойчивое стараніе поддерживать французскую кандидатуру на бельгійскій престолъ,—все равно, будетъ-ли это кандидатура втораго сына Луи-Филиппа, герцога Немурскаго, или кандидатура его племянника, принца Неаполитанскаго,—послужитъ сигналомъ для войны между Англіей и Франціей; тогда парижское правительство сдѣлалось болѣе уступчивымъ и отказалось отъ намѣренія создать побочную вѣтвь Орлеанскаго царствующаго дома. Луи-Филиппъ удовольствовался рѣшеніемъ равномерно удовлетворить и французскіе интересы и англійскіе посредствомъ бракосочетанія его дочери Луизы съ избраннымъ бельгійскимъ королемъ, принцемъ Леопольдомъ Саксенъ-Кобургскимъ, а министерство Перье сломило сопротивление голландскаго короля и его побѣдоносной арміи, отправивши въ Бельгію вспомогательный отрядъ, который, дѣйствуя въ качествѣ «экзекуціонной арміи лондонскаго конгресса», привелъ въ исполненіе постановленныя въ Лондонѣ рѣшенія (XIV, 891). Въ Португаліи англійское министерство не мѣшало Франціи потребовать строгаго удовлетворенія отъ деспотическаго и рабски подчинявшагося волѣ духовенства, дон-Мигуэля, по распоряженію котораго нѣсколько Французовъ были подвергнуты звѣрскому наказанію въ Лиссабонѣ и въ Коимбрѣ; а когда дѣло шло объ отнятіи у клятвопреступнаго узурпатора присвоенной имъ власти, англійское министерство дѣйствовало совместно съ іюльскимъ правительствомъ (XIV, 697). Напротивъ того, Польша была предоставлена своей судьбѣ. Ее не могли предохранить отъ паденія ни дипломатическое заступничество парижскаго министерства, ни народное сочувствіе, выражавшееся въ Парижѣ въ шумныхъ манифестаціяхъ и уличныхъ беспорядкахъ. Польскимъ изгнанникамъ выдавалось денежное вспомоцествованіе изъ государственнаго казначейства и вся французская нація старалась предохранить ихъ отъ матеріальной нужды посредствомъ сбора пожертвованій и учрежденія благотворительныхъ обществъ; и палата депутатовъ высказывала при всякомъ удобномъ случаѣ желаніе спасти польскую національность; но правительство не обращало большого вниманія на выраженія польскихъ симпатій въ особенности потому, что ему создавало много хлопотъ прибытіе многочисленныхъ изгнанниковъ, неимѣвшихъ никакихъ занятій и всегда готовыхъ принять участіе въ революціонныхъ движеніяхъ. Эти изгнанники обыкновенно поступали въ ряды безпокойной демократической партіи, а въ сосѣднихъ съ Франціей

Іюль 1831.

государствахъ разжигали расположеніе къ возстаніямъ. Но всѣ заговоры и попытки возстаній, которые были дѣломъ эмигрантовъ, разсѣявшихся по западной Европѣ, кончались къ ихъ вреду и наполняли новыми мучениками тюрьмы и мѣста ссылки. Нѣмецкіе князья, опасавшіеся французскихъ притязаній на рейнскую границу, искали милостиваго расположенія русскаго правительства; они отвергали мысль о возстановленіи Рейнскаго Союза, которую имъ старалось внушить французское правительство, и помогали русскому императору привязать къ себѣ брачными и родственными узами бѣольшую часть нѣмецкихъ династій. Рѣзкій вызывающій тонъ, которымъ выражался президентъ министерства Брольи въ своихъ сношеніяхъ съ Пруссіей и съ Австріей вслѣдствіе глубокаго сознанія «своихъ добродѣтелей и своей справедливости», помогъ русскому императору тѣснѣе сблизиться съ Германіей и съ сѣверо-восточными государствами для защиты консервативныхъ интересовъ общими силами.

Іюльская революція и итальянскіе патріоты.

Если іюльское правительство и достигло нѣкоторыхъ успѣховъ въ бельгійскихъ дѣлахъ, за то оно потерпѣло нравственное пораженіе въ итальянскихъ дѣлахъ вслѣдствіе своего нерѣшительнаго образа дѣйствій. Съ тѣхъ поръ, какъ революціонныя возстанія въ Неаполѣ и въ Піемонтѣ окончились неудачами, итальянскіе патріоты стали возлагать всѣ свои надежды на Францію. Сколько бѣглецовъ укрылись тамъ отъ опасности попасть подъ военный судъ и за тѣмъ въ темницы, приготовленныя для нихъ на всемъ Апеннинскомъ полуостровѣ и австрійскими властями и мѣстными правителями! Въ царствованіе Карла X, итальянскіе переселенцы и изгнанники посвящали Французовъ въ «искусство составлять заговоры» и въ то-же время поддерживали на своей родинѣ организацію тайныхъ обществъ. Всѣ нити этихъ тайныхъ обществъ сосредоточивались въ рукахъ Лафайета и его единомышленниковъ Дюпонъ де-л'Ёра, Могена и др. Въ Парижѣ былъ организованъ комитетъ итальянскихъ изгнанниковъ, находившійся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ жившими въ Италіи патріотами и руководившій ихъ дѣйствіями. Душою его былъ генуэзскій роженецъ Джузеппе Маццини—человѣкъ очень пріятный въ обхожденіи, обладавшій выдающимися дарованіями литератора и публициста, неутомимо дѣятельный и замѣчательно искусный въ составленіи тайныхъ обществъ: онъ занимался составленіемъ заговоровъ съ пылкимъ рвеніемъ религіознаго миссіонера. Поэтому нисколько неудивительно, что извѣстіе о іюльской революціи возбудило сильныя волненія среди пылкихъ южанъ,—что оно сильно встревожило итальянскихъ правителей, а патріотовъ воодушевило новыми ожиданіями и надеждами! Мы уже ранѣе (XIV, 871) говорили о томъ, что тогда возникли смуты во всей средней Италіи. Въ Болоньѣ было организовано временное правительство, президентомъ котораго былъ Вичини, напомнившій главѣ католической церкви, что его царство не

отъ міра сего; тамъ было вывѣшено на улицахъ публичное объявленіе, въ которомъ говорилось, что благодарное потомство будетъ ставить три дня парижской іюльской революціи на ряду съ шестью днями мірозданія. Романья, Марки и бѣольшая часть городовъ восточной части Церковной области вплоть до Анконы подпали подъ власть инсургентовъ; въ самомъ Римѣ папское правительство съ трудомъ удержало въ своей власти замокъ св. Ангела при помощи добровольцевъ—Транстеверянъ и папскихъ войскъ. На всемъ пространствѣ отъ береговъ По до Мессинскаго пролива обнаруживали свою дѣятельность заговорщики и старые карбонаріи. Богатый и честолюбивый герцогъ Моденскій Францъ IV, когда-то пытавшійся попасть, при содѣйствіи Австріи, въ преемники піемонтскаго короля, теперь сталъ добиваться королевской короны съ помощію революціонной партіи и либеральнаго французскаго правительства. Онъ держался такого образа дѣйствій, что члены тайныхъ обществъ стали считать его своимъ союзникомъ и задумали возложить на него роль исполнителя ихъ революціонныхъ замысловъ; а онъ въ это время оберегалъ на всякій случай путь отступленія подъ охрану Австріи. «Все это было притворствомъ и всѣ обманывали другъ друга». Бонапартисты и мюратисты также были посвящены въ тайны заговорщиковъ. Двое сыновей бывшей голландской королевы Гортензіи участвовали въ заговорахъ, но старшій изъ нихъ скоро умеръ; мать нѣсколько времени жила въ Анконѣ вмѣстѣ съ вторымъ сыномъ, которому судьба предназначала блестящую будущность.

Пока Лафайетъ и Лафиттъ руководили французской политикой, Парижское правительство придерживалось принципа невмѣшательства по отношенію къ событіямъ, совершавшимся на Апеннинскомъ полуостровѣ. Французскій министръ иностранныхъ дѣлъ сказалъ въ палатѣ депутатовъ, что Франція, въ противоположность съ Священнымъ Союзомъ, будетъ охранять либеральныя стремленія, гдѣ-бы они ни проявились, будетъ содѣйствовать ихъ развитію и упроченію. Онъ старался, путемъ дипломатическихъ переговоровъ, отклонить и вѣнское правительство и правителей итальянскихъ отъ всякихъ помысловъ о вмѣшательствѣ. Было рѣшено предоставить каждому изъ итальянскихъ государствъ полную свободу въ дѣлахъ его внутренняго управленія. Даже на временное правительство Болоньи была возложена обязанность не нарушать этого новаго принципа государственнаго права. Оно подчинилось этому требованію въ полной увѣренности, что сила революціонной пропаганды непреодолима и что всѣ Итальянцы будутъ единодушно стремиться къ введенію національнаго государственнаго устройства. Но патріотовъ ожидало горькое разочарованіе. Стремленія къ свободѣ, высказывавшіяся подъ влияніемъ либеральнаго настроенія умовъ въ Парижѣ, не были плодомъ глубокихъ убѣжденій и не были искренни. Поставленные въ

Принципъ невмѣшательства.

затруднительное положеніе, итальянскіе правители ободрились. Въ Туринѣ снова стали ожидать помощи отъ Австріи; герцогъ Моденскій Францъ разрушилъ въ своей столицѣ замыслы заговорщиковъ, принявши строгія мѣры противъ зачинщиковъ возстанія, собравшихся въ домѣ Менотти. Въ виду угрожавшаго изъ Болоньи нашествія революціонеровъ, онъ удалился съ своими должностными лицами въ Венеціанскую область, взялъ съ собою обманутаго имъ, раненаго Менотти для того, чтобъ впослѣдствіи подвергнуть его позорной смертной казни (XIV, 871), а свои либеральныя увлеченія или, вѣрнѣй, свое либеральное лицемѣріе загладилъ введеніемъ тираннической системы террора. Онъ отказался признать Лун-Филиппа королемъ, а впослѣдствіи выдалъ свою дочь за легитимистскаго претендента, графа Шамбора. Новый папа Григорій XVI не былъ въ состояніи подавить возстанія въ подвластныхъ ему провинціяхъ, а когда предписанныя имъ публичныя молитвы и поклоненія мощамъ не вызвали никакого чуда, онъ обратился за помощью къ Австріи. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, Меттернихъ рѣшился, на перекоръ французскому принципу невмѣшательства, исполнить просьбы о помощи, съ которыми обращались къ нему и святой отецъ и спасшіеся бѣгствомъ правители Модены и Пармы.

Образъ дѣйствій Франціи и Австріи по отношенію къ итальянскимъ революціонерамъ.

Мартъ 1831.

Въ Парижѣ и Перье и министръ иностранныхъ дѣлъ произносили воинственные рѣчи; но австрійскій государственный канцлеръ уже догадался, чего въ тайнѣ желалъ французскій король. Онъ осмѣлился нарушить на дѣлѣ тотъ новый догматъ государственнаго права, который признало священнымъ даже временное правительство, стремившееся къ объединенію Италіи, и котораго это правительство не нарушало въ своихъ отношеніяхъ къ инсургентамъ пармскимъ и моденскимъ. Австрійскія войска вступили, подъ начальствомъ генерала Фримона, въ возставшія провинціи. Они завладѣли Моденой, Пармой, Феррарой. Между инсургентами не было единодушія и они стремились къ различнымъ цѣлямъ; они нигдѣ не оказали сопротивленія и обвиняли одни другихъ въ измѣнѣ. Бывшій австрійскій офицеръ Цукки, поставленный революціоннымъ правительствомъ во главѣ арміи патріотовъ, тщетно старался остановить наступательное движеніе Австрійцевъ: неподалеку отъ Римини онъ былъ принужденъ отступить; тогда всѣ возставшія провинціи отъ Болоньи до Анконы были заняты австрійскими войсками. Вожди либераловъ, — точно такъ-же, какъ за десять лѣтъ предъ тѣмъ, — или обратились въ бѣгство, или попали въ тюрьмы. Учрежденное въ Болоньѣ, временное правительство отказывалось помогать моденскимъ и пармскимъ инсургентамъ изъ уваженія къ принципу невмѣшательства, а изъ уваженія къ династическимъ интересамъ Орлеанскаго царствующаго дома оттолкнуло отъ себя бонапартистскихъ принцевъ и заперло ихъ въ Форли, гдѣ старшій принцъ черезъ нѣсколько дней умеръ отъ кори; за тѣмъ оно тщетно взывало къ Франціи о помощи

17 марта 1831.

для поддержанія принципа невмѣшательства. Луи-Филиппъ и его министръ иностранныхъ дѣлъ Себастьяни рѣшительно отказались отъ всякихъ сношеній съ революціонерами. На берегахъ Сены произвело впечатлѣніе утвержденіе Меттерниха, что итальянскія возстанія были исключительно дѣломъ бонапартистовъ и карбонаріевъ, что ихъ подавленія требуютъ въ одинакой мѣрѣ безопасность и интересы какъ Франціи такъ и Австріи. Мягкій образъ дѣйствій австрійскихъ войскъ въ Анконѣ и успокоительные манифесты римской куріи, обѣщавшіе введеніе коренныхъ реформъ и амнистію, послужили оправданіемъ для миролюбивой политики французскаго правительства. Австрійскіе гарнизоны должны были оставаться въ нѣкоторыхъ изъ возмущившихся городовъ только до той минуты, когда мѣстныя правительства усилятъ возстановить внутреннее спокойствіе.

Тѣмъ временемъ должны были съѣхаться въ Римѣ уполномоченные пяти великихъ державъ, чтобы предложить папскому правительству проекты тѣхъ реформъ въ администраціи, въ податной системѣ, въ финансовомъ управленіи и въ судоустройствѣ, введеніе которыхъ считалось европейскими державами необходимымъ для возстановленія порядка въ папскихъ владѣніяхъ. Государственному секретарю кардиналу Бернетти была вручена 21 мая меморія, составленная прусскимъ посланникомъ Бунзеномъ, а французскій посланникъ, изящно образованный, либеральный и къ тому-же религіозный графъ Сентъ-Олеръ настойчиво совѣтовалъ кардиналу ввести изложенныя въ той меморіи, реформы. Но римская курія не имѣла серьезнаго намѣренія вводить реформы и открывать ту «новую эру», которую обѣщала подъ гнѣтомъ необходимости. Напротивъ того, тѣ три милліона скудій, которые она съ трудомъ пашла займы въ Англіи и въ другихъ странахъ, она употребила на вербовку папскихъ войскъ, которыя должны были замѣнить австрійскую армію, удалявшуюся изъ Анконы и изъ легатствъ. Провинціи отказались пускать въ свои города эти войска, пополненныя сволочью различныхъ націй, бандитами и преступниками. Онѣ прекратили уплату податей, организовали національную гвардію и замѣнили папское знамя трехцвѣтнымъ итальянскимъ. Собравшіеся въ Болоньѣ делегаты отъ всей Романьи совѣщались о введеніи конституціи. Римское правительство и не желавшіе уничтоженія прежнихъ злоупотребленій «санфедисты» пришли въ ярость. Кардиналъ Альбани выступилъ противъ мятежниковъ во главѣ новыхъ наемниковъ. Но народная ненависть къ рарацини (папскимъ приверженцамъ) была такъ сильна, что кардиналъ былъ принужденъ отступить не смотря на побѣду, одержанную имъ между Римини и Цезеной. Его солдаты и бандиты совершали въ Форли и въ другихъ городахъ возмутительныя жестокости и злодѣянія, свирѣпствовали въ мирныхъ селеніяхъ и въ мѣстахъ богомолья съ необузданной яростью, такъ что австрійскія войска должны были во-

Папское правительство и инсургенты.

Май 1831.

24 дек.

ротиться, чтобъ защитить папское правительство отъ его собствен-
28 янв. 1832. ныхъ солдатъ. Жители Болоньи встрѣчали Австрійцевъ, какъ спаси-
телей и освободителей.

Занятіе Анко- Эти новыя доказательства могущества Австріи возбуждали зависть.
ны Францу- въ Парижѣ: вѣдь Меттернихъ уже давно стремился къ пріобрѣте-
замп. нію легатствъ. А если бы вѣнскому правительству удалось прі-
обрѣсти, кромѣ давнишняго довѣрія итальянскихъ правителей, и
симпатіи угнетеннаго народа, то кто-же могъ-бы тогда ему помѣшать
подчинить его владычеству весь полуостровъ? Этого не могли допу-
стить ни Перье, ни другіе вліятельные въ Парижѣ государствен-
ные дѣятели. Поэтому была въ тихомолку отправлена изъ Тулона
эскадра съ экспедиціоннымъ отрядомъ, который высадился ночью съ 22
на 23 февраля подлѣ Анконы, неожиданно напалъ на этотъ городъ и
завладѣлъ имъ. Удивленные жители узнали изъ изданной Французами
прокламаціи, что французское правительство вознамѣрилось защитить
ихъ отъ деспотизма и воспротивиться замысламъ Австріи, которая
прикрываетъ обманчивыми обѣщаніями свои старыя стремленія къ
расширенію своихъ владѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ Французы совѣтова-
ли дѣйствовать съ кротостью и съ человеколюбіемъ для того, чтобъ
«свобода не представилась народнымъ взорамъ съ атрибутами Эвме-
ниды». Генералъ Кюбьеръ, которому было поручено исходатайство-
вать отъ папскаго правительства дозволеніе высадить французскія
войска, прибылъ въ Римъ уже послѣ вступленія Французовъ въ
Анкону.

Луи-Наполе- Луи-Наполеонъ Бонапартъ, задержанный нездоровьемъ въ Анконѣ, спас-
онъ Бонапартъ. ся вмѣстѣ съ своей матерью бѣгствомъ черезъ Пизу и Ниццу въ Парижъ,
преодолевши на своемъ пути не мало опасностей. Луи-Филиппъ принялъ
ихъ благосклонно; онъ обѣщалъ дозволить имъ поселиться во Франціи и
даже дозволить принцу вступить на службу въ королевскую армію, если
онъ перестанетъ носить свое имя. Но сыну Гортензіи передалъ свои при-
тязанія на французскій престолъ его братъ, умершій въ Форли; послѣдо-
вавшая вскорѣ послѣ того въ Вѣнѣ смерть герцога Рейхштадтскаго дѣла-
ла Луи-Наполеона главнымъ наслѣдникомъ династическихъ традицій Бона-
партовъ; поэтому онъ не захотѣлъ отказаться отъ связанныхъ съ именемъ
Бонапарта національныхъ чувствъ и воспоминаній. Онъ попросилъ свою
мать показать ему тѣ мѣста, которыя получили выдающееся значеніе въ
исторіи его коронованнаго дяди, какъ напр. Булонь и Мальмезонъ; за
тѣмъ онъ поселился вмѣстѣ съ нею въ Швейцаріи, въ небольшомъ замкѣ
Арененбергѣ, постоянно сохраняя вѣру въ свое высокое призваніе, къ
которому готовился учеными занятіями и упражненіями въ верховой ѣздѣ,
въ фехтованьи, въ плаваньи. Онъ поступилъ артиллерійскимъ офицеромъ
въ милицію кантона Тургау и постоянно поддерживалъ сношенія съ поли-
тическими изгнанниками и съ приверженцами своего дома.

Французы въ Со времени іюльской революціи ни одно событіе не возбудило въ
Анконѣ. Европѣ такого сильнаго волненія, какъ занятіе Французами Анконы.
Европейская война, по видимому, была болѣе чѣмъ когда-либо неиз-

бѣжной. Не только правительства вѣнское, петербургское и берлинское выразили свое неодобрѣніе, но даже въ Лондонѣ торійская оппозиція съ Уэллингтономъ во главѣ осыпала горячими упреками министерство виговъ за то, что своей «сердечной дружбѣ» съ Франціей оно приносило въ жертву независимость святаго отца и интересы Италіи. Папскій государственный секретарь Бернетти предъявилъ протестъ противъ посягательства на верховную власть папы и противъ нарушенія международного права. Даже французскій король и его министръ Себастіани сочли нужнымъ обратиться къ иностраннымъ посланникамъ съ оправдательными объясненіями. Но Перье хладнокровно объявилъ, что Франція не откажется отъ занятаго ею въ Италіи положенія, пока Австрійцы не очистятъ легатствъ. Вскорѣ послѣ того Перье слегъ въ постель, съ которой уже не вставалъ, но французскій гарнизонъ не былъ выведенъ изъ Анконы. Этотъ городъ сдѣлался очагомъ и опорой итальянскаго либерализма, оплотомъ противъ насилій реакціи и противъ австрійскаго протектората. Папа, раздраженный враждебными манифестаціями патріотовъ въ Маркахъ, наложилъ на Анкону интердиктъ; но въ послѣдствіи онъ попытался извлечь для себя пользу изъ совершившагося факта, когда убѣдился, что комендантъ анконской цитадели вовсе не намѣренъ ослаблять авторитетъ папской власти и что французскій посланникъ въ Римѣ намѣренъ отстаивать интересы своего правительства съ крайней умѣренностью и сдержанностью. Къ тому-же, въ Ватиканѣ очень хорошо знали, что подъ заботливостью вѣнскаго правительства о цѣлости и безопасности церковныхъ владѣній кроется желаніе расширить австрійскія владѣнія, а французская политика приняла съ теченіемъ времени такой консервативный характеръ и такъ слабо поддерживала стремленія итальянскихъ прогрессистовъ къ нововведеніямъ, что не угрожала папскому владычеству никакими опасностями. Такимъ образомъ, ничто не мѣшало деспотическому кардиналу Альбани вводить систему угнетеній при содѣйствіи двухъ державъ - покровительницъ. О введеніи общаныхъ реформъ не было и рѣчи. Съ помощью отряда добровольцевъ, раздѣленнаго на центуріи и разбросаннаго по непокорнымъ провинціямъ, папское правительство прибѣгало къ насиліямъ и угнетеніямъ, чтобъ поддерживать «введенный папою порядокъ» и приучать папскихъ подданныхъ къ повиновенію. При такомъ положеніи дѣлъ, натурально, ожили тайныя общества и возобновились заговоры.

† 16 мая
1832.

Шесть лѣтъ стояли Французы въ Анконѣ. Австрійскія и французскія войска почти одновременно очистили папскія владѣнія только тогда, когда въ виду ничѣмъ ненарушаемаго спокойствія иностранная помощь оказалась излишней, а императоръ Фердинандъ обнародовалъ амнистію по случаю своего коронованія въ Миланѣ. Но въ душѣ папскихъ подданныхъ, говоритъ Рутъ, все глубже укоренилось „негодование на нарушеніе пап-

Ноябрь и дек.
1838.

ской куріей данныхъ ею обѣщаній, на гнусную систему реставраціи кардинала Альбани, на жестокости санфедистовъ и центуріоновъ, на непризнаваніе никакихъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ, а вмѣстѣ съ этимъ укоренялось и убѣжденіе въ законности революціи, какъ единственнаго средства избавиться отъ папской тирании. Анкона и послѣ удаленія Французовъ осталась центромъ либерализма“. Въ парижской палатѣ депутатовъ правительству пришлось выслушивать горькіе упреки за то, что, передъ выходомъ французскаго гарнизона изъ Анконы, оно не потребовало никакихъ гарантій въ ненарушимости правъ и свободы папскихъ подданныхъ. По прошествіи девяти лѣтъ папа Пій IX самъ развернулъ знамя политическаго прогресса и либеральныхъ реформъ, и полный надеждъ либерализмъ снова развернулъ свои крылья на всемъ пространствѣ отъ подножія Альповъ до Мессинскаго пролива; но тогда Гизо дѣйствовалъ заодно съ Меттернихомъ, охраняя „консервативные интересы“.

Военныя пред- Міролюбивый образъ дѣйствій іюльскаго правительства по отно-
пріятія іюль- шенію къ европейскимъ государствамъ возбуждалъ сильное недо-
скаго прави- вольство въ націи. Тѣмъ болѣе казалось тюльерійскому правитель-
тельства. ству необходимымъ доставить воинственному духу націи, вдали отъ Европы, поприще, на которомъ можно-бы было совершать геройскіе подвиги и праздновать триумфы. Для этого представляли очень удобный случай съ одной стороны столкновение между оттоманской Портой и Египтомъ, съ другой стороны защита и колонизація алжирской области, завоеванной незадолго до іюльской революціи. Между этими двумя предпріятіями существовала тѣсная политическая связь: вѣдь обладаніе полосой сѣверо-африканскаго побережья было важно для Французовъ именно потому, что доставляло имъ долю участія въ господствѣ на Средиземномъ морѣ и вліяніе на восточныя дѣла. Но успѣхи Французовъ на двухъ театрахъ военныхъ дѣйствій были неодинаковы. Насколько были многочисленны плоды французскихъ побѣдъ въ Алжирѣ, настолько-же была безплодна воинственная политика министерства Тьера на востокѣ.

Мехмедъ Али Всѣ французскія правительства придерживались той завѣщанной
въ Египтѣ. старыми преданіями политики, что слѣдуетъ поддерживать хорошія отношенія съ восточными магометанскими государствами и пріобрѣтать вліяніе на восточныя дѣла; въ особенности они никогда не теряли изъ виду Египта, который пріобрѣлъ въ ихъ мнѣніи особую важность послѣ достопамятной египетской кампаніи Наполеона. Если господство Порты, — скорѣй ослабленное, чѣмъ упроченное замѣной владычества янычаръ владычествомъ чиновничества и военного сословія по европейскому образцу, — должно было рушиться, то Франція также желала имѣть свою долю въ добычѣ, а что-же могло-бы быть болѣе для нея выгодно, чѣмъ пріобрѣтеніе плодороднаго Египта, который, будучи соединенъ съ Алжиромъ и расширенъ новыми завоеваніями, могъ-бы соперничать своимъ значеніемъ съ англійской Остъ-Индіей? Быть можетъ, именно этотъ тайный замыселъ и побудилъ Луи-Филиппа и его министровъ относиться такъ друже-

любно къ жестокосердому, тиранническому пашѣ Мехмеду - Али и къ его воинственному сыну Ибрагиму. Мы уже ранѣе познакомились съ этими двумя личностями (XIV, 792). Мехмедъ-Али, — македонскій уроженецъ низкаго происхожденія, — достигъ положенія египетскаго паши послѣ перенесенныхъ въ молодости превратностей судьбы. Онъ началъ свою правительственную дѣятельность въ Египтѣ тѣмъ, что съ помощью хитрости, убійствъ и насилій уничтожилъ могущество мамелюковъ и умертвилъ ихъ вождей; за тѣмъ онъ, съ помощью европейскихъ и въ особенности французскихъ совѣтниковъ, ввелъ такую систему управленія, въ которой западная цивилизація находилась въ отвратительной смѣси съ восточнымъ деспотизмомъ. Онъ обложилъ населеніе тяжелыми налогами, приказалъ доставлять ему всѣ земледѣльческіе продукты за установленную цѣну, и установилъ неизмѣнное правило, что только черезъ него можно получать привозимые изъ заграницы товары; этимъ онъ довелъ крестьянъ-землевладѣльцевъ (феллаховъ) до такого отчаяннаго положенія, что они предпочли уступить тирану свою обложенную налогами землю и обрабатывать ее въ качествѣ поденщиковъ и невольниковъ; такимъ образомъ, почти весь Египетъ превратился въ громадное помѣстье паши. Онъ сталъ вводить европейскую промышленность, которая обогащала его, а народъ все болѣе ввергала въ нищету; онъ сталъ развивать во всей странѣ хлопчатобумажныя плантаціи, доставлявшія доходъ ему одному; изъ европейскихъ учрежденій онъ вводилъ или тѣ, которыя налагали на народъ все болѣе тяжелыя оковы, какъ напр. устройство полиціи и систему конскрипціи, или тѣ, которыя могли придать Египту внѣшній видъ цивилизованной страны и ввести въ заблужденіе иностранцевъ, какъ напр. онъ ввелъ новый кодексъ, составленный по французскому образцу, основалъ высшее учебное заведеніе, типографію и газету.

Полагаясь на свои значительныя сухопутныя и морскія военныя силы, организованныя по французскому образцу, Мехмедъ-Али отказался отъ уплаты установленной дани турецкому султану, который былъ въ глазахъ правовѣрныхъ измѣнникомъ корану и нарушителемъ мусульманскихъ традицій, потому что вводилъ реформы въ военномъ устройствѣ и въ государственномъ управленіи (XIV, 804 и сл.). За тѣмъ Мехмедъ-Али сталъ расширять свои владѣнія во всѣ стороны: онъ покорилъ Нубію и Кордофанъ, гдѣ завелъ самый возмутительный торгъ невольниками; онъ поручилъ своему, привыкшему къ побѣдамъ, сыну Ибрагиму вести на сушѣ и на морѣ войну съ пашою Акры, который исполнялъ порученіе константинопольскаго султана, стараясь ограничить или сломить могущество египетскаго вице-короля. Ибрагимъ завладѣлъ Акрой и Дамаскомъ, отразилъ подлѣ Гомса нападеніе авангарда турецкой арміи, разбилъ въ ущельѣ Бейлана 30 іюля 1832. упавшую духомъ армію султана и проникъ до окрестностей главнаго

Завоеванія
египетскаго
паши и дипло-
матическое
вмѣшатель-
ство.

20 дек.

города Киликіи, Аданы, повсюду встрѣчая радостный пріемъ со стороны населенія. Не обращая вниманія на то, что порта объявила Мехмеда-Али опальнымъ, Ибрагимъ покорилъ всю Палестину и Сирію, одержалъ подлѣ Коніи (Isonium) въ Малой Азіи новую побѣду и двинулся на сѣверъ къ Бруссу и къ Скутари, угрожая нападеніемъ на столицу падишаха. Европейскія великія державы встревожились: онѣ попытались прекратить борьбу путемъ дипломатическихъ переговоровъ и въ Константинополѣ и въ Александріи. Это была трудная задача вслѣдствіе того, что каждое изъ европейскихъ правительствъ преслѣдовало свои собственныя цѣли. Россія была готова исполнить желаніе султана Махмуда—прислать на помощь сухопутную армію и флотъ, чтобы, спасая Порту, подчинить ее своему владычеству; Франція нѣсколько времени колебалась въ выборѣ между традиціонной французской политикой и удовлетвореніемъ общественнаго мнѣнія, требовавшего вступленія въ союзъ съ вице-королемъ; она наконецъ приняла сторону этого послѣдняго и постаралась уладить дѣло къ выгодѣ Мехмеда-Али и Ибрагима. Благодаря расположенію европейскихъ правительствъ придерживаться принципа невмѣшательства, французскому уполномоченному адмиралу Руссену, наконецъ, удалось прекратить турецко-египетскую войну заключеніемъ договора. Успѣху его посредничества не мало содѣйствовали опасенія, которыя внушала дивану присылка русскихъ

4 мая 1833.

вспомогательныхъ войскъ. Подписанныя въ Кутайѣ предварительныя мирныя условія предоставляли Мехмеду-Али обладаніе всей Сиріей подъ верховною властью Порты, а во владѣніи Ибрагима оставалась Адана. Русскому императору не могли быть пріятны изъясвленія признательности султана, сопровождавшіяся настоятельной просьбой отозвать русскій флотъ изъ Босфора. Ему не могло быть пріятно и то, что Франція, уже завладѣвшая Анконой и Антверпеномъ, съ успѣхомъ участвовала въ улаженіи восточнаго вопроса. Но такъ какъ всѣ державы одобрили заключенную сдѣлку, то русскій императоръ далъ приказаніе своему флоту и арміи возвратиться домой.

Договоръ въ
Ункіарь-Ске-
лессі.

Но развѣ Россія должна была остаться безъ всякаго вознагражденія за добрыя услуги, оказанныя ею Портѣ? Это не соответствовало-бы традиціонной политикѣ петербургскаго правительства. Графъ Орловъ, которому царь поручилъ главное командованіе сухопутными и морскими военными силами въ Босфорѣ и завѣдываніе дипломатическими сношеніями, заключилъ съ Махмудомъ въ Ункіарь-Ске-

8 іюля 1833.

лессі «оборонительный договоръ,» по которому Россія обязалась доставлять Турціи вспомогательныя войска при всякой угрожающей ей опасности, а Порта обѣщала запретить Дарданеллы, т. е. не позволять иностраннымъ военнымъ кораблямъ входить въ этотъ проливъ подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ. Западные державы тщетно протестовали противъ такого соглашенія, которое предоставляло од-

ной Россіи право господствовать въ проливахъ на ряду съ Портой; петербургское правительство оставило безъ вниманія эти протесты тѣмъ болѣе потому, что было увѣрено въ одобреніи со стороны Австріи и Пруссіи. Но правительства парижское и лондонское не рѣшились предпринять по этому поводу войну, и заключенный въ Ункіаръ-Скелесси договоръ остался въ силѣ. Императоръ Николай былъ очень доволенъ тѣмъ, что лишилъ либеральное іюльское правительство возможности вмѣшиваться въ восточныя дѣла, а свое несочувствіе къ созданному революціей королю онъ сталъ обнаруживать даже въ своихъ сношеніяхъ съ жившимъ въ Петербургѣ, французскимъ посланникомъ.

Состоявшееся въ Кутайѣ соглашеніе было лишь перемиріемъ; пререканія между султаномъ и вице-королемъ не прекратились, а вслѣдствіе вмѣшательства европейской дипломатіи принимали все болѣе раздражительный характеръ. Мехмедъ - Али стремился къ основанію независимой отъ Порты, наследственной монархіи, въ составъ которой вошли-бы Египетъ, Сирія, Критъ и другія завоеванные имъ области, и которая со временемъ досталась-бы его любимому сыну Ибрагиму. Махмудъ предложилъ ему переходящее по наследству званіе вассальнаго владѣтеля Египта, но этимъ не удовлетворилъ его честолюбія. Великій визирь Хозревъ и молодой честолюбивый министръ Решидъ-паша, получившій европейское образованіе, подливали масло въ огонь. Англія съ недовольствомъ и съ завистью взирала на усиливавшееся могущество вице-короля, облагавшаго пошлинами всѣ иностранные товары и всячески старавшагося создавать затрудненія и препятствія для торговыхъ сношеній съ Индіей. Но она опасалась, что въ случаѣ войны Россія воспользуется возложенною на нее договоромъ въ Ункіаръ-Скелесси ролью защитницы султана и расширитъ свое собственное владычество въ Босфорѣ и на Балканскомъ полуостровѣ; поэтому англійское министерство стало заботиться о сохраненіи мира, вмѣстѣ съ тѣмъ оберегая неприкосновенность и независимость турецкихъ владѣній. Съ этой цѣлію лордъ Пальмерстонъ постарался упрочить «сердечную дружбу» съ Франціей, а его миролюбивая политика при-

Восточный
вопросъ и
европейскіе
кабинеты.

Лѣто 1839.

кой опредѣленной цѣли и потому не заслужило признательности ни со стороны большинства, ни со стороны меньшинства.

Неожиданная катастрофа. Между тѣмъ, кризисъ разрѣшился въ Малой Азіи съ помощью меча. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ турецкія и египетскія войска стояли лагеремъ одни противъ другихъ не подалеку отъ береговъ Эвфрата. Раздражительный и заносчивый падишахъ Махмудъ, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія и приказалъ своему главнокомандующему Гафизу-пашѣ перейти черезъ пограничную рѣку и выгнать Ибрагима изъ Сиріи. Но египетская армія была организована лучше турецкой. Подлѣ Низиба Гафизъ-паша потерпѣлъ полное пораженіе; 24 іюня 1839. 12,000 плѣнныхъ, 162 пушки и весь турецкій лагерь достались побѣдителю. Еще до полученія въ Константинополь извѣстія объ этомъ несчастіи, сошелъ въ могилу султанъ Махмудъ, въ послѣдніе годы своей жизни все болѣе предававшійся пьянству и распутству, а на константинопольскій престолъ вступилъ шестнадцати-лѣтній Абдулъ Медшидъ. Въ виду такого безвыходнаго положенія генералъ-адмиралъ Ахмедъ-паша задумалъ перейти со всѣмъ турецкимъ флотомъ на сторону Мехмеда-Али, чтобъ съ помощью его свергнуть господствовавшего въ диванѣ Хозрева и провозгласить египетскаго вице-короля регентомъ на время несовершеннолѣтія новаго султана. И въ Парижѣ полагали, что передача правительственной власти вице-королю была-бы лучшимъ способомъ прекратить восточныя смуты. Такой выходъ изъ затрудненій, къ которому горячо стремился честолюбивый Мехмедъ-Али, казался вполне естественнымъ въ виду того, что царство Османовъ осталось безъ арміи, безъ правительства и безъ флота.

Противоположныя стремленія европейскихъ правительствъ. Петербургское правительство обсуждало вопросъ, не настало-ли для Порты время обратиться за помощью къ русскому царю на основаніи заключеннаго въ Ункіаръ Скеlessи, оборонительнаго и наступательнаго союза. Но неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой агрессивной политики была-бы европейская война, а русскій самодержецъ полагалъ, что условія того времени не были благоприятны для такого смѣлаго предпріятія. Къ тому-же и его военныя силы оказались-бы недостаточными. Во Франціи общественное мнѣніе все настойчивѣе требовало союза съ Мехмедомъ-Али. Такой союзъ поставилъ-бы Египетъ въ вассальную зависимость отъ Франціи, что было-бы очень лестно для французской національной гордости. Вслѣдствіе недовѣрія французскаго народа къ „коварному Альбіону“, даже соглашеніе съ Россіей было-бы одобрено французской націей. Тогда сдѣлалось-бы практически возможнымъ возстановленіе рейнской границы, которое было въ глазахъ Французовъ непоколебимымъ политическимъ догматомъ. Но заключенію такого союза препятствовало взаимное несочувствіе русскаго императора и французскаго короля. Императоръ Николай не могъ заглушить своего личнаго нерасположенія къ „королю баррикадъ“, а Луи-Филиппъ хотѣлъ отплатить за многочисленныя униженія, которымъ подвергалъ и его самого и его посланниковъ высокоумный русскій самодержецъ. Такимъ образомъ, личные мотивы сдѣлали невозможной такую политику,

которая легко могла бы привести къ тому, что Турція поступила-бы подъ протекторатъ Россіи, а на берегахъ Нила сдѣлалось-бы господствующимъ вліяніе Франціи. Тогда началась въ Константинополѣ и въ Александріи такая-же то открытая, то тайная дипломатическая война, какая впоследствии такъ часто возникала на востокѣ. Прежде всего нужно было удержать побѣдителя при Низибѣ отъ новыхъ завоевательныхъ замысловъ. Англія старалась достигнуть этой цѣли тѣмъ, что угрожала вооруженнымъ вмѣшательствомъ Европы въ случаѣ, еслибы Ибрагимъ продолжалъ свое наступательное движеніе; а Франція обѣщала вице-королю признать его независимымъ владѣтелемъ всѣхъ завоеванныхъ имъ странъ, если онъ воздержится отъ новыхъ завоеваній. Полагаясь на это обѣщаніе, Мехмедъ-Али приостановилъ побѣдоносное наступательное движеніе своего сына. Это была двусмысленная политика: она сначала ослабила узы, связывавшія Англію съ Франціей, а впоследствии привела къ тому, что Франція осталась въ одиночествѣ. Русский самодержецъ и его ловкій посланникъ Бруновъ искусно воспользовались этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ возбудить разномысліе между сенъ-джемскимъ кабинетомъ и іюльскимъ правительствомъ и, наконецъ, разорвать ненавистный союзъ западныхъ державъ.

Чѣмъ тѣснѣе сближались между собою Англія и Россія, стараясь, при содѣйствіи двухъ нѣмецкихъ великихъ державъ, оберегать неприкосновенность оттоманской имперіи отъ захватовъ египетскаго вице-короля, тѣмъ усерднѣе вступалась Франція за интересы Мехмеда-Али. И уваженіе, съ которымъ относился этотъ хитрый честолюбецъ къ памяти Наполеона, и предпочтеніе, которое онъ оказывалъ Французамъ, приводя въ исполненіе свои „цивилизаторскіе“ проекты, и благосклонность, съ которою онъ постоянно относился къ сынамъ „великой націи“, — всё это привлекало на его сторону всѣ французскія сердца; онъ сдѣлался любимымъ героемъ общественнаго мнѣнія. Лишь немногіе сознавали, что эксплуатированіе страны, какъ заведенной для торговыхъ выгодъ колоніи, было плохимъ средствомъ цивилизаціи. Большинство было того мнѣнія, что долгъ чести заставлялъ Францію поддерживать вице-короля, такъ какъ онъ удержалъ побѣдоноснаго Ибрагима отъ перехода черезъ Тавръ только потому, что положился на обѣщанія французскаго посланника.

На лондонской конференціи, къ участию въ которой были допущены Гаттисерифъ, и уполномоченный Порты, началась тогда дѣятельная и измѣнчивая въ своихъ направленіяхъ, борьба между дипломатами, отъ исхода которой зависѣли война или миръ. Французское правительство старалось добиться какъ можно большихъ уступокъ въ пользу отдавагося подъ его покровительство, вице-короля; Пальмерстонъ не хотѣлъ ни подъ какими условіями допустить, чтобъ честолюбивый правитель Египта получилъ въ наслѣдственное владѣніе Сирію, откуда могъ-бы создавать препятствія для торговыхъ сношеній между Англіей и Индіей. Россія старалась достигнуть водворенія спокойствія въ имперіи Османовъ при посредствѣ третейскаго рѣшенія европейскихъ великихъ державъ, между тѣмъ какъ Франція желала, чтобъ двѣ борющіяся стороны примирились путемъ добровольнаго соглашенія; Австрія и Пруссія соперничали между собою составленіемъ проектовъ примиренія и предложеніями посредничества, чтобъ предотвратить опасность европейской войны. А такъ какъ вице-король

Мехмедъ-Али
и Франція.

изданный въ
Гюльгане.

заслуживалъ признательность за стараніе ввести цивилизацію въ своемъ египетско-сирійскомъ царствѣ и потому былъ въ общественномъ мнѣніи Франціи и нѣкоторыхъ другихъ державъ болѣе всякаго другого способенъ поднять Турцію изъ ея упадка, то былъ составленъ тотъ проектъ внутреннихъ реформъ, который впослѣдствіи всегда выдвигался на передній планъ въ эпохи смутъ, но никогда не былъ приведенъ въ исполненіе. По видимому, никто не былъ болѣе способенъ ввести эти реформы, чѣмъ честолюбивый Решидъ-паша, пріобрѣтшій нѣкоторое знакомство съ европейской культурой и старавшійся захватить въ свои руки правительственную власть въ званіи великаго визиря при несовершеннолѣтнемъ султанѣ Абдуль-Медшидѣ. Такимъ образомъ, дѣло дошло до обнародованія въ Гюльгане гаттишерифа, предвѣщавшаго возрожденіе оттоманской имперіи при посредствѣ радикальныхъ реформъ по европейскому образцу и въ администраціи, и въ отправленіи правосудія, и въ обложеніи налогами, и въ законодательствѣ; это было гораздо болѣе того, что ставилось въ заслугу египетскому правителю. Всѣмъ турецкимъ подданнымъ, къ какой-бы религіи или сектѣ они ни принадлежали, были щедро обѣщаны и равноправность, и безопасность жизни, чести, собственности, и множество другихъ цѣнныхъ благъ. Съ этого началась та игра съ реформаторскими экспериментами, съ помощью которой Порты старалась удержать европейскія державы отъ всякаго серьезнаго вмѣшательства въ ея разваливавшуюся систему управленія и доставлять занятіе дипломатамъ: ея проекты преобразованій неосуществились частію по причинѣ трудности, даже невозможности ихъ осуществленія, частію по причинѣ отсутствія доброй воли. Это были обманчивыя обѣщанія.

3 ноября.
1839.

Союзъ четырехъ державъ и ожиданіе войны.

11 іюля 1840.

28 іюля.

По видимому, только съ оружіемъ въ рукахъ можно было разрѣшить спорные вопросы. Когда Мехмедъ-Али, послѣ паденія своего врага Хозрева-паши, вступилъ, по совѣту французскаго правительства, въ непосредственные переговоры съ Портой, чтобъ устранить необходимость европейскаго вмѣшательства, лордъ Пальмерстонъ склонилъ Россію и двѣ великія нѣмецкія державы къ заключенію договора, которымъ онѣ условились общими силами достигнуть возстановленія спокойствія на востокѣ въ духѣ англійской политики и безъ участія Франціи. Луи-Филиппъ и стоявшій въ то время во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, Тьеръ были страшно раздражены такимъ самоуправствомъ великихъ державъ; заключеніе лондонской коалиціи четырехъ державъ, по видимому, должно было нанести смертельный ударъ мирной политикѣ, которая съ такимъ трудомъ поддерживалась въ Европѣ въ теченіе десяти лѣтъ. И не только въ правительственныхъ сферахъ обнаружилось сильное негодованіе: вся французская нація увлеклась воинственными замыслами. Когда была открыта на площади Бастиліи колонна въ память великой іюльской недѣли и

подлѣ нея были сложены кости іюльскихъ бойцевъ, въ Парижѣ снова стала раздаваться марсельеза, а «ея дикіе звуки раздули въ яркое пламя никогда вполне неугасавшую, старую ненависть къ Англіи». Сто-тысячная національная гвардія громко требовала войны, проходя мимо Тюльерійскаго дворца. При этомъ не Египетъ и не востокъ были у всѣхъ на умѣ: газеты открыто говорили о возстановленіи рейнской границы и освѣжали воспоминанія времени революціи. Эти воинственные возгласы жадной до завоеваній націи вызвали въ Германіи отголосокъ, выразившійся въ Rheinlied Беѣкера. На возгласъ: Вы никогда не достигнете обладанія свободнымъ нѣмецкимъ Рейномъ, французскій поэтъ А. де-Мюссэ отвѣчалъ: То, что было разъ приобрѣтено, можетъ быть приобрѣтено вновь.

Воинственное настроеніе умовъ превзошло ту мѣру, какая была Союзныя держательна Луи-Филиппу. Онъ сначала былъ до такой степени возмущенъ образомъ дѣйствій европейскихъ монарховъ, которые, по его мнѣнію, лишь благодаря французской мирной политикѣ удержались на своихъ тронахъ, что, при своей раздражительной словоохотливости, высказалъ не мало угрозъ и даже воскликнулъ: ужъ не хотятъ-ли они, чтобъ я надѣлъ на себя красный колпакъ! А Тьеръ торопливо увеличивалъ сухопутныя и морскія военныя силы Франціи и дѣлалъ всѣ необходимыя для войны приготовленія, доказывая этимъ, что онъ предвидѣлъ возможность вооруженнаго столкновенія съ европейскими державами. Однако и въ Парижѣ стали мало по малу спокойнѣе обсуждать положеніе дѣлъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ по ту сторону канала обнаружилось болѣе миролюбивое настроеніе. Англійская пресса старалась успокоить умы; парламентская оппозиція противилась воинственной политикѣ Пальмерстона; она осуждала несправедливое исключеніе Франціи изъ союза державъ и стараніе уладить восточныя задрудненія безъ содѣйствія тюльерійскаго правительства. А когда враждебная египетскому вице-королю партія взяла верхъ въ Константинополѣ, турецкое правительство отвергнуло предложенія посредничества французскаго посланника Валевскаго, Мехмедъ-Али былъ отставленъ отъ всѣхъ своихъ должностей, Россія обнаружила намѣреніе двинуть свои войска въ Турцію для защиты султана, тогда и на берегахъ Темзы стали опасаться послѣдствій воинственной политики Пальмерстона и постарались снова сблизиться съ французскимъ правительствомъ. Тамъ намѣревались предоставить Мехмеду-Али въ наслѣдственное владѣніе Египетъ и въ пожизненное вассальное владѣніе Сирію. Но Тьеръ полагалъ, что общественное мнѣніе французской націи обязываетъ его придерживаться прежней воинственной политики. Поэтому приготовленія къ войнѣ не прекращались; стоявшему въ Тулонѣ флоту было дано приказаніе выйти въ море; Мехмеда-Али поощряли къ сопротивленію и ему была обѣщана помощь Франціи. Парижское правительство объявило, что на

14 сент.

паденіе на Александрію и движеніе Русскихъ въ направленіи къ Константинополю послужать сигналомъ для вооруженнаго вмѣшательства Франціи.

Ибрагимъ вы- Военныя силы египетскаго вице-короля и его способность къ со-
тѣсненъ изъ противленію оказались не такими надежными, какими ихъ считалъ
Сиріи. Тьеръ. Армія Ибрагима пришла въ совершенное разстройство и стала
массами разбѣгаться, когда жители Сиріи, въ особенности воинствен-
ные Друзы и христіане-Марониты, возстали съ оружіемъ въ рукахъ
противъ несправедливаго владычества египетскаго паши и когда имъ
стали помогать — на сушѣ турецкія войска, на морѣ британскій флотъ,
къ которому присоединились и австрійскіе корабли. Англо-австрійскій
флотъ, бомбардировавшій Бейрутъ, принудилъ этотъ городъ сдаться
послѣ слабаго сопротивленія и, подъ начальствомъ самаго даровитаго
изъ англійскихъ морскихъ офицеровъ, commodora сэра Ч. Немира
Осень 1840. завладѣлъ городами Саидой (Сидономъ) и Библосомъ. Тиръ и Трипо-
лисъ также были принуждены покориться, а въ то время, какъ Ибра-
гимъ заботился только о прикрытіи своего отступленія въ Египетъ
и собиралъ остатки своей арміи подлѣ Дамаска, Англичане завладѣли
Акрой съ ея неприступной крѣпостью, а возставшіе Сирійцы завла-
дѣли Яффою и Іерусалимомъ.

Перемѣна ми- Не имѣлъ-ли Мехмедъ-Али права ожидать, что французскій флотъ
нистерства и появится въ юго-восточной части Средиземнаго моря, чтобъ оказать
мирное на- помощь Египту? Большинство французской націи этого желало; воин-
строение. ственныя манифестаціи становились все болѣе шумными; войны тре-
бовали и демократы, и радикальная парламентская оппозиція, и ре-
волюціонная народная толпа, и республиканскія общества. Но именно
эти манифестаціи испугали Луи-Филиппа и побудили его возвратить-
ся къ той мирной политикѣ, которой онъ придерживался въ теченіе
29 окт. 1840. десяти лѣтъ. Новому министерству Сульта-Гизо было поручено уладить
восточныя затрудненія такъ, чтобъ интересы Мехмеда-Али были
по мѣрѣ возможности соблюдены, а честь и политическое вліяніе
Франціи не потерпѣли ущерба. Исполненіе этой задачи облегчили
французскому правительству и парламентское большинство, заинте-
ресованное въ сохраненіи мира, и иностранныя державы — Англія,
Австрія и нѣмецкія государства, не желавшія исключать Францію изъ
числа державъ-посредницъ и упрочивать протекторатъ Россіи надъ
Турціей.

Мирное согла- Еще не было принято никакого окончательнаго рѣшенія, когда
шеніе. Непиръ появился съ своимъ флотомъ въ виду Александріи и потре-
бовалъ отъ вице-короля, чтобъ онъ примирился съ Портой, возвра-
тивши ей турецкіе корабли, и этимъ положилъ конецъ войнѣ. Мех-
медъ-Али вступилъ съ начальникомъ англійскаго флота въ соглашеніе,
27 ноября 1840. которое должно было служить основаніемъ для заключенія мира и
мало по малу было одобрено всѣми сторонами не смотря на сопро-

тивленіе дивана и колебанія европейскихъ правительствъ. Было рѣшено предоставить вице-королю и его потомкамъ въ наследственное владѣніе Египетъ съ Нубіей съ тѣмъ, чтобъ онъ уплачивалъ ежегодную дань падишаху, отказался отъ всякихъ притязаній на Сирію и Критъ и возвратилъ турецкіе корабли. Когда эти корабли появились въ Босфоръ, состоялось признаніе Мехмеда-Али наследственнымъ владѣтелемъ Египта, но оно сопровождалось такими многочисленными оговорками и ограниченіями, что Мехмедъ-Али отвергнулъ его. Только благодаря посредничеству нѣмецкихъ державъ, наконецъ, удалось устранить всѣ затрудненія. Послѣ подписанія лондонскаго протокола уполномоченными пяти великихъ державъ, Порты безусловно признала Мехмеда-Али наследственнымъ вице-королемъ; такимъ образомъ, послѣ безконечныхъ переговоровъ, дипломатическихъ нотъ и протоколовъ, была наконецъ, исполнена трудная задача «возстановленія царства Птолемеевъ». Гизо медлилъ изъясненіемъ согласія французскаго правительства только настолько, насколько считалъ нужнымъ, чтобъ для виду поддержать достоинство Франціи. Но французская нація надолго прониклась убѣжденіемъ, что Франція была снова принята въ общество европейскихъ государствъ только благодаря тому, что безславно отказалась отъ своихъ требованій. Лондонскимъ мирнымъ протоколомъ («трактатомъ о проливахъ») было постановлено, что входъ въ Дарданеллы и въ Босфоръ будетъ закрытъ для военныхъ кораблей всѣхъ націй, а Красное море и Персидскій заливъ будутъ открыты для мореплаванія. Владѣнія Оттоманской имперіи и ея независимость были гарантированы; Порты была признана европейской державой съ той оговоркой, что диванъ, изъ котораго вышелъ во время переговоровъ Решидъ-паша, исполнитъ обѣщанія, данныя гаттишерифомъ въ Гюльгане, и предоставитъ жителямъ Сиріи свободу вѣроисповѣданія. Но по прошествіи двѣнадцати лѣтъ Турція все еще находилась въ такомъ-же положеніи, какъ въ іюль 1841 года. Только въ Сиріи произошли нѣкоторыя перемѣны; такъ напр., по распоряженію Решида-паши, снова поступившаго въ составъ дивана, была оказана христіанамъ Маронитамъ защита отъ язычниковъ Друзовъ; но единичныя мѣры этого рода лишь мѣстами и временно прекращали анархію, господствовавшую въ турецкой имперіи.

6 дек.

14 янв. 1841.

13 іюля.

1845.

2. Алжиръ и Таити.

Если Французы не нашли на востокѣ удобнаго случая покрыть себя военною славой, за то они достигли блестящихъ военныхъ успѣховъ въ Алжирѣ. Мы уже ранѣе говорили (XIV, 840 и сл.) о томъ, что парламентская оппозиція отнеслась очень равнодушно къ побѣдамъ, которыя были одержаны арміей бурбонскаго короля по ту сторону

Рѣшеніе со-
хранять
Алжиръ.

Средиземнаго моря; но іюльское правительство полагало, что не слѣдуетъ отказываться отъ того, что было приобрѣтено французскимъ оружіемъ. Поэтому, оно приняло мѣры для упроченія и расширенія сдѣланныхъ завоеваній и для колонизаціи французскихъ заморскихъ владѣній. Оно не безъ нѣкоторыхъ колебаній приступило къ колонизаціи, не имѣя яснаго понятія объ объемѣ и трудностяхъ такой задачи. Но въ пользу такого предпріятія приводились и военныя и политическія соображенія, а Луи-Филиппъ помогаль его осуществленію съ цѣлью направить вниманіе безпокойныхъ умовъ на событія, совершающіяся вдали отъ Франціи. Онъ, какъ утверждаютъ, сказалъ, что если въ Африкѣ будетъ сдѣлано даже сто тысячъ пушечныхъ выстрѣловъ, то Европа все таки не услышитъ ихъ. И такъ, былъ составленъ широкій планъ завоеваній и колонизаціи, который доставилъ Французамъ много славы, хотя матеріальная цѣнность сдѣланныхъ завоеваній не соотвѣтствовала истраченнымъ на нихъ усиліямъ и деньгамъ.

Алжиръ и его население. Заимствуемъ отъ Гиллебранда слѣдующее описаніе Алжира и тѣхъ племенъ, съ которыми пришлось Французамъ имѣть дѣло въ сѣверной Африкѣ. Между сѣверо-африканскими государствами, находившимися въ вассальной зависимости отъ Порты, Алжиръ былъ, послѣ Египта, самымъ могущественнымъ. Онъ тянулся отъ Марокко, лежащаго противъ береговъ Испаніи, до Туниса, лежащаго противъ береговъ Сициліи, и занималь пространство почти во сто миль въ длину, и миль въ десять въ ширину. Онъ дѣлился на четыре большихъ провинціи,—западную съ главнымъ городомъ Ораномъ, среднюю, центромъ которой былъ Алжиръ, восточную, надъ которой господствовала крѣпость Константина, и южную, лежащую по ту сторону первой цѣпи Атласскихъ горъ; эта послѣдняя называлась Титтери, а главнымъ въ ней городомъ былъ Медеахъ. Широкое, но большею частію утесистое побережье представляетъ мало удобныхъ пунктовъ для устройства пристаней; между нимъ и горными возвышенностями тянутся холмистыя, постепенно возвышающіяся въ формѣ терассъ, луга и пахатныя земли, которыя раздѣляются на многочисленныя долины горными ручьями, низвергающимися съ сѣвернаго склона Атласскихъ горъ, и мѣстами пересѣкаются широкими равнинами. Горныя возвышенности состоятъ изъ двухъ главныхъ хребтовъ, которые тянутся почти параллельно съ берегами и соединяются между собою широкими плоскогорьями; они образуютъ широкій валъ, отдѣляющій прибрежныя страны отъ степей Сахары. Эти страны не принадлежали къ числу неплодородныхъ; ихъ климатъ значительно умѣрялся ихъ возвышенностью надъ уровнемъ моря; ихъ населеніе состояло изъ различныхъ племенъ и доходило въ общей сложности почти до трехъ милліоновъ душъ. Въ городахъ хозяйничали немногочисленные воинственные Турки. У нихъ состояли на службѣ вспомогательныя отряды изъ ихъ собственныхъ незаконныхъ сыновей (кулугли), прижитыхъ съ туземными женщинами. Торговля и промышленность находились въ рукахъ евреевъ и Мавровъ—смѣси Арабовъ съ туземными Нумидійцами. Эти два послѣднихъ племени все еще составляли девять десятыхъ въ общей цифрѣ населенія. Арабы, которые были первыми завоевателями этихъ странъ, а теперь находились подъ властію Турокъ, жили большею частію на низменностяхъ; а въ горахъ жили мѣстные уроженцы, Кабилы или Берберы. Арабы большею частію вели

образъ жизни конныхъ кочевниковъ: послѣ того, какъ ихъ стада поѣли всю луговую траву, или послѣ того, какъ они собрали съ полей первую жатву, они разламывали свои легкія хижины или увозили съ собою свои палатки. Напротивъ того, трудолюбивые и энергичные горцы—Кабилы строили деревни въ центрѣ воздѣлываемыхъ ими полей и сами управлялись въ своихъ маленькихъ демократическихъ республикахъ, между тѣмъ какъ Арабы все еще придерживались той патріархально-аристократической формы правленія, съ которой свыклись въ блестящую эпоху своей исторіи. Но турецкое владычество надъ Арабами было болѣе прочно, чѣмъ надъ Кабилами, потому что опиралось на такую военную организацію, какую, конечно, не могла создать Франція. Тѣ пятнадцать или двадцать тысячъ кулугли, на которыхъ могли полагаться Турки, были размѣщены, въ видѣ военныхъ колонистовъ, по всѣмъ важнымъ стратегическимъ пунктамъ; также были размѣщены по всей странѣ Магценны или воинственные арабскія племена, преданность которыхъ была куплена различными привилегіями и въ особенности освобожденіемъ отъ податей; благодаря этимъ мѣрамъ, жители тѣхъ округовъ, которые были обложены данью и налогами, постоянно держались въ повиновеніи такъ, что боямъ провинцій не было надобности прибѣгать къ какимъ либо экстреннымъ мѣрамъ. Но въ то время, когда появились въ Африкѣ Французы, еще не угасла ни ненависть Кабиловъ къ ихъ побѣдителямъ—Арабамъ, ни ненависть Арабовъ къ ихъ побѣдителямъ—Туркамъ. Присутствіе христіанъ скоро соединило всѣхъ этихъ магометанъ чувствомъ общей фанатической ненависти къ новымъ пришельцамъ, а эти пришельцы съ своей стороны возбуждали эту ненависть своимъ легкомысленнымъ образомъ дѣйствій.

Не смотря на то, что французской націи дорого стоило обладаніе Значеніе афри-Алжиріей, которую можно было держать въ повиновеніи только съ канской вой-помощью многочисленной арміи, и не смотря на то, что эта несчаст- ны.ная страна сдѣлалась театромъ страшныхъ злодѣяній и кровопролитной борьбы, для Франціи и для Луи-Филиппа эта завоевательная война обѣщала много выгодъ въ отдаленномъ будущемъ. Упорная борьба съ воинственными бедуинами и кабилами, воодушевлявшимися религіознымъ фанатизмомъ, поддерживала воинственный духъ французской націи, доставляла французскимъ войскамъ случай упражняться въ военномъ искусствѣ и отучала народъ отъ возникшей во время продолжительнаго мира привычки впадать въ усыпленіе и бояться необходимости войны. Французское правительство находило въ африканскихъ странахъ занятія для многочисленныхъ недовольныхъ, нерѣдко доставляло имъ случай исправиться, и всегда извлекало изъ ихъ удаленія пользу для государства. И иностранные революціонеры, искавшіе во Франціи защиты и пристанища послѣ неудачныхъ возстаній въ своемъ отечествѣ, отправлялись волей или неволей въ заморскія страны, чтобъ, служа тамъ въ «иностранномъ легіонѣ», проливать свою кровь на чужой землѣ за чужіе интересы. Отряды зуавовъ и конныхъ сипаевъ состояли большею частію изъ Европейцевъ, одѣтыхъ въ африканскіе костюмы; они вмѣстѣ съ «африканскими егерями» старались усвоить способъ веденія войны туземцами. Покореніе стра-

ны было вовсе не легкой задачей, а въ основаніи колоній по образцу цивилизованныхъ странъ Французы не были искусны.

Продолженіе
завоеваній.

Не смотря на то, что Французы совершали много военныхъ подвиговъ и предпринимали много смѣлыхъ походовъ, завладѣніе отдаленными областями медленно подвигалось впередъ. Еще въ ноябрѣ 1830 года генераль Клозель, предварительно издавши напыщенную прокламацію въ Наполеоновскомъ стилѣ, перешелъ изъ Бландаха черезъ малый Атласъ, завладѣлъ Медеахомъ въ южной провинціи Титтери и назначилъ тамъ новаго бея; но недостатокъ въ сѣстныхъ припасахъ и нападенія туземцевъ скоро принудили его возвратиться въ Алжиръ. Въ слѣдующемъ году преемникъ Клозеля, генераль Бертезенъ

Іюнь 1831.

предпринялъ такую-же экспедицію, но во время своего наступательнаго движенія понесъ въ горныхъ ущельяхъ еще болѣе тяжелыя потери отъ непріятельскихъ нападеній. Образцовыя складочныя мѣста съ «четыреухъ-угольными домами», которыя началъ строить генераль Клозель на равнинѣ Метидшаха для военныхъ отрядовъ, были разрушены, а французская армія оказалась запертой въ столицѣ. Замѣнившій Бертезена, Савари, герцогъ Ровиго, полагалъ, что достигнетъ своей цѣли съ помощью такихъ-же строгихъ полицейскихъ и военныхъ мѣръ, къ какимъ обыкновенно прибѣгалъ въ царствованіе Наполеона. Онъ построилъ укрѣпленные лагеря для охраны колоніальныхъ селеній и завелъ «арабскіе бюро» подъ начальствомъ французскихъ офицеровъ для сношеній съ туземцами, а за всякое ослушаніе и сопротивленіе наказывалъ съ солдатской жестокостью. Вождей (шейховъ) возставшихъ племенъ заманивали въ Алжиръ и отрубали имъ головы. Это привело къ тому, что всѣ магометане соединились для борьбы съ пришельцами. Агенты мароккесскаго императора разжигали религіозный фанатизмъ и ненависть къ Французамъ.

Абдъ-эль-Ка-
деръ
1807—1883 г.

Туземцы скоро приобрѣли способнаго вождя въ лицѣ «сына Магиддина», Абдъ-эль-Кадера, возвратившагося около того времени изъ Египта и Мекки, куда онъ когда-то бѣжалъ изъ своей родины Маскары; многія племена признали его своимъ султаномъ и онъ провозгласилъ

Мартъ 1833.

«священную войну» съ невѣрными. Когда Савари вышелъ въ отставку и вскорѣ послѣ того умеръ, а главнокомандующимъ въ Алжирѣ былъ назначенъ генераль Вуароль, во всѣхъ провинціяхъ свирѣпствовала страшная расовая и религіозная борьба. При такомъ положеніи дѣлъ не могла достигнуть процвѣтанія колонія, въ которую привлекали заманчивыми обѣщаніями переселенцевъ всякихъ національностей и изъ всѣхъ странъ, преимущественно изъ Германіи. Какъ могли возникнуть тамъ культура и благосостояніе, если французскія войска даже не были въ состояніи охранять отъ опустошительныхъ набѣговъ бедуиновъ воздѣланныя трудомъ колонистовъ майсовыя и хлѣбныя поля? Вѣдь колонисты знали, что построенная ими хижина и разведенныя вокругъ нея плодовые деревья будутъ уничтожены при пер-

вомъ набѣгѣ хищниковъ! Подъ владычествомъ римскихъ императоровъ провинція Африка была одной изъ самыхъ богатыхъ, самыхъ цвѣтущихъ и самыхъ цивилизованныхъ странъ; въ ней были великолѣпные города и знаменитыя учебныя заведенія; ея населеніе достигло благосостоянія торговлей и промышленной дѣятельностью; она служила для Рима житницей; а подъ владычествомъ Французовъ она не могла выйти изъ того состоянія варварства, въ которое ее ввергли хищническія магометанскія племена. Правда, новые завоеватели не могли ни на минуту вложить свой мечъ въ ножны, потому что нашли въ Абдъ-эль-Кадерѣ такого-же противника, какимъ когда-то былъ для Римлянъ Югурта. Это былъ хитрый и предпріимчивый противникъ: онъ умѣлъ искусно составлять планы нападеній и находить средства для ихъ исполненія; въ качествѣ духовнаго лица (марабу) и военнаго вождя онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ туземцевъ; иностранцевъ онъ превосходилъ и знаніемъ страны и знаніемъ характера ея жителей; онъ въ теченіе многихъ лѣтъ съ успѣхомъ боролся съ французскими арміями, а если и случалось, что его сила казалась окончательно сломленной, то въ слѣдующемъ году онъ возобновлялъ борьбу во главѣ болѣе многочисленныхъ воиновъ. Онъ принудилъ генерала Демишеля заключить съ нимъ договоръ, который считали во Франціи «тріумфомъ хитрыхъ варваровъ надъ невѣжественной культурой».

26 февр.
1834.

Тогда защита и дальнѣйшее развитіе колоніи сдѣлались дѣломъ чести для іюльскаго правительства, которое на этотъ разъ нашло для себя въ общественномъ мнѣніи опору противъ парламентской оппозиціи. Всѣ французскія владѣнія въ Африкѣ были отданы въ управленіе зависѣвшему отъ военнаго министра, генералъ-губернатору, которому были подчинены начальники сухопутныхъ и морскихъ военныхъ силъ и всѣ гражданскія должностныя лица. На этотъ высокій постъ былъ назначенъ графъ Друэ д'Эрлонъ. Но начало его управленія было несчастливо. Преемникъ Демишеля въ провинціи Оранъ, генералъ Трезель заключилъ съ противниками Абдъ-эль-Кадера договоръ и за тѣмъ, вступивши съ эмиромъ въ сраженіе подлѣ Макты, потерпѣлъ полное пораженіе. Изъ 2500 человекъ онъ потерялъ болѣе 800 убитыми и ранеными; непріятель завладѣлъ его багажемъ и военными снарядами. Если-бы Французы не загладили этой неудачи, то всѣ плоды ихъ пятилѣтнихъ трудовъ были-бы утрачены. Друэ д'Эрлонъ былъ отозванъ, а въ Алжиръ былъ вторично отправленъ произведенный въ маршалы Клозель съ званіемъ намѣстника: его власть была расширена и ему даны были въ распоряженіе болѣе значительныя военныя силы. Начало его дѣятельности не было неудачно. Въ сопровожденіи юнаго наслѣдника престола, онъ выступилъ изъ Орана противъ Абдъ-эль-Кадера, чтобъ загладить пораженіе, нанесенное Французамъ при Мактѣ. Онъ вступилъ вмѣстѣ съ наслѣднымъ принцемъ въ столицу эмира Маскару и предалъ ее пламени; онъ завладѣлъ городомъ Тлемзеномъ,

Ходъ военныхъ дѣйствій и пораженія Французовъ.

28 іюня
1835.

6 дек.
Янв. 1836.

лежащимъ неподалеку отъ границы Марокко, и поставилъ въ укрѣпленной цитадели этого города французскій гарнизонъ; а во время его поѣздки въ Парижъ, предпринятой съ цѣлю исходатайствовать присылку подкрѣплений для окончанія войны, генераль Бюжо одержалъ побѣду на берегахъ одного изъ притоковъ Тафны, Сикака, и этимъ загладилъ поражение, нанесенное французской арміи на берегахъ Тафны за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Но дѣла скоро приняли иной оборотъ. По совѣту итальянскаго ренегата Юссуфа, перешедшаго изъ тунисской службы во французскую, Клозель выступилъ изъ Боны съ недостаточными военными силами и въ неблагоприятное время года, направляясь къ городу Константиѣ (Цирта Массиниссы), гдѣ турецкій бей Ахметъ, до того времени жившій въ мирѣ съ Французами, твердою рукою держалъ восточныя провинціи въ повиновеніи. На пути Французамъ пришлось выносить страшныя лишения и болѣзни; до крайности измученные, они наконецъ появились подъ стѣнами стоявшаго на утесѣ города, но встрѣтили такія непреодолимыя затрудненія, что утратили надежду на успѣшный исходъ осады. Послѣ двухъ безуспѣшныхъ нападеній они были вынуждены начать отступление, которое превратилось въ страшную катастрофу. Большая часть французской арміи погибла отъ ярости преслѣдовавшихъ ее мусульманъ, отъ лишеній, истощенія силъ и болѣзней. Часть арьергарда была обязана своимъ спасеніемъ только хладнокровному мужеству майора Шангарнье. Семь сотъ христіанскихъ головъ и двѣсти паръ христіанскихъ ушей, выставленныхъ на городскихъ воротахъ Константины, свидѣтельствовали о триумфѣ мусульманъ.

Если бы Французы не загладили этого пораженія, то ихъ военное могущество совершенно утратило-бы въ Африкѣ свое обаяніе. Поэтому Клозель былъ отозванъ, а общественное мнѣніе строго порицало его образъ дѣйствій. Начальниками французскихъ войскъ были назначены въ Алжирѣ генералы Дамремонъ и Валэ, въ Оранѣ—Бюжо. Этому послѣднему было поручено уладить соглашеніе съ Абдъ-эль-Кадеромъ, а двумъ первымъ было приказано наказать Ахметъ-бея, высокомерно отвергавшаго всякія мирныя предложенія. Генераль Бюжо вступилъ въ переговоры съ эмиромъ, который уже успѣлъ оправиться отъ пораженія, нанесеннаго ему при Сикакѣ, и заново отстроилъ свою резиденцію Маскару. Послѣ личнаго свиданія между этими двумя военачальниками, былъ заключенъ въ Тафиѣ договоръ, по которому Абдъ-эль-Кадеръ призналъ верховную власть Франціи надъ Алжиромъ съ тѣмъ условіемъ, что ему будетъ предоставлена верховная власть надъ остальными африканскими провинціями. Этотъ мирный договоръ, вызвавшій не мало порицаній, былъ для французскаго честолюбія менѣе лестенъ, чѣмъ исходъ нападенія на Константи́ну. Генералы Дамремонъ и Валэ двинулись въ октябрѣ къ Кон-

6 іюля.

Ноябрь и
декабрь.

Тафна и
Константи́на.

30 мая 1837.

стантинѣ въ сопровожденіи втораго сына Луи-Филиппа, герцога Немурскаго. Послѣ трехъ-дневныхъ приступовъ они овладѣли этимъ городомъ и принудили бея укрыться въ лѣсахъ вмѣстѣ съ нѣсколькими приверженцами. Это была дорого купленная побѣда, за которую заплатились своею жизнію генераль Дамремонъ и очень многіе изъ храбрыхъ французскихъ офицеровъ и солдатъ.

14 окт.

Послѣ взятія Константины, Французы двинулись въ восточныя Абдъ-эль-Ка-провинціи и стали мало по малу подчинять ихъ верховной власти деръ на югѣ. генерала Валэ, возведеннаго въ званіе маршала; тѣмъ временемъ Абдъ-эль-Кадеръ подчинялъ своей власти всѣ арабскія племена, жившія къ югу отъ его владѣній, вводилъ строгій порядокъ въ администраціи и въ отправленіи правосудія и усиливалъ свое могущество до страшныхъ размѣровъ. Когда Валэ и наслѣдный принцъ проникли въ ущелье «желѣзныхъ воротъ», эмиръ счелъ это паступательное движеніе за нарушеніе заключеннаго въ Тафинѣ договора, допускавшаго различныя истолкованія своего неяснаго содержанія, и снова началъ «священную войну» съ христіанскими пришельцами. Поселенія Европейцевъ на открытой мѣстности подверглись нападеніямъ и опустошеніямъ; сорокъ тысячъ Арабовъ раскинули свой лагерь на равнинѣ Метидша и дѣлали набѣги вплоть до воротъ Алжира.

Ноябрь 1839.

Плоды всѣхъ усилій и продолжительной борьбы, по видимому, были утрачены. Тогда генералу Бюжо было поручено управленіе всѣми французскими владѣніями въ Африкѣ, а число находившихся тамъ французскихъ войскъ было увеличено. Ему, наконецъ, удалось сломить могущество Абдъ-эль-Кадера при содѣйствіи храбраго генерала Ламорисьера и такихъ осмотрительныхъ начальниковъ, какъ Барагэ-д'Илье, Канроберъ, Макъ-Магонъ, Пелиссье, Сентъ-Арно, Кавеньякъ, герцога Омальскій; онъ достигнулъ этой цѣли, безпрестанно предпринимая опустошительные набѣги, склоняя, посредствомъ подкупа, отдѣльныя племена къ отпаденію отъ эмира, разрушая его крѣпости (Саанда и Смала были разрушены герцогомъ Омальскимъ), ослабляя его вліяніе и истощая его оборонительныя средства. Послѣ вторичнаго взятія Маскары большая часть кабилскихъ племенъ отложились отъ Абдъ-эль-Кадера и подчинились Французамъ, а самъ эмиръ былъ вынужденъ искать спасенія въ бѣгствѣ на мароккскую территорію. Тогда открылась возможность заняться колонизаціей страны съ болѣе широкимъ успѣхомъ и послѣдовательностью. Число колонистовъ стало увеличиваться; были построены новыя селенія, проведены новыя дороги, основаны военныя колоніи, а для облегченія внутреннихъ сношеній было увеличено число «арабскихъ должностей». Столько-же храбрый, сколько осмотрительный, Бюжо получилъ въ награду за свою успѣшную дѣятельность маршальскій жезлъ. Но неутомимый эмиръ сталъ строить новыя военныя планы, рассчитывая на религіозный фанатизмъ магометанъ и на склопность кабилскихъ племенъ

Бюжо и Абдъ-эль-Кадеръ.
Февр. 1841.

1842.

1844. къ вѣроломству. Онъ снова появился на окраинѣ степей и сталъ возбуждать Арабовъ къ возобновленію борьбы съ врагами ислама. Въ то-же время онъ обратился за помощью къ мароккскому султану Абдъ-уръ-Рахману, подобно тому, какъ Югурта когда-то обращался за помощью къ мавританскому владѣтелю Бокху; онъ сталъ всячески возбуждать этого владѣтеля сѣверо-западной Африки къ войнѣ съ Франціей, а разжигая религіозную и національную ненависть магометанъ къ Французамъ, подготовлялъ новую священную войну. Жители Марокко были оскорблены тѣмъ, что Бюжо устроилъ военный лагерь подлѣ самой границы ихъ страны, въ Лалла-Маграна, куда они привыкли ходить на богомолье; чтобъ отмстить за это оскорбленіе, мароккскія войска выступили въ походъ, но не смотря на то, что были внятеро многочисленнѣе Французовъ, потерпѣли у рѣчки Исли полное пораженіе; это привело къ заключенію въ Танжерѣ мира между Марокко и Франціей. Побѣдоносный маршалъ былъ награжденъ титуломъ герцога Исли. Изъ уваженія къ Англіи, Франція не потребовала отъ мароккскаго султана ни уступки владѣній, ни денежнаго вознагражденія.
- 14 авг. 1845. Тѣмъ строже обходились Французы съ тѣми туземными племенами, которыхъ вовлекали въ возстанія подстрекательства Абдъ-эль-Кадера и его агентовъ. Раздраженные вѣроломствомъ этихъ племенъ, они стали прибѣгать къ большимъ жестокостямъ, — стали огнемъ и мечомъ отстаивать ту почву, на которой селили своихъ колонистовъ. Когда жившее въ Дарѣ, арабское племя укрылось съ женами и дѣтьми въ широкой пещерѣ, полковникъ Пелиссье задушилъ ихъ всѣхъ дымомъ отъ зажженного у входа въ пещеру хвороста. Эта ужасная система колонизаціи, вызвавшая во всей Европѣ ропотъ негодованія, нашла защитника только въ военномъ министрѣ, престарѣломъ маршалѣ Сультѣ, который въ теченіе всей своей жизни никогда никому не давалъ пощады и никогда не руководствовался чувствомъ чело-вѣколюбія. Однако эта система террора привела къ тому, что всѣми покинутый и опасавшійся за свою жизнь, Абдъ-эль-Кадеръ покорился Французамъ съ условіемъ, что ему будетъ дозволено удалиться въ Египетъ. Этотъ договоръ, заключенный генераломъ Ламорисьеромъ, былъ утвержденъ покорителемъ Смалы, герцогомъ Омальскимъ, который былъ назначенъ на мѣсто Бюжо генераль-губернаторомъ Алжира. Но правительство «цивилизованной націи» не исполнило условій договора, заключеннаго сыномъ короля: оно приказало отправить Абдъ-эль-Кадера вмѣстѣ съ его семействомъ и его свитой во Францію, гдѣ онъ въ теченіе многихъ лѣтъ содержался въ Амбуазѣ подъ строгимъ надзоромъ, пока не получилъ свободы отъ императора Наполеона, который назначилъ ему пенсію и взялъ съ него клятвенное обѣщаніе, что онъ никогда не возьмется за оружіе противъ Франціи.
- 19 июня 1845.
- Дек. 1847.
- Окончаніе войны.

Въ своихъ отношеніяхъ къ Таити (Отаити), одному изъ «Острововъ Товарищества», Франція руководствовалась, изъ зависти къ Англіи, мелочными соображеніями. Жители этого прелестнаго и плодороднаго острова, считавшагося «царемъ южныхъ морей», когда-то жили въ невинномъ природномъ состояніи, но вслѣдствіе своихъ сношеній съ Европейцами выродились и нравственно и физически; болѣзни, порочныя склонности и отвратительные богослужебные обряды налагали на нихъ клеймо позора; наконецъ, англійскіе миссіонеры стали обращать ихъ въ христіанство, посѣяли у нихъ сѣмена болѣе благородныхъ понятій о нравственности, ввели правильную систему государственнаго управленія и постарались познакомить ихъ съ европейской культурой. Въ двадцатыхъ годахъ островъ Таити былъ христіански-цивилизованной страной, подчинившейся вліянію Англіи, но свободной и самостоятельной; правда, на безпристрастнаго наблюдателя не могъ производить пріятнаго впечатлѣнія тотъ фактъ, что христіанство, которое было введено на островъ Таити, носило на себѣ отпечатокъ лицемерія методистовъ и строгости пуританъ; но это состояніе населенія все таки было гораздо лучше, чѣмъ въ то время, когда оно представляло смѣсь всѣхъ пороковъ цивилизованнаго общества съ грубостью и безнравственностью дикихъ народовъ. Но католическіе миссіонеры, проникнувшіе туда подъ охраной одного французскаго консула, постарались замѣнить протестантское христіанство папизмомъ и посѣяли тамъ сѣмена религіозныхъ раздоровъ. Преданная Англичанамъ и привязанная къ протестантизму, королева Помаре прогнала католическихъ миссіонеровъ; но по прошествіи двухъ лѣтъ французскіе моряки снова привезли туда этихъ миссіонеровъ, вынудили отъ мѣстнаго правительства разрѣшеніе строить католическія церкви, а чтобъ создать для своего предпріятія болѣе твердую опору, постарались, при содѣйствіи французскаго консула, подчинить островъ протекторату Франціи. Честолюбивый и предпріимчивый адмиралъ Дюпети-Туаръ заключилъ съ королевой Помаре договоръ, подготовившій постепенное завладѣніе островомъ; это было сдѣлано въ отсутствіи англійскаго миссіонера Притчара, бывшаго до того времени совѣтникомъ королевы. Луи-Филиппъ, очевидно, впадалъ въ заблужденіе, думая, что опорой для французскаго протектората могутъ служить нѣкоторые изъ мѣстныхъ вліятельныхъ людей, которыхъ пропсками склонили къ подачѣ прошеній французскому правительству. По совѣту возвратившагося въ Таити, Притчара, королева объявила, что ее принудили подписать договоръ, предоставлявшій па- рижскому правительству руководство внѣшними сношеніями; затѣмъ она приказала снять французскій флагъ. Дюпети-Туаръ усмотрѣлъ въ этомъ образѣ дѣйствій нарушеніе договора, лишавшее королеву Помаре ея верховныхъ правъ, и объявилъ, что Таити вмѣстѣ со всей группой Острововъ Товарищества поступаетъ въ непосред-

Таити.

1835.

1836.

9 сент. 1842.

Ноябрь 1843.

ственное владѣніе Франціи. Это сдѣлалось причиной внутреннихъ раздоровъ и возстаній. Французскаго протектората не хотѣли признать ни сама королева, переѣхавшая на другой островъ, ни мѣстные жители, руководствовавшіеся совѣтами англійскихъ миссіонеровъ. Тогда французскій главнокомандующій приказалъ арестовать Притчара и отправилъ его въ Америку. Парижское правительство очутилось въ затруднительномъ положеніи. Чтобъ смягнуть негодованіе Англіи на обиду, нанесенную консулу и миссіонеру Притчару, Гизо обратился къ лондонскому правительству съ дипломатической нотой, въ которой выражалъ свое «искреннее сожалѣніе» о томъ, что случилось, и предлагалъ вознагражденіе. Общественное мнѣніе было сильно возбуждено по обѣимъ сторонамъ канала. Но развѣ стоило труда предпринимать войну изъ-за г-на Притчара и варварской королевы? Французское предложеніе было принято; королева Помаре возвратилась въ Таити послѣ двухъ-лѣтняго отсутствія и снова вступила въ управленіе островомъ подъ покровительствомъ Франціи. Англія обнаружила болѣе уступчивости, чѣмъ Франція, тѣмъ не менѣ оппозиція во французской палатѣ депутатовъ горячо нападала на правительство за то, что оно не сумѣло лучше оберегать честь Франціи.

2. Пиренейскій полуостровъ.

а. послѣдніе годы царствованія Фердинанда VII и законъ о престолонаслѣдствіи.

Абсолютизмъ въ Испаніи. Испанскій народъ вышелъ измученнымъ и искалѣченнымъ изъ опп- санный нами въ предъидущемъ томѣ (XIV, 633 и сл., 679 и сл.) продолжительной борьбы то съ внѣшними то съ внутренними врагами. Его старая историческая связь съ царствующей династіей и съ церковной іерархіей значительно ослабѣла съ тѣхъ поръ, какъ духовенство стало дѣйствовать за одно съ деспотическою властію, совершенно теряя изъ виду національные интересы. Образованное среднее сословіе отвыкло отъ той завѣщанной преданіями, привязанности къ католицизму, которая когда-то была главной характеристикой особенностью испанской націи. Его вѣра въ монархическій принципъ была поколеблена съ тѣхъ поръ, какъ король и его придворные служители ввели съ помощью Священнаго Союза деспотическую систему правленія, которую они употребляли во зло, удовлетворяя свою жажду мщенія и нарушая законы. Восемь тысячъ патріотовъ жили изгнанниками во Франціи, въ Бельгіи, въ Англіи, съ нетерпѣніемъ ожидая возможности возвратиться въ отечество и черезъ посредство прессы клеймя позоромъ тиранническій режимъ господствующей партіи. Преждевременныя попытки возстанія въ Та-

рифъ и въ другихъ южныхъ городахъ усилили фанатизмъ клерикаловъ. «Тогда висѣлица сдѣлалась въ полномъ смыслѣ слова эмблемой католическаго правительства, предававшагося самымъ отвратительнымъ оргіямъ мстительности. Военныя комиссіи присвоили себѣ всѣ права судебной власти; полиція составляла черную книгу, въ которой отмѣчалось, по указанію монаховъ, поведеніе каждаго Испанца въ годы революціи». Двадцатые годы текущаго столѣтія были во всѣхъ странахъ европейскаго континента запятнаны гнусными насиліями реакціи и политическими преслѣдованіями, но въ Испаніи терроризмъ противъ всякихъ либеральныхъ стремленій или манифестацій достигъ самаго высокаго процвѣтанія. Министры Каломарде и Эймерихъ учредили «правительственныя комиссіи», которыя очи- Мартъ 1825. стили чиновничество и армію отъ неподчинявшихся господствовавшей системѣ или только подозрительныхъ элементовъ, а всю образованную часть націи какъ-бы поставили внѣ закона. Король предоставлялъ ультра-роялистамъ свободу дѣйствія; только въ тѣхъ случаяхъ, когда они заходили слишкомъ далеко, онъ на время сдерживалъ ихъ чрезмѣрное рвеніе не изъ принципа и не изъ человеколюбія, а только изъ опасенія, что слишкомъ жестокія мѣры могутъ навести людей на отчаянныя предпріятія. Но все это не удовлетворяло вождей клерикаловъ и неустрашимыхъ начальниковъ «арміи вѣры»; они втайнѣ обращали свои взоры на инфанта донъ-Карлоса, въ фанатической душѣ котораго никогда не обнаруживалось никакихъ признаковъ религіозной терпимости или уваженія къ новѣйшей цивилизаціи; этотъ ограниченнаго ума принцъ безпрекословно подчинялся авторитету своего духовника и вліянію своей честолюбивой, властолюбивой и набожной супруги, португальской принцессы Маріи Франциски; но при этомъ онъ дорожилъ своими законными правами на престолъ болѣе, чѣмъ слѣдовало по мнѣнію сестры донъ-Мигуэля, участвовавшей во всѣхъ проискахъ клерикаловъ. Сколько интригъ велось тогда въ Мадридѣ и въ Лиссабонѣ съ цѣлію утвердить въ обоихъ королевствахъ Иберійскаго полуострова владычество абсолютистовъ и ультрамонтанъ, во главѣ которыхъ стояли два инфанта донъ-Мигуэль и донъ-Карлосъ, сопровождаемые пожеланіями успѣха со стороны Меттерниха и французскихъ конгрегационистовъ!

Клерикальные фанатики считали главной опорой своего владычества министра Каломарде; этотъ хитрый Араговецъ незнатнаго происхождения не руководствовался никакими нравственными или политическими принципами, а бралъ сторону той партіи, которая была въ силѣ и, по видимому, была въ состояніи удовлетворить его безграничное себялюбіе. Онъ былъ любимцемъ Фердинанда, потому что они были такъ похожи другъ на друга своими личными свойствами, что «никто не могъ-бы рѣшить, который изъ нихъ болѣе безхарактеренъ, болѣе коваренъ и низокъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хитеръ и

пронырливъ». Они хорошо знали другъ друга и старались опутать одинъ другаго сѣтью интригъ и лукавства. Если который пибудь изъ зазорныхъ вождей клерикаловъ рѣшался на слишкомъ смѣлое предпріятіе, насильственная смерть устранила его отъ участія въ общественной дѣятельности, — какъ это случилось съ двумя начальниками клерикальных шакъ Бессьеромъ и Эмпецинадо. Вѣдь Каломарде хотѣлъ, подобно Фердинанду, самъ всѣмъ руководить. Были безжалостно изрублены вмѣстѣ со всѣми своими приверженцами и братья Базаны, попытавшіеся у береговъ Аликанте поднять на ноги Испанцевъ для возобновленія конституціи кортесовъ. Король полагалъ, что всего вѣрнѣе обезпечить и упрочить свою абсолютную власть, если будетъ попеременно пользоваться услугами каждой изъ политическихъ партій для борьбы съ ея соперниками, а самъ не будетъ безусловно или надолго привязываться ни къ одной изъ нихъ. Ультра-клерикалы тщетно добивались вмѣшательства Испаніи въ португальскія дѣла для того, чтобъ уничтожить конституцію дона-Педро: Фердинандъ втайнѣ всячески поддерживалъ португальскихъ абсолютистовъ (XIV, 693 и сл.), но онъ воздержался отъ непосредственнаго вмѣшательства, которое вовлекло-бы его въ ссору съ министерствомъ Каннинга.

Разнузданныя
страсти. Однако, испанское правительство не всегда было въ состояніи держать въ уздѣ сумасбродовъ и фанатиковъ. Поселяне Каталоніи, въ особенности тѣ, которые жили въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ, вполнѣ подчинялись вліянію монаховъ и начальниковъ «арміи вѣры», а о настоящемъ положеніи дѣлъ въ Испаніи не имѣли никакого понятія; поэтому они легко вовлекались въ возстанія и въ междоусобицы, послѣдствіемъ которыхъ было не мало злодѣяній. На священной горѣ Монсерратѣ собрались клерикалы для того, какъ они утверждали, чтобъ освободить короля изъ подъ власти масоповъ. Красивая и богатая дама, Жозефина Камерфордъ, находившаяся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ирландскими и испанскими монахами и священниками, до того увлеклась религіознымъ фанатизмомъ, что вздумала снова разыграть роль «сарагосской дѣвушки» (XIV, 339). Въ Барселонѣ, въ Леридѣ, въ Манресѣ, въ Таррагонѣ, либералы и приверженцы конституціи дрожали отъ страха при видѣ совершавшихся тамъ клерикалами злодѣяній. Тогда король самъ отправился вмѣстѣ съ Каломарде въ самый центръ глубокаго взволнованной страны, въ Таррагону для того, чтобъ своимъ присутствіемъ опровергнуть взведенныя на него клеветы и успокоить умы, между тѣмъ какъ генералъ Эспанья будетъ силою оружія укрощать мятежниковъ и недовольныхъ. И въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ ярость партійной вражды вспыхнула съ новою силой и дошла до анархіи.

Отчаянное по-
ложеніе
Испаніи. Въ концѣ двадцатыхъ годовъ положеніе Испаніи было безвыходнымъ и безнадежнымъ. Въ ея крѣпостяхъ еще стояли французскіе

гарнизоны для того, чтобъ сдерживать предприимчивость и приверженцевъ конституціи и ультра-роялистовъ, а въ особенности такъ называемыхъ «королевскихъ добровольцевъ». Финансы находились въ такомъ разстройствѣ, отъ котораго было недалеко до государственнаго банкротства; вслѣдствіе того, что правительство не внушало къ себѣ довѣрія, оно до такой степени уронило свой кредитъ, что иностранные капиталисты не давали ему займы денегъ ни на какихъ условіяхъ; торговля, промышленность и земледѣліе пришли въ совершенный упадокъ, съ тѣхъ поръ какъ отпаденіе колоній закрыло для нихъ самые выгодные рынки. Французскія войска содержались на счетъ страны и окончательно очистили испанскую территорію только послѣ того, какъ Испанія уплатила вознагражденіе за военные расходы въ размѣрѣ трехъ сотъ милліоновъ франковъ. И англійское правительство предъявило требованіе вознагражденія британскихъ торговцевъ, а изъ соперничества съ Франціей защищало португальскихъ либераловъ отъ угнетеній. Тогда одинъ изъ испанскихъ патріотовъ, Ксаверій де Бургось, — когда-то принадлежавшій къ числу *Afrancesados* (приверженцевъ короля Іосифа), а во время реакціи занимавшійся учеными, преимущественно политико-экономическими, трудами, — подалъ королю памятную записку, въ которой съ благородной откровенностью перечислялъ причины бѣдственнаго положенія страны и рекомендовалъ слѣдующія спасительныя средства: амнистію, переустройство администраціи, конфискацію церковныхъ имѣній, облегченіе торговыхъ сношеній, развитіе образованія и прекращеніе политическихъ раздоровъ. Эта записка не могла появиться въ печати, но распространилась въ безчисленныхъ копіяхъ. Ея содержаніе сдѣлалось программой для умѣренной средней партіи, старавшейся примирить противоположныя мнѣнія.

Дек. 1828.

Ультра-клерикалы жили надеждой, что король, преждевременно состарѣвшійся отъ неводержности въ чувственныхъ наслажденіяхъ, кончитъ жизнь бездѣтнымъ, и что послѣ него вступить на престолъ донъ-Карлосъ, при которомъ ихъ владычество упрочится безъ всякихъ революціонныхъ переворотовъ. Они были очень испуганы, когда бездѣтная королева, Амалия Саксонская опасно занемогла и не смотря на то, что къ ея постели приносились мощи разныхъ святыхъ, кончила жизнь двадцати пяти лѣтъ. Вѣдь не трудно было предвидѣть, что король не замедлитъ вступить въ четвертый бракъ. Дѣйствительно, уже черезъ два мѣсяца послѣ смерти королевы, Фердинандъ отыскалъ себѣ новую супругу. Вожди клерикальной партіи употребляли въ дѣло все свое умѣнье вести интриги, чтобъ направить выборъ короля на такую принцессу изъ португальскаго или изъ піемонтекаго царствующаго дома, которая раздѣляла-бы ихъ убѣжденія; но Фердинандъ подчинился вліянію своей невестки, инфанты Луизы Карлоты де-Паула, рекомендовавшей ему свою младшую сестру, пе-

Новое бракосочетаніе короля.

17 мая 1829.

- аполитанскую принцессу Марію Христину. Предложеніе Фердинанда было принято, Марія Христина была обручена съ королемъ и при своемъ прибытіи въ Испанію была встрѣчена радостными привѣт-
 Дер. 1829. ствіями народа. Ея переѣздъ изъ Барцелоны въ Мадридъ былъ по-
 хожъ на триумфальное шествіе. Торжественное бракосочетаніе, вслѣдъ
 за которымъ были устроены многочисленныя празднества, было при-
 нято либералами за начало новой эры, за утреннюю зарю наступа-
 вшихъ для Испаніи болѣе счастливыхъ дней. Привлекательная наруж-
 ность и бодрый видъ двадцати-трехъ-лѣтней принцессы усиливали
 эти радостныя ожиданія. Для ультра-роялистовъ и ультра-католиковъ
 это бракосочетаніе было тяжелымъ пораженіемъ, потому что и коро-
 лева и ея сестра склонялись на сторону противной партіи частію изъ
 10 окт. 1830. убѣжденія, частію изъ личныхъ соображеній. Ихъ пораженіе сдѣла-
 лось еще болѣе рѣшительнымъ, когда они обманулись въ своей на-
 30 янв. 1832. деждѣ, что бракъ короля будетъ бездѣтнымъ,—когда у короля роди-
 лась дочь Изабелла, а по прошествіи года еще дочь Луиза.
- Прагматиче- Къ радости реакціонеровъ (или апостоликовъ, какъ они себя на-
 ская санкція. зывали), у короля не родилось сына; они были увѣрены, что донъ-
 Карлосъ останется законнымъ наслѣдникомъ престола, такъ какъ на
 основаніи порядка престолонаслѣдія, введеннаго въ 1713 году въ
 Испаніи Филиппомъ V, наслѣдственное право на престолъ переходило
 только къ лицамъ мужескаго пола. Но имъ было неизвѣстно, что
 это измѣненіе древне-кастильскаго порядка престолонаслѣдія было
 уничтожено при Карлѣ IV съ согласія кортесовъ и что «прагмати-
 ческая санкція» 1789 года возстановила порядокъ престолонаслѣдія,
 существовавшій съ незапамятныхъ временъ и на основаніи закона
 и на основаніи обычая,—тотъ порядокъ, что «женщины лучшей ли-
 ніи или лучшей степени въ одной и той-же линіи имѣютъ преиму-
 щество передъ мужчинами худшей линіи». Заблужденіе реакціонеровъ
 объясняется тѣмъ, что прагматическая санкція хранилась втайнѣ и
 никогда не была обнародована, потому что тогдашнее испанское пра-
 вительство опасалось вызвать протесты со стороны бурбонскихъ ди-
 настій, царствовавшихъ въ Неаполѣ и во Франціи. Хотя и консти-
 туція 1808 года устанавливала, что испанская корона переходитъ и
 къ мужчинамъ и къ женщинамъ по праву первородства, но эта кон-
 ституція уже давно была уничтожена, а законъ 1789 года все еще
 не былъ обнародованъ. Пока у Фердинанда не было дѣтей, не было
 никакого основанія опасаться споровъ по вопросу о престолонаслѣ-
 діи. Но въ тотъ моментъ, когда сдѣлалась извѣстной беременностью
 29 марта королевѣ, была обнародована прагматическая санкція, возстановляв-
 1830. шая старый порядокъ престолонаслѣдія по закону 1789 года. Этотъ
 важный документъ появился въ официальной газетѣ и, натурально,
 возбудилъ очень сильное волненіе умовъ. Не подлежало никакому
 сомнѣнію, что король рѣшился на эту мѣру по совѣту своей супруги

и ея сестры, и что въ этомъ дѣлѣ имѣлъ долю участія Каломарде, уронившій себя въ мнѣніи ультра-клерикаловъ своими враждебными отношеніями къ каталонскимъ инсургентамъ.

Вспыхнувшая вскорѣ послѣ того во Франціи, іюльская революція произвела при мадридскомъ дворѣ перемѣну въ настроеніи умовъ. Послѣдствія іюльской революціи въ Испаніи. Зародившіяся тамъ либеральныя поползновенія стали мало по малу исчезать. Перемѣна царствующей династіи во Франціи была непріятна Маріи Христинѣ и ея сестрѣ, потому что уничтожала надежду на бракосочетаніе герцога Бордосскаго съ дочерью принцессы де-Паула, а король былъ встревоженъ и раздраженъ тѣмъ, что либералы снова начали предъявлять свои притязанія, и тѣмъ, что у пиренейской границы стали собираться массы бѣглецовъ и изгнанниковъ. Мы уже ранѣе (XIV, 867) говорили о томъ, что мадридскій дворъ долго не рѣшался признать Луи-Филиппа королемъ и что онъ сдѣлался болѣе уступчивымъ только вслѣдствіе того, что іюльское правительство старалось угодить Фердинанду своимъ образомъ дѣйствій по отношенію къ эмигрантамъ. Дѣйствительно, это правительство не оказывало никакой поддержки тѣмъ отрядамъ добровольцевъ, которые, выйдя изъ Байонны, расположились вдоль пиренейской границы и учредили «временную директорію». Но эти испанскіе эмигранты сдѣлались совершенно чуждыми для своего отечества во время своего семилѣтняго пребыванія внѣ Испаніи, а ихъ наслѣдственная пагубная склонность къ партійной враждѣ не только не ослабѣла въ изгнаніи, но даже усилилась; поэтому безъ содѣйствія Франціи они не были въ состояніи произвести въ Испаніи серьезный переворотъ. Между ними не было единомыслія: радикалы, къ которымъ присоединилось нѣсколько польскихъ, итальянскихъ и французскихъ эмигрантовъ, признавали своимъ начальникомъ полковника Бальдеса; люди умѣренныхъ мнѣній находились подъ начальствомъ храбраго патриота Мины и нѣсколькихъ либеральныхъ офицеровъ; когда всѣ они, безъ взаимнаго соглашенія, вторгнулись въ Наварру, они были безъ большого труда отражены королевскими войсками, которыми командовалъ генералъ Ллаудэръ; Мина очутился вмѣстѣ съ своими адъютантами въ крайне опасномъ положеніи; онъ укрывался отъ своихъ преслѣдователей въ горахъ и въ безлюдныхъ мѣстахъ и спасся отъ нихъ только тогда, когда перебрался за французскую границу. Во Франціи всѣ бѣглецы были, по распоряженію правительства, поселены внутри страны съ обязательствомъ не покидать своего мѣста жительства. Но Мина, — человѣкъ античнаго характера съ желѣзной волей и непоколебимой энергіей, — не утратилъ надежду доставить въ своемъ отечествѣ побѣду либерализму. Онъ зналъ, что у него есть не мало единомышленниковъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ той минуты, когда струя вольнаго воздуха избавитъ Испанію отъ господства клерикаловъ и придворной челяди; съ этими единомышленни-

Окт. 1830.

ками онъ находился въ постоянныхъ сношеніяхъ. Самымъ отважнымъ и самымъ предприимчивымъ между ними былъ молодой адвокатъ Февр. и мартъ 1831. Олозага. На югѣ попытки возстанія кончились тѣмъ-же, чѣмъ на сѣверѣ. Эмигранты, вторгнувшіеся изъ Гибралтара въ Кадиксъ и въ Андалузію подъ предводительствомъ генерала Торихоса и бывшего министра Манцанареса, были скоро прогнаны. Одни изъ нихъ спаслись бѣгствомъ, другіе, подобно Манцанаресу, погибли въ борьбѣ, а тѣ, которые попались въ плѣнъ, заплатили за свою отвагу смертью на висѣлицѣ. Противники господствующей системы, очевидно, еще не были достаточно подготовлены для успѣшнаго возстанія.

Марія Христина и Каломарде. Хотя апостолики и постарались воспользоваться вспыхнувшими на сѣверѣ и на югѣ возстаніями для упроченія своей системы, реакція все таки не была продолжительной: ей дулъ навстрѣчу сильный вѣтеръ изъ Франціи. И королева не желала утратить расположеніе, которое внушила людямъ умѣренныхъ миѣній и либераламъ. Напротивъ того, она старалась найти для себя твердую опору въ народномъ сочувствіи. Благодаря ея вліянію, была очищена сфера королевскихъ приближенныхъ. Изъ нея были удалены недостойные фавориты и наушники, придворные льстецы и прислужники; ихъ замѣнили представители высшей аристократіи и при дворѣ все приняло болѣе приличный видъ. Привлекательная молодая королева, въ то время еще сдерживавшая свои наклонности къ чувственнымъ наслажденіямъ, къ корыстолюбію и мстительности, обладала всѣми личными достоинствами, какими пріобрѣтается народная любовь. Она умѣла внушать чувства преданности и симпатіи. Ей не могли причинять вреда обвиненія ультра-клерикаловъ въ легкомысліи, въ расточительности, въ жаждѣ развлеченій. Она даже старалась склонить своего супруга къ обнародованію амнистіи. Но этого не желалъ всемогущій министръ Каломарде. Онъ боялся утратить свое вліяніе на Фердинанда и снова сблизился съ апостоликами, которые приняли его въ свои ряды съ распростертыми объятіями. Чтобы напугать короля и склонить его къ возстановленію военныхъ комиссій и къ принятію другихъ террористическихъ мѣръ, ультра-клерикалы уговорили укрывшагося въ Гибралтарѣ, генерала Торихоса предпринять новое вторженіе въ Андалузію. Окруженные измѣнниками, заговорщики попались въ руки сыщиковъ губернатора Морено; вождь радикаловъ былъ казненъ вмѣстѣ съ пятидесятью двумя сообщниками. За это Морено получилъ въ награду отъ Каломарде званіе генераль-капитана Гранады и Жаэна; но народъ прозвалъ его палачемъ Малаги. Каломарде скоро сдѣлался самымъ вліятельнымъ человѣкомъ въ Испаніи и настоящимъ ея повелителемъ. Онъ не только опуталъ короля сѣтью своихъ интригъ и привлекъ на свою сторону апостоликовъ, но кромѣ того замѣстилъ всѣ высшія правительственныя должности своими креатурами, удалилъ довѣренныхъ лицъ королевы, какъ напр. неапо-

1 дек. 1831.

литанскаго посланника Люкчези, а министерство наполнилъ ничтожными или вполнѣ преданными ему людьми.

Лѣтомъ 1832 года, во время пребыванія двора въ прохладной королевской резиденціи Сантъ-Ильдефонсо, король занемогъ; его болѣзнь приняла такой опасный характеръ, что исчезла надежда на его выздоровленіе. Марію Христину стала очень тревожить забота о будущности ея дѣтей. Каломарде сказалъ ей, что обнародованная 29 марта прагматическая санкція не можетъ вступить въ силу безъ согласія донъ-Карлоса. Она изъявила готовность на такой компромиссъ: если король декретомъ уполномочитъ ее завѣдывать, во время его болѣзни, дѣлами управленія вмѣстѣ съ министрами, то она выберетъ инфанта своимъ помощникомъ. Велись переговоры и о совмѣстномъ регентствѣ въ случаѣ кончины короля или въ случаѣ будущаго бракосочетанія принцессы Изабеллы съ старшимъ, въ то время четырнадцати-лѣтнимъ, сыномъ инфанта. Донъ-Карлосъ сначала не зналъ, на что рѣшиться; наконецъ, португальскія принцессы, фанатическіе епископы и посланники австрійскій и сардинскій убѣдили его заявить, что его религія не позволяетъ ему отказываться отъ такихъ правъ, которыя принадлежатъ ему отъ рожденія и которыя онъ обязанъ передать дѣтямъ. Тогда Марія Христина, всѣми покинутая и измученная продолжительнымъ сидѣньемъ по ночамъ у постели больного, сама высказала своему супругу желаніе, чтобы онъ отмѣнилъ прагматическую санкцію. Эту просьбу поддержали Каломарде, министръ Алкудія и королевскій духовникъ, епископъ Леонскій. И такъ, находившійся при смерти монархъ подписалъ дополненіе къ ранѣе составленному завѣщанію: изъ желанія обезпечить внутреннее спокойствіе онъ отмѣнилъ и обнародованную 29 марта 1830 г., прагматическую санкцію, и изложенныя въ завѣщаніи постановленія о регентствѣ. Все это слѣдовало хранить втайнѣ до кончины короля; но радость апостоловъ была такъ велика, что они немедленно привѣтствовали инфанта титуломъ короля въ полной увѣренности, что Фердинандъ уже не очнется отъ сильнаго обморока, въ который впалъ послѣ подписанія своего дополнительнаго завѣщанія.

Отмѣна прагматической санкціи.

19 сент. 1832.

Но это былъ преждевременный триумфъ; Фердинандъ ожилъ и вслѣдъ за тѣмъ совершился важный переворотъ. Самоувѣренность, съ которой держали себя ультра-клерикалы, ясно обнаруживала ихъ намѣреніе снова ввести систему террора 1823 года. Это побудило всѣхъ частныхъ людей и должностныхъ лицъ, принадлежавшихъ къ либеральной и умѣренной партіи, взять сторону королевы. Развязку ускорило прибытіе энергичной принцессы Луизы Шарлотты, которая, узнавши объ опасной болѣзни короля, прекратила морскія купанья подлѣ Кадикса и поспѣшила въ Сантъ-Ильдефонсо на помощь къ своей сестрѣ. Каломарде былъ уволенъ и сосланъ на разстояніе сорока миль отъ столицы; королевѣ было поручено завѣдываніе дѣлами управленія на

Неожиданная перемѣна.

1 окт. 1832.

время болѣзни ея супруга. Остальныхъ министровъ, за исключеніемъ Баллестероса, постигла одинакая участь съ Каломарде; на высшія военныя и гражданскія должности были назначены новые люди; кровожадный графъ Эспанья былъ удаленъ, а Ллаудеръ былъ назначенъ генералъ-капитаномъ Барцелоны; была обнародована широкая амнистія и было подготовлено сближеніе съ конституціонными западными монархіями. Марія Христина скоро очутилась во главѣ огромной партіи, члены которой, въ противоположность абсолютистамъ, фанатическому духовенству и руководимой ими суевѣрной черни, вступались за конституціонныя учрежденія, за просвѣщеніе и умственную свободу. Такимъ образомъ и въ Испаніи возникла такая же великая борьба изъ-за принциповъ, какая велась въ то время во всей цивилизованной Европѣ. Уже по тѣмъ движеніямъ, которыя вспыхнули въ то время въ нѣкоторыхъ городахъ и провинціяхъ, можно было предугадать то, что ожидало Испанію въ близкомъ будущемъ. Вѣдь ультра-клерикалы или—какъ ихъ стали тогда называть—«карлисты» еще въ октябрѣ стали распространять воззваніе къ борьбѣ, втайнѣ составленное монахами и католическими священниками и кончавшееся слѣдующими словами: Возстаньте, потомки героевъ! Не допускайте, чтобъ двѣ слабыя женщины, воспитанныя въ средѣ изнѣженныхъ Неаполитанцевъ, располагали судьбами націи, привыкшей держать Европу въ страхѣ! Возстаньте—и онѣ падутъ, раздавленные вами! Скорѣй беритесь за оружіе! Не предавайтесь неосновательнымъ опасеніямъ и смѣшнымъ колебаніямъ! Благо отечества выше всего! Да здравствуетъ Карль V!

Министерство Тѣмъ, что междоусобная война не вспыхнула еще при жизни Фер-
Бермудеца и динанда, Испанія была обязана главнымъ образомъ новому прези-
возстановленіе денту министерства Цеа-Бермудецу, который держался середины между
крайними партіями и котораго поддерживалъ самъ король. Его поли-
прагматиче- тическая программа заключалась въ слѣдующемъ: нейтралитетъ во
ской санкціи. внѣшнихъ дѣлахъ, въ особенности по отношенію къ борьбѣ поли-
Съ 27 ноября тическихъ партій въ Португаліи, умѣренныя реформы во внутрен-
1832. немъ управленіи и соблюденіе прагматической санкціи. Чтобъ поста-
вить легальный авторитетъ этой санкціи выше всякихъ сомнѣній и
30 дек. 1832. возраженій, Бермудецъ созвалъ высшихъ сановниковъ и испанскихъ
грандовъ на торжественное засѣданіе, въ которомъ министръ юстиціи
прочелъ, въ присутствіи короля и королевы, собственноручно на-
писанное Фердинандомъ, заявленіе слѣдующаго содержанія: декретъ
19 сентября былъ подписанъ королемъ во время тяжелой болѣзни
по настоянію неблагонамѣренныхъ людей, старавшихся ввести короля
въ заблужденіе; онъ долженъ считаться недѣйствительнымъ, потому
что несовмѣстимъ съ принципами монархіи и съ обязанностями ко-
роля по отношенію къ его потомству. Въ первый день новаго года
1 янв. 1833. министръ юстиціи обнародовалъ въ официальной газетѣ и содержаніе

прагматической санкціи и королевское заявленіе. И такъ, жребій былъ брошенъ: право женщинъ на престолонаслѣдіе было возстановлено на основаніи старинныхъ испанскихъ законовъ, а салическій законъ, который былъ въ силѣ въ бургонскихъ династіяхъ, былъ замѣненъ прагматической санкціей. Черезъ четыре дня послѣ того, Фердинандъ

4 янв.

самъ вступилъ въ управленіе государствомъ; въ милостивомъ рескриптѣ онъ похвалилъ королеву за рвеніе и благоразуміе, съ которыми она руководила дѣлами управленія, и увѣрялъ ее въ своемъ полномъ довѣріи.

Бермудецъ поступилъ очень благоразумно, убѣдивши короля снова стать во главѣ управленія, такъ какъ, вслѣдствіе всѣмъ извѣстной преданности инфанта донъ-Карлоса его старшему брату, этимъ способомъ задерживался взрывъ возстанія, для котораго уже все было подготовлено ультра-клерикалами, втайнѣ распространившими въ народѣ воззванія демагогическаго содержанія. Правда, такіе фанатики, какъ страстно ненавидѣвшій либераловъ, леонскій епископъ донъ-Іоакимъ Абарка, не прекратили своихъ происковъ съ цѣлю вызвать мятежъ, но попытки возстанія въ Леонѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ не имѣли успѣха, потому что не были поддержаны авторитетомъ претендента. Даже такъ называемые королевскіе добровольцы, служившіе для апостоликовъ настоящей гвардіей, не хотѣли выступить въ походъ противъ легитимной верховной власти. Епископъ Абарка бѣжалъ къ португальской границѣ, переодѣвшись крестьяниномъ. Нѣкоторые изъ высокопоставленныхъ вождей и участниковъ карлистскаго заговора были заключены въ тюрьму. Принцесса Беирская, которая была главной зачинщицей мятежническаго движенія, получила приказаніе отправиться въ Португалію къ своему брату донъ-Мигуэлю; ее должны были сопровождать туда донъ-Карлосъ и его супруга. Ихъ отъѣздъ, считавшійся ихъ приверженцами за ссылку, послужилъ поводомъ для горячихъ стычекъ между либералами и карлистами въ мадридскихъ улицахъ. И въ Сарагоссѣ, въ Севильѣ, въ Гранадѣ вспыхнули смуты. Тогда королева потребовала болѣе энергическихъ мѣръ для охраны правъ своей дочери и хотя Бермудецъ не желалъ измѣнять свою сдержанную политику посредника между крайними партіями, онъ, наконецъ, былъ вынужденъ согласиться на созваніе кортесовъ на 20 іюня для того, чтобъ они, по старому обыкновенію, присягнули инфантѣ Изабеллѣ, какъ наслѣдницѣ престола. И донъ-Карлосу король приказалъ признать инфанту принцессой Астурійской и принести ей присягу въ вѣрности. Но онъ прислалъ протестъ съ заявленіемъ, что совѣсть и честь не позволяютъ ему отказаться отъ его законныхъ правъ на престолъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ этого протеста было то, что Фердинандъ посоветовалъ своему брату отправиться вмѣстѣ съ его семействомъ въ Римъ. Но донъ-Карлосъ откладывалъ свой отъѣздъ подѣ

Принесеніе присяги закону о престолонаслѣдіи и предзнаменованія междоусобной войны.

Въ половинѣ января 1833.

16 марта.

4 апр.

20 апр. 1833.

6 мая.

20 іюня.

разными предложениями и остался въ Лиссабонѣ. Тогда для всѣхъ стало ясно, что интересы карлистовъ и мигуэлистовъ были тождественны. За тѣмъ состоялось въ назначенный день принесеніе присяги прагматической санкціи въ торжественномъ засѣданіи кортесовъ. Но вожди карлистовъ выдавали за общее правило, что эта присяга не имѣетъ никакого значенія, что ее слѣдуетъ считать только за актъ повиновенія королю, послѣ смерти котораго она ни къ чему не обязываетъ. Съ такими же оговорками присутствовали на церемоніи и иностранные посланники. Такимъ образомъ, обязательная сила прагматической санкціи сдѣлалась въ мнѣніи очень многихъ спорнымъ юридическимъ вопросомъ, который могъ быть окончательно разрѣшенъ только ходомъ событій послѣ смерти Фердинанда. Между тѣмъ звѣзда донъ-Мигуэля померкла въ Португаліи, гдѣ, къ великой досадѣ Бермудеца и даже короля, либеральная конституціонная партія одержала верхъ съ помощью Англіи и Франціи; это могло считаться за предзнаменованіе такого-же разрѣшенія спорнаго жизненнаго вопроса въ Испаніи.

Смерть короля.

29 сент. 1833.

Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій скончался король Фердинандъ отъ припадковъ удушья, которыми страдалъ уже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ списокѣ испанскихъ королей есть не мало такихъ, которыхъ заклеила исторія названіями тирановъ и враговъ народа; но между ними найдется не много такихъ, которые не имѣли-бы, подобно Фердинанду VII, ни одной благородной черты въ своемъ характерѣ. Этотъ король былъ вѣроломный, коварный, жестокосердый, а его система управленія была пагубна для Испаніи. Когда онъ кончилъ жизнь, умственная энергія націи была подавлена, матеріальное благосостояніе исчезло, фурія внутреннихъ раздоровъ была разнуздана, довѣріе иностранныхъ державъ было утрачено, правительство не пользовалось никакимъ уваженіемъ или вліяніемъ. Онъ когда-то возвратился въ свое отечество при радостныхъ возгласахъ народа, а въ могилу онъ сошелъ, сопровождаемый проклятіями. Смерть постигла его такъ неожиданно, что онъ не успѣлъ исповѣдаться и приобщиться Св. Таинъ; такова была странная судьба монарха, который въ теченіе всей своей жизни такъ усердно исполнялъ церковные обряды и заботился объ интересахъ духовенства.

В. карлисты и християносы.

Манифестъ королевь-регентши.

Слѣдовало ожидать, что карлисты воспользуются кончиной короля, чтобъ силою захватить въ свои руки власть. Бермудецъ предотвратилъ эту опасность своимъ рѣшительнымъ образомъ дѣйствій. Онъ пригласилъ къ себѣ генераловъ и высшихъ должностныхъ лицъ, отправился вмѣстѣ съ ними во дворецъ и предложилъ имъ подписать

въ присутствіи королевы и ея дѣтей заявленіе, что они будутъ держать сторону Маріи Христины, какъ вѣрные солдаты и хорошіе Испанцы. Они въ торопяхъ всѣ подписались подъ этимъ заявленіемъ не смотря на то, что между ними было нѣсколько приверженцевъ донъ-Карлоса. Чтобъ не возбуждать недовѣрія, Бермудецъ, по старому обыкновению, поставилъ королевскихъ добровольцевъ на стражѣ у дворца. Все это было фактическимъ признаніемъ прагматической санкціи и вступленія Христины въ званіе регентши, при которой долженъ былъ находиться совѣтъ регентства, состоявшій изъ членовъ, назначенныхъ королемъ передъ смертію изъ очень смѣшанныхъ элементовъ. Благодаря этимъ энергическимъ мѣрамъ, президентъ министерства остался на своемъ посту. Въ тотъ день, когда прахъ короля былъ положенъ въ пантеонъ Эскуріала, появился манифестъ, въ которомъ королева высказывала свое намѣреніе управлять государствомъ по-прежнему, поддерживать королевскій авторитетъ и неприкосновенность религіи, но въ то-же время вводить полезныя реформы во всѣхъ сферахъ государственной жизни.

1 окт. 1833.

4 окт.

Этимъ манифестомъ не была довольна ни одна изъ политическихъ партій. Христиносы (такъ стали съ тѣхъ поръ называть приверженцевъ королевы и конституціоннаго принца) не хотѣли ничего слышать о продолженіи той системы просвѣщеннаго абсолютизма, которая была создана только прихотью и предрассудками умершаго короля и постоянно колебалась въ разныя стороны при разрѣшеніи великихъ жизненныхъ вопросовъ дня, а карлисты уже распорядились во всѣхъ провинціяхъ объ организаціи такихъ-же юнть, какія существовали во время французскаго нашествія, и о постановленіи народныхъ рѣшеній (пронунціаміенто), чтобъ устранить враговъ троновъ и алтарей отъ управленія и помочь воцаренію законнаго короля Карла V. Для карлистовъ, по видимому, могли служить достаточными боевыми силами остатки старыхъ отрядовъ арміи вѣры и королевскіе добровольцы, превосходившіе своимъ числомъ регулярную армію. Отряды вооруженныхъ мятежниковъ скоро появились въ Наваррѣ, въ Арагоніи, Каталоніи, Старой Кастиліи; ими командовали люди, уже давно извѣстные за фанатическихъ приверженцевъ абсолютизма—старый ультра-ройялистъ Сантошъ Ладронъ, полковникъ донъ-Франциско Бенито Эразо, сельскій священникъ Мерино; этотъ послѣдній, возвысившійся изъ пастуха козъ до званія духовнаго пастыря, былъ вождемъ гверильясовъ во время нашествія Французовъ, потомъ, въ качествѣ ревностнаго абсолютиста, велъ борьбу съ либералами; его характеръ выражался въ его дикой, наводившей страхъ, наружности. Но, не смотря на многочисленность карлистовъ, ихъ возстаніе сначала не было удачно. У нихъ не было ни однородной организаціи, ни дисциплины, ни способныхъ вождей; ихъ отряды дѣйствовали въ сѣверныхъ провинціяхъ отдѣльно одни отъ другихъ и были разбиты

Правительство
и карлисты.

регулярными войсками, которыми командовалъ хитрый и двоедушный
14 окт. 1833. Ирландецъ, генералъ Сарсфильдъ. Сантосъ Ладронъ былъ разстрѣ-
лянъ въ крѣпостномъ рвѣ Пампелуны; Эразо былъ принужденъ спа-
саться бѣгствомъ за испанскую границу; Мерино, не смотря на свое
мужество, успѣлъ пробраться за португальскую границу во главѣ
только небольшой кучки приверженцевъ. Положеніе карлистовъ улуч-
шилось только послѣ того, какъ надъ ихъ отрядами въ баскскихъ
Ноябрь. провинціяхъ принялъ главное начальство мѣстный уроженецъ Сума-
лакаррегни, который провелъ свою молодость и зрѣлые лѣта въ
борьбѣ за своего короля, но былъ плохо награжденъ за свои заслуги,
потому что, при своемъ гордомъ, независимомъ характерѣ, никогда
не унижался до интригъ и лести; изъ грубыхъ горцевъ онъ орга-
низовалъ годную для военныхъ дѣйствій армію.

Баски. И ученые изслѣдователи и путешествовавшіе романтики очень часто
описывали ту замѣчательную страну въ западныхъ Пиренеяхъ, жи-
тели которой, отличающіеся отъ остальныхъ Испанцевъ происхож-
деніемъ и языкомъ, нравами, учрежденіями и формой управленія,
играли въ теченіе долгихъ лѣтъ столь выдающуюся роль въ междо-
усобныхъ войнахъ своего отечества. И нѣмецкіе офицеры Гёбенъ,
Раденъ, князь Лихновскій, участвовавшіе въ испанскихъ междоусо-
бицахъ, служа въ рядахъ карлистовъ, оставили намъ цѣнныя опи-
санія этой страны и ея жителей. Строй общественной жизни у Бас-
ковъ напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ Вандею только съ той
разницей, что у Басковъ не было ничего похожаго на феодальныя
учрежденія Вандейцевъ. Тѣ три провинціи, на жителей которыхъ, по
видимому, самой природой возложена охрана западныхъ Пиренеевъ,—
Бискайя съ главнымъ городомъ Бильбао, Алава съ главнымъ городомъ
Витторіей и равниной Ріода, Гвипускоа съ главнымъ городомъ Толо-
зой, и сосѣдняя часть Наварры,—были чѣмъ-то въ родѣ союзныхъ
республикъ, признававшихъ короля Кастиліи своимъ протекторомъ и
повелителемъ и добровольно доставлявшихъ ему деньги и солдатъ; но
внутреннимъ управленіемъ этихъ республикъ завѣдывали выборные
старшины, ежегодно собиравшіеся на засѣданія подъ дубомъ Гверники
и считавшіеся настоящими представителями народнаго верховенства.
Баски пользовались съ незапамятныхъ временъ особыми правами
(фуэросами), которыя они съумѣли въ теченіе многихъ столѣтій от-
стаивать противъ всякихъ посягательствъ и нарушеній. Они были
освобождены отъ взысканія податей и таможенныхъ пошлинъ, со-
бравшихся въ остальныхъ испанскихъ провинціяхъ; у нихъ не было
ни рекрутскихъ наборовъ, ни чиновничьей іерархіи; это были тру-
долюбивые, энергичные и малымъ довольствовавшіеся горцы и крестъ-
яне, у которыхъ текла въ жилахъ «благородная кровь». Они отно-
сились враждебно ко всякимъ стремленіямъ къ централизациі управ-
ленія, ко всякимъ попыткамъ уравнивать ихъ въ правахъ съ осталь-

ными Испанцами, отъ кого-бы ни исходили эти попытки—отъ правительства или отъ государственныхъ чиновъ. По прежнему опыту они знали, что кортесы—при своемъ либерализмѣ, все подводящемъ подъ одинъ уровень—не допустятъ обособленнаго положенія отдѣльныхъ провинцій. Этимъ и воспользовались дѣятельные агенты донъ-Карлоса. Они стали увѣрять Басковъ, что только отъ короля Карла V они могутъ ожидать уваженія къ своимъ правамъ и вольностямъ, а либеральные кортесы уничтожатъ всѣ ихъ патріархальныя учрежденія и всѣ ихъ привилегіи. Возбуждаемые священниками и монахами, Баски организовали такіе-же отряды гверильясовъ, какіе защищали Испанію отъ нашествія Французовъ. Но во время этого нашествія командовалъ гверильясами храбрый Баскъ Мина, а потомъ онъ перешелъ на сторону приверженцевъ политической свободы и конституціи кортесовъ; поэтому его прежніе земляки считали его своимъ врагомъ и выбрали себѣ начальникомъ его боеваго товарища Сумалакаррегви: это былъ человѣкъ не слова, а дѣла, справедливый и честный. Тогда прежніе вожди карлистовъ Итурральде и возвратившійся на родину Эразо стали играть второстепенную роль.

Плохо вооруженнымъ отрядамъ Басковъ было не легко выдерживать борьбу съ войсками Сарсфильда, имѣвшими при себѣ артиллерію и конницу. Но энергичный Сумалакаррегви умѣлъ пробудить въ своихъ солдатахъ чувства чести и патріотизма и съ помощью суровой дисциплины сдѣлать ихъ годными для упорной борьбы, а благодаря нѣкоторымъ удачнымъ сраженіямъ внушилъ имъ полное къ себѣ довѣріе. Въ началѣ новаго года онъ уже могъ сказать въ своей прокламаціи, что доволенъ прошлыми подвигами баскскихъ воиновъ и ожидаетъ въ будущемъ еще болѣе удовлетворительныхъ успѣховъ. Тогда снова стали братья за оружіе и тѣ жившіе въ горахъ Наварры гверильясы, которые сражались съ Французами въ 1809 году.

Эти успѣхи карлистовъ обострили борьбу между политическими партіями. Ихъ приписывали нерѣшительному образу дѣйствій и полумѣрамъ министерства. Умѣренный ройялистъ Бургосъ, —самый даль-
нозоркій и самый разумный изъ тогдашнихъ испанскихъ государственныхъ дѣятелей,—старался улучшить положеніе правительства посредствомъ введенія очень полезныхъ реформъ во всѣхъ сферахъ государственнаго и провинціального управленія, но осуществленію его проектовъ препятствовали и недостатокъ въ денежныхъ средствахъ и партійные раздоры. Развѣ въ такую минуту, когда Испанію угрожала повсемѣстная междоусобная война, можно было ожидать пользы отъ такихъ нововведеній, которыя обѣщали принести хорошіе плоды только въ отдаленномъ будущемъ? Обвиненія надали главнымъ образомъ на Бермудеца, который поэтому не могъ долго устоять противъ разразившейся надъ нимъ бури. Онъ былъ вынужденъ выйти въ отставку вмѣстѣ съ нѣсколькими членами своего министерства.

Сумалакаррегви.

1 янв. 1834.

Министерство
Мартинесъ де-
ла-Розы и ко-
ролевскій ста-
тутъ.

14 янв.

Было организовано новое министерство, въ составъ котораго вошли вмѣстѣ съ такими умѣренными ройялистами, какъ Бургось, и умѣренныя либералы Мартинецъ де-ла-Роза и Гарели. Это былъ переходный режимъ, удовлетворявшій обоимъ вліятельнымъ генералъ-капитановъ—каталонскаго Ллаудера и старо-кастильскаго Квезаду, которые обратились къ королевѣ съ меморіями о положеніи дѣлъ и были главными виновниками удаленія Бермудеца. Но уже тогда стало высказываться мнѣніе, что слѣдуетъ покончить съ абсолютизмомъ и отдать кормило правленія въ руки либераловъ. Въ противоположность тому, чего желали королевскіе добровольцы, предъявлялось громкое требованіе созвать кортесы, помиловать эмигрантовъ 1823 года, ввести конституціонныя учрежденія по образцу французскихъ и организовать національную гвардію. Бургось тщетно старался удовлетворить общественное мнѣніе введеніемъ преобразованій въ государственномъ хозяйствѣ и въ администраціи: тайныя общества, пресса и возвратившіеся эмигранты требовали демократическихъ государственныхъ учрежденій, основанныхъ на конституціи кортесовъ двѣнадцатаго года. Правительство старалось сдерживать недовольныхъ, исполняя тѣ изъ ихъ желаній, которыя были согласны съ духомъ времени; но оно уменьшало цѣну своей уступчивости, ограничивая разными оговорками свое согласіе на учрежденіе національной милиціи, на введеніе свободы печати, на ранѣе утвержденное либеральными государственными чинами, признаніе государственныхъ долговъ, на созваніе кортесовъ, на обнародованіе амнистіи. Не всѣхъ удовлетворялъ даже королевскій статутъ отъ 10 апрѣля, предписывавшій созваніе государственныхъ чиновъ для утвержденія налоговъ и законопроектовъ. На основаніи этого статута, законодательное собраніе должно было состояться изъ двухъ палатъ (*estamentos*), изъ палаты пэровъ (*proceres*), въ составъ которой входили гранды, епископы, высшія должностныя лица и довѣренныя люди, назначаемые королемъ пожизненно, и изъ палаты народныхъ представителей (*procuradores*), выбиравшихся путемъ двойныхъ выборовъ изъ зажиточныхъ классовъ, такъ какъ обладаніе нѣкоторой собственностью необходимо для тѣхъ, кто долженъ заниматься государственными дѣлами, не получая за это никакого жалованья или денежнаго вознагражденія, и въ теченіе этого времени оставляя безъ надзора свои собственныя дѣла. Предметомъ совѣщаній и рѣшеній могли быть только исходившія отъ правительства предложенія; само законодательное собраніе могло дѣлать предложенія только въ формѣ петицій.

10 апр. 1834.

Настроеніе
умовъ.

Нельзя не признать за новымъ статутомъ того достоинства, что въ немъ довольно искусно указывалось средство положить конецъ борьбѣ партій, терзавшей страну въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, что онъ былъ большимъ шагомъ впередъ въ сравненіи съ порядками, существовавшими въ Испаніи въ теченіи трехъ столѣтій; однако, онъ

тавъ далеко не могъ равняться съ кодексомъ, составленнымъ въ Кадиксе, что не удовлетворилъ либеральныхъ доктринёровъ. Возвратившіеся въ Испанію эмигранты не многому научились въ Англіи, но тѣмъ глубже были проникнуты французскими идеями; имъ не могла нравиться конституція, предоставлявшая коронѣ слишкомъ широкія права, дѣлавшая изъ дворянства и духовенства легальныхъ факторовъ государственной дѣятельности, и мало соотвѣтствовавшая идеаламъ конституціонной формы правленія. Эти идеалы были заимствованы частію изъ конституціи 1812 года, частію отъ французской демократіи. Испанскіе эмигранты, — говоритъ Баумгартенъ, — жили въ Англіи совершенно изолированно съ своими мечтаніями: «они не выносили никакихъ полезныхъ указаній изъ знакомства съ англійскою образованностью, съ англійскимъ строемъ общественной и частной жизни, вслѣдствіе незнанія англійскаго языка и рѣзкаго несходства между испанскими и англійскими воззрѣніями и учрежденіями. Тѣмъ глубже проникались они сочувствіемъ къ французскому быту, къ радикализму французской литературы, къ дѣятельности тайныхъ обществъ, къ блестящей легкости французскихъ нравовъ. Испанія уже давно находилась подъ вліяніемъ французской культуры, но прежде сдерживала это вліяніе въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, а теперь многіе Испанцы стали подчиняться ему безусловно, стали усвоивать преимущественно дурныя стороны французскаго ума, — его легкомысліе, его пренебреженіе ко всѣмъ религіознымъ и нравственнымъ преданіямъ, оставляя въ сторонѣ ту энергическую работу ума и рукъ, которая служитъ во Франціи противовѣсомъ для тѣхъ пагубныхъ наклонностей». Воспитавшійся во Франціи, молодой талантливый писатель Маріано Жозе де-Ларра нападалъ остроумно и рѣзко на эти нравственные недуги своихъ соотечественниковъ въ своемъ летучемъ листкѣ «Маленькій бѣдный болтунъ» и въ другихъ литературныхъ произведеніяхъ; онъ съ реализмомъ, напоминавшимъ Мурильо, описывалъ жизнь своихъ соотечественниковъ со всѣхъ сторонъ. Но онъ не могъ излечить недуги своего времени.

Однако, изданіе королевскаго статута и созваніе кортесовъ на 24 Іюля 1834 были началомъ политическаго и умственнаго возрожденія Испаніи. Мартинецъ де-ла-Роза, — человекъ ученый и литераторъ, воспользовавшійся годами своего изгнанія для расширенія своихъ познаній, — старался поднять уровень народнаго образованія и содѣйствовать удовлетворенію умственныхъ и матеріальныхъ интересовъ по примѣру своего коллеги Бургоса даже послѣ того, какъ этотъ послѣдній вышелъ изъ министерства. И преемникъ Бургоса, Москозо де-Альтамира принадлежалъ къ числу людей, заботившихся о распространеніи либеральныхъ идей и просвѣщенія; еще болѣе сильную опору нашель Мартинецъ де-ла-Роза въ лицѣ уже извѣстнаго намъ государственнаго дѣятеля и историка, графа Торено. Собравшіеся въ

Испанія дѣ- лається консти- туціонной монархіей.

17 апр. 1834.

31 мая.

Мадридѣ кортесы создали широкую арену для дѣятельности людей, обладавшихъ выдающимися умственными силами. Въ верхней палатѣ стоялъ во главѣ оппозиціи Сааведра, герцогъ Ривасъ, — ораторъ, государственный дѣятель и романтическій поэтъ, занимавшійся учеными и литературными трудами въ то время, какъ жилъ изгнанникомъ въ Англіи, въ Италіи, во Франціи; въ нижней палатѣ блисталъ своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ талантливый Іоакимъ Марія Лопецъ. А послѣ того, какъ испанскому посланнику въ Лондонъ, Мирафлоресу удалось склонить англійское правительство къ заключенію договора, которымъ оно обѣщало поддерживать двухъ малолѣтнихъ королей Марію да Глорію и Изабеллу въ борьбѣ съ мятежными инфантами донъ-Мигуэлемъ и донъ-Карлосомъ, и послѣ того, какъ Франція, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, дала такое же обѣщаніе, можно было надѣяться, что конституціонная система навсегда упрочится на Пиренейскомъ полуостровѣ. Правда, «четверной союзъ», — какъ называли этотъ договоръ, — не имѣлъ тѣхъ послѣдствій, какихъ отъ него ожидали въ Мадридѣ, потому что іюльское правительство избѣгало всякихъ военныхъ предпріятій и относилось съ недовѣріемъ къ Англіи, а Луи-Филиппъ боялся не столько претендента донъ-Карлоса, сколько революціоннаго настроенія Испанцевъ и медлилъ оказаніемъ обѣщанной помощи. Тѣмъ не менѣе, этотъ союзъ усиливалъ вліяніе конституціонныхъ и либеральныхъ западныхъ правительствъ. Съ другой стороны, онъ послужилъ сигналомъ для ожесточенной междоусобной войны, очагомъ для которой служили южныя испанскія провинціи. Значительное большинство испанскаго населенія не чувствовало потребности въ представительныхъ учрежденіяхъ, въ свободѣ общинъ, въ легальномъ порядкѣ; при своей врожденной склонности къ чувственнымъ наслажденіямъ и при своихъ романтически-рыцарскихъ обычаяхъ, оно было болѣе способно къ отважнымъ военнымъ предпріятіямъ, чѣмъ къ парламентскимъ преніямъ; и могущественное вліяніе духовенства и монаховъ на невѣжественный, суевѣрный и набожный народъ не благопріятствовало развитію политической свободы; тѣмъ не менѣе, всѣ новѣйшія формы государственнаго устройства, начиная демократической республикой и кончая клерикальнымъ абсолютизмомъ, нашли на Пиренейскомъ полуостровѣ приверженцевъ и поборниковъ. Низшіе слои народа, въ особенности сельскіе жители и горцы, не получившіе никакого политическаго образованія и слѣпо подчинявшіеся внушеніямъ священниковъ и монаховъ, твердо держались за старыя церковныя и монархическія учрежденія; они помогали аристократіи и духовенству защищать старые порядки противъ стремленій либераловъ къ реформамъ; напротивъ того, просвѣщенное среднее сословіе, учащая молодежь и многіе изъ офицеровъ испанской арміи придерживались заимствованнаго отъ Французовъ воззрѣнія, что королевская власть должна быть ограни-

чена участіемъ народныхъ представителей въ государственномъ управленіи и отвѣтственностью министровъ.

Ближайшимъ послѣдствіемъ заключенія четвернаго союза было вступленіе въ Португалію 10-ти тысячной испанской арміи подъ начальствомъ энергичнаго генерала Родила; оно принудило донъ-Мигуэля отказаться отъ его притязаній и удалиться изъ отечества (XIV, 697). Тогда Португалія перестала служить безопаснымъ убѣжищемъ и для испанскаго претендента. Генераль Родиль попытался захватить его въ плѣнъ; но англійскій адмираль Паркеръ внялъ дипломатическимъ доводамъ карлистскаго агента де-лосъ-Валлеса и согласился перевезти инфанта, вмѣстѣ съ его семействомъ и свитой, на линейномъ кораблѣ Донегалъ въ Англію. Такой оборотъ дѣлъ имѣлъ пагубныя послѣдствія для Испаніи. Еслибы претендентъ попался въ плѣнъ, то междоусобная война прекратилась бы скоро, а его спасеніе снова раздуло пламя мятежа. Вѣдь передъ своимъ отплытіемъ изъ Португаліи донъ-Карлосъ убѣждалъ Басковъ не измѣнять ему и увѣрялъ ихъ, что никогда не откажется отъ своихъ правъ на испанскій престолъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, два путешественника, имѣвшіе при себѣ французскіе паспорта, отплыли изъ Брайтона въ Діеппъ, а оттуда проѣхали на югъ черезъ Парижъ, встрѣтившись на дорогѣ въ Нёльи съ Луи-Филиппомъ и съ его семействомъ и оставшись неузнанными. Это были донъ-Карлосъ и Валлесъ. Съ помощью французскихъ легитимистовъ они пробрались черезъ пиренейскую границу въ Наварру, откуда претендентъ послалъ Сумалакаррегви приглашеніе явиться къ нему, а 12 іюля этотъ карлистскій вождь уже стоялъ передъ своимъ «королемъ».

Бѣгство инфанта донъ-Карлоса.

26 мая 1834.

1 іюня 1834.

2 іюля.

12 іюля.

С. МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА.

Англійское правительство ничѣмъ не могло причинить христіанскому болѣе вреда, чѣмъ непринятіемъ никакихъ мѣръ противъ бѣгства инфанта въ такую провинцію, которая была очагомъ карлистскаго возстанія. Борьба между королевскими войсками, предводимыми Квезадой, и вождемъ карлистовъ Сумалакаррегви велась въ горахъ и долинахъ Бискайи и Наварры въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ безъ рѣшительныхъ сраженій, но съ усиливавшейся яростью и жестокостью. Вождь карлистовъ хладнокровно разстрѣлялъ сто двадцать плѣнниковъ, захваченныхъ имъ во время нападенія на Витторію; это было началомъ варварскаго веденія войны, которая стала принимать характеръ кровомшенія, борьбы на жизнь и на смерть, и которая вмѣстѣ съ холерой, свирѣпствовавшей въ Мадридѣ и въ другихъ городахъ, отправила на тотъ свѣтъ безчисленное множество людей. Болѣе значительныя сраженія въ родѣ того, которое происходило

Затруднительное положеніе испанскаго правительства.

16 марта 1834.

18 іюня.

подлѣ венты въ Гулинь, въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверозападу отъ Пампелуны, были рѣдки; но изъ горъ и долинъ, въ которыя доступъ былъ очень труденъ, гверильясы безпрестанно предпринимали набѣги, придерживаясь того способа вести войну, который намъ уже извѣстенъ изъ исторіи временъ Наполеона и при которомъ борьба можетъ длиться безконечно, не приводя ни къ какому рѣшительному результату. Въ это время распространилось въ баскскихъ горахъ извѣстіе, что донъ Карлосъ появился среди своихъ приверженцевъ, чтобъ лично вести ихъ на бой и къ побѣдѣ; оно съ быстротою молніи облетѣло всю страну, повсюду возбуждая страшное волненіе. Появленіе холеры приписывали тому, что карлисты отравляли источники. Въ Мадридѣ было сдѣлано нападеніе на монастыри и было убито восемьдесятъ монаховъ. Всѣ страсти были разнузданы. Именно 24 іюля. въ это время открылись засѣданія кортесовъ въ зачумленной столицѣ. Они были вѣрнымъ отраженіемъ возбужденія народныхъ умовъ. По горячимъ преніямъ, вызваннымъ составленіемъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь, уже можно было предвидѣть тѣ бури, которыя впослѣдствіи разразились противъ умѣренно-конституціонной системы королевскаго статута,—въ особенности послѣ того, какъ въ составъ палаты депутатовъ поступили старые вожди засѣдавшихъ въ Кадиксѣ кортесовъ Галліано, Аргвеллесъ, Истурицъ. Эти упрямые доктринеры потребовали высшей мѣры свободы и народныхъ правъ въ такую минуту, когда страна была объята пламенемъ междоусобной войны, когда государство было обременено долгами и не могло располагать достаточными доходами. 8 окт. 1834. послѣ того, какъ постановленіе обѣихъ палатъ лишило донъ-Карлоса со всѣмъ его потомствомъ наслѣдственныхъ правъ на испанскій престолъ, борьба между претендентомъ и его племянницей Изабеллой II превратилась въ ожесточенную междоусобную войну и въ борьбу изъ-за принциповъ. Карлисты сражались за старинныя испанскія учрежденія, за союзъ трона съ алтаремъ противъ свободы, за принципъ легитимизма и за владычество католическаго духовенства. Ихъ сторону держали абсолютные монархи, папа, итальянскіе правители, приверженцы донъ-Мигуэля въ Португаліи, высшая аристократія всѣхъ странъ и немногочисленные романтическіе поклонники средневѣковаго режима. Христиносы сражались за конституцію съ представительными собраніями, за гражданскую свободу и равноправность, за плоды революціи, за ниспроверженіе режима, основаннаго на господствѣ духовенства и камарильи. Имъ оказывали сочувствіе и косвенную помощь Франція и Англія, Марія да-Глорія португальская, просвѣщенное среднее сословіе, приверженцы конституціоннаго режима и либералы всѣхъ европейскихъ странъ. Война и ея Такъ началась многолѣтняя междоусобная война, во время которой совершались убійства, грабежи, опустошенія и всѣ злодѣянія, на которыя могли навести Испанцевъ ихъ политическій и религіоз-

ный фанатизмъ, ихъ страстная южная натура и ихъ свирѣлая мстительность. Войска королевы превосходили своихъ противниковъ числомъ, но эти противники располагали болѣе значительными денежными средствами, получавшимися изъ-за границы, а прибывавшіе къ нимъ на помощь изъ различныхъ странъ добровольцы вводили въ ихъ отрядахъ порядокъ и дисциплину. Къ тому-же у карлистовъ были такіе способные вожди, какъ геройскій Сумалакаррегви, какъ отважный священникъ Мерино, то съ требникомъ то съ ружьемъ въ рукѣ возбуждавшій крестьянъ и пастуховъ къ борьбѣ за законнаго короля, какъ неутомимый Гомецъ, плѣнявшій фантазію своихъ современниковъ романтическими чертами своего характера, неожиданно появлявшійся съ своими легкими отрядами то въ западныхъ, то въ южныхъ провинціяхъ и даже угрожавшій Мадриду; а вожди христиносовъ были большею частію люди неспособные и безпечные. Премникъ Квезады, генераль Родиль и храбрый Ллаудеръ тщетно старались потушить пламя возстанія; противъ способности мятежниковъ шаякъ къ быстрымъ переходамъ было бесполезно всякое военное искусство: если онѣ были разбиты въ одномъ мѣстѣ, то въ другомъ мѣстѣ появлялись новыя шайки. Присутствіе инфанта, раздѣлявшаго съ своими войнами всѣ опасности и лишенія, усиливало боевой пылъ карлистовъ. Родиль тщетно прибѣгалъ къ разнымъ средствамъ, чтобъ захватить претендента въ плѣнъ. Донъ-Карлосъ увертывался отъ своихъ преслѣдователей. Правительство рѣшилось помиловать стараго вождя гверильясовъ Мину и поставить его во главѣ арміи. Но онъ пріѣхалъ въ Пампелуну больнымъ и съ разбитыми физическими силами, чтобъ принять главное начальство надъ такой арміей, которая утратила всякое понятіе о дисциплинѣ вслѣдствіе недостатка въ военныхъ снарядахъ и невзыскательности прежнихъ начальниковъ. Наваррѣ и баскскимъ провинціямъ пришлось тогда переживать страшные зимніе мѣсяцы. Со всѣхъ сторонъ получались извѣстія о сраженіяхъ и объ убійствахъ. Къ тому-же и способъ веденія войны становился все болѣе свирѣлымъ. Послѣ сраженія при Алегріи, Сумалакаррегви приказалъ разстрѣлять непріятельскаго генерала О'Дойля и захваченныхъ вмѣстѣ съ нимъ офицеровъ, а попавшихся въ плѣнъ солдатъ приказалъ перерѣзать. Это было совершенно во вкусъ претендента. Онъ хотѣлъ добраться до престола по трупамъ и по опустошеннымъ провинціямъ. И подѣ начальствомъ Мины христиносы не могли осилить мятежниковъ, потому что всѣ преимущества были на сторонѣ карлистовъ, а Сумалакаррегви сумѣлъ организовать свои отряды такъ, что они могли съ чрезвычайной быстротой переходить съ одного мѣста на другое.

30 окт. 1834.

27 окт.

Вотъ какъ описываетъ эту горную войну Баумгартенъ со словъ Гёбена:
„Расторопные Баски носили пенъковую обувь, которая дѣлаетъ ходьбу

чрезвычайно легкой и неслышной; шерстяные плащи защищали ихъ отъ часто случающихся въ горахъ проливныхъ дождей, снѣжныхъ вихрей и холодныхъ вѣтровъ; они носили на плечахъ только холстяные мѣшки съ самымъ необходимымъ бѣльемъ и съѣстными припасами; поэтому они могли съ невѣроятной быстротой переходить черезъ хорошо имъ знакомыя горы, гдѣ въ каждомъ пастухѣ они находили друга, а въ каждой хижинѣ гостепріимное убѣжище. Имъ нерѣдко случалось дѣлать шестнадцати и восемнадцати-часовые переходы съ самыми непродолжительными остановками. Если они устраивали засаду въ какомъ нибудь горномъ проходѣ, то жители долины приносили имъ съѣстные припасы и мѣстное вино. Для християнскихъ такіе переходы были сопряжены съ затрудненіями почти непреодолимыми; передъ ними запирались двери всѣхъ домовъ и ничья рука не протягивалась, чтобъ помочь имъ; для нихъ горные жители держали наготовѣ не освѣжительные напитки, а ружейныя пули, и они должны были постоянно ожидать нападенія враговъ, когда ихъ сомкнутыя массы раздѣлялись на мелкіе отряды, чтобъ узкою цѣпью переходить черезъ горныя возвышенности“.

Правительство
подъ перек-
рестнымъ
огнемъ.

Положеніе испанскаго правительства сдѣлалось еще болѣе труднымъ, когда радикальная оппозиція въ кортесахъ стала все рѣзче нападать на министерство. Въ особенности генерала Ллаудера, — которому Мартинесъ де-ла-Роза поручилъ руководство военными дѣйствіями по совѣту королевы-матери и регентства, — радикалы обвиняли въ томъ, что онъ изъ зависти и изъ эгоистическихъ соображеній не оказываетъ надлежащей поддержки «знаменитому полководцу» Минѣ. Тайныя демократическія общества усиливали раздоры и находили приверженцевъ даже въ войскахъ, стоявшихъ въ столицѣ. По

18 янв. 1835. ихъ наущенію, одинъ батальонъ гвардіи взбунтовался, требуя введенія конституціи 1812 года; правительство дѣйствовало въ этомъ случаѣ такъ нерѣшительно, что мятежъ принялъ широкіе размѣры и кончился уличной борьбой, въ которой лишился жизни генералъ Кантерахъ. Въ наказаніе за такое «едва-ли не чрезмѣрное рвеніе къ свободѣ», — какъ выразился одинъ изъ членовъ палаты депутатовъ, — батальонъ былъ отправленъ на сѣверный театръ военныхъ дѣйствій; но Ллаудеръ былъ вынужденъ подать въ отставку. Его замѣнилъ генералъ строго либеральныхъ убѣжденій, Вальдесъ, который вскорѣ

18 апр. 1835. послѣ того принялъ главное командованіе сѣверной арміей, такъ какъ Мина совершенно разстроилъ свое здоровье во время труднаго похода въ долину Бацтанъ и вышелъ въ отставку. Но онъ дѣйствовалъ еще менѣе успѣшно, чѣмъ его предмѣстники. Хотя онъ и увѣрялъ начальника французскаго пограничнаго кордона, графа Гариспа, что прогнать карлистовъ за Пиренеи, но онъ самъ скоро очутился въ

Май.

такомъ затруднительномъ положеніи, что былъ принужденъ обратно перейти за Эбро. Однако его армія была вдвое многочисленнѣе непріятельской. Виллафранка и Толоза сдались инсургентамъ послѣ того, какъ християнскіе, предводимые генераломъ Эспартеро, лишились двухъ тысячъ человѣкъ во время сдѣланнаго на нихъ непріателемъ

ночнаго нападенія. Въ началѣ іюня весь сѣверъ вплоть до Пампелуны находился во власти карлистовъ. Мадридское правительство обсуждало вопросъ, не слѣдуетъ-ли обратиться за помощью къ иностраннымъ державамъ; но это намѣреніе было отложено въ сторону вслѣдствіе того, что либеральная оппозиція горячо осуждала его, какъ унижительное для чести испанской націи. Къ тому-же ни англійское министерство ни Луи-Филиппъ не обнаруживали расположенія къ вмѣшательству. Тюльерійское правительство полагало, что оно уже оказало достаточную помощь християносамъ, приказавши охранять пиренейскую границу такъ, чтобъ инсургенты не могли получать никакой помощи извнѣ; а лондонское министерство ограничилось тѣмъ, что приказало нѣсколькимъ кораблямъ крейсировать у береговъ Испаніи и Португаліи, снабдило християносовъ военными запасами и дозволило генералу Эвансу отвезти на театръ военныхъ дѣйствій наемниковъ, набранныхъ на англійской территоріи. Въ то-же время было поручено лорду Эллиоту взять на себя роль посредника между борющимися партіями и удерживать ихъ отъ чрезмѣрныхъ жестокостей. Мадридское правительство изъявило свое согласіе на это посредничество особымъ договоромъ и такимъ образомъ признало карлистовъ за воюющую сторону; этимъ оно навлекло на себя со стороны радикальной оппозиціи горячіе упреки, которымъ сочувствовало и сильно-возбужденное населеніе столицы. Мартинецъ де-ла-Роза едва не былъ убитъ демократическими заговорщиками. Испаніи угрожала опасность сдѣлаться добычей или для карлистовъ или для анархистовъ. Мадридское правительство тщетно просило помощи у союзныхъ державъ. Луи-Филиппъ боялся вступить на такую колею, которая ведетъ къ львиной берлогѣ.

12 мая.

Отказъ Франціи отъ вмѣшательства имѣлъ послѣдствіемъ выходъ министерства де-ла-Розы въ отставку. Черезъ двѣ недѣли послѣ того, Сумалакаррегни былъ смертельно раненъ при осадѣ города Бильбао. Вмѣсто нападенія на Бильбао онъ желалъ двинуться въ Кастилію и на Мадридъ. Но донъ-Карлосъ, его министры и фавориты рѣшили иначе. Сумалакаррегни былъ человѣкъ энергическаго характера, суровый, молчаливый и съ пылкими страстями. «Въ его душу никогда не проникали гуманныя чувства и для него не существовали веселыя стороны жизни. Но его непреклонная справедливость, его неподкупность, самоотверженная преданность дѣлу, которому служилъ, блестящая храбрость и обаяніе его личности внушали арміи и жителямъ восторженную къ нему преданность, не смотря на темныя черты его характера». Его смерть оказалась полезной для християносовъ. При его преемникѣ, палачѣ Малаги, Морено, возведенномъ въ званіе главнокомандующаго по желанію инфанта, королевскимъ войскамъ наконецъ удалось одержать побѣду. Подлѣ Мендигорріи карлисты были разбиты и обращены въ бѣгство генераломъ Кордоба. 15 іюля 1835.

8 іюня.
Продолженіе
войны.

И генераль Гвергэ не могъ поправить дѣла карлистовъ, не смотря на то, что въ теченіе осени и зимы 1835 года радикалы и анархисты угрожали существованію и умѣренно-либеральнаго правительства и трона королевы. Впрочемъ и христиносы не достигли никакихъ солидныхъ успѣховъ. Вся война была лишь рядомъ мелкихъ стычекъ, сопровождавшихся грабежами, поджогами, убійствами и такими насиліями, которыя могли уничтожить послѣдніе остатки гражданского порядка и человѣколюбія, уцѣлѣвшіе отъ господствовавшаго при Фердинандѣ VII режима. Обѣ стороны все глубже погружались въ варварство и безжалостно преслѣдовали своихъ противниковъ. Въ Барселонѣ нѣсколько сотъ плѣнныхъ карлистовъ 4 янв. 1836. вмѣстѣ съ генераломъ О'Доннеллемъ были умерщвлены разсвирѣпѣвшей народной толпой, а правительство и городской комендантъ или немогли или не хотѣли воспротивиться такому злодѣянію. Въ отмщеніе за это, карлисты стали убивать всѣхъ христиносовъ, попадавшихся имъ въ плѣнъ. Когда Англія и Франція дозволили организовать иностранные легіоны для защиты королевы, донъ-Карлосъ издалъ изъ Дуранго декретъ, которымъ угрожалъ смертною казнію всякому попавшемуся въ плѣнъ иностранцу, который сражался за королеву. Между вождями инсургентовъ выдѣлялся и своей даровитостью и своей жестокостью молодой уроженецъ Тортосы, Рамонъ Кабрера, отказавшійся вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами отъ университетскихъ занятій для того, чтобъ принять участіе въ борьбѣ, которую вели гверильясы въ горахъ Арагоніи. Онъ приказалъ разстрѣлывать алькадъ нѣсколькихъ селеній за то, что они увѣдомляли о его движеніяхъ непріятеля. Тогда Мина, назначенный главнокомандующимъ королевскихъ войскъ въ сѣверо-восточныхъ провинціяхъ, 8 февр. приказалъ губернатору Тортосы разстрѣлывать благочестивую и добродѣтельную мать Кабреры для того, чтобъ обуздать жестокосердіе этого карлистскаго вождя. Это постыдное злодѣяніе возбудило негодованіе во всей Европѣ и наполнило страстную душу Кабреры свирѣпой жаждой мщенія. Горе тому, кто будетъ мнѣ говорить о состраданіи и милосердіи! воскликнулъ Кабрера и сталъ проливать кровь потоками. То было страшно-тяжелое время для испанскаго народа. Южнымъ и центральнымъ провинціямъ не давали покоя «экзальтадосы» и «модерадосы» своей непрерывной борьбой; въ густо населенныхъ городахъ не прекращались смуты, возбуждаемыя демагогами и анархистами; на сѣверѣ междоусобная война усиливала религіозный и политическій фанатизмъ, который поддерживали набожные царедворцы претендента и состоявшія при немъ лица духовнаго званія. При этомъ обѣ стороны терпѣли нужду. Успѣхи, достигнутые революціонной партіей въ іюль и въ августъ 1836 года, принесли пользу карлистамъ: многіе изъ приверженцевъ умѣренной партіи искали спасенія отъ анархистовъ и республиканцевъ, переходя насто-

рону претендента. Только фанатическая привязанность инфанта къ его католически-апостолическимъ принципамъ мѣшала ему достигнуть болѣе солидныхъ результатовъ. Тѣ правительства, которыя желали ему успѣха, тщетно обращались къ нему съ совѣтомъ издать манифестъ въ духѣ примиренія и успокоить умы уступками, соотвѣтствующими тогдашней степени европейскаго просвѣщенія. «Онъ былъ такъ невѣжественъ, такъ своенравенъ и такъ подчинялся вліянію крайней партіи, что отвергалъ всѣ совѣты и требовалъ, чтобъ вся Испанія бросилась къ его ногамъ и цѣловала тотъ ножъ, которымъ онъ ей угрожалъ. Въ главной квартирѣ донъ-Карлоса всѣ успѣхи карлистовъ приписывались ангелу мщенія, сошедшему съ небесъ для того, чтобъ отрубить головы у масоновъ. Побѣды и триумфа карлисты ожидали только отъ стоявшей во главѣ ихъ арміи, Скорбящей Пречистой Дѣвы». И такъ, междоусобная война продолжалась при прежнихъ условіяхъ. Вожди християнскихъ Родиль, Алэ и др. не могли помѣшать дѣятельному Гоменсу проникнуть въ Андалузію, занять Кордову и возобновить въ южныхъ провинціяхъ войну гверильясовъ; тѣмъ временемъ Кабрера господствовалъ въ Арагонѣ и въ Валенціи и не разъ случалось, что даже Мадриду угрожала серьезная опасность. Напротивъ того, карлистскіе генералы Эгвія и Виллареаль тщетно осаждали Бильбао; этотъ городъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ мужеству своихъ жителей и своевременному прибытію генерала Эспартеро, который обратилъ осаждающихъ въ бѣгство. Около этого времени кончилъ жизнь престарѣлый генералъ Мина; тѣмъ, что онъ такъ жестокосердо поступилъ съ семидесятилѣтней матерью Кабреры, онъ наложилъ черное пятно на свое имя. Сент. 1836. Конецъ 1836.

Смерть Мины послѣдовала въ періодъ кризиса. Мы далѣе увидимъ, Надежды кар- какъ сильно были возбуждены всѣ умы въ Мадридѣ и въ провинці- листовъ на яхъ, когда кортесы передѣляли конституцію 1812 года. Тогда кар- успѣхъ оказы- листы были увѣрены, что королева будетъ вмѣстѣ съ своими дѣтьми ваются обман- нскать убѣжища въ Неаполѣ, а «король Карлъ V» торжественно чивыми. вступить въ Мадридъ. Претендентъ полагалъ, что поступилъ очень великодушно, объявивши неаполитанскому посланнику о своемъ намѣреніи оказать этимъ дамамъ покровительство и защиту. Въ маѣ Май 1837. онъ двинулся въ направленіи къ столицѣ вмѣстѣ съ своими министрами, своими царедворцами и толпою людей; надѣявшихся получить отъ него выгодныя должности. Въ этой «королевской экспедиціи» принимали участіе и нѣмецкіе офицеры Михповскій, Раденъ, Гёбенъ и др.; она не имѣла успѣха не столько вслѣдствіе сопротивленія вождей християнскихъ, сколько потому, что была плохо задумана. Послѣ чрезвычайныхъ усилій и нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженій, «король» достигъ съ своею арміею береговъ Эбро, а оттуда, благодаря присутствію духа Кабреры, перешолъ на плодородныя поля Валенціи. Но надежда вступить въ Мадридъ скоро ока- Іюль 1837.

залась призрачной: прибытіе генерала християнсовъ Ороа принудило карлистовъ торопливо и съ значительными потерями отступить черезъ каталонскія и арагонскія горныя возвышенности въ бѣдныя и опустошенныя войною сѣверныя провинціи. Инфантъ и находившійся при немъ, его племянникъ Себастьянъ еще разъ обманулись въ своихъ ожиданіяхъ: послѣ удачнаго сраженія при Вилларъ-де-лосъ-Наварросъ карлисты снова проникли въ Кастилію и донъ-Карлосъ могъ съ возвышенія видѣть мадридскія колокольни. Но Эспартеро заставилъ непріятеля торопливо укрыться въ горахъ. Подобно Монсею, претендентъ издали видѣлъ обѣтованную землю, но судьба отказала ему въ исполненіи его желаній.

24 авг.

Конецъ кар-
листскаго воз-
станія.

Съ тѣхъ поръ Эспартеро сталъ играть выдающуюся роль въ военной и политической исторіи Испаніи. Онъ былъ младшій сынъ жившаго въ Манхѣ ремесленника, еще во время нашествія Французовъ отличился въ званіи начальника такъ называвшагося священнаго батальона, а потомъ пріобрѣлъ въ Перу извѣстность, состояніе и друзей въ борьбѣ съ возмущившимися южно-американскими колоніями. Послѣ удачныхъ сраженій подлѣ Бильбао, онъ получилъ титулъ графа Луханы; послѣ того его карьера становилась все болѣе блестящей и съ теченіемъ времени довела его до ступеней трона. Уже въ то время, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, отъ него все зависѣло, такъ какъ онъ былъ и президентомъ министерства и главнокомандующимъ арміи. Тогда въ лагерь карлистовъ возникли раздоры: донъ-Карлосъ оттолкнулъ отъ себя самыхъ вѣрныхъ своихъ приверженцевъ и воз-

Окт. 1837.

ложилъ все свое довѣріе на набожныхъ царедворцевъ и интригановъ; съ тѣхъ подъ его дѣла стали быстро принимать дурной оборотъ, не смотря на то, что благодаря энергіи и стратегическому искусству Кабреры гверильясы еще довольно долго держались на нижнемъ Эбро. Баскскіе инсургенты, недовольные неспособностью, безхарактерностью и умственной ограниченностью претендента и его фанатическихъ совѣтниковъ, отдѣлили свои интересы отъ интересовъ карлистовъ и стали стремиться только къ сохраненію своихъ фуэросовъ. Они пріобрѣли искуснаго вождя въ лицѣ хитраго Марото, который съумѣлъ сохранить благосклонное расположеніе недовѣрчиваго инфанта несмотря на интриги его клерикальных приближенныхъ. Онъ приказалъ разстрѣлять въ Эстеллѣ четырехъ самыхъ неговорчивыхъ карлистскихъ генераловъ и въ томъ числѣ

Февр. 1839.

Гарцію; за тѣмъ, чтобъ доставить несчастной странѣ внутреннее спокойствіе, въ которомъ она такъ сильно нуждалась, онъ завелъ тайные переговоры съ Эспартеро, который когда-то былъ его боевымъ товарищемъ въ южной Америкѣ. Въ то время, какъ тайные агенты пробирались изъ одной главной квартиры въ другую, война велась болѣе для виду, чтобъ не возбудить подозрѣнія въ клерикальной партіи. Эспартеро, возведенный королевой въ званіе града.

съ титуломъ герцога Витторіи, воспользовался этимъ положеніемъ дѣлъ для того, чтобъ занять самыя выгодныя позиціи. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ между начальниками двухъ армій, наконецъ былъ заключенъ въ Бергарѣ договоръ; инсургенты обѣщались положить оружіе, а Эспартеро обѣщалъ имъ амнистію и сохраненіе фуэросовъ въ баскскихъ провинціяхъ и въ Наваррѣ. Донъ-Карлосъ ничего не достигъ изданіемъ воззванія, въ которомъ объявлялъ Марото измѣнникомъ; уваженіе къ нему совершенно исчезло, а надежды его приближенныхъ на успѣшный исходъ борьбы до такой степени ослабѣли, что большая часть его офицеровъ и около трехъ сотъ католическихъ священниковъ бѣжали во Францію; вслѣдъ за тѣмъ и самъ онъ сталъ просить у французскаго правительства пристанища для себя и для своего семейства. Послѣ шестилѣтняго пребыванія въ Буржѣ подъ полицейскимъ надзоромъ и послѣ отреченія отъ своихъ притязаній на престолъ въ пользу своего старшаго сына графа Монтемолина, онъ получилъ позволеніе переѣхать въ Италію, гдѣ и провелъ почти всю остальную часть своей жизни. Онъ умеръ 10 марта 1855 въ Триестѣ. — Въ Каталоніи и въ Валенціи карлисты продолжали борьбу въ теченіе еще цѣлаго года, но измѣны и мятежи ослабляли ихъ энергію. Престарѣлый генераль Эспанья былъ убитъ своими собственными солдатами, а его трупъ былъ брошенъ въ горный ручей Сегру. И тамъ поборники проиграннаго дѣла были еще разъ разбиты «побѣдоноснымъ герцогомъ»; они стали спасаться бѣгствомъ на французскую территорію. Болѣе пяти тысячъ карлистовъ перешли вмѣстѣ съ своимъ начальникомъ Кабрерой черезъ Пиренеи и, нуждаясь въ средствахъ существованія, обратились за помощью къ Французамъ.

31 авг. 1839.

1845.

д. БОРЬБА ПАРТІЙ ВЪ ИСПАНІИ.

Вскорѣ послѣ того Эспартеро взялъ на себя роль защитника правъ испанскаго народа противъ придворныхъ интригъ и дипломатическихъ хитростей ретроградной партіи. Съ теченіемъ времени все яснѣе обнаруживалось, что Христина была склонная къ чувственнымъ наслажденіямъ, страстная, себялюбивая женщина, что она уже не питала прежняго сочувствія къ либеральнымъ идеямъ, считая его ни къ чему болѣе ненужнымъ, и что она вовсе не была расположена удовлетворять народное стремленіе къ свободѣ посредствомъ введенія соотвѣтствовавшихъ духу времени реформъ. Она пользовалась содѣйствіемъ кортесовъ только для того, чтобъ устранить донъ-Карлоса и все его потомство отъ испанскаго престола и конфисковать его имѣнія; во всемъ остальномъ она придерживалась старой системы управленія по совѣту и по примѣру своего друга и родственника Луи-

Правительство и кортесы.

Филиппа и оскорбляла чувства народного достоинства своей привязанностью къ красивому камергеру Мюноцу, съ которымъ впослѣдствіи вступила въ морганатическій бракъ. Мы уже ранѣе говорили о томъ, что мадридское правительство усиливало дѣятельность радикаловъ и ожесточеніе политическихъ партій тѣмъ, что не обнаруживало достаточной энергіи ни въ борьбѣ съ карлистами ни въ борьбѣ съ придворными интригами. Тайныя общества подливали масло въ огонь. Въ нѣкоторыхъ городахъ, въ особенности въ Сарагоссѣ, въ
 1835. Рейсѣ, въ Барселонѣ дѣло дошло до мятежа: тамъ разрушались монастыри, убивались монахи и совершались злодѣянія всякаго рода. Поджиганіе монастырей и умерщвленіе монаховъ распространились, подобно эпидеміи, по всей Каталоніи, а оттуда перешли въ Валенцію и въ Мурцію. Генералъ Басса, попытавшійся прекратить буйства анархистовъ, былъ убитъ въ Барселонѣ разсвирѣпѣвшей народной толпой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ милиція дѣйствовала за-одно съ толпами мятежниковъ. Должностныхъ лицъ и военныхъ начальниковъ обвиняли въ тайномъ соглашеніи съ карлистами, въ измѣнѣ отечеству и свободѣ. Такія-же буйства совершались въ Андалузіи и въ Гранадѣ. По всей странѣ раздавалось требованіе конституціи 1812 года. Мѣстами были организованы юнты, завѣдывавшія городскимъ управленіемъ почти съ республиканской самостоятельностью. Всѣ напоминало революціонныя стремленія временъ владычества Наполеона. Мадридское правительство оказывалось неспособнымъ бороться ни съ анархистами ни съ карлистами. Христина старалась успокоить умы переменой министерства и разными уступками. Торено и почти всѣ другіе члены министерства вышли въ отставку, а составленіе новаго
 14 сент. министерства было поручено донъ-Жуану Альварецъ-и-Мендизабалу, который, живя въ изгнаніи, занимался большимъ торговымъ предпріятіемъ и горячо поддерживалъ либераловъ португальскихъ и испанскихъ. Эта переменна считалась побѣдой англійской политики надъ французской. Мендизабаль объявилъ, что считаетъ своей задачей упроченіе трона Изабеллы II и основъ истинной свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ прекращеніе внутреннихъ раздоровъ безъ всякой посторонней помощи. Стало быть о вмѣшательствѣ Франціи не могло быть и рѣчи. Предпримчивый, умный и энергичный Мендизабаль сталъ дѣйствовать съ отвагой смѣлаго игрока. Онъ старался прекратить революціонныя движенія, раздавая вліятельныя должности либераламъ и эмигрантамъ двадцатыхъ годовъ и дѣлая уступки юнтамъ съ цѣлю примирить ихъ съ «королевскимъ статутомъ». Въ то-же время онъ обѣщалъ увеличить государственные доходы и поднять государственный кредитъ посредствомъ заключенія торговыхъ договоровъ съ Англіей и другихъ финансовыхъ мѣръ. Воображая, что всѣ эти мѣры и обѣщанія успокоили умы, Мендизабаль рѣшился снова со-
 16 ноября. звать кортесы. Но ему скоро пришлось убѣдиться на опытѣ, что

народные представители не полагались на его выдающіяся дарованія. Хотя обѣ палаты и подали голоса за выраженіе довѣрія къ министру, но уже во время преній о новомъ избирательномъ законѣ оппозиція оказалась такой сильной, что пришлось рас- 27 янв. 1836. пустить палату депутатовъ. Тогда Мендизабаль предпринялъ опасную финансовую операцію. Декретомъ отъ 8 марта было объявлено, что въ виду громадности государственнаго долга, требующаго большихъ денежныхъ средствъ, которыя слѣдуетъ добыть не обременяя народъ новыми налогами и не истощая его силъ, ослабленныхъ междоусобной войной, предписывается закрытіе всѣхъ монастырей, монашескихъ собраній, коллегій, конгрегацій и всякихъ другихъ религіозныхъ обществъ. Число женскихъ монастырей ограничивалось небольшою цифрою и запрещался дальнѣйшій приѣмъ послушницъ. Монастырскія имущества обращались въ собственность государства, а бывшимъ членамъ монашескихъ орденовъ назначалось пожизненное содержаніе въ скромномъ размѣрѣ. Это была очень важная революціонная мѣра, встрѣтившая одобреніе со стороны прогрессистовъ.

Черезъ двѣ недѣли послѣ того были снова созваны кортесы. Вы- Борьба между боры происходили подъ вліяніемъ закона о монастыряхъ и потому политическими радикалы оказались въ большинствѣ. Семь городовъ со включеніемъ принципами. Мадрида оспаривали другъ у друга честь имѣть своимъ представителемъ въ палатѣ великаго государственнаго дѣятеля, стоявшаго во главѣ министерства. Экзальтадосы или прогрессисты, — какъ называли крайнюю либеральную партію, — имѣли въ палатѣ депутатовъ перевѣсъ надъ модерадосами. Эти послѣдніе упорно стояли на почвѣ «королевскаго статута» и хотѣли переустроить государственную жизнь постепенными реформами, а прогрессисты требовали или старой конституціи 1812 года или созванія учредительныхъ кортесовъ для изданія новыхъ основныхъ законовъ. Демократы скоро зашли такъ далеко въ своихъ требованіяхъ, что между либеральными членами палаты депутатовъ возникло разномысліе, что нѣкоторые изъ выдающихся людей, прежде державшихъ сторону Мендизабала, какъ напр. Истурицъ и Галіано, перешли на сторону королевскаго двора и примкнули къ модерадосамъ. Въ особенности въ верхней палатѣ была сильна оппозиція противъ министра, опиравшагося на крайнюю либеральную партію. Поэтому регентша, склонявшаяся на сторону Франціи и не сочувствовавшая дѣятельности отважнаго министра, рѣшилась уволить Мендизабала и почти всѣхъ другихъ министровъ и со- 14 мая 1836. ставитъ новое министерство, въ которомъ самыми вліятельными членами были Истурицъ, Алкала Галіано и герцогъ Ривасъ. Радикальное большинство палаты депутатовъ привѣтствовало новыхъ министровъ вотированіемъ предложенія о выраженіи своего недовѣрія, а уличные демагоги осыпали его оскорбительными насмѣшками. Раздраженная королева распустила кортесы и обратилась къ націи съ манифестомъ,

23 мая.

въ которомъ просила ее спасти государство отъ разнузданныхъ страстей одной партіи и отъ открытаго мятежа другой. Прогрессисты попытались вызвать въ нѣкоторыхъ городахъ революціонныя движенія, чтобъ принудить королеву снова поставить Мендизабала во главѣ министерства. Но ихъ рвеніе скоро охладѣло. Въ кортесахъ, избранныхъ въ іюль, большинство составляли люди умѣренныхъ мнѣній и приверженцы правительства. Но радикалы напрягли всѣ свои усилія, чтобъ отстоять конституцію 1812 года. Въ Малагѣ, въ Севильѣ, въ Кадиксѣ образовались демократическія юнты въ защиту «обожаемой» конституціи двѣнадцатаго года. Примѣру южныхъ провинцій послѣдовали вся Арагонія и городъ Сарагосса, гдѣ генераль-капитанъ Санъ-Мигуэль, когда-то бывший адъютантомъ при Ріего и либеральнымъ министромъ, возвратился къ убѣжденіямъ своей молодости. Въ Каталоніи, Мина перешелъ, незадолго передъ смертію, на сторону своего друга Санъ-Мигуэля. Даже въ арміи возникли революціонныя движенія.

Конецъ іюля.

Катастрофа въ
Ла-Гранхѣ.
4 авг. 1836.

Чтобъ предотвратить возникновеніе такихъ-же движеній въ Мадридѣ, правительство ввело въ столицѣ осадное положеніе, распустило національную гвардію и издало строгій манифестъ противъ виновниковъ волненій. Но смѣлымъ словамъ не соответствовали дѣла. Въмѣсто того, чтобъ остаться въ Мадридѣ и съ энергіей сдерживать волновавшійся народъ, королева-регентша переѣхала на жительство въ замокъ Ла-Гранху или Ильдефонсо и тамъ, въ объятіяхъ своего фаворита Мюноца, вела полную наслажденій жизнь, нарушая всякія требованія приличія. Въ виду склонности королевы къ ретроградной политикѣ, вожди революціонной партіи рѣшились силою положить конецъ господствующему режиму и поставить экзальтадосовъ у кормила правленія. Пребываніе двора въ Ла-Гранхѣ очень облегчало успѣхъ такого предпріятія. Большая часть гарнизона, недовольнаго неуплатой жалованья и комендантомъ Санъ-Романомъ, была подготовлена происками демагоговъ къ переходу на сторону революціонеровъ. Взбунтовавшіеся батальоны вторгнулись ночью въ замокъ и принудили королеву возстановить конституцію 1812 года до тѣхъ поръ, пока собравшіеся представители націи не выразятъ свою волю или не выработаютъ новую конституцію. Въ слѣдующій день мятежники предъявили новыя требованія: они хотѣли, чтобъ было отмѣнено осадное положеніе, чтобъ мадридской національной гвардіи было возвращено оружіе, чтобъ министры были уволены, чтобъ всѣмъ должностнымъ лицамъ и войскамъ было приказано принести присягу конституціи 1812 года. Марія Христина согласилась исполнить и эти желанія. Она подписала декреты, которыми уволила министровъ Истуриса, Галіано, герцога Риваса и комендантовъ Санъ-Романо и Квесаду, назначила министрами Калатраву и Гиль-де-ла-Квадра, а командованіе войсками поручила генераламъ Родилю и Сеоане. Уволенные должностныя лица искали спасенія въ бѣгствѣ, но Квесада былъ

12 авг.

настигнуть національными гвардейцами: они убили его и волочили по улицамъ его изуродованный трупъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, инфанта совершила свой въѣздъ въ свою «вѣрную» столицу 17 авг. болѣе похожей на плѣнницу, чѣмъ на королеву. Ее сопровождали «герои Ла-Гранхи», привѣтствуемые радостными возгласами демократической толпы.

Такимъ образомъ, борьба между двумя крайними партіями—между Учредительные радикалами-революціонерами и фанатическими католиками довела страну кортесы и передо отчаяннаго положенія. Королева обсуждала вопросъ, не должна-ли редѣланная она переѣхать вмѣстѣ съ дочерьми въ Неаполь. Знаменитый писатель и публицистъ Ларра лишилъ себя жизни въ припадкѣ меланхолии и отчаянія. До крайности тревожное настроеніе умовъ того времени отразилось въ дико-геніальныхъ стихотвореніяхъ возвратившагося въ Испанію эмигранта Жозе де-Эспронседа, который старался подражать Байрону. Но самъ народъ взялъ на себя роль спасителя; радикализмъ дошелъ до своихъ крайнихъ предѣловъ, совершая насилія въ Ла-Гранхѣ и въ Мадридѣ; тѣ изъ экзальтативовъ, которые были благоразумнѣе своихъ единомышленниковъ, стали обнаруживать склонность къ уступчивости, а жаждавшая спокойствія и порядка нація поддержала ихъ въ ихъ попыткахъ примиренія. Не смотря на то, что въ учредительныхъ кортесахъ, открывшихъ свои засѣданія 24 октяб- 24 окт. 1836. ря, прогрессисты составляли большинство, а въ ревизіонной комиссіи имѣли рѣшающее вліяніе такіе члены, какъ составитель конституціи 1812 года Аргвеллесъ, какъ Олозага, Ферреръ, Гонзалецъ, «обожжаемая» конституція подверглась такимъ измѣненіямъ, что, по словамъ вождя оппозиціи Кабаллеро, въ ней не осталось камня на камнѣ. Вынесенный изъ продолжительной борьбы опытъ научилъ народныхъ представителей яснѣе понимать требованія времени. Люди крайнихъ убѣжденій еще не переставали утверждать на сходкахъ и въ печати, что королевскую власть чрезмѣрно усиливаютъ въ ущербъ правамъ народа, что верховную власть націи—этотъ источникъ всѣхъ основныхъ законовъ ослабляютъ заимствованными изъ французской хартіи постановленіями, ограниченіями права участія въ выборахъ, учрежденіемъ сената или верхней палаты, королевскимъ правомъ налагать veto на парламентскія рѣшенія и другими важными постановленіями; но это не помѣшало палатѣ утвердить и обнародовать за-ново пере- 8 іюня 1837. дѣланную конституцію. За этими новыми основными законами нельзя было не признать того достоинства, что они были составлены въ духѣ умѣренности. Только въ религіозномъ вопросѣ былъ оставленъ въ силѣ старый законъ, дозволявшій публично исповѣдывать только католическую религію; это было сдѣлано наперекоръ предложенію правительства, желавшаго въ угоду Англіи ослабить силу того закона въ интересахъ религіозной терпимости и свободы совѣсти. Въ то время, какъ либералы наносили тяжелые удары духовенству и

- церкви, они хотѣли оставаться хорошими католиками въ мнѣніи народа. Королева-регентша, сопровождаемая своей семилѣтней дочерью Изабеллой, принесла 18 іюня публичную присягу новой конституціи. Когда избранные на основаніи новаго закона, члены кортесовъ собрались въ слѣдующемъ году въ Мадридѣ, ихъ большинство состояло изъ модерадосовъ.
- 19 ноября 1838. Отреченіе Христины. Но вслѣдъ за тѣмъ снова обнаружилась тенденція къ реакціи. Скоро стало ясно, что королева-регентша, наперекоръ своимъ обѣщаніямъ, вовсе не намѣрена управлять государствомъ на основаніи конституціи. Она назначила министрами людей стараго покроя, которые вошли въ близкія сношенія съ правительствами восточныхъ абсолютныхъ монархій. Касательно права народныхъ представителей утверждать налоги высказывались такія воззрѣнія, которыя превращали парламентскій контроль въ пустую формальность и только прикрывали абсолютизмъ прозрачною завѣсой. Посредствомъ неоднократныхъ распушеній палаты и избирательныхъ интригъ регентша наполнила палату депутатовъ членами умѣренной партіи, а въ своей
- 18 февр. 1840. тронной рѣчи объявила объ изданіи цѣлаго ряда важныхъ законовъ, которые всѣ были направлены къ одной цѣли—лишить прогрессистовъ всякаго вліянія, отнять у нихъ владычество въ городахъ, прекратить невоздержныя выходки прессы и возстановить вліяніе духовенства. Господствующая партія старалась главнымъ образомъ заново организовать общинное управленіе и отнять у общиннаго представительства (айюнтаменто) власть и независимость, основанную на принципѣ самоуправленія. Тогда въ Мадридѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ вспыхнули возстанія, принудившія регентшу поручить составленіе новаго министерства вождю экзальтадосовъ Эспартеро. Герцогъ Витто-
- 16 сент. 1840. рія совершилъ 16 сентября 1840 свой торжественный въѣздъ въ Мадридъ и немедленно потребовалъ отъ королевы отмѣны новаго закона объ организаціи общинъ, удаленія камарильи и распушенія кортесовъ. Оскорбленная этими требованіями, Марія Христина не была въ состояніи отвергнуть ихъ, поэтому отказалась отъ званія
- Окт. регентши и переѣхала во Францію, а вновь избранные кортесы назначили регентомъ Эспартеро.
- 8 мая 1841. Перемѣна системы правленія и пересмотръ конституціи. Управленіе герцога-регента было полезно для торговли и промышленности, но не было продолжительно. Его положеніе сдѣлалось крайне-труднымъ вслѣдствіе интригъ королевы-матери, поддерживаемой французскимъ правительствомъ и располагавшей громадными денежными средствами, вслѣдствіе зависти его враговъ, число которыхъ увеличивалось съ каждымъ днемъ, и вслѣдствіе того, что руководствовавшіеся англійскими воззрѣніями, герцогъ и его приверженцы (которыхъ называли Англо-Айякухосами по имени одного сраженія во время войны за освобожденіе Перу, XIV, 688) проливали испанскую кровь, подавляя всѣ попытки возстаній въ Малагѣ, въ Барселонѣ, въ

Мадридъ и въ другихъ мѣстахъ; а когда герцогъ поссорился также съ папой и съ духовенствомъ (стр. 36), то во всей странѣ возникло такое волненіе умовъ, что онъ не могъ долѣе удержаться на своемъ посту. Старый недругъ герцога Витторіи, генераль Нарваецъ, перешедшій на сторону Христины и щедро снабженный ею деньгами, высадился въ Валенціи и двинулся во главѣ многочисленной арміи къ столицѣ; тогда Эспартеро отступилъ съ своими войсками къ Сіерра-Моренѣ, но узнавши о взятіи столицы и видя, что большая часть его солдатъ измѣняетъ ему, онъ удалился въ Кадиксъ, а оттуда отплылъ въ Англію. Паденіе регента и преслѣдованіе Айякуховъ свѣдѣтельствовали о побѣдѣ французской политики надъ англійской. Вскорѣ послѣ того, тринадцати-лѣтняя королева Изабелла была объявлена совершенно-лѣтней, Нарваецъ, строго подавившій нѣсколько попытокъ возстанія, получилъ титулъ герцога Валенціи и былъ назначенъ президентомъ министерства, а Марія Христина была приглашена возвратиться въ Испанію. Съ тѣхъ поръ французское вліяніе сдѣлалось господствующимъ въ Мадридѣ, а происки Луи-Филиппа опутали Испанію, подобно Франціи, сѣтью политическихъ интригъ, направленныхъ къ органиченію народныхъ правъ и къ стѣсненію свободы. Консервативная политика, съ помощью которой Нарваецъ старался залѣчить тяжелыя раны, нанесенныя странѣ внутренними раздорами, скоро приняла реакціонное направленіе подъ вліяніемъ придворной партіи и клерикаловъ. Марія Христина и снова достигшіе господства модерадосы предприняли, по совѣту французскаго правительства, пересмотръ конституціи, который привелъ къ тому, что составленные въ Кадиксѣ основные законы были очищены отъ многихъ преувеличеній и недосмотровъ, но наряду съ многими разумными постановленіями въ нихъ были включены и такія постановленія, которыя открывали болѣе широкій просторъ для стремленій реакціонеровъ. Принципъ народнаго верховенства былъ отложенъ въ сторону; прерогативы короны были расширены; былъ учрежденъ сенатъ изъ членовъ, пожизненно назначаемыхъ монархомъ; право участія въ выборахъ и свобода печати были органичены; вмѣстѣ съ тѣмъ были сдѣланы приготовленія къ заключенію конкордата съ папскимъ правительствомъ.

Конецъ іюля
1843.

Май 1844.

23 мая 1845.

Вслѣдъ за тѣмъ было возбуждено сильное волненіе во всей Европѣ двойнымъ бракосочетаніемъ въ испанскомъ королевскомъ семействѣ. Евронейская дипломатія въ теченіи многихъ лѣтъ пріискивала для молодой испанской королевы такого супруга, выборъ котораго не нарушилъ-бы интересовъ ни одной изъ великихъ державъ; она останавливала свое вниманіе то на неаполитанскомъ принцѣ (принцъ Транани), то на сынѣ донъ-Карлоса, графѣ Монтемолинѣ; но Луи-Филиппъ уладилъ это дѣло съ Маріей Христиной такъ, что избалованная, и нравственно и умственно дурно воспитанная матерью, Изабелла была выдана за-мужъ за своего двоюроднаго брата Фран-

Окт. 1846.

циска, который ей вовсе не нравился и къ тому-же считался неспособнымъ къ брачному сожитію; въ то-же время младшая сестра Изабеллы, Луиза Фернанда отдала свою руку вмѣстѣ съ своими наслѣдственными правами на испанскій престолъ младшему сыну Луи-Филиппа, герцогу Монпансье. Эти событія имѣли послѣдствіемъ паденіе

Окт. 1847. Нарваеца, который былъ принужденъ выѣхать изъ Испаніи, но въ слѣдующемъ году былъ снова поставленъ во главѣ управленія. Эти браки, устроенные изъ эгоистическихъ цѣлей просками французскаго короля, министра Гизо и безжалостной матери Изабеллы, возбудили такой сильный разладъ между правительствами англійскимъ и французскимъ, который угрожалъ перейти въ открытую вражду. Въ Парижѣ старались скрыть свою вину и сложить ее на чужія плечи. Французскій посланникъ въ Мадридѣ, графъ Брессонъ, принимавшій очень дѣятельное участіе въ устройствѣ браковъ, былъ отозванъ и переведенъ въ Неаполь, гдѣ, отъ огорченія, что впалъ въ немилость, скоро самъ лишилъ себя жизни. Но общественное мнѣніе всей Европы обвиняло французскаго короля и его министра Гизо въ двоедушіи и въ нарушеніи даннаго слова. И въ Испаніи бракъ молодой королевы скоро привелъ къ печальнымъ послѣдствіямъ. Изабелла была приучена своей безнравственной матерью только къ чувственнымъ удовольствіямъ; она не была способна ни къ какимъ возвышеннымъ и благороднымъ идеямъ, чувствамъ и влеченіямъ и ей скоро опротивѣлъ ея супругъ, разслабленный и физически и умственно. Она удалила его отъ себя и отдала свое сердце одному изъ экзальтадосовъ, генералу Серрано. Дворцовыя интриги и сплетни усилили разладъ и взаимное отвращеніе королевской четы; хотя Марія Христина и сочла благоразумнымъ избавиться отъ выраженной ненависти испанскаго народа, переѣхавши во Францію вмѣстѣ съ своимъ морганатическимъ супругомъ, но прежніе раздоры при дворѣ отъ этого не прекратились. Впрочемъ удаленіе королевы-матери привело къ тому, что конституціонный режимъ сталъ все болѣе упрочиваться, а вліяніе камарильи и партій католиковъ-абсолютистовъ стало ослабѣвать.

е. португалія.

Королева Ма- Съ тѣхъ поръ, какъ донъ-Мигуэль удалился изъ Португаліи, а
рія II и поли- Марія II да-Глорія стала управлять государствомъ въ качествѣ кон-
тическія пар- ституціонной королевы при содѣйствіи кортесовъ, дѣла приняли тамъ
тіи. такой-же оборотъ, какъ въ Испаніи, только съ той разницей, что тамъ
господствовало не французское вліяніе, а англійское. И португаль-
скій народъ дѣлился на нѣсколько партій съ самыми разнообразны-
ми политическими воззрѣніями; республиканцы и абсолютисты были
въ меньшинствѣ, но и приверженцы конституціоннаго режима не

дѣйствовали единодушно, потому что придерживались болѣе или менѣе либеральныхъ воззрѣній; кромѣ того, и въ Португаліи такъ-же какъ въ Испаніи, финансы находились въ сильномъ разстройствѣ, а королева обнаруживала, подобно Христинѣ, влеченіе къ неограниченной королевской власти и явное несочувствіе къ правамъ народныхъ представителей въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ неожиданно скончался ея любимый народомъ первый супругъ, принцъ Августъ Лейхтенбергскій, старшій сынъ бывшаго вице-короля Евгенія Богарнэ, а ея второй супругъ Фердинандъ Саксенъ-Кобургскій поддерживалъ аристократическіе принципы и не въ мѣру подчинялся вліянію нѣсколькихъ приближенныхъ, которыхъ стали называть нѣмецкой камарильей. Поэтому и въ Португаліи царствованіе Маріи II было подготовительной школой къ конституціонной системѣ управленія; и тамъ, такъ-же, какъ въ Испаніи, боролись изъ-за господства партій либеральная и консервативная; въ первой изъ нихъ искали для себя опоры такъ называемые масоны тайныхъ обществъ, во второй искали для себя опоры приверженцы донъ-Мигуэля абсолютисты и клерикалы. И камарилья, состоявшая изъ женщинъ и изъ царедворцевъ, не замедлила употребить въ дѣло свое пагубное вліяніе. Неоднократныя распушенія палаты, въ особенности по причинѣ ея отказа поручить супругу королевы главное командованіе арміей, сильно волновали народъ, а извѣстіе о томъ, что случилось въ Ла-Гранхѣ, вызвало подражаніе въ Португаліи; 9 сентября стали раздаваться 9 сент. 1836. тысячи зловѣщихъ возгласовъ: да здравствуетъ конституція 1822 года! (XIV, 650, 690 и сл.) Марія да-Глорія скоро была вынуждена согласиться на уступки, такъ какъ ея войска болѣею частію перешли на сторону народа. Она признала демократическую конституцію и назначила новое министерство, составленное изъ «сентябристовъ». Но вскорѣ послѣ того она, по совѣту дипломатовъ и аристократовъ, издала изъ Белема прокламацію, въ которой отмѣняла сдѣланную уступку и объявляла, что будетъ впредь придерживаться менѣе либеральной хартіи дона Педро; тогда національная гвардія взялась за оружіе и принудила королеву созвать учредительные кортесы, которые ввели парламентскую систему съ двумя палатами, предоставили коронѣ безусловное право налагать свое veto на парламентскія постановленія и, такимъ образомъ смягчивши содержаніе конституціи 1822 года, признали ее основнымъ государственнымъ закономъ. Дворъ и аристократія тщетно пытались, съ помощью Англіи, низвергнуть новую конституцію: народныя движенія, возбужденныя нѣкоторыми честолюбцами въ пользу хартіи дона Педро, были подавлены и не смотря на то, что конституція не удовлетворяла эзальтадосовъ 4 апрѣля 1838. своимъ умѣреннымъ содержаніемъ, она была окончательно утверждена и ей всѣ присягнули.

Но прочный порядокъ всетаки не былъ возстановленъ въ Порту-

Хартисты и галии. Не только абсолютисты все еще были многочисленны и пред-
сентябристы. пріимчивы, но и въ средѣ приверженцевъ конституціоннаго режима
не прекращалась борьба между консервативными модерадосами (ко-
торыхъ также называли хартистами или педристами) и радикальны-
ми экзальтадосами или сентябристами. Послѣ того, какъ эти послѣд-
ніе стояли въ теченіе четырехъ лѣтъ во главѣ управленія, одинъ
изъ ихъ вождей Коста Кабраль, впослѣдствіи получившій ти-
туль графа Томара, перемѣнилъ свое знамя и перешелъ на сто-
рону своихъ прежнихъ противниковъ. Партія модерадосовъ одержала
1842. въ 1842 году побѣду подъ предводительствомъ Коста Кабрала и
составила новое министерство, которое съ маршаломъ Виллафлоромъ,
герцогомъ Терцеира во главѣ, возстановило основные государствен-
ные законы, изданные дономъ Пердо въ 1826 году. Въ званіи
министра внутреннихъ дѣлъ Коста Кабраль старался энергиче-
скими мѣрами прекратить борьбу политическихъ партій и упрочить
tronъ Маріи, расшатанный политическими бурями. Но онъ не всегда
стѣснялся статьями конституціи: онъ увеличилъ пошлины и налоги,
однако не выведя финансы изъ ихъ отчаяннаго положенія, и навлекъ
на себя съ разныхъ сторонъ ненависть самовольными реформами
судопроизводства и администраціи, преобразованіемъ національной
гвардіи и другими мѣрами. Общее недовольство усилилось, когда
1844. правительство распустило кортесы, чтобъ сломить оппозицію сентяб-
ристовъ; хотя военное возстаніе, вызванное генераломъ Бомфиномъ
въ Торресъ-Ведрасъ, и не достигло своей цѣли—низверженія мини-
стерства, но оно служило доказательствомъ недовольства всѣхъ со-
словій господствовавшимъ режимомъ произвола. Правительственныя
угнетенія скоро вызвали новые беспорядки и возстанія. Изъ провин-
ціи Миньо былъ поданъ сигналъ къ возстанію, которое скоро распро-
странилось по горнымъ провинціямъ и съ которымъ не было въ со-
стояніи справиться правительство. Коста Кабраль былъ низвергнутъ
и бѣжалъ изъ Португаліи. Но удаленіе ненавистнаго министра уже
не было достаточно для укрощенія разнузданныхъ страстей. Револ-
юція, избравшая своимъ центромъ Оporto, приняла такой угрожа-
ющій характеръ, что даже тронъ королевы не былъ огражденъ отъ
опасности. Марія тщетно старалась успокоить умы назначеніемъ
новаго министерства, въ составъ котораго вошли герцогъ Палмелла
и маршалъ Салданья; мятежники не довольствовались этой мѣрой,
заклучавшейся только въ перемѣнѣ министровъ, а не въ измѣненіи
системы управленія; сентябристы хотѣли, чтобъ во главѣ управленія
были поставлены люди изъ ихъ среды. Поэтому дѣятельность анар-
хистовъ не прекращалась. Повсюду организовались юнты по при-
мѣру Оporto; въ арміи не было единодушія, а отряды инсургентовъ
приближались къ столицѣ подъ предводительствомъ графа дасъ-
Антоса и возвратившагося изъ Испаніи, генерала Бомфина. Мар-

шалу Салданьѣ удалось, во главѣ оставшихся вѣрными войскъ, нанести пораженіе инсургентамъ подлѣ Торресъ—Ведраса и спасти 22 дек. 1846. Лиссабонъ; но революціонеры удержались въ Оporto и къ нимъ стали со всѣхъ сторонъ присоединяться новые приверженцы. Мигуэлисты снова подняли голову въ надеждѣ поправить свои дѣла съ помощью радикаловъ; инфантъ отправился въ Англію, чтобъ быть въ рѣшительную минуту ближе къ театру борьбы. Королева, дѣйствовавшая Янв. 1847. подъ вліяніемъ своихъ страстей и предразсудковъ и подчинявшаяся внушеніямъ окружавшихъ ее аристократовъ, не хотѣла вступать въ переговоры съ инсургентами и отвергнула демократически-конституціонную систему правленія сентябристовъ; она рѣшилась прибѣгнуть къ помощи союзныхъ державъ, заключившихъ четверной договоръ 1834 года. Ея желаніе было исполнено. Послѣ того какъ революціонная юнта, засѣдавшая въ Оporto, отвергнула предложенное ей Англіей посредничество, у береговъ Португаліи появилась англійская эскадра: она увела корабли инсурентовъ и заперла доступъ къ городу со стороны моря. Въ то-же время испанская вспомогательная армія перешла португальскую границу и вмѣстѣ съ войсками Салданьи подступила къ главному центру революціоннаго возстанія. Окруженная со всѣхъ сторонъ непріателемъ, юнта не была въ состояніи бороться съ своими многочисленными врагами и была вынуждена согласиться на заключеніе договора о капитуляціи, по которому ей были обѣщаны, согласно желанію союзныхъ державъ, амнистія, созваніе кортесовъ и составленіе новаго министерства изъ членовъ умѣренной партіи. 30 іюня.

Однако, внутреннее спокойствіе было непродолжительно. Французскій король Луи-Филиппъ, поссорившійся съ англійскимъ правительствомъ со времени заключенія испанскихъ браковъ и повсюду поддерживавшій реакціонеровъ и абсолютистовъ, посоветовалъ королевѣ не соблюдать условій капитуляціи. Она послушалась этого совѣта, подчинила свое королевство военной диктатурѣ маршала Салданьи и заставила кортесы не возвышать голоса. Но эта деспотическая система управленія не имѣла никакой нравственной опоры и не могла долго продержаться. Скоро возобновились интриги, исходившія на этотъ разъ не столько отъ придворныхъ, сколько отъ нѣкоторыхъ честолюбивыхъ вождей политическихъ партій. Вождь хартистовъ Коста Кабраль возобновилъ, послѣ своего возвращенія изъ ссылки, свои прежніе происки, собралъ подъ своимъ знаменемъ, съ одобренія королевы, всѣ ретроградные элементы и былъ снова поставленъ королевой во главѣ управленія; изъ зависти къ нему, властолюбивый маршалъ Салданья сталъ во главѣ сентябристовъ, составилъ коалицію между всѣми, кто былъ недоволенъ деспотическими замашками гордаго графа, и склонилъ на свою сторону гарнизоны, стоявшіе въ Цинтрѣ и въ Оporto; затѣмъ онъ вынудилъ отъ королевы свое на-

Май.

Министерство Салданьи и перемѣна системы управленія.

Іюль 1849.

Май 1851.

значение президентомъ министерства съ диктаторскою властію. Между тѣмъ какъ Коста Кабраль искалъ убѣжища въ Англіи, Салданья ввелъ въ Лиссабонѣ конституціонную систему правленія, основанную на новой конституціи, составленной изъ двухъ прежнихъ. Маршалъ еще занималъ это высокое диктаторское положеніе, когда Марія да-
 9 іюля 1852. Глорія скончалась въ цвѣтъ лѣтъ (15 ноября 1853). Ей наследовалъ ея сынъ донъ-Педро V; но такъ какъ онъ былъ еще несовершеннолѣтнимъ, то его отецъ «король» Фердинандъ исполнялъ обязанности регента. Салданья оставался во главѣ управленія и въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ новаго царствованія; онъ съ энергіей отстаивалъ авторитетъ правительства противъ парламентской оппозиціи, которая была особенно сильна въ верхней палатѣ, потому что во главѣ ея стоялъ снова возвратившійся въ свое отечество, графъ Томаръ. Съ теченіемъ времени улеглись партійныя страсти, а борьба партій отодвинулась на задній планъ передъ финансовыми затрудненіями и передъ нуждой, которая была послѣдствіемъ неурожая и порчи виноградниковъ. Примиреніе между политическими партіями сдѣлалось еще болѣе полнымъ, когда вступилъ на престолъ миролюбивый и строго соблюдавшій конституцію, молодой король Педро V,
 1857. а преемникъ Салданьи, маркизь Лула составилъ министерство изъ представителей различныхъ партій. Самымъ выдающимся членомъ этого коалиціоннаго министерства былъ министръ финансовъ д'Авила, много способствовавшій развитію матеріальнаго благосостоянія проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ и улучшеніемъ путей сообщенія. Однако и въ то время возникали парламентскія бури, оканчивавшіяся перемѣнами министерства. Но событія иного рода причинили еще болѣе горя, чѣмъ политическія смуты. На кораблѣ, шедшемъ изъ Бразиліи съ грузомъ хлопчатой бумаги въ сентябрѣ 1857, стала свирѣпствовать желтая лихорадка съ такою силой, что въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ ею заболѣли пятнадцать тысячъ человѣкъ, а болѣе пяти тысячъ умерли. Едва успѣла избавиться Португалія отъ этой страшной эпидеміи, какъ само королевское семейство подверглось тяжелымъ ударамъ рока. Король Педро лишился своей молодой супруги Стефаніи
 17 іюля 1859. Гогенцоллернъ-Зигмарингенской послѣ четырехъ-лѣтняго брачнаго
 26 апр. 1860. союза; герцогъ Терцеира, вступившій за годъ передъ тѣмъ въ должность президента министерства и пользовавшійся особымъ довѣріемъ короля, сошелъ въ могилу; за тѣмъ умерли горячкой самъ король и двое его братьевъ. Эти несчастія возбудили въ Лиссабонѣ сильное волненіе, такъ какъ народъ не допускалъ, чтобъ они могли быть послѣдствіемъ естественныхъ причинъ. Тогда вступилъ на португальскій престолъ второй братъ умершаго короля, Людовикъ. Онъ принесъ въ собраніи кортесовъ присягу конституціи, а въ слѣдующемъ году вступилъ въ бракъ съ итальянской принцессой Маріей Ція. Маркизь, впослѣдствіи герцогъ, Лула остался на своемъ посту и постарался

предохранить Португалію отъ прежней внутренней неурядицы посредствомъ изданія либеральныхъ законовъ и введенія соотвѣтствующихъ духу времени реформъ. Для улаженія спора, возникшаго между португальскимъ правительствомъ и римской куріей, Салданья былъ отправленъ въ Римъ, но не достигъ полнаго успѣха.

3. Великобританія.

а. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ВЪ АНГЛІИ.

Іюльская революція, вспыхнувшая почти одновременно съ вступ- Новѣй король
леніемъ на англійскій престолъ либеральнаго короля Вильгельма IV и новое ми-
(XIV, 782), не осталась безъ вліянія и на Англію. Тогда былъ по- нистерство.
ставленъ на очередь вопросъ о парламентской реформѣ, уже давно
волновавшій умы. Послѣдствіемъ прежняго закона о выборахъ было
то, что въ члены парламента попадали почти исключительно только
представители аристократіи. Выборы въ сельскихъ округахъ и въ
графствахъ производились подъ могущественнымъ вліяніемъ знати,
имѣвшей въ своихъ рукахъ всю земельную собственность и зани-
мавшей высшія должности; поэтому въ члены парламента постоянно
выбирались младшіе сыновья аристократическихъ семействъ или при-
верженцы и поборники аристократическихъ принциповъ; мѣста въ
парламентѣ сдѣлались большею частію наслѣдственными, а нѣкоторые
изъ нихъ даже публично покупались. Выборы городскихъ представи-
телей оказывались неудовлетворительными по причинамъ иного рода.
Большія селенія, съ теченіемъ времени пришедшія въ совершенный
упадокъ или превратившіяся въ маленькія («гнилыя») мѣстечки и
находившіяся во власти знати, пользовались стариннымъ правомъ
посылать въ парламентъ одного или нѣсколькихъ представителей,
между тѣмъ какъ другія общины, и въ томъ числѣ нѣкоторые изъ
самыхъ цвѣтущихъ городовъ, или вовсе не имѣли права посылать
отъ себя депутатовъ, потому что еще не существовали или были
незначительны во время распредѣленія избирательныхъ правъ, или
же выбирали такое незначительное число парламентскихъ членовъ,
которое далеко несоотвѣтствовало многочисленности ихъ населенія.
Либеральная партія уже давно стремилась къ парламентской реформѣ
посредствомъ увеличенія числа избирателей; но тѣсно сомкнутая
фаланга аристократическихъ членовъ обѣихъ палатъ не допускала
осуществленія такихъ замысловъ, а отъ стоявшаго во главѣ мини-
стерства «железнаго герцога» Уэллингтона, несочувствовавшаго ни-
какимъ либеральнымъ стремленіямъ, нельзя было ожидать содѣйствія
реформаторамъ. Только послѣ іюльской революціи, которую англійскій
народъ привѣтствовалъ горячимъ одобреніемъ, либеральныя и прог-

рессивныя идеи стали громко высказываться и въ Великобританіи; тогда былъ снова поднятъ вопросъ о парламентской реформѣ. Новые парламентскіе выборы происходили въ то время, когда народные умы были взволнованы событіями великой іюльской недѣли, когда сельское населеніе выражало недовольство своимъ угнетеннымъ положеніемъ, разрушая хлѣбныя магазины землевладѣльцевъ, а радикальныя газеты Гунта и Кобетта поощряли городскихъ жителей къ подражанію Парижанамъ. Уже во время первыхъ засѣданій новаго

Ноябрь 1830. парламента, министерство Уэллингтона-Пеля убѣдилось, что большинство нижней палаты не будетъ держать его сторону. Желѣзному фельдмаршалу были не по душѣ какія либо уступки народной волѣ. Поэтому торійскіе министры подали въ отставку, а король Вильгельмъ, не желавшій утрачивать народную любовь, не воспротивился ихъ удаленію отъ дѣлъ. Тогда управленіе перешло въ руки виговъ. Графъ Грей, — либеральный государственный дѣятель и пользовавшійся общимъ уваженіемъ ораторъ, — сталъ во главѣ министерства; Брумъ, котораго народъ желалъ видѣть во главѣ партіи реформы, занялъ

22 ноября. постъ лорда-канцлера, а Пальмерстонъ былъ назначенъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. За нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ вождей либеральной партіи, Гускиссонъ (XIV, 781) былъ раздавленъ локомотивомъ при открытіи желѣзной дороги между Манчестеромъ и Ливерпулемъ, въ проведеніи которой онъ принималъ самое дѣятельное участіе.

Парламентская реформа. Вступленіе виговъ въ управленіе было началомъ плодотворныхъ реформъ въ государственной жизни Англіи. Чтобъ противопоставить преграду насиліямъ англійскихъ поселянъ надъ землевладѣльцами и агитаціи О'Коннелля за отдѣленіе Ирландіи отъ Англіи, правительство рѣшилось ввести въ народномъ представительствѣ перемѣны, соотвѣтствовавшія духу времени. То былъ достопамятный день въ исторіи

1 марта 1831. Англіи, когда Джонъ Россель внесъ въ нижнюю палату отъ имени министерства проектъ улучшенія представительнаго собранія Англіи и Уэльса. Этотъ проектъ парламентской реформы отнималъ у большей части «гнилыхъ мѣстечекъ» ихъ прежнія права, предоставлялъ большимъ городамъ право выбирать представителей соразмѣрно съ многочисленностью ихъ населенія, упрощалъ и сокращалъ производство выборовъ, уменьшалъ общую цифру представителей и понижалъ цензъ избирателей. Такъ какъ онъ вполнѣ или частію отнималъ у болѣе чѣмъ сотни гнилыхъ мѣстечекъ ихъ старинныя избирательныя права и передавалъ ихъ большимъ городамъ, то онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе со стороны аристократіи, опасавшейся упадка своего политическаго вліянія, уменьшенія цѣны своей земельной собственности, уничтоженія солидныхъ основъ стараго режима и перенесенія демократической революціи съ французской почвы на англійскую. Послѣ семидневныхъ преній, во время которыхъ молодой

Маколей въ первый разъ выказалъ свои ораторскія дарованія и даже О'Коннелль вступился за министерство, проектъ былъ отвергнутъ послѣ третьяго чтенія. Но состоявшее изъ виговъ министерство упорно преслѣдовало свою цѣль и успѣло склонить короля на свою сторону. Не смотря на свое либеральное настроеніе ума, Вильгельмъ IV обнаруживалъ нерѣшительность подъ вліяніемъ своихъ торійскихъ приближенныхъ и своей нѣмецкой супруги Адельгейды (XIV, 782). Его увѣряли, что усиленіе демократическихъ элементовъ въ парламентѣ причинитъ ущербъ прерогативамъ короны. Но энергія и настойчивость Брума и Грея одержали верхъ надъ его колебаніями и онъ согласился на распущеніе нижней палаты и на производство новыхъ выборовъ. Это произвело такое сильное впечатлѣніе, что вся страна пришла въ сильное волненіе, а въ Лондонѣ стали совершаться буйства. Апслэ-гаузъ, служившій резиденціей для Уэллингтона, былъ опустошенъ въ то время, какъ трупъ скончавшейся герцогини еще лежалъ на смертномъ одрѣ; принадлежавшіе къ торійской партіи, лорды подвергались оскорбленіямъ и угрозамъ. Во вновь избранномъ парламентѣ либералы были болѣе многочисленны, чѣмъ прежде; въ іюнѣ король открылъ его засѣданія тронною рѣчью, въ которой увѣрялъ, что относится съ довѣріемъ къ новой организаціи народнаго представительства на основаніи установленныхъ конституціонныхъ принциповъ, въ равной мѣрѣ обезпечивающихъ достоинство короны, авторитетъ обѣихъ палатъ парламента, права и вольности народа. Послѣ нѣсколькихъ шумныхъ засѣданій нижняя палата утвердила проектъ реформы большинствомъ слишкомъ ста голосовъ и передала его въ верхнюю палату, гдѣ онъ подвергнулся обсужденію въ началѣ октября. Министерство могло бы воспользоваться происходившими въ сентябрѣ празднествами по случаю коронаціи, чтобъ назначить въ палату пэровъ многочисленныхъ новыхъ членовъ, но оно не хотѣло обнаруживать недовѣріе къ здравомыслію лордовъ и опасалось надолго поколебать авторитетъ консервативной верхней палаты. Однако оно обманулось въ своихъ ожиданіяхъ. Не смотря на убѣдительные доводы Грея и Брума, проектъ реформы встрѣтилъ самое упорное сопротивленіе со стороны аристократовъ, считавшихъ себя предназначенными отъ рожденія для роли стражей государства. Противъ проекта подали голоса торійскіе лорды стариннаго знатнаго рода, бывшіе высшіе сановники съ Уэллингтономъ во главѣ и почти всѣ епископы. Они полагали, что попытка соединить монархическій принципъ съ демократическимъ ведетъ къ революціи, къ низпроверженію старинныхъ англійскихъ государственныхъ учреждений. Возникло опасеніе, что министерство выйдетъ въ отставку; чтобъ удержать его отъ такого рѣшенія, нижняя палата, по предложенію Маколея, вотировала выраженіе своего довѣрія къ нему. Вскорѣ послѣ того король на время закрылъ засѣданія парламента и объявилъ,

22 апр.

21 сент. 1831.

8 сент.

7 окт.

20 окт.

что билль о реформѣ будетъ снова внесенъ на разсмотрѣніе, чтобъ обезпечить народу полное пользованіе его правами. Въ одномъ изъ парламентскихъ засѣданій Джонъ Россель сказалъ, что не возможно допустить, чтобъ шушуканье одной факціи могло заглушить голосъ цѣлой націи. Общее негодованіе на отказъ верхней палаты утвердить проектъ реформы снова выразилось въ буйныхъ сценахъ. При возвращеніи депутата Ветерелля въ Бристоль, тамъ возникли народныя смуты, окончившіяся поджогами, опустошеніями и кровопролитіемъ. Въ Лондонѣ демократы организовали политическія общества, во главѣ которыхъ сталъ тогдашній вождь радикаловъ сэръ Францисъ Бёрдеттъ. Холера, уносившая не мало жертвъ и въ Англіи, усиливала волненіе умовъ. Парламентъ, снова собравшійся въ концѣ года, приступилъ въ третій разъ къ разрѣшенію главнаго вопроса; Роб. Пиль и его единомышленники употребляли въ дѣло всѣ силы своего краснорѣчія, чтобъ снова забаллотировать билль о реформѣ, который былъ измѣненъ въ нѣкоторыхъ неважныхъ пунктахъ; но голосованіе въ

Мартъ 1832. нижней палатѣ доказало, что значительное большинство ея членовъ держитъ сторону правительства. Тогда всѣ стали задаваться вопросомъ: Неужели и теперь верхняя палата не изъявитъ своего согласія? Сначала казалось, что она уступитъ желанію націи, такъ какъ многіе изъ духовныхъ и свѣтскихъ пэровъ отказались отъ безусловной оппозиціи. Но это предположеніе оказалось неосновательнымъ.

7 мая 1832. и билль о реформѣ былъ снова отвергнутъ большинствомъ палаты пэровъ.

Билль о ре- Это былъ критическій моментъ въ исторіи англійской конституціи. формѣ утвер- При дворѣ обсуждался вопросъ, слѣдуетъ ли создать въ верхней жденъ. палатѣ министерское большинство посредствомъ назначенія новыхъ пэровъ, или-же слѣдуетъ составить торійское министерство и отказаться отъ проекта реформы? Первая мѣра была не во вкусъ короля, становившагося все болѣе нерѣшительнымъ, вторая казалась опасной въ виду настроенія народныхъ умовъ. Когда министерство Грея подало въ отставку, Вильгельмъ IV попытался составить новое министерство съ участіемъ Уэллингтона, Линдгорста и Пилля и съ порученіемъ выработать новый проектъ реформы; но эти три лорда не рѣшились взять на себя такую трудную задачу въ виду угрожающаго положенія народныхъ массъ, задорнаго тона газетъ, поддерживавшихъ проектъ реформы, энергическаго образа дѣйствій ежедневно размножавшихся политическихъ обществъ и сходокъ (митинговъ) и все громче высказывавшейся угрозы прекратить уплату налоговъ. Поэтому прежніе министры остались на своихъ мѣстахъ, а чтобъ положить конецъ усиливавшемуся внутреннему смутамъ былъ заключенъ, при посредничествѣ короля, компромиссъ. Желая предотвратить назначеніе новыхъ членовъ въ верхнюю палату, около ста пэровъ согласились заявить, что они отказываются отъ дальнѣйшаго

сопротивленія биллю о реформѣ. Тогда великое дѣло, вызвавшее столь упорную борьбу, было доведено до конца: билль о реформѣ, значительно увеличивавшій число избирателей и избираемыхъ и отнявшій у множества «гнилыхъ мѣстечекъ» право выбирать своихъ 7 июня 1832. представителей, былъ утвержденъ королемъ и получилъ силу закона.

Вскорѣ послѣ того этотъ законъ былъ введенъ въ Шотландіи и въ Ирландіи, хотя и встрѣтилъ тамъ упорное сопротивленіе консерваторовъ. 13 іюля. 7 августа.

Въ Шотландіи, при двухъ съ половиной милліонахъ жителей, было только пять тысячъ избирателей, которые назначали сорокъ пять депутатовъ, руководствуясь своими собственными интересами и указаніями министра, завѣдывавшаго шотландскими дѣлами; эти консерваторы, натурально, не желали парламентской реформы; а въ Ирландіи противъ нея возстали приверженцы О'Коннелля, стремившіеся къ болѣе значительному расширенію избирательныхъ правъ въ пользу католическаго сельскаго населенія.

Но взволнованные умы не скоро успокоились. Въ то время, какъ Система управленія виговъ Уэллингтонъ проѣзжалъ верхомъ по улицамъ лондонскаго Сити въ годовщину битвы при Ватерлоо, онъ подвергнулся насмѣшкамъ, оскорбленіямъ и угрозамъ; въ то время, какъ король, вообще пользовавшійся народною любовью, ѣхалъ вмѣстѣ съ супругой изъ Виндзора на скачки въ Аскотъ, одинъ бывшій матросъ бросилъ ему въ голову камень; политическія общества не прекратили своего существованія, не смотря на то, что правительство публично объявило ихъ несовмѣстимыми съ конституціей и противозаконными. Высшими классами овладѣлъ страхъ за безопасность ихъ собственности. Во время выборовъ, происходившихъ въ декабрѣ на основаніи новаго закона, народная толпа мѣстами позволяла себѣ такіа буйства, что пришлось читать ей вслухъ законъ о мятежѣ. Въ Ирландіи демагоги и священники сгоняли громадныя толпы парода на мѣсто выборовъ. Однако, результатъ доказалъ цѣлесообразность новаго избирательнаго закона. Хотя многія изъ старыхъ злоупотребленій еще не были совершенно искоренены, а для подкупа избирателей еще существовалъ широкій просторъ, все таки новый парламентъ былъ болѣе вѣрнымъ выраженіемъ настроенія народныхъ умовъ. Либеральная партія одержала верхъ надъ консервативной, а это обезпечивало на нѣсколько лѣтъ продолженіе управленія виговъ. Радикалы достигли избранія лишь немногихъ изъ своихъ вождей, — въ томъ числѣ Коббетта и Джоз. Юма. Францисъ Бёрдеттъ уже сталъ искать сближенія съ своими противниками. Напротивъ того, ирландскіе депутаты стояли, какъ одинъ человекъ, за своего знаменосца О'Коннелля, который употреблялъ въ дѣло все свое ораторское искусство для борьбы съ министрами-реформаторами, въ особенности съ Станлеемъ и съ министромъ, завѣдывавшимъ ирландскими дѣлами. Онъ упрекалъ министерство виговъ за то, что оно относится къ несчастной Ирландіи еще болѣе

враждебно, чѣмъ павшее министерство торіевъ. Однако, парламентскіе ветераны умѣли сдерживать потоки краснорѣчія новичковъ и дѣятельность демагоговъ, постоянно обращавшихся къ парламенту съ новыми петиціями и адресами; для этого они своевременно вносили предложенія перехода къ очереднымъ дѣламъ. Министры-реформаторы были принуждены дѣйствовать съ большою осмотрительностью какъ потому, что виги не имѣли той дѣловой опытности, какая была пріобрѣтена торіями благодаря продолжительному пользованію правительственною властію, такъ и потому, что небогатые граждане и рабочіе ожидали отъ парламентской реформы начала новой экономической и политической эры. Этихъ послѣднихъ не могло вполнѣ удовлетворить министерство Грея тѣмъ, что старалось облегчить бремя податей посредствомъ бережливости въ расходахъ, уничтоженія синекуръ, отмѣны нѣкоторыхъ слишкомъ обременительныхъ налоговъ; оппозиція и терпѣвшій нужду народъ требовали отмѣны такихъ налоговъ, — какъ напр. налоговъ на дома и на окна, — безъ которыхъ не могло обойтись государственное казначейство.

Новыя реформы. Виги съ мужествомъ и съ благоразуміемъ старались преодолевать всѣ затрудненія, а общественное довѣріе было наградой за ихъ добросовѣстную дѣятельность. Въ маѣ были возобновлены привилегіи «Англійскаго банка»; цѣлесообразныя постановленія оградили отъ несчастій и отъ злоупотребленій это великолѣпное учрежденіе, служившее твердой опорой для британской торговли. И при возобновленіи устава Остъ-индской компаніи еще на двадцать лѣтъ, отношенія Англіи къ ея владѣніямъ въ Индіи были согласованы съ требованіями новаго времени. Политическія и административныя привилегіи этого общества были оставлены въ силѣ подъ верховнымъ надзоромъ метрополіи, но прежняя торговая монополія была отмѣнена; были отмѣнены и старинныя торговыя привилегіи компаніи, и былъ открытъ просторъ для развитія новыхъ идей о свободѣ торговли и конкуренціи. Въ то-же время правительство заложило фундаментъ болѣе справедливой и болѣе гуманной системы управленія. Индійскіе уроженцы получили, въ качествѣ подданныхъ англійскаго короля, право занимать и административныя и судебныя должности безъ различій по религіи и по происхожденію, и были приняты мѣры для отмѣны невольничества повсюду, гдѣ оно еще существовало.

Освобожденіе невольниковъ. Но самымъ великимъ подвигомъ новыхъ людей, призванныхъ, вслѣдствіе парламентской реформы, къ руководительству дѣлами государственнаго управленія и законодательной дѣятельностью, было освобожденіе невольниковъ въ англійскихъ колоніяхъ. Мы уже ранѣе упоминали о томъ (XIV, 782), что уничтоженіе невольничества было Вильберфорсъ. въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій главною цѣлію дѣятельности та- 1759—1833. кихъ филантроповъ, какъ Вильямъ Вильберфорсъ и Томасъ Фоуэлль

Бекстонъ, и что эту-же цѣль преслѣдовали Брумъ, Макинтошъ и Бекстонъ. другіе человѣколюбивые государственные и парламентскіе дѣятели. 1786—1845. Ихъ усилія не оставались совершенно безплодными. Еще въ 1807 году было опубликовано запрещеніе торговать невольниками, а въ ноябрѣ 1831 года были учреждены должности официальныхъ защитниковъ, которые должны были требовать гуманнаго обхожденія съ неграми и отмѣны слишкомъ тяжелыхъ работъ. И миссіонеры, въ особенности баптисты и методисты, старались пробуждать въ рабовладѣльцахъ христіанскія и гуманныя чувства. Даже злодѣянія и опустошенія, которыми сопровождались въ нѣкоторыхъ колоніяхъ возстанія невольниковъ, не помѣшали «аболиціонистамъ» упорно преслѣдовать ихъ благородную цѣль и клеймить позоромъ тѣ постыдныя средства, къ которымъ прибѣгали владѣльцы невольниковъ, чтобъ уклоняться отъ исполненія человѣколюбивыхъ требованій администраціи. Духъ времени и новое міровоззрѣніе требовали уничтоженія такихъ порядковъ, которые были пятномъ позора на человѣчествѣ. Консерваторы, крупные торговцы и промышленники предостерегали правительство отъ такихъ мѣръ, которыя, по ихъ мнѣнію, приведутъ къ раззоренію колоній, затруднятъ торговые сношенія высокими пошлинами, а невольниковъ поставятъ въ такое положеніе, которымъ они не сдѣлаютъ пользоваться вслѣдствіе своей врожденной лѣности, неосмотрительности и неразумности; не смотря на эти предостереженія, билль объ освобожденіи невольниковъ былъ внесенъ Станлеемъ въ парламентъ и послѣ горячихъ преріи получилъ обязательную силу закона. Для англійскаго правительства служила предостереженіемъ торопливость, съ которою парижскій конвентъ даровалъ въ февралѣ 1794 (XIV, 137) свободу невольникамъ, и послѣдствіемъ которой было раззореніе жившихъ на Санъ-Доминго плантаторовъ; поэтому оно дѣйствовало осмотрительно и осторожно. Чтобъ подготовить негровъ къ положенію свободныхъ людей, оно рѣшилось не давать имъ немедленно полной свободы, а уничтожать ихъ рабскую зависимость постепенно. Было предположено неразрывать прежнія узы въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, а ежегодно увеличивать однимъ часомъ въ день то время, которымъ невольникъ могъ пользоваться съ полной свободой; однако, эта «ученическая подготовка» продолжалась только четыре года; она была прекращена окончательнымъ уничтоженіемъ рабской зависимости. Плантаторамъ было назначено денежное вознагражденіе изъ государственнаго казначейства въ размѣръ двадцати милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Вильберфорсъ дожилъ до осуществленія «великой и благой цѣли», которой онъ посвятилъ всѣ силы своего ума. Онъ кончилъ жизнь въ день вторичнаго чтенія билля объ уничтоженіи невольничества. На Антигуу, въ Ямайкѣ и на нѣкоторыхъ другихъ островахъ, плантаторы не дожидались истеченія годовъ «ученической подготовки» и освободили сво-

Конецъ іюля
1833.

29 іюля 1833.

ихъ невольниковъ немедленно; это событіе сопровождалось тамъ молитвами и церковными празднествами. Когда умеръ Бёкстонъ, негры выразили свое уваженіе къ нему въ самой трогательной формѣ. Но въ послѣдствіи обнаружилось, что предсказанія и предостереженія консерваторовъ не были лишены основанія. «Въ Ямайкѣ, негры оставили невоздѣланными опустошенныя поля сахарныхъ и кофейныхъ плантацій: они довольствовались даровыми продуктами роскошной растительности и не создали ничего въ замѣнъ погибшей культуры». Впрочемъ мѣстами возникали явленія иного рода, на которыя могли съ удовольствіемъ указывать филантропія и христіанское братолюбіе. Во всякомъ случаѣ, освобожденіе невольниковъ дало британской націи право гордиться тѣмъ, что она ранѣе всѣхъ другихъ народовъ осуществила на практикѣ принципъ человѣческой равноправности и съ успѣхомъ выдержала, при помощи только духовнаго оружія, тяжелую борьбу, предпринятую съ высокою безкорыстною цѣлію. Въ томъ же духѣ былъ составленъ законъ о работѣ дѣтей на фабрикахъ: онъ сокращалъ для несовершеннолѣтнихъ число рабочихъ часовъ и обязывалъ ихъ посѣщать школы, а чтобъ охранять работниковъ-пролетаріевъ отъ жестокостей и злоупотребленій, учреждалъ должность фабричныхъ инспекторовъ; но вслѣдствіе упорства, съ которымъ Англичане привыкли отстаивать свою личную свободу и свои неограниченныя права домохозяевъ, и для утвержденія этого закона правительству пришлось преодолѣвать сильное сопротивленіе.

Законъ о фабричныхъ рабочихъ.
1 янв. 1834.

Характеръ управленія виговъ.
Законъ о немущихъ.

Правительство виговъ старалось, съ осмотрительной предпримчивостью, уничтожать старинныя злоупотребленія во всѣхъ сферахъ внутренней государственной жизни, вводило проникнутыя чувствомъ гуманности и справедливости, реформы, чтобъ содѣйствовать развитію общаго благосостоянія, и во всѣ общественныя учрежденія вводило принципъ гражданской равноправности. Бережливость въ государственныхъ расходахъ доставила ему возможность понизить подати съ домовъ, а посредствомъ изданія закона о немущихъ оно постаралось предохранить бѣдныхъ людей отъ крайней нужды; если же ему не удалось ввести болѣе удовлетворительные порядки въ Ирландіи, то виною этого были приверженцы О'Коннелля и торіи. Правительство также много заботилось объ улучшеніи того административнаго вѣдомства, на которомъ лежала забота о нищихъ. Попечительство о бѣдныхъ, организованное подъ вліяніемъ гуманныхъ идей предъидущаго столѣтія, съ каждымъ годомъ увеличивало размѣръ общинныхъ налоговъ вслѣдствіе увеличенія таксы въ пользу немущихъ; но оно стало обнаруживать въ своей дѣятельности порочныя наклонности и нерадѣніе и не доставляло достаточной помощи настоящимъ бѣднякамъ. Поэтому, положеніе дѣлъ было приведено въ ясность съ помощью экспертовъ и былъ внесенъ въ

14 авг. 1834.

парламентъ билль о немущихъ, который былъ утвержденъ не-

смотря на вызванныя имъ возраженія. На основаніи новаго закона слѣдовало выдавать вспомошествованія отъ церковныхъ приходовъ только людямъ, неспособнымъ къ работѣ; напротивъ того, людямъ способнымъ къ работѣ слѣдовало доставлять ее въ общественныхъ рабочихъ домахъ, а завѣдываніе этимъ дѣломъ поручить особымъ должностнымъ лицамъ подъ надзоромъ центрального комитета. Но и этотъ законъ, не смотря на свою благородную цѣль, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны пэровъ. Они находили, что «учрежденіе центрального комитета, облеченнаго неограниченною властію, нарушало конституцію и было излишнимъ, что обложеніе налогами въ пользу бѣдныхъ и постройка дорогихъ рабочихъ домовъ по произволу общинъ были на практикѣ неисполнимы, что запрещеніе прибавлять къ заработной платѣ награды было жестокосердіемъ, что отдѣленіе дѣтей отъ родителей для того, чтобъ вторые работали, а первые посѣщали школы, и требованіе, чтобъ мать заботилась о незаконныхъ дѣтяхъ, были противны Божескимъ заповѣдямъ». И съ другихъ сторонъ законъ вызывалъ много порицаній въ особенности вслѣдствіе требованія, чтобъ тѣ семейства, которыя будутъ получать денежныя пособія, жили отдѣльно. Многія газеты, съ Times во главѣ, толковали о нарушеніи требованій человѣколюбія и о непониманіи настоящей свободы. И въ этомъ случаѣ, какъ это часто бывало, реформаторская дѣятельность вызвала теченіе идей въ противоположномъ, консервативно-реакціонномъ, направленіи.

Изъ содержанія слѣдующей главы мы узнаемъ, что, вскорѣ послѣ 16 окт. 1834. пожара парламентскаго зданія въ Вестминстерѣ, король уволилъ министерство Мельбурна-Брума, состоявшее изъ виговъ, и что до возвращенія Пилы изъ Италіи герцогъ Уэллингтонъ руководилъ дѣлами управления почти какъ диктаторъ. Но торійское министерство съ Робертомъ Пилемъ во главѣ просуществовало не долго: оно распалось во время обсужденія вопроса объ ирландской церкви и о десятинной подати. Когда Пиль убѣдился, что большинство нижней палаты было противъ него, онъ сложилъ съ себя свое званіе съ такимъ достоинствомъ, которое только усилило уваженіе къ его характеру. Тогда было составлено изъ виговъ новое министерство, въ которомъ предсѣдательствовалъ Мельбурнъ, должность министра внутреннихъ дѣлъ занялъ лордъ Джонъ Росселль, а иностранными дѣлами завѣдывалъ Пальмерстонъ; но лордъ Брумъ, нерѣдко заходившій въ своемъ блестящемъ краснорѣчій далѣе намѣченной цѣли, не вошелъ въ составъ министерства. Тѣмъ успѣшнѣе дѣйствовалъ онъ въ верхней палатѣ по важному вопросу о народномъ образованіи и объ учрежденіи высшей коммисіи для улучшенія преподаванія въ народныхъ школахъ.

Этому второму министерству виговъ удалось дополнить парламентскую реформу проведеніемъ «муниципальнаго» билля, который привелъ въ лучшій порядокъ городское управленіе въ Англіи и въ Уэльсѣ.

Торійскій эпинистерство
зодъ.
Ноябрь.

8 апр. 1835.

Новая органи-
зація город-
скаго управ-
ленія.

съ, введя новое городское устройство, создавши соотвѣтствовавшее фактическимъ условіямъ, общинное представительство и уничтоживши многочисленныя злоупотребленія и устарѣвшія учрежденія. Старые муниципалитеты съ своими городскими совѣтниками и альдерменами сами пополняли свой личный составъ, распоряжались городскими доходами самовольно и безъ всякой отвѣтственности большею частію въ интересахъ одного привилегированнаго класса «свободныхъ гражданъ», а пользованіе гражданскими правами ограничивали по своему усмотрѣнію; въ замѣнъ этихъ порядковъ было введено новое общинное устройство, которое подчиняло городское управленіе контролю населенія, а распоряженіе городскою собственностью и выборъ городскихъ должностныхъ лицъ предоставляло гражданамъ. И это городское устройство, основанное на принципѣ самоуправленія, встрѣтило сильное сопротивленіе. Пиль, Ветерелль и бывшіе министры Станлей и Грагамъ, перешедшіе изъ лагеря виговъ въ лагерь торіевъ, всѣми силами боролись противъ отмѣны старинныхъ привилегій; въ верхней палатѣ Линдгорстъ и торіи нанесли такіе тяжелые удары нѣкоторымъ статьямъ новаго закона, что проектъ муниципальной реформы могъ быть утвержденъ парламентомъ только послѣ существенныхъ измѣненій и въ этой ослабленной формѣ получилъ силу закона. Однако и въ этомъ видѣ новое общинное устройство было значительнымъ шагомъ впередъ на пути къ гражданской равноправности.

9 сент. 1835.

Кончина короля Вильгельма.

И въ другихъ сферахъ были введены благотворныя реформы не смотря на то, что консерваторы возставали противъ всякихъ нововведеній. Тюремны и исправительныя заведенія были приведены въ лучшее положеніе; для дѣтей пролетаріевъ были заведены пріюты; преступниковъ старались сдѣлать полезными членами общества, давая имъ образованіе и пріучая ихъ къ работѣ; «диссентеровъ» освободили отъ несправедливо наложенныхъ на нихъ обязанностей по отношенію къ государственной церкви: имъ были предоставлены самостоятельныя права посредствомъ введенія особыхъ церковныхъ книгъ для записыванія родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся; для облегченія прессы и для поощренія литературной дѣятельности были уменьшены гербовыя пошлины и пошлины на бумагу. Полезныя реформы этого рода не прекратились и послѣ того, какъ король Вильгельмъ IV скончался, а на престолъ вступила его племянница, восемнадцатилѣтняя (род. 24 мая 1819) принцесса Викторія. Хотя Вильгельмъ IV не былъ выдающейся личностью ни по своему уму ни по своей политической дѣятельности, но онъ пользовался любовью народа и уваженіемъ всѣхъ политическихъ партій. Это былъ добродушный и честный монархъ, свято соблюдавшій конституцію и не мѣшавшій парламенту постановлять рѣшенія, несогласныя съ его личными убѣжденіями. Съ его именемъ связано введеніе такой парламентской ре-

20 іюня 1837.

формы, слѣды которой глубоко врѣзались въ государственный организмъ.

Эта реформа вмѣстѣ съ дополнявшимъ ее новымъ городскимъ устройствомъ и свободными выборами городскихъ представителей была побѣдой виговъ надъ торіями, зажиточнаго средняго сословія надъ аристократіей, новыхъ понятій о государствѣ надъ историческимъ правомъ. Но побѣдители скоро натолкнулись на новую оппозицію, возникшую въ средѣ низшихъ бѣдныхъ классовъ населенія, которые стали требовать радикальнаго переустройства нижней палаты на чисто демократическихъ началахъ,—стали требовать всеобщаго участія въ выборахъ безъ всякаго ценза, ежегоднаго обновленія парламента, тайной подачи голосовъ, денежнаго содержанія для членовъ палаты и т. д. Радикалы, имѣвшіе до 1835 года даровитаго вождя въ лицѣ журналиста Вильяма Коббета (XIV, 774), стали съ теченіемъ времени присоединять къ проектамъ политическихъ реформъ и проекты реформъ соціальныхъ: свои воззрѣнія они изложили въ народной хартіи, которая должна была доставить рабочимъ классамъ возможность улучшить ихъ матеріальное положеніе посредствомъ вліянія на законодательную дѣятельность парламента. Отсюда они получили названіе чартистовъ; ихъ самыми вліятельными вожаками были: эксцентричный, впослѣдствіи впавшій въ умственное разстройство, адвокатъ Феаргъ О'Конноръ, воспитывавшійся въ Германіи, даровитый Ирландецъ Эрнестъ Джонсъ и мировой судья Джонъ Фростъ. Это соціальное движеніе сначала не обращало на себя большого вниманія, потому что умы были заняты важными политическими событіями слѣдующихъ лѣтъ и вступленіемъ на престолъ юной принцессы Викторіи. Но послѣ того, какъ всѣ классы англійскаго населенія отпраздновали день рожденія Викторіи, а государственная жизнь снова вошла въ свою старую колею, стремленія демократовъ стали все болѣе и болѣе привлекать къ себѣ вниманіе правительства и законодательной власти. Вѣдь еще незадолго до коронаціи одинъ сумасшедшій, назвавшійся сэромъ Вильямомъ Куртнэ и требовавшій новаго раздѣла земель и отмѣны арендной платы, вызвалъ среди невѣжественнаго и суевѣрнаго населенія Кента такое движеніе, которое было подавлено только благодаря вмѣшательству арміи и послѣ смерти новаго Мессіи. Это возстаніе, имѣвшее релігіозно-фанатическую подкладку, было предвѣстникомъ новыхъ народныхъ возстаній, которыя устраивались агитаторами большею частію по ночамъ при свѣтѣ факеловъ съ цѣлію добиться введенія хартіи, улучшеній въ положеніи рабочихъ, отмѣны закона о бѣдныхъ, уменьшенія числа рабочихъ часовъ. Чтобъ придать вѣсь такимъ требованіямъ, была представлена въ парламентъ 14 іюня 1839. петиція, покрытая больше чѣмъ милліономъ подписей.

Принципы чартистовъ не могли достигнуть преобладанія въ аристократической и плутократической странѣ, привязанной къ стариннымъ

Чартисты.

Агитація противъ хлѣбныхъ пошлывъ.

учрежденіямъ, — не могли измѣнить конституцію, которой была обязана старая Англія своимъ могуществомъ; тѣмъ не менѣе они имѣли безспорное вліяніе на дѣятельность парламента и въ особенности на важную реформу хлѣбныхъ законовъ. Реформаторы возбудили сильную агитацію противъ старинныхъ законовъ, которые затрудняли ввозъ и возвышали цѣну иностраннаго зерноваго хлѣба, облагая его высокими пошлинами. Ученикъ Адама Смита, пылкій и энергичный Ричардъ Кобденъ. Кобденъ былъ душою этой агитации (Anti-Kornzoll-Liga); въ 1804—1865. томъ-же направленіи успѣшно дѣйствовалъ поборникъ принципа свободы торговли Джонъ Брайтъ. Городъ Манчестеръ былъ главнымъ средоточіемъ этихъ стремленій; поэтому отъ него заимствовала свое названіе и вся партія, требовавшая свободы торговли. Аристократія долго всѣми силами противилась нововведенію съ цѣлію поддержать прежнюю высокую цѣну прландскихъ продуктовъ; къ тому-же и громадный національный долгъ требовалъ чрезвычайно высокихъ пошлинъ на ввозные съѣстные припасы; отъ этого сильно вздорожали всѣ предметы первой необходимости. Забастовки рабочихъ и плохой урожай въ странѣ, и безъ того неспособной удовлетворять нужды своего населенія мѣстными хлѣбными продуктами, создали такое бѣдственное положеніе, при которомъ не было возможности оставлять въ силѣ прежніе хлѣбные законы, составленные въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ.

Начало цар- Правительство неуспѣшно старалось излечивать закоренѣлые обще- ствованія Вик- ственные недуги посредствомъ введенія сообразныхъ съ требованіями торіи. времени реформъ. Въ томъ-же году, въ которомъ состоялось бракосоче- 10 февр. 1840. таніе королевы съ принцемъ Саксенъ-Кобургскимъ Альбертомъ, очень важная реформа облегчила почтовые сообщенія посредствомъ пониженія платы за почтовую корреспонденцію (Penny-Post), а впоследствии была введена и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Добросовѣстное соблюденіе конституціи королевой и ея супругомъ было благопріятно для всякой разумной реформаторской дѣятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ предохраняло отъ преувеличеній. Нація отплачивала пскренней преданностью за эту добросовѣстность. Когда одинъ молодой 10 іюня 1840. человѣкъ по имени Эдуардъ Оксфордъ выстрѣлилъ въ королеву и въ ея супруга въ то время, какъ они проѣзжали по Гайдъ-парку, вся нація постаралась своими выраженіями преданности загладить воспоминаніе объ этомъ преступленіи. На судебномъ слѣдствіи оказалось, что преступникъ былъ сумасшедшій: онъ былъ приговоренъ къ пожизненному заключенію въ Бедлемскомъ домѣ для умалишенныхъ. По прошествіи двухъ лѣтъ такое-же покушеніе совершилъ неподалеку отъ Букингамскаго дворца одинъ пропащій человѣкъ по имени Джонъ Францискъ; онъ былъ за это сосланъ въ одну изъ исправительныхъ колоній.

Такъ какъ вновь избранный парламентъ, состоявшій большею частію

изъ консерваторовъ, вотировалъ выраженіе недовѣрія правительству Министерство
за его финансовую и торговую политику и воспротивился отмѣнѣ Пия. Пия.
хлѣбныхъ законовъ, то виги были вынуждены отказаться отъ власти,
такъ долго находившейся въ ихъ рукахъ; ихъ замѣнило умѣренное
торійское министерство, во главѣ котораго сталъ Робертъ Пиль и въ 1841—1846.
составъ котораго вошли такіе опытные парламентскіе дѣятели, какъ
лордъ Линдгёрстъ, Станлей и Элленборо, впослѣдствіи перешедшій,
подобно Глэдстону, на сторону либеральной партіи. Королевѣ было
не легко разстаться и съ людьми, пользовавшимися ея довѣріемъ,
и съ ея женскимъ придворнымъ штатомъ, который ей пришлось уво-
лить вмѣстѣ съ увольненіемъ прежнихъ министровъ. Въ хозяйствен-
ныхъ вопросахъ новое министерство вступило на путь реформъ, при-
норавливаясь къ требованіямъ времени. Стоявшій во главѣ его, ве-
ликій государственный человѣкъ сталъ все болѣе и болѣе уклоняться
отъ узкихъ воззрѣній торіевъ. Хлѣбныя пошлины были сначала по-
нижены, а потомъ и совершенно отмѣнены не смотря на сопротив-
леніе прежнихъ единомышленниковъ Пия. 1842.
Чтобъ восполнить убыль 1846.
въ государственныхъ доходахъ, происшедшую отъ пониженія тѣхъ
пошлинъ, былъ введенъ трехъ-процентный подоходный налогъ, па-
давшій преимущественно на зажиточные классы населенія. 1842.
Въ то-же время министерство старалось содѣйствовать развитію торговли по-
средствомъ пониженія прежнихъ охранительныхъ пошлинъ (пошлинъ
на сахаръ и на фабричное сырье) и посредствомъ отмѣны старыхъ
законовъ о судоходствѣ; великая идея свободы торговли сдѣлалась
тогда лозунгомъ дня. Ея практическому осуществленію всѣхъ болѣе
содѣйствовалъ руководитель «манчестерской школы» Ричардъ Коб-
денъ какъ своею дѣятельностью въ самой Англій, такъ и своими
поѣздками по Европѣ. Такъ какъ назначенная парламентомъ, слѣд-
ственная коммиссія обнаружила много печальныхъ фактовъ въ поло-
женіи рабочихъ на фабрикахъ и въ рудоконьяхъ, то былъ изданъ
законъ, учреждавшій должность фабричныхъ инспекторовъ и предпи-
сывавшій мѣры предосторожности противъ переутомленія работав-
шихъ на фабрикахъ, женщинъ и дѣтей. Законъ о банкахъ устано-
вилъ предѣлъ для выпуска бумажныхъ денегъ и опредѣлилъ вза-
имное отношеніе между количествомъ такихъ денегъ и количествомъ
наличной звонкой монеты. Въ качествѣ практическихъ и осмотритель-
ныхъ людей, Англичане противились всякимъ насильственнымъ пере-
воротамъ, но съ упорствомъ проводили такія реформы, которыя соот-
вѣтствовали требованіямъ времени. Проектъ закона о допущеніи Евре-
евъ къ занятію городскихъ должностей и къ избранію въ члены пар-
ламента безъ принесенія христіанской присяги долго встрѣчалъ упорное
сопротивленіе со стороны верхней палаты, отстаивавшей интересы 1845—1847.
высокой церкви; но онъ неоднократно снова вносился на разсмотрѣніе
законодательной власти и наконецъ былъ утвержденъ съ нѣкоторыми

ограниченіями. Англіійскій народъ постоянно, но осмотрительно, вводилъ улучшенія въ строѣ своей государственной жизни, приноравливаясь къ требованіямъ времени, и благодаря разумнымъ реформамъ достигъ такой свободы, какая возможна только при правильномъ историческомъ развитіи государственныхъ учрежденій. Находя въ законахъ надежную охрану своей личной свободы, своей собственности и своихъ правъ, и будучи увѣренъ, что его представители заботятся по мѣрѣ своихъ силъ объ общей пользѣ, онъ направилъ всю свою дѣятельность на земледѣліе, промышленность, торговлю и мореплаваніе; онъ разбогатѣлъ, приобрѣлъ внѣшнее могущество и вліяніе; его колоніи служили мѣстомъ пристанища для выселявшагося избытка населенія и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстомъ сбыта для произведеній англійской промышленности. Зажиточное и образованное среднее сословіе сдѣлалось центромъ тяжести всей націи.

б. положеніе дѣлъ въ Ирландіи.

О'Коннелль и требованіе от-
мѣны акта
униі. Послѣ того, какъ эманципація католиковъ доставила ирландскому народу возможность посылать въ англійскій парламентъ своихъ соотечественниковъ и единовѣрцевъ для защиты ирландскихъ интересовъ, его жалобы уже не раздавались такъ безуспѣшно, какъ прежде,—въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ великій ораторъ и демагогъ Даніилъ О'Коннелль (XIV, 777), поступившій въ парламентъ съ «хвостомъ» изъ сорока или болѣе единомышленниковъ—Ирландцевъ, сталъ подкрѣплять тѣ жалобы угрозой отмѣнить актъ соединенія и уничтожить зависимость Ирландіи отъ законодательства «Саксовъ» и отъ ихъ судовъ. Не довольствуясь религіозной равноправностью, онъ стремился къ національной независимости. Успѣшное отпаденіе Бельгіи отъ Голландіи должно было служить примѣромъ для подражанія и въ Великобританіи. Ирландія страдала избыткомъ населенія не смотря на частыя переселенія въ Америку; тѣмъ не менѣе ея жители вовсе не занимались ни промышленностью ни торговлей, ограничиваясь однимъ земледѣліемъ въ невыгодномъ положеніи арендаторовъ; поэтому они скоро впали въ бѣдность, которая усиливалась съ каждымъ годомъ и требовала неотложной помощи въ особенности вслѣдствіе плохого неурожая картофеля. Какъ на причину всѣхъ золъ, О'Коннелль указывалъ на негодность церковныхъ и политическихъ учрежденій, оставляя безъ вниманія главные причины бѣднѣнія—лѣность Ирландцевъ, ихъ легкомысліе и плохое веденіе сельскаго хозяйства. Такому даровитому и умѣвшему пользоваться всякими демагогическими приманками, человеку, какъ О'Коннелль, не трудно было держать впечатлительныхъ Ирландцевъ въ постоянномъ возбужденіи и направлять всѣ ихъ силы къ достиженію одной

цѣли—къ отмѣнѣ (Repeal) акта уніи. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Ирландіи самостоятельное государство съ особымъ парламентомъ и по большей мѣрѣ соединить ее съ Англіей единствомъ царствующей династіи. Во всѣхъ ирландскихъ мѣстечкахъ образовались открыто или подъ прикрытіемъ вымышленныхъ названій общества для отмѣны акта уніи; католическое духовенство, пользовавшееся неограниченнымъ довѣріемъ невѣжественнаго народа, помогало популярному демагогу; слово О'Коннелля было закономъ для Ирландцевъ, но онъ дѣйствовалъ осмотрительно и никогда не пользовался своимъ вліяніемъ для принятія противозаконныхъ мѣръ, которыя могли-бы причинить ему вредъ; внушая Англичанамъ ненависть и страхъ въ качествѣ «великаго агитатора» Ирландіи, онъ удерживалъ взволнованный народъ въ предѣлахъ законности, хотя на громадныхъ народныхъ сходкахъ, которыя онъ устраивалъ (Monstre-Meetings), иногда собиралось до ста тысячъ Ирландцевъ. Нерѣдко высказывалось предположеніе, что онъ не серьезно стремился къ отмѣнѣ уніи, а только хотѣлъ напугать англійскихъ государственныхъ людей, чтобъ сдѣлать ихъ болѣе уступчивыми. Вѣдь онъ не могъ не сознавать, что ирландскій народъ былъ вовсе неподготовленъ и неспособенъ къ самоуправленію. Ирландскій парламентъ слѣдался-бы ареной для самой ожесточенной борьбы между политическими партіями. О'Коннелль отказался отъ своего званія адвоката для того, чтобъ посвятить себя исключительно политической дѣятельности. Онъ жилъ рентой, которую ему выплачивали его приверженцы. Такимъ образомъ, политическая агитація сдѣлалась его профессіей.

Англійское правительство старалось улучшить положеніе ирландскаго народа, проводя новыя большія дороги, дѣлая пустопорожнія земли годными для воздѣлыванія, сооружая плотины противъ разлитія рѣкъ, въ особенности бурнаго Чаннона, учреждая школы для народнаго образованія; но всѣ его старанія не вызывали признательности, потому что главная причина недовольства — обязанность уплачивать десятинную подать въ пользу протестантскаго духовенства оставалась неуничтоженной. Правда, и англійское правительство и англійскій парламентъ неоднократно возбуждали вопросъ, не слѣдуетъ-ли замѣнить эту натуральную повинность денежнымъ взносомъ; но епископы возставали противъ такой перемѣны изъ опасенія, что она будетъ первымъ шагомъ къ совершенной отмѣнѣ десятинной подати. Ихъ пугала участь, постигшая галлиганскую церковь во время революціи. Сборщики десятины объѣзжали страну и нерѣдко собирали подать при звукахъ ружейныхъ выстрѣловъ. Поэтому, отмѣна десятины сдѣлалась, послѣ билля о реформѣ, главнымъ требованіемъ ирландскаго народа. Такъ какъ англійскій парламентъ оставлялъ безъ удовлетворенія просьбы и жалобы Ирландцевъ, то арендаторы отказались отъ уплаты десятины; Англичане прибѣгнули къ

Десятинный
налогъ.

насиліямъ, а Ирландцы отвѣчали имъ тѣмъ-же. Толпы вооруженныхъ Ирландцевъ, названныхъ бѣлоногими по цвѣту значка, который на себѣ носили, переходили изъ мѣста въ мѣсто, обозначая пройденный путь кровопролитіемъ и опустошеніями. Убіиства, поджоги, буйства сдѣлались обыденными явленіями. Дѣятельность судовъ была парализована запугиваніемъ судей и прокуроровъ, свидѣтелей и присяжныхъ. Десятинный налогъ не покрывалъ расходовъ на его взысканіе; тогда англиканское духовенство впало въ крайнюю нужду. Всѣ настоятельно указывало на необходимость позаботиться о положеніи «революціонной, истощенной голодомъ Ирландіи—этой отчизны страстей и матеріальной нужды».

Церковный билль и принудительный билль. Два законопроекта—ирландскій церковный билль и ирландскій принудительный билль казались англійскому министерству самыми вѣрными средствами возстановить спокойствіе и порядокъ въ глубоко взволнованной странѣ. Первый изъ нихъ уменьшалъ число англиканскихъ епископствъ и епархій, отмѣнялъ налоги для церковныхъ построекъ, замѣнялъ десятинную подать денежными сборами не съ арендаторовъ, а съ землевладѣльцевъ, предписывалъ отдачу епископскихъ помѣстьевъ въ аренду на шестилѣтніе сроки за умѣренную плату, а въ замѣтъ неуплаченной десятинной подати назначалъ выдачу ссудъ изъ государственнаго казначейства. Добавочная статья постановляла, что всѣ остатки отъ этихъ новыхъ доходовъ должны идти на содержаніе церквей, но кромѣ того и на другія нецерковныя нужды, въ особенности на учрежденіе школъ какъ для протестантовъ, такъ и для католиковъ. Второй билль уполномочивалъ лорда-намѣстника не допускать никакихъ сборищъ, нарушающихъ, по его мнѣнію, общественное спокойствіе, а въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ возникнутъ безпорядки, подвергать виновныхъ военному суду. Оба законопроекта встрѣтили сильное сопротивленіе; противъ перваго протестовала партія высокой церкви, называвшая грабежемъ алтарей употребленіе церковныхъ доходовъ на нецерковныя цѣли; а противъ дополнительной статьи она возстала съ такой энергіей, что было рѣшено исключить эту статью изъ законопроекта. Утвержденію втораго законопроекта воспротивился О'Коннелль вмѣстѣ съ своими приверженцами: онъ называлъ этотъ законопроектъ «сѣяніемъ Драконовыхъ зубовъ», которое создастъ людей съ оружіемъ въ рукахъ. Однако, оба законопроекта были утверждены послѣ продолжительной парламентской борьбы и въ нижней палатѣ и въ верхней и послѣ того, какъ вышли изъ министерства самый непримиримый изъ враговъ О'Коннелля, Станлей, и энергичный поборникъ прогресса, зять Грея, лордъ Дургамъ. Прежде всего получилъ силу закона принудительный билль, составленный съ цѣлію возстановить владычество Англіи надъ Ирландіей; по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ утвержденъ и церковный билль.

2 апр. 1833.

28 авг.

Но приведеніе новыхъ законовъ въ исполненіе вызвало сильное Исполненіе
сопротивленіе. Ирландскіе депутаты—эти «домашнія войска» О'Кон- новыхъ зако-
нелля,—въ томъ числѣ многорѣчивый Сейль и поборникъ демокра- новъ встрѣча-
тическихъ идей Феаргъ О'Конноръ, были недовольны содержаніемъ етъ сопротив-
дополнительной статьи и всѣми силами противились введенію при- леніе.
нудительнаго закона, на основаніи котораго можно было воспрещать
политическіе митинги. Пока виги стояли у кормила правленія, ир-
ландскія дѣла были главнымъ предметомъ парламентской дѣятель-
ности. О'Коннелль и его приверженцы не прекращали своихъ протес-
товъ противъ уніи, которая была, по ихъ пристрастному мнѣнію,
причиной всѣхъ несчастій Ирландіи. На засѣданіяхъ нижней палаты, 4 февр. 1834.
открывшихся 4 февраля, они произносили свои рѣчи въ теченіе нѣ-
сколькихъ недѣль. Агитація за отмѣну акта уніи,—какъ мы уже ра-
нѣе замѣтили,—не была отголоскомъ искреннихъ убѣжденій: вѣдь и
О'Коннеллю и его послѣдователямъ было очень хорошо извѣстно,
что бѣдному и невѣжественному ирландскому народу доставляло не
мало выгодъ его соединеніе съ Англіей. Агитація велась только съ цѣ-
лію отнять у англиканской церкви какъ можно большую долю ея бо-
гатствъ. При этомъ агитаторъ рассчитывалъ на содѣйствіе со сто-
роны диссентеровъ и со стороны англійскихъ либеральныхъ доктри-
нёровъ. Поэтому, въ теченіе почти цѣлаго года, парламентъ былъ
полемъ битвы, на которомъ разрѣшался вопросъ, какъ измѣнить
законы о церковной собственности и о церковныхъ налогахъ, чтобъ
удовлетворить желанія Ирландцевъ. Министерство виговъ было вы-
нуждено выйти на короткое время въ отставку; это вызвало силь-
ныя бури въ парламентѣ, но не привело къ искреннему примиренію.
Чѣмъ чаще противники высокой церкви подымали вопросъ о деся-
тинномъ сборѣ и о правѣ государства распоряжаться церковной
собственностью, тѣмъ труднѣе становилось положеніе министерства
виговъ и тѣмъ упорнѣе становилась оппозиція консерваторовъ и
торіевъ. Даже между совѣтниками короны обнаружилось разномыс-
ліе. Когда депутатъ Уордъ внесъ въ палату предложеніе ограничить
размѣръ земельныхъ владѣній протестантскаго духовенства въ Ир-
ландіи, нѣкоторые изъ министровъ подали въ отставку, потому что
ихъ совѣсть немогла примириться съ такой «секуляризацией» цер-
ковныхъ владѣній. Поставленное въ стѣсненное положеніе, духовен-
ство ирландской церкви стало взывать о помощи черезъ посредство
епископовъ и вызвало горячее сочувствіе со стороны короны и пэровъ.
Приверженцы высокой церкви соперничали своей агитаторской дѣя-
тельностью съ Ирландцами и съ радикалами, но, конечно, въ про-
тивоположномъ направленіи. Не принесло никакой пользы и то, что
министерство, державшееся настоящей середины, учредило, чтобъ вы-
играть время, слѣдственную комиссію изъ специалистовъ для того,
чтобъ выяснить положеніе дѣла, собрать статистическія данныя о

числѣ лицъ, принадлежащихъ къ каждому изъ двухъ вѣроисповѣданій, и доискаться, въ чемъ заключаются дѣйствительныя нужды англо-ирландской церкви; противоположность принциповъ, которыми руководствовались политическія партіи, не допускала никакого соглашенія, никакого миролюбиваго разрѣшенія спорныхъ вопросовъ. Оппозицію приверженцевъ О'Коннелля тщетно старались ослабить тѣмъ, что преемникъ вышедшаго въ отставку графа Грея, лордъ Мельбурнъ смягчилъ содержаніе принудительнаго билля касательно запрещенія политическихъ митинговъ; вождь ирландской партіи принялъ за доказательство одержанной побѣды уступку, противъ которой нѣсколько пэровъ протестовали со внесеніемъ своихъ протестовъ въ протоколъ; но онъ все таки не сдѣлалъ никакихъ уступокъ въ церковномъ вопросѣ.

Іюль 1834.

Религіозное
волненіе уси-
ливается.

11 авг.

И въ церковномъ вопросѣ «освободитель» (Liberator) Ирландіи, по видимому, приближался къ своей цѣли. Въ новомъ биллѣ о десятинѣ, утвержденномъ палатою общинъ, были совершенно устранены многія стѣснительныя для Ирландцевъ постановленія и было отмѣнено взысканіе десятины натурой, требовавшее дорого-стоющихъ принудительныхъ мѣръ. Эта натуральная повинность замѣнялась поземельной податью, которую правительство стало бы само взыскивать и распредѣлять между членами духовенства. Но этотъ билль былъ отвергнутъ верхней палатой. Противъ него возстали общими силами и торіи и епископы, руководимые Уэллингтономъ. Такъ какъ въ то-же время и англійскіе диссентеры стали требовать равноправности съ приверженцами епископальной церкви, отдѣленія этой церкви отъ государства и удаленія прелатовъ изъ верхней палаты, то консерваторы стали настойчивѣе прежняго оберегать интересы своей церкви. Рвеніе высоко-церковной партіи еще усилилось, когда правительство стало поддерживать законопроектъ, дозволявшій англійскимъ диссентерамъ занимать профессорскія должности въ университетахъ оксфордскомъ и кэмбриджскомъ, и навлекло на себя обвиненіе въ томъ, что подвергаетъ опасности существованіе господствующей церкви: тогда надъ вигами разразилась сильная буря. Палата пэровъ отвергнула утвержденный нижней палатою билль, который вводилъ нѣкоторыя ограниченія въ корпоративномъ устройствѣ высоко-церковныхъ учебныхъ заведеній, а англиканское духовенство и слѣпые приверженцы старинныхъ англійскихъ учрежденій стали громко требовать перемѣны министерства, руководствуясь лозунгомъ «король и церковь»; они стали дѣйствовать въ интересахъ торіевъ, повторяя старинный національный возгласъ «долой папство» (No Popery). Въ томъ-же духѣ дѣйствовали царедворцы и въ особенности проникнутая нѣмецко-аристократическими идеями, королева. Такъ какъ нападки на господствующую церковь уже давно тревожили совѣсть короля Вильгельма, то онъ сталъ охотно внимать жалобамъ и на-шептываніямъ своихъ приближенныхъ. Когда бывший министръ фи-

10 ноября
1834.

нансовъ Альторпъ поступилъ въ палату пэровъ съ титуломъ графа Спенсера и понадобилась перемѣна въ личномъ составѣ министерства, король воспользовался этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы уволить министерство виговъ вмѣстѣ съ его президентомъ Мельбурномъ и попытался замѣнить его торіями. По совѣту престарѣлаго герцога Уэллингтона, онъ поставилъ во главѣ управленія талантливаго сэра Роберта Пила — «сына содержателя прядильни въ Темъуорсѣ», — который по своему происхожденію былъ болѣе другихъ торіевъ симпатиченъ среднимъ классамъ населенія, а своей честностью и своимъ умѣреннымъ консерватизмомъ снискалъ уваженіе всей націи. Возвратившись изъ своей поѣздки въ Италію, Пилъ составилъ новое консервативное министерство, въ которое вошли Уэллингтонъ, Линдгёрстъ и Гульбёрнъ; въ заново избранномъ парламентѣ онъ постарался примирить всѣ партіи, придерживаясь принципа: сохраненіе старыхъ учрежденій съ постепеннымъ введеніемъ либеральныхъ улучшеній; составленный имъ новый законопроектъ о десятинной подати въ Ирландіи заключалъ въ себѣ требованіе, чтобъ церковные доходы тратились только на церковныя цѣли; но лордъ Джонъ Россель внесъ въ парламентъ контръ-проектъ, по которому остатки отъ церковныхъ доходовъ въ Ирландіи должны были тратиться на улучшеніе ирландскихъ учебныхъ заведеній. Проектъ Пила былъ отвергнутъ, торійское министерство было принуждено подать въ отставку и во главѣ управленія снова стало министерство виговъ подъ предсѣдательствомъ Мельбурна (стр. 187). 10 дек. 8 апр. 1835.

Но чѣмъ упорнѣе настаивали члены нижней палаты и министерство виговъ на необходимости улучшить положеніе ирландской церкви, облегчить матеріальную нужду Ирландцевъ и поднять уровень ихъ умственного развитія, тѣмъ упорнѣе было сопротивленіе верхней палаты и торіевъ. Въ то время, какъ виги старались смягчить національную и религіозную вражду между Ирландцами и Англичанами, торіи и приверженцы англиканской церкви стали устраивать такъ называемыя «ложи оранжистовъ»; цѣль этихъ тайныхъ обществъ, распространившихся по всей Великобританіи, заключалась въ поддержаніи и въ усиленіи преобладанія протестантовъ въ Ирландіи, въ охранѣ трона и церкви отъ дерзкихъ стремленій либерализма. Число такихъ тайныхъ обществъ увеличивалось съ каждымъ годомъ; подъ руководствомъ герцога Кумберландскаго, они набирали приверженцевъ во всѣхъ слояхъ населенія, въ особенности въ арміи, и наконецъ ихъ могущество сдѣлалось столь опаснымъ для общественнаго порядка и спокойствія, что парламентъ счёлъ нужнымъ принять мѣры противъ ихъ конспираторской дѣятельности, нарушавшей конституцію. Англійскіе либералы, въ особенности гуманный, прославившійся въ качествѣ поборника народныхъ вольностей, лордъ-намѣстникъ Мюльгрэвъ (маркизь Норманби), тщетно старались снять съ Общество Оранжистовъ. Разномысліе усиливается. Февр. 1836.

ирландскаго народа иго, наложенное на него религіозной нетерпимостью въ эпоху жестокой религіозной борьбы, развитъ его умственно и нравственно и приучить къ порядку и къ трудолюбію посредствомъ основанія болѣе удовлетворительныхъ учебныхъ заведеній, привлечь его къ участию въ общественной дѣятельности посредствомъ преобразованій общиннаго устройства и расширенія права участія въ выборахъ, улучшить матеріальное положеніе земледѣльцевъ посредствомъ введенія закона о бѣдныхъ, по англійскому образцу; успѣху этихъ попытокъ препятствовали съ одной стороны равнодушіе, лѣность и тупоуміе самихъ Ирландцевъ, съ другой стороны узкія религіозныя и аристократическія воззрѣнія торіевъ, предразсудки и опасенія консервативныхъ лордовъ, религіозная нетерпимость англиканскаго духовенства. Билль о десятинномъ налогѣ могъ быть утвержденъ только послѣ того, какъ изъ него была исключена дополнительная статья. Виги предложили ввести въ Ирландіи съ нѣкоторыми измѣненіями такое-же либеральное общинное устройство (Municipal-reformbill), какое было введено въ Англіи въ 1835 году; но этотъ проектъ, открывавшій бѣднымъ католикамъ доступъ къ участию въ городскихъ выборахъ и къ занятію городскихъ должностей, былъ возвращенъ верхней палатой въ такомъ искаженномъ видѣ, что правительство рѣшилось отложить его въ сторону. Поэтому нисколько неудивительно, что все болѣе и болѣе распространялось убѣжденіе въ необходимости довершить парламентскую реформу преобразованиемъ палаты лордовъ въ выборное собраніе и такимъ образомъ сдѣлать оба органа законодательной власти исполнителями народной воли.

Май 1838.

Ирландія въ
царствованіе
королевы Вик-
торіи.
Авг. 1841.

Виги пользовались полнымъ довѣріемъ воспитанной въ либеральныхъ принципахъ королевы Викторіи, а благодаря горячей симпатіи всей націи къ юной монархинѣ, находили опору и въ парламентѣ; но въ началѣ сороковыхъ годовъ они были принуждены уступить свое мѣсто торіямъ (стр. 191); тогда ирландскіе католики утратили всякую надежду на улучшеніе своего положенія посредствомъ введенія реформъ. Поэтому О'Коннелъ возобновилъ свою агитаторскую дѣятельность съ цѣлію отмѣны акта уніи; на громадныхъ народныхъ сходкахъ онъ сталъ разжигать національную ненависть кельтскихъ Ировъ къ «саксонскимъ» Англичанамъ, угнетенныхъ католиковъ къ жестокосердымъ англиканамъ, бѣдныхъ арендаторовъ къ высокомернымъ, безжалостнымъ землевладѣльцамъ, и старался увѣрить Ирландцевъ, что въ отмѣнѣ уніи заключается единственное средство положить конецъ ихъ бѣдственному положенію. Вся страна пришла въ сильное волненіе; земледѣльцы стали отказываться отъ уплаты арендныхъ денегъ и налоговъ, угрожая безжалостнымъ землевладѣльцамъ убійствами; вооруженныя шайки снова стали бродить по зеленому острову, совершая убійства и опустошенія въ помѣстьяхъ богачей, тратившихъ свои доходы большею частію внѣ Ирландіи. Торіи не

останавливались ни передъ какими мѣрами: они снова провели въ парламентѣ принудительный билль, запрещали народные сходки, подвергали строгой провѣркѣ право подачи голосовъ на парламентскихъ выборахъ, возбуждали судебныя преслѣдованія противъ агитатора и его сообщниковъ и подвергали ихъ непродолжительному тюремному заключенію, но этими способами возстановляли спокойствіе лишь на непродолжительное время; даже устройство пріютовъ и рабочихъ домовъ было скорѣе вредно, чѣмъ полезно, потому что нищета и отвращеніе къ труду были повсемѣстны, а лучшіе классы населенія не желали ни состраданія ни милостыни, — они требовали справедливости и свободныхъ учрежденій; ни къ чему не привело и то, что во время голода, причиненнаго въ 1846 году неурожаемъ, и англійское правительство и частная благотворительность обнаруживали готовность на всякія жертвы; такъ какъ Ирландцы считали Англичанъ виновниками своей нищеты, то они считали взносъ пожертвованій за обязанность, за незначительную уплату накопившагося долга, и не прекращали своей агитаціи за отмѣну акта уніи. Не принесли большой пользы и постановленія, изданныя въ пользу католической церкви, — какъ напр. билль о завѣщаніяхъ, дозволявшій этой церкви (но не католическимъ монашескимъ орденамъ) пріобрѣтать собственность и назначавшій казенное содержаніе пришедшимъ въ упадокъ католическимъ семинаріямъ въ Майнотѣ (стр. 40).

1843.

1844.

Требованіе экстраординарныхъ полномочій для подавленія усилившейся въ Ирландіи анархіи заставило министерство Пилля выйти въ отставку. Его положеніе уже было очень затруднительно потому, что оно могло проводить свои важныя экономическія реформы только при содѣйствіи своихъ политическихъ противниковъ въ парламентѣ, а съ консерваторами, требовавшими охранительныхъ пошлинъ, постоянно вело горячую борьбу. Тогда составилось министерство вѣговъ съ участіемъ Росселя и Пальмерстона. Но по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ (2 іюля 1850) умеръ, вслѣдствіе паденія съ лошади, сэръ Робертъ Пилль, — одинъ изъ самыхъ выдающихся и самыхъ дальновзоркихъ государственныхъ дѣятелей въ новѣйшей исторіи Англій. Смерть сняла у Ирландцевъ великаго агитатора О'Коннеля, скончавшагося въ Генуѣ на пути въ Римъ; она на нѣкоторое время ослабила агитацію и вызвала раздоры въ лагерѣ людей, требовавшихъ отмѣны акта уніи. Но французская февральская революція бросила новую зажигательную искру въ легко воспламеняющуюся массу; тогда исполненіе законовъ замѣнилось въ Ирландіи кулачнымъ правомъ, актъ о личной свободѣ (Habeas corpus) былъ отмѣненъ и наконецъ вспыхнуло возстаніе. Хотя англійскимъ войскамъ и не трудно было справиться съ плохо организованными отрядами ирландскихъ рабочихъ, поселянъ и арендаторовъ, которыми командовали такіе неспособные народные вожди, какъ О'Бриенъ, но прочный порядокъ и спо-

Увольненіе
министерства

Пилля.

Іюнь 1846.

15 мая 1847.

Іюль 1848.

7 1864.

С. ОТНОШЕНИЯ КЪ ИНОСТРАННЫМЪ ГОСУДАРСТВАМЪ. ПОЛОЖЕНІЕ ВОСТОЧНО-АЗИАТСКИХЪ ЦАРСТВЪ.

Министерство
вѣговъ и его
отношенія
къ иностран-
нымъ государ-
ствамъ.

вать системъ Людовика XIV, стали дѣйствовать за-одно съ Австріей, а въ Италіи и въ Швейцаріи старались сдерживать либеральныя стремленія. Во всѣхъ европейскихъ замѣшательствахъ политика виговъ сознательно стремилась къ намѣченной цѣли и была успѣшна какъ въ первый періодъ ихъ преобладанія при Греѣ и Мельбурнѣ, такъ и послѣ передачи управленія въ руки лорда Джона Росселя лѣтомъ 1846 года. Они держали сторону прогресса на обѣихъ полуостровахъ южной Европы и въ Альпійскихъ странахъ и поощряли стремленіе народовъ къ свободнымъ государственнымъ учрежденіямъ, между тѣмъ какъ тюльерійскій кабинетъ бралъ на себя роль защитника консервативныхъ интересовъ и, дѣйствуя въ духѣ Свяшеннаго Союза, старался сдерживать либеральныя стремленія къ политическимъ реформамъ. И не смотря на свое уединенное положеніе, Англія была въ состояніи оказывать либеральнымъ идеямъ дѣятельную поддержку даже на европейскомъ континентѣ. Располагая громаднымъ флотомъ и хорошо дисциплинованной сухопутной арміей, которая набиралась не посредствомъ конскрипціи, а по старой системѣ вербовки рекрутъ, англійская нація была въ состояніи придавать силу и вѣсь политикѣ своихъ прозорливыхъ и разумныхъ государственныхъ дѣятелей, ясно понимавшихъ требованія своего времени. Когда между европейскими государствами возникали недоразумѣнія и споры, они прибѣгали къ посредничеству и къ третейскому суду Англіи; безъ ея вѣдома и участія не принималось никакихъ важныхъ рѣшеній. Такъ какъ британское правительство заботилось больше всего объ интересахъ торговли и промышленности, о томъ, чтобъ не было никакой задержки въ сбытѣ англійскихъ товаровъ, то оно всячески старалось предотвращать нарушеніе мира въ Европѣ и пріобрѣтать довѣріе какъ государственныхъ людей, такъ и народныхъ массъ; внѣ европейскаго континента, оно обращало свое вниманіе на увеличеніе англійскихъ владѣній, на расширеніе колоній и на упроченіе могущества Великобританіи.

1. Страны, лежащія вдоль береговъ рѣки Св. Лаврентія и великихъ морей, достались Англіи по версальскому мирному договору 1763 года и въ теченіе слишкомъ десяти лѣтъ деспотически управлялись губернаторомъ и торійской олигархіей по англійскимъ законамъ; но для того, чтобъ онѣ не присоединились къ возставшимъ сѣверо-американскимъ колоніямъ, имъ были дарованы «квебекскими актами» 1774 года нѣкоторыя изъ ихъ прежнихъ правъ и ограниченныя конституціонныя учрежденія. Въ 1791 году англійское правительство раздѣлило страну на Верхнюю и Нижнюю Канаду, подчинило каждую изъ двухъ провинцій особому губернатору, при которомъ состоялъ административный совѣтъ, и даровало имъ парламентскую конституцію съ палатами верхней и нижней. Но въ Нижней Канадѣ, когда-то принадлежавшей Франціи и населенной болѣею частью французскими

Канада.

выходцами, стали съ теченіемъ времени раздаваться громкія жалобы на угнетенія со стороны правительственныхъ властей, на ихъ пренебреженіе къ національнымъ учрежденіямъ и обычаямъ, языку и религіи, на то, что они оказываютъ предпочтеніе англійскимъ колонистамъ и ихъ интересамъ передъ французскими; эти жалобы послужили поводомъ для сильныхъ волненій въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ оппозиціонной партіи сталъ талантливый, дѣятельный адвокатъ французскаго происхожденія Папино. Подстрекаемые сѣверными Американцами, желавшими присоединить эти страны къ своему союзу, жители Канады потребовали трехъ нововведеній, которыя должны были обезпечить ихъ національную самостоятельность и проложить путь къ демократическому самоуправленію, — чтобъ законодательное собраніе (верхняя палата), состоявшая изъ назначенныхъ намѣстникомъ чиновниковъ и судей, впредь состояла изъ выборныхъ членовъ, чтобъ принадлежавшее палатѣ общинъ (Assembly) право разрѣшать сборъ податей было расширено, и чтобъ состоящій при губернаторѣ административный совѣтъ былъ отвѣтственъ передъ законодательною властію. Когда эти требованія были отвергнуты, государственные чины Нижней Канады отказались отъ уплаты податей. Они могли рассчитывать на помощь Соединенныхъ Штатовъ, всегда завидовавшихъ могуществу Англіи на моряхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже вспыхнули возстанія и происходили небольшія сраженія; американскіе добровольцы поощряли дѣтей свободы (индепендентовъ) къ сопротивленію; владычеству Англіи надъ Канадой, по видимому, стала угрожать серьезная опасность. Но британское правительство подавило возстаніе своими благоразумными и энергическими мѣрами. Оно стало разжигать національную вражду англійскихъ уроженцевъ къ французскимъ и этимъ способомъ возбудило разладъ между жителями Канады; оно принудило демагоговъ спасаться бѣгствомъ, стало предавать военному суду добровольцевъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, и стало угрожать сѣверо-американцамъ войной. За тѣмъ, по предложенію Росселя и съ одобренія парламента, оно назначило генераль-губернаторомъ Канады вождя радикальныхъ виговъ, энергичнаго лорда Дургамъ, бывшаго до того времени посланникомъ въ Петербургѣ, и снабдило его диктаторскими полномочіями «для возстановленія владычества закона», — какъ онъ самъ охарактеризовалъ цѣль своей миссіи. Частію силой; частію кроткими мѣрами Дургамъ возстановилъ въ Канадѣ порядокъ; но его самовластный образъ дѣйствій вызвалъ горячія порицанія со стороны оппозиціи въ верхней палатѣ и въ особенности со стороны его стараго политическаго противника Брума и не былъ одобренъ министерствомъ; поэтому онъ былъ скоро вынужденъ сложить съ себя генераль-губернаторское званіе и возвратиться въ Англію; однако, послѣ того, какъ онъ подавилъ подлѣ Монреаля новую попы-

1837.

Май 1838.

Ноябрь.

тку возстанія и казнилъ зачинщиковъ мятежа смертью на висѣлицѣ, внутреннее спокойствіе болѣе не нарушалось. На основаніи меморіи, представленной Дургамомъ послѣ его возвращенія въ Англію, британское правительство старалось въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ соединить всѣ британскія владѣнія въ сѣверной Америкѣ въ одно цѣлое посредствомъ введенія конституціи съ народнымъ представительствомъ, посредствомъ удовлетворенія стремленій къ самоуправленію и посредствомъ устраненія раздоровъ между жителями различныхъ національностей. Вскорѣ послѣ того, Дургамъ преждевременно сошелъ въ могилу (1840).

Тотъ-же самый парламентъ, который одобрилъ назначеніе Дургамъ гене- 30 мая 1838.
ралъ-губернаторомъ Канады, возобновилъ еще на 21 годъ привилегіи компаніи Гудсонова залива. Это общество, основанное 2 мая 1670, распространило свои факторіи по болѣе части сѣверной Америки и стало извлекать громадныя выгоды изъ торговли мѣхами. Позднѣе основанная сѣверо-за- 1814.
падная компанія принудила его прибѣгать къ оружію для охраны привилегій, предоставлявшихъ его членамъ исключительное право вести торговлю въ Гудсоновомъ заливѣ и неограниченную административную и судебную власть надъ окрестными странами, еще не поступившими во владѣніе какого либо христіанскаго монарха или государства. Даровитый членъ общества Самуилъ Гирнъ (Hearne) совершилъ въ 1769—1772 г. свою достопамятную поѣздку на сѣверъ и по этому случаю впервые доказалъ, что пустынные сѣверные берега Америки тянутся вплоть до полярныхъ льдовъ. Начатое имъ дѣло довели до конца Дизъ (Dease) и Симпсонъ (Simpson), которые 1836—1839.
также были членами той компаніи; этимъ они дополнили труды Франклина, предпринявшаго въ 1819—1822 г. свои изслѣдованія по порученію англійскаго короля и при содѣйствіи той-же компаніи. Тогда были почти неизмѣнно установлены границы Новаго Свѣта.

2. Въ Остѣ-Индіи, — которая стояла на первомъ планѣ въ англійской торговой и колоніальной политикѣ и интересы которой лондонское правительство постоянно оберегало во время возникавшихъ на востокѣ смуть, — британское владычество было значительно расширено; Англичанамъ приходилось переживать тамъ не мало тяжелыхъ утратъ и неудачъ, но мужество и патріотизмъ англійскихъ офицеровъ и солдатъ обнаруживались тамъ съ самымъ яркимъ блескомъ. Гористыя страны къ западу отъ Инда, съ издревле знаменитыми торговыми городами Кабуломъ, Кандагаромъ, Гератомъ, населенныя энергичными и привязанными къ свободѣ Афганцами, уже давно были цѣлю завоевательныхъ стремленій Англичанъ и Русскихъ. Поэтому и тѣ и другіе старались привлечь на свою сторону враждовавшихъ между собою и жадныхъ къ золоту начальниковъ мѣстныхъ племенъ, — но Англичане дѣйствовали торопливо и неосмотрительно, а Русскіе — осторожно и осмотрительно.

Остѣ-Индіа.
Войны съ
Афганцами.

Въ англо-индійскія владѣнія издревле вели два пути — одинъ изъ Герата, этихъ „воротъ Индіи“, черезъ Кабулъ по узкимъ ущельямъ къ Аттоку на

верхнемъ Индѣ, другой черезъ Кандагаръ и Боланское ущелье къ низовьямъ этой рѣки. Поэтому Афганистанъ былъ самымъ важнымъ соединительнымъ пунктомъ для торговыхъ сношеній между странами западными, центральными и восточными. Упорная борьба магометанскихъ племенныхъ начальниковъ изъ-за обладанія престоломъ доставила Англичанамъ поводъ для вмѣшательства. Когда враждовавшіе между собою Дурани были вытѣснены Бараксами, индо-британское правительство доставило бѣглецамъ безопасное убѣжище въ Лудгіанѣ и постаралось подчинить протекторату Англій Афганистанъ, гдѣ энергичный и коварный кабулскій ханъ Достъ Могамедъ достигъ единовластія въ Газнѣ и въ Кандагарѣ, одолѣвши своихъ родственниковъ. Англичане надѣялись пріобрѣсти союзника въ лицѣ Рундшида Зинга,—могущественнаго и богатаго владѣтеля страны пяти рѣкъ, этого „лагорскаго льва“, отнявшаго у Афганцевъ Пешауэръ и опасавшагося мщенія главы рода Баракси. Походъ, предпринятый Ауеландомъ, Киномъ, Макъ-Нагтенемъ черезъ горныя ущелья и долины, сначала обѣщалъ успѣхъ. Кандагаръ былъ занятъ; Газна, гдѣ находится гробница Газнавида Махмуда, была взята; претендентъ изъ рода Дурани, шахъ Шудшахъ поселился при помощи Англичанъ въ царскомъ дворцѣ Кабула, Балагиссарѣ. Эмиръ Достъ Могамедъ бродилъ въ горахъ бѣглецомъ, повидимому, довольствуясь тѣмъ, что англійское правительство назначило ему пенсію. Но торжество побѣдителей было преждевременнымъ. Религіозный фанатизмъ, несочувствіе племенъ къ вождямъ, назначеннымъ иноземцами, и проiski русскихъ агентовъ вызвали общее возстаніе, которое приняло угрожающій характеръ съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ его сталъ вѣроломный сынъ эмира Акбаръ. Англичане были принуждены очистить занятые ими города; имъ пришлось вести борьбу во всѣхъ странахъ вплоть до береговъ Инда; храбрый генералъ Мак-Нагтенъ былъ вѣроломно умерщвленъ во время свиданія съ Акбаромъ. Знаменитый путешественникъ Александръ Бёрнсъ, сдѣлавшій изученіе средней Азіи задачею своей жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ не совсѣмъ ловко вмѣшавшійся въ политику, былъ измѣннически заведенъ въ садъ и вмѣстѣ съ своимъ братомъ и съ нѣсколькими служителями былъ убитъ разсвирѣпѣвшей толпой. Во время отступленія Англичанъ черезъ Хайберское ущелье, ихъ солдаты и уже переѣхавшія на жительство въ Кабулъ, жены и дѣти, гибли въ большомъ числѣ или отъ голода, холода и истощенія силъ, или подъ ножемъ фанатическихъ поселянъ и дикихъ Гильдиш. Только въ Желлалабадѣ мужественно оборонялся храбрый генералъ Саль. Онъ держался тамъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, доказывая, на сколько энергія Англичанъ выше храбрости варваровъ. Англичане были принуждены очистить Афганистанъ, но понесенное ими пораженіе и оскорбленное чувство національнаго достоинства требовали отмщенія. Поэтому, храбрый губернаторъ Эленборо предпринялъ новый походъ, чтобъ возстановить военную часть Англичанъ и наказать враговъ. Генералы Поллокъ и Ноттъ прошли сквозь горныя ущелья, разбили Акбаръ-хана въ открытомъ полѣ и освободили заложниковъ и плѣнниковъ. Исталифъ и Кабулъ были преданы пламени и вся страна Афганцевъ отъ береговъ Инда до гигантскихъ отроговъ Гиндукуша была опустошена огнемъ и мечомъ. Ворота изъ сандалнаго дерева, когда-то увезенныя султаномъ Махмудомъ Газнавидомъ въ качествѣ трофеевъ изъ Сомнатскаго храма въ индійскомъ Гудшератѣ, были сняты съ гробницы этого завоевателя и возвращены въ то священное мѣсто, на которомъ стояли въ теченіе столѣтій,—къ великому удовольствію Индусовъ и въ предостереженіе мусульманамъ. Возвративши Достъ-Могамеду свободу, британскія войска удалились изъ Афганистана, чтобъ предпринять борьбу съ другими врагами, жившими съ ними въ болѣе близкомъ сосѣдствѣ. Генералъ Непиръ вторгнулся въ Синдъ—обширную страну

на южномъ Индѣ,—за то, что ея эмиръ вступилъ въ союзъ съ Афганцами во время послѣдней войны; завладѣвши столицей эмира, Гидерабадомъ, Непиръ присоединилъ Синдъ къ англійскимъ владѣніямъ. Лордъ Элленборо, не нравившійся англійской торговой компаніи своимъ воинственнымъ характеромъ, былъ, по ея просьбѣ, отозванъ и замѣненъ сэромъ В. Гардингомъ. Однако, не смотря на мирный характеръ данныхъ Гардингу инструкцій, онъ не могъ уклониться отъ кровопролитной упорной борьбы съ храбрыми Сиками, которая окончилась побѣдой Англичанъ и во время которой храбрый Саль умеръ смертію героя. Находившіеся подъ управленіемъ порочной женщины (Рани), Сики были принуждены заключить въ Лагорѣ миръ, уничтожившій самостоятельность ихъ страны. Съ тѣхъ поръ Лагоръ вмѣстѣ съ очаровательной долиной Кашмира управлялся двумя князьями подъ верховною властію остъ-индской компаніи, удержавшей за собою кромѣ исключительнаго права торговли и нѣкоторыя другія важныя административныя права. По прошествіи двухъ лѣтъ побѣжденные снова взялись за оружіе, но генераль Гоугъ снова разбилъ ихъ, а новый губернаторъ лордъ Дальгузи положилъ конецъ существованію царства Сиковъ. Громадныя сокровища прежняго владѣтеля, Рундшида Синга слѣлались добычею Англичанъ. Въ числѣ этихъ сокровищъ находился самый большой изъ всѣхъ брилліантовъ — „когинуръ“, который былъ переданъ въ англійскую королевскую казну.

1846.

1848—1849.

3. Британскому владычеству была подчинена и часть странъ, лежащихъ за Индіей, послѣ войны, предпринятой въ 1825 году съ сильными и храбрыми Бирманами, владѣнія которыхъ отдѣляютъ Индію отъ китайской «Небесной имперіи». Кэмпбелль и тотъ самый Саль, который впослѣдствіи отплылъ въ Афганистанъ, двинулись въ 1826 году изъ Рангуна вверхъ по теченію Иравадди, прорвались сквозь окопы Бирмановъ, стали угрожать главному городу Авъ и принудили непріятеля къ уступкѣ провинцій Аракана и Ассама и къ уплатѣ военныхъ издержекъ. Въ 1852 году, когда Англичане вызвали новое возстаніе своимъ пристрастнымъ отправленіемъ правосудія, въ ихъ владѣніе перешолъ городъ Пегу вмѣстѣ съ прибрежной страной. Расширенію ихъ владычества способствовали и раздоры между магометанами и Индусами, и взаимная вражда между мѣстными князьями, и ненависть угнетенныхъ народовъ къ ихъ деспотическимъ правителямъ. Въ 1856 году Дальгузи свергнулъ съ престола Аудскаго царя, имѣвшаго свою резиденцію въ Лагорѣ, и просоединилъ его царство къ британскимъ владѣніямъ.

1826.

1852.

1856.

4. Не менѣе важной и полезной для расширенія англійскаго владычества и англійской торговли была война съ Китаемъ. Громадная кптайская имперія находилась съ половины семнадцатаго столѣтія подъ управленіемъ манчжурской династіи Тсингъ. Въ долгое царствованіе самаго выдающагося изъ членовъ этой династіи, Хіанъ-лонга, — человека высоко-образованнаго, любившаго заниматься поэзіей и историческими изслѣдованіями, кптайская имперія расширилась въ западномъ направленіи вслѣдствіе завоеванія восточнаго Туркестана и Тибета и достигла вершины своего могущества. И при этомъ им-

Кптай.

Хіанъ-лонгъ.
1736—1796.

ператоръ, точно такъ-же какъ при его преемникахъ, христiane подвергались жестокимъ угнетенiямъ. Въ царствованiе его лѣниваго, Кiа-Кингъ. малодущнаго и жестокосердаго сына Кiа-кинга имперiя страдала какъ 1796—1820. отъ внутреннихъ возстанiй, междоусобицъ и заговоровъ, такъ и отъ неурожаевъ и голода. Когда императоръ внезапно скончался, возникло Тао-куангъ. предположенiе, что онъ былъ убитъ. Его сынъ Тао-куангъ былъ 1820—1850. монархъ благонамѣренный и справедливый, но слабохарактерный, въ царствованiе котораго китайская имперiя вовлеклась въ войну съ Англiей. Между Китайцами и остъ-индской компанiей существовали старинныя торговыя сношенiя, которыя велись изъ Кантона и Макао при посредствѣ китайскихъ маклеровъ. Пока остъ-индская компанiя пользовалась безусловнымъ господствомъ на восточныхъ моряхъ, лишь рѣдко и временно возникали перерывы торговыхъ сношенiй, такъ какъ благоразумные англiйскiе торговцы не обижались дѣтскимъ высокомерiемъ и самохвальствомъ Китайцевъ, свысока и съ презрѣнiемъ смотрѣвшихъ на «рыжеволосыхъ варваровъ». Но когда англiйское правительство отмѣнило торговую монополiю остъ-индской компанiи, 1834. взяло торговую политику на востокъ подъ свое собственное руководство и такимъ образомъ поставило себя въ новыя международныя отношенiя къ повелителю «Небесной имперiи», тогда торговые препирательства привели къ многолѣтней войнѣ, окончившейся расширенiемъ англiйскихъ владѣнiй и включенiемъ Китая въ сферу европейскихъ международныхъ сношенiй. Въ виду того, что постоянно 1836. увеличивавшееся употребленiе опиума имѣло пагубное влiянiе на здоровье китайскаго народа, китайское правительство запретило въ 1836 году ввозъ этого наркотическаго напитка и тѣмъ нанесло тяжелый ударъ англiйской торговлѣ, извлекавшей изъ торговли опиумомъ громадныя денежныя выгоды. На основанiи этого запрещенiя, 1839. китайскiй губернаторъ Линъ потребовалъ, чтобъ ему были отданы всѣ находившiеся въ Кантонѣ запасы опиума, а послѣ того, какъ неспособные сопротивляться англiйскiе торговцы исполнили это требованiе, онъ приказалъ уничтожить болѣе двадцати тысячъ ящиковъ съ ядовитымъ напиткомъ цѣнностью въ два съ половиной миллiона фунт. стерл. Это было началомъ цѣлаго ряда враждебныхъ дѣйствiй, которыя наконецъ привели къ войнѣ между Англiей и Китаемъ. Британскiй флотъ появился въ китайскихъ водахъ, чтобъ подкрѣпить предъявленное торговцами требованiе денежнаго вознагражденiя. Но такъ какъ Англичане сначала вели военныя дѣйствiя безъ всякой энергiи изъ опасенiя прекратить чайную торговлю, то пекинское правительство старалось сдерживать и ослабить непрiятеля своей вѣроломной политикой: оно постоянно заводило новыя мирныя переговоры, но ни разу не довело ихъ до конца. Лондонское министерство наконецъ убѣдилось въ нецѣлесообразности своей политики и приступило къ энергическимъ мѣрамъ. Въ парламентъ не было недостатка

въ людяхъ, строго осуждавшихъ правительство за то, что военныя силы Англіи, всегда употреблявшіяся на защиту праваго дѣла, на противодѣйствіе угнетеніямъ, на поддержаніе уваженія къ національнымъ правамъ и къ честной торговлѣ, теперь употреблялись на достиженіе корыстолюбивыхъ цѣлей, на охрану гнусной «контрабандной торговли»; но корыстолюбіе торговцевъ взяло верхъ надъ чувствомъ національной чести. Англичане заняли островъ Чусанъ, завладѣли, 5 іюля 1840. подъ предводительствомъ Гоуга и Паркера, значительнымъ торговымъ городомъ на Янгъ-тзе-кіангъ и стали угрожать Нанкину. Тогда прекратилось сопротивленіе Китайцевъ, обнаружившихъ въ теченіе этой войны если не храбрость, то способность выносить лишения, привязанность къ отечеству и преданность императору. Былъ заключенъ миръ, открывшій Англичанамъ доступъ въ пять китайскихъ 11 авг. 1842. портовыхъ городовъ, назначившій имъ вознагражденіе въ двадцать одинъ милліонъ долларовъ и отдавшій въ ихъ владѣніе островъ Гонг-конгъ. Торговля опиумомъ не прекратилась къ стыду Англіи. Но было открыто новое поприще для свободы торговли, а самая высокомерная изъ всѣхъ націй была вынуждена вести себя съ нѣкоторой скромностью. Впослѣдствіи возникали между Англіей и Китаемъ новыя войны, къ участию въ которыхъ вовлекалась и Франція. Такъ какъ эти событія на дальнемъ азіатскомъ востокѣ имѣли лишь незначительное вліяніе на ходъ всемірной исторіи, то мы теперь-же сдѣлаемъ ихъ краткій обзоръ.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ „Небесная имперія“ была потрясена Китай въ пятидесятихъ и въ шестидесятихъ годахъ. въ своихъ основахъ внутренними волненіями. Китайскій книжникъ Гунгъ-тзюнь, усвоившій отъ одного миссіонера нѣсколько христіанскихъ догматовъ и соединившій ихъ вмѣстѣ съ языческими постановленіями и обычаями въ одну религіозную систему, выступилъ въ царствованіе императора Гіень-фонга въ роли пророка, назвалъ Христа своимъ братомъ, присвоилъ себѣ названіе Тіень-те, т. е. небесной добродѣтели, и сталъ призывать китайскій народъ къ возстанію противъ царствующей манчжурской династіи, ея мандариновъ и бонзъ. Успѣхъ увеличилъ число его послѣдователей. Они стали называться Тайпингами, „людьми мира“, обрѣзали свои косички и перестали брить свои головы. Тіен-те утверждалъ, что съ изгнаніемъ манчжурской династіи настанетъ вѣчный миръ; онъ приучалъ своихъ послѣдователей къ нравственной жизни, къ порядку и воздержности и строгойше запрещалъ имъ употребленіе опиума и спиртныхъ напитковъ. Вождь мятежниковъ наконецъ провозгласилъ себя императоромъ подъ именемъ Тіень-ванга. Тайпинги скоро завладѣли всѣми южными провинціями Китая; они взяли приступомъ Нанкинъ, совершали тамъ страшныя злодѣянія, уничтожили изображенія языческихъ боговъ, попытались вступить въ сношенія съ Англичанами и стали угрожать нападениемъ на Кантонъ; манчжурская династія удержалась на престолѣ только благодаря губернатору Пе, который тысячами казнилъ тѣхъ, кто обнаруживалъ расположеніе перейти на сторону мятежниковъ. Но когда Тіень-те попытался проникнуть въ сѣверныя провинціи, его замыслы были разрушены энергіей императорской партіи. Онъ потерпѣлъ пораженіе, которое ослабило его вліяніе. Раздоры между

Гіень-фонгъ.
1850—1861.

Мартъ 1853.

- вождями инсургентовъ не позволили ему пускаться на новыя предпріятія и пріостановили распространеніе мятежа; но война продолжалась еще въ теченіе многихъ лѣтъ съ переменнымъ счастьемъ. — Между тѣмъ возникли новыя раздоры между Китайцами и Англичанами. Во время мятежа, эти послѣдніе распоряжались въ Кантонѣ, какъ повелители, и относились съ презрѣніемъ къ мѣстнымъ законамъ. Ёе не хотѣлъ этого допускать. Онъ приказалъ силою увести съ англійскаго корабля укрывшихся тамъ двѣнадцать Китайцевъ, провинившихся въ неповиновеніи. Когда онъ отказался возвратитъ этихъ арестантовъ, Англичане стали бомбардировать Кантонъ, разрушили губернаторскій дворецъ и потопили нѣсколько китайскихъ парусныхъ судовъ. Они съ своей стороны жаловались на нарушеніе торговыхъ трактатовъ, а Французы были оскорблены убійствомъ одного католическаго миссіонера. Это послужило поводомъ къ войнѣ, въ которой принимали участіе и французскіе корабли, такъ какъ Наполеонъ III предложилъ Англичанамъ вступить съ ними въ союзъ для того, чтобъ получить свою долю въ ожидаемыхъ плодахъ побѣды. Китайцы оказали слабое сопротивленіе; Кантонъ былъ взятъ союзниками, а Ёе былъ отправленъ плѣнникомъ въ Калькуту, гдѣ по прошествіи двухъ лѣтъ умеръ. Скоро вмѣшались въ войну Русскіе и Американцы съ цѣлю извлечь изъ стѣсненнаго положенія Китайцевъ выгоды для своей торговли. Съ ними китайскій императоръ заключилъ выгодныя для нихъ договоры, но онъ отвергнулъ требованія Англичанъ и Французовъ; тогда флотъ этихъ союзниковъ появился въ устьяхъ Пейхо; нѣсколько китайскихъ укрѣпленій были взяты приступомъ и китайское правительство было вынуждено согласиться на заключеніе договора, которымъ обязывалось уплатить значительное денежное вознагражденіе, допустить свободу торговли и относиться человѣколюбиво къ жившимъ въ Китаѣ христіанамъ. Но при утвержденіи этого договора возникли новыя затрудненія: англійскихъ уполномоченныхъ, посланныхъ въ Пекинъ, Китайцы силою недопустили до вѣзда въ устья Пейхо; при этомъ нѣсколько сотъ англійскихъ матросовъ были убиты или ранены, а около сорока были взяты въ плѣнъ и отведены въ Пекинъ; половина послѣднихъ погибла частію отъ руки убійцъ, частію отъ разныхъ насилій. Такое вѣроломство требовало отмщенія. Тогда союзный флотъ снова направился къ устьямъ Пейхо;
- Авг. 1860. француско-англійскія войска принудили храбро оборонявшійся гарнизонъ сдать имъ форты, разбили болѣе многочисленнаго непріятеля въ двухъ сраженіяхъ и вступили на прекрасную равнину, которая ведетъ къ Пекину. Они заняли великолѣпный лѣтній дворецъ императора и ограбили его; но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль, когда извѣстіе о жестокостяхъ, совершенныхъ Китайцами надъ плѣнниками, возбудило въ Европейцахъ справедливое раздраженіе, дворецъ былъ преданъ пламени. Французскій главнокомандующій Кузенъ де-Монтобанъ, привезшій въ Парижъ дорогіе подарки изъ сгорѣвшаго императорскаго дворца, получилъ отъ Наполеона титулъ графа Паликао въ память о мѣстѣ одержанной побѣды. Китайское
- 25 окт. 1860. правительство совершенно упало духомъ. Оно возобновило договоры, открывавшіе Китаю для заграничной торговли, и уплатило какъ военные расходы, такъ и вознагражденіе родственникамъ убитыхъ плѣнниковъ. Два
24. 25 окт. главнокомандующихъ, окруженные сильнымъ конвоемъ, вступили въ октябрѣ въ императорскую столицу Пекинъ, а слѣдующей весной тамъ поселились на постоянное жительство европейскіе посланники. — Императоръ Гіенъ-фонгъ не долго прожилъ послѣ того униженія, что Небесная имперія не была въ состояніи отразить вторженія восемнадцати-тысячной арміи. Онъ
- 22 авг. 1861. умеръ въ слѣдующемъ году въ Ёе-го, въ Манчжуріи; ему наследовалъ его
- Тсунгъ-тши. шестилѣтній сынъ Китсиангъ, вступившій на престолъ подъ именемъ Тсунгъ-тши.
- 1861—1875. тши. Назначенное умершимъ императоромъ регентство изъ восьми манда-

риновъ было низвергнуто дворцовой революціей; пятеро изъ этихъ регентовъ были отправлены въ ссылку, а трое лишены жизни. Тогда управление перешло, съ одобренія вдовствующей императрицы, въ руки дяди молодого императора, принца Конга; онъ возстановилъ добрыя отношенія съ Европейцами, съ которыми сблизился, бывши посредникомъ при мирныхъ переговорахъ. Съ тѣхъ поръ стали сильно развиваться торговныя сношенія съ востокомъ; для промышленности и для любознательности Европейцевъ открылся новый міръ въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ китайскому правительству удалось, при помощи Англичанъ и Французовъ, отнять у мятежныхъ Тайпинговъ городъ Шангай, служившій средоточіемъ для восточной торговли и, послѣ трехъ-лѣтней войны, вытѣснить ихъ изъ всѣхъ позицій. Наконецъ, и Нанкинъ былъ взятъ англо-китайскою арміею послѣ 19 іюля 1864. мужественнаго сопротивленія и послѣ того, какъ императоръ мятежниковъ Тіень-вангъ погибъ въ пламени вмѣстѣ съ своими женами. Но остатки Тайпинговъ еще долго поддерживали свое существованіе и неоднократно предпринимали новыя возстанія. Кромѣ того, въ провинціи Юнь-нань, въ Джунгаріи, въ восточномъ Туркестанѣ возникли въ шестидесятыхъ годахъ опасныя возстанія, сопровождавшіяся страшными злодѣяніями, продолжительными войнами и отпаденіемъ обширныхъ территорій отъ китайской имперіи. Когда императоръ Тсунгъ-тинъ умеръ въ юномъ возрастѣ, ему наследовалъ четырехъ-лѣтній принцъ Куангъ-су. О войнѣ съ Франціей изъ-за обладанія Тонкиномъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

Куангъ-су,
съ 1875 г.

Не смотря на то, что своеобразный характеръ Китайцевъ и ихъ Вліяніе Европейцевъ про-
вѣковыя традиціи препятствовали ихъ сближенію съ Европейцами, европейскіе торговцы, техники и ученые стали мало по малу распро-
странять западно-европейскую культуру и среди восточно-азиатскихъ народовъ, жившихъ, изъ ненависти къ иноземцамъ, въ самодоволь-
ной замкнутости. Сами Китайцы не могли, наконецъ, не признать превосходствъ европейской культуры во многихъ сферахъ умствен-
ной и экономической дѣятельности; поэтому и тѣ отдаленныя страны съ своимъ громаднымъ населеніемъ стали мало по малу входить въ
сферу международныхъ сношеній. Въ этомъ отношеніи всѣхъ опере-
дила Японія.

Азію.

Еще очень недавно Японцы жили еще болѣе замкнутою жизнью, чѣмъ Китайцы. Почти до половины текущаго столѣтія Европейцы почти ничего не знали о Японіи, съ которой не имѣли почти ника-
кихъ сношеній. Въ тринадцатомъ столѣтіи Марко Поло привезъ въ свое отечество первыя поверхностныя свѣдѣнія о странѣ, называемой «Ципангу»; потомъ о ней почти совершенно позабыли. Однако тамъ
развилась своеобразная и довольно значительная культура. Промыш-
ленная предприимчивость, фабрикація фаянсовой посуды, издѣлія ме-
таллическія и шелковыя, рѣзная работа изъ дерева и слоновой кости свидѣтельствовали о даровитости Японцевъ; население занималось преимущественно земледѣліемъ и садоводствомъ; большія и просе-
лочныя дороги находились тамъ въ превосходномъ положеніи; хоро-
шее устройство судовъ обезпечивало безопасность торговыхъ сноше-
ній. Самой распространенной религіей былъ Синъ-то или культъ

Японія.

Ками; это былъ культъ природы, состоявшій изъ смѣси различныхъ вѣроученій съ прибавкой китайской теогоніи и космогоніи; кромѣ того, тамъ считался въ теченіе нѣкотораго времени государственной религіей буддизмъ. Христіанство не могло достигать тамъ значительныхъ успѣховъ и навлекало на своихъ миссіонеровъ жестокія преслѣдованія. Очень своеобразно было государственное устройство. Наряду съ главою государства—микадо, пользовались широкой самостоятельностью крупные ленные владѣтели—дайміосы; эти могущественные вассалы имѣли нѣкоторое сходство съ феодальными владѣтелями средне-вѣковой Европы. Власть микадо еще болѣе ослабѣла, когда одному изъ его полководцевъ удалось, въ концѣ двѣнадцатаго столѣтія, достигнуть званія наслѣдственного начальника арміи и соправителя. Это положеніе «свѣтскаго императора»—сгогуна или тайкуна, упроченное въ концѣ шестнадцатаго и въ началѣ семнадцатаго столѣтія національными героями Тайко и Жіе-жазу, сохранилось до новаго времени; оно низвело микадо до положенія духовнаго главы государства и призрачнаго императора,—вмѣстѣ съ тѣмъ раздробило правительственную дѣятельность на части и подвергло опасности цѣльность государства. Сгогуны держали микадо въ такомъ положеніи, которое было похоже на окруженное почѣтомъ содержаніе въ плѣну; въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій они были настоящими правителями государства и ввели окоченѣлыя формы государственной и общественной жизни; изданные ими законы должны были оставаться навсегда ненарушимыми; могущественный государственный совѣтъ охранялъ завѣщанныя преданія, старыя государственныя учрежденія, не допускалъ возникновенія новыхъ обычаевъ и потребностей. Въ такой полной замкнутости Японія находилась до новаго времени. Только въ пятидесятихъ годахъ текущаго столѣтія она заключила нѣсколько дружественныхъ и торговыхъ договоровъ сначала съ сѣверной Америкой, а потомъ и съ европейскими государствами, и открыла нѣсколько портовыхъ городовъ для торговыхъ сношеній. Японцамъ было дозволено выѣзжать изъ отечества и они стали все болѣе и болѣе пользоваться этимъ дозволеніемъ, чтобъ пріобрѣтать въ Европѣ образованіе и научныя познанія. Эти сѣмена просвѣщенія нашли плодородную почву въ любознательномъ, даровитомъ японскомъ народѣ, легко усвоивавшемъ блага высшей культуры. Правда, нерѣдко обнаруживались стремленія въ противоположномъ направленіи, вызванныя ненавистью къ чужеземцамъ, — нерѣдко случалось, что Европейцы дѣлались жертвами насилій и убійствъ; приверженцы старины, фанатики и реакціонеры нерѣдко возставали противъ нововведеній; верховная власть нѣсколько разъ переходила изъ однихъ рукъ въ другія вслѣдствіе насильственныхъ, кровопролитныхъ переворотовъ; европейскія правительства были вынуждены оберегать свои интересы посредствомъ присылки флотовъ и военныхъ мѣръ. Могу-

щество сгогуновъ стало приходить въ упадокъ вслѣдствіе распространенія новыхъ идей. Феодалыные владѣтели (дайміосы) полагали, что настало время возстановить ихъ прежнее могущество. Въ шестидесятихъ годахъ они возбудили междоусобную войну, возставши противъ правительства, для котораго служилъ резиденціей Іеддо (Токію), и стали дѣйствовать заодно съ микадо. Продолжительная кровопролитная борьба окончилась измѣненіемъ государственныхъ учреждений, — упраздненіемъ должности сгогуновъ и возведеніемъ микадо въ званіе единого правителя. Но это вовсе не было побѣдой японскихъ реакціонеровъ; напротивъ того, съ тѣхъ поръ началось, подъ управленіемъ микадо Мутсу-Гито, такое коренное преобразование всѣхъ учреждений, какое еще никогда нигдѣ не совершалось въ столь короткій промежутокъ времени. Званіе дайміосовъ, какъ наследственныхъ ленныхъ владѣтелей, было упразднено и Японія превратилась изъ феодальнаго государства въ монархію, которая впослѣдствіи приняла конституціонную форму вслѣдствіе учрежденія парламента; ленныя владѣнія были конфискованы съ выдачей денежнаго за нихъ вознагражденія; государственный должности сдѣлались доступными для всѣхъ японскихъ подданныхъ. Страна была заново раздѣлена на провинціи и получила новую административную организацію; судоустройство и организаціи полиціи были улучшены; постоянная армія была организована по нѣмецкому образцу. Были введены почтовые учрежденія, желѣзныя дороги, телеграфы, банки; народное образованіе сдѣлалось предметомъ заботъ правительства и появились ежедневныя газеты. Для введенія этихъ реформъ были вызваны изъ Европы, въ особенности изъ Германіи, должностныя лица, ученые, техники. И королевство Корея, долѣе другихъ восточно-азіатскихъ государствъ охранявшее свою замкнутость, было вынуждено заключить нѣсколько торговыхъ договоровъ и открыть нѣкоторые изъ своихъ портовыхъ городовъ для торговыхъ сношеній.

1867.

1889.

Корея.

В. Вторая группа. Германія и востокъ.

Литература. I. Касательно Германіи и Пруссіи. Кромѣ перечисленныхъ въ XIV томѣ (стр. 595) сочиненій: *R. Prutz, Zehn Jahre Geschichte der neuesten Zeit* (1840—1850), 2 части, Лейпцигъ 1850 и сл.; *R. Mücke, Die politischen Bewegungen in Deutschland 1830—1835*, 2 части, Лейпцигъ 1875; *K. Biedermann, Dreissig Jahre deutscher Geschichte* (1840—1870), 2 части, Бреславль 1883; *G. Beseler, Erlebtes und Erstrebtes* 1809—1859, Берлинъ 1884. — Для исторіи таможеннаго союза: *Ägidi, Aus der Vorzeit des Zollv.*; *Treitschke, Die Anfänge des Zollv.* (Preuss. Jahrb. 1872); *Mücke, Zur Vorgeschichte des Zollv.*, Гамбургъ 1865; *K. Biedermann, Gesch. des ersten preuss. Reichstags*, Лейпцигъ 1847; *R. Haym, Reden und Redner des ver. Landt.*, Берлинъ 1847; *Oppermann, Zur Gesch. des Königr. Hannover von 1832—1866*, 3 части, Берлинъ 1868.

Не мало цѣнныхъ статей появилось въ журналахъ *Vorwärts*, *Gegenwart*, *Preuss. Jahrbücher* и др.—2. Касательно Австріи. Кромѣ ранѣ упомянутого сочиненія Шпрингера: *Fr. Krones, Gesch. der Neuzeit Österr. vom achtzehnten Jahrh. bis auf die Gegenwart*, 5 частей, Берлинъ 1879; *M. Horvath, Fünfundzwanzig Jahre aus der Gesch. Ung. (1823—1848)*, Лейпцигъ 1866.—3. Касательно Россіи. *Korff*, Восшествіе на престолъ императора Николая I (Нѣмецкое изд., Берлинъ 1857); *Lacroix, Hist. de la vie et du règne de Nicolas I.* Парижъ 1864—1873, 8 частей; *Balleydier, Hist. de l'Empereur Nicolas I.* Парижъ 1857, 2 части. — *Jordan, Gesch. der russ. Litteratur.* Лейпцигъ 1846; *Honegger, Russ. Litter. und Kultur.* Лейпц. 1880. Сочиненія по исторіи русской литературы *К. Галлера* (Рига 1882) и *А. Рейнгольда* (Лейпцигъ 1885).—*Mackenzie Wallace* о Россіи; это сочиненіе перевелъ на нѣмец. языкъ *E. Röttger.* Лейпцигъ 1880.

1. Исторія Германіи отъ іюльской революціи до февральской.

1. Революціонныя движенія и реакція.

Вліяніе іюль-
ской револю-
ціи въ Герма-
ніи.

Нѣмецкій народъ не легко вовлекается въ политическія предпріятія по собственному почину; примѣръ сосѣднихъ государствъ, въ особенности Франціи, обыкновенно служитъ для него вызовомъ къ такимъ предпріятіямъ. Когда извѣстіе о парижской іюльской революціи распространилось въ прирейнскихъ странахъ, когда изъ Брюсселя и изъ Варшавы стали раздаваться пушечные выстрѣлы и созданный вѣнскимъ конгрессомъ порядокъ былъ расшатанъ въ своихъ основаніяхъ, тогда и въ Германіи стало громко высказываться недовольство политическими, социальными и экономическими учрежденіями, тогда умы и тамъ пришли въ сильное волненіе. Тогда, по видимому, настало удобное время для излеченія политическихъ недуговъ, для возстановленія единства, свободы и величія нѣмецкой націи. Но не смотря на повсемѣстное сознаніе тѣхъ недуговъ, не скоро были найдены средства для ихъ излеченія. Въ теченіе многихъ столѣтій нѣмецкая нація жила подъ разнородными политическими и церковными учрежденіями, съ глубокой привязанностью къ племеннымъ особенностямъ и интересамъ, безъ общаго народнаго представительства и безъ твердой связи между отдѣльными государствами; развѣ ея разрозненныя части могли немедленно притти къ соглашенію по общимъ національнымъ вопросамъ и повсюду ввести однородную форму правленія? Каждое изъ нѣмецкихъ государствъ старалось прежде всего излечить свои собственные общественные недуги, не заботясь о своихъ сосѣдяхъ; національное воодушевленіе растратило свои силы на мелкія мѣстныя возстанія съ очень узкими цѣлями, а правители постарались воспрепятствовать общему соглашенію, поддерживая заботливость только о мѣстныхъ интересахъ,—торопливо дѣлая уступки и признавая легальность уже совершившихся внутреннихъ перево-

готовъ. Въ Брауншвейгѣ, въ Саксоніи, въ Гессенѣ, въ Ганноверѣ вспыхнули возстанія, побудившія испуганныхъ правителей даровать своимъ подданнымъ такія права, въ какихъ имъ долго отказывали; тамъ были введены существенныя преобразованія и въ конституціонныхъ учрежденіяхъ и въ формѣ правленія. Въ прирейнскихъ городахъ Ахенѣ и Майнцѣ, а потомъ въ Гамбургѣ, Берлинѣ, Бреславлѣ и многихъ другихъ городахъ возникли волненія и кровопролитныя столкновенія между народомъ и войсками. Въ большихъ промышленныхъ центрахъ рабочіе выражали буйствами недовольство своимъ тяжелымъ матеріальнымъ положеніемъ. Но когда іюльское правительство обнаружило свой миролюбивый характеръ, а стремленія нѣмецкихъ либераловъ къ національному единству стали высказываться все съ большей опредѣленностью и смѣлостью, тогда нѣмецкія правительства стали дѣйствовать сообща и для обузданія нововводителей прибѣгнули къ старымъ полицейскимъ мѣрамъ. Въ дополненіе одного изъ постановленій вѣнскаго конгресса, сеймъ возложилъ на каждое изъ нѣмецкихъ правительствъ обязанность доставлять, по 21 окт. 1830. требованію сосѣдей, военную помощь для поддержанія спокойствія и порядка; сверхъ того было предписано усилить надзоръ за прессой.

Паденіе Варшавы и выселеніе польскихъ патріотовъ усилили въ Германіи волненіе умовъ; требованія свободы и политическихъ преобразованій стали высказываться всё громче. Польскихъ эмигрантовъ и агитаторовъ принимали въ Германіи съ чрезмѣрно-пылкими выраженіями сочувствія; ихъ воззванія къ возстанію повсюду находили хорошо-подготовленную почву. Но это броженіе умовъ не имѣло ничего общаго ни съ практическими политическими требованіями ни съ стремленіями къ національному единству. Въ средѣ либераловъ и радикаловъ отвлеченныя понятія о свободѣ и космополитическія мечтанія все болѣе и болѣе брали верхъ надъ національными идеями, надъ требованіями здравой патріотической политики. Въ тѣ годы, положеніе Пруссіи въ Германіи до такой степени усилилось вслѣдствіе расширенія Таможеннаго Союза, а ея будущая роль уже такъ ясно опредѣлилась, что главная ошибка тогдашнихъ политическихъ дѣятелей заключалась въ заблужденіи, будто Германія можетъ обойтись безъ Пруссіи или жить во враждѣ съ нею; однако нѣмецкіе либералы, въ особенности на югѣ Германіи, не сознавали, какъ было важно въ національномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ объединеніе экономическихъ интересовъ путемъ расширенія Таможеннаго Союза. Пруссійскій абсолютизмъ былъ пугаломъ, отнимавшимъ у либераловъ способность къ здравомыслію. Между тѣмъ какъ либеральные ораторы южно-нѣмецкихъ палатъ оказывали столько-же упорное, сколько недальнорукое сопротивленіе прусскимъ стремленіямъ къ національному единству, радикалы возлагали свои надежды на осно-

Заблужденія
южно-нѣмец-
кихъ либера-
ловъ.

ваніе демократической республики въ Польшѣ или на помощь Франціи, и считали себя въ болѣе близкомъ духовномъ родствѣ съ польскими, французскими и итальянскими изгнанниками, чѣмъ съ разсудительными Пруссакими, которыхъ даже не хотѣли признавать за настоящихъ Нѣмцевъ. Вращавшіеся въ сферѣ такихъ туманныхъ идей, южно-нѣмецкіе либералы-партикуляристы считали себя въ правѣ свысока смотрѣть на остальныхъ нѣмецкихъ патріотовъ, потому что уже пользовались конституціонными формами государственнаго управленія; но ихъ высокомерію нанесъ сильный ударъ швабскій уроженецъ Поль Пфицеръ; въ изданной имъ «Переписка двухъ Нѣмцевъ» (1831) онъ снова водрузилъ національное знамя и объяснилъ тѣмъ сбившимся съ настоящего пути людямъ, какимъ способомъ слѣдуетъ оберегать интересы Германіи. Въ томъ-же духѣ была знаменитая рѣчь Дальманна.

Событія въ
Пфальцѣ.
Празднество
въ Гамбахѣ.

Всего громче высказывались требованія либераловъ на Рейнѣ, въ Баденѣ, Гессенѣ и въ особенности въ баварскомъ Пфальцѣ, гдѣ снова пробудились воспоминанія о той революціонной эпохѣ, которая принесла съ собою вмѣстѣ съ горемъ не мало добра и счастья. Тамъ дѣйствовалъ пылкій и твердый характеромъ, хотя и увлекавшійся причудливыми идеями, докт. Виртъ; при содѣйствіи раздѣлявшихъ его убѣжденія адвокатовъ, должностныхъ лицъ, литераторовъ и гражданъ, онъ доказывалъ въ газетахъ (*Die deutsche Tribüne*), брошюрахъ, публичныхъ рѣчахъ необходимость конституціонной формы правленія, народной свободы и возрожденія Германіи. Уцѣлѣвшія со временъ французскаго владычества, свободныя учрежденія дозволяли этимъ людямъ безпрепятственно пропагандировать ихъ идеи. Тамъ фанатическіе приверженцы свободы всего легче могли переходить отъ заботъ о мѣстныхъ нуждахъ къ старанію осуществить высокопатріотическіе идеалы; оттуда всего громче раздавался призывъ къ возрожденію всей нѣмецкой націи, которое тогда представлялось только въ формѣ федеративной республики или по меньшей мѣрѣ союза конституціонныхъ государствъ,—въ формѣ «союза правителей съ ихъ подданными» противъ абсолютныхъ монархій. Эти стремленія, поддерживаемыя демагогами и газетными статьями, выразились всего ярче на большомъ народномъ празднествѣ, которое было устроено въ 26—28 мая, маѣ 1832 года на развалинахъ замка Гамбахъ, подлѣ Нейштадта, по почину докт. Зибенпфейффера съ цѣлію политической демонстраціи. На мѣстѣ празднества собралось отъ тридцати до сорока тысячъ людей; тамъ проносились пламенные рѣчи о свободѣ и отечествѣ, о священной борьбѣ съ деспотическою властію, о братскомъ соединеніи всѣхъ народовъ противъ ихъ угнетателей. Докт. Виртъ, размахивая почетной шпагой, провозгласилъ ура! въ честь соединенныхъ нѣмецкихъ республикъ и троекратное проклятіе нѣмецкимъ правителямъ,—чѣмъ вызвалъ безумный восторгъ среди разгоряченныхъ

слушателей. Такія же революціонныя празднества были устроены во многихъ городахъ юго-западной Германіи. Но когда князь Вреде прибылъ въ Пфальцъ и приказалъ арестовать агитаторовъ Вирта, Зи-бенпфейффера и ихъ сообщниковъ, онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія. На гамбахскомъ празднествѣ былъ составленъ комитетъ изъ самыхъ извѣстныхъ представителей нѣмецкаго либерализма; но агитація уже далеко зашла за предѣлы ранѣе намѣченной цѣли; въ ней не принимали участія самые выдающіеся поборники парламентаризма; она была дѣломъ радикаловъ, все болѣе и болѣе выдвигавшихся на передній планъ; легальную оппозицію стали оттѣснять на задній планъ революціонеры и агенты тайныхъ обществъ. Впрочемъ докт. Виртъ съ похвальной энергіей протестовалъ противъ космополитическихъ стремленій демократіи, усилившихся на гамбахскомъ празднествѣ вслѣдствіе присутствія Французовъ, Поляковъ и другихъ иностранцевъ: онъ объявилъ, что даже свободу не слѣдуетъ покупать уступкой Французамъ лѣваго берега Рейна, что въ случаѣ попытки Французовъ завладѣть хоть одной саженью нѣмецкой земли, должна немедленно прекратиться всякая оппозиція нѣмецкимъ правительствамъ, что введеніе въ Германіи свободныхъ учреждений должно сопровождаться обратнымъ приобрѣтеніемъ Эльзаса и Лотарингіи; эти слова возбудили въ Парижѣ сильное негодованіе на нѣмецкую демократію. Конечно, и въ томъ, что говорили, и въ томъ, что дѣлали эти поборники свободы, было много преувеличеній и безразсудствъ, а несоотвѣтствіе между тѣмъ, что они были въ состояніи сдѣлать, и тѣмъ, чего они желали, доходило почти до смѣшнаго; тѣмъ не менѣе многія изъ ихъ жалобъ были основательны, а въ системѣ управленія, противъ которой они возставали, дѣйствительно было много крупныхъ недостатковъ. Энергичное правительство, заботящееся объ интересахъ и благосостояніи народа, постаралось-бы удовлетворить, посредствомъ своевременныхъ реформъ, то, что было основательнаго въ тѣхъ желаніяхъ и требованіяхъ, а всѣ преувеличенія отбросило бы въ сторону. Но вмѣсто того, чтобъ держаться такого миролюбиваго образа дѣйствій, большинство нѣмецкихъ правительствъ стало придерживаться, подъ руководствомъ Пруссіи и Австріи, системы сопротивленія, не обращая вниманія на то, что зло, на которое они запрещали жаловаться, дѣйствительно существовало, и что недовольство можетъ только усиливаться подъ гнѣтомъ деспотизма. Меттернихъ съ радости писалъ президенту франкфуртскаго сейма: если умѣть искусно воспользоваться гамбахскимъ празднествомъ, то оно можетъ привести къ празднеству хорошихъ людей.

Въ теченіе того же года и въ слѣдующемъ году возникли новыя Попытка воз- причины тревогъ для тѣхъ нѣмецкихъ правительствъ, которыя на- станія во ходили для себя опоры въ трехъ великихъ восточныхъ державахъ и Франкфуртѣ. не боялись французскаго вмѣшательства: образовалась сильная,

искусно дѣйствовавшая оппозиція, которая предъявляла свои требованія частію въ южно-нѣмецкихъ палатахъ, частію въ газетахъ и брошюрахъ; тайныя общества, — какъ напр. основанныя докт. Впртомъ общества, книгопечатанія, — распространяли космополитическія и демагогическія идеи; а своими заговорами и возстаніями нарушали пріятное спокойствіе «полицейскаго государства»; но всего опаснѣе было то, что въ университетахъ снова возникли общества буршей

3 апр. 1833. и обнаружили демагогическія стремленія: они привели къ безразсудной попыткѣ франкфуртскаго возстанія. Убѣдившись въ невозможности добиться кореннаго преобразования государственнаго устройства мирнымъ путемъ соглашенія и умственной борьбы, нѣсколько студентовъ, молодыхъ литераторовъ, польскихъ изгнанниковъ и фанатическихъ поборниковъ свободы попытались произвести переворотъ путемъ насплія и начать съ мѣста засѣданій сейма, города Франкфурта. Ихъ очень ободрило извѣстіе о заговорѣ, составленномъ въ Вюртембергѣ книгопродавцемъ Франкомъ и поручикомъ Козерицомъ. Полагаясь на поддержку со стороны нѣкоторыхъ сообщниковъ изъ городского населенія и увлекаясь подстрекательствами безсовѣстныхъ людей, обѣщавшихъ содѣйствіе окрестныхъ сельскихъ жителей, эти безразсудные революціонеры осмѣлились напасть съ оружіемъ въ рукахъ на городскую стражу, убили нѣсколькихъ солдатъ и стали призывать народъ къ провозглашенію республики. Въ числѣ ихъ находились геттингенскій приватъ-доцентъ Раушенплаттъ, докт. Гертъ и брауншвейгскій студентъ Рохау. Но франкфуртскіе жители не увлеклись воззваніями мятежниковъ, ожиданіе обѣщанныхъ подкрѣпленій не оправдалось, а прибывшія войска одержали верхъ надъ заговорщиками, которые частію спаслись бѣгствомъ, частію были арестованы.

Реакція. Это безразсудное предпріятіе и его печальный исходъ нанесли тяжелый ударъ либерализму и навлекли на его приверженцевъ жестокія преслѣдованія. Была учреждена новая центральная слѣдственная коммиссія на этотъ разъ во Франкфуртѣ; она ни въ чемъ не уступала своей предшественницѣ, засѣдавшей въ Майнцѣ, и въ теченіе почти цѣлаго десятилѣтія разыскивала слѣды тайныхъ политическихъ обществъ и мятежническихъ замысловъ. Арестамъ и судебнымъ преслѣдованіямъ виновныхъ и подозрительныхъ людей не было конца; тюрьмы и крѣпости наполнились «политическими преступниками» (Виртъ, Беръ, Эйзенманнъ, Зейденштикеръ); нѣсколько молодыхъ людей были приговорены къ смертной казни, которая была замѣнена продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ; бывший жертвою этихъ преслѣдованій, Фрицъ Рейтеръ оставилъ намъ описаніе того, что онъ самъ пережилъ во время этихъ гоненій и своего тюремнаго заключенія. Тогда допускались и поощрялись доносы и шпіонство; своеволіе военныхъ властей оставалось безнаказаннымъ; либеральные

политическіе дѣятели увольнялись отъ должностей и подвергались оскорбленіямъ; въ уголовный кодексъ было внесено новое политическое преступленіе—измѣна Германскому Союзу. Гессенская кавалерія напала на толпу крестьянъ, вышедшую въ поле для того, чтобъ охранять порядокъ и неприкосновенность собственности противъ мятежнаго народнаго сѣрища. Въ годовщину гамбахскаго празднества нѣсколько нейштадтскихъ жителей вздумали заявить о своихъ либеральныхъ убѣжденіяхъ посредствомъ небольшой пирушки, нисколько не нарушавшей общественнаго спокойствія; они подверглись нападенію солдатъ, которые наносили раны даже старикамъ, женщинамъ и дѣтямъ. Въ разсадникѣ либерализма, великомъ герцогствѣ Баденскомъ, печать пользовалась нѣкоторое время свободой; но, по настоянію Австріи и сейма, тамъ былъ изданъ 30 іюля 1832 эдиктъ, отмѣнявшій, въ нарушеніе конституціи, прежніе законы о печати и снова вводившій цензуру; тогда издатели журнала для «свободно-мыслящихъ» людей и «политическаго лексикона», профессора Роттекъ и Велькеръ были уволены отъ своихъ должностей; изданіе ихъ журналовъ было прекращено; фрейбургскій университетъ былъ на время закрытъ вслѣдствіе незначительнаго волненія среди студентовъ. Въ Баваріи, медленное отправленіе правосудія вызвало учрежденіе полицейскихъ судовъ; политическихъ арестантовъ заставляли просить помилованія передъ портретомъ короля и было учреждено нѣчто въ родѣ политической инквизиціи; отъ ея преслѣдованій не легко было увернуться, такъ какъ доносчики награждались должностями и орденами. Въ дармштадтскихъ владѣніяхъ, почтенный и патріотическій пасторъ Вейдигъ, арестованный за свои демагогическія убѣжденія, долго содержался въ темницѣ и кончилъ въ ней жизнь частію по причинѣ мучительныхъ лишеній, которымъ подвергалъ его пьяный слѣдственный судья Георги, принадлежавшій къ числу его политическихъ противниковъ, частію потому, что ему было отказано въ медицинской помощи. Подробности этого возмутительнаго факта, возбуждавшаго общее негодованіе, никогда не были вполне выяснены. Арестантъ, какъ кажется, самъ нанесъ себѣ тяжелую рану обломкомъ стекла; но было нѣкоторое основаніе предполагать, что смертельная рана была нанесена ему рукой или безжалостнаго судьи или тюремнаго сторожа, такъ какъ на тѣлѣ умершаго были видны слѣды истязаній. Однако Георги былъ награжденъ публичнымъ признаніемъ его заслугъ и гессенскимъ кавалерскимъ орденомъ. Въ курфюршествѣ Гессенскомъ было возбуждено противъ марбургскаго профессора Иордана судебное преслѣдованіе, которое вызвало во всей Германіи сильное негодованіе. Такія и другія, имъ подобныя мѣры навели страхъ на либераловъ; послѣдствіемъ ихъ было то, что всѣ передовые люди, заподозрѣнные въ «государственной измѣнѣ» и опасавшіеся преданія суду, искали убѣжища за границей, въ Швейцаріи

1833.

Авг. 1832.

1837.

1839 и сл.

или во Франціи,—что толпы изгнанниковъ переносили свое имущество, свое трудолюбіе и свое нѣмецкое сердце за моря, чтобъ заново устроить свою судьбу тамъ, гдѣ царствуетъ свобода. Даже за границей и во время ихъ странствованій, заподозрѣнныхъ людей преслѣдовала ненависть правителей. Швейцарія считалась главнымъ центромъ революціонныхъ происковъ; поэтому студентамъ было запрещено посѣщать университеты цюрихскій и бернскій; ремесленникамъ было запрещено переходить въ мѣстности, считавшіяся заразительными; имъ было запрещено устроить сходки и соединяться въ общества. Люди умѣренныхъ мнѣній и трусливые или покинули знамя либерализма или затаили свои убѣжденія въ глубинѣ своей души. Такимъ образомъ побѣда осталась за правителями. Но способъ, которымъ была одержана эта побѣда, оскорблялъ народное чувство справедливости и былъ явнымъ выраженіемъ неуваженія къ общественному мнѣнію, которое уже сдѣлалось значительной силой вслѣдствіе общаго участія въ политической жизни, вслѣдствіе увеличившейся зрѣлости политическихъ воззрѣній и вслѣдствіе распространяемаго печатью болѣе близкаго знакомства съ ходомъ политическихъ событій. Устраняя и преслѣдуя либераловъ и покровительствуя только людямъ безусловно покорнымъ, нѣмецкіе правители навлекли на себя обвиненіе въ пристрастіи,—въ томъ, что они руководствовались чувствомъ мщенія и злоупотребляли своею властію для своихъ личныхъ цѣлей.

Постановленія Франкфуртскій сеймъ, подчинявшійся волѣ Австріи и Пруссіи, сейма 1832 г. становился все въ болѣе рѣзкую противоположность съ демократическимъ духомъ, обнаруживавшимся главнымъ образомъ въ мѣстныхъ 27 окт. 1831. сеймахъ. Послѣ того какъ была воспрещена присылка протестовъ или адресовъ, были изданы постановленія сейма отъ 28 іюня и 5 іюля 1832 года «для поддержанія законнаго порядка и спокойствія»; это было сдѣлано по почину Пруссіи, которую князь Меттернихъ коварно выдвигалъ впередъ для того, чтобъ она одна была предметомъ общей ненависти. Президентъ сейма указывалъ на «болѣзненное состояніе общественнаго мнѣнія, на потоки революціонныхъ изданій, на безпрепятственно и открыто ведущуюся пропаганду либеральныхъ идей, въ особенности на быстро подготовлявшуюся въ Германіи революцію, на склонность народной толпы къ грубымъ насиліямъ, на дикія выходки свободной печати, слутывающей всѣ понятія, стремящейся поколебать и преобразовать существующіе порядки, осыпающей бранью всё, что есть самаго возвышеннаго и самаго святаго, на демократическія притязанія, скрывающіяся подъ маской легальной оппозиціи»; поэтому сеймъ выразилъ обѣимъ великимъ нѣмецкимъ державамъ свою признательность за ихъ заботливость объ общей пользѣ и поторопился одобрить новые проекты предохранительныхъ мѣропріятій. Въ тѣхъ постановленіяхъ гово-

рилось, что вся государственная власть сосредоточивается въ рукахъ монарха, что отказъ представительныхъ собраній отъ утвержденія налоговъ равнозначущъ съ мятежемъ, что законодательство отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ не должно находиться въ противорѣчїи съ цѣлями Германскаго Союза или съ обязанностями по отношенію къ этому Союзу, что мѣстные законы, поэтому, могутъ быть отмѣняемы сеймомъ, что назначенная сеймомъ коммиссія должна постоянно наблюдать надъ преніями, происходящими въ мѣстныхъ собраніяхъ земскихъ членовъ, что на союзныя нѣмецкія правительства возлагается обязанность не допускать въ тѣхъ мѣстныхъ собраніяхъ никакихъ нападокъ на Германскій Союзъ, что право объяснять издаваемые сеймомъ законы принадлежитъ исключительно сейму. Постановленія, утвержденныя 5 іюля, касались прессы, устройства обществъ и народныхъ сходокъ, университетовъ и полицейскаго надзора за иностранцами. Было постановлено, что иностранныя газеты и сочиненія, въ которыхъ менѣе двадцати печатныхъ листовъ, могутъ поступать въ продажу; не иначе, какъ съ разрѣшенія нѣмецкихъ правительствъ, что политическія общества, равно какъ употребленіе всякихъ значковъ и знаменъ воспрещаются, что народныя сходки и празднества могутъ устраиваться только съ разрѣшенія высшей правительственной власти, что иностранцы, въ особенности Поляки, подвергаются строгому полицейскому надзору, что надъ университетами учреждается прежній строгій надзоръ, что всѣ союзныя правительства должны оказывать одно другому скорую военную помощь и должны выдавать политическихъ преступниковъ. Въ томъ-же засѣданіи 5 іюля 1832, въ которомъ были постановлены эти спасительныя рѣшенія, были отмѣнены сеймомъ баденскіе законы о печати. Нѣмецкія правительства не протестовали противъ такихъ явныхъ нарушеній ихъ самостоятельности, противъ такого объявленія войны свободнымъ конституціоннымъ учрежденіямъ, или потому, что боялись революціи, или потому, что боялись ослабить «чистый монархическій принципъ».

Угловымъ камнемъ воздвигнутаго реакціей зданія были тайныя Конференціи конференціи министровъ, происходившія въ Вѣнѣ черезъ два года министровъ въ послѣ изданія выше изложенныхъ постановленій сейма: тамъ пріискивались средства соорудить спасительный оплотъ противъ той революціонной партіи, которая развивала свою дѣятельность преимущественно въ собраніяхъ земскихъ чиновъ и могла въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ государствахъ скоро уничтожить даже всякій призракъ монархической власти. Заключительный протоколъ вѣнскихъ 12 іюня 1834. совѣщаній скоро сдѣлался извѣстнымъ; не смотря на стараніе сохранять его въ тайнѣ: хотя онъ и былъ составленъ съ нарушеніемъ всѣхъ установленныхъ законами формъ дѣлопроизводства, ему придали обязательную силу правильно составленныхъ постановленій

союзного сейма. Самъ сеймъ никогда не протестовалъ ни противъ изданныхъ безъ его утвержденія постановленій вѣнской конференціи ни противъ того, что ихъ исполненіе считалось обязательнымъ наравнѣ съ постановленіями самого сейма. Вотъ самые важные параграфы этихъ постановленій.

Правительства ни въ какомъ случаѣ не будутъ допускать расширенія сферы вѣдомства земскихъ чиновъ, такъ какъ оно несовмѣстимо съ правами верховной власти. Притязанія земскихъ чиновъ не должны стѣснять дѣятельность правительствъ въ какой-бы формѣ они ни были предъявлены. Правительства не дозволяютъ земскимъ чинамъ обсуждать содержаніе постановленій сейма и принимать по этому предмету какія либо рѣшенія. Правительства будутъ распускать тѣ собранія земскихъ чиновъ, которыя откажутъ сейму въ средствахъ, необходимыхъ для исполненія его обязанностей, или откажутся утвердить налоги. Право земскихъ чиновъ отказывать въ утвержденіи налоговъ сдѣлалось почти неосуществимымъ на практикѣ, и у нихъ было отнято право обусловливать утвержденіе налоговъ какими либо требованіями. Устанавливалось правило, что должностныя лица могутъ поступать въ составъ собранія земскихъ чиновъ не иначе какъ съ дозволенія правителя государства. Правительства не должны допускать, чтобъ лица военнаго званія гдѣ либо и когда-либо приносили присягу конституціи. Если какое нибудь собраніе земскихъ чиновъ одобритъ нападки своихъ членовъ на сеймъ или на которое либо изъ союзныхъ правительствъ, или если оно не будетъ протестовать противъ такихъ нападокъ, то правительства должны на время закрывать засѣданія или распускать палаты. Въ виду вреда, причиняемаго огромнымъ числомъ политическихъ газетъ, правительства постараются уменьшать ихъ число. Дозволять изданіе новыхъ политическихъ газетъ можно только послѣ того, какъ правительство убѣдилось въ благонадежности редакторовъ, и непременно съ оговоркой, что это дозволеніе всегда можетъ быть взято назадъ. Данное въ которомъ либо изъ союзныхъ государствъ, разрѣшеніе печатать не освобождаетъ напечатанную книгу отъ надзора, учрежденнаго надъ произведеніями печати въ другихъ государствахъ. Протоколы засѣданій земскихъ собраній, происходившихъ какъ внутри страны, такъ и въ другихъ государствахъ, могутъ печататься не иначе, какъ съ разрѣшенія цензуры. Приватъ-доценты могутъ читать публичныя лекціи не иначе, какъ съ разрѣшенія высшей университетской власти, а такое разрѣшеніе всегда можетъ быть взято назадъ. Это постановленіе находилось въ связи съ цѣлымъ рядомъ другихъ правилъ касательно соблюденія порядка въ университетахъ и въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Все внутреннее устройство университетовъ и система преподаванія подчинялись надзору правительственныхъ комиссаровъ; за организацію опасныхъ для государства студенческихъ обществъ были назначены очень строгія наказанія, а профессора сдѣлались вѣрными исполнителями воли правителей, потому что могли быть уволены во всякое время. Чтобъ уничтожить самостоятельность суда, были изданы неясныя постановленія, которыя можно было истолковывать по произволу правителей; такъ напр.: распоряженія правительства, изданныя въ законной формѣ, имѣютъ обязательную силу для подданныхъ, а несогласныя съ ними судебныя постановленія могутъ быть отмѣняемы всякимъ, ненарушающимъ законовъ, способомъ; правительства имѣютъ право устранять препятствія къ исполненію ихъ распоряженій, встрѣчающіяся въ ранѣе изданныхъ предписаніяхъ. Чтобъ улаживать пререканія между правительственными властями и зем-

скими чинами, былъ учрежденъ сеймомъ третейскій судъ, который состоялъ только изъ уполномоченныхъ отъ правительства, поэтому не соотвѣтствовалъ своему названію и не достигалъ своей цѣли.

Этими постановленіями Меттерниховская система нанесла смер- тельный ударъ ненавистнымъ ей конституціоннымъ учрежденіямъ, а союзныя нѣмецкія правительства достигли апогея въ искусствѣ подчинять умы внѣшнему гнѣту. Сеймъ, по видимому, налагалъ на союзныя правительства обязанность препятствовать развитію и практическому примѣненію основныхъ законовъ, соблюденіе которыхъ было обезпечено присягой, и вмѣстѣ съ тѣмъ подготавливать отмѣну этихъ законовъ. Исполненіе тѣхъ постановленій должно было превратить представительную форму правленія въ пустой призракъ, — сдѣлать ее ни къ чему не годной по причинѣ ея собственнаго безсилія. Съ помощью наспія, коварства и нарушеній законныхъ правъ надѣялись подавить стремленія къ политической свободѣ, въ которыхъ усматривали только стремленіе къ революціоннымъ переворотамъ и къ анархіи, но, не давая имъ никакого способа выясниться и опредѣлиться, раздражали ихъ и наводили на опасный ложный путь. Эта политика, руководствовавшаяся желаніемъ подавить мнимую революціонную партію, привела къ тому, что почти всѣ Нѣмцы сдѣлались революціонерами. Проявивши свое могущество исполненіемъ вышеизложенныхъ постановленій, сеймъ сталъ все болѣе обнаруживать свое ничтожество. Нѣмецкій народъ отучился возлагать какія либо надежды на это національное учрежденіе, которое само низвело себя на степень полицейской власти, а отъ разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, касавшихся общихъ интересовъ Германіи, уклонялось подъ предлогомъ своей некомпетентности. Единственной полезной мѣрой, исходившей отъ сейма, было запрещеніе перепечатывать чужія литературныя произведенія. Въ сороковыхъ годахъ нѣмецкая нація вспоминала о существованіи этого высшаго національнаго собранія только въ тѣхъ случаяхъ, когда какія нибудь внутреннія смуты заставляли ее обращать свои взоры на то, что дѣлалось во Франкфуртѣ во дворцѣ засѣданій сейма. Въ то время уже стоялъ выше всякихъ сомнѣній тотъ фактъ, что сеймъ и не былъ способенъ и не имѣлъ никакого желанія заботиться о народномъ благосостояніи или объ удовлетвореніи какихъ либо экономическихъ или идеальныхъ интересовъ нѣмецкой націи.

Значеніе вышеизложенныхъ постановленій.

Апр. 1835.

Большія нѣмецкія державы все еще подчинялись русскому вліянію. На конгрессѣ въ Мюнхенгретцѣ (въ Богеміи), гдѣ съѣхались императоры русскій и австрійскій и наслѣдный принцъ прусскій, былъ скрѣпленъ союзъ восточныхъ державъ во всѣхъ важныхъ вопросахъ европейской политики и было рѣшено не отступать отъ системы реакціи въ дѣлахъ внутренняго управленія. Въ лагерь подъ Калишемъ, гдѣ, по приглашенію императора Николая, Австрія и Пруссія праздновали вмѣстѣ съ Россіей побѣду надъ польскою націей, достигло

Вліяніе Россіи. Сент. 1833.

Лѣто 1835.

своего апогея вліяніе Россіи на великія нѣмецкія державы. Туда прибыли для участія въ празднествѣ король прусскій и эрцгерцогъ Іоаннъ. Въ берлинскихъ придворныхъ и военныхъ сферахъ все болѣе и болѣе укоренялось убѣжденіе, что для Пруссіи нѣтъ никакой будущности внѣ союза съ Россіей; могущественный русскій царь считался какъ-бы протекторомъ Пруссіи и консервативныхъ интересовъ; братская связь между двумя арміями и двумя государствами считалась непоколебимой основой политики; прусская армія сдѣлалась чѣмъ-то въ родѣ авангарда русской арміи; дружеское расположеніе къ Россіи сдѣлалось въ Пруссіи доказательствомъ истинно консервативныхъ убѣжденій и преданности королю. Эти связи, не прекращавшіяся въ теченіе сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, не мало содѣйствовали усиленію несочувствія Нѣмцевъ къ Пруссіи. О томъ, какъ было въ то время сильно вліяніе Россіи въ Берлинѣ, и какъ эта держава старалась подчинить своему вліянію даже второстепенныя нѣмецкія государства, могутъ дать ясное понятіе мемуары прусскаго придворнаго чтеца и военнаго писателя Л. Шнейдера, русское сочиненіе «Европейскій пентархатъ» и брошюра «О настоящемъ и будущемъ Германіи».

Конституціонныя учрежденія подъ вліяніемъ постановленій вѣнской конференціи.

Постановленія вѣнской конференціи исказили конституціонныя учрежденія въ нѣмецкихъ государствахъ и уничтожили ихъ внутреннее достоинство. Министры стали относиться съ пренебреженіемъ къ одобренію или неодобренію палатскаго большинства; если какойнибудь непріятный для нихъ проектъ встрѣчалъ одобреніе со стороны большинства, то палату распускали и наполняли ее болѣе податливыми членами посредствомъ вліянія на избирателей и подкупа. Въ Баваріи, и адвокаты и доктора и члены магистратовъ были признаны состоящими на государственной службѣ и потому могли исполнять обязанности народныхъ представителей не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства. Въ курфюршествѣ Гессенскомъ земскіе чины были лишены права выбирать своихъ представителей изъ народной массы; у нихъ оспаривали право требовать отчета въ государственныхъ расходахъ и всячески ограничивали ихъ право утверждать налоги. Далѣе мы увидимъ, какимъ способомъ были отмѣнены въ Ганноверѣ основные государственные законы, въ соблюденіи которыхъ была принесена присяга. Повсюду обнаруживались одинакіе приемы реакціи подъ вліяніемъ Меттерниховской системы и политики сейма; подробности этихъ печальныхъ явленій будутъ нами изложены далѣе. О личныхъ правахъ нигдѣ не было рѣчи: чтобъ посадить человѣка подъ арестъ, достаточно было какогонибудь доноса или подозрѣнія; если судъ не постановлялъ обвинительнаго приговора, то обвиняемаго держали подъ арестомъ нѣсколько лѣтъ подъ предлогомъ производства слѣдствія, или отдавали его подъ надзоръ полиціи; услужливые судьи постановляли, вмѣсто оправдательнаго приговора, прекращеніе судопроизводства по недостаточности уликъ и этимъ лишали обви-

няемаго его гражданской полноправности. Этимъ способомъ удаляли изъ палаты непріятныхъ людей и въ Баваріи и въ курфюршествѣ Гессенскомъ и въ Ганноверѣ. Тяжелъ былъ гнѣтъ, лежавшій на печати. Никакое сочиненіе менѣе, чѣмъ въ двадцать печатныхъ листовъ, не могло выходить въ свѣтъ безъ особаго разрѣшенія (Imprimatur); никакую газету нельзя было разсылать безъ предварительнаго ея просмотра назначеннымъ для этой цѣли должностнымъ лицомъ (цензоромъ); иностранныя газеты также подвергались цензурѣ; въ нѣкоторыхъ изъ нѣмецкихъ государствъ было запрещено обсуждать внутреннее положеніе дѣлъ; оппозиціонныя газеты подвергались такимъ стѣсненіямъ и судебнымъ преслѣдованіямъ, что ихъ изданіе прекратилось; ихъ частію запрещали пересылать по почтѣ, частію уничтожали полицейскими мѣрами. Одно изъ установленныхъ сеймомъ основныхъ правилъ не ограждало отъ наказаній даже издателей тѣхъ книгъ, которыя прошли черезъ цензуру. А такъ какъ всѣ запрещенія, угрозы и полицейскія мѣры не были въ состояніи искоренить существованіе той прессы, которая считалась «негодной», то сеймъ прибѣгнулъ къ самому возмутительному средству: на изданія тѣхъ книжныхъ магазиновъ, которые были на дурномъ счету, и на тѣ литературныя произведенія, отъ которыхъ правительства не ожидали ничего хорошаго, накладывалось запрещеніе до ихъ выхода въ свѣтъ; такъ напр., на всѣ изданія общества «Молодой Германіи» было наложено запрещеніе, — какъ на тѣ, которыя уже вышли въ свѣтъ, такъ и на тѣ, которыя могли появиться впослѣдствіи.

То была несправедливая и недальнозоркая политика, которая го-
сподствовала въ то время во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ; она доставляла правительствамъ временный успѣхъ и удовлетво-
реніе ихъ желаній, но она заглушала въ народныхъ сердцахъ чувства преданности и довѣрія къ правителямъ, извращала понятія
о справедливости и подкапывалась подъ основы государственнаго зданія. Опираясь на исходившее изъ Берлина, ученіе объ «историческомъ правѣ», нѣмецкіе правители поддерживали существованіе
всякихъ устарѣлыхъ правъ и привилегій, оберегая этимъ способомъ интересы высшихъ сословій въ ущербъ интересамъ низшихъ классовъ, съ трудомъ выносившихъ бремя налоговъ; съ другой стороны, они попирали ногами письменные, скрѣпленные присягой, договоры, нарушали народныя права при помощи натянутого истолкованія дѣйствующихъ законовъ и подтверждали на дѣлѣ основательность стариннаго изрѣченія, что сила выше права. Поэтому въ народѣ стало укореняться убѣжденіе, что та справедливость, которую ему выдавали за вѣчную и святую, принаравливается къ интересамъ людей знатныхъ и сильныхъ и выгодна только для нихъ, что преданность общей пользѣ, на которую правительства постоянно ссылались, требовалась только отъ людей бѣдныхъ и слабыхъ. Эта политика создала глубокую

Политическія
послѣдствія
реакціонерной
системы управ-
ленія.

пропасть между народомъ и правительствомъ, между подданными и монархами, между націей и «полицейскимъ государствомъ»; она привела къ тому, что народъ сталъ относиться съ недовѣріемъ ко всѣмъ исходящимъ отъ правительства распоряженіямъ и проектамъ. Полицейскими мѣрами не трудно было обуздать прессу, но этотъ гнетъ оказался болѣе вреднымъ для правительства, чѣмъ прежняя свобода печати; то, что одобрялось прошедшими черезъ цензуру газетами, не внушало никакого довѣрія, а то, что порицалось ими, считалось достойнымъ еще болѣе строгаго порицанія. Послѣдствіемъ произвола, съ которымъ дѣйствовала цензура, было то, что люди здравомыслящіе и имѣвшіе право голоса устранились отъ участія въ политическихъ газетахъ и журналахъ и нерѣдко уступали свое мѣсто такимъ людямъ, которые или не умѣли или не хотѣли соблюдать надлежащую мѣру. Обыкновеніе регулировать всякую общественную дѣятельность офиціальными предписаніями и подвергать ее полицейскому надзору вызывало сильное раздраженіе противъ господства канцелярій, бюрократіи и «чиновничьяго деспотизма». Нація раздѣлилась на двѣ сильныя партіи — на правителей съ ихъ «наемными служителями», поддерживаемыхъ войсками и полиціей, и на большинство населенія, состоявшее изъ людей всякихъ сословій. Такимъ образомъ дѣло дошло до того, что всякіе нападки на существующую систему управленія, всякое сопротивленіе правительству, царедворцамъ, должностнымъ лицамъ вызывали радостное одобреніе, а написанныя въ этомъ духѣ сочиненія, стихотворенія, газетныя статьи находили многочисленныхъ читателей. Можно-ли же удивляться тому, что именно въ этой сферѣ дѣятельности стали подвизаться недовольные Нѣмцы, вообще очень охотно берущіеся за перо? Прежде были придворные поэты, занимавшіеся описаніями придворныхъ радостныхъ событій и празднествъ: теперь появились поэты, описывавшіе въ трогательныхъ стихахъ нищихъ и бѣдственное положеніе пролетаріевъ. Только оппозиціонныя газеты могли рассчитывать на значительное число подписчиковъ; консервативныя газеты пріобрѣли репутацію продажныхъ органовъ печати, а изданіе нѣкоторыхъ изъ нихъ скоро прекратилось. Даже въ научныхъ сочиненіяхъ и въ произведеніяхъ изящной литературы, — въ этой единственной сферѣ, гдѣ нѣмецкому уму была предоставлена нѣкоторая свобода, — оппозиція постоянно расширяла свое вліяніе въ ущербъ существующимъ порядкамъ и придавала произведеніямъ ума и фантазіи характеръ протеста, встрѣчавшій сочувствіе со стороны общественнаго мнѣнія. Среднее сословіе по своей натурѣ консервативно, но, изъ несочувствія къ правительственному «позитивизму» въ сферахъ церковной и политической, оно относилось съ нѣкоторымъ злорадствомъ ко всякимъ разрушительнымъ тенденціямъ, даже къ такимъ, которыя подкапывались подъ его самые священные и самые дорогіе интересы.

2. Національныя стремленія. Таможенный Союзъ. Шлезвигъ-гольштинскій вопросъ.

Господствовавшая система управленія привела къ тому, что нѣ- Національныя
мецкая нація упала духомъ и утратила всякую надежду на лучшую стремленія и
будущность. Стремленія къ національному и политическому объединенію Таможенный
еще не заглохли въ умахъ и въ сердцахъ лучшихъ людей, но только Союзъ.
мечтатели еще могли вѣрить въ возможность когда нибудь удовлет-
ворить эти стремленія. Рѣзкая противоположность между тѣмъ, чего
желали патріоты, и тѣмъ, что существовало на дѣлѣ, до такой сте-
пени подавляла душевную бодрость и отуманивала умъ, что даже
возникавшіе зародыши лучшей будущности оставались незамѣченными
или не внушали довѣрія. Это обнаружилось при учрежденіи прусскимъ
правительствомъ Таможенного Союза: оно встрѣтило оппозицію не
только со стороны партикуляристовъ, но даже со стороны недально-
зоркихъ либераловъ и патріотовъ. Въ ту печальную эпоху новѣй-
шей исторіи Германіи, фундаментъ германскаго единства былъ зало-
женъ на экономической почвѣ, такъ что учрежденіе Таможенного
Союза сдѣлалось первымъ шагомъ къ упраздненію германскаго союза.
Въ наше время уже не легко себѣ представить, какъ были когда-то
тяжелы стѣсненія, наложенныя на торговлю почти всѣми недально-
зоркими нѣмецкими правителями, какъ было безразсудно учрежденіе
таможенныхъ заставъ, отстоявшихъ одна отъ другой на нѣсколько
часовъ пути, какъ было выгодно занятіе контрабандой, нерѣдко на-
ходившее для себя поощреніе въ правительственныхъ сферахъ, и
какой матеріальный и нравственный вредъ все это причиняло нѣ-
мецкой націи. То было великой заслугой прусскаго правительства,
что оно поняло свое національное призваніе и осуществило великую
разумную идею не смотря на затрудненія, которыя встрѣчало въ
узкихъ мѣстныхъ интересахъ, въ умственной ограниченности и во
взаимномъ недовѣріи нѣмецкихъ правителей. Оно неутомимо клало
камень на камень для сооруженія зданія нѣмецкаго торговаго единства,
не обращая никакого вниманія ни на противодѣйствіе со стороны
Австріи, ни на происки иностранныхъ правительствъ, ни на сопро-
тивленіе партикуляристовъ, ни на оппозицію недальнозоркихъ нѣ-
мецкихъ либераловъ, опасавшихся прусскаго абсолютизма и осуж-
давшихъ прусскіе замыслы заодно съ Меттернихомъ. Такимъ обра-
зомъ, на дѣлѣ оказалось, что національно-политическое значеніе
Таможенного Союза встрѣтило со стороны патріотовъ еще менѣе
правильную оцѣнку, чѣмъ со стороны противниковъ.

Прускіе государственные дѣятели—министръ финансовъ Клевицъ и за- Учредители
мѣнившій его съ 1825 года, Моцъ, директоръ департамента неокладныхъ Таможенного
сборовъ Карлъ Георгъ Маассень, тайный совѣтникъ Эйхгорнъ, бывшій Союза.

впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія, статистикъ Гоффманъ— вводили, на основаніи прусскаго таможеннаго устава 1818 года (XIV, 731), болѣе широкую систему таможеннаго объединенія, преодолевая громадныя затрудненія съ неустойчивымъ упорствомъ, съ необыкновеннымъ искусствомъ, съ самою осмотрительною заботливостью о матеріальномъ благосостояніи народа и съ полнымъ сознаніемъ національной важности задуманнаго предпріятія; они перенесли всѣ таможи на границы имперіи, ввели простой, краткій тарифъ, умѣренные охранительныя пошлины и высокія пошлины на колоніальныя товары, а торговлѣ почти всѣми сырыми продуктами предоставили свободу. Только транзитную торговлю они обложили чрезмѣрно высокими пошлинами: это было единственное средство увеличить таможенные доходы и преодолѣть сопротивленіе второстепенныхъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Въ виду разбросанности прусскихъ провинцій и отсутствія внутренней между ними связи, распространеніе этой таможенной системы на сосѣднія страны было необходимою для прусскаго государства; но расширеніе сферы торговыхъ сношеній было еще болѣе выгодно мелкимъ нѣмецкимъ государствамъ, которыя, при своей прежней замкнутости, были до крайности стѣснены въ своей торговой дѣятельности. Во многихъ случаяхъ Пруссія доказывала, что готова приносить и матеріальныя жертвы ради осуществленія великой національной идеи. Но узкость кругозора нѣмецкихъ правителей, ихъ тщеславіе и опасеніе подпасть подъ власть Пруссіи представляли для таможеннаго объединенія громадныя затрудненія, которыя можно было преодолѣть только мало по малу благодаря настойчивости прусскихъ государственныхъ людей и невыносимому положенію торговли въ большей части нѣмецкихъ провинцій. Эйхгорну и Моцу слѣдуетъ отдать справедливость въ томъ, что главнымъ образомъ ихъ усиліями было доведено великое предпріятіе до конца: вѣдь имъ приходилось бороться съ ретроgrадами, занимавшими въ Пруссіи высшія должности,—съ такими приверженцами австрійской политики застоя, какъ Виттгенштейнъ и Шукманъ. Можно только съ нѣкоторыми оговорками соглашаться съ тѣми, которые приписываютъ успѣхъ предпріятія политико-эконому Листу или баденскому государственному дѣятелю Небеніусу. Листъ былъ неустойчивый сочинитель фантастическихъ проектовъ, самъ себя лишившій жизни (1846 г.) въ припадкѣ меланхоліи; онъ излагалъ въ своей газетѣ такія туманныя идеи о таможенномъ уставѣ для всего Германскаго Союза, которыя были неосуществимы на дѣлѣ, а о практичности прусскаго проекта не имѣлъ яснаго понятія; Небеніусъ написалъ въ 1819 году нелшшонное достоинствъ сочиненіе о нѣмецкой торговой политикѣ и этимъ приобрѣлъ репутацію человека, содѣйствовавшаго учрежденію Таможеннаго Союза; но и онъ не признавалъ практичности прусскаго проекта, ожидалъ благотворныхъ нововведеній отъ сейма и сталъ склонять южно-германскія государства къ вступленію въ Таможенный Союзъ только тогда, когда плоды прусской политики уже находились на лицѣ. Поэтому и его заслугъ не слѣдуетъ преувеличивать.

Первые тамо- Тяжелое положеніе тогдашней нѣмецкой торговли вызвало различныя
женные союзы. попытки улучшеній, но не черезъ посредство сейма, а путемъ соглашеній между отдѣльными государствами; къ намѣченной цѣли стали подвигаться медленными и нерѣшительными шагами. Главнымъ препятствіемъ для общаго соглашенія были взаимное недовѣріе и стараніе охранять верховныя права нѣмецкихъ правителей. Сначала готовность къ соглашенію обнаруживалась только мѣстами,—тамъ, гдѣ прежніе порядки были до крайности невыносимы: такъ напр. Шварцбургъ-Зондерсгаузенъ присоединился къ прусской таможенной системѣ еще въ 1819 году. Напротивъ того, продолжавшаяся въ сеймѣ нѣсколько лѣтъ таможенная распря между Пруссіей и

Ангальтъ-Кётеномъ, свидѣтельствовала объ упорной неподатливости мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Въ двадцатыхъ годахъ непрерывно дѣлались попытки объединить торговую политику Германіи или, по меньшей мѣрѣ, расширить ея территорію. Торговый конгрессъ въ Дармштадтѣ старался 1820—1823. организовать таможенный союзъ между южными и центральными нѣмецкими государствами, но переговоры не имѣли успѣха въ особенности потому, что Гессенъ-Дармштадтъ и Баденъ надѣялись лучше оградить свои интересы, примкнувши къ сѣверо-германской великой державѣ.

Прусская торговая политика, обнаружившая въ двадцатыхъ годахъ свое стараніе облегчить торговые сношенія посредствомъ заключенія съ иностранными государствами цѣлаго ряда договоровъ о мореплаваніи и торговлѣ, вовсе не встрѣчала сочувствія въ сосѣднихъ государствахъ; ей оказывали самое упорное сопротивленіе въ курфюршествѣ Гессенскомъ, въ Ганноверѣ и въ Саксоніи не столько по экономическимъ соображеніямъ, сколько по политическимъ мотивамъ. Борьба Пруссіи съ ненавистью и съ недоувѣріемъ второстепенныхъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ почти вовсе не прекращалась въ теченіе двадцатыхъ годовъ; послѣдствіемъ ея было включеніе нѣсколькихъ небольшихъ провинцій въ сферу Таможеннаго Союза; это былъ крайне неудовлетворительный результатъ, съ которымъ можно было примириться только потому, что не много болѣе успѣшны были и стремленія южныхъ и центральныхъ нѣмецкихъ государствъ къ заключенію отдѣльнаго таможеннаго союза. Только въ концѣ двадцатыхъ годовъ состоялось раздѣленіе этихъ государствъ на группы. Баварія и Вюртембергъ заключили между собою два торговыхъ договора и ввели у себя общій таможенный уставъ. Вскорѣ послѣ того былъ заключенъ прусско-дармштадтскій таможенный договоръ, который включилъ великое герцогство Дармштадтское въ сферу прусской таможенной системы и послужилъ основой для заключенія Таможеннаго Союза. Не смотря на то, что этотъ договоръ дѣлалъ экономическое положеніе курфюршества Гессенскаго рѣшительно невыносимымъ, гессенское правительство было такъ неблагоприятно, что долго не хотѣло подчиняться требованіямъ необходимости. По совѣту Австріи и по почину Саксоніи, воспользовавшейся этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ удовлетворить свою старую непріязнь къ Пруссіи, былъ заключенъ торговый союзъ между центральными нѣмецкими государствами; это былъ плодъ „самаго коварнаго и самаго естественнаго заговора противъ общаго отечества“. Въ договорѣ приняли участіе Саксонія, Ганноверъ, Гессенъ, Ольденбургъ, Нассау, Брауншвейгъ, большая часть тюрингскихъ княжествъ, Бременъ и Франкфуртъ; для нихъ служила связью не общность интересовъ, а недоувѣріе и зависть къ Пруссіи; они не ввели у себя ни общей таможенной системы, ни значительнаго облегченія торговыхъ сношеній, такъ какъ имѣли въ виду только созданіе препятствій для расширенія прусскаго таможеннаго союза. Поэтому безсодержательность и практическая негодность этого договора скоро обнаружились самымъ нагляднымъ образомъ.

Чтобъ разрушить этотъ союзъ, прусское правительство избрало вѣрное средство, — оно протянуло руку южнымъ государствамъ. Имъ пришлось дѣлать выборъ между саксонско-ганноверскимъ союзомъ и прусско-дармштадтскимъ; они отдали предпочтеніе второму частію вслѣдствіе недоувѣрія къ Австріи, державшей сторону перваго изъ этихъ союзовъ, а еще болѣе благодаря вѣрному пониманію своихъ экономическихъ интересовъ. Прусская торговая политика уже ранѣе находила въ южной Германіи болѣе сильное сочувствіе и болѣе правильную оцѣнку, чѣмъ у своихъ завистливыхъ и недоувѣрчивыхъ сѣверо-германскихъ сосѣдей. Въ ус-

Раздѣленіе нѣ-
мецкихъ госу-
дарствъ на
группы.

12 апр. 1827.
18 янв. 1828.
14 февр.

24 сент. 1828.

Расширеніе
Таможеннаго
Союза за
Майнъ.

- ройствѣ соглашенія оказали большія услуги баварскій министръ графъ Арманшпергъ и книгопродавецъ Котта. Такимъ образомъ дѣло дошло до заключенія предварительнаго договора между группами прусско-дармштадтской и баварско-вюртембергской и до расширенія союза за Майнъ. Обѣ группы обѣщали одна другой освобожденіе отъ платежа пошлинъ для всѣхъ внутреннихъ произведеній, за исключеніемъ нѣсколькихъ фабричныхъ издѣлій, и по мѣрѣ возможности уничтоженіе разногласій между двумя таможенными системами, такъ какъ ихъ полное объединеніе еще считалось въ то время невозможнымъ. Договоры между Мейнингеномъ и Готой возстановили прямое сообщеніе между союзными государствами и открыли для торговли новый свободный путь между сѣверомъ и югомъ, между Гамбургомъ и Нюрнбергомъ. Этотъ обходный путь нанесъ смертельный ударъ средне-нѣмецкому торговому союзу, и безъ того уже неспособному къ самостоятельному существованію. Въ нѣдрахъ этого союза образовался, вслѣдствіе заключенія Эйнбекскаго договора, новый отдѣльный союзъ, который впослѣдствіи послужилъ основой для нижне-саксонскаго таможеннаго союза; въ составъ его вошли: всецѣло преданный интересамъ англійской торговли, Ганноверъ, Гессенъ, Ольденбургъ и Брауншвейгъ. Послѣ смерти прусскаго министра финансовъ Моца, его преемникъ Маассенъ преслѣдовалъ одинакую съ нимъ цѣль. Однимъ изъ послѣдствій іюльской революціи былъ упадокъ старой системы управленія и бюрократическаго абсолютизма въ бѣльшей части сѣверо-германскихъ государствъ; это содѣйствовало торговому объединенію Германіи. Противъ Голландіи, сначала закрывшей доступъ къ устьямъ Лекка и Вааля въ нарушение договоровъ, были приняты мѣры возмездія и она наконецъ согласилась заключить конвенцію о плаваніи по Рейну, загладить прежнія нарушенія постановленій вѣнскаго конгресса (XIV, 718 и сл.) и открыть Рейнъ для свободного судоходства вплоть до моря.
- Уничтоженіе Населеніе средне-нѣмецкихъ государствъ все бѣльше проникалось сознаниемъ своего невыносимаго экономическаго положенія. Въ требованіяхъ средне-германскаго торговаго союза. недовольныхъ играло важную роль уничтоженіе таможенныхъ заставъ. Средне-германскій торговый союзъ сталъ мало по малу разрушаться. Курфюршество Гессенское отказалось, подъ гнѣтомъ экономическихъ стѣсненій, отъ союза и присоединилось къ прусско-дармштадтской таможенной системѣ: тогда Пруссія возстановила непосредственную связь между своими восточными и западными провинціями, а на гессенское правительство было предъявлено сейму обвиненіе въ нарушеніи договора. Тогда начались продолжительные переговоры, не прекращавшіеся до той минуты, когда союзы прусско-гессенскій и вюртемберго-баварскій наконецъ условились ввести у себя вполне однообразную таможенную и торговую систему. Черезъ нѣсколько дней послѣ того продолжительные переговоры съ Саксоніей наконецъ достигли своей цѣли: эта промышленная страна присоединилась къ прусскому союзу; по прошествіи нѣсколькихъ недѣль и тюрингскія государства послѣдовали ея примѣру.
- Предварительное заключеніе Таможеннаго Союза. Трейчке говоритъ: „Наконецъ настала та богатая своими послѣдствіями ночь на новыи 1834 годъ, которая была и для народныхъ массъ предвѣстницей лучшаго времени. На всѣхъ проселочныхъ дорогахъ средней Германіи стояли длинными рядами передъ таможенными заставами высоконагруженные фуры, вокругъ которыхъ весело шумѣли толпы народа. Лишь только пробилъ послѣдній часъ истекшаго года, шлагбаумы были подняты, лошади двинулись впередъ и по освобожденной странѣ стали раздаваться радостные возгласы и хлопанье бичей“. Вскорѣ послѣ того умеръ министръ финансовъ Маассенъ, бывшій однимъ изъ главныхъ дѣятелей по организаціи Таможеннаго Союза. Его замѣнилъ не вполне раздѣлявшій
- 27 мая 1829.
- 27 марта 1830.
- † 1830.
- 31 марта 1831.
- 25 авг. 1831.
- 22 марта 1833.
- 30 марта 1833.
- 11 мая.
- 2 ноября 1834.

его убѣжденія графъ Альвенслебенъ. Таможенный Союзъ еще расширился 12 мая 1835. вследствие того, что удалось преодолѣть очень большія затрудненія, мѣшавшія включенію въ его составъ Бадена. За тѣмъ, къ нему примкнули 10 дек. Нассау и Франкфуртъ; сначала они держали сторону Австріи и только 2 янв. 1836. для того, чтобъ не подчиняться прусской таможенной системѣ, заключили въ высшей степени унижительные договоры—Нассау съ Франціей, Франкфуртъ съ Англіей; но непреодолимая сила необходимости заставила ихъ измѣнить такую политику. Такимъ образомъ, большая часть Германіи стала придерживаться одной таможенной и торговой системы: на границахъ отдѣльныхъ государствъ прекратилось взиманіе пошлинъ съ предметовъ ввоза, вывоза и транзитной торговли; былъ введенъ общій таможенный уставъ и было предположено ввести одинакую монетную систему, одинакіе мѣры и вѣсы. По меньшей мѣрѣ въ этой области была безповоротно признана гегемонія Пруссіи и даже самые ярые ненавистники прусскаго правительства были вынуждены сознаться, что оно придерживалось общепользующей политики. Благотворныя послѣдствія союза скоро обнаружались въ повсемѣстномъ оживленіи промышленности и торговли. Хотя союзъ былъ заключенъ только на нѣсколько лѣтъ, о его упраздненіи не могло быть и рѣчи. Правда, и послѣ того не прекратились непріязненные столкновенія между членами Таможенного Союза, — какъ напр. между Дармштадтомъ и Нассау: когда висбаденское правительство приступило къ улучшеніямъ бирхеймской гавани, гессенъ-дармштадтское правительство попыталось этому воспротивиться въ интересахъ майнцской торговли, и чтобъ довести нассаускій берегъ до обмелѣнія приказало опускать на дно Рейна суда, нагруженные камнями. Пришлось обращаться за помощью къ сейму, чтобъ заставить гессенъ-дармштадтское правительство вынуть опущенныя на дно рѣки камни. Въ сторонѣ отъ союза держались только Австрія, сѣверо-германскія приморскія государства, Ганноверъ, Ганзейскіе города, Ольденбургъ, Мекленбургъ и Брауншвейгъ. Въ особенности Ганноверъ упорно старался придерживаться самостоятельной торговой политики и противодѣйствовать предпринятому Пруссіей таможенному объединенію. Онъ прежде принималъ дѣятельное участіе въ торговомъ союзѣ средне-германскихъ государствъ, а въ тридцатыхъ годахъ онъ основалъ и 1 мая 1834. расширилъ нижне-саксонскій таможенный союзъ, въ составъ котораго вошли Ганноверъ, Ольденбургъ, Брауншвейгъ, Шаумбург-Липпе. Но впоследствии и онъ былъ вынужденъ прекратить свое противодѣйствіе прус- 7 сент. 1851. скому правительству и присоединить свой союзъ къ Таможенному Союзу.

1841.

Однако, не смотря на то, что объединеніе торговыхъ интересовъ Пробужденіе связало нѣмецкія государства неразрывными узами, еще не скоро національныхъ обнаружили его политическія послѣдствія, не скоро снова пробудились чувства. глубоко-подавленные стремленія къ національному единству. Только по поводу нѣкоторыхъ внѣшнихъ событій эти стремленія заявляли о своей способности снова воспламениться. Такъ напр. вся нація какъ будто пробудилась изъ своего усыпленія въ 1840 году, когда возникла опасность появленія французской арміи на берегахъ Рейна (стр. 133). Нѣмецкія правительства и въ особенности прусское, озабоченное опаснымъ положеніемъ своихъ рейнскихъ провинцій, стали дѣятельно готовиться къ войнѣ. Сеймъ утвердилъ проектъ реформы военнаго устройства и было приступлено къ при-

веденію въ оборонительное положеніе союзныхъ крѣпостей Майнца, Люксембурга, Ульма, Раштатта. Въ то-же время нѣмецкія правительства нашли не лишнимъ расшевелить въ Нѣмцахъ патріотическія и національныя чувства. Пруссія стала настаивать въ Вѣнѣ на необходимости преобразовать сеймъ, сообразуясь съ нуждами нѣмецкаго народа. Тогда Николай Бекеръ сочинилъ знаменитую пѣсню о свободномъ нѣмецкомъ Рейнѣ, вызвавшую во всей странѣ такое воодушевленіе, которое находилось въ рѣшительномъ противорѣчій съ космополитическимъ радикализмомъ тридцатыхъ годовъ. Въ томъ-же году были устроены во многихъ нѣмецкихъ городахъ празднества по случаю сорокалѣтней годовщины изобрѣтенія книгопечатанія; они послужили поводомъ для политическихъ либеральныхъ демонстрацій, представлявшихъ рѣзкій контрастъ съ тогдашнимъ угнетеннымъ положеніемъ прессы, а нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ правительствъ нашли нужнымъ запретить устройство такихъ празднествъ. Политико-національныя стремленія стали обнаруживаться какъ на тѣхъ ученыхъ собраніяхъ, которыя открывали свои засѣданія поочередно въ нѣсколькихъ городахъ и стали именно съ тѣхъ поръ процвѣтать, такъ и на конгрессахъ натуралистовъ, филологовъ, германистовъ; заложеніе фундамента для достройки кѣльнскаго собора послужило поводомъ для устройства патріотическаго празднества, на которомъ присутствовалъ прусскій король вмѣстѣ съ многими изъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей. Обращаясь къ присутствующимъ, король сказалъ, что это великолѣпное зданіе должно сдѣлаться символомъ національнаго единства и братскаго единодушія между всѣми Нѣмцами. Присутствовавшій на празднествѣ въ качествѣ гостя, эрцгерцогъ Іоаннъ произнесъ тостъ, оканчивавшійся слѣдующими словами: нѣтъ ни Пруссіи, ни Австріи, а есть единая Германія, твердая и крѣпкая, какъ ея горы! Эти слова вызвали во всей націи сильное воодушевленіе и доставили эрцгерцогу громадную популярность.

Сент. 1842.

Шлезвигъ-
гольштинскій
вопросъ.
1830.

Національное воодушевленіе еще усилилось, когда выдвинулся на передній планъ шлезвигъ-гольштинскій вопросъ, этотъ старый памятникъ безсилія и униженія Германіи. Уже непосредственно вслѣдъ за іюльской революціей ландфохтъ на островѣ Сильтѣ Лорнсенъ публично выразилъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій желаніе герцогствъ шлезвигскаго и гольштинскаго имѣть одну общую для нихъ конституцію и быть соединенными съ Даніей только единствомъ царствующей династіи; за это онъ поплатился увольненіемъ отъ службы и заключеніемъ въ крѣпости. Когда въ Германіи оживилась политическая дѣятельность и въ особенности послѣ того, какъ въ обоихъ герцогствахъ были введены конституціонныя учрежденія съ провинціальными земскими чинами, еще рѣзче обнаружилось разномысліе между Датчанами и Нѣмцами. Попытки ввести употребленіе датскаго языка въ администраціи и въ судахъ возбудили сильное негодованіе; проектъ

1834.

ютландскихъ земскихъ чиновъ соединить Шлезвигъ съ Ютландіей обнаруживалъ намѣреніе уничтожить существовавшую въ теченіе многихъ столѣтій связь между двумя герцогствами, отнять у Шлезвига его національную самостоятельность и включить его въ составъ Даніи въ качествѣ датской провинціи. Въ теченіе тридцатыхъ годовъ Нѣмцы почти совершенно позабыли о Шлезвигѣ; даже нѣмецкая партія «новогольштинцевъ», подчинявшаяся руководству публициста Ольсгаузена, была готова пожертвовать Шлезвигомъ и въ этомъ случаѣ сходилась съ партіей «эйдерскихъ Датчанъ», намѣревавшейся предоставить Гольштиніи самостоятельное положеніе, а Шлезвигъ соединить съ датскимъ королевствомъ подъ общими конституционными учрежденіями. Эти стремленія отдѣлать герцогства одно отъ другого и уничтожить ихъ національную самостоятельность встрѣтили чрезвычайно сильное сопротивление не только со стороны жителей герцогствъ, но и со стороны общественнаго мнѣнія всей Германіи. Шлезвигъ-Гольштинцы требовали прежде всего соединенія ихъ провинціальныхъ земскихъ чиновъ, какъ залога ихъ внутренней связи. Возбужденіе умовъ усилилось вслѣдствіе недоразумѣній, возникшихъ по вопросу о престолонаслѣдіи.

Со времени вступленія на датскій престолъ Христіана VIII, наслѣ- Фридрихъ VI. довавшего въ 1839 году своему дядѣ, кроткому и благонамѣренному 1808—1839. Фридриху VI, вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдія становился все Христіанъ VIII. болѣе жгучимъ. У престарѣлаго монарха былъ только одинъ сынъ, 1839—1848. вполнѣдствіи царствовавшій подъ именемъ Фридриха VII; этотъ принцъ Вопросъ о престолонаслѣдіи. былъ бездѣтенъ; онъ уже развелся съ двумя женами и, по видимому, не могъ оставить послѣ себя потомковъ; еще менѣе можно было ожидать потомковъ отъ единственнаго королевскаго брата Фердинанда. На основаніи закона 1665 года, въ случаѣ пресѣченія мужской линіи царствующаго дома ее замѣняла женская линія, поэтому право на датскій престолъ должно было перейти къ сестрѣ Христіана VIII, Шарлоттѣ, находившейся въ супружествѣ съ принцемъ Вильгельмомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Но въ герцогствахъ Шлезвигскомъ и Гольштинскомъ имѣлъ силу закона нѣмецкій порядокъ престолонаслѣдія, по которому мужчины изъ побочныхъ линій царствующаго дома имѣютъ преимущество передъ женщинами изъ главной линіи; поэтому, въ случаѣ пресѣченія мужской линіи царствующаго дома, наследственное право на тѣ герцогства должно было перейти къ побочной линіи Гольштейнъ-Зондербургъ-Аугустенбургской. По крайней мѣрѣ, таково было мнѣніе Нѣмцевъ и населенія герцогствъ; но датскіе знатоки государственнаго права доказывали, что по меньшей мѣрѣ въ Шлезвигѣ долженъ оставаться въ силѣ датскій законъ о престолонаслѣдіи.

Въ виду неясности порядка престолонаслѣдія и попытокъ копенга- герцогствахъ. генскаго правительства присоединить герцогства къ Даніи тамъ воз- Открытое по- никло сильное волненіе, которое въ тайнѣ поддерживалъ мѣстный сланіе.

намѣстникъ и начальникъ войскъ, братъ того герцога Аугустенбургскаго принца Ноерскаго который считалъ себя наслѣдникомъ герцогствъ. Гольштинія и Лауенбургъ входили въ составъ Германскаго Союза; шлезвигскіе земскіе чины также желали вступленія въ этотъ Союзъ, а представительныя собранія обоихъ герцогствъ желали соединиться въ одно собраніе. Между тѣмъ какъ въ герцогствахъ высказывалось требованіе не нарушать государственнаго единства между Шлезвигомъ и Гольштиніей и признать право престолонаслѣдія за младшей мужской линіей королевскаго дома, копенгагенскій бургомистръ Алгринъ Уссингъ выразилъ на датскомъ провинціальномъ собраніи въ Рёзкильде желаніе, чтобъ король объявилъ своимъ подданнымъ, что вся датская монархія составляетъ нераздѣльное цѣлое и на основаніи дѣйствующихъ законовъ можетъ перейти по наслѣдству къ женской линіи. Противъ такихъ стремленій протестовалъ графъ Ревентловъ; онъ предложилъ собранію гольштинскихъ земскихъ чиновъ въ городѣ Прицѣ утвердить адресъ, въ которомъ говорилось, что герцогства — самостоятельныя и крѣпко между собою связанныя государства, въ которыхъ царствуетъ мужская линія королевскаго дома. Это заявленіе вызвало сильный отголосокъ не только въ герцогствахъ, но также во всей нѣмецкой націи и почти во всѣхъ нѣмецкихъ сеймахъ въ особенности послѣ того,

Окт. 1844. какъ «открытое письмо» короля Христіана VIII разрѣшило спорный вопросъ о порядкѣ престолонаслѣдованія такимъ способомъ, который исполнѣ оправдывалъ опасенія герцогствъ. Въ этомъ письмѣ говорилось, что относительно Шлезвига и Лауенбурга вовсе не принадлежитъ къ числу спорныхъ вопросъ объ обязательной сплѣ дѣйствующаго въ королевствѣ закона о престолонаслѣдіи и о правѣ женщинъ наслѣдовать престолъ. Относительно Гольштиніи вопросъ о престолонаслѣдіи оставался не исполнѣ разъясненнымъ, но король указывалъ на нераздѣльность провинцій, соединенныхъ подъ датскимъ скипетромъ. Такимъ образомъ герцогствамъ приходилось отказаться отъ надежды получить самостоятельное государственное устройство послѣ предстоявшаго пресѣченія царствовавшей линіи королевскаго дома. Принцъ Ноерскій испросилъ свое увольненіе отъ должности намѣстника; управленіе герцогствами перешло въ руки всеми ненавидимаго барона Шиле (Sch ee le). Сочувствіе нѣмецкаго народа къ угнетенному населенію герцогствъ выразилось очень громко и не смотря на разныя преувеличенія свидѣтельствовало о пробужденіи національных стремленій. Повсюду стала раздаваться патріотическая пѣснь Schleswig-Holstein, me erum schlungen; въ адресахъ, въ петиціяхъ, въ протестахъ доказывалось что Шлезвигъ-Гольштинцы были правы въ своихъ требованіяхъ; и нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ правительствъ горячо вступились за національные нѣмецкіе интересы; а послѣ того, какъ гольштейнъ-лауенбургскіе земскіе чины

Дек. 8 іюля 1846.

обратились къ заступничеству Германскаго Сейма, и этотъ послѣдній неустоялъ противъ гнёта общественнаго мнѣнія, хотя и ограничился очень неяснымъ и неудовлетворительнымъ постановленіемъ. Между тѣмъ волненіе умовъ въ герцогствахъ постоянно усиливалось; оно обнаруживалось въ грандіозныхъ демонстраціяхъ и на народныхъ сходкахъ въ родѣ тѣхъ, какія были устроены въ Неймюнстерѣ и въ Нортторфѣ. Собраніе шлезвигскихъ земскихъ чиновъ возобновило, подъ предсѣдательствомъ адвоката Вильг. Безелера, свое требованіе о включеніи страны въ составъ Германскаго Союза, о полномъ отдѣленіи управленія герцогствами отъ управленія королевствомъ и о введеніи въ Шлезвигъ-Гольштиніи конституціонныхъ учрежденій съ неограниченнымъ правомъ утверждать налоги. Чтобъ подавить это движеніе, датское правительство прибѣгнуло къ системѣ преслѣдованій и угнетеній; Безелеръ, Ольсгаузенъ и другіе вожди нѣмецкой партіи были арестованы и уволены отъ своихъ должностей. Разномысліе обострилось до такой степени, что, по видимому, не было возможности избѣгнуть кровопролитія.

Христіанъ VIII умеръ, не успѣвши издать проектированную кон- Новый король.
ституцію для всего датскаго королевства. Его сынъ и преемникъ 20 янв. 1848.
Фридрихъ VII успѣшилъ обнародовать основныя положенія такой 28 янв.
конституціи, которая хотя и заключала въ себѣ нѣкоторыя либеральныя уступки, но еще болѣе прежняго обострила противоположность между національными стремленіями Датчанъ и Нѣмцевъ. Вскорѣ послѣ того вспыхнула борьба, подробности которой будутъ изложены въ другомъ мѣстѣ.

Требованіе преобразовать германскій сеймъ и упрочить національ- Пруссіе пла-
ное единство высказывалось все настойчивѣе и въ мѣстныхъ нѣ- ны преобразо-
мецкихъ сеймахъ, и въ печати, и на народныхъ сходкахъ; его осно- ванія герман-
вательность была признана королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ IV и скаго сейма.
прусскимъ правительствомъ. И въ кружкахъ государственныхъ дѣятелей стало зарождаться предчувствіе, что прежняя система управленія и невниманіе къ требованіямъ общественнаго мнѣнія приведутъ къ такимъ опаснымъ столкновеніямъ, отъ которыхъ неустоятъ основы государственнаго устройства. Съ 1840 года прусское правительство неоднократно возбуждало вопросъ о преобразованіи сейма. Въ 1847 году оно обратилось къ сейму съ предложеніемъ предоставить прессѣ свободу, а вѣнскому правительству оно сообщило составленную генераломъ Радовичемъ памятную записку, въ которой предлагались слѣдующія радикальныя реформы: организація нѣмецкихъ армій по одному образцу, введеніе общаго для всей Германіи гражданскаго права, полной свободы переселенія, общаго торговаго права и уголовного кодекса и высшаго союзнаго судилища, распространеніе таможеннаго союза на владѣнія всѣхъ членовъ союза, возстановленіе однообразныхъ монетъ и мѣръ, учрежденіе союзныхъ консульствъ, однообразіе правилъ желѣзнодоро-

рожныхъ и почтовыхъ. Эти предложенія предполагалось подвергнуть обсужденію на конгрессѣ всѣхъ нѣмецкихъ правителей. Радовицъ неоднократно ѣздилъ въ Вѣну для переговоровъ объ этомъ проектѣ; но австрійскіе государственные дѣятели отложили его памятную записку въ сторону; поэтому она не могла предотвратить взрыва революціи.

3. Пруссія.

а. РЕТРОГРАДНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНІЯ ПРИ ФРИДРИХЪ ВИЛЬГЕЛЬМЪ IV.

Смерть Фридриха Вильгельма III.

Престарѣлый король Фридрихъ Вильгельмъ III кончилъ жизнь въ сороковомъ году, который имѣетъ такое важное значеніе въ исторіи Пруссіи: ровно за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ вступилъ въ управленіе государствомъ великій курфюрстъ, а за сто лѣтъ—Фридрихъ Великій. Поэтому неудивительно, что и теперь страна надѣялась увидѣть рѣшительный поворотный пунктъ въ исторіи Пруссіи. Пруссійскій народъ уважалъ Фридриха Вильгельма III за его благонамѣренныя патриотическія стремленія, за то, что онъ терпѣливо вынесъ такъ много несчастій, за его искреннее благочестіе, за его скромность, почти доходившую до застѣнчивости, и за многія другія прекрасныя черты его характера. Тѣ изъ его подданныхъ, которые были недовольны политическимъ положеніемъ Пруссіи и внутренней неурядицей, винили во всемъ не самого короля, а его совѣтниковъ, дѣйствительно, нерѣдко завлекавшихъ его на такой путь, который не соотвѣтствовалъ его личнымъ наклонностямъ. Народу очень нравилось то, что король ѣздилъ по городу безъ всякой пышной обстановки, или прогуливался пѣшкомъ по бульварамъ. О его любезности и привѣтливости рассказывалось безчисленное множество анекдотовъ, которые вошли въ содержаніе его біографіи, написанной Эйлертомъ, и въ дневникъ Варнгагена фонъ-Энзе. Онъ возбудилъ неудовольствіе только тѣмъ, что вступилъ въ 1824 году въ морганатическій бракъ съ графиней Гаррахъ (княгиней Лигницъ); въ этомъ видѣли неуваженіе къ памяти королевы Луизы. Но княгиня не предъявляла никакихъ высокомерныхъ притязаній, не вмѣшивалась въ политическія дѣла и этимъ скоро заглушила негодованіе народа. Преданность королю не поколебалась даже въ самыя печальныя времена реакціонернаго гнѣта. Въ послѣдніе годы своей жизни король все болѣе и болѣе увлекался идеями піетистовъ и мистиковъ и придерживался Меттерниховской политики; но это не охладжало народной любви къ благонамѣренному монарху, съ такимъ смиреніемъ вынесшему такъ много несчастій въ теченіе своего сорока-трехъ-лѣтняго царствованія. Фридрихъ Вильгельмъ III хотѣлъ быть неограниченнымъ властелиномъ въ самомъ строгомъ смыслѣ этого слова и не хотѣлъ уступать ни малѣйшей доли изъ принадлежавшихъ его коронѣ правъ; но онъ старался упра-

влять такъ, что народъ не чувствовалъ-бы потребности въ ограниченіи патріархальнаго режима конституціонными учрежденіями. Извѣстіе о его кончинѣ вызвало искреннюю скорбь во всей странѣ. Но 7 іюня 1840. съ той минуты стали энергичнѣе прѣжняго предъявлять свои требованія приверженцы политическаго прогресса, которые вели себя сдержанно при жизни престарѣлаго короля. Тогда стало громко высказываться желаніе политическихъ реформъ и болѣе свободныхъ государственныхъ учрежденій,—желаніе имѣть соотвѣтствующую требованіямъ времени конституцію и народное представительство..

Фридрихъ Вильгельмъ IV родился и выросъ въ эпоху высокаго умственнаго развитія и въ средѣ геніальныхъ людей; въ его воспримчивой душѣ соединялись, какъ въ фокусѣ, лучи всѣхъ наукъ, тщателью изучавшихся въ Берлинѣ—въ этой «метрополіи интеллигенціи»; въ его романтической натурѣ были геніальныя черты, было сильное влеченіе къ умственной дѣятельности; онъ обладалъ многосторонними дарованіями, отличался своимъ остроуміемъ и юморомъ и былъ очень краснорѣчивъ; но съ этими качествами соединялось множество противорѣчій,—соединялась склонность къ прихотливымъ выходкамъ; онъ былъ привѣтливъ въ обхожденіи и былъ окруженъ ореоломъ либерализма въ то время, какъ былъ наслѣднымъ принцемъ; но вмѣстѣ съ этимъ онъ отличался аристократическимъ высокомеріемъ и склонностью къ абсолютизму; при своемъ мистическомъ настроеніи ума и при своихъ строго-ортодоксальныхъ убѣжденіяхъ, онъ увлекался фантастическими мечтаніями о средне-вѣковомъ строѣ общества, который тщетно старался возстановить въ формѣ рыцарскихъ орденовъ и цеховъ, а о своемъ королевскомъ достоинствѣ имѣлъ чрезвычайно высокое понятіе. У него почти вовсе не было свойственной его предшественникамъ склонности къ строгой военной дисциплинѣ и къ бюрократической акуратности. Его пылкій умъ и его живая натура не находили для себя удовлетворенія въ спокойномъ ходѣ государственнаго и церковнаго управленія; онъ хотѣлъ дѣйствовать и созидать,—но по своему личному усмотрѣнію; онъ ходѣлъ вводить реформы, но лишь въ той мѣрѣ, въ какой онъ не стѣсняли его властолюбія; этимъ объясняются всѣ колебанія между застоємъ и прогрессомъ и возникновеніе вызывавшей такъ много насмѣшекъ системы «сдерживаемаго прогресса». Въ умѣ короля возникало не мало великихъ идей и замысловъ, но ихъ осуществленіе скоро встрѣчало непреодолимыя препятствія или въ гордости Фридриха Вильгельма, не соглашавшагося ни на какія уступки духу времени, или въ его средне-вѣковыхъ аристократическихъ предразсудкахъ, внушавшихъ ему ненависть къ либерализму, какъ къ продукту революціи, или въ его привязанности къ ортодоксіи, допускавшей свободу совѣсти и преобразование церковныхъ учрежденій только на основѣ символическихъ книгъ. Главная цѣль всякой на-

Фридрихъ Вильгельмъ IV.
1840—1858.
Род. 15 окт. 1795, ум. 2 янв. 1861.
Характеръ короля и его правительства.

ціональної політики, заключаючися въ об'єдненіи Германіи, на-
ходила для себя опору въ патріотическихъ чувствахъ и самаго ко-
роля и многихъ изъ его совѣтниковъ; но прусское правительство
такъ нерѣшительно и такъ часто впадало въ противорѣчія съ самимъ
собою, что отъ него нельзя было ожидать энергической и самоотвер-
женной готовности исполнить требованія общественнаго мнѣнія и же-
ланія ненавистныхъ либераловъ. Сознаніе національнаго призванія
Пруссіи выражалось лишь минутными вспышками и не внушало нѣ-
мецкому народу довѣрія. Въ образѣ дѣйствій Фридриха Вильгельма IV
обнаруживалась постоянная борьба между возвышенными, либераль-
ными идеями и глубоко укоренившимися предрасудками, между бла-
городными стремленіями и неуваженіемъ къ общественному мнѣнію,
между тѣмъ, что составляетъ истинное величіе монарха, и тѣмъ,
что удовлетворяетъ только его гордость, между стараніемъ пріобрѣсти
народную любовь и сознаніемъ священныхъ правъ монарха, цар-
ствующаго Милостію Божіей.

Много-обѣща- Короля окружали люди самыхъ рѣшительныхъ ретроградныхъ воз-
ющее начало зрѣній—закоснѣлый бюрократъ, произнесшій знаменитое изреченіе
управленія. объ «ограниченности разсудка подданныхъ», министръ внутреннихъ
дѣлъ Роховъ, генераль и дипломатъ Радовицъ, даровитый осно-
ватель берлинской политической еженедѣльной газеты Жарке и
его единомышленникъ Герлахъ, графъ Бранденбургъ, генераль-
піетистъ Грѣбенъ; поэтому не было никакого основанія ожидать,
что скоро наступитъ утренняя заря политической свободы. Однако,
новый король сначала не во всемъ придерживался политики сво-
его отца: онъ сдѣлалъ нѣсколько попытокъ удовлетворить же-
ланія народа. Такъ напр. онъ, наперекоръ протестамъ Меттер-
24 дек. 1841. ниха, ослабилъ узы, наложенныя его предшественникомъ на свободу
печати, слова и мысли. Въ указѣ, устанавливавшемъ предѣлы для стро-
гостей цензуры, онъ предписывалъ болѣе снисходительное отноше-
ніе къ произведеніямъ печати и признавалъ необходимость свобод-
наго обсужденія политическихъ вопросовъ. Смягченіе прежняго по-
лицейскаго надзора надъ прессой казалось крайне необходимымъ
какъ потому, что читающая публика не могла довольствоваться кни-
гами, одобренными правительствомъ, такъ и потому, что цензоры
дѣлали невѣроятные промахи: такъ напр., была запрещена цензурой
«Божественная Комедія» Данте на томъ основаніи, что изъ боже-
ственныхъ вещей не слѣдуетъ дѣлать сюжета для комедіи. Въ слѣ-
4 окт. 1842. дующемъ году были освобождены отъ цензуры всѣ книги, въ кото-
рыхъ болѣе двадцати печатныхъ листовъ. Въ Берлинѣ былъ учреж-
Февр. 1843. денъ высшій цензурный комитетъ, въ который можно было обра-
щаться съ жалобами на цензоровъ; это нововведеніе считалось бла-
годѣяніемъ для печати, находившейся въ крайне угнетенномъ поло-
женіи; въ теченіе нѣкотораго времени была отмѣнена и цензура про-

изведеній живописи. Уволенные отъ службы патріоты—Ардтъ, братья Гриммъ, Жанъ снова заняли свои прежнія должности, Шёнъ былъ снова назначенъ оберъ-президентомъ провинціи Пруссіи и государственнымъ министромъ; престарѣлый Бойенъ былъ вторично назначенъ военнымъ министромъ. Вскорѣ послѣ вступленія Фридриха Вильгельма IV на престолъ былъ уволенъ и тайный совѣтникъ Цшоппе, служившій самымъ послушнымъ и самымъ гнуснымъ орудіемъ для преслѣдованія демагоговъ въ двадцатыхъ и въ тридцатыхъ годахъ; это былъ фанатикъ съ самыми злобными наклонностями инквизитора; его осыпали проклятіями тысячи болѣе или менѣе невинныхъ людей, сдѣлавшихся жертвами его фанатизма; вскорѣ послѣ своего увольненія отъ службы онъ впалъ въ умопомѣшательство, которое считалось народомъ за неисполненное свыше наказаніе. Была обнародована всеобщая амністія для тѣхъ, кто провинился въ го- 10 авг. 1840. сударственной измѣнѣ, въ оскорбленіи величества и въ другихъ политическихъ преступленіяхъ; тогда были выпущены изъ тюремъ сотни людей, цоплатившихся за свои юношескія безразсудства многолѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ была упразднена такъ называемая министерская коммиссія, на которую была возложена печальная обязанность наблюдать за правильностью политическихъ убѣжденій должностныхъ лицъ.

Но это были лишь вспышки великодушія, скоро уступавшія мѣсто противоположнымъ стремленіямъ. При тогдашней системѣ управленія противорѣчія встрѣчались на каждомъ шагу,—популярныя мѣры ежедневно сталкивались съ самыми оскорбительными для народа, либеральными съ реакціонерными. Уже на засѣданіи прусскихъ земскихъ чиновъ, собравшихся въ Кёнигсбергѣ для принесенія присяги, новый король отвергнулъ просьбу о введеніи конституціи, хотя и въ такихъ милостивыхъ выраженіяхъ, которыя позволяли надѣяться, что онъ намѣренъ съ теченіемъ времени исполнить желаніе своихъ подданныхъ. Слова, которыя онъ публично произносилъ въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, еще яснѣе доказывали, что онъ былъ намѣренъ придерживаться старой патріархальной системы управленія и ограничивать свой личный произволъ только своими обязанностями передъ Богомъ и передъ своею совѣстью, а не «данными на бумагѣ обѣщаніями». Въ то время Шёнъ написалъ свою знаменитую брошюру «Откуда и куда?», въ которой откровенно и убѣдительно объяснялъ, какъ было-бы полезно для государства созваніе народныхъ представителей; за это реакціонеры осыпали его самыми тяжелыми обвиненіями и онъ скоро отказался отъ должности оберъ-президента провинціи Пруссіи. Еще сильнѣе раздражила реакціонеровъ брошюра «Четыре вопроса», въ которой кёнигсбергскій докторъ Іоаннъ Якоби смѣло и убѣдительно доказывалъ, что народу принадлежитъ право имѣть собраніе своихъ представителей. Противъ Якоби было возбуж-

Возвращеніе къ системѣ реакціи и вызванная имъ оппозиція. Сент. 1840.

Февр. 1841.

дено судебное преслѣдованіе за государственную измѣну и онъ былъ приговоренъ въ первой инстанціи къ заключенію въ крѣпости на три съ половиной года, но апелляціонная инстанція признала его невиновнымъ, чѣмъ вызвала во всей Германіи самыя пылкія выраженія восторга. Но президентъ апелляціоннаго суда Грольманъ былъ уволенъ за этотъ оправдательный приговоръ. Въ виду того, что даже полу-свободная пресса была способна такъ сильно разжигать народныя стремленія къ свободѣ, правительство поторопилось крѣпче натянуть поводья. Оно усилило строгость цензуры и стало прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ. Бреславльскій профессоръ Гоффманъ былъ уволенъ отъ должности за свои «неполитическія пѣсни», изданныя въ Гамбургѣ книгопродавцемъ Кампе, а въ Пруссіи была запрещена продажа этихъ пѣсенъ. «Рейнская газета», бывшая главнымъ органомъ либерализма и постоянно настаивавшая на необходимости конституціи, была принуждена прекратить свое изданіе за свою «разнужданность и вредныя тенденціи»; продажа лейпцигской Allgemeine Zeitung была запрещена въ Пруссіи; поэтъ Гервегъ, обратившійся къ королю съ открытымъ письмомъ, которое хотя и заключало въ себѣ изложеніе искреннихъ убѣжденій, но было очень безтактно, былъ высланъ изъ государства; были высланы и два пріѣхавшихъ въ Берлинъ, либеральныхъ баденскихъ депутата Ицштейнъ и Гекеръ. Королю не нравились своимъ свободомысліемъ даже такія сочиненія о прусскихъ государственныхъ учрежденіяхъ, которыя, подобно сочиненію Бюлова-Куммерова, были наполнены выраженіями вѣрно подданическихъ чувствъ. Графъ Арнимъ-Бойценбургъ, замѣнившій въ іюнѣ 1842 Рохова въ должности министра внутреннихъ дѣлъ, возстановилъ самыя строгія изъ прежнихъ цензурныхъ постановленій; положеніе печати нисколько не улучшилось и послѣ того, какъ общее негодованіе, вызванное высылкой двухъ баденскихъ депутатовъ, принудило графа выйти въ отставку, а министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ Каницъ.

Назначеніе Эйхгорна министромъ просвѣщенія. Реакція усиливается. Окт. 1840.

Всего сильнѣе разочаровались либералы въ своихъ надеждахъ, когда холодный піетистъ Эйхгорнъ былъ поставленъ во главѣ министерства народнаго просвѣщенія вмѣсто всѣми уважаемаго Альтенштейна. Эйхгорнъ былъ во время войнъ за освобожденіе Германіи пылкимъ патріотомъ и отличился важными заслугами при учрежденіи Таможеннаго Союза (стр. 225), а теперь сдѣлался вмѣстѣ съ Роховомъ главнымъ поборникомъ рестоградной системы управленія. Однимъ изъ его первыхъ распоряженій было назначеніе перешедшаго изъ іудейской вѣры въ христіанскую, эрлангенскаго профессора Сталя на мѣсто умершаго, либеральнаго профессора юриспруденціи Эдуарда Ганса. Съ тѣхъ поръ Сталь сдѣлался главнымъ апостоломъ абсолютизма, сталъ защищать истинно-христіанскія государственныя учрежденія и «настоящую королевскую власть» противъ конституціона-

лизма и революціи, придерживаясь основныхъ воззрѣній Галлера. Въ то-же время былъ приглашенъ въ Берлинъ Шеллингъ для того, чтобъ исцѣлить нравственные недуги, созданные опальной философіей Гегеля, который былъ въ глазахъ благочестивыхъ людей проповѣдникомъ лжи. Членомъ верховнаго суда былъ назначенъ въ 1841 году Гассенпflugъ, получившій отъ берлинскихъ остряковъ прозвище *Herr von Hass und Fluch* и ненавидимый всѣми Нѣмцами за то, что, бывши гессенскимъ министромъ, нападалъ на мѣстную конституцію. И въ сферѣ народнаго образованія и въ сферѣ церковнаго управленія была введена система суроваго гнѣта; піетизмъ и мистицизмъ, — въ чѣмъ-бы они ни проявлялись, — вызывали одобреніе; правительство всячески поощряло ханжей къ организаціи миссій и библейскихъ обществъ. Намъ уже извѣстно, какъ отразилась на положеніи протестантской церкви эта система управленія, налагавшая тяжелый гнѣтъ и на умственную дѣятельность и на религіозныя вѣрованія. И печать подверглась новымъ стѣсненіямъ, потому что публичность и свобода слова были, по словамъ Эйхгорна, несовмѣстимы съ существованіемъ настоящей церкви и настоящаго государства. Чтеніе лекцій воспрещалось тѣмъ университетскимъ профессорамъ, которые почему нибудь не нравились правительству; такіе люди, какъ философы Науверкъ и Гинрихсъ, какъ теологъ Шварцъ, какъ историкъ литературы Р. Пруцъ и многіе другіе, не могли издавать своихъ сочиненій безъ разрѣшенія цензуры. За то возникли въ Пруссіи новые духовные ордена и монастыри. Такая-же система царила и въ народныхъ школахъ; учителя, учебники и методы преподаванія подвергались самому строгому надзору, потому что должны были служить орудіями для господствующей системы управленія; на должности преподавателей стали по старому назначать тѣхъ унтеръ-офицеровъ, которые выслужили право на казенное содержаніе. Въ составъ министерства поступили такіе крайніе піетисты, какъ генералъ-адъютантъ Тиле и графъ Штольбергъ-Вернигероде; и новый министръ юстиціи Савиньи, замѣнившій съ 1842 года Кампца, и министръ финансовъ Бодельшвингъ находились въ очень близкихъ отношеніяхъ къ церковной партіи. Типическій представитель піетизма и реакціи, Герлахъ былъ назначенъ членомъ законодательной комиссіи. Можно было считать сравнительно-либеральнымъ только зятя Вильгельма Гумбольдта, Бюлова, который былъ назначенъ въ 1842 году министромъ иностранныхъ дѣлъ.

Даже независимость суда была нарушена закономъ, подчинявшимъ 29 марта 1844. судей, наравнѣ съ административными должностными лицами, дисциплинарному трибуналу; установленный гражданскими законами способъ разсмотрѣнія жалобъ, предъявляемыхъ на членовъ суда, былъ оставленъ въ силѣ только по отношенію къ нарушеніямъ чисто-служебныхъ обязанностей. Съ тѣхъ поръ можно было, безъ судебного пос-

Посягательство на независимость судей.

тановленія, назначать судьямъ пенсіи, перемѣщать ихъ, въ видѣ наказанія, съ одной должности на другую, увольнять ихъ отъ службы или назначать на нисшія должности; правительство стало прибѣгать къ этимъ мѣрамъ для устраненія тѣхъ судей, которые не нравились ему своими либеральными политическими убѣжденіями; многочисленныя оправдательныя судебныя приговоры въ политическихъ процессахъ считались королемъ за нарушеніе его верховныхъ правъ и побуждали его наложить руку на самую цѣнную принадлежность хорошаго государственнаго управленія—на независимость суда. Послѣдствіями этого закона были: долго остававшаяся неисправимой, нравственная испорченность судейскаго сословія, его лицемеріе, стараніе прислуживаться и этимъ способомъ добиваться повышеній по службѣ. Желаніе угодить начальству и пріобрѣсть въ его мнѣніи репутацію «благомыслящихъ» людей совращало многихъ судей съ правильнаго пути. Многіе изъ нихъ, какъ рассказываютъ, обращались къ своему начальству съ просьбой поручить имъ производство слѣдствія противъ демагоговъ и этимъ доставить имъ возможность доказать ихъ преданность правительству. Министръ юстиціи Мюлеръ,—отецъ того Мюлера, который былъ впослѣдствіи министромъ народнаго просвѣщенія,—взялъ на себя отвѣтственность за изданіе вышеупомянутаго закона.

Янв. 1842. Во время поѣздки въ Англію королю очень понравились уставы англиканской церкви и онъ вынесъ оттуда впечатлѣнія, скоро обнаружившіяся въ его стараніи преобразовать прусскую церковь, сдѣлать болѣе строгимъ соблюденіе святости воскреснаго дня и затруднить расторженіе браковъ (стр. 65 и сл.). Еще болѣе сильное неудовольствіе онъ возбудилъ своей поѣздкой въ Петербургъ, такъ какъ ее считали за доказательство зависимости Пруссіи отъ русскаго вліянія; если отъ нея и ожидали облегченія въ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіей, то эти ожиданія оказались обманчивыми.

Покровитель-ство дворян-ству. Покушеніе Чеха на жизнь короля. Вмѣстѣ съ покровительствомъ строгимъ приверженцамъ ортодоксіи оказывалось особое благоволеніе и дворянству: король старался возратить этому сословію его средневѣковое общественное и политическое положеніе; онъ дѣйствительно успѣлъ внушить дворянамъ,—въ особенности тѣмъ, которые служили въ прусской арміи,—сознаніе ихъ корпоративныхъ превосходствъ надъ обыкновенными гражданами; но онъ не былъ въ состояніи создать настоящую аристократію изъ юнкерства Помераніи и Бранденбурга. Его романтическія наклонности нашли для себя удовлетвореніе въ такихъ пустяжныхъ попыткахъ, какой была попытка возстановить орденъ Лебеда. Либеральныя воззрѣнія были окончательно отнесены къ разряду позорныхъ съ той минуты, какъ представился случай возложить на нихъ отвѣтственность за государственное преступленіе. Отличавшійся крайними радикальными убѣжденіями, бургомистръ Чехъ былъ до такой

степени раздраженъ безуспѣшностью своихъ стараній получить одно служебное назначеніе, что сдѣлалъ два выстрѣла въ короля, ѣхав- 26 іюля 1844. шаго въ каретѣ вмѣстѣ съ королевой. Онъ былъ казненъ, а изъ его преступленія было сдѣлано новое орудіе для борьбы съ либеральными идеями.

Къ политическому недовольству и броженію умовъ присоединились Волненія ра- во многихъ мѣстахъ прискорбныя соціальныя и экономическія усло- бочихъ въ Сп- вія, вызвавшія сильное волненіе въ особенности въ Верхней Силезіи. лезіи. среди мѣстныхъ ткачей и прядильщиковъ. Прежде этотъ классъ ра- Іюнь 1844. бочихъ легко сбывалъ свои превосходныя полотняныя издѣлія и внутри государства и за-границей; но онъ впалъ въ крайнюю нужду вслѣд- ствіе основанія новыхъ фабрикъ, вслѣдствіе уменьшенія заработной платы и вслѣдствіе неспособности выдерживать конкуренцію съ ан- глійскими промышленниками. Недостатокъ средствъ существованія скоро вызвалъ возстанія рабочихъ и внутреннія смуты. Въ Петер- свальдау и въ Лангенбилау были разрушены дома и фабрики нѣсколько богатыхъ промышленниковъ, равнодушно относившихся къ бѣдствен- ному положенію рабочихъ; дѣло дошло до кровопролитія; порядокъ могъ быть возстановленъ только при содѣйствіи войска; но причины волненій не были устранены. Такія-же смуты возникли въ сосѣднихъ баварскихъ провинціяхъ; реакція воспользовалась ими для своихъ цѣлей, выдавая ихъ за продукты коммунистическихъ заговоровъ. Ма- теріальная нужда и вздорожаніе жизненныхъ припасовъ, недоста- токъ работы и обѣднѣніе повсюду вызывали сильное броженіе умовъ, служившее предвѣстникомъ бурь, разразившихся въ 1848 году.

в. вопросъ о конституціи и соединенный сеймъ.

Въ концѣ царствованія Фридриха Вильгельма III оставались неис- Комитеты зем- полненными старыя обѣщанія по вопросу о земскихъ чинахъ, — не скихъ чиновъ было ничего сдѣлано для расширенія крайне узкой сферы дѣятель- ности этихъ чиновъ. И въ этомъ отношеніи возлагались на новое правительство большія надежды: вѣдь, бывши наслѣднымъ принцемъ, Фридрихъ Вильгельмъ III неоднократно высказывался въ пользу рас- ширенія правъ земскихъ чиновъ и постоянно выставялъ на показъ свои національно-нѣмецкія чувства. Вся Германія надѣялась найти въ немъ создателя прусской конституціи и преобразователя консти- туціи германской. Но эта надежда скоро оказалась тщетной. Были введены только нѣкоторыя улучшенія въ организаціи провинціаль- ныхъ чиновъ, но не было сдѣлано никакого рѣшительнаго шага къ введенію настоящей конституціонной формы правленія съ собраніемъ народныхъ представителей. Провинціальнымъ сеймамъ было дозво- лено собираться разъ въ каждые два года и была допущена публич-

21 июня 1842. ность ихъ совѣщаній съ нѣкоторыми ограниченіями. Въ декретѣ, учреждавшемъ постоянные комитеты провинціальныхъ сеймовъ, можно было усмотрѣть небольшой шагъ впередъ на пути къ конституціоннымъ учрежденіямъ. На основаніи этого декрета, провинціальные сеймы стали выбирать по двѣнадцати комитетскихъ членовъ, стало быть въ общей сложности девяносто шесть членовъ, между которыми были представители отъ cadaго изъ четырехъ сословій; но представители дворянства, конечно, были болѣе многочисленны, чѣмъ представители городского и сельскаго населенія. Такимъ образомъ былъ созданъ постоянный органъ земства, не прекращавшій своей дѣятельности и въ то время, когда засѣданія провинціальныхъ сеймовъ были закрыты: на него возлагалась обязанность согласовать несходныя мнѣнія различныхъ сеймовъ о законодательныхъ вопросахъ, а также обсуждать другіе законопроекты, которые не были представлены на разсмотрѣніе провинціальныхъ сеймовъ. Всѣ комитеты должны были собираться въ Берлинѣ; въ этомъ можно было усмотрѣть зачатки центрального собранія представителей отъ всѣхъ провинцій. Но во всемъ остальномъ комитеты несоотвѣтствовали понятію о настоящемъ народномъ представительствѣ, такъ какъ ихъ члены выбирались очень ограниченными въ своихъ правахъ провинціальными сеймами. Они собрались въ первый разъ въ октябрѣ 1842 въ Берлинѣ для обсужденія нѣкоторыхъ экономическихъ вопросовъ и въ особенности вопроса о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, которая хотя и была предоставлена предпріимчивости частныхъ лицъ, но должна была производиться съ правительственной гарантіей извѣстнаго процента на затраченный капиталъ; послѣ того они снова собрались въ послѣдній разъ въ январѣ 1848 для утвержденія уголовного кодекса. Даже въ этихъ лишенныхъ всякой власти, комитетскихъ собраніяхъ обнаружилась оппозиція, вызвавшая неудовольствіе въ высшихъ правительственныхъ сферахъ; а народъ относился къ этой незначительной королевской уступкѣ или съ полнымъ равнодушіемъ или съ протестомъ.

Общественное мнѣніе по вопросу о конституціи. Между тѣмъ постоянно усиливалось стремленіе народа къ настоящей конституціи съ собраніемъ народныхъ представителей, или, по меньшей мѣрѣ, къ дальнѣйшему развитію земскихъ учрежденій, — къ увеличенію числа городскихъ и деревенскихъ представителей въ провинціальныхъ сеймахъ, къ публичности судопроизводства, къ уничтоженію патримоніальныхъ судовъ и замкнутости судейскаго сословія; кромѣ того высказывалось желаніе, чтобъ были изданы законы о печати и чтобъ пренія въ общинныхъ собраніяхъ велись публично. Въ этомъ духѣ было составлено не мало предложеній, петицій и постановленій на сеймахъ въ 1843 и въ 1845 годахъ, въ особенности на тѣхъ, которые собирались въ рейнскихъ провинціяхъ, въ восточной Пруссіи и въ Позенѣ. Подъ заглавіемъ «Пруссія въ 1845 году»

появилась новая брошюра, въ которой Якоби подвергалъ господствующую систему управленія строгой критикѣ и настойчиво повторялъ прежнее требованіе всѣхъ свободномыслящихъ людей созвать имперскіе чины. Но король не хотѣлъ понять, что это были отголоски тогдашняго настроенія умовъ. Отвѣтомъ на предъявленные требованія были выраженія монаршей немилости или крайне неудовлетворительныя уступки; была высказана угроза прекратить созваніе провинціальныхъ сеймовъ; было объявлено, что обѣщаніе созвать имперскіе чины ни къ чему не обязываетъ короля; опубликованіе происходившихъ на сеймахъ преній подвергалось все болѣе и болѣе стѣснительнымъ ограниченіямъ. Въ отвѣтъ на всѣ протесты и просьбы провинціальныхъ чиновъ, городскихъ властей, корпорацій и частныхъ лицъ король заявлялъ, что не намѣренъ выходить изъ предѣловъ конституціи съ провинціальными сеймами. Однако, правительство было вынуждено снова подымать вопросъ объ имперскихъ чинахъ во первыхъ потому, что законъ 1820 года требовалъ разрѣшенія будущихъ земскихъ чиновъ на заключеніе новыхъ государственныхъ займовъ, во вторыхъ потому, что желаніе соорудить въ Пруссіи сѣть желѣзныхъ дорогъ могло осуществиться только съ помощью новыхъ займовъ. Поэтому въ теченіе сороковыхъ годовъ было выработано нѣсколько проектовъ конституціи Бунзеномъ, Радовицомъ и другими, но всѣ они остались безъ практическихъ послѣдствій. Надежда на исполненіе старыхъ королевскихъ обѣщаній уже совершенно исчезла, когда былъ сдѣланъ, къ общему удивленію, новый важный шагъ къ разрѣшенію вопроса о конституціи.

Основой для составленія конституціи послужилъ патентъ, изданный въ годовщину воззванія къ добровольцамъ 1813 года (XIV, 454); въ немъ наконецъ шла рѣчь о прусской конституціи, но вовсе не о такой, какой желало общественное мнѣніе: онъ былъ послѣдней попыткой сохранить средневѣковыя сословныя учрежденія прежде, чѣмъ они будутъ навсегда уничтожены.

Патентъ объ организаціи соединеннаго сейма.
3 февр. 1847.

Къ королевскому патенту были прибавлены три декрета — объ организаціи соединеннаго сейма, о періодическомъ созваніи постоянного центрального комитета и о его сферѣ вѣдомства, и объ организованіи постоянной земской депутаціи для завѣдыванія государственными долгами. Постоянный центральный комитетъ слѣдовало созывать не менѣе одного раза въ каждые четыре года; ему предоставлялись всѣ права соединеннаго сейма за исключеніемъ разрѣшенія займовъ и новыхъ налоговъ; его главная обязанность должна была заключаться въ выработкѣ новыхъ законовъ. Патентъ постановлялъ, что всѣ члены восьми провинціальныхъ сеймовъ должны составлять соединенный сеймъ, раздѣленный на двѣ куріи; въ составъ одной куріи входили члены высшаго сословія, въ составъ второй — представители трехъ остальныхъ сословій, т. е. рыцарства, городовъ и сельскихъ общинъ; это было въ нѣкоторомъ отношеніи подражаніемъ двухъ-камерной системѣ. Обѣ куріи должны были въ иныхъ случаяхъ со-

вокупно обсъждатъ вопросы о налогахъ и займахъ, а въ иныхъ случаяхъ постановлять рѣшенія отдѣльно одна отъ другой; право собираться не менѣе одного раза въ теченіе извѣстнаго промежутка времени было предоставлено только центральному комитету, но не соединенному сейму. Въ патентѣ говорилось, что король будетъ созывать провинціальныя чины своей монархіи на соединенный сеймъ всякій разъ, какъ представится для государства необходимость новыхъ займовъ или новыхъ налоговъ. Патентъ перечислялъ слѣдующіе предметы, входившіе въ сферу занятій соединеннаго сейма, или, — если онъ не былъ созванъ, — въ сферу занятій центрального комитета: „совѣщательное“ участіе въ изданіи законовъ въ той мѣрѣ, въ какой оно уже было предоставлено провинціальнымъ чинамъ закономъ 5 іюня 1823; содѣйствіе къ погашенію государственнаго долга и къ уплатѣ по немъ процентовъ сообразно съ закономъ 17 января 1829; право обращаться къ правительству съ петиціями и по такимъ внутреннимъ вопросамъ, которые касаются интересовъ не только отдѣльных провинцій, но и всего государства.

Отъ 11 апр.
до 26 іюня
1847.
Собрание соединеннаго
сейма.

На основаніи королевскаго патента былъ созванъ «первый прусскій сеймъ»; не смотря на то, что его членамъ не доставало опытности, необходимой для парламентскихъ дѣятелей, между ними оказалось не мало очень даровитыхъ государственныхъ людей и ораторовъ; поэтому соединенный сеймъ скоро приобрѣлъ сильное политическое вліяніе на всю Германію, чему не мало способствовало предоставленное ему право сообщать во всеобщее свѣдѣніе происходившія въ немъ пренія. Тамъ въ первый разъ нашли для себя подходящую, хотя и очень ограниченную, сферу дѣятельности тѣ стремленія къ болѣе свободной политической жизни, которыя прежде сдерживались съ такимъ трудомъ. Въ числѣ членовъ этого сейма находились люди, игравшіе важную роль въ парламентской и политической исторіи слѣдующихъ лѣтъ—Георгъ Винке и Бокумъ-Дольфсъ изъ Вестфалии, Германнъ Бекератъ, Давидъ Ганземаннъ, Лудольфъ Кампгаузенъ, Мевиссенъ изъ рейнскихъ провинцій, графы Йоркъ и Дирнъ изъ Силезіи, графъ Шверинъ-Пуцаръ изъ Помераніи, графъ Арнимъ-Бойценбургъ изъ Бранденбургской Марки, Альфредъ Ауэрсвальдъ и Заукенъ изъ восточной Пруссіи.

Недовольство
патентомъ.

Общественное мнѣніе Германіи, выразившееся между прочимъ въ брошюрахъ Гервинуса и Генриха Симона (Annehmen oder Ablehnen?), рѣшительно высказывалось за непріятіе такой конституціи, которая создавала не настоящее національное представительство всѣхъ гражданъ, отдавала несправедливое предпочтеніе землевладѣльцамъ, дворянству и рыцарству, создавала не свободно избранное собраніе народныхъ представителей, а собраніе представителей отъ немногочисленнаго разряда гражданъ, не возлагала на сеймъ обязанность собираться въ назначенные сроки и предоставляла ему только право высказывать его мнѣнія безъ права постановлять какія либо рѣшенія. Что король вовсе не намѣревался вводить настоящую конституціонную систему управленія, было ясно видно изъ содержанія пуб-

личной рѣчи, произнесенной имъ при открытіи засѣданій сейма: въ этой рѣчи онъ между прочимъ объявилъ, что никакая сила на землѣ не заставитъ его измѣнить отношенія между монархомъ и народомъ въ такія, которыя опредѣлялись-бы конституціей,—что онъ не создалъ-бы земскихъ чиновъ, еслибы они намѣревались разыгрывать роль такъ называемыхъ народныхъ представителей.

Большинство соединеннаго сейма также было недовольно конституціей. Пренія въ со-
3 февраля и не считало ее за исполненіе ранѣе данныхъ обѣщаній. Въ единенномъ
составѣ оппозиціи входили преимущественно депутаты изъ восточной Прусс-
син и изъ рейнскихъ провинцій. На Рейнѣ уже давно были очень недоволь-
ны всей системою управленія, а въ этомъ недовольствѣ обнаруживалось
странное сочетаніе церковно-католическихъ стремленій съ политически-
либеральными. Не смотря на то, что тамъ было много сдѣлано для мате-
ріальнаго благосостоянія населенія, общее недовольство усиливалось вслѣд-
ствіе ошибочныхъ мѣръ правительства,—вслѣдствіе того, что въ дворян-
скихъ помѣстьяхъ были введены майораты, что правительство относилось
враждебно къ французскимъ законамъ въ особенности въ судебной сферѣ
и стремилось къ централизаціи управленія. Оппозиція требовала періодиче-
скаго созванія соединеннаго сейма съ упраздненіемъ комитетовъ,—тре-
бовала для себя не только совѣщательнаго, но и рѣшающаго голоса по за-
конодательнымъ вопросамъ, участія въ завѣдываніи доменами и расширенія
права подавать петиціи. Многие изъ депутатовъ намѣревались, предъявивъ
ши протестъ противъ конституціи, разѣхаться по домамъ, но ихъ убѣдили,
что такой образъ дѣйствій былъ-бы неблагоразуменъ. Поэтому было рѣ-
шено составить отвѣтный адресъ на тронную рѣчь и вслѣдъ за почтитель-
ными выраженіями признательности за сдѣланныя уступки указать на не-
достатки королевскаго патента. Графъ Шверинъ предложилъ сейму соста-
вить адресъ, на поднесеніе котораго земскіе чины имѣли очень сомнитель-
ное право. Это предложеніе было принято и Бекератъ составилъ проектъ
адреса, который обсуждался въ теченіе двухъ-дневныхъ засѣданій; это
были первыя въ Пруссіи парламентскія пренія по вопросу первостепен-
ной важности. Между тѣмъ какъ правительство считало за „легальную
почву“ только патентъ 3 февраля съ указанной въ немъ сферой дѣятель-
ности земскихъ чиновъ, проектъ адреса требовалъ для сейма всѣхъ правъ,
обѣщанныхъ покойнымъ королемъ будущимъ имперскимъ чинамъ и пере-
числялъ ихъ по одиночкѣ. Послѣ горячихъ преній было смягчено содер-
жаніе адреса; перечисленіе вышеупомянутыхъ правъ было замѣнено об-
щимъ выраженіемъ желанія расширить права сейма. Въ этой формѣ адресъ
былъ одобренъ значительнымъ большинствомъ. Отвѣтъ короля былъ сдер-
жаный и допускавшій различныя толкованія. Въ немъ говорилось, что
патентъ остается единственной легальной почвой для дѣятельности сейма,
что изданная конституція останется ненарушимой въ своихъ основахъ,
но что ее слѣдуетъ считать не вполне законченной, а способной къ даль-
нѣйшему развитію. Королю было очень непріятно сопротивленіе сейма,
но онъ не хотѣлъ доводить дѣло до окончательнаго разрыва. Точно такъ-
же, какъ по основнымъ вопросамъ о правахъ сейма, не состоялось согла-
шеніе и о большей части внесенныхъ правительствомъ предложеній, такъ
что дѣятельность сейма оказалась почти совершенно безплодной. Не смо-
тря на то, что финансовыя проекты правительства были разумны и имѣли
въ виду общепользныя цѣли, они были отвергнуты; такъ напр. не было
одобрено намѣреніе правительства гарантировать извѣстный процентъ на

капиталъ для учрежденія земскихъ банковъ, которые выдавали-бы крестьянамъ ссуды на уплату недоимокъ землевладѣльцамъ; не былъ одобренъ и проектъ займа для постройки желѣзной дороги въ восточной Пруссіи. Чѣмъ рѣшительнѣе правительство отвергало притязанія сейма на болѣе широкую сферу дѣятельности, тѣмъ энергичнѣе пользовался сеймъ небольшимъ размѣромъ предоставленныхъ ему правъ и не хотѣлъ мѣшаться въ то, что по закону 1820 года о государственныхъ долгахъ должно было входить въ сферу вѣдомства будущихъ имперскихъ чиновъ. Въ концѣ засѣданій сейма положеніе дѣлъ сдѣлалось критическимъ, такъ какъ король отклонилъ просьбу объ упраздненіи центрального комитета и пригласилъ сеймъ избрать членовъ этого комитета. Это вызвало продолжительныя и горячія пренія, которыя кончились тѣмъ, что лишь немногіе изъ членовъ оппозиціи осмѣлились отказаться отъ участія въ выборахъ; большинство или выбрало членовъ комитета безъ всякихъ оговорокъ или-же сопровождало выборы оговоркой, что комитетъ не можетъ причинять никакого ущерба правамъ сейма. Министръ Бодельшвингъ закрылъ засѣданія сейма, неодобрительно отозвавшись о его дѣятельности.

Значеніе соединеннаго сейма.

Значеніе этого собранія заключалось не въ важности достигнутыхъ имъ положительныхъ результатовъ, а въ томъ, что оно возбуждало въ народныхъ массахъ стремленіе къ національному единству. Публичныя рѣчи и пренія производили чрезвычайно сильное впечатлѣніе на націю, съ гордостью слѣдившую за ходомъ дѣлъ въ такомъ собраніи, какого еще никогда не видали въ Германіи. Прусское правительство дорого поплатилось за то, что не хотѣло воспользоваться содѣйствіемъ такого преданнаго королю и благоразумнаго собранія, чтобъ выработать конституцію, въ которой были-бы приведены въ надлежащее равновѣсіе права короны и права народа. Еслибы оно было уступчивѣе, то волны революціи были-бы менѣе бурны, радикальные элементы выступили-бы на сцену съ бѣльшею сдержанностью, а старая система была-бы низпровергнута съ бѣльшей осмотрительностью. Сеймъ неохотно снова выбралъ членовъ центрального комитета, который долженъ былъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ занять его мѣсто; этотъ комитетъ приступилъ въ 1848 году къ обсужденію уголовнаго кодекса, а при закрытіи его засѣданій король обратился къ нему съ миролюбивою рѣчью, наполненной такими обѣщаніями, въ которыхъ уже можно было замѣтить вліяніе страха, внушеннаго парижскими революціонными бурями. Но эта уступчивость оказалась запоздалой.

Въ своемъ сочиненіи о прусскомъ государственномъ правѣ Н. Schulze говоритъ: „Соединенный сеймъ обнаруживалъ во всѣхъ своихъ преніяхъ и предложеніяхъ такой патріотизмъ и сдержанность, такое отвращеніе ко всякимъ насильственнымъ переворотамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ такое рѣшительное стремленіе къ разумному прогрессу, что можно-бы было съ полнымъ довѣріемъ предоставить и ему и народу, для котораго онъ служилъ представителемъ, право пользоваться свободными государственными учрежденіями. Тогда наступилъ моментъ для великодушнаго рѣшенія замѣнить

абсолютизмъ конституціонной системой управленія; но король и тогда побоялся ограничить свой личный произволъ и создать въ Пруссіи непоколебимую легальную основу для государственнаго права. Романтика неписаннаго права возстала и въ этотъ рѣшительный моментъ противъ писаннаго закона, не признавая той истины, что достигшій умственной зрѣлости народъ хочетъ утравляться законами, что общее стремленіе къ органиченію правительственной власти конституціонными постановленіями и къ участию народа въ дѣлахъ государственнаго управленія было не скоропреходящей прихотью, а самой глубоко укоренившейся идеей новаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ исторически созрѣвшей потребностью нѣмецкаго народнаго ума“.

4. Среднія и мелкія сѣверо-германскія государства.

Іюльская революція вызвала внутреннія смуты и возстанія въ 1. Саксонія. саксонскомъ королевствѣ точно такъ-же, какъ и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, далеко отставшихъ отъ требованій времени и общественнаго мнѣнія. Тамъ уже давно была всѣмъ ненавистна ретроградная политика графа Эйнзиделя, подавлявшаго всякую свободу и даже не заботившагося о матеріальномъ благосостояніи населенія. Въ Сент. 1830. первыхъ числахъ сентября вспыхнули въ Лейпцигѣ уличныя смуты, сопровождавшіяся опустошеніемъ жилищъ нѣкоторыхъ непопулярныхъ должностныхъ лицъ; однако спокойствіе было скоро восстановлено городской стражей. Такія-же смуты возникли въ Дрезденѣ; тамъ дѣло дошло до крайнихъ безчинствъ и до рукопашнаго боя съ войсками. Чтобъ прекратить волненіе, графъ Эйнзидель вышелъ въ отставку; его замѣнилъ болѣе популярный Линденау—человѣкъ благонамѣренный съ умѣренно-либеральными убѣжденіями, по почину котораго было введено нѣсколько благотворныхъ реформъ. Престарѣлый король Антонъ взялъ въ соправители своего племянника Фридриха Августа II, очень любимаго народомъ, и рѣшился перейти отъ Сент. 1830. патріархальной формы правленія къ конституціонной. Онъ ввелъ 4 сент. 1831. конституцію, которая хотя и не удовлетворяла справедливыхъ желаній народа, но по меньшей мѣрѣ вносила въ старыя земскія учрежденія нѣкоторыя формы новѣйшей системы народнаго представительства. Патріархальный абсолютизмъ въ сущности подвергся лишь незначительнымъ ограниченіямъ; пока доживалъ свой вѣкъ король Антонъ, велась усиленная католическая пропаганда, душою которой былъ апостоліческий викарій, епископъ Маурманнъ; она до крайности раздражала протестантское населеніе и уже во время празднованія годовщины «Аугсбургскаго исповѣданія» вызвала серьезные беспорядки. Іюнь 1830. Конституція сначала существовала только на бумагѣ; въ палатахъ не было замѣтно сколько-нибудь значительнаго политическаго прогресса; организаціи настоящаго народнаго представительства препятствовало избраніе представителей отдѣльно отъ cadaго сословія—отъ владѣльцевъ рыцарскихъ помѣстьевъ, отъ городскихъ гражданъ,

отъ крестьянъ и отъ купечества. Приверженцы конституціонныхъ учреждений и извѣстные вожди либераловъ адвокатъ Моссдорфъ и дрезденскій купецъ Бертольди были осуждены на продолжительное тюремное заключеніе по судебному приговору, нарушавшему всѣ формы судопроизводства; они были подвергнуты такимъ истязаніямъ въ Кёнигштейнской крѣпости, что съ отчаянія лишили себя жизни.

1833.

6 іюня 1836.

Фридрихъ Августъ II.

1836—1854.

И послѣ того, какъ болѣе чѣмъ восьмидесятилѣтній король Антонъ кончилъ жизнь, а принцъ-регентъ Фридрихъ Августъ сталъ управлять государствомъ отъ своего собственнаго имени, было замѣтно мало признаковъ политическаго прогресса. Между либеральными депутатами особенно отличался въ теченіе многихъ лѣтъ адвокатъ Тодтъ; онъ энергически доказывалъ въ палатѣ негодность и вредъ государственныхъ учреждений Саксоніи; то-же дѣлали въ произведеніяхъ печати Робертъ Блумъ и Бидерманнъ. Вся Германія отнеслась съ сочувствіемъ къ предъявленному саксонской палатой въ 1842 году требованію устнаго и публичнаго разбирательства уголовныхъ дѣлъ. Въ то время впервые выступилъ на поприще общественной дѣятельности Робертъ Блумъ, сначала бывший кассиромъ при театрѣ, потомъ редакторомъ газеты; это былъ очень способный человѣкъ, обладавшій такимъ даромъ слова, что его друзья сравнивали его съ Мирабо; его имя очень скоро сдѣлалось извѣстнымъ во всей Германіи. Когда престарѣлый министръ Беригардъ фонъ-Линденау

1843.

вышелъ въ отставку, чтобъ вполне посвятить себя своимъ ученымъ занятіямъ по астрономіи, господствовавшую въ Саксоніи ретроградную систему стало поддерживать министерство Кённерицъ-Фалькенштейнъ; оно стало подвергать строгимъ преслѣдованіямъ печать и политическія общества, проявленія либерализма въ церковной сферѣ и движенія среди нѣмецкихъ католиковъ. Въ особенности запрещеніе журнала Арнольда Руге *Deutsche Jahrbücher* произвело очень прискорбное впечатлѣніе. Главнымъ виновникомъ ретроградной системы считали брата короля и наследника престола, принца Іоанна, котораго ненавидѣли между прочимъ и потому, что его вліянію приписывали подавленіе нѣмецкаго католицизма. Въ то время, какъ

12 авг. 1845.

принцъ дѣлалъ въ Лейпцигѣ смотръ милиціи, возникли уличныя смуты. Передъ гостинницей, въ которой остановился католическій наследный принцъ, народъ пропѣлъ лютеранскую церковную пѣсню; за тѣмъ народная толпа стала совершать разныя безчинства, — стала произносить громкія угрозы противъ іезуитовъ, стала бить стекла въ домахъ и пр. Но уже послѣ того, какъ эти буйства прекратились, отрядъ войскъ сталъ стрѣлять безъ всякой надобности въ толпу, не предупредивши ее объ этомъ, и убилъ или ранилъ нѣсколько невинныхъ зѣвакъ. Народъ пришелъ въ сильное негодованіе, а принцъ торопливо выѣхалъ изъ города. Дѣло не дошло до открытаго возстанія главнымъ образомъ благодаря осмотрительному образу дѣйствій

влиятельнаго и очень популярнаго Роберта Блума. Но вмѣсто того, чтобъ чѣмъ нибудь удовлетворить жителей Лейпцига, возмущавшихся совершенными убійствами, правительство приступило къ розыскамъ и къ преслѣдованію участниковъ смутъ. Либеральная оппозиція, во главѣ которой стояли Блумъ и болѣе умѣренный въ своихъ требованіяхъ Бидерманнъ, извлекла для себя новую пищу изъ лейпцигскихъ событій; но правительство умѣло такъ сдѣлать, что нерадивые жители Саксоніи постоянно присылали въ палату преданное ему большинство депутатовъ.

Къ числу тѣхъ странъ, въ которыхъ всего замѣтнѣе проявилось 2. Ганноверъ. вліяніе іюльской революціи, принадлежалъ Ганноверъ, гдѣ только что Вильгельмъ IV вступилъ на престолъ король Вильгельмъ IV (1). Въ Остероде, въ Гёттингенѣ и въ другихъ мѣстахъ возникли безпорядки, заставившіе правительство прибѣгать къ вооруженной силѣ и къ судебнымъ преслѣдованіямъ. Чтобъ успокоить умы, былъ уволенъ графъ Мюнстеръ, завѣдывавшій управленіемъ Ганновера отъ имени англійскаго короля, а ганноверскимъ вице-королемъ былъ назначенъ братъ короля, герцогъ Кэмбриджскій. За тѣмъ былъ изданъ новый основной государственный законъ, который значительно расширялъ право участія земскихъ чиновъ въ утвержденіи налоговъ и въ законодательствѣ, вводилъ свободу вѣроисповѣданій, равенство передъ судомъ, отвѣтственность министровъ, допускалъ публичность преній въ сеймѣ и свободу печати; хотя онъ удовлетворялъ далеко не всѣ заявленныя требованія, но въ сравненіи съ старой конституціей 1819 года былъ важнымъ прогрессомъ. Къ сожалѣнію при этомъ не постарались заручиться одобреніемъ старшаго изъ королевскихъ братьевъ, герцога Кумберландскаго, который долженъ былъ, по всему вѣроятію, сдѣлаться наслѣдникомъ престола. Основной государственный законъ призналъ домены собственностью государства, а королю назначилъ опредѣленную сумму на его расходы («цивильный листъ»); въ этомъ постановленіи усматривали причину, по которой будущій монархъ нарушитъ конституцію. Вѣдь этотъ монархъ могъ надѣяться, что, пользуясь доходами съ доменовъ, ему легче будетъ расплачиваться съ его громадными долгами.

Въ 1837 году, въ сотую годовщину основанія знаменитаго гёттингенскаго университета, скончался Вильгельмъ IV; тогда англійская корона досталась по наслѣдству его племянницѣ Викторіи. Но такъ какъ по нѣмецкимъ законамъ женщины были лишены права престолонаслѣдія, то ганноверская корона досталась дядѣ королевы, герцогу Кумберландскому Эрнсту Августу. Вся страна была въ восторгѣ отъ того, что, послѣ столѣтняго соединенія съ Англіей, наконецъ сдѣлалась самостоятельной, но эта радость была непродолжительна: новый король былъ упорнымъ и гордымъ приверженцемъ торійскихъ воззрѣній; въ патентѣ, которымъ онъ возвѣстилъ о своемъ вступленіи

2. Ганноверъ.
Вильгельмъ IV
(I).
1830—1837.

Февр. 1831.
26 сент. 1833.

† 20 іюня
1837.

Борьба за конституцію.

Эрнстъ Августъ.

1837—1851.

5 іюля 1837.

на престолъ, онъ объявилъ, что основной государственный законъ 1833 года не имѣетъ обязательной силы для короля ни по своей формѣ ни по своему содержанію, потому что «былъ изданъ безъ одобренія мужской линіи королевскаго дома и потому что заключаетъ въ себѣ существенное нарушеніе правъ верховной власти». Съ точки зрѣнія государственнаго права, согласіе наслѣдника престола на введеніе новой конституціи не считалось необходимымъ; сверхъ того впослѣдствіи было доказано, что герцогъ Кумберландскій изъявилъ королю Вильгельму согласіе на изданіе той конституціи и вовсе не протестовалъ противъ включенія доменовъ въ государственную собственность. Поэтому всѣ попытки оправдать нарушеніе конституціи оказывались безуспѣшными. За тѣмъ была восстановлена старая конституція 1819 года съ своими чрезмѣрными привилегіями въ пользу дворянства и должностныхъ лицъ. Исполнителемъ этого явнаго нарушенія конституціи былъ новый министръ Шеле, сдѣлавшійся настоящимъ правителемъ Ганновера. Отъ всѣхъ должностныхъ лицъ («королевскихъ слугъ») потребовали принесенія новой присяги. Многимъ изъ нихъ пришлось бороться съ своею совѣстью, чтобъ исполнить это требованіе. Но отъ принесенія присяги отказались семь профессоровъ гёттингенскаго университета, — семь лучшихъ представителей нѣмецкой науки; это были: два брата Гриммъ, Дальманнъ, Гервинусъ, Эвальдъ, юристъ Альбрехтъ, физикъ Вильгельмъ Веберъ. Они были уволены отъ своихъ должностей, а трое изъ нихъ — Дальманнъ, Іаковъ Гриммъ и Гервинусъ были изгнаны изъ страны за то, что опубликовали свой протестъ. Одобреніе, съ которымъ отнеслась вся Германія къ образу дѣйствій «семерыхъ гёттингенцевъ», и предложенное имъ денежное вспомошествованіе были первымъ доказательствомъ силы общественнаго мнѣнія и незамѣтно укоренившася въ народѣ уваженія къ закону. Но ни союзный сеймъ ни нѣмецкія правительства не измѣнили прежняго направленія своей политики. Не обращая никакого вниманія на протесты городовъ и корпорацій, ганноверскій король приказалъ производить новые выборы на основаніи закона 1819 года; а когда земскіе чины заявили, послѣ нѣкотораго

25 іюня 1838. колебанія, что не считаютъ себя въ правѣ признать отмѣну основнаго государственнаго закона 1833 года, имъ было приказано разойтись. Многіе изъ членовъ земскихъ собраній и избирательныхъ корпорацій обратились къ союзному сейму съ жалобами на нарушеніе законовъ, но сеймъ объявилъ, что возникшій споръ касается внутренняго управленія Ганновера, и уклонился отъ вмѣшательства; онъ снова сослался на свою некомпетентность въ такомъ дѣлѣ, гдѣ было на лицѣ явное нарушеніе закона. Были случаи отказа отъ уплаты податей со ссылками на мнѣнія юридическихъ факультетовъ іенскаго, гейдельбергскаго и тюбингенскаго, но правительство достигло своей цѣли посредствомъ описи имущества неплательщиковъ. Въ слѣдую-

щемъ году нѣкоторые изъ депутатовъ отказались отъ вступленія въ составъ палаты, избранной противозаконно, и этимъ довели дѣло до того, что палата не могла постановлять никакихъ рѣшеній по недостатку законнаго числа членовъ; тогда они были замѣнены членами, выбранными меньшинствомъ, и правительство стало прибѣгать къ разнымъ возмутительнымъ мѣрамъ, чтобъ наполнить палату такимъ числомъ депутатовъ, какое было необходимо для утвержденія налоговъ. Послѣ неоднократныхъ распушеній палаты правительство наконецъ достигло своей цѣли: крайне незначительное палатское большинство утвердило новую конституцію, составленную въ аристократическомъ духѣ старыхъ сословныхъ привилегій. Всѣ протесты были оставлены безъ вниманія. Эта конституція 1840 года ограничила законодательную дѣятельность земскихъ чиновъ правомъ только высказывать мнѣнія, отмѣнила отвѣтственность министровъ, воспретила публичность преній въ земскихъ собраніяхъ и отдала домены королю въ личную собственность. Дополнительный къ закону о выборахъ, декретъ постановлялъ, что всякій депутатъ долженъ, до вступленія въ составъ палаты, безусловно признать обязательную силу конституціи 1840 года; эта мѣра ставила поборниковъ старыхъ правъ земства въ невозможность отстаивать эти права въ земскихъ собраніяхъ. Вожди оппозиціи—оснабрюкскій бургомистръ Стюве и его замѣститель Брейзингъ, директоръ городского управленія въ Ганноверѣ Руманнъ и др. — были подвергнуты судебнымъ преслѣдованіямъ и наказаніямъ. Силы оппозиціи были съ тѣхъ поръ сломлены и общественная дѣятельность въ Ганноверѣ утратила всякій интересъ. Но на нѣмецкихъ сеймахъ нарушеніе ганноверской конституціи долго служило поводомъ для оживленныхъ преній и энергическихъ протестовъ.

1839.

6 авг. 1840.

Взрывъ недовольства, возбужденнаго злоупотребленіями, былъ особенно силенъ въ маленькомъ герцогствѣ Брауншвейгскомъ (XIV, 736 и сл.). Герцогъ Карлъ самъ былъ очевидцемъ возстанія Парижанъ, окончившагося низверженіемъ Бурбоновъ, а когда онъ возвратился домой, ему скоро пришлось испытать такую-же участь. Его черствое сердце было нечувствительно къ поучительнымъ выводамъ изъ іюльской революціи; въ виду громкихъ выраженій народнаго недовольства онъ полагался только на армію. Однако это недовольство уже проникло во всѣ классы населенія; даже дворяне принадлежали къ числу недовольныхъ, потому что были оттѣснены на задній планъ разными авантюристами, выскочками и прислужниками. Давно готовившееся возстаніе вспыхнуло вечеромъ 6 сентября и продолжалось въ слѣдующій день. Благоразумные совѣтники герцога успѣли отговорить его отъ исполненія угрозы разогнать народъ ружейными выстрѣлами. Мятежники проникли въ герцогскій дворецъ въ то время, какъ самъ герцогъ спасался бѣгствомъ; это великолѣпное зданіе

3. Брауншвейгъ.

Сент. 1830.

сдѣлалось жертвою пламени, освѣщавшаго дорогу тому, кто прежде былъ учителемъ своихъ подданнымъ, а теперь сдѣлался бѣглецомъ.

Вильгельмъ. Его братъ и преемникъ Вильгельмъ принялъ на себя обязанности
1830—1884. временнаго правителя; а послѣ того, какъ члены Брауншвейгскаго дома признали изгнаннаго герцога неспособнымъ къ управленію герцогствомъ, Вильгельмъ вступилъ на герцогскій престолъ, назначилъ министрами людей, заботившихся объ интересахъ народа и по согла-
12 окт. 1832. шенію съ земскими чинами ввелъ новую систему управленія. Тогда началась въ Брауншвейгѣ очень оживленная реформаторская дѣятельность; однако и тогда дѣло не обошлось безъ борьбы между правительствомъ и либералами сейма, во главѣ которыхъ стоялъ адвокатъ Штейнакеръ. Жившій за границей, герцогъ Карлъ еще долго велъ оттуда интриги съ цѣлію низвергнуть новое правительство, но не находилъ приверженцевъ ни внутри герцогства ни впѣ его; даже союзный сеймъ призналъ его утратившимъ права на престолъ. Онъ тщетно распространялъ прокламаціи, наполненныя обѣщаніями самыхъ либеральныхъ учреждений, и въ то-же время пытался силою достигнуть верховной власти: его попытки никому не внушали сочувствія и онъ не находилъ приверженцевъ даже между лицами военнаго званія. Во главѣ отряда, состоявшаго изъ разнаго сброда, онъ попытался подчинить Брауншвейгъ своей власти, но не имѣлъ успѣха. Послѣ того онъ долго жилъ за границей, гдѣ славился своими богатствами и возбуждалъ не мало скандаловъ своимъ образомъ жизни и своими причудливыми выходками; достигши глубокой старости, онъ кончилъ жизнь въ городѣ Женевѣ, которому завѣщалъ свое состояніе.

4. Гессенъ-Кассель. Кон- Июльская революція нигдѣ не нашла болѣе обильнаго запаса го-
чина Вильгель- рючаго матеріала, чѣмъ въ Гессенъ-Касселѣ, который управлялся
ма II. самымъ безобразнымъ образомъ въ теченіе многихъ десятилѣтій
Фридрихъ (XIV, стр. 737 и сл.). Извѣстіе о парижскихъ событіяхъ возбудило
Вильгельмъ I тамъ сильное волненіе умовъ и вызвало внутреннія смуты, которыя не
въ званіи ре- сопровождались опасными переворотами только благодаря благора-
гента. зумной сдержанности населенія и торопливо изъявленной правитель-
ствомъ готовности па уступки. Въ Касселѣ и въ нѣкоторыхъ дру-
Сент. и окт. гихъ городахъ происходили шумныя народныя сходки, была органи-
1830. зована городская гвардія, были предъявлены требованія реформъ и
5 янв. 1831. были созваны земскіе чины. Затѣмъ былъ созванъ сеймъ, состо-
явшій изъ представителей трехъ старинныхъ гессенскихъ курій, и
была составлена новая конституція, которая въ значительной мѣрѣ
удовлетворяла тогдашнія стремленія къ конституціоннымъ учрежде-
ніямъ, а надъ конституціями другихъ нѣмецкихъ государствъ имѣла
то преимущество, что вводила систему управленія съ одной налатой
вмѣсто двухъ. Когда возвращеніе графини Рейхенбахъ возбудило
новыя волненія, курфюрстъ Вильгельмъ II переѣхалъ на жительство

въ Ганау и во Франкфуртъ и назначилъ наслѣднаго принца Фридриха Вильгельма I своимъ соправителемъ, чѣмъ вызвалъ въ народѣ горячее одобреніе, которое однако скоро оказалось неосновательнымъ. 30 сент. Послѣ кончины очень любимой народомъ, супруги курфюрста Августы, этотъ послѣдній вступилъ въ морганатическій бракъ съ графиней Рейхенбахъ, а послѣ ея смерти женился на дочери кассельскаго городского коменданта, Каролинѣ Берлепшъ (баронессѣ Бергенъ). Онъ кончилъ жизнь во Франкфуртѣ 20 ноября 1847. И послѣ его смерти не прекратились раздоры въ его семействѣ, вредно отзывавшіеся на дѣлахъ управленія. Наслѣдный принцъ вступилъ въ бракъ съ разведенной женой прусскаго офицера Леманна, которой былъ сначала данъ титулъ графини Шаумбургъ, а потомъ титулъ принцессы Ганау; но ея сыновья были лишены права престолонаслѣдія.

И въ другихъ отношеніяхъ наслѣдный принцъ - соправитель шелъ Система управ- по стопамъ своего отца въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ въ ленія Гессен- 1832 году сталъ во главѣ управленія Гессенпфлугъ. Съ той поры пфлуга и Шеф- разладъ между правительствомъ и земскими чинами до такой степени фера. обострился, что всѣ законодательныя работы пріостановились и возникла опасность очень серьезныхъ внутреннихъ потрясеній. Гессен-кассельская конституція принадлежала къ числу самыхъ либеральныхъ нѣмецкихъ конституцій, но она неустояла противъ посягательствъ на ея неприкосновенность со стороны деспотическаго правителя и неуважавшаго ничьихъ законныхъ правъ, министра. Гессенпфлугъ съ успѣхомъ старался унижать народныхъ представителей, подавлять свободу печати, дѣлать изъ должностныхъ лицъ раболѣпныхъ исполнителей своей воли, вліять на отправленіе правосудія и вообще вводить безусловный абсолютизмъ, доставлявшій ему возможность удовлетворять свое властолюбіе и корыстолюбіе. Онъ прибѣгалъ къ софистическимъ истолкованіямъ содержанія конституціи и къ распущеніямъ палаты и сдерживалъ оппозицію земскихъ чиновъ съ помощью низкихъ происковъ; двѣ поданныя на него жалобы за нарушение конституціи были отвергнуты судомъ. При этомъ оказывалось поощреніе самому бездушному шетизму: даже празднованіе трехсотъ-лѣтней годовщины заключенія Шмалькальденскаго союза было запрещено. Гессенпфлугъ старался придерживаться старой системы управленія даже въ ея мелочныхъ и смѣшныхъ внѣшнихъ формахъ; такъ напр., онъ запретилъ всѣмъ гражданскимъ должностнымъ лицамъ ношеніе усовъ. Начатое имъ съ такимъ успѣхомъ, уничтоженіе конституціи было доведено до конца его учениками послѣ того, какъ онъ неожиданно вышелъ въ отставку вслѣдствіе личной размолвки съ принцемъ-регентомъ по мотивамъ, до сихъ поръ остающимся невыясненными. Шефферъ и Ганштейнъ старались довести конституціонныя права земскихъ чиновъ до крайняго минимума, однако встрѣчали энергическое сопротивленіе со стороны вождей оппозиціи Июль 1837.

Випперманна, Генкеля, кассельскаго бургомистра Шомбурга и талантливаго публициста Фридриха Ёткера, издававшаго новую гессенскую газету. Правительство относилось съ самымъ грубымъ пренебреженіемъ къ праву земскихъ чиновъ утверждать бюджетъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не прекращался споръ объ имѣніяхъ, когда-то принадлежавшихъ одной изъ пресѣкшихся боковыхъ линій гессенскихъ владѣтельныхъ князей (о такъ называемой *Rotenburger Quart*); правительство хотѣло признать эти имѣнія за личную собственность гессенъ-кассельскаго царствующаго дома, а земскіе чины хотѣли признать ихъ за собственность государства. Шефферъ, который былъ настоящей двигательной силой въ этой ультра-реакціонной системѣ, доходилъ въ своей заносчивости до утвержденія, будто законодательная власть есть исключительная принадлежность владѣтельнаго князя; когда земскіе чины не утверждали какой нибудь статьи въ смѣтѣ государственныхъ расходовъ, онъ обыкновенно заявлялъ, что деньги все таки будутъ отпускаться изъ государственнаго казначейства на покрытіе предположеннаго расхода. При этомъ онъ обходился съ земскими чинами такъ грубо, что возбуждалъ негодованіе во всей Германіи; систему софистическаго истолкованія смысла конституціи онъ довелъ до совершенства.

Випперманнъ писалъ въ *Allgemeine Zeitung*: „Не смотря на безнравственность средствъ, къ которымъ постоянно прибѣгалъ Гассенпflugъ, онъ руководствовался широкимъ политическимъ принципомъ и его нельзя не отнести къ числу государственныхъ дѣятелей; но старавшійся подражать ему, Шефферъ постоянно руководствовался самыми мелочными соображеніями. Онъ заимствовалъ отъ своего наставника только внѣшніе приемы управленія и крайнюю безцеремонность въ обхожденіи съ представителями земства. Не задававшійся никакими возвышенными цѣлями, Шефферъ былъ вѣрнымъ представителемъ небольшой клики ханжей, у которыхъ умственный кругозоръ не заходилъ за предѣлы гессенъ-кассельскихъ владѣній. Но Шефферу не доставало мужества объявить себя врагомъ какихъ-бы то ни было конституціонныхъ учреждений: онъ, по видимому, считалъ задачей своей жизни отмѣну только тѣхъ государственныхъ учреждений, которыя существовали въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и были въ 1831 году облечены только въ новыя формы. Для его адвокатской натуры такая задача представляла заманчивое и широкое поле дѣятельности; она нравилась и причудливому владѣтельному князю, которому были непріятны какія либо разумныя ограниченія его личнаго произвола“.

Результаты господствующей системы управленія. Рука объ руку съ политической реакціей развивалась и реакція церковная какъ въ католическомъ, такъ и въ евангелическомъ направленіи; во главѣ евангелическаго піетизма стояли директоръ марбургской гимназіи Вильмаръ, профессоръ Викаль, впослѣдствіи занимавшій постъ министра юстиціи, и др. Членамъ церковной партіи повсюду оказывалось предпочтеніе; преслѣдованіямъ подвергались даже нѣмецкіе католики. Однимъ изъ самыхъ возмутительныхъ подвиговъ

реакціи было гоненіе, которому подвергли марбургскаго профессора юриспруденціи Іордана, —самаго выдающагося изъ представителей оппозиціи, либеральнаго и высоко-даровитаго человѣка, носившаго такое имя, которое наводило страхъ на всѣхъ нѣмецкихъ реакціонеровъ (стр. 217). Іорданъ былъ уволенъ отъ должности и подвергнутъ Іюнь 1839. судебному преслѣдованію за государственную измѣну; на основаніи самыхъ легкихъ уликъ, его заклеили названіемъ вождя революціонной партіи и подвергли продолжительному содержанію подъ стражей, разстроившему его здоровье; это былъ по-истинѣ возмутительный процессъ, возбудившій сильное негодованіе во всей Германіи. Послѣ четырехъ-лѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, гдѣ онъ написалъ свою замѣчательную книгу «Іезуиты и іезуитизмъ», Іорданъ былъ приговоренъ къ пятилѣтнему заключенію въ крѣпости за «содѣйствіе попыткѣ государственной измѣны тѣмъ, что не воспротивился преступному предпріятію посредствомъ доноса»; но высшій апелляціонный судъ оправдалъ его. Этотъ процессъ много содѣйствовалъ тому, что въ Германіи стали повсюду требовать реформы судопроизводства, введенія публичнаго и устнаго разбирательства и суда присяжныхъ, упраздненія инквизиціонныхъ пріемовъ юстиціи. Неоднократныя распушенія палаты и уголовныя преслѣдованія ея членовъ за произнесенныя рѣчи навели такой страхъ, что сеймъ сталъ подчиняться системѣ управленія Шеффера. Гессенскіе суды обнаруживали въ своихъ рѣшеніяхъ безпристрастіе и самостоятельность; за это члены судовъ подвергались выговорамъ, перемѣщеніямъ съ одной должности на другую и другимъ наказаніямъ. При такой системѣ ровно ничего не дѣлалось для умственныхъ и матеріальныхъ интересовъ страны; по видимому, единственной задачей правительства было принятіе самыхъ мелочныхъ полицейскихъ мѣръ. Всю эту постыдную систему мѣтко охарактеризовалъ Випперманнъ въ своей книгѣ «Гессенъ-Кассель со времени войнъ за освобожденіе Германіи». Когда, послѣ смерти Вильгельма II, его соправитель Фридрихъ Вильгельмъ I сталъ Фридрихъ Вильгельмъ I. 1847—1866. управлять государствомъ отъ своего собственнаго имени, онъ выразилъ намѣреніе ввести измѣненія въ конституціи; но сеймъ заявилъ, что присяга конституціи, ранѣе принесенная послѣднимъ принцемъ, обязательна для него на всю жизнь; даже офицеры объявили, что не нарушатъ присягу, принесенную конституціи при своемъ вступленіи въ военную службу; тогда пришлось отказаться отъ проекта измѣненія основныхъ государственныхъ законовъ. Съ февральской революціей настали и для Гессенъ-Касселя лучшія времена, но они были очень непродолжительны.

Въ Мекленбургѣ по прежнему господствовалъ феодально-аристократическій режимъ съ своими средневѣковыми учрежденіями, которыя были нами описаны ранѣе (XIV, 741); мы далѣе увидимъ, что тамъ постоянно усиливались злоупотребленія дворянства, игравшаго главную роль въ дѣлахъ управленія. 5. Мекленбургъ.

6. Ганзейскіе города. Больные приморскіе города были такъ заняты своей обширной торговлей и имѣли такъ мало общихъ интересовъ съ Германіей, что не принимали дѣятельнаго участія въ политической жизни нѣмецкой націи; но при господствовавшемъ въ то время настроеніи умовъ и на этой республиканской почвѣ нельзя было достигнуть реформы городскихъ учреждений и аристократическаго режима. Главный торговый городъ Германіи, Гамбургъ постигло въ ту пору страшное бѣдствіе— такой ужасный пожаръ, какого еще никогда не случалось ни въ одномъ изъ большихъ городовъ. Въ теченіе трехъ дней сгорѣла пятая часть города и въ теченіе нѣсколькихъ недѣль не переставали дымиться развалины. Очевидцы съ ужасомъ рассказывали, какъ пламя охватило старинную великолѣпную церковь св. Николая, какъ раскалившіеся колокола стали сами звонить и вслѣдъ за тѣмъ съ страшнымъ трескомъ рушилась высокая колокольня, какъ горѣвшій очищенный спиртъ плылъ по каналамъ, переноса пожаръ изъ одного мѣста въ другое. Жертвами пламени сдѣлались биржа, городская ратуша, церковь св. Петра, Смирительный домъ и въ общей сложности тысяча семьсотъ зданій. Только благодаря своей энергіи и богатству и благопріятнымъ нѣшнимъ условіямъ, жители Гамбурга могли снова отстроить городъ въ самое короткое время и почти не на одинъ день не прерывать своихъ торговыхъ занятій.

5—8 мая
1842.

5. Южно-германскія государства.

1. Баварія. Мы уже ранѣе познакомились съ исторіей Баваріи до начала царствованія Лудвига I (XIV, 743 и сл.). Король по прежнему предавался своимъ влеченіямъ къ искусству и приносилъ имъ большія жертвы; но въ сферахъ политической и церковной правительствомъ все рѣшительнѣе вступало на путь реакціи, абсолютизма и ультрамонтанизма, а сеймы истощали свои силы въ безплодной борьбѣ съ королевскою властію, стремившеюся къ полной неограниченности своихъ правъ, и съ суровой церковной партіей. Монастыри и монахи пользовались такимъ-же милостивымъ расположеніемъ правительства, какъ въ Средніе вѣка, а школы находились подъ вліяніемъ католическаго духовенства. Преслѣдованіе демагоговъ процвѣтало въ Баваріи точно такъ-же какъ и въ другихъ государствахъ (его жертвами сдѣлались бургомистръ Беръ и докт. Эйзенманнъ); испрашиваніе помилованія передъ портретомъ короля было баварскимъ изобрѣтеніемъ и учрежденіемъ. Мюнхенскій университетъ былъ на время закрытъ вслѣдствіе незначительныхъ нарушеній порядка. Печать держали подъ строгимъ надзоромъ; въ Баваріи даже произведенія классиковъ очищались отъ «яда политическихъ заблужденій». Изданный 28 января 1831, строгій эдиктъ о цензурѣ возбудилъ сильное волненіе; палата горячо проте-

ствовала противъ него, потому что онъ нарушалъ конституцію; это сдѣлалось причиной выхода министра Шенка въ отставку. Тогда составилось министерство князя Лудвига Ёттингенъ-Валлерштейна; это былъ человѣкъ съ недюжинными дарованіями, внушавшій уваженіе своимъ характеромъ; онъ постоянно колебался въ выборѣ между реакціей и конституціоннымъ режимомъ, однако старался въ нѣкоторой мѣрѣ противодѣйствовать стремленіямъ абсолютистовъ и церковной партіи и палъ жертвою своего сопротивления клерикаламъ, которые достигли при его преемникѣ безусловнаго господства.

Подъ управленіемъ Абеля и его коллеги графа Зейнсгейма, церковная партія и Меттернихъ постоянно руководили внутренней и внѣшней политикой Баваріи, не вызывая никакихъ возраженій. Абель Министерство
Абеля.
1837—1847. предался ханжеству и ультрамонтанизму съ тѣмъ фанатическимъ рвеніемъ, какое свойственно ренегатамъ. Его вступленіе въ должность сопровождалось уничтоженіемъ свободы печати въ обсужденіи вопросовъ внутренняго управленія и введеніемъ наказанія палками. Баварская цензура скоро пріобрѣла дурную репутацію, одинакую съ австрійской, потому что, по мнѣнію Абеля, пресса была низкой развратницей, а журналисты были извергами человѣческаго рода. Однажды случилось, что цензоръ не дозволилъ напечатать стихотвореніе, которое было извлечено изъ принадлежавшаго королю сборника. Въ то время для всѣхъ европейскихъ ультрамонтановъ сдѣлался сборнымъ пунктомъ домъ Гёрреса, занимавшагося изданіемъ своихъ историко-политическихъ листовъ и писавшаго свою «христіанскую мистику» — сочиненіе, наполненное самымъ причудливымъ мистицизмомъ. Но ультрамонтаны уже тогда любили скрывать свои убѣжденія подъ маской демократическихъ идей. Съ конца тридцатыхъ годовъ стало постоянно усиливаться вліяніе іезуитовъ; они тогда называли себя редемптористами, а король Лудовикъ долго противился ихъ допущенію въ Баварію; рука объ руку съ іезуитами дѣйствовали протестантскіе піетисты, которыми руководилъ президентъ верховной консисторіи Ротъ. Въ десятилѣтнее управленіе Абеля число баварскихъ монастырей достигло громадной цифры ста тридцати двухъ. Не смотря на то, что законъ предоставлялъ евангелическому богослуженію равноправность съ другими вѣроисповѣданіями, оно не рѣдко встрѣчало непреодолимые препятствія: протестантскимъ солдатамъ приказывали преклонять колѣна передъ св. Дарами, чѣмъ вызывали бурю негодованія во всей Германіи (стр. 50). Пасторъ Реденбахеръ, мужественно протестовавшій противъ такого требованія, былъ подвергнутъ уголовному преслѣдованію и приговоренъ къ тюремному заключенію. Въ 1844 году было наложено запрещеніе на общество Густава Адольфа. Между тѣмъ какъ всегда оказывалось достаточно денежныхъ средствъ для церковныхъ цѣлей и для удовлетворенія влеченій къ искусствамъ, обнаруживалось крайнее пренебреженіе ко всякой производительной дѣятель-

ности; должностныя лица и учителя находились въ крайне стѣсненномъ матеріальномъ положеніи, а надъ этими послѣдними кромѣ того тяготѣлъ умственный гнѣтъ, потому что ихъ заставляли придерживаться негодной системы преподаванія. Мюнхенскій университетъ снова пришолъ въ самый жалкій упадокъ; такіе люди, какъ Шеллингъ и Францъ Баадеръ встрѣчали громадныя затрудненія въ своей профессорской дѣятельности. Король нисколько не заботился и о военномъ устройствѣ; поэтому баварская армія не могла равняться съ другими нѣмецкими арміями ни своимъ вооруженіемъ, ни своей годностью для военныхъ дѣйствій.

Система управления
Абеля и баварскія палаты.

Неоднократно возникало опасеніе, что Абель послѣдуетъ примѣру короля Ганноверскаго и отмѣнитъ конституцію. Хотя этого и не случилось, но Баварія все-таки управлялась вовсе не по конституціонной системѣ. Король чувствовалъ сильное влеченіе къ абсолютизму, но старался прикрывать его соблюденіемъ внѣшнихъ формъ конституціоннаго управленія. Это было ему нетрудно въ особенности потому, что въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ онъ встрѣчалъ лишь слабое сопротивленіе со стороны палатъ. Общее настроеніе умовъ было мрачное и угнетенное. Очень скромныя и сдержанныя въ своемъ образѣ дѣйствій, палаты лишились своихъ лучшихъ членовъ вслѣдствіе того, что адвокаты и даже доктора были причислены къ разряду лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и для участія въ палатскихъ засѣданіяхъ нуждались въ отпускѣ, въ которомъ имъ постоянно отказывали. Такое народное представительство не могло оказывать упорнаго сопротивленія насильственнымъ мѣрамъ Абеля. Поэтому правительство могло смѣло отстаивать такіе принципы, которые угрожали сейму упраздненіемъ его права утверждать бюджетъ и низводили конституцію на степень пустого призрака. Въ верхней палатѣ сынъ фельдмаршала князь Карлъ Вреде велъ упорную и успѣшную борьбу съ церковной партіей и съ системою управленія Абеля; въ нижней палатѣ считался вождемъ оппозиціи регенсбургскій бургомистръ баронъ Топъ-Диттмеръ. Сильное возбужденіе умовъ было вызвано тѣмъ, что изъ баварскаго государственнаго казначейства противозаконно отпускались въ видѣ займовъ деньги новому греческому королю; подробности этого факта никогда не были вполне выяснены и служили поводомъ для пререкательствъ вплоть до революціонныхъ движеній 1848 года. Кромѣ напрасной траты баварскихъ денегъ, правительство напрасно истощало и оборонительныя силы государства, отправляя отряды войскъ въ распоряженіе такъ недолго удержавшагося на престолѣ греческаго короля Оттона.

Лола Монтець.

Въ доведенной до полного застоя, политической жизни обнаружилось сильное возбужденіе вслѣдствіе такого событія, которое сначала входило только въ сферу личныхъ интересовъ короля, но скоро

стало сильно вліять на весь ходъ государственнаго управленія. Въ октябрѣ 1846 г. пріѣхала въ Мюнхенъ испанская танцовщица и куртизанка Лола Монтець; эта властолюбивая, но не корыстолюбивая авантюристка, отличавшаяся обворожительной, хотя и нѣсколько поблекшей, красотой, пылкими страстями и недюжиннымъ умомъ, скоро совершенно опутала своими сѣтями равнодушнаго къ женскимъ прелестямъ, короля. До той поры церковная партія относилась очень снисходительно къ любовнымъ связямъ короля и умѣла извлекать изъ нихъ пользу для своихъ интересовъ. Но Лола Монтець была протестантка: она издавна питала ненависть къ клерикаламъ, а теперь стала всячески противодействовать ихъ вліянію. Благодаря покровительству короля, она скоро пріобрѣла чрезвычайно сильное вліяніе на дѣла управленія. И самому королю ультрамонтаны надобли постоянно усиливавшейся заносчивостью своихъ притязаній. Вліянію королевской любовницы приписывали ту пере- Янв. 1847.
мѣну, что церковное управленіе и народное просвѣщеніе, которыми прежде завѣдывалъ Абель, состоя въ должности министра внутреннихъ дѣлъ, были отданы въ завѣдываніе особаго министерства; это было тяжелымъ ударомъ для церковной партіи.

Тогда вышли въ отставку все члены министерства Абеля, пред- Министерство
варительно попытавшись застрашать короля внутренними смутами и Маурера.
безчинствами черни. Но у короля точно будто свалилось съ плечъ Февр.—ноябрь
тяжелое бремя, когда онъ избавился отъ «поповскаго режима». Со- 1847.
ставленіе новаго министерства было поручено протестанту Мауреру. И послѣ того церковная партія пыталась возбуждать смуты въ народѣ и въ особенности среди студентовъ, стараясь разжигать религиозный фанатизмъ; въ этомъ отношеніи особенно отличился племянникъ Гёрреса, профессоръ L a s a u l x, но онъ былъ скоро уволенъ отъ службы вмѣстѣ съ профессорами церковной партіи Сеппомъ и Деллингеромъ. Нафанатизированная чернь осыпала оскорбленіями королевскую любовницу и даже самого короля; дѣло доходило до уличныхъ безчинствъ, которыя однако не имѣли серьезнаго характера. Абель и его партія утратили прежнее вліяніе: притворная правдивость и честность, которыми они тщательно прикрывали свое честолюбіе, уже никого не вводили въ заблужденіе. Народное остроуміе называло эту перемену побѣдой Лолы Монтець надъ Лойолой; королевской любовницѣ былъ данъ титулъ графини Ландсфельдъ; съ тѣхъ поръ она пользовалась неограниченнымъ вліяніемъ на назначенія должностныхъ лицъ и на разрѣшеніе политическихъ вопросовъ. Новое министерство руководствовалось честнымъ намѣреніемъ управлять, — насколько это было возможно, — согласно съ конституціей въ либеральномъ духѣ. Но это не могло правиться королю, привыкшему соблюдать конституцію только для виду и безотчетно тратить милліоны. Поэтому и король и его любовница скоро утратили довѣріе къ министерству Маурера.

Второе мини-стерство Вал-лерштейна. Дек. 1847. Безпорядки въ Мюнхенѣ. Тогда было составлено «министерство Лолы или испанское министерство»; во главѣ его былъ поставленъ князь Лудвигъ Ёттингенъ-Валлерштейнъ, который, со времени своего первого удаленія отъ управления, энергически возставалъ въ рейхсратѣ противъ системы управления Абея. Онъ задался намѣреніемъ доставить либеральнымъ идеямъ новаго времени рѣшительный перевѣсъ надъ церковной реакціей и этимъ способомъ усилить уваженіе къ Баваріи въ общественномъ мнѣніи Германіи. Онъ предоставилъ печати такую широкую свободу, какой она нигдѣ не пользовалась въ Германіи, но, этимъ онъ доставилъ церковной партіи возможность возбуждать въ народѣ ненависть къ либеральному режиму. Королевская любовница, эта «новая Дюбарри», становилась все болѣе заносчивой; она все чаще вмѣшивалась въ дѣла управления и старалась выставить на видъ свое вліяніе; она проводила цѣлые часы въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и разсылала оттуда свои приказанія. Тѣмъ враждебнѣе относилась церковная партія къ королевской любовницѣ, которую называла «мавританской графиней». Терпѣливый баварскій народъ сталъ волноваться, когда духовенство разоблачило безнравственный образъ жизни короля и стало выдавать протесты благочестивыхъ людей противъ непристойности такого образа жизни за единственную причину упадка ихъ вліянія, — когда королевская любовница стала съ безстыдной наглостью выставить на показъ свой позоръ и свое могущество, а безпредѣльная слабость и ослѣпленіе Лудовика стали помрачать блескъ королевскаго трона. Даже обѣщаніе давно ожидаемыхъ реформъ и введенія соотвѣтствующей духу времени системы управления не могло заглушить народное негодованіе, а либеральная партія, которую правительство надѣялось привлечь на свою сторону, вовсе не была расположена марать себя одобреніемъ любовной связи, нарушавшей требованія нравственности и приличія, и этимъ доставлять своимъ противникамъ поводъ для оскорбительныхъ обвиненій. Поэтому недовольство высказывалось во всѣхъ слояхъ населенія за исключеніемъ немногихъ раболѣпныхъ царедворцевъ и должностныхъ лицъ; среди студентовъ обнаруживалось опасное волненіе умовъ, выразившееся въ дикихъ буйствахъ во время похоронъ старика Гёрреса. Наканунѣ французской февральской революціи дѣло дошло до открытаго возстанія, потому что король приказалъ на нѣкоторое время закрыть университетъ и запретить студентамъ выѣзжать изъ города за то, что они не дозволили собираться членамъ одного университетскаго общества, пользовавшагося покровительствомъ фаворитки. Послѣ непродолжительной уличной борьбы между гражданами, студентами и чернью съ одной стороны, полицейскими и войсками съ другой, король былъ вынужденъ отмѣнить временное прекращеніе университетскихъ лекцій и выслать графиню изъ Мюнхена. Дальнѣйшія послѣдствія этихъ событій будутъ нами изложены въ дру-

гомъ мѣстѣ. Лишившись всякой надежды возвратиться въ Мюнхенъ, Лола Монтецъ отправилась въ Америку; тамъ она еще долго вела такой-же безпутный образъ жизни, къ какому привыкла съ молодости, и умерла 30 іюня 1861 въ больницѣ подлѣ Нью-Йорка.

Въ Вюртембергѣ реакція имѣла сравнительно - мягкій характеръ, хотя и тамъ министерство Шлейера (съ августа 1832) придерживалось господствовавшей повсюду полицейской системы управленія, очень стѣсняло свободу ассоціацій и печати, и тщательно старалось разоблачать происки демагоговъ, несмотря на то, что они были рѣдкимъ явленіемъ въ Вюртембергѣ. Сеймы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ не вступали въ борьбу съ правительствомъ; оппозиція играла въ нихъ незначительную роль; они усердно занимались законодательной дѣятельностью въ сферахъ административной, судебной и экономической, неувлекаясь потокомъ либеральныхъ идей. Во главѣ либеральной оппозиціи стояли люди, пользовавшіеся общимъ уваженіемъ, — Поль Пфицеръ, Шоттъ, Уландъ. Имъ было не легко отстаивать свои убѣжденія, потому что министр Шлейеръ, родившійся сыномъ тюрингенскаго ремесленника и достигшій высшихъ государственныхъ должностей благодаря своимъ выдающимся дарованіямъ, былъ въ душѣ бюрократъ, не терпѣвшій никакихъ возраженій. Роб. Мольтъ былъ уволенъ отъ должности профессора въ тюрингенскомъ университетѣ за то, что порицалъ господствующую систему управленія.

2. Вюртембергъ.

Сент. 1845.

Несравненно болѣе оживленной была политическая дѣятельность въ Баденѣ, новѣйшая исторія котораго постоянно имѣла сильное вліяніе на развитіе либеральныхъ и конституціонныхъ учрежденій во всей Германіи. Взоры всей націи были устремлены на политическія событія въ юго-западной пограничной странѣ, находившейся подъ управленіемъ великаго герцога Леопольда; тамъ были вождями либеральной оппозиціи такіе популярныя люди, какъ Роттекъ, Велькеръ, Дюттлингеръ, Миттермейеръ. По настоятельному требованію либеральной оппозиціи, тамъ была предоставлена печати почти полная свобода, съ явнымъ нарушеніемъ постановленій союзнаго сейма; хотя это нововведеніе и было скоро отмѣнено новымъ постановленіемъ союзнаго сейма, но такая попытка не стѣснялась принудительными мѣрами союзнаго сейма произвела очень сильное впечатлѣніе. Баденскій сеймъ 1831 года, издавшій вышеупомянутый либеральный законъ о печати, былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ по своимъ либеральнымъ стремленіямъ и по своей оживленной политической дѣятельности; тогда былъ внесенъ Велькеромъ проектъ, воспламенившій умы во всей Германіи; въ немъ доказывалась необходимость ввести во всѣхъ государствахъ германскаго союза настоящую конституцію съ представительными учрежденіями и организовать на ряду съ союзнымъ сеймомъ собраніе представителей отъ всей нѣмецкой націи. Въ теченіе тридцатыхъ годовъ министерство Винтера придерживалось въ управленіи Баденомъ либеральныхъ принциповъ въ той мѣрѣ, въ какой это доз-

3. Бадень.
Политическое
положеніе въ
тридцатыхъ
годахъ.
Министерство
Винтера.
Леопольдъ.
1830—1852.
Іюль 1832.

Окт. 1831.

- воляли Меттернихъ и союзный сеймъ; но и тамъ, чтобы сдерживать
Сент. 1832. оппозицію, приходилось прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, какъ закрытіе
фрейбургскаго университета и увольненіе профессоровъ Роттека и
Велькера.
- + 1838. Только послѣ смерти Винтера и послѣ его замѣны барономъ Блит-
Министерство терсдорфомъ и въ Баденѣ воцарилась реакція. Блиттерсдорфъ былъ
Блиттерсдорфа. человѣкъ ограниченаго ума и интригантъ; онъ былъ высокомеренъ
и склоненъ къ ханжеству, былъ послушнымъ исполнителемъ воли
Меттерниха и врагомъ всякихъ конституціонныхъ учреждений. Тогда
и въ Баденѣ была введена безпощадно-строгая цензура; должност-
нымъ лицамъ стали отказывать въ отпускахъ для того, чтобъ закрыть
для нихъ доступъ въ палату; правительство стало прибѣгать къ влія-
нію на выборы, къ распусченію палаты и къ разнымъ дисциплинарнымъ
взысканіямъ, которыми держало должностныхъ лицъ въ повиновеніи
и вмѣстѣ съ тѣмъ портило ихъ нравственность. Продолжительный
споръ о правѣ правительства не давать должностнымъ лицамъ отпу-
Февр. 1842. скомъ для участія въ засѣданіяхъ сейма привелъ въ 1842 году къ
распусченію палаты; правительство надѣялось, что, прибѣгая къ со-
дѣйствію всѣхъ должностныхъ лицъ, оно будетъ вполнѣ господство-
вать надъ выборами депутатовъ и что новая палата будетъ состоять
изъ преданныхъ министерству членовъ; но эти ожиданія не оправ-
дались. Одно изъ первыхъ постановленій новой палаты заключало
въ себѣ протестъ противъ нарушенія той свободы выборовъ, какая
обезпечена конституціей. Во главѣ оппозиціи стояли: Ицштейнъ, по
видимому, отъ рожденія предназначенный для роли вождя политиче-
ской партіи; искусный агитаторъ и діалектикъ, ученый Велькеръ;
талантливый Мати, краснорѣчивый, пылкій, но заносчивый Фридрихъ
Геккеръ, сознательно стремившійся къ насильственному перевороту
Бассерманнъ, Суаронъ и др. Новый сеймъ 1843 и 1844 годовъ ввелъ
нѣсколько важныхъ реформъ, какъ на примѣръ ввелъ публичное и
словесное разбирательство въ уголовныхъ дѣлахъ и совершенно
отдѣлилъ юстицію отъ администраціи. Блиттерсдорфъ не пользовался
симпатіями ни при дворѣ, ни среди должностныхъ лицъ; а неблаго-
пріятный для него исходъ выборовъ доказалъ ему, что принятые имъ
мѣры были слишкомъ круты. Не будучи въ состояніи бороться съ
Ноябрь 1843. возникшими затрудненіями, онъ вышелъ въ отставку и былъ вслѣдъ
за тѣмъ снова назначенъ посланникомъ при союзномъ сеймѣ. Онъ
уступилъ свою должность министра иностранныхъ дѣлъ прежнему
баденскому посланнику при союзномъ сеймѣ, Душу. Но его система
управленія осталась въ силѣ, хотя и была нѣсколько смягчена.
- Мартъ 1845. Послѣ назначенія нѣсколькихъ временныхъ президентовъ мини-
Министерство стерства, былъ возведенъ въ это званіе Небеніусъ, человѣкъ благо-
Небеніуса и намѣренный и желавшій управлять въ конституціонномъ духѣ, но сла-
Бекка. бохарактерный и нерѣшительный; при немъ вся власть находилась

въ рукахъ директора министерской канцеляріи Реттига, управлявшаго въ духѣ Блиттерсдорфа. Сильное волненіе, вызванное вопросомъ о нѣмецкихъ католикахъ и предложеніемъ ввести полную свободу публичнаго культа для всѣхъ вѣроисповѣданій, привела къ новому распущенію палаты. Но результатъ выборовъ оказался еще болѣе прежняго благопріятнымъ для оппозиціи; поэтому даже Блиттерсдорфъ посовѣтовалъ правительству согласиться на уступки. Тогда былъ поставленъ во главѣ министерства умѣренный либераль Беккъ; но остальные члены ретрограднаго министерства остались на своихъ мѣстахъ; поэтому и Беккъ не былъ въ состояніи измѣнить глубокоукоренившуюся систему управленія. Полумѣры и противорѣчивыя распоряженія правительства вызывали выраженія недовольства со всѣхъ сторонъ.

Правительство достигло только одного успѣха—распаденія прежней оппозиціи на либеральную и радикальную; эта послѣдняя отличалась соціально-демократическими стремленіями подъ руководствомъ Геккера и Струве. Не имѣла никакого прочнаго успѣха попытка соглашения на дурлахскомъ собраніи, гдѣ было рѣшено возобновить изданіе Deutsche Zeitung въ Гейдельбергѣ подъ редакціей Гервинуса.

Февр. 1846.

Распаденіе оппозиціи на либеральную и радикальную.
29 ноября 1846.

«Рѣшительные приверженцы конституціи» созвали въ слѣдующемъ году въ Оффенбургѣ народное собраніе подъ предсѣдательствомъ Геккера и Струве; тамъ были предъявлены самыя широкія требованія; такъ напр. тамъ было заявлено желаніе отмѣнить всѣ привилегіи, ввести прогрессивный подоходный налогъ, устранить чрезмѣрную зависимость труда отъ капитала, предоставить народу самоуправленіе, замѣнить постоянную армію милиціей, назначить представителей нѣмецкаго народа при союзномъ сеймѣ, требовать отъ военныхъ присяги конституціи. Правительство возбудило противъ участниковъ оффенбургской сходки уголовное преслѣдованіе за государственную измѣну. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ того, баденскіе либералы собрались въ Геппенгеймѣ на совѣщаніе съ депутатами отъ другихъ нѣмецкихъ государствъ; тамъ всѣ предъявленные требованія сводились къ тому, что вся нѣмецкая нація должна имѣть своихъ представителей или при союзномъ сеймѣ или при таможенномъ союзѣ. Между тѣмъ министерство Бекка очистилось отъ нѣкоторыхъ особенно непопулярныхъ элементовъ; Реттигъ былъ уволенъ и министерство пріобрѣло поддержку умѣренныхъ либераловъ. Во всей Германіи умы были сильно возбуждены предложеніемъ, которое внесъ въ палату Бассерманнъ: онъ доказывалъ, что назначеніе нѣмецкими палатами представителей, которые состояли-бы при союзномъ сеймѣ, было-бы вѣрнымъ средствомъ достигнуть введенія общихъ для всей Германіи законовъ и объединенія національных государственныхъ учреждений; этотъ проектъ имѣлъ большое сходство съ раѣе составленнымъ проектомъ Велькера; онъ подкапывался подъ основы союзной конституціи и соотвѣтствовалъ общимъ

12 сент. 1847.

10 окт.

5 февр. 1848.

желаніямъ нѣмецкаго народа. Такимъ образомъ, оживленная политическая дѣятельность въ Баденѣ была предвѣстницей скоро вслѣдъ за тѣмъ наступившей эпохи революціонныхъ бурь.

Сент. 1830.

4. Гессенъ-Дармштадтъ.

Людвигъ II.
1830—1848.

Вскорѣ послѣ перехода верховной власти въ руки великаго герцога Лудвига II, въ Гессенъ-Дармштадтѣ возникли такія-же смуты, какія были вызваны іюльской революціей въ различныхъ мѣстахъ Германіи. Для усмиренія возстаній правительство было вынуждено прибѣгать къ военной силѣ и къ объявленію осаднаго положенія. Въ особенности крестьяне возставали противъ тяжести податей, противъ произвола должностныхъ лицъ, и противъ обременительныхъ налоговъ, которыми облагались и въ пользу государства и въ пользу землевладѣльцевъ; дѣло дошло до серьезной борьбы между поселянами и войсками, а въ деревнѣ Зёделѣ была совершена кровавая расправа, по недоразумѣнію, не надъ мятежниками, а надъ мирными сельскими жителями. Исторія Гессенъ—Дармштадта представляетъ такія же явленія, какія въ то время встрѣчались въ исторіи сосѣднихъ государствъ, но въ болѣе мягкой формѣ. И тамъ правительственная власть, находившаяся въ рукахъ реакціонера, барона дю-Тилиа, вела упорную борьбу съ оппозиціей земскихъ чиновъ, — съ вождями умѣренныхъ либераловъ Эмилемъ Гоффманомъ и Генрихомъ Гагерномъ, и съ вождемъ радикаловъ Виртомъ; а поводомъ для борьбы служили постановленія сейма, нарушавшія гессенъ-дармштадтскую конституцію, и другіе политическіе вопросы. Должностныя лица, примыкавшіе къ оппозиціи въ качествѣ членовъ палаты, увольнялись отъ службы; либеральныя газеты, народныя сходки и празднества запрещались; палата была распущена нѣсколько разъ. Главнымъ поборникомъ абсолютизма и католическихъ стремленій былъ тайный совѣтникъ Линде. Въ при-рейнскихъ гессенскихъ провинціяхъ было возбуждено сильное волненіе отмѣной французскихъ гражданскихъ законовъ. Къ благотворнымъ послѣдствіямъ привело освобожденіе землевладѣльцевъ отъ уплаты десятинной подати и отъ разныхъ притѣсненій.

5. Нассау.

Герцогъ

Адольфъ.

1839—1866.

Жители Нассаускаго герцогства спокойно взирали на то, что ихъ собраніе представителей и конституція имѣли лишь призрачное существованіе, что публичность совѣщаній земскихъ чиновъ была отмѣнена, что былъ назначенъ безразсудно-высокій цензъ для тѣхъ, кто могъ быть избранъ въ члены палаты. Герцогъ объявилъ, что государственныя домены, — каково-бы ни было ихъ происхожденіе, — составляютъ его собственность; во время преній, происходившихъ по этому поводу въ обѣихъ палатахъ, онъ слѣдующимъ способомъ добился большинства голосовъ въ свою пользу: онъ противозаконно увеличилъ личный составъ верхней палаты, назначивши ея членами своихъ родственниковъ; большинство голосовъ этой палаты онъ присоединилъ къ преданному ему, меньшинству нижней палаты и затѣмъ

добился исключенія членовъ, подававшихъ голоса противъ него; семидесятилѣтній президентъ палаты Герберъ былъ, по его требованію, приговоренъ къ заключенію въ крѣпости за одну непонравившуюся ему газетную статью. Большинство нижней палаты само отказалось отъ всякой дѣятельности на томъ основаніи, что иначе нарушило-бы свою присягу конституціи. Въ палатѣ осталось лишь небольшое число членовъ, но они не переставали собираться на засѣданія; это была крайне прискорбная система управленія, несовмѣстная съ существованіемъ конституціи.

II. Австрія.

2. Система Меттерниха отживаетъ свое время.

Система консерватизма и политическаго застоя, которой придерживались императоръ Францъ и Меттернихъ, и которая была нами описана въ предъидущемъ томѣ (стр. 756 и сл.), почти нисколько неизмѣнилась и послѣ іюльской революціи; жители австрійской имперіи еще были такъ умственно-неразвиты, такъ легкомысленны и такъ непривычны къ общественной дѣятельности, что довольствовались матеріальнымъ благосостояніемъ; у этого разнохарактернаго населенія еще не было сознанія общности интересовъ. Въ виду волненій, вызванныхъ парижской революціей въ сосѣднихъ съ Австріей странахъ, австрійская политика по прежнему задавалась только одною цѣлю—сдерживать, укрощать и подавлять народныя волненія. На съѣздахъ въ Мюнхенгрецѣ (1833) и въ Калишѣ (1835) три восточныхъ монарха еще крѣпче прежняго стянули узы Священнаго Союза противъ гидры революціи и престарѣлый австрійскій императоръ могъ передъ смертію предаваться пріятной иллюзіи, что его система управленія осталась неизмѣнной и даже упрочилась.

Австрія въ послѣдніе годы царствованія императора Франца.

Послѣ смерти императора Франца возлагалось на новое правитель-ство не мало свѣтлыхъ надеждъ. Сорока-двухъ лѣтній сынъ и преемникъ Франца, Фердинандъ I былъ извѣстенъ за человека добродушнаго и благонамѣреннаго; но также всѣмъ было извѣстно, что онъ былъ ограниченнаго ума, что у него не было твердой воли и что его здоровье было разрушено припадками падучей болѣзни. Онъ не былъ въ состояніи играть роль самодержавнаго монарха, даже едва былъ способенъ исполнять внѣшнія обязанности главы государства; при такомъ невинномъ добродушіи онъ легко могъ сдѣлаться послушнымъ орудіемъ для неблагонамѣренныхъ людей. Въ народѣ обнаруживалось тревожное ожиданіе, что традиціи старой системы управленія будутъ отложены въ сторону, что во главѣ государства будутъ поставлены люди съ новыми принципами и что Меттернихъ

+ 2 марта 1835.
Фердинандъ I. 1835—1848.
род. 1793.

будетъ наконецъ уволенъ. Многочисленныя помилованія политическихъ преступниковъ, по видимому, были предвѣстниками болѣе мягкой системы управленія. Но у слабохарактернаго сговорчиваго императора не было собственной воли. Люди, пользовавшіеся довѣріемъ покойнаго императора, по прежнему всѣмъ распоряжались отъ имени новаго монарха. Было пущено въ ходъ поддѣльное завѣщаніе императора Франца; въ немъ между прочимъ говорилось: «Не сдвигай съ мѣста ни одной изъ основъ государственнаго зданія, не измѣняй ничего. Полагайся вполнѣ на моего лучшаго друга и самаго вѣрнаго слугу, князя Меттерниха». Поэтому народъ скоро отказался отъ надежды какихъ либо переменъ въ системѣ управленія.

Система управленія остается безъ переменъ.

Сент. 1835.

Личный режимъ такого неспособнаго монарха нельзя было оставлять въ прежнемъ объемѣ; по меньшей мѣрѣ нужно было измѣнить его внѣшнія формы и названіе. Но о томъ, какъ слѣдовало организовать новую систему управленія, возникло рѣзкое разномысліе между вліятельными государственными людьми, жаждавшими власти, эрцгерцогами, и военно-аристократической партіей, во главѣ которой стоялъ генералъ-адъютантъ графъ Кламъ-Мартиницъ. Тогда стало ясно, до какой степени старая заржавѣлая государственная машина сдѣлалась негодной къ употребленію съ тѣхъ поръ, какъ исчезла руководившая ею, личная воля. Чтобъ выйти изъ такого затруднительнаго положенія, было рѣшено обратиться за совѣтомъ къ императору Николаю, какъ къ самому могущественному представителю консервативно-монархическихъ принциповъ, и было устроено въ Теплицѣ свиданіе между двумя императорами. Всякая мысль о замѣнѣ прежнихъ руководителей австрійской политики новыми была заранѣе устранена, такъ какъ иначе могло бы возникнуть ожиданіе переменъ въ прежней системѣ управленія. Меттернихъ считался незамѣнимымъ въ качествѣ руководителя иностранной политики; графъ Кламъ-Мартиницъ занималъ постъ военнаго министра и отличился важными заслугами въ дѣлѣ переустройства арміи; во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ стоялъ графъ Коловратъ, а во главѣ полиціи въ теченіи тридцати лѣтъ графъ Сѣдльницкій. Между членами императорскаго семейства эрцгерцогъ Лудвигъ всѣхъ болѣе походилъ складомъ своего ума на своего брата, покойнаго императора, и пользовался самымъ большимъ вліяніемъ; онъ постоянно вмѣшивался въ дѣла управленія, но во всякой реформѣ усматривалъ опасную уступку требованіямъ революціонеровъ. Тогда была учреждена такъ называемая «государственная конференція», состоявшая изъ двухъ эрцгерцоговъ, Меттерниха и Коловрата, и въ теченіе десяти лѣтъ служившая высшимъ органомъ правительственной власти; она была чѣмъ-то въ родѣ регентства; но она безуспѣшно старалась ввести единство въ дѣятельности различныхъ административныхъ властей и только усилила административную путаницу.

А. Шпрингеръ говоритъ въ своей „Исторіи Австріи“: „Старость пощадила наружность государственнаго канцлера и не причинила ей никакихъ бросающихся въ глаза недостатковъ, кромѣ сильной глухоты. Онъ по прежнему привлекалъ къ себѣ сердца аристократическимъ изяществомъ своихъ манеръ, а такъ какъ почти всѣ приближались къ нему съ предвзятымъ намѣреніемъ привѣтствовать въ его лицѣ великаго государственнаго дѣателя, то онъ и считался такимъ дѣтелемъ. О любезности его обхожденія ходило много разсказовъ еще при болѣе старомъ поколѣніи, а теперь онъ сдѣлался еще болѣе прежняго снисходительнымъ къ чужимъ мнѣніямъ. Дѣйствительно, онъ рѣдко противорѣчилъ своимъ собесѣдникамъ, потому что не могъ разслышать ихъ возраженій: на противоположныя мнѣнія онъ обыкновенно отвѣчалъ почтительнымъ молчаніемъ, потому что могъ только механически слѣдить за нитью возникшаго спора. Онъ никогда не былъ остроумнымъ діалектикомъ, а теперь онъ могъ вести разговоръ только въ формѣ монологовъ. Придворные утверждали, что его любимымъ чтеніемъ были смѣшныя выраженія, вкравшіяся въ содержаніе официальныхъ документовъ, возбуждавшія смѣхъ прошенія и наполненныя остроумною болтливостью дѣловыя бумаги, въ которыхъ никогда не было недостатка въ особенности въ Богеміи и въ Венгріи. Такія бумаги усердно собирались для него и доставлялись ему даже эрцгерцогами, старавшимися поддерживать въ своемъ менторѣ хорошее расположеніе духа. Неподлежитъ никакому сомнѣнію, что съ 1840 года онъ только рисовался на официальныхъ пріемахъ и что онъ утратилъ способность къ настоящей работѣ, тщательно избѣгая всякаго умственнаго напряженія“.

Меттернихъ
въ старости.

По меньшей мѣрѣ въ области финансовъ и государственнаго хозяйства можно было ожидать оживленной реформаторской дѣятельности вслѣдствіе того, что баронъ Кюбекъ замѣнилъ Эйхгоффа въ должности президента придворной камеры, такъ какъ съ этой должностью соединялось завѣдываніе финансами. Кюбекъ былъ сынъ портнаго и несмотря на то, что онъ уже въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій выказывалъ свои дарованія на высшихъ должностяхъ и былъ возведенъ въ дворянское званіе, то было неслыханнымъ событіемъ въ надменно-аристократическихъ австрійскихъ правительственныхъ сферахъ, что человѣкъ такого низкаго происхожденія могъ возвыситься до званія министра. Однако вызванный этимъ назначеніемъ, надежды на радикальное переустройство администрации болѣею частію неоправдались. Человѣкъ, до старости придерживавшійся традицій прежней финансовой политики, не могъ рѣшительно вступить на новый путь реформъ. И подъ его управленіемъ не прекратились ни ежегодные дефициты, ни возростаніе государственныхъ долговъ, ни ажіотажъ, ни другіе недуги разстроеннаго государственнаго хозяйства. Увеличеніе доходовъ посредствомъ предпринятаго Кюбекомъ развитія системы косвенныхъ налоговъ оказывалось недостаточнымъ для удовлетворенія постоянно возростающихъ государственныхъ нуждъ. Печальное положеніе финансовъ было до мартовской революціи неизлечимымъ недугомъ австрійской имперіи. Министръ

Экономическая
политика.
1841.

Кюбекъ вовсе не былъ такимъ энергическимъ реформаторомъ, какимъ его считало общественное мнѣніе; онъ ввелъ нѣкоторыя полезныя преобразованія только по вопросамъ второстепенной важности. Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ экономической политики его дѣятельность также была не безполезной; такъ напр., австрійское правительство ранѣе всѣхъ другихъ приступило къ сооруженію обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ на казенный счетъ. Но въ старой системѣ таможенныхъ пошлинъ и налоговъ не было сдѣлано значительныхъ перемѣнъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ происходили совѣщанія о вступленіи Австріи въ нѣмецкій таможенный союзъ, важное экономическое и политическое значеніе котораго бросалось въ глаза, или же объ организаціи австрійско-итальянскаго таможеннаго союза; но они не привели ни къ какой цѣли. Трудности и неудобства радикальныхъ перемѣнъ заставляли этихъ трусливыхъ государственныхъ дѣятелей ограничиваться лишь слабыми попытками реформъ. Въ концѣ концовъ одержала верхъ старая запретительная система, парализовавшая развитіе экономическихъ силъ страны и сопровождавшаяся развитіемъ гнуснаго ремесла контрабандистовъ; уменьшеніе пошлинъ только на нѣкоторые товары не произвело существенной перемѣны въ господствовавшей системѣ.

Оппозиціонное
настроеніе
народныхъ
умовъ.

И въ народѣ, и въ среднемъ сословіи, и даже въ средѣ дворянства и должностныхъ лицъ созрѣло убѣжденіе, что такая система управленія должна въ скоромъ времени рухнуть отъ перваго сильного толчка. Всѣ утратили вѣру въ будущность Австріи и жили со дня на день. Послѣ смерти престарѣлаго императора даже кроткіе и добродушные Австрійцы стали все рѣшительнѣе становиться въ оппозицію къ государственнымъ учрежденіямъ. Между строемъ государственной жизни и потребностями образованнаго общества обнаружилось все болѣе рѣзкое несоотвѣтствіе; долго сдерживаемыя умственные стремленія вырывались наружу. Вся австрійская литература стала отзываться оппозиціоннымъ направленіемъ и только тѣ писатели, которые не одобряли господствующую систему, вызывали сочувствіе. Развѣ мелочными придирками цензуры можно было прекратить общее недовольство! Чѣмъ строже становился надзоръ за вновь выходившими книгами, тѣмъ менѣе достигалъ онъ своей цѣли. Контрабандная торговля запрещенными книгами велась въ широкихъ размѣрахъ и нерѣдко съ вѣдома таможенныхъ чиновниковъ. Покупались преимущественно тѣ книги, которыя были запрещены полиціей, а тѣ, которыя были одобрены цензурой, никого не интересовали. За границей было организовано промышленное предпріятіе, единственно съ цѣлію снабжать австрійскихъ читателей запрещенными литературными произведеніями.

Между многочисленными политическими брошюрами, поддерживавшими оппозиціонное настроеніе умовъ, самыми интересными считались сочине-

нія Шушелки и книга подъ заглавіемъ „Австрія и ея будущность“; скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что авторомъ этой книги былъ баронъ Андріанъ-Барбургъ, занимавшій высокій постъ на государственной службѣ и принадлежавшій къ австрійской аристократіи; онъ высказалъ только общее мнѣніе, заканчивая свою книгу слѣдующими словами: „Австрія не можетъ оставаться такою, какою мы видимъ ее въ настоящее время,—не можетъ остаться даже при жизни только одного поколѣнія; въ этомъ убѣждены какъ управляемые, такъ и правители, а одного этого факта уже достаточно для того, чтобъ вызвать внутренній переворотъ; который произойдетъ непременно и даже въ очень скоромъ времени“. Онъ не ошибался: вѣдь старая Австрія подвигалась быстрыми шагами къ своему паденію.

Даже католическая церковь не была въ состояніи обуздать влеченіе къ нововведеніямъ, духъ противорѣчія и недовольства, стремленіе къ свободѣ и къ образованію. Такъ какъ въ ея рукахъ находилось почти все народное образованіе, то именно въ нее направляла оппозиція свои самыя острыя стрѣлы. Мы уже ранѣе (XIV, 763 и сл.) упоминали о томъ, что императоръ Францъ постоянно оказывалъ упорное сопротивленіе вмѣшательству католическаго духовенства въ дѣла свѣтскаго управленія; что онъ не выносилъ съ этой стороны никакихъ ограниченій своего единовластія. Но онъ охотно оставлялъ въ завѣдываніи духовенства школы: такъ какъ австрійское правительство считало своей главной задачей подавленіе всякой свободной, самостоятельной умственной дѣятельности, то ему усердно въ этомъ помогали католическіе священники и монахи, старавшіеся заглушать въ подроставшемъ молодомъ поколѣніи всякія благородныя стремленія ума и сердца. Поэтому оппозиція противъ господствовавшей системы управленія была направлена и противъ католической церкви. Вмѣстѣ съ старой системой должно было рушиться и господство католическаго духовенства. Только въ Тиролѣ, въ этой обѣтованной землѣ католическаго фанатизма и суровыхъ религіозныхъ преслѣдованій, ультрамонтаны еще одерживали въ то время такія-же побѣды, какъ въ самыя мрачныя эпохи средневѣковаго варварства. Жителямъ Циллертала, перешедшимъ въ евангелическую вѣру, было запрещено исповѣдывать ихъ религію, а безпрестанныя угнетенія, которымъ ихъ подвергали, наконецъ заставили ихъ переселиться въ прусскую Силезію; при этомъ всѣ мѣстные законы были нарушены въ угоду тирольскимъ клерикаламъ. Іезуиты, снова поселившіеся съ 1820 года въ Австріи подъ названіемъ лигоріанъ или редемтористовъ, съ торжествомъ проникли въ Тироль подъ руководствомъ своего покровителя графа Джіованелли и взяли въ Иннс-прукъ въ свое завѣдываніе дворянскій институтъ. Съ тѣхъ поръ Тироль сталъ служить убѣжищемъ для самаго суроваго ультрамонта-

Положеніе
католическаго
духовенства.

1837.

2. Національня движенія въ сосѣднихъ съ Австріей провинціяхъ.

Пробужденіе національных чувствъ среди Славянъ. И на сеймахъ австрійскихъ коронныхъ земель, — гдѣ прежде почти исключительно преобладала аристократія, — стала обнаруживаться оппозиція въ замѣнъ господствовавшаго при императорѣ Францѣ полнаго спокойствія; изъ залъ сеймовъ стали распространяться проекты реформъ, наводившіе ужасъ на людей старой школы, а въ тѣхъ австрійскихъ провинціяхъ, гдѣ было много Славянъ, стали обнаруживаться все болѣе и болѣе смѣлыя національныя стремленія. Въ Богеміи стали распространяться идеи панславизма; сначала на нихъ смотрѣли какъ на литературную забаву нѣсколькихъ ученыхъ, но въ нихъ скоро стала замѣтна опасная политическая подкладка; ихъ представителями были историкъ Палацкій, филологъ Шафарикъ и графъ Левъ Тунъ, а поддержкой для нихъ служила агитація, которая велась въ томъ-же направленіи въ Россіи. Для литературно-политическаго національнаго движенія въ Богеміи имѣло очень важное значеніе открытіе такъ называемой *Königinhofer Handschrift* (1817) — скоро оказавшагося подложнымъ, сборника старо-чешскихъ эпическихъ стихотвореній. Ближайшими практическими послѣдствіями этого движенія были: усиленное изученіе чешскаго языка, который былъ почти совершенно вытѣсненъ изъ употребленія нѣмцами, а въ политическомъ отношеніи стремленіе къ расширенію правъ земскихъ чиновъ, къ административной независимости и къ ослабленію узъ, соединявшихъ Богемію съ Австріей. Національно-славянское движеніе, вызвавшее въ Богеміи борьбу съ Нѣмцами, перешло и къ южнымъ Славянамъ, къ Кроатамъ, къ Славонцамъ, къ Сербамъ, жившимъ въ такой-же зависимости отъ Мадырь, въ какой находились Словаки въ сѣверной Венгріи; духовнымъ вождемъ этихъ послѣднихъ былъ поэтъ Колларъ, авторъ сочиненія о взаимныхъ отношеніяхъ Славянъ, послужившаго первой литературной основой для панславистской агитаціи. Во главѣ національнаго движенія въ Кроаціи, такъ называемаго «илиризма», стоялъ издатель илирійской національной газеты Лудвигъ Гай. Въ томъ-же духѣ дѣйствовалъ въ Сербіи издатель сборника народныхъ пѣсень Вукъ Стефановичъ. Эти стремленія встрѣчали сочувствіе въ Вѣнѣ, потому что служили противовѣсомъ для чрезмѣрныхъ притязаній Венгерцевъ; но, съ другой стороны, они побуждали Мадырь еще упорнѣе прежняго держаться за употребленіе своего языка и отстаивать свою національность. Варварскій латинскій языкъ, на которомъ до того времени излагались официальныя бумаги и судебныя рѣшенія, былъ теперь замѣненъ мѣстнымъ нарѣчіемъ. Еще въ тридцатыхъ годахъ и въ особенности на сеймѣ 1843 года былъ поднятъ въ Венгріи вопросъ объ официальномъ языкѣ. Однимъ изъ самыхъ энергическихъ поборниковъ та-

кихъ стремленій былъ Францъ Пульскій. Употребленіе мадьярскаго языка уже ранѣе начало мало по малу вводиться въ школахъ, въ судахъ и въ администраціи; основанная въ 1825 году, венгерская академія стала служить средоточіемъ для стремленій этого рода; наконецъ на сеймѣ было рѣшено употреблять только мадьярскій языкъ. Закономъ 1844 года этотъ языкъ былъ введенъ въ употребленіе въ законодательствѣ и въ администраціи, а употребленіе кроато-славонскаго языка было разрѣшено только на шестилѣтній срокъ. Противъ этого возстали Кроаты, желавшіе сохранить употребленіе латинскаго языка. Національныя нескладства между Венгерцами и Кроатами и подчиненіе послѣднихъ первымъ во всемъ, что касалось законодательства и администраціи, привели въ сороковыхъ годахъ къ неоднократнымъ кровавымъ столкновеніямъ. Подобно тому, какъ Венгерцы старались поставить себя въ независимое положеніе отъ цизлейтанской имперіи, и Кроаты старались освободиться отъ господства Мадьяръ. Они только подражали примѣру Мадьяръ, требуя употребленія кроатскаго языка въ «тріединомъ королевствѣ» (Кроаціи, Славоніи, Далмаціи), а эти справедливыя требованія въ послѣдствіи были въ нѣкоторой мѣрѣ удовлетворены. Населеніе принадлежавшихъ Австріи, итальянскихъ провинцій еще энергичнѣе сопротивлялось преобладанію Нѣмцевъ и своему включенію въ составъ австрійской имперіи.

Безпомощное положеніе и безсиліе австрійскаго правительства бросались въ глаза всякій разъ, какъ возникало какое-либо политическое затрудненіе или происходило неожиданное событіе, нарушавшее мертвую тишину вседневной жизни. И возстаніе въ Галиціи поставило Австрію и ея правителей въ крайне затруднительное положеніе. Уже въ теченіе многихъ лѣтъ находились на лицѣ явныя признаки опасныхъ соціально-аграрныхъ волненій въ Галиціи, но правительство даже не дѣлало никакой попытки устранить или ослабить причины этихъ волненій. Русинское крестьянство, рѣзко отличавшееся отъ польскаго дворянства и происхожденіемъ, и языкомъ, и религіей, было доведено чрезмѣрными налогами, вымогательствами и обидами до сильнаго ожесточенія противъ господствующей расы, выразившагося въ слѣдующихъ заключительныхъ словахъ одной народной пѣсни: «Надменнаго Поляка ожидаетъ неизбѣжная гибель». О польскихъ герояхъ свободы, считавшихся на западѣ благородными жертвами варварскаго деспотизма, составилось въ Галиціи противоположное мнѣніе. Тамъ броженіе умовъ ожидало перваго повода, чтобъ разразиться кровопролитной борьбой. Такимъ поводомъ послужило новое польское возстаніе.

Волненія въ
Галиціи.

Польскіе эмигранты, для которыхъ служилъ главнымъ сборнымъ пунктомъ Парижъ, постоянно трудились надъ подготовкой почвы для новаго возстанія, поддерживали волненіе умовъ черезъ посредство

Волненія въ
Краковѣ.

своихъ тайныхъ агентовъ и политическихъ брошюръ и запасались оружіемъ для новой войны за освобожденіе своего отечества. Но у нихъ еще такъ было свѣжо воспоминаніе о жестокомъ подавленіи послѣдняго возстанія, что они рѣшились взяться за оружіе не въ русской Польшѣ, а въ другихъ, когда-то принадлежавшихъ польскому королевству, провинціяхъ—въ Позенѣ, въ Галиціи и въ вольномъ городѣ Краковѣ. Этотъ городъ былъ единственнымъ остаткомъ польской независимости, поэтому постоянно былъ центромъ революціонныхъ происковъ, угрожавшихъ нарушенію внутренняго спокойствія въ сосѣднихъ государствахъ. Державы, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши, пытались еще въ двадцатыхъ годахъ сдѣлать безвреднымъ этотъ очагъ революціонной пронаганды. Въ 1833 году онѣ предприняли пересмотръ городской конституціи и ограничили права городскихъ правительственныхъ властей, но этимъ не прекратили происковъ польскихъ эмигрантовъ. По прошествіи трехъ лѣтъ Краковъ былъ занятъ войсками трехъ великихъ державъ; изъ него были выгнаны революціонеры и инсургенты, а городское управленіе было преобразовано по австрійскому образцу. Съ тѣхъ поръ городъ находился подъ надзоромъ австрійской полиціи, но это не мѣшало ему служить сборнымъ пунктомъ для агитаторовъ, почти открыто дѣлавшихъ приготовленія къ новому возстанію.

Февр. 1836.

Польское воз-
станіе.
Февр. 1846.

Безразсудно задуманное предпріятіе должно было начаться нападеніемъ на Позенъ и Торнъ; но прусское правительство заранѣе приняло мѣры предосторожности; предпріятіе не удалось; значительное число мятежниковъ было арестовано и предано въ Берлинѣ суду. На судебномъ разбирательствѣ выяснилось, что польскіе эмигранты вели свои происки съ самоотверженнымъ патріотизмомъ, но ихъ вожди увлекались безпредѣльной самоувѣренностью и придерживались іезуитскихъ принциповъ. Болѣе опаснымъ казалось положеніе дѣлъ въ Краковѣ. Когда обнаружили признаки готовившагося возстанія, представители трехъ великихъ державъ принудили безсильный краковскій сенатъ призвать къ себѣ на помощь ближайшіе отряды австрійской арміи.

18 февр.

Тогда вступилъ въ Краковъ одинъ австрійскій батальонъ подъ начальствомъ храбраго, но отъ старости утратившаго всякую энергію, генералъ-майора Коллина. Но на скоро собранныя и плохо вооруженныя австрійскія войска не были въ состояніи помѣяться силами даже съ слабыми отрядами инсургентовъ. Такъ какъ инсургенты могли получить подкрѣпленія и отрѣзать небольшому австрійскому отряду путь къ отступленію и такъ какъ городъ уже былъ покинутъ и мѣстными властями, и представителями великихъ державъ и жителями, то Коллинъ отдалъ приказаніе отступать въ Галицію. Тогда былъ поставленъ въ Краковѣ во главѣ временнаго правительства, въ качествѣ диктатора, молодой докторъ Тиссовскій; въ напыщенныхъ прокламаціяхъ онъ сталъ призывать жителей старого

польскаго королевства къ борьбѣ за свободу и сталъ напрасно тратить время на безплодныя національныя демонстраціи.

Въ Галиціи австрійскіе военачальники дѣйствовали болѣе осмолитрительно, чѣмъ совершенно растерявшіеся вѣнскій гофбургъ и вѣнскій военный совѣтъ. Въ особенности полковникъ Бенедекъ отличился быстротою принятыхъ мѣръ и энергіей. Возстаніе не встрѣтило сильнаго сочувствія въ Галиціи; русинское крестьянство вовсе не было расположено вступаться за своихъ угнетателей. Сельскіе жители и войска общими силами нанесли нѣсколько пораженій отрядамъ краковскихъ инсургентовъ. Но этимъ дѣло не ограничилось. Крестьяне не только отказывались отъ вступленія въ революціонную армію, находившуюся подъ начальствомъ ихъ землевладѣльцевъ, не только извѣщали начальство о приготовленіяхъ къ возстанію и помогали ему подавлять это возстаніе, но также полагали, что для нихъ настало время кровавой расправы съ ихъ угнетателями. Тогда ясно обнаружились и безсиліе вѣнскаго правительства и негодность всей системы управленія, преднамѣренно лишавшей должностныхъ лицъ права свободно мыслить и дѣйствовать. Для подавленія революціоннаго движенія рассчитывали въ Вѣнѣ на содѣйствіе крестьянъ и стали призывать ихъ къ самооборонѣ, а теперь тамъ безучастно смотрѣли на то, какъ своеобразно крестьяне отвѣчали на этотъ призывъ: они удовлетворяли свою жажду мщенія убійствами польскихъ землевладѣльцевъ, жгли и грабили помѣщичьи усадьбы; въ особенности въ Тарновскомъ округѣ помѣщики убивались массами, даже если они не принимали никакого участія въ возстаніи. Австрійское правительство не только не принимало никакихъ мѣръ для прекращенія такихъ злодѣяній, но даже навлекло на себя обвиненія (которыя никогда не были опровергнуты) въ томъ, что оно назначило денежную премію за cadaго мятежнаго дворянина, выданнаго ему живымъ или мертвымъ. Прошло много времени прежде чѣмъ было возстановлено внутреннее спокойствіе, мятежники были преданы военному суду, а даровитый и энергичный графъ Францъ Стадіонъ былъ поставленъ въ Галиціи во главѣ управленія.

Но внутреннія волненія еще долго не прекращались, а правительству и тогда не доставало силы и мужества для устраненія причины вышеописанныхъ злодѣяній, заключавшейся въ угнетенномъ положеніи крестьянъ. И тогда не были отмѣнены личныя повинности, которыя налагались помѣщиками на крестьянъ; императорскій патентъ облегчилъ только нѣкоторыя изъ самыхъ тяжелыхъ и самыхъ ненавистныхъ повинностей и раздражилъ дворянъ, не удовлетворивши крестьянъ. Послѣ того, какъ были введены перемѣны въ положеніи крестьянъ въ одной провинціи, нельзя было оставлять безъ перемѣны одинаковое положеніе крестьянъ и въ другихъ провинціяхъ; иначе и въ этихъ послѣднихъ могли возникнуть волненія. Но правитель-

Крестьянская война въ Галиціи.

Реформы въ положеніи крестьянъ отложены до другого времени.
13 апр. 1846.

ство все еще не рѣшалось приступить къ радикальнымъ реформамъ. 18 дек. Въ новомъ патентѣ было высказано основное правило, что всѣ личныя повинности «могутъ быть» отмѣнены, и были предоставлены крестьянамъ нѣкоторые облегченія въ тѣхъ случаяхъ, когда цѣлыя крестьянскія общества изъявляли желаніе откупиться отъ обязательныхъ работъ. Но дѣйствительно цѣлесообразнымъ было-бы не дозволеніе откупаться отъ работъ, а заимообразное снабженіе крестьянъ денежными средствами для выкупа. Поэтому императорскій патентъ не принесъ почти никакой практической пользы; послѣдствіемъ его было только то, что консервативное сельское населеніе стало все болѣе и болѣе увлекаться господствовавшимъ повсюду волненіемъ умовъ и, подобно другимъ слоямъ населенія, стало стремиться къ социальнымъ и политическимъ реформамъ. Улучшеніе положенія крестьянъ сдѣлалось одной изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей съ наступленіемъ революціонной эпохи.

Включеніе Кракова въ составъ австрійскихъ владѣній. 3 марта 1846. Между тѣмъ былъ окончательно разрѣшенъ вопросъ о будущности вольнаго города Кракова. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего перваго отступленія изъ города, Австрійцы снова туда вступили, не встрѣтивши никакого сопротивленія; вслѣдъ за ними прибыли сначала русскія войска, а потомъ и прусскія. Тогда насталъ конецъ существованію краковской республики; вожди возстанія разбрелись въ разныя стороны; диктаторъ Тиссовскій былъ арестованъ въ Дрезденѣ; впослѣдствіи ему было дозволено переселиться въ Америку. Меттернихъ считалъ занятіе города союзными войсками за временную мѣру; но Россія желала погасить очагъ безпрестанно возобновлявшихся смутъ, находившійся на границѣ ея собственныхъ владѣній. Поэтому, не смотря на протесты правительствъ французскаго и англійскаго, три восточныя державы рѣшились уничтожить послѣдній остатокъ польской независимости, включить городъ Краковъ въ составъ австрійской имперіи и такимъ образомъ нарушить одно изъ постановленій вѣнскаго конгресса.

Венгрія. Въ теченіе тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, въ Венгріи постоянно усиливалась партія, требовавшая реформъ; во главѣ ея стоялъ графъ Стефанъ Сечени (XIV, 770)—очень дѣятельный и предприимчивый аристократъ, восхищавшійся политическимъ и экономическимъ строемъ англійской жизни; онъ неумоимо стремился къ своей цѣли—къ развитію внутреннихъ силъ Венгріи и къ открытію въ ней доступа для западной цивилизаціи; но онъ встрѣчалъ все болѣе упорное противодѣйствіе со стороны старой консервативной партіи, отстаивавшей привилегіи дворянства. Уничтоженіе цеховъ, отмѣна обязательныхъ работъ въ пользу помѣщиковъ, десятинной подати и освобожденія дворянства отъ податей, равенство правъ и обязанностей, гарантія соблюденія конституціи, улучшеніе экономическаго положенія—таковы были настойчиво-предъявлявшіяся требованія реформаторовъ.

На такъ называемомъ сеймѣ рабочихъ въ Пресбургѣ предполагалось Отъ дек. 1832 утвердить цѣлый рядъ важныхъ административныхъ преобразованій, — до марта 1836. урегулировать отношенія между помѣщиками и крестьянами, улучшить отправленіе правосудія, ввести реформы въ сферахъ промышленности и торговли, въ устройствѣ школъ и въ церковномъ управленіи. Однако тамъ почти вовсе не обсуждались вопросы о внутреннихъ реформахъ, потому что безпрестанно снова выдвигались на передній планъ важные политическіе вопросы и въ томъ числѣ вопросъ объ officialномъ языкѣ, служившій поводомъ для выраженія національных стремленій. Радикальная оппозиція все рѣшительнѣе брала верхъ надъ аристократической партіей реформъ, предводимой графомъ Сечени; во главѣ ея стоялъ, съ половины тридцатыхъ годовъ, красно-рѣчивый, честолюбивый и популярный адвокатъ и журналистъ Лудвигъ Кошутъ; это былъ агитаторъ и демагогъ, увлекавшійся самыми пылкими страстями; уже въ то время былъ выдающимся членомъ оппозиціи Францъ Деакъ, впоследствии пріобрѣтшій репутацію самого замѣчательнаго изъ венгерскихъ государственныхъ дѣятелей; эта оппозиція привлекала на свою сторону все болѣе значительное большинство въ сеймахъ и постоянно усиливала свое вліяніе въ собраніяхъ комитатовъ. Такъ какъ въ дѣятельности комитатовъ заключался центръ тяжести всего государственнаго управленія, то правительство, желая искоренить національныя и оппозиціонныя стремленія этихъ собраній, попыталось ввести такъ называемую «администраторскую систему» графа Аппони. Оберъ-гешпанами, на которыхъ лежала обязанность руководить комитатскими засѣданіями, обыкновенно назначались богатые магнаты, жившіе по цѣлымъ годамъ за границей, а ихъ обязанности исполнялись двумя выборными вице-гешпанами, всегда принадлежавшими къ національной партіи. Чтобъ прекратить это обыкновеніе, правительство попыталось возстановить старый законъ, дававшій ему право назначать администратора для исполненія обязанностей долго находящагося въ отсутствіи оберъ-гешпана; этимъ оно возбудило сильное негодованіе среди членовъ національной оппозиціи. Эта оппозиція съумѣла подчинить своему вліянію и сферу матеріальныхъ интересовъ; она организовала общества для самыхъ разнообразныхъ экономическихъ цѣлей и между прочимъ общество для покровительства мѣстной промышленности; и въ политической сферѣ она обнаруживала неутомимую дѣятельность. Въ противоположность демократическому радикализму Кошута организовалась болѣе умѣренная младо-консервативная партія, между вождями которой блисталъ своими дарованіями графъ Авреліанъ Дессевфи. Еще болѣе сильныя волненія возникли въ Трансильваніи, когда тамъ былъ созванъ въ 1834 году сеймъ, не собиравшійся въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій. Тамъ постоянно велась ожесточенная національная борьба между мадьярскими Чеклерами; во главѣ которыхъ стоялъ баронъ Николай Весселени, нѣмецкими Саксами и Валахами. Затрудненія еще Янв. 1847.

Ноябрь.

увеличились со смертію брата императора Франца, эрцгерцога Іосифа, занимавшаго въ теченіе цѣлаго полустолѣтія должность палатина, — человека разумнаго, сдержаннаго, любимаго народомъ и хорошо знакомаго съ положеніемъ страны; его замѣнилъ сынъ его, эрцгерцогъ Стефанъ, необладавшій нравственными достоинствами и опытностью своего отца. На сеймѣ 1847 года правительство снова выступило съ программой реформъ: оно предложило предоставить право голоса большому числу жителей въ венгерскихъ вольныхъ городахъ, ввести политическія и административныя реформы, равномерно распредѣлить налоги, издать новый уголовный кодексъ, отмѣнить лежавшія на крестьянахъ чрезмерно-тяжелыя повинности, уничтожить таможенныя заставы между Венгріей и Австріей, улучшить пути сообщенія. Но въ самомъ началѣ засѣданій сейма правительство вызвало сильную бурю, задумавши замѣнить оберъ-гешпановъ своими должностными лицами; проекты реформъ почти вовсе не подвергались обсужденію и правительство было вынуждено дать сейму обѣщаніе, что мало по малу отзоветъ своихъ администраторовъ. Члены сейма проводили время въ бурныхъ нападенияхъ на всю систему управленія. Но прежде, чѣмъ правительству удалось успокоить умы, совершились такія революціонныя событія, которыя совершенно измѣнили ходъ дѣлъ. Всѣ мало по малу убѣдились въ негодности венгерской конституціи, основанной на преобладаніи дворянства, и въ негодности личнаго состава сейма, поставленнаго въ зависимость отъ комитатскихъ собраній. Вспыхивавшія повсюду революціонныя движенія нашли для себя слишкомъ благоприятную почву въ Венгріи: уже давно зародившіяся стремленія къ полному политическому отдѣленію отъ Австріи разразились тогда открытымъ возстаніемъ.

III. Россія въ царствованіе Императора Николая I.

1. Военственная политика.

Враждебныя отношенія къ Франціи. Парижская іюльская революція и польское возстаніе укрѣпили убѣжденіе императора Николая въ необходимости консервативной политики. О его враждебныхъ отношеніяхъ къ тюльерійскому правительству мы уже упоминали ранѣе. Не онъ былъ виною того, что три восточныя державы не предприняли такого-же, какъ во времена Священнаго Союза, вооруженнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла тѣхъ государствъ, гдѣ вспыхивали революціонныя движенія. Совѣщанія, происходившія между монархами и вліятельными государственными людьми по случаю поѣздки русскаго императора въ Германію въ 1833 году, имѣли цѣлію соглашеніе между монархическими и консервативными правительствами касательно ихъ будущаго образа дѣйствій. Достиженію этой цѣли помѣшала осмотрительная сдержан-

ность Австріи и Пруссіи, а Луи-Филиппъ такъ горячо заботился о пріобрѣтеніи милостиваго расположенія русскаго самодержца, что петербургское правительство не могло-бы отыскать никакого благо-виднаго предлога для войны. Хотя либеральный французскій народъ и увлекался симпатіями къ Полякамъ, но въ Тюльерійскомъ дворцѣ эта нація не находила сочувствія.

Во внѣшней политикѣ русское правительство постоянно стремилось къ расширенію русскихъ владѣній. Война съ Россіей, предпринятая персидскимъ шахомъ Фетомъ-Али, по настоянію наслѣднаго принца Аббаса-Мирзы, съ цѣлію снова пріобрѣсть уступленныя по гулистанскому мирному договору (1813) кавказскія провинціи, окончилась не въ пользу Персіи. Шаха увѣряли, будто Россія до такой степени ослаблена возникшими послѣ смерти императора Александра внутренними смутами, что не будетъ въ состояніи выдержать борьбу съ Персіей. Но разбитый генералами Ермоловымъ и Паскевичемъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, Фетъ-Али былъ принужденъ уступить Россіи, по туркманчайскому мирному договору, двѣ армянскія провинціи съ городомъ Эриванью и выплатить большую сумму въ вознагражденіе за военныя издержки. Въ слѣдующемъ году и Турція была принуждена заключить въ Адріанополѣ миръ съ Россіей вслѣдствіе блестящихъ военныхъ успѣховъ Паскевича въ Арменіи и Дибича въ европейской Турціи (XIV, 813). Послѣ подавленія польскаго возстанія, русское правительство придерживалось прежней завоевательной политики: оно старалось подчинять своему вліянію слабыя государства посредствомъ угрозъ, а болѣе сильныя посредствомъ дипломатическихъ уловокъ, въ которыхъ Русскіе искуснѣе всѣхъ другихъ націй. Мы уже ранѣе говорили о томъ, какъ дѣйствовала Россія во время замѣшательствъ, возникшихъ на востокѣ въ тридцатыхъ годахъ. Тогда она заключила съ Турціей въ Ункіаръ-Скелесси (стр. 126) «оборонительный союзъ» и совершенно вовлекла Турцію въ сферу русскихъ интересовъ: тогда Порта обязалась запереть Дарданеллы для всѣхъ иностранныхъ военныхъ кораблей, а русскій императоръ обѣщалъ, по первому призыву султана, помогать ему присылкой подкрѣпленій въ войнахъ и на морѣ и на сушѣ. Въ слѣдующемъ году былъ заключенъ въ Петербургѣ новый договоръ, который расширилъ границы русской провинціи Грузіи, а княжества Молдавію и Валахію подчинилъ русскому протекторату, поставивши въ зависимость отъ русскаго вліянія и избраніе государя и характеръ управленія. И ранѣе нами упомянутый «договоръ о проливахъ» (стр. 133), снова закрывшій для всѣхъ иностранныхъ военныхъ кораблей доступъ въ Дарданеллы и въ Босфоръ, былъ выгоденъ для Россіи, потому что обезпечивалъ ей господство на Черномъ морѣ. Пруссія неоднократно изъявляла согласіе на заключеніе недобряемыхъ обществственнымъ мнѣніемъ договоровъ о выдачѣ бѣглыхъ и преступни-

Отношенія къ
другимъ госу-
дарствамъ.
1826.

Февр. 1828.

8 іюля 1833.

17 янв. 1834.

13 іюля 1841.

ковъ, между тѣмъ какъ тщательный надзоръ разставленныхъ вдоль границы казаковъ закрывалъ жителямъ прусскихъ восточныхъ провинцій доступъ въ русскія владѣнія; съ другими нѣмецкими правителями петербургскій дворъ сближался черезъ посредство брачныхъ союзовъ. Вскорѣ послѣ заключенія въ Туркманчаѣ мирнаго договора съ Россіей, въ Персіи возникли внутренніе безпорядки вслѣдствіе смерти наслѣднаго принца Аббаса Мирзы (1833) и шаха Фетъ-Али; + 20 окт. 1834. тогда русское правительство воспользовалось своимъ вліяніемъ на новаго шаха Магоммеда, сына Аббаса Мирзы, для того, чтобъ угрожать безопасности англійскихъ колоній, основанныхъ вблизи отъ восточной границы персидскихъ владѣній. Въ отмщеніе за это, англійское правительство стало снабжать оружіемъ и военными припасами кавказскихъ горцевъ, упорно отстаивавшихъ свою независимость. Когда русскіе корабли захватили въ 1837 году англійское судно и увели его вмѣстѣ съ матросами и съ грузомъ, въ Европѣ ожидали военныхъ мѣръ со стороны Англій; но всё ограничилось воинственными газетными статьями и дипломатическими нотами. Тогда еще не настало время для разрыва съ Англіей по поводу восточныхъ дѣлъ; Июнь 1844. это видно изъ того, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ царь посѣтилъ въ Лондонѣ королеву Викторію. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій Русскіе тщетно старались подчинить своему владычеству населеніе Кавказа, раздѣлявшееся на различныя племена, жившее подъ патріархально-феодальными учрежденіями и исповѣдывавшее большую частію магометанскую религію. Между воинственными вождями этихъ горцевъ особенно прославился Шамиль, бывшій, подобно Абдъ-эль-Кадеру, въ одно и тоже время и священникомъ и начальникомъ племени; они долго боролись съ русскими арміями, которыми командовали такіе знаменитые генералы, какъ Вельяминовъ и Воронцовъ. Геройскіе подвиги и хищническіе набѣги этихъ отважныхъ горцевъ служили сюжетами для поэтическихъ разсказовъ и нарушали монотонное однообразіе мирной жизни цивилизованныхъ европейскихъ государствъ. Хвастливыя описанія русскихъ побѣдъ, стоившихъ столько денегъ и столько человѣческихъ жертвъ, встрѣчали такое же недовѣріе, съ какимъ когда то относились въ Европѣ къ Наполеоновскимъ бюллетенямъ. Изъ находившихся на лицѣ фактовъ скорѣе можно было заключить, что могущество Россіи не было такимъ грознымъ, какимъ казалось.

В. Революціонныя движенія съ 1848 до 1851 года.

Источники и литературныя пособія. Для слѣдующаго историческаго очерка служатъ основой замѣтки автора о тѣхъ событіяхъ, которыя онъ самъ пережилъ и которыхъ былъ самъ свидѣтелемъ, а дѣлались эти замѣтки именно съ цѣлю сообщить ихъ во всеобщее свѣдѣніе. Дополнительными источниками свѣдѣній служили: большія газеты, между

которыми имѣетъ выдающееся значеніе *Deutsche Zeitung*, такъ какъ въ теченіе своего непродолжительнаго существованія служила органомъ для Франкфуртской императорской партіи; безчисленныя брошюры и монографіи, официальные документы, мемуары, прокламаціи и воззванія всякаго рода; статьи въ періодическихъ изданіяхъ—въ *Gegenwart*, *Unsere Zeit*, *Preussische Jahrbücher*, *Staatsarchiv* [изд. Aegidi и Klauhold]; описаніе современныхъ событій въ *Annual register*, а съ 1850 года въ *Annuaire des deux mondes*. Обширное описаніе революціонныхъ движеній 1848 и 1849 года въ Европѣ, недавно предпринялъ R. Stratz, Гейдельбергъ 1888.—Для исторіи Германіи мы находимъ достовѣрныя свѣдѣнія въ стенографическихъ отчетахъ о преніяхъ, происходившихъ въ учредительномъ національномъ собраніи во Франкфуртѣ на М. [изд. Frz. Wigard, Франкф. 1848. 1849], и въ стенографическомъ отчетѣ о парламентскихъ преніяхъ, происходившихъ въ Эрфуртѣ R. Haym, *Die deutsche Nationalversammlung u. s. w.*, Франкфуртъ 1848—1850, 3 части; *Jürgens, Zur Geschichte des deutschen Verfassungswerks*, Брауншвейгъ, 1850, 1856, 2 части; H. Laube, *Das erste deutsche Parlament*, Лейпцигъ, 1849; *Biedermann, Erinnerungen aus der Paulskirche*, Лейпцигъ 1849, *Beiträge zur Geschichte des Frankf. Parl.; Dreissig Jahre deutscher Geschichte*, Бреславль, 1881; G. Beseler, *Erlebtes und Erstrebtes*. Берлинъ 1884; *Wichmann, Denkwürdigkeiten aus der Paulskirche*. Ганноверъ 1888. Для новѣйшей исторіи прусскаго королевства есть много интереснаго матеріала въ мемуарахъ генерала *Oldwig von Natzmer: Unter den Hohenzollern*, 4 части, Гота 1889. Касательно баденской революціи: G. Weber, *Rückblicke auf die Badische Revolution* въ его *Geschichtsbilder aus verschiedenen Ländern und Zeitaltern*. Лейпцигъ 1886; *Häusser, Denkwürdigkeiten zur Gesch. der Bad. Revolution*. Гейдельб. 1851; J. B. Bekk, *Die Bewegung in Baden*. Маннг. 1850. *Angerstein, Die Berliner Märzereignisse*. Лейпцигъ 1864. Біографическія произведенія A. Springer'a: *Friedr. Christ. Dahlmann*. Лейпцигъ 1870, 1872, 2 части и *Gust. Freytag'a Karl Mathy, Geschichte seines Lebens*. Лейпцигъ 1872.—О войнѣ зондербунда въ Швейцаріи представляютъ много интересныхъ свѣдѣній: мемуары *Iuzo, Die Erlebnisse des Bernh. Ritter von Meyer* [Вѣна 1875, 2 части]; *Siegmart Müller, Der Kampf zwischen Recht und Gewalt in der Schw. Eidgenossensch.* Цюрихъ 1863—1868, 3 части; *Ranke, Aus dem Briefwechsel Friedrich Wilhelms IV mit Bunsen*. Лейпцигъ 1873; *Bluntschli, Denkwürdiges aus meinem Leben*, 3 части, Нёрдлингенъ 1884.—Для исторіи Австріи, кромѣ сочиненій, указанныхъ на стр. 211: *Helfert, Gesch. Österr. vom Ausgang des Wiener Oktoberaufstandes*, 5 частей, Прага 1869—1886; *Adlerstein, Chronolog. Tagebuch der magyar. Revolution*. Вѣна 1861, 3 части; *Görgei, Mein Leben und Wirken in Ungarn*. Лейпцигъ 1852, 2 части; мемуары *Клапки, Кошута, Пульскаго* и др. *Klapka, Der Nationalkrieg in Ung. und Siebenb.* Лейпцигъ 1851, 2 части; *Horwath Geschichte des Unabhängigkeitskrieg in Ungarn* 1848, 1849. Пештъ 1871, 1872, 3 части.—Для исторіи Италіи во время революціи 1848 и 1849 г., кромѣ ранѣе указанныхъ нами сочиненій Фарини, Коши, Рейхлина, Рута, можно найти много поучительныхъ свѣдѣній въ воспоминаніяхъ австрійскаго ветерана [*Schönhals* Штутгартъ 1853], написанныхъ, конечно съ точки зрѣнія австрійскаго офицера; *Rüstow, Der italienische Krieg von 1848, 1849*; Цюрихъ 1862; *Carrano, Ricordanze storiche del risorgimento italiano 1822—1870*. Туринъ 1885.—Для исторіи Франціи: *Lamartine, Hist. de la révol. de 1848*. Парижъ 1859; *V. Pierre, Hist. de la république de 1848*; двѣ части, Парижъ 1878, *Garnier-Pagès, Hist. de la révol. de 1848*; 12 частей, Парижъ 1866—1873; *Ténor, Paris en*

D é c e m b r e 1851; перевелъ на нѣм. языкъ R u g e. Лейпцигъ 1869. Анонимное сочиненіе: *Der Staatsstreich vom 2 Dez. 1851 und seine Rückwirkung auf Europa*. Лейпц. 1870.—Пересматривая и провѣряя свои замѣтки, авторъ не нашелъ нужнымъ дѣлать большія измѣненія въ своемъ изложеніи и оцѣнкѣ историческихъ фактовъ, вошедшихъ въ содержаніе тѣхъ главъ, гдѣ идетъ рѣчь о Германіи и о самыхъ большихъ нѣмецкихъ государствахъ. Поэтому его замѣтки были, безъ существенныхъ измѣненій, сданы въ печать въ качествѣ изложенія впечатлѣній, непосредственно произведенныхъ историческими событіями на современнаго наблюдателя. Напротивъ того тѣ отдѣлы, гдѣ шла рѣчь о событіяхъ въ Швейцаріи, въ Италіи, во Франціи, были во многихъ отношеніяхъ передѣланы и расширены. Что же касается сужденій объ отдѣльных личностяхъ, то въ нихъ вѣрно выражено тогдашнее общественное мнѣніе.

I. Предвѣстники революціи.

1. Италія.

Настроеніе на-
родныхъ умовъ
въ Италіи.

Итальянскіе патріоты два раза пытались избавить свое отечество отъ политической разрозненности и застоя, обезпечивши его національную независимость и единство, но всякій разъ встрѣчали непреодолимые препятствія со стороны внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Всѣ итальянскія тюрьмы наполнялись политическими арестантами, и во всѣхъ иностранныхъ государствахъ укрывались итальянскіе бѣглецы и изгнанники въ ожиданіи, что наконецъ настанетъ часъ избавленія и они снова увидятъ свое отечество. Вся Италія была опутана сѣтью тайныхъ политическихъ обществъ, съ которыми изгнанники находились въ постоянныхъ сношеніяхъ. Основанное генуэземъ Маццини, новое общество «Молодая Италія» имѣло многочисленныя развѣтвленія; въ его составъ вошли и старые карбонаріи и другія патріотическія и либеральныя братства. Демократическо-республиканская пропаганда ревностно старалась распространять либеральныя идеи. Со времени удаленія французскихъ и австрійскихъ войскъ изъ Папской области, агитаторы обнаруживали самую горячую дѣятельность въ средней и въ южной Италіи, гдѣ система управленія была самой возмутительной, а правительственныя власти были менѣе способны къ сопротивленію, чѣмъ въ другихъ итальянскихъ провинціяхъ. Нѣсколько возстаній были подавлены въ кровопролитной борьбѣ; но они поддерживали бодрость въ умахъ и служили подготовительной школой для тѣхъ революціонеровъ, которымъ впослѣдствіи пришлось дѣйствовать при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Въ виду волненій, вспыхнувшихъ въ сороковыхъ годахъ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, слѣдовало ожидать, что тамъ скоро могутъ совершиться такія событія, вліяніе которыхъ отразится и на Италіи; поэтому итальянскіе правители заботились о томъ, чтобъ новыя возстанія итальянскихъ патріотовъ не застали ихъ неподготовленными и неспособными къ сопротивленію. Особенно сильное

впечатлѣніе произвела на Итальянцевъ трагическая участь (о которой будемъ подробно говорить немного далѣе) сыновей одного австрійскаго адмирала, братьевъ Бандіера. Слабыя правительства папское и неаполитанское не могли осилить политическую партію, предпринимавшую возстанія съ такой отвагой; отрубленные головы змѣи замѣнялись новыми, а чтобъ укротить ея ярость не было на лице Геркулеса. Въ тоже время выступили наружу такія умственные и литературныя стремленія, которыя хотя и не имѣли ничего общаго съ стремленіями «Молодой Италіи» къ радикальнымъ переворотамъ, однако имѣли одинакую съ этимъ обществомъ національно-политическую цѣль—создать независимую единую Италію въ союзѣ съ римскою церковью.

Мы уже ранѣе (стр. 29) упоминали о взаимной связи между католико-политической оппозиціей во Франціи и въ Италіи. Многія изъ такихъ знаменитыхъ жертвъ деспотизма, какъ Сильвіо Пеллико, были вмѣстѣ съ тѣмъ горячими приверженцами и защитниками папской власти. Пренія патриотическія тайныя общества были заподозрѣны въ сочувствіи къ франкъ-масонству, поэтому внушали вѣрующимъ недовѣріе и отвращеніе; а потомъ въ нихъ стали обнаруживаться такія стремленія, которыя не только не оскорбляли религіозныхъ убѣжденій народа, но даже поддерживали ихъ и усиливали. А для будущаго хода событій имѣлъ важное значеніе тотъ фактъ, что главные поборники новыхъ идей жили и дѣйствовали въ Піемонтѣ, до той поры считавшемся за итальянскую Беотію. Уже философъ Розмини, основавшій „Общество братьевъ и сестеръ любви“ и отстаивавшій необходимость преобразованнаго церковнаго устройства въ противоположность воззрѣніямъ іезуитовъ, находился въ сношеніяхъ съ сардинскимъ королевскимъ домомъ; но настоящимъ представителемъ новой патриотически-католической доктрины былъ авторъ многочисленныхъ философски-политическихъ сочиненій, туринскій уроженецъ Винченцо Джіоберти; за то, что онъ принадлежалъ къ обществу „Молодая Италія“, онъ былъ принужденъ вести жалкую жизнь изгнанника въ Парижѣ и въ Брюсселѣ, но скоро занялъ въ своемъ отечествѣ вліятельное положеніе въ качествѣ члена палаты депутатовъ и государственнаго дѣятеля. Изъ его многочисленныхъ сочиненій, написанныхъ имъ болѣею частію въ изгнаніи, прежде всѣхъ обратило на себя нѣкоторое вниманіе сочиненіе *Del Sopranaturale*. Въ этой книгѣ онъ старался доказать, что новѣйшая цивилизація имѣетъ цѣлю замѣну наследственнаго принципа выборнымъ во всѣхъ сферахъ правительственной дѣятельности, и что такая замѣна служитъ основой для настоящей демократіи. Но только благодаря своему сочиненію *Del Primato morale e civile degli Italiani*, Джіоберти сдѣлался вождемъ той партіи, которая, придерживаясь національнаго направленія, требовала реформъ, согласныхъ съ католическимъ ученіемъ. Въ этомъ прославленномъ и широко распространенномъ сочиненіи проводилась та основная мысль, что величіе и могущество Италіи могутъ быть возстановлены только въ союзѣ съ папскою властью, что Италія можетъ достигнуть процвѣтанія только подъ руководствомъ Рима и воодушевившейся новыми стремленіями, церковной іерархіи, что только тогда она достигнетъ тройной цѣли—національнаго единства, независимости и гражданской свободы. Двухъ первыхъ цѣлей—единства и независимости она можетъ достигнуть, ставши во главѣ союза итальянскихъ государствъ; третьей цѣли—гражданской сво-

Воззрѣнія
Гвельфовъ
воскресаютъ
въ литера-
турѣ.

Розмини.
1797—1855.

Джіоберти.
1801—1852.

боды онъ достигнетъ, взявши на себя роль верховнаго третейскаго судьи, который будетъ склонять правителей и управляемыхъ къ введенію благотворныхъ и мирныхъ преобразованій. Это сочиненіе есть плодъ такихъ фантастическихъ мечтаній объ идеальной Италіи, объ идеальномъ папствѣ и о побѣдоносной католической всемірной церкви, какія могли возникать во времена Данте и немного ранѣе. По замѣчанію Рута, Джіоберти принесъ ту пользу, что пробудилъ участіе къ общимъ интересамъ и первый указалъ на заключеніе союза между итальянскими государствами, какъ на первый шагъ къ единству и независимости Италіи. Онъ хотѣлъ, чтобъ папа былъ почетнымъ протекторомъ этого союза, называлъ Піемонтъ мечемъ Италіи, а католическую церковь матерью всякой цивилизаціи. Австрійское правительство наложило запрещеніе на его книгу, но этимъ лишь усилило ея распространеніе. Іезуиты имѣли неосторожность напасть на сочиненіе Джіоберти и этимъ возбудили гнѣвное раздраженіе въ оскорбленномъ авторѣ. Онъ прежде держалъ сторону іезуитовъ изъ зависти къ Розмини, а теперь онъ написалъ въ нѣсколькихъ томахъ сочиненіе *Il Gesuita moderno*, наполненное полемическими нападками на іезуитовъ. Въ то время въ Швейцаріи готовилась война зондербунда, а читающая публика увлекалась романомъ Ёжена Сю *Juif errant*. Можно ли-же удивляться тому, что *Il gesuita moderno* скоро приобрѣлъ европейскую извѣстность и былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки?

Бальбо. Отзывавшееся принципами Гвельфовъ, ученіе Джіоберти нашло дарови-
1789—1853. таго поборника въ лицѣ туринскаго уроженца, графа Чезаре Бальбо. Это былъ человѣкъ съ умѣренными либеральными убѣжденіями, но въ эпоху реакціи и онъ былъ вынужденъ покинуть свое отечество. Живя въ Парижѣ, онъ усердно занимался изученіемъ исторіи, а послѣ возвращенія на родину посвятилъ себя исключительно изданію историческихъ сочиненій („Исторія Италіи съ 476 — 774“; *Meditazione storiche* — нѣчто въ родѣ философіи исторіи; „Жизнь Данте“); въ царствованіе Карла Альберта онъ выступилъ въ роли государственнаго дѣятеля и занималъ постъ министра. Примѣръ Джіоберти побудилъ его написать *Speranze d'Italia*, которыя были чѣмъ-то въ родѣ дополненія къ сочиненію *Del Primato*. И онъ, подобно Джіоберти, полагалъ, что союзъ итальянскихъ государствъ подъ эгидой католической церкви долженъ служить основой для итальянской политики, что владычество Австрійцевъ служить главнымъ препятствіемъ для національной независимости и что правители итальянскихъ государствъ должны дѣйствовать по общему соглашенію и вводить у себя конституціонныя учрежденія. По его мнѣнію, Австрія должна была искать въ придунайскихъ странахъ вознагражденія за утрату своихъ итальянскихъ владѣній. Такія-же мнѣнія высказывалъ въ своемъ сочиненіи „Объ итальянской національности“ Джакомо Дурандо, — долго жившій въ изгнаніи старый

Азеліо. либераль. И маркизь Массимо д'Азеліо, написавшій нѣсколько историчес-
1798—1866. кихъ романовъ съ политическими тенденціями (XIV, 1011), постарался своимъ сочиненіемъ *Gli ultimi casi di Romagna* пробудить въ Итальянцахъ національныя чувства. Онъ не увлекался фантастическими мечтаніями Джіоберти о новомъ строѣ итальянской государственной жизни, созданномъ рукою папы; онъ не увлекался и республиканскими идеалами „Молодой Италіи“, напрасно тратившей свои силы и проливавшей свою кровь въ безплодныхъ заговорахъ и возстаніяхъ; онъ придерживался болѣе цѣлесообразной политики, совѣтуя итальянскимъ правителямъ дѣйствовать общими силами, усиливать чувство нравственнаго долга, улучшая народное образованіе и вводя реформы въ церковномъ управленіи; онъ предавался болѣе свѣтлымъ надеждамъ, чѣмъ его высокообразованный другъ Джино

Каппони. Каппони, считавшій невозможнымъ улучшеніе церковнаго управленія, „такъ
1792—1876. какъ въ тѣлѣ, уже подвергнувшемся тлѣнію, цѣлебныя средства превра-

щаются въ ядъ“. Подобно Бальбо, и Азеліо полагалъ, что спасеніе Италіи будетъ зависѣть отъ древнѣйшей изъ итальянскихъ династій—піемонтской. Всѣ эти сочиненія, къ которымъ слѣдуетъ присовокупить и политическія статьи графа Теренціо Маміани, производили сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе и на ходячія политическія воззрѣнія. Они,—по словамъ Фарини,—доказывали, что человѣкъ можетъ быть свободномыслящимъ, оставаясь религіознымъ, что онъ можетъ трудиться на пользу отечества, не нарушая принциповъ справедливости и не подвергая себя постояннымъ опасностямъ, что онъ можетъ вѣрить въ возрожденіе Италіи, не вступая въ противорѣчіе съ здравымъ смысломъ или разсчитывая только на счастливую случайность.

1 Іюня 1846 умеръ папа Григорій XVI; это былъ человѣкъ просто-душный и строго-нравственный, но враждебно относившійся къ новымъ политическимъ и религіознымъ идеямъ, не заботившійся ни объ интересахъ своего государства ни о благосостояніи своихъ подданныхъ. Его замѣнилъ Мастаи-Ферретти подъ именемъ Пія IX въ такую пору, когда во всей Италіи стало пробуждаться влеченіе къ національному единству, когда Джіоберти, Бальбо и Азеліо высказывали надежду, что святой отецъ возьметъ на себя роль руководителя патріотическими стремленіями къ независимости и, по примѣру средне-вѣковыхъ папъ, боровшихся съ нѣмецкими императорами, постарается доставить папскому престолу первенствующее положеніе въ Италіи. Новый папа былъ живаго характера и легко подчинялся внѣшнимъ вліяніямъ; въ виду энтузіазма, съ которымъ римскіе жители привѣтствовали его вступленіе на папскій престолъ, онъ вообразилъ, что ему свыше предназначена роль реформатора и благодѣтеля Церковной Области. Онъ съ довѣріемъ положился на льстивыя выраженія народной преданности. Черезъ четыре недѣли послѣ своего вступленія на престолъ онъ помиловалъ всѣхъ политическихъ арестантовъ и изгнанниковъ и возвратилъ имъ прежнія гражданскія права. Его кротость и добродушіе привлекали къ нему сердца; его торопливыя реформы пробуждали смѣлыя надежды. Онъ ввелъ бережливость въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, предоставилъ прессѣ болѣе широкую свободу, назначилъ пользовавшихся общимъ довѣріемъ людей въ члены прежнихъ комиссій, завѣдывавшихъ изданіемъ новыхъ законовъ и отправленіемъ правосудія, согласился на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, открылъ мірянамъ доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ, обложилъ налогами монастыри Церковной Области, призвалъ изъ провинцій выборныхъ нотаблей для засѣданія въ государственномъ совѣтѣ, ввелъ въ городъ Римъ либеральныя муниципальныя учрежденія и сталъ заботиться объ учрежденіи итальянскаго таможеннаго союза и о заключеніи политическаго союза между всѣми итальянскими государствами. Онъ организовалъ новую гражданскую гвардію для борьбы съ оппозиціей, которую и явно и тайно поддерживали Австрія и итальянскіе правители, считавшіе его за самого опа-

Пій IX.
1846—1878.
Род. 1792.

и 16 іюля 1846.

снаго изъ всѣхъ вождей «Молодой Италіи»; а когда Австрія, получившая на вѣнскомъ конгрессѣ право поставить гарнизонъ въ цитадели Феррары, распространила это право и на весь городъ, Пій IX энергически протестовалъ противъ такого посягательства на національную независимость Италіи. Такимъ образомъ Пій IX сталъ во главѣ національнаго движенія и снова сдѣлалъ изъ папскихъ владѣній средоточіе политической жизни Италіи. Римскіе демагоги съ красивымъ, тщеславнымъ Брюнетти (прозваннымъ *Cisegnachio*) во главѣ, выдавали папу за знаменосца національной свободы, а самихъ себя—за его защитниковъ. Жители Рима выражали свою радость въ устройствѣ однихъ празднествъ вслѣдъ за другими. Случалось, что такъ называемый *Sarororo* (народный вождь) Чичеруакіо ѣхалъ на запяткахъ папской парадной кареты, размахивая знаменемъ, на которомъ были написаны слова: Довѣріе къ народу! Во всей странѣ, столь щедро надѣленной дарами природы, но терпѣвшей тяжелый гнетъ подъ игомъ военнаго деспотизма и папской власти, умы пришли въ сильное волненіе. Возгласъ: да здравствуетъ Пій IX! сдѣлался лозунгомъ либераловъ и патріотовъ; его стали считать революціоннымъ и въ Неаполѣ, и въ Моденѣ, и въ Ломбардіи. То было необычайнымъ явленіемъ, что сигналъ къ введенію свободныхъ государственныхъ учрежденій былъ поданъ изъ той итальянской провинціи, гдѣ прежде безпощадно подавлялись всякія либеральныя и національныя стремленія, и что самъ римскій первосвященникъ указывалъ угнетеннымъ народамъ путь къ свободѣ и къ политическому прогрессу; поэтому неудивительно, что впечатлительные Итальянцы съ восторгомъ превозносили преемника св. Петра и считали его за мессію новаго міроваго порядка. Другъ и агентъ Пальмерстона, лордъ Минто объѣзжалъ Италію, поощряя стремленія къ реформамъ и къ національной независимости. Итальянское духовенство радовалось союзу церкви съ свободой; иновѣрцы расточали похвалы преемнику апостоловъ. Ксёндзъ Вентура проповѣдывалъ въ самомъ центрѣ католицизма, что деспотизмъ есть элементъ языческій, а свобода преимущественно элементъ христіанскій». Онъ говорилъ: «Если европейскіе монархи—эти преемники старинныхъ вождей варваровъ—будутъ упорствовать въ противорелигіозномъ деспотизмѣ, то духовенство возьметъ сторону демократіи и посвятитъ себя служенію этой полудикой застѣнчивой матронѣ; оно скажетъ ей: господствуй! и она будетъ господствовать». Представители «Общества Густава Адольфа» выразили папѣ свое высокое уваженіе. Въ Римъ прибылъ посолъ турецкаго султана, «подобно тому какъ когда-то царица Сабы пріѣзжала привѣтствовать Соломона»; онъ обѣщалъ, что католикамъ будетъ оказано въ турецкой имперіи особое покровительство, такъ какъ міръ наполненъ слухами о чудесахъ и благородныхъ дѣяніяхъ святаго отца.

Фарини, находившійся въ числѣ приближенныхъ папы во время возстанія Итальянцевъ и имѣвшій возможность дѣлать наблюденія надъ его личностью, такъ описываетъ его характеръ: „Пій IX предпринялъ преобразование государственныхъ учрежденій не потому, что этого требовали отъ него убѣжденія честнаго человѣка или добросовѣстнаго монарха, а потому, что высокое мнѣніе о папскомъ достоинствѣ побуждало его пользоваться свѣтскою властію для усиленія церковнаго авторитета. Этотъ мягкосердечный человѣкъ и добродушный монархъ былъ въ строгомъ смыслѣ слова высокомѣрнымъ папой. Какъ человѣкъ не только благочестивый, но даже склонный къ мистицизму, онъ во всемъ видѣлъ волю Божію, а самого себя считалъ намѣстникомъ Божіимъ; онъ полагалъ, что слѣдуетъ ревностно оберегать свѣтскую власть церкви, потому что она необходима для поддержанія и распространенія католической религіи. Соглашаясь, въ качествѣ недруга всякой безнравственности, на введеніе реформъ, которыхъ требовали и справедливость и общественное мнѣніе, онъ надѣялся придать этимъ способомъ особый блескъ папскому достоинству, а духовенству доставить вліяніе, внушающее народамъ уваженіе къ нему. Когда въ глубинѣ его души возникала борьба между противоположными воззрѣніями, онъ всегда становился на точку зрѣнія папы и духовной особы, а не на точку зрѣнія монарха и гражданина“.

Послѣдствія папской политики скоро обнаружили на всемъ полуостровѣ. Національная независимость сдѣлалась лозунгомъ для тѣхъ, кто желалъ избавиться отъ господства Австріи; а отъ туземныхъ правителей стали требовать гражданской свободы и либеральнаго режима. Требования реформъ и свободныхъ государственныхъ учреждений становились все болѣе громкими и грозными въ Неаполѣ и въ Сициліи, гдѣ наемныя иностранныя войска, привыкшія къ роскоши король и чиновническая аристократія поглощали всѣ матеріальныя средства страны, гдѣ многочисленное духовенство и бездѣятельные, невѣжественные монахи, обладавшіе громадною недвижимою собственностью, держали народъ въ невѣжествѣ и въ суевѣріяхъ, гдѣ полиція и служившая для парадовъ армія не были въ состояніи охранять провинціи отъ грабителей и бандитовъ. Король Фердинандъ II отнялъ у Сициліи послѣдніе остатки самоуправленія и ввелъ въ ней одинакіе законы съ Неаполемъ. Когда заговорщики, воодушевлявшіеся принципами «Молодой Италіи» и предводимые офицерами австрійскаго флота, братьями Бандіера, высадились подлѣ Козенцы съ цѣлію вызвать возстаніе въ Калабріи, они не устояли въ борьбѣ съ королевскими войсками и были разстрѣляны. Съ той минуты усилился желѣзный деспотизмъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилилась и народная ненависть. Недовольство политическими порядками распространилось по всему соединенному королевству. Тогда было достаточно какойнибудь случайной причины, чтобъ раздуть тлѣвшій огонекъ въ яркое пламя. Такой причиной оказалось стремленіе къ реформамъ, распространявшееся изъ Рима по всему Апеннинскому полуострову. Она дала себя чувствовать прежде всего на южной оконечности полу-

Требованія реформъ и революціонныя движенія.

Неаполь и Сицилія.

Фердинандъ II. 1830—1859.

Іюнь 1844.

острова, въ Сициліи, которая стала грозно требовать возстановленія конституціи 1812 года (XIV, 408), отдѣльнаго парламента и независимости въ сферахъ администраціи и законодательства; а когда король Фердинандъ, по совѣту абсолютныхъ монарховъ, отвергнулъ эти требованія, Сицилійцы объявили себя независимыми отъ Неаполя, принудили стоявшій въ Палермо гарнизонъ къ отступленію и такимъ образомъ подали первый примѣръ успѣшнаго возстанія противъ деспотизма. Съ тѣхъ поръ, какъ эти угнетенные, обѣднѣвшіе островитяне разорвали цѣпь, привязывавшую ихъ къ Неаполю и,

12 янв. 1848. полагаясь на помощь Англіи, водрузили знамя своей независимости, во всей Италіи стали вспыхивать революціонныя движенія, уже давно подготовлявшіяся литературой, тайными обществами и господствовавшимъ во всей Европѣ настроеніемъ умовъ. Послѣ того, какъ Сицилійцы съ необычайнымъ мужествомъ свергнули власть неаполитанскаго короля и не приняли предложенныхъ имъ уступокъ, не смотря на то, что самый богатый изъ ихъ торговыхъ городовъ—Мессина былъ подвергнутъ бомбардировкѣ изъ неприступной цитадели, и въ Неаполѣ вспыхнуло возстаніе, вслѣдствіе котораго король обѣщалъ «добровольно» ввести конституцію съ земскими представителями по французскому образцу и составилъ министерство изъ членовъ либеральной партіи.

29 янв.

Тоскана и
Піемонтъ.
Леопольдъ II
тосканскій.
1824—1859.
† 1870.
Карлъ Аль-
бертъ піемонт-
скій.
1831—1849.

Этому примѣру послѣдовали добровольно или по неволѣ великій герцогъ Тосканскій Леопольдъ, давно пользовавшійся любовью и уваженіемъ народа не смотря на свои родственныя связи съ австрійскимъ императорскимъ домомъ и сдѣлавшій Тоскану одною изъ самыхъ счастливыхъ странъ въ Италіи, и король Піемонта и Сардиніи Карлъ Альбертъ; этотъ послѣдній прежде старался загладить воспоминанія о своихъ старыхъ связяхъ съ либералами, снова вводя прежнюю систему управленія, участвуя въ походѣ Французовъ въ Испанію, оказывая покровительство іезуитамъ и реакціонерамъ; но теперь онъ снова измѣнилъ свои убѣжденія, подчиняясь духу своего времени; и постарался пріобрѣсть сочувствіе итальянскихъ народовъ. Прежде онъ поощрялъ герцогиню Беррійскую въ ея попыткѣ организовать возстаніе въ Вандеѣ, чтобъ низвергнуть либеральное июльское правительство (стр. 93); и открыто старался сохранить дружеское расположеніе Меттерниха не смотря на то, что личность высокоумнаго государственнаго канцлера внушала ему отвращеніе; тѣмъ временемъ его подданные устраивали демонстраціи въ годовщину того дня, когда, за сто лѣтъ передъ тѣмъ Генуэзцы выгнали изъ своего города Австрійцевъ (XIII, 47 и сл.); а теперь Карлъ Альбертъ сталъ съ патріотическимъ воодушевленіемъ одобрять стремленія папы къ реформамъ, сталъ радоваться предстоявшему заключенію союза между приверженцами національной независимости и церковью и изданіемъ

8 февр. 1848. «фундаментальнаго статута» ввелъ въ своихъ владѣніяхъ либераль-

ную конституцію. Такъ какъ онъ въ то-же время заботился объ организаціи своей арміи, то патріоты стали считать Піемонтъ «мечомъ Италіи» и возлагать на него самыя смѣлыя надежды. Король осмотрительно скрывалъ свои патріотически-національные замыслы, чтобъ не возбуждать подозрѣнія въ тѣхъ монархахъ, которые распоряжались судьбами Европы. Но одному изъ самыхъ дѣятельныхъ вождей патріотической партіи, писателю Азеліо онъ сообщилъ свои самыя затаенныя намѣренія: «Внушайте всѣмъ, что теперь не слѣдуетъ ничего предпринимать, потому что въ данную минуту нѣтъ никакихъ шансовъ успѣха. Но вы можете рассчитывать на то, что при первомъ удобномъ случаѣ я буду готовъ пожертвовать для интересовъ Италіи и моею жизнію, и жизнію моихъ сыновей, и моими богатствами, и моею арміей». И онъ сдержалъ свое слово. Этотъ честолюбивый и полагавшійся на свое военное искусство, король надѣялся сдѣлаться владѣтелемъ единой и независимой Италіи.— Моденскій герцогъ Францъ V, подобно своему отцу, умершему 21 января 1846, былъ ревностнымъ защитникомъ того принципа, что власть монарховъ исходитъ отъ Бога; онъ подчинился вліянію Австріи, заключивши съ нею оборонительный и наступательный союзъ, а въ слѣдующемъ году спасся бѣгствомъ отъ революціонныхъ попытокъ своихъ подданныхъ.— Не пользовавшаяся ни любовью ни уваженіемъ своихъ подданныхъ, Марія Луиза, герцогиня Пармская, вступила во второй бракъ съ графомъ Нейппергомъ, по видимому, совершенно позабывши о печальной участи своего перваго супруга—императора Наполеона; съ ея смертію усилилась надежда Итальянцевъ достигнуть національнаго единства и болѣе либеральныхъ государственныхъ учрежденій подъ властью туземныхъ династій. Преемникомъ Маріи Луизы былъ Карлъ II Лудвигъ Бурбонскій; народная ненависть, которую онъ навлекъ на себя деспотической системой управленія своего фаворита, Англичанина Уорда, заставила его уступить Тосканѣ принадлежавшее ему герцогство Луккское; своимъ упорнымъ сопротивленіемъ всему, чего желали его подданные, онъ невольно содѣйствовалъ успѣху ихъ патріотическихъ стремленій.

Модена и
Парма.

† 18 дек.
1847.

По видимому, только двѣ силы препятствовали достиженію патріотическихъ цѣлей—духовное могущество іезуитовъ и свѣтское могущество Австріи. Поэтому объ онѣ сдѣлались предметами горячей ненависти Итальянцевъ. Къ возгласамъ, прославлявшимъ Пія IX, стали присоединяться возгласы: да здравствуетъ врагъ іезуитовъ, Джіоберти! и «смерть Нѣмцамъ» (Tedeschi), то есть Австрійцамъ. Въ Падуѣ, въ Миланѣ и во всей Верхней Италіи стали возникать частыя столкновенія между Итальянцами и Австрійцами; Итальянцы осыпали Австрійцевъ насмѣшками, сочиняли на ихъ счетъ оскорбительныя пѣсни, наполненныя угрозами, воздерживались отъ употребленія табаку и отъ покупки лотерейныхъ билетовъ, чтобъ уменьшить австрій-

Настроеніе
умовъ въ
Италіи.

22 февр. 1848. скіе доходы, и устроивали враждебныя демонстраціи; все это до такой степени усилило взаимную ненависть между двумя націями, что австрійскіе солдаты жили въ городахъ ломбардо-венеціанскаго королевства, какъ въ непріятельской странѣ, что столкновение между толпами народа и солдатами доходило до кровопролитія и что австрійское правительство наконецъ ввело въ Ломбардіи осадное положеніе, чтобъ строгими мѣрами подавить волненія. Тогда переселился въ Туринъ, вмѣстѣ съ другими патріотами, и маркизь Джорджіо Паллавичино-Тривульціо, который въ теченіе четырнадцати лѣтъ, то есть до кончины императора Франца, томился въ Шпильбергской темницѣ, — «въ этой гробницѣ, гдѣ нѣтъ спокойствія смерти» (XIV, 678), а потомъ жилъ въ своемъ помѣстьѣ Санъ-Фіорано подлѣ Піаченцы, занимаясь искусствами и литературой, но не теряя изъ виду главной цѣли своей жизни—освобожденія своего горячлюбимаго отечества отъ владычества иноземцевъ. За это австрійское правительство впослѣдствіи конфисковало его помѣстья, находившіяся въ миланской области.

2. Война зондербунда въ Швейцаріи.

Церковные
раздоры въ
Швейцаріи.

1834.

Повсемѣстное возбужденіе умовъ еще усилилось вслѣдствіе событий, совершавшихся въ Швейцаріи. Въ теченіе слишкомъ тысячи лѣтъ швейцарскіе католики были подчинены епископу Констанцскому. При введеніи новыхъ порядковъ послѣ паденія Наполеона, они были подчинены генеральному викарію, назначавшемуся непосредственно папой и жившему то въ Люцернѣ, то въ Швицѣ; прибывшіе въ свитѣ этого викарія, іезуиты поселились въ Фрейбургѣ и въ Валлисѣ и основали тамъ учебныя заведенія, которыя скоро наполнились многочисленными воспитанниками. Іюльская революція поколебала могущество ультрамонтановъ; демократическія измѣненія государственныхъ учрежденій, отнявшія у консерваторовъ ихъ прежнее преобладающее вліяніе, были направлены и противъ церковной іерархіи. Партія прогресса, взявшая верхъ надъ консерваторами въ большей части кантоновъ, рѣшила на баденской конференціи, что церковь будетъ подчинена надзору государства, что будетъ введена свобода образованія и что монастыри будутъ привлечены къ участию въ общепользующей благочестивой дѣятельности. Даже католическій Люцернъ, гдѣ власть находилась въ рукахъ либераловъ, одобрилъ эти рѣшенія. Тогда нѣкоторые изъ кантоновъ съ смѣшаннымъ населеніемъ изъ католиковъ и протестантовъ, и въ особенности радикальное правительство кантона Ааргау взяли въ свои руки управленіе монастырскими имѣніями, не обращая никакого вниманія на протесты римской партіи противъ состоявшагося въ Баденѣ соглашенія; католическая партія въ Ааргау возбудила возстаніе съ цѣлію уничтожить.

конституцію, измѣненную въ духѣ баденскихъ постановленій, а правительство воспользовалось этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ, по рѣшенію верховнаго совѣта, конфисковать для воспитательныхъ и 20 янв. 1841. благотворительныхъ цѣлей имущества восьми монастырей и въ томъ числѣ богатаго, основаннаго династіей Габсбурговъ, монастыря въ Мури, «служившаго сборнымъ пунктомъ для мятежниковъ». Монахамъ и монахинямъ были назначены пожизненные пенсіи. Этотъ образъ дѣйствій ааргаускихъ радикаловъ пробудилъ религіозное рвеніе въ римскихъ католикахъ. Въ Люцернѣ образовалось, подѣ руководствомъ богатаго крестьянина Льва Эберсоля, общество ультрамонтановъ съ цѣлю вырвать власть изъ рукъ прогрессистовъ. Душою этого предпріятія былъ отпавшій отъ радикальной партіи, Зигвартъ-Мюллеръ, человекъ даровитый и обладавшій многосторонними познаніями. Его помощникомъ былъ благоразумный Бернгардъ Мейеръ, сынъ природы надѣленный способностями государственнаго дѣятеля. Благодаря демагогическимъ проискамъ среди сельскаго населенія, этимъ людямъ удалось добиться въ Люцернѣ такого измѣненія конституціи, которое привело къ паденію либеральнаго правительства и Май 1841. къ его замѣнѣ клерикальными демократами. Года за два передъ тѣмъ и въ Цюрихѣ власть перешла въ руки консерваторовъ вслѣдствіе революціоннаго возстанія сельскихъ жителей, вызваннаго назначеніемъ Сент. 1839. Штрауса на должность профессора богословія въ мѣстномъ университетѣ (стр. 60). Тогда на всей территоріи Швейцарскаго союза стало обостряться разномысліе по вопросамъ политическимъ и религіознымъ. Въ Ааргау, въ Валлисѣ и въ другихъ мѣстахъ партіи готовились къ борьбѣ. Правительство кантона Ааргау, не обращавшее никакого вниманія на протесты католическихъ кантоновъ и Австріи противъ «грабительскаго захвата» монастырскихъ имуществъ, распоряжалось этими имуществами по своему усмотрѣнію, а благодаря тому, что оно согласилось возстановить три женскихъ монастыря, его распоряженія были одобрены сеймомъ. Напротивъ того, 1843. въ Валлисѣ, радикалы долины нижней Роны, принадлежавшіе къ обществу «Молодой Швейцаріи», были побѣждены въ кровопролитной борьбѣ съ церковной партіей, которою руководилъ одинъ изъ папскихъ наемниковъ, Вильгельмъ фонъ-Кальберматтенъ; вслѣдъ за тѣмъ, побѣдившая партія организовала правительство по своему вкусу, а своихъ противниковъ стала подвергать гнуснымъ угнетеніямъ и преслѣдованіямъ; при этомъ ей помогалъ Люцернъ, который, въ качествѣ главнаго города, долженъ-бы былъ держаться нейтралитета.

Съ той поры Швейцарія раздѣлилась на два военныхъ лагеря, на Отрады добро-партіи радикальную и консервативную. Къ этой послѣдней принад-вольцевъ и лежали семь католическихъ кантоновъ: Швицъ, Ури, Унтервальденъ, зондербундъ. Люцернъ, — гдѣ, со времени вышеупомянутаго пересмотра конституціи, ультрамонтаны достигли преобладанія при помощи сельскихъ

жителей,—Цугъ, Фрейбургъ и Валлисъ. Между тѣмъ и либералы снова усилились и сдѣлались способными къ сопротивленію въ Цюрихѣ, въ Сентъ-Галленѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ виду усиливавшегося разномыслія и ожесточенія партій, люцернскіе консерваторы пришли къ убѣжденію, что для упроченія ихъ владычества необходимо поручить воспитаніе юношества іезуитамъ, которымъ старые швейцарскіе законы закрывали доступъ въ страну. Предложеніе въ этомъ смыслѣ было, послѣ упорной борьбы, одобрено большинствомъ голосовъ сельскаго населенія. Тогда люцернскіе либералы обратились за помощью къ своимъ единомышленникамъ, жившимъ въ другихъ кантонахъ: они надѣялись, что если неожиданно нападутъ на своихъ противниковъ съ оружіемъ въ рукахъ, то имъ удастся вырвать власть изъ рукъ іезуитовъ и ихъ приверженцевъ. Но плохо

Мартъ 1845. организованный отрядъ добровольцевъ потерпѣлъ поражение по причинѣ неосмотрительности своихъ начальниковъ Ульриха Оксенбейна и Роберта Штейгера; за тѣмъ, мстительное люцернское правительство ввело систему террора, стало отправлять мятежниковъ въ ссылку, конфисковало ихъ имущества и попыталось предотвратить новыя попытки сопротивленія постановленіемъ строгихъ судебныхъ приговоровъ.

Успѣхи радикализма. Тогда возгорѣлась ожесточенная борьба между іезуитизмомъ и радикализмомъ. Прогрессисты, подстрекаемые бѣглецами изъ Люцерна, стали устраивать народныя сходки и требовать изгнанія іезуитовъ; семь католическихъ кантоновъ стали требовать наказанія взявшихся за оружіе добровольцевъ, законной охраны отъ предпріятій этого рода и возстановленія ааргаускихъ монастырей; а когда они не встрѣтили торопливой готовности исполнить ихъ желанія, они заключили

Сент. 1845. между собою зондербундъ (отдѣльный союзъ) для отраженія общими силами внѣшнихъ нападений и для подавленія внутреннихъ волненій.

19 июля. Вождь клерикаловъ Левъ былъ убитъ ночью въ своей постели; это преступленіе приписывалось мстительности радикаловъ; оно усилило ярость приверженцевъ іезуитовъ. Друзья арестованнаго Штейгера съ трудомъ успѣли освободить его изъ тюремнаго заключенія и спасти отъ смертной казни, къ которой онъ былъ приговоренъ. Въ виду заключенія зондербунда прогрессисты попытались, посредствомъ нечаяннаго нападенія, низвергнуть правительства остальныхъ консервативныхъ кантоновъ, чтобъ пріобрѣсть большинство голосовъ на слѣдующемъ собраніи сейма. Эта попытка увѣнчалась успѣхомъ въ Вадтландѣ и въ Женевѣ. Подъ руководствомъ государственнаго совѣтника Дрюэ, — прежде принадлежавшаго къ консервативной партіи, а потомъ перешедшаго на сторону прогрессистовъ въ виду намѣренія католическихъ кантоновъ выдѣлиться изъ швейцарскаго союза, — радикалы добились пересмотра конституціи, послѣдствіемъ котораго было низверженіе умѣренно-аристократическаго правительства въ Ло-

заннѣ и державшихъ его сторону методистовъ (стр. 80 и сл.). Та-
кая-же участь постигла въ слѣдующемъ году женевское правитель-
ство. Прославленный дѣятельностью Кальвина, городъ получилъ на
вѣнскомъ конгрессѣ вредный подарокъ въ видѣ нѣсколькихъ ок-
руговъ, населенныхъ католиками; при содѣйствіи этихъ послѣднихъ,
управленіе женевского кантона перешло въ руки ультра-радикальной
партіи, во главѣ которой стоялъ краснорѣчивый демагогъ Джемсъ
Фази. Эта переменѣ и ея нравственное вліяніе на другіе кантоны
упрочили преобладаніе либераловъ и радикаловъ, но навлекли на нихъ
неудовольствіе Гизо, очень любившаго старую Женеву, гдѣ онъ про-
велъ нѣсколько лѣтъ своей молодости. Незадолго передъ тѣмъ и въ
Бернѣ правительственная власть перешла изъ рукъ консерваторовъ
Нейгауза и Блѣша въ руки Оксенбейна, Штемпfli и др., а консти-
туція была измѣнена въ демократическомъ направленіи.

Авг.

Окт. 1846.

Февр.

Тогда прогрессисты потребовали повсемѣстнаго изгнанія іезуитовъ,
считая его необходимымъ для возстановленія внутренняго спокойст-
вія на территоріи Швейцарскаго Союза; на сеймѣ въ Бернѣ они до-
бились постановленія рѣшенія, признававшаго существованіе зондер-
бунда несовмѣстимымъ съ союзнымъ договоромъ всѣхъ швейцарскихъ
кантоновъ, и предписывавшаго изгнаніе іезуитовъ. Пій IX обращался
къ обѣимъ партіямъ съ миролюбивыми увѣщаніями, но онъ не осмѣ-
лился отозвать изъ Швейцаріи членовъ іезуитскаго ордена и этой
мѣрой признать, что побѣда осталась за ихъ противниками; а такъ
какъ и члены зондербунда, подчинявшіеся вліянію немногочисленной
группы люцернскихъ фанатиковъ, отказались исполнить постановле-
ніе сейма, то пришлось разрѣшать споръ мечомъ.

Сеймъ и зон-

дербунда.

Іюль 1847.

Вождь люцернскихъ фанатиковъ, Зигвартъ-Мюллеръ рассчитывалъ
на вооруженное вмѣшательство великихъ державъ, къ которымъ онъ
обратился за помощью, и которыя, — какъ ему было извѣстно, — отно-
сились къ швейцарскимъ либераламъ съ сильнымъ отвращеніемъ. Въ
этомъ отношеніи существовало полное единомысліе между правитель-
ствами австрійскимъ, прусскимъ и французскимъ. Гизо постоянно от-
зывался самымъ презрительнымъ тономъ о радикалахъ, которые, однако,
составляли большинство швейцарскаго населенія и занимали въ Швей-
царіи болѣшую часть правительственныхъ должностей. Луи-Филиппъ
остался вѣренъ своему, уже ранѣе ясно выраженному, несочувствію
къ этой партіи, а его посланникъ графъ Буа-ле-Контъ былъ ревно-
стный ультрамонтанинъ. О томъ, что думалъ о швейцарскихъ сму-
тахъ прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV, лично ими заинте-
ресованный изъ-за Невшательскаго княжества и кантона, не трудно
было догадаться, зная какими романтико-консервативными принци-
пами руководствовался этотъ монархъ. Въ одномъ изъ своихъ пи-
семъ къ Бунзену онъ высказалъ свое порицаніе швейцарскихъ ре-
волюціонеровъ въ самой рѣзкой формѣ: «Для насъ, для великихъ

Образъ дѣй-

ствій великихъ

державъ.

державъ, въ Швейцаріи идетъ дѣло вовсе не о соблюденіи или нарушеніи законовъ Швейцарскаго Союза, вовсе не объ іезуитахъ и протестантахъ, вовсе не о предотвращеніи междоусобной войны, а только о томъ, достигнетъ-ли въ Швейцаріи господства, путемъ убійствъ и кровопролитія, радикализмъ, то есть та секта, которая сознательно не признаетъ ни христіанства, ни Бога, ни установленныхъ правъ, ни божескихъ и человѣческихъ законовъ, — и не будетъ-ли эта секта заражать своими идеями всю Европу. Что касается лично меня, то я ненуждаюсь ни въ какихъ доказательствахъ того, что эта нечестивая секта, съ каждымъ днемъ все шире распространяющаяся по Германіи и по нѣмецкимъ городамъ (подобно уличной грязи во время дождя), сдѣлается въ случаѣ своей побѣды, разсадникомъ нравственной испорченности для Германіи, Италіи, Франціи, сдѣлается источникомъ такой заразы, которая причинитъ неисчислимые и страшныя бѣдствія; поэтому, придерживать политику невмѣшательства было-бы, по моему мнѣнію, безразсудствомъ; это было-бы тоже, что спустить паруса до начала морской битвы, или подписать капитуляцію до начала приступа». Какъ долженъ былъ радоваться австрійскій государственный канцлеръ такому возобновленію старой политики конгрессовъ! Вѣдь это были послѣдніе отголоски той системы, которой онъ такъ долго посвящалъ всю свою государственную дѣятельность и которая была, по его мнѣнію, основой вѣчно неизмѣннаго строя государственной жизни. Теперь даже новую французскую династію онъ могъ включать въ составъ возобновленнаго Священнаго Союза. Онъ вовсе не предчувствовалъ, что эти послѣдніе проблески устарѣлаго политическаго міровоззрѣнія и для него были началомъ конца. Только въ одномъ пунктѣ сходились съ прусскимъ королемъ либеральные законодатели бернскаго сейма: и для нихъ религіозный вопросъ имѣлъ лишь второстепенное значеніе; они хотѣли воспользоваться народнымъ отвращеніемъ къ іезуитизму для того, чтобъ создать сильное союзное государство съ прочными конституціонными учрежденіями и сдѣлать впредь невозможными попытки кантоновъ выдѣляться изъ состава конфедераціи и заключать между собою отдѣльные союзы. Вѣдь ни для кого не было тайной, что великія державы подымали на конгрессахъ вопросъ о раздѣлѣ Швейцаріи подобно тому, какъ была раздѣлена Польша, и что исполненію этихъ замысловъ были, по видимому, готовы помогать ультрамонтаны, у которыхъ нѣтъ отечества.

Война зондер-Противъ всякаго ожиданія борьба кончилась такъ скоро, какъ бунда. рѣдко кончаются междоусобныя и религіозныя войны. Союзная съ 4 ноября тысячная армія съ 260 пушками, которою командовалъ всѣми уважаемый, опытный генералъ Дюфуръ, овладѣла сначала Фрейбургомъ, до 1 дек. а послѣ удачнаго нападенія на укрѣпленный лагерь полковника 1847. Ульриха фонъ-Салисъ-Соліо подлѣ Мейерскампеля и Гизликона, такъ

же городомъ Люцерномъ; тогда и другіе кантоны добровольно покорились и подчинились постановленіямъ сейма. Кромѣ уничтоженія зондербунда и изгнанія іезуитовъ, главныя мирныя условія касались распредѣленія военныхъ расходовъ и измѣненій въ системѣ кантональнаго управленія. Такимъ скорымъ окончаніемъ борьбы были очень удивлены три великія державы — Австрія, Франція и Пруссія, уже условившіяся касательно совокупнаго вмѣшательства въ швейцарскія дѣла и даже втайнѣ снабжавшія членовъ зондербунда деньгами и оружіемъ. Онѣ предполагали, что семь католическихъ кантоновъ не были такъ мало способны къ сопротивленію, какъ это оказалось на дѣлѣ. Нѣтъ ничего неправдоподобнаго и въ томъ предположеніи, что энергія мятежниковъ была парализована сознаніемъ, что они взялись за оружіе противъ законной власти. Курьеръ, пріѣхавшій съ депешами отъ министра Гизо къ зондербунду, уже не нашолъ ни одного изъ вождей зондербунда, такъ какъ всѣ они спаслись бѣгствомъ въ Италію. Онъ поспѣшилъ вслѣдъ за ними на ту сторону Альповъ и этимъ подалъ противной партіи не мало поводовъ для остроумныхъ насмѣшекъ. Эта политика Гизо была могилой июльской династіи: вѣдь во время занятія Кракова онъ объявилъ, что считаетъ вѣнскіе трактаты уничтоженными, а теперь ссылался на нихъ, чтобъ держать сторону іезуитовъ противъ либераловъ и радикаловъ. Только Англія придерживалась какъ въ Италіи, такъ и въ Швейцаріи, такой политики, которая благопріятствовала національнымъ стремленіямъ. Хотя лордъ Пальмерстонъ и не противился на лондонскомъ конгрессѣ намѣренію великихъ державъ взять на себя посредничество въ швейцарскихъ дѣлахъ, но онъ заранѣе протестовалъ противъ повторенія въ Швейцаріи того же, что случилось въ Краковѣ, и заявилъ, что изгнаніе іезуитовъ изъ всѣхъ частей швейцарской конфедераціи должно служить основой для всякаго вмѣшательства. Когда онъ замѣтилъ, что его инструкціи не вполне точно исполнялись англійскимъ посланникомъ въ Бернѣ, сыномъ Роберта Пиля, онъ поручилъ возвращавшемуся на востокъ опытному государственному дѣятелю, сэру Стратфорду Каннингу, остановиться въ Швейцаріи и помочь швейцарскому правительству своими совѣтами. По совѣту Каннинга, Швейцарцы избѣгали всякихъ сношеній съ политическими изгнанниками и съ отрядами добровольцевъ, чтобъ не подавать сосѣднимъ государствамъ никакихъ поводовъ для вмѣшательства.

Послѣ одержанной побѣды, сеймъ принялъ нужныя мѣры для пересмотра конституціи съ цѣлію замѣнить прежнихъ представителей кантональных правительствъ такимъ собраніемъ, которое должно было бы болѣе сильною правительственною властію. Основной государственный законъ, выработанный комиссіею изъ представителей отъ всѣхъ кантоновъ, предоставилъ высшую правительственную власть «союзному собранію», состоящему изъ «національнаго совѣ-

Новая союзная конституція.
12 сент 1848.

та», въ которомъ засѣдаютъ непосредственно выбранные народомъ депутаты, и изъ «совѣта штатовъ», въ которомъ засѣдаютъ представители кантоновъ, какъ самостоятельныхъ государствъ. На соединенномъ засѣданіи этихъ двухъ совѣтовъ былъ организованъ «союзный совѣтъ» въ качествѣ федеральной исполнительной власти; онъ долженъ былъ засѣдать постоянно въ Бернѣ и пользоваться верховною правительственною властію отъ имени союзной республики; кромѣ того былъ учрежденъ «союзный судъ» въ качествѣ высшаго органа судебной власти. Въ то-же время были приняты мѣры для усиленія централизаціи и для упроченія національнаго единства въ томъ, что касалось военнаго устройства, монеты, мѣръ и вѣсовъ и т. д. Благодаря этимъ реформамъ, Швейцарія пользовалась продолжительнымъ внутреннимъ спокойствіемъ въ то время, какъ всю Европу волновали революціонныя вспышки и борьба съ революціонерами. Когда проектъ новой конституціи былъ утвержденъ общимъ народнымъ голосованіемъ и сдѣлался основнымъ государственнымъ закономъ, «зажженными на горахъ огнями народъ простился съ прошлымъ и привѣтствовалъ богатое надеждами будущее. «Такимъ образомъ Гизо невольно сдѣлался настоящимъ основателемъ швейцарскаго національнаго единства, а результатомъ его происковъ было то, что онъ такъ упрочилъ существованіе швейцарской союзной республики и преобладающее вліяніе радикализма, какъ ихъ едва-ли могъ-бы упрочить который либо изъ швейцарскихъ патріотовъ или прогрессистовъ. Предпринятый союзнымъ правительствомъ въ семидесятыхъ годахъ, пересмотръ союзной конституціи былъ только дальнѣйшимъ развитіемъ утвержденныхъ въ 1848 году основныхъ законовъ; онъ имѣлъ цѣлью ввести больше единства и однообразія въ систему управленія и усилить власть союзнаго правительства.

II. Парижская февральская революція и вторая республика.

Іюльское правительство вырождается.

То было большимъ несчастіемъ для іюльской династіи, что вскорѣ послѣ обновленія личнаго состава палаты, въ которой Гизо располагалъ значительнымъ большинствомъ голосовъ, процессъ о подкупѣ генераломъ Кюбьеромъ министра Тесте подтвердилъ слухи о продажности и о грязномъ корыстолюбіи іюльскаго правительства, — что талантливый, но безхарактерный редакторъ газеты *La Presse*, Эмиль Жирарденъ, ненавидимый республиканцами за то, что убилъ на дуэли Армана Карреля, оказался наемникомъ, получавшимъ жалованье отъ министерства, — что были обнаружены мошенническія продѣлки нѣкоторыхъ лицъ, занимавшихъ высшія должности при королевскомъ дворѣ, —

Авг. 1847. что умерщвленіе дочери маршала Себастіани, герцогини Праслень ея

собственнымъ мужемъ въ ночное время въ спальнѣ выставило въ яркомъ свѣтѣ всю безнравственность тѣхъ высшихъ сословій, которыя окружали іюльскій тронъ. А когда самоубійство герцога Пра-слена въ тюрьмѣ лишило взволнованную народную толпу случая насладиться судебнымъ преслѣдованіемъ и казню аристократа, возникло подозрѣніе, что правительство поощряло герцога къ совершенію этого второго преступленія, потому что не желало примѣнять къ нему основное правило равенства передъ закономъ и подвергать такое высоко-поставленное лице позору публичной казни. Всѣ эти факты напоминали о тѣхъ злоупотребленіяхъ, которыя существовали при старой, до-революціонной монархіи; о нихъ-же напоминала и внѣшняя политика іюльского правительства. Луи-Филиппъ всё настойчивѣе старался занять равное мѣсто наряду съ старыми династіями, всё рѣшительнѣе придерживался ретроградной политики Священнаго Союза, чтобъ снискать расположеніе тѣхъ континентальныхъ державъ, которыя управлялись неограниченными монархами; этимъ онъ отталкивалъ отъ себя либеральные классы населенія, доставившіе ему королевскій тронъ. Однако, онъ никогда не могъ внушить достаточно высокаго о себѣ мнѣнія ни въ вѣнскихъ ни въ петербургскихъ придворныхъ сферахъ. Въ вѣнскомъ императорскомъ дворцѣ двери были заперты для короля изъ Орлеанскаго дома, а на берегахъ Невы французскому посланнику приходилось часто подвергаться оскорбительнымъ униженіямъ; русскій самодержецъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, явно выражалъ свое несочувствіе и недовѣріе къ выскочкѣ, поселившемуся въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Либеральная часть французской націи не могла безъ негодованія взирать на то, что король и его первый министръ вступали въ Швейцарію за зондербундъ, что французскому посланнику въ Римѣ, Росси было поручено Луи-Филиппомъ сдерживать реформаторское рвеніе новаго папы Пія IX и посовѣтовать ему не дѣлать ничего непріятнаго для Австріи, что Гизо дѣйствовалъ заодно съ Меттернихомъ, стараясь охранять въ Италіи консервативные интересы противъ попытокъ національной партіи и либеральныхъ внушеній англійскаго правительства, что въ Тулонѣ и въ Port-Vendres были собраны двѣ эскадры, готовыя отплыть по первому сигналу въ Италію для поддержанія тамъ старыхъ порядковъ. Вся французская нація и всѣ французскія политическія партіи пришли къ убѣжденію въ непрочности системы управленія, опирающейся на такіа гнилыя подпорки и такъ далеко уклоняющейся отъ своего первоначальнаго назначенія. Отъ короля нельзя было ожидать перемѣны убѣжденій, потому что онъ былъ очень старъ, отвыкъ прислушиваться къ голосу общественнаго мнѣнія; окружалъ себя только такими людьми, которые были одинакихъ съ нимъ мнѣній, и совершенно позабылъ, что получилъ королевскую корону не потому, что

онъ Бурбонъ, а несмотря на то, что онъ Бурбонъ. Онъ относился съ полнымъ довѣріемъ къ Гизо только потому, что этотъ министръ безусловно придерживался «неизмѣнныхъ воззрѣній» своего монарха, а благодаря своему краснорѣчію, своему вліянію въ парламентѣ и своей безукоризненной честности могъ лучше всякаго другого отстаивать интересы Орлеанской династіи. Даже въ случаѣ смерти Луи-Филиппа нельзя было ожидать переменъ къ лучшему! Наслѣдный принцъ еще не достигъ совершеннолѣтія, а герцогъ Немурскій, которому пришлось-бы исполнять обязанности регента, не пользоваясь любовью народа. Къ тому же и палата депутатовъ, состоявшая большею частію изъ чиновниковъ, считалась доступной для подкуповъ. Поэтому на нее прежде всего и напали члены либеральной оппозиціи и партіи избирательной реформы.

Банкеты приверженцевъ реформы.

Переменъ и улучшеній можно было достигнуть только путемъ расширения избирательнаго права и обновленія личнаго состава народныхъ представителей; палата депутатовъ могла-бы вѣрно выражать національную волю и считаться настоящей представительницей французскаго народа только въ томъ случаѣ, если бы право участія въ выборѣ депутатовъ было предоставлено всей націи или, по меньшей мѣрѣ, всему среднему сословію и этимъ способомъ была бы устранена возможность подкупа избирателей или избранныхъ. Поэтому требованія избирательной реформы становились все болѣе громкими; въ этомъ отношеніи всѣ сословія были одного мнѣнія; избирательная реформа сдѣлалась лозунгомъ дня и для легитимистовъ, и для приверженцевъ конституціонной монархіи, и для республиканцевъ. Умѣренныя партіи требовали для среднихъ слоевъ населенія права посылать въ палату болѣе многочисленныхъ представителей; радикалы хотѣли всеобщей подати голосовъ для того, чтобъ успѣшнѣе распространять республиканскія и социалистическія идеи. Чтобъ придать принципу избирательной реформы больше публичности и вѣса и чтобъ ярче выставить наружу тотъ фактъ, что прежнее палатское большинство не было представителемъ народа, агитаторы стали устраивать въ большихъ городахъ банкеты, на которыхъ присутствовали нѣкоторые члены какъ радикальной, такъ и династической оппозиціи, и на которыхъ смѣлые ораторы безпощадно разоблачали дурныя стороны господствующей системы управленія. Въ числѣ приглашенныхъ гостей находились такіе люди, какъ Одилонъ Барро и Дювержье-де-Гораннъ, какъ Тьеръ и Ремюза. На одномъ изъ такихъ банкетовъ, устроенномъ въ Маконѣ, Ламартинъ, — перешедшій изъ консервативнаго лагеря на сторону оппозиціи, — проникъ пророческимъ взглядомъ въ будущее: «Если королевская власть будетъ оставаться въ одиночествѣ на высотѣ своихъ конституціонныхъ правъ, если въ ней не будутъ воплощаться стремленія и интересы народныхъ массъ, если она окружить себя аристократическими избирателями

вмѣсто того, чтобъ опираться на всю націю, если она, безъ явныхъ нарушеній народной воли, будетъ искажать эту волю и подъ названіемъ вліянія приобрѣтать диктатуру, которая будетъ тѣмъ болѣе опасной, что будетъ приобрѣтена во имя конституціи, если порочность должностныхъ лицъ будетъ заставлятъ Францію краснѣть отъ стыда, если достоинство націи будетъ унижено нечестностью правительственныхъ властей, — тогда, вы можете быть въ томъ увѣрены, эта королевская власть погибнетъ не въ своей крови, какъ въ 1789 году, а въ разставленныхъ ею самою сѣтяхъ. А послѣ того, какъ у насъ была революція свободы и контръ-революція славы, у насъ будетъ революція общественной совѣсти и революція презрѣнія». Въ то-же время парижскіе республиканцы, заново организовавшіе «Общество временъ года», дѣлали тайныя приготовленія на случай государственнаго переворота. Они руководствовались инструкціями отъ редакціи соціал-демократической газеты *Réforme*, которую издавалъ Флоконъ и въ которой рѣшающій голосъ принадлежалъ Ледрю-Роллену и Луи-Блану. Событія въ Италіи и въ Швейцаріи, гдѣ политика французскаго правительства находилась въ самомъ рѣзкомъ противорѣчьи съ общественнымъ мнѣніемъ французскаго народа, усиливали возбужденіе умовъ, вызывая устройство новыхъ банкетовъ и все болѣе смѣлыхъ демонстрацій.

При такомъ настроеніи умовъ открылись засѣданія палаты, а 28 дек. 1847. позиція рѣшилась устроить въ самомъ Парижѣ банкетъ и придать Пренія объ ему особое значеніе, какъ способу публично выразить желаніе на-адресъ. рода. Правительство попыталось этого не допустить. Въ тронной рѣчи говорилось о волненіи, возбужденномъ вредными или слѣпыми страстями, а чтобъ на будущее время воспретить всякіе банкеты партіи реформы, правительство рѣшилось примѣнять устарѣлый законъ 1790 года. Это неуваженіе къ праву сходовъ, ненарушавшемуся даже при реставраціи, и возстановленіе такого закона, который утратилъ обязательную силу со времени введенія Наполеоноваго кодекса, возбудили сильное негодованіе и заставили предполагать, что правительство намѣревается уничтожить конституціонныя права при помощи юридическихъ уловокъ. Поэтому, пренія объ отвѣтномъ адресѣ на тронную рѣчь были чрезвычайно оживленными и бурными. Гизо обвиняли въ продажѣ должностей; на судей роптали за постановленіе пристрастныхъ приговоровъ надъ оппозиціонною печатью, а Тьеръ подвергнулъ строгой критикѣ внѣшнюю политику правительства, которое заступалось въ Швейцаріи за іезуитовъ, дѣйствовало тамъ заодно съ Австріей и относилось враждебно къ гельветической націи, въ теченіи многихъ столѣтій связанной съ Франціей узами дружбы. Онъ назвалъ образъ дѣйствій министерства настоящей контръ-революціей. Въ томъ-же духѣ говорилъ Ламартинъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ вы вмѣшались въ испанскія дѣла,

Франція стала на переکورъ своимъ традиціямъ и своимъ интересамъ отстаивать возрѣнія гибеллиновъ въ Римѣ, церковные интересы въ Бернѣ, австрійскіе интересы въ Піемонтѣ, русскіе интересы въ Краковѣ; она нигдѣ неотстаивала французскихъ интересовъ и повсюду держала сторону контръ-революціи». Тѣмъ не менѣе, министерская партія одержала верхъ: не смотря на упорное сопротивленіе лѣвой стороны палаты, она добилаcь утвержденія проекта отвѣтнаго адреса, въ который вилела порицаніе волненій, возбуждавшихъ партійную вражду или вызванныхъ желаніемъ слѣпо подчиняться стремленіямъ народныхъ массъ.

Банкетъ въ
двѣнадцатомъ
городскомъ
округѣ.

Правительство одержало-бы такую-же побѣду и въ вопросѣ о банкетѣхъ, еслибы имѣло дѣло только съ палатской оппозиціей. Вожди лѣвой стороны, Одилонъ Барро, Гарнье-Паже, Араго, рѣшительно отстаивавшіе право устраивать сходки, стали, на переکورъ запрещенію, дѣлать приготовленія къ банкету, назначенному вблизи отъ Елисейскихъ Полей на 22 февраля, и разослали приглашенія къ національной гвардіи, не испросивши на то дозволенія отъ главнокомандующаго, а редакторъ газеты National опубликовалъ программу празднества; но когда правительство стало принимать военныя мѣры, а полицейское начальство запретило банкетъ «въ интересахъ порядка», тогда большая часть членовъ оппозиціи отказалась отъ устройства банкета, а вмѣсто того рѣшилась внести въ палату предложеніе о преданіи министерства суду за нарушеніе конституціи. Я былъ увѣренъ, сказалъ торжествующимъ тономъ Луи-Филиппъ, что только стбитъ мнѣ обнаружить твердость, и они сдѣлаются уступчивыми.

Паденіе іюль-
ской монархіи.

Однако, народъ уже былъ до такой степени возбужденъ, что нерѣшительность членовъ палаты и организаторовъ банкета не могла заставить его отказаться отъ предположеннаго выраженія его желаній и отъ демонстрацій. Толпы рабочихъ и блузниковъ, студенты, воспитанники Политехнической школы, смѣлая уличная молодежь стали расхаживать по городскимъ улицамъ и площадямъ съ возгласами: Реформа! Долой Гизо! Они окружили палату депутатовъ и стали требовать преданія министровъ суду. Ихъ число увеличивалось съ каждымъ часомъ; линейныя войска обходились съ ними кротко; національная гвардія брательась съ народомъ; полиціи (муниципальной гвардіи), бывшей предметомъ сильной ненависти въ низшихъ слояхъ населенія, была не по силамъ борьба съ громадной толпой; на многихъ улицахъ были построены баррикады. Борьба уже продолжалась два дня съ усиливавшимся ожесточеніемъ. Национальная гвардія, большею частію состоявшая изъ желавшихъ реформы людей съ либеральными убѣжденіями, все чаще и чаще переходила на сторону народа и этимъ ослабляла энергію регулярныхъ войскъ. Въ Тюльерійскомъ дворцѣ и въ палатѣ депутатовъ накопи-

22. 23 февр.
1848.

лись массы прошеній о реформахъ и о перемѣнѣ министерства. Тогда король пригласилъ къ себѣ бывшаго министра Моле, уволилъ министерство Гизо и обѣщалъ требуемыя реформы. Извѣстіе объ этомъ распространилось передъ вечеромъ съ быстротою молніи и возбудило въ народѣ сильнѣйшій восторгъ. Толпы стали расхаживать по улицамъ съ пѣснями и съ радостными возгласами; баррикады исчезли въ западныхъ частяхъ города; дома были иллюминированы; всѣ обнимались съ гордымъ сознаніемъ одержанной побѣды. Но члены тайныхъ обществъ и подчинявшіеся ихъ вліянію рабочіе не были довольны такимъ исходомъ борьбы; ихъ желанія неограничивались перемѣной министерства; въ сѣверо-восточныхъ частяхъ столицы, населенныхъ преимущественно рабочими, еще было на баррикадахъ немало вооруженныхъ людей; въ Тюльерійскомъ дворцѣ еще не успѣли притти къ соглашенію касательно состава новаго министерства. Тогда случилось слѣдующее неожиданное происшествіе: народная толпа, ходившая около десяти часовъ вечера по бульварамъ съ знаменами, съ факелами и съ громкими пѣснями, остановилась передъ зданіемъ министерства иностранныхъ дѣлъ и потребовала, чтобъ оно было иллюминировано. Войска попытались воспротивиться дальнѣйшему движенію толпы; къ командовавшему ими полковнику обратился съ бранными словами одинъ изъ факельщиковъ. Въ эту минуту, — какъ тогда рассказывали, — раздался выстрѣлъ, а стоявшія передъ зданіемъ войска вообразили, что на нихъ сдѣлано нападеніе. Вслѣдъ за этимъ внезапно раздался залпъ выстрѣловъ, направленныхъ въ толпу, и восемьдесятъ два человѣка повалились мертвыми или ранеными. Народъ пришелъ въ ярость. Онъ наложилъ трупы на проѣзжавшую мимо телѣгу и сталъ возить ихъ по улицамъ съ криками: измѣна! мщенія! убиваютъ нашихъ братьевъ! Къ оружію! Около полуночи раздался звонъ набатнаго колокола собора Богоматери, а утромъ 24 февраля всѣ парижскія улицы были загорожены баррикадами и го- 24 февр. 1848, родская ратуша находилась во власти инсургентовъ. Тогда король тщетно прибѣгнулъ къ содѣйствію лѣвой стороны палаты и назначилъ министрами Тьера, Одилона Барро, Дювержье-де-Горанна, маршала Бюжо. На приглашенія этихъ людей прекратить борьбу никто не обращалъ вниманія, а ихъ обѣщаніямъ никто не вѣрилъ. «Король обманываетъ насъ!» раздавалось изъ толпы; «Бюжо будетъ стрѣлять въ насъ картечью». Побѣда все болѣе и болѣе склонялась на сторону народа; линейныя войска частію перешли на сторону народа, частію потерпѣли пораженіе; національная гвардія, командованіе которой было возложено на генерала Ламорисьера, дѣйствовала только оборонительно, а отъ нападеній на народную толпу отказывалась. Одинъ отрядъ муниципальной гвардіи, защищавшій Пале-Рояль и не соглашавшійся положить оружіе, былъ, посѣвъ кровопролитной борьбы, уничтоженъ почти до послѣдняго человѣка. Въ

газетъ *Réforme* появилось воззваніе слѣдующаго содержанія: Луи-Филиппъ приказываетъ стрѣлять въ народъ подобно Карлу X. Отошлемъ-же его туда-же, куда отправился его предшественникъ!

Бѣгство коро-
левскаго се-
мейства и вре-
менное прави-
тельство. Тогда Луи-Филиппъ понялъ опасность своего положенія, отрекся отъ престола въ пользу своего внука графа Парижскаго и назначилъ герцогиню Орлеанскую регентшей; но такъ какъ эта мѣра осталась безъ всякаго вліянія на мятежную толпу, все ближе подступавшую къ дворцу, то онъ вмѣстѣ съ своей супругой вышелъ изъ дворца черезъ заднія ворота и направился къ берегу моря черезъ Сенъ-Клу и Дрѣ. Тамъ королевская чета нѣсколько дней бродила никѣмъ не-узнанной, пока не нашла возможности безопасно переѣхать въ Англію, куда вслѣдъ за нею прибыли различными путями и остальные члены королевскаго семейства. Они поселились въ принадлежавшемъ королю Бельгійскому, замкѣ Кларемонъ. Тамъ Луи-Филиппъ прожилъ два года (ум. 26 августа 1850). Герцогиня Орлеанская, сопровождаемая герцогомъ Немурскимъ, укрылась въ палатѣ депутатовъ вмѣстѣ съ своими двумя дѣтьми; но приближеніе вооруженной народной толпы и возгласы: да здравствуетъ республика! заставили ее спастись бѣгствомъ. Послѣ безчисленныхъ опасностей, она сначала укрылась въ Домѣ Инвалидовъ, а потомъ, при содѣйствіи новаго правительства, направилась черезъ Бельгію въ Германію. Тѣмъ временемъ, комитеты, организованные редакціями республиканской газеты *National* и социалистической газеты *Réforme*, условились съ Ламартиномъ о провозглашеніи республики. Послѣ того, какъ члены Орлеанскаго семейства удалились изъ палаты депутатовъ, было учреждено временное правительство подъ предсѣдательствомъ восьмидесяти-лѣтняго Дюпонъ де л'Эра; но оно послужило лишь переходомъ къ республикѣ, которая была провозглашена въ городской ратушѣ послѣ бурныхъ преній. Ламартинъ хотѣлъ, чтобы прежде введенія новой формы государственнаго управленія было спрошено мнѣніе французской націи; но буйство народныхъ массъ и вліяніе Ледрю-Роллена и Луи-Блана вынудили немедленное провозглашеніе республики лишь съ той оговоркой, что немедленно будетъ испрашено одобреніе французскаго народа. Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ, Франсуа Араго, Гарнье-Паже, Кремье и Луи-Бланъ были самыми вліательными членами новаго правительства, организовавшагося въ городской ратушѣ. Между тѣмъ народъ проникъ въ Тюльери, жегъ тамъ мебель и комнатныя украшенія, перенесъ королевскій тронъ на площадь Бастилии и разрушилъ его тамъ у подножія іюльской колонны, а по роскошнымъ дворцовымъ апартаментамъ расхаживали толпы пролетаріевъ и оборванцевъ. Нигдѣ не было случаевъ грабежа или покушеній на жизнь и собственность, а цѣлостъ художественныхъ произведеній оберегали студенты и воспитанники Политехнической школы. Отрядъ, организованный Ламартиномъ изъ парижской молодежи,

находился въ распоряженіи временнаго правительства и помогалъ ему сдерживать чрезмѣрную требовательность сильно раздраженныхъ народныхъ массъ. По прошествіи нѣсколькихъ дней, новый префектъ полиціи Коссидьеръ организовалъ республичанскую народную гвардію. Нѣсколькихъ часовъ было достаточно для того, чтобъ низвергнуть могущественную монархію и заставить спасаться бѣгствомъ одного изъ самыхъ богатыхъ королей; депутаты министерской партіи или спасались бѣгствомъ или скрывались; всѣ спѣшили признать новую форму правленія — и легитимисты, и духовенство, и провинціальныя должностныя лица, и армія; на дѣлѣ оказалось, что у Орлеанской династіи не было никакихъ приверженцевъ, никакой партіи; ея господство было основано на эгоизмѣ, поэтому ея паденіе не вызвало никакихъ сожалѣній. Ее не попытались поддержать даже принцы Омальскій и Жуанвильскій, находившіеся во время взрыва революціи внѣ Франціи — первый во главѣ алжирской арміи, второй во главѣ французскаго флота въ Средиземномъ морѣ. Они сложили съ себя званіе главнокомандующихъ и отправились вслѣдъ за Луи-Филиппомъ въ Англію.

Тогда настало тяжелое переходное время, въ теченіе котораго Республика. анархическія вспышки политическихъ страстей смѣнялись республиканскими празднествами, а прекращеніе работъ и бѣдственное положеніе низшихъ слоевъ населенія сосредоточивали на себѣ всю дѣятельность временнаго правительства. Ликованіе республиканцевъ, выражавшееся въ устройствѣ публичныхъ празднествъ, въ освященіи знаменъ, въ провозглашеніи новаго логунга: свобода, равенство, братство!, было преходящимъ явленіемъ, такъ какъ требованія практической, прозаической жизни скоро создали не мало серьезныхъ затрудненій. Было рѣшено, что народъ выберетъ членовъ національнаго собранія, на которое будетъ возложена обязанность составить конституцію для будущей демократической республики, а до назначеннаго въ маѣ открытія засѣданій этого собранія, управленіе государствомъ будетъ находиться въ рукахъ временнаго правительства. Ламартинъ, который былъ настоящей душою этого правительства, воспользовался благородными чувствами, пробудившимися въ сердцахъ побѣдоносныхъ народныхъ массъ, чтобъ замѣнить красное знамя трехцвѣтнымъ и отмѣнить смертную казнь за политическія преступленія. Своимъ «манифестомъ къ Европѣ» онъ постарался 3 марта 1848. разсѣять опасенія сосѣднихъ государствъ, что французская республика вовлечется въ завоевательную политику и будетъ заниматься революціонной пропагандой, какъ этого желали и мѣстные и прибывшіе въ большомъ числѣ изъ-за границы, анархисты и коммунисты. Главнымъ препятствіемъ для возстановленія прочнаго порядка на республиканской основѣ были замыслы тѣхъ людей, которые желали радикальнаго соціалистическаго переворота. Такъ какъ револю-

ція была дѣломъ рабочихъ классовъ, то отъ новаго правительства требовали, чтобъ оно считало своей главной задачей улучшеніе матеріальнаго положенія тѣхъ классовъ. Уже на второй день послѣ провозглашенія республики, Луи-Бланъ и новый сенскій префектъ (впослѣдствіи министръ финансовъ) Гарнье-Паже подписались подъ переданнымъ имъ народною толпою заявленіемъ, по которому правительство обязывалось доставить рабочимъ средства существованія трудомъ. Чтобъ примѣнить на практикѣ принципъ «права на трудъ», былъ включенъ въ составъ временнаго правительства работникъ Альбертъ, а Луи-Блану было предоставлено право организовать общественныя работы и обезпечить благоденствіе бѣдныхъ классовъ по его личному усмотрѣнію и при содѣйствіи «парламента рабочихъ». Но тогда обнаружилась полная несостоятельность соціалистической системы. Въ своей статьѣ о правѣ собственности Тьеръ разоблачилъ силою своей логики и ироніи негодность этой системы. Обезпеченіе труда государствомъ сдѣлало необходимымъ содержаніе цѣлаго легіона голодныхъ, уклонявшихся отъ работы, людей, и привело къ устройству національных мастерскихъ, которыя поглотили много милліоновъ, но не принесли никакой пользы. Чтобъ придать этому предпріятію внѣшній видъ полезной дѣятельности, были предприняты безцѣльныя земляныя работы, заключавшіяся въ томъ, что сегодня увозили раскопанную землю, а завтра привозили ее на прежнее мѣсто. Ежедневная выдача двухъ франковъ всякому бѣдняку, оставшемуся безъ работы, увеличила государственные расходы до громадныхъ размѣровъ и съ каждымъ днемъ увеличивала число жившихъ подаяніями, пролетаріевъ.

Происки анархистовъ.

17 марта.

16 апрѣля.

1848.

Положеніе правительства сдѣлалось еще болѣе труднымъ вслѣдствіе того, что стремившіеся къ анархіи, соціаль-демократы требовали созванія народныхъ представителей и учрежденія революціонной диктатуры, которая была бы предоставлена комитету народного благосостоянія. Нѣсколько попытокъ возстанія были съ трудомъ подавлены. Финансы приходили въ страшное разстройство. Подати не взыскивались, дѣловыя предпріятія пріостановились, государственный долгъ быстро увеличивался, попытка добровольнаго національнаго займа оказалась безуспѣшной, увеличеніе прямыхъ налоговъ усилило общее недовольство. Къ неудачнымъ финансовымъ мѣрамъ Гарнье-Паже присоединились ошибки министра внутреннихъ дѣлъ Ледрю-Роллена, который удалилъ всѣхъ прежнихъ должностныхъ лицъ, чтобъ замѣнить ихъ болѣе энергичными республиканцами и революціонерами. Чтобъ наполнить палату народныхъ представителей людьми, раздѣлявшими его воззрѣнія, министръ прибѣгалъ къ самымъ грубымъ способамъ вліянія на избирателей. Но это былъ напрасный трудъ. Выборы производились на основаніи самаго широкаго права всеобщей и непосредственной подачи голосовъ; однако, ихъ результатъ оказался благопріятнымъ преиму-

ищенственно для монархистовъ или, по меньшей мѣрѣ, для умѣренныхъ республиканцевъ, поэтому былъ выраженіемъ рѣшительнаго неодобренія стремленій радикаловъ и социалистовъ. Новое національное собраніе, открывшее свои засѣданія 4 мая, объявило, что, для упроченія основъ общественнаго порядка, признаетъ республику за неизмѣнную форму государственнаго управленія, а вмѣсто временнаго правительства учредило «исполнительный комитетъ», въ составъ котораго вошли Араго, Гарнье-Паже, Мари, Ламартинъ, Ледрю-Ролленъ; но социалистическіе клубы считали учрежденіе этого комитета за объявленіе войны. Кромѣ того, имѣлось въ виду закрытіе національныхъ мастерскихъ, которыя неизбѣжно привели-бы въ скоромъ времени къ раззоренію государства, къ обѣднѣнію зажиточныхъ классовъ и къ уничтоженію всякой цивилизаціи. Отказъ составить, по предложенію Луи-Блана, «министерство прогресса» и учрежденіе комитета для уясненія рабочаго вопроса считались признакомъ того, что государство намѣрено не признавать права на трудъ. Поэтому вожди социаль-демократическихъ обществъ—старые заговорщики Губеръ и Бланки, которому февральская революція отворила двери его тюрьмы, Распаль, Собріе—рѣшились организовать новое возстаніе съ цѣлю разогнать національное собраніе и учредить революціонную диктатуру. Въ собраніе было внесено предложеніе потребовать восстановления Польши отъ трехъ державъ, участвовавшихъ въ ея раздѣлѣ, а въ случаѣ отказа немедленно двинуть на востокъ французскую армію; это послужило поводомъ для бурныхъ сценъ, напоминавшихъ событія девяностыхъ годовъ. Толпы пролетаріевъ стали осыпать угрозами и оскорбленіями представителей націи, засѣдавшихъ въ нарочно построенной для нихъ обширной залѣ. Президентъ палаты Бюше и большинство ея членовъ удалились изъ залы; тогда вожди демократовъ приступили къ избранію членовъ новаго правительства. Приближеніе городской гвардіи и гражданской стражи заставило ихъ перебраться въ городскую ратушу, чтобъ тамъ докончить начатую работу. Но Ламартинъ и Ледрю-Ролленъ стали во главѣ городской гвардіи, разогнали народную толпу, проникли внутрь городской ратуши, арестовали бунтовщиковъ и такимъ образомъ разрушили замыселъ организовать социаль-демократическое правительство. И тѣ толпы, которыми предводительствовалъ Собріе въ улицѣ Риволи, были разогнаны національной гвардіей; префектъ полиціи Косидьеръ былъ принужденъ распустить своихъ «монтаньяровъ» и «революціонную гвардію» и вслѣдъ за тѣмъ выйти въ отставку. Былъ распущенъ и «парламентъ рабочихъ», засѣдавшій въ Люксембургскомъ дворцѣ подъ предсѣдательствомъ Луи-Блана и занимавшійся составленіемъ проектовъ различныхъ социалистическихъ реформъ.

4 мая.

15 мая.

Между тѣмъ, личный составъ національнаго собранія былъ пополненъ дополнительными выборами и въ него вошло не мало вліятель-

Июньское воз- ныхъ людей съ громкими именами, какъ напр. Тьеръ, Шангарнье, станіе и из- Луи Бонапартъ; тогда правительство уже могло приступить къ вве- браніе прези- денію прочной республиканской системы управленія. Прежде, всего оно дента респуб- рѣшилось закрыть національныя мастерскія и, въ видѣ пригото- ликп. тельной мѣры, стало уменьшать число людей, получавшихъ денежное пособіе отъ государства. Тогда рабочіе, члены клубовъ и пролетаріи попытались произвести насильственный переворотъ, чтобъ устранить людей, стоявшихъ во главѣ управленія, и передать власть въ руки четвертаго сословія; легитимисты и бонапартисты втайнѣ дѣйство- вали съ ними, за одно и снабжали ихъ деньгами. Тогда вспыхнуло 22—26 іюня страшное июньское возстаніе, во время котораго приверженцы «крас- 1848. ной республики» опозорили себя варварскими злодѣйствами. Они убили храбраго генерала Бреа; благочестивый парижскій архіепископъ Аффръ, обратившійся къ нимъ на площади Бастиліи съ миролюби- выми увѣщаніями, былъ пораженъ на смерть ружейнымъ выстрѣ- ломъ; они покрывали баррикады трупами своихъ противниковъ и носили знамена съ надписью: жить работой или умереть въ борьбѣ! Національное собраніе было такъ испугано обнаружившимся во время возстанія, варварскимъ жестокосердіемъ низшихъ слоевъ населенія, что поручило диктаторскую власть генералу Кавеньяку, который былъ вызванъ исполнительной комиссіей собранія изъ Алжира въ Парижъ для занятія должности военнаго министра. Во главѣ линейныхъ войскъ и національной гвардіи Кавеньякъ одолѣлъ мятежниковъ послѣ че- тырехъ-дневной кровопролитной уличной борьбы; при этомъ было убито отъ десяти до двѣнадцати тысячъ человѣкъ и семь генераловъ частію были убиты на мѣстѣ, частію скоро умерли отъ ранъ. Вожди и зачинщики возстанія были арестованы и преданы суду; захваченные въ плѣнъ и оставшіеся безъ всякихъ занятій рабочіе были тысячами перевезены въ заморскія французскія колоніи; въ Парижѣ было вве- дено на неопредѣленное время осадное положеніе; національныя ма- стерскія были закрыты; пресса была подчинена болѣе строгому над- зору. Національное собраніе выразило генералу Кавеньяку призна- тельность отечества и назначило его главою исполнительной власти и президентомъ министерства. Ламорисьеръ былъ назначенъ воен- нымъ министромъ, Шангарнье начальникомъ парижской національной гвардіи. Опираясь на этихъ людей, національное собраніе приступило къ составленію новой республиканской конституціи на основаніи принципа народнаго верховенства. Право на трудъ было отвергнуто послѣ горячей парламентской борьбы и послѣ того, какъ Тьеръ убѣ- дительно доказалъ практическую неосуществимость такого принципа и его вредное вліяніе; былъ отвергнутъ и проектъ прогрессивныхъ налоговъ. Напротивъ того, была принята система одной палаты съ всеобщей и непосредственной подачей голосовъ по именнымъ спис- камъ, составленнымъ въ каждомъ избирательномъ округѣ, такъ какъ

централизація правительственной власти считалась необходимой при тогдашней непрочности политическаго положенія. Во главѣ государства было рѣшено поставить президента республики. Мнѣнія сильно расходились по вопросу, кому слѣдуетъ предоставить избраніе президента—національному собранію или народному голосованію. Республиканцы стояли за первый способъ избранія; но Ламартинъ, питавшій тайную надежду попасть по выбору народа на высшій постъ, отстаивалъ второй способъ. Въ виду явнаго несочувствія націи къ республиканской формѣ правленія, и правая сторона собранія отстаивала второй способъ, который и былъ утвержденъ собраніемъ. Было рѣшено, что президентъ республики будетъ выбираться на четыре года всей націей такъ-же, какъ въ сѣверной Америкѣ, и только по прошествіи четырехъ-лѣтняго промежутка времени можетъ быть избранъ вновь. Эта странная конституція была наполнена благозвучными фразами, воспоминаніями о конвентѣ и о сѣверо-американской республикѣ. Торжественная церемонія съ участіемъ духовенства на площади Согласія возвѣстила о началѣ новой республиканской эры. Избраніе президента республики было назначено на 10 декабря. Національное собраніе желало, чтобъ большинство голосовъ было подано за генерала Кавеньяка, но Луи Наполеонъ Бонапартъ, ослѣплявшій націю блескомъ своего имени и оболъстившій ее изданіемъ многообѣщавшаго манифеста, былъ избранъ 5½ милліонами голосовъ. Онъ только за нѣсколько недѣль передъ тѣмъ вступилъ въ составъ національнаго собранія, отмѣнившаго декретъ объ изгнаніи Бонапартовъ изъ Франціи. Онъ въ то время считался незначительнымъ человѣкомъ, — «маленькимъ племянникомъ великаго дяди». Однако уже въ то время прозорливые люди относились съ недовѣріемъ къ принцу, отличавшемуся скрытностью характера и блѣдностью лица. Ему помогали достигнуть званія президента и предпріимчивость бонапартистовъ, умѣвшихъ искусно пользоваться національной легендой, и вліяніе духовенства, которое онъ умѣлъ привлечь на свою сторону, и нерасположеніе всѣхъ желавшихъ прочнаго порядка классовъ общества, въ особенности сельскихъ жителей, къ красной республикѣ и къ социализму. Кавеньякъ безрекословно подчинился закону и народной волѣ и передалъ свои полномочія своему счастливому сопернику. По предложенію президента національнаго собранія Армана Марраста, Луи Наполеонъ поклялся «передъ Богомъ и французскимъ народомъ», что будетъ вѣренъ единой и нераздѣльной демократической республикѣ и будетъ исполнять всѣ возложенныя на него конституціей обязанности; за тѣмъ онъ вступилъ въ отправление своей должности, обратившись къ собранію съ слѣдующими словами: «Воля націи и клятва, которую я только-что принесъ, опредѣляютъ мой будущій образъ дѣйствій. Мои обязанности ясно мнѣ указаны и я буду исполнять ихъ какъ честный человѣкъ.

12 ноября
1848.

20 дек. 1848.

Я буду считать врагами отечества всѣхъ тѣхъ, которые стали-бы пытаться незаконными средствами измѣнить то, что установлено Франціей. Между мною и вами, г-да депутаты, не можетъ быть никакого разномыслія. У насъ одинакія желанія. Такъ-же, какъ и вы, я желаю возстановить основы государства, упрочить демократическія учрежденія и всѣми силами улучшать положеніе великодушнаго и благоразумнаго народа, давшего мнѣ такое блестящее доказательство своего довѣрія». Затѣмъ, президентъ Луи Наполеонъ Бонапартъ поселился на постоянное жительство въ Елисейскомъ дворцѣ. При всѣхъ описанныхъ выше потрясающихъ событіяхъ Французы выказали три прекрасныхъ качества—мужество, патріотизмъ и политическій тактъ; величіе Франціи было цѣлю всѣхъ политическихъ партій. Въ своей первой парламентской рѣчи Тьеръ сказалъ: «Республику создали не мои друзья и не я; мы не желали ее, но принимаемъ ее честно и искренно. Та форма правленія, при которой мы старались обезпечить благосостояніе страны, разрушена; но и при теперешней формѣ правленія мы будемъ такъ-же, какъ при прежней, стараться упрочить благосостояніе нашего отечества».

III. Революція распространяется по Европѣ.

1. Германія и великія нѣмецкія державы.

Вліяніе фев-
ральской ре-
волюціи и об-
щественные
недуги того
времени.

Если іюльская революція была способна вызвать волненія, охватившія всю Европу, то февральская революція должна была вызвать еще болѣе глубокія внутреннія потрясенія при тогдашнемъ возбужденіи умовъ и при разросшихся силахъ оппозиціи. Въдѣ и въ Италіи, и въ Германіи, и въ Польшѣ, и въ Ирландіи, и въ Швейцаріи политическія партіи вели между собою упорную борьбу изъ-за пеходства убѣжденій, а стремленія къ національной обособленности становились все болѣе необузданными! Поэтому нисколько не удивительно, что люди съ пылкой фантазіей, несвѣдущіе въ политикѣ мечтатели, демократическіе фанатики и проповѣдники безпредѣльной свободы задумали основать всеобщую европейскую республику, въ которой бы-ли-бы уничтожены всѣ національныя и религіозныя различія и примѣнялись-бы на практикѣ принципы свободы, равенства и братства. Возстанія, вспыхивавшія во многихъ странахъ съ быстротою молніи, усиливали надежды фанатиковъ, а пропаганда, которая велась изъ французской столицы, раздувала пламя революціи и распространяла республиканскія идеи съ соціалистической и коммунистической окраской съ цѣлю расшевелить низшіе слои населенія. Убѣжденіе въ неизбѣжномъ распространеніи революціи по всей Европѣ побуждало многихъ готовить ея успѣхъ. Въ особенности въ Германіи этому

успѣху содѣйствовали экономическіе недуги того времени: зажиточные люди съ тревожной заботливостью взирали на сильныя потрясенія въ торговой сферѣ, гдѣ чрезмѣрно развившаяся кредитная и вексельная система привела къ множеству банкротствъ, отъ которыхъ тысячи людей лишились своего состоянія; въ то же время изъ жилищъ раздавались вопли голодающихъ, неспособныхъ прокормить себя при дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ, происшедшей отъ двухлѣтнихъ неурожаевъ. Въ Верхней Силезіи люди умирали отъ голоднаго тифа, а въ нѣкоторыхъ фабричныхъ и промышленныхъ центрахъ были вызваны страшной нуждою такія-же ужасныя сцены, какія происходили въ Ирландіи; рассказы объ этихъ фактахъ въ связи съ задорнымъ тономъ литературы, вступившей за интересы пролетаріевъ, наконецъ вызвали возстаніе въ Берлинѣ, въ Штутгартѣ, въ Мюнхенѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Эти возстанія были подавлены войсками и полиціей, а благотворительность зажиточныхъ классовъ и обильный урожай скоро облегчили положеніе бѣдняковъ, но по этому случаю въ первый разъ обнаружился во всей своей наготѣ фактъ усиливавшагося обѣдненія народныхъ массъ и громаднаго неравенства богатствъ и жизненныхъ наслажденій. Тогда стало для всѣхъ ясно, что пролетаріи доведены до самого бѣдственнаго положенія и что необходимо помочь имъ посредствомъ введенія политическихъ и социальныхъ реформъ. Какая была польза въ ежегодномъ переселеніи тысячъ людей въ Америку, если совокупная дѣятельность правительства, общинъ и частныхъ людей не доставляла бѣднякамъ средствъ для переселенія и если оставались неуничтоженными причины обѣдненія и нравственной испорченности! Повсюду стало обнаруживаться тревожное чувство недовольства и существующіе порядки стали казаться недолговѣчными въ особенности потому, что главной, если не единственной, причиной общественныхъ недуговъ считалась господствующая система управленія. И не смотря на то, что такія воззрѣнія не могли высказываться въ печати вслѣдствіе усиленныхъ строгостей цензуры, они проникали въ народныя массы, а ихъ вліяніе еще усиливалось отъ того, что они держались въ тайнѣ. Волненіе умовъ распространилось по Германіи и заставляло въ скоромъ времени ожидать глубокихъ политическихъ потрясеній. Даже поэтъ Гервегъ закончилъ одно изъ своихъ стихотвореній слѣдующими словами: Поэтъ долженъ идти впереди всѣхъ, держа въ рукахъ знамя возстанія!

Повсемѣстное волненіе умовъ разразилось бурными вспышками прежде всего вблизи отъ французской границы, въ Баденѣ. Дѣятельная политическая жизнь, которою это великое герцогство уже давно отличалось отъ другихъ нѣмецкихъ государствъ, повидимому, давала ему право идти впереди всѣхъ съ знаменемъ прогресса и преобразованій. Только что собравшимся земскимъ чинамъ были предъявлены настоячивыя

Либеральныя
движенія и
правитель-
ственные рас-
пораженія.

просьбы о введеніи свободы печати и суда присяжных и объ организаціи гражданской стражи, которая сама выбирала-бы своего начальника; а незадолго передъ тѣмъ, депутатъ Бассерманнъ внесъ въ баденскую палату предложеніе учредить нѣмецкій парламентъ, который, въ качествѣ народнаго представительства, дѣйствовалъ бы на ряду съ сеймомъ, состоящимъ изъ представителей нѣмецкихъ правительствъ (стр. 263). Баденское правительство не только исполнило три выше упомянутыхъ требованія насколько это было ему по силамъ, но даже издало, по соглашенію съ палатами, законъ объ уничтоженіи всякихъ феодальныхъ повинностей и о выдачѣ за нихъ денежнаго вознагражденія изъ государственной казны; кромѣ того, оно уволило многихъ должностныхъ лицъ и придворныхъ чиновниковъ, навлекшихъ на себя ненависть народа; и тѣ депутаты, которые не пользовались народною любовью, отказались отъ своихъ полномочій и были замѣнены новыми. Примѣръ Бадена не остался безъ вліянія на другія нѣмецкія государства. Повсюду были мало-по-малу предъявлены и исполнены такія-же требованія, какъ въ Баденѣ, а въ нѣкоторыхъ странахъ были прибавлены къ нимъ и новыя требованія. Въ Вюртембергѣ, въ Саксоніи и въ нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ вожди либеральной оппозиціи были назначены министрами и въ ихъ руки были переданы бразды правленія, укоренившимся злоупотребленіямъ былъ положенъ конецъ и были подвергнуты пересмотру стѣснительные законы о выборахъ. Чтобъ придать этому движенію болѣе ясную цѣль и предотвратить чрезмѣрные требованія народныхъ массъ, вожди либеральной оппозиціи въ южныхъ и западныхъ собраніяхъ земскихъ чиновъ собрались въ числѣ пятидесяти одного въ Гейдельбергѣ для обсужденія «тѣхъ мѣропріятій, которыя были самыми необходимыми для отечества». Въ воззваніи къ нѣмецкой націи они заявили о настоятельной необходимости созвать собраніе національныхъ представителей, которые должны быть выбраны соразмѣрно съ числомъ населенія въ каждомъ государствѣ; а чтобъ дать дальнѣйшій ходъ этому предложенію, они избрали комитетъ изъ семи членовъ, въ числѣ которыхъ находились Гагернъ, Велькеръ, Ицштейнъ и Рёмеръ. Болѣе многочисленное собраніе земскихъ уполномоченныхъ и другихъ выдающихся политическихъ дѣятелей было созвано съ тою-же цѣлію въ концѣ апрѣля во Франкфуртѣ на М. Тогда даже союзный сеймъ попытался успокоить взволнованные умы, изъяснивъ готовность удовлетворить либеральныя и національныя требованія. Онъ обратился къ нѣмецкимъ правительствамъ съ увѣщаніемъ дѣйствовать за-одно съ народомъ и обѣщалъ, что Германія займетъ подобающее ей высокое положеніе среди европейскихъ народовъ; этой цѣли онъ надѣялся достигнуть путемъ мирнаго соглашенія, законнаго прогресса и развитія національныхъ учреждений. Онъ предоставилъ нѣмецкимъ правительствамъ право вводить свободу пе-

5 марта 1848.

1 марта.

чати и рѣшился приступить къ «измѣненію союзной конституціи на настоящихъ, согласныхъ съ духомъ времени, національныхъ основахъ». Послѣ того, какъ Баденъ предложилъ союзному сейму созвать собраніе народныхъ представителей, сеймъ рѣшился созвать «довѣренныхъ» людей для совѣщаній объ измѣненіи союзной конституціи. Онъ усвоилъ гербъ старой имперіи, изъ-за котораго патріоты такъ часто подвергались жестокимъ преслѣдованіямъ. Но на его прежней дѣятельности лежало такъ много черныхъ пятенъ, что онъ уже не былъ въ состояніи загладить ихъ.

Перевороты, совершившіеся въ Вѣнѣ и въ Берлинѣ, довершили Паденіе Меттерниха. побѣду либераловъ. Тогда пробилъ послѣдній часъ и для Меттерниха, чѣмъ указаніямъ внимали нѣмецкія правительства въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, какъ указаніямъ оракула. Онъ не хотѣлъ подчиняться духу новаго времени и полагалъ, что гнилыя подпорки полицейской системы управленія достаточно крѣпки, чтобъ устоять подъ натискомъ свободы. Погруженный въ жизненные наслажденія, онъ не замѣчалъ, какъ оппозиціонная литература тайкомъ вводила австрійскихъ подданныхъ въ соблазнъ, беспощадно разоблачая негодность ихъ управленія, и какъ въ сосѣднихъ странахъ усиливались стремленія къ національной независимости (стр. 268, 270 и сл.). Подобно своему другу Генцу, и князь Меттернихъ придерживался слѣдующаго правила: лишь-бы намъ жилось хорошо, а до того, что будетъ послѣ насъ, намъ нѣтъ никакого дѣла! Но онъ былъ лишенъ возможности придерживаться этого правила до конца своей жизни. Извѣстія о парижскихъ событіяхъ возбудили лихорадочное волненіе умовъ во всѣхъ австрійскихъ владѣніяхъ. Венгерскіе земскіе чины обратились къ императорскому правительству съ настойчивыми просьбами учредить въ Венгріи самостоятельное національное управленіе подъ руководствомъ эрцгерцога—палатина, измѣнить венгерскія государственныя учрежденія, уменьшить налоги, освободить Венгрію отъ участія въ уплатѣ австрійскаго государственнаго долга и освободить венгерскую армію отъ обязанностей военной службы внѣ королевства. То-же самое случилось въ Прагѣ, гдѣ въ предшествовавшемъ году богемскіе земскіе чины были глубоко оскорблены въ своихъ правахъ и въ своемъ достоинствѣ, и наконецъ даже въ Вѣнѣ, гдѣ австрійскіе земскіе чины собрались въ мартѣ 1848. Скрываемое въ тайнѣ, разстроенное положеніе финансовъ внушало сильное недовѣріе къ правительству. Мѣстами случалось, что бумажныя деньги не принимались въ уплату долговъ; торговля и промышленность пришли въ упадокъ; число незанятыхъ и терпѣвшихъ нужду рабочихъ постоянно увеличивалось. При такомъ положеніи дѣлъ увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ юношескія, не зрѣло обдуманныя попытки вѣнскихъ студентовъ. Эта молодежь сильно взволновала вѣнское населеніе тѣмъ, что стала обращаться къ земскимъ

чинамъ, къ министрамъ и къ императору съ петиціями, составленными на шумныхъ сходкахъ. Когда войска, дѣйствовавшій безъ всякой энергіи, были въ нѣкоторыхъ пунктахъ оттѣснены народомъ, а студенты взялись за оружіе, князь Меттернихъ сталъ мало по малу дѣлать уступки, на которыя прежде не соглашался; но когда 13 марта 1848. и эти уступки оказались недостаточными, онъ отказался отъ своей высокой должности и нашолъ безопасное убѣжище въ Англіи, гдѣ до конца своей жизни отличался такимъ-же привлекательнымъ изяществомъ своихъ манеръ, какимъ, въ дни своего могущества, очаровывалъ своихъ друзей и ослѣплялъ своихъ враговъ.

Возстаніе въ Вѣнѣ. Перевзѣдъ двора въ Инспрукъ. Вслѣдъ за бѣгствомъ государственнаго канцлера вспыхнула въ австрійской столицѣ революція. Грабежи и безчинства черни свѣдѣтельствовали о разрушеніи прежняго государственнаго строя и о водвореніи анархіи. Городскимъ жителямъ было разрѣшено носить оружіе, но отъ этого только усилилась опасность ихъ положенія. Тогда обнаружилась крайне-печальныя послѣдствія Меттерниховской системы. Такъ какъ народъ былъ доведенъ австрійскимъ правительствомъ до крайняго невѣжества во всемъ, что касалось политики, и такъ какъ онъ вовсе не былъ подготовленъ къ введенію свободныхъ государственныхъ учрежденій, то онъ не умѣлъ пользоваться тѣми вольностями и правами, которыхъ сталъ теперь требовать и въ которыхъ ему не могли отказать. Свобода печати привела къ возникновенію революціонной литературы, стремившейся къ разрушенію старыхъ порядковъ заборными газетными статьями и наклеенными на углахъ улицъ прокламаціями, и препятствовавшей успѣшному преобразованію государственныхъ учрежденій; правомъ сходокъ стали пользоваться для устройства шумныхъ народныхъ соборіищъ и для организаціи демократическихъ обществъ, парализовавшихъ дѣятельность новаго министерства. Хотя это министерство и было составлено, послѣ удаленія Меттерниха, изъ людей менѣе ненавистныхъ народу, чѣмъ бывшій государственный канцлеръ (въ его составъ вошли Фикельмонъ, Пиллерсдорфъ, Соммаруга), но оно все таки далеко не удовлетворяло желаній радикаловъ, обнаруживало слабость и неспособность. Въ городѣ господствовали студенты и наскоро организованная милиція; краснорѣчивые вожди демократіи, отовсюду съѣхавшіеся въ Вѣну, находили для себя опору въ многочисленномъ, праздномъ рабочемъ сословіи, легко подчинявшемся ихъ внушеніямъ по причинѣ своего невѣжества; они пользовались большимъ вліяніемъ и поддерживали революціонное настроеніе умовъ. При такомъ положеніи дѣлъ, демагогамъ не трудно было возстановить народъ противъ составленнаго министрами проекта конституціи, вызвать новое возстаніе и новую уличную борьбу: они принудили правительство созвать учредительный сеймъ, который состоялъ-бы изъ выбранныхъ всеобщей подачей голосовъ, предста-

вителей отъ всѣхъ государствъ и народовъ, входившихъ въ составъ австрійской монархіи, и который долженъ былъ собраться въ Вѣнѣ для составленія новой конституціи. Императоръ былъ такъ встревоженъ тѣмъ, что случилось, и его здоровье такъ разстроилось, что онъ рѣшился, по совѣту ретроградской партіи, переѣхать съ самыми близкими къ нему людьми въ Инспрукъ. Это неожиданное происшествіе сильно встревожило жителей столицы и на короткое время произвело переворотъ въ настроеніи умовъ. Но такъ какъ правительство попыталось воспользоваться этимъ переворотомъ для того, чтобъ прекратить существованіе организованнаго студентами легіона и окружило войсками актовую залу университета, то въ Вѣнѣ вспыхнуло третье возстаніе, болѣе грозное, чѣмъ два предъидущихъ. Городскія улицы были перерѣзаны баррикадами и освѣщались по ночамъ сторожевыми огнями. Наконецъ состоялось соглашеніе, въ силу котораго войска удалились, а для поддержанія въ городѣ порядка былъ организованъ комитетъ общественной безопасности изъ гражданъ, представителей національной гвардіи и студентовъ; затѣмъ актовая зала университета была втихомолку заперта.

19 мая.

26 мая.

Вскорѣ послѣ того эрцгерцогъ Іоаннъ открылъ засѣданія національнаго собранія отъ имени отсутствовавшего императора; но такъ какъ при тревожномъ настроеніи умовъ столичнаго населенія нельзя было ожидать возстановленія внутренняго спокойствія, пока дворъ будетъ находиться въ Инспрукѣ, то дѣлались неоднократныя попытки склонить императора къ возвращенію въ столицу. Но только просьбы второй многочисленной депутаціи сейма были уважены императоромъ: 12 августа онъ въѣхалъ въ свою столицу среди радостныхъ возгласовъ народа и въ сопровожденіи національной гвардіи. Между тѣмъ пражскіе Чехи не были довольны тѣми значительными уступками и реформами, которыя были имъ обѣщаны заново организованнымъ императорскимъ правительствомъ; для ихъ притязаній служило поощреніемъ созваніе общаго славянскаго конгресса и они попытались воспользоваться господствовавшей въ имперіи неурядицей, чтобъ захватить въ свои руки правительственную власть; княгиня Виндишгрецъ была убита во время возстанія, но ея энергичный супругъ сталъ бомбардировать городъ и нанесъ Чехамъ рѣшительное пораженіе, доказавшее имъ, что военное могущество Австріи еще не было поколеблено; эту истину впослѣдствіи блестящимъ образомъ подтвердили побѣды Радецкаго въ Ломбардіи и успѣшная борьба кроатскаго бана Іеллачича съ Мадьярами.

22 іюля.

Возвращеніе императора въ Вѣну.
Возстаніе въ Прагѣ.

2 іюня 1848.

Прусское правительство долго противилось напору идей новаго времени, но этимъ только вызвало болѣе сильныя внутреннія потрясенія. Патріоты, считавшіе объединеніе Германіи возможнымъ только при содѣйствіи Пруссіи, желали, чтобъ прусскій король сталъ во главѣ національнаго движенія; поэтому, послѣ февральской ре-

Мартовскіе дни въ Берлинѣ.

волюціи, они настойчиво убѣждали Фридриха Вильгельма IV усвоить идеи новаго времени и снова пріобрѣсть добровольными уступками утраченную любовь народа, прежде чѣмъ раздастся злобщій возгласъ: слишкомъ поздно! Но ему была невыносима мысль о вынужденной уступчивости; даже въ то время, когда онъ, распуская комитеты соединеннаго сейма, дозволилъ имъ устроить періодическіе съѣзды, онъ настойчиво утверждалъ, что сдѣлалъ эту уступку добровольно. Даже послѣ того, какъ союзный сеймъ дозволилъ правительствамъ нѣмецкихъ государствъ упразднить цензуру, высокомеріе Фридриха Вильгельма и его увѣренность въ преданности арміи мѣшали ему удовлетворить просьбы о свободѣ печати и предоставить его подданнымъ такія-же права, какія уже были предоставлены подданнымъ почти всѣхъ другихъ нѣмецкихъ государствъ. Онъ убѣдился въ необходимости реформъ только тогда, когда извѣстія о вѣнскихъ событіяхъ усилили волненіе умовъ, когда стали раздаваться угрозы въ ежедневно возникавшихъ новыхъ политическихъ обществахъ и когда прибывавшіе изъ другихъ странъ агитаторы стали поощрять низшіе классы населенія къ сопротивленію. Но онъ медлилъ публичнымъ выраженіемъ этого убѣжденія, потому что былъ вынужденъ дать войскамъ приказаніе разгонять собиравшіяся каждый день въ Берлинѣ народныя сходки и могъ-бы внушить предположеніе, что правительство дѣлаетъ уступки недобровольно. Онъ хотѣлъ сдѣлать эти уступки въ видѣ подарка народу лишь послѣ того, какъ будетъ возстановлено внутреннее спокойствіе. Эта мѣшкотность ежечасно усиливала волненіе народа, возбуждаемого Поляками и другими агитаторами. Все громче раздавалось требованіе удалить изъ Берлина войска, которыя нерѣдко позволяли себѣ непростительныя насилія, потому что были раздражены и тѣмъ, что имъ долго не позволяли выходить изъ казармъ, и тѣмъ, что народъ осыпалъ ихъ насмѣшками и оскорбленіями. Наконецъ, по видимому, настало время для обнародованія уступокъ: 17 марта была уничтожена цензура, печати была предоставлена свобода при нѣкоторыхъ, опредѣленныхъ закономъ, условіяхъ и было обѣщано коренное измѣненіе конституціи германскаго сейма путемъ соглашенія съ другими нѣмецкими правительствами.

17 марта 1848.

18 марта.

Не смотря на то, что эти уступки вызвали общую радость, народъ не переставалъ относиться съ ненавистью къ войскамъ, — не переставалъ требовать, чтобы они были выведены изъ города и чтобы охрана внутренняго спокойствія была возложена на гражданскую милицію. Народныя сборища передъ королевскимъ дворцомъ становились все болѣе многочисленными; голоса, требовавшіе удаленія войскъ, становились все болѣе громкими и грозными; депутація изъ городскихъ уполномоченныхъ и гражданъ не была допущена къ королю; среди приближенныхъ Фридриха Вильгельма, по видимому, не

было единомыслія. Отрядъ пѣхоты вышелъ изъ дворца, чтобъ оттѣснить толпы народа. Внезапно раздались два выстрѣла; въ то время никто не зналъ, были-ли сдѣланы эти выстрѣлы съ намѣреніемъ или случайно, солдатами или тайными агитаторами. Толпа въ ужасѣ разбѣжалась съ криками: Измѣна, въ насъ стрѣляютъ! Къ оружію! Народъ пришелъ въ ярость; онъ съ удивительной быстротой построилъ въ теченіе двухъ часовъ около двухъ сотъ уличныхъ баррикадъ. За тѣмъ послѣдовала кровопролитная и ожесточенная уличная борьба, продолжавшаяся четырнадцать часовъ. Нѣкоторыя баррикады были взяты войсками или разрушены картечью, но число городскихъ жителей, принимавшихъ участіе въ борьбѣ, увеличивалось; даже бюргеры, сначала державшіеся въ сторонѣ, стали помогать защитникамъ баррикадъ. Утромъ 19 марта еще нельзя было предугадать, на чьей сторонѣ останется побѣда; рано утромъ было обнародовано воззваніе, приглашавшее Берлинцевъ положить оружіе и удалиться съ баррикадъ, но оно осталось безъ всякаго вліянія. Тогда король наконецъ согласился исполнить просьбы городской депутаціи,—далъ приказаніе удалить войска, уволилъ министровъ и дозволилъ организовать гражданскую милицію для охраны города и для содержанія карауловъ во дворцѣ. Послѣ того, какъ войска удалились съ тихимъ барабаннымъ боемъ, народъ принесъ на дворцовый дворъ трупы убитыхъ на баррикадахъ людей и принудилъ короля выразить уваженіе къ нимъ съ обнаженной головой; сопровождавшая Фридриха Вильгельма, королева упала въ обморокъ. Эта трогательная сцена кончилась тѣмъ, что вся собравшаяся толпа пропѣла церковную пѣснь: *Jesus meine Zuversicht*.

Такимъ образомъ Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ принужденъ понизить тонъ повелителя: онъ быстро убѣдился въ необходимости подчиниться духу своего времени и удовлетворить желаніе народа. Онъ помиловалъ всѣхъ преданныхъ суду или осужденныхъ за политическія преступленія и за нарушеніе законовъ о печати. Эта амнистія, дарованная и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ, доставила жившимъ въ изгнаніи либераламъ возможность возвратиться въ ихъ отечество и содѣйствовать преобразованію мѣстныхъ государственныхъ учрежденій; она отворила двери тюремъ и для тѣхъ польскихъ заговорщиковъ, которые были не задолго передъ тѣмъ приговорены къ тюремному заключенію (стр. 272): тогда они поспѣшили въ Позенъ, чтобъ тамъ призвать своихъ соплеменниковъ къ возстанію противъ ихъ нѣмецкихъ земляковъ. Въ числѣ ихъ находился и Мерославскій, о которомъ намъ еще придется говорить впослѣдствіи.— Но день 18 марта сдѣлался причиной глубокаго разлада между прусскимъ королемъ и нѣмецкимъ народомъ: въ изданной 21 марта прокламаціи «къ германской націи!» Фридрихъ Вильгельмъ объявлялъ, что для блага Германіи онъ сталъ во главѣ общаго нѣмецкаго

Король дѣлается уступчивымъ.

21 марта 1848.

отечества, что въ качествѣ новаго конституціоннаго монарха онъ хочетъ быть вождемъ свободной, возродившейся германской націи; этимъ онъ возбудилъ сильное неудовольствіе во всей Германіи; вскорѣ послѣ того, онъ, въ сопровожденіи принцевъ и министровъ и съ національнымъ нѣмецкимъ знаменемъ въ рукахъ, проѣзжалъ по городскимъ улицамъ во главѣ торжественной процессіи и публично заявлялъ, что желаетъ свободы и единства Германіи; этимъ онъ вызвалъ возгласы негодованія въ южныхъ частяхъ германскаго отечества; даже въ Пруссіи народъ усматривалъ въ театральныхъ выѣздахъ своего короля не искреннюю и прочную переменъ убѣжденій, а одну изъ тѣхъ опрометчивыхъ фантастическихъ выходокъ, которыми была такъ богата политическая дѣятельность Фридриха Вильгельма IV. Идея прусскаго преобладанія въ Германіи, даже если бы она привела къ сліянію Пруссіи съ Германіей, была въ высшей степени непопулярна вслѣдствіе того, что прусское правительство неоднократно обнаруживало свое несочувствіе къ либеральнымъ и національнымъ стремленіямъ Нѣмцевъ; да и очень неудачно была выбрана минута для ея публичнаго провозглашенія. Достопамятные мартовскіе дни, нанесшіе тяжелый ударъ неограниченной монархической власти въ Пруссіи, завершились отъѣздомъ въ Англію принца Вильгельма Прусскаго, котораго несправедливо считали главнымъ виновникомъ сдѣланныхъ ошибокъ и дворецъ котораго былъ лишь съ трудомъ спасенъ отъ разрушенія; за тѣмъ тѣла убитыхъ на баррикадахъ были торжественно похоронены народомъ въ одной громадней, выкопанной имъ самимъ, могилѣ. Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ собрался въ послѣдній разъ соединенный сеймъ, чтобъ утвердить избирательный законъ, на основаніи котораго были потомъ выбраны члены новаго учредительнаго національнаго собранія для Пруссіи. Но съ тѣхъ поръ измѣнился внѣшній видъ Берлина. Сотни зажиточныхъ семействъ выселились изъ города; временное прекращеніе торговли и промышленной дѣятельности увеличило число бѣдняковъ и подготовило благопріятную почву для дѣятельности демагоговъ; народныя сходки, клубы и рабочіе союзы стали съ тѣхъ поръ разрѣшать важные вопросы дня. Министры быстро смѣнялись одни другими и хотя они принадлежали къ числу людей благонамѣренныхъ и честныхъ имъ недоставало энергіи. Король лишь противъ воли одобрялъ ихъ стремленія и воззрѣнія, поэтому они не находили для себя твердой опоры ни сверху ни снизу.

22 марта.

Либералы во
главѣ управ-
ленія.

Тѣмъ временемъ совершались важныя переменны во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ. Союзный сеймъ пріобрѣлъ свѣжія жизненныя силы съ тѣхъ поръ, какъ въ его составъ вступили «старый боецъ за свободу» Велькеръ, глубоко-оскорбленный полицейскими и судебными преслѣдованіями Йорданъ (стр. 255) и многіе другіе люди съ либеральными убѣжденіями, а въ помощь ему была назначена ком-

миссія изъ семнадцати членовъ для составленія проекта новой союзной конституціи. Въ Баваріи король Лудвигъ подчинился требованіямъ общественнаго мнѣнія и передалъ верховную власть наслѣдному 20 марта 1848. принцу; въ Гессенъ-Дармштадтѣ престарѣлый великій герцогъ, за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти, передалъ управленіе своему сыну, а во главѣ министерства былъ поставленъ Генрихъ фонъ-Гагернъ; въ Гессенъ-Касселѣ, Випперманъ, только-что оправданный судомъ по обвиненію въ нарушеніи законовъ о печати, вступилъ въ министерство, составленное либеральнымъ бургомистромъ города Ганау Эбергардомъ; въ Ганноверѣ былъ назначенъ однимъ изъ состоящихъ при королѣ совѣтниковъ тотъ самый Штюве, котораго прежде подвергали суровымъ преслѣдованіямъ; въ Нассау домены были признаны собственностью государства и были исполнены всѣ требованія народа; въ Баденѣ вступилъ въ министерство Маен, въ Бюртембергѣ были назначены министрами Рёмеръ и Пфицеръ, въ Саксоніи—Браунъ, Георги и нѣкоторые другіе изъ членовъ парламентской оппозиціи. Либералы одержали полную побѣду; самыми важными уступками со стороны новыхъ правительствъ были: свобода печати, обязанность арміи присягать конституціи, измѣненіе избирательнаго закона въ демократическомъ духѣ, организація народнаго ополченія, и частію дарованное, частію самовольно присвоенное право устраивать сходки.

Но по ходу событій скоро стало ясно, что политическіе принципы либераловъ не въ состояніи залечить раны, нанесенныя въ то возможное время старому государственному организму, что соціалистическія стремленія Французовъ не оставались тайной для нѣмецкаго народа или, по меньшей мѣрѣ, для его радикальныхъ элементовъ, что въ этомъ народѣ возникло желаніе не только придать принципамъ свободы и равенства легальную санкцію, но также осуществить ихъ на практикѣ и замѣнить монархическую форму правленія республиканской. Вдоль береговъ Майна и Таубера, въ Оденвальдѣ и въ странахъ, лежащихъ по теченію Неккара, были прогнаны чиновники, взыскивавшіе поземельную ренту въ пользу дворянъ, были уничтожены счетныя книги о сборѣ податей поземельной и десятинной, разрушались замки землевладѣльцевъ и парушалось запрещеніе охотиться въ помѣщичьихъ лѣсахъ. Въ Саксоніи горѣлъ вальденбургскій замокъ, принадлежавшій знатному роду Шёнбурговъ. Между тѣмъ, въ началѣ апрѣля собрался во Франкфуртѣ, на М. такъ называемый предварительный парламентъ (Vorparlament) чтобъ заняться подготовительными работами для созыва германскаго національнаго парламента; въ составъ его вошли члены оппозиціи въ нѣмецкихъ земскихъ собраніяхъ, приверженцы либеральныхъ принциповъ, журналисты, профессора и политическіе изгнанники; тамъ былъ принятъ въ руководство принципъ народнаго верховенства и было рѣшено,

Предварительный парламентъ и возстаніе республиканцевъ.

5 апр.

что національное собрание, составленное изъ членовъ, выбранныхъ народомъ между людьми всякаго званія и всякихъ вѣроисповѣданій, приступить въ началѣ мая къ составленію германской конституціи, и что ему должно быть предоставлено неограниченное право дать Германіи такую политическую организацію, какую сочтетъ необходимою; кромѣ того былъ составленъ постоянный комитетъ изъ пятидесяти членовъ для наблюденія за точнымъ исполненіемъ постановленій національнаго собранія нѣмецкими правительствами. Но и этимъ не удовлетворились люди крайней либеральной партіи: руководимые радикалами Геккеромъ и Струве, они составили республиканскую, социалистическую программу и настаивали на необходимости вводить реформы путемъ революціи. Они предложили устранить союзный сеймъ и замѣнить его постояннымъ національнымъ собраніемъ, но за это предложеніе не было подано необходимаго большинства голосовъ; раздраженные и этой неудачей и тѣмъ, что констанцскій демагогъ Фиклеръ былъ арестованъ по распоряженію Маэи, они стали, въ гористой части Бадена, возбуждать народъ къ вооруженному возстанію для учрежденія республики. Но это возстаніе было непродолжительно. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ и сраженій при Кадернѣ, гдѣ былъ убитъ храбрый генералъ Фридрихъ фонъ-Гагернъ, и при Доссенбахѣ, отряды добровольцевъ были разсѣяны союзными войсками не смотря на то, что къ нимъ пришли на помощь иностранные республиканцы и нѣмецкіе рабочіе изъ Франціи, предводимые поэтомъ Гервегомъ. Тѣмъ не менѣе съ тѣхъ поръ не переставало обнаруживаться въ нѣмецкомъ народѣ стремленіе къ основанію германской республики, при которой простолюдинъ надѣялся осуществить свои мечты о райскомъ счастіи на землѣ и наравнѣ со всѣми пользоваться благами свободы, довольства и образованія, а имя Геккера стало прославляться въ пѣсняхъ по всѣмъ нѣмецкимъ странамъ.

8 апр. 1848. 20 апр. Національное собрание во Франкфуртѣ. 18 мая открылись засѣданія учредительнаго національнаго собранія, состоявшаго изъ выбранныхъ народомъ представителей. Выборы производились по предписанію союзнаго сейма. И даровитость, образованность, краснорѣчіе народныхъ представителей, собравшихся во Франкфуртѣ въ церкви св. Павла, и энергичный, толковый образъ дѣйствій ихъ перваго предсѣдателя Генриха фонъ-Гагерна, отказавшагося отъ должности гессенскаго министра, свидѣтельствовали о высокомъ умственномъ развитіи нѣмецкаго народа. Чтобъ исполнить свою важную задачу, не вызывая нарушеній внутренняго спокойствія и не подчиняясь никакимъ давленіямъ ни сверху ни снизу, національное собрание рѣшило организовать новое центральное управленіе. Такъ какъ союзный сеймъ имѣлъ въ глазахъ германской націи очень печальное прошлое, то даже въ случаѣ его преобразования нельзя было полагаться на него. По мнѣнію демократовъ, это былъ «трупъ», которому уже нельзя было возвратитъ жизненныхъ силъ. Но уже по

этому поводу ярко обнаружилось разномысліе политическихъ партій, о которомъ мы будемъ подробно говорить немного далѣе.

Между тѣмъ сосѣднія съ Германіей государства подверглись силь- Шлезвигъ-
нымъ потрясеніямъ и сдѣлались театромъ ожесточенной борьбы. Гольштинія.
Вслѣдствіе революціонныхъ волненій въ датской столицѣ, принудив-
шихъ короля включить герцогство Шлезвигское въ составъ датскаго
королевства, было организовано въ Шлезвигъ-Гольштиніи (стр. 230
и сл.) временное мѣстное правительство, во главѣ котораго сталъ
Вильгельмъ Безелеръ; это послужило сигналомъ для отдѣленія отъ
Даніи и для кровопролитной войны. Когда немногочисленная шлез-
вигъ-гольштинская армія была разбита при Бау и принуждена отсту-
пить къ крѣпости Рендсбургу, Германія вступилась за провинціи, под- 9 апр. 1848.
вергнувшіяся нашествію Датчанъ. Отряды добровольцевъ изъ нѣмец-
кой молодежи, въ особенности изъ студентовъ, прусскія и другія
нѣмецкія войска поспѣшили на помощь къ герцогствамъ; подъ пред-
водительствомъ прусскаго генерала Врангеля они разбили датскую
армію подлѣ Шлезвига и Ёверзее и оттѣснили ее до Ютландіи. Но 23. 24 апр.
борьба была неравной вслѣдствіе того, что Германія еще не имѣла
военнаго флота, на сооруженіе котораго было назначено парламен-
томъ шесть милліоновъ гульденовъ; поэтому сѣверная морская тор-
говля потерпѣла большіе убытки. И это обстоятельство и грозное
заступничество Россіи, Швеціи и Англіи за Данію побудили прус-
ское правительство прибѣгнуть къ посредничеству дипломатіи и па-
рализовали его энергію; оно согласилось на заключеніе невыгоднаго 26 авг.
перемирія, въ сущности оставившаго въ силѣ включеніе Шлезвига
въ составъ датскихъ владѣній.

Польское населеніе прусской провинціи Позень возстало съ цѣлю Позень.
возстановить свою національную независимость. Оно было недовольно
намѣреніемъ прусскаго правительства такъ преобразовать мѣстное
управленіе, что области, населенныя Нѣмцами, были бы присоеди-
нены къ сосѣднимъ нѣмецкимъ провинціямъ, а въ областвхъ, насе-
ленныхъ Поляками, было бы введено національное управленіе; по-
этому Поляки стали предъявлять свои старыя притязанія на возста-
новленіе Польши въ томъ объемѣ, какой она имѣла до раздѣла, и
стали убивать своихъ нѣмецкихъ земляковъ. Инсургенты были окон-
чательно побѣждены прусскими войсками послѣ варварской борьбы, Май.
во время которой Поляки совершали страшныя злодѣянія подъ влія-
ніемъ политическаго и религіознаго фанатизма и національной нена-
висти къ Нѣмцамъ.

Демократическое настроеніе умовъ того времени не осталось безъ Англія и
вліянія и на аристократическое собраніе англійскихъ народныхъ пред- Бельгія.
ставителей. Но вызванныя французскими агитаторами, волненія и
шумныя народныя сходки въ фабричныхъ городахъ не имѣли серьез-
ныхъ послѣдствій. Сходки и демонстраціи англійскихъ хартистовъ

не нарушили внутреннего спокойствия, а возстаніе Ирландцевъ (стр. 199) было подавлено безъ большихъ усилій. Французскіе политическіе эмиссары, вознамѣрившіеся осчастливить Бельгію такими же республиканскими учрежденіями, какія были введены въ ихъ отечествѣ, были арестованы. Поэтому и Англія и Бельгія представляли новое доказательство той истины, что только тѣ правительства прочны, которыя возникли изъ нѣдръ народа и оттуда черпаютъ свою силу, а напротивъ того разладъ между правителями и подданными подтачиваетъ прочность государственнаго организма и растворяетъ двери для анархіи.

2. Событія въ Италіи.

Ходъ событій въ Италіи. Февральская революція вызвала новыя революціонныя возстанія въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они уже происходили рѣже, и вызвала громкія выраженія общаго недовольства тамъ, гдѣ еще дѣло не доходило до возстаній. Въ Швейцаріи, консервативное невшательское правительство, отказавшееся, во время войны зондер-бунда, доставить свой контингентъ въ союзную армію, было 1 марта 1848. принуждено взявшимися за оружіе республиканцами къ выходу въ отставку; затѣмъ было учреждено временное правительство, которое ввело составленную учредительнымъ комитетомъ республиканскую конституцію и, безъ всякаго вниманія къ стариннымъ правамъ Пруссіи, включило невшательскій кантонъ въ составъ швейцарскаго союза. Въ Италіи, стремленія къ независимости и къ національному объединенію, уже давно сказывавшіяся въ литературѣ, выдвинулись на передній планъ и въ политикѣ. Когда сардинскій король Карлъ Альбертъ двинулъ свою армію въ Миланскую область безъ формальнаго объявленія войны австрійскому императору, все населеніе Апеннинскаго полуострова увлеклось воинственнымъ пыломъ. Итальянскія правительства, подчиняясь голосу общественнаго мнѣнія, отправили свои войска на театръ военныхъ дѣйствій и согласились на введеніе конституціонныхъ учреждений; туда-же двинулись многочисленные отряды волонтеровъ, такъ что вся Италія приняла участіе въ войнѣ съ Австріей. Но скоро обнаружилось, что возрѣнія и стремленія патріотовъ расходились въ двухъ направленіяхъ: Маццини и его единомышленники старались вызвать народное возстаніе и стремились къ провозглашенію республики; а болѣе умѣренные либералы желали національной независимости подъ знаменемъ Савойи и подъ конституціоннымъ управленіемъ Карла Альберта. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній одержало верхъ это послѣднее возрѣніе: въ Миланѣ и въ Венеціи было рѣшено присоединеніе къ Піемонту. Правители Пармы и Модены, вступившіе въ союзъ съ Австріей, были принуждены выѣхать изъ своихъ владѣній; даже великій герцогъ Тосканскій былъ при-

нужденъ на короткое время передать правительственную власть въ руки демократовъ и республиканцевъ, несмотря на то, что подчинился стремленіямъ народа къ національному единству и къ либеральнымъ учрежденіямъ. И папа изъявилъ согласіе на введеніе конституціи съ собраніемъ земскихъ представителей и составилъ либеральное министерство изъ людей свѣтскаго званія; но онъ предоставилъ этому министерству и народнымъ представителямъ завѣдываніе только мірскими и политическими интересами Церковной Области, а церковныя дѣла оставилъ въ исключительномъ завѣдываніи римскаго первосвященника и кардиналовъ: такимъ отдѣленіемъ свѣтской власти отъ церковной не могли быть довольны его подданные при господствовавшемъ въ то время настроеніи народныхъ умовъ. А когда онъ, въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей, отказался отъ участія въ войнѣ съ Австріей, его прежняя популярность быстро исчезла. Въ Неаполѣ король Фердинандъ II безсовѣстно нарушалъ свое обѣщаніе ввести конституцію и прибѣгалъ къ насиліямъ, между тѣмъ какъ жители Сициліи съ энергіей, но безуспѣшно, стремились къ государственной независимости.

Мы уже ранѣе упоминали о томъ, что съ тѣхъ поръ, какъ папа Пій IX выступилъ въ роли реформатора, очень обострились враждебныя отношенія жителей ломбардо-венеціанскаго королевства къ австрійскимъ должностнымъ лицамъ и военнымъ властямъ: подъ вліяніемъ политическихъ бурь и національныхъ стремленій заглохла та склонность миланской аристократіи къ праздной жизни, къ общественнымъ развлеченіямъ и художественнымъ наслажденіямъ, которая доставляла Меттерниху возможность отдавать провинціальное и городское управленіе всецѣло въ руки австрійскихъ чиновниковъ. Меттернихъ обнаруживалъ большую заботливость о матеріальныхъ интересахъ страны съ цѣлію отвлечь вниманіе населенія отъ политическихъ вопросовъ и примирить его съ австрійскимъ абсолютизмомъ, а приверженцы австрійскаго владычества съ хвастовствомъ указывали на эту заботливость, чтобъ выставить въ блестящемъ свѣтѣ преимущества австрійскаго управленія надъ управленіемъ остальныхъ итальянскихъ государствъ; но народъ пересталъ имъ вѣрить съ тѣхъ поръ, какъ обнаружили вредныя послѣдствія австрійскаго режима—упраздненіе всякихъ правъ на самоуправленіе, пренебреженіе къ общественному мнѣнію, сказывавшемуся въ многочисленныхъ меморіяхъ и петиціяхъ, стѣснительныя требованія полицейскихъ и военныхъ властей, тяжелое бремя налоговъ и таможенныхъ пошлинъ, введеніе акциза на предметы потребленія, сдававшегося съ торговъ крупнымъ и мелкимъ откупщикамъ. Когда февральская революція бросила зажигательную искру въ накопившійся горючій матеріалъ, австрійскій военный деспотизмъ уже сдѣлался не выносимымъ для всѣхъ жителей ломбардо-венеціанскаго королевства.

Положеніе
австрійскихъ
владѣній въ
Италіи.

Еще въ 1847 году Меттернихъ писалъ фельдмаршалу Радецкому: «Не легко бороться съ затаенными страстями и фантастическими стремленіями; однако намъ придется вести такую борьбу съ тѣхъ поръ, какъ па свѣтѣ появился либеральный папа». Эти опасенія оправдались, такъ какъ не было никакой возможности предохранить взволнованные умы жителей верхней Италіи отъ вліянія того потока революціонныхъ идей, который разливался изъ Сициліи и Неаполя въ сѣверномъ направленіи. Уже въ теченіе цѣлаго года австрійское правительство усиливало свои гарнизоны и строгость полицейскаго надзора, чтобъ сдерживать безпокойные умы и попытки возстанія; тѣмъ не менѣе и національныя и революціонныя стремленія всюду прокладывали себѣ дорогу. Даже введеніе военного положенія въ ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ не могло измѣнить положенія дѣлъ.

22 февр. 1848. Неаполь и Сицилія. Парижская февральская революція раздула воинственный пылъ на всемъ полуостровѣ, какъ въ тѣхъ итальянскихъ государствахъ, которыя уже приняли участіе въ войнѣ съ Австріей, такъ и въ тѣхъ, которыя только готовились къ борьбѣ. Отвращеніе къ деспотизму и къ владычеству чужеземцевъ взяло верхъ надъ страхомъ, который внушали социаль-демократическія стремленія республиканцевъ. Во главѣ боровшихся на баррикадахъ инсургентовъ стояли нѣкоторые изъ представителей высшей аристократіи. Въ Сициліи (стр. 286) было учреждено временное правительство подъ предсѣдательствомъ аристократовъ Руджіеро Сеттимо, Петра Ланцы, князя Бутеры, но переговоры, которые велись съ королемъ Фердинандомъ при посредничествѣ лорда Минто, не привели къ соглашенію. Сицилійцы заявили въ своемъ «ультиматумѣ», что между королевствами Неаполемъ и Сициліей не должно быть никакой другой связи, кромѣ единства царствующей династіи, но властолюбивый Фердинандъ не могъ на это согласиться. Поэтому Сицилійцы остались при своемъ рѣшеніи отстаивать свою независимость и отвергнули всѣ проекты соглашенія съ королемъ Фердинандомъ II даже послѣ того, какъ онъ, уступая настояніямъ патріотовъ, составилъ либеральное министерство подъ предсѣдательствомъ историка Троги и поручилъ старому приверженцу конституціи, Вильгельму Пепе командованіе войсками, которыя должны были принять участіе въ борьбѣ за независимость Италіи. Собраніе сицилійскихъ народныхъ представителей, раздѣлявшееся на двѣ палаты, избрало президентомъ временнаго правительства всѣми любимого и уважаемаго аристократа Руджіеро Сеттимо и постановило 13 апрѣля слѣдующее рѣшеніе: «Тронъ сицилійскаго королевства вакантенъ. Фердинандъ Бурбонскій и его династія навсегда лишены правъ на сицилійскій престолъ. Сицилія будетъ управляться на основаніи конституціи и лишь только будетъ оконченъ пересмотръ ея конституціи, она призоветъ на престолъ одного изъ итальянскихъ принцевъ». Между тѣмъ совершившіяся въ Веронѣ и въ Римѣ, событія, которыя бу-

24 марта.

дуть нами описаны немного далѣе, побудили Фердинанда подчиниться вліянію реакціонеровъ: въ самый день открытія засѣданій палаты депутатовъ, онъ распустилъ ее за то, что «она присвоила себѣ незаконныя права и превысила свою власть»; возстаніе гражданской милиціи и радикаловъ онъ подавилъ съ помощью своей швейцарской гвардіи и черпи, а королева Каролина, — точно такъ-же, какъ за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, — дозволила толпамъ лаззарони безнаказанно убивать и грабить зажиточныхъ жителей столицы. Тогда была окончательно разорвана связь между двумя составными частями королевства. Послѣ того, какъ мстительный монархъ прибѣгнулъ къ насиліямъ и отозвалъ неаполитанскую армію, сражавшуюся въ рядахъ союзниковъ за независимость Италіи, Мессинскій проливъ сдѣлался раздѣльною чертою между двумя народами и государствами. То было лишь притворствомъ со стороны короля, что онъ говорилъ въ своей прокламаціи о борьбѣ, вызванной необходимостью самообороны, и обѣщалъ не нарушать конституцію: на самомъ дѣлѣ, жители неаполитанскаго королевства возвратились въ свое прежнее рабское положеніе. Попытка возстанія калабрійскихъ либераловъ была подавлена; когда небольшое число депутатовъ снова собралось въ іюлѣ, министръ Боццелли осыпалъ ихъ оскорбленіями и угрозами, а осенью король закрылъ засѣданія палаты. Весной слѣдующаго года палата была распущена и вслѣдъ за тѣмъ возобновились угнетенія и преслѣдованія патріотовъ. Легкомысленный, необразованный неаполитанскій народъ терпѣливо выносилъ тяжелое иго военного деспотизма и реакціонной камарильи; но тѣмъ упорнѣе противились Сицилійцы возстановленію владычества Бурбоновъ: они внесли въ свою конституцію измѣненія въ демократическомъ духѣ и за тѣмъ приступили къ избранію новаго короля. Послѣ того, какъ нѣсколько кандидатовъ, предложенныхъ не безъ вмѣшательства иностранныхъ державъ, были отвергнуты, высшія правительственныя власти, сенатъ и общины единогласно рѣшили провозгласить конституціоннымъ королемъ Сициліи втораго сына Карла Альберта, принца Альберта Амедея Савойскаго, герцога Генуэзскаго. Но этимъ еще не опредѣлилась будущая участь несчастнаго острова и не окончилась кровавая драма. Извѣстіе объ избраніи принца Альберта Амедея было получено въ лагерь сардинскаго короля въ то время, когда уже стала близиться къ закату счастливая звѣзда итальянской арміи. Карлъ Альбертъ отклонилъ сдѣланное его сыну предложеніе, чтобъ не возстановить противъ себя Францію и Англію, а Фердинандъ поклялся, что съумѣетъ отстоять неприкосновенность своихъ владѣній и сталъ готовиться къ покоренію острова изъ мессинской цитадели, гдѣ стоялъ сильный неаполитанскій гарнизонъ и были заготовлены обильные запасы боевыхъ снарядовъ. Тогда началась ужасная междоусобная война съ разнообразными сценами дикаго варварства и патріотическаго герой-

15 мая.

11 іюля 1848.

- ства и съ взрывами фанатическихъ страстей. Генераль Филанжьеры
 7—9 сент. сталъ бомбардировать Мессину, такъ что улицы были усыяны тыся-
 чами труповъ, много домовъ было объято пламенемъ, а большая
 часть жителей стала искать безопаснаго убѣжища на стоявшихъ въ
 гавани иностранныхъ корабляхъ. Съ тѣхъ поръ Фердинанда II стали
 называть «королемъ бомбой». Наконецъ, было заключено, при по-
 средствѣ Франціи и Англіи, перемиріе, во время котораго восточная
 часть острова вмѣстѣ съ городомъ Мессиной была оставлена во вла-
 сти Неаполитанцевъ, а западная часть вмѣстѣ съ городами Палермо,
 Сиракузами и Катаніей была подчинена временному правительству,
 состоявшему, подъ предсѣдательствомъ Руджіеро Сеттимо изъ преж-
 няго изгнанника Лафарины, изъ маркиза Торрерарсы, князя Бутеры
 и братьевъ Амари. Но такъ какъ переговоры, которые велись въ
 теченіе зимы при участіи Франціи и Англіи, не привели къ согла-
 шенію, то борьба возобновилась въ апрѣлѣ. Полякъ Мерославскій
 пришолъ къ Сицилійцамъ на помощь во главѣ иностраннаго легіона;
 но неаполитанскія наемныя войска, въ особенности Швейцарцы, были
 болѣе опытны въ военномъ дѣлѣ и лучше вооружены, поэтому они
 6 апр. 1849. одержали верхъ надъ Мерославскимъ въ сраженіи при Катаніи. Послѣ
 пораженія и бѣгства иностранныхъ волонтеровъ, неаполитанская ар-
 мія двинулась черезъ Сиракузы къ главному городу Сициліи, Палермо.
 Жители Палермо утратили всякую надежду на успѣшное сопротив-
 леніе послѣ того, какъ вожди революціонеровъ бѣжали на островъ
 Мальту; были начаты переговоры и городъ былъ сданъ побѣдителю
 съ условіемъ обнародовать амнистію; неаполитанская армія вступила
 14 мая въ столицу Сициліи, и этотъ несчастный островъ, на кото-
 ромъ болѣе года развѣвалось трехцвѣтное знамя, снова подчинился
 военному деспотизму Бурбоновъ. Члены временнаго правительства,—
 люди, безспорно, образованные, знатнаго происхожденія и благород-
 наго характера,—искали убѣжища въ чужихъ странахъ. Филанжьеры
 получилъ титулъ герцога Таормины и былъ назначенъ сицилійскимъ
 намѣстникомъ.
- Церковная
 область. Въ церковной области народное сочувствіе къ папѣ ослабѣло от-
 того, что онъ не спѣшилъ удовлетворять преувеличенныя притязанія
 народа и рѣшительно не соглашался объявить Австріи войну, кото-
 рую, по его мнѣнію, ему не позволяло предпринять его положеніе
 14 марта 1848. главы церкви. Даже изгнаніе іезуитовъ и изданіе конституціи для
 свѣтскаго управленія церковной области не возвратили ему прежней
 популярности. Знаменитая рѣчь, которую онъ произнесъ въ собраніи
 29 апр. кардиналовъ, и въ которой онъ объявилъ о своей рѣшимости не при-
 нимать участія въ войнѣ съ Австріей, всѣми считалась за начало
 поворота на сторону реакціи. Въ какое положеніе онъ поставилъ
 этимъ заявленіемъ тѣ римскія войска и римскихъ добровольцевъ,
 которые были отправлены либеральнымъ министерствомъ, подъ началь-

ствомъ генерала Дурандо, въ подкрѣпленіе арміи, сражавшейся за независимость Италіи! Эти бойцы считались мятежниками, пока самъ папа не отдалъ ихъ подъ защиту Карла Альберта. Вышеупомянутая рѣчь была первымъ шагомъ къ отказу отъ участія въ національномъ возстаніи. Поэтому патріоты скоро стали такъ-же горячо ненавидѣть Пія IX, какъ прежде боготворили его. Несмотря на то, что онъ назначилъ либерала Маміани на должность президента министерства, которую прежде занимали только лица духовнаго званія, а историка Фарини на должность товарища государственнаго секретаря, онъ все болѣе и болѣе утрачивалъ симпатіи римскаго населенія и патріотовъ вслѣдствіе того, что измѣнилъ національному дѣлу. Ему пришлось дожить и до того униженія, что возгордившаяся своими военными успѣхами Австрія отвергнула его посредничество въ мирныхъ переговорахъ. Государственный переворотъ, совершившійся въ Неаполѣ въ духѣ реакціи, считался ближайшимъ послѣдствіемъ папской рѣчи и успливалъ нежеланіе народа подчиняться владычеству духовенства. Благоразумный уроженецъ Каррары, Росси, когда-то изучавшій въ Женевѣ юриспруденцію, а потомъ занимавшій въ Парижѣ вліятельное положеніе при Луи-Филиппѣ и Гизо и исполнявшій важныя дипломатическія порученія, былъ приглашенъ Піемъ IX на должность конституціоннаго министра для того, чтобъ крѣпче натянуть бразды правленія, выпадавшія изъ слабыхъ рукъ главы церкви. Но строгими мѣрами, принятыми противъ усилившейся анархіи, Росси до такой степени раздражилъ демократовъ, что при открытіи палаты былъ пораженъ на смерть кинжаломъ въ то время, какъ всходилъ по лѣстницѣ въ собраніе народныхъ представителей; онъ погибъ на томъ мѣстѣ, гдѣ палъ Цезарь; вслѣдъ за тѣмъ, чернь, предводимая племянникомъ Наполеона I, демократомъ Карломъ Люціаномъ Бонапартомъ, княземъ Канино, окружила Квиринальскій дворецъ и своими угрозами принудила папу назначить радикальное министерство, въ которомъ самыми вліятельными членами были, кромѣ Маміани, адвокатъ Галлетти и старый демократъ Стербини. Съ тѣхъ поръ исчезли въ вѣчномъ городѣ и внутренній порядокъ и уваженіе къ законамъ. Палата депутатовъ была безсильна; ее до такой степени ослабилъ выходъ многихъ членовъ изъ ея состава, что она сдѣлалась почти вовсе не способной постановлять какія либо рѣшенія; съ тѣхъ поръ, какъ была обезоружена и выслана изъ Рима швейцарская гвардія папы, а взамѣнъ ея была организована ненадежная гражданская милиція, правительственная власть перешла въ руки демократическаго народнаго клуба, которому помогала грубая чернь, жившая на той сторонѣ Тибра; многіе изъ кардиналовъ покинули Римъ, а за Піемъ IX былъ учрежденъ надзоръ, какъ за плѣнникомъ.

Пій IX былъ такъ возмущенъ этими событіями и былъ такъ неуверенъ въ своей личной безопасности, что наконецъ бѣжалъ не-

15 ноября
1848.

24 ноября.

Паденіе рим- реодѣтымъ въ Гаэту при содѣйствіи баварскаго посланника, графа
ской респуб- Шпора. Тогда республиканская партія сдѣлалась господствующей въ
лики. Римѣ. По ея распоряженію было созвано новое учредительное со-
Февр. 1849. браніе, которое въ своемъ первомъ засѣданіи отняло у папы свѣт-
скую власть, учредило «римскую республику», и рѣшило всѣми си-
лами содѣйствовать объединенію Италіи подѣ демократически-респуб-
ликанской формой правленія. Папа отлучилъ этихъ республиканцевъ
отъ церкви, а они отвѣчали на это устройствомъ насмѣшливой де-
монстраціи. Во главѣ республики было поставлено временное прави-
тельство, состоявшее изъ трехъ членовъ (тріумвирата); между тѣмъ
учредительное собраніе наложило руку на церковную собственность
и стало раздавать ее небольшими участками въ аренду бѣднякамъ,
а уроженецъ города Ниццы, Джузеппе Гарибальди (род. 4 іюля 1807),—
отважный вождь волонтеровъ, долго странствовавшій политическимъ
изгнанникомъ въ Америкѣ и въ другихъ странахъ, а потомъ возвра-
тившійся въ свое отечество и принимавшій дѣятельное участіе въ
борьбѣ Піемонта и Ломбардіи съ Австріей,—организовалъ народное
ополченіе изъ добровольцевъ и демократовъ. Революціонное движе-
ніе еще усилилось вслѣдствіе того, что неудачный исходъ возобно-
вившейся борьбы въ сѣверной Италіи заставилъ многочисленныхъ
бѣглецовъ искать безопаснаго убѣжища въ Римѣ, и вслѣдствіе при-
бытія Маццини, который долго стоялъ во главѣ общества «Молодой
Италіи» и былъ душою всѣхъ демократическихъ замысловъ. Было рѣшено
всѣми силами защищать церковную область, какъ послѣднее убѣжище
свободы, и сдѣлать ее средоточіемъ дальнѣйшихъ предпріятій. Респуб-
ликанцы имѣли въ своемъ распоряженіи многочисленныя войска и отря-
ды добровольцевъ; въ оружіи и въ боевыхъ снарядахъ не было недо-
статка, а необходимыя денежныя средства добывались самыми возмущи-
тельными насиліями. Папа обратился за помощью къ державамъ-покро-
вительницамъ церковной области и онѣ рѣшились вступить за него об-
щими силами. Австрійцы завладѣли, послѣ упорной борьбы, Болоньей
и Анконой; Неаполитанцы вторгнулись въ римскія владѣнія съ юга,
а французская армія высадилась въ Чивита-Веккіи подѣ начальствомъ
сына маршала Удино и окружила Римъ. Французы тщетно увѣряли,
что пришли въ качествѣ друзей для охраны порядка и свободы, для
того, чтобъ предохранить церковную область и ея столицу отъ вступ-
ленія Австрійцевъ и Неаполитанцевъ и для того, чтобъ предотвра-
тить контръ-революцію въ духѣ реакціи и клерикализма: демократы
отвергнули предложенную имъ помощь и приготовились къ упорному
сопротивленію. Первое нападеніе Французовъ не имѣло успѣха. Послѣ
мужественной борьбы съ инсургентами, у которыхъ были хорошіе
начальники и много артиллерійскихъ орудій, Удино былъ принужденъ
отступить къ берегу моря и выжидать тамъ прибытія подкрѣпленій.
Чтобъ раздѣлить силы своихъ враговъ, тріумвиры вступили въ пе-

переговоры съ французскимъ главнокомандующимъ и заключили съ нимъ восьмидневное перемиріе, которымъ искусно воспользовался Гарибальди для того, чтобъ напасть на неаполитанскія войска подлѣ Веллетри и заставить ихъ очистить церковную область. Мы далѣе увидимъ, какъ были возмущены парижскіе республиканцы этимъ нападеніемъ французскихъ войскъ на защитниковъ итальянской свободы. Не задолго до распушенія національнаго собранія очень значительное меньшинство его членовъ воспротивилось предложенному Одилономъ Барро, разрѣшенію расходовъ на итальянскую экспедицію. Послѣ того, какъ собрались члены новаго законодательнаго собранія, а заведеніе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ перешло къ Токвилю, въ Парижѣ было получено извѣстіе объ отступленіи разбитой французской арміи: оно возбудило такое сильное негодованіе на нарушение конституціи и на униженіе военной чести Франціи, что вожди социаль-демократовъ организовали новое возстаніе. Но ихъ предпріятіе не увѣнчалось успѣхомъ и ускорило паденіе римской республики. Когда заведенные съ Удино переговоры не привели къ желаемой цѣли, Французы возобновили нападеніе на Римъ. И на этотъ разъ они встрѣтили самое упорное сопротивленіе, такъ что могли завладѣть городомъ лишь послѣ кровопролитныхъ сраженій и приступовъ, возобновлявшихся въ теченіе нѣсколькихъ недѣль. Вслѣдъ за тѣмъ баррикады были разрушены, временное правительство было уволено и Римъ подпалъ подъ господство чужеземцевъ. Гарибальди перешелъ вмѣстѣ съ своими приверженцами черезъ Апеннины и послѣ безчисленныхъ опасностей и приключеній переплылъ на лодкѣ въ Геную, а оттуда отправился въ Америку. Очень многіе изъ его боевыхъ товарищей попались въ руки Австрійцевъ и были частью разстрѣляны, частью посажены въ Мантуѣ въ тюрьму. Въ числѣ первыхъ находился и бывший Саророро (народный вождь) Чичеруакіо. Маццини бѣжалъ въ Швейцарію, а когда его заставили выѣхать оттуда, онъ отправился въ Англію, гдѣ сталъ по прежнему заниматься агитаторскими происками. Папа Пій еще долго жилъ въ добровольномъ изгнаніи и долго не могъ заглушить въ своемъ сердцѣ негодованія на неблагодарность Римлянъ. Онъ возвратился въ свою столицу въ апрѣлѣ 1850 г. Съ тѣхъ поръ внутреннее спокойствіе поддерживалось въ Римѣ французскимъ гарнизономъ; но бродившія по его владѣніямъ, шайки разбойниковъ свидѣтельствовали о глубокомъ потрясеніи общественнаго порядка и о безсиліи правительства.

19 мая.

28 мая.

3 іюля.

Великій герцогъ Тосканскій Леопольдъ долго умѣлъ сохранять любовь своихъ подданныхъ благодаря тому, что вводилъ либеральныя реформы, изгналъ іезуитовъ изъ своихъ владѣній и, уступая желаніямъ народа, принялъ участіе въ войнѣ съ Австріей; но и въ Тосканѣ радикаламъ удалось расшатать прежнія государственныя учрежденія и добиться созванія учредительнаго собранія. Дѣятельность

Народныя
возстанія во
Флоренціи,
Пармѣ и Мо-
денѣ.
8 февр. 1849.

демократовъ скоро привела къ анархіи и великій герцогъ былъ вынужденъ выѣхать изъ Тосканы вмѣстѣ съ своимъ семействомъ. Тогда и во Флоренціи была учреждена эфемерная республика. Тогда были поставлены во главѣ временнаго правительства бывшіе министры: честолюбивый радикалъ съ пылкими страстями и съ демагогическими наклонностями, адвокатъ и литераторъ Гверацци и профессоръ въ Пизѣ, легко увлекавшійся фантастическими замыслами Монтанелли, по мнѣнію котораго демократія была идеаломъ христіанскаго міроваго порядка. Въ Ливорно, гдѣ находился главный лагерь революціонной партіи, раздували революціонный пылъ приверженцы Мацини, который самъ проживалъ тамъ нѣсколько времени. Но когда волны революціи стали вздыматься слишкомъ высоко, консервативная партія собралась съ силами и произвела переворотъ. Тогда правительственная власть перешла въ руки умѣренныхъ либераловъ—Джино Каппони, братьевъ Риказоли и др., которые обратились къ жившему въ Гаэтѣ, великому герцогу съ приглашеніемъ возвратиться во Флоренцію. Великій герцогъ колебался и рѣшился возвратиться только послѣ того, какъ австрійскій генералъ д'Аспре занялъ Ливорно, а республиканская партія признала себя окончательно побѣжденной.

27 іюля. Тогда Леопольдъ переѣхалъ во Флоренцію, гдѣ уже было восстановлено внутреннее спокойствіе, и снова ввелъ прежніе порядки. «Диктаторъ» Гверацци поплатился за свои честолюбивыя мечты четырехлѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ.—Склонный къ абсолютизму герцогъ Моденскій Францъ V и герцогъ Пармскій Карлъ искали для себя опоры въ военномъ могуществѣ Австріи, но не могли устоять противъ мартовскихъ бурь. Они покинули свои владѣнія и стали держать сторону Австріи, съ которой раздѣляли и горе первоначальныхъ военныхъ неудачъ и радость позднѣйшихъ побѣдъ. Они возвратились въ свои владѣнія лишь только Радецкій вступилъ въ Миланъ.

Война за независимость въ сѣверной Италіи. Въ положеніи сѣверной Италіи произошла рѣзкая перемѣна. Коль Піемонта и Сардиніи Карлъ Альбертъ, получившій отъ своихъ поклонниковъ прозвище «Мечъ Италіи», былъ человѣкъ не твердаго характера, но не безъ рыцарскихъ добродѣтелей и военныхъ дарованій; свои юношескія увлеченія либеральными идеями онъ загладилъ строгимъ абсолютизмомъ, но потомъ подчинился стремленіямъ своего времени, поднялъ знамя итальянской національности и независимости, обнародовалъ либеральную конституцію и составилъ патріотическое министерство подъ предсѣдательствомъ графа Цезаря Бальбо; онъ полагалъ, что слѣдовало воспользоваться благоприятной минутой для того, чтобъ вторженіемъ въ австрійскія владѣнія снискать любовь итальянскаго народа и, завладѣвши ломбардо-венеціанскимъ королевствомъ, подчинить своему владычеству всю сѣверную Италію. При содѣйствіи жителей Ломбардіи, возставшихъ противъ Австріи, онъ учредилъ временное правительство и, послѣ про-

18 марта 1848.

должавшейся нѣсколько дней уличной борьбы въ Миланѣ, принудилъ престарѣлаго фельдмаршала Радецкаго къ отступленію; къ его арміи присоединились Венеціанцы, принявшіе участіе въ общемъ національномъ возстаніи послѣ того, какъ австрійскій комендантъ венеціанской цитадели, графъ Цихи сдался на капитуляцію; вмѣстѣ съ этими союзниками и съ прибывшими изъ средней Италіи многочисленными отрядами волонтеровъ [Crosiati] Карлъ Альбертъ двинулся къ берегамъ Минчіо, оттѣснилъ застигнутую въ распλοхъ австрійскую армію къ сѣверной границѣ Италіи и, послѣ успѣшнаго сраженія при Гоио, 8 апр. 1848. сталъ угрожать Пескіерѣ, составляющей вмѣстѣ съ Вероной, Мантуей и Леньяно знаменитый четырехугольникъ крѣпостей. И въ окрестностяхъ Пастренго его армія мужественно боролась съ Австрійцами. Итальянскіе волонтеры проникли даже въ итальянскій Тироль въ надеждѣ отнять у Австрійцевъ и эту пограничную область. Повсюду развѣвалось трехцвѣтное знамя; почти всѣ итальянскіе города, за исключеніемъ крѣпостей Мантуи и Вероны, брали сторону инсургентовъ; жители Модены и Пармы наконецъ могли дышать воздухомъ свободы, въ которомъ такъ долго нуждались; Флоренція, Римъ, Неаполь приняли участіе въ войнѣ съ Австріей и усилили сардинскую армію, во главѣ которой шелъ самъ король въ сопровожденіи своего министра графа Бальбо и генераловъ Бава, Ламармора, Торелли. Борьба приняла характеръ Крестоваго похода; лица духовнаго званія, — начиная съ миланскаго архіепископа и кончая самымъ незначительнымъ монахомъ, — помогали успѣху національнаго предпріятія и придавали возстанію церковное освященіе. Добровольцы украшали себя красными крестами, отправляясь на такую священную войну.

Но положеніе дѣлъ скоро измѣнилось: «Въ то время, какъ Итальянцы праздновали свою побѣду и свое освобожденіе отъ ненавистнаго варварскаго ига, устроивая празднества, пирушки и триумфальныя процессіи, старый левъ точилъ когти въ своей берлогѣ — въ Веронѣ, изъ которой скоро снова выползъ, встряхивая свою гриву». Восьмидесяти-двухъ-лѣтній фельдмаршалъ Радецкій выдержалъ подлѣ Санта-Лучи, неподалеку отъ Вероны, кровопролитный бой, въ которомъ храбрая австрійская армія удержала за собою поле сраженія не смотря на численное превосходство непріятеля; въ то-же время фельдмаршалъ-лейтенантъ Вельденъ принудилъ непріятеля очистить южный Тироль. Сраженіе при Санта-Лучи было поворотнымъ пунктомъ въ ходѣ военныхъ дѣйствій. Карлъ Альбертъ пріостановилъ наступательное движеніе, котораго настойчиво требовали нетерпѣливые патріоты: его заставляли призадумываться и все яснѣе обнаруживавшіяся, республиканскія стремленія миланскаго временнаго правительства, и очевидныя стремленія французскихъ демократовъ къ завладѣнію Савоей и Ниццей, и раздоры въ средѣ итальянской революціонной партіи, и радикальные происки приверженцевъ Маццини, и

Радецкій.

1766—1858.

28. 29 апр.

Радецкій и Карлъ Альбертъ.

6 мая 1848.

нѣкоторыя другія явленія въ томъ-же родѣ. Онъ началъ сомнѣваться въ возможности достигнуть своей цѣли путемъ завоеваній и полагалъ, что при посредничествѣ Англіи получить отъ находившагося въ затруднительномъ положеніи, австрійскаго правительства болѣе лестныя для своего династическаго честолюбія уступки, чѣмъ отъ итальянскихъ революціонеровъ или отъ завистливыхъ французскихъ политическихъ дѣятелей, вовсе нежелавшихъ создать вблизи отъ французской границы сильное государство. Ходъ военныхъ дѣйствій между берегами Эча и Минчіо усиливалъ расположеніе короля къ заключенію мира, то ускоряя то задерживая дипломатическіе переговоры, которые велись весной и лѣтомъ 1848 года въ главныхъ городахъ Италіи. Изъ Каринтіи и Фріуля выступила многочисленная австрійская вспомогательная армія; она сначала медленно подвигалась впередъ подъ начальствомъ престарѣлаго фельдцейгмейстера Нюгента, но ускорила свое наступательное движеніе съ той минуты, какъ Нюгентъ занемогъ и былъ замѣненъ болѣе энергичнымъ графомъ Турномъ. Она перешла черезъ Піаву и, послѣ неудачной попытки завладѣть Виченцой, присоединилась въ окрестностяхъ Вероны къ главной арміи Радецкаго. Вступившія на венеціанскую территорію, папскія войска и римскіе добровольцы оказывали слабое сопротивленіе въ особенности потому, что генералъ Дурандо былъ поставленъ ранѣе нами упомянутою, папскою рѣчью въ двусмысленное положеніе и считался горячими патріотами за измѣнника. Сосредоточеніе всѣхъ австрійскихъ военныхъ силъ доставило Радецкому возможность предпринять освобожденіе Мантуи, которую осаждали тосканскія войска. Послѣ упорнаго боя при Куртатоне онъ прорвалъ линіи осаждающихъ и освободилъ эту крѣпость. Однако, вліяніе этого успѣха было ослаблено побѣдой, которую Карлъ Альбертъ одержалъ подлѣ Гоиго надъ начальникомъ австрійскаго отряда д'Аспре и послѣдствіемъ которой было завладѣніе Пескіерой. Не смотря на этотъ успѣхъ Карлъ Альбертъ не питалъ большихъ надеждъ на будущее. Онъ былъ храбрый воинъ, но не обладалъ дарованіями стратега, а вслѣдствіе сознанія этого недостатка не отличался такимъ мужествомъ, какое необходимо полководцу. Одинъ изъ военныхъ писателей такъ охарактеризовалъ его личность: «Во главѣ храброй арміи онъ никогда не обнаруживалъ болѣе осмотрительной сдержанности, чѣмъ послѣ одержанной побѣды. И теперь, когда онъ стоялъ на вершинѣ своего счастья, онъ былъ столько-же похожъ на привидѣніе, какъ во время своего вступленія въ Ломбардію: разслабленный, блѣдный, какъ сознающій свою вину преступникъ, и болѣе похожій на бѣглеца, чѣмъ на короля, онъ наводилъ уныніе на свои войска, ни чѣмъ не доказывая, что раздѣляетъ ихъ энтузіазмъ. Во время всей кампаніи онъ не сказалъ ни одного слова, которое могло бы служить утѣшеніемъ для выносившихъ тяжелыя лишенія солдатъ или для ране-

ныхъ. Какая была польза въ томъ, что онъ самъ подвергалъ себя лишениямъ и спалъ не иначе какъ въ жесткой походной постели?»

Событія, совершившіяся въ теченіе слѣдующихъ дней, доказали, что король не безъ основанія впадалъ въ уныніе. Непріятель сталъ такъ сильно тѣснить Виченцу, что итальянскій генераль Дурандо и его помощники, полковники Азеліо и Чіальдини были поставлены въ необходимость прекратить сопротивленіе. Послѣ кровопролитной борьбы, австрійскій фельдмаршалъ принудилъ Виченцу сдаться, между тѣмъ какъ піемонтскій король занялъ знаменитое въ военной исторіи мѣстечко Риволл и за тѣмъ предпринялъ осаду Мантуи. Австрійцы дозволили папскимъ войскамъ и отрядамъ добровольцевъ безпрепятственно удалиться. Городскимъ жителямъ также было дозволено высылаться; поэтому вслѣдъ за отступавшими итальянскими войсками шли толпы мужчинъ, даже замужнихъ женщинъ и дѣвушекъ. Черезъ два дня послѣ того, фельдмаршалъ-лейтенантъ Вельденъ привелъ арміи Радецкаго новыя подкрѣпленія. За тѣмъ происходили не подалеку отъ двухъ крѣпостей горячія сраженія съ перемѣнчивымъ успѣхомъ. Въ это время прибылъ въ лагерь Карла Альберта изъ южной Америки Джузеппе Гарибальди; онъ привелъ съ собою отрядъ волонтеровъ, чтобъ принять участіе въ борьбѣ за независимость своего отечества. Итальянцы сражались за свободу и національность, Австрійцы за господство и воинскую честь; но у первыхъ не было ни такой-же подготовки и дисциплины, какъ у вторыхъ, а между тѣмъ, какъ Австрійцы повиновались одному энергичному вождю, въ средѣ итальянской арміи, состоявшей изъ разнородныхъ элементовъ, господствовали разладъ и разномысліе. Поэтому, военное счастье стало наконецъ склоняться на сторону Австрійцевъ. Война приняла рѣшительно неблагоприятный для Итальянцевъ оборотъ въ теченіе іюля,—то есть именно въ то время, когда въ Миланѣ и въ Венеціи временныя правительства и палаты рѣшили присоединить Ломбардію и венеціанскую область къ Піемонту не смотря на упорное сопротивленіе приверженцевъ Маццини и республиканцевъ. 25 іюля графъ Радецкій одержалъ при Кустоцѣ такую побѣду, которая самымъ блестящимъ образомъ возстановила военную честь Австріи. За тѣмъ престарѣлый фельдмаршалъ сталъ быстро преслѣдовать непріятельскую армію, снова нанесъ ей пораженія при Гоито и Вольтѣ, вступилъ въ Ломбардію и появился въ началѣ августа у воротъ Милана. Послѣ упорной борьбы, во время которой жизнь самого короля подвергалась опасности, городъ сдался Австрійцамъ и Радецкій вступилъ въ него 6 августа. Толпы народа осыпали Карла Альберта угрозами, называя его измѣнникомъ; поэтому онъ выѣхалъ ночью изъ города, а такъ какъ онъ не надѣялся на присылку французскимъ республиканскимъ правительствомъ тѣхъ подкрѣпленій, о которыхъ просилъ, то онъ охотно согласился на заключеніе въ Виджевано перемирія, которымъ былъ обязанъ 9 авг. 1848.

Побѣды Ра-
децкаго.

11 іюня 1848.

25 іюля.

9 авг. 1848.

не столько посредничеству иностранной дипломатии, сколько великодушію побѣдителя. Радецкій, который былъ столько-же мягокъ характеромъ и человеколюбивъ, сколько былъ храбръ и энергиченъ, не запятнял свою побѣду никакими жестокостями. Спасшіеся бѣгствомъ Миланцы перестали громко бранить Нѣмцевъ и стали мало по малу возвращаться домой. Вожди партіи движенія, въ особенности патріоты изъ знати переселились въ Піемонтъ, чтобъ тамъ поддерживать стремленія къ національной свободѣ. Миланъ опустѣлъ вслѣдствіе того, что его жители стали массами переселяться въ другіе города; своими непрерывными враждебными демонстраціями они принудили австрійскаго главнокомандующаго прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ. Въ домахъ патріотовъ были отведены квартиры для австрійскихъ войскъ; въ дворцахъ знатныхъ бѣглецовъ стали жить солдаты; на жителей была наложена контрибуція; имѣнія аристократовъ были конфискованы. Гарибальди еще нѣсколько времени бродилъ съ своимъ отрядомъ вокругъ Комскаго озера; но, чтобъ избѣгнуть опасной встрѣчи съ непріятелемъ, сначала укрылся въ южной Швейцаріи, а потомъ нашолъ въ Римѣ благопріятную почву для своей предпримчивости (стр. 324). На другой день послѣ заключенія перемирія съ Австрійцами, Пескіера сдалась генералу Гайнау.

Вторичное воз- Однако этимъ еще не кончилась сардинско-австрійская война. Со-
станіе и пора- вершившіяся въ Вѣнѣ событія, о которыхъ мы будемъ говорить впо-
женіе Піемонт- слѣдствіи, внушили итальянской революціонной партіи новыя надеж-
цевъ. ды; старанія иностранныхъ государствъ уладить соглашеніе между
Піемонтомъ и Австріей остались безплодными; намѣреніе созвать въ
Брюсселѣ конгрессъ осталось неисполненнымъ; только силою оружія
можно было достигнуть такого окончательнаго результата, который
прекратилъ-бы волненіе умовъ. Поэтому Карлъ Альбертъ съ отчая-
нія рѣшился еще разъ испробовать военное счастье. Къ этому по-
буждали его и оскорбительныя насмѣшки народа, и настоянія ради-
каловъ, свергнувшихъ умѣренно-либеральное министерство Джіоберти
и господствовавшихъ въ палатѣ и въ правительственныхъ сферахъ,
и опасные для его верховной власти, замыслы республиканцевъ, и
оскорбленное самолюбіе монарха. Предлогомъ къ новой войнѣ по-
служило неточное исполненіе условій перемирія. Многочисленная сар-
динская армія, при которой находилось нѣсколько вождей польскаго
происхожденія (Раморино, Хрзановскій и др.), вступила въ Ломбардію,
чтобъ вторично попытаться выгнать Австрійцевъ изъ Италіи. Но
война продолжалась только четыре дня въ знаменитомъ бассейнѣ
Тессина: Радецкій нанесъ сардинской арміи тяжелыя пораженія при
Мортарѣ и при Новарѣ. Раморино, заподозрѣнный въ измѣнѣ, по-
тому что по непростительной неосмотрительности не занялъ одинъ
важный пунктъ, былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ смертной
казни и разстрѣлянъ.

Карлъ Альбертъ, окончательно утратившій всякую надежду на Отреченіе ко-
успѣхъ и глубоко оскорбленный въ своемъ достоинствѣ начальника арміи и монарха, отказался отъ престола въ пользу своего сына Виктора Эммануила, тайкомъ бѣжалъ изъ своего отечества и нашелъ для остатка своихъ дней спокойное убѣжище въ Португаліи. По про-
шествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ смерть положила конецъ его душев-
нымъ страданіямъ и земнымъ заботамъ въ то время, какъ опъ жилъ въ Оporto. Онъ умеръ съ твердой увѣренностью, что будущность и счастье Италіи зависятъ отъ піемонтской династіи. Новый король поспѣшилъ заключить съ австрійскимъ фельдмаршаломъ перемиріе, но этимъ возбудилъ во всей странѣ такое сильное негодованіе, что палата депутатовъ отказалась утвердить заключенную сдѣлку, а въ Генуѣ вспыхнуло возстаніе. Только послѣ того, какъ палата была распущена, а возстаніе было подавлено силою оружія, народъ подчинился требованіямъ необходимости. Новая палата утвердила мирный договоръ съ Австріей, наложившій на страну огромный долгъ на покрытіе военныхъ расходовъ побѣдителя. Съ тѣхъ поръ сардинское правительство постоянно заботилось о введеніи либеральныхъ реформъ и объ улучшеніи матеріальнаго благосостоянія. Вспыхнувшее въ тылу австрійской арміи, возстаніе въ Брешии было съ беспощадной строгостью подавлено фельдмаршалъ-лейтенантомъ Гайнау послѣ того, какъ городъ былъ взятъ приступомъ.

Отреченіе ко-
роля отъ пре-
стола.

Мирный дого-
воръ.

28 іюля.

26 марта.

1—4 апр.

Послѣ отступленія австрійскаго гарнизона изъ Венеціи тамъ было учреждено временное правительство отъ имени короля сардинскаго, а послѣ пораженія итальянской арміи была введена Маниномъ республиканская форма правленія. Благодаря своему выгодному для обороны положенію, Венеція была въ состояніи нѣсколько мѣсяцевъ обороняться отъ австрійской арміи даже послѣ того, какъ эта послѣдняя завладѣла укрѣпленной Мальгерой. Только послѣ того, какъ повсемѣстные пораженія инсургентовъ уничтожили всякую надежду на успѣшный исходъ борьбы, а городское населеніе было доведено до крайне бѣдственнаго положенія внутренними раздорами и нападеніями осаждающихъ, венеціанское правительство заключило съ австрійцами договоръ о сдачѣ города. Радецкій совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Венецію 30 августа. Манинъ, принимавшій чрезвычайно дѣятельное участіе въ геройской оборонѣ Венеціи, бѣжалъ во Францію, гдѣ отвергнулъ всякія предложенія помощи и сталъ жить уроками итальянскаго языка. Этотъ эксъ-диктаторъ Венеціи и когда-то содержавшійся въ шпильбергской тюрьмѣ, Паллавичино Три-
вувльчіо были—какъ это видно изъ ихъ переписки, опубликованной въ 1877 году,—основателями «итальянскаго національнаго общества», въ которое поступали въ теченіе пятидесятихъ годовъ и республиканцы и приверженцы конституціонной монархіи съ цѣлію освобожденія и объединенія Италіи подъ знаменемъ савойской династіи. Ма-

Возстановленіе
австрійскаго
владычества
въ Венеціи.

27 мая.

25 авг. 1849.

нинъ не дожилъ до того дня, когда его отечество сдѣлалось независимымъ. Онъ умеръ 22 сентября 1857. По прошествіи десяти лѣтъ его прахъ былъ перевезенъ въ Венецію и тамъ похороненъ.

Конецъ итальян-
скаго воз-
станія.

Со времени паденія Милана и Венеціи двуглавый австрійскій орелъ снова распростеръ свои крылья надъ ломбардо-венеціанскимъ королевствомъ; въ средней и въ южной Италіи снова стали развѣваться знамена законныхъ владѣтелей, а возбуждавшее столько радостныхъ надеждъ, трехцвѣтное знамя уже не находило для себя пріюта нигдѣ, кромѣ Сардиніи. Цій IX публично покаялся въ своихъ либеральныхъ прегрѣшеніяхъ, а въ несчастномъ Неаполѣ водворилась мстительная, жестокосердая реакція, не признававшая никакихъ требований цивилизаціи и гуманности. Хотя возстаніе Итальянцевъ и сопровождалось разными безразсудствами и вспышками безумныхъ страстей, но за нимъ нельзя не признать той заслуги, что оно отстояло честь націи. Итальянцы, бывшіе въ теченіе многихъ столѣтій предметомъ презрѣнія для другихъ народовъ, наконецъ доказали, что и они не утратили способности владѣть оружіемъ; правда, и на этотъ разъ они не имѣли успѣха столько же вслѣдствіе господствовавшей среди нихъ неурядицы, сколько вслѣдствіе превосходства военныхъ силъ непріятеля, но они своимъ возстаніемъ пробудили и укрѣпили надежду, что наконецъ когда-нибудь настанетъ и для нихъ день національнаго объединенія и свободы.

Итальянское
національное
общество и
эмигранты.

Неудача всѣхъ попытокъ освободить Италію отъ владычества иноземцевъ убѣдила патріотовъ въ необходимости тѣснѣе сблизиться съ сардинско-піемонтской династіей, подъ знаменемъ которой только и было возможно возстановленіе единой Италіи. Это убѣжденіе всѣхъ настойчивѣе высказывалъ бывшій диктаторъ Венеціи, Даніилъ Манинъ въ то время, какъ жилъ изгнанникомъ въ Парижѣ. Своими брошюрами и газетными статьями онъ, при содѣйствіи Паллавичино, подготовлялъ своихъ соотечественниковъ къ новому національному возстанію подъ знаменемъ савойской династіи. „Мнѣ даже вовсе несовѣстно признаться“, — писалъ онъ одному изъ своихъ друзей, — „что я возлагаю на Піемонтъ самыя дорогія мои надежды. Тамъ говорятъ на нашемъ родномъ языкѣ, тамъ развѣвается наше знамя, тамъ еще есть такая Италія, которая даетъ цвѣтки“. Онъ предостерегалъ отъ республиканскихъ замысловъ Мадзини, но вмѣстѣ съ тѣмъ отвергалъ совѣтъ лорда Джона Росселя примириться съ Австріей, которая, будто-бы, дастъ итальянскому народу такія вольности, какихъ онъ не сумѣетъ самъ пріобрѣсти, и будто-бы будетъ обходиться съ нимъ гуманнѣе всякихъ другихъ правителей. „Мы не требуемъ, чтобъ Австрія сдѣлалась въ Италіи гуманной и либеральной“, — писалъ Манинъ въ одномъ изъ органовъ англійской печати, — „да она и не могла-бы сдѣлаться такою, даже если бы этого пожелала; но мы требуемъ, чтобъ она очистила Италію. Намъ нѣтъ никакой надобности ни въ ея гуманности, ни въ ея либерализмѣ: мы хотимъ быть хозяевами въ своемъ домѣ. Вотъ наша цѣль: полная независимость всей итальянской территоріи и соединеніе всѣхъ частей Италіи въ одно нераздѣльное политическое цѣлое. Хотя итальянскіе патріоты и не всегда сходятся въ своихъ мнѣніяхъ, но ихъ разномысліе ка-

сается только второстепенныхъ вопросовъ“. Такія же мнѣнія излагалъ онъ въ 1855 году въ письмѣ къ своему другу Паллавичино: „Я вѣренъ принципу независимости и единства Италіи и отвергаю все, что уклоняется отъ него. Если же для возрождающейся Италіи понадобится король, то такимъ королемъ можетъ быть только король піемонтскій“. Эти внушенія скоро стали служить политической программой для такихъ выдающихся патріотовъ, какъ Гарибальди, Паллавичино, Лафарина. Пропаганда, для которой Манинъ служилъ головою, а Паллавичино правой рукой, стала стремиться къ практическому осуществленію принципа: независимость и единство подъ управленіемъ короля Италіи Виктора Эммануила. Плодомъ этой патріотической агитаціи было возникновеніе „итальянскаго національнаго общества“. Манинъ не дожилъ до результатовъ своей дѣятельности, но его идеи пріобрѣтали все болѣе многочисленныхъ послѣдователей. Послѣ его смерти, Лафарина сдѣлался самымъ предприимчивымъ членомъ патріотическаго общества, познакомился, черезъ посредство Паллавичино, съ Кавуромъ и взялъ на себя роль посредника между тѣмъ обществомъ и сардинскимъ министромъ.

IV. Борьба Нѣмцевъ за введеніе конституціи.

1. Учредительное національное собраніе во Франкфуртѣ.

Хотя возникшее въ Германіи волненіе умовъ имѣло въ сущности демократическій характеръ и обнаруживалось въ буйныхъ выходкахъ, но оно не доходило до нарушенія должнаго уваженія къ царствующимъ династіямъ; это служитъ доказательствомъ того, что нѣмецкая нація стремилась не къ республиканской формѣ правленія, а только къ національному единству и къ такой политической свободѣ, при которой всѣ нѣмецкія государства могли бы сохранить свои разнообразныя, старинныя государственныя учрежденія. Собравшемуся во Франкфуртѣ, національному собранію именно и предстояла трудная задача создать такую форму національнаго объединенія, при которой нѣмецкая нація пользовалась-бы внутри страны свободой, а въ отношеніи къ иностраннымъ государствамъ могуществомъ и вліяніемъ, и которая служила-бы основой «для величія и счастья отечества». Большинство народныхъ представителей задавалось именно такою цѣлію и старалось не отклоняться отъ нея въ разныя стороны, не смотря на старанія меньшинства подвергать разсмотрѣнію собранія невходившіе въ его задачу вопросы, — какъ напр. вопросъ о томъ, кто былъ виновенъ въ столкновеніи, происшедшемъ въ Майнцѣ между мѣстными гражданами и прусскими войсками; познакомившись съ подробностями этого дѣла, собраніе вотировало переходъ къ очереднымъ дѣламъ въ полной увѣренности, что мѣстныя власти сѣумѣютъ исполнить свой долгъ. Но выработанный Дальманномъ проектъ конституціи вызвалъ въ большей части націи горячія возраженія, а національное собраніе не всегда могло уклоняться отъ разрѣшенія вопро-

Задача національнаго собранія.

совѣ, съ которыми обращались къ нему со всѣхъ сторонъ въ то бурное время; поэтому его работа медленно подвигалась впередъ; сначала его совѣщанія не скоро приводили къ желаемымъ результатамъ, потому что его члены еще не успѣли познакомиться другъ съ другомъ, да и главная цѣль еще не была достаточно выяснена, а потомъ, когда члены раздѣлились на партіи, духъ оппозиціи и разнообразіе цѣлей препятствовали единодушной дѣятельности.

Учрежденіе
центральной
правитель-
ственной
власти.

Стремленія партій въ первый разъ рѣзко обрисовались при обсужденіи вопроса объ учрежденіи центральной правительственной власти. Лѣвая сторона, желавшая республиканской формы правленія и опиравшаяся на принципъ народовластія, требовала такой исполнительной власти, которая назначалась-бы, безъ содѣйствія нѣмецкихъ правительствъ, самымъ національнымъ собраніемъ и была-бы отвѣтственна передъ нимъ; члены правой стороны и нѣкоторые изъ членовъ центра, желавшіе совмѣстной дѣятельности правительствъ и народныхъ представителей, сходились въ убѣжденіи, что, при выборѣ представителей центральной власти, правительства и національное собраніе должны дѣйствовать по взаимному соглашенію. Съ этой цѣлію предполагалось учредить директорію изъ трехъ лицъ—изъ представителей Австріи и Пруссіи и одного представителя отъ всѣхъ среднихъ и мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Правительства, пришедшія между собою къ соглашенію касательно выбора членовъ директоріи, должны были представить списокъ кандидатовъ на утвержденіе національнаго собранія и только послѣ изъявленнаго собраніемъ одобренія могли признать тѣхъ кандидатовъ вступившими въ отправленіе своихъ обязанностей; такимъ образомъ, въ промежутокъ времени между указаніемъ и назначеніемъ членовъ директоріи должно было состояться одобрительное заявленіе національнаго собранія. Этотъ проектъ былъ, послѣ горячихъ преній, отложенъ въ сторону по двумъ причинамъ: во первыхъ, возникло опасеніе, что правительствамъ понадобится очень много времени, чтобъ достигнуть соглашенія о выборѣ трехъ членовъ директоріи; во вторыхъ, всѣ были увѣрены, что выбранные кандидаты подвергнутся со стороны своихъ противниковъ такой беспощадной критикѣ, которая уронитъ ихъ престижъ. Поэтому возникло въ теченіе преній убѣжденіе, что вмѣсто трехъ-членной директоріи (Trîas) лучше учредить должность одного безотвѣтственного представителя (Monas), который будетъ облеченъ высшею властію, будетъ выбираться и назначаться нѣмецкими правительствами и будетъ утверждаться національнымъ собраніемъ безъ всякихъ преній. Съ этого пути къ соглашенію національное собраніе неожиданно уклонилось въ сторону, подчинившись вліянію своего президента Гагерна, высказавшаго смѣлую мысль, что выборъ безотвѣтственного главы верховной власти слѣдовало-бы предоставить самому національному собранію. Послѣ продолжительныхъ горячихъ преній наконецъ было

принято слѣдующее рѣшеніе: временную центральную исполнительную власть поручить одному изъ членовъ нѣмецкихъ царствующихъ домовъ и дать ему титулъ администратора имперіи, а національное собраніе будетъ выбирать его съ увѣренностью, что встрѣтитъ одобреніе со стороны нѣмецкихъ правительствъ. Гагернъ полагалъ, что этимъ измѣненіемъ первоначальнаго проекта избавить нѣмецкія правительства отъ большихъ затрудненій, возвыситъ въ глазахъ народа престижъ администратора имперіи и вмѣстѣ съ тѣмъ дастъ правительствамъ, въ лицѣ своего избранника, ручательство за неприкосновенность ихъ правъ. Онъ также надѣялся примирить этимъ способомъ все партіи и склонить ихъ къ постановленію единодушнаго рѣшенія. Что любимый народомъ и либеральный эрцгерцогъ австрійскій Іоаннъ будетъ выбранъ администраторомъ, въ этомъ уже давно не было никакого сомнѣнія. Законъ о временной центральной власти ввѣрилъ 28 іюня 1848. администратору имперіи и его отвѣтственнымъ министрамъ исполнительную власть, предоставилъ ему право разрѣшать, по соглашенію съ національнымъ собраніемъ, вопросы войны и мира и заключать договоры съ иностранными государствами, но исключилъ изъ вѣдомства центральной власти составленіе конституціи. За тѣмъ было приступлено къ избранію администратора имперіи и огромнымъ большинствомъ былъ выбранъ эрцгерцогъ; онъ совершилъ 11 іюля свой торжественный вѣздъ во Франкфуртъ и заявилъ о своей готовности вступить въ отправленіе своей должности.

29 іюня.

Не смотря на то, что это событіе сначала возбуждало радость, нашлось не мало людей, считавшихъ такое смѣлое нововведеніе важнымъ промахомъ, потому что оно свидѣтельствовало о революціонной точкѣ зрѣнія національнаго собранія и такимъ образомъ доставляло нѣмецкимъ правительствамъ возможность современемъ уклониться отъ повиновенія центральной власти. Эти правительства были недовольны уже ранѣе состоявшимся рѣшеніемъ, что конституціи отдѣльныхъ государствъ не должны ни въ одномъ изъ своихъ постановленій впадать въ противорѣчіе съ общей германской конституціей; поэтому высшее имперское правительство встрѣчало повиновеніе только тогда, когда нѣмецкія правительства и приверженцы партикуляризма не желали или не были въ состояніи оказывать ему сопротивленіе. Въ особенности въ Пруссіи были недовольны назначеніемъ администратора — демократы, потому что этотъ администраторъ былъ безотвѣтственъ, патриоты, потому что Пруссія ставилась въ зависимость отъ австрійскаго принца. Въ Берлинѣ были возмущены постановленіемъ національнаго собранія, что все нѣмецкія войска должны присягать администратору и носить нѣмецкія знамена. Это требованіе не было исполнено. День, назначенный для принесенія присяги уже прошелъ, а присяга еще не состоялась. Хотя прусскія войска и носили нѣмецкія кокарды, но это дѣлалось въ исполненіе предписанія, издан-

Администра-
торъ имперіи
и имперское
министерство.

12 іюля. наго еще во время мартовскихъ смутъ. Послѣ того, какъ администраторъ принялъ отъ президента собранія полномочія, прежде принадлежавшія этому собранію, онъ назначилъ отвѣтственными министрами, подъ предсѣдательствомъ князя Лейнингенскаго, Шмерлинга, Цейкера, Роберта фонъ-Моля, Гекшера, Дуквица и Бекерата, и выбралъ между членами собранія нѣсколькихъ помощниковъ государственнаго секретаря.

Политическія партіи. Со времени учрежденія центральной власти точнѣе опредѣлилось направленіе политическихъ партій, на которыя раздѣлялись члены національнаго собранія. Правая,—желавшая введенія такихъ національныхъ учреждений, которыя были-бы выработаны по взаимному соглашенію между національнымъ собраніемъ и нѣмецкими правительствами,—имѣла своими руководителями двухъ очень умныхъ и краснорѣчивыхъ людей—Радовица и Винке, на ряду съ которыми пользовался большимъ вліяніемъ остроумный князь Лихновскій. Такъ называемый «каменный домъ» служилъ сборнымъ мѣстомъ для принадлежавшихъ къ этой партіи консерваторовъ. Въ составъ лѣвой входили тѣ члены парламента, которые придерживались принципа исключительнаго народовластія, желали придать новымъ учреждениямъ самую широкую демократическую основу и предоставить гражданамъ неограниченную личную свободу. Они стремились къ организаціи республиканскаго союзнаго государства, совѣтовали достигнуть этой цѣли путемъ революціи, а при обсужденіи всѣхъ вопросовъ отстаивали то, что могло прямо или косвенно содѣйствовать осуществленію ихъ замысла. Не смотря на свою малочисленность, они приобрѣли силу и вліяніе отчасти благодаря своей предпріимчивости и единодушію, отчасти благодаря сочувствію народныхъ массъ, увлекавшихся ихъ благозвучными фразами и заманчивыми обѣщаніями. Они были вынуждены своей немногочисленностью крѣпко держаться другъ за друга и во всѣхъ важныхъ вопросахъ вотиновали единодушно; но и среди нихъ скоро образовалась крайняя демократически-радикальная партія, къ которой принадлежали люди, безусловно все одобрявшіе, приверженцы революціонной анархіи и теоретики, мечтавшіе о демократической свободѣ, какъ напр. Фогтъ, Цицъ, Руге; для остальныхъ членовъ лѣвой служилъ руководителемъ лейпцигскій народный ораторъ Робертъ Блумъ; ихъ сборнымъ мѣстомъ былъ Доннерсбергъ.

Центръ и его фракціи. Въ составъ центра входили умѣренно-свободномыслящіе люди, которые до мартовскихъ смутъ большею частію причислялись къ «либераламъ»; они стремились главнымъ образомъ къ національному единству, соединяющемуся съ гражданской свободой, и выдавали себя за приверженцевъ конституціонной монархіи. Они менѣе членовъ лѣвой стороны придерживались заранѣе установленныхъ принциповъ и болѣе ихъ приноравливались къ существующимъ условіямъ; но такъ

какъ ихъ цѣли и стремленія не менѣе сильно отзывались идеализмомъ, то многіе изъ нихъ навлекали на себя обвиненіе въ «доктринёрствѣ». И по причинѣ своей многочисленности и вслѣдствіе нѣкотораго несходства убѣжденій они скоро раздѣлились на лѣвый и правый центры. Члены лѣваго центра раздѣляли убѣжденіе лѣвой стороны, что народовластіе должно служить единственной основой для будущей конституціи германскаго союза, и требовали, чтобъ отдѣльныя нѣмецкія государства безусловно подчинялись идеѣ германскаго единства; но такъ какъ они не отвергали необходимости сообразоваться съ мѣстными условіями и потребностями, то между ними возникли разнородныя воззрѣнія и стремленія. *Württembergischer Hof* служилъ сборнымъ мѣстомъ для этой партіи, которая состояла преимущественно изъ швабскихъ и баварскихъ депутатовъ (Рёмера, Фаллмерейера, Эйзенманна) и къ которой также примкнулъ веймарскій депутатъ Виденбургъ. Впослѣдствіи эта партія снова распалась на двѣ фракціи: тѣ изъ ея членовъ, которые всѣхъ ближе сходились съ лѣвой стороной (какъ напр. кельнскій депутатъ Раво), стали собираться въ *Westendhall*, а остальные собирались въ *Augsburger Hof*. Правый центръ, называвшійся партіей Гагерна, признавалъ основательность идеи о верховенствѣ національнаго собранія, но не отказывалъ и нѣмецкимъ правительствамъ въ правѣ голоса; его цѣль заключалась въ восстановленіи конституціонно-монархическихъ учреждений и въ замѣнѣ революціонной основы государственнаго устройства основой легальной. Къ этой сильной партіи, обыкновенно разрѣшавшей всѣ вопросы подачей своихъ голосовъ, принадлежали такіе нѣмецкіе патріоты, стремившіеся къ величію, единству и свободѣ Германіи, какъ Дальманнъ, Гервинусъ, Арндтъ, Безелеръ, Бассерманнъ, Яковъ Гриммъ. И Велькеръ почти всегда держалъ ихъ сторону. Послѣ 18 марта они раздѣлились на двѣ половины, изъ которыхъ одна, болѣе склонявшаяся на лѣвую сторону, собиралась въ «Ландсбергъ», другая въ «Казино»; но во всѣхъ важныхъ вопросахъ они вотировали единодушно.

4 іюля начались пренія объ основныхъ правахъ нѣмецкаго народа; они были очень продолжительны и прерывались разными неожиданными событіями. Народу, въ сущности уже пользовавшемуся самой широкой свободой, очень надоѣдали теоретическія усилія его представителей въ точности перечислить его права. Поэтому, нѣкоторые изъ членовъ собранія посовѣтовали придерживаться болѣе скорago способа разрѣшать вопросы, стоявшіе на очереди; но этому воспротивилась привычка Нѣмцевъ не дѣлать ни одного шага безъ крайней осмотрительности. Такъ какъ никто не хотѣлъ отказаться отъ своего права произнести публичную рѣчь, то было пропущено удобное время для введенія новыхъ порядковъ; наконецъ, когда основные права народа были окончательно опредѣлены и этотъ резуль-

Основныя
права.

татъ трудовъ національнаго собранія былъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе, нѣмецкія правительства уже до такой степени усилились, что могли неторопиться исполненіемъ состоявшагося рѣшенія или даже могли совершенно отказываться отъ его исполненія. Хотя это опредѣленіе основныхъ правъ и носило на себѣ легкій отпечатокъ той бурной эпохи и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нарушало требованія справедливости, но оно устраняло или ослабляло тѣ преграды, которыми прежде заграждался путь къ личной свободѣ; оно установило равноправность всѣхъ Нѣмцевъ, отмѣнивши сословныя привилегіи, прекратило злоупотребленія суда и полиціи, признало безспорнымъ право устроить общества и сходки, избавило печать отъ притѣснительнаго надзора и обезпечило свободу религіи и преподаванія; создавши надежную охрану для права собственности, оно вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнило сословныя привилегіи и устарѣлыя земельныя повинности; вводя судъ присяжныхъ съ публичнымъ и гласнымъ судопроизводствомъ, и обезпечивая независимость судебного сословія, оно ввело въ Германіи такое отправленіе правосудія, какого требовали духъ времени и успѣхи цивилизаціи; наконецъ, отмѣняя смертную казнь, оно подчинилось требованіямъ человеколюбія. Такимъ образомъ, опредѣленіе основныхъ правъ обезпечивало со всѣхъ сторонъ широкую свободу и, еслибы оно перешло въ жизнь безъ всякихъ ограниченій, оно доставило-бы нѣмецкому народу такое положеніе среди цивилизованныхъ націй, на какое ему даютъ право его врожденные свойства и умственное развитіе.

Внѣшняя политика.

Франція.

Австрійскія владѣнія въ Италіи.

Пренія объ основныхъ правахъ прерывались множествомъ вопросовъ и проектовъ, предлагавшихся на разсмотрѣніе національнаго собранія. Это собраніе сдѣлалось средоточіемъ всѣхъ патріотическихъ надеждъ, желаній и стремленій, уже давно возникшихъ въ обширномъ германскомъ отечествѣ, а въ послѣднее время высказывавшихся съ усиленной настойчивостью. Въ особенности вопросы внѣшней политики служили поводомъ для самой горячей парламентской борьбы. Партія движенія, мечтавшая о введеніи новыхъ порядковъ во всей Европѣ, настаивала на заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза съ Франціей и съ нетерпѣніемъ желала «пожать дружескую руку націи, живущей на той сторонѣ Рейна. «Но большинство собранія, придерживавшееся мирной политики и принципа невмѣшательства въ чужія дѣла, отвергнуло проектъ союза съ Франціей; впрочемъ оно признало французскую республику и отправило въ Парижъ историка Гогенштауфеновъ, Фридриха Раумера, въ званіи посланника германской имперіи. — Во время преній о войнѣ между Австріей и Италіей, лѣвая сторона отстаивала космополитическій принципъ національной независимости и требовала, чтобъ Германія прекратила эту войну хотя бы и съ ущербомъ для своихъ собственныхъ интересовъ; но Радовицъ краснорѣчиво доказывалъ, что обладаніе вене-

ціанскої областю і странами впроті до береговъ Минчіо необхідно для воєнної безпеки Германії, — для того, щобъ верхня Італія не піднала подъ гегемонію Франції, а южна Італія подъ вплив Англії; по тому більшість зібранія рѣшило передати розрѣшеніє цього питання на усмотрѣніє центральної влади въ на- 12 авг. 1848. деждѣ, що вона дотримає інтереси Германії. Космополитическіє народні оратори внаслідокъ горячо підтримували навіть пропозицію про поступокъ южного Тироля, не дивлячись на те, що — по мѣткому вираженію Радовица — це значило-бъ передати въ чужу власність двері свого дому. — Тільки въ одному питанні партія національного зібранія виявила єдиність, а саме при постановленні рѣшення, що слідъ вважати несовмѣстнимъ зъ германськими союзними установами той фактъ, що въ складі германського союзу, герцогство Лимбургское, введено однакіє установи і однакове управління зъ королівствомъ Нідерландськимъ; по тому, центральному уряду було пред'явлено настоятельне вимога втручання, щобъ звільнити герцогство зъ обов'язку брати участь въ виплаті голландського національного боргу.

Лимбургъ.

Тимъ упорніше була боротьба по приводі славянського питання, — не стільки в то час, коли йшла рѣчь о дозволіні чехамъ надіслати своїхъ депутатівъ в національне зібраніє, скільки тоді, коли йшла рѣчь о допущенні в це зібраніє представителівъ з тій частини Позена, яка була приєднана до германського союзу. Такъ якъ Поляки були поборниками демократическихъ ідей, самими ревностними і мужественними захисниками політичнихъ заговорівъ і повстаній, то лѣва сторона вважала, що краще висловити їмъ свою признательність, якщо запропонувати національному зібранію признати свободу і незалежність всякихъ національностей, і на основі такого нового міжнародного права потребує встановлення Польщі. Загальне співчуття до участи цього нещасного народу допомогло оратору лѣвої сторони Арнольду Руге произвести його рѣчю таке сильне враження, якого не производили незрозумілі ідиї і безглузді висловлювання філософівъ-космополитівъ. Но моментъ для произнесения такої рѣчи бувъ невдачно вибранъ: вѣдь не довго передъ тимъ Поляки виявили своє жорстоке серце, вб'юючи своїхъ німецькихъ земляківъ; крімъ того, вони очевидно прагнули, разомъ зъ членами лѣвої сторони, до революційного перевороту; все це ослабило співчуття до такого дѣлу, яке раніше вважалося «високою поезією мучеництва». Національне зібраніє, саме в то час, коли старалося про відродження німецької нації і наважувалося рішуче відмовитися зъ філософського ідеалізму попередніхъ роківъ, віднеслося зъ шумними вираженнями свого неохайного ставлення до оригінального не-

Польскій
питання.

патріотическому міровоззрѣнію Арнольда Руге; между тѣмъ какъ краснорѣчивый князь Лихновскій выражалъ мнѣніе большинства, упрекая Поляковъ за то, что они повсюду являлись на баррикадахъ впереди всѣхъ, именно это лѣвая сторона ставила Полякамъ въ заслугу. Трогательная рѣчь представителя позенскихъ Нѣмцевъ, умолявшаго собраніе вступить за полмилліона находящихся въ опасности соотечественниковъ, одержала верхъ надъ страстной риторикой польскаго оратора. Даже берлинскій депутатъ Іорданъ, до той поры вотировавшій за-одно съ лѣвой стороною, возвысилъ свой голосъ въ пользу позенскихъ Нѣмцевъ: онъ доказывалъ, что было-бы стыдно и несправедливо приносить своихъ нѣмецкихъ братьевъ въ жертву иностранному народу, считающему ихъ своими смертельными врагами, что раздѣлъ Польши былъ послѣдствіемъ ея гнилаго государственнаго устройства, что завоеванія Нѣмцевъ на Вислѣ и Вартѣ были не завоеваніями меча, а завоеваніями плуга; когда ему замѣтили, что возстановленная Польша будетъ служить для Германіи охраной отъ Россіи, онъ отвѣчалъ, что Германія достаточно сильна, чтобы не нуждаться въ чужой помощи, и что болѣе вѣроятенъ союзъ Поляковъ съ Русскими. Послѣ этой рѣчи уже нельзя было сомнѣваться въ результатѣ преній. Національное собраніе рѣшило принять въ свой составъ двѣнадцать депутатовъ отъ нѣмецкой части Позена и временно утвердить проведенную генераломъ Пфюлемъ пограничную черту, которая раздѣляла Позенъ на двѣ части—нѣмецкую и польскую. Дополнительное предложеніе лѣвой «признать раздѣлъ Польши постыднымъ несчастіемъ» было устранено на томъ основаніи, что здѣсь идетъ рѣчь о такомъ историческомъ фактѣ, который не подлежитъ разсмотрѣнію національнаго собранія.

2. Пруссія и Франкфуртъ.

Настроение
умовъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ засѣдавшее въ церкви св. Павла, національное собраніе имѣло смѣлость создать по собственному почину центральную власть, нельзя было не замѣтить нѣкоторой раздражительности со стороны Пруссіи. Въ Берлинѣ стали относиться съ недовольствомъ и съ недовѣріемъ ко всему, что происходило во Франкфуртѣ; тамъ опасались, что съ возрожденіемъ Германіи придетъ въ упадокъ Пруссія, и нисколько не заботились о выработкѣ германской конституціи, потому что хотѣли прежде всего издать конституцію для самихъ себя, а большинство членовъ франкфуртскаго собранія относилось очень безучастно къ либеральнымъ стремленіямъ прусскаго сейма и даже приписывало нѣкоторыя революціонныя вспышки прусскому вліянію. Эта раздражительность еще усилилась вслѣдствіе того, что въ южной Германіи нѣкоторые ораторы и публицисты на-

падали на Пруссію съ сильнымъ озлобленіемъ; поэтому иногда казалось, что результатомъ всѣхъ важныхъ переворотовъ будетъ не объединеніе Германіи, а усиленіе внутреннихъ раздоровъ и стремленій къ партикуляризму. Такое опасеніе возникло въ особенности 7 августа 1848, когда лѣвая сторона внесла предложеніе объ обнародованіи амнистіи и о дозволеніи вступить въ составъ національнаго собранія Фридриху Геккеру, избранному въ Тіенгенъ. Большинство было того мнѣнія, что человѣкъ, «пытавшійся водрузить знамя грубой силы въ замѣнъ легальнаго порядка», не можетъ засѣдать въ такомъ собраніи, которому нѣмецкій народъ поручилъ создать національное единство и упрочить свободу «путемъ совѣщаній, сдержанности, благоразумія, терпѣнія». Но лѣвая сторона не раздѣляла этого мнѣнія и выразила свое одобреніе депутату Brentano, отозвавшемуся о принцѣ Прусскомъ, какъ о такомъ человѣкѣ, который стоитъ на ряду съ бывшимъ вождемъ баденскихъ волонтеровъ. Тогда поднялся въ собраніи страшный шумъ: одни требовали призыва къ порядку, другіе протестовали противъ этого требованія, такъ что пришлось закрыть засѣданіе. На слѣдующій день президентъ собранія призвалъ Brentano къ порядку; тогда снова поднялся шумъ, такъ что президентъ былъ вынужденъ закрыть засѣданіе на короткое время и удалить изъ галлерей публику. Этой сцены не могли позабыть въ Пруссіи не смотря на то, что собраніе выразило своимъ голосованіемъ неодобреніе оратору. Мечты о будущемъ величіи Германіи на время заглушили стремленія къ партикуляризму только тогда, когда администраторъ имперіи и вмѣстѣ съ нимъ почти половина членовъ національнаго собранія отпраздновали въ Кёльнѣ, чтобъ праздновать отстройку мѣстнаго собора и тамъ встрѣтились съ Прусскимъ королемъ. Поѣздка по Рейну, сопровождавшаяся радостными возгласами народной толпы, и устроенное вслѣдъ за тѣмъ празднество пробудили въ Нѣмцахъ самыя свѣтлыя надежды. Однако король Фридрихъ Вильгельмъ не пропустилъ этого удобнаго случая, чтобъ напомнить членамъ національнаго собранія, что въ Германіи еще есть монархи и что самъ онъ принадлежитъ къ ихъ числу.

Празднество
въ Кёльнѣ.
Авг. 1848.

Разладъ между Франкфуртомъ и Берлиномъ достигъ высшей степени, когда распространилось извѣстіе, что прусское правительство, улаживая съ Даніей разрѣшеніе шлезвигъ—гольштинскаго вопроса, не исполнило выраженнаго національнымъ собраніемъ желанія, чтобъ при заключеніи мирнаго договора оставались ненарушимыми прежнія права герцогствъ, а вмѣстѣ съ ними и уваженіе къ Германіи,—что перемиріе, заключенное 26 августа въ Мальмё, заключало въ себѣ унижительныя и невыгодныя условія, такъ какъ отмѣнило всѣ законы и предписанія, изданные въ Шлезвигъ-Гольштиніи послѣ 17 марта, замѣнило временное правительство новымъ, составленнымъ изъ четырехъ лицъ по взаимному соглашенію между Пруссіей и Да-

Перемиріе въ
Мальмё.

26 авг.

ніей, и отдѣлило шлезвигскія войска отъ гольштинскихъ. Негодова-
ніе еще усилилось во Франкфуртѣ, когда тамъ узнали, что во главѣ
этого новаго правительства и соединенныхъ герцогствъ будетъ по-
ставленъ одинъ изъ самыхъ ревностныхъ поборниковъ централизаціи
датскихъ владѣній, графъ Карлъ Мольтке, что въ заключенномъ съ Даніей
договорѣ вовсе нѣтъ рѣчи о франкфуртской центральной правитель-
ственной власти, но что Пруссія дѣйствовала отъ имени германскаго
4 сент. союза. Когда въ національномъ собраніи зашла рѣчь о перемиріи, не
только лѣвая сторона воспротивилась утвержденію заключеннаго дого-
вора, противъ него возсталъ даже членъ праваго центра Дальманнъ, по-
святившій интересамъ Шлезвига «лучшія силы своей молодости и
неизмѣнную преданность зрѣлыхъ лѣтъ»; онъ напомнилъ собранію
о правахъ Шлезвига и о чести Германіи и предложилъ отвергнуть
заключенное перемиріе и пріостановить отступление союзныхъ войскъ.
5 сент. Это предложеніе было утверждено незначительнымъ большинствомъ
голосовъ, но его исполненіе встрѣтило непреодолимые затрудненія.
Все имперское министерство, высказавшееся за соблюденіе переми-
рія, вышло въ отставку, а такъ какъ ни Дальманнъ, ни который либо
изъ другихъ противниковъ заключеннаго договора не были въ со-
стояніи составить новое министерство, то было потрачено на бесплод-
ныя совѣщанія нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ прусскія войска
начали отступление и такимъ образомъ фактически исполнили усло-
вія договора. А такъ какъ въ то-же время возникли слухи, что
графъ Мольтке не приметъ предложенной ему должности и что Данія
согласится на нѣкоторыя уступки, то и взаимныя отношенія по-
литическихъ партій стали мало по малу измѣняться. Менѣе упорные
противники перемирія стали переходить на сторону противоположной
партіи въ виду матеріальнаго вреда, который причинило-бы возобнов-
леніе войны населенію приморскихъ провинцій, въ виду трудности
съ успѣхомъ продолжать войну безъ содѣйствія Пруссіи, и въ осо-
бенности изъ опасенія, что продолженіе войны обратилось-бы въ
пользу зачинщиковъ революціонныхъ переворотовъ и враговъ обще-
14—17 сент. ственнаго порядка. Послѣ новой трехъ-дневной парламентской борьбы,
1848. во время которой даже шлезвигскіе депутаты высказывались за ут-
вержденіе перемирія, Карлъ Фогтъ склонилъ колеблющихся членовъ
лѣвой стороны къ миролюбивому рѣшенію, а Винке и Лихновскій
убѣдили членовъ правой стороны въ необходимости дѣйствовать за-
одно съ Пруссіей и прекратить борьбу между политическими партіями;
тогда было отмѣнено прежнее отрицательное рѣшеніе и было одобрено
исполненіе условій перемирія; но при этомъ центральное правитель-
ство выразило желаніе, чтобъ въ условіяхъ договора были сдѣланы
Сентябрьскіе необходимыя измѣненія и чтобъ скорѣе были начаты мирные переговоры.
беспорядки во Мирнолюбивыя слова Лихновскаго были его лебединою пѣснью. Ос-
Франкфуртѣ. корбительное для національнаго достоинства рѣшеніе соблюдать пере-

миріе доставило партіи движенія благовидный предлогъ для возобновленія мартовскихъ революціонныхъ попытокъ. Приверженцы красной республики вовсе не заботились объ интересахъ Шлезвигъ-Гольштейнѣ; ихъ газеты безпрестанно насмѣхались надъ разыгравшейся тамъ кровавой комедіей; но они спѣшили воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобъ нанести тяжелый ударъ національному собранію, такъ какъ теперь могли прикрывать свои революціонные замыслы ссылками на патріотизмъ и на оскорбленную честь націи. На народной сходкѣ вблизи отъ Франкфурта (на Pfingstweide) одинъ изъ членовъ лѣвой стороны доказывалъ необходимость говорить на такомъ языкѣ, который «ломаетъ кости»; тамъ было организовано сопротивление національному собранію и было до крайности возбуждено волненіе умовъ. Подготовкой къ нанесенію рѣшительнаго удара національному собранію должно было служить шумное представленіе адреса, въ которомъ большинство парламента обвинялось въ государственной измѣнѣ и приглашалось удалиться изъ собранія. Такъ какъ исполненію этого намѣренія воспротивились вызванные изъ Майнца войска, то республиканцы прибѣгнули, при содѣйствіи пролетаріевъ, къ постройкѣ баррикадъ и къ открытому возстанію, которое хотя и было скоро подавлено войсками, но сопровождалось страшными злодѣяніями: Лихновскій и генераль Ауерсвальдъ, выѣхавшіе изъ города, были узнаны толпою черни, которая бросилась преслѣдовать ихъ; они укрылись въ домѣ садовника на Bornheimer Heide; но ихъ силой вытащили оттуда и умертвили съ звѣрской жестокостью. Ауерсвальдъ былъ храбрый солдатъ, никогда не измѣнявшій требованіямъ долга и чести и происходившій отъ стариннаго знатнаго рода. Князь Лихновскій былъ молодой человѣкъ рыцарскаго характера съ нѣкоторыми признаками склопности къ романтическимъ причудамъ; онъ былъ очень даровитъ и обладалъ увлекательнымъ даромъ слова. Гекшеръ, бывшій въ то время министромъ иностранныхъ дѣлъ, лишь съ трудомъ избѣгнулъ такой-же печальной участи. Даже въ средѣ національнаго собранія раздавались легкіе отголоски возстанія.

18 сент.

Франкфуртскіе сентябрьскіе дни измѣнили характеръ дѣятельности національнаго собранія. Они положили конецъ прежнимъ радостнымъ надеждамъ и прежнему воодушевленію. И серьезная рѣчь денутата Рюге и призывы къ примиренію и къ единодушію, которыми президентъ открылъ слѣдующее засѣданіе, имѣли лишь непродолжительное вліяніе; съ тѣхъ поръ обострился разладъ между политическими партіями. Министерство, которымъ руководилъ Шмерлингъ, ввело во Франкфуртѣ осадное положеніе; былъ изданъ законъ, охранявшій національное собраніе отъ повторенія революціонныхъ посягательствъ на его самостоятельность; войскамъ была объявлена благодарность; франкфуртскій судъ потребовалъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ трехъ членовъ парламента, поощрявшихъ народъ къ

возстанію, а національное собраніе исполнило это требованіе. Всё это раздражало демократовъ и расширяло пропасть, отдѣлявшую лѣвую сторону собранія отъ правой. Намѣреніе обратиться съ увѣщаніями къ народу было отложено въ сторону, потому что лѣвая сторона грозила обнародованіемъ своего протеста. Этотъ усиливавшійся разладъ парализовалъ дѣятельность парламента и препятствовалъ постановленію такихъ рѣшеній, которыя могли-бы производить впечатлѣніе единодушіемъ или значительнымъ большинствомъ поданныхъ за него голосовъ. Лѣвая сторона, прежде отстаивавшая исключительное верховенство національнаго собранія, была такъ раздражена безуспѣшными усиліями подчинить это собраніе своему вліянію, что стала все болѣе и болѣе сближаться съ приверженцами партикуляризма. Результатомъ этой борьбы было усиленіе реакціи; люди умѣренныхъ мнѣній сначала смотрѣли на реакцію, какъ на защитницу отъ безмѣрныхъ притязаній демократіи; но она скоро перестала стѣсняться постановленіями учредительныхъ собраній и заставила сомнѣваться въ прочности достигнутыхъ въ то бурное время полезныхъ нововведеній. Самые сильные раздоры въ средѣ франкфуртскаго собранія были вызваны событіями въ Берлинѣ и въ Вѣнѣ.

3. Учредительное національное собраніе въ Берлинѣ.

Учредительное Франкфуртское національное собраніе привлекло къ себѣ всѣхъ собраніе и самыхъ выдающихся политическихъ дѣятелей Германіи, такъ что ос-
уличная демо- тальные учредительные рейхстаги и ландтаги, собиравшіеся въ дру-
кратія въ Бер- гихъ частяхъ страны, носили на себѣ слѣды истощенія умственныхъ
линѣ. силъ націи. Собраніе, созванное въ Берлинѣ для выработки прус-
скихъ государственныхъ учрежденій, также нерѣдко увлекалось гос-
подствовавшими въ данную минуту стремленіями. Такъ какъ по спо-
собу избранія своихъ членовъ оно было демократическимъ, то оно
подчинялось вліянію берлинскаго «парода», сдѣлавшагося, со вре-
мени удаленія войскъ, полнымъ хозяиномъ въ прусской столицѣ,
а во время безцѣльныхъ толковъ и преній о своихъ радикально-демо-
кратическихъ учрежденіяхъ нерѣдко теряло изъ виду свою главную
цѣль. Вмѣсто того, чтобъ немедленно подвергнуть обсужденію состав-
9 іюня 1848. ленный правительствомъ проектъ конституціи, заключавшій въ себѣ
всѣ гарантіи свободной государственной жизни, собраніе раздражило
народныя страсти, приступивши къ обсужденію предложенія объявить,
что всѣ сражавшіеся во время мартовскаго возстанія заслужили бла-
годарность отечества; когда это предложеніе было утверждено не во
всемъ своемъ объемѣ, чернь, руководимая туземными и иностранными
демократами, пришла въ такую ярость, что осыпала угрозами и ос-
корбленіями министра Генриха Арнима и пастора Сидова во время.

нихъ выхода изъ зданія парламента. Тогда была составлена коммиссія для выработки новаго проекта конституціи и было потрачено дорогое время на бесполезныя пренія о правахъ франкфуртскаго національнаго собранія, о его отношеніяхъ къ нѣмецкимъ правительствамъ и сеймамъ, и о томъ, слѣдуетъ-ли или не слѣдуетъ обратиться къ королю съ адресомъ. Въ то время, какъ разнузданная народная масса возбуждала въ столицѣ общее негодованіе своими дерзкими насиліями, а взятіе приступомъ арсенала и злоупотребленія свободой свидѣтельствовали о совершенной одичалости низшихъ слоевъ населенія, берлинское національное собраніе не соглашалось ни на какія легальныя ограниченія демократической свободы и допустило къ участию въ своихъ засѣданіяхъ только что выпущеннаго изъ тюрьмы революціонера, который прежде сражался на баррикадахъ, а теперь былъ выбранъ депутатомъ. Законъ о правѣ составлять разныя общества и о личной неприкосновенности обезпечилъ самую широкую свободу; при обсужденіи закона о гражданской милиціи была сдѣлана попытка расшатать организацію прусской арміи; введеніе городскихъ (полисменовъ) показалось вожакамъ демократіи слишкомъ большимъ стѣсненіемъ въ такое время, когда толпы черни («шалопаевъ») хозяйничали на городскихъ улицахъ. При такомъ положеніи дѣлъ отмѣна смертной казни была преждевременнымъ нововведеніемъ, хотя многіе и одобряли ее въ принципѣ.

14 іюня.

Такой образъ дѣйствій большинства прусскаго національнаго собранія былъ-бы невысказанъ, если-бы министры дѣйствовали съ бо́льшей энергіей и если-бы дворъ и военная партія не заняли, по отношенію къ собранію, сначала двумысленнаго, а потомъ вызывающаго положенія. Армія обнаруживала недовольство; офицеры открыто высказывали свое отвращеніе къ новой эрѣ; въ этихъ сферахъ съ презрѣніемъ относились къ черно-красно-золотой кокардѣ. Вслѣдствіе отмѣны исключительнаго права охоты и вслѣдствіе изданія закона объ урегулированіи отношеній между землевладѣльцами и крестьянами дворянство стало съ ожесточеніемъ противиться новымъ стремленіямъ, несмотря на то, что обѣ мѣры могли считаться натуральными послѣдствіями законодательной дѣятельности Штейна и Гарденберга. Въ виду такого настроенія умовъ депутаты стали все ближе сближаться съ демократами и все болѣе расширять пропасть между національнымъ собраніемъ и правительствомъ. Столкновеніе между гражданской милиціей и войскомъ въ Швейдницѣ, окончившееся кровопролитіемъ, послужило поводомъ не только для того, чтобъ на словахъ осыпать офицеровъ упреками за ихъ враждебныя отношенія къ гражданамъ, но и для постановленія рѣшенія, что военный министръ долженъ издать приказъ, запрещающій офицерамъ заниматься реакціонными происками. подобно тому, какъ это уже ранѣе было запрещено гражданскимъ должностнымъ лицамъ. Министерство Рудольфа

Реакціонеры
и демократы.

1 авг. 1848.

Ауерсвальда, въ составъ котораго входили Ганземаннъ и Родбертусъ, подало въ отставку послѣ пребыванія во власти лишь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и было замѣнено нѣсколько болѣе энергичнымъ министерствомъ подъ предсѣдательствомъ генерала Пфюля. Когда зашла рѣчь объ изданіи такого закона, который ограждалъ-бы національное собраніе отъ вліянія народной массы, лѣвая сторона добилась постановленія рѣшенія, что собраніе «ставитъ себя подъ защиту народа», а послѣдствіемъ этого было только то, что этотъ народъ отблагодарилъ членовъ собранія самыми грубыми оскорбленіями. Во время обсужденія самыхъ важныхъ вопросовъ, вооруженныя толпы народа собиравлись подъ предводительствомъ клубныхъ вожаковъ вокругъ зданія парламента для того, чтобъ вліять на подачу голосовъ. Когда собраніе наконецъ приступило къ исполненію своей главной задачи—къ обсужденію проекта конституціи, вспыхнула такая горячая парламентская борьба, которая не позволяла ожидать успѣшнаго исхода преній. Лѣвая сторона возставала противъ употребленія титула «король Пруссіи» и противъ формулы «Милостію Божіей» и «осмѣивала глубокомысленныя государственныя учрежденія». Въ позенскомъ вопросѣ, большинствомъ только одного голоса было отвергнуто предписанное правительствомъ раздѣленіе провинціи на двѣ части посредствомъ проведенія между ними пограничной линіи; этимъ было отмѣнено и постановленіе франкфуртскаго національнаго собранія, къ которому берлинскій парламентъ, очевидно, относился какъ къ своему сопернику; было рѣшено уничтожить дворянское званіе, титулы и ордена. При этомъ совершенно терялись изъ виду существующія монархическія учрежденія, несмотря на то, что число настоящихъ республиканцевъ было невелико. Когда въ Берлинъ пришло извѣстіе о вѣнскихъ октябрьскихъ событіяхъ, —

10 сент. съ которыми мы скоро познакомимся, — вождь лѣвой стороны Вальдекъ предложилъ обратиться къ имперскому министерству съ требованіемъ, чтобъ оно употребило всѣ находящіяся въ распоряженіи государства средства и силы для охраны нарушенныхъ въ Вѣнѣ народныхъ правъ. Во время преній, толпы народа окружали зданіе собранія, съ угрозами указывали нелюбимымъ депутатамъ на свои ножи и веревки и даже оказали сопротивленіе гражданской милиціи, вызванной для охраны собранія.

23 окт. Тогда король и его приближенные твердо рѣшились принять мѣры противъ возобновленія такихъ безчинствъ. Къ этому поощряло ихъ и торжество реакціи въ Вѣнѣ. Министерство Пфюля было принуждено выйти въ отставку, а составленіе новаго министерства было поручено родственнику царствующаго дома, графу Бранденбургу. Это министерство «спасительной энергіи», душою котораго былъ министръ внутреннихъ дѣлъ Отто фонъ-Мантейфель, окончательно составилось 9 ноября; его первымъ дѣломъ было изданіе королевскаго посланія,

31 окт. 1848. Перенесеніе собранія въ Бранденбургъ и отказъ отъ уплаты пода-тей.

5 ноября 1848.

въ которомъ говорилось, что, желая предохранить совѣщанія собранія отъ всякихъ запугиваній, король приказываетъ перенести засѣданія народныхъ представителей въ Бранденбургъ, а покуда отсрочиваетъ ихъ до 27 ноября. Лишь только собраніе узнало о назначеніи такихъ непріятныхъ для него министровъ, оно обратилось къ королю съ адресомъ съ цѣлію склонить его къ перемѣнѣ принятаго рѣшенія, а передовой боецъ за демократическую свободу, кѣнигсбергскій депутатъ Якоби, когда то смѣло нападавшій въ своей брошюрѣ Vier Fragen на господствующую систему правленія, (стр. 237), произнесъ слѣдующія слова, вручая королю адресъ: несчастіе королей заключается въ томъ, что они никогда не хотятъ выслушать правду; но всё это не могло измѣнить принятаго монархомъ рѣшенія. Собраніе тщетно протестовало противъ перенесенія своихъ засѣданій въ Бранденбургъ, тщетно оспаривало права короны на такую мѣру и заявляло, что отвѣтственные министры, поощравшіе короля на такой шагъ, нарушили свой долгъ по отношенію къ коронѣ, къ странѣ и къ національному собранію и неспособны завѣдывать дѣлами управленія; президентъ министерства воспретилъ всякія дальнѣйшія совѣщанія, а когда собраніе, полагаясь на преданную ему гражданскую милицію, не закрыло своихъ засѣданій, генералу Врангелю было приказано снова вступить въ столицу во главѣ 10 ноября. значительной арміи. За тѣмъ войска заняли домъ, гдѣ засѣдало собраніе; гражданская милиція была распущена, а когда протестовавшіе депутаты стали снова собираться на засѣданія въ другомъ мѣстѣ подъ предсѣдательствомъ Уиру, въ Берлинѣ было введено осадное 12 ноября. положеніе и было приказано отобрать у населенія оружіе; всѣ клубы и мѣста сходокъ были закрыты и былъ учрежденъ строгій полицейскій надзоръ. Депутаты, въ числѣ около 230, поклявшіеся, что подчинятся только вооруженной силѣ, оставались съ замѣчательной твердостью вѣрными своей клятвѣ: выгнанные изъ одного мѣста, они собирались въ другомъ, пока не были поставлены въ невозможность противиться долѣе, и пока спокойствіе обезоруженнаго народа не убѣдило ихъ въ безцѣльности ихъ протестовъ и ихъ сопротивленія; но прежде, чѣмъ разойтись, они рѣшились на очень 15 ноября 1848. опасную мѣру: они объявили, что министерство Бранденбурга не имѣетъ права собирать подати и расходовать государственныя деньги, пока національное собраніе не будетъ снова въ состояніи безопасно исполнять свои обязанности въ Берлинѣ. Это рѣшеніе, призывавшее всю страну къ пассивному сопротивленію, было основано на совершенно ошибочной оцѣнкѣ собственныхъ силъ собранія; хотя ные и превозносили мужество тѣхъ, кто отказывался отъ уплаты налоговъ, но подражаніе французскому національному собранію 1789 года, постоянно служившему образцомъ для крайней партіи, рѣдко встрѣчало одобреніе; и берлинскій народъ, спокойно относившійся къ

этимъ событіямъ, и прусскіе граждане, лишь за немногими исклю-
ченіями, не уклонявшіеся отъ уплаты податей, ясно доказывали, что
національное собраніе составило себѣ невѣрное понятіе о настрое-
ніи умовъ.

Франкфурт-
ское націо-
нальное со-
браніе и ми-
нистерство
Бранденбурга.

Берлинскія событія вызвали новую бурю во франкфуртскомъ на-
ціональномъ собраніи. Лѣвая, — съ трирскимъ депутатомъ Лудвигомъ
Симономъ и бреславльскимъ депутатомъ Генрихомъ Симономъ во
главѣ, — предложила собранію обратиться къ прусскому правительству
съ приглашеніемъ уволить министерство Бранденбурга, какъ не вну-
шавшее націи довѣрія, и отмѣнить противозаконное распоряженіе о
перемѣнѣ мѣста засѣданій берлинскаго собранія. Это предложеніе
поддерживалъ членъ лѣваго центра, тонкій діалектикъ Виденбургъ.
Напротивъ того, правая сторона, руководимая краснорѣчивымъ Випке,
постоянно державшимся «легальной почвы», отстаивала легальность
распоряженій прусскаго короля, оспаривала право франкфуртскаго
собранія требовать отмѣны тѣхъ распоряженій и увольненія мини-
стровъ и предложила переходъ къ очереднымъ дѣламъ. Большин-
ство комитета, поддерживаемое Бекератомъ, избрало середину между
тѣми двумя предложеніями: чтобъ удовлетворить желаніе націи безъ
нарушенія правъ короны, оно предложило обратиться къ прусскому
правительству съ просьбой отмѣнить распоряженіе о перенесеніи
засѣданій національнаго собранія въ Бранденбургъ лишь только
будутъ приняты достаточныя мѣры для обезпеченія свободы его
совѣщаній въ Берлинѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно выразило жела-
ніе, чтобъ Пруссійскій король окружилъ себя министрами, пользующи-
мися довѣріемъ страны, и способными охранять народныя вольности
отъ реакціонеровъ. Это предложеніе было принято 14 ноября, то-
есть наканунѣ того дня, когда въ Берлинѣ было рѣшено прекратить
уплату податей. Но прежде, чѣмъ оно было приведено въ исполне-
ніе, возвратился во Франкфуртъ государственный секретарь Бассер-
маннъ, который былъ отправленъ имперскимъ комиссаромъ въ Бер-
линъ, чтобъ выяснить отношенія Пруссіи къ центральному прави-
тельству и кстати постараться прекратить раздоры между прусскимъ
правительствомъ и прусскимъ національнымъ собраніемъ; сообщен-
ныя имъ свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Берлинѣ побудили большин-
ство парламентскихъ членовъ измѣнить ихъ прежнее мнѣніе. По его
словамъ, берлинское собраніе предъявило такія преувеличенныя и
высокомѣрныя требованія, что не было никакой возможности достиг-
нуть соглашенія; оно съ негодованіемъ отвергнуло предложеніе об-
ратиться къ центральному правительству, напротивъ того король
самымъ положительнымъ образомъ утверждалъ, что вовсе не имѣетъ
намѣренія урѣзывать права, предоставленныя народу во время мар-
товскихъ смутъ. Бассерманнъ такъ ярко охарактеризовалъ берлин-
скихъ уличныхъ демократовъ и ихъ вождей, что съ тѣхъ поръ вошло

14 ноября.

въ употребленіе въ устахъ народа шутливое выраженіе *Bassermannsche Gestalten* (Бассермановскіе типы). Послѣ того, правый центръ сталъ рѣшительно держать сторону короны. Но желаніе склонить лѣвый центръ къ болѣе умѣренному рѣшенію и стараніе сколько нибудь удовлетворить общественное мнѣніе, относившееся съ недовѣріемъ къ министрамъ Бранденбургу и Мантейфелю, побудили франкфуртское собраніе нарушить требованія благоразумія и тѣ «основные легальные принципы», которыхъ совѣтовалъ придерживаться Винке: по совѣту Риссера, оно стало придерживаться политики чувства, основанной «на томъ законѣ, который родился вмѣстѣ съ нами», и избрало середину между противоположными мнѣніями. Вновь поставленное рѣшеніе приглашало центральное правительство повліять въ Берлинѣ въ пользу назначенія новаго министерства, внушающаго довѣріе странѣ, объявляло противозаконнымъ прекращеніе уплаты податей и обѣщало охранять отъ всякихъ посягательствъ тѣ права и вольности, которыя были предоставлены и обѣщаны прусскому народу.

20 ноябръ
1848.

Это рѣшеніе свидѣтельствовало о стараніи франкфуртскаго собранія не сходить съ легальной почвы, но, какъ средство примиренія между двумя враждующими партіями, оно не вызвало признательности и одобренія. Демократы усматривали въ немъ измѣну народнымъ интересамъ, а прусское правительство было оскорблено выраженіемъ недовѣрія къ главнымъ совѣтникамъ короны и изданной вслѣдъ за тѣмъ рѣшеніемъ, прокламаціей администратора имперіи. Прусское министерство осталось на своемъ посту; возстанія демократовъ и опасныя волненія въ провинціяхъ саксонской, силезской, вестфальской и на берегахъ Рейна остались безъ всякаго вліянія; распущенный рейхстагъ снова открылъ свои засѣданія въ назначенный день въ бранденбургскомъ соборѣ. Но такъ какъ депутаты, подчинившіеся распоряженію правительства, не были достаточно многочисленны для постановленія рѣшеній, а нѣкоторые изъ членовъ оппозиціи явились въ собраніе только для того, чтобъ еще разъ протестовать противъ того распоряженія, то было рѣшено распустить собраніе; въ то-же время правительство само обнародовало проектъ конституціи, который слѣдовало предложить на разсмотрѣніе и утвержденіе будущаго законодательнаго собранія, состоящаго изъ двухъ палатъ. И эта «октроированная» конституція и избирательный законъ были составлены на демократической основѣ и во всѣхъ отношеніяхъ придерживались по мѣрѣ возможности самой либеральной точки зрѣнія; по мнѣнію трусливыхъ консерваторовъ, они даже чрезмѣрно принаравливались къ невоздержнымъ стремленіямъ того времени. При составленіи этого проекта правительство старалось какъ можно ближе придерживаться проекта законодательной комиссіи прусскаго національнаго собранія; оно включило въ свой проектъ

Распущеніе
берлинскаго
собранія и да-
рованная вер-
ховною властію
конституція.

5 дек. 1848.

частію самыя важныя изъ постановленій распущеннаго рейхстага, частію постановленія франкфуртскаго собранія объ основныхъ правахъ; кромѣ того, оно не отказывалось отъ обсужденія предложеній, которыя будутъ сдѣланы съ цѣлію соглашенія. Было рѣшено, что члены обѣихъ палатъ будутъ выбраны народомъ черезъ посредство выборщиковъ (путемъ непрямаго голосованія) только съ тѣмъ различіемъ, что въ верхнюю палату дозволялось выбирать людей съ установленнымъ имущественнымъ цензомъ и болѣе зрѣлаго возраста, а выборъ членовъ нижней палаты не стѣснялся никакими условіями. Поэтому общественное мнѣніе скоро примирилось съ предложенной конституціей; даже демократы перестали протестовать противъ новыхъ порядковъ, оказывавшихся, противъ всякаго ожиданія, благоприятными для нихъ, и стали готовиться къ новой избирательной борьбѣ. Прусская корона выказала свою силу; но, послѣ одержанной побѣды, она великодушно предоставила народу самыя широкія права въ видѣ добровольнаго дара. Такимъ образомъ, роковой 1848 годъ истекъ для Пруссіи среди радостныхъ надеждъ.

4. Австрійскій сеймъ и положеніе дѣлъ въ Вѣнѣ.

Внѣшній видъ сейма. Въ маѣ 1848 года, въ то время, какъ императоръ Фердинандъ еще находился въ Иннсбрукѣ, начались выборы въ австрійскій учредительный сеймъ на основаніи всеобщей подачи голосовъ, а въ іюнѣ этотъ сеймъ уже могъ открыть свои засѣданія (стр. 310). Онъ представлялъ очень странное зрѣлище: депутаты отъ самыхъ разнообразныхъ племенъ и сословій, — въ томъ числѣ тридцать два крестьянина изъ Галиціи, неумѣвшихъ ни читать ни писать, не понимавшихъ нѣмецкаго языка и одѣтыхъ въ полотняныя или въ волосяныя блузы, напоминавшія жителей степей, — собрались для составленія общей имперской конституціи, о значеніи которой лишь немногіе имѣли ясное понятіе. Такъ какъ въ этомъ собраніи были неизбѣжны раздоры не только по причинѣ несходства политическихъ убѣжденій, но также по причинѣ несходства національныхъ интересовъ и глубоко укоренившейся племенной вражды, то развѣ отъ него можно было ожидать выработки такой конституціи, которая была-бы пригодна для всѣхъ составныхъ частей австрійской имперіи, столь несходныхъ между собою по происхожденію населенія, по мѣстнымъ учрежденіямъ и потребностямъ? То было въ натурѣ вещей, что это предпріятіе не могло увѣнчаться успѣхомъ даже въ томъ случаѣ, еслибы положеніе столицы и имперіи было менѣе затруднительнымъ и запутаннымъ, чѣмъ въ то время. Въ Италіи велась война; въ Богеміи и въ Венгріи вспыхнули возстанія; на окраинахъ имперіи обнаруживалось сильное волненіе умовъ; въ Вѣнѣ нарушали внутрен-

нее спокойствіе анархисты; государственное хозяйство находилось въ разстройствѣ, а денежная нужда была такъ велика, что въ теченіе многихъ мѣсяцевъ былъ запрещенъ вывозъ звонкой монеты и пускались въ обращеніе бумажныя деньги по очень низкой цѣнѣ. Какъ могло, при этихъ условіяхъ, имѣть успѣхъ такое предпріятіе, для котораго были необходимы внутреннее спокойствіе, порядокъ и осмотрительность? Впрочемъ, сеймъ въ сущности и не приступалъ къ исполненію своей задачи: онъ не былъ въ состояніи противиться вліянію внѣшнихъ событій и потому безпрестанно прерывалъ ходъ преній разсмотрѣніемъ неожиданно возникавшихъ вопросовъ и требованіями объясненій отъ министровъ.

Вмѣсто министерства Пиллерсдорфа было составлено новое мини- Законодатель-
стерство подъ предсѣдательствомъ Вессенберга; въ немъ были са- ния работы.
мыми вліятельными членами министръ внутреннихъ дѣлъ Добльгоффъ,
военный министръ Латуръ, министръ публичныхъ работъ Шварцеръ
и министръ торговли Горнбостель; за тѣмъ были торжественно от-
крыты 22 іюля засѣданія сейма. Но его совѣщанія скоро приняли 1848.
бурный характеръ, несмягчившійся и послѣ полу-вынужденнаго воз-
вращенія императора и отчасти соотвѣтствовавшій сильному возбуж- 12 авг.
денію страстей въ низшихъ слояхъ столичнаго населенія. Въ осо-
бенности предложеніе депутата Кудлиха отмѣнить обязательныя ра-
боты и личныя повинности крестьянъ послужило поводомъ для
упорной борьбы и для бурныхъ вспышекъ. Это предложеніе, имѣв-
шее одинакую цѣль съ старымъ постановленіемъ французскаго учре-
дительнаго собранія отъ 4 августа, имѣло въ виду отмѣну всѣхъ
феодалныхъ повинностей и упраздненіе всѣхъ помѣщичьихъ правъ
безъ всякаго за нихъ денежнаго вознагражденія. Вслѣдствіе без-
численныхъ въ немъ улучшеній оно разрослось въ настоящее «пар-
ламентское чудовище»; послѣ четырехъ-недѣльныхъ преній его со-
держаніе было смягчено тѣмъ, что за отмѣну нѣкоторыхъ, но не
всѣхъ, повинностей было назначено денежное вознагражденіе; тѣмъ 31 авг.
не менѣе, утвержденное императоромъ 9 сентября постановленіе
сейма было важнымъ по своимъ послѣдствіямъ нарушеніемъ матері-
альныхъ интересовъ и австрійскихъ землевладѣльцевъ и тѣхъ, у кого
были отняты феодальныя права.

Этотъ законъ нельзя было немедленно приводить въ исполненіе какъ по при-
чинѣ чрезвычайнаго разнообразія лежавшихъ на крестьянахъ податей и лич-
ныхъ повинностей, такъ и по причинѣ разстройства государственныхъ финан-
совъ, неспособныхъ удовлетворять требованія вознагражденія. Но онъ имѣлъ
то достоинство, что, совершенно измѣняя прежнія отношенія между зем-
левладѣльцами и крестьянами, избавлялъ этихъ послѣднихъ отъ прежнихъ
угнетеній и обезпечивалъ имъ личную свободу, пользованіе политическими
правами и возможность пріобрѣтать недвижимую собственность, необло-
женную тяжелыми личными повинностями. — И при пересмотрѣ закона о
рекрутскихъ наборахъ сеймъ придерживался принципа равенства всѣхъ со-

словій передъ закономъ,—отмѣнили освобожденіе дворянства отъ военной службы, сократили срокъ этой службы съ восьми лѣтъ на пять и обратились къ правительству съ приглашеніемъ отмѣнить укоренившееся обыкновение предоставлять занятіе офицерскихъ должностей исключительно дворянамъ.—Также очень бурны были пренія о финансовомъ управленіи и о способѣ утвержденія податей и займовъ; но депутаты еще не успѣли приступить къ совѣщаніямъ касательно основныхъ законовъ, когда совершился переворотъ, имѣвшій рѣшающее вліяніе на судьбу самого сейма.

Анархія и на-
родныя воз-
станія въ
Вѣнѣ.

Во время совѣщаній сейма, въ столицѣ происходили непрерывныя волненія. Низшіе классы населенія, всегда стремящіеся въ большихъ городахъ къ нововведеніямъ, всегда недовольные и добывающіе средства существованія только трудомъ, были доведены до отчаяннаго положенія застоємъ въ торговлѣ и въ промышленности и выѣздомъ многихъ богатыхъ семействъ изъ Вѣны. Это положеніе, представлявшее рѣзкую противоположность съ тѣмъ матеріальнымъ благосостояніемъ, котораго ожидали бѣдняки отъ революціи, доставило радикальнымъ народнымъ ораторамъ и писателямъ удобный случай, чтобъ устраивать рабочіе союзы, произносить поджигательныя рѣчи, распространять революціонныя брошюры и этимъ способомъ возбуждать постоянное волненіе въ народныхъ массахъ, которыя оставались при прежней системѣ управленія въ глубокомъ невѣжествѣ и не умѣли отличать правды отъ лжи. Ни комитетъ общественнаго спокойствія съ организованной имъ охранительной стражей, ни составленный изъ студентовъ легионъ, ни вѣнская національная гвардія не обпаруживали достаточной энергіи въ своихъ попыткахъ прекратить безчипства праздныхъ пролетаріевъ: всѣ они состояли большею частію изъ демократовъ, или заботившихся объ интересахъ рабочаго сословія или опасавшихся утратить свою популярностъ, а вмѣстѣ съ нею и свое вліяніе. Эти опасенія и разномысліе въ средѣ либеральной партіи парализовали обязательную силу тѣхъ учреждений, которыя были введены во время революціи для того, чтобъ удерживать ее отъ преувеличеній. Толпы пролетаріевъ стали пріобрѣтать все болѣе и болѣе сильное политическое вліяніе; они противились набору добровольцевъ въ итальянскую армію для того, чтобъ сами они не уменьшались числомъ; они вынудили отъ правительства устройство общественныхъ работъ, сами назначили размѣръ подѣнной платы и своими угрозами препятствовали всякой попыткѣ понизить его. Успѣхъ увеличивалъ ихъ смѣлость и наглость. Когда доставка нищимъ работы стала угрожать государству и общинамъ такими расходами, которыя были имъ не по силамъ, министръ Шварцеръ уменьшилъ заработную плату на пять крейцеровъ. Послѣдствіемъ этой мѣры были кровавыя сцены: многочисленныя толпы народа собрались въ Пратерѣ, съ разными торжественными церемоніями похоронили глиняную куклу, изображавшую

министра Шварцера, совершили насилие надъ двумя полицейскими и попытались съ страшнымъ шумомъ проникнуть въ городъ; но онѣ встрѣтились при входѣ въ городъ съ отрядомъ національной гвардіи; вслѣдъ за задорными вызовами и брошенными камнями возникла кровопролитная борьба, окончившаяся тѣмъ, что шестеро рабочихъ были убиты и многіе были ранены. Эту борьбу выдержали, ради охраненія общественнаго спокойствія, сами граждане безъ содѣйствія войскъ; ея ближайшими послѣдствіями были многочисленныя аресты, прекращеніе общественныхъ работъ и добровольный выходъ въ отставку членовъ комитета общественнаго спокойствія. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль возникли новыя волненія вслѣд- 11. 12 сент. ствіе того, что одно самовластно образовавшееся промышленное 1848. общество выпустило множество акцій, но скоро утратило всякій кредитъ и не могло возратить мелкимъ промышленникамъ ихъ денежныхъ вкладовъ. Не смотря на успокоительныя обѣщанія министра Добльгоффа произвести слѣдствіе и уладить дѣло, волненіе перешло въ грозное возстаніе, которымъ надѣялись воспользоваться демократы и студенты, чтобъ снова организовать комитетъ общественнаго спокойствія и добиться перемѣны министерства. Но исполненію этихъ замысловъ воспрепятствовалъ энергическій образъ дѣйствій войскъ. Возстаніе, во время котораго сеймъ непрерывалъ своихъ засѣданій, не имѣло вредныхъ послѣдствій, а для облегченія положенія промышленниковъ былъ разрѣшенъ министерству кредитъ въ два милліона.

Событія въ Венгріи, о которыхъ будетъ итти рѣчь далѣе, возбу- Октябрьскіе дили въ Вѣнѣ страшное волненіе. Банъ Кроаціи Іеллачичъ уже дав- дни въ Вѣнѣ. вно велъ борьбу съ Мадыярами при тайномъ содѣйствіи вѣнскаго двора и австрійскаго правительства. Сеймъ, въ которомъ Чехи и другіе Славяне относились враждебно къ Венгерцамъ, не принялъ мадыарскую депутацію, просившую его посредничества; изъ перехваченныхъ писемъ сдѣлалось извѣстнымъ, что военный министръ Латуръ дѣйствовалъ по соглашенію съ Іеллачичемъ; графъ Ламбергъ, отправленный въ Венгрію въ качествѣ императорскаго комиссара и главнокомандующаго, былъ умерщвленъ разъяренной чернью на мосту въ Пештѣ. Тогда былъ изданъ императорскій манифестъ съ 28 сент. объявленіемъ войны, а одной части стоявшихъ въ Вѣнѣ войскъ было дано приказаніе двинуться въ Венгрію. Это послужило поводомъ для возстанія, далеко превосходившаго всѣ прежнія возстанія и размѣрами и ожесточеніемъ. Вѣнскіе жители, въ особенности студенческій легіонъ, воспитанники политехнической школы и часть національной гвардіи попытались силою воспротивиться удаленію войскъ: они разрушили часть желѣзной дороги, завладѣли нѣсколькими пушками и вступили въ кровопролитную борьбу съ войсками, во время которой были убиты одинъ генералъ и нѣсколько офице-

ровъ и солдатъ. Демократическіе клубы дѣйствовали съ усиленной энергіей; рабочіе и массы простонародья, вооруженнаго пиками и кольями, толпились на улицахъ и площадяхъ. Мятежь распространился по всему городу; повсюду сооружались баррикады; войска, нежелающія войны съ Венгріей, частію переходили на сторону народа, частію оказывали ему слабое сопротивленіе. Самая упорная борьба происходила въ церкви св. Стефана и подлѣ военного министерства; тамъ земля была устлана трупами. Зданіе военного министерства было, наконецъ, взято приступомъ; тогда туда проникла громадная толпа народа, отыскивавшая министра, графа Латура; она обыскала громадныя апартаменты гигантскаго четырехъ-этажнаго зданія, наконецъ нашла Латура спрятавшимся въ четвертомъ этажѣ. Она стащила его внизъ, не обращая никакого вниманія на его мольбы о пощадѣ; ударъ тяжелымъ молоткомъ раскрылъ ему черепъ и онъ испустилъ духъ подъ ударами саблей и пикъ, а народъ до того дошелъ въ своей ярости, что сорвалъ съ убитаго одежду, завернулъ его трупъ въ тряпки и повѣсилъ его на фонарномъ столбѣ. За тѣмъ мятежная толпа съ дикими криками и при звонѣ въ набатъ устремилась къ арсеналу съ цѣлю раздать плохо-вооруженнымъ пролетаріямъ хранившееся тамъ оружіе. Но двѣ роты польскихъ войскъ оказали нападавшимъ упорное сопротивленіе. Въ теченіе всей ночи мятежники безуспѣшно осыпали зданіе пушечными ядрами и ружейными пулями и старались поджечь его. Только къ утру, когда войска отступили, чернь ворвалась въ зданіе и стала расхищать богатые запасы оружія всякаго рода; наконецъ, отрядъ изъ студентовъ и національной гвардіи положилъ конецъ этимъ безчинствамъ.

Отъѣздъ им- Эти событія произвели потрясающее впечатлѣніе на жившаго въ
ператора въ Шёнбруннѣ императора и побудили его искать болѣе безопаснаго
Ольмюцъ. убѣжища. Онъ издалъ манифестъ, въ которомъ выражалъ сожалѣніе
о томъ, что всѣ его старанія снискать любовь своихъ подданныхъ
остались безплодными, и объявлялъ, что, желая придти на помощь
своему угнетенному народу, покидаетъ окрестности столицы, гдѣ
анархія дошла до самыхъ ужасныхъ безчинствъ; за тѣмъ онъ вы-
7 окт. 1848. ѣхалъ изъ Шёнбрунна подъ военнымъ конвоемъ и прибылъ въ мо-
равскій городъ Ольмюцъ, который былъ выбранъ резиденціей для
императорскаго двора. Отъѣздъ императора послужилъ сигналомъ
для похожихъ на бѣгство выселеній изъ столицы. Знатные и зажиточные
жители стали тысячами выѣзжать изъ Вѣны; въ замѣнъ ихъ
стали туда массами стекаться революціонеры и анархисты. Со вре-
мени трагической смерти Латура министерство распалось; двое изъ
его членовъ спаслись бѣгствомъ, а третій—Горнбостель былъ вызванъ
императоромъ въ Ольмюцъ; только министръ Краусъ не покинулъ
своего опаснаго поста. Президентъ сейма Штробахъ и большая
часть депутатовъ разбѣжались; остальные депутаты постоянно

собирались на засѣданія подъ предсѣдательствомъ вице - президента Смолки; чтобъ сколько нибудь сдерживать безчинства демократическихъ обществъ и студенческаго легіона они организовали комитетъ общественной безопасности, въ которомъ былъ самымъ дѣятельнымъ членомъ австрійскій литераторъ Шушелка, перешедшій на сторону приверженцевъ нѣмецкаго католицизма. Между тѣмъ члены студенческаго легіона дошли до такого умственного отупѣнія, что безъ всякихъ выраженій неодобренія и негодованія выслушали въ публичномъ собраніи разсказъ убійцы Латура о совершенномъ имъ злодѣяніи. Сеймъ обратился къ императору съ просьбой возвратиться въ столицу, а къ жителямъ Австріи съ внушеніями, что на каждомъ изъ гражданъ лежитъ священная обязанность охранять исполненіе законовъ, конституціонную монархію и личную свободу.

Но жребій уже былъ брошенъ. Командовавшій въ Вѣнѣ, генералъ Вѣна во вла графъ Ауерспергъ занялъ съ своими войсками угрожающую позицію сти революціонеровъ. на императорскомъ Бельведерѣ и въ саду Шварценберга; въ то-же время воинственный Іеллачичъ сталъ приближаться къ австрійской столицѣ во главѣ многочисленной арміи, состоявшей изъ дикихъ и хищныхъ Кроатовъ, а въ Богеміи готовился къ выступленію въ походъ грозный князь Виндишгрецъ. Эти признаки готовившагося нападенія соединенныхъ армій возбудили въ столичномъ населеніи лихорадочное волненіе. Отказъ императора подчинить бана Іеллачича австрійскому министерству былъ принятъ вѣнскими демократами за доказательство того, что имѣется въ виду назначеніе военнаго диктатора; адреса, въ которыхъ рейхстагъ просилъ императора возвратиться въ столицу, оставались безъ всякихъ послѣдствій; депутація отъ городской думы, въ которую были вновь избраны радикалы, не была принята императоромъ; такимъ образомъ дѣло дошло до того, что городское управленіе всецѣло перешло въ руки революціонной партіи, которая обнаруживала все болѣе усиленную дѣятельность по мѣрѣ того, какъ увеличивалась опасность. Студенческій клубъ въ зданіи университета служилъ средоточіемъ для революціонныхъ предпріятій; на ряду съ нимъ дѣйствовали различные демократическіе комитеты; вооруженныя силы были подчинены національной гвардіи, во главѣ которой были поставлены радикалы; было рѣшено созвать ландшурмъ. Власть все рѣшительнѣе переходила изъ рукъ рейхстага и городской думы въ руки революціонныхъ комитетовъ и вождей инсургентовъ по мѣрѣ того, какъ созрѣвало убѣжденіе, что исходъ возстанія долженъ быть рѣшенъ съ оружіемъ въ рукахъ. Бывшій поручикъ Мессенгаузеръ былъ выбранъ главнокомандующимъ національной гвардіи; польскій генералъ Бемъ, въ послѣдствіи блистательно выказавшій въ Венгріи свои военные дарованія, командовалъ артиллеріей и завѣдывалъ приготовленіями къ оборонѣ; добровольцы, со всѣхъ сторонъ стекавшіеся въ столицѣ,

имѣли своихъ собственныхъ начальниковъ, большею частію пріобрѣвшихъ извѣстность въ качествѣ клубныхъ ораторовъ и литераторовъ. Были сооружены баррикады въ самыхъ удобныхъ для обороны пунктахъ, уличныя мостовыя были разобраны и были приняты городскими властями мѣры для снабженія инсургентовъ продовольствіемъ. Но ничто такъ не поддерживало мужества и надеждъ инсургентовъ, какъ обѣщанное и ожидаемое прибытіе мадьярскихъ вспомогательныхъ войскъ; инымъ даже казалось, что эти войска уже видны съ наблюдательнаго пункта на колокольнѣ церкви св. Стефана.

Признаки приближающейся опасности.

Въ то время, какъ дѣлались эти приготовленія, Іеллачичъ занялъ южную часть города подлѣ Винеберга во главѣ 50-ти тысячной императорской арміи, состоявшей изъ солдатъ самыхъ разнообразныхъ національностей и въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ. Это была пестрая смѣсь народовъ, напоминавшая лагерь Валленштейна; Кроаты, солдаты изъ различныхъ пограничныхъ провинцій и внушавшіе страхъ Серешаны въ своихъ красныхъ плащахъ стояли на ряду съ итальянскими и польскими солдатами и съ одѣтыми въ блестящіе мундиры гусарами; этому пестрому военному сборищу, соединявшемуся въ одно плотное цѣлое благодаря строгой военной дисциплинѣ, приходилось имѣть дѣло съ массой инсургентовъ, воодушевлявшихся неяснымъ понятіемъ о свободѣ и не привыкшихъ къ дисциплинѣ и

12 окт. 1848.

къ повиновенію. Графъ Ауерспергъ, не полагавшійся на готовность своихъ солдатъ къ безусловному повиновенію, очистилъ свои прежнія позиціи, которыя были тогда немедленно заняты студенческимъ легіономъ, и соединился съ Іеллачичемъ. Скоро появился неподалеку отъ Вѣны во главѣ многочисленной арміи и князь Виндишгрецъ, которому императоръ поручилъ главное командованіе всѣми войсками за исключеніемъ итальянскихъ и которому были даны неограниченныя полномочія для наказанія возмущившагося столичнаго населенія. Передъ его вступленіемъ въ Вѣну была издана прокламація, въ которой императоръ старался успокоить взволнованные умы и отклонить народъ отъ участія въ возстаніи, увѣряя его, что предоставленные ему права и вольности останутся ненарушимыми, что обѣщанная конституція будетъ окончательно выработана и что законъ объ отмѣнѣ крестьянскихъ повинностей и десятинной подати будетъ приведенъ въ исполненіе. Къ военнымъ мѣрамъ было приказано прибѣгать только въ той мѣрѣ, въ какой это окажется необходимымъ для возстановленія спокойствія и безопасности, для охраны всѣхъ вѣрноподданныхъ гражданъ, равно какъ для поддержанія достоинства конституціонной монархіи. Самые благоразумные изъ вѣнскихъ жителей охотно прекратили-бы всякое сопротивленіе въ особенности потому, что венгерская армія, то пріостанавливавшая свое наступательное движеніе, то поворачивавшая назадъ, не позволяла

20 окт.

разсчитывать на энергическую съ своей стороны помощь; но революціонное настроеніе умовъ уже сдѣлалось до такой степени сильнымъ, а всѣ дѣла управленія уже въ такой степени сосредоточились въ рукахъ крайней революціонной партіи, что не представлялось никакой возможности достигнуть мирнаго соглашенія. Торопливое бѣгство было, по видимому, единственнымъ средствомъ спасенія; къ нему прибѣгнули многіе изъ столичныхъ жителей и членовъ рейхстага, пока этому не препятствовали ни водвореніе внутренняго терроризма, ни внѣшнее загражденіе всѣхъ выходовъ императорскими войсками.

Назначенный фельдмаршаломъ, князь Виндишгрецъ уже сдѣлалъ Военный и всѣ распоряженія, чтобъ запереть всѣ выходы изъ города. Онъ вы- революціонный казалъ свою желѣзную энергію изданіемъ прокламаціи, вводившей терроризмъ. осадное положеніе въ столицѣ, въ ея предмѣстіяхъ и окрестностяхъ, подчинявшей всѣ гражданскія власти военнымъ начальникамъ и угрожавшей преданіемъ военному суду всякаго, кто нарушитъ эти распоряженія. «Вашъ городъ (говорилось въ этой прокламаціи) запятналъ себя такими злодѣяніями, отъ которыхъ приходятъ въ ужасъ всѣ честные люди. Вы и въ настоящую минуту находитесь подъ властію немногочисленной, но наглої факціи, способной на всякое позорное дѣло. Ваша жизнь и ваша собственность отданы на произволъ кучки преступниковъ. Одумайтесь и послѣдуйте требованіямъ долга и благоразумія!» Не смотря на усиленную бдительность инсургентовъ, это воззваніе было вывѣшено на углахъ многихъ улицъ; оно усилило ярость революціонеровъ тѣмъ болѣе потому, что студенты были незадолго передъ тѣмъ взволнованы открытіемъ сильно изуродованнаго трупа одного изъ своихъ товарищей и воспламенились жаждою мщенія. Тогда ничье посредничество не могло увѣнчаться успѣхомъ: попытки этого рода неоднократно дѣлались и городской думой, и оставшимися въ городѣ членами рейхстага и двумя комиссарами франкфуртскаго національнаго собранія, по условія, предъявленные 23 октября строгимъ главнокомандующимъ, были такъ суровы, что инсургенты не приняли ихъ: вѣдь главнокомандующій требовалъ выдачи многихъ лицъ, которыя имъ будутъ еще точнѣе указаны, а удовлетвореніе такого требованія подвергнуло-бы опасности жизнь всѣхъ вождей демократіи. Съ той минуты всё стало зависѣть отъ борьбы съ оружіемъ въ рукахъ. Бемъ, Мессенгаузеръ и Фенпебергъ руководили приготовленіями къ оборонѣ; демократическій центральный комитетъ организовалъ два отряда добровольцевъ, которымъ было поручено охранять самые передовые посты и въ составъ которыхъ вошло нѣсколько литераторовъ и два члена франкфуртскаго парламента Робертъ Блумъ и Юлій Фрѣбель; такія-же жестокія мѣры, какія были приняты главнокомандующимъ противъ инсургентовъ, были приняты этими послѣдними внутри города противъ людей

умѣренной партіи и реакціонеровъ. Кровавый исходъ ежедневно возобновлявшихся сраженій и вылазокъ усиливалъ съ обѣихъ сторонъ ожесточеніе и жажду мщенія. Яркое зарево отъ горѣвшихъ домовъ наводило каждую ночь ужасъ на городскихъ жителей.

Катастрофа. Кровопролитная борьба велась съ самымъ сильнымъ ожесточеніемъ и днемъ и ночью въ теченіе слишкомъ недѣли. Студенческій легіонъ, рабочіе, національная гвардія и волонтеры не дѣлали ни одного пятнаго шага безъ борьбы; городскія стѣны и баррикады восполняли для нихъ недостатокъ военного искусства. Ожесточеніе солдатъ усиливалось съ каждымъ днемъ; въ особенности полкъ Латура, выступавшій на бой съ знаменами, обвитыми крепомъ, горѣлъ желаніемъ отомстить за смерть своего генерала. Борьба была самой ожесточенной 28 и 29 октября; императорскія войска завладѣли линіей наружныхъ укрѣпленій и предмѣстіями; у инсургентовъ стали истощаться запасы продовольствія и боевыхъ снарядовъ; дальнѣйшее сопротивленіе становилось безцѣльнымъ и могло только увеличить размѣры общественнаго бѣдствія. Такъ какъ рейхстагъ былъ распущенъ по приказанію императора и долженъ былъ вновь собраться 15 ноября въ маленькомъ моравскомъ городкѣ Кремзирѣ, то городская дума была единственною законною правительственною властію въ Вѣнѣ: она рѣшила исполнить требованіе побѣдителя и сдать ему городъ безъ всякихъ условій. Вечеромъ того-же дня инсургенты начали складывать оружіе, а 30 октября войска подвинулись со всѣхъ сторонъ впередъ вплоть до крѣпостнаго вала. Но около двухъ часовъ по полудни сторожъ, стоявшій на колокольнѣ собора св. Стефана, замѣтилъ, что со стороны венгерской границы поднимаются облака дыма отъ пушечной пальбы. Съ быстротою молніи распространилось по городу извѣстіе: идутъ Венгерцы!; оно снова воспламенило воинственный пылъ инсургентовъ. Договоръ о сдачѣ города былъ объявленъ недѣйствительнымъ; отобранное у инсургентовъ оружіе было снова взято изъ арсенала; на городскомъ валу были поставлены пушки и были предприняты новыя вылазки. Городъ совершенно подпалъ подъ власть пролетаріевъ и добровольцевъ. Но инсургенты обманулись въ своихъ надеждахъ: Венгерцы, дѣйствительно, двигались по направленію къ Вѣнѣ, но ихъ армія, состоявшая болѣею частію изъ наскоро обученныхъ военному дѣлу, молодыхъ солдатъ ландштурма, была разбита Кроатами и австрійскими войсками на Швехатской равнинѣ и была принуждена торопливо отступить къ Пресбургу. Солдаты Виндишгреца, раздраженные нарушеніемъ договора, устремились тогда 30 окт. 1848. на своихъ противниковъ съ удвоенною яростью; они встрѣтили слабое и непродолжительное сопротивленіе. При содѣйствіи національной гвардіи, возмущавшейся господствомъ пролетаріевъ, они проникли въ городъ до площади св. Стефана и во дворъ военного министерства, гдѣ разбили въ щепки фонарный столбъ, на которомъ былъ повѣ-

шенъ трупъ генерала Латура. Актовая зала университета опустѣла, шапки Калабрійцевъ внезапно исчезли и вся Вѣна представляла сцены ужаса и отчаянія. Одинъ изъ очевидцевъ такъ описывалъ эти сцены: въ большей части улицъ были видны на домахъ слѣды пушечныхъ ядеръ; въ предмѣстіяхъ выгорѣли цѣлыя улицы; во многихъ мѣстахъ приходилось останавливаться передъ трупами и лужами крови; повсюду жены отыскивали своихъ мужей, дѣти—своихъ отцовъ, между тѣмъ какъ Кроаты занимались только грабежомъ.

2 ноября Іеллачичъ вступилъ въ завоеванный городъ, въ которомъ Уголовныя на- уже было введено самое строгое военное положеніе по распоряженію, казанія. сдѣланному Виндишгрецомъ изъ его главной квартиры въ Гецендорфѣ, Роб. Блумъ. Тогда началось желѣзное владычество меча. Выходы изъ города были заперты; у жителей было отобрано оружіе; во вѣхъ домахъ и улицахъ были произведены обыски; всѣ тюрьмы наполнились участниками возстанія и подозрительными людьми. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль во всей Германіи умы были взволнованы извѣстіями объ исполненіи приговоровъ военного суда съ помощію пороха и стали. Мессенгаузеръ, настойчиво отговаривавшій инсургентовъ отъ возобновленія военныхъ дѣйствій, былъ казненъ вмѣстѣ съ многими героями баррикадъ; даровитый музыкантъ Альфредъ Юлій Бехеръ и юный Германъ Іеллинекъ заплатились жизнію за революціонныя статьи своей газеты *Der Radikale*; но самую сильную ярость и негодованіе среди демократовъ возбудило разстрѣляніе вождя лѣвой стороны франкфуртскаго парламента, Роберта Блума. Онъ происходилъ изъ низкаго класса пролетаріевъ, росъ подъ тяжѣлымъ гнетомъ и въ большой нуждѣ, возвысился своими дарованіями и энергіей до роли краснорѣчиваго поборника самой широкой религіозной и политической свободы, а теперь заплатился за нее своею жизнію. Онъ по собственному почину принялъ участіе въ вѣнскомъ возстаніи, увлекалъ студентовъ своимъ пылкимъ краснорѣчіемъ, сражался въ рядахъ отборнаго отряда, а на судебномъ разбирательствѣ протестовалъ противъ своего ареста, такъ какъ состоялъ членомъ имперскаго національнаго собранія. Онъ позабылъ мудрую поговорку осмотрительныхъ людей: кто самъ ставитъ себя въ опасное положеніе, тотъ готовитъ себѣ гибель. Его казнили съ цѣлію навести страхъ на тѣхъ, кто вздумалъ бы идти тѣмъ же путемъ; поэтому участіе въ «поминкахъ о Блумѣ» стало служить средствомъ распознавать членовъ его партіи, а щедрое вспомоществованіе, назначенное его женою и дѣтямъ, доказало, какъ высоко цѣнили этого человѣка демократы и республиканцы. Онъ шолъ на казнь съ такимъ-же спокойствіемъ, какое такъ часто выказывалъ на ораторской трибунѣ. Его менѣе даровитый товарищъ и единомышленникъ Юлій Фрѣбель долго мучился опасеніями за свою жизнь, пока не былъ выпущенъ на свободу. Бемъ, Феннеръ фонъ—Феннебергъ и демократическій ораторъ докт. Шютте удачно спаслись бѣгствомъ

9 ноября.
1848.

послѣ многочисленныхъ опасностей и приключеній. Бемъ отправился въ Венгрію, гдѣ организовалъ польскій легіонъ; Шютте провелъ остальную часть своей жизни въ сѣверо-американскихъ штатахъ. Слухъ, будто онъ, состоя въ должности квартирмейстера, обезчестилъ себя низкимъ обманомъ и отъ стыда покинулъ свое отечество, считается людьми противной партіи за клевету, взведенную на него его политическими противниками. Редакторъ радикальной газеты *Konstitution* и вождь «отборнаго отряда», Гаукъ попался въ руки Австрійцевъ только послѣ постигшей Венгрію катастрофы и былъ казненъ.

5. Германія и Австрія.

Отношенія
франкфуртска-
го парламента
къ вѣнскимъ
событіямъ.

Первыя извѣстія объ октябрьскомъ возстаніи въ Вѣнѣ были получены франкфуртскимъ парламентомъ въ то время, какъ онъ былъ занятъ преніями объ имперской конституціи. Хотя умѣренная партія и торопилась окончательнымъ разсмотрѣніемъ и утвержденіемъ этой конституціи, неожиданныя важныя событія заставили франкфуртскій парламентъ отложить въ сторону главную цѣль своей законодательной дѣятельности и выдвинуть на передній планъ вопросъ объ отношеніяхъ германской центральной власти къ вѣнскому возстанію. Правда и на этотъ разъ собраніе дѣйствовало съ спокойной осмотрительностью и воспротивилось желанію лѣвой стороны признать вѣнскихъ мятежниковъ защитниками національныхъ интересовъ, оказать имъ поддержку и, въ случаѣ надобности, силою оружія принудить австрійское правительство удалить всѣ не-нѣмецкія войска. Но общественное мнѣніе такъ настойчиво требовало вмѣшательства въ кровопролитную борьбу, что не было возможности оставлять его безъ всякаго удовлетворенія. Поэтому парламентъ отправилъ въ Ольмюцъ и въ лагерь императорскаго главнокомандующаго двухъ комиссаровъ Мозле и Велькера съ порученіемъ настоятельно требовать уваженія къ правамъ центральной власти, охранять въ Австріи германскіе интересы, заботиться о томъ, чтобъ возникшія тамъ смуты были прекращены безъ пролитія крови, и оберегать права и вольности, предоставленныя народамъ австрійской имперіи въ мартѣ и въ маѣ; эти попытки посредничества встрѣтили въ Ольмюцѣ непреодолимое препятствіе въ строгомъ придворномъ этикетѣ, а въ Вѣнѣ были отвергнуты сознававшимъ свою силу, императорскимъ главнокомандующимъ; тогда франкфуртское собраніе сочло нужнымъ смягчить негодованіе членовъ лѣвой стороны по поводу смерти ихъ вождя: оно не воспротивилось устройству церковной церемоніи въ память Роберта Блума и только не позволило придавать ей слишкомъ большую пышность для того, чтобъ она не превратилась въ политическую демонстрацію.

Эти событія выдвинули на первую очередь вопросъ о будущихъ отношеніяхъ Австріи къ германскому «союзному государству». Чѣмъ сомнительнѣе была готовность австрійскаго правительства безусловно подчиняться рѣшеніямъ франкфуртскаго національнаго собранія, тѣмъ настойчивѣе были требованія приверженцевъ германскаго единства съ монархически-конституціонной формой правленія, чтобъ были исполнѣ выяснены взаимныя отношенія двухъ имперій. При обсужденіи этого вопроса были предложены слѣдующіе способы его разрѣшенія: 1. Австрія разлагается на свои національныя составныя части; за тѣмъ нѣмецко-австрійскія провинціи присоединяются къ германской имперіи и въ нихъ вводится общая германская конституція. 2. Австрія сохраняетъ свое прежнее всемірно-историческое значеніе въ качествѣ нераздѣльнаго государства; тогда нѣмецкія владѣнія Австріи должны будутъ отдѣлиться отъ германскаго союзнаго государства. 3. Германское союзное государство и австрійская монархія въ ея полномъ составѣ соединятся прочными узами въ одну великую средне-европейскую имперію. Составлялось не мало и другихъ проектовъ съ цѣлію или на время оставить взаимныя отношенія не выясненными, или точнѣе опредѣлить исключительное положеніе Австріи путемъ соглашенія. Проектъ стдѣленія отъ Австріи ея нѣмецкихъ провинцій вызывалъ основательное опасеніе, что не-нѣмецкія австрійскія провинціи будутъ все болѣе утрачивать нѣмецкіе элементы своего населенія и совершенно подпадутъ подъ вліяніе Россіи; а при включеніи всѣхъ австрійскихъ владѣній въ составъ германской имперіи было невозможно создать здоровый политическій организмъ. Поэтому, только проектъ мирнаго соглашенія казался исполнимымъ, а Генрихъ фонъ-Гагернъ облекъ его въ болѣе опредѣленную форму и придалъ ему болѣе мягкій характеръ.

Австрійскій
вопросъ во
франкфурт-
скомъ парла-
ментѣ.

Гагернъ руководствовался воззрѣніемъ, что изъ всѣхъ элементовъ австрійскаго населенія нѣмецкій — самый вліятельный, и что разрывъ государственнаго единства между нѣмецкими и не-нѣмецкими провинціями австрійской монархіи столько-же не соответствовалъ-бы національнымъ интересамъ Германіи, сколько былъ-бы «юридической невозможностью» для Австріи; поэтому онъ постарался достигнуть соглашенія на слѣдующей основѣ: всѣ нѣмецкія страны, не входящія въ составъ австрійскихъ владѣній, будутъ соединены между собою крѣпкими узами союза; а въ виду невозможности включить въ этотъ союзъ Австрію съ ея не-нѣмецкими провинціями, между нею и Германіей будетъ установлена тѣсная связь иного рода. Эту связь Гагернъ находилъ въ общности матеріальныхъ интересовъ и потому проектъ его заключался въ слѣдующемъ: въ виду того, что въ составъ Австріи входятъ не-нѣмецкія страны и провинціи, она останется въ постоянномъ и неразрывномъ союзѣ съ остальной Германіей, а урегулированіе этихъ союзныхъ отношеній, сдѣлавшееся необходимымъ

Болѣе и ме-
нѣе тѣсный
союзъ.

вслѣдствіе измѣнившагося положенія дѣлъ, будетъ составлять содержаніе особаго союзнаго акта. Такимъ образомъ предполагалось создать двойной союзъ—болѣе тѣсный союзъ нѣмецкихъ государствъ и менѣе тѣсный союзъ Австріи съ Германіей съ признаніемъ общности торговыхъ интересовъ и введеніемъ одинакихъ таможенныхъ пошлинъ. Дальнѣйшія объясненія касательно этого жизненнаго вопроса для германской конституціи были, по желанію Гагерна, отложены до вторичнаго чтенія проекта для того, чтобъ центральное правительство успѣло получить отъ Австріи отвѣтъ на вопросъ, какъ она намѣревается держать себя по отношенію къ Германіи. Но этотъ отвѣтъ не былъ полученъ, потому что стоявшему во главѣ франкфуртскаго министерства Шмерлингу были болѣе близки къ сердцу интересы его австрійскаго отечества, чѣмъ интересы общаго германскаго отечества, и онъ желалъ оставить на нѣкоторое время неразъясненными взаимныя отношенія между Германіей и Австріей. Чтобъ выиграть время, онъ дѣйствовалъ съ дипломатической сдержанностью, прибѣгалъ къ интригамъ, давалъ неясные отвѣты и старался подъ разными благовидными предлогами устранять запросы, сдѣланные съ цѣлію выяснить суть дѣла. Шмерлингъ не измѣнилъ своей тактики и послѣ того, какъ новое австрійское министерство, составившееся подъ предсѣдательствомъ князя Феликса Шварценберга, изложило въ одобренной 27 ноября кремзирскимъ рейхстагомъ программѣ точку зрѣнія, которой оно намѣрено придерживаться въ германскомъ вопросѣ и которая, по видимому, могла быть согласована съ проектомъ Гагерна. Въ этой программѣ рѣшительно отвергалось разчлененіе австрійской имперіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно высказывалось желаніе выждать «натуральнаго развитія еще неокончившихся внутреннихъ преобразованій» въ обѣихъ имперіяхъ, такъ какъ только послѣ того, какъ помолодѣвшая Австрія и помолодѣвшая Германія введутъ у себя новыя и неизмѣнныя формы государственнаго устройства, представится возможность установить ихъ взаимныя отношенія. И такъ австрійское правительство, не встрѣчавшее со стороны Германіи никакихъ препятствій для введенія въ австрійской имперіи особыхъ учреждений, по видимому, и съ своей стороны не намѣревалось препятствовать организаціи германскаго союзнаго государства. Но составленіе германской конституціи не могло быть доведено до конца, пока оставались невыясненными отношенія къ Австріи, потому что разрѣшеніе вопроса о назначеніи главы союза зависѣло отъ того, вступить-ли эта держава въ составъ германскаго союза, или не вступить. Въ первомъ случаѣ было-бы неудобно поставить во главѣ союза одно лицо, а слѣдовало-бы поставить директорію изъ трехъ лицъ; во второмъ случаѣ казалось естественнымъ назначеніе главой союза того, кто стоялъ во главѣ самого могущественнаго изъ чисто-нѣмецкихъ государствъ.

Такимъ образомъ, австрійскій вопросъ сдѣлался новымъ поводомъ Великонѣмцы для раздоровъ между политическими партіями франкфуртскаго парламента, и чѣмъ болѣе приближалось къ концу составленіе германской конституціи, тѣмъ рѣзче становилось разномысліе по вопросамъ національнымъ и церковнымъ. Поборники такой организаціи союза съ конституціонными учрежденіями, при которой внутренняя свобода совмѣщалась-бы съ сильною исполнительной властію въ дѣлахъ внѣшней политики, старались избавить Германію отъ австрійскаго руководства и вліянія: они желали связать ее съ Пруссіей, вступившей въ германскій союзъ въ своемъ полномъ составѣ,—но желали связать ее такъ, чтобъ обязанности главы германскаго союза и обязанности главы прусскаго государства соединялись въ одномъ лицѣ и чтобъ могущественное положеніе этого лица обращалось въ пользу объединенной Германіи. Это стремленіе, сначала высказывавшееся лишь мало по малу, встрѣтило многочисленныхъ противниковъ. Не только австрійскіе депутаты возстали противъ такого проекта, который исключалъ изъ будущей имперіи и ихъ самихъ и тринадцать милліоновъ Нѣмцевъ, но даже депутаты Баваріи и другихъ южно-германскихъ государствъ не желали оказывать такого предпочтенія сѣвернымъ Нѣмцамъ частію по религіознымъ мотивамъ, частію вслѣдствіе своихъ стремленій къ партикуляризму или вслѣдствіе нерасположенія къ Пруссіи; и вся лѣвая сторона франкфуртскаго собранія не одобряла государственнаго устройства, имѣвшаго такъ мало сходства съ ея республиканскимъ идеаломъ и ставившаго во главѣ союза такого человѣка, котораго она глубоко ненавидѣла, какъ измѣнника дѣлу свободы, за которое онъ прежде боролся. Такимъ образомъ, австрійскій вопросъ измѣнилъ прежній составъ политическихъ партій: тогда изъ большинства, группировавшагося вокругъ Гагерна, выдѣлилось нѣсколько членовъ, въ числѣ которыхъ находились Велькеръ и авторъ ученаго сочиненія о жизни Лютера, Юргенсъ. Они присвоили себѣ названіе «велико-нѣмецкой» партіи, вслѣдствіе чего ихъ противникамъ было дано незаслуженное и слегка презрительное прозвище «мало-нѣмцевъ». Шмерлингъ, постоянно прибѣгавшій къ разнымъ дипломатическимъ уверткамъ, утратилъ довѣріе національнаго собранія и былъ принужденъ выйти изъ имперскаго министерства, а съ его замѣной Генрихомъ 15 дек. 1848. Гагерномъ въ должности президента совѣта министровъ начался важный періодъ въ дѣятельности франкфуртской центральной власти. Кёнигсбергскій депутатъ Симсонъ былъ достойнымъ и способнымъ преемникомъ Гагерна въ званіи президента національнаго собранія. Шмерлингъ такъ искусно руководилъ велико-нѣмецкой партіей, состоявшей изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ и расходившейся въ своихъ воззрѣніяхъ почти по всѣмъ важнымъ вопросамъ, что она постоянно держала сторону оппозиціи противъ проекта Гагерна.

Впослѣдствіи для нея служила органомъ «Франкфуртская газета», постоянно печатавшая на своей первой страницѣ, въ видѣ эпиграфа, послѣдній стихъ пѣсни Арндта: Das ganze Deutschland soll es sein! Члены этой партіи обыкновенно собирались въ гостинницѣ Pariser Hof.

Министерская программа Га-
герна. Гагернъ не обладалъ дипломатической ловкостью своего предмѣ-

стника Шмерлинга, которого онъ когда-то, по неосмотрительности, считалъ своимъ другомъ и который теперь сдѣлался самымъ опаснымъ изъ его противниковъ. Но тамъ, гдѣ его имя служило знаменемъ, сосредоточивались самыя благородныя умственные силы. Его внушавшая уваженіе личность, его прямой, откровенный характеръ, его неоспоримый патріотизмъ и желаніе общей пользы привязывали къ нему всякаго, кто имѣлъ случай сблизиться съ нимъ. Въ своей министерской программѣ онъ съ полной откровенностью указалъ на первостепенное значеніе австрійскаго вопроса: въ виду того, что Австрія не могла быть включена въ составъ будущаго германскаго союзнаго государства, Гагернъ предполагалъ установить связь между двумя государствами путемъ переговоровъ, — но такъ, чтобъ эти переговоры не касались конституціи германскаго союза. Но когда онъ обратился къ національному собранію съ просьбой уполномочить его на веденіе такихъ переговоровъ, онъ встрѣтилъ упорное сопротивленіе. Членъ лѣвой стороны Венедей сталъ обвинять министерство въ намѣреніи «вытолкать» Австрію изъ германскаго союза и подвергнуть Германію такому-же позорному разчлененію, какому подверглась Польша. Чтобъ предохранить Австрію отъ обвиненія въ такомъ разчлененіи, Шмерлингъ отправился въ Вѣну и въ Ольмюцъ съ цѣлію измѣнить тамъ воззрѣнія, изложенныя въ кремзирской министерской программѣ. Этотъ бывший президентъ имперскаго министерства произнесъ передъ своими вѣнскими избирателями замѣчательную рѣчь, въ которой откровенно признался, что для него высшая и самая важная цѣль жизни заключается въ сохраненіи цѣльности австрійскаго государства; назначенный австрійскимъ уполномоченнымъ при центральномъ германскомъ правительствѣ, онъ возвратился во Франкфуртъ и вручилъ этому правительству дипломатическую ноту, въ которой австрійское правительство утверждало, что Гагернъ невѣрно объяснилъ смыслъ кремзирской министерской программы. Ольмюцское правительство вовсе не касалось въ этой нотѣ вопроса о будущей организаціи австрійской монархіи; оно удерживало за собою право вступить, когда пожелаетъ, въ германскій союзъ, и обращалось какъ къ центральной власти, такъ и къ національному собранію съ поучительнымъ внушеніемъ, что успешное составленіе германской конституціи можетъ быть только результатомъ соглашенія съ нѣмецкими правительствами, между которыми занимаетъ первое мѣсто императорское австрійское правительство.

Впечатлѣніе, произведенное на національное собраніе и этой нотой и неоткровеннымъ образомъ дѣйствій Шмерлинга, было благоприятно для проекта Гагерна и привлекло многихъ членовъ на его сторону. Указанный въ той нотѣ путь къ соглашенію оскорблялъ поборниковъ принципа національности. Къ тому-же и самъ Гагернъ внесъ въ свою программу нѣкоторыя смягченія: онъ согласился признать еще неокончательно разрѣшеннымъ вопросъ объ исключеніи Австріи изъ германскаго союза и просилъ уполномочить министерство на вступленіе въ переговоры съ Австріей, когда оно найдетъ удобную для того минуту; тогда большинство національнаго собранія стало мало по-малу переходить на сторону проекта Гагерна. Не смотря на то, что большинство коммисіи, назначенной для разсмотрѣнія этого проекта, относилось къ нему враждебно, а Виденбругкъ искусно разоблачилъ его слабыя стороны, Гагернъ наконецъ одержалъ верхъ благодаря энергической поддержкѣ со стороны Винке и въ особенности благодаря высказанному Бекератомъ предостереженію, что ожиданіе рѣшенія Австріи будетъ гибельно для германскаго единства. Проектъ Гагерна не могъ быть согласованъ съ идеей національнаго объединенія и какъ бы ни были разнообразны возраженія его противниковъ, всѣ они исходили изъ одного и того-же патріотическаго чувства. Но исторія германскаго народа въ эпоху тяжелыхъ испытаній, по-видимому, приводила къ тому убѣжденію, что Германія можетъ сдѣлаться независимой и могущественной только въ томъ случаѣ, если откажется отъ общности интересовъ съ Австріей. Очевидно, приходилось пожертвовать однимъ вреднымъ членомъ для того, чтобъ возстановить здоровье всего организма и придать ему новыя жизненные силы.

Австрійскій
вопросъ остается
неразрѣ-
шеннымъ.

5 янв. 1849.

13. янв.

6. Германская имперская конституція.

Между тѣмъ, составленіе германской имперской конституціи приближалось къ концу и еще до истеченія 1848 года прошелъ во второмъ чтеніи законъ объ основныхъ правахъ. Въ нѣкоторыхъ пунктахъ были сдѣланы смягченія, но отмѣна смертной казни и неясная статья о томъ, что никто не обязанъ обнаруживать свои религіозныя убѣжденія, были, очевидно, уступками лѣвой сторонѣ, отстаивавшей преувеличенныя понятія о челоуѣколюбіи и безграничную личную свободу. Члены правой стороны, желавшіе соглашенія съ Австріей, предостерегали центральную власть отъ самовластнаго и отдѣльнаго обнародованія этой части конституціи, ссылаясь на очень основательные мотивы; но ихъ не послушались, и постановленіе объ основныхъ правахъ было опубликовано 28 декабря въ сборникѣ имперскихъ законовъ. Лѣвая сторона требовала отдѣльной публикаціи.

Обнародованіе
основныхъ
правъ.

Вѣдь еще 24 ноябрю былъ этимъ способомъ обнародованъ вексельный уставъ, и онъ былъ принятъ почти всѣми безъ исключенія нѣмецкими правительствами; развѣ и на этотъ разъ не случилось-бы то-же самое? Поэтому законъ объ основныхъ правахъ былъ отпечатанъ въ безчисленныхъ оттискахъ въ качествѣ подарка нѣмецкой націи къ рождественскимъ праздникамъ; однако многіе опасались, что народъ воспользуется предоставленными ему слишкомъ широкими вольностями для того, чтобъ впослѣдствіи не подчиняться консервативнымъ дополненіямъ конституціи, и что, съ другой стороны, нѣмецкія правительства будутъ подъ разными предлогами отказываться отъ исполненія новаго закона. Это послѣднее опасеніе вполнѣ оправдалось.

Имперская конституція. При составленіи конституціи, національное собраніе старалось организовать такое имперское правительство, которое не сосредоточивало-бы въ себѣ всѣ функціи правительственной власти, но въ то-же время сдерживало-бы чрезмѣрные стремленія къ партикуляризму; поэтому, за отдѣльными нѣмецкими государствами были признаны ихъ самостоятельность и всѣ верховныя политическія права, но вмѣстѣ съ тѣмъ считалось необходимымъ организовать такое сильное центральное правительство, которое было-бы способно удовлетворить стремленія нѣмецкой націи къ единству и могуществу. Этому правительству была отведена слѣдующая сфера дѣятельности: 1) Назначеніе посланниковъ и консуловъ и исключительное право заключать государственные договоры. 2) Завѣдываніе военными силами и военнымъ устройствомъ; глава имперіи рѣшаетъ вопросы о войнѣ и мирѣ, распоряжается сухопутными и морскими военными силами отдѣльныхъ государствъ и завѣдуетъ имперскими крѣпостями; поэтому, поступающіе въ военную службу должны приносить присягу въ вѣрности главѣ имперіи и имперской конституціи. 3) Завѣдываніе источниками доходовъ, заключающимися въ имперскихъ таможенныхъ пошлинахъ и въ денежныхъ взносахъ отдѣльныхъ государствъ; кромѣ того центральному правительству предоставлялось право облагать, по его усмотрѣнію, налогами и заключать займы. Въ интересахъ государственнаго единства, всѣ нѣмецкія страны должны были составлять одну таможенную и торговую область; поэтому имперскому правительству было поручено открывать новыя пути сообщенія, обеспечивать свободу плаванія по нѣмецкимъ рѣкамъ, завѣдывать желѣзными дорогами, почтами и т. д.; ему также было поручено заботиться о введеніи одинакой монеты, мѣръ и вѣсовъ, равно какъ объ упроченіи мира, объ охранѣ внутренней безопасности и порядка.

2. Имперскій судъ. Поручкой за соблюденіе конституціи долженъ былъ служить высшій имперскій судъ, которому подчинялись всѣ признанныя конституціей власти, и который долженъ былъ разрѣшать всѣ споры между земскими чинами и правительствами, между отдѣльными государствами,

между имперскимъ правительствомъ и правительствами отдѣльныхъ государствъ.

Постановленія касательно организаци рейхстага были утверждены 3. Рейхстагъ. послѣ упорной парламентской борьбы. Лѣвая сторона отстаивала учрежденіе одной палаты, которое было излюбленной теоріей всѣхъ радикаловъ; но ея проектъ не устоялъ противъ убѣдительныхъ доводовъ тѣхъ членовъ собранія, которые отстаивали систему двухъ палатъ. Намѣреніе сдѣлать законодательную власть непостоянной и измѣнчивой въ своихъ стремленіяхъ не могло быть одобрено здравой политикой, имѣвшей на своей сторонѣ и здравый смыслъ и историческое прошлое и опытъ. Поэтому было рѣшено организовать представительное собраніе изъ двухъ составныхъ частей—изъ палаты Палаты государственныхъ представителей, олицетворяющей принципъ самостоятельности отдѣльныхъ государствъ и состоящей изъ членовъ, государственныхъ представителей и народныхъ представителей, выбранныхъ при совокупномъ участіи правительствъ и земскихъ собраний въ числѣ, соотвѣтствующемъ объему cadaго государства, и изъ палаты народныхъ представителей, олицетворяющей принципъ народного верховенства и состоящей изъ членовъ, выбранныхъ народомъ на основаніи особаго избирательнаго закона; личный составъ первой изъ этихъ палатъ было рѣшено обновлять черезъ каждые шесть лѣтъ, а личный составъ второй черезъ каждые три года. Для постановленія рѣшеній требовалось присутствіе по меньшей мѣрѣ половины законнаго числа членовъ. Но что-же слѣдовало дѣлать въ случаѣ, если бы имперское правительство отказалось признать за постановленіемъ обѣихъ палатъ обязательную силу закона? Слѣдовало-ли предоставить главѣ союза право налагать безусловное veto или только право приостанавливать исполненіе утвержденнаго палатами постановленія? Дальманнъ отстаивалъ первое изъ этихъ правилъ и, подобно Мирабо, ссылаясь на необходимость поддерживать достоинство короны, блескъ которой отражается и на всемъ государствѣ; онъ утверждалъ, что настоящій конституціонный монархъ будетъ пользоваться такимъ правомъ съ крайней осторожностью, между тѣмъ какъ ограниченіе этого права уронитъ престижъ короны; но большинствомъ голосовъ былъ утвержденъ проектъ Фаллати въ слѣдующей формѣ: если рейхстагъ утвердитъ безъ всякихъ измѣненій одно и то-же рѣшеніе въ три періода своихъ засѣданій, непосредственно слѣдующіе одинъ за другимъ, то послѣ закрытія засѣданія третьяго рейхстага это рѣшеніе становится закономъ, хотя бы оно и не было одобрено имперскимъ правительствомъ.

Пренія о самомъ трудномъ и самомъ деликатномъ пунктѣ германской конституціи, о главѣ союза, начались только въ январѣ 1849 года, то есть когда предложеніе Гагерна касательно отношеній къ Австріи уже было одобрено національнымъ собраніемъ. Но это одобреніе уже было большимъ шагомъ впередъ въ разрѣшеніи того

4. Глава
союза.

труднаго вопроса, а самъ Гагернъ уже высказался за назначеніе одного наслѣдственнаго главы германской имперіи. Если-бы удалось не включать Австрію въ составъ германскаго союзнаго государства, то не подлежало-бы сомнѣнію, что въ этомъ государствѣ будетъ преобладать вліяніе Пруссіи. Но этотъ вопросъ не могъ быть окончательно разрѣшенъ, пока не прекратятся переговоры съ Австріей. Поэтому приходилось на первое время ограничиться устраненіемъ возраженій противъ возведенія Прусскаго короля въ санъ наслѣдственнаго германскаго императора и все подготовить такъ, чтобъ при вторичномъ чтеніи проекта назначеніе наслѣдственнаго императора считалось вѣнцомъ и угловымъ камнемъ германской конституціи. Но во время преній возникали и подвергались разсмотрѣнію самыя разнообразныя проекты, начиная съ предложенія старыхъ консерваторовъ и реакціонеровъ преобразовать прежній союзный сеймъ и кончая предложеніемъ республиканцевъ учредить должность президента, которой могъ-бы достигать всякій совершеннолѣтній Нѣмецъ; одни настаивали на учрежденіи директоріи изъ большаго или меньшаго числа членовъ подъ предсѣдательствомъ то Австріи, то Пруссіи; другіе отстаивали старую идею о трехъ-членномъ правительствѣ (тріархіи) и при этомъ вовлекались въ двойную несправедливость: они ставили Баварію наряду съ двумя великими державами, какъ равноправную съ ними, и такимъ образомъ противопоставляли двухъ католическихъ южно-германскихъ правителей одному сѣверо-германскому протестантскому правителю. Такъ какъ такому коллегіальному правительству не доставало-бы единодушія, энергіи и неизмѣнно твердаго политическаго направленія, то мало по малу упрочилось убѣжденіе, что на сторонѣ единоличнаго главы будетъ не мало преимуществъ; но и въ конституціонномъ комитетѣ и въ національномъ собраніи мнѣнія расходились на счетъ того, должна ли должность главы союза поочередно переходить къ членамъ самыхъ могущественныхъ царствующихъ династій, или же ее слѣдуетъ замѣщать по выбору, или же слѣдуетъ создать наслѣдственную имперію. Изъ исторіи не легко было извлечь доказательства преимуществъ единоличной наслѣдственной власти надъ властію, раздѣленной между нѣсколькими лицами или парализованной выборами или очередною смѣной; но очень вѣскія сомнѣнія высказывались на счетъ того, пригодна-ли единоличная власть для разчлененной на множество отдѣльныхъ государствъ, Германіи. Поэтому, многіе изъ членовъ собранія, и въ томъ числѣ Дальманнъ и Безелеръ, возставали противъ «романтической идеи о германскомъ императорѣ»; католикъ Ласо предостерегалъ отъ такой «исторической сантиментальности», какою было намѣреніе возстановить германскую имперію; партикуляристы различныхъ народностей и различныхъ странъ и Баварцы, считавшіе свое отечество за великую державу, возмущались предпочтеніемъ одного го-

сударства всѣмъ другимъ; члены лѣвой стороны и собиравшіеся въ *Pariser Hof*, велико-нѣмцы презрительно отзывались о намѣреніи искусственно возсоздать германскую имперію. Тѣмъ не менѣе большинство собранія утвердило тотъ параграфъ конституціи, который 23 янв. 1849. возлагалъ званіе главы имперіи на одного изъ царствующихъ нѣмецкихъ монарховъ вмѣстѣ съ титуломъ германскаго императора; только за наследственность этого званія сначала не было подано необходимаго числа голосовъ. Такъ какъ по проекту конституціи, рейхсратъ долженъ былъ дѣйствовать совмѣстно съ имперскимъ министерствомъ въ качествѣ защитника интересовъ отдѣльныхъ государствъ, то его стали считать помѣхой для дѣятельности центральнаго правительства, а впослѣдствіи окончательно устранили.

3 февраля 1849 года было окончено первое чтеніе проекта германской имперской конституціи; затѣмъ нѣмецкія правительства должны были высказать свое мнѣніе объ этомъ проектѣ. Среднія и мелкія государства изъявили готовность подчиниться рѣшенію національнаго собранія, а королевства еще невысказывали своего мнѣнія. Но въ рукахъ центральнаго правительства уже находился циркуляръ, съ которымъ прусское министерство обратилось ко всѣмъ нѣмецкимъ правительствамъ и который, при всей осмотрительности и сдержанности своихъ выраженій, по видимому, одобрялъ содержаніе программы Гагерна. Въ немъ выражалось желаніе сохранить существующій германскій союзъ въ его прежнемъ составѣ, но не мѣшать стремящейся къ объединенію націи соединиться въ болѣе тѣсный союзъ, въ союзное государство. Хотя и не одобрялось притязаніе національнаго собранія на верховную власть, но его образъ дѣйствій оправдывался тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ. А для того, чтобъ утвержденный въ первомъ чтеніи проектъ конституціи достигъ своей цѣли, всѣ нѣмецкія правительства должны были сообщить свои мнѣнія на разсмотрѣніе національнаго собранія, такъ какъ только путемъ соглашенія можно было достигнуть общенациональнаго результата. Въ заключеніе циркуляръ утверждалъ, что Пруссія не стремится къ увеличенію своего могущества или вліянія и приметъ предложенное ей положеніе не иначе какъ съ невынужденнаго согласія союзныхъ правительствъ, — что Пруссійскій король не считаетъ необходимымъ учрежденіе новой должности германскаго императора и что слѣдуетъ пріискать какую нибудь другую форму удовлетворенія стремленій германской націи къ объединенію. И такъ, по буквальному смыслу этого циркуляра, прежнія союзныя отношенія Германіи къ Австріи, къ Даніи и къ Нидерландамъ должны были оставаться неизмѣнными и должны были служить основой для дальнѣйшаго сближенія, а связанное болѣе тѣсными узами союзное государство было бы новымъ и дополнительнымъ учрежденіемъ. Съ этимъ яснымъ прусскимъ циркуляромъ представляла рѣзкую противоположность австрійская дипломатическая нота отъ 4 февраля. Она не одо-

Образъ дѣйствій нѣмецкихъ великихъ державъ.

брыла организаціи союзнаго государства съ центральнымъ правительствомъ, отвергала двойственность отношеній, создаваемую союзами болѣе тѣснымъ и менѣе тѣснымъ, и въ неясныхъ выраженіяхъ указывала на такую будущность, которая не обѣщала большой пользы для Германіи. Императорское правительство (какъ говорилось въ этой дипломатической нотѣ) желаетъ органически разчлененной, но при этомъ единой Германіи, которая отличалась бы виѣшнимъ могуществомъ и внутренней свободой; ея границы должны быть широко раздвинуты такъ, чтобъ внутри ихъ могли найти для себя мѣсто и не нѣмецкія провинціи австрійской имперіи на тѣхъ условіяхъ, которыя будутъ указаны императорскимъ правительствомъ. Стало бытъ предполагалось создать гигантское средне-европейское государство съ семидесятью милліонами жителей, принадлежащихъ къ различнымъ національностямъ и племенамъ! А въ заключеніе говорилось, что вслѣдствіе несостоявшагося соглашенія съ Пруссіей, императорское правительство постарается вступить въ соглашеніе съ франкфуртскимъ парламентомъ; даже ходили слухи, будто Австрія намѣревается устранить и франкфуртскій парламентъ и мелкихъ нѣмецкихъ правителей и условиться съ нѣмецкими королями о составленіи новой союзной конституціи.

Раздѣленіе на
партіи и избирательный
законъ.

Между тѣмъ велико-нѣмецкая партія воячески старалась недопустить назначенія Прускаго короля германскимъ императоромъ и забаллотировать конституціонный проектъ Гагерна. Самыми вліятельными представителями этихъ стремленій были мюнхенскіе депутаты Текшеръ, Велькеръ, Германнъ и Австрійцы Соммаруга, Вюртъ и др. На сходкѣ, собранной Велькеромъ съ участіемъ нѣсколькихъ членовъ лѣвой стороны, всѣ противники проекта Гагерна рѣшились соединиться въ одну тѣсно сомкнутую партію и такъ измѣнить конституціонный проектъ, что его могли-бы принять всѣ нѣмецкія правительства. И такъ называемые *Kaiserlichen* (желавшіе избранія германскаго императора) постарались отстоять спорные параграфы конституціи и соединились въ особую партію (*Weidenbuschpartei*). Они стали требовать вторичнаго чтенія конституціоннаго проекта; но велико-нѣмцы, старавшіеся выиграть время, настояли на предварительномъ обсужденіи избирательнаго закона. Этотъ избирательный законъ. — какъ обнаружилось при его первомъ чтеніи, — разоблачалъ самую слабую сторону національнаго собранія, поэтому противъ него возстало значительное число членовъ собранія (194). Вслѣдствіе противоестественнаго сближенія велико-нѣмцевъ съ членами лѣвой стороны былъ утвержденъ законъ, составленный въ демократическомъ духѣ и находившійся въ противорѣчій съ прежнимъ образомъ дѣйствій парламента. Такъ какъ многіе изъ членовъ, въ другихъ случаяхъ руководствовавшихся консервативными воззрѣніями, не рѣшились стѣснять способъ избранія, посредствомъ котораго сами попали въ

составъ національнаго собранія, то право всеобщей подачи голосовъ, основанное на принципѣ свободы и равенства, нашло многочисленныхъ защитниковъ; а такъ какъ противники такого широкаго права не могли притти къ соглашенію касательно его ограниченія имущественнымъ цензомъ или предоставленіемъ только самостоятельнымъ гражданамъ права участія въ выборахъ, то при подачѣ голосовъ не только было предоставлено право выбора всѣмъ неопороченнымъ по суду Нѣмцамъ, достигшимъ двадцатипятилѣтняго возраста, но даже прежній не прямой и публичный способъ избранія былъ замѣненъ прямымъ — опусканіемъ въ урну избирательныхъ записокъ безъ подписи избирателя. Утвержденіемъ этого закона національное собраніе утратило всякій кредитъ въ глазахъ тѣхъ, кому было извѣстно изъ исторіи и по опыту, что при всеобщей подачѣ голосовъ никакое правительство не можетъ быть сильнымъ и послѣдовательнымъ въ своемъ образѣ дѣйствій. Этимъ была создана твердая точка опоры для тѣхъ, кто нападалъ на все содержаніе конституціоннаго проекта.

Въ февралѣ и въ мартѣ 1849 года въ національномъ собраніи обнаруживался еще болѣе сильный разладъ, чѣмъ прежде, и потому было мало надежды на удовлетворительное разрѣшеніе вопроса о германской конституціи. Состоявшая изъ Австрійцевъ и Баварцевъ, правая сторона настаивала на включеніи Австріи въ германскій союзъ; съ этой цѣлю она требовала, чтобъ верховная союзная власть была предоставлена семи-членной директоріи подъ предсѣдательствомъ имперскаго намѣстника и чтобъ были сдѣланы въ проектѣ конституціи многія другія перемѣны; поэтому она стояла въ рѣшительной оппозиціи къ той партіи (Weidenbuschpartei), которая желала избранія наследственнаго германскаго императора. Лѣвая сторона пользовалась этимъ разномысліемъ для достиженія своихъ цѣлей и оказывала свою поддержку только въ вознагражденіе за сдѣланныя ей уступки; такимъ безнравственнымъ образомъ дѣйствій она роняла кредитъ національнаго собранія и вкладывала острое оружіе въ руки его враговъ. Люди мягкаго и миролюбиваго характера тщетно старались прекратить раздоры, напоминая о томъ, чего требовало благо отечества; гамбургскій денутатъ Риссеръ тщетно указывалъ на постыдные мотивы тайныхъ соглашеній; политическія партіи не прекращали ожесточенной борьбы; ни одна изъ нихъ не хотѣла отъка- зываться отъ своихъ мнѣній. И поѣздка Гекшера, Германа и Соммаруги въ Ольмюцъ оказалась безуспѣшной! Тогда положеніе дѣлъ измѣнилось вслѣдствіе полученнаго извѣстія, что кремзирскій рейхстагъ распущенъ и что австрійское правительство самовластно издало конституцію для всѣхъ составныхъ частей австрійской имперіи. Эта конституція соединяла всѣ австрійскія провинціи въ одно нераздѣльное государство безъ всякаго вниманія къ интересамъ Германіи; въ ней вовсе не было рѣчи объ исключительномъ положеніи нѣмецкихъ

Распаденіе
національнаго
собранія.

провинцій нової конституційної монархії і ні однимъ словомъ не виражалось желаніє підчинитися германській імперській конституції или тільки принорувитися къ ея содержанию. Крімъ того, австрійська дипломатическая нота, требовала включенія всѣхъ австрійськихъ владѣній въ составъ германскаго союзу і учрежденія семичленної директорії, которая всегда находилась-бы подъ предсѣдательствомъ Австрії, была-бы облечена центральною правительственною властію і вѣдала-бы общіє інтереси при содѣйствіи палаты государственныхъ представителей, но безъ содѣйствія палаты представителей народныхъ. Этой выходкой австрійское правительство произвело во Франкфуртѣ сильное впечатлѣніє. Оно вступало въ борьбу съ імперскимъ парламентомъ, а соединяя свои разнородныя провинції въ одно конституційное государство, не позволяло представителямъ германской націи сдѣлать то-же самое. Первымъ послѣдствіємъ произведеннаго впечатлѣнія было то, что Велькеръ неожиданно внесъ въ національное собрание цѣлый рядъ предложеній: онъ убѣждалъ національное собрание немедленно утвердить проектъ германской конституції въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ выработанъ конституційнымъ комитетомъ послѣ перваго чтенія, за тѣмъ возложить на Прусскаго короля званіє наслѣдственнаго імператора і обратиться ко всѣмъ нѣмецкимъ правителямъ съ приглашеніємъ согласиться на такое рѣшеніє і всѣми силами содѣйствовать приведенію его въ исполненіє. Велькеръ всѣхъ удивилъ такой внезапной перемѣной своихъ прежнихъ убѣжденій, а когда онъ закончилъ свою рѣчь возгласомъ: Отечество въ опасности, спасайте-же отечество!, тогда многіє изъ депутатовъ были растроганы і увлечены его краснорѣчіємъ.

12 марта 1849.

Ранке говоритъ въ одномъ изъ своихъ изданій („Переписка Фридриха Вільгельма IV съ Бунзеномъ“): Франкфуртскому собранію, считавшему себя представителемъ народнаго верховенства, слѣдуетъ отдать справедливость въ томъ, что оно постоянно держалось принциповъ прочнаго государственнаго устройства, устраняло мысль о республикѣ, признавало монархическую власть і намѣревалось передать центральную власть самому могущественному изъ нѣмецкихъ монарховъ — Прусскому королю. Тѣ соображенія, которыми оно при этомъ руководствовалось, были изложены въ одной изъ рѣчей Суарона: въ ней доказывалось, что только самый могущественный изъ нѣмецкихъ государей годится для званія главы союза, потому что только онъ въ состояніи подавлять сопротивленіє прежнихъ імперскихъ чиновъ, привыкшихъ пользоваться своими верховными правами. „Наша временная центральная власть имѣла все за себя — и самаго популярнаго изъ монарховъ, і общественное мнѣніє, і расшатанную трону революцію; і само національное собрание, но у нея не было никакой матеріальной силы і потому все ея усилія оставались безплодными. Но для того, чтобъ власть была прочной, она должна быть наслѣдственной; только при такомъ условіи возможно сліяніє Пруссіи съ Германіей: если бы король Пруссій сдѣлался только временнымъ главою союза, то въ Пруссіи упрочились-бы конституційныя учрежденія і существованіє союзнаго государства сдѣлалось-бы невозможнымъ; если-же король Пруссій

сдѣлается наследственнымъ главою германской имперіи, то въ Пруссіи прекратятся стремленія къ партикуляризму“.

Но уже прошло время того патріотическаго воодушевленія, на которое разсчитывали авторы вышеизложенныхъ проектовъ; партійные раздѣры и упорная привязанность къ прежнимъ принципамъ сдѣлали тщетными всѣ попытки смѣлаго окончательнаго рѣшенія. Когда по прошествіи нѣсколькихъ дней проекты, тщательно разсмотрѣнные и одобренные особой комиссіей, были подвергнуты голосованію, они были отвергнуты незначительнымъ большинствомъ голосовъ, къ великому удивленію даже тѣхъ, кто подавали свои голоса противъ нихъ. Имперское министерство вышло въ отставку. Слѣдовало ожидать, что австрійскіе депутаты выйдутъ изъ состава собранія или не будутъ принимать участія въ голосованіи, но только двое изъ нихъ исполнили это требованіе приличія, а лѣвая сторона поставила свою поддержку въ зависимость отъ такихъ условій, на которыя не могла, безъ униженія своего достоинства, согласиться партія наследственнаго императорскаго званія. Члены этой партіи очутились въ крайне затруднительномъ положеніи. Умы были такъ раздражены, а депутаты, желавшіе учрежденія директоріи, дѣйствовали такъ единодушно съ членами лѣвой, что разрѣшеніе вопроса о главѣ союза и окончательное утвержденіе конституціи казались невозможными. О добровольномъ выходѣ австрійскихъ депутатовъ изъ состава собранія нечего было и думать; даже ходилъ слухъ, что ихъ партію усилятъ новые выборы; возникавшее по временамъ намѣреніе предъявить протестъ противъ ихъ дальнѣйшаго участія въ голосованіяхъ не имѣлъ никакой легальной основы, а потому было отложено въ сторону. Для партіи наследственнаго императорскаго званія служило утѣшеніемъ убѣжденіе, что ея противники были достаточно сильны для того, чтобъ забаллотировать всякій проектъ, но не были достаточно сильны для того, чтобъ провести какой либо проектъ, составленный ими самими. Предложеніе Гекшера учредить директорію не было одобрено большинствомъ. Это ободрило тѣхъ, кто желалъ учрежденія императорскаго званія; поэтому они горячо одобрили сдѣланное членомъ лѣвой, Эйзенштукомъ, предложеніе скорѣе приступить ко второму чтенію конституціи безъ всякихъ преній: они надѣялись достигнуть по частямъ того, чего прежде желали достигнуть цѣликомъ и однимъ разомъ. Но они достигли своей цѣли не безъ прискорбныхъ униженій и не безъ тяжелыхъ пожертвованій. Они были вынуждены одобрить предложеніе лѣвой, чтобъ главѣ союза было предоставлено право налагать на рѣшенія народныхъ представителей только такое *vetō*, которое временно пріостанавливаетъ исполненіе этихъ рѣшеній; они были вынуждены отвергнуть право главы союза безусловно протестовать даже противъ измѣненій кон-

Окончательное
составленіе
имперской
конституціи и
пзбраніе им-
ператора.
21 марта.

ституціи; они даже были вынуждены подавать свои голоса за никуданегодный демократическій законъ о выборахъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ одобренъ при его первомъ чтеніи. Этимъ они иска-
 27 марта 1849. зили свой проектъ. Наконецъ, въ достопамятномъ засѣданіи 27 марта
 была утверждена большинствомъ четырехъ голосовъ наследствен-
 ность званія главы союза и было рѣшено, что онъ будетъ носить
 28 марта. титулъ германскаго императора; въ слѣдующій день, императорское
 званіе было возложено на короля Прусскаго; въ подачѣ голосовъ
 участвовали 290 депутатовъ, а 248 воздержались отъ участія въ
 голосованіи. При радостныхъ возгласахъ собранія и собравшейся на
 улицахъ толпы и при звонѣ колоколовъ былъ провозглашенъ во
 Франкфуртѣ германскій императоръ, а президентъ собранія Симсонъ
 выразилъ въ трогательныхъ словахъ радость по поводу этого важ-
 наго событія. Но конституція уже утратила свой цѣльный характеръ;
 единство центральной власти, которое удалось отстоять съ такимъ
 трудомъ, было ослаблено уступками, сдѣланными лѣвой сторонѣ; а
 незначительность большинства, съ помощью котораго была достиг-
 нута окончательная цѣль, не позволяла считать состоявшееся рѣ-
 шеніе за выраженіе желаній всей нѣмецкой націи, хотя приверженцы
 наследственнаго императорскаго званія и указывали на то обстоятель-
 ство, что болѣе ста австрійскихъ депутатовъ подали отрицательные
 голоса, между тѣмъ какъ они, очевидно, не имѣли никакого права
 участвовать въ составленіи такой конституціи, которая не могла быть
 введена въ австрійскихъ владѣніяхъ.

7. Перемена политики въ Австріи и въ Пруссіи.

Министерство Шварцен- Вѣ то время, какъ франкфуртская конституція съ такимъ трудомъ
 бергъ-Стадіона появлялась на свѣтъ, двѣ великія нѣмецкія державы мало по малу
 и новый ав- приходили въ себя отъ пережитыхъ потрясеній. Но обѣ онѣ пришли
 стрійскій им- къ убѣжденію, что необходимо преобразовать государственныя учреж-
 ператоръ. денія согласно съ требованіями общественнаго мнѣнія, что полицей-
 ская система управленія съ преобладаніемъ чиновниковъ уже не
 соответствуетъ требованіямъ времени, что слѣдуетъ пріискать такую
 форму правленія, которая удовлетворила-бы стремленія образован-
 ныхъ народовъ къ свободѣ. Поэтому и въ Австріи и въ Пруссіи
 было рѣшено ввести конституціонную форму правленія вмѣстѣ съ
 требуемыми ею реформами, удовлетворить народныя желанія въ сфе-
 рахъ политической, церковной, судебной и политико-экономической,
 преобразовать въ духъ новаго времени податную систему и отно-
 шенія между крестьянами и землевладѣльцами. Эти намѣренія были
 изложены въ программѣ новаго министерства Шварценбергъ-Ста-
 діона при открытіи въ Кремзирѣ засѣданій сейма 22 ноября 1848.

Въ этой программѣ австрійское правительство утверждало, что оно желаетъ монархическихъ конституціонныхъ учрежденій искренно и безъ всякихъ оговорокъ, что оно обезпечить законами всѣ дарованныя австрійскимъ подданнымъ права и вольности какъ національныя и гражданскія, такъ и личныя, и что только «обновленной Австріи» должно быть указано ея будущее положеніе въ Германіи. Сеймъ горячо одобрилъ эту программу. Но вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ пришло извѣстіе, что императоръ Фердинандъ сложилъ съ себя корону, что его братъ эрцгерцогъ Францъ Карлъ отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ и что сынъ этого послѣдняго Францъ Іосифъ провозглашенъ австрійскимъ императоромъ, потому что введеніе предпринятыхъ реформъ требовало болѣе молодыхъ силъ; тогда между членами сейма стало высказываться опасеніе, что новое правительство, можетъ быть, не сочтетъ для себя обязательнымъ исполненіе обѣщаній, данныхъ его предшественниками. 2 дек. 1848.

Это опасеніе нѣсколько стихло вслѣдствіе изданія манифеста, въ которомъ молодой императоръ обѣщалъ, что основой для благотворнаго преобразованія государственныхъ учрежденій будутъ служить: равноправность всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ имперіи, равенство всѣхъ гражданъ передъ закономъ и участіе народныхъ представителей въ изданіи законовъ; но во время совѣщаній стала все яснѣе обнаруживаться невозможность согласовать дѣятельность созданнаго революціонными бурями собранія съ намѣреніями правительства, стремившагося съ усиленіемъ и упроченіемъ исполнительной власти. Критическое положеніе финансовъ, заставлявшее постоянно требовать отъ сейма новыхъ жертвъ и уступокъ, усиливало оппозицію демократическихъ депутатовъ, а во время препій объ основныхъ правахъ ясно обнаружилось несходство точекъ зрѣнія, которыми руководствовались законодательное собраніе и министерство. Принципъ народного верховенства, которымъ руководствовались какъ франкфуртскій сеймъ, такъ и кремзирскій, и основное положеніе, что всякая государственная власть исходитъ отъ народа, вызывали рѣшительные протесты со стороны министерства, утверждавшаго, что монархическая власть исходитъ отъ Бога. А когда сеймъ не только сталъ упорно отстаивать свое основное положеніе, но также сталъ требовать такихъ вольностей, которыя были слишкомъ широки для австрійскихъ подданныхъ, еще далеко не достигшихъ зрѣлости въ политическомъ отношеніи и очень крѣпко привязаннымъ къ старымъ церковнымъ учрежденіямъ, и введеніе которыхъ встрѣтило бы безконечныя затрудненія и препятствія, — и когда Ригеръ, Шушелка и другіе народные представители стали горячо нападать на политику министерства и все яснѣе обнаруживавшіяся стремленія къ реакціи, тогда въ Ольмюцѣ созрѣла рѣшимость распустить сеймъ до окончательнаго составленія конституціи. Архіепископскій дворецъ, въ которомъ происходили 7 марта 1849. Распушеніе сейма и высочайше дарованная конституція.

засѣданія сейма, былъ занятъ войсками рано утромъ 7 марта 1849, а депутаты были принуждены выѣхать изъ Кремзиръ. Въ тотъ-же день вечеромъ этотъ маленькій городокъ снова оказался такимъ же опустѣлымъ и безжизненнымъ, какимъ былъ до ноября 1848 года. За тѣмъ былъ изданъ цѣлый рядъ министерскихъ распоряженій; въ первомъ изъ нихъ были изложены слѣдующія причины распущенія сейма: это собраніе заняло положеніе, несовмѣстное съ долгомъ преданности царствующему дому, а побѣды, одержанныя въ Венгріи и въ Италіи, дѣлали необходимымъ изданіе такой общей для всѣхъ австрійскихъ владѣній конституціи, составленіе которой выходило изъ предѣловъ полномочій сейма; наконецъ были обнародованы: высочайше дарованная (октроированная) конституція, законъ объ основныхъ правахъ и патентъ о заработной платѣ. Хотя предоставленныя этими документами права не вполне соответствовали требованіямъ народныхъ представителей, но они обезпечивали пользованіе широкой свободой, въ особенности сравнительно съ прежними порядками, а обѣщанныя реформы во всѣхъ сферахъ церковной, государственной и гражданской жизни предвѣщали наступленіе новой эры.

Конституція
4 марта.

Конституція учреждала въ каждой провинціи собраніе земскихъ чиновъ, а для всей монархіи—имперскій сеймъ, состоящій изъ сената и палаты депутатовъ. Но этотъ сеймъ долженъ былъ собраться только послѣ введенія земскихъ учреждений и земскихъ собраний во всѣхъ австрійскихъ провинціяхъ; а такъ какъ эти провинціи были въ высшей степени разнородны, то созваніе сейма становилось если не сомнительнымъ, то очень нескоро осуществимымъ. Въ отправленіи правосудія вводилось публичное и словесное разбирательство, а нѣкоторыя дѣла предоставлялись рѣшенію суда присяжныхъ; высшій имперскій судъ долженъ былъ рѣшать въ послѣдней инстанціи дѣла о политическихъ преступленіяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнять обязанности высшаго третейскаго суда. Государственный совѣтъ, состоящій изъ членовъ, назначенныхъ императоромъ, долженъ былъ помогать исполнительной власти въ исполненіи ея обязанностей.

Второе національное собраніе въ Берлинѣ.

Эти событія не остались безъ вліянія на Пруссію. Вновь избранные члены палаты собрались 26 февраля 1849 г. въ Берлинѣ, еще находившемся въ осадномъ положеніи; ихъ задача заключалась въ пересмотрѣ «октроированной» конституціи и въ ея окончательномъ утвержденіи по соглашенію съ правительствомъ. Должностныя лица всячески старались дать новымъ выборамъ направленіе, согласное съ интересами правительства; но право всеобщей подачи голосовъ и дѣятельность народныхъ обществъ привели къ тому, что въ нижнюю палату было избрано много членовъ демократической партіи и что самые выдающіеся ораторы учредительнаго собранія попали въ члены и этого перваго законодательнаго собранія. Хотя они и не располагали большинствомъ голосовъ, но благодаря своему единодушію составляли сильную оппозицію во всѣхъ вопросахъ первостепенной

важности. Верхняя палата, члены которой выбирались только теми, кто имѣлъ установленный цензъ, состояла изъ людей съ консервативными убѣжденіями, но отстаивавшихъ принципъ конституціонной монархіи. Въ ней крайнія мнѣнія почти вовсе не имѣли представителей. Чтобъ быть въ состояніи бороться съ лѣвой стороной нижней палаты, бывшій вождь правой стороны франкфуртскаго собранія Випке соединилъ всѣхъ консервативныхъ членовъ въ одну сильную партію посредствомъ составленія обширной программы, въ которой признавалъ только обязательную силу конституціи 5-го декабря и принципъ конституціонной монархіи подъ наследственнымъ управленіемъ дома Гогенцоллерновъ; эта консервативная партія была сильнѣе демократической лишь небольшимъ числомъ голосовъ; она утверждала такія постановленія, какихъ желало министерство. Такимъ образомъ нижняя палата раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря, между которыми не было никакого средняго, примирительнаго направленія, и которые ежедневно вступали между собою въ борьбу. Скоро для всѣхъ стало ясно, что нельзя ожидать никакой успѣшной, благотворной дѣятельности отъ такого собранія, въ которомъ одна половина членовъ всегда отвѣчала «да», а другая всегда отвѣчала «нѣтъ». Во время преній объ адресѣ дѣло дошло до бурныхъ сценъ: правая сторона одобряла распущеніе перваго учредительнаго собранія и дарованіе конституціи и съ признательностью называла ихъ «спасительнымъ дѣломъ», а лѣвая сторона усматривала въ нихъ только произволъ, несправедливость, вредъ и не хотѣла признавать обязательную силу самовольно дарованной конституціи. Пренія объ осадномъ положеніи также были шумны, а вопросъ о германскомъ единствѣ уже тогда предвѣщалъ горячую борьбу, которая была вскорѣ послѣ того вызвана рѣшеніями, принятыми франкфуртскимъ собраніемъ, и которая привела къ новому распущенію нижней палаты.

3 апрѣля 1849 года король Фридрихъ Вильгельмъ IV принималъ въ кавалерской залѣ берлинскаго дворца депутацію, которая пред-
ложила ему отъ имени нѣмецкаго національнаго собранія наследст-
венное званіе германскаго императора въ томъ предположеніи, что
онъ приметъ и будетъ исполнять имперскую конституцію во всѣхъ
ея постановленіяхъ. То былъ чрезвычайно важный моментъ въ исто-
ріи, а его важность еще увеличивали громкія имена и умственные
достоинства тѣхъ тридцати двухъ депутатовъ, которые съ президен-
томъ Симсономъ во главѣ сообщили королю рѣшеніе франкфуртскаго
собранія, обѣщавшее упрочить единство, могущество и величіе Гер-
маніи. Но нѣмецкіе патріоты обманулись въ своемъ ожиданіи, что
имперская конституція закончитъ дѣло революціи и послужитъ на-
чаломъ для новой эры. Президентъ Симсонъ обратился къ королю
съ рѣчью, въ которой сказалъ, что отечество избрало его главою
имперіи для того, чтобъ онъ оберегалъ ея единство, свободу и мо-

Прибытіе въ
Берлинъ де-
путаціи, пред-
ложившей ко-
ролю титулъ
германскаго
императора.
3 апр. 1849.

гущество; но Фридрихъ Вильгельмъ IV далъ неопредѣленный отвѣтъ, который походилъ на отказъ, потому что въ немъ принятіе императорскаго титула обусловливалось предварительнымъ пересмотромъ всей конституціи всѣми нѣмецкими правительствами, и который былъ тѣмъ болѣе неожиданнымъ, что министръ графъ Бранденбургъ только-что объявилъ двумъ депутаціямъ о готовности короля принять предложенную ему императорскую корону, если на это согласятся другія нѣмецкія правительства. Дѣйствительно, король былъ, по видимому, расположенъ принять предложеніе національнаго собранія, съ оговоркой, если оно будетъ одобрено нѣмецкими правителями и вольными городами, но потомъ онъ измѣнилъ свои намѣренія и отвергнулъ корону, предложенную ему вслѣдствіе успѣшнаго революціоннаго движенія. Въ этомъ случаѣ ясно обнаружилось нерѣшительность его характера и измѣчивость его убѣжденій. Кромѣ того, онъ не желалъ посягать на древне-историческія права австрійскаго царствующаго дома, быть можетъ опасался войны съ Австріей, внималъ предостереженіямъ Русскаго императора, и чувствовалъ отвращеніе къ революціонному происхожденію императорскаго званія, которое охотно принялъ-бы отъ царствующихъ особъ. Но настоящія причины внезапной перемѣны его намѣреній никогда не были вполне выяснены. Его отказъ, сначала казавшійся нерѣшительнымъ, слишкомъ скоро оказался окончательнымъ. Депутація національнаго собранія была очень оскорблена недружелюбнымъ пріемомъ, который ей оказывали повсюду, и для котораго служилъ нѣкоторымъ вознагражденіемъ лишь любезный пріемъ въ домѣ принца Прусскаго; она по прошествіи нѣсколькихъ дней выѣхала обратно во Франкфуртъ, предварительно обратившись къ министру Бранденбургу съ заявленіемъ, что съ принятіемъ императорскаго званія неразрывно связано безусловное признаніе имперской конституціи. Когда они выѣзжали изъ Франкфурта, они имѣли видъ триумфаторовъ, а возвращаясь туда были похожи на потерпѣвшихъ неудачу изгнанниковъ. Такимъ образомъ, пришлось на неопредѣленное время отложить надежды на упроченіе германскаго единства. Король Фридрихъ Вильгельмъ IV отвергнулъ высокое призваніе окружить свой царствующій домъ новымъ блескомъ безъ войны и безъ завоеваній и сдѣлаться повелителемъ обновленной Германіи. Еслибъ онъ принялъ императорскую корону, то всѣ остальные нѣмецкія правительства подчинились-бы его рѣшенію, а вслѣдствіе его отказа рушилось все предпріятіе.

Мотивы королевскаго отказа.

Въ оправданіе королевскаго отказа указывались недостатки конституціи, утвержденной лишь незначительнымъ большинствомъ голосовъ, и въ особенности недостатки демократическаго избирательнаго закона, несовмѣстимаго съ существованіемъ сильнаго монархическаго правительства; напротивъ того, защитники имперской конституціи утверждали, что избирательный законъ не составлялъ нераздѣльной части этой конституціи, что народъ, доволь-

ный упроченіемъ единства Германіи, подалъ бы, при слѣдующихъ выборахъ, свои голоса за такихъ кандидатовъ, которые охотно взяли-бы за очищеніе конституціи отъ ея недостатковъ. Они говорили, что въ эпоху политическихъ волненій слѣдуетъ принимать въ соображеніе народный энтузіазмъ и не слѣдуетъ все взвѣшивать на вѣсахъ здраваго смысла и дипломатической осмотрительности. Такъ какъ президентъ имперскаго министерства, пріѣзжавшій въ Берлинъ ранѣе депутации франкфуртскаго собранія, узналъ изъ вѣрнаго источника, что Пруссія намѣрена отвѣчать отказомъ, то его упрекали за упорство, съ которымъ онъ не переставалъ отстаивать свои воззрѣнія „доктринера“. Но развѣ онъ не могъ надѣяться, что сила обстоятельствъ, довѣріе націй, заманчивая привлекательность предложенія и разныя непредвидѣнныя вліянія заставятъ впечатлительнаго короля измѣнить его прежнее рѣшеніе? Вотъ что говоритъ Ранке (въ „Перепискѣ Фридриха Вильгельма IV съ Бунзеномъ“) о вышеупомянутомъ свиданіи президента имперскаго правительства съ прусскимъ королемъ въ Берлинѣ: „Король только что проявилъ въ Берлинѣ всю силу своей власти и былъ доволенъ результатомъ. Не смотря на это, онъ, по видимому, былъ расположенъ войти въ соглашеніе съ франкфуртскимъ собраніемъ, пользовавшимся народными симпатіями; но онъ не могъ согласиться на сдѣланныя ему предложенія; онъ отвѣчалъ, что эти предложенія окажутся неисполнимыми, если Австрія останется членомъ германскаго союза, что даже въ противномъ случаѣ нельзя будетъ рассчитывать на согласіе нѣмецкихъ королей и что, въ лучшемъ случаѣ, пришлось-бы бороться съ оппозиціей католиковъ, съ сопротивленіемъ второстепенныхъ государствъ и съ недоброжелательствомъ великихъ державъ. Онъ не хотѣлъ принимать участія въ узурпаціи княжескихъ правъ, въ которой обвинялъ франкфуртское собраніе“. Онъ самымъ рѣзкимъ тономъ негодованія излагалъ своему другу причины, по которымъ отказался отъ „такого фантастическаго кушанья, приготовленнаго изъ грязи и глины“. Когда Э. М. Арндтъ умолялъ его осуществить проектъ союзнаго государства и, согласно желанію національнаго собранія, стать во главѣ Германіи, онъ въ своемъ отвѣтномъ письмѣ называлъ предложенную ему корону „железнымъ ошейникомъ, который сдѣлаетъ его — правителя шестнадцати милліоновъ людей рабомъ революціи“. Однако Ранке далѣе говоритъ: Смыслъ этихъ писемъ былъ-бы истолкованъ невѣрно, еслибы въ нихъ усмотрѣли рѣшимость безусловно отказаться отъ короны германскаго императора; напротивъ того, изъ каждаго слова видно, что для короля было-бы высшимъ удовлетвореніемъ честолюбія, если бы онъ надѣлъ на свою голову тысячелѣтнюю императорскую корону; но онъ хотѣлъ достигнуть этой цѣли легальнымъ издревле-установленнымъ способомъ. Энергичность выраженій, которыя онъ употребляетъ, объясняется совѣтомъ Бунзена прибѣгнуть къ революціоннымъ средствамъ. Вѣдь самыя глубокія его убѣжденія не позволяли ему принять императорскую корону отъ такого парламента, въ составъ котораго входили самыя противныя для него элементы, и за которымъ онъ не признавалъ никакого права распоряжаться этою короною. Но въ то-же время король писалъ: у меня теперь только два честолюбивыхъ желанія: 1) или теперь, если это возможно, или лишь только это окажется возможнымъ, быть выбрану королями и князьями, вмѣсто эрцгерцога Іоанна, временнымъ намѣстникомъ Германіи и ввести въ ней порядокъ; 2) сдѣлаться главнокомандующимъ всѣхъ нѣмецкихъ армій, чтобъ поддерживать порядокъ. Въ статьѣ, напечатанной 1 іюня 1880 въ *Allgemeine Zeitung* подъ заглавіемъ „Воспоминанія о Гаггернѣ“, І. Сеппъ такъ описываетъ то, что происходило въ Берлинѣ: „Послѣ того, какъ новая имперская конституція была утверждена незначительнымъ большинствомъ голосовъ, состоялось избраніе императора, а

президентъ собранія отпра́вился съ императорско́й коро́ной въ карма́нъ и съ приличной свитой въ Берли́нъ; но́ время́ для́ этой по́ѣздки́ было́ такъ неудачно́ выбрано́, что депута́ція націо́нальнаго собра́нія была́ вынуждена́ остано́виться на пу́ти и просидѣ́ть цѣ́лый де́нь на оди́номъ мѣ́стѣ́ для́ того́, чтобъ не пріѣ́хать въ Берли́нъ прямо́ къ перво́му апрѣ́ля. Южно-нѣ́мецкая като́лическая па́ртія воспользо́валась э́тимъ промедле́ніемъ для́ того́, чтобъ вручи́ть коро́лю Фридриху Вильгельму IV меморі́ю съ на́скоро́ собранными де́вяносто тре́мя подписа́ми и обрати́ться къ́ нему́ съ эне́ргическими внуше́ніями, что́ для́ наслѣ́дственнаго мона́рха, ца́рствующаго Мило́стію Бо́жіей, было́-бы́ кра́йне о́пасно́ при́нимать изъ ру́къ бо́лѣе или ме́нѣе ра́дикальна́го и къ́ тому́-же о́чень незначительна́го бо́льшинства императорско́ю коро́ну, которую́ нельзя́-бы́ было́ сохра́нить безъ ме́ждоусобной войны́. Э́то предо́стереже́ніе произве́ло впечатле́ніе на коро́ля и прибывша́я изъ Франкфу́рта депута́ція встрѣ́тила холо́дный прие́мъ. Коро́ль громко сказа́лъ: Я хочу́ быть не́ первымъ, а вто́рымъ въ импері́и! И э́ти подро́бности и мно́гія дру́гія были́ до сихъ́ поръ́ во́все неизвѣ́стны и Ю́ргенсу и Лаубе́ и дру́гимъ пи́сателямъ, излага́вшимъ исто́рію франкфу́ртскаго парламе́нта; но́ мы мо́жемъ́ руча́ться за ихъ́ досто́вѣрность, по́тому что́ сами́ уча́ствовали въ́ составле́ніи и въ́ подписа́ніи адре́са. Едва́-ли мо́жно допу́стить, чтобъ́ адре́съ като́лическихъ́ депута́товъ мо́гъ произве́сти въ́ Берли́нѣ́ такое́ си́льное впечатле́ніе или́ чтобъ́ онъ́ побуди́лъ коро́ля отка́заться отъ́ императорско́й коро́ны. Во вре́мя революціо́нныхъ́ буръ́ импе́раторъ Никола́й имѣ́лъ бо́лѣе си́льное влі́яніе на прусскую́ политику: онъ́ заяви́лъ, что́ вся́кое прео́бразова́ніе германска́го сою́за безъ́ уча́стія Австрі́и онъ́ бу́детъ́ счита́ть за наруше́ніе до́говоровъ́ 1815́ года́ и бу́детъ́ дѣ́йствовать соо́бразно́ съ э́тимъ́ возо́зрѣніемъ. — О́ прие́мѣ́ депута́ціи принце́мъ Пру́скимъ, (бу́дущимъ́ основа́телемъ́ ново́й импері́и) оди́нъ изъ́ ея́ членовъ́, Бидерма́ннъ разска́зываетъ́ слѣ́дующее: „Мы́ при́были въ́ дворе́цъ принца́ въ́ мрачнóмъ душе́вномъ на́стро́еніи. Но́ на насъ́ произве́ло о́чень прі́ятное́ впечатле́ніе то́, что́ принцъ́ неме́дленно́ заговори́лъ о́ жгуче́мъ вопро́сѣ́ дня́, составля́вшемъ́ главны́й предме́тъ наши́хъ́ заботъ́. Ему́́ было́ извѣ́стно, ка́кое пода́вляющее́ впечатле́ніе произве́лъ на насъ́ отве́тъ коро́ля. Онъ́́ стара́лся оправда́ть отка́зъ́ своего́ брата́ тѣ́мъ, что́ коро́лю при́шлось-бы́́ сило́ю прину́ждать нѣ́мецкихъ́ правите́лей къ́ призна́нію возло́женна́го на́ него́ парламе́нтомъ императорска́го зва́нія. Вы́ повери́те моему́́ солдатско́му́ слову́, — сказа́лъ онъ́, — что́ я не́ побо́ялся-бы́́ войны́, но́ неужели́-же́ мы́́ должны́́ двину́ть 80,000-ную́́ а́рмію въ́́ Баварі́ю для́́ того́́, чтобъ́́ прину́дить баварска́го́ коро́ля къ́́ покорности́? На́́ такой́́ вопро́съ́ мы́́ должны́́-бы́́ были́́ отве́́тить, что́́ мы́́ во́все не́́ могли́́ помы́́шлять о́́ такой́́ прину́дительно́́ мѣ́рѣ́, но́́́ вполнѣ́́ убѣ́ждены, что́́́ если́́ бы́́ коро́ль при́ня́лъ императорско́́ю коро́ну́́ и имперско́́ю консти́туцію́́, то́́ ни оди́́нъ изъ́́ нѣ́мецкихъ́́ князей́́ не́́ отка́́зался́́ бы́́ призна́́ть наслѣ́́дственностъ́́ императорска́́го зва́́нія́́ или́́ неме́́дленно́́ или́́ въ́́ скоромъ́́ вре́́мени. Принцъ́́ откры́́то держа́́лся э́́той то́́чки зрѣ́нія́́; е́́е выска́́залъ за де́́нь до́́ аудіе́́нціи́́ и са́́мъ коро́́ль па́́латамъ́́ уста́́ми своихъ́́ ми́́нистровъ́́, депута́́ціи — уста́́ми пре́́зидента ми́́нистерства́́, гра́́фа Бра́́нденбу́́рга (а́́ имен́́но: что́́ онъ́́ при́ня́лъ-бы́́ императорско́́ю коро́ну́, если́́ бы́́ вырази́́ли на́́ это́́ свое́́ согла́́сіе нѣ́́мецкі́́е правите́́ли); но́́ на дру́́гой де́́нь коро́́ль пере́́думалъ́́ и до́́ сихъ́́ поръ́́ неизвѣ́́стно, что́́́ его́́́ къ́́ э́́тому́́́ побуди́́ло. Каса́́тельно́́ имперско́́й консти́туціи́́ принцъ́́ не́́ выска́́залъ́́ своего́́́ мнѣ́́нія. Мы́́ вы́́несли́́ изъ́́ его́́́ дворца́́́ убѣ́́жде́ніе, что́́́ по́́ менѣ́́шей мѣ́́рѣ́́ тамъ́́́ ясно́́́ пони́́маютъ́́́ жи́зненные́́́ интере́́сы Пру́́ссіи́́́ и Герма́́нии“.

Пру́́сское́́ правите́́льство́́ е́́ще́́ не́́ выска́́зало́́́ своего́́́ оконча́́тельнаго́́́

рѣшенія; имперская конституція и вмѣстѣ съ нею императорская корона еще не были окончательно отвергнуты. Поэтому, партія наслѣдственной имперіи во Франкфуртѣ старалась какъ можно долѣе откладывать окончательную развязку, пока еще не исчезла всякая надежда на благопріятную для него перемѣну въ положеніи дѣлъ. Такъ какъ она твердо рѣшилась отстаивать неприкосновенность имперской конституціи, то она отвергала все проекты перемѣнъ по вопросу о главѣ союза. Нѣсколько членовъ правой стороны предложили на время закрыть засѣданія собранія для того, чтобъ нѣмецкія правительства успѣли войти между собою въ переговоры и притти къ какому нибудь единогласному рѣшенію; но это предложеніе встрѣтило лишь слабую поддержку, потому что нельзя было надѣяться, чтобъ переговоры съ многочисленными нѣмецкими правителями могли привести къ желаемой цѣли. И измѣненія конституціи, предложенныя партіей директоріи, не были одобрены; къ тому же эта партія утратила свою силу и значеніе послѣ того, какъ бѣольшая часть австрійскихъ депутатовъ получила изъ Ольмюца приказаніе возвращаться домой и вышла изъ состава національнаго собранія. 18 апр. 1849. Отъ этого усилилось вліяніе членовъ лѣвой стороны. Поэтому партія наслѣдственной имперіи была вынуждена заглушить въ себѣ старое къ нимъ несочувствіе и уладить съ ними соглашеніе касательно совокупнаго образа дѣйствій. Такъ какъ для нихъ утвержденіе имперской конституціи было не конечною цѣлью, а лишь переходною ступенью къ республикѣ, то ихъ сближеніе съ тѣми, кто желалъ внутренняго спокойствія и порядка, удерживало ихъ отъ торопливо принятыхъ рѣшеній, а эти послѣдніе снова приобрѣли утраченную народную любовь благодаря своему сближенію съ людьми прогресса. Поэтому нѣмецкая нація снова стала возлагать свои надежды на франкфуртское собраніе; земскіе чины стали со всехъ сторонъ обращаться туда съ одобрительными адресами. Но вслѣдствіе нетерпѣнія, которое обнаруживалось въ народѣ, и вслѣдствіе того, что лѣвая сторона настаивала на необходимости дѣйствовать рѣшительно, собраніе не могло долго придерживаться миролюбиваго образа дѣйствій въ особенности въ виду того, что прусское правительство все еще не давало рѣшительнаго отвѣта. Хотя собраніе и уклонилось отъ разрыва съ Пруссіей, отвергнувши предложеніе Лудвига Симона обратиться ко всемъ нѣмецкимъ князьямъ съ приглашеніемъ признать обязательную силу имперской конституціи и за тѣмъ приступить къ избранію главы союза, но оно ясно доказало свою рѣшимость отстаивать эту конституцію всеми законными средствами, одобривши слѣдующее предложеніе депутата Мати: «слѣдуетъ обратиться къ нѣмецкимъ правительствамъ съ просьбой воздерживаться отъ всякихъ мѣръ, которыя въ эту рѣшительную минуту лишили бы народъ легальнаго способа выражать свою волю,—и въ особен-

Франкфурт-
ское собраніе
послѣ отказа
ороля отъ
императорской
короны.

ности не пользоваться правомъ временнаго закрытія или распушенія земскихъ собраній, пока не будетъ ими принята имперская конституція».

Отсрочка за-
сѣданій зем-
скихъ собра-
ній.

27 апр. 1849.

До 14 апрѣля уже двадцать восемь правительствъ, съ великимъ герцогомъ баденскимъ во главѣ, заявили во Франкфуртѣ, что признають имперскую конституцію; но королевства баварское, ганноверское, саксонское, и вюртембергское медлили изъявленіемъ своего согласія частію въ интересахъ церкви и партикуляризма, частію подчиняясь вліянію Австріи, и отсрочили засѣданія земскихъ собраній, которыя стали-бы настаивать на принятіи конституцій. Прусское правительство прибѣгнуло къ такой же мѣрѣ и этимъ усилило размолвку между Берлиномъ и Франкфуртомъ. Вѣдь нижняя палата, увлекшаяся преимущественно убѣдительною рѣчью Винке, рѣшилась обратиться къ королю съ адресомъ, въ которомъ говорилось, что онъ исполнить желаніе націй, если приметъ имперскую конституцію и императорскую корону. Это рѣшеніе, состоявшееся послѣ бурныхъ преній, и горячіе споры, вызванные предложеніемъ Вальдека касательно прекращенія въ Берлинѣ осаднаго положенія, побудили министерство распустить 27 апрѣля нижнюю палату и отсрочить засѣданія верхней палаты. Въ виду движенія, обнаруживавшагося во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ въ пользу введенія имперской конституціи, министерство желало обезпечить за собою полную свободу дѣйствія и не встрѣчать сопротивленія со стороны сильной парламентской оппозиціи. Въ то же время оно старалось склонить нѣмецкія правительства къ передачѣ центральной власти Прусскому королю и такимъ способомъ взять въ свои руки верховное руководство нѣмецкими дѣлами безъ содѣйствія національнаго собранія и безъ безусловнаго признанія имперской конституціи. Этимъ оно разорвало послѣднія узы между Пруссіей и франкфуртскимъ собраніемъ. Графъ Бранденбургъ уже 21 апрѣля достаточно ясно высказалъ намѣреніе короля отвергнуть имперскую конституцію, когда воскликнулъ: Никогда! Никогда! Никогда!, а вслѣдъ за тѣмъ сказалъ: принятіе конституціи доказало бы могущество общественнаго мнѣнія; но если подчиняться этому мнѣнію, не крѣпко держа въ своихъ рукахъ кормило правленія, то государственныи корабль никогда не достигнетъ спасительной пристани! А то, что онъ высказалъ намеками, было съ большею опредѣленностью выражено въ нотѣ отъ 28 апрѣля, которая была сообщена центральному союзному правительству прусскимъ уполномоченнымъ Кампгаузенемъ. Она заключала въ себѣ рѣшительный отказъ отъ императорской короны и отъ имперской конституціи. Радовицъ былъ отозванъ въ Берлинъ. Своими выдающимися дарованіями и своимъ умѣньемъ приноравливаясь ко всякимъ характерамъ и ко всякимъ положеніямъ онъ, послѣ своего вступленія во франкфуртскій парламентъ, мало по малу загладилъ непріятныя

для него воспоминанія о томъ, что онъ былъ защитникомъ и представителемъ прусской политики передъ мартовскими событіями; но онъ никогда не былъ въ состояніи внушить довѣріе къ своей искренности. Его сдержанность и двусмысленный образъ дѣйствій при обсужденіи вопроса о главѣ союза еще усилили недовѣріе къ нему; а вышеупомянутая нота, по видимому, доказывала, что онъ относился къ партіи послѣдственнаго императорскаго званія не чистосердечно Шмерлинга.

Тогда настало время окончательной развязки. И та прусская нота и ранѣе полученная баварская нота, также отвергавшая имперскую конституцію и требовавшая ее передѣлки путемъ взаимнаго соглашения, доставляли лѣвой сторонѣ все болѣе рѣшительный перевѣсъ. Благодаря ея вліянію, было постановлено рѣшеніе слѣдующаго содержания: президентъ собранія имѣетъ право по своему усмотрѣнію назначать засѣданія во всякое время и во всякомъ мѣстѣ; если не менѣе ста депутатовъ потребуютъ экстраординарнаго засѣданія, то это требованіе должно быть исполнено; для постановленія рѣшеній достаточно двухъ сотъ членовъ. Также благодаря вліянію лѣвой стороны, было рѣшено публично выразить неодобреніе распушенія палатъ, состоявшагося по распоряженію правительствъ прусскаго и ганноверскаго, и потребовать немедленнаго производства новыхъ выборовъ. А чтобъ удовлетворить все настойчивѣе высказывавшееся требованіе учредить должность имперскаго регента, собраніе приняло 4 мая большинствомъ двухъ голосовъ предложеніе Виденбургка, которое хотя и было сформулировано съ стилистическимъ и логическимъ совершенствомъ, но выходило изъ предѣловъ легальности и доставило нѣкоторымъ нѣмецкимъ правительствамъ желаемый поводъ для отозванія ихъ депутатовъ. Бекератъ тщетно отговаривалъ отъ такого опрометчиваго шага и совѣтовалъ на время отложить разсмотрѣніе предложенія; тогдашнее положеніе дѣлъ, по видимому, требовало отъ собранія новыхъ проявленій его жизненной энергіи; поэтому Бекератъ отказался отъ своихъ депутатскихъ полномочій еще до подачи голосовъ.

Предложеніе Виденбургка заключало въ себѣ, послѣ перечисленія мотивовъ, слѣдующія постановленія: 1) Національное собраніе обратится къ правительствамъ, законодательнымъ собраніямъ и общинамъ отдѣльных государствъ съ требованіемъ принять конституцію германской имперіи, утвержденную 28 марта и ввести ее въ дѣйствіе. 2) Оно назначить день (22 авг. того же года), въ который долженъ собраться первый рейхстагъ на основаніи конституціи во Франкфуртѣ на Майнѣ. 3) Оно назначить день (1 августа), въ который должны происходить въ германской имперіи выборы народныхъ представителей. 4) Если, кромѣ принадлежащихъ Австріи нѣмецкихъ провинцій, которое либо изъ нѣмецкихъ государствъ не пришлетъ своихъ представителей въ рейхстагъ и потому окажется неисполнимымъ которое либо изъ постановленій конституціи, составленной для

всей Германіи, то въ этой конституціи дѣлаются измѣненія указаннымъ въ ней самой способомъ и остаются въ силѣ до той минуты, когда она будетъ введена въ дѣйствіе повсюду. 5) Если Пруссія не пришлетъ въ рейхстагъ своихъ представителей и пока не выразитъ ни на словахъ ни на дѣлѣ признанія конституціи, то глава того государства, которое превосходитъ числомъ своего населенія всѣ другія государства, приславшія своихъ представителей, приметъ на себя права и обязанности главы имперіи съ титуломъ намѣстника. 6) Но лишь только конституція будетъ принята Пруссіей, званіе главы имперіи само собою перейдетъ къ царствующему въ тотъ моментъ Прусскому королю. 7) Глава имперіи приноситъ присягу конституціи передъ національнымъ собраніемъ и немедленно вслѣдъ за тѣмъ открываетъ засѣданія рейхстага. Съ открытіемъ рейхстага національное собраніе распускается. 8) Национальное собраніе отсрочиваетъ свои засѣданія на неопредѣленное время, составивши свое бюро, которому предоставляетъ право снова созывать собраніе, если найдетъ это нужнымъ.

Пруссія и во-
просъ о гер-
манской кон-
ституціи.

Отвергая имперскую конституцію и императорскую корону, прусское правительство заявило, что оно будетъ оказывать союзнымъ государствамъ энергическую помощь для подавленія революціонныхъ движеній; оно надѣялось, что чувство признательности за такія услуги побудитъ нѣмецкихъ правителей добровольно ввѣрить Прусскому королю центральную власть; но его ожидало горькое разочарованіе. Ему пришлось скоро убѣдиться, что нѣмецкіе правители вступались за объединеніе Германіи не изъ патріотическаго чувства, а подъ сильнымъ гнетомъ народной воли, и что очень трудно склонить ихъ къ единодушному принятію такого рѣшенія, которое привело-бы къ ограниченію ихъ самостоятельности и верховной власти. Изъ гордаго сознанія своего могущества, прусское правительство пропустило удобный случай стать во главѣ Германіи, а теперь уже не легко было поправить эту ошибку. Оно навлекло на себя упреки въ томъ, что своимъ самовластнымъ образомъ дѣйствій глубоко поколебало довѣріе народа, а его отказъ принять имперскую конституцію сдѣлался причиной несчастій, постигшихъ многія изъ нѣмецкихъ государствъ. И союзное центральное правительство и отдѣльныя нѣмецкія правительства стали оказывать противодѣйствіе высокомѣрнымъ притязаніямъ Пруссіи. Въ тотъ день, когда вопросъ о главѣ союза былъ рѣшенъ въ пользу Прусскаго короля, эрцгерцогъ-регентъ, никогда не позабывавшій своего австрійскаго происхожденія, заявилъ національному собранію о своемъ рѣшеніи сложить съ себя свое высокое званіе, по видимому, съ досады на то, что Австріи была предназначена второстепенная роль. По просьбѣ собранія и по совѣту австрійскихъ депутатовъ, онъ отложилъ исполненіе этого рѣшенія до той минуты, когда «можно будетъ это сдѣлать безъ вреда для внутренняго спокойствія и благосостоянія Германіи». Съ тѣхъ поръ онъ сталъ все безусловно подчиняться австрійскому вліянію и обнаружилъ твердую рѣшимость не покидать своего поста. Съ его согласія

Гагернъ отвѣтилъ на вышеупомянутую прусскую ноту, что только временное центральное правительство можетъ принимать мѣры, необходимыя для безопасности и благосостоянія германскаго союзнаго государства и что ни одно изъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ не можетъ предъявлять притязаній на принятіе такихъ мѣръ. Этого основного правила твердо придерживалось франкфуртское центральное правительство и послѣ того, какъ Гагернъ вышелъ въ отставку, а національное собраніе закрылось. Всѣ попытки прусскаго правительства присвоить себѣ временное завѣдываніе германскими дѣлами оказались тщетными. Не смотря на то, что состоявшее при эрцгерцогѣ имперское министерство подвергалось разнымъ клеветамъ и оскорбленіямъ, оно не покидало своего поста и этимъ предохранило отъ разрыва узы, связывавшія Австрію съ Германіей. Пруссія была достаточно сильна для того, чтобъ относиться съ пренебреженіемъ къ безсильной центральной власти и игнорировать ея существованіе; она дѣйствовала такъ безцеремонно, что безъ вѣдома франкфуртскаго центрального правительства вмѣшивалась во внутреннія дѣла тѣхъ нѣмецкихъ государствъ, которыя обращались къ ней за помощью; но въ этихъ случаяхъ она дѣйствовала съ такимъ же самовластіемъ, въ какомъ такъ часто обвиняла національное собраніе и центральную власть. Вслѣдствіе такого образа дѣйствій она совершенно утратила-бы всякое довѣріе, еслибы позднѣйшее имперское министерство не осталось безъ всякой поддержки со стороны націи и если-бы опасныя внутреннія смуты не потребовали энергическихъ мѣръ.

И отдѣльныя нѣмецкія правительства оказывали не менѣе силь- Образъ дѣй-
ное сопротивленіе стараніямъ Пруссіи присвоить себѣ верховную со- ствій Пруссіи.
юзную власть помимо національнаго собранія. Правда, прусское ми-
нистерство очень искусно избрало тотъ путь, который могъ бы при-
вести его къ желаемой цѣли: «подавляя революцію, какъ ту, кото-
рая открыто предается неистовствамъ, такъ и ту, которая кроется
въ нѣкоторыхъ опасныхъ параграфахъ имперской конституціи», въ
Берлинѣ надѣялись склонить на свою сторону нѣмецкихъ правите-
лей; а обѣщаніемъ организовать союзное государство съ сильною
центральною исполнительною властію и съ національнымъ собрані-
емъ изъ двухъ палатъ тамъ надѣялись удовлетворить стремленія на-
ціи къ объединенію и этимъ способомъ пріобрѣсть ея сочувствіе.
Но эти обѣ надежды не осуществились. Правительства мелкихъ нѣ-
мецкихъ государствъ были такъ напуганы усиливавшимся вліяніемъ
демократовъ на народныя массы, что уже одинъ этотъ страхъ за-
ставлялъ ихъ не отказываться отъ признанія имперской конституціи
и франкфуртскаго центрального правительства, а нѣмецкіе короли
вовсе не были расположены стать въ зависимое положеніе отъ Прус-
сіи. Скоро стало ясно, что путемъ переговоровъ нельзя достигнуть

желаемой цѣли, что нѣмецкія правительства подчинились-бы необходимости признать имперскую конституцію, если-бы Пруссія подала имъ въ этомъ случаѣ примѣръ, но что они никогда добровольно не откажутся отъ своихъ верховныхъ правъ и не подчинятся Прусскому королю. Въ конгрессѣ, собравшемся въ Берлинѣ для пересмотра германской конституціи, приняли участіе только Ганноверъ, Саксонія и Баварія, изъ которыхъ эта послѣдняя скоро отозвала своего представителя, 26 мая 1849. такъ что по прошествіи нѣсколькихъ недѣль пересмотрѣнная имперская конституція могла считаться только за основу союза трехъ королей; да и узы, связывавшія этихъ королей, скоро оказались слабыми. Что съ тѣхъ поръ большинство народа утратило всякое довѣріе къ Пруссіи, оно доказало тѣмъ, что перестало принимать участіе во всѣхъ слѣдующихъ выборахъ. Этому содѣйствовало и составленіе новаго проекта избирательнаго закона какъ для Пруссіи, такъ и для германскаго сейма: было рѣшено раздѣлить избирателей на три класса соразмѣрно съ суммой уплачиваемыхъ ими податей и каждому классу предоставить право назначать одинакое число выборщиковъ. Такъ какъ «мозолистымъ рукамъ рабочихъ» пришлось-бы тогда оказывать очень незначительное вліяніе на исходъ избирательной борьбы, то демократы стали съ тѣхъ поръ съ негодованіемъ воздерживаться отъ участія въ выборахъ. Не обращая никакого вниманія на эти враждебные элементы, Пруссія стала прибѣгать къ принудительнымъ мѣрамъ, опираясь не столько на свое право, сколько на свою матеріальную силу и на требованія необходимости. Она стала подавлять возстанія повсюду, гдѣ они вспыхивали, и задалась цѣлію ввести порядокъ въ раздираемой внутренними смутами имперіи, возстановить въ ней власть законовъ и начальства. Патріоты, озабоченные усиливавшимися народными смутами, стали относиться съ довѣріемъ къ обѣщаніямъ прусскаго правительства, вводившаго силою оружія законный порядокъ и обезпечивавшаго безопасность жизни и собственности. Только въ одной странѣ оно глубоко оскорбило національныя чувства Нѣмцевъ и оттолкнуло отъ себя благородное нѣмецкое племя—въ Шлезвигъ-Гольштиніи.

Союзъ трехъ
королей.

Проектъ конституціи германской имперіи, который долженъ былъ служить основой для союза трехъ королей и который слѣдовало представить на утвержденіе и пересмотръ будущаго рейхстага, былъ составленъ по образцу франкфуртской конституціи, но измѣнилъ ея характеръ сдѣланными въ ней существенными измѣненіями. Въ I главѣ, гдѣ идетъ рѣчь объ организаціи имперіи, постановленія франкфуртской конституціи были смягчены слѣдующимъ образомъ: въ составъ германской имперіи (германскаго союзнаго государства) должны входить только тѣ провинціи, которыя приняли имперскую конституцію. Во II главѣ объ имперскомъ правительствѣ, въ статьѣ 1, гдѣ говорится, что центральное правительство является представителемъ Германіи въ международныхъ отношеніяхъ, прибавлено: центральное правительство является такимъ представителемъ вслѣдствіе того,

что отдѣльные правительства добровольно передаютъ ему свое право назначать посланниковъ; кромѣ того употребленіе болѣе мягкихъ и менѣе опредѣленныхъ выраженій заставляетъ думать, что отдѣльные правительства сохраняютъ нѣкоторую самостоятельность; въ статьяхъ 2 и 3 значительно ограничена власть центрального правительства надъ нѣмецкими арміями; солдаты освобождены отъ обязанности присягать главѣ имперіи и обязаны присягать только главнокомандующему; организація армій предоставлена отдѣльнымъ правительствамъ, а распоряженіе ими предоставлено центральному правительству только во время войны или въ случаѣ необходимости экстренныхъ охранительныхъ мѣръ. Въ слѣдующихъ статьяхъ сфера вѣдомства главы имперіи относительно мореплаванія, таможенныхъ пошлинъ, желѣзныхъ и военныхъ дорогъ, пошлинъ, почтъ и т. д. ограничена въ пользу отдѣльныхъ государствъ, но ограничена такъ, что централизація управленія, необходимая для объединенія Германіи, отмѣняется не вполне. Самое важное измѣненіе сдѣлано въ III главѣ, гдѣ идетъ рѣчь о главѣ имперіи: эта высшая власть предоставлена не германскому императору, а правителю имперіи, который стоитъ во главѣ коллегіи коронованныхъ особъ, состоящей изъ шести членовъ. Званіе этого правителя соединяется съ званіемъ Прусскаго короля; назначеніе гражданского лица для императора оказывается ненужнымъ; правитель имперіи окружаетъ себя отвѣтственными министрами, но въ важныхъ вопросахъ долженъ дѣйствовать не иначе какъ съ одобренія коллегіи. Въ IV главѣ о рейхстагѣ не было сдѣлано никакихъ существенныхъ измѣненій въ тѣхъ статьяхъ, гдѣ идетъ рѣчь объ организаціи палаты, состоящей изъ представителей отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ; напротивъ того въ статьяхъ, гдѣ идетъ рѣчь о палатѣ народныхъ представителей, отмѣнено право налагать *veto*, приостанавливающее исполненіе рѣшеній; утвержденіе бюджета на одинъ годъ замѣнено утвержденіемъ бюджета на три года, а въ случаѣ разномыслія окончательное рѣшеніе предоставлено не палатѣ народныхъ представителей, а обѣимъ палатамъ совокупно; у палаты народныхъ представителей отнято право освобождать своихъ членовъ изъ подъ ареста или отъ судебного преслѣдованія до окончанія сессіи. Въ V главѣ объ имперскомъ судѣ, замѣненномъ до окончательнаго соглашенія временнымъ третейскимъ судомъ союзныхъ государствъ, сдѣлано измѣненіе только въ одномъ пунктѣ: обвиненія министровъ отдѣльныхъ государствъ подлежатъ разсмотрѣнію имперскаго суда только въ томъ случаѣ, если не входятъ въ сферу компетенціи судовъ отдѣльныхъ государствъ. Въ главѣ VI объ основныхъ правахъ нѣмецкаго народа прежде всего отмѣнено уничтоженіе дворянскаго сословія, равно какъ уничтоженіе титуловъ и орденовъ; затѣмъ: смертная казнь восстановлена; противъ злоупотребленій печати приняты болѣе строгія мѣры; въ признаніи свободы религіи и совѣсти уничтожена прибавка, что никто не обязанъ разоблачать свои религіозныя убѣжденія; религіознымъ обществамъ обезпечено право владѣть и пользоваться заведеніями и капиталами, предназначенными для богослужебныхъ, образовательныхъ и благотворительныхъ цѣлей; духовенство не лишено права надзора за образованіемъ и воспитаніемъ, а отмѣна платы за обученіе въ народныхъ школахъ уничтожена. Далѣе, было ограничено право подачи петицій, было стѣснено право основывать общества, было предоставлено мѣстнымъ законодательнымъ властямъ установить правила раздѣла и отчужденія земельной собственности, выкупа всѣхъ феодальныхъ повинностей и десятинной подати, и размѣръ вознагражденія за утрату права свободной охоты. Общины были лишены права завѣдывать мѣстной полиціей. Въ VII главѣ объ охранѣ конституціи было выключено вызывавшее протесты постановленіе,

что когда одно и то же рѣшеніе объ измѣненіи конституціи было принято рейхстагомъ безъ всякихъ перемѣнъ во время трехъ сессій, то для его исполненія не требуется согласіе главы имперіи. Наконецъ, что касается закона объ имперскихъ выборахъ, то онъ былъ весь передѣланъ заново: были введены косвенные и открытые выборы по трехъ-классной системѣ, основанной на размѣрѣ уплачиваемыхъ податей, а выбирать дозволялось только тѣхъ, кто достигъ не двадцати-пятилѣтняго, а тридцатилѣтняго возраста.

8. Шлезвигъ-Гольштинія.

Возстаніе въ герцогствахъ Шлезвигскомъ и Гольштинскомъ. Жители соединенныхъ герцогствъ Шлезвига и Гольштиніи до сихъ поръ упорно и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрительно преслѣдовали свою цѣль—введеніе самостоятельной конституціи и соединеніе съ населенной ихъ единоплеменниками, Германіей (стр. 230 и сл.). Даже во время революціонныхъ волненій они не утрачивали спокойнаго самообладанія и не принимали никакого участія въ тѣхъ безразсудныхъ народныхъ возстаніяхъ, которыя вспыхивали почти во всѣхъ нѣмецкихъ государствахъ. Сознавая, что они могутъ достигнуть своей цѣли только при помощи Германіи, они даже подчинились заключенному въ Мальмё перемирію (стр. 341), вызвавшему такія бурныя сцены во Франкфуртѣ. Въ мартѣ 1849 г. истекъ срокъ этого перемирія, а пока еще оно было въ силѣ, велись мирные переговоры, которыми Бунзенъ руководилъ въ качествѣ имперскаго посланника по порученію франкфуртскаго собранія и съ одобренія Прусскаго короля; эти переговоры не привели ни къ какому результату и Данія объявила о прекращеніи перемирія въ такую минуту, когда могла свободно располагать своимъ флотомъ. Правительство, назначенное въ герцогствахъ на время перемирія по соглашенію между Пруссіей и Даніей, сложило съ себя свои полномочія; вслѣдъ за тѣмъ франкфуртское центральное правительство назначило въ герцогства наместниковъ (Вильг. Безелера и графа Ревентло-Преца). Тогда нѣмецкія имперскія войска снова вступили въ Шлезвигъ; въ числѣ ихъ начальниковъ находился герцогъ Эрпстъ Кобургъ-Готскій. Пруссакъ и Баварцы, Ганноверцы и Вюртембергцы, сѣверные и южные Нѣмцы мужественно и безъ взаимной племенной зависти сражались съ общимъ врагомъ, представляя прекрасный примѣръ нѣмецкаго единодушія и единомыслія. Въ то тревожное время, когда двусмысленныя отношенія прусскаго правительства къ имперской конституціи приводили нѣмецкихъ патріотовъ въ уныніе, эти послѣдніе были обрадованы неожиданными извѣстіями, что нѣмецкія войска одерживали верхъ надъ Датчанами, что въ гавани Экерифёрде ихъ береговья баттарей потопили датскій линейный корабль «Христіанъ VIII», что 5 апр. 1849. сильный фрегатъ «Гефіонъ» былъ принужденъ сдаться и на немъ.

было водружено нѣмецкое знамя. Вскорѣ послѣ того, укрѣпленія 13 апр. 1849. Дюппеля были взяты приступомъ баварскими и саксонскими войсками. Командовавшій шлезвигъ-гольштинскими войсками, генералъ Бонинъ 20 апр. взялъ приступомъ ютландскій пограничный городъ Кольдингъ, разбилъ датскую армію, старавшуюся выгнать его оттуда, и новой побѣдой при Гудсое открылъ себѣ дорогу въ Ютландію. 23 апр. 7 мая.

Но прусскія и нѣмецкія войска, находившіяся подъ начальствомъ Бездѣятель-Притвица, не принимали никакого участія въ борьбѣ. Въ то время, ность Пруссіи какъ шлезвигъ-гольштинскіе солдаты преслѣдовали разбитого непрі- въ Шлезвигъ-Гольштиніи и теля до самыхъ стѣнъ крѣпости Фридриціи, Пруссаки стояли не- поражение при подвижно на своихъ квартирахъ въ Шлезвигѣ. Поэтому нисколько Фридриціи. не удивительно, что стало высказываться подозрѣніе, дѣйствительно ли Пруссія желала успѣшнаго окончанія войны, и не были-ли основательны насмѣшки демократовъ надъ кровавой драмой, разыгравшейся въ Шлезвигъ-Гольштиніи. А когда Притвицъ, наконецъ, сталъ медленно двигаться впередъ и проникъ въ Ютландію, Пруссаки такъ тщательно избѣгали всякихъ кровопролитныхъ столкновеній съ Датчанами, такъ упорно ограничивались оборонительной войной, что ясно обнаружили свое намѣреніе продолжать эту притворную борьбу только пока дипломаты еще не довели до конца уже начавшихся мирныхъ переговоровъ. Вѣдь волненія, происходившія въ то время внутри Германіи, приняли такой серьезный и угрожающій характеръ, что прусское правительство ничего такъ не желало, какъ скорѣйшаго окончанія войны; къ тому-же, Англія и Россія заступились за Данію и не соглашались на отдѣленіе двухъ герцогствъ отъ датскаго королевства. По всѣмъ этимъ причинамъ, военныя дѣйствія были пріостановлены въ теченіе мая и іюня; солдаты утратили воинственный пылъ; матеріальныя средства страны истощились; населеніе, обремененное военными поборами, обѣднѣло; датскія войска въ Ютландіи, находившіяся подъ начальствомъ генерала Райя, не подвергались нападеніямъ со стороны вчетверо болѣе сильной прусской арміи и доставляли въ Фридрицію свѣжія подкрѣпленія. Только Шлезвигъ-Гольштинцы, державшіе Фридрицію въ осадѣ, не утрачивали мужества. Они съ успѣхомъ отражали вылазки Датчанъ, доставлявшія имъ случай выказать національную ненависть къ своимъ противникамъ. Происходившія въ Германіи смуты и отсутствіе центральной власти производили вредное впечатлѣніе на нѣмецкія войска. Наконецъ, этимъ войскамъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Генералъ Рай отплылъ съ своими войсками изъ Ютландіи къ острову Фіоніи, скрывши это передвиженіе отъ Бонина, а оттуда переправился въ Фридрицію. Это случилось въ то время, какъ уже были установлены въ Берлинѣ условія новаго перемирія между Пруссіей и Даніей; пользуясь прибытіемъ подкрѣпленій, Датчане сдѣлали изъ осажденной крѣпости неожиданную вылазку имѣя на своей сторонѣ такое 6 іюля 1849.

численное превосходство, что войска Бонина не выдержали нападенія. Послѣ упорной борьбы, самой кровопролитной въ теченіе всей кампаніи, эти войска были принуждены отступить, оставивши въ рукахъ Датчанъ всю свою осадную артиллерію. Такимъ образомъ Датчане отплатили за свое пораженіе при Экернфёрде. Но Шлезвигъ-Гольштинцы и въ несчастіи отстояли свою воинскую честь. Ихъ храбрость и мужественная стойкость были признаны всѣми единогласно.

Отступление
нѣмецкой ар-
міи.

Извѣстіе объ этомъ несчастіи вызвало въ Германіи общій взрывъ негодованія на постыдный способъ веденія войны. Въ тылу прусской арміи было сдѣлано непріателемъ нападеніе, а Притвицъ по прежнему не двигался съ мѣста. На этотъ разъ не одни только демократы со скорбью и съ негодованіемъ проклинали политику, запрещавшую употреблять въ дѣло обнаженный мечъ и приносившую въ жертву врагу жизнь благородныхъ людей, но также всѣ патріоты, желавшіе сохранить незапятнанными славу и честь Пруссіи и ожидавшіе величія Германіи только отъ самого тѣснаго сближенія съ этой державой; они были очень опечалены извѣстіемъ, что, несмотря на коварный образъ дѣйствій Датчанъ, въ Берлинѣ уже было заключено съ ними постыдное перемиріе безъ всякаго участія ни уполномоченныхъ имперскаго правительства ни двухъ герцогствъ.

10 іюля.

Этотъ договоръ на время отдѣлялъ Шлезвигъ отъ Гольштиніи; эта послѣдняя должна была по прежнему оставаться подъ управленіемъ намѣстника, назначеннаго центральнымъ правительствомъ, а въ Шлезвигѣ было учреждено, подъ предсѣдательствомъ англійскаго комиссара, мѣстное трехъ-членное правительство, которое должно было дѣйствовать именемъ датскаго короля; было рѣшено поставить въ южной его части прусскій гарнизонъ, въ сѣверной части—шведскій гарнизонъ, а на его островахъ—датскій. Населеніе герцогствъ съ негодованіемъ отнеслось къ этимъ условіямъ, такъ рѣзко нарушавшимъ ихъ основные законы, обязательная сила которыхъ была признана самимъ прусскимъ королемъ въ письмѣ къ герцогу Аугустенбургскому отъ 24 марта 1848. Въдѣ этими основными законами были установлены слѣдующія, неподлежащія никакому сомнѣнію, правила: 1) что герцогства суть самостоятельныя государства, 2) что только мужской линіи Ольденбургскаго дома принадлежитъ наследственная верховная власть, 3) что герцогства представляютъ два неразрывно связанныхъ между собою государства. А въ договорѣ о перемиріи говорилось, что Шлезвигъ получить отдѣльные отъ Гольштиніи учрежденія во всемъ, что касается его законодательной власти и внутренняго управленія, и что при этомъ останется неприкосновенной его политическая связь съ датской короной. Поэтому и намѣстничество и земскіе представители предъявили протестъ противъ исполненія этого договора. Но когда отступавшія нѣмецкія

войска были мало по малу замѣнены шведско-прусской оккупационной арміей, жители Шлезвига были принуждены подчиниться: съ тѣхъ поръ началась для нихъ печальная эпоха угнетеній и господства произвола, но они не отказались отъ своихъ правъ и противопоставляли насиліямъ гордое сознаніе справедливости своихъ стремленій.

9. Старанія отстоять германскую имперскую конституцію.

Утвержденное 4 мая, предложеніе Виденбругка разорвало узы, Народныя воз-
связывавшія членовъ національнаго собранія. Съ тѣхъ поръ эти станія.
члены стали одинъ вслѣдъ за другимъ выходить изъ состава собранія. Не смотря на то, что до той поры демократы рѣдко сочувствовали дѣятельности франкфуртскаго имперскаго парламента, а ихъ представители, составлявшіе лѣвую сторону собранія, постоянно возставали противъ содержанія имперской конституціи, отказъ правительства признать эту послѣднюю доставилъ демагогамъ желаемый поводъ для того, чтобъ водрузить знамя возстанія въ защиту отвергнутыхъ парламентскихъ рѣшеній. Такъ какъ на этотъ разъ они, по-видимому, были правы, то вызванныя ими возстанія были болѣе прежнихъ серьезны и часты. Народъ былъ сильно возбужденъ шумными сходками и подстрекавшими къ возстанію, рѣчами ораторовъ; онъ сталъ грозно требовать борьбы съ «мятежными» князьями и правительствами, осмѣлившимися не подчиняться рѣшеніямъ имперскаго собранія; въ нѣсколькихъ мѣстахъ онъ заставилъ гражданскую гвардію и даже войска присягать имперской конституціи; городскія власти заявляли о своей готовности признать эту конституцію; подачѣ адресовъ и петицій не было конца. Не смотря на разнообразіе, а иногда и на неясность мотивовъ и цѣлей, вызывавшихъ возстанія, всѣ сходились въ стремленіи къ національному единству и всѣ тревожились опасеніемъ, что исполненіе этого давнишняго желанія снова будетъ отложено на неопредѣленное время именно въ такую минуту, когда цѣль уже казалась достигнутой. Первая статья предложенія Виденбругка могла служить легальнымъ мотивомъ для всякаго возстанія; ею и воспользовались народные вожди для того, чтобъ дѣйствовать именемъ національнаго собранія и этимъ благо-
виднымъ способомъ прикрывать свои собственныя революціонныя цѣли. Большинство національнаго собранія тщетно старалось ослабить смыслъ вышеупомянутой статьи, прибавивши къ ней объяснительную замѣтку, что имперскую конституцію можно вводить только мирнымъ и легальнымъ путемъ, а не съ помощью насилій и не съ оружіемъ въ рукахъ: сигналъ для возстанія уже былъ поданъ; раз-
въ демократическіе пострекатели могли пропустить такой удобный

случай для того, чтобъ, подъ внушавшимъ уваженіе знаменемъ, произвести государственный переворотъ и ввести республиканскую форму правленія? Еще никогда благородная цѣль не употреблялась во зло съ такимъ безстыдствомъ; еще никогда народные умы не были опутаны такими сѣтями обмана и никогда понятія о справедливости и о законныхъ правахъ не были до такой степени искажены ложью. Первые народные волненія произошли въ тѣхъ нѣмецкихъ государствахъ, гдѣ правительства воспротивились признанію имперской конституціи. Въ Бюртембергѣ государственные чины, дѣйствовавшіе за одно съ либеральнымъ министерствомъ Рёмера, заставили 25 апр. 1849. короля безусловно принять имперскую конституцію, хотя ему и очень не хотѣлось подчиняться Гогенцоллерну. Его принудили къ уступчивости сильное волненіе народныхъ умовъ и ненадежное настроеніе арміи, однако онъ при этомъ откровенно заявилъ, что уступаетъ только внѣшнему гнѣту и что возьметъ назадъ данное слово, лишь только будетъ достаточно для этого силенъ. Въ принадлежавшихъ Пруссіи, рейнскихъ провинціяхъ и въ Вестфаліи городскія власти направили агитацію на тотъ легальный путь, который былъ указанъ въ постановленіи франкфуртскаго парламента; тамъ, гдѣ дѣло дошло до возстаній съ оружіемъ въ рукахъ и до борьбы на баррикадахъ, какъ напр. въ Эльберфельдѣ и въ Дюссельдорфѣ, мятежники руководствовались особыми мотивами.

Возстаніе въ Самое сильное возстаніе вспыхнуло въ Саксоніи. Тамъ стѣснительные законы и учрежденія стараго полицейскаго государства были отмѣнены во время мартовскихъ политическихъ бурь. Министерство Браунъ-Оберлендера, въ которомъ лейпцигскій профессоръ юриспруденціи фонъ-деръ-Пффордтенъ занималъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ, издало цѣлый рядъ новыхъ законовъ, слишкомъ ясно носившихъ на себѣ отпечатокъ того бурнаго времени, въ которое возникли. Разнузданная печать и почти неограниченное право устраивать общества и сходки облегчали демократамъ распространеніе ихъ принциповъ, находившихъ благопріятную для себя почву и среди рабочихъ въ многочисленныхъ промышленныхъ городахъ и среди обѣднѣвшаго сельскаго населенія. Новый избирательный законъ, основанный на самыхъ широкихъ демократическихъ принципахъ, назначилъ для выборовъ въ верхнюю палату незначительный цензъ, а для выборовъ въ нижнюю палату не назначилъ никакого ценза; но вслѣдствіе усиленной дѣятельности «патріотическихъ обществъ» личный составъ новаго сейма оказался такимъ негоднымъ, что это собраніе могло считаться за пасмѣшку надъ конституціонной формой правленія и было основательно прозвано «представительствомъ верховнаго безразсудства». Пока франкфуртская конституція еще не была окончательно утверждена, этотъ сеймъ относился къ ней такъ-же безучастно, какъ и само саксонское правительство,

а теперь, — послѣ того, какъ она была отвергнута Пруссіей, — сталъ пастойчиво требовать ея признанія. Правительство отвѣчало на это требованіе распушеніемъ сейма; депутаціи отъ городовъ и отъ различныхъ корпорацій, предъявлявшія такое-же требованіе, встрѣчали отказъ; король оправдывалъ свое сопротивленіе ссылками на Пруссію, отказавшуюся признать франкфуртскую конституцію. Это послужило сигналомъ къ возстанію. Народная толпа устремила къ арсеналу, чтобъ завладѣть хранившимся тамъ оружіемъ, но стоявшія тамъ войска встрѣтили ее ружейными выстрѣлами и заставили отступить. Тогда раздался звонъ набатныхъ колоколовъ; въ улицахъ были сооружены чрезвычайно крѣпкія баррикады; гражданская стража и толпы народы, отчасти вооруженныя косами и пиками, вступили въ упорную борьбу съ саксонскими войсками. На слѣдующій день воз-
станіе усилилось, а число инсургентовъ увеличилось вслѣдствіе при-
бытія къ нимъ подкрѣпленій и изъ ближнихъ и изъ дальнихъ мѣст-
ностей; тогда король переѣхалъ подъ военнымъ конвоемъ въ крѣ-
пость Кёнигштейнъ въ сопровожденіи членовъ своего семейства и
всѣхъ министровъ, а столица осталась во власти вождей демокра-
тіи. Временное правительство, съ адвокатомъ и депутатомъ сейма
Цширнеромъ во главѣ, издало прокламацію, въ которой говорило,
что возстаніе имѣетъ цѣлію признаніе имперской конституціи, про-
тивъ которой, однако, горячо прежде возставалъ самъ Цширнеръ,
принадлежавшій къ числу самыхъ ярыхъ радикальныхъ демократовъ;
оно извѣстило о своемъ учрежденіи франкфуртское національное
собраніе и отдало себя подъ его защиту. Но возстаніе скоро при-
няло своеобразный характеръ, такъ какъ рядомъ съ нѣмецкими
знаменами появились красныя; тѣ изъ инсургентовъ, которые взя-
лись за оружіе изъ искреннихъ убѣжденій, отложили его въ сто-
рону, не желая дѣйствовать за-одно съ республиканцами и съ анар-
хистами; стекавшіяся со всѣхъ сторонъ толпы дикой черни все
болѣе и болѣе придавали возстанію характеръ борьбы противъ вве-
денія какого-бы то ни было порядка и противъ права собственности.
Въ Лейпцигѣ, — гдѣ гражданство также стояло за имперскую консти-
туцію и до исхода возникшей борьбы отдало себя подъ охрану
германскаго центрального правительства, — муниципальная гвардія съ
энергіей и съ усиліемъ охраняла отъ инсургентовъ общественную
безопасность.

30 апр.

3 мая.

4 мая 1849.

Тогда настало для прусскаго министерства время исполнить его
обѣщанія. Такъ какъ саксонское правительство не было въ состо-
яніи подавить возстаніе собственными силами, то оно обратилось
въ Берлинъ съ просьбой о помощи и уже 6 мая прусскія войска
вступили въ борьбу съ мятежниками, построившими дрезденскія бар-
рикады. Но имъ не легко было одержать побѣду. Инсургенты въ
теченіе трехъ дней оборонялись подъ защитой своихъ укрѣпленій;

Вступленіе
Пруссакъ въ
и борьба на
баррикадахъ.

зданіе старой оперы и часть зоологическаго сада были объаты пламенемъ. Войскамъ приходилось подвигаться впередъ шагъ за шагомъ; съ кровель и изъ оконъ ихъ осыпали пулями, а баррикады были такъ крѣпко построены, что могли служить надежной охраной для мятежниковъ. Наконецъ мужество и военное искусство Пруссаковъ одержали верхъ надъ инсургентами, у которыхъ не было способныхъ начальниковъ; возстаніе стало мало по малу утихать послѣ того, какъ войска, пользуясь ночной темнотой, заняли 9 мая площадь передъ почтамтомъ и взяли приступомъ большую баррикаду при входѣ на старый рынокъ. Около четырехъ часовъ утра мятежники начали разбѣгаться; троекратныхъ три удара въ колоколъ съ Kreuzkirche подали имъ сигналъ къ отступленію. Скоро возстановилось свободное движеніе по улицамъ и войска овладѣли всѣмъ городомъ. Введенное въ Дрезденъ и въ его окрестностяхъ, осадное положеніе съ военными судами и съ экстраординарными законами облегчило правительству возстановленіе внутренняго спокойствія и подавленіе демократизма. Тюрьмы наполнились арестантами; нѣкоторые изъ главныхъ виновниковъ возстанія, и въ томъ числѣ Цширнеръ, спаслись бѣгствомъ; другіе, — какъ напр. искренній патріотъ и идеалистъ Гейбнеръ и русскій подданный Бакунинъ, бывшій однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ мятежа, — сдѣлались жертвами строгихъ уголовныхъ законовъ. Первый поплатился за свою революціонную дѣятельность многолѣтнимъ заключеніемъ въ крѣпости Кенигштейнъ; второй сидѣлъ въ тюрьмахъ различныхъ государствъ, а потомъ въ теченіе десяти лѣтъ по прежнему велъ жизнь искателя приключеній и занимался составленіемъ соціалистическихъ заговоровъ.

7 мая 1849. Первые темные слухи о томъ, что происходило въ Саксоніи, до-
Имперскій пар-стигли франкфуртскаго національнаго собранія въ то время, какъ
ламентъ и оно было занято бурными преніямъ, вызванными предложеніемъ
революція. лѣвой стороны, чтобъ войска тѣхъ государствъ, которыя приняли имперскую конституцію, были обязаны приносить присягу этой конституціи. Имперское министерство рѣшительно воспротивилось этому предложенію изъ опасенія вызвать раздоры въ имперской арміи и возбудить въ солдатскихъ сердцахъ сомнѣнія и колебанія. Извѣстія о вступленіи прусскихъ войскъ въ Саксонію усилили разномысліе въ средѣ членовъ собранія; они поставили имперскихъ министровъ и тѣхъ, кто отстанвалъ мирный, легальный образъ дѣйствій, въ затруднительное положеніе передъ членами лѣвой, требовавшими энергическихъ мѣръ. Вы возбудили народъ къ возстанію, — говорили члены лѣвой, — и вы же отказываете ему въ правѣ братья за оружіе! Дрезденское временное правительство отдало себя подъ защиту національнаго собранія, такъ защищайте же его! Собраніе очутилось въ такомъ затруднительномъ положеніи, изъ котораго могло выйти только однимъ изъ двухъ противоположныхъ путей. Вопросъ заклю-

чался въ томъ, должно ли оно употребить свое нравственное вліяніе въ пользу революціи, или же въ пользу сопротивляющихся революціи правительствъ? Должно ли оно вызвать междоусобную войну между родственными племенами? Мысль о такомъ несчастіи приводила въ ужасъ Гагёрна. Онъ воскликнулъ: Еслибы мечъ былъ обнаженъ, я бросился бы промежъ тѣхъ, кто его обнажилъ! Когда на лѣвой сторонѣ раздался смѣхъ, кто то съ гнѣвомъ воскликнулъ: негодяямъ это кажется смѣшно! Эти слова вызвали страшную бурю и президентъ Симсонъ призвалъ оратора къ порядку. Это было только началомъ цѣлаго ряда бурныхъ засѣданій, во время которыхъ и сидѣвшая на галлерейхъ публика громко выражала свои мнѣнія. И въ баварскомъ Пфальцѣ вспыхнуло возстаніе въ защиту имперской конституціи. Тамъ былъ организованъ мѣстный комитетъ; баварскому правительству было отказано въ повиновеніи; была организована милиція и были сдѣланы приготовленія къ отдѣленію отъ Баваріи. Лѣвая сторона требовала, чтобъ собраніе оказало самую энергическую поддержку возстаніямъ саксонскому и пфальцскому, такъ какъ они имѣли цѣлю введеніе имперской конституціи и стало быть восстановленіе внутренняго спокойствія во всей имперіи; въ партіи, носившей названіе Weidenbusch-Partei, не было единомыслія; она попыталась держаться вмѣстѣ съ центральнымъ правительствомъ середины между крайними мнѣніями и заявила, что она дозволитъ прибѣгать только къ легальнымъ и конституціоннымъ мѣрамъ для введенія имперской конституціи и не дозволитъ ни одному изъ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ подавлять въ другихъ странахъ народныя движенія, вызванныя желаніемъ ввести ту конституцію; но эта послѣдняя изъ составленныхъ Гагерномъ программъ не была одобрена эрцгерцогомъ. Тогда умѣренная партія утратила свою послѣднюю опору и свое прежнее единомысліе; совершенно растерявшись, она не была въ состояніи принять какое либо единодушное рѣшеніе; поэтому дѣло дошло до того, что по предложенію депутата Редена было принято въ засѣданіи 10 мая рѣшеніе, которое нанесло 10 мая 1849. смертельный ударъ національному собранію. Это рѣшеніе гласило:

1) Слѣдуетъ всѣмъ, находящимся въ распоряженіи собранія, средствами недопускать такого нарушенія внутренняго спокойствія въ имперіи, въ какомъ провинилось прусское правительство своимъ самовольнымъ вмѣшательствомъ въ Саксоніи; 2) Кромѣ охраны общественнаго спокойствія и безопасности, слѣдуетъ защищать отъ всякаго внѣшняго гнѣта и насилія тѣ стремленія народа и его представителей, которыя направлены къ введенію имперской конституціи. Исполненіе этихъ рѣшеній должно быть возложено на временное центральное правительство.

Національное собраніе еще нѣсколько времени влачило свое жалкое существованіе. Новые проекты и предложенія возникали въ огром-

Послѣдняя борьба національнаго собранія за свое существованіе. номъ числѣ, но всѣ они отвергались, потому что были неисполнимы. Взоры всѣхъ были обращены на Гагерна, все еще временно исполнявшаго обязанности президента вслѣдствіе трудности составить новое министерство. Нѣкоторые намѣревались возвести его въ званіе диктатора для того, чтобъ онъ руководилъ все сильнѣе вспыхивавшими возстаніями и удерживалъ ихъ въ предѣлахъ законности; другіе совѣтовали сблизиться съ Австріей, временно возложивши званіе главы имперіи на эрцгерцога. Но этотъ осторожный принцъ именно въ то время обнаружилъ свое неуваженіе къ національному собранію, составивши, послѣ выхода въ отставку Гагерна, новое министерство изъ такихъ людей, какъ Гревелль, Детмольдъ, Юхмусъ, выборъ которыхъ былъ признанъ парламентомъ за оскорбленіе для національнаго представительства. Тогда обнаружилась невозможность дѣйствовать по соглашенію съ эрцгерцогомъ, было предположено устранить его и выбрать на его мѣсто имперскимъ намѣстникомъ одного изъ владѣтельныхъ князей, принявшихъ имперскую конституцію. Тѣмъ временемъ прусскіе депутаты были отозваны изъ Франкфурта для присутствованія въ берлинскомъ національномъ собраніи. Но такъ называемая Weidenbusch-Partei, раздѣлившаяся на двѣ фракціи Nürnberger Hof и Kasino, и группировавшаяся вокругъ Гагерна и Дальманна, все еще была достаточно многочисленна. Она оспаривала право нѣмецкихъ правительствъ самовластно уничтожать полномочія, данныя народомъ своимъ представителямъ; но она все болѣе и болѣе убѣждалась въ невозможности занять какое либо прочное положеніе между двумя силами, вступившими между собою въ кровопролитную борьбу изъ за господства—между революціей и реакціей; поѣтому ея члены рѣшились, послѣ тяжелой внутренней борьбы, добровольно отказаться отъ своихъ депутатскихъ полномочій. Шестьдесятъ пять депутатовъ,—въ томъ числѣ Гагернъ, уже ранѣе отказавшійся отъ званія президента собранія Симсонъ, Дальманнъ, Арндтъ, подписали 20 мая 1849. 20 мая заявленіе о своемъ выходѣ изъ состава собранія и удалились изъ церкви св. Павла, которая была театромъ ихъ славной патріотической дѣятельности. Вслѣдъ затѣмъ они обратились къ своимъ избирателямъ съ циркулярами, въ которыхъ объяснили мотивы своего рѣшенія: они были убѣждены, что при своемъ тогдашнемъ положеніи и личномъ составѣ національное собраніе уже не было въ состояніи оказывать народу полезныя услуги.

Долгій парламентъ въ Штуттартѣ. Съ выходомъ партіи Гагерна—Дальманна изъ собранія расширилась сфера революціонной дѣятельности членовъ лѣвой стороны. Когда собраніе отвергло предложеніе объ отсрочкѣ засѣданій, изъ его состава вышли еще двадцать два члена, то есть почти вся партія Augsburger Hof. Тогда число голосовъ, необходимое для постановленія рѣшеній, было уменьшено до ста, вслѣдствіе чего еще нѣсколько членовъ вышли изъ собранія. Манифестъ къ нѣмецкому народу,

составленный въ самой благородной формѣ швабскимъ поэтомъ Уландомъ, былъ лебединою пѣснью франкфуртскаго сейма. Но поэтическая неопредѣленность его содержанія могла вызывать разныя ошибочныя истолкованія; въ немъ говорилось, что франкфуртское собраніе слишкомъ хорошо для дурнаго дѣла, но слишкомъ слабо, чтобъ его исправить. Велькеръ предложилъ прибавить къ этому манифесту, что введеніе имперской конституціи составляетъ такую цѣль народнаго движенія, за предѣлы которой не слѣдуетъ переступать, и что не слѣдуетъ допускать никакого посторонняго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла; отказъ утвердить это предложеніе уничтожилъ послѣдніе остатки увѣренности въ патріотической цѣли народныхъ движеній и снова побудилъ многихъ членовъ выйти изъ собранія. Оставшіеся члены собранія, всецѣло подчинявшіеся вліянію крайней лѣвой, рѣшились перенести свои засѣданія въ Штутгартъ, чтобъ быть ближе къ очагу возстаній и чтобъ пользоваться опорой со стороны южныхъ демократовъ и анархистовъ. Съ небольшимъ сто депутатовъ, снова собравшихся 6 іюня на засѣданія въ залѣ штутгартской палаты депутатовъ подъ предсѣдательствомъ Вильгельма Лёве [Кальбе], по прежнему называли себя членами учредительнаго нѣмецкаго національнаго собранія; но такъ какъ Баварія и другія нѣмецкія правительства отозвали своихъ депутатовъ, то штутгартскій долгій парламентъ сталъ все болѣе походить на лишенный всякой власти и всякаго авторитета конвентъ, растративавшій на неудачныя подстрекательства остатки того высокаго значенія, которое было связано съ названіемъ національнаго собранія. Тогда было составлено регентство изъ пяти членовъ, въ числѣ которыхъ находились Раво, Карлъ Фогтъ, Генр. Симонъ, и было оказано поощреніе возстаніямъ въ Баденѣ и въ Пфальцѣ, о которыхъ мы сейчасъ будемъ вести рѣчь. Чтобъ втянуть въ возстаніе и жителей Вюртемберга и чтобъ вырвать власть изъ рукъ мѣстнаго правительства, былъ утвержденъ законъ объ организаціи народнаго ополченія и было предъявлено требованіе кредита въ пять милліоновъ гульденовъ. Тогда президентъ министерства Рёмеръ рѣшился положить конецъ этой революціонной дѣятельности. Не смотря на то, что онъ принадлежалъ къ лѣвому центру франкфуртскаго собранія и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ нѣкоторыми членами умѣренной партіи, не вышедшими изъ собранія, подобно Уланду, изъ желанія добросовѣстно исполнять свой долгъ, онъ счелъ нужнымъ, для блага и безопасности страны, потребовать отъ долгаго парламента и отъ регентства, чтобъ они выбрали себѣ постоянное мѣстопробываніе внѣ вюртембергскихъ владѣній. 18 іюня зала засѣданій была закрыта, а 18 іюня 1849. отправлявшіеся туда депутаты были прогнаны силой. Въ послѣднемъ стенографическомъ отчетѣ о засѣданіяхъ собранія было заявлено, что депутаты были вынуждены подчиниться матеріальной силѣ. Съ

той поры нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ возстаніяхъ, другіе жили въ изгнаніи, или содержались подъ арестомъ, или подвергались судебнымъ преслѣдованіямъ. Депутатъ Лёве былъ приговоренъ прусскимъ верховнымъ трибуналомъ къ пожизненному заключенію въ смиренный домъ въ наказаніе за свою дѣятельность, направленную къ «ниспроверженію Германскаго Союза»; но онъ успѣлъ спастись бѣгствомъ за границу и жилъ тамъ много лѣтъ въ званіи лекаря; наконецъ, амнистія 1861 года дозволила ему возвратиться въ отечество и снова принять участіе въ дѣятельности парламента.

Заключитель-
ное замѣчаніе. Таковъ былъ печальный конецъ перваго германскаго парламента. Его старанія осуществить желаніе нѣмецкаго народа оказались безуспѣшными по причинѣ внутреннихъ и внѣшнихъ препятствій, по причинѣ разнородныхъ принциповъ и партійныхъ стремленій, мѣшавшихъ успѣшному ходу преній и уничтожавшихъ взаимное довѣріе между его членами, по причинѣ чрезмѣрныхъ притязаній неразумной, одичалой народной массы и ея вождей, стремившихся къ провозглашенію республики, по причинѣ глубоко укоренившагося партикуляризма и племенной вражды и по причинѣ нежеланія правителей и реакціонеровъ удовлетворить небольшими уступками даже самыя справедливыя народныя желанія; тѣмъ не менѣе нѣмецкая нація всегда будетъ съ гордостью вспоминать о франкфуртскомъ собраніи, которое было такъ богато блестящими именами и даровитыми людьми, такъ умѣренно пользовалось своею высокою властію въ началѣ народныхъ волненій и при своемъ патріотизмѣ показало такъ много политическихъ и нравственныхъ достоинствъ. Хотя его слава скоро померкла, но его стремленіямъ не было суждено остаться безплодными.

10. Подавленіе революціи въ юго-западной Германіи.

Волненія въ
Пфальцѣ. Волненія, которыя были вызваны во всей Германіи отказомъ Пруссіи принять имперскую конституцію, внушили республиканцамъ надежду достигнуть ихъ цѣли съ помощью новаго возстанія. Въдѣ на этотъ разъ отказъ правительствъ отъ принятія имперской конституціи могъ служить легальнымъ мотивомъ и благовиднымъ прикрытіемъ для ихъ революціонныхъ стремленій и привлекать на ихъ сторону менѣе ярыхъ демократовъ. Поэтому возстанія вспыхнули прежде всего въ тѣхъ государствахъ, гдѣ правительства отвергнули имперскую конституцію, и ранѣе чѣмъ гдѣ-либо, въ принадлежавшемъ Баваріи, прирейнскомъ Пфальцѣ. Эта провинція, бывшая еще въ 1832 году очагомъ либеральной агитаціи (стр. 214 и сл.), по видимому, могла служить самой надежной опорой для республиканскаго возстанія и вслѣдствіе ея сосѣдства съ Франціей и вслѣдствіе очень рас-

пространившихся въ ней либеральныхъ и радикальныхъ идей. Поэтому, лишь только волненіе умовъ усилилось тамъ до такой степени, что можно было приступить къ учрежденію временнаго правительства въ Кейзерслаутернѣ и къ организациі народнаго ополченія, туда стали со всѣхъ сторонъ стекаться добровольцы, снасшіеся бѣгствомъ бойцы на баррикадахъ, неистовые демагоги, выселившіеся изъ своего отечества Поляки, рабочіе, искатели приключеній и праздношатающіеся люди, члены гимнастическихъ обществъ и молодые мечтатели. Добровольныя пожертвованія и принудительные налоги скоро доставили вождямъ возстанія необходимыя денежныя средства. Надежды демократовъ на успѣхъ еще усилились вслѣдствіе того, что на ихъ сторону стали переходить солдаты изъ крѣпостей Ландау и Гермерсгейма. Въ то время уже такъ были ослаблены узы дисциплины, что стоявшіе въ Ландау, два пѣхотныхъ полка почти совершенно разбрелись, что солдаты разбѣгались и по одиночкѣ и кучками, унося съ собою ранцы, ружья и сабли, и что офицерамъ приходилось стоять на караулѣ вмѣсто солдатъ. Центральное правительство отправило члена лѣвой стороны Эйзенштюка въ званіи имперскаго комиссара съ порученіемъ удержать движеніе въ законныхъ предѣлахъ, но эта попытка не имѣла успѣха. Эйзенштюкъ сталъ дѣйствовать въ интересахъ своей партіи и былъ отозванъ франкфуртскимъ министерствомъ за то, что не придерживался данныхъ ему инструкцій. Онъ принудилъ къ отступленію прусскія войска, двинувшіяся изъ Майнца въ Пфальцъ по распоряженію имперскаго правительства; а такъ какъ военныя силы Баваріи были недостаточны для подавленія возстанія, то послѣ отступленія Пруссакъ власть перешла въ руки временнаго правительства и добровольцевъ.

Въ то время, какъ вся Германія съ нетерпѣніемъ ожидала исхода этого народнаго движенія, а число стекавшихся въ Пфальцъ добровольцевъ и вождей демократіи увеличивалось съ каждымъ днемъ, и въ сосѣднемъ великомъ герцогствѣ Баденскомъ готовилось такое возстаніе, которое далеко превзошло своимъ размѣромъ и своей важностью всѣ другія возстанія, вспыхивавшія какъ въ томъ-же году, такъ и въ предшествующемъ. Тамъ демократы не могли такъ-же, какъ въ другихъ государствахъ, надписать на своемъ красномъ знамени «введеніе имперской конституціи»: вѣдь баденское правительство принадлежало къ числу первыхъ нѣмецкихъ правительствъ, принявшихъ франкфуртскую конституцію; оно прежде всѣхъ другихъ изъявило свою готовность объединить Германію; оно не отказывалось подчиниться германскому имперскому правительству и даже сдѣлало приготовленія къ введенію имперской конституціи и къ прине-
сенію ей присяги; оно вполнѣ раздѣляло воззрѣнія, высказанныя на мартовскомъ собраніи въ Гейдельбергѣ (стр. 308). Но сосѣдками Бадена съ южной и съ западной стороны были двѣ демократическія

Возстаніе въ
Баденѣ.

республики и онъ, по своему географическому положенію, былъ очень удобнымъ центромъ для дѣятельности революціонеровъ. Тамъ революціонерамъ пришлось постоянно прибѣгать къ самымъ безсовѣстнымъ выдумкамъ, чтобъ не утратить довѣріе народа, который хотя и не былъ въ состояніи правильно судить о положеніи дѣлъ, но не былъ вполнѣ лишенъ здравомыслія.

Обзоръ пред-
шествовавшихъ
событій 1848
года.

Совокупность многихъ причинъ придавала тамъ возстанію очень широкіе размѣры. Благодаря своей либеральной конституціи, Баденъ издавна былъ главнымъ центромъ либерализма и борьбы земскихъ чиновъ съ центральною властію; тамъ было много популярныхъ ораторовъ, политическихъ агитаторовъ, смѣлыхъ журналистовъ, которые не всегда сохраняли должную мѣру, вступаясь за прогрессъ и за просвѣщеніе народа, а свои нападки на негодность германскаго государственнаго устройства направляли прежде всего на свое мѣстное правительство, нерѣдко раздражавшее ихъ своими грубыми приемами, безусловнымъ отказомъ отъ всякихъ уступокъ, вліяніемъ на выборы земскихъ представителей, и увольненіемъ либеральныхъ должностныхъ лицъ. Все это сдѣлалось причиной разлада между народомъ и правительствомъ, — разлада, который еще усилился въ 1848 году. Французская февральская революція нашла въ Баденѣ благопріятную почву для своихъ соблазнительныхъ теорій, а неоднократно попытки водрузить тамъ знамя возстанія въ защиту общегерманскихъ интересовъ постоянно возбуждали народные умы. Нисшіе слои населенія сначала были сильно взволнованы извѣстіемъ, что нѣмецкіе рабочіе, сражавшіеся въ Парижѣ на баррикадахъ, перешли, подъ предводительствомъ поэта Гервега, черезъ Рейнъ для борьбы за республиканскую свободу; тогда Фридрихъ Геккеръ (стр. 316), нежелая подвергнуться одинакой участи съ своимъ другомъ

8 апр. 1848. Фиклеромъ, арестованнымъ по подозрѣнію въ государственной из-
Половина ап- мѣнѣ, обратился къ воинственнымъ нагорнымъ жителямъ съ воззва-
рѣля. ніемъ, въ которомъ приглашалъ ихъ взяться за оружіе для священ-
ной борьбы за свободу. Этотъ популярный герой въ родѣ Ринальдини увлекалъ вслѣдъ за собою легко воспламеняющуюся молодежь и своимъ романтическимъ воодушевленіемъ сильно возбуждалъ народную фантазію. Его популярность несколько не уменьшилась оттого, что возстаніе было подавлено и что бойцы за свободу оказали очень слабое сопротивленіе союзнымъ войскамъ. Онъ не утратилъ народной привязанности и послѣ того, какъ спасся бѣгствомъ въ Швейцарію, а оттуда переѣхалъ въ Америку. Сочиненная имъ пѣсня, напоминавшая своей мелодіей пѣсню Schleswig-Holstein meerumschlungen, сдѣлалась съ тѣхъ поръ чѣмъ-то въ родѣ Марсельезы нѣмецкихъ республиканцевъ. Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ волненіе умовъ въ Баденѣ несколько не ослабѣло: шумныя народныя сходки, политическія общества, пресса, не знавшая въ своей разнузданности ника-

кихъ границъ, подкапывались подъ основы государственнаго устройства и сѣяли сѣмена новыхъ возстаній, а правительство не было въ состояніи положить этому конецъ. Бывшій мюнхенскій адвокатъ и журналистъ Густавъ Струве предпринялъ въ сентябрѣ изъ Швейцаріи новое вторженіе въ баденскія владѣнія. Но и по своему происхожденію и по своему воспитанію онъ не имѣлъ ничего общаго съ пародомъ, поэтому не встрѣтилъ сильнаго сочувствія къ своему политическому фанатизму во вкусѣ Марата, хотя и старался своими социалистическими теоріями разжигать страсти пролетаріевъ. Арестованный и выданный правительству поселянами, онъ былъ заключенъ въ темницу въ Брухсалѣ и содержался тамъ до майской революціи, 20 марта 1849. которая возвратила ему свободу. Его процессъ передъ судомъ присяжныхъ во Фрейбургѣ раскрылъ всю бездонную пропасть нелѣпныхъ идей, распространявшихся въ народѣ рѣчами софистовъ и газетными статьями.

При такомъ настроеніи народныхъ умовъ революціонерамъ не трудно было вызвать въ маѣ 1849 новыя волненія. Демократы стремились къ своей цѣли съ помощью многочисленныхъ народныхъ обществъ, во главѣ которыхъ стоялъ адвокатъ Брентано и которыми оказывали лишь слабое противодѣйствіе образовавшіеся въ нѣкоторыхъ городахъ «патріотическія общества» съ консервативнымъ направленіемъ. Демократы все настойчивѣе требовали распущенія палатъ и созванія учредительнаго сейма, а такъ какъ эти требованія оставались неисполненными, то они мало по малу принудили своихъ единомышленниковъ выйти изъ нижней палаты для того, чтобъ она сдѣлалась неспособной къ постановленію рѣшеній; въ то-же время они начали въ радикальныхъ газетахъ ожесточенную борьбу съ президентомъ министерства, «баптистомъ» Беккомъ. Убѣдившись въ невозможности достигнуть своей цѣли, пока войска повинуются своему начальству, они организовали систему самыхъ постыдныхъ подстрекательствъ, чтобъ склонить солдатъ къ отказу въ повиновеніи офицерамъ. Имъ помогло въ этомъ предпріятіи постановленіе франкфуртскаго парламента объ увеличеніи арміи въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствахъ. Тогда стали призывать къ военной службѣ и тѣхъ молодыхъ людей, которые уже впитали въ себя республиканскіе принципы, принимали участіе въ походѣ Геккера въ качествѣ добровольцевъ и наслушались внушеній, что въ случаѣ внутренней борьбы слѣдуетъ держать сторону народа. Сверхъ того, они были недовольны своимъ призывомъ къ военной службѣ и потому охотно внимали совѣтамъ тѣхъ, кто толкалъ ихъ на ложный путь. Вѣдь они слышали, какимъ оскорбительнымъ насмѣшкамъ подвергались на своей родинѣ тѣ уволенные въ отпускъ солдаты, которые когда-то сражались съ Геккеревскими отрядами добровольцевъ. Не менѣе важное вліяніе имѣлъ законъ о

Майскіе и
іюньскіе дни
1849 года.
1. Раштаттъ.

всеобщей воинской повинности, запрещавшій ставить вмѣсто себя наемныхъ рекрутъ; онъ лишилъ унтеръ-офицеровъ возможности увеличивать ихъ денежныя средства, нанимаясь въ замѣнъ тѣхъ, кто не желалъ поступать въ военную службу. Намѣреніе увеличить жалованье унтеръ-офицеровъ еще не было приведено въ исполненіе. Кромѣ того солдаты жаловались на жестокое съ ними обхожденіе офицеровъ; революціонеры старались подкупить ихъ раздачей дароваго пива, заманивали ихъ на свою сторону разными обѣщаніями и перспективой повышеній по службѣ; всё это колебало вѣрность баденской арміи и возбуждало въ ней духъ неповиновенія, наконецъ 11 мая 1849. разразившійся мятежемъ. Въ Раштаттѣ вспыхнуло 11 мая страшное возстаніе солдатъ. Для возстановленія порядка военный министръ Гофманнъ торопливо направился къ этой крѣпости во главѣ тѣхъ войскъ, которыя не отказывались отъ повиновенія. Но это была безуспѣшная попытка! Его осыпали угрозами мятежные солдаты, уже ранившіе многихъ офицеровъ, поэтому онъ спасся бѣгствомъ и оставилъ крѣпость во власти мятежниковъ. Такія-же безчинства совершались въ тотъ-же день въ Лёррахѣ.

2. Оффенбургъ.

На 13-ое мая была созвана въ Оффенбургѣ большая народная сходка. За день передъ тѣмъ уполномоченные отъ всѣхъ народныхъ обществъ собрались на совѣщаніе и въ гордомъ сознаніи побѣды, доставившей имъ обладаніе крѣпостью Раштаттомъ, предъявили цѣлый рядъ требованій, немедленнаго исполненія которыхъ потребовали отъ министерства черезъ посредство особой депутаціи. Они требовали распущенія палатъ, созванія учредительнаго собранія изъ представителей земства, выбранныхъ всеобщей подачей голосовъ, увольненія министерства Бекка и всеобщей амнистіи. Правительство дало уклончивый отвѣтъ и обратилось во Франкфуртъ съ просьбой о скорѣйшей присылкѣ имперскихъ войскъ. Ему отвѣчали оттуда, что центральное правительство не имѣетъ въ настоящую минуту никакихъ войскъ въ своемъ распоряженіи; тѣмъ временемъ, на оффенбургской народной сходкѣ, въ которой участвовали и уполномоченные отъ раштаттскаго гарнизона, происходили такія буйства, что не только Раво, находившійся тамъ въ качествѣ комиссара центрального правительства, съ негодованіемъ отвернулся отъ этой массы одичалыхъ людей, но даже недавно выпущенный изъ тюрьмы Фиклеръ и инспекторъ народныхъ обществъ Брентано держались въ сторонѣ и совѣтовали вести себя болѣе сдержанно. Но развѣ можно было ожидать сдержанности отъ такого сборщика! «Оффенбургскій конгрессъ земскихъ представителей» объявилъ, что революція должна продолжаться непрерывно, рѣшилъ немедленно соединить регулярную армію съ народнымъ ополченіемъ подъ начальствомъ выбранныхъ ими самими людей и учредилъ особый комитетъ, который долженъ былъ употреблять всѣ находившіяся въ его распоряженіи

средства для введенія имперской конституціи въ томъ видѣ, «въ какомъ она находится послѣ того, какъ событія устранили вопросъ о главѣ имперіи». Въ то-же время были приняты рѣшенія о преобразованіи всѣхъ учреждений административнаго и судебного вѣдомства и объ измѣненіи податной системы и были введены нѣкоторыя соціалистическія учрежденія для облегченія ремесленниковъ и для выдачи вспомошествованій работникамъ, сдѣлавшимся неспособными къ труду; съ этой цѣлю предполагалось создать специальный фондъ для выдачи пенсій.

Революціонное движеніе скоро распространилось по всей странѣ. 3. Карlsruэ. Двѣ роты пьяныхъ солдатъ, возвратившіяся изъ Брухсаля въ Карlsruэ, подали примѣръ мятежа. Онѣ опустошили внутренность казармъ и квартиру одного илюбимаго полковника, а драгунскаго ротмистра, пытавшагося возстановить порядокъ, убили вмѣстѣ съ однимъ унтеръ-офицеромъ и нѣсколькими рядовыми. Къ нимъ стали присоединяться толпы волонтеровъ; мятежники попытались завладѣть арсеналомъ, который охраняла городская милиція. Офицеры, покинутые подчиненными имъ солдатами, стали спасаться бѣгствомъ и даже жизнь принца Фридриха подвергалась опасности. Великій герцогъ выѣхалъ ночью изъ своего дворца вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и подъ охраной отряда драгунъ и нѣсколькихъ артиллеристовъ отправился сначала въ крѣпость Гермерсгеймъ, а потомъ въ эльзасскій городокъ Лаутербургъ. На другой день (14 мая) выѣхали вслѣдъ за нимъ и министры. Тогда правительственная власть перешла въ руки земскаго комитета, переѣхавшаго изъ Оффенбурга въ Раштаттъ, а столичный городской совѣтъ, желая предохранить жителей отъ болѣе тяжелыхъ бѣдъ, заявилъ комитету черезъ посредство особой депутаціи, что городъ Карlsruэ не будетъ противиться его прибытію въ столицу, если онъ позаботится о сохраненіи внутренняго спокойствія. За тѣмъ, члены комитета совершили 14 мая свой торжественный въѣздъ въ баденскую столицу, а глава «временнаго правительства» Брентано, выйдя на балконъ городской ратуши, публично заявилъ, что комитетъ ограничить свою дѣятельность охраной общественной безопасности и введеніемъ имперской конституціи. Струве, выпущенный изъ тюрьмы вмѣстѣ со многими другими, такъ называемыми «политическими мучениками», вступилъ въ составъ комитета. Стоявшій въ Карlsruэ гарнизонъ принесъ присягу имперской конституціи и вечеромъ того-же дня сражался въ рядахъ мятежниковъ! Однако большинство этихъ мятежниковъ все еще было убѣждено, что борьба ведется за единство и свободу Германіи, а ихъ вожди—радикалы не осмѣлились вывести ихъ изъ заблужденія провозглашеніемъ республики. Драгуны, которые подъ начальствомъ полковника Гинкельдея сопровождали великаго герцога въ Гермерсгеймъ и при которыхъ находился военный министръ Гоф-

маннъ, не были впущены въ крѣпость; они попытались направиться вмѣстѣ съ своими пушками къ Франкфурту, но имъ этого не дозволили стекавшіеся со всѣхъ сторонъ отряды добровольцевъ и ополченцевъ; тогда они перешли черезъ горы на вюртембергскую территорію, гдѣ частію разбрелись въ разныя стороны, частію были арестованы. Солдаты, покинутые почти всѣми своими начальниками, вошли въ составъ «народнаго ополченія», которое было организовано новымъ правительствомъ изъ всѣхъ годныхъ для военной службы людей въ возрастѣ отъ восемнадцати до тридцати лѣтъ. Стекавшіеся со всѣхъ сторонъ, многочисленные добровольцы увеличили эту боевую силу. Оружіе и военные снаряды были взяты изъ городского арсенала. Въ скоромъ времени все баденское население приняло сторону революціонеровъ.

Кризисъ.

Побѣда, одержанная въ Баденѣ радикалами, могла-бы содѣйствовать успѣху республиканскихъ замысловъ только въ томъ случаѣ, еслибы и сосѣднія государства вовлеклись въ революціонное возстаніе. Поэтому, немедленно былъ заключенъ братскій союзъ съ Пфальцемъ, а въ Гессенѣ-Дармштадтѣ, въ Нассау и въ Вюртембергѣ были отправлены демократами агенты для возбужденія возстаній. Въ Оберъ-Лауденбахѣ, на границѣ между двумя великими герцогствами, собралась народная сходка, чтобъ подать сигналъ къ началу революціи въ Гессенѣ; но умерщвление всѣми уважаемаго дармштадтскаго должностнаго лица Принца, старавшагося удержать сходку въ предѣлахъ законности, до такой степени нарушало всѣ требованія нравственности и человеколюбія, что мѣстные жители и въ особенности войска съ негодованіемъ отвернулись отъ политической партіи, прибѣгавшей къ такимъ возмутительнымъ средствамъ; не смотря на то, что въ Вормсѣ и въ Майнцѣ, — гдѣ для такихъ людей, какъ Цицъ и его единомышленники, служили опорой воспоминанія о революціонныхъ движеніяхъ девяностыхъ годовъ, — члены гимнастическихъ обществъ и отряды добровольцевъ старались развернуть красное знамя, республиканское движеніе не нашло благопріятной для себя почвы въ Штаркенбургской провинціи. Когда баденскія войска достигли гессенской границы и вознамѣрились вторгнуться въ эту сосѣднюю страну, гессенскія войска встрѣтили ихъ выстрѣлами картечью и привели ихъ въ такое разстройство, что они торопливо отступили къ Гейдельбергу. Для нихъ это была критическая минута: солдаты, непитавшіе никакого довѣрія къ избраннымъ ими неопытнымъ офицерамъ, начали сомнѣваться въ основательности обѣщаній, которыми ихъ увлекали въ возстаніе. Многіе изъ нихъ одумались и стали раскаяваться въ томъ, что приняли участіе въ мятежѣ. Хотя радикаламъ и удалось ободрить упавшихъ духомъ солдатъ и разжечь ихъ озлобленіе на «безразсудныхъ Гессенцевъ», но они сами начали сомнѣваться въ осуществленіи своихъ надеждъ, когда увидѣли, что революція не

могла проникнуть далѣе Геппенгейма и Гемсбаха. Какъ ни старались радикалы внушить своимъ невѣжественнымъ солдатамъ мужество, распространяя вымышленные слухи о побѣдахъ, одержанныхъ народомъ въ сосѣднихъ государствахъ, о переходѣ войскъ на сторону мятежниковъ, о скоромъ прибытіи французскихъ вспомогательныхъ войскъ, они не были въ состояніи возбудить возстаніе за предѣлами Гессена и бесполезно обагрятъ нѣмецкой кровью прелестныя нивы на всемъ пространствѣ отъ Геппенгейма до Вейнгейма. По видимому, Вюртембергъ представлялъ болѣе благопріятную почву для революціи. И въ этой странѣ умы были такъ сильно возбуждены свободной прессой, демократическими обществами, народными сходками, подачей адресовъ и петицій, что мѣстное правительство мало по малу утратило силу и вліяніе, радикалы произносили рѣшающее слово и въ палатѣ и на народныхъ сходкахъ, а войска сдѣлались ненадежными. А когда Фиклеръ и другіе подстрекатели прибыли изъ Бадена, чтобъ склонить швабское населеніе къ вступленію въ братскій союзъ съ революціонерами, когда члены лѣвой стороны франкфуртскаго парламента перенесли свои засѣданія въ Штутгартъ, а въ палатѣ было предложено заключеніе союза съ Баденомъ и съ Пфальцомъ, тогда и Вюртембергъ, по видимому, неизбежно долженъ былъ вовлечься въ потокъ революціи. Тогда всѣ взоры устремились на эту страну; такъ какъ въ ней должна была произойти рѣшительная борьба между консервативною властію и революціей, а созванная въ Рейтлингенъ народная сходка, по видимому, должна была разыграть одинакую роль съ сходкой въ Оффенбургѣ. То были печальные дни, полные заботъ и тревожныхъ ожиданій. Въ то время, въ нѣкоторыхъ прусскихъ городахъ было оказано сопротивление организаторамъ народнаго ополченія, въ Эльберфельдѣ и въ Дюссельдорфѣ были построены баррикады, въ Нассау обнаружилось опасное возбужденіе умовъ, демократы въ интересахъ своего «дѣла» нигдѣ не давали покоя правительству, полиціи и войскамъ. Тогда Рёмеръ своимъ энергическимъ образомъ дѣйствій предохранилъ южную Германію отъ революціи. Долгій парламентъ былъ принужденъ удалиться изъ страны, Фиклеръ былъ арестованъ и отправленъ въ Гогенашпергъ, проискавъ иностранныхъ и мѣстныхъ демагоговъ былъ положенъ конецъ. И не смотря на то, что радикалы осыпали Рёмера оскорбительными обвиненіями, его имя служило для народа ручательствомъ за то, что не имѣется въ виду никакихъ стѣсненій легальной свободы; увѣренный въ народномъ къ нему довѣріи, онъ вступилъ въ борьбу съ мятежниками. Не сбылись надежды и на іюньское возстаніе въ Парижѣ, которое уже выдавалось въ Баденѣ за побѣду, одержанную «красной республикой» и которымъ революціонеры пользовались для внушенія бодрости своимъ солдатамъ. Такимъ образомъ, революція не распространилась далѣе юго-

западныхъ прирейнскихъ странъ; въ то время, какъ тамъ дѣлались безуспѣшныя попытки соединить разбушевавшіеся революціонные элементы въ какую нибудь опредѣленную форму и революція истощала свои силы на разныя преувеличенія, спокойствіе возстановилось на сѣверѣ Германіи лишь только Прусскій король публично обѣщалъ удовлетворить стремленія къ германскому единству посредствомъ организаціи союзнаго государства съ народнымъ представительствомъ, а вскорѣ послѣ того сдѣлавшееся извѣстнымъ, заключеніе союза между тремя королями, по видимому, имѣло цѣлю исполненіе желаній патріотовъ.

Развязка.

Такъ какъ революціонное движеніе ограничилось небольшимъ странствомъ и не встрѣчало тамъ никакого сопротивленія, то баденскіе радикалы не могли извлечь существенной для себя пользы изъ одержанной побѣды. Они созвали учредительное земское собраніе, которое составилось изъ членовъ, выбранныхъ демократическимъ меньшинствомъ, и было лишь копіей неспособнаго временнаго правительства. Входящіе въ его составъ, радикальные «крикуны» дали очень жалкое понятіе о политической даровитости своей партіи; они были воплощеннымъ выраженіемъ умственной импотенціи, а сеймъ былъ сатирой на конституціонную систему правленія. Такими-же бездарными оказались и «гражданскіе комиссары», завѣдывавшіе управленіемъ въ городахъ, и начальники войскъ и народнаго ополченія. Хотя и образовалась партія ускореннаго прогресса, которая выбрала своимъ главою соціаль-демократа Струве и, опираясь на республиканскій швейцарскій легіонъ, задумала провозгласить красную республику и осуществить свои соціалистическіе проекты, но Brentano, не увлекавшійся никакими безразсудными теоріями, хотя и придерживавшійся республиканскихъ принциповъ, воспротивился опасному замыслу, который причинилъ-бы громаднѣйшій вредъ странѣ, потому что его стали-бы приводить въ исполненіе чужеземные авантюристы.

Пруссакъ въ
Пфальцѣ и въ
Баденѣ.

Между тѣмъ, великій герцогъ баденскій, переѣхавшій въ Эрен-брейтштейнъ, а оттуда во Франкфуртъ, обратился съ просьбой о помощи къ центральному правительству, но узнавши, что оно не имѣетъ въ своемъ распоряженіи нужнаго числа войскъ, обратился съ такою-же просьбою къ Пруссіи. Эта послѣдняя согласилась прислать нужныя подкрѣпленія только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ Баденъ присоединился къ союзу трехъ королей; поэтому великій герцогъ уволилъ прежнихъ министровъ и окончательно перешолъ на сторону Пруссіи. А когда и баварское министерство, во главѣ котораго стоялъ бывшій профессоръ и саксонскій министръ фонъ-деръ-Пффордтенъ, также стало просить о присылкѣ прусскихъ войскъ въ Пфальцъ, не смотря на то, что противилось заключенію союза трехъ королей, тогда было рѣшено предпринять одновременное нападеніе на тѣ страны, гдѣ вспыхнули возстанія. Между тѣмъ

какъ имперскія войска гессенскія и мекленбургскія занимали горную дорогу вплоть до Вейнгейма, а неспособные начальники инсургентовъ переходили съ своими солдатами изъ одного мѣста въ другое безъ всякаго плана и безъ всякой цѣли, прусскія войска двинулись на югъ подѣ главнымъ начальствомъ Прусскаго принца Вильгельма. Тогда руководители временныхъ правительствъ баденскаго и пфальцскаго вызвали Поляка Мерославскаго и поручили ему главное начальство надъ всѣми военными силами инсургентовъ. Мерославскій велѣ военныя дѣйствія болѣе обдуманно и умѣлъ внушить своимъ солдатамъ мужество и самоувѣренность, но въ концѣ концовъ онъ и въ Баденѣ не имѣлъ больше успѣха, чѣмъ когда-то въ Позенѣ и въ Сициліи. Около половины іюня прусскій отрядъ вступилъ въ баварскій Пфальцъ, гдѣ инсургенты долго безуспѣшно пытались завладѣть крѣпостью Ландау, въ которой почти вовсе не было войскъ; этотъ отрядъ прошелъ вдоль всей страны, не встрѣчая почти никакого сопротивленія. Тогда инсургенты направились, подѣ начальствомъ Поляковъ и другихъ иноземныхъ авантюристовъ, въ Баденъ, чтобъ соединить тамъ всѣ свои силы для борьбы съ непріателемъ. Послѣ завладѣнія Пфальцемъ Пруссаки перешли подлѣ Филиппсбурга черезъ Рейнъ; въ тоже время другой прусскій отрядъ занялъ горную дорогу, а германскія имперскія войска перешли черезъ Неккаръ и стали приближаться къ вюртембергской границѣ. Тѣснимые со всѣхъ сторонъ инсургенты были принуждены, послѣ неудачнаго сраженія при Ваггѣйзелѣ, отступить къ югу, чтобъ защищаться за стѣнами крѣпости Раштатта. Пруссаки и имперскія войска скоро завладѣли всей страной вплоть до Боденскаго озера и до швейцарской границы; инсургенты защищались въ Раштаттѣ нѣсколько недѣль, но недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ заставилъ ихъ сдаться на милость побѣдителя. Комендантъ крѣпости Тидеманнъ, прежде служившій въ греческой арміи, былъ разстрѣлянъ по приговору военного суда.

Іюнь 1849.

21 іюня.

Такимъ образомъ, возстаніе было окончательно подавлено въ баденскихъ владѣніяхъ. Великій герцогъ возвратился въ свою столицу; старый порядокъ былъ восстановленъ, а судамъ было предоставлено наказаніе виновныхъ. Но въ то время, какъ казематы и тюрьмы наполнялись арестантами, а нѣкоторые изъ начальниковъ добровольцевъ и вождей демократіи (въ томъ числѣ членъ парламента Трюцшлеръ) подвергались смертной казни по приговору военныхъ судовъ въ Мангеймѣ и въ Раштаттѣ, главные виновники всѣхъ этихъ бѣдствій спасались бѣгствомъ въ Швейцарію или въ Америку. Геккеръ, получившій отъ временнаго правительства приглашеніе возвратиться, высадился во Франціи, когда возстаніе уже было подавлено. Ему не оставалось ничего другого, какъ снова переѣхать на ту сторону океана. Поэтъ Готфридъ Кинкель, много содѣйствовавшій возбужденію республикан-

Уголовныя
наказанія.

скаго возстанія, былъ приговоренъ къ смертной казни; но ему смягчили наказаніе и отправили его на каторжныя работы; въ слѣдующемъ году онъ при содѣйствіи своего земляка Карла Шурца бѣжалъ изъ Шпандау въ Англію. И бывшій прусскій офицеръ и писатель Корвинъ былъ приговоренъ къ десятилѣтнему одиночному заключенію въ Брухсалѣ. И австрійское правительство охотно приняло бы участіе въ подавленіи революціоннаго движенія въ Баденѣ; но берлинское правительство отклонило его содѣйствіе на томъ основаніи, что великій герцогъ Баденскій обращался за помощью только къ Пруссіи; поэтому, высокому президенту австрійскаго министерства не оставалось ничего другого, какъ выразить въ написанной раздражительнымъ тономъ, дипломатической нотѣ, свое сожалѣніе о томъ, что, вслѣдствіе невмѣшательства Австріи, вожди инсургентовъ могли избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ стояли прусскія войска, пока тамъ не была заново организована мѣстная армія. Эти событія произвели такое потрясающее впечатлѣніе на челоуколюбиваго великаго герцога Леопольда, что онъ занемогъ и въ тяжелыхъ страданіяхъ кончилъ жизнь 24 апрѣля 1852.

V. Возстаніе и паденіе Венгріи.

1. Борьба между подвластными Австріи племенами.

Венгрія и
Австрія.

И въ Венгріи политическія бури 1848 года расшатали существовавшія тамъ въ теченіе многихъ столѣтій феодально-монархическія учрежденія съ земскими представителями. Послѣ торопливыхъ совѣщаній сеймъ отмѣнилъ всѣ крестьянскія земельныя повинности безъ всякаго за нихъ вознагражденія, обложилъ податями всѣ сословія, далъ печати свободу, ввелъ судъ присяжныхъ съ публичностью и гласностью судопроизводства и издалъ либеральный избирательный законъ, основанный на демократическихъ принципахъ. Австрійское правительство, напуганное угрожавшими ему со всѣхъ сторонъ возстаніями, не только изъявило свое согласіе на эти нововведенія, но даже постаралось посредствомъ важныхъ уступокъ поддержать спокойствіе въ Венгріи, издавна неохотно подчинявшейся австрійской системѣ управленія. Но мадьярская партія, движимая чувствомъ національной гордости и чрезмѣрной увѣренностью въ своихъ силахъ, полагала, что настала благопріятная минута, чтобъ возстановить независимость венгерскаго королевства; поэтому, она попыталась ослабить узы, связывавшія Венгрію съ австрійской монархіей и стала требовать такихъ правъ и учрежденій, которыя сдѣлали-бы изъ Венгріи независимое государство, связанное съ остальными частями им-

періи только единствомъ царствующей династіи. Находившееся въ стѣсненномъ положеніи, вѣнское правительство согласилось въ нѣкоторыхъ пунктахъ на уступки, но въ остальныхъ старалось не разрывать старыхъ узъ. Оно согласилось ввѣрить управленіе Венгріей Мартъ 1848. либеральному министерству, въ которомъ обязанности президента были возложены на патріотическаго и энергичнаго графа Лудвига Баттіани, а самымъ вліятельнымъ членомъ былъ передовой боецъ за свободу Венгріи, адвокатъ Кошутъ; но императорское правительство не соглашалось ввести въ Венгріи самостоятельное финансовое управленіе и военное устройство: оно требовало, чтобъ Мадыяры по меньшей мѣрѣ взяли на себя часть государственнаго долга и уплачивали часть налоговъ, необходимыхъ на покрытіе общихъ государственныхъ расходовъ.

Тогда Австрійцы нашли неожиданныхъ союзниковъ въ южно-славянскихъ племенахъ, — въ Кроатахъ, Славонцахъ и другихъ пограничныхъ жителяхъ, которые до той поры были соединены съ Мадыярами въ одно венгерское королевство и имѣли своихъ представителей въ венгерскомъ сеймѣ, но теперь были такъ возбуждены про- Борьба національностей. нсками панславистовъ и такъ оскорблены въ своихъ національных чувствахъ пристрастной привязанностью Мадыяръ къ ихъ языку и народнымъ обычаямъ, что стали требовать своего отдѣленія отъ Венгріи и самостоятельныхъ государственныхъ учреждений подъ управленіемъ имперскаго министерства. Такія-же требованія были предъявлены и другими племенами какъ въ Трансильваніи, такъ и въ другихъ провинціяхъ; поэтому, вмѣсто того, чтобъ вводить у себя самостоятельныя, свободныя государственныя учрежденія, Мадыярамъ приходилось охранять свое королевство отъ внутренняго разложенія, которымъ ему угрожало отпаденіе всѣхъ немадыарскихъ племенъ. Равноправность національностей сдѣлалась тогда лозунгомъ для всѣхъ племенъ на всемъ пространствѣ отъ Карпатскихъ горъ до береговъ Савы и Дуная. Гордые и высокомерныя Мадыяры сами сѣяли сѣмена племенной ненависти, замѣняя своимъ языкомъ латинскій языкъ, издавна бывший въ употребленіи въ сеймѣ и въ правительственныхъ предписаніяхъ, и повсюду вводя свои мѣстныя учрежденія въ замѣнъ племенныхъ и завѣщанныхъ укоренившимися обычаями; хотя венгерскій сеймъ и согласился сдѣлать въ пользу Кроатовъ исключеніе изъ общаго закона, что мадыарскій языкъ долженъ быть офиціальнымъ языкомъ во всемъ королевствѣ, но племенная ненависть уже такъ глубоко укоренилась, что при повсемѣстномъ возбужденіи умовъ и въ Кроаціи проявились національныя стремленія. Депутаціи кроатская и венгерская одновременно обратились въ Вѣнѣ къ император- Мартъ 1848. скому правительству съ настойчивыми требованіями: первая требовала соединенія трехъ королевствъ — Кроаціи, Славоніи, Далмаціи и «военной границы» въ одно самостоятельное цѣлое, независимое отъ

мадьярскаго министерства и сейма; вторая требовала, чтобъ прежніе порядки оставались неизмѣнными и чтобъ прежній составъ венгерскаго королевства оставался неприкосновеннымъ.

Политика Австрійское правительство старалось воспользоваться этой племенной ненавистью, чтобъ ослабить своихъ противниковъ и потому воздерживалось отъ всякихъ рѣшительныхъ мѣръ. Оно исполнило желаніе Кроатовъ, назначивши баномъ Кроаціи очень любимаго при дворѣ, ненавистника Мадьяръ, Іеллачича, а Венгерцевъ оно старалось успокоить разными обѣщаніями и уступками; когда Іеллачичъ до такой степени разжегъ въ славянскихъ племенахъ стремленіе къ независимости, что они открыто возстали противъ Венгріи, тогда императорскій манифестъ выразилъ порицаніе такого образа дѣйствій и уволилъ бана отъ должности; но послѣ словесныхъ объясненій съ Іеллачичемъ, при дворѣ убѣдились въ его вѣрноподданническихъ чувствахъ и онъ былъ снова назначенъ на прежній важный постъ. Полагаясь на личное къ нему довѣріе императора, онъ сталъ тогда всѣми силами стремиться къ отдѣленію южно-славянскихъ государствъ отъ Венгріи. Въ газетахъ, въ публичныхъ рѣчахъ и въ воззваніяхъ къ народу онъ сталъ все сильнѣе разжигать національную ненависть къ Мадьярамъ, а сопротивленіе Венгерцамъ называлъ священной борьбой за свободу, религію и національную независимость. Последнія совѣщанія, происходившія между Іеллачичемъ и Баттіани въ Вѣнѣ, не привели къ соглашенію. Тогда пришлось разрѣшать съ оружіемъ въ рукахъ вопросъ, сохранить-ли Венгрія свой прежній объемъ, или же она превратится въ небольшое мадьярское королевство.

Возстаніе Кровопрлитная племенная борьба началась въ юго-восточной части Венгріи. Въ древней Сирміи,—въ этой болотистой странѣ, перерѣзанной земляными насыпями и рвами и часто упоминаемой въ военной исторіи Венгріи,—жили рядомъ съ старымъ романскимъ племенемъ Румыновъ, исповѣдывавшимъ греческую вѣру, грубые воинственные племена славянскаго происхожденія Сербы, Иллирійцы, Чайкисты, Райцы, задумавшіе вмѣстѣ съ жителями Баната и нѣкоторыхъ сосѣднихъ мѣстностей основать славянское воеводство, независимое отъ Венгріи. Возбуждаемые славянскими агитаторами и фанатическимъ духовенствомъ, они отказались отъ повиновенія венгерскимъ должностнымъ лицамъ и стали предпринимать опустошительныя набѣги на сосѣдніе комитаты. Прежде всего вспыхнуло возстаніе въ маленькомъ городкѣ Кикиндѣ, сопровождавшееся ужасными злодѣяніями, убійствами и грабежами. Такъ какъ инсургенты стали получать съ разныхъ сторонъ подкрѣпленія, а со стороны неприготовленныхъ къ борьбѣ Венгерцевъ не встрѣчали серьезнаго сопротивленія, то они стали быстро подвигаться впередъ. Дикіе жители военной границы и Сербы, привыкшіе къ войнамъ и къ грабежамъ, стали опустошать всѣ страны, прилегающія къ берегамъ Тиссы и

Дуная. Въ городахъ Нейзацѣ, Карловицѣ, Панковѣ, Вейскирхенѣ совершались самыя ужасныя злодѣянія и грабежи. Эта опустошительная племенная борьба безъ большихъ сраженій и безъ всякаго плана военныхъ дѣйствій продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; ненависть къ иноплеменникамъ и жажда мщенія разжигали страсти; возстаніе Чеховъ въ Прагѣ и волненія, вспыхнувшія среди всѣхъ подвластныхъ Австріи, славянскихъ племенъ, усиливали ярость и воинственный пылъ инсургентовъ. Только въ августѣ венгерскимъ войскамъ удалось нанести инсургентамъ пораженіе подлѣ Сентъ-То-

Авг.

маса и въ городѣ Вейскирхенѣ и подавить возстаніе Сербовъ. Между тѣмъ, возбужденіе Кроатовъ и Славонцевъ противъ «азіатской орды», иго которой они не желали долѣе выносить, до такой степени усилилось, что война сдѣлалась неизбежной. По соглашенію съ вѣнскимъ правительствомъ и съ реакціонерной партіей, банъ Іеллачичъ развернулъ знамя кроатской независимости и во главѣ своихъ дикихъ полчищъ перешолъ черезъ Драву. Онъ предварительно издалъ манифестъ, въ которомъ объявлялъ, что ему поручено императоромъ охранять интересы глубоко возмущеннаго кроатскаго народа и составъ австрійской монархіи, расшатанный самымъ возмутительнымъ своеволіемъ господствующей въ Венгріи партіи. Онъ говорилъ о своемъ намѣреніи освободить венгерскую націю отъ господства одной факціи, обманомъ и хитростью нарушавшей права короны, возбудившей раздоры между подвластными императору народами и силою разорвавшей легальную связь Венгріи съ имперіей. Іеллачичъ дошелъ до Платтенскаго озера, не встрѣтивъ никакого сопротивленія; венгерскія войска, находившіяся болѣею частию подъ начальствомъ австрійскихъ офицеровъ, были немногочисленны и вовсе не желали войны; а такъ какъ ни со стороны Мадьяръ ни со стороны австрійскаго правительства еще не было принято никакого окончательнаго рѣшенія, то и въ венгерской арміи обнаруживались колебанія и нерѣшительность, парализовавшія ея энергію. Мадьяры еще разъ попытались уладить въ Вѣнѣ мирное соглашеніе. Они обратились къ вѣнскому рейхстагу, но натолкнулись тамъ на такую-же племенную ненависть, какая повсюду обезпечивала австрійскому правительству побѣду надъ враждовавшими между собою племенами. Ихъ предложенія были отвергнуты рейхстагомъ по настоянію славянскихъ депутатовъ; образъ дѣйствій правительства все болѣе и болѣе внушалъ имъ убѣжденіе, что желанія пештскаго сейма не будутъ удовлетворены вѣнскимъ правительствомъ, что даже данныя имъ въ мартѣ обѣщанія не будутъ исполнены во всемъ своемъ объемѣ, что, напротивъ того, австрійское правительство болѣе или менѣе явно поощряетъ Славянъ къ возстаніямъ, чтобъ съ помощью племенныхъ раздоровъ одержать верхъ надъ всѣми своими противниками, и что Мадьярамъ приходится рассчитывать только на свои собственные силы; поэтому они стали готовиться къ войнѣ.

Іеллачичъ и
Кроаты.

Сент

Людвигъ Ко-
шутъ и рево-
люціонная
партія.

28 сент. 1848.

30 окт. 1848.

Новый австрій-
скій импера-
торъ.
Виндишгрецъ
въ Пештѣ.

Появленіе Іеллачича съ его кроатскими войсками вблизи венгерской столицы до крайности раздражило тамъ умы и привело къ тому, что патріотическое краснорѣчіе Кошута одержало верхъ надъ предостереженіями людей благоразумныхъ. Было создано венгерское ополченіе; ожесточеніе Венгерцевъ дошло до фанатизма; тогда началась одна изъ самыхъ кровопролитныхъ національныхъ войнъ. Вслѣдствіе отказа эрцгерцога Стефана отъ званія палатина и вслѣдствіе добровольнаго выхода Баттіани и Эйтвёса изъ министерства, управление всецѣло перешло въ руки Кошута и поборниковъ мадьярской независимости. Умерщвленіе на понтонномъ мосту графа Ламберга, назначеннаго главнокомандующимъ венгерскихъ войскъ, свидѣтельствовало о разнузданности страстей въ венгерской столицѣ. Почти одновременно съ этимъ злодѣяніемъ, было получено извѣстіе, что императорскій комиссаръ при Іеллачичѣ и при кроатской арміи, графъ Зичи былъ по обвиненію въ измѣнѣ приговоренъ къ висѣлицѣ и казненъ мадьярскимъ вождемъ Гёргеємъ, а его сокровища, втайнѣ хранившіяся въ погребѣ, были увезены; послѣдствіемъ этихъ событій были: распущеніе венгерскаго сейма, введеніе осаднаго положенія во всемъ венгерскомъ королевствѣ и возведеніе бана Іеллачича въ званіе главнокомандующаго всѣми императорскими войсками, находившимися въ Венгріи и въ сосѣднихъ съ нею странахъ. Іеллачичъ уже потерялъ два тяжелыхъ пораженія, когда былъ отозванъ изъ Венгріи вслѣдствіе октябрьскаго возстанія въ Вѣнѣ (стр. 355). Многіе утверждали, что деньги Мадьяръ и ихъ поощренія содѣйствовали взрыву возстанія въ Вѣнѣ; но для многихъ осталось непонятнымъ, почему венгерскія войска двинулись на помощь вѣнскимъ инсургентамъ только тогда, когда столица уже была взята императорскими войсками; слѣдуетъ полагать, или что Мадьяры не рѣшались сами начать войну съ Австріей, двинувши свои войска за венгерскую границу, или же что причиною ихъ мѣшкотности была необходимость предварительно заново организовать ихъ армію, при которой находился самъ Кошутъ, и сдѣлать распоряженія объ организации ополченія. Запоздалое появленіе Венгерцевъ и ихъ пораженіе на Швехатской равнинѣ, какъ мы уже ранѣе замѣтили (стр. 358), рѣшили участь столичныхъ инсургентовъ.

Возстановленіе австрійской монархіи въ ея прежнемъ видѣ и съ прежней централизаціей управленія сдѣлалось, послѣ паденія Вѣны, цѣлію «темножелтой» партіи, въ руки которой тогда перешло завѣдываніе государственными дѣлами. Съ этимъ стремленіемъ были несовмѣстимы обѣщанія и уступки, полученныя Венгерцами отъ императора Фердинанда, и слѣдовало опасаться, что добросовѣстный монархъ не рѣшится отказаться отъ исполненія того, что обѣщалъ. Но онъ отказался отъ престола, а императорская корона перешла къ его юному племяннику Францу Іосифу, отецъ котораго также

отказался отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ Венгерскій сеймъ предъявилъ протѣстъ противъ этой переменѣ правителя и заявилъ, что не будетъ исполнять приказаній новаго императора, пока онъ не будетъ, по установленному обыкновенію, коронованъ въ Венгріи и пока не принесетъ присягу венгерской конституціи. Чтобъ быть готовымъ къ борьбѣ, для которой дѣлались въ Австріи обширныя приготовленія, Кошутъ обратился съ пылкими воззваніями къ способнымъ носить оружіе Венгерцамъ и въ короткое время собралъ 200,000-ную армію, состоявшую частію изъ регулярныхъ войскъ, частію изъ ополченцевъ (гонимыхъ). Сборнымъ пунктомъ для этихъ войскъ служили тѣ обширныя болотистыя равнины у береговъ Тиссы, на которыхъ обыкновенно пасутся табуны венгерскихъ коней. Назначенный австрійскимъ главнокомандующимъ, князь Виндишгрецъ двинулся 15 декабря въ Венгрію. Города Ёденбургъ, Пресбургъ, Раабъ были заняты имъ почти безъ сопротивленія; за тѣмъ онъ двинулъ свою армію восемью колоннами къ столицѣ королевства Будапешту. Въ срединѣ зимы императорскія войска прошли черезъ болотистый Баконійскій лѣсъ, сдѣлавшійся удобопроходимымъ благодаря морозамъ, и въ первые дни 1849 года подступили къ столицѣ. Графъ Баттіани явился къ главнокомандующему во главѣ депутаціи съ цѣлію вступить въ переговоры, но получилъ отказъ; тогда Кошутъ удалился ночью съ 4 на 5 января изъ столицы вмѣстѣ съ венгерской арміей и со всѣми военными запасами и отступилъ къ Дебречину, увозя съ собою корону свят. Стефана, знаки императорскаго достоинства и станокъ для печатанія ассигнацій. Вслѣдъ за нимъ выѣхали члены комитета государственной обороны и депутаты сейма. Въ слѣдующій день австрійскій фельдмаршалъ вступилъ вмѣстѣ съ баномъ Іеллачичемъ въ Офенъ и въ Пештъ и послалъ императору ключи отъ этихъ двухъ смежныхъ городовъ.

Тѣмъ временемъ не прекращалась борьба съ Сербамъ подлѣ Панковъ, вокругъ крѣпкихъ римскихъ шанцевъ и насыпей у береговъ Дуная и Тиссы, а въ Трансильваніи вспыхнула война, превосходившая ужасами и жестокостями все, что можно себѣ представить. Въ этой дикой странѣ жили въ теченіе многихъ столѣтій различныя племена—германскіе Саксонцы, Венгры и Чеклеры, и далеко распространившіеся по Валахіи, Молдавіи и Буковинѣ, Румыны; они имѣли не одинаковыя права и учрежденія, но жили во взаимномъ согласіи, подчиняясь общему трансильванскому сейму; теперь и среди нихъ обнаружилась племенная вражда съ своею жаждою нововведеній для того, чтобъ лишить ихъ прежняго счастія и внутренняго спокойствія. Румыны прежде всего стали требовать и получили одинакія права съ Саксонцами и съ Мадьярами и стали посылать своихъ депутатовъ сейма въ Клаузенбургъ; затѣмъ, по настоянію Чеклеровъ и Мадьяръ, соединенный трансильванскій сеймъ заявилъ австрійскому правитель-

Дек.

Янв. 1849.

5 янв.

Племенная
борьба въ
Трансиль-
ваніи.

ству о своемъ желаніи соединиться неразрывными узами съ венгерскимъ правительствомъ; и это желаніе было исполнено императоромъ Фердинандомъ во время тѣхъ бурь, которыя разразились надъ Европой весной 1848 года. Но въ настроеніи умовъ скоро произошла перемѣна частию вслѣдствіе внушеній извнѣ, частию вслѣдствіе болѣе зрѣлаго обсужденія тогдашняго положенія дѣлъ. Румыны и Валахи отказались отъ соединенія съ Венгріей и пожелали по прежнему принадлежать къ составу имперіи; Саксонцы, стремившіеся не столько къ введенію ненадежныхъ преобразованій, сколько къ сохраненію своихъ старинныхъ правъ и вольностей, заявили, что желаютъ оставаться въ прежнемъ положеніи. Тѣ два племени стали подъ австрійское знамя, поэтому именно на нихъ стали изливать свою ярость ихъ сосѣди—Мадьяры. Чеклерскіе гусары и венгерскіе ополченцы стали нападать на богатые селенія и мызы Саксонцевъ, убивая всѣхъ безъ различія пола и возраста, не щадя ни частной ни церковной собственности; Румыны организовали хищническіе отряды добровольцевъ, вторгавшихся на территорію своихъ сосѣдей, чтобъ совершать тамъ убійства, грабежи и опустошенія; Саксонцы, которые были не такъ воинственны, какъ ихъ сосѣди, и которые только желали предохранить себя отъ непріятельскихъ нашествій, призвали къ себѣ на помощь австрійскую армію, находившуюся подъ начальствомъ генерала Пухнера. Такимъ образомъ, прелестная несчастная Трансильванія подверглась всѣмъ ужасамъ ожесточенной племенной борьбы. Во взаимной ненависти жившихъ тамъ племенъ австрійское правительство нашло самого сильнаго союзника. Война стала вестись болѣе правильно съ тѣхъ поръ, какъ польскій генераль Бемъ, соединявшій военную опытность съ гуманными чувствами, былъ назначенъ въ январѣ 1849 начальникомъ венгерскихъ войскъ въ Трансильваніи. Исходя изъ убѣжденія, что Мадьяры могли-бы свергнуть съ себя владычество Австріи только при содѣйствіи Славянъ и Румынъ, Бемъ постарался примирить Валаховъ и Чеклеровъ, или, по меньшей мѣрѣ, склонить ихъ къ болѣе человѣколюбивымъ взаимнымъ отношеніямъ. Но оттого еще болѣе усилилась воинственная свирѣпость Саксонцевъ, сражавшихся за Австрію. Ихъ города Кронштадтъ и Клаузенбургъ попали въ руки Мадьяръ, а Германиштадтъ сильно тѣснили съ окружающихъ высотъ войска Бема. У Пухнера не было достаточныхъ военныхъ силъ и не смотря на мужество оборонявшихся въ Германиштадтѣ Саксонцевъ, этотъ городъ непремѣнно былъ-бы принужденъ сдаться Чеклерамъ и Мадьярамъ. Тогда приверженцамъ Австріи удалось склонить комитеты сеймовъ саксонскаго и валахскаго къ такому шагу, который имѣлъ важныя послѣдствія. Черезъ посредство Австріи были призваны на помощь русскія войска, уже въ теченіе двухъ мѣсяцевъ стоявшія на границѣ Валахіи. Тогда русскій генераль

31 янв. 1849. Энгельгардтъ вступилъ въ Трансильванію съ 6000-ной арміей и съ

двадцатью артиллерійскими орудіями и послѣ упорныхъ сраженій занялъ Кронштадтъ и Германиштадтъ. Благодаря этой помощи, австрійскія войска могли быть употреблены на новыя предпріятія. 1. 4 февр.

2. Революція одерживаетъ верхъ.

Австрійское правительство, по видимому, полагало, что взятіемъ Кошутъ и Гёргей. Будапешта и введеніемъ осаднаго положенія былъ положенъ конецъ венгерскому возстанію. Оно назначило бана Іеллачича губернаторомъ Далмаціи съ сохраненіемъ его прежнихъ званій, согласилось на самостоятельную организацію сербскаго воеводства и вознамѣрилось отдѣлить Трансильванію отъ Венгріи. Этимъ оно снова пробудило воинственный духъ въ Венгерцахъ, желавшимъ сохранить прежній составъ венгерскаго королевства, и вызвало такую борьбу, которая была гораздо упорнѣе и продолжительнѣе всѣхъ другихъ, возникавшихъ въ теченіе двухъ предшествующихъ годовъ. Польскіе эмигранты, — въ томъ числѣ искусные полководцы Дембинскій и Бемъ, — предложили свои услуги венгерскимъ инсургентамъ въ надеждѣ достигнуть этимъ путемъ возстановленія Польши; выдающіяся дарованія демагога Кошута производили сильное впечатлѣніе на грубыхъ, закаленныхъ въ борьбѣ, мадьярскихъ патріотовъ, а благодаря повсюду пробудившемуся воинственному пылу къ инсургентамъ стали массами приходить на помощь добровольцы и искатели приключеній. Кошутъ воспользовался полученнымъ отъ сейма въ іюлѣ и возобновленнымъ въ октябрѣ разрѣшеніемъ пускать въ обращеніе бумажныя деньги и выпустилъ ихъ на суммѣ слишкомъ на семьдесятъ милліоновъ гульденовъ. Ветеранъ Наполеоновскихъ войнъ, Дембинскій получилъ званіе главнокомандующаго и этимъ возбудилъ зависть въ мадьярскихъ генералахъ, въ особенности въ даровитомъ и честолюбивомъ Артурѣ Гёргеѣ; подъ его начальствомъ служили Месцаресъ, Перцель, Клапка. Повсюду одновременно вспыхнула страшная междоусобная война. Двухъ-дневное кровопролитное сраженіе при Каполнѣ не привело ни 26. 27 февр. 1849. къ какимъ рѣшительнымъ результатамъ, потому что Гёргей, изъ зависти къ Дембинскому, появился слишкомъ поздно на полѣ битвы; тогда венгерскія войска снова отступили къ низовьямъ Тиссы и оставили столицу во власти австрійскаго главнокомандующаго, принимавшаго очень строгія мѣры противъ всѣхъ участниковъ мадьярскаго возстанія и этимъ способомъ старавшагося предотвратить полученіе инсургентами новыхъ подкрѣпленій. За то вся Трансильванія снова очутилась въ февралѣ во власти Бема. Русскія войска были принуждены очистить Германиштадтъ и Кронштадтъ и отступить за границу; преслѣдуемый Бемомъ, Пухнеръ укрылся со всѣмъ своимъ отрядомъ въ Валахін; остальные австрійскія войска разсѣялись въ разныя стороны.

Военные ус-
пѣхи Венгер-
цевъ.

2—6 апр.

Въ началѣ весны Виндишгрецъ выступилъ изъ венгерской столицы во главѣ всѣхъ императорскихъ войскъ, чтобъ напасть на венгерскую армію; онъ надѣялся завладѣть венгерскими крѣпостями и потомъ загнать венгерскую армію въ болотистыя низовья Тиссы. Но его замыслы не удались. Венгерцы съ большимъ искусствомъ и мужествомъ перешли въ нѣсколькихъ пунктахъ черезъ Тиссу; генералъ Шликъ былъ разбитъ Дембинскимъ при Гіенгіёсѣ; нападенія Іеллачича и другихъ австрійскихъ генераловъ были отражены при Чегледѣ, при Гатванѣ, при Гёдёллѣ, при Изасцегѣ, а «дѣвственная» дунайская крѣпость Коморнъ отражала нападенія императорской осадной арміи съ такимъ успѣхомъ, что начальникъ австрійской артиллеріи Вельденъ наконецъ прекратилъ бомбардировку и рѣшился тѣснѣе обложить крѣпость, чтобъ голодомъ принудить гарнизонъ сдаться. Между тѣмъ Мадыяры, повсюду дѣйствовавшіе наступательно, все ближе подступали къ Пешту; даже во время празднованія Пасхи не прекращались ежедневныя сраженія въ окрестностяхъ города и на Ракоскомъ полѣ, гдѣ когда-то происходили выборы венгерскихъ королей; но между тѣмъ, какъ Виндишгрецъ и Іеллачичъ старались предохранить Пештъ отъ неожиданнаго нападенія, Венгерцы обошли, подъ начальствомъ Даміаникса и Клапки, непріятельскую армію и послѣ страшной борьбы съ австрійскимъ гарнизономъ, во время которой былъ смертельно раненъ генералъ Гёцъ, завладѣли чрезвычайно важнымъ въ стратегическомъ отношеніи городомъ Вайценомъ. За тѣмъ Гёргей быстро перешелъ черезъ Гранъ вмѣстѣ съ генералами Даміаниксомъ и Клапкой, одержалъ подлѣ Наги-Сарло побѣду надъ австрійскимъ генераломъ Вольгемутомъ и освободилъ Коморнъ, который тщетно бомбардировала осадная армія въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и на башняхъ котораго развѣвалось черное знамя въ знакъ отчаянной рѣшимости гарнизона бороться до послѣдняго издыханія.

18 апр. 1849.

22 апр.

Взятіе Офена
и Пешта Вен-
герцами.

Эти неудачи привели жившаго въ Ольмюцѣ императора къ убѣжденію, что Виндишгрецу и его престарѣлымъ генераламъ не по силамъ исполненіе возложенной на нихъ задачи. Виндишгрецъ былъ уволенъ и замѣненъ Вельденомъ; командованіе войсками было ввѣрено новымъ генераламъ. Но положеніе австрійской арміи сдѣлалось такимъ опаснымъ, что Вельденъ не былъ въ состояніи долѣе защищать столицу. Ночью 23 апрѣля Австрійцы вышли изъ Пешта; понтонный мостъ, соединяющій этотъ городъ съ Офеномъ, былъ позади ихъ сожженъ для того, чтобъ остававшійся въ Офенѣ гарнизонъ не подвергнулся неожиданному нападенію. На другой-же день утромъ Мадыяры вступили въ убранный по праздничному городъ среди радостныхъ возгласовъ народа, опьянѣвшаго отъ восторга. Двумя днями позже, императорская армія, осаждавшая Коморнъ, была принуждена отступить послѣ того, какъ Венгерцамъ удалось построить второй мостъ черезъ Дунай и завладѣть непріятельскими шанцами и значительнымъ чис-

25 апр.

ломъ артиллерійскихъ орудій. Но самая ожесточенная борьба завязалась вокругъ Офена, когда Гёргей появился въ началѣ мая съ своими храбрыми войсками на окружающихъ этотъ городъ возвышенностяхъ. Офенскій комендантъ, Швейцарецъ по происхожденію, генералъ Генци сталъ торопливо достраивать укрѣпленія, сооружать шанцы и насыпи и сдѣлалъ всё приготовленія къ упорному сопротивленію. Но все было напрасно! Ежедневно возобновлявшейся стрѣльбой изъ пушекъ, подведеніемъ минъ и частыми нападеніями Гёргей мало по малу разрушилъ укрѣпленія. Не помогло и то, что Генци, чтобъ принудить непріятеля прекратить осаду, сталъ бомбардировать и превратилъ въ развалины цѣлые кварталы лежащаго насупротивъ Офена, Пешта. Вслѣдствіе непрестаннаго обстрѣливанія Офена раскаленными ядрами тамъ вспыхнулъ 21 мая пожаръ, а сильный вѣтеръ сталъ перебрасывать пламя съ одного мѣста на другое; тогда Венгерцы, пользуясь возникшимъ въ городѣ переполохомъ, предприняли штурмъ. Мужество и ожесточеніе были одинаковы съ обѣихъ сторонъ; городъ пришлось завоевывать шагъ за шагомъ; трупы и потоки крови покрывали большое пространство. Генци погибъ смертію героя; оставшіеся въ живыхъ, его солдаты были взяты въ плѣнъ. Австрійскія войска отступили къ Пресбургу и къ крайней оконечности острова Шютта, чтобъ тамъ дожидаться новыхъ подкрѣпленій. И на югѣ Мадыары одерживали верхъ; шанцы св. Томаса перешли въ ихъ руки и они побѣдоносно проникли до Панксовы; австрійскія войска стояли на чужеземной почвѣ, а Венгерцы съ трехъ сторонъ защищали границы своего освобожденнаго отечества.

3 мая.

21 мая.

Въ гордомъ сознаніи достигнутыхъ успѣховъ, сеймъ провозгласилъ въ Дебречинѣ независимость Венгріи отъ Австріи, назначилъ временное правительство подъ руководствомъ Кошута и такимъ образомъ сдѣлалъ невозможнымъ какое либо мирное соглашеніе. Этотъ рѣшительный шагъ къ основанію мадыарской республики вызвалъ первые серьезные раздоры между Кошутомъ и Гёргеемъ и возбудилъ разномысліе даже въ рядахъ инсургентовъ. Недовольный провозглашеніемъ независимости и движимый чувствомъ зависти къ высокому положенію Кошута, Гёргей сталъ съ тѣхъ поръ подчиняться голосу своего честолюбія и властолюбія и сталъ держать себя все болѣе и болѣе независимо отъ правительства. Ни званіе главнокомандующаго, перешедшее къ нему отъ Дембинскаго, ни соединенная съ этимъ званіемъ должность военнаго министра не могли примирить честолюбиваго полководца съ Кошутомъ и съ временнымъ правительствомъ. Онъ съ пренебреженіемъ относился къ распоряженіямъ правительства, не принялъ назначеннаго ему сеймомъ знака отличія и болѣе высокаго чина и сталъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію въ гордомъ сознаніи превосходства своихъ военныхъ дарованій.

Провозглашеніе независимости Венгріи.
14 апр. 1849.

Гайнау и
Паскевичъ.
21 мая.

Крайне стѣсненное положеніе принудило австрійское правительство обратиться за помощью къ Россіи. Въ тотъ самый день, когда Гёргей взялъ приступомъ Офенъ, судьба Венгріи была рѣшена въ Варшавѣ на личномъ свиданіи Русскаго императора съ юнымъ владѣтелемъ Австріи. Возстаніе приняло такіе размѣры, что уже не могло быть подавлено ослабленной австрійской имперіей безъ посторонней помощи; успѣшный исходъ венгерскаго возстанія низвелъ-бы Австрію на степень второстепенной державы, послужилъ-бы во всей Европѣ поощреніемъ для революціонеровъ и распаталъ-бы основы всѣхъ монархическихъ учрежденій. Горячее участіе, которое принимали Поляки въ венгерской войнѣ, и радость, которую вызывали въ сосѣднихъ польскихъ провинціяхъ извѣстія объ одержанныхъ Венгерцами побѣдахъ, ясно доказывали, какое важное значеніе имѣла эта борьба для всѣхъ народовъ, скорбѣвшихъ объ утратѣ своей независимости. Она даже угрожала внутреннему спокойствію русской имперіи. Какъ-же могъ Русскій царь отказать въ присылкѣ подкрѣпленій, которыя подчинили-бы его усмотрѣнію судьбу восточныхъ странъ? Въ концѣ мая уже были окончены приготовленія къ войнѣ; тогда русскія войска перешли венгерскую границу подъ предводительствомъ Паскевича; австрійскія войска, усиленные новыми подкрѣпленіями и находившіяся подъ начальствомъ гессенскаго уроженца, генерала Гайнау, двинулись впередъ въ восточномъ направленіи, а банъ Іеллачичъ снова вторгнулся въ Венгрію съ юга.

Положеніе
армій.

Такимъ образомъ, Мадырамъ угрожали со всѣхъ сторонъ нападенія сильныхъ непріятельскихъ армій; имъ не оставалось другого выбора, какъ покориться или вести отчаянную борьбу на жизнь и на смерть. Кошутъ рѣшился на эту послѣднюю; онъ обнаружилъ тогда удивительную предприимчивость, чтобъ вызвать всеобщую народную войну, чтобъ возбудить въ венгерской націи готовность на самыя тяжелыя жертвы и усилія, которыя только и могли доставить ей побѣду, свободу и независимость. Своими пылкими воззваніями онъ приглашалъ Венгерцевъ начать такую-же войну гверильсовъ, какую когда-то вели Испанцы съ Наполеоновскими арміями. И дѣйствительно, не смотря на численное превосходство непріятельскихъ армій, онъ вызвалъ народную войну именно въ такомъ объемѣ, какого желалъ, а если бы у него не было недостатка во всѣхъ тѣхъ оборонительныхъ средствахъ, какія необходимы доведенному до отчаянія народу, то успѣшный исходъ борьбы не былъ-бы невозможенъ. Союзниками Венгерцевъ были почва и климатъ; отсутствіе военныхъ дорогъ затрудняло сообщенія между непріятельскими отрядами; во время проливныхъ дождей дороги дѣлались непроходимыми для войскъ и по нимъ не могли проѣзжать обозы; отъ дневного зноя, смѣнявшагося ночными морозами, возникали болѣзни, а у болотистыхъ береговъ Тиссы, гдѣ свирѣпствовали лихорадки, би-

вуаки были убійственны для непривыкшихъ къ этому климату, Русскихъ и Австрійцевъ. А откуда стали-бы эти массы войскъ добывать съѣстные припасы послѣ того, какъ Кошутъ приказалъ жителямъ, при появленіи непріятеля, немедленно уничтожать хлѣбъ въ поляхъ и запасы провіанта? Арміи венгерскихъ инсургентовъ не состояли, подобно отрядамъ нѣмецкихъ волонтеровъ, изъ неопытныхъ, плохо вооруженныхъ и вовсе незнакомыхъ съ военной дисциплиной новобранцевъ; напротивъ того, онѣ состояли частію изъ людей, уже ранѣ служившихъ въ регулярной арміи, частію изъ пріобрѣвшихъ военную опытность пришельцевъ, принадлежавшихъ по своему происхожденію къ воинственнымъ племенамъ, привыкшимъ переносить трудности войны; кромѣ того у инсургентовъ были опытные начальники и они были въ избыткѣ снабжены артиллеріей и военными снарядами.

3. Пораженіе инсургентовъ.

Начало возобновившейся борьбы было очень благопріятно для австрійской арміи, которая была значительно усилена русскими отрядами, и къ которой прибылъ на короткое время самъ юный императоръ, чтобъ внушить ей мужество. Послѣ нѣсколькихъ сраженій на берегахъ Ваага и подлѣ Рааба, Гѣргей былъ принужденъ Вольгемутомъ и Гайнау отступить и укрыться за укрѣпленіями Коморна; за тѣмъ Гайнау издалъ 1 іюля прокламацію, въ которой требовалъ, чтобъ Венгерцы положили оружіе, а тѣмъ, кто будетъ оказывать содѣйствіе засѣдавшему въ Дебречинѣ «конвенту», угрожалъ самыми строгими наказаніями. Офенъ и Пештъ скоро снова были заняты императорскимъ главнокомандующимъ. Тамъ, гдѣ еще такъ недавно всѣмъ самовластно распоряжался полный свѣтлыхъ надеждъ Кошутъ, теперь помѣстился австрійскій главный штабъ, а по улицамъ разъѣзжали казаки, присланные изъ Гёделлѣ, гдѣ находилась главная квартира Паскевича. Жестокосердый Гайнау обходился безжалостно съ жителями Будапешта и въ особенности съ еврейской общиной, помогавшей возставшимъ Мадырамъ; въ грозной прокламаціи онъ объявилъ, что будетъ подвергать смертной казни всякаго, кто осмѣлится выражать сочувствіе мятежникамъ на словахъ, или на дѣлѣ, или ношеніемъ революціонныхъ значковъ. Подъ страхомъ смертной казни было запрещено хранить, выдавать или принимать венгерскія ассигнаціи (выпущенныя Кошутомъ); эта мѣра причинила громадныя убытки, такъ какъ до той поры венгерскія ассигнаціи повсюду находились въ обращеніи и даже принимались въ казначействахъ.

Не менѣе успѣшны были военныя предпріятія Іеллачича на югѣ. Венгерскій генералъ Перцель былъ принужденъ отступить, Нейзацъ

Гайнау въ
Пештъ.

20. 27 іюня
1849.

12 іюля.

Бѣдствія
войны.

былъ преданъ пламени вышедшими изъ Петервардейна войсками, римскіе шанцы и укрѣпленія на каналѣ Франца были взяты приступомъ и наконецъ былъ совершенъ переходъ черезъ Тиссу. Но сколько страданій приходилось выносить солдатамъ! Чтобъ отмстить за хищничества сосѣднихъ Чайкистовъ, Венгерцы уничтожили жатву, разрушили колодцы и обратили всю страну въ пустыню. Тамъ солдаты не находили ни одного дерева, подъ тѣнью котораго могли бы укрыться отъ палящихъ лучей июнскаго солнца, не находили ни одной гостепріимной кровли и никакого другого наитка, кромѣ тухлой воды изъ дунайскихъ болотъ. Между ними скоро стала свирѣпствовать холера. Стоны больныхъ и умирающихъ, нарушавшіе ночную тишину, усиливали страданія солдатъ. Впрочемъ, и одержанныя тамъ побѣды не имѣли важныхъ послѣдствій. Узнавши о приближеніи Іеллачича, Бемъ внезапно повернулъ на западъ, предоставивъ продолженіе борьбы въ Трансильваніи Чеклерамъ и другимъ мѣстнымъ жителямъ. Послѣ 1 іюля 1849. трудной осады, онъ завладѣлъ крѣпостью Арадомъ, заставилъ ослабленную и упавшую духомъ армію Іеллачича торопливо отступить за Тиссу и за Дунай и за тѣмъ проникъ до Нейзаца и Петервардейна. Ему только не удалось завладѣть городомъ Темешваромъ, въ которомъ мужественно оборонялся австрійскій комендантъ Рукавина, вскорѣ послѣ того умершій отъ холеры. Въ концѣ іюля и въ началѣ августа Бемъ снова появился въ Трансильваніи, большая часть которой уже находилась во власти русскаго генерала Людерса. Его прибытіе только увеличило бѣдствія несчастной страны, переходившей изъ однихъ рукъ въ другія и постоянно подвергавшейся отъ побѣдителей суровымъ угнетеніямъ. Битвы и опустошенія слѣдовали одни вслѣдъ за другими. Попытка Чеклеровъ склонить жителей Молдавіи къ возстанію не имѣла успѣха. Въ это время Кошутъ находился вмѣстѣ съ министрами и съ членами сейма въ Четединѣ, который былъ назначенъ временнымъ мѣстопробываніемъ правительства съ тѣхъ поръ, какъ Пештъ былъ занятъ Австрійцами и Русскими. Тамъ происходили въ концѣ іюля послѣднія засѣданія венгерскаго сейма и тамъ венгерское правительство составляло тѣ планы, которые ясно свидѣтельствовали о его растерянности и о происходившихъ въ немъ партійныхъ раздорахъ. Тамъ желали уволить Гёргея отъ званія главно командующаго; но кто-же осмѣлился-бы отнять у арміи полководца, къ которому она была горячо привязана! Такими замыслами только раздражали даровитаго полководца, нисколько не умаляя его военнаго престижа.

Сосредоточе- Упорная борьба, сосредоточивавшая на себѣ вниманіе всей Евро-
ніе военныхъ пы, скоро стала приближаться къ концу. Смѣлая вылазка коморн-
силъ подлѣ скаго гарнизона подъ начальствомъ храбраго Клапки была послѣд-
Арада. нимъ успѣшнымъ предпріятіемъ Венгерцевъ. Гарнизонныя войска
3 авг. 1849. проникли до Рааба и Визебурга и возвратились въ свою неприступ-

ную крѣпость съ богатой добычей и съ обильными съѣстными припасами и военными снарядами. Но непріятельскія арміи скоро стали сосредоточиваться на берегахъ Тиссы и Мароса. Уже въ іюлѣ Русскіе дошли до Токая и Мискольца подъ предводительствомъ Паскевича, Остенъ-Сакена и Граббе, между тѣмъ какъ Гѣргей все еще не двигался изъ Коморна. Узнавши о наступательномъ движеніи русской арміи, онъ немедленно выступилъ изъ Коморна съ цѣлію воспротивиться соединенію русской арміи съ Австрійцами, наступавшими съ западной стороны. Этотъ планъ неудался, но послѣ успѣшнаго сраженія при Вайценѣ Гѣргей совершилъ мастерской переходъ черезъ Карпаты, чтобъ уклониться отъ встрѣчи съ русской арміей, и достигъ верховьевъ Тиссы. Военныя силы непріятели были гораздо многочисленнѣе тѣхъ, которыми онъ располагалъ, поэтому, послѣ неудачнаго сраженія при Дебречинѣ, онъ былъ вынужденъ все далѣе отступать въ восточномъ и въ южномъ направленіяхъ; Русскіе медленно двигались вслѣдъ за нимъ; наконецъ, 8 августа онъ очутился въ Вилагосѣ, небольшомъ мѣстечкѣ подлѣ Арада, въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что, по видимому, не могъ продолжать борьбу. Въ то-же время Гайнау предпринялъ изъ Пешта наступательное движеніе къ низовьямъ Тиссы во главѣ австрійскихъ и русскихъ войскъ; онъ перешелъ подлѣ Мегедина черезъ эту рѣку, сталъ подвигаться на югъ вдоль береговъ Мароса, заставляя отступать венгерскія войска, дошелъ до осажденнаго города Темешвара, выдержалъ успѣшный бой съ Мадырами и освободилъ Темешваръ, въ которомъ свирѣпствовали голодъ и холера. Послѣ сраженія при Темешварѣ, оставившаго войска Дембинскаго и Мецароша спастись бѣгствомъ, венгерскія боевыя силы сосредоточились вокругъ Арада, гдѣ находился Кошутъ вмѣстѣ съ членами временнаго правительства и куда долженъ былъ отступить и Гѣргей.

15 іюля.

2 авг.

9 авг.

Еще во время наступательнаго движенія русской арміи, Гѣргей получалъ отъ русскихъ парламентаровъ приглашенія положить оружіе на опредѣленныхъ условіяхъ и завелъ сношенія съ нѣкоторыми изъ русскихъ офицеровъ; по видимому, подъ вліяніемъ отчаяннаго положенія венгерской арміи и несочувствія къ Кошуту онъ теперь принималъ тѣ окончательное рѣшеніе, о которомъ, можетъ быть, уже давно помышлялъ. Достопамятная вилагосская катастрофа должна была положить конецъ войнѣ. На послѣднемъ военномъ совѣтѣ, собравшемся въ Арадѣ, большинство высказалось за то, чтобъ Кошутъ сложилъ съ себя верховную власть и чтобъ Гѣргей былъ возведенъ въ званіе диктатора. И то и другое было исполнено. Объ этомъ событіи извѣстили венгерскую націю двѣ прокламаціи отъ 11 августа—одна, подписанная Лудвигомъ Кошутомъ и всѣми министрами, другая, подписанная Артуромъ Гѣргеемъ, а рано утромъ 13 августа новый диктаторъ и 30,000-ая армія съ 120 пушками положили въ Вилагосѣ

Капитуляція
при Вилагосѣ.

10 авг. 1849.

13 авг.

оружіе передъ генераломъ Рюдигеромъ. Венгерская армія подчинилась требованіямъ необходимости и приказанію диктатора. Не безъ досады на достигнутый Русскими успѣхъ узнали Австрійцы о капитуляціи именно въ ту минуту, когда готовились къ послѣднему рѣшительному сраженію съ венгерской арміей. Неожиданное рѣшеніе Гѣргея, по видимому, было вызвано слѣдующими мотивами: неправдоподобіемъ благопріятнаго для Венгріи исхода неравной борьбы, надеждой, что капитуляція спасетъ жизнь многихъ храбрыхъ воиновъ и сколько нибудь облегчитъ будущее положеніе Венгріи, личнымъ нерасположеніемъ къ польскимъ генераламъ и, наконецъ, явными раздорами съ Кошутымъ, съ временнымъ правительствомъ и съ сеймомъ, республиканскія стремленія которыхъ онъ неодобрялъ и которые оскорбили его военную гордость своими попытками отнять у него главное командованіе арміей. Тотъ способъ, которымъ велась война въ теченіе послѣднихъ недѣль передъ капитуляціей, вызвалъ предположеніе (впослѣдствіе отчасти подтвердившееся мемуарами Гѣргея: «Моя жизнь и дѣятельность въ Венгріи»), что Гѣргей уже давно велъ переговоры съ Паскевичемъ и что онъ безусловно сдался русскому генералу, полагаясь на данныя ему словесныя обѣщанія. Но онъ обманулся въ своей надеждѣ, что благодаря заступничеству Россіи останутся безнаказанными всѣ солдаты и военные начальники, принимавшіе участіе въ возстаніи. Правда, самъ онъ былъ помилованъ и ему было дано безопасное убѣжище въ Клагенфуртѣ, но другіе военные начальники были преданы суду. Кошутъ былъ не правъ, когда клеймилъ венгерскаго главнокомандующаго названіемъ «измѣнника»; это впослѣдствіи доказывали ему многіе изъ его лучшихъ боевыхъ товарищей.

Конецъ войны и казни.

Послѣ капитуляціи при Вилагосѣ война въ Венгріи скоро прекратилась. Крѣпости Арадъ, Петервардейнъ и др. сдались; гонимые возвратились къ себѣ на родину; Кошутъ, Бемъ, Дембинскій, Мецарошъ и многіе другіе бѣжали изъ Венгріи и искали безопаснаго убѣжища на турецкой территоріи; въ Трансильваніи Валахи и Славонцы напали на Чеклеровъ и Мадьяръ, грабили ихъ и убивали, пока Русскіе и Австрійцы не прекратили этихъ насилій. Только Коморнъ, гдѣ командовалъ Клапка, оборонялся не много долѣе мѣсяца. Только послѣ того, какъ этотъ отважный полководецъ убѣдился въ окончательномъ подавленіи венгерскаго возстанія, онъ сдалъ крѣпость на неоскорбительныхъ для его чести условіяхъ и удалился за границу. Этимъ кончилась венгерская война, блистательная по военнымъ подвигамъ и трагическая по своей развязкѣ. Паскевичъ съ торжествомъ донесъ своему государю: побѣжденная Венгрія у ногъ Вашего Величества. Тотъ фактъ, что Гѣргей призналъ побѣдителями не войска Гайнау, побѣдоносно дошедшія до стѣнъ Темешвара, а Русскихъ, не одержавшихъ ни одной большой побѣды, свидѣтель-

27 сент. 1849.

ствовалъ о сильной взаимной ненависти Венгерцевъ и Австрійцевъ и о негодованіи, которое возбуждалъ австрійскій главнокомандующій своимъ жестокосердіемъ и безжалостнымъ способомъ веденія войны. Между тѣмъ какъ австрійскіе и русскіе дипломаты старались лишить бѣглецовъ безопаснаго убѣжища, которое они нашли въ Турціи, Гайнау сталъ въ самой Венгріи предавать уголовному суду участниковъ возстанія. Члены самыхъ знатныхъ венгерскихъ семействъ помогали инсургентамъ и старались быть полезными для своего отечества или въ званіи военныхъ начальниковъ или въ качествѣ должностныхъ лицъ и членовъ сейма. Всѣ они дорого за это заплатились; самые виновные изъ нихъ были казнены въ Пештѣ и въ Арадѣ или повѣшеніемъ или разстрѣляніемъ; такъ напр. графа Лудвига Баттіани, приговореннаго къ смерти на висѣлищѣ, пришлось разстрѣлять по причинѣ раны, которую онъ самъ себѣ нанесъ; въ числѣ казненныхъ находились: министръ Ксани, престарѣлый президентъ верхней палаты Перени, генералы Карлъ Вексей, Наги-Сандоръ, Лудвигъ Аулихъ, графъ Карлъ Лейнингенъ, Дессевфи, Тёрекъ, Пелтенбертъ и многіе другіе; когда храбрый Даміаникъ послѣднимъ добрался до висѣлицы на своей деревянной ногѣ, онъ хладнокровно воскликнулъ: Какъ это странно, вѣдь я всегда былъ впереди всѣхъ! Другіе инсургенты были включены въ составъ австрійской арміи рядовыми или служителями при обозѣ и были отправлены въ чужіе края. Въ годовщину смерти Латура, 6 октября, въ Венгріи были сложены цѣлыя груды искупительныхъ жертвъ.

Съ тѣхъ поръ,—по словамъ одного современнаго писателя,— исчезли въ Венгріи благосостояніе и семейное счастье. Многочисленные города, селенія и дворцы знати обратились въ развалины; повсюду точилась кровь изъ такихъ ранъ, которыя были почти незалечимы. Мертвая тишина царила на широкихъ равнинахъ вдоль береговъ Тиссы и Дуная, и венгерская нація съ затаенной скорбью выносила свою тяжелую участь. Земли упали въ цѣнѣ вслѣдствіе отмены барщинной повинности и увеличенія налоговъ; для воздѣлыванія полей не доставало рабочихъ силъ; выгодное разведеніе табаку превратилось въ императорскую монополію; впослѣдствіи правительство старалось улучшить матеріальное положеніе народа, раздѣляя большія государственныя и общинныя владѣнія на мелкія части для распродажи земледѣльцамъ въ собственность и вводя лучшіе порядки въ отношеніяхъ рабочаго населенія къ землевладѣльцамъ, но раны, нанесенныя странѣ возстаніемъ, принадлежали къ числу такихъ, которыя не легко залечиваются. Года черезъ два послѣ капитуляціи венгерской арміи, Кошутъ отправился въ Англію, гдѣ населеніе оказало ему радушный пріемъ. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Венгріи онъ закопалъ въ землю священную венгерскую корону вмѣстѣ съ императорскими регаліями, но она была отыскана въ сентябрѣ 1853 года

Бѣдственныя
послѣдствія
войны.

и возвращена императору. Придворная партія усмотрѣла въ этомъ счастливое предзнаменованіе прочнаго владычества Габсбургской династіи въ Венгріи. Дембинскій умеръ въ 1864 году въ Парижѣ.

VI. Безуспѣшныя усилія нѣмецкихъ реформаторовъ и повсемѣстная реакція.

1. Последнія попытки ввести имперскую конституцію.

Характеръ и
значеніе рево-
люціонной
эпохи.

Съ паденіемъ Венгріи была подавлена въ Европѣ революція 1848 и 1849 годовъ. Это были два достопамятныхъ года, богатыхъ обманчивыми надеждами и тяжелыми испытаніями. Хотя и дѣлались съ разныхъ сторонъ попытки покрыть позоромъ эту эпоху «безразсудствъ», разоблачившую столько нравственныхъ недуговъ, и искоренить всякія о ней воспоминанія, однако нельзя не признать ея важнаго историческаго значенія. Тогда былъ нанесенъ сильный ударъ всему строю общественной жизни, — такой ударъ, который имѣлъ чрезвычайно важныя послѣдствія и былъ очень поучителенъ, а для Германіи сдѣлался поворотнымъ пунктомъ въ прежнемъ складѣ ума и прежнихъ политическихъ воззрѣніяхъ. Оживленная народная дѣятельность съ своей публичностью, съ своей уличной борьбой, съ своими громкими выраженіями народнаго воодушевленія придавала той эпохѣ юношескій характеръ въ противоположность старческому характеру того времени, когда вся дѣятельность ограничивалась произнесеніемъ рѣчей и писательствомъ; если-бы мы и постарались искоренить воспоминаніе о той нравственной грязи, которая была нанесена на нашу почву волнами революціи, то мы все таки не перестали-бы относиться съ уваженіемъ къ главной цѣли всѣхъ народныхъ волненій, заключавшейся въ свободѣ, величій и единствѣ Германіи. Сила оружія скоро заставила умолкнуть громкія выраженія народныхъ стремленій; въ городахъ и въ селахъ были восстановлены тишина и внутреннее спокойствіе; народъ принялся за свои обычныя занятія, а правительства постарались исправить недостатки въ государственныхъ учрежденіяхъ. Тамъ, гдѣ восстановление стараго режима оказывалось возможнымъ, эта цѣль была скоро достигнута, — какъ напр. въ Италіи; но оно встрѣтило большія затрудненія въ Германіи, гдѣ были расторгнуты всѣ узы союзной связи, гдѣ гнѣтъ необходимости заставилъ многія правительства дать народу чрезмѣрно широкія права и ввести законы и учрежденія, несовмѣстимые съ прежней канцелярской системой управленія, и гдѣ упраздненіе союзнаго сейма одобрялось даже правительствами.

Союзъ трехъ
королей.

Подавленіемъ революцій Пруссія снискала уваженіе и довѣріе въ нѣмецкихъ государствахъ, поэтому именно ей, по видимому, п слѣ-

довало взяться за преобразование германскаго союза. Дѣйствительно, Пруссійскій король успокоилъ взволнованный нѣмецкій народъ обѣщаніемъ, что будутъ удовлетворены его стремленія къ организаціи союзнаго государства съ палатой народныхъ представителей, а во время бурныхъ іюньскихъ дней 1849 года былъ составленъ новый проектъ союзной конституціи, который былъ одобренъ 26 мая правительствами прусскимъ, ганноверскимъ и саксонскимъ; тогда всѣ нѣмецкіе патріоты съ радостью привѣтствовали это событіе, обѣщавшее имъ внутренній порядокъ и свободу и внѣшнее могущество ихъ отечества. Правда прусскій проектъ новой конституціи не могъ равняться съ проектомъ франкфуртскаго собранія ни съ національной ни съ либеральной точки зрѣнія, такъ какъ онъ ограничивалъ сферу вѣдомства центральной власти; увеличивалъ права членовъ федераціи, уменьшалъ основныя права народа и вводилъ трехъ-классную систему выборовъ; однако и онъ могъ удовлетворить стремленія народа къ національному единству, а за успѣхъ предпріятія могло служить ручательствомъ то обстоятельство, что новый проектъ исходилъ отъ прусскаго правительства, бывшаго главнымъ виновникомъ безуспѣшной дѣятельности франкфуртскаго парламента. Въ случаѣ неуспѣха предпріятія пришлось-бы возвратиться къ тѣмъ смутамъ, которыхъ не было въ состояніи предотвратить прежній союзный сеймъ. Поэтому, члены той партіи, которая требовала во франкфуртскомъ парламентѣ учрежденія должности наследственнаго германскаго императора и которою руководили Гагернъ и Дальманнъ, собрались въ концѣ іюня на совѣщаніе въ Готѣ и порѣшили всѣми силами содѣйствовать осуществленію прусскаго проекта и созванію имперскаго сейма. Они объявили, что прусскій проектъ, не смотря на положительную негодность нѣкоторыхъ постановленій, заключаетъ въ себѣ самыя необходимыя основы германскаго союзнаго государства, а именно: назначеніе наследственнымъ главою имперіи правителя самаго могущественнаго изъ чисто-нѣмецкихъ государствъ и учрежденіе двухъ палатъ — одной изъ представителей отдѣльныхъ нѣмецкихъ государствъ, другой изъ представителей народа. Сначала это предпріятіе успѣшно подвигалось къ своей цѣли. Былъ учрежденъ административный совѣтъ изъ уполномоченныхъ отъ трехъ королевствъ и отъ всѣхъ нѣмецкихъ государствъ, мало по малу присоединявшихся къ союзу трехъ королей; онъ собрался, подъ председательствомъ бывшаго прусскаго министра Бодельшвинга, въ Эрфуртѣ, чтобъ заняться устройствомъ будущаго союзнаго государства и вмѣстѣ съ тѣмъ все подготовить къ созванію будущаго имперскаго сейма; Баварія, Вюртембергъ и нѣкоторыя изъ болѣе мелкихъ государствъ сначала не прислали своихъ уполномоченныхъ въ административный совѣтъ и не хотѣли признавать учрежденнаго въ одно время съ этимъ совѣтомъ, союзнаго третейскаго суда; тѣмъ не

менѣе можно было ожидать, что если Пруссія и ея союзники будутъ настойчиво стремиться къ намѣченной цѣли, то со временемъ все таки возникнетъ такое германское союзное государство, о какомъ мечтала партія Дальманна и Гагерна хотя и безъ централизаціи исполнитель- ной власти и съ болѣе широкими правами отдѣльныхъ членовъ союза.

Прусская кон-
ституція.

Свое твердое намѣреніе вступить въ разрядъ конституціонныхъ государствъ Пруссія доказала тѣмъ, что въ ней были снова созданы палаты для пересмотра проекта конституціи для прусскаго королевства. Такъ какъ выборы въ нижнюю палату производились на осно- ваніи новаго «октроированнаго» трехъ-класснаго избирательнаго за- кона, то въ нихъ не принимали участіе демократы; поэтому ради- кальная партія вовсе не имѣла представителей въ нижней палатѣ. Этотъ прусскій сеймъ, состоявшій преимущественно изъ консерва- торовъ, почти вовсе не оказывалъ оппозиціи правительству; поэтому въ теченіе первыхъ недѣль 1850 были утверждены, по взаимному соглашенію между народными представителями и правительствомъ, основные конституціонные законы для прусскаго королевства, а ко- роль присягнулъ имъ 6 февраля въ торжественномъ засѣданіи сейма. Въ то-же время Пруссія расширила свою территорію приобрѣтеніемъ въ Швабіи владѣній, уступленныхъ ей по договорамъ князьями Зи- гмарингенскимъ и Гехингенскимъ. Введеніемъ конституціи, которая съ нѣкоторыми измѣненіями и до сихъ поръ служитъ основнымъ закономъ для прусской монархіи, Пруссія вступила въ число консти- туціонныхъ государствъ. Правда, въ этой новой конституціи обна- руживались ретроградныя стремленія болѣе ярко, чѣмъ въ консти- туціи 5 декабря 1848, которая была болѣе либеральной. Но, не смотря на вызванныя ею порицанія и со стороны реакціонеровъ и со стороны радикаловъ, она оставалась съ тѣхъ поръ твердой ле- гальной основой, на которой могла свободно развиваться общест- венная дѣятельность націи соотвѣтственно требованіямъ новаго вре- мени; это былъ цѣнный плодъ пережитыхъ революціонныхъ бурь, свидѣтельствовавшій объ окончательномъ упроченіи конституціонной системы управленія въ Германіи.

Конституція
31 января
1850.

Въ своемъ сочиненіи о прусскомъ государственномъ правѣ Германъ Шульце говоритъ: „Возникшая при такихъ обстоятельствахъ, конституція, конечно, не могла быть образцовой ни по своей внѣшней формѣ, ни по своему содержанию. Въ особенности на ней замѣтенъ отпечатокъ двухъ вовсе несходныхъ между собою современныхъ стремленій. Всѣ нивеллирующія демократическія тенденціи 1848 года смѣшивались въ ней съ тѣми бюро- кратическими стремленіями къ абсолютизму, которыя снова достигли пре- обладанія во время пересмотра проекта конституціи въ палатахъ. И ра- ботающая механически бюрократія не имѣла, подобно радикализму док- тринѣровъ, правильнаго понятія объ основныхъ условіяхъ такихъ консти- туціонныхъ учрежденій, какихъ требовало для Пруссіи ея историческое прошлое. И въ Пруссіи, точно такъ-же, какъ во всей Германіи, общественные дѣя-

тели увлекались иллюзіей, что въ континентальныхъ, управлявшихся бюрократами, государствахъ можно разомъ ввести такую-же парламентскую систему управленія, какую создала англійская джентри по собственному почину; но при этомъ не были внесены въ конституцію существенныя основы всякой свободы — самоуправленіе и контроль суда надъ администраціей, а истолкованіе законовъ въ послѣдней инстанціи было предоставлено на усмотрѣніе министерствъ, измѣняющихся въ своемъ составѣ“.

Хотя конституція 31 января 1850 и отводила для монархической власти широкую сферу самостоятельной дѣятельности съ рѣшающимъ голосомъ, но она также предоставляла народу значительное участіе въ дѣлахъ управленія, широкія гражданскія права и вольности. Вотъ ея содержаніе: одному королю принадлежитъ исполнительная власть; его особа неприкосновенна; онъ назначаетъ и увольняетъ министровъ, которые отвѣтственны такъ-же какъ и всѣ другія должностныя лица; ему принадлежитъ право обнародывать законы; онъ высшій начальникъ арміи и флота; ему одному принадлежитъ право объявлять войну, заключать миръ и вступать въ договоры съ иностранными государствами; онъ имѣетъ право миловать преступниковъ и раздавать знаки отличія; онъ созываетъ и закрываетъ законодательныя собранія и можетъ распускать палату депутатовъ. Законодательною властію король пользуется совокупно съ двумя палатами. Для изданія всякаго закона необходимо согласіе обѣихъ палатъ и короля. Король и каждая изъ двухъ палатъ имѣютъ право предлагать проекты новыхъ законовъ. Верхняя палата, или „палата господъ“, состоитъ, согласно съ измѣненіями, внесенными въ конституцію въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ, изъ наслѣдственныхъ членовъ, изъ принцевъ королевскаго дома, изъ представителей германской имперской аристократіи и нѣкоторыхъ знатныхъ семействъ, изъ членовъ, назначаемыхъ пожизненно королемъ, а именно изъ потомковъ графскихъ и другихъ знатныхъ родовъ, равно какъ изъ потомковъ старинныхъ землевладѣльцевъ, изъ представителей университетовъ, капитула канониковъ, нѣкоторыхъ большихъ городовъ, и, наконецъ, изъ лицъ, удостоенныхъ особаго королевскаго довѣрія. Палата депутатовъ составляется путемъ непосредственныхъ выборовъ по трехъ-классной системѣ; каждый совершеннолѣтній, ничѣмъ неопороченный, Пруссакъ имѣетъ право участвовать въ назначеніи выборщиковъ, то есть тѣхъ, кто будетъ выбирать народныхъ представителей. Эти первоначальныя избиратели выборщиковъ раздѣляются, соразмѣрно съ количествомъ уплачиваемыхъ ими прямыхъ налоговъ, на три разряда, такъ чтобъ на каждый разрядъ приходилась одна треть всей суммы налоговъ. За тѣмъ, каждый разрядъ выбираетъ третью часть выборщиковъ, которые потомъ выбираютъ депутатовъ. Поэтому, зажиточные классы населенія пользуются гораздо болѣе значительнымъ избирательнымъ правомъ, чѣмъ мелкіе плательщики налоговъ. Періодъ законодательной дѣятельности опредѣляется трехъ-лѣтнимъ срокомъ (въ 1888 году онъ былъ продолженъ на пять лѣтъ). Засѣданія обѣихъ палатъ публичны. Члены палаты депутатовъ получаютъ изъ государственнаго казначейства деньги на разъѣзды и суточное содержаніе. Обѣ палаты имѣютъ право обращаться къ королю съ адресами и принимать петиціи. Члены обѣихъ палатъ должны считаться представителями всего народа; они подаютъ свои голоса по свободному убѣжденію и не обязаны сообразоваться съ указаніями или съ инструкціями своихъ избирателей. Ихъ нельзя привлекать къ отвѣственности за поданные ими голоса и за произнесенныя ими въ палатѣ рѣчи. — Въ изложеніи общихъ „основныхъ правъ“ встрѣчаются выраженія такихъ благородныхъ воззрѣній, которыя въ послѣдствіи были подвергнуты на практикѣ значительнымъ ограниченіямъ или заключали въ себѣ неисполнимыя обѣщанія. Такъ

Содержаніе
прусской кон-
ституціи.

напр. въ конституціи было сказано: все Пруссакі равны передъ закономъ; сословныя привилегіи уничтожаются; общественныя должности въ равной мѣрѣ доступны для всехъ; кто способенъ ихъ занимать; личная свобода обезпечена; никого нельзя подвергать иному суду кромѣ того, который назначенъ закономъ; свобода религіозныхъ вѣрованій обезпечена; наука и ея преподаваніе свободны. Свобода печати, устройства обществъ и сходокъ допускалась въ нѣкоторыхъ предѣлахъ; ея ограниченія разрѣшались не иначе, какъ законодательнымъ путемъ; цензуру запрещалось вводить. Отправлять правосудіе должны именемъ короля независимые суды, члены которыхъ могутъ быть увольняемы только по судебному приговору. Въ уголовныхъ дѣлахъ присяжные разрѣшаютъ вопросы о виновности подсудимаго.

Неустойчивые
элементы.

Изданіемъ мѣстной конституціи Пруссія сблизилась съ остальными нѣмецкими государствами и, по видимому, пріобрѣла новыя права на дѣятельное участіе въ организаціи германскаго союзнаго государства. Но чѣмъ болѣе приближалось время окончательной развязки, тѣмъ болѣе затрудненій возникало со стороны правительствъ, успѣвшихъ запасти свѣжими силами. Хотя Австрія и условилась съ Пруссіей поочередно стоять во главѣ временнаго союзнаго правительства, которое должно было засѣдать во Франкфуртѣ и получить изъ рукъ эрцгерцога—намѣстника полномочія стараго союзнаго сейма, но то было вполнѣ естественно, что она относилась съ несочувствіемъ къ возникновенію такого германскаго союзнаго государства, изъ состава котораго она сама была-бы исключена; поэтому ея вліяніе готовило непреодолимые затрудненія для исполненія договора, заключеннаго между тремя королями. По ея совѣту, не только Баварія и Вюртембергъ стали во враждебныя отношенія къ Пруссіи и къ задуманной организаціи союзнаго государства, но даже Саксонія и Ганноверъ стали уклоняться отъ исполненія договора трехъ королей. Когда настало время, назначенное союзными королевствами для выбора членовъ эрфуртскаго сейма, которому предстояло пересмотрѣть и окончательно утвердить союзную конституцію, тѣ два королевства не прислали своихъ уполномоченныхъ въ Эрфуртъ; а Ганноверъ даже формально отказался отъ заключеннаго 26 мая союза. Путаница еще увеличилась, когда Баварія выступила съ новымъ проектомъ союзной конституціи, будто-бы одобренномъ и Ганноверомъ, и Саксоніей, и Вюртембергомъ; она выдавала его за продуктъ союза четырехъ королей, но онъ былъ, по видимому, неисполнимъ и даже былъ положительно отвергнутъ Ганноверомъ. Между тѣмъ Австрія старалась склонить на свою сторону южно-германскія правительства, обѣщая имъ заключеніе таможенныхъ договоровъ и разныя выгоды для ихъ торговли; полагаясь на ея содѣйствіе, король Вюртембергскій распустилъ штутгартское собраніе земскихъ чиновъ, состоявшее въ большинствѣ изъ демократовъ, назначилъ министрами, вмѣсто Рёмера и Дювернуа, государственныхъ дѣателей до мартов-

ской эпохи и при открытіи засѣданій новаго сейма до такой степени не стѣснялся требованіями приличій, что въ своей тронной рѣчи паз- 15 марта 1850.
валъ проектъ германскаго единства самой опасной изъ всѣхъ плюзій, а союзъ 26 мая попыткой основать зондербундъ, рассчитанный на готовность всѣхъ нѣмецкихъ государствъ къ самоубійству; при этомъ онъ отозвался о Пруссіи въ такихъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, что берлинское правительство было вынуждено на нѣкоторое время прекратить всякія дипломатическія сношенія съ Вюртембергомъ. И въ Гессенъ-Касселѣ настроеніе правительственныхъ сферъ становилось все болѣе неблагопріятнымъ для организациі союзнаго государства; курфюрстъ прежде публично общалъ окружать свой престолъ только такими людьми, которые пользовались общественнымъ довѣріемъ; но онъ неожиданно уволилъ либеральное министерство Эбергардъ-Випперманна и поручилъ управленіе всѣми презираемому въ Гессенѣ, прежнему министру Гессенпфлугу, который послѣ своего перваго увольненія (стр. 253) поступилъ на службу въ прусское министерство юстиціи; а когда палата встрѣтила Гессенпфлуга выраженіемъ своего недовѣрія и отказала ему въ требованіи кредита 15 марта.
на значительную сумму, тогда курфюрстъ распустилъ ее на неопредѣленное время; въ этомъ образѣ дѣйствій многіе усматривали первый шагъ къ отказу отъ союза, заключеннаго 26 мая.

Не смотря на эти событія, Пруссія, по видимому, намѣревалась про- Эрфуртскій
должать начатое ею дѣло, а ея примѣръ имѣлъ такое сильное влія- сеймъ и со-
ніе на остальныхъ членовъ союза, что 20 марта состоялось откры- юзная консти-
тіе засѣданій обѣихъ палатъ—и палаты представителей отдѣльных туція.
нѣмецкихъ государствъ и палаты народныхъ представителей. Демократы воздержались отъ участія въ выборахъ членовъ этого «крѣпостнаго парламента» (Festungsparlament), поэтому радикальная партія не имѣла въ немъ своихъ представителей. Въ немъ преобладали консервативные и аристократическіе элементы, но въ немъ было немало образованныхъ, даровитыхъ и патріотическихъ людей; поэтому, онъ, по видимому, былъ способенъ прекратить опасные раздоры между народомъ и правительствами и мало по малу возстановить единомысліе на почвѣ германской «уніи», — какъ было названо будущее союзное государство въ дополненіи къ проекту союзной конституціи. Сеймъ состоялъ преимущественно изъ прусскихъ членовъ, къ которымъ присоединились представители мелкихъ государствъ. Радовицу было поручено прусскимъ правительствомъ завѣдываніе союзными интересами: въ своей мастерской рѣчи, произнесенной при открытіи сейма, онъ выставилъ германскую политику Пруссіи и ея патріотическія стремленія въ такомъ свѣтѣ, что снова оживилъ надежды на объединеніе Германіи, хотя позднѣйшій образъ дѣйствій этого загадочнаго человека и не оправдалъ довѣрія, которое онъ сначала внушалъ. Не смотря на старанія правой стороны провалить проектъ уніи или

вызвать его пересмотръ въ интересахъ реакціи, онъ былъ утвержденъ 26 мая цѣликомъ (en bloc) благодаря усиліямъ «готской партіи» и многихъ присоединившихся къ пей патріотовъ; при этомъ даже выражена была готовность сдѣлать въ немъ, по желанію правительствъ, нѣкоторыя измѣненія; такимъ образомъ, союзная конституція была выработана въ нѣсколько недѣль и оставалось только желать, чтобъ ее приняли союзныя правительства.

27 апр. 1850.

Унія и оппозиція союзнаго сейма.
26 апр.

Но проекту германской уніи не суждено было осуществиться. Около того времени, когда эрфуртскій сеймъ оканчивалъ свои занятія, австрійское правительство обнародовало циркулярную депешу, въ которой созывало экстраординарный конгрессъ во Франкфуртѣ на М. съ цѣлію замѣнить постояннымъ союзнымъ органомъ ту временную центральную власть, которая была учреждена по соглашенію между Пруссіей и Австріей. Нѣкоторыя правительства послѣдовали австрійскому приглашенію; Пруссія дала уклончивый отвѣтъ и обратилась 1 мая ко всѣмъ членамъ союза съ приглашеніемъ на конгрессъ въ Берлинъ для того, чтобъ получить отъ нихъ заявленіе о принятіи майской конституціи. Но на совѣщаніяхъ, происходившихъ тамъ съ 9 по 16 мая, высказывалось не мало сомнѣній въ возможности осуществить задуманный проектъ; съ разныхъ сторонъ дѣлались неопредѣленные заявленія или предъявлялись неисполнимыя условія съ цѣлію отложить окончательное рѣшеніе; въ особенности все яснѣе обнаруживалъ свое несочувствіе къ проекту уніи курфюрстъ Гессенскій, пріѣхавшій въ сопровожденіи Гассенпфлуга. Этотъ послѣдній попытался «довести унію до внутренняго разложенія». Достигнутые результаты ограничились только тѣмъ, что самые мелкіе члены союза согласились безъ всякихъ оговорокъ на учрежденіе временной коллегіи князей или союзнаго министерства въ замѣнъ административнаго совѣта. Поощряемая такими доказательствами внутренняго разлада, Австрія упорно настаивала на своемъ прежнемъ рѣшеніи: по предложенію членовъ засѣдавшаго во Франкфуртѣ конгресса, она

19 іюля 1850.

25 авг.

обнародовала циркуляръ, въ которомъ назначала открытіе засѣданій прежняго союзнаго сейма на 1 сентября на томъ основаніи, что вопросъ о германской конституціи можетъ быть разрѣшенъ только на старой легальной почвѣ, которая была только омрачена совершившимися событіями, но не была расшатана. Пруссія и на этотъ разъ отказалась содѣйствовать возстановленію старой союзной конституціи, которая оказалась неспособной удовлетворить желанія націи и находилась въ противорѣчій съ торжественными обѣщаніями многихъ нѣмецкихъ правительствъ. Такимъ образомъ съ 1 сентября существовали рядомъ одно съ другимъ два союзныхъ правительства, изъ которыхъ ни одно не было признано всѣми нѣмецкими князьями, — находившаяся подъ руководствомъ Пруссіи, коллегія князей, изъ состава которой скоро вышли оба Гессена и нѣкоторыя мелкія государства,

и находившійся подъ руководствомъ Австріи, франкфуртскій союзный сеймъ. Обѣ великія державы приняли угрожающее положеніе: спорный вопросъ, по видимому, могъ быть разрѣшенъ только съ оружіемъ въ рукахъ въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ на личномъ свиданіи въ Брегенцѣ монархи австрійскій, баварскій и вюртембергскій условились дѣйствовать сообща. Два жгучихъ вопроса настоятельно требовали разрѣшенія—борьба изъ за конституціи въ Гессенъ-Касселѣ и война въ Шлезвигъ-Гольштиніи. За ихъ разрѣшеніе уже взялось франкфуртское союзное собраніе: дозволивши датскому уполномоченному поступить въ число посланниковъ при союзномъ сеймѣ, оно обнаружило свое намѣреніе снова подчинить Шлезвигъ верховной власти Датскаго короля, а гессенъ-кассельскому правителю оно обѣщало свою помощь на случай, если бы его собственныя силы оказались недостаточными для подавленія сопротивленія, вызваннаго нарушеніями конституціи министромъ Гассенпфлугомъ.

11 авг.

2. Гессенъ-кассельская драма и униженіе Пруссіи.

Своей прежней зловредной дѣятельностью (стр. 253) Гассенпфлугъ навлекъ на себя ненависть гессенскаго населенія, а его судебное преслѣдованіе въ Пруссіи за неправильное составленіе отчетовъ свидѣтельствовало по меньшей мѣрѣ о его сильной склонности къ нечестнымъ поступкамъ. Снова сдѣлавшись министромъ, онъ сталъ унорно преслѣдовать одну цѣль—усиленіе правительственной власти въ Гессенъ-Касселѣ съ нарушеніемъ конституціи. Когда временно закрытое собраніе земскихъ чиновъ снова открыло 16 мая свои засѣданія въ Касселѣ, министерство потребовало отъ него разрѣшенія на увеличеніе государственнаго долга въ размѣрѣ 760,000 талеровъ посредствомъ выдачи долговыхъ обязательствъ и выпуска кредитныхъ билетовъ; при этомъ министерство не представило бюджета или финансоваго законопроекта и не сообщило никакихъ свѣдѣній о расходахъ, на покрытіе которыхъ требовало кредита; сеймъ отвергнулъ это требованіе и былъ неожиданно распущенъ, не успѣвши принять никакихъ законныхъ мѣръ для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Было сдѣлано распоряженіе о производствѣ новыхъ выборовъ и въ августѣ снова собрались земскіе чины, бѣльшею частію принадлежавшіе къ демократической партіи; съ ними Гассенпфлугъ обошелся такъ же, какъ съ ихъ предшественниками: не представляя смѣты государственныхъ расходовъ, онъ потребовалъ для себя права собирать налоги долѣе того срока, на который они были установлены и который уже истекъ. Собраніе отвергнуло это требованіе и постановило слѣдующее рѣшеніе: пока не будетъ представленъ бюджетъ установленнымъ въ конституціи порядкомъ,

Борьба изъ-за конституціи въ Гессенъ-Касселѣ.

13 июня 1850.

22 авг.

2 сент.

взысканіе прямыхъ налоговъ будетъ приостановлено; косвенные налоги будутъ собираться по прежнему, но не будутъ выдаваться на расходы, а будутъ поступать на храненіе въ государственное казначейство; министръ истолковалъ это рѣшеніе въ смыслѣ отказа отъ уплаты налоговъ и воспользовался имъ для новаго распущенія собранія. Тогда правительство обратилось къ постоянному земскому комитету съ приглашеніемъ вступить съ министерствомъ въ совѣщанія касательно вопроса о налогахъ; но комитетъ не принялъ этого приглашенія, усматривая въ немъ коварное намѣреніе лишь съ виду исполнить требованіе конституціи, чтобъ въ разрѣшеніи вопросовъ этого рода участвовали земскіе представители. Правительство усмотрѣло въ этомъ отказѣ нарушеніе конституціи и первый шагъ къ мятежу и сообразно съ этимъ стало дѣйствовать. Циркуляромъ отъ 5 сентября оно предписало по прежнему собирать всѣ налоги; но постоянный земскій комитетъ призналъ противозаконнымъ это рѣшеніе, принятое безъ его участія, и запретилъ его исполненіе всѣмъ сборщикамъ податей и должностнымъ лицамъ, подъ присягою обѣщавшимся исполнять и охранять конституцію; тогда всѣ чиновники вѣдомства податныхъ сборовъ и министерства финансовъ прекратили всѣ взысканія налоговъ, а суды перестали употреблять гербовую бумагу.

Введеніе осаднаго положенія.

Однако, это единодушное сопротивленіе не могло ослабить энергію Гессенпфлуга. Не смотря на то, что и въ столицѣ и во всей странѣ царствовала полная тишина, указомъ отъ 7 сентября было введено осадное положеніе во всѣхъ гессенъ-кассельскихъ владѣніяхъ и былъ назначенъ главнокомандующій, который былъ освобожденъ отъ отвѣтственности установленной конституціею, учредилъ строгій надзоръ надъ газетами и подчинилъ всѣхъ гражданъ военнымъ законамъ и судамъ. Но и эта мѣра, невызванная или неоправдываемая никакими нарушеніями законовъ со стороны народа, никакими возстаніями или уличными беспорядками, не привела къ желаемой цѣли: должностныя лица упорствовали въ своемъ пассивномъ сопротивленіи и строго придерживались требованій закона и конституціи, которой принесли присягу, а населеніе и въ столицѣ и во всей странѣ по прежнему ничѣмъ не нарушало внутренняго спокойствія. За противозаконныя вторженія въ типографіи, судъ присуждалъ полицейскихъ чиновниковъ къ наказаніямъ. Гессенпфлугъ тщетно прибѣгалъ къ софистическимъ истолкованіямъ смысла законовъ, чтобъ убѣдить кассельскую думу и высшія власти финансоваго и судебного вѣдомства въ легальности своего образа дѣйствій; его аргументы не могли измѣнить ихъ убѣжденія, что декреты 5 и 7 сентября нарушали конституцію и были противозаконны. Введеніе осаднаго положенія оказалось безплоднымъ. Совѣсть главнокомандующаго встревожилась въ виду упорнаго сопротивленія судовъ и должностныхъ лицъ; онъ занемогъ и

потребовалъ увольненія отъ своей должности. Собранные въ столицѣ солдаты обнаруживали недовольство; негодованіе на самовольный образъ дѣйствій министра становилось все болѣе замѣтнымъ; нарушение справедливости въ отношеніяхъ правительства къ вѣрнымъ подданнымъ вызвало общій взрывъ негодованія даже въ тогдашней, униженной и упавшей духомъ Германіи. Но Гассенпфлугъ все еще не отказывался отъ исполненія своего плана. Въ то время, когда всѣ честные люди ожидали его увольненія, онъ напугалъ курфюрста угрожающими ему мнимыми опасностями, и уговорилъ его тайно выѣхать въ ночь съ 12 на 13 сентября изъ столицы вмѣстѣ съ министрами и перенести резиденцію правительства въ провинцію Гайнау, чтобъ быть ближе къ реставрированному союзному сейму.

И это событіе не вызвало со стороны гессенскаго населенія ни- Вильгельмс-
какихъ нарушеній внутренняго спокойствія; ни граждане ни должно- бадъ и Франк-
стныя лица не вовлекались ни въ какія нарушенія законовъ и кон- фуртъ.
ституціи не смотря на то, что изъ новой правительственной резиденціи въ Вильгельмсбадѣ Гассенпфлугъ усиливалъ ихъ ненависть и раздраженіе, перемѣщая и увольняя ненавидимыхъ ему должностныхъ лицъ, назначая на ихъ мѣста вѣрныхъ исполнителей его воли, задерживая выдачу жалованья и пенсій. Эта послѣдняя мѣра оказалась недѣйствительной вслѣдствіе того, что особый комитетъ взялъ на себя временную уплату жалованья, а судебное постановленіе возложило на правительство обязанность возвратить издержанныя на этотъ предметъ суммы. Между тѣми людьми, которые изъявили готовность служить послушными орудіями для Гассенпфлуга, самымъ выдающимся и самымъ даровитымъ былъ историкъ литературы Вильмаръ, возведенный изъ званія директора гимназіи въ званіе совѣтника консисторіи. Подобно президенту министерства и члену верховнаго суда Абэ, Вильмаръ придерживался строго-церковнаго направленія; но онъ до такой степени терялъ изъ виду христіанское ученіе о святости присяги, что въ своей газетѣ Hessischer Volksfreund выступилъ поборникомъ реакціи въ самомъ крайнемъ ея видѣ и называлъ невѣрнымъ подданнымъ всякаго, для кого совѣсть и законъ были выше предписаній враждебно относившагося къ народу правительства, а ясныя слова Евангелія имѣли болѣе высокую цѣну, чѣмъ софизмы и новое замысловатое государственное право этого «друга гессенскаго народа». Гассенпфлугъ, наконецъ, обратился къ франкфуртскому союзному сейму, который еще не былъ признанъ большинствомъ нѣмецкихъ государствъ. Онъ самъ принялъ участіе въ засѣданіяхъ этого собранія въ качествѣ гессенъ-кассельскаго посланника; такъ какъ во Франкфуртѣ постарались воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ привлечь Гессенъ-Кассель на сторону сейма, то тамъ было постановлено слѣдующее рѣшеніе: образъ 21 сент. 1850.
дѣйствій гессенъ-кассельскаго земскаго собранія равнозначущъ съ от-

казомъ отъ взысканія налоговъ; всѣ требованія тамошняго правительства должны быть исполнены, а въ случаѣ, еслибы сопротивленіе не прекратилось, на союзномъ собраніи будетъ лежать обязанность оказывать мѣстному правительству до возстановленія порядка всякую помощь, какая окажется нужной.

Диктатура и привязанность населенія къ конституціи. Опираясь на это рѣшеніе (основанное на одномъ изъ параграфовъ вѣнскихъ заключительныхъ постановленій 1832 года, не смотря на то, что въ 1848 году были отмѣнены всѣ исключительныя постановленія), вильгельмсбадское правительство приступило къ новымъ принудительнымъ мѣрамъ. Изданное 5 сентября распоряженіе о взысканіи налоговъ осталось недействительнымъ вслѣдствіе отказа должностныхъ лицъ приводить его въ исполненіе; объявленное 7 сентября, введеніе осаднаго положенія встрѣчало непреодолимые затрудненія вслѣдствіе того, что судебныя рѣшенія признали его недействительнымъ; теперь было рѣшено сломить это сопротивленіе. Декретомъ курфюрста отъ 28 сентября было запрещено судамъ оказывать какое-либо противодѣйствіе политикѣ министерства, а осадное положеніе было усилено тѣмъ, что страну подчинили военной диктатурѣ, которая была ввѣрена брату побѣдителя Венгерцевъ, престарѣлому генералу Карлу Гайнау. Всякому, кто сталъ-бы словомъ или дѣломъ оказывать правительству дальнѣйшее сопротивленіе, угрожало преданіе военному суду. Но и эта мѣра не поколебала рѣшимости гессенскаго населенія и арміи оставаться вѣрными конституціи. Приказаніе распустить и обезоружить гражданскую стражу въ Касселѣ осталось неисполненнымъ; военный аудиторіатъ принялъ отъ постоянного земскаго комитета жалобу на насилія и на нарушеніе конституціи со стороны главнокомандующаго Гайнау и возбудилъ противъ этого послѣдняго судебное преслѣдованіе; неоднократныя попытки склонить курфюрста, черезъ посредство депутацій, къ измѣненію его политики не имѣли успѣха; напротивъ того, Гайнау были даны еще болѣе широкія полномочія; тогда гессенскіе офицеры, лишь за немногими исключеніями, подали въ отставку: 233 офицера, 4 генерала, 7 полковниковъ, 20 подполковниковъ, 13 майоровъ, 59 капитановъ и ротмистровъ, 50 поручиковъ, 80 подпоручиковъ потребовали своего увольненія «вслѣдствіе невозможности согласовать долгъ повиновенія начальству съ исполненіемъ даннаго подъ присягою обѣщанія соблюдать конституцію». Такимъ образомъ, Гессенпфлугъ лишился возможности прибѣгать къ какимъ либо принудительнымъ мѣрамъ; ему отказали въ повиновеніи и чиновники административнаго и финансоваго вѣдомства, и судьи и офицеры; ему не оставалось ничего другого, какъ обратиться къ посторонней помощи, чтобъ силою сломить сопротивленіе и отстоять свои воззрѣнія на монархическую систему управленія.

По мнѣнію нѣмецкихъ правительствъ, положеніе дѣлъ въ Гессенѣ-

Кассель роняло престижъ монархической власти. Поэтому монархи австрійскій, баварскій и вюртембергскій рѣшили на свиданіи въ Брегенцѣ приступить къ подавленію мятежа въ Гессенъ-Кассель: тогда союзная экзекуціонная армія, состоявшая изъ Баварцевъ и Австрійцевъ, перешла черезъ границу гессенъ-кассельскихъ владѣній. Но Пруссія, еще не отказавшаяся отъ идеи объединенія Германіи и не признававшая за франкфуртскимъ собраніемъ права вмѣшиваться безъ ея согласія и участія въ дѣла сосѣдняго съ ней государства, заняла своими войсками военныя дороги и городъ Кассель, созвала ландверъ, поставила свою армію на военное положеніе и отозвала свои войска, стоявшія въ Баденѣ. Назначеніе министромъ генерала Радовица, преданнаго идеѣ германскаго единства, по видимому, свидѣтельствовало о рѣшимости Пруссіи основать союзное германское государство. Въ началѣ ноября, прусскія войска въ теченіе нѣсколькихъ дней стояли подлѣ Фульды лицомъ къ лицу съ союзной баварско-австрійской арміей; но такъ какъ берлинское министерство долго не принимало никакого твердаго рѣшенія, то прусскому главнокомандующему графу Грѣбену были даны такія неясныя и неопредѣленныя инструкціи, что онъ не осмѣлился что-либо предпринять; столкновение, происшедшее между аванпостами двухъ армій подлѣ деревни Бронцелль, было объявлено результатомъ «недоразумѣнія».

Союзная эк-
зекуція въ
Гессенъ-Кас-
сель.

8 ноября
1850.

Взоры всей нѣмецкой націи были обращены на ту мѣстность въ окрестностяхъ Фульды, гдѣ, по видимому, должны были разрѣшиться вопросы о гессенъ-кассельской конституціи и о единствѣ Германіи. Положеніе дѣлъ уже сдѣлалось до такой степени запутаннымъ, что, по видимому, могло быть разъяснено только силою меча, и какъ ни пугала всѣхъ патріотовъ мысль о междоусобной войнѣ, они полагали, что нельзя было не вступить за честь Пруссіи и за права Германіи. Но прусское правительство не позволило своей арміи употребить въ дѣло обнаженный мечъ; по «стратегическимъ соображеніямъ» генералъ Грѣбенъ отступилъ къ Герсфельду и оставилъ Фульду во власти союзныхъ войскъ. Тогда всѣмъ гессенъ-кассельскимъ судьямъ и должностнымъ лицамъ было приказано исполнять предписанія курфюрста касательно взысканія налоговъ и гербоваго сбора. Къ тѣмъ, кто отказывался повиноваться, ставили на постой солдатъ съ требованіемъ, кромѣ установленнаго пайка, уплаты расходовъ на экзекуцію. Всякое замедленіе въ изъявленіи покорности влекло за собою усиленіе постоя. Этимъ способомъ было сломлено сопротивленіе судей и должностныхъ лицъ. Тогда снова стали пускать въ продажу гербовую бумагу и собирать оставшіяся въ недоимкѣ подати. Эти мѣры оказались не менѣе цѣлесообразными, чѣмъ французскія драгонады противъ гугенотовъ; поэтому онѣ скоро стали примѣняться ко всякому, кто чѣмъ-либо навлекъ на себя неудовольствіе правительства. Берлинское министерство твердо рѣшилось «положить конецъ революціи»

Образъ дѣй-
ствій Пруссіи.

и потому старалось главнымъ образомъ избѣгнуть такой войны, которая принудила-бы его опираться на конституціонную и демократическую партію; оно предоставило Гессенъ-Кассель на произволъ союзниковъ, потому что въ происшедшихъ тамъ «крайне-отвратительныхъ раздорахъ» усматривало революціонную борьбу демократовъ съ правительственною властію.

Варшавское свиданіе. Прусскіе планы національныхъ реформъ все болѣе и болѣе съуживались и сѣверо-германская великая держава постоянно отодвигалась на задній планъ передъ происками и угрозами Австріи. Малодушнымъ, Смерть графа Бранденбурга. нерѣшительнымъ берлинскимъ государственнымъ дѣателямъ приходилось бороться съ чрезвычайно искуснымъ дипломатомъ, княземъ Феликсомъ Шварценбергомъ, умѣвшимъ вѣрно распознавать слабыя стороны своихъ противниковъ и смѣло стремившимся къ осуществленію своего замысла возстановить владычество Австріи въ Германіи. Онъ задумалъ вытѣснить Пруссію изъ всѣхъ занятыхъ ею передовыхъ позицій, поставить ее въ одинокое положеніе, внушить несочувствіе къ ней не только нѣмецкому народу, но и нѣмецкимъ правительствамъ, подчинить австрійскому вліянію всю Германію вплоть до самыхъ сѣверныхъ ея границъ и уничтожить всѣ слѣды національныхъ и либеральныхъ стремленій 1848 года. Если-бы прусское правительство сознавало лежавшія на немъ обязанности, оно не побоялось-бы прибѣгнуть къ войнѣ, чтобъ выйти изъ своего униженнаго положенія; но на это недоставало въ Берлинѣ мужества. И вліятельные политическіе дѣатели, и братъ короля, и Радовицъ, снова назначенный министромъ иностранныхъ дѣлъ, признавали, что дѣло идетъ о чести Пруссіи и совѣтовали взяться за оружіе. Но на это не соглашался король, которому Австрія внушала и страхъ и уваженіе. Онъ очень охотно принялъ предложеніе императора Николая взять на себя роль третейскаго судьи между двумя державами. Но въ Варшавѣ, гдѣ была Конецъ окт. 1850. сдѣлана попытка примиренія, Пруссія подверглась новымъ униженіямъ не смотря на то, что изъявляла готовность на уступки. Такъ какъ князь Шварценбергъ былъ увѣренъ въ поддержкѣ со стороны Россіи, то онъ не считалъ нужнымъ чѣмъ-либо стѣсняться. Ему приписывали слѣдующія слова: нужно прежде всего унижить Пруссію, а потомъ нужно ее уничтожить. Президентъ министерства графъ Бранденбургъ пришолъ въ Варшавѣ къ убѣжденію, что нельзя ожидать никакой помощи отъ императора Николая, который усматривалъ въ прусскихъ стремленіяхъ къ объединенію Германіи ничто иное, какъ кокетничанье съ революціонерами, и также не совѣтовалъ предпринимать войну. Этотъ гордый патріотъ, очень дорожившій военной честью Пруссіи, былъ такъ огорченъ печальнымъ положеніемъ дѣлъ, 6 ноября. что по возвращеніи изъ Варшавы занемогъ нервной горячкой и умеръ. И Радовицъ вышелъ въ отставку; его замѣнилъ въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ Мантейфель, не питавшій ни малѣйшаго сочув-

ствія къ національнымъ и либеральнымъ стремленіямъ нѣмецкаго народа.

Находившійся въ сильномъ возбужденіи, народъ былъ увѣренъ, что неожиданная и внезапная смерть графа Бранденбурга находилась въ непосредственной связи съ тѣми оскорбительными униженіями, которымъ подвергали Пруссію на варшавскомъ свиданіи оба императора и князь Шварценбергъ. Противники политики Фридриха Вильгельма IV утверждали, что графъ велъ себя въ Варшавѣ съ большимъ мужествомъ и энергически отказывался отъ исполненія высококомѣрныхъ требованій двухъ императорскихъ правительствъ, но что онъ былъ глубоко возмущенъ оскорбленіями, которымъ подвергалась честь Пруссіи со стороны Русскаго императора, и возвратился въ Берлинъ совершенно больнымъ; на происходившемъ тамъ рѣшительномъ совѣщаніи, онъ поступилъ наперекоръ своимъ убѣжденіямъ, подчинившись миролюбивымъ желаніямъ короля, но вслѣдъ за тѣмъ впалъ въ умственное разстройство, сталъ громко требовать свой шлемъ, мечъ и боеваго коня и по прошествіи нѣсколькихъ дней умеръ отъ разрыва сердца. Зибель старался доказать въ своемъ историческомъ журналѣ, что этотъ рассказъ не совсѣмъ вѣренъ, что въ рѣшительную минуту графъ Бранденбургъ подалъ свой голосъ за мирное соглашеніе, что онъ не хотѣлъ признавать за поводъ къ войнѣ ни положеніе дѣлъ въ Шлезвигъ-Гольштиніи, ни вступленіе баварскихъ войскъ въ Гессенъ-Кассель, между тѣмъ какъ министръ иностранныхъ дѣлъ Радовицъ былъ того мнѣнія что слѣдуетъ оберегать національную честь Пруссіи даже съ опасностью войны и сдѣлать распоряженіе о мобилизаціи прусской арміи; съ этимъ послѣднимъ мнѣніемъ, будто-бы, нѣкоторое время соглашался и король. Но въ концѣ концовъ въ умѣ Фридриха Вильгельма IV одержало верхъ нежеланіе войны, въ которой ему пришлось-бы опираться на такія силы, которыя имѣли, по его мнѣнію, революціонный характеръ.

Прусское правительство окончательно утратило и чувство достоинства и способность къ сопротивленію. Оно заявило, что не будетъ вводить конституцію 26 мая 1849, а будетъ считать ее уничтоженной. Оно отказалось и отъ вмѣшательства въ гессенъ-кассельскія дѣла. Австрійское правительство обратилось къ нему съ ультиматумомъ, въ которомъ потребовало, чтобъ Гессенъ-Кассель былъ очищенъ прусскими войсками въ 24 часа. Чтобъ получить отъ Австріи полное прощеніе, Мантейфель унизился до того, что обратился къ гордому князю Шварценбергу съ просьбой о личномъ свиданіи въ Ольмюцѣ, отправился туда, не дожидаясь отвѣта, и обязался исполнить австрійскія требованія въ самомъ полномъ объемѣ, даже выйдя изъ предѣловъ полученныхъ въ Берлинѣ инструкцій: было условлено, что Пруссія откажется безъ всякихъ оговорокъ отъ проекта германской уніи, безусловно признаетъ союзный сеймъ, не будетъ препятствовать ни союзной экзекуціи въ Гессенъ-Касселѣ ни присоединенію Шлезвигъ-Гольштиніи къ Даніи. Для пересмотра старой союзной конституціи было рѣшено, по желанію прусскаго министра, открыть въ Дрезденѣ «свободныя совѣщанія» между представителями всѣхъ нѣмецкихъ правительствъ. Пруссія обѣщала не создавать въ

Свиданіе въ
Ольмюцѣ.
Унизительное
положеніе
Пруссіи.

28. 29 ноября
1850.

Гессенъ-Кассель никакихъ препятствій для дѣятельности мѣстныхъ войскъ, обратно вызванныхъ туда курфюрстомъ; только одинъ прусскій батальонъ долженъ былъ оставаться въ Кассель, чтобъ вмѣстѣ съ союзными войсками поддерживать тамъ внутреннее спокойствіе и порядокъ. Такимъ образомъ Пруссія, — какъ выразился одинъ изъ прусскихъ дипломатовъ, — взялась исполнять при австрійскомъ на-
лачѣ обязанности работника—живодера. Въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ Пруссія и Австрія должны были общими силами возстановить внутреннее спокойствіе и обезоружить часть мѣстной арміи. Даже въ печальную эпоху, слѣдовавшую за пораженіемъ при Іенѣ, Пруссія не доходила до такого униженія, какъ въ эпоху ольмюцскаго свиданія. Государство Фридриха Великаго еще никогда такъ рѣшительно не отвергало своего призванія заботиться объ удовлетвореніи національных стремленій нѣмецкаго народа, — никогда еще не относилось съ такимъ пренебреженіемъ къ духу новаго времени изъ малодушнаго страха революціи. За это она поплатилась совершенной утратой всякаго нравственнаго и политическаго вліянія. Только приверженцы мрачной реакціи могли радоваться тому, что закончилась эра революціи. Только событія, совершавшіяся на поляхъ сраженій 1866 года, загладили воспоминанія о сдѣланныхъ въ Ольмюцѣ ошибкахъ.

Прекращеніе смуть въ Гессенъ-Кассель. Тогда въ Гессенъ-Кассель стали совершаться возмутительныя па-силія. По выраженію Дальманна, тамъ беззаконія утратили всякій стыдъ. Во всѣхъ гессенъ-кассельскія провинціи вступили экзекуціонныя войска, которыя потомъ еще долго носили въ памяти народа названіе Баварцевъ-мстителей [Strafbayern]. Въ началѣ декабря стали приводиться въ Верхнемъ Гессенѣ въ исполненіе сентябрьскіе указы благодаря тому, что непокорныхъ судей и должностныхъ лицъ обременяли военными постоями и увольняли отъ службы. Въ Нижнемъ Гессенѣ дѣло шло еще успѣшнѣе вслѣдствіе того, что высшій аппеляціонный судъ обнаружилъ, противъ всякаго ожиданія, покорность. Подчиняясь вліянію прусскаго комиссара Пейкера, члены этого суда признали обязательнымъ исполненіе указа о сборѣ палоговъ, пока гессенъ-кассельскія дѣла не будутъ окончательно приведены въ порядокъ на предстоящихъ конференціяхъ; но они обманулись въ своемъ ожиданіи, что этимъ способомъ избавятся отъ военныхъ постоевъ. Австрійскія и баварскія союзныя войска вступили въ Кас-
21 дек. 1850. сель и помогли союзному комиссару возстановить порядокъ. Гражданская гвардія была обезоружена; былъ введенъ строгій полицейскій надзоръ, и военный судъ сталъ постановлять свои рѣшенія, игнорируя мѣстные законы. Такъ окончилась «гессенъ-кассельская драма» или, по выраженію Мантейфеля, «революція въ халатѣ и въ туфляхъ». Послѣ того, какъ верховная власть курфюрста была возстановлена,
27 дек. онъ возвратился въ свою столицу вмѣстѣ съ министрами. Члены

земскаго комитета были приговорены военнымъ судомъ къ заключенію въ крѣпости на нѣсколько лѣтъ. Въ числѣ ихъ находился храбрый Шварценбергъ, когда-то со славой сражавшійся за свободу Германіи и за царствовавшую въ Гессенѣ династію въ качествѣ участника въ заговорѣ Дерберга и офицера «чернаго легіона» (XIV, стр. 363 и сл.).

3. Возстановленіе союзаго сейма и подчиненіе сѣверныхъ герцогствъ датскому королю.

И борьба въ Шлезвигъ-Гольштиніи за національную независимость имѣла одинакій исходъ съ борьбой въ Гессенъ-Касселѣ за конституцію. Уже во время ранѣе нами упомянутаго перемирія (стр. 390), нѣмецкая партія въ Шлезвигѣ была возмущена неуваженіемъ къ самымъ священнымъ ея правамъ. Положеніе Шлезвига еще ухудшилось, когда Пруссія заключила отъ имени германскаго союза мирный договоръ, предоставлявшій датскому королю право употреблять всѣ находившіяся въ его распоряженіи средства для подавленія сопротивленія въ Шлезвигъ-Гольштиніи и обѣщавшій ему содѣйствіе для введенія такого порядка престолонаслѣдованія, который былъ-бы одинаковъ для всѣхъ составныхъ частей датскаго королевства. Предчувствуя ожидавшія ихъ невзгоды, герцогства сначала попытались достигнуть соглашенія съ Даніей путемъ непосредственныхъ переговоровъ, а когда эта попытка встрѣтила непреодолимое препятствіе въ высокомеріи и въ національной ненависти враговъ, они рѣшились, послѣ удаленія прусскихъ и шведскихъ войскъ, продолжать войну собственными силами и при добровольной поддержкѣ со стороны Нѣмцевъ. Они чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобъ отстоять противъ Даніи свою независимость, и начали борьбу съ большимъ воодушевленіемъ. На мѣсто прежняго главнокомандующаго Бонина, вышедшаго въ отставку для того, чтобъ не утратить своего служебнаго положенія въ прусской арміи, былъ назначенъ бывший прусскій генералъ-лейтенантъ Виллизенъ, — человекъ очень свѣдущій въ военномъ дѣлѣ, но болѣе въ теоріи, чѣмъ на практикѣ. Когда послѣдняя попытка соглашенія осталась безуспѣшной, шлезвигъ-гольштинскія войска вступили подъ его начальствомъ въ сѣверное герцогство въ одно время съ Датчанами и сосредоточились между Фленсбургомъ и Шлезвигомъ. Тамъ произошло подлѣ Идштедта двухъдневное сраженіе, которое сначала было удачно для Шлезвигъ-Гольштинцевъ, но кончилось ихъ отступленіемъ къ крѣпости Рендсбургу и занятіемъ Шлезвига датскими войсками. Не болѣе удачно было и сраженіе при Миссунде: нападеніе Виллизена на укрѣпленія Датчанъ было отражено; онъ снова укрылся подлѣ стѣнами Рендс-

Генералъ Виллизенъ и сраженіе при Идштедтѣ.

2 іюля 1850.

9 апр.

24. 25 іюля.

12 сент.

- бурга и оставался тамъ по прежнему въ бездѣйствіи. Кромѣ этихъ военныхъ неудачъ, Шлезвигъ-Гольштинцевъ постигли несчастія иного рода. Рендсбургская лабораторія, въ которой находились большіе запасы пороха, взлетѣла на воздухъ; это несчастіе сопровождалось гибелью слишкомъ ста человѣкъ и причинило городу громадныя убытки, а постоянные дожди препятствовали возобновленію военныхъ дѣйствій. Войска требовали, чтобъ ихъ вели противъ непріятеля, но Виллизенъ считалъ удовлетвореніе этого требованія неблагодарнымъ. Наконецъ онъ попытался, во главѣ одной части своей арміи, взять приступомъ сильно укрѣпленный Датчанами Фридрихштадтъ; но и это нападеніе, стоившее жизни семистамъ солдатамъ, было отражено послѣ того, какъ Шлезвигъ-Гольштинцы уже завладѣли городомъ.
- 7 авг. 1850. Эти событія были признаны намѣстничествомъ за доказательство неспособности шлезвигъ-гоольштинскаго главнокомандующаго; поэтому онъ былъ уволенъ и на его мѣсто былъ назначенъ генералъ Горстъ, отличившійся въ сраженіи при Идштедтѣ; но эта мѣра оказалась запоздалой: вѣдь двѣ великія нѣмецкія державы уже условились на ольмюцской конференціи положить конецъ войнѣ и такимъ образомъ подавить революцію въ ея послѣднихъ судорожныхъ движеніяхъ. Поэтому, въ первыхъ числахъ января 1851 Австрія и Пруссія потребовали, отъ имени германскаго союза, прекращенія военныхъ дѣйствій, угрожая прибѣгнуть къ такимъ-же принудительнымъ мѣрамъ, какими только-что была достигнута намѣченная цѣль въ Гессенъ-Касселѣ. Шлезвигъ-гоольштинское земское собраніе серьезно обсудило положеніе дѣлъ и пришло къ убѣжденію въ невозможности бороться въ одно и то-же время и съ Датчанами и съ Австрійцами и съ Пруссакими; поэтому, чтобъ предупредить вступленіе австрійскихъ и прусскихъ войскъ, оно изъявило готовность подчиниться рѣшенію германскаго союза. Тогда шлезвигъ-гоольштинская армія была распущена; члены намѣстничества сложили съ себя свое званіе и были замѣнены новымъ правительствомъ, члены котораго были назначены двумя великими нѣмецкими державами, а въ то время, какъ многіе изъ офицеровъ и солдатъ распущенной арміи покидали свое отечество, чтобъ искать въ Бразиліи безопаснаго убѣжища и средствъ существованія, австрійскія войска подвигались къ берегамъ Балтійскаго моря и занимали всю страну между Гамбургомъ и Рендсбургомъ. Герцогствамъ была обѣщана охрана ихъ правъ, но всѣ требованія Датчанъ были исполнены и Шлезвигъ былъ отданъ на произволъ своихъ враговъ, которые ввели въ немъ лишь рѣдко встрѣчающуюся въ исторіи, систему угнетеній и преслѣдованій. Одинъ изъ очевидцевъ и участниковъ описанной нами борьбы пишетъ: «Подъ руководствомъ Тиллиша была введена въ Шлезвигъ чисто-датская система управленія, нарушавшая всѣ мѣстныя права и интересы.
- 4 окт. 1850.
- Покореніе герцогствъ.
- 11 янв. 1851.

Всѣ связи съ Гольштиніей были разорваны, даже былъ упраздненъ общій для двухъ герцогствъ высшій апелляціонный судъ; на берегахъ Эйдера была поставлена таможенная застава; въ городахъ Гадерслебенѣ, Тондернѣ, Апенраде, Зондербургѣ стали вводить въ церквахъ и школахъ датскій языкъ; лицъ духовнаго званія и преподавателей стали назначать изъ Датчанъ; всё, что носило нѣмецкій характеръ, стало подвергаться преслѣдованіямъ». Еще оставалась надежда достигнуть независимости послѣ предстоявшаго пресѣченія мужеской линіи датскаго царствующаго дома, такъ какъ, на основаніи стариннаго закона, въ герцогствахъ могла царствовать только мужеская линія этого дома; но и эта надежда была уничтожена насиліемъ великихъ нѣмецкихъ державъ. Заключеннымъ въ Лондонѣ 8 мая 1852 трактатомъ было постановлено, что всѣ составныя части датскаго королевства образуютъ одно нераздѣльное цѣлое, а принцъ Христіанъ Глюксбургскій былъ признанъ наслѣдникомъ престола съ одобренія европейскихъ правительствъ. При этомъ всѣ обильные военные запасы и корабли, заготовленные для охраны герцогствъ, были выданы Датчанамъ и отправлены въ Данію въ качествѣ военной добычи. Такимъ образомъ, однимъ почеркомъ пера были уничтожены всѣ старинныя учрежденія и права; съ тѣхъ поръ европейское государственное право стало признавать только такую датскую монархію, владѣнія которой простирались отъ Скагеракка до береговъ Эльбы, отъ Зунда до Нѣмецкаго моря. По всей Германіи стали раздаваться возгласы негодованія на такой способъ возстановленія порядка въ Гессенъ-Касселѣ и въ герцогствахъ. Правда, многое, чѣмъ тогда возмущались, было впослѣдствіи позабыто, но, — какъ выразился Арндтъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ, — никогда нельзя было позабыть о Шлезвигъ-Гольштиніи и о Гессенъ-Касселѣ.

Возстановленіе датскаго владычества въ Шлезвигъ-Гольштиніи было рѣшительнымъ шагомъ къ возстановленію тѣхъ порядковъ и учреждений, которые были установлены на вѣнскомъ конгрессѣ и лишь временно были нарушены революціонными движеніями 1848 года. И дѣла прежняго германскаго союза пришли въ свое старое, безотрадное положеніе. Дрезденскія конференціи, происходившія подъ руководствомъ князя Шварценберга и министра Мантейфеля, не привели къ переустройству союза и только убѣдили всѣхъ въ необходимости возстановить старый союзный сеймъ въ его прежнемъ видѣ. Эти конференціи только ослабили вліяніе Пруссіи въ союзномъ сеймѣ, такъ какъ берлинское правительство, руководствуясь желаніемъ прекратить борьбу, вызванную составленіемъ союзной конституціи, согласилось признать франкфуртскій союзный сеймъ и назначить при немъ своего уполномоченнаго. А чтобъ не доставлять Австріи повода настаивать на включеніи всѣхъ ея владѣній въ составъ нѣмецкаго союзнаго государства, Пруссія снова исключила изъ этого состава

Возстановленіе
союзнаго сей-
ма и «спаси-
тельные под-
виги» реак-
ціонеровъ.
Дек. 1850.
Янв. 1851.

свои восточныя провинціи; въ то-же время она старалась мало по малу возвращаться къ старымъ порядкамъ, возстановляя прежніе провинціальныя сеймы и другія старинныя учрежденія. Тогда и правительства мелкихъ нѣмецкихъ государствъ стали сбрасывать съ себя бремя законовъ и учреждений, введенныхъ въ революціонную эпоху; пути и средства къ достиженію этой цѣли указывалъ имъ центральный союзный комитетъ, считавшійся въ общественномъ мнѣніи реакціоннымъ комитетомъ. Тогда стали мало по малу отодвигать въ сторону основныя права нѣмецкаго народа; въ нѣкоторыхъ государствахъ стали исключать изъ конституцій ихъ демократическія составныя части; ежедневную печать сдѣлали безвредной посредствомъ изданія строгихъ правилъ и назначенія наказаній; тогда правительства стали прибѣгать къ старымъ полицейскимъ мѣрамъ, чтобъ усиливать свою власть, а подданныхъ приучать къ безмолвному повиновенію. Въ Саксоніи, въ Мекленбургѣ, въ Ганноверѣ, въ Вюртембергѣ и нѣкоторыхъ другихъ нѣмецкихъ государствахъ были отмѣнены либеральныя формы конституціоннаго управленія и былъ возстановленъ старый феодальный режимъ. По нѣмецкимъ странамъ стали съ торжествомъ расхаживать іезуитскіе миссіонеры, спѣшившіе взять на себя обязанности знаменопосцевъ повсемѣстной реакціи, а ультрамонтаны воодушевились самыми смѣлыми надеждами съ тѣхъ поръ, какъ въ Австріи и въ другихъ странахъ католическому духовенству была предоставлена такая независимость, какой оно еще никогда нигдѣ не пользовалось (стр. 56 и сл.) Епископы верхне-рейнской епархіи обнародовали меморію, въ которой предъявляли правительствамъ самыя широкія требованія и, въ сознаніи своего могущества, вызывали на бой свѣтскую власть. Введеніемъ поваго основнаго политическаго принципа — «солидарности консервативныхъ интересовъ» началась вторая половина девятнадцатаго столѣтія.

VII. Республика и Бонапартистскій государственный переворотъ во Франціи.

Послѣдствія
революціи.

Внутреннія потрясенія, происходившія съ 1848 до 1850, произвели во всѣхъ затронутыхъ революціей странахъ истощеніе силъ, печальныя послѣдствія котораго еще долго давали себя чувствовать. Итальянскій народъ, тщетно всѣми силами старавшійся выйти изъ своего трехъ-сотъ-лѣтняго политическаго усыпленія, не могъ долѣе уживаться съ своими расшатанными государственными учрежденіями, а новыхъ не былъ въ состояніи создать; Венгерцы, утратившіе въ упорной борьбѣ только-что пріобрѣтенныя ими блага цивилизаціи и гражданской свободы, должны были создавать новыя формы общественной дѣятельности на развалинахъ прежняго благополучія; нѣ-

мецкій народъ, безплодно истощавшій свои лучшія силы въ борьбѣ за политическое единство, былъ принужденъ подчиняться такимъ порядкамъ, въ которыхъ не было прочной легальной основы и при которыхъ не были обезпечены ни матеріальные интересы населенія ни правильное веденіе государственнаго хозяйства. При этомъ повсюду было громадно число бѣглецовъ, осужденныхъ и арестантовъ; судебнымъ преслѣдованіямъ не было конца; права страшно одичали; чувства чести и долга ослабѣли; понятія о самыхъ священныхъ правахъ извращались и затемнились.

Самую печальную картину такого упадка силъ и нравственной испорченности представляла Франція,—то есть, именно та страна, Французская республика. которая благодаря своему широкому объему, своему географическому положенію и своему историческому прошлому издавна пользовалась сильнымъ вліяніемъ на судьбы другихъ государствъ. Французскій народъ, такъ долго стоявшій во главѣ европейской цивилизаціи и сдѣлавшій изъ своей столицы метрополию культуры, былъ до такой степени сбитъ внутренними потрясеніями съ своей обычной колеи, что благомыслящая часть націи была принуждена общими силами отстаивать противъ одичалыхъ и безнравственныхъ пролетаріевъ коренныя основы цивилизаціи, семейства, собственности и личной свободы; ей пришлось бороться за сохраненіе такихъ благъ, которыя считаются безспорнымъ достояніемъ всякаго народа, лишь только онъ выйдетъ изъ положенія варварства. Французская февральская революція не вспыхнула по желанію націи, а была удачно исполненнымъ предпріятіемъ соціалистическихъ и республиканскихъ клубовъ; но такъ какъ силы этой революціонной партіи не были направлены къ ясно опредѣленной цѣли и не подчинялись руководительству энергичныхъ вліятельныхъ людей, то ядъ социализма сталъ мало по малу разливаться по всему государственному организму. Хотя члены учредительнаго національнаго собранія и были выбраны всеобщей подачей голосовъ подъ сильнымъ вліяніемъ первоначальнаго влеченія къ республиканской формѣ правленія, но между ними было мало социалистовъ; это собраніе всѣми силами старалось недопускать новыхъ возстаній въ пользу красной республики и предоставило правительству и судамъ самыя широкія полномочія для того, чтобъ арестовывать и отправлять въ ссылку зачинщиковъ возстаній, вождей социалистовъ и ихъ клубныхъ ораторовъ. Тогда по приговору засѣдавшего въ Буржѣ суда были отправлены въ ссылку многіе изъ февральскихъ героевъ, въ томъ числѣ Бланки, Альбертъ, Барбесъ, Распаль. Луи Бланъ и Коссидьеръ избѣгнули судебного преслѣдованія, успѣвши спастись бѣгствомъ въ Англію. Введеніе осаднаго положенія, изданіе законовъ ограничивавшихъ свободу печати и сходовъ, усиленіе полицейскаго надзора—таковы были средства, съ помощью которыхъ учредительное національное собраніе старалось поддержи-

2 апр. 1849.

вать порядокъ при содѣйствіи республиканскаго правительства. Оно дѣйствовало въ этомъ направленіи и послѣ избранія президента республики. Такъ какъ нужно было дополнить конституцію нѣкоторыми органическими законами, то это собраніе не прекращало своихъ занятій въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и послѣ того, какъ было составлено Луи-Наполеономъ новое министерство, въ составъ котораго вошли Одилонъ Барро, Друэнъ де-Люисъ, Маллевиль и клерикаль Фаллу; тогда оно находило поддержку и со стороны министровъ и со стороны начальника національной гвардіи и парижскаго гарнизона, генерала Шангарнье. Но уже тотчасъ возникли между національнымъ собраніемъ и президентомъ республики пререканія, для которыхъ служило поводомъ неясное и искусственно-теоретическое разграниченіе сферы вѣдомства властей исполнительной и законодательной. Новые порядки, съ перваго момента своего введенія, наводили на мысль о возможности государственнаго переворота.

Усиленіе со-
ціальной де-
мократіи.

Когда учредительное собраніе окончило составленіе демократически-республиканской конституціи съ всеобщимъ правомъ участія въ выборахъ, съ признаніемъ личной свободы въ сферахъ религіозной и политической, съ учрежденіемъ только одной палаты и съ избираемымъ черезъ каждые четыре года, отвѣтственнымъ президентомъ республики, оно было распущено въ маѣ 1849 года и было замѣнено законодательнымъ собраніемъ; уже по многочисленности соціаль-демократическихъ депутатовъ, попавшихъ въ составъ новаго собранія и присвоившихъ своей партіи старое названіе «горы», можно было догадаться, что принципы красной республики уже широко распространились во французскомъ народѣ. Хотя на этотъ разъ соціаль-демократическіе депутаты и были въ меньшинствѣ, но благодаря своей сомкнутости и своему единодушію они представляли значительную силу, съ которой другія партіи могли успѣшно бороться при разрѣшеніи жизненныхъ вопросовъ только въ томъ случаѣ, если отказывались отъ своихъ партійныхъ стремленій въ интересахъ легитимистовъ или орлеанистовъ. Новые выборы усилили какъ крайнюю лѣвую, такъ и монархическую правую. Напротивъ того, умѣренные республиканцы потерпѣли тяжелое пораженіе. Крайняя лѣвая была сильно раздражена тѣмъ, что французское правительство отправило въ Италію значительныя военныя силы, чтобъ положить конецъ существованію римской республики, и въ то-же время дѣйствовало за-одно съ австрійскимъ императоромъ и съ непопулярнымъ королемъ неаполитанскимъ; поэтому въ то время, какъ на берегахъ Рейна, Дуная и Тибра свирѣпствовали революціонныя бури, вспых-

13 іюня 1849. нули въ Парижѣ и въ Ліонѣ новыя возстанія; но они были скоро подавлены; ихъ послѣдствіями были: бѣгство зачинщиковъ мятежа Ледрю-Роллена, Виктора Консидерана, Феликса Піа, присужденіе участниковъ къ тюремному заключенію и къ ссылкѣ и изданіе болѣе стро-

гихъ уголовныхъ законовъ. Мы уже ранѣе упоминали о томъ, что это возстаніе послужило ободреніемъ для инсургентовъ баденскихъ и пфальцскихъ; но его быстрое подавленіе ускорило пораженіе и нѣмецкихъ революціонеровъ. Съ тѣхъ поръ внутреннее спокойствіе ничѣмъ не нарушалось во французской республикѣ; оно не было нарушено даже тогда, когда столичная полиція приказала срубить такъ называемыя «деревья свободы», посаженные во время революціи. Соціалисты убѣдились на опытѣ, что возстаніями съ оружіемъ въ рукахъ они подвергнутъ себя новымъ пораженіямъ и ослабятъ свою партію; въ то-же время они были увѣрены, что ихъ принципы пріобрѣтаютъ все болѣе многочисленныхъ послѣдователей; поэтому они покуда отказались отъ революціонныхъ попытокъ въ надеждѣ, что мало по малу достигнутъ своей цѣли законнымъ путемъ съ помощью всеобщей подачи голосовъ. Во время каждаго выборовъ они дѣлали смотръ своимъ боевымъ силамъ и почти повсюду находили увеличеніе числа своихъ приверженцевъ. Вѣдь они оказались достаточно сильными для того, чтобъ на происходившихъ въ мартѣ 1850 дополнительныхъ столичныхъ выборахъ набрать большинство голосовъ въ пользу трехъ соціал-демократовъ и въ томъ числѣ безнравственнаго романиста Ёжена Сю.

Янв. 1850.

Въ виду этихъ фактовъ, національное собраніе, находившееся такъ-же, какъ и при Луи-Филиппѣ, подъ предсѣдательствомъ Дюна, рѣшилось воздвигнуть болѣе крѣпкія преграды противъ революціонныхъ стремленій. Оно издало новый избирательный законъ, значительно ограничивавшій всеобщую подачу голосовъ и предоставлявшій право участія въ выборахъ только тѣмъ лицамъ, которыя въ теченіе трехъ лѣтъ постоянно жили въ избирательномъ округѣ; оно постаралось удержать печать отъ преувеличеній, увеличивши размѣръ залоговъ, гербовыхъ пошлинъ и денежныхъ штрафовъ, и потребовало, чтобъ всѣ статьи политическаго, религіознаго и философскаго содержанія были подписаны именами ихъ авторовъ. За цѣль этихъ мѣръ выдавалось намѣреніе нравственно улучшить печать. Въ виду того, что соціалистическія стремленія поддерживались главнымъ образомъ наставниками юношества, національное собраніе уже ранѣе составило проектъ новаго закона, отнимавшаго у университета высшій надзоръ за школьнымъ преподаваніемъ и раздѣлявшаго этотъ надзоръ между правительствомъ и духовенствомъ. Такимъ образомъ, подъ знаменемъ «свободы преподаванія», школы въ сущности поступили въ вѣдѣніе духовенства. Духовнымъ обществамъ было предоставлено право заводить свободныя школы и было отмѣнено требованіе отъ преподавателей въ школахъ втораго разряда свидѣтельствъ объ ихъ образованіи. Вслѣдствіе этого закона, школы стали все чаще поступать въ вѣдѣніе духовенства и въ нихъ стало совершенно устраняться вліяніе правительства и общинъ. Во время оживленныхъ преній о содержаніи этого закона, поборникъ либерализма Тьеръ дѣйствовалъ заодно

Національное
собраніе и пре-
зидентъ рес-
публики.
31 мая.

съ представителемъ ультрамонтанизма Монталамберомъ. Когда дѣло шло о поддержаніи общественнаго порядка, исчезало разномысліе политическихъ партій. Даже французская экспедиція противъ Рима была предпринята по распоряженію министра иностранныхъ дѣлъ Токвиля, такъ сильно восхищавшагося американской демократіей и постоянно отстаивавшаго принципы парламентаризма. Денежная нужда и долги принудили президента республики обратиться къ національному собранію съ просьбой объ увеличеніи его содержанія. Но собраніе назначило ему лишь добавочное содержаніе на одинъ годъ и этимъ усилило уже давно возникшій разладъ между двумя правительственными властями. Въ виду попытокъ президента республики выйти изъ предѣловъ предоставленной ему власти, національное собраніе относилось къ нему съ недовѣріемъ и старалось противодѣйствовать его замысламъ. Между парламентомъ и Елисейскимъ дворцомъ велась непрерывная борьба. Но національное собраніе утратило довѣріе и уваженіе націи тѣмъ, что постоянно все болѣе ограничивало народныя права и стѣсняло республиканскую свободу, а внутри его происходили непрерывныя раздоры, вызванныя династическими стремленіями и партійными происками. Поэтому большинство націи желало болѣе твердаго и прочнаго режима.

Несочувствіе и равнодушіе французскаго народа къ національному собранію оказались выгодными для президента республики. Онъ неоднократно мѣнялъ своихъ министровъ, чтобъ окружать себя людьми, болѣе услужливыми, чѣмъ Одилонъ Барро и его политическіе единомышленники, и всячески старался внушать всѣмъ политическимъ партіямъ сочувствіе къ своей особѣ, къ своему имени, къ своимъ принципамъ. Чтобъ снять съ римской экспедиціи реакціонный отпечатокъ, онъ въ письмѣ къ своему адъютанту Эдгару Нею, состоявшему при римской арміи, высказалъ желаніе, чтобъ возстановленіе папскаго владычества сопровождалось введеніемъ либеральныхъ реформъ и обнародованіемъ амнистіи; большая часть революціонеровъ, сосланныхъ послѣ іюньскаго возстанія 1848 года, была имъ помилована и получила дозволеніе возвратиться во Францію.

Поѣздки Орлеанистовъ въ Кларемонъ по случаю смерти Луи-Филиппа и поѣздки легитимистовъ въ Висбаденъ къ графу Шамбору съ цѣлію уладить сліяніе двухъ линій королевскаго дома внушали Луи-Наполеону тревожныя опасенія, но съ другой стороны внушали ему убѣжденіе, что въ средѣ зажиточныхъ и консервативныхъ классовъ населенія усиливается склонность къ монархическому режиму изъ страха соціалъ-демократіи, и что возстановленіе имперіи не встрѣтитъ непреодолимаго сопротивленія. Этой цѣлію онъ и сталъ руководствоваться во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Чтобъ раздуть «священное пламя» бонапартизма, онъ дѣлалъ на Саторійской равнинѣ военные смотры, при чемъ солдаты щедро угощались и уже раздавался

зловѣщій возгласъ: Да здравствуетъ императоръ! Онъ всячески старался снискать преданность арміи и замѣнилъ надежнымъ человѣкомъ прежняго главнокомандующаго, генерала Шангарнье, который хотѣлъ дѣйствовать самостоятельно и былъ преданъ національному собранію; онъ замѣщалъ своими приверженцами должности префектовъ; во время своихъ неоднократныхъ поѣздокъ во внутреннія провинціи онъ умѣлъ располагать къ себѣ городскія власти и пріобрѣтать сочувствіе народныхъ массъ своею щедростью и готовностью милловать осужденныхъ. При этомъ онъ пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобъ выдавать себя за ревностнаго охранителя народнаго благосостоянія и народныхъ правъ, — чтобъ приписывать упорству законодательнаго собранія недостатки своей системы управленія и пробуждать еще не совершенно заглухнувшія воспоминанія о Наполеоновской имперіи. Этими средствами Луи Наполеонъ расчищалъ для себя путь къ единовластію. Прежде всего онъ попытался склонить законодательное собраніе къ такому измѣненію конституціи, которое сдѣлало-бы возможнымъ вторичное избраніе президента республики послѣ истеченія четырехъ-лѣтняго срока. Но за сдѣланное въ этомъ смыслѣ предложеніе не было подано необходимаго числа трехъ четвертей голосовъ. И отказъ раздѣлявшагося на множество партій, національнаго собранія одобрить предложеніе министерства о пересмотрѣ конституціи, и неутвержденіе правительственнаго предложенія возстановить всеобщее право подачи голосовъ, и сдѣланное къ этому предложенію предоставить предсѣдателю національнаго собранія право распоряжаться военными силами для охраны безопасности этого собранія, — все это ускорило исполненіе давно задуманнаго и подготовленнаго предпріятія. Рѣшившись не выпускать изъ своихъ рукъ доставшуюся ему власть, хотя бы для этого пришлось нарушить присягу конституціи, Луи-Наполеонъ осмѣлился сдѣлать то-же, что было сдѣлано его дядей 18 брюмера 1799 (XIV, 80 и сл.): 2 декабря, въ годовщину коронованія императора Наполеона и аустерлицкой битвы онъ съ помощью преданной ему арміи избавился, посредствомъ государственнаго переворота, отъ національнаго собранія и захватилъ въ свои руки верховную власть. Орудіями для совершенія этого переворота служили честолюбивые и отважные люди, не стѣснявшіеся требованіями долга и совѣсти — военный министръ Сентъ-Арно и его боевой товарищъ Флѣри, считавшійся побочнымъ братомъ Луи-Наполеона, Морин, министръ полиціи Мопи и генералъ Маньянъ. Всѣхъ болѣе содѣйствовалъ успѣху переворота Сентъ-Арно, дешево пріобрѣтшій въ Алжирѣ военную славу и пользовавшійся довѣріемъ арміи. Посредствомъ перемѣнъ въ личномъ составѣ начальниковъ національной гвардіи удалось обречь ее на бездѣйствіе во время кризиса. Самые вліятельные изъ членовъ парламента, въ томъ числѣ генералы Шангарнье, Ламорисьеръ, Кавеньякъ, Бедо, храбрый пол-

ковникъ Шаррасъ, государственные дѣятели Тьеръ, Дювержье-де-Гораннъ, поэтъ Викторъ Гюго, республиканцы Лагранжъ и Распаль были арестованы въ ночь съ 1 на 2 декабря и послѣ временнаго тюремнаго заключенія были большею частію высланы изъ государства, одни навсегда, другіе на неопредѣленное время. Нѣсколько группъ народныхъ представителей попытались собраться въ Бурбонскомъ дворцѣ и въ другихъ мѣстахъ, но были разогнаны полиціей и войсками. Ихъ протесты остались безуспѣшными. Даже человекъ двѣсти депутатовъ, собравшихся въ мэріи десятого округа, къ которому принадлежало Сентъ-Антуанское предмѣстіе, не могли измѣнить положеніе дѣлъ. Хотя нѣкоторые изъ выдающихся членовъ парламента—Брольи, Беррье, Одилонъ Барро—и объявили, что президентъ республики лишился своего званія и что исполнительная власть переходитъ, по закону, къ національному собранію, но ихъ заявленіе не имѣло серьезныхъ послѣдствій. Правда и въ Парижѣ, и въ Ліонѣ и во многихъ другихъ городахъ, насиліе, совершенное надъ народными представителями, вызвало возстанія и борьбу на баррикадахъ, потому что республиканцы и социалисты взяли за оружіе для охраны республиканскихъ учрежденій не столько изъ преданности къ національному собранію, сколько въ виду невозможности достигнуть господства во время новыхъ выборовъ президента республики; но послѣ нѣсколькихъ дней кровопролитной уличной борьбы возстанія были подавлены преданными новому властелину войсками, а зачинщики и руководители возстаній были арестованы, преданы суду и отправлены въ ссылку. Члены политической оппозиціи, какъ-бы ни были несходны ихъ убѣжденія, сотнями отводились въ тюрьмы и въ казематы; тысячи людей были отправлены въ Кайенну. То, что рассказываетъ историкъ Делоръ о страданіяхъ и объ участи ссыльныхъ, оправдываетъ его мнѣніе, что государственный переворотъ 2 декабря сопровождался самыми ужасными проскрипціями, какія когда либо встрѣчались въ исторіи. Депутатъ Боденъ палъ на баррикадѣ въ Сентъ-Антуанскомъ предмѣстіи, размахивая печатнымъ экземпляромъ конституціи, какъ оружіемъ; въ послѣдствіи французскій народъ превозносилъ его, какъ бойца за свободу.

Возстановле-
ніе Наполео-
новскаго ре-
жима.

Въ то время, какъ совершался государственный переворотъ, Луи-Наполеонъ издалъ отъ имени французской націи декретъ, которымъ распускалъ національное собраніе, возстановлялъ всеобщую подачу голосовъ, вводилъ въ Парижъ и въ сосѣднихъ департаментахъ осадное положеніе и созывалъ французскій народъ на сходки для подачи голосовъ касательно новаго государственнаго устройства. Въ оправданіе этихъ мѣръ онъ обнародовалъ манифестъ, въ которомъ говорилъ, что національное собраніе мѣшало президенту республики пользоваться для блага Франціи предоставленною ему народомъ властію,—что вмѣсто упроченія порядка оно занималось происками и

заговорами и ковало оружіе для междоусобной войны. За тѣмъ было приступлено къ народному голосованію и громадное большинство слишкомъ семи милліоновъ противъ 640,000 голосовъ высказалось 20. 21 дек. 1851. за проектъ новаго государственнаго устройства, который былъ подражаніемъ Наполеоновской консульской конституціи VIII года и былъ составленъ при содѣйствіи «совѣщательной коммисіи», замѣнявшей народное представительство. На основаніи этой конституціи, Луи-Наполеонъ оставался президентомъ республики еще на десять лѣтъ, 14 янв. 1852. но съ широкими правами монарха; законодательная власть—точно такъ-же, какъ во времена консульства и имперіи—была предоставлена сенату и законодательному корпусу съ яснымъ установленіемъ границъ сферы ихъ дѣятельности. Изготовление законопроектовъ было возложено на государственный совѣтъ. Члены сената и государственнаго совѣта назначались президентомъ республики, а впоследствии императоромъ. Не смотря на то, что государственный совѣтъ былъ только совѣщательнымъ собраніемъ, онъ достигъ большого вліянія, между тѣмъ какъ дѣятельность законодательнаго собранія была стѣснена и ослаблена. Луи-Наполеонъ сдѣлался повелителемъ Франціи; и иностранные дипломаты и церковные сановники торопились обратиться къ нему съ поздравленіями и съ выраженіями своего высокаго уваженія. Даже папа съ радостью въ сердцѣ благословилъ виновника этихъ счастливыхъ событій. Строгій законъ о печати и чрезвычайно строгій полицейскій надзоръ держали въ уздѣ ежедневныя газеты, а благодаря стѣсненіямъ свободы выборовъ и сходокъ результаты выборовъ въ законодательное собраніе всегда были благопріятны для бонапартистовъ. Торжественная раздача войскамъ знаменъ съ орлами всѣми считалась за предвѣстницу имперіи, а за границей кромѣ того считалась за воинственную демонстрацію; и замѣна всѣхъ политическихъ праздниковъ днемъ рожденія Наполеона (15 августа) предвѣщала скорое возстановленіе имперіи. Эта мнимая республика съ президентомъ, выбраннымъ на десять лѣтъ и получавшимъ ежегодное содержаніе въ двѣнадцать милліоновъ франковъ, не могла долго существовать. Уже при открытіи законодательнаго собранія можно было заключить изъ словъ принца—президента, что племянникъ рѣшился во всемъ слѣдовать примѣру своего дяди. Я беру за образецъ консульство и имперію,—сказалъ онъ,—потому что въ ихъ политикѣ усматриваю отпечатокъ національности и величія. Восторженный пріемъ, оказанный ему во время его лѣтней поѣздки во всѣхъ городахъ и провинціяхъ, считался имъ за доказательство того, что большинство націи считаетъ Наполеоновскую имперію самой блестящей эпохой во французской исторіи. Искусственно устроенная подача безчисленныхъ адресовъ, требовавшихъ возстановленія имперіи, доставила принцу—президенту поводъ созвать сенатъ для того, чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о необходимости измѣнить форму правле-

18 февр.

29 февр.

29 марта.

нія. На основаніи почти единогласнаго сенатскаго постановленія, 7 ноябрю 1852. народному голосованію былъ подвергнутъ вопросъ о возстановленіи наслѣдственнаго императорскаго званія въ лицѣ Луи-Наполеона Бонапарты. За имперію было подано громадное большинство голосовъ. 21. 22 ноября. 2 дек. Такимъ образомъ, ровно чрезъ годъ послѣ государственнаго переворота была возстановлена имперія. Въ одинъ изъ пасмурныхъ зимнихъ дней члены сената и законодательнаго корпуса отправились въ Сень-Клу въ длинной веренищѣ освѣщенныхъ фонарями каретъ для того, чтобъ сообщить жившему тамъ принцу-президенту результатъ народнаго голосованія. На ихъ поздравленія онъ отвѣчалъ очень обдуманной рѣчью, въ которой объявилъ, что принимаетъ титулъ Наполеона III, императора Французовъ Милостію Божіею и по волѣ націи, однако не желая предавать забвенію факты историческаго прошлаго. За тѣмъ онъ совершилъ свой торжественный въѣздъ въ Тюльерійскій дворецъ.

Сочувствіе на- Французскій народъ до такой степени утратилъ умственную энер-
рода къ новой гію и физически ослабъ отъ непрерывныхъ революціонныхъ бурь,
имперія. что безъ сопротивленія подчинился властелину, который обѣщалъ ввести болѣе прочный порядокъ и охранять внутреннее спокойствіе, а строгими мѣрами противъ ежедневной печати и тщательнымъ полицейскимъ надзоромъ надъ всѣми сферами общественной и умственной жизни ясно обнаруживалъ свою рѣшимость возстановить желѣзный режимъ своего дяди только съ болѣе значительными уступками въ пользу католическаго духовенства. Назначеніе ежегоднаго содержанія въ двадцать пять милліоновъ франковъ было первымъ доказательствомъ готовности законодательнаго собранія угождать новому повелителю. Страхъ, который внушала партія «красныхъ», доставилъ императору доброжелателей и приверженцевъ даже въ той средѣ, гдѣ парламентская система правленія считалась настоящей основой гражданской свободы; но ему создало новыхъ враговъ

22 янв. 1852. возмутительное посягательство на частную собственность Орлеанскаго дома; многіе усмотрѣли чрезвычайно широкое практическое примѣненіе коммунистическихъ принциповъ въ приказаніи конфисковать и продать всѣ помѣстья и замки, которые Луи-Филиппъ когда-то не захотѣлъ предоставить въ пользу государства, въ нарушение и законовъ и обычая. Такимъ образомъ прекратилось существованіе французской республики; самый ревностный и самый честный изъ ея поборниковъ и безкорыстный другъ народа, Арманъ Маррасть сошелъ не задолго передъ тѣмъ въ могилу отъ скорби о крушеніи своихъ надеждъ и стремленій. Черезъ пять лѣтъ послѣ того умеръ и самый честный, самый искренній республиканецъ, Кавеньякъ. Въ такой странѣ,—гдѣ уже давно ослабѣли узы семейныхъ привязанностей, гдѣ дѣятельность общинъ была до крайности стѣснена строгой централизаціей управленія, гдѣ конституція и законы не внушали народу глубокаго уваженія,—не было никакихъ твердыхъ основъ

10 марта 1852.

для республиканскихъ учреждений; поэтому, и республиканская конституція была лишь пустою формою безъ жизненной силы и безъ корней.

У Наполеона III было много панегиристовъ и еще болѣе порицателей. Нѣтъ возможности не признавать того факта, что онъ достигъ престола, нарушивши данную клятву, присвоилъ себѣ верховную власть посредствомъ преступнаго насильственного переворота, и не смотря на то, что онъ въ теченіе первыхъ лѣтъ своего царствованія старался управлять въ духѣ французской націи, ему никогда не могли простить того, что было сдѣлано 2 декабря 1851. Въ либеральныхъ и въ республиканскихъ кружкахъ долго раздавались отголоски памфлета *Napoleon le petit*, въ которомъ Викторъ Гюго ставилъ виновника переворота 2 декабря наряду съ самыми гнусными тиранами, разбойниками и врагами человѣчества и называлъ соучастниками въ его преступленіи народъ, который будетъ повиноваться ему, судей и должностныхъ лицъ, которые стали-бы помогать ему. Дядя имѣлъ 18 брюмера на своей сторонѣ, хотя нѣкоторую часть національнаго собранія, которая одобряла и поддерживала его предпріятіе, а племянникъ низвергнулъ все народное представительство, всѣ законныя власти, отправилъ въ тюрьмы и въ изгнаніе самыхъ даровитыхъ политическихъ дѣятелей и военачальниковъ, закрылъ высшій трибуналъ, признавшій его виновнымъ въ государственной измѣнѣ, и дозволилъ пьяной солдатчинѣ безнаказанно совершать грабежи и убійства. Онъ достигъ той цѣли, къ которой стремился въ теченіе всей своей жизни съ самоувѣренностью фаталиста. Мы уже ранѣе упоминали о томъ, что онъ съ юношескаго возраста считалъ себя наслѣдникомъ Наполеоновскихъ традицій, что подстрекаемый честолюбіемъ, которое возбуждала въ немъ его мать, онъ даже живя изгнанникомъ на чужбинѣ мечталъ о своемъ будущемъ могуществѣ, что даже во время своего заключенія въ Гамской тюрьмѣ онъ хранилъ въ своемъ сердцѣ «Наполеоновскія идеи». А въ чемъ-же заключалась сущность этихъ идей? Въ утвержденіи, которое было высказано Наполеономъ на островѣ Св. Елены, что при своемъ абсолютизмѣ и военномъ владычествѣ онъ имѣлъ въ виду только одну цѣль— создать въ Европѣ демократическое равенство и новый международный союзъ. Такимъ-же желаніемъ горѣлъ и сынъ Гортензій; онъ сталъ во всемъ слѣдовать примѣру своего дяди только потому, что вѣрилъ въ цѣлесообразность избранныхъ имъ средствъ и путей. И для перваго и для третьяго Наполеона благосостояніе Франціи было предметомъ второстепенной важности; оба они желали съ помощью націи достигнуть всемірнаго владычества и удовлетворить свое ненасытное честолюбіе. Первый даже вовсе не имѣлъ французской крови въ своихъ жилахъ, а второй имѣлъ ее только отъ матери. Поэтому ни тотъ ни другой не-

Характеръ и историческое значеніе Наполеона III.

могъ вполнѣ понимать и раздѣлять мысли и чувства націи. Даже чертами своего лица и своей фигурой эти итальянскіе властелины отличались отъ своихъ французскихъ подданныхъ. 2-ое декабря было, подобно 18-му брюмера, началомъ новой эры въ исторіи Франціи. И въ 1851 году, точно такъ-же какъ въ 1799, революція пережила сама себя; поэтому, развѣ могъ долѣе существовать республиканскій режимъ, который возникъ изъ нѣдръ этой революціи, носилъ на себѣ внѣшніе признаки своего внутренняго разложенія и по причинѣ заключавшихся въ немъ непримиримыхъ противорѣчій не былъ способенъ ни къ какой плодотворной дѣятельности? Послѣ того, какъ во всей Европѣ прекратились революціонныя волненія, а вмѣстѣ съ ними и стремленія къ социаль-демократическимъ республиканскимъ учрежденіямъ, развѣ одна Франція должна была упорно держаться такой формы правленія, которая уже не соотвѣтствовала духу времени? И развѣ можно было принести въ жертву проіскамъ роялистовъ всѣ благотворные плоды и всѣ принципы революціи? Вотъ почему и въ то время, точно такъ-же какъ за пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, разваливавшійся республиканскій парламентскій режимъ уступилъ свое мѣсто военно-политическому абсолютизму, который обѣщалъ внутри страны спокойствіе и благосостояніе, внѣ ея—славу и вліяніе, и который взялъ за основу для демократическаго имперіализма принципы революціи 1789 года. Третій Наполеонъ не имѣлъ геніальности и творческой энергіи перваго, въ особенности не имѣлъ его военныхъ дарованій; однако и онъ былъ человѣкъ недюжинный, твердо вѣровавшій въ основательность Наполеоновской идеи и послѣдовательно стремившійся къ ея практическому осуществленію. И въ немъ были замѣтны проблески той таинственной магической силы, которая заставляла людей преклоняться передъ его дѣйемъ; и въ его скрытной натурѣ, отзывавшейся частію коварствомъ, частію мечтательностью, было нѣчто въ родѣ той демонической силы, которая привлекаетъ къ себѣ народныя массы, безсознательно поддающіяся внушеніямъ своего сердца и своей фантазіи.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ такъ резюмируетъ сущность Наполеоновскихъ идей, которыми старался руководствоваться императоръ въ дѣлахъ внутренняго управленія: Наполеонъ III оправдывалъ императорскій абсолютизмъ тѣмъ, что во французскомъ обществѣ преобладаютъ демократическія воззрѣнія, что оно дѣлится на сильно враждующія между собою партіи, что ему незнакома политическая нравственность и что оно не питаетъ уваженія ни къ чьему авторитету. Отсюда онъ дѣлалъ два вывода,—что правительство должно быть вполнѣ демократическимъ и что оно должно быть безусловно сильнымъ. Оно будетъ демократическимъ, если обезпечитъ равенство всѣхъ передъ закономъ, свободу труда и торговыхъ сношеній, если не будетъ признавать никакихъ наслѣдственныхъ привилегій, а политическіе выборы предоставитъ всеобщему народному голосо-

ванію. Оно будетъ сильнымъ, если сосредоточить политическую власть въ рукахъ одного представителя всей націи—императора, уменьшить права палатъ до скромныхъ размѣровъ и не дозволить политическимъ партіямъ и газетамъ вести между собою ожесточенную борьбу. Представителямъ церкви императоръ всячески оказывалъ почетъ и сильную поддержку, но не допускалъ ихъ вліянія на дѣла государственнаго управленія.

Для примѣненія такой системы Наполеону, нужны были новые Опоры новаго люди. Парламентскіе дѣятели временъ Луи-Филиппа и соціалистиче-правительства. скіе доктринеры временъ второй республики и не годились для такого дѣла и не захотѣли-бы посвящать ему свои силы. Правительственная власть не хотѣла выносить никакихъ стѣсненій ни со стороны народныхъ представителей, ни со стороны склоннымъ къ анархіи народныхъ массъ и честолюбивыхъ демагоговъ. Въмѣсто парламентскихъ знаменитостей, изъ которыхъ многія были принуждены жить во времена имперіи внѣ своего отечества, теперь выступили на сцену соучастники государственнаго переворота, потомки людей, прославившихся при первомъ императорѣ, и начальники арміи, считавшіе Наполеона III наслѣдственнымъ представителемъ старыхъ традицій, способнымъ возстановить военную славу Франціи. Между тѣмъ людьми, которые стали теперь пользоваться довѣріемъ императора, занималъ блестящее мѣсто,—на ряду съ вышеупомянутыми участниками въ государственномъ переворотѣ Сентъ-Арно и Морни,—Жанъ Жильб. Викт. Фіалень (1808—1872), получившій титулъ виконта де-Персиньи, державшій сторону Наполеона еще во время попытокъ бонапартистскихъ возстаній въ Страсбургѣ и въ Булони и въ теченіе всей своей жизни стремившійся къ возстановленію имперіи; также пользовались довѣріемъ новаго императора публицисты и писатели Адольфъ и Поль Гранье, отецъ и сынъ, носившіе по мѣсту своего рожденія фамилію Гранье де-Кассаньякъ. Быть можетъ, и маршалъ Бюжо, поступившій въ число членовъ національнаго собранія вслѣдствіе дополнительныхъ выборовъ, сталъ-бы поддерживать новую систему; но онъ умеръ 10 іюня 1849 отъ холеры.

Государственный переворотъ 2 декабря былъ послѣдней важной побѣдой монархическаго единовластія надъ конституціоннымъ парламентскимъ режимомъ. Съ тѣхъ поръ то, что было плодомъ упор-ной борьбы и тяжелыхъ усилій, нерѣдко снова разрушалось, а то, что считалось отжившимъ и навсегда похороненнымъ, снова пріобрѣтало жизненные силы. Во Франціи, точно такъ-же, какъ въ большинствѣ государствъ европейскаго материка, снова было принято въ руководство то основное правило, которое когда-то внушалъ римскій императоръ Септимій Северъ своему сыну Каракаллѣ,—оказывать почетъ и покровительство лицамъ военнаго званія, а все остальное считать ни во-что. Католическая іерархія, старавшаяся недопускать свободного полета мыслей и подчинять умы церковному

Заключитель-
ныя замѣчанія
о революціон-
ной эпохѣ.

надзору, устраивала заключеніе конкордатовъ, благодаря которымъ духовенство подчиняло народъ своему владычеству, епископы руководили дѣятельностью должностныхъ лицъ, а царствующія особы относились къ папѣ какъ къ монарху, или даже какъ къ своему руководителю; ортодоксалы евангелической протестантской церкви дѣлали изъ священныхъ книгъ оплотъ противъ свободныхъ научныхъ изслѣдованій. Пользуясь благопріятнымъ для реакціи настроеніемъ умовъ, дворянство стало возстановлять свои расшатанныя права, возставать противъ равенства всѣхъ гражданъ передъ закономъ и дѣлать изъ старыхъ сословныхъ привилегій плотину противъ стремленій къ прогрессу. Тогда не мало сладкихъ мечтаній превратились въ недозрѣлые плоды, не мало дорогихъ надеждъ оказались неосуществимыми; тысячи людей, недовольныхъ настоящимъ и не ожидавшихъ ничего хорошаго въ будущемъ, стали покидать свое отечество, чтобъ искать давно желанныхъ благъ въ Новомъ Свѣтѣ. Но не смотря на такой упадокъ духомъ, стала мало по малу снова возникать радостная увѣренность, что никакой полезный плодъ, никакая вѣрная идея, созрѣвшія на здоровой почвѣ, не могутъ быть утрачены для человѣчества, и что ни одинъ полный жизненныхъ силъ народъ не позволитъ навсегда отнять у себя то, что пріобрѣлъ тяжелыми усиліями. «Не будемъ приходить въ отчаяніе»,—писалъ Арндтъ,—«время укажетъ и проложитъ нашему отечеству дорогу сквозь всѣ воздвигаемая дипломатіей колючія преграды, не смотря ни на какія угрозы мученической смерти». Никакая человѣческая мудрость не выдержала испытанія въ то бурное время; поэтому народъ сталъ снова возноситься умомъ къ Богу и искать помощи, утѣшенія и успокоенія у престола Всемогущаго. Умы, которые въ теченіе предшествовавшихъ лѣтъ были заняты преимущественно политикой, снова обратили свое вниманіе на научные и художественные интересы и стали съ усиленнымъ рвеніемъ воздѣлывать почву идей и фантазіи. Поэтому и для насъ, какъ кажется, настало время воспользоваться наспувившей послѣ революціонныхъ бурь пріостановкой въ ходѣ политическихъ событій для того, чтобъ сдѣлать обзоръ успѣховъ, достигнутыхъ въ новое время въ области наукъ, искусства и литературы.

С. Культура и умственная жизнь, преимущественно въ Германіи.

Литературныя пособія. Къ сочиненіямъ, которыя указаны въ XIV томѣ на стр. 900 и сл. и между которыми особенно замѣчательно сочиненіе Адольфа Стерна, слѣдуетъ присовокупить: *L. Salomon, Gesch. der deutschen Nationallitteratur des neunzehnten Jahrh.* Штутгартъ 1887; *Ed. Engel, Gesch. der franz. u. Gesch. der engl. Litteratur* (съ дополнительной статьей о сѣве-

ро-американской литературѣ); *Sauer*, Gesch. der ital. Litteratur; *Schweizer*, Gesch. der scandinav. Litteratur; *Schwicker*, Gesch. der ungar. Litteratur. — Журнальные статьи (*Brandes*, *Moderne Geister*; *Krauss*, *A. Rosmini* въ *Deutsche Rundschau*, въ *Revue des deux mondes* и др.); очерки и статьи Карла *Гиллебранда*. *Histoire de la litterature contemporaine*, въ которую входятъ: *Hubbard*, *Hist. de la litt. cont. en Espagne*. Par. 1876; *Roux*, *Hist. de la litt. cont. en Italie*. Par. 1874. *Brinkmeier*, *Nationallitt. der Span. seit dem Anf. des neunzehnten Jahrh.* Gott. 1850; *Ch. L. Chassin*, *Al. Petöcfi*. Par. 1860; *Sturzenbecher*, *Die neuere schwedische Litteratur*. Leipzig 1850; *Strodtmann*, *Das geistige Leben in Dänemark* Berlin 1873.

I. Нѣмецкая поэтическая литература послѣ Гёте.

1. Отношенія литературы къ духу времени.

Литература и въ особенности поэзія неизбѣжно подчиняются влія- Литература и
нію господствующихъ въ данное время идей, и чѣмъ рѣшительнѣе духъ времени.
онѣ опираются на эти идеи, тѣмъ сильнѣе бываетъ впечатлѣніе,
которое онѣ производятъ на современниковъ. Поэтому всѣ литера-
турныя произведенія, въ особенности произведенія лирическихъ по-
этовъ, неизбѣжно носятъ на себѣ отпечатокъ своего времени и сдѣ-
лаются для насъ вполне понятными только при томъ условіи, чтобъ
мы смотрѣли на нихъ глазами современниковъ. Такъ напр. для сред-
невѣковой поэзіи служили сюжетами подвиги рыцарей и любовныя
приключенія; въ вѣкъ реформаци и въ слѣдующемъ періодѣ писа-
тели находились подъ вліяніемъ религіи и церкви; а тотъ фактъ,
что классическая эпоха нѣмецкой литературы не имѣла такого же
средоточія, объясняется главнымъ образомъ отсутствіемъ великихъ
событій и повсюду воцарившихся идей; этотъ недостатокъ Нѣмцы
старались восполнить разнообразными произведеніями въ области
фантазіи, мышленія и науки. Все это измѣнилось, когда француз-
ская революція и военное владычество Наполеона стали проливать
кровь, изглаживая воспоминанія о прежней пріятной спокойной жизни
и о ея устарѣлыхъ формахъ. Европейскія націи и въ особенности
нѣмецкая были принуждены отказаться отъ своего обычнаго образа
жизни и принять участіе въ великихъ всемірно-историческихъ собы-
тіяхъ. Свобода и политика выдвинулись на передній планъ, а борь-
ба, которая сначала велась съ внѣшнимъ врагомъ, перешла послѣ
одержанной побѣды въ борьбу мнѣній между внутренними полити-
ческими партіями. Эпоха Священнаго Союза, обѣщавшаго европей-
скимъ народамъ возстановить, вмѣстѣ съ внутреннимъ спокойствіемъ,
старые порядки въ церкви, въ государствѣ и въ общественной жизни,
несоздала въ нѣмецкой литературѣ періода довольства и примире-

нія: напротивъ того, какъ въ политикѣ, такъ и во всѣхъ сферахъ общественной жизни, умы расходились въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ; тогда и въ поэзіи и во всѣхъ литературныхъ произведеніяхъ стала обнаруживаться небывалая въ старыя времена, партійная вражда. И въ этой сферѣ стали замѣтны два противоположныхъ направленія—аристократически-консервативное и либерально-національное, стремившееся къ реформамъ. Романтики вступили въ союзъ съ аристократами и съ правительствами, считали литературу исключительнымъ достояніемъ людей знатныхъ и образованныхъ и старались противодѣйствовать вызванному революціей, демократическимъ стремленіямъ, снова внося въ жизнь средневѣковое благочестіе, поэзію, искусство и міровоззрѣніе. Въ ихъ рукахъ поэзія получила исключительно-аристократическій отпечатокъ; съ одной стороны это принесло ей пользу въ томъ отношеніи, что облагородило ее и не позволило ей опошлиться; съ другой стороны это привело къ тому, что большая часть націи стала чуждаться ея цѣлей и стала интересоваться только произведеніями тѣхъ поэтовъ, которые брали свои сюжеты изъ дѣйствительной жизни и выражали свое сочувствіе народнымъ чувствамъ и влеченіямъ.

Направленія:
аристократи-
чески-роман-
тическое и
либеральное.

Поэты прогресса и будущаго находились въ менѣе завидномъ положеніи, чѣмъ панегиристы прошлаго и реакціи. Между тѣмъ какъ романтики пользовались милостивымъ расположеніемъ монарховъ и знати, наслаждались всѣми житейскими удовольствіями, а восхваляя средневѣковые нравы и волшебную отчизну всякихъ искусствъ — Италію, теряли изъ виду тяжелую борьбу и страданія своихъ соотечественниковъ, напротивъ того пѣвцы свободы, требовавшіе исполненія данныхъ народу обѣщаній, подвергались униженіямъ и преслѣдованіямъ. Поэтому нисколько не удивительно, что многіе изъ тѣхъ, которые сначала вступались за свободу и за прогрессъ, скоро измѣнили свой образъ мыслей и, подобно Гёрресу (стр. 45), перешли въ противоположный лагерь, гдѣ могли ожидать болѣе щедрой награды. Лишь немногіе устояли противъ соблазна и не переставали оскорблять своими либеральными произведеніями слухъ панегиристовъ консерватизма. Въ числѣ ихъ находился Лудвигъ Уландъ, небывшійся возвышать свой звучный голосъ въ то печальное время; и Морицъ Арндтъ не утрачивалъ увѣренности, что рано или поздно состоится объединеніе Германіи, не смотря на то, что его подвергали судебнымъ преслѣдованіямъ и уволили^{пс} отъ_н должности. Политическимъ либерализмомъ отличался и графъ Августъ Платенъ-Галлермундъ

Платенъ.
1796—1835.

(XIV, 918), —даровитый лирический поэтъ (Газели, пѣсни, оды, сонеты), писавшій также сатирическія комедіи, небезуспѣшно пробовавшій свои силы въ эпосъ («Аббасиды»), и покинувшій свое отечество подъ вліяніемъ томившей его, міровой скорби. Произведенія этихъ писателей были, на ряду съ произведеніями Шиллера и Кёр-

нера, любимымъ чтеніемъ нѣмецкаго народа, а всѣ старанія романтиковъ и ихъ позднѣйшихъ послѣдователей замѣнить этихъ пѣвцовъ свободы, издавая поэтическія произведенія съ вѣропопдающей окраской и въ аристократическомъ вкусѣ, оставались безуспѣшными,—не смотря на то, что въ числѣ послѣдователей романтизма находились такія особы, какъ король Лудвигъ Баварскій и принцъ Іоаннъ Саксонскій, и такіе высокопоставленные государственные люди, какъ баварскій министръ Шенкъ и австрійскій баронъ Мюнхъ-Беллинггаузенъ (Фридрихъ Гальмъ). Чѣмъ болѣе старались романтики съ аристократическимъ высокомеріемъ унижать заслуги Шиллера, тѣмъ сильнѣе укрѣплялось въ сердцахъ народа сочувствіе къ этому поэту. Идеи свободы, патріотизма и человѣческаго достоинства, которыя высказывались Шиллеромъ съ такимъ горячимъ воодушевленіемъ, укрѣпляли въ сердцахъ возвышенныя чувства, между тѣмъ какъ народъ относился равнодушно къ стараніямъ романтиковъ превозносить прошлое время, окончательно исчезнувшее рыцарство, искусственную религію, которая уже не могла быть возстановлена; онъ даже предпочиталъ либеральную задумчивость Шиллеровской поэзіи художественной отдѣлкѣ произведеній Гёте.

Любитель искусствъ, король Баварскій Лудвигъ, о вліяніи котораго на развитіе художественной дѣятельности въ Германіи мы будемъ говорить въ одной изъ слѣдующихъ главъ, оставилъ намъ три тома лирическихъ стихотвореній и написанныя своеобразнымъ нѣмецкимъ слогомъ *Walhallagenossen*—коротенькія біографіи тѣхъ знаменитыхъ людей, бюсты которыхъ онъ поставилъ въ великолѣпномъ пантеонѣ (валгаллѣ), построенномъ неподалеку отъ Регенсбурга. Тривиальностью своихъ произведеній этотъ коронованный покровитель искусствъ навлекъ на себя не мало насмѣшекъ.—Принцъ Саксонскій Іоаннъ (съ 1854 года король Саксонскій), одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей знатнаго происхожденія, занимался преимущественно изученіемъ итальянской литературы. Объ обширности и глубинѣ пріобрѣтенныхъ имъ знаній свидѣлствуетъ изданный имъ, подъ именемъ Филалета, переводъ въ стихахъ „Божественной комедіи“ Данте съ критическими и историческими комментаріями. Его старшая сестра Амалія (1794—1870) пріобрѣла извѣстность въ литературномъ мірѣ (сначала подъ именемъ Амаліи Гейтеръ) изданіемъ нѣсколькихъ комедій (*Der Krönungstag; Die Fürstenbraut; Der Verlobungsring; Der. Pflegevater; Der Majoratserbe*). Умершій въ 1854 году, король Фридрихъ Августъ II также принадлежалъ къ числу литераторовъ: онъ писалъ сочиненія о ботаникѣ.—Эд. фонъ-Шенкъ, род. въ 1788 въ Дюссельдорфѣ, перешелъ въ 1817 въ католическую вѣру; въ 1828 г. былъ назначенъ баварскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, былъ виновникомъ изданія строгихъ цензурныхъ постановленій и былъ ревностнымъ приверженцемъ ультрамонтанизма. Между его лирическими и драматическими произведеніями (*Henriette von England; Kaiser Ludwigs Traum; Albrecht Dürer; Bethulia*) выдѣляется трагедія „Беллизарій“, въ которой есть нѣкоторыя удачныя подражанія Софоклову „Эдипу въ Колонѣ“; но ее осыпали такими похвалами, какихъ она не заслуживала. Съ 1834 года онъ издавалъ карманную книжку *Charitas*, въ которой помѣщалъ свои поэтическія произведенія.—Мюнхъ-Беллинггаузенъ, извѣст-

Лудвигъ Баварскій.

1786—1868.

Принцъ Іоаннъ Саксонскій.

1801—1873.

Шенкъ.

1788—1841.

Мюнхъ-Бел- пый какъ поэтъ подъ именемъ Фридриха Гальма, родился въ 1806 году въ линггаузенъ. Краковѣ. Его драма „Гризельда“, въ первый разъ поставленная на сценѣ 1806—1871. около 1834 года, имѣла такой успѣхъ, что на ея недостатки не было обращено почти никакого вниманія. Кромѣ „Гризельды“, вызвали одобреніе публики только его романтическая драма *Der Sohn der Wildnis* и патріотическая трагедія *Der Fechter von Ravenna* (на которую предъявлялъ авторскія права баварскій школьный учитель Францъ Бахертъ); напротивъ того, не высоко цѣнились его остальные лирическія и драматическія произведенія (*Der Adept*; *Wildfeuer*; *Sampiero*), его рассказы, напоминающіе Клейста (*Das Haus an der Veronabrücke*, *Marzipanliese*) и его передѣлки нѣкоторыхъ пьесъ Лопе-де-Веги и Шекспира. По примѣру Кальдерона, Гальмъ придавалъ драмѣ лирическій характеръ, нерѣдко переходившій у него въ сентиментальность. „Онъ былъ мастеромъ въ изображеніи лирическихъ душевныхъ настроеній; онъ умѣлъ ясно и живо характеризовать самыя разнообразныя душевныя влеченія, самыя глубокія чувства, самыя разнообразные фазисы духовной жизни“. По словамъ Юліана Шмидта, драмы Гальма были въ теченіе нѣкотораго времени любимыми пьесами нѣмецкой театральной публики, благодаря своему блестящему, хотя и не всегда правильному, образному языку, благодаря благозвучію стиховъ, риторическому пафосу и въ особенности пылкому поэтическому воодушевленію.

2. Бёрне и Гейне. «Молодая Германія».

Радикализмъ. Июльская революція поколебала господство аристократически-роман- въ литературѣ. тическихъ идей и въ государственной жизни и въ литературѣ; хотя правительствамъ и удалось почти повсюду отстоять или возстановить старые порядки въ сферѣ общественной жизни, но въ сферѣ литературной побѣда осталась за либерализмомъ: онъ съ каждымъ днемъ расширялъ свое господство и становился все болѣе смѣлымъ и не- воздержнымъ. Романтическая поэзія скоро стала считаться лишь за временное историческое явленіе: такъ какъ она совершенно теряла изъ виду народъ, то онъ имѣлъ полное право повернуть ей спину. Она была чѣмъ-то въ родѣ летучей «цвѣточной пыли», не оставившей послѣ себя прочныхъ слѣдовъ. Противъ весенняго дуновенія свѣжей жизненной энергіи не могли устоять искусственныя произведенія чистой фантазіи. Тѣмъ энергичнѣе выступала на сцену литература политической оппозиціи и демократизма; сначала она была умѣренной и сдержанной, но, поощряемая сочувствіемъ народа, недовольнаго господствомъ чиновничества и полицейской системой управленія, она стала мало по малу обнаруживать такую смѣлость, такую разрушительную энергію, что либерализмъ скоро превратился въ радикализмъ; угрожавшій существованію всѣхъ старыхъ церковныхъ и государственныхъ учреждений. Главными представителями этой разрушительной литературы были даровитые писатели еврейскаго происхожденія: за тѣ преслѣдованія, оскорбленія и униженія, которымъ такъ долго подвергался въ Германіи еврейскій народъ,

они старались отплатить чѣмъ, что осыпали смѣлыми насмѣшками и старались ниспровергнуть существующій режимъ и старые обычаи. Такъ какъ они были на своей родинѣ чужеземцами и по своей собственной и по чужой винѣ, то имъ было незнакомо чувство патріотизма; они не питали ни уваженія ни любви къ религіи и къ церкви, которыя всегда были для нихъ чужими; а развѣ могли они уважать тѣ общественныя учрежденія и обычаи, которые лишали ихъ равноправности съ остальнымъ населеніемъ? Въ ихъ сердцахъ религіозныя суевѣрія ихъ предковъ уступили мѣсто холодному философскому деизму и у нихъ не было никакихъ пріятныхъ юношескихъ воспоминаній объ ихъ общественномъ положеніи. Поэтому понятно, что еврейскіе писатели, руководствовавшіеся свойственнымъ ихъ расѣвлеченіемъ къ тому, что доставляетъ матеріальныя выгоды, и научившіеся принаравливаться къ духу времени, заняли передовое положеніе въ той отрасли литературы, которая имѣла цѣлію уничтоженіе существующихъ порядковъ. Лудвигъ Бёрне является и въ своихъ журналахъ (*Die Zeitschwingen*, *Die Wage*) и въ своихъ «Парижскихъ письмахъ» поборникомъ либерализма и демократическихъ принциповъ, отличавшимся не столько глубиною идей, сколько умѣньемъ владѣть нѣмецкимъ языкомъ, стилистическимъ талантомъ и критической прозорливостью; онъ былъ такимъ «воплощеніемъ соціального прогресса», для котораго политическія убѣжденія служатъ религіей. Его сочиненія, привлекательныя и по своему содержанію и по своей внѣшней формѣ, заключаются большею частію въ сатирическихъ и юмористическихъ отрывкахъ, потому что онъ не былъ способенъ къ такой умственной сосредоточенности, какая необходима для сочиненій болѣе обширнаго содержанія. Въ его сатирическихъ произведеніяхъ проглядываетъ раздражительность оскорбленнаго тщеславія и негодованіе на то, что ему не отдавали должной справедливости.—Чрезвычайно даровитый поэтъ Генрихъ Гейне умѣлъ привлекательно изображать въ своей лирикѣ всякія душевныя влеченія, перѣдко примѣшивая къ нимъ юморъ и иронию; со временъ Гёте онъ лучше всѣхъ умѣлъ дѣлать «языкъ природы отголоскомъ человеческого сердца»; но послѣ июльской революціи онъ помрачилъ своими беспощадными сатирами славу, которую ранѣе пріобрѣлъ своими *Reisebilder*, своей «Книгой пѣсенъ» и другими поэтическими произведеніями. Въ его стихотвореніяхъ отражались какъ въ зеркалѣ различныя пережитыя имъ направленія современныхъ умовъ: въ трагедіяхъ «Радклифъ» и «Альмансоръ»—романтическія вліянія его юности и отзывавшійся міровой скорью, скептицизмъ Байроновской поэзіи, въ *Reisebilder*—высокомѣріе и самоувѣренность новаго поколѣнія вмѣстѣ съ проническимъ и враждебнымъ отношеніемъ къ филистерству, къ предразсудкамъ и къ искаженіямъ истины. Онъ легкомысленно и высокомѣрно ко всему относился съ ироніей, отзы-

Бёрне.

1786—1837.

Гейне.

1799—1856.

вался съ пренебреженіемъ о христіанской религіи, ея догматахъ и мистеріяхъ, не уважалъ, — какъ это доказываетъ его книга о Бёрне, — ни дружбы ни искренней преданности, и осыпалъ своими насмѣшками безразлично и то, что возвышенно и свято, и то, что низко и пошло. Ядъ его сатирическихъ произведеній тѣмъ болѣе опасенъ, что прикрытъ привлекательной завѣсой, облеченъ въ картинную литературную форму и является въ сочетаніи съ нравившеюся разслабленнымъ современникамъ, чувствительностью и сентиментальностью. Искреннія чувства, мелодическія выраженія душевныхъ волненій нерѣдко искажаются у него проищескими выходками; на то, что изящно и возвышенно, нерѣдко набрасываются мрачныя краски. Изъ многочисленныхъ произведеній позднѣйшаго періода его литературной дѣятельности болѣе всѣхъ извѣстный «Салонъ», «Французскія дѣла» и «Новыя стихотворенія». Въ остроумномъ стихотвореніи «Германія, зимняя сказка» сатирическія изображенія нѣмецкихъ порядковъ соединяются съ описаніемъ поѣздки изъ Парижа въ Гамбургъ. Въ томъ-же родѣ стихотвореніе *Atta Troll*, которое самъ Гейне назвалъ послѣднею лѣсною пѣснью романтики и которое наполнено юмористическими намѣками на нѣмецкихъ бюргеровъ. Съ этимъ осмѣяніемъ нѣмецкаго филистерства соединялось сентиментальное восхваленіе перваго Наполеона и великой націи, которое было во вкусѣ тогдашняго космополитическаго радикализма (книга *Le Grand*). Гейне кончилъ жизнь отъ мучительной болѣзни, которую съ большимъ мужествомъ выносилъ въ теченіе восьми лѣтъ; въ то время онъ уже былъ почти совершенно позабытъ во Франціи, но въ Германіи его стали прославлять еще болѣе прежняго. По словамъ историка словесности Адольфа Стерна, его личность всегда будетъ служить подтвержденіемъ общаго правила, что чарующая даровитость и даже геніальность можетъ соединяться съ такими недостатками, которые должны значительно уменьшать признательность народа къ его безсмертнымъ поэтамъ. Гейне былъ «такою, покрытою туманомъ, звѣздою, которая любила окружать себя ядовитыми испареніями и то скрывала въ нихъ свои лучи, то побѣдоносно проникала этими лучами сквозь свою туманную оболочку».

Лудвигъ Бёрне (до своего перехода въ евангелическую вѣру въ 1817 Барухъ) родился 6 мая 1786 во Франкфуртѣ на М.; послѣ окончанія своихъ учебныхъ занятій онъ въ теченіе нѣкотораго времени занималъ въ своемъ родномъ городѣ должность полицейскаго актуаріуса; онъ былъ скоро уволенъ отъ этой должности и съ тѣхъ поръ сталъ заниматься публицистикой и свободной литературной дѣятельностью. Временное задержаніе подъ стражей и преданіе суду за распространеніе демагогическихъ брошюръ придали его сочиненіямъ особый интересъ. Съ 1818 до 1821 года онъ издавалъ журналъ *Die Wage*, въ которомъ помѣщалъ рассказы изъ жизни средняго сословія, статьи о наукахъ и искусствахъ. Послѣ іюльской революціи онъ поселился на постоянное жительство въ Парижѣ, гдѣ умеръ въ 1837 и былъ похороненъ на

кладбищѣ *Père Lachaise*. Въ своемъ журналѣ *Balance* онъ старался играть роль примирителя между нѣмецкими и французскими воззрѣніями. При этомъ онъ отличался страстною горячностью и склонностью къ насмѣшкамъ, какъ это доказываетъ его послѣднее произведение *Menzel der Franzosenfresser*; но онъ не былъ человѣкомъ безхарактернымъ и легкомысленнымъ и не осыпалъ, подобно Г. Гейне, свое отечество оскорбительными насмѣшками. Между его сочиненіями выдѣляются его *Dramaturgischen Blätter* какъ своею ясною и колкою критикою, такъ и своею возвышенною нравственною точкою зрѣнія.—Генр. Гейне родился въ Дюссельдорфѣ 13 декабря 1799 отъ еврейскихъ родителей, перешелъ въ 1825 въ евангелическую вѣру, не имѣя къ ней сочувствія, и, подобно Бёрне, жилъ съ июльской революціи въ Парижѣ, гдѣ умеръ 17 февраля 1856. Одаренный способностью безъ большого труда облекать свои мысли въ литературную форму, онъ написалъ множество стихотвореній и сочиненій беллетристическаго содержанія и былъ плодовитымъ корреспондентомъ газеты *Allgemeine Zeitung*. Но тѣ изъ его произведеній, которыя будутъ всего дольше жить въ сердцахъ нѣмецкой націи, были имъ написаны въ то время, какъ онъ жилъ въ добровольномъ изгнаніи. Его послѣднее сочиненіе.—*Romanzero*, представляющее цѣлый рядъ стихотвореній въ родѣ романсовъ съ многочисленными намеками на современныя событія, было вѣрнымъ выраженіемъ тѣхъ противорѣчій, которыя сталкивались въ его натурѣ; здѣсь онъ соединялъ съ прежней поэтической геніальностью и съ прежней привлекательностью внѣшней формы легкомысленныя непристойности и рѣзкіе нападки на христіанскую религію, къ которой относился съ явнымъ несочувствіемъ; а вслѣдъ за тѣмъ у него снова встрѣчались отрывочные отголоски религіозныхъ чувствъ. Такъ напр. въ одномъ изъ дополненій къ *Romanzero* онъ описываетъ „возвращеніе блуднаго сына, который пасъ свиней у Гегеліанцевъ“ и какъ этотъ блудный сынъ снова увѣровалъ въ личнаго Бога, который находитъ себѣ помощниковъ въ бѣднякахъ; но потомъ онъ снова называетъ христіанство „нечальной середой на первой недѣлѣ великаго поста, во время которой блекнутъ всѣ цвѣтки и міръ наполняется привидѣніями,—такой религіей самопожертвованія и расхищенія на крестѣ, которая придаетъ всему земному шару видъ трупа“. Чувственный реализмъ и пантеизмъ Генриха Гейне были поэтическимъ предвѣстникомъ философскаго матеріализма.

Стихотворенія Гейне сходились въ своемъ направленіи съ господ- Молодая Гер-
ствовавшимъ повсюду недовольствомъ существующими порядками, съ мація.
склонностью къ отрицанію и къ оппозиціи, и потому имѣли чрезвычайное сильное вліяніе на всю нѣмецкую литературу. «Молодая Германія» тѣсно примкнула къ этому даровитому поэту и во многихъ отношеніяхъ принимала его за образецъ. Подъ этимъ общимъ названіемъ разумѣли цѣлый рядъ талантливыхъ писателей, для которыхъ литературная дѣятельность была спеціальнымъ призваніемъ и которымъ доставлялъ средства существованія доходъ отъ ихъ разнообразныхъ вкладовъ въ изящную литературу; эти люди ставили легкую художническую даровитость выше учености и умственной глубины, поэтому заботились только о гладкости слога, о пикантности и живости изложенія, о совершенствахъ внѣшней формы. Такъ какъ они были издателями или сотрудниками политическихъ и литературныхъ жур-

наловъ, приобретающихъ съ каждымъ днемъ все болѣе сильное вліяніе на общественное мнѣніе, то они умѣли постоянно приковывать къ своимъ произведеніямъ вниманіе читающей публики и развивать въ ней такой вкусъ, который они могли удовлетворять своими, набросанными въ видѣ легкихъ очерковъ, произведеніями, нерѣдко прикрывавшими своею пикантною окраскою посредственность и пошлость концепціи. Успѣху ихъ предпріятія содѣйствовало сильное развитіе книжной торговли и постоянно возраставшее число читателей.

Гуцковъ.

Главою этой молодой германской школы можно считать Карла Гуцкова; это былъ человѣкъ съ очень живымъ умомъ, способный усвоивать чужія идеи и многосторонне-даровитый, однако не всегда умѣвшій придавать надлежащую зрѣлость произведеніямъ плодотворной юношеской фантазіи. Послѣ того, какъ онъ приобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своими критическими, сатирическими и беллетристическими статьями, помѣщавшимися въ журналахъ, онъ былъ подвергнутъ непродолжительному аресту за то, что нападалъ на религію, на христіанскіе обычаи и на бракъ въ своей незначительной въ художественномъ отношеніи новеллѣ *Wally die Zweiflerin*. Это преслѣдованіе было вызвано главнымъ образомъ доносами Вольфганга Менцеля, бывшаго много лѣтъ редакторомъ штутгартскаго художественнаго и литературнаго листка и сначала находившагося въ дружескихъ отношеніяхъ съ Гуцковымъ; съ тѣхъ поръ возникла между этими двумя писателями неискоренимая взаимная ненависть и зависть. Гуцковъ занялъ мѣсто между литературными знаменитостями Германіи благодаря своимъ новелламъ и романамъ (*Seraphine*; *Blasedow und seine Söhne*, *Charaktere aus der Gesellschaft als Folge von Erziehungsexperimenten*), своимъ сатирическимъ и критическимъ статьямъ въ редактируемомъ имъ журналѣ и литературными трудами различнаго содержанія; въ послѣдствіи онъ съ успѣхомъ занимался драматической поэзіей не смотря на то, что гонялся за поразительными эффектами, навлекавшими на него обвиненія въ неестественности. Вслѣдъ за болѣе старыми пьесами *Nero* (изображающей противорелигіозное самообоготвореніе), *König Saul*, *Werner oder Welt und Herz* были написаны: *Richard Savage*, *Patkui*, *Zopf und Schwert*, *Urbild des Tartüffe*, *Uriel Acosta* (съ намеками на умственную атмосферу общества друзей просвѣщенія и на современныя попятныя къ религіозной эманципации), *Lenz und Söhne* (мозаическая работа, состоящая изъ сценъ съ нападками на расудокъ и на обычаи въ области филантропіи и современной внутренней миссіи), *Der Königsleutnant* по образцу *Dichtung und Wahrheit* Гёте. И эти произведенія, и «Письма изъ Парижа», и романы, въ которыхъ идетъ рѣчь о современныхъ вопросахъ и стремленіяхъ—*Die Ritter vom Geist* и *Der Zauberer von Rom*, и (издававшійся съ 1863 года Карломъ Френцелемъ) журналъ *Unterhaltungen am häuslichen Herd*

свидѣтельствуютъ о неутомимой дѣятельности Гуцкова, о его наблюдательномъ умѣ, о его изобрѣтательности и умѣньи обрисовывать характеры, о его серьезномъ воззрѣніи на литературное призваніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и о его самомнѣніи, о его болѣзненной жадѣ славы и похвалъ. Онъ болѣею частію выводилъ на сцену только героевъ дня, у которыхъ не было ни твердости характера, ни естественности, ни нравственного величія: это были вымышленныя личности, въ которыхъ врожденныя наклонности находились въ противорѣчіи съ ихъ задачами; всѣ онѣ «хворали блѣдностью идей». Идеалы Гуцкова были продуктами рефлексіи безъ сердечной теплоты и безъ самоотверженія.

Самыми извѣстными членами этого общества, преслѣдовавшими одну общую цѣль различными путями, были на ряду съ Гуцковымъ: Теодоръ Мундтъ, Густавъ Кюне, Генрихъ Лаубе, Лудольфъ Винбаргъ. Въ своихъ «Эстетическихъ походахъ», посвященныхъ «Молодой Германіи», Винбаргъ установилъ названіе и характеръ школы и намѣтилъ ея цѣли. Всѣ писатели этого рода открыто заявляли, что уже прошло время нравиться читающей публикѣ изяществомъ литературныхъ произведеній, что теперь нужно описывать страсти и борьбу. Къ числу писателей этого направленія можно отнести и Роберта Геллера, пріобрѣтавшаго извѣстность своими романами и своими *Brustbilder aus der Paulskirche*, и Эрнста Коссака, «остроумнаго и талантливаго юмориста, умѣвшаго находить серьезные стороны жизни среди ея комическихъ противорѣчій и придавать тѣмъ и другимъ поэтический отпечатокъ». Стремленія къ политическимъ и социальнымъ реформамъ безъ ясно-опредѣленной цѣли, эманципація плоти и удовлетвореніе чувственныхъ влеченій, замѣна христіанства туманными философскими и гуманными идеями, безпредѣльное самомнѣніе и увѣренность въ исполненіи чрезвычайно важной миссіи въ исторіи культуры—таковы общія отличительныя черты литературныхъ произведеній этихъ болѣе или менѣе даровитыхъ писателей, этихъ «титановъ новаго времени». Стараясь постоянно привлекать къ себѣ вниманіе публики новыми произведеніями, они пробовали свои силы въ самыхъ разнородныхъ отрасляхъ беллетристики. Такъ какъ ихъ главною цѣлію было доставленіе читателямъ пріятнаго развлеченія, то они придавали очень высокую цѣну виѣшней формѣ, изяществу слога и легкости изложенія и мало заботились о достоинствѣ содержанія и о глубинѣ идей. Они излагали свои мысли и сужденія, свои пикантныя критики и описанія въ періодическихъ изданіяхъ и литературныхъ газетахъ, въ карманныхъ книжкахъ и литературныхъ сборникахъ, въ романахъ и новеллахъ, въ письмахъ и описаніяхъ путешествій, число которыхъ увеличивалось до безконечности вслѣдствіе постоянно усиливавшагося влеченія къ поѣздкамъ по чужимъ странамъ. Такъ какъ они посвящали свое время не столько научнымъ

Характеръ
«Молодой Гер-
маніи».

изслѣдованіямъ, сколько литературной дѣятельности, то они обыкновенно описывали или настоящее время или недавнее прошлое, а современные социальныя, политическія и религіозныя порядки представляли взорамъ читателя съ односторонней точки зрѣнія и въ субъективной окраскѣ. И драма стала служить средствомъ для описанія дѣйствительной жизни и интересовъ дня съ тѣхъ поръ, какъ братъ Рахили Левинъ, Лудвигъ Робертъ попытался въ своей пьесѣ *Macht der Verhältnisse* сдѣлать изъ современныхъ противорѣчивыхъ воззрѣній на правственность сюжетъ для трагедіи. Своимъ постановленіемъ отъ 10 декабря 1835 союзный сеймъ осудилъ дѣятельность «Молодой Германіи» за то, что она нападала на христіанскую религію и существующіе порядки въ такихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, которыя были доступны для всѣхъ классовъ читающей публики; на основаніи этого постановленія, нѣкоторыя изъ нѣмецкихъ правительствъ подвергнули запрещенію литературныя произведенія «Молодой Германіи», но этимъ не могли помѣшать ихъ распространенію.

Вольфг. Мен- Вольфгангъ Менцель, родившійся въ 1798 г. въ Вальденбургѣ, въ Силезіи, участвовалъ въ кампаніи 1815 года, послѣ окончанія своихъ учебныхъ занятій занималъ должность школьнаго учителя въ Аарау, потомъ переселился въ Штутгартъ, гдѣ завелъ сношенія съ Коттой и, подобно Бёрне, въ первый разъ обратилъ на себя вниманіе горячими нападками на Гёте. Послѣ іюльской революціи онъ поступилъ въ палату вюртембергскихъ земскихъ чиновъ и занялъ въ ней мѣсто среди членовъ либеральной оппозиціи; но уже около 1838 года онъ отказался отъ политической дѣятельности. Между его многочисленными литературными произведеніями всѣхъ болѣе извѣстны его *Streckverse*, „Исторія Германіи“, описаніе путешествій въ Австрію и въ Италію, сказки *Rübezahl* и *Narcissus* и нѣсколько сочиненій полемическаго и историческаго содержанія. Въ 1824 году онъ издавалъ вмѣстѣ съ политико-экономомъ Фр. Листомъ *Europäischen Blätter*, но уже въ слѣдующемъ году взялъ на себя редакцію литературнаго листка, издававшагося въ видѣ прибавленія къ *Morgenblatt*. Такъ какъ онъ былъ оглавленнымъ ненавистникомъ Французовъ, то онъ отказался отъ своей прежней привязанности къ политическому либерализму и религіозному рационализму и сдѣлался слугою политической и церковной реакціи. Только съ 1866 года онъ снова сталъ на національную нѣмецкую точку зрѣнія.

Гуцковъ. Карлъ Гуцковъ, род. 17 марта 1811 въ Берлинѣ, провелъ въ стѣсненномъ матеріальномъ положеніи годы своей юности, которые привлекательно описалъ въ своей книгѣ *Aus der Knabenzeit*, сначала изучалъ теологію и психологію, но вскорѣ послѣ іюльской революціи сталъ посвящать свое время журналистикѣ и литературѣ и вступилъ въ сношенія съ Менцелемъ и съ *Allgemeine Zeitung*. Изданныя имъ безъ имени автора *Briefe eines Narren an eine Närrin* съ изложеніемъ социальныхъ идей Руссо не обратили на себя большого вниманія; то-же случилось съ его фантастико-проническимъ романомъ *Maha-Guru, Geschichte eines Gottes*, въ которомъ было много сатирическихъ намѣковъ на современное положеніе общества. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ каждый годъ выпускать въ свѣтъ новыя сочиненія разнороднаго характера — то новеллы и романы, то вклады въ исторію повѣйшей литературы, то критическія и сатирическія сочиненія (*Die rote*

Mütze und die Kaputze) и наконецъ драматическія произведенія. Послѣ богатой приключеніями страннической жизни, Гуцковъ поселился въ Дрезденѣ, откуда впослѣдствіи переселился въ Веймаръ на должность секретаря въ учрежденіи, основанномъ въ память Шплера. Въ припадкѣ душевнаго разстройства и чрезмѣрнаго умственного возбужденія онъ сдѣлалъ въ 1865 году въ Фридбергѣ попытку лишить себя жизни, вслѣдствіе чего былъ на время помѣщенъ въ лечебномъ заведеніи подлѣ Байрейта; тамъ его здоровье скоро поправилось и онъ снова принялся за литературную работу (*Hohenschwangau*, — картина культуры въ эпоху реформации, *Die Söhne Pestalozzis* — романъ изъ школьной сферы, *Lebensbilder*, *Die neuen Serapionsbrüder*). Его внезапная смерть въ Саксенгаузенѣ подлѣ Франкфурта на М. вслѣдствіе случившагося тамъ 16 декабря 1878 пожара вызвала сожалѣнія во всей Германіи. Между его романами всѣхъ болѣе замѣчательны *Der Zauberer von Rom*. Въ немъ обнаруживаются и достоинства автора — наблюдательный умъ, многостороннія познанія, способность живо изображать описываемый предметъ, и его недостатки — неумѣнье владѣть эпической формой изложенія, тяжеловатость и запутанность слога, чрезмѣрное изобиліе смѣняющихъ одна другую сценъ, приключеній и фантастическихъ идей. Содержаніемъ для романа служить жизнь дочери одного бѣднаго школьнаго учителя, воспитанной въ протестантской религіи, перешедшей въ католическую вѣру изъ тайной любовной привязанности къ молодому католическому священнику и послѣ тысячи разнообразныхъ приключеній погибшей въ Римѣ во время пожара. Множество странныхъ, частью фантастическихъ, приключеній и личностей, быстро смѣняющихся одни другими, служатъ рамкой и обстановкой для богатой яркими красками исторической жанровой картины, въ которой изображены политическія, церковныя и социальныя явленія нѣсколькихъ десятилѣтій, начиная съ наполненной чувственными наслажденіями жизни при кассельскомъ дворѣ въ царствованіе Жерома Бонапарта и насильственного увоза кельнскаго архіепископа, и кончая революціонными попытками Итальянцевъ и дѣятельностью папы Пія IX. Главная цѣль автора заключается въ живомъ, конкретномъ изображеніи разнообразныхъ проявленій католицизма и искусства римско-католическаго церковнаго устройства, при которомъ каждый шагъ приводитъ въ движеніе тысячи нитей, всѣ человѣческія силы, влеченія и страсти содѣйствуютъ упроченію папской власти и церковной іерархіи, всѣ члены организма преслѣдуютъ только одну цѣль и дѣйствуютъ по одному плану, и даже враждебные элементы вынуждены сдѣлаться органами системы церковнаго управленія. Въ *Zauberer von Rom* („Римскомъ чародѣѣ“) олицетворяется тайная волшебная сила римскаго папства. Съ пророческой прозорливостью поэта Гуцковъ описалъ ту дѣятельность католической церкви, которая освѣтилась со всѣхъ сторонъ лишь много позже — во время „борьбы за просвѣщеніе“. Менѣе удаченъ былъ ранѣе написанный романъ *Die Ritter vom Geist*, для котораго служатъ подкладкой порядки, существовавшіе около половины текущаго столѣтія, и возникавшіе въ то время вопросы. Здѣсь авторъ такъ часто прибѣгаетъ къ сопоставленію однородныхъ явленій, что этимъ вредитъ художественной цѣльности изложенія. Этотъ романъ заключаетъ въ себѣ ярмарочную смѣсь такихъ личностей и происшествій, между которыми или вовсе нѣтъ никакой внутренней связи или есть очень слабая внутренняя связь, — заключаетъ въ себѣ такія отрывочныя составныя части, которыя не имѣютъ никакого вліянія на развитіе основной мысли. Здѣсь всѣ современныя политическія доктрины и направленія имѣютъ своихъ представителей и послѣдователей, подъ вымышленными именами которыхъ нерѣдко можно узнавать дѣятелей того времени (какъ напр. Радовица); но характеристики главныхъ

дѣйствующихъ лицъ безцвѣтны и неясны; политическія партіи и тайные союзы, описываемые въ романѣ, представляются лишенными прочной внутренней связи и опредѣленной цѣли; на лицѣ нѣтъ такого героя, который могъ-бы внушить читателю живой интересъ; слогъ и конструкція періодовъ такъ-же неправильны, какъ въ „Римскомъ чародѣѣ“. Такими-же вѣшними недостатками страдаетъ *Hohenschwangau* — романъ и исторія, изложенныя въ такихъ чрезмѣрно-растянутыхъ рамкахъ, что не легко уловить связь между ихъ составными частями. Въ своемъ послѣднемъ сочиненіи *Dionysius Longinus* Гуцковъ обнаруживаетъ сильное негодованіе не только на своихъ противниковъ, которые оскорбляютъ его своими порицаніями, но и почти на всѣхъ современныхъ писателей.

Теод. Мундтъ. Теодоръ Мундтъ, род. въ Потсдамѣ въ 1808, велъ нѣсколько лѣтъ жизнь 1808—1861. скитальца и наконецъ поселился въ Берлинѣ, гдѣ ему было дано прежде отказанное разрѣшеніе поступить въ число университетскихъ преподавателей. Его новеллы, въ которыхъ онъ описывалъ преимущественно современные условія общественной жизни и положеніе женщинъ, не имѣютъ художественныхъ достоинствъ (*Madelon, oder die Romantiker in Paris; Moderne Lebenswirren; Madonna, oder Unterhaltung mit einer Heiligen*; историческій романъ *Thomas Münzer; Mendoza, der Vater der Schelme*); болѣе достойны вниманія его критики, характеристики и т. п. (*Kunst der deutschen Prosa; Geschichte der Litteratur der Gegenwart; Geschichte der Gesellschaft; Ästhetik; Spaziergänge und Weltfahrten; Völkersehau auf Reisen*). Основанные Мундтомъ журналы не имѣли успѣха и существовали недолго (*Lit. Zodiacus; Dioskuren für Kunst und Wissenschaft; Der Freihafen, Galerie von Unterhaltungsschriften; Der Pilot*). Его жена писала подъ именемъ

Луиза Мюль-Луизы Мюльбахъ романы, отличавшіеся невѣроятной „пустотою своего 1814—1873. содержанія“ и тогда, когда она изображала жизнь цивилизованнаго общества въ сценѣхъ нравственной испорченности, и тогда, когда она описывала историческія событія, извлекая свои свѣдѣнія изъ ненадежныхъ источниковъ; впрочемъ у нея встрѣчаются удачныя характеристики.

Г. Кюне. Фердинандъ Густавъ Кюне, род. 27 декабря 1806 въ Магдебургѣ, посе- 1806—1888. лился, послѣ окончанія курса философскихъ наукъ, въ Лейпцигѣ, гдѣ взялъ на себя редакцію газеты для изящнаго общества, и велъ это предпріятіе съ успѣхомъ, пока оно не перешло въ 1842 въ руки Лаубе. Между его сочиненіями, отличающимися изяществомъ стиля и тонкой наблюдательностью, выдѣляются: *Weibliche und männliche Charaktere; Portraits und Silhouetten; Die Klosternovellen* и романъ *Die Rebellen in Irland*. Онъ также писалъ драмы (*Isaura v. Kastilien; Kaiser Friedrich III in Prag*), но безъ большого успѣха. Поселившись съ 1856 въ Дрезденѣ, онъ написалъ продолженіе Шиллеровскаго „Димитрія“ и находившіеся въ связи съ прежними работами *Wittenberg und Rom, Klosternovellen aus Luthers Zeit*.

Генрихъ Лаубе. Генрихъ Лаубе, род. 18 сентября 1806 въ Шпроттау въ Силезіи, изучалъ 1806—1884. теологію; въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ подвергался судебнымъ преслѣдованіямъ и содержался подъ арестомъ за демагогическіе происки; послѣ поѣздки въ Италію (1834 г.) и въ Алжиръ (1839 г.) онъ поселился въ Лейпцигѣ. Между его многочисленными сочиненіями разнообразнаго содержанія достойны упомянутія: романъ *Das junge Europa, Die Reisenovellen, Französische Lustschlösser, Der Prätendent*; между его драматическими произведеніями, достойными похвалъ и по замыслу и по технику, и до сихъ поръ удержавшимися на всѣхъ нѣмецкихъ театральныхъ сценахъ, болѣе всѣхъ славятся: *Monaldeschi*—піеса, основанная на любовной интригѣ во французскомъ вкусѣ, *Rokoko* — передѣлка одной французской новеллы; *Struensee*, гдѣ замѣтно подражаніе Скрибу въ томъ, что авторъ дѣлаетъ изъ историческаго содержанія любовную интригу; *Prinz Friedrich; Die*

Karlsschüler; Der Statthalter von Bengalen; Böse Zungen; въ своей „Исторіи нѣмецкой литературы“ онъ взялся за такую задачу, которая была ему не по силамъ. Бывши членомъ франкфуртскаго имперскаго парламента въ 1848 году, онъ искусно описалъ это собраніе; потомъ онъ взялся руководить городскимъ театромъ, что вполне соответствовало его дарованіямъ; впоследствии онъ стоялъ во главѣ лейпцигскаго театра и наконецъ вѣнскаго городского театра.

Лудольфъ Винбаргъ, род. въ 1802 въ голштинскихъ владѣніяхъ, учился Л. Винбаргъ. въ Килѣ и въ Боннѣ, жилъ нѣсколько времени во Франкфуртѣ на М., гдѣ 1802—1872. вмѣстѣ съ Гуцковомъ работалъ въ *Deutsche Revue*; когда и на него распространилась опала, которой подвергали членовъ „Молодой Германіи“, онъ переселился въ Гамбургъ, гдѣ и написалъ большую часть своихъ сочиненій; между ними болѣе всѣхъ извѣстны его критики и описанія путешествій (*Holland in den Jahren 1831 und 1832; Tagebuch von Helgoland; Die neueste Litteratur* и нѣсколько рецензій).

3. Поэты подѣ вліяніемъ современныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ.

Несмотря на то, что литераторы, которыхъ причисляли къ «Молодой Германіи», старались выставить на показъ свой либерализмъ и свою горячую заботливость о реформахъ, они имѣли въ виду преимущественно высшія общественныя сферы, «изящное общество», почему такъ и заботились о художественной отдѣлкѣ своихъ произведеній; напротивъ того, въ теченіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ выступили на сцену молодые поэты, которые порицали и унижали въ мнѣніи народа не только правительства, но и все, что носило аристократическую окраску, и старались поддѣлываться подъ народныя влеченія и страсти. Въ своемъ предисловіи къ «Исторіи нѣмецкой поэзіи» Гервинусъ высказалъ въ 1840 году предположеніе, что впредь нѣмецкая нація не будетъ интересоваться исключительно искусствомъ и поэзіей, а будетъ болѣе заботиться о разрѣшеніи практическихъ жизненныхъ задачъ, будетъ посвящать свои силы государственной дѣятельности. Съ тѣхъ поръ практическая дѣятельность сдѣлалась лозунгомъ дня, а отъ искусства, которое по своей цѣли было бездѣятельно, стали требовать, чтобъ оно по меньшей мѣрѣ возбуждало другихъ къ дѣятельности. Тогда Геликонъ, по видимому, превратился въ военный лагерь; тогда стали требовать: перестаньте тратить ваши силы на сочиненіе стиховъ; кладите на наковальню желѣзо! Только отъ него можно ожидать спасенія! Тогда поэты черемѣнили прежній тонъ. Они стали стремиться не къ доставленію эстетическихъ наслажденій, а къ достиженію политическихъ цѣлей, стали заботиться не столько о художественной отдѣлкѣ, объ изяществѣ виѣшней формы и возвышенности стиля, сколько объ интересѣ содержанія, объ энергіи выраженій, о возбужденіи страстей. Въ свои стихотворенія, принадлежавшія большею частію къ разряду лирическихъ, они вкладывали

Характеръ демократической лирики.

вали демократическій пылъ, который бросался читателямъ въ голову и сильно увлекалъ ихъ. Въ ихъ описаніяхъ бѣдственнаго положенія пролетаріевъ, въ ихъ ироническихъ отзывахъ о жизненныхъ наслажденіяхъ богачей и знати, въ ихъ гнѣвныхъ жалобахъ на неправильность всѣхъ взаимныхъ отношеній между людьми и на негодность государственныхъ учрежденій было столько страсти, столько дикой разрушительной силы, столько беспощаднаго презрѣнія, что они производили на читателей чрезвычайно сильное впечатлѣніе и могли считаться предвѣстниками насильственного ниспроверженія всѣхъ установленныхъ порядковъ. Они изображали правителей угнетателями, сосущими народную кровь; они выдавали обладаніе собственностью и богатствомъ за несправедливое и насильственное присвоеніе такихъ благъ, на которыя всѣ люди имѣютъ одинакія права; трогательными описаніями положенія бѣдняковъ они старались возбудить состраданіе въ сердцахъ богачей, а чтобъ заставить этихъ послѣднихъ какъ можно скорѣе приступить къ исполненію ихъ долга, они утверждали, что безсмертіе души и вѣчная жизнь были выдуманы для того, чтобъ несчастливцы примирились съ своимъ бѣдственнымъ положеніемъ въ надеждѣ быть счастливыми въ загробной жизни.

Представители Эти воззрѣнія высказывались болѣе или менѣе ясно, рѣзко и от- этого направ- крыто въ поэтическихъ произведеніяхъ Георга Гервега (*Gedichte eines Lebendigen*), Гофмана фонъ-Фаллерслебена, снова начавшаго писать настоящія нѣмецкія пѣсни, Р. Э. Прутца, Франца Дингельштедта, Фердинанда Фрейлиграта. Жалобы, судебныя преслѣдованія, увольненія отъ должностей только усиливали вліяніе этихъ писателей и способствовали распространенію ихъ сочиненій. Дингельштедтъ скоро предпочелъ народному сочувствію милостивое расположеніе правительства и занялъ при штутгартскомъ дворѣ должность, которую потомъ промѣнялъ на должность директора придворнаго театра сначала въ Мюнхенѣ, потомъ въ Веймарѣ и наконецъ въ Вѣнѣ, гдѣ замѣнилъ Лаубе; Гервегъ сталъ въ 1848 году во главѣ нѣмецкихъ рабочихъ, выступившихъ изъ Парижа съ цѣлію помочь баденскимъ инсургентамъ (стр. 316) и по этому случаю доказалъ, какъ пѣвцу свободы далеко до роли героя свободы; Фрейлигратъ, — лирическій поэтъ, хорошо владѣвшій языкомъ и одаренный богатой фантазіей, — снова доказалъ, въ раннемъ періодѣ своей литературной дѣятельности, что недостатокъ классическаго образованія и историческихъ познаній легко можетъ вовлекать на ложный путь и внушать сочувствіе къ самымъ неосновательнымъ доктринамъ. Этотъ даровитый поэтъ, умѣвшій возбуждать въ душѣ читателей такъ много возвышенныхъ чувствъ, не зналъ матеріальныхъ лишеній благодаря щедрому вспоможенію, которое получалъ отъ нѣмецкаго народа; съ тѣхъ поръ онъ принималъ

Б. Ауэрбахъ. горячее участіе въ подъемѣ патріотическихъ чувствъ націи.

1812—1882. И даровитый Бертольдъ Ауэрбахъ, — еврейскій уроженецъ Норд-

штеттена въ вюртембергскомъ Шварцвальдѣ, переводившій на нѣмецкій языкъ произведенія Спинозы и живо описывавшій въ своихъ Schwarzwälder Dorfgeschichten однообразную тихую жизнь тамошняго патріархальнаго населенія, — придерживался въ своемъ народномъ календарѣ (Der Gevattersmann) политико-демократическаго направленія, за которое содержался нѣсколько времени въ гогенашпергской тюрьмѣ. Уже въ основѣ этихъ самыхъ раннихъ произведеній Ауэрбаха лежало намѣреніе указать, посредствомъ поучительныхъ примѣровъ, средства и пути для улучшенія нравственности и матеріальнаго положенія народа; эта цѣль еще яснѣе видна въ его позднѣйшихъ произведеніяхъ — и въ его большихъ разсказахъ (Barfüßle; Joseph im Schnee; Edelweiss) и въ его приложеніяхъ къ народнымъ календарямъ. Подобно Гебелю, принадлежа по своему происхожденію къ нисшимъ слоямъ общества, Ауэрбахъ, подобно этому писателю, постоянно относился съ любовью ко всѣмъ мелочамъ народной жизни, проникалъ въ душу народа и прислушивался къ его нуждамъ. Въ вызвавшемъ большія похвалы романѣ Auf der Höhe и въ позднѣе написанномъ разсказѣ (передѣланномъ въ драму г-жею Биршъ-Ифейфферъ) Die Frau Professorin Dorfleben und Stadtleben онъ противопоставлялъ деревенскую жизнь жизни при дворѣ. Но въ этихъ двухъ произведеніяхъ деревенская жизнь описана вѣрнѣе и удачнѣе, — это доказываетъ, что деревня была настоящей отчизной автора и что ей принадлежало его сердце. Его намѣренію поучать народъ можно приписать и его склонность къ отвлеченностямъ и къ дидактическимъ правоученіямъ. И къ интересамъ своего эльзасскаго отечества онъ не былъ равнодушенъ (Wieder unser!). Его интересовали и взаимныя отношенія Германіи и Америки, какъ это видно изъ его новѣйшихъ романовъ Das Landhaus am Rhein и Waldfried.

Готфридъ Кинкель, обнаружившій свои поэтическія дарованія и свои патріотическія чувства въ привлекательныхъ лирическихъ стихотвореніяхъ, написалъ романтическій эпосъ Otto der Schütz и занимался остроумными изслѣдованіями объ исторіи христіанскаго искусства; только въ 1848 году онъ увлекся демократическими стремленіями къ свободѣ, за которыя заплатилъ тюремнымъ заключеніемъ; послѣ удавшейся попытки бѣгства онъ отправился въ Англію, откуда въ послѣдствіи переселился въ Цюрихъ на должность профессора. — Фридрихъ Геббель родился въ Дитмаршенѣ въ очень бѣдной обстановкѣ; не смотря на то, что этотъ самый даровитый изъ драматическихъ поэтовъ новаго времени, былъ консерваторомъ по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, онъ клалъ въ основу своихъ драмъ болѣзненные стремленія своего времени и философскій пессимизмъ экзальтированнаго новаго поколѣнія. Онъ изображалъ не идеальную сторону человѣческой жизни, не благородныя стремленія и не возвышенные характеры, способные бороться съ превратностями судьбы,

Геббель.

1813—1863.

а дикую силу болѣзненно-возбужденныхъ страстей, демоническое могущество зла, безразсудства уродливыхъ натуръ и злорадства при видѣ того, что гнусно. У него служатъ мотивами для трагическихъ положеній наряду съ нравственными побужденіями и чувствомъ долга также чувственныя влеченія и жажда сладострастія. Его міръ идей «покинуть Богомъ»: въ немъ нѣтъ ни радостей, ни любви, ни вѣры. Геббель одаренъ способностью отыскивать драматическій нервъ дѣйствія и изображать его живо, съ яркимъ очертаніемъ характеровъ, съ практической наглядностью, но онъ нерѣдко ломаетъ себѣ голову надъ самыми неясными проблемами. Его *Judith und Genoveva*—старинные народные рассказы, на которыхъ отражается міровоззрѣніе новаго времени; въ *Trauerspiel von Sizilien* обработанъ сюжетъ, въ которомъ такъ много противорѣчій и неправдоподобнаго, что эту пьесу можно назвать трагикомедіей; въ пьесахъ *Maria Magdalena* и *Julia* изображена разбитая семейная жизнь; въ первой служитъ сценой дѣйствія мѣщанская сфера, во второй—аристократическая; первая имѣетъ трагическую развязку, вторая—мирную, но производящую непріятное впечатлѣніе. *Der Diamant* и *Der Rubin*—сказки-комедіи, въ которыхъ господствующій тонъ отзывается нигилистическимъ юморомъ, ничтожество человѣческой жизни служитъ сюжетомъ для пролическихъ пародій, а борьба ведется между лунатиками, мошенниками и глупцами; въ трагедіяхъ *Herodes* и *Mariane* мы находимъ трогательное описаніе человѣческой участи въ эпоху сильнаго возбужденія умовъ, но оно приправлено психологическими загадками и напыщенными отвлеченностями. Въ *Agnes Bernauer* твердою рукою обрисованъ мужественный характеръ монарха, но при этомъ выставлена мало соотвѣтствующая цѣли трагедіи, противоположность между государственными интересами и отцовскими чувствами. Въ *Gyges und sein Ring* передѣланъ въ драму рассказъ Геродота; здѣсь завязка основана на романтическомъ чувствѣ долга и чести, то есть на такомъ новѣйшемъ воззрѣніи, которое отнимаетъ у античнаго рассказа его наивный характеръ. Нѣкоторый недостатокъ чувства изящнаго замѣтенъ даже въ самомъ большомъ и въ самомъ законченномъ изъ драматическихъ произведеній Геббеля,—въ удостоившейся преміи, *Nibelungentragödie* (*Der gehörnte Siegfried*—нѣчто въ родѣ пролога; *Siegfrieds Tod*; *Kriemhildens Rache*). Его «Димитрій» остался неоконченнымъ. Геббель умеръ въ Вѣнѣ, гдѣ жилъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Р. Готтшаль. Къ числу подражателей этихъ поэтовъ принадлежали: Руд. Готтшаль, авторъ нѣсколькихъ драмъ и политическихъ стихотвореній (Ferdinand v. Schill; Lambertine v. Méricourt; Barrikadenlieder), воспѣвавшій въ стихотвореніи *Die Göttin* женщинъ, освобожденіе человѣческаго рода и въ особенности лицъ женскаго пола отъ предрассудковъ, суевѣрій и неправильныхъ понятій о нравственности,

предвѣщавшій возстановленіе «чистой, свободной человѣчности, находящей основу въ самой себѣ»; Роб. Гизеке (Moderne Titanen; R. Gieseke, Pfaff—Röschel—идиллія новаго времени; Kleine Welt und grosse Welt); Жозефъ Райкъ (Aus dem Böhmerwalde—очерки нѣмецко-богемской народной жизни; Vier Brüder aus dem Volk); всѣ они стояли на одной почвѣ, стремились къ одной цѣли съ тѣми же что невѣровавшими философами, которые нѣсколько времени помѣщали свои рѣзкія полемическія статьи въ основанномъ Ариольдомъ Руге журналѣ Hallischen Jahrbücher (стр. 61), пока саксонское правительство не вступилось за религію и науку, запретивши изданіе этого журнала. И Вильгельмъ Йорданъ сначала придерживался того-же направленія (Schaum), но послѣ своей дѣятельности во франкфуртскомъ парламентѣ и службы въ союзномъ флотѣ сталъ искать другихъ путей (Demiurgos—мистерія). Онъ всего болѣе прославился переработками сказаній о Нибелунгахъ. Подобно Йордану, и Готтшаль вступилъ съ пятидесятихъ годовъ въ болѣе зрѣлый періодъ художественнаго и литературнаго творчества, о чемъ свидѣлствуютъ его эпическое стихотвореніе Carlo Zeno, превосходная комедія Pitt und Fox, трагедіи Karl XII, Katharina Howard и «Нѣмецкая національная литература въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія».

Р. Гизеке,
род. 1827.

Йорданъ,
род. 1819.

Съ этими поэтами, воспѣвавшими дикую, буйную свободу и революціонные перевороты, не могли равняться ни числомъ ни дарованіями тѣ болѣе миролюбивые и болѣе осмотрительные поэты, которые считали источникомъ счастья для Германіи патріотизмъ и единодушіе правителей и подданныхъ и упорно отстаивали церковныя учрежденія. Между ними былъ самымъ незначительнымъ Николай Беккеръ, не смотря на то, что своимъ «Гимномъ къ Рейну» снискалъ милостивое расположеніе и признательность правителей и временную извѣстность. Преждевременная смерть избавила его отъ участія въ ожесточенной борьбѣ партій, которое было-бы ему не по силамъ. Болѣе даровитъ былъ Эмануэль Гейбель, родившійся 18 октября 1815 въ Любекѣ; онъ писалъ политическія стихотворенія въ консервативномъ духѣ и за это получилъ отъ Прусскаго короля ежегодную пенсію, которую получалъ и Фрейлигратъ, но впослѣдствіи отказался отъ нея. Его благозвучныя и безупречныя по внѣшней формѣ стихотворенія (Zeitstimmen; Juniuslieder) обнаруживаютъ глубокое поэтическое чувство и христіанско-религіозное душевное настроеніе. Онъ вмѣстѣ съ Полемъ Гейзе очень хорошо перевелъ на нѣмецкій языкъ нѣсколько испанскихъ и французскихъ произведеній народной поэзіи. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, проведенныхъ въ Греціи въ должности домашняго учителя, онъ посвятилъ себя поэзіи и самостоятельной литературной дѣятельности и наконецъ былъ назначенъ профессоромъ исторіи литературы при мюнхенскомъ университетѣ; но и тамъ онъ находилъ достаточно свободнаго времени для занятій поэзіей (драма

Н. Беккеръ.
1810—1845.

Гейбель.
1815—1884.

Brunnhilde; Sophonisbe). За немилость, которую онъ навлекъ на себя стихотвореніемъ о Прусскомъ королѣ, онъ былъ вознагражденъ сочувствіемъ всѣхъ германскихъ патріотовъ. Онъ умеръ 6 апрѣля 1884 въ Любекѣ.

Редвицъ.
род. 1823.

Всѣхъ далѣе зашелъ въ консервативномъ и ретроградномъ направленіи Оскаръ Редвицъ, старавшійся возвратить жизнь средне-вѣковой романтикѣ и пѣснямъ миннезенгеровъ; онъ родился во Франконіи, воспитывался въ прирейнской Баваріи, своимъ эпосомъ *Amaranth* вызвалъ горячія похвалы, а за выраженные въ этомъ произведеніи благочестивыя католическія чувства удостоился почетныхъ отличій не смотря на то, что въ мягкомъ, сентиментальномъ тонѣ его поэзіи не было ни силы, ни естественности. Вялый, сентиментальный романтизмъ этого благочестиваго поэта выступилъ наружу въ своемъ полномъ разцвѣтѣ въ его драматическомъ произведеніи *Sigeline*, между тѣмъ какъ его драмы *Philippine Welser* и *Der Zunftmeister von Nürnberg* съ успѣхомъ исполнялись на большихъ театральных сценахъ. Въ его романѣ *Hermann Stark* описаны съ спокойной объективной точки зрѣнія біографическія подробности изъ жизни студентовъ и лицъ средняго сословія. Возникновеніе новой германской имперіи Редвицъ привѣтствовалъ напыщенными стихами и за это удостоился письменныхъ изъясненій признательности со стороны ея основателей. Въ своемъ послѣднемъ поэтическомъ произведеніи *Odilo* Редвицъ отрекся отъ своей привязанности къ римской церкви; здѣсь поэтъ излагаетъ нѣчто въ родѣ символа своихъ вѣрованій, описывая ходъ своего собственнаго умственного развитія.

Гервегъ.
1817—1875.

Георгъ Гервегъ, род. 31 мая 1817 въ Штутгартѣ, сталъ изучать теологию въ тюбингенскомъ университетѣ, но неокончивши курса отправился въ Штутгартъ и поступилъ тамъ въ число сотрудниковъ газеты *Europa*, которую издавалъ А. Левальдъ. Чтобы избѣгнуть отбыванія воинской повинности, онъ удалился изъ Вюртемберга и укрылся въ Швейцаріи. Тамъ онъ велъ полную заботу жизнь въ качествѣ сотрудника газеты *Virta Volkshalle*, пока не обратилъ на себя вниманія своими *Gedichte eines Lebendigen*, выдержавшими семь изданій одно вслѣдъ за другимъ; благодаря этому успѣху, его поѣздка по Германіи въ 1842 году была настоящимъ триумфальнымъ шествіемъ. Даже Прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ IV назначилъ ему день пріема, но сталъ сожалѣть объ этой оплошности, когда Гервегъ обратился къ нему изъ Кёнигсберга съ безтактнымъ письмомъ, за которое и былъ высланъ изъ королевства (стр. 238). Женитьба на дочери одного богатаго еврейскаго купца доставила ему обезпеченныя средства существованія; вскорѣ послѣ того онъ сталъ жить попеременно то въ Швейцаріи, то въ Парижѣ. Съ тѣхъ поръ его литературныя и поэтическія произведенія не отличались никакими достоинствами и онъ возвратился въ послѣдніе годы своей жизни въ Германію уже почти совершенно позабытымъ.

Гофманъ ф.-
Фаллерсле-
бенъ.

Авг. Генр. Гофманъ, род. въ Фаллерслебенѣ въ Ганноверѣ 2 апрѣля 1798, изучалъ въ Гёттингенѣ и въ Боннѣ древне-нѣмецкій языкъ и литературу и выказалъ свои дарованія поэта и филолога въ 1821 году въ сво-

ихъ пѣсняхъ и романсахъ и въ появившихся немного позже статьяхъ о старинной нидерландской литературѣ. Назначенный профессоромъ нѣмецкаго языка и литературы въ Бреславлѣ, онъ оказалъ наукѣ большія услуги изданіемъ и обработкой старинныхъ литературныхъ памятниковъ, которые съ большимъ трудомъ отканывалъ въ библіотекахъ во время своихъ продолжительныхъ путешествій. При этихъ ученыхъ занятіяхъ онъ находилъ время для занятій поэзіей и отъ времени до времени издавалъ сборники стихотвореній и пѣсенъ, которые хотя и не всѣ отличаются одинакими достоинствами, однако служатъ доказательствомъ его многосторонней даровитости и умственной энергіи. Въ своихъ пѣсняхъ онъ удачнѣе другихъ поэтовъ попадалъ въ тонъ старой народной пѣсни. Хотя во многихъ изъ этихъ произведеній и обнаруживались либеральныя убѣжденія поэта, но онъ не выходилъ изъ предѣловъ умѣренности; однако въ изданныхъ имъ въ 1840 и 1841 годахъ „Неполитическихъ пѣсняхъ“ были усмотрѣны нападки на существующую систему правленія, вслѣдствіе чего онъ былъ уволенъ отъ профессорской должности. Это было поворотнымъ пунктомъ въ его жизни. Послѣ того онъ въ теченіе многихъ лѣтъ блуждалъ по Германіи странствующимъ рыцаремъ, безплодно тратя свои дарованія на распространеніе демагогическихъ идей. Только съ тѣхъ поръ, какъ онъ нашелъ для себя постоянное мѣстожительства въ Веймарѣ и принялся по прежнему за изученіе древне-нѣмецкой литературы, онъ снова вступилъ на свою настоящую дорогу; онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни на должности библіотекаря въ Корвеп подлѣ Гёкстера, гдѣ изложилъ въ книгѣ *Mein Leben* подробности своей превратной судьбы. Его труды на поприщѣ литературы содѣйствовали изданію многихъ превосходныхъ старинныхъ нѣмецкихъ пѣсенъ.

Робертъ Эдуардъ Прутцъ, род. 30 мая 1816 въ Штеттинѣ, учился въ Прутцъ. Галле, гдѣ впослѣдствіи сотрудничалъ въ *Hallischen Jahrbücher* въ качествѣ 1816—1872. послѣдователя школы молодыхъ Гегелианцевъ. Свою извѣстность, какъ историкъ литературы, онъ приобрѣлъ прекрасной книгой *Der Göttinger Dichterbund* и различными статьями въ карманной книжкѣ, которую издавалъ вмѣстѣ съ нѣсколькими другими писателями. Между его поэтическими произведеніями лирическія стихотворенія, большею частію наполненныя политическимъ содержаніемъ, не могутъ равняться своими достоинствами съ его драмами; между этими послѣдними особенно нравились: трагедіи *Karl von Bourbon* (пѣчто въ родѣ Валленштейна, только съ болѣе рыцарской натурой), *Moritz von Sachsen*, *Erich der Bauernkönig* (съ демократическими отголосками и цѣлями), и въ особенности *Die politische Wochens-tube*—очень остроумная сатирическая комедія съ смѣлыми намѣками на современные порядки и на современныхъ политическихъ дѣятелей. Высланный изъ Іены, онъ отправился въ 1846 году въ Берлинъ, гдѣ сталъ читать публичныя лекціи объ исторіи литературы, подвергаясь разнымъ стѣсненіямъ со стороны полиціи. Съ 1849 года онъ жилъ въ Галле въ званіи профессора исторіи литературы, пока не переѣхалъ въ 1859 въ Штеттинъ, гдѣ и умеръ 21 іюня 1872. Издававшійся подъ его руководствомъ „Нѣмецкій музей“ и его послѣднее произведеніе *Die deutsche Litteratur der Gegenwart* свидѣтельствуютъ о его критической прозорливости и объ изяществѣ его вкуса и во всѣхъ его сочиненіяхъ чувствуется вѣяніе свободы и патріотизма.

Францъ Дингельштедтъ, род. въ 1814 подлѣ Марбурга, поступилъ окон-Дингельштедтъ. чивши курсъ философскаго факультета, преподавателемъ въ гимназію сна- 1814—1881. чала въ Касселѣ, потомъ въ Фульдѣ; послѣ того, какъ появились въ печати его *Lieder eines kosmopolitischen Nachtwächters*, онъ былъ уволенъ изъ государственной службы, жилъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ въ качествѣ кор-

респондента газеты *Allgemeine Zeitung*, потомъ переселился въ Штутгартъ, гдѣ получилъ мѣсто библіотекаря и женился на пѣвицѣ Женни Луцеръ. Въ 1850 году онъ былъ назначенъ директоромъ мюнхенскаго театра, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ былъ приглашенъ на такую-же должность въ Веймаръ; впоследствии онъ снова поселился въ Вѣнѣ въ званіи руководителя артистовъ придворнаго театра и получилъ титулъ барона. Его лирическія стихотворенія замѣчательны только своимъ содержаніемъ: въ художественномъ отношеніи они стоятъ ниже его романовъ [*Unter der Erde; Die Amazone*], его рассказовъ [*Licht und Schatten in der Liebe; Sieben friedliche Erzählungen*] и его трагедій *Das Haus des Barneweldt*.

Фрейлигратъ. Фердинандъ Фрейлигратъ, род. 17 іюня 1810 въ Детмольдѣ, изучалъ 1810—1876. въ Соэстѣ торговое дѣло, жилъ до 1839 прикащикомъ въ Амстердамѣ и въ Барменѣ, потомъ, поощряемый успѣхомъ своихъ лирическихъ стихотвореній, отказался отъ занятій торговлей и поселился на берегахъ Рейна въ Сентъ-Гоарѣ, гдѣ всецѣло посвятилъ себя поэзіи благодаря тому, что Пруссійскій король назначилъ ему ежегодную пенсію. Мастерски владѣя языкомъ и рѣчью, и будучи одаренъ пылкой фантазіей, онъ очень хорошо описывалъ отдаленныя страны, образъ жизни южныхъ и восточныхъ народовъ и потому особенно нравился своей описательной поэзіей. Но у него постоянно замѣтно стараніе казаться оригинальнымъ, приписывать пикантные обороты рѣчи и звучныя рѣзмы. Ежегодное содержаніе, которое онъ получалъ отъ Прусскаго короля, не позволяло ему близко сходитьсѣ съ его политическими единомышленниками и ставило его въ разладъ съ самимъ собою; поэтому онъ наконецъ отказался отъ королевскихъ милостей и снова поступилъ на службу въ одинъ изъ лондонскихъ торговыхъ домовъ. Съ тѣхъ поръ поэзія служила для него только способомъ выразить его политическія и соціальныя убѣжденія, коренившіяся въ самомъ крайнемъ демократизмѣ; поэтому, революціонныя движенія 1848 года побудили его возвратиться на время въ его отечество. Но этимъ онъ приобрѣлъ такъ-же мало славы, какъ и его единомышленникъ Гервегъ. Измѣнившееся положеніе дѣлъ въ Германіи скоро побудило его возвратиться въ Англію; наконецъ денежное изъясненіе признательности нѣмецкаго народа доставило ему возможность сбросить съ себя глѣть прикащикьей жизни. Написанныя имъ въ 1870 году стихотворенія *Hurrah Germania!* и *Die Trompete von Vionville* принадлежатъ къ числу его лучшихъ произведеній. Но поистинѣ бессмертный памятникъ онъ воздвигнулъ себѣ превосходными переводами иностранныхъ поэтическихъ произведеній. Онъ умеръ въ Канштатѣ 18 марта 1876.

Кинкель. Готфридъ Кинкель, род. 11 августа 1815 въ Оберкасселѣ подлѣ Бонна, 1815—1882. гдѣ его отецъ былъ евангелическимъ пасторомъ, провелъ свою молодость подъ тяжелымъ гнетомъ шіетизма; онъ изучалъ теологію въ Боннѣ и въ Берлинѣ и за тѣмъ жилъ на своей родинѣ, занимаясь преподаваніемъ религіи и исполняя обязанности помощника пастора. Предпринятая имъ въ 1837 году, поѣздка въ Италію побудила его заняться изученіемъ христіанскаго искусства и вызвала появленіе его прекраснаго сочиненія *Geschichte der bildenden Kunst bei den christlichen Völkern*, доставившаго ему должность профессора въ Боннѣ, гдѣ онъ сталъ читать привлекавшія многочисленныхъ слушателей, публичныя лекціи по исторіи искусствъ и литературы. Его чувствительное сердце много разъ вовлекало его въ нѣжныя сердечныя привязанности и онъ былъ нѣсколько разъ помолвленъ; наконецъ онъ вступилъ въ бракъ съ разведенной женой одного книжнаго торговца, съ высоко даровитой музыкантшей Іоанной Мокель, которая родилась католичкой, потомъ перешла въ протестантскую вѣру и сдумѣла внушить своему мужу свои свободныя религіозныя воззрѣнія. Незадолго

до своей женитьбы, въ началѣ сороковыхъ годовъ, Кинкель написалъ самое знаменитое изъ своихъ поэтическихъ произведеній — эпическій рассказъ *Otto der Schütz*, полный прелести и художественныхъ совершенствъ и по замыслу и по изложенію. Въ теченіе слѣдующихъ лѣтъ онъ выпустилъ въ свѣтъ еще нѣсколько стихотвореній лирическаго, эпическаго и идиллическаго содержанія, свидѣтельствовавшихъ о его поэтическихъ дарованіяхъ и о богатствѣ его фантазіи. Наконецъ насталъ 1848 годъ съ своими политическими бурями и вовлекъ Кинкеля въ опасную борьбу за демократическую свободу. Онъ устремился на политическое поприще, былъ избранъ членомъ берлинскаго учредительнаго собранія и, со свойственной поэтамъ склонностью къ увлеченіямъ, сталъ придерживаться такого крайняго направленія, которое доходило до открытыхъ воззваній къ мятежу. Замышанный въ баденско-пфальцскомъ возстаніи, онъ былъ захваченъ въ плѣнъ и приговоренъ военнымъ судомъ къ пожизненному заключенію въ смиренномъ домѣ. Просидѣвши около года въ Наугардѣ и въ Шпандау, онъ, съ помощью одного изъ своихъ единомышленниковъ (студента Карла Шурца), спасся бѣгствомъ и укрылся въ Англіи, откуда потомъ отправился въ Америку. Вышедшіе въ 1849 году, рассказы Готфрида и Иоанны Кинкель частію заключаютъ въ себѣ, — подобно деревенскихъ рассказамъ Ауэрбаха, — описаніе дѣйствительной жизни, частію заключаютъ въ себѣ сказочный элементъ. Иоанна Кинкель, дѣятельно помогавшая своему мужу въ бѣгствѣ изъ тюрьмы и своими музыкальными дарованіями (она издала восемь писемъ о преподаваніи фортепیانной игры) добывавшая ему средства существованія въ Лондонѣ, умерла въ 1858 году вслѣдствіе паденія изъ окна. Въ *Hans Ibeles* она наглядно описала то, что сама испытала во время своей изгнанической жизни въ Лондонѣ. Послѣ своего возвращенія изъ Америки, Кинкель жилъ въ Лондонѣ, добывая средства существованія публичными лекціями объ искусствѣ и литературѣ и изданіемъ журнала *Hermann*, пока не былъ назначенъ профессоромъ исторіи искусства въ цюрихской политехнической школѣ. Помогавшій его бѣгству изъ тюрьмы, К. Шурцъ достигъ въ Соединенныхъ Штатахъ вліятельнаго положенія, какъ публицистъ, народный ораторъ и государственный дѣятель.

4. Литература въ Австріи.

Среди добродушныхъ жителей Австріи житейскія удовольствія и наслажденія искусствомъ долго цѣнились выше политической свободы и патріотическихъ стремленій; тамъ публицистическія произведенія уже знакомаго намъ писателя и государственнаго дѣятеля Ренца (XIII, 568 и сл., XIV, 601) считались единственными источниками настоящей государственной мудрости, а политическіе и исторіографическіе труды Жарке († 1852), Гуртера и другихъ поборниковъ ультрамонтанскихъ и абсолютистскихъ принциповъ считались выраженіями убѣжденій всей націи; но и тамъ не было возможности предохранить поэзію отъ политическаго свободомыслія. Мы уже раньше упоминали о томъ, что и въ Австріи возникла оппозиціонная литература не смотря на Меттерниховскую систему полицейскаго управленія. И среди мѣстныхъ поэтовъ стали раздаваться жалобы

на желѣзное иго деспотизма и католическаго духовенства, — стало высказываться желаніе избавиться отъ этого ига. Эти жалобы производили тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе, что высказывались сдержанно съ желаніемъ внушить впечатлительному народу чувства самоуваженія и человѣческаго достоинства. Самыми выдающимися писателями того времени были: Цедлицъ — авторъ *Totenkränze*; Анастасій

Цедлицъ. 1790—1862. Грюнъ (графъ Ауерспергъ), который въ *Sparziergänge eines Wiener Poeten* и въ *Schütt* проникаетъ глубокимъ взоромъ въ безотрадное время Меттерниховскаго управленія, не теряя вѣры въ болѣе

счастливую будущность и высоко держа знамя свободы и идеальныхъ стремленій; Николай Ленау (*Niembsch von Strehlenau*), 1802—1850. фантастическій умъ котораго наконецъ погрузился въ мракъ помѣшательства. Къ разряду этихъ писателей можно причислить и шедшаго съ ними однимъ путемъ, друга Ленау, лирическаго поэта графа

Алексе. Вюртембергъ. Александра Вюртемберга (*Lieder des Sturms*), жившаго то въ Штутгартѣ, то въ Вѣнѣ. Въ ихъ произведеніяхъ сказывается не та разрушительная демократическая страстность, которая хочетъ создать

райскую будущность на развалинахъ настоящаго, а тихая скорбь угнетенной души, благородный протестъ противъ системы управленія, подавляющей свободу, и противъ церковной іерархіи, убивающей умъ, — въ нихъ сказывается благородное желаніе вывести человечество изъ убійственнаго застоя и пробудить въ немъ стремленіе къ возвышеннымъ цѣлямъ. Правда, иногда раздавались жалобы и на неравномѣрное распредѣленіе земныхъ благъ, какъ напр. въ произведеніяхъ Гильшера, который былъ вынужденъ вести однообразную жизнь подъ гнѣтомъ военной дисциплины и подъ военнымъ мундиромъ безплодно скрывать влеченія своего пылкаго сердца; но у этого писателя такія жалобы были вызваны его собственнымъ тяжелымъ положеніемъ.

Въ австрійской столицѣ съ успѣхомъ занимались и поэзіей эпической и драматической, но большею частію только изъ любви къ искусству, не придавая ей политической окраски и не дѣлая никакихъ намѣковъ на установленные порядки. Венгерскій епископъ Ладиславъ

Пиркеръ. Пиркеръ воспѣвалъ въ эпической поэмѣ *Tunisiad* геройскій походъ 1772—1847. Карла V въ Тунисъ, а въ *Rudolfiad* борьбу между Рудольфомъ Габсбургскимъ и Оттокаромъ; его произведенія написаны гладкими гекзаметрами, но въ нихъ нѣтъ національной подкладки; въ Богеміи

Эбертъ. Карлъ Эгонъ ф. Эбертъ выказалъ прекрасныя дарованія въ національномъ эпосѣ *Wlasta* и въ нѣсколькихъ лирическихъ стихотвореніяхъ и драмахъ (*Bretislaw* и *Jutta*); въ *Ahnfrau* Грильпарцера

Грильпарцеръ. 1791—1872. достигла своего высшаго пункта такая-же трагедія судьбы, какою была «Мессинская невѣста» Шиллера; поэтому, не только Платенъ

Кастелли. (въ своей *Verhängnisvolle Gabel*), но и австрійскій сатирикъ и 1781—1862. драматургъ Кастелли (*Der Schicksalsstrumpf*) стали осыпать это

ложное направление остроумными насмѣшками. Напротивъ того, вѣнскій театральный писатель Дейнгардштейнъ воздерживался отъ этого направленія и строилъ свои драмы большею частію на исторической основѣ. Альфредъ Мейснеръ, род. въ 1822 въ Теплицѣ, внукъ болѣе стараго романиста и драматурга Авг. Готл. Мейснера, умершаго въ 1807 году, занялъ, подобно своему земляку Морицу Гартманну, мѣсто между либеральными поэтами своего времени благодаря своему эпическому стихотворенію *Ziska*. Потомъ онъ въ нѣсколькихъ драмахъ (*Das Weib des Urias*, *Reginald Armstrong*) проводилъ возрѣнія, несогласныя съ старыми понятіями и нравственными традиціями, а въ цѣломъ рядъ романовъ, — между которыми особенно нравились богатая разнообразіемъ фигуръ и красокъ, исторія Донъ-Жуана новаго времени *Sansara*, — затрогивалъ религіозные и политическіе вопросы своего времени (*Zur Ehre Gottes*; *Schwarzgelb*; *Die Kinder Roms*). Наконецъ, въ *Geschichte meines Lebens* онъ изложилъ не мало интересныхъ подробностей о дѣятеляхъ сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ и объ настроеніи умовъ того времени.

Дейнгардштейнъ.
1794—1859.
Мейснеръ.
1822—1885.

Баронъ Іос. Христ. фонъ Цедлицъ, род. 28 февраля 1790 въ Іоганнисбергѣ, въ австрійской Силезіи, вступилъ шестнадцатилѣтнимъ юношей въ военную службу и участвовалъ въ кампаніи 1809 года, а потомъ поступилъ на дипломатическую службу. Его лирическія стихотворенія, между которыми болѣе всѣхъ извѣстны *Totenkränze* и *Die nächtliche Heerschau*, отличаются высокимъ полетомъ идей и глубиною чувствъ. Менѣе удачны его произведенія: *Turturell*; *Zwei Nächte zu Valladolid*; *Der Königin Ehre*; *Herr und Sklave*; *Kerker und Krone* (гдѣ изображена смерть Тассо). *Der Stern von Sevilla* есть передѣлка произведенія Лопе-де-Веги, который служилъ образцомъ для всѣхъ драмъ Цедлица. Маленькая поэма *Waldfräulein* написана во вкусѣ романтиковъ. Цедлицъ также выказалъ дарованія переводчика, изложивши нѣмецкими стихами содержаніе Байронова „Чайльдъ Гарольда“.

Цедлицъ.

Графъ Ант. Алекс. фонъ-Ауерспергъ, извѣстный какъ поэтъ подъ именемъ Анастасія Грюна, род. 11 апрѣля 1806 въ Лайбахѣ въ такой семьѣ, которая всегда стояла за религіозный и политическій прогрессъ; онъ прославился и какъ лирическій поэтъ, и какъ эпическій. Авторъ одного изъ его некрологовъ говоритъ: „Анастасій Грюнъ былъ лирикъ до мозга костей; изъ его субъективныхъ чувствъ возникаютъ цвѣтки поэзіи, а его индивидуальность была одарена способностью отражать въ себѣ окружающій міръ. Но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и эпическимъ поэтомъ, онъ былъ хорошимъ рассказчикомъ. У него и эпика и лирика сливались въ одно нераздѣльное цѣлое“. Онъ въ первый разъ приобрѣлъ извѣстность романтическимъ эпосомъ *Der letzte Ritter*; это — цѣлый рядъ балладъ, для которыхъ служатъ содержаніемъ подробности изъ жизни Максимилиана I и которыя написаны однимъ размѣромъ съ пѣснью Нибелунговъ. Между его лирическими стихотвореніями отличаются своею искренностью, выразительностью и поэтическимъ воодушевленіемъ *Spaziergänge eines Wiener Poeten* и нѣжныя, картинныя элегіи *Schutt. Spaziergänge* были напечатаны въ Гамбургѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ и распространялись въ Австріи тайкомъ отъ

Анастасій
Грюнъ.

Меттерниховской полиціи; они дѣйствовали на окоченѣлые умы какъ цѣлебное лекарство, какъ бальзамъ, утишающій боль еще не закрывшихся ранъ. Между тѣмъ какъ *Spaziergänge* заключали въ себѣ нападки на безобразный строй общественной жизни въ Австріи, стихотворенія *Schutt* переносили читателя въ идеальный міръ надеждъ и самыхъ сладкихъ мечтаній о будущемъ. Въ 1835 году вышли въ свѣтъ его стихотворенія. Въ нихъ были выражены основные принципы автора слѣдующей клятвой: „Никогда не измѣнять знамени истины, справедливости, добра! Если я не буду въ состояніи применить къ лучшимъ людямъ, то никогда не перейду на сторону худшихъ! Бороться вмѣстѣ съ тѣми, кто ведетъ благородную борьбу, но держаться въ сторонѣ отъ тѣхъ, кто ведетъ борьбу для удовлетворенія своего тщеславія! И сердце, и уста, и жизнь посвятить служенію свободѣ, справедливости и цивилизаціи!“ Послѣ продолжительнаго молчанія онъ издалъ въ сороковыхъ годахъ юмористическое стихотвореніе *Nibelungen im Frack*; это — разсказъ изъ исторіи нѣмецкихъ правителей прошлаго столѣтія съ разными остроумными намѣками на современныхъ общественныхъ дѣятелей; этими намѣками аристократическій поэтъ защищался отъ неосновательныхъ обвиненій со стороны своихъ либеральныхъ единомышленниковъ; а изданіемъ *Pffafen vom Kalenberg*—народнаго сказанія изъ болѣе свѣтлаго прошлаго Австріи онъ снова прославилъ свое имя. И въ качествѣ государственнаго дѣятеля и парламентскаго оратора Ауерспергъ дѣйствовалъ въ либеральномъ патріотическомъ направленіи: онъ отстаивалъ имперскую конституцію и германскіе интересы и противился заключенію конкордата.

Ленау.

Niembsch von Strehlenau, извѣстный подъ сокращеннымъ именемъ Николая Ленау, род. 13 августа 1802 въ Чатадѣ въ Венгріи. Послѣ окончанія своихъ учебныхъ занятій, онъ предпринялъ далекія путешествія и потомъ жилъ то въ Вѣнѣ, то въ Ишлѣ, то въ Штуттартѣ. Въ этомъ послѣднемъ городѣ онъ намѣревался вступить въ бракъ, но вналъ въ 1844 въ умственное разстройство, отъ котораго не могъ излечиться до своей смерти (22 августа 1850 въ домѣ умалишенныхъ въ Обердѣблингѣ подлѣ Вѣны). Его лирическія стихотворенія, между которыми болѣе всѣхъ извѣстны *Polenlieder* и *Schilflieder*, отличались благозвучіемъ, цвѣтистымъ языкомъ и глубокой меланхоліей. Въ его болѣе крупныхъ стихотворныхъ произведеніяхъ — *Faust*, *Savonarola* и *Albigenser* есть много прекрасныхъ отрывковъ, но всѣ они страдаютъ недостаткомъ внутренняго единства; ихъ основная мысль заключается въ борьбѣ за религіозно-правственную свободу. Его послѣднее произведеніе—длинное драматическое стихотвореніе *Don Juan*, служившее дополненіемъ къ его „Фаусту“, было издано послѣ его смерти его другомъ Анастасіемъ Грюномъ.

Пиркеръ.

Іоаннъ Ладиславъ Пиркеръ фонъ Фельзѣ — Кёръ, род. въ 1772 въ Венгріи, поступилъ въ духовное званіе, скоро сталъ получать повышенія одно вслѣдъ за другимъ и умеръ въ 1847 на должності архіепископа эрлаускаго и въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Онъ пріобрѣлъ извѣстность и своими стараніями поднять уровень образованія австрійскаго духовенства и своими поэтическими произведеніями. Между этими послѣдними выдѣляются своими достоинствами эпическія стихотворенія (*Perlender heiligen Vorzeit*; *Tunisia*; *Rudolfias*); но не лишены достоинствъ и его произведенія лирическія въ особенности *Die Lieder der Sehnsucht nach den Alpen*, и его историческія драмы (*Die Korvinen*; *Karl der Kleine*; *Zrinys Tod*).—Францъ Гримальнарцеръ, род. въ Вѣнѣ 15 января 1791, служилъ въ императорской придворной камерѣ, а съ 1832 былъ директоромъ архива; изъ остальныхъ подробностей его жизни намъ почти ничего неизвѣстно кромѣ того, что онъ предпринималъ путешествія въ Италію и въ Грецію; это объясняется тѣмъ, что онъ жилъ очень уединенно. Изъ его драматическихъ произведеній,

Гримальнар-
церъ.

кромѣ когда-то возбуждавшей восторгъ, а потомъ подвергавшейся осмѣянію, *Ahnfrau*, достойны упоминанія: трилогія *Das goldene Vliess*, въ которой третью часть составляетъ *Medea*; *König Ottokars Glück und Ende*; *Des Meeres und der Liebe Wellen*, гдѣ очень искусно обработана легенда о Геро и Леандрѣ. Имя престарѣлаго поэта стало снова появляться въ печати въ восьмидесятую годовщину дня его рожденія; но этому случаю онъ получилъ со всѣхъ сторонъ выраженія уваженія, служившія замоздалой наградой за его литературную дѣятельность. Это былъ высоко-даровитый поэтъ, руководствовавшійся такими серьезными воззрѣніями на искусство, какія рѣдко встрѣчались у нѣмецкихъ писателей со временъ Шиллера и Гёте. Въ то время, какъ директоромъ театра былъ Лаубе, драмы Грильпарцера снова были поставлены на сценѣ и частію удержались на ней до настоящаго времени. — Игн. Фридр. Кастелли, род. въ 1781 въ Вѣнѣ, очень много трудился на служебномъ поприщѣ; но отъ этого не утрачивалъ ни своего врожденнаго остроумія, ни юмора. Онъ приобрѣлъ извѣстность нѣсколькими комедіями, пародіями, переводами и лирическими стихотвореніями (*Patriotische Kriegslieder für die österreichische Armee*), за тѣмъ получилъ должность директора придворнаго театра, которою былъ обязанъ главнымъ образомъ блестящему успѣху своего поэтическаго произведенія *Die Schweizerfamilie*. Кромѣ драмъ, между которыми болѣе всѣхъ славилась *Die Waise* и *Der Mörder*, Кастелли написалъ много стихотвореній, анекдотовъ, разсказовъ, частію на австрійскомъ діалектѣ. — Іоаннъ Лудвигъ Дейнгардштейнъ, род. въ 1794 въ Вѣнѣ, былъ вице-директоромъ придворнаго театра; онъ приобрѣлъ извѣстность не столько своими лирическими произведеніями, сколько драматическими (*Künstlerdramen*). Къ числу его драмъ, особенно нравившихся публикѣ, принадлежатъ: *Voccaccio*; *Hans Sachs*; *Garrick in Bristol*. Онъ былъ первый писатель, который въ своей драмѣ *Fürst und Dichter* вывелъ на сцену Гёте.

Кастелли.

Дейнгардштейнъ.

5. Женщины—писательницы.

Высокая культура, распространившаяся во всѣхъ сословіяхъ и слояхъ населенія благодаря продолжительному миру, и чрезвычайная важность, которую приобрѣли литературныя произведенія вслѣдствіе отсутствія великихъ подвиговъ и событій, стали привлекать къ сферамъ науки, искусства и литературы даже такихъ людей, которые при болѣе естественной житейской обстановкѣ посвятили-бы себя какимъ нибудь практическимъ цѣлямъ. Въ этомъ отношеніи не отставали отъ мужчинъ и женщины. Онѣ стали выступать передъ публикой съ своими письмами, стихотвореніями, романами, описаніями путешествій, переводами, откладывая въ сторону издавна установившееся правило, что женщины не имѣютъ права публично возвышать свой голосъ. При этомъ лишь немногія изъ нихъ сохраняли свойственныя женской натурѣ поэтическую задумчивость, лѣжную чувствительность и нравственную застѣнчивость; онѣ болѣею частію позабывали главное назначеніе женщины и нерѣдко усвоивали самыя крайнія мнѣнія съ горячностью натуръ, сошедшихъ съ своей обычной колеи; такъ напр., Аннета фонъ Дросте-Гюльсгоффъ, родившаяся въ Вестфалии лирико-

Характеръ женской литературной дѣятельности.

Аннета Дросте-романтическая поэтесса, придерживалась строго католического кон-
Гюльсгоффа. серватизма; другія женщины—писательницы, напротивъ того, придер-
1797—1848. живались отрицательнаго направленія, нападая на существующіе со-

Рахиль. ціальные и политическіе порядки. Рахиль, родившаяся еврейкой, а
1771—1833. послѣ своего вступленія въ бракъ съ Барнгаеномъ фонъ-Энзе пе-
решедшая въ христіанскую вѣру, была авторомъ писемъ, которыя
были изданы послѣ ея смерти ея мужемъ (Rahel, ein Buch des An-
denkens für ihre Freunde и Galerie von Bildnissen aus Rahels
Umgang); они отличаются не столько своимъ стилемъ и афористи-
ческой формой, сколько богатствомъ идей, и произвели сильное впе-
чатлѣніе въ аристократическихъ сферахъ, гдѣ пикантныя, остроум-
ныя замѣчанія и сужденія вызываютъ болѣе горячее одобреніе, чѣмъ
воззрѣнія на жизнь, основанныя на наблюденіяхъ и опытѣ, и гдѣ
нападки на установленныя законами природы взаимныя отношенія
между людьми считаются доказательствомъ высокой оригинальности.
Кромѣ того Рахиль прославилась не только тѣмъ, что у нея обык-
новенно собирались талантливыя знаменитыя личности и что она вела
обширную переписку, но также тѣмъ, что много помогала бѣднымъ
въ эпохи общественныхъ бѣдствій.—Эксцентричная сестра Кл. Брен-

Беттина Ар- тано и жена романтика Ахима фонъ-Арнима, Елизавета фонъ-Арнимъ,
нимъ, род. въ известная подъ именемъ Беттины, сначала относилась къ личности
1785 во Гёте съ безграничнымъ восторгомъ, доходившимъ до обожанія, и вы-
Франкфуртѣ разила эти чувства въ «Перепискѣ ребенка», богатой превосходными
на М., ум. въ описаніями, остроумными замѣчаніями и поэтическими идеями; но по-
Берлинѣ въ томъ она мало по малу усвоила самыя крайнія демократическія идеи,
1859. находившіяся въ рѣзкомъ противорѣчій съ міровоззрѣніемъ Гёте. Вторая
переписка, изложенная въ Die Gündertode, также богата поэтиче-
скими достоинствами и музыкальнымъ благозвучіемъ; она свидѣтель-
ствуетъ о сильной воспріимчивости впечатлѣній, производимыхъ яв-
леніями природы; но чрезмѣрная наивность и нарочно выставленная
на показъ оригинальность, которымъ Беттина старалась придавать
ребяческій характеръ и въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, сви-
дѣтельствовали о болѣзненномъ настроеніи ея ума и о такой экзаль-
тированности, которая неизбежно должна была навести ее на ложный
путь. Однако, это не мѣшало ей относиться съ горячимъ сострада-
ніемъ къ страждущему человѣчеству; она сохранила это чувство и
въ своихъ позднѣйшихъ произведеніяхъ, когда стала углубляться въ
современныя соціальныя проблемы (Dies Buch gehört dem König;
Ilius Pamphilus und die Ambrosia; Gespräche mit Dämonen).

Ида ф.-Ганъ- Рѣзкій контрастъ съ Беттиной представляла аристократическая гра-
Ганъ. фия Ида фонъ Ганъ-Ганъ — женщина, пережившая много злоключеній,
1805—1880. увлекавшаяся страстью къ страннической жизни и излагавшая въ мно-
гочисленныхъ романахъ и описаніяхъ путешествій свои безотрадныя
воззрѣнія на жизнь и продукты до крайности возбужденной фантазіи.

По словамъ Юліана Шмидта, «эта, выдававшая себя за аристократку, писательница стояла на одной ступени умственного развитія съ «Молодой Германіей» и съ французскими романистами, въ особенности съ Бальзакомъ, отъ котораго она заимствовала манеру писать характеристики и по примѣру котораго выводила во всѣхъ романахъ на сцену все однородныя вымышленныя личности». Такъ какъ она постоянно жила въ разладѣ и съ самой собою и съ окружающимъ ее міромъ, то, чтобъ достигнуть душевнаго спокойствія, она перешла въ католическую вѣру и стала вести строго-воздержную монастырскую жизнь; въ своемъ сочиненіи *Von Babylon nach Jerusalem* она осуждала свои прежнія стремленія, какъ продуктъ умственныхъ заблужденій, и съ кокетствомъ разскаивающейся Магдалины превозносила католическую церковь въ прротивоположность протестантской.

Соперницей этой графини выступила въ романѣ «*Diogenes*» кѣнигсбергская уроженка, племянница Августа Левальда, Фанни Левальдъ; эта перешедшая въ христіанскую вѣру, еврейка приобрѣла извѣстность своими тенденціозными романами (*Jenny; Eine Lebensaufgabe; Wandlungen*) и описаніями путешествій (*Italienisches Bilderbuch; England und Schottland*). Въ своей молодости она обнаруживала одинакое съ своими единоплеменниками Рахилью, Бѣрне, Гейне скептическое настроеніе ума, усматривавшее въ установленныхъ церковью, государствомъ и обществомъ, правилахъ только стѣсненія личной свободы, только оковы, наложенныя на человѣческій умъ. Въ послѣдствіи она вступила въ бракъ съ писателемъ Адольфомъ Штаромъ, приобрѣвшимъ извѣстность описаніями путешествій, сочиненіями о литературѣ и искусствѣ (*Torso; Lessings Leben*) и монографіями по исторіи древности (*Tiberius; Kleopatra*); но и послѣ того она не переставала обогащать нѣмецкую беллетристику письмами о своихъ путешествіяхъ и другими литературными произведеніями. Въ ея многочисленныхъ позднѣйшихъ романахъ (*Von Geschlecht zu Geschlecht; Die Erlöserin; Familie Darner*) виднѣнь ясный и разумный, но лишенный высокаго полета, реализмъ. Подобно ей, старались содѣйствовать разрѣшенію женскаго вопроса писательницы Юлія Буровъ и Луиза Отто-Петерсъ.

Шарлотта Софія Штиглицъ, даровитая жена поэта Генриха Штиглица, представляетъ печальное доказательство того болѣзненнаго на-
строенія умовъ, которое господствовало въ высшихъ сферахъ бер-
линскаго образованнаго общества. Она сама лишила себя жизни въ
надеждѣ, что глубокая скорбь сдѣлаетъ болѣе производительнымъ
поэтическій талантъ ея мужа, парализованнаго уныніемъ и упадкомъ
духа. Это добровольное самопожертвованіе не имѣло тѣхъ послѣд-
ствій, какихъ ожидала отъ него Софія Штиглицъ. Ея мужъ велъ съ
тѣхъ поръ странническую жизнь, пока не поселился въ Венеціи,
гдѣ его и застигла смерть. То, что онъ писалъ во время своихъ

Фанни
Левальдъ,
род. 1811.

Ш. Софія
Штиглицъ. Ум.
1834.
Г. Штиглицъ.
1801—1849.

странствованій (Gruss an Berlin; Zukunftstraum), не могло равняться съ его прежними произведеніями (Bilder des Orients; Stimmen der Zeit in Liedern).

Въ литературѣ романовъ пріобрѣли извѣстность многія женщины частію переводами и подражаніями, частію оригинальными произведеніями. Кромѣ принадлежавшихъ къ болѣе ранней эпохѣ, вѣнской уроженки Каролины Пихлеръ и Іоанны Шопенгауеръ, болѣе другихъ достойны упоминанія: прославившаяся историческими романами (Godwie Castle; St. Roche; Thomas Tugna), Генриетта фонъ Паальцовъ; подруга Клингера, Фанни Тарновъ (Natalie); вышедшая замужъ за Левина Шюкинга, Луиза фонъ Галль, писавшая новеллы; умершая въ сентябрѣ 1852 на островѣ Явъ, Тереза (рожденная Штруве, бывшая замужемъ за Лютцовомъ); въ ея романахъ (Lydia; Falkenberg) замѣтно стараніе подражать Жоржъ Санду; Ида фонъ Дюрингсфельдъ (Schloss Goszyn; Margarete von Valois); Элиза Польшко (рожд. Фогель), писавшая музыкальныя сказки; Генриетта Генр. Ганке. Вильгельмина Ганке, написавшая нѣсколько романовъ, которые хорошо задуманы и имѣли цѣлю пробуждать благочестивыя чувства, но не отличались выдающимися достоинствами (Die Freundinnen; Die Perlen; Die Schwiegermutter); швабская уроженка Оттилія Отт. Вильдермуть. Вильдермуть, выказавшая въ своихъ разсказахъ близкое знакомство съ швабскою жизнью и горячую любовь къ своей родинѣ (Bilder aus der schwäbischen Heimat; Aus dem Frauenleben). Внучка Гельм. ф. Каршина, Гельмина фонъ Шези, сначала вызывавшая много похвалъ, а потомъ совершенно позабытая, принадлежитъ по своему направленію къ школѣ романтиковъ. О ея жизни, полной тревогъ, свидѣтельствуютъ Denkwürdigkeiten, изданныя послѣ того, какъ она умерла въ Женевѣ.

Между лирическими поэтессами прославились: сочинявшая пѣсни, дѣтски благочестивая и въ послѣдствіи перешедшая въ католическую вѣру, Луиза Гензель; Адельгейда ф. Штольтерфортъ, писавшая рейнскія пѣсни и народныя сказанія; гессенская уроженка Луиза ф. Д. Пленнисъ. Пленнисъ, прославившаяся какъ художественными переводами голландскихъ и англійскихъ поэтовъ, такъ и собственными поэтическими произведеніями (Der Sonettenkranz; Abälard und Heloise; Gedichte; Die niederländische Sage Mariken von Nymwegen; Die sieben Raben); Австрійка Елизавета Глюкъ (псевдонимъ Бетти Наоли), писавшая кромѣ стихотвореній критическія статьи объ искусствѣ (Wiens Gemäldegalerien). Въ драматической поэзіи пріобрѣла нѣкоторую извѣстность Шарлотта Биршъ—Пфейфферъ главнымъ образомъ тѣмъ, что умѣла всякій нравившійся публикѣ сюжетъ, облекать въ форму театральной пьесы, между тѣмъ какъ Элиза Шмидтъ то привлекала къ себѣ, то отталкивала публику пьесами въ вычурно-геніальномъ направленіи Геббеля (Judas Ischariot—сю-

жетъ, заимствованный изъ священной исторіи, но изложенный съ примѣсью любовной интриги; *Der Genius der Gesellschaft* изъ жизни Байрона; *Machiavelli*; *Peter der Grosse*). Драмы г-жи Биршъ-Пфейфферъ не отличаются глубиною содержанія; онѣ не лишены нѣкоторыхъ достоинствъ только потому, что, подобно драмамъ Коцебу, легко исполняются на сценѣ и слегка растрогиваютъ людей съ впечатлительными натурами. Текла ф. Гумпертъ заслуживаетъ похвалы, какъ сочинительница привлекательныхъ разсказовъ для юношества, написанныхъ въ хорошемъ нравственномъ направленіи и съ удачнымъ выборомъ содержанія.

Аннетта ф. Дросте-Гюльсгоффъ, род. въ 1797 въ отцовскомъ наслѣдственномъ помѣстьѣ Гюльсгоффъ подлѣ Мюнстера въ Вестфалии, получила тщательное, но строго-католическое и консервативное воспитаніе и провела въ деревнѣ всю свою молодость. Только въ болѣе позднюю пору своей жизни она завела болѣе широкое знакомство въ Боннѣ и въ Кёльнѣ. Она кончила жизнь въ домѣ своего зятя, германиста Іосифа ф. Лассберга, въ Меерсбургѣ на берегу Боденскаго озера. Всѣ ея поэтическія произведенія коректы на почвѣ ея родины и ея церкви. Съ тою и съ другою она срослась всѣми фибрами своей души и придала имъ обѣимъ привлекательный блескъ благодаря своей высокой поэтической даровитости. Но ея кроткая челоѣколюбивая душа была недоступна для фанатизма и религіозной нетерпимости. По словамъ Стерна, ни въ какихъ произведеніяхъ нѣмецкой литературы католическіе элементы не являются такими-же пріятными, чистыми, привлекательными, какъ въ стихотвореніяхъ мюнстерской баронши. Между ея стихотвореніями, появившимся въ различныхъ литературныхъ сборникахъ, достойны особаго вниманія *Die Heidebilder*, *Die Schlacht im Lornier Bruch* и отрывокъ романа *Der Edelmann aus der Lausitz im Hause seiner Väter*.—Графиня Ида ф. Ганъ-Ганъ, род. въ 1805 въ мекленбургскихъ владѣніяхъ, была дочь чудака, истратившаго большую часть своего состоянія на безразсудныя театральныя предпріятія; она въ теченіе трехъ лѣтъ (1826—1829) находилась въ брачномъ союзѣ съ богатымъ графомъ ф. Ганъ-Ганомъ, но потомъ развелась съ нимъ и съ тѣхъ поръ вела странническую жизнь, во время которой не только посѣтила всѣ европейскія страны, но даже объѣхала востокъ, заимствуя тамъ сюжеты для своихъ литературныхъ произведеній (*Jenseits der Berge*; *Reisebriefe*; *Erinnerungen aus und an Frankreich*; *Ein Reiseversuch im Norden*; *Orientalische Briefe*). Она издавала одинъ вслѣдъ за другимъ романы, которые очень нравились въ нѣкоторыхъ кружкахъ, потому что она превозносила въ нихъ аристократическія превосходства тѣхъ знатныхъ женщинъ, „у которыхъ вѣчная женственность достигла въ своемъ развитіи совершенства внѣшней формы“ (*Aus der Gesellschaft*; *Der Rechte*; *Gräfin Faustine*; *Ulrich*; *Sigismund Forster* и въ видѣ продолженія *Cecil*).—Каролина Пихлеръ, род. въ Вѣнѣ въ 1769, была дочь гофрата Грейнера; она получила превосходное воспитаніе подъ руководствомъ своей матери, которую когда-то взяла къ себѣ, какъ сироту, Марія Терезія, а потомъ сдѣлала изъ нея лектрису. Въ 1796 она вышла замужъ за правительственнаго совѣтника Андр. Пихлера. Послѣ нѣсколькихъ идиллій и незначительныхъ стихотвореній она написала самый знаменитый изъ своихъ романовъ *Agathokles*, въ которомъ старалась, въ противоположность съ Гиббономъ, доказать благотворное вліяніе христіанства на облагороженіе челоѣческаго рода. Ея остальные романы, написанные болѣею частью на историческіе сюжеты (*Die Grafen von Hohenberg*; *Ferdinand II*;

Ан. Дросте
Гюльсгоффъ.

Ида ф. Ганъ-
Ганъ.

К. Пихлеръ.

I. Шопен-
гауеръ.

Die Belagerung Wiens von 1683; Henriette von England), менѣ достойныя вниманія, а изданныя послѣ ея смерти, *Denkwürdigkeiten aus meinem Leben*, страдают растянутымъ пустословіемъ. — Иоганна Шопенгауеръ род. въ 1766 въ Данцигѣ и послѣ богатой разными приключеніями жизни умерла въ 1838 въ Іенѣ. Какъ писательница, она приобрѣла въ первый разъ извѣстность въ литературномъ мірѣ біографіей своего друга Фернова (*Fernows Leben*), потомъ она издала нѣсколько описаній путешествій и новеллъ (*Reise durch England und Schottland; Reise durch das südliche Frankreich bis Chamouny; Ausflucht an den Rhein; Novellen fremd und eigen*) и наконецъ нѣсколько романовъ, между которыми болѣе всѣхъ извѣстны *Gabriele, Die Tante; Sidonia*. Ея дочь Адель Шопенгауеръ написала *Haus-Wald-und Feldmärchen*. О ея сынѣ Артурѣ, — этомъ остроумномъ философѣ и чудацкѣ, — мы будемъ говорить впослѣдствіи.

II. Обзоръ литературы настоящаго времени и недавняго прошлаго.

Распростра-
ненность ли-
тературныхъ
произведеній.

Въ старыя времена поэзія процвѣтала лишь въ нѣкоторыхъ центрахъ литературной дѣятельности и потому получала болѣе или менѣе опредѣленный провинціальный или мѣстный отпечатокъ; а въ нашемъ вѣкѣ усиливавшееся стремленіе нѣмецкаго народа къ національному единству выразилось между прочимъ и въ томъ фактѣ, что литературныя произведенія стали распространяться повсюду почти равномерно и получили національный характеръ. Само собой разумѣется, что для писателей и поэтовъ служили сборными пунктами преимущественно столичные города съ своими театрами, собраніями художественныхъ произведеній и общественными удовольствіями, университетскіе города съ своими библіотеками и учеными обществами и такіе главные центры книжной торговли, какъ Лейпцигъ, Берлинъ, Штутгартъ, Франкфуртъ; также вполнѣ естественно, что главные отличительныя черты того или другого нѣмецкаго племени и мѣстное настроеніе умовъ не оставались безъ вліянія на характеръ литературы; но мы стали бы тщетно искать такого же средоточія, распространяющаго свои лучи во всѣхъ направленіяхъ, какимъ когда-то были саксонскія и тюрингскія провинціи. Берлинъ долго былъ главнымъ центромъ изученія философіи и всѣхъ наукъ, основанныхъ на умозрительныхъ выводахъ; Мюнхенъ былъ разсадникомъ образовательныхъ искусствъ, а въ новѣйшее время центромъ оживленной умственной дѣятельности; Лейпцигъ и Дрезденъ были средоточіями литературной дѣятельности въ области критики, драматическаго искусства и беллетристики; и въ другихъ нѣмецкихъ странахъ были замѣтны стремленія къ самостоятельной умственной жизни и дѣятельности. Только со времени основанія новой германской имперіи Берлинъ сталъ сильно привлекать къ себѣ писателей, поэтовъ, художниковъ и ученыхъ. Только будущее докажетъ, спосо-

бенъ-ли новый Берлинъ сдѣлаться, подобно Парижу, средоточіемъ всей умственной жизни націи. Свойственная нѣмецкому народу, привязанность къ племеннымъ особенностямъ и къ мѣстнымъ условіямъ общественной жизни служить ручательствомъ въ томъ, что централизація умственной дѣятельности не будетъ доведена до крайности. Въ слѣдующемъ изложеніи мы старались сдѣлать обзоръ нѣмецкой изящной литературы новаго времени въ каждомъ изъ отдѣльных нѣмецкихъ государствъ, а выдающихся нѣмецкихъ писателей распредѣлить по тѣмъ странамъ, которыя были ихъ родиной или мѣстомъ ихъ продолжительнаго пребыванія. Исполненіе этого плана становится все болѣе труднымъ по мѣрѣ того, какъ усиливается склонность художниковъ и ученыхъ къ переѣздамъ изъ одного мѣста въ другое, а прежняя замкнутость отдѣльных нѣмецкихъ провинцій исчезаетъ. Оно было-бы болѣе легкимъ въ первыя десятилѣтія текущаго столѣтія, но и въ настоящее время оно до нѣкоторой степени возможно. Въдѣ отличительныя особенности очень многихъ изъ нашихъ лучшихъ писателей коренились въ мѣстной провинціальной почвѣ. Это справедливо по меньшей мѣрѣ относительно нашихъ трехъ самыхъ замѣчательныхъ писателей новаго времени — Поля Гейзе, Густава Фрейтага и Феликса Дана; поэтому мы съ нихъ и начинаемъ нашъ обзоръ.

Къ числу самыхъ даровитыхъ и самыхъ плодовитыхъ поэтовъ новаго времени принадлежитъ Полю Гейзе, род. 15 марта 1830 въ Берлинѣ; онъ съ 1854 года или жилъ въ Мюнхенѣ, куда былъ приглашенъ королемъ Максимилианомъ, или искалъ въ путешествіяхъ новыхъ идей и сюжетовъ для своихъ поэтическихъ произведеній. Занимаясь изученіемъ сначала классической, а потомъ романской филологіи, онъ скоро пришелъ къ убѣжденію, что ему недостаетъ историческихъ познаній, необходимыхъ для правильнаго пониманія современныхъ условій дѣйствительной жизни. Ему было съ небольшимъ двадцать лѣтъ, когда онъ предпринялъ свое первое путешествіе въ Италію и едва-ли не болѣе всѣхъ современныхъ писателей содѣйствовалъ развитію нѣмецкаго изящнаго вкуса увлекательнымъ изяществомъ изложенія, умѣньемъ мастерски владѣть языкомъ и законченной отдѣлкой своихъ рассказовъ. Его новеллы, написанныя частію стихами, частію прозою, и сдѣлавшіяся любимымъ чтеніемъ нѣмецкаго народа, издавались въ различныхъ сборникахъ подъ названіями *Novellen*, *Meraner Novellen*, *Buch der Freundschaft* и подъ другими заглавіями. Онѣ очаровываютъ и своей оригинальностью и глубиною чувствъ. И его романы *Kinder der Welt* и *Im Paradiese* отличаются изящной формой изложенія, привлекательнымъ слогомъ и наглядными характеристиками. Такими-же достоинствами отличаются его драматическія и лирическія произведенія—получившая премію, драма *Die Sabinerinnen*, комедія *Elisa*

П. Гейзе,
род. 1830.

beth Charlotte, Hans Lange, Kolberg и Verse aus Italien. Однако, его романы и драматическія произведенія не производятъ такого-же глубокаго впечатлѣнія, какъ мастерски—написанныя новеллы.

Г. Фрейтагъ, Густавъ Фрейтагъ, безспорно, самый выдающійся изъ новѣйшихъ нѣмецкихъ романистовъ. Его романъ *Soll und Haben*, заключающій въ себѣ характеристику купеческаго сословія и описаніе трудовой жизни нѣмецкаго народа, есть настоящее классическое произведеніе. Онъ родился 13 іюля 1816 въ Крейцбургѣ, въ Силезіи, а самые плодотворные годы своей поэтической дѣятельности провелъ въ Дрезденѣ и въ Лейпцигѣ; тамъ были написаны: его драмы *Valentine* и *Graf Waldemar*—картина нравовъ знатнаго общества; *Die Journalisten*; одна изъ лучшихъ нѣмецкихъ комедій—*Die Fabier*; написанные болѣею частію на сюжеты изъ старинныхъ хроникъ *Bilder aus der deutschen Vergangenheit*; романъ *Die verlorne Handschrift* и обширный культурно-историческій рассказъ *Die Ahnen*. Основные правила драматическаго искусства Фрейтагъ изложилъ въ своемъ сочиненіи *Die Technik des Dramas*. Съ 1879 года онъ жилъ въ Висбаденѣ и тамъ недавно написалъ свою автобіографію.

Данъ, Феликсъ Данъ, род. 9 февраля 1834 въ Гамбургѣ, былъ профессоромъ въ Вюрцбургѣ, въ Кёнигсбергѣ и въ Бреславлѣ; онъ извѣстенъ столько-же какъ вдохновенный поэтъ, сколько какъ ученый юристъ и историкъ. Онъ избралъ сюжетомъ для своихъ произведеній древне-сѣверное язычество въ его борьбѣ съ побѣдоноснымъ христіанствомъ (*Sind Götter?*; *Odhins Trost*) и времена переселенія народовъ. Въ своемъ историческомъ романѣ *Ein Kampf um Rom* онъ нарисовалъ великолѣпную картину господства Остготовъ въ Италіи и ихъ печальной гибели. Въ научной сферѣ особенно замѣчательны его *Die Könige der Germanen* и труды по исторіи переселенія народовъ.

Д. Южная и западная Германія.

1. Прирейнскія страны.

Прирейнскія страны. Разнообразныя области литературы, науки и искусства тщательно и успѣшно разрабатывались въ прирейнскихъ городахъ — въ Дюссельдорфѣ, гдѣ развивала свою дѣятельность художественная школа, однородная съ мюнхенской, въ Боннѣ, гдѣ существовалъ знаменитый университетъ, гдѣ когда-то работали Арндтъ и Дальманъ и гдѣ родился Бетховенъ, во Франкфуртѣ, гдѣ зажиточные бюргеры горячо интересовались всѣмъ, что касалось успѣховъ литературы и цивилизаціи. На романтическихъ берегахъ Рейна жили: драматургъ и романистъ К. Иммерманъ (1796—1840); авторъ драмъ Христіанъ

Граббе (1801—1836), отличавшійся какою-то дикою даровитостью и затемнявшій свою врожденную геніальность преувеличеніями, отсутствіемъ всякихъ правилъ и отвратительными сумасбродствами (Don Juan und Faust; Herzog von Gotland; Hannibal; Friedrich Barbarossa; Heinrich VI; Hermannsschlacht); лирики Христ. Мацератъ и умершій въ 1858 въ молодыхъ лѣтахъ А. Шульцъ (Martin Lutter, ein lyrisch—epischer Zyklus; Ludwig Carst); поэтъ и писатель Ф. Э. Риттерсгаузъ; собиравшій и обработывавшій древне-германскія народныя сказанія и народныя пѣсни, К. I. Симрокъ (ум. въ 1876); занимавшійся въ Ахенѣ поэзіей, каноникъ В. Сметсъ; критикъ и романистъ Левинъ Шюкингъ (Schloss am Meer; Die Ritterbürtigen); авторъ комедій Род. Бенедиксъ (1811—1873: Doctor Wespe; Der Liebesbrief; Der alte Magister; Das bemoste Haupt; Der Steckbrief; Aschenbrödel и другія театральныя пьесы, содержаніе которыхъ заимствовано изъ дѣйствительной жизни нѣмецкаго народа); одаренный богатой фантазіей, поэтъ и знатокъ искусства Готфридъ Кинкель; ученый историкъ искусства и критикъ Г. Шнаазе (1798—1875); кромѣ того поэтесса Адельгейда ф. Штольтерфотъ, Карлъ Вейбъ, Вольфг. Мюллеръ фонъ-Кёнигсвинтеръ собирали и обрабатывали народныя сказанія, сохранившіяся на берегахъ Рейна. Въ своемъ романѣ Die Erigonen Иммерманнъ подражалъ «Вильгельму Мейстеру», но замѣнилъ художественныя и возвышенныя влеченія своего образца дюжиннымъ реализмомъ позднѣйшаго времени и низвелъ идеалъ до пошлости. Въ его Münchhausen мѣткая характеристика вестфальскаго деревенскаго старосты вознаграждаетъ читателя за натянутое остроуміе и сатирическіе намеки. Изъ многочисленныхъ драмъ и стихотвореній Иммерманна достойны упоминанія: Andreas Hofer; трилогія Alexis; предѣстное комическое героическое стихотвореніе Tulifantchen: мнѣнское сказаніе Merlin, которое нерѣдко называютъ «Фаустомъ» Иммерманна, и, наконецъ, къ сожалѣнію неоконченное повѣствовательное стихотвореніе Tristan und Isolde, въ которомъ воспѣвается любовь. И отличавшійся своимъ образованіемъ, знаніемъ свѣта и людей, новеллистъ Rehfues, написавшій нѣсколько прекрасныхъ романовъ (Scipio Cicala; Die neue Medea), жилъ до своей смерти (въ 1843) въ Боннѣ въ званіи куратора университета; и прославившійся своими многочисленными сочиненіями объ исторіи Италіи и объ исторіи искусства, совѣтникъ прусскаго посольства Альфредъ ф. Реймонъ, родился въ 1808 въ Ахенѣ. Онъ долго вращался въ высшемъ итальянскомъ обществѣ, принималъ путешествія въ Грецію, въ Малую Азію, въ Константинополь, и въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ (между которыми занимаютъ главное мѣсто «Исторія города Рима», «Лоренцо Медичи» и «Исторія Тосканы») постоянно обнаруживалъ свое образованіе и ученость, но не всегда предохранялъ себя отъ аристократическихъ

и клерикальных предразсудковъ и воззрѣній. Подобно римскому поэту Авзонію, воспѣвавшему долину Мозеля, кельнскій уроженецъ Густ. Пфарріусъ воспѣвалъ долину Наэ, а зобернгеймскій уроженецъ, пасторъ Ёртель писалъ, подъ вымышленнымъ именемъ В. О. фонъ-Горна, народные рассказы (Die Spinnstube; Friedel; Rheinische Dorfgeschichten; народный листокъ Die Maje) и цѣлый рядъ сочиненій христіанско-религіознаго содержанія. Незадолго до своей смерти въ Висбаденѣ (1867) онъ довелъ до конца сочиненіе Der Rhein, Geschichte und Sagen seiner Bürger, Abteien, Klöster, Städte. Отто Мюллеръ, жившій то въ Маннгеймѣ, то въ другихъ прирейнскихъ городахъ, написалъ нѣсколько біографическихъ романовъ изъ литературнаго прошлаго Германіи (Bürger, ein deutsches Dichterleben; Charlotte Ackermann; Der Stadtschultheiss von Frankfurt; Der Professor von Heidelberg). И публицистъ и драматургъ Генр. Крузе, родившійся въ 1815 въ Штральзундѣ, провелъ много лѣтъ въ прирейнскихъ странахъ, сотрудничая въ «Кельнской газетѣ». Его историческія драмы (Die Gräfin; Wullenwever; König Erich; Moritz von Sachsen; Marino Fariello; Das Mädchen von Byzanz) отличаются живостью діалога, мѣткостью характеристикъ и разнообразіемъ сценъ. Герм. Грибенъ также писалъ статьи для «Кельнской газеты» и воспѣвалъ въ своихъ стихотвореніяхъ жизнь на берегахъ Рейна.

Франкфуртъ. Родина Гёте и Клингера, городъ Франкфуртъ издавна привлекалъ къ себѣ даровитыхъ людей, но не всегда могъ ихъ къ себѣ привязывать. О цивилизаціи его жителей свидѣтельствовали: Штеделевскій институтъ съ своими художественными сокровищами, изученію которыхъ посвящали себя художники романтической школы Вейтъ, Штейнле, Пассавантъ (ум. въ 1861), скульпторъ Шмидтъ фонъ-деръ-Лауницъ (ум. въ 1869); музей естественной исторіи; учебныя заведенія съ гуманистическимъ и съ реалистическимъ направленіями, гдѣ трудились директоры Классенъ, Тихо Моммсенъ, Кюперъ, Пальдамусъ, истолкователь произведеній Шекспира Крейссигъ (ум. въ 1879), историки Кригъ (умершій въ 1878 году на должности управляющаго городскимъ архивомъ) и Крейценахъ. Историкъ Эдуардъ Суше былъ родомъ изъ Франкфурта; тамъ-же постоянно жилъ философъ Шопенгауеръ. Во Франкфуртъ поселился и Вильгельмъ Іорданъ (стр. 471) послѣ того, какъ онъ былъ членомъ франкфуртскаго парламента и утратилъ надежду осуществить свои политическіе и патріотическіе идеалы; тамъ онъ старался разъяснять вопросы и проблемы своего времени въ религіозно-философскихъ стихотвореніяхъ и романахъ (Demiurgos; Die Sebalds), или-же излагалъ въ стихахъ сказанія о Нибелунгахъ и Зигфридѣ. Онъ также былъ авторомъ остроумной комедіи Durchs Ohr. Гадамаръ въ Нассаускихъ владѣніяхъ былъ родиной К. Брауна, который пріобрѣлъ извѣстность

и какъ многосторонній публицистъ въ особенности по политико-экономическимъ вопросамъ, и какъ отличавшійся изящнымъ слогомъ писатель (*Bilder aus der deutschen Kleinstaatserei; Reisebilder*) и какъ членъ пассаускаго сейма.

Гейдельбергъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій средоточіемъ романтическихъ стремленій: тамъ находились знаменитыя художественныя произведенія, собранныя братьями Буассере; тамъ Даубъ и Крейцеръ занимались поэтически-философскими изслѣдованіями; тамъ нѣсколько времени жила Гюндероде, сдѣлавшаяся известной какъ своею трагическою смертію, такъ и благодаря письмамъ Беттины; тамъ энергичный Тибо трудился на пользу музыкальнаго искусства. Для развитія литературы оказались полезными даже нападки Фосса на романтическое направленіе и на символическое объясненіе мифовъ Крейцеромъ, который полагалъ, что въ греческой мифологіи кроются основныя идеи древнѣйшей восточной религіи. Въ лицѣ Фр. Вильг. Карла Умбрейта (умершаго въ 1860) еврейская поэзія нашла для себя истолкователя и переводчика въ духѣ Гердера. Гейдельбергскій университетъ, пользовавшійся блестящею известностью въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ, а вслѣдствіе войнъ и умственного гнѣта находившійся въ упадкѣ въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, снова занялъ выдающееся мѣсто въ области знанія благодаря покровительству баденскаго курфюрста Карла Фридриха. Знаменитыхъ ученыхъ и любителей поэзіи привлекали въ Гейдельбергъ и красоты мѣстной природы и умственная атмосфера; на мѣстномъ діалектѣ писалъ юмористическій пѣвецъ природы К. Надлеръ свои стихи *Fröhlich Pfalz, Gott erhalts!* Тамъ-же поселялись на время многіе политическіе писатели, какъ напр. Рохау и Венедей. Лудвигъ ф. Рохау (ум. въ 1873), принявшій послѣ франкфуртскаго возстанія (стр. 216) путешествіе въ западную и южную Европу, пріобрѣлъ, — послѣ возвращенія въ свое отечество, — известность своими публицистическими статьями и историческими сочиненіями (*Realpolitik; Geschichte Frankreichs vom Sturz Napoleons; Geschichte des deutschen Landes und Volks*). Также жившій много лѣтъ изгнанникомъ, Іаковъ Венедей (ум. въ 1871) прожилъ, послѣ распушенія франкфуртскаго національнаго собранія, нѣсколько лѣтъ въ Гейдельбергѣ, занимаясь изданіемъ исторіи Германіи. Между профессорами гейдельбергскаго университета недавно пріобрѣлъ известность своими историческими романами Адолфъ Гаузратъ (подъ именемъ Г. Тэйлора).

Въ Карлсруэ, гдѣ драматургъ Эд. Девріенъ долго былъ директоромъ придворнаго театра, а въ 1873 уступилъ свое мѣсто драматургу Густаву Путлицу, жили писатели Максъ Шенкендорфъ (XIV, 917) и Петръ Гебель. Къ числу баденскихъ уроженцевъ также принадлежали: драматическій поэтъ Іос. фонъ Ауффенбергъ (род. въ Фрейбургѣ въ 1798,

Карлсруэ.

ум. въ 1857), авторъ драмъ Pizarro, Die Flibustier, Wallas, Die Syrakusaner; даровитый поэтъ Юс. Викт. ф. Шеффель (1826-1886), авторъ повѣствовательнаго стихотворенія Der Trompeter von Säckingen, романовъ Ekkehard и Frau Aventure и сборника пѣсенъ въ духѣ миннезенгеровъ. На баденской государственной службѣ долго состоялъ остроумный графъ Бенцель—Штернау (род. въ Майнцѣ въ 1767, ум. въ Констанцѣ въ 1851); это былъ юмористъ въ родѣ Жанъ-Поля, только менѣе склонный къ идеализму (Das goldene Kalb; Der steinerne Gast); онъ также писалъ драмы (Der Geist von Canossa) и былъ извѣстенъ за горячаго поборника гражданской свободы (Gespräche im Labyrinth; Der alte Adam). Плодовитымъ біографомъ и историкомъ былъ баденскій архивный чиновникъ Фр. ф. Веехъ. Филологи и школьные преподаватели Вендтъ, Улигъ, Лёлейнъ, К. Мейеръ старались своею литературною дѣятельностью пробуждать и поддерживать въ Баденѣ гуманистическое настроеніе умовъ. Въ Баденъ-Баденѣ жилъ Августъ Левальдъ (род. въ Кёнигсбергѣ въ 1792, ум. въ 1871 въ Мюнхенѣ), бывшій въ теченіе многихъ лѣтъ издателемъ журнала «Европа»; онъ былъ авторомъ нѣсколькихъ описаній путешествій, новеллъ и другихъ беллетристическихъ произведеній; нѣкогда пользовавшійся большою извѣстностью Карлъ Шпиндлеръ, авторъ многочисленныхъ романовъ (Der Bastard; Der Jude; Der Jesuit; Der Invalide; Die Nonne von Gnadenzell), провелъ въ Баденъ-Баденѣ послѣдніе тридцать два года своей жизни и умеръ тамъ въ іюлѣ 1855.

Пфальцъ.

И баварскій Пфальцъ принималъ въ новѣйшее время дѣятельное участіе въ развитіи нѣмецкой науки и нѣмецкаго искусства. Горячій интересъ къ идеальнымъ благамъ человѣчества обнаруживался и въ Цвейбрюкенѣ, когда-то славившемся изслѣдованіями по классической филологіи, и въ Ландау, гдѣ Эд. Юстъ писалъ историческія новеллы, а пасторъ Леманнъ занимался изученіемъ мѣстной исторіи (Urkundliche Geschichte der Burgen in der bayrischen Pfalz; Geschichte des Herzogtums Zweibrücken), и въ романтическомъ Дюркгеймѣ съ его великолѣпными монастырскими развалинами, гдѣ Мелль изучалъ остатки до-исторической жизни, и въ Шпейерѣ, который былъ родиной статистика Г. Ф. Кольба, и въ Нейштадтѣ, въ Франкенталѣ, въ Кейзерслаутернѣ. Изъ Бергцаберна, родины автора этого сочиненія, ведетъ свое происхожденіе скульпторъ Конр. Кюллеръ; въ окрестностяхъ этого города родился поэтъ и романистъ Авг. Бекеръ (Jungfriedel der Spielmann; Des Rabbi Vermächtniss; Vervehmt; Hedwig; сборникъ очерковъ Die Pfalz und die Pfälzer); эти два писателя избрали Мюнхенъ центромъ своей художественной дѣятельности. И родившійся въ 1839 въ Шпейерѣ, Мартинъ Грейфъ (Фридр. Генр. Фрей), жилъ постоянно въ Мюнхенѣ. И политическій единомышленникъ Венедее и Рохау, Даниэль Писторъ, произнесшій очень смѣлую

рѣчь на гамбахскомъ празднествѣ (стр. 214), покинулъ свою родину— городокъ Бергцабернъ и поселился въ Мецѣ, но впослѣдствіи возвратился въ старое отечество.

Фрейбургъ съ своимъ стариннымъ соборомъ былъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, политической силой оттого, что тамъ жили либеральные депутаты Роттекъ, Велькеръ, Дюттлингеръ, а первые двое стали издавать «государственный лексиконъ», имѣвшій большое вліяніе на общественное мнѣніе. Тамъ жилъ также археологъ Ансельмъ Фейербахъ (ум. въ 1851), авторъ сочиненія *Apollo von Belvedere*. Фрейбургу придаетъ важное значеніе образовательное заведеніе для католическихъ теологовъ; курія, прежде придерживавшаяся болѣе либеральнаго направленія, сдѣлалась въ новѣйшее время слугою ультрамонтанизма; тѣмъ не менѣе и Гиршеръ (ум. въ 1865) и ученый Штауденмейеръ (ум. въ 1856) и Ксаверій Крауссъ считались украшеніями своей церкви. Филологъ Карлъ Целль, сдѣлавшійся въ позднѣйшіе годы своей жизни рѣшительнымъ поборникомъ ультрамонтанскихъ и ретроградныхъ воззрѣній, жилъ въ Фрейбургѣ до своей смерти (1873). Жительница Фрейбурга, дочь г-жи Биршъ-Пфейфферъ, Вильгельмина фонъ Гиллернъ, прославившаяся своими романами (*Ein Arzt der Seele*) и новеллами (*Geier—Wally*), недавно переѣхала изъ этого города въ Обераммергау. Въ Констанцѣ жилъ и умеръ (1860) бывшій правитель констанцскаго епископства, баронъ Генр. Карлъ Вессенбергъ (XIV, 533, XV, 46), употреблявшій свое свободное время на сочиненіе лирическихъ и эпическихъ стихотвореній (*Blüten aus Italien; Julius oder die Pilgerfahrt*), на историческіе и философскіе труды (*Die grossen Kirchenversammlungen des fünfzehnten und sechszehnten Jahrhunderts; Gott und die Welt*). Вѣрный своимъ убѣжденіямъ, онъ до самой смерти придерживался либеральныхъ воззрѣній на церковные вопросы. Баронъ Лассбергъ (ум. въ 1855) провелъ позднѣйшіе годы своей жизни на берегу Боденскаго озера, занимаясь изученіемъ давно прошедшихъ временъ (*Liedersaal*) и теряя изъ виду настоящее изъ сочувствія къ старымъ временамъ рыцарства и феодализма. Въ его помѣстьи кончила жизнь и его родственница Аннетта фонъ Дросте-Гюльсгоффъ.

Въ Эльзасѣ братья Августъ и Адольфъ Штёберы поддерживали сочувствіе къ нѣмецкой поэзіи и подъ французскимъ владычествомъ; тамъ были люди писавшіе поэтическія произведенія и на мѣстномъ діалектѣ, какъ это доказалъ страсбургскій токарный мастеръ Даниль Гирцъ; съ тѣхъ поръ, какъ эта страна была снова присоединена къ Германіи, въ ней открылось болѣе широкое поприще для литературной дѣятельности по всѣмъ сферамъ знанія. Въ Раппольсвейлерѣ жила писательница Марія Ребе (жена пастора Михеля), много содѣйствовавшая разясненію вопроса о женскомъ образованіи.

2. Швейцарія.

Швейцарія. Въ Швейцаріи пріобрѣли извѣстность въ литературномъ мірѣ: Іере-
мія Готтгельфъ (его настоящее имя Альб. Биціусъ, ум. въ 1854),
писавшій книги для народа въ духѣ Песталоцци только въ менѣе
благородномъ тонѣ и съ болѣе грубымъ натурализмомъ, но съ фи-
лантропическими цѣлями просвѣщеннаго христіанина (*Bauernspie-
gel; Uli der Knecht; Leiden und Freuden eines Schulmeisters; Erzählungen und Bilder aus dem Volksleben der Schweiz*—сцены
изъ жизни швейцарскаго народа, отличающіяся реалистической вѣр-
ностью и наглядной ясностью); историки Іоаннъ Шерръ, Генне Амъ
Рейнъ, І. І. Гонеггеръ — сочиненіями по исторіи культуры, и А. Э.
Фрѣлихъ баснями, разсказами и духовными пѣснями. Фрѣлихъ, при-
держивавшійся середины между лаконизмомъ Лессинга и словоохот-
ливостью Лафонтена, старался соединять въ своихъ басняхъ антич-
ную сжатость и ясность слога съ новѣйшей гладкостью и привлека-
тельностью. — Базель, издавна находившійся въ тѣсныхъ сношеніяхъ
съ Германіей, былъ ей обязанъ и многими изъ своихъ лучшихъ
литературныхъ силъ (Де Ветте, поэтъ и филологъ Вильг. Вакерна-
гель, ум. въ 1869). Напротивъ того, слѣдующіе писатели были
швейцарскими уроженцами: авторъ исторіи церкви и поэтъ Гаген-
бахъ, историкъ и знатокъ искусства І. Буркгардтъ, историкъ лите-
ратуры Г. Гельцеръ. Въ Шафгаузенѣ жилъ много лѣтъ публицистъ
и историкъ, гессенъ-кассельскій уроженецъ Адамъ Пфафъ. Въ Цю-
рихѣ и въ Бернѣ находили для себя безопасное убѣжище и доста-
точно широкую сферу дѣятельности многіе изъ нѣмецкихъ писате-
лей, — какъ напр. Кинкель и Іоаннъ Шерръ. Двое самыхъ замѣча-
тельныхъ цюрихскихъ поэтовъ, прославившихся въ наше время —
Готфридъ Келлеръ (род. 1819) и Конрадъ Фердинандъ Мейеръ (род.
1825), сходились между собою въ желаніи, чтобъ ихъ произведенія
служили украшеніемъ для нѣмецкой литературы. Къ числу самыхъ
замѣчательныхъ сочиненій Готфрида Келлера принадлежатъ слѣдую-
щіе: *Der grüne Heinrich*, гдѣ встрѣчается много воспоминаній изъ
юношеской жизни поэта, и *Die Leute von Seldwyla*, куда входитъ
новелла *Romeo und Julia auf dem Dorf* — этотъ самый изящный
перлъ въ блестящемъ вѣнкѣ поэта. К. Ф. Мейеръ даетъ намъ въ
своихъ романахъ (*Jürg Jenatsch; Der Heilige*) великолѣпныя ха-
рактеристики, которыя хотя и рѣзко отдѣляются отъ своей истори-
ческой подкладки, но пропитаны духомъ своего времени. Очень при-
влекательно его эпико-лирическое стихотвореніе *Huttens letzte Tage*.
Въ Бернѣ живетъ въ званіи директора женской школы и въ качествѣ
сотрудника газеты *Bund* Іосифъ Викторъ Видманъ (род. въ 1842
въ Ненновицѣ, въ Моравіи, а воспитывавшійся въ Листалѣ), авторъ

драматическихъ и эпическихъ стихотвореній частію философскаго и религіознаго содержанія (*Iphigenie in Delphi; Buddha*). Самое удачное изъ его произведеній — идиллія *Den Menschen ein Wohlgefallen*. Такъ-же пріятны своей свѣжестью и живостью произведенія Іоанны Спири. — Между многочисленными Нѣмцами, искавшими и находившими въ Швейцаріи убѣжище отъ преслѣдованій, которымъ подвергались въ своемъ отечествѣ за свои политическія или религіозныя мнѣнія, выдѣлялся въ концѣ восемнадцатаго столѣтія магдебургскій уроженецъ І. Генр. Цшюкке (XIV, 916); послѣ того, какъ онъ въ своей ранней молодости занимался сочиненіемъ драмъ въ господствовавшемъ въ то время, романтическомъ направленіи (*Abällino der grosse Bandit; Julius von Sassen*), онъ поселился въ Швейцаріи, сначала въ Граубюнденѣ, потомъ въ Ааргау и такъ успѣшно трудился частію въ должности школьнаго учителя, частію на административной должности, что ему было дано званіе гражданина швейцарской республики. При этомъ онъ обнаруживалъ необыкновенную дѣятельность какъ литераторъ и публицистъ, преслѣдовавшій практическія общепользныя цѣли (*Miszellen der neuesten Weltkunde; Erheiterungen*), и написалъ нѣсколько историческихъ сочиненій (*Bayrische Geschichten; Des Schweizerlands Geschichten für das Schweizer Volk*), находившихъ многочисленныхъ читателей, и цѣлый рядъ новеллъ, стихотвореній, рассказовъ, очерковъ (*Bilder aus der Schweiz; Der Kreole; Alamontade*). Самымъ распространеннымъ изъ его сочиненій была книга *Stunden der Andacht*, отзывавшаяся повѣйшимъ раціонализмомъ; она выдержала двадцать шесть изданій, привлекая читающую публику отчасти и тѣмъ, что авторъ не поставилъ на ней своего имени. Цшюкке умеръ 27 іюня 1848 въ глубокой старости. II романистъ Карлъ Сильсфильдъ, (1793—1864), родившійся въ нѣмецкихъ владѣніяхъ Австріи и пріобрѣтшій извѣстность искусной обработкой американскихъ сюжетовъ (*Lebensbilder aus beiden Hemisphären; Süden und Norden; Virey; Das Kajüttenbuch*), нашелъ спокойное убѣжище въ Солотурнѣ послѣ троекратнаго путешествія по всѣмъ частямъ сѣверной Америки; его инкогнито разоблачилось только послѣ его смерти: только тогда открылось, что онъ былъ Карлъ Постль — католикъ, принадлежавшій въ Прагѣ къ числу членовъ духовнаго рыцарскаго ордена и спасшійся отсюда бѣгствомъ.

3. Швабія.

Самой оживленной поэтической дѣятельностью отличалась старинная отчизна пѣснопѣній — Швабія. Въ Штутгартѣ жили: знаменитый книгопродавецъ и издатель нѣсколькихъ журналовъ, Котта (ум. въ 1863), вокругъ котораго толпилось множество литературныхъ тру-

Швабія.

женниковъ; Вольфг. Менцель, руководившій до 1873 года художественной критикой; рано умершій Вильг. Гауффъ (ум. въ 1827), писавшій новеллы и сказки, и его старшій братъ Германиъ Гауффъ, редактировавшій газету *Morgenblatt* до своей смерти (въ 1865); Фр. Гаугъ (1761—1829), остроумный авторъ пѣсенъ и эпиграммъ, писавшій тамъ свои двѣсти гиперболъ на большой носъ г-на Валя; Гаклендеръ (ум. въ 1877), начавшій тамъ свои очерки изъ солдатской жизни и *Europäisches Sklavenleben*, и писавшій романы (*Über Land und Meer*) отчасти вмѣстѣ съ авторомъ новеллъ Эдмундомъ Гёфферомъ, умершимъ въ 1882 (*In einer stillen Strasse*; *Das verlassene Haus*; *An der Grenze*; *Der verlorne Sohn*). Въ одно время съ Лудвигомъ Уландомъ (ум. въ 1862), этимъ энергичнымъ поборникомъ либеральныхъ идей, тамъ занимались литературной работой: Густавъ Швабъ (ум. 4 ноября 1850, поэтъ и переводчикъ, составившій сборникъ нѣмецкихъ пѣсенъ и народныхъ сказаній и написавшій біографію Шиллера); историкъ и бібліотекаръ К. А. Клюпфель (*Die deutschen Einheitsbestrebungen*; *Wegweiser durch die Litteratur der Deutschen*; *Geschichte der Universität Tübingen*); публицистъ Поль А. Пфицеръ (ум. 30 іюля 1867) и его младшій братъ, поэтъ, критикъ и многосторонній писатель Густавъ Пфицеръ; Руд. Таннеръ (ум. въ 1849 въ Аарау); Карлъ Мейеръ; Герм. Курцъ (ум. въ 1873); Карлъ Грюнейзенъ; лирико-драматическій поэтъ І. Г. Фишеръ, авторъ экскурсій на берега Боденскаго озера, отличающихся изящными описаніями природы, и драмъ *Saul*, *Florian Geyer*, *Friedrich II*, дышащихъ любовью къ свободѣ и патріотизмомъ; благочестивый Альб. Кнаппъ (*Vorfrühling*) и главный представитель поэзіи духовныхъ пѣсенъ въ нашемъ вѣкѣ, прелатъ и церковный проповѣдникъ К. Герокъ (*Palmblätter*, *Pfingstrosen*); прекрасно владѣвшій нѣмецкимъ языкомъ Доннеръ, занимавшійся переводомъ произведеній Софокла и другихъ древнихъ классическихъ писателей; Вильг. Циммерманнъ, авторъ демократической исторіи крестьянской войны и Гогенштауфеновъ; тинографъ и пѣвецъ природы Никласъ Мюллеръ; лирикъ и подражатель средне-вѣковаго искусственнаго эпоса Вильг. Герцъ; поэтъ и переводчикъ Лудв. Зеегеръ (ум. въ 1864); ориенталистъ Эрнстъ Мейеръ (ум. въ 1866), извѣстный какъ переводчикъ восточныхъ поэтическихъ произведеній («Наль и Дамаянти»; «Саконтала») и составлявшій сборникъ швабскихъ народныхъ сказаній. Подлѣ знаменитаго въ швабской исторіи Вейнсберга жилъ поэтъ и докторъ Юстинъ Кернеръ (1786—1862), написавшій *Die Seherin von Prevorst*; неподалеку отъ него Эд. Мёрике писалъ свои пѣсни, идилліи и новеллы (*Malerei Nolten*; *Idylle vom Bodensee*); подлѣ Гейльбронна родился авторъ «Гиперіона» Гёльдерлинъ (XIV, 915); его землякомъ былъ Вейблингеръ, авторъ лирическихъ стихотвореній (ум. въ 1830 въ Римѣ). И Давидъ Фрид-

рихъ Штраусъ (стр. 60) снова поселился на своей родинѣ послѣ того, какъ отказался отъ тернистаго богословскаго поприща, посвятилъ себя разнообразнымъ литературнымъ трудамъ и написалъ нѣсколько превосходныхъ біографическихъ очерковъ (Dan. Schubart; Nikod. Frischlin; Ulrich v. Hutten; Voltaire); тамъ-же жилъ до своей смерти (въ 1887) критикъ и эстетикъ Фр. Теод. Вишеръ. И Штраусъ и Вишеръ приобрѣли извѣстность какъ поэты въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, а этотъ послѣдній былъ авторомъ богатаго содержаніемъ романа Auch Einer и попытался прибавить къ Гётевскому «Фаусту» третью часть, разыгрывающуюся на небесахъ.—Въ провинціи Гогенлоэ жилъ К. Юл. Веберъ (1767—1832), авторъ сатирическихъ писемъ Нѣмца, путешествующаго по Германіи; сверхъ того, имъ были написаны: Demokritos oder hinterlassene Papiere eines lachenden Philosophen и нѣсколько историческихъ сочиненій (Die Möncherei; Das Ritterwesen). Въ Швабіи былъ написанъ и когда-то вызвавшій много толковъ романъ Eritis sicut Deus, въ которомъ описано вредное нравственное вліяніе пантеистическихъ религиозныхъ воззрѣній молодыхъ Гегеліанцевъ.

4. Гессенъ.

Въ Гессенъ-Касселѣ умственная дѣятельность въ теченіе многихъ лѣтъ не находила никакого поощренія со стороны себялюбиваго царствующаго дома, враждебно относившагося къ народу; только нѣкоторые изъ жившихъ въ Касселѣ и Фульдѣ школьныхъ преподавателей и нѣкоторые изъ профессоровъ марбургскаго университета слегка оплодотворяли неводѣланную почву искусствъ и литературы. Искусный романистъ Генрихъ Кёнигъ, ум. въ 1869 (Die hohe Braut; Die Waldenser; Die Klubisten in Mainz; König Jérômes Karneval; Georg Forsters Leben) былъ однимъ изъ немногихъ писателей, посвящавшихъ себя беллетристикѣ, послѣ того какъ Дингельштедтъ уѣхалъ изъ Фульды. Вильмаръ (1800—1868), составившій себѣ хорошую репутацію своими первыми трудами по нѣмецкой литературѣ и филологіи, омрачилъ свое имя своей позднѣйшей реакціонной дѣятельностью и своими богословскими сочиненіями. Авторъ сочиненія Prinz Rosa-Stramin, Эрнстъ Кохъ велъ жизнь искателя приключеній, побывалъ въ Алжирѣ и въ Испаніи, наконецъ искалъ душевнаго спокойствія въ лошѣ католической церкви и умеръ въ 1858 въ Люксембургѣ. Изъ университетскаго города Гиссена, гдѣ одно время жили либеральный историкъ литературы Іосифъ Гиллебрандъ и философъ М. Карриеръ, спаслись бѣгствомъ за границу братья Фолленъ (XIV, 704), бывшіе руководителями буршей во время господства демагоговъ; Адольфъ Фолленъ жилъ послѣ того въ Цюрихѣ и умеръ

Гессенъ.

въ концѣ 1855 въ Бернѣ; Карлъ Фолленъ, жившій въ Америкѣ погибъ трагическою смертію во время пожара на пароходѣ (1840). И дармштадтскій уроженецъ Георгъ Бюхнеръ, возбуждившій большія надежды своей трагедіей *Dantons Tod*, былъ принужденъ по такой-же причинѣ искать убѣжища въ Цюрихѣ (1835), гдѣ умеръ, по прошествіи двухъ лѣтъ, отъ первой горячки на двадцать четвертомъ году своей жизни. И сынъ Іосифа Гиллебранда, Карлъ Гиллебрандъ, принимавшій участіе въ баденской революціи въ то время, какъ былъ студентомъ гейдельбергскаго университета, былъ принужденъ покинуть свое отечество, послѣ того какъ его сестра помогла ему спастись бѣгствомъ изъ раштатской тюрьмы. Живя большею частію во Франціи, онъ написалъ нѣсколько сочиненій и статей историческаго и литературно-историческаго содержанія на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ и умеръ въ 1884 во Флоренціи. Пасторъ Ёзеръ (ум. въ 1859) написалъ подъ именемъ Глаубрехта цѣлый рядъ рассказовъ изъ исторіи Гессена (*Die Schreckenstage von Lindheim; Fluch und Segen; Die Heimatlosen; Das Wassergericht*) и о деревенской жизни въ религіозно-правственномъ направленіи. Мемуары идеалистки, касельской уроженки Альвины ф. Мейзенбургъ представляютъ вкладъ въ исторію нѣмецкой культуры изъ сферы демократическихъ и космополитическихъ изгнанниковъ. Филологи Яковъ и Вильгельмъ Гриммъ, также принадлежавшіе къ числу гессенскихъ уроженцевъ, нашли въ Гёттингенѣ и въ Берлинѣ удобную почву для своей патріотической дѣятельности. — Дармштадтъ былъ родиной многихъ даровитыхъ людей, между прочимъ такихъ знаменитыхъ представителей нѣмецкой литературы, какъ Лихтенбергъ (род. въ Оберрамштедтѣ) и Гервинусъ. К. Вагнеръ (ум. въ 1879) съ успѣхомъ занимался педагогикой и исторіей литературы; Вильг. ф. Плѣннисъ (ум. въ 1871), сынъ ранѣе нами упомянутой (стр. 482) поэтессы, отличился и какъ военный писатель и какъ поэтъ. Оффенбахъ былъ мѣстомъ жительства нѣмецкаго филолога и грамматика Карла Ферд. Беккера. Недавно вышло въ свѣтъ съ большимъ успѣхомъ сочиненіе дармштадтскаго писателя (скрывающаго свое имя подъ псевдонимомъ Утисъ) *Der neue Phantasmus*; оно написано въ жанрѣ Тика въ формѣ отзывающихся романтизмомъ новеллъ и драматизированныхъ сказокъ.

5. Франконія.

Франконія. Франконія, — въ которой Нюрнбергъ былъ родиной трубадуровъ, а во времена реформациі средоточіемъ нѣмецкаго искусства, — дала Германіи многихъ даровитыхъ писателей, но не была въ состояніи удержать ихъ отъ переселенія въ другія нѣмецкія страны. К. Л. фонъ Кнебель, извѣстный лирикъ и переводчикъ, былъ воспитате-

лемъ герцогскихъ дѣтей въ Веймарѣ и до самой смерти (1834) принадлежалъ къ числу тѣхъ даровитыхъ людей, которые окружали въ Веймарѣ и въ Іенѣ Гёте и Шиллера, Гердера и Виланда. Фридр. Рюккертъ избралъ Эрлангенъ центромъ своей поэтической дѣятельности и изученія восточной литературы и жилъ тамъ до той поры, когда былъ вызванъ Прусскимъ королемъ въ Берлинъ; Авг. фонъ Платенъ, род. въ Ансбахѣ,—тамъ-же, гдѣ родились поэты Уцъ и Кронекъ,—былъ лирическій поэтъ и сатирическій драматургъ въ аристофановскомъ направленіи; онъ искалъ подъ яснымъ небомъ Италіи исцѣленія отъ своей меланхоліи и кончилъ свою жизнь въ Сиракузахъ. Но Нюрнбергъ, по видимому, утратилъ свои литературныя жизненные силы съ тѣхъ поръ, какъ пересталъ быть вольнымъ городомъ: вѣдь ни пѣсни Грюбея, написанныя на мѣстномъ діалектѣ, ни враждебныя къ церкви стремленія нѣкоторыхъ философскихъ писателей новаго времени, между которыми занимаетъ первое мѣсто Фр. Даумеръ (ум. въ 1875), не могутъ служить доказательствами выдающихся умственныхъ дарованій. Даумеръ пережилъ самыя разнообразныя переменны въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Сначала онъ впадалъ въ свойственную піетистамъ мечтательность, потомъ мало по малу пришелъ къ убѣжденію, что старинный еврейскій культъ Іеговы былъ культомъ огнепоклонниковъ и поклонниковъ Молоха съ человѣческими жертвоприношеніями и въ своемъ сочиненіи *Die Geheimnisse des christlichen Altertums* постарался доказать, что такія жертвоприношенія не прекращались и въ преобразованной Іисусомъ Христомъ еврейской религіи и лишь съ теченіемъ времени были замѣнены символическимъ пріобщеніемъ Св. Таинъ. Послѣ перевода стихотвореній Хафиза онъ не постыдился называть коранъ главнымъ евангеліемъ настоящей религіи природы и утверждать, что результатомъ дальнѣйшаго развитія человечества будетъ возникновеніе новой религіи, основанной на восточной чувственности и на отвлеченностяхъ молодыхъ Гегеліанцевъ. Онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ искать душевнаго исцѣленія въ лонѣ римско-католической церкви, сталъ въ цѣломъ рядѣ сочиненій объяснять мотивы своего обращенія въ католицизмъ и доказывать превосходства своихъ новыхъ убѣжденій. Во Франконіи родился и Фридрихъ Ромеръ (ум. въ 1856), проповѣдывавшій новое философское христіанское ученіе и пріобрѣвшій небольшой кружокъ послѣдователей въ Цюрихѣ и въ южной Германіи. Религіозные нюрнбергскіе бюргеры и до сихъ поръ живутъ воспоминаніями о томъ, что было сдѣлано ихъ великими предками въ области искусствъ и литературы. Впрочемъ, основанный въ новое время германскій музей вызвалъ оживленіе исторической и патріотической литературной дѣятельности.—Въ этомъ оживленіи принималъ участіе и эрлангенскій университетъ; въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій онъ далъ Германіи нѣсколькихъ

научныхъ дѣятелей (Августъ Шаденъ, ум. въ 1853; Негельсбахъ, ум. въ 1859; Дедерлейнъ, ум. въ 1863; К. Гегель).—Бамбергъ съ своими историческими и художественными памятниками, описанными Иосифомъ Геллеромъ (1798—1849), и Вюрцбургъ съ своимъ университетомъ много теряютъ отъ господствующаго вліянія католическаго духовенства.—Верхняя Франконія, гдѣ когда-то переживалъ свои разнообразныя душевныя впечатлѣнія Жанъ Поль, теперь, по видимому, совершенно покинута музами. Тамъ снова пробудилось влеченіе къ искусству только благодаря тому, что Ричардъ Вагнеръ избралъ Байрейтъ мѣстомъ исполненія своихъ музыкальныхъ произведеній.

6. Б а в а р і я.

Баварія.

Баварія еще очень недавно не могла равняться съ другими нѣмецкими государствами по своей поэтической дѣятельности, не смотря на то, что ея населеніе изстари было богато поэтическими сказаніями и артистическими традиціями. Нѣсколько пѣсенъ въ альманахахъ музъ и нѣсколько стихотвореній на различныхъ народныхъ діалектахъ (поэта Кобелля) были слабыми доказательствами поэтической даровитости Баварцевъ. Только въ послѣднее время тамъ стало обнаруживаться болѣе сильное влеченіе къ поэзіи,—и то большею частію благодаря внѣшнимъ вліяніямъ. Въ Мюнхенѣ, этомъ главномъ центрѣ античнаго и христіанскаго искусства, стали издаваться полныя остроумія и юмора *Fliegende Blätter* благодаря поощренію, которое оказывалъ изящнымъ искусствамъ король Лудвигъ I. Но покровительство, которое оказывалось тамъ исключительно строгимъ послѣдователямъ католицизма, издавна заставляло многихъ даровитыхъ людей покидать свое отечество. Такъ напр. великій живописецъ Петръ Корнеліусъ и знаменитый философъ Шеллингъ были вынуждены переѣхать въ Берлинъ, а естествоиспытатель Лоренцъ Окенъ и знатокъ ново-греческаго и восточнаго міра Фалльмерайеръ (ум. въ 1861) были вынуждены укрываться въ Швейцаріи отъ политическихъ преслѣдованій. Напротивъ того, въ Мюнхенѣ жили до самой смерти: знатокъ греческой древности въ ея художественныхъ и литературныхъ произведеніяхъ Фридрихъ Тиршъ и ученикъ Шеллинга, естествоиспытатель Готтг. Г. Шубертъ (1780—1860). Не смотря на то, что ученый Штейнгейль занимался тамъ физикой, Шмеллеръ изучалъ древній и средне-вѣковой нѣмецкій языкъ, а въ баварской академіи разрабатывались нѣкоторыя отрасли знанія, въ мюнхенскомъ университетѣ господствовали мрачный мистицизмъ и ультрамонтанизмъ: тамъ Францъ Ксаверій Баадеръ (ум. въ 1841) сочинялъ свою теософско-философскую систему, отыскивая таинственное средоточіе въ дѣятельности природы и Божественной муд-

рости (XIV, стр. 586). Для тѣхъ, кто стремился къ распространенію гуманнаго образованія, вовсе не было утѣшительнымъ явленіемъ изданіе «Историко-политическихъ листковъ», въ которыхъ помѣщали свои церковныя полемическія статьи ученый Дёллингеръ, краснорѣчивый Э. ф. Ласо (ум. въ 1861), докторъ Рингсѣйзъ, знатокъ государственнаго права Филиппсъ (впослѣдствіи жившій въ Австріи) и другіе друзья и единомышленники Іосифа Гёрреса (стр. 45) и его сына Гвидо (ум. въ 1852). Только со вступленіемъ на престолъ короля Максимиліана II преподаваніе наукъ въ мюнхенскомъ университетѣ получило болѣе либеральное направленіе; съ тѣхъ поръ столица Баваріи сдѣлалась постояннымъ мѣстомъ жительства для такихъ поэтовъ и писателей, какъ Эм. Гейбель, Поль Гейзе, Германъ Лингъ (*Gedichte; Die Völkerwanderung*), Вильг. Герцъ (*Hugdie-trichs Brautfahrt*), Фридрихъ Боденштедтъ (род. въ 1819; *Gedichte*; эпическое стихотвореніе *Ada*; трагедія *Demetrius*; *Lieder des Mirza Schaffy*; *Tausend und ein Tag im Orient*), Францъ Лёгеръ (*General Spork*), Фр. ф. Шакъ—любитель искусствъ и переводчикъ персидскихъ, испанскихъ и арабскихъ стихотвореній (*Firdusi*). Между собственными произведеніями графа Шака обращаютъ на себя наше вниманіе *Die Plejaden*—повѣствовательное стихотвореніе о временахъ персидскихъ войнъ и сраженія при Саламинѣ, свидѣтельствующее объ основательномъ знакомствѣ автора съ древней исторіей востока и Греціи. Въ Мюнхенѣ также поселились: В. Г. Риль, излагавшій исторію умственного развитія нѣмецкихъ племенъ (*Naturgeschichte des Volks; Kulturstudien aus drei Jahrhunderten; Musikalische Charakterköpfe*), и Лудвигъ Штейбъ (ум. въ 1888), занимавшійся преимущественно изученіемъ и описаніемъ альпійскихъ странъ (*Drei Sommer in Tirol; Altbayrische Kulturbilder*). Настоящими баварскими національными поэтами были: Францъ Траутманнъ (*Erpelein von Geilingen; Herzog Christoph genannt der Kämpfer; Petrus Nöckerlein*) и Карлъ Штилеръ (ум. въ 1855; *Weil's mi freut; Habt's a Schneid*). И Германнъ фонъ Шмидъ, писавшій верхне-баварско-тирольскіе рассказы (*Der Kanzler von Tirol; Die Zuwiderwurzen*), и Лудвигъ Ганггоферъ, писавшій повѣсти для народа (*Die Herrgottsschnitzer von Oberammergau*) не сходили съ своей родной почвы. Со времени ватиканскаго собора въ Мюнхенѣ возникла,—подъ эгидой Дёллингера, Фридриха, Губера,—оппозиція противъ стремленій іезуитовъ и ультрамонтанъ, старавшаяся охранять права разума и науки.—Регенсбургъ, неподалеку отъ котораго построена королемъ Лудвигомъ валгалла, былъ мѣстомъ жительства нѣсколькихъ выдающихся епископовъ и канониковъ, между которыми Сэлеръ (стр. 46) и Дипенброкъ (впослѣдствіи бывшій епископомъ въ Бреславлѣ, гдѣ онъ и умеръ въ 1853) считались украшеніями своей церкви.—Аугсбургъ былъ въ теченіе нѣсколь-

кихъ десятилѣтій центромъ широкой публицистической и научно-литературной дѣятельности благодаря тому, что въ этомъ городѣ издавалась очень вліятельная *Allgemeine Zeitung*; но это продолжалось только до 1882 года, когда редакція газеты была переведена въ Мюнхенъ. Въ Аугсбургѣ жилъ и работалъ до 1854 года каноникъ Христофъ фонъ Шмидтъ (род. въ 1768), авторъ *Ostereier* и другихъ рассказовъ для дѣтей.—Въ окрестностяхъ Нёрдлингена родился Мельхиоръ Мейръ (ум. въ 1871 въ Мюнхенѣ), писавшій деревенскіе рассказы.

7. Австрія.

Австрія. Австрія была богата поэтическими талантами всякаго рода; даже неблагопріятныя условія, въ которыхъ находилась тамъ литература, не могли заглушить врожденныхъ влеченій къ поэзіи. Кромѣ замѣчательныхъ поэтовъ, о которыхъ мы уже говорили ранѣе (стр. 475), тамъ были и такіе стихотворцы, которые могли нравиться только простопародью, какъ напр. Блумауэръ (*Travestien*), авторы театраль-ныхъ фарсъ Нестрой, Бейерлэ; но Меттерниховская полиція многихъ заставляла покидать отечество и переселяться на постоянное жи-тельство въ чужія страны; къ числу такихъ писателей принадле-жали: лирический поэтъ, романистъ и авторъ сочиненій для просто-го народа Эд. Дуллеръ, издатель висбаденской газеты *Kursaal*, ум. въ 1879, Дрекслеръ-Манфредъ, бывшій много лѣтъ редакторомъ га-зеты *Grenzboten* Куранда, плодовитый литераторъ Шушелка, рома-нистъ и поэтъ Карлъ Герлосзонъ (ум. въ 1849). Еврейскій юмо-ристъ, сатирикъ и острякъ Морицъ Г. Сафиръ (1795—1858) былъ также вынужденъ на время выѣхать изъ австрійской столицы, а ба-ронъ Фейхтерслебенъ, пріобрѣвшій общее уваженіе какъ докторъ, университетскій преподаватель и многосторонній литераторъ, навлекъ на себя такія выраженія неодобренія со стороны правительства и высшаго общества въ бытность помощникомъ государственнаго се-кретаря въ министерствѣ Добльгофа въ 1848 году, что отъ огорче-нія умеръ сорока пяти лѣтъ (3 сент. 1849). Широкую извѣстность пріобрѣли: лирический и эпическій поэтъ Карлъ Бекъ (*Nächte; Geplatzte Lieder; Lieder eines armen Mannes; Der fahrende Poet; Janko, der hungarische Rosshirt*), успѣшно подражавшій Анаст. Грюну; лирическіе поэты Г. Габр. Зейдль, I. Н. Фогль, кла-генфуртскій уроженецъ Чабушингъ, богемскіе пѣвцы свободы Мо-рицъ Гартманъ (1821—1872, *Kelch und Schwert; Reimchronik des Pfaffen Mauritius*; идиллія *Adam und Eva; Bretonische Lieder*) и уже знакомый намъ Альфредъ Мейсснеръ; драматическіе писатели и новеллисты Уффо Дан. Горнъ (1817—1860), Фердинандъ Кюрн-бергеръ (1823—1879, *Der Amerikamüde*; драма *Catilina*); публи-

цистъ, поэтъ и переводчикъ Л. Н. Франкъ; сочинители комедій Эд. Бауернфельдъ (род. въ 1802; Grossjährig; Bürgerlich und romantisch), Ник. Бауманнъ (Das Versprechen hinterm Herd), Фельдманнъ (Ein höflicher Mann; Die Schicksalsbrüder), и несчастный, впавшій въ меланхолію, Ферд. Раймундъ (ум. въ 1836; Verschwender; Der Alpenkönig und der Menschenfeind). Авторъ «Исторіи Османскаго царства» Гаммеръ-Пургшталь соперничалъ съ Рюккертомъ переводами восточныхъ поэтическихъ произведеній. Но болѣе всѣхъ другихъ искусствъ процвѣтала въ Австріи музыка; тамъ родились гениальный Моцартъ и Жозефъ Гайднъ, а Бетховенъ провелъ тамъ большую часть своей жизни. Вѣнскій театръ, долго находившійся подъ управленіемъ Лаубе, издавна возбуждалъ поэтическую дѣятельность, въ которой принимали участіе въ новѣйшее время: Геббель, Мозенталь (Deborah; Cäcilie von Albano; Bürger und Molly; Die deutschen Komödianten) и Адольфъ Вильбрандтъ (Arria und Messalina; Nero; Gaius Gracchus). Однако слѣдуетъ съ прискорбіемъ замѣтить, что Австрія принимала лишь незначительное участіе въ литературныхъ интересахъ Нѣмцевъ, которыхъ и въ этомъ отношеніи считала чужеземцами. Къ числу австрійскихъ уроженцевъ также принадлежали: Адальбертъ Штифтеръ (ум. въ 1868), авторъ картинъ природы и другихъ сочиненій (Feldblumen; Bunte Steine), Роб. Гамерлингъ, авторъ философско-эпическихъ стихотвореній (Ahasver in Rom, Der König von Sion), и Марія фонъ Эбнеръ-Эшенбахъ (Das Gemeindegeld). Въ Венгріи родился Юл. Леоп. Клейнъ, авторъ недоведенной до конца «Исторіи драмы» и нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ; въ Галиціи родился (въ 1836) Леопольдъ фонъ Захеръ-Мазохъ, хотя и писавшій по-нѣмецки, но ненавидѣвшій все нѣмецкое и старавшійся подражать французскимъ натуралистамъ (Don Juan von Kolomea); тамъ-же родился (въ 1848) Карлъ Эмиль Францосъ, авторъ интересныхъ очерковъ славянско-еврейской культуры (Aus Halbasien). Изъ Богеміи вели свое происхожденіе Леопольдъ Компертъ (1822—1886), авторъ превосходныхъ очерковъ въ одномъ родѣ съ рассказами Францоса и Лолы Киршнеръ; эта послѣдняя писала подъ всевдониномъ Осипа Шубина новеллы, въ которыхъ описывались большею частію самыя изысканныя наслажденія (Geschichte eines Genies). Болѣе значительны два другихъ австрійскихъ поэта—вѣнскій уроженецъ Лудвигъ Анценгруберъ (род. въ 1839) и штирійскій уроженецъ Розетгеръ (род. въ 1843); оба они вышли изъ простонародья; этотъ послѣдній былъ настоящій поэтъ природы, выросшій почти безъ всякаго школьнаго образованія на своей родинѣ (Schriften des Waldschulmeisters; Der Gottsucher; Heidepeters Gabriel). Анценгруберъ произвелъ сильное впечатлѣніе своей драмой Der Pfarrer von Kirchfeld, написанной въ видѣ протеста противъ владычества духовенства надъ сельскими жителями; и въ

своихъ сборникахъ новеллъ Dorfgänge, Feldrain und Waldweg онъ описывалъ раздоры, возникавшіе въ средѣ католиковъ.

В. Средняя и сѣверная Германія.

1. Тюрингія и Саксонія.

Тюрингія. Тюрингія съ Вартбургомъ, когда-то служившимъ для миннезенгеровъ сборнымъ пунктомъ, и съ Веймаромъ—этимъ блестящимъ храмомъ музъ новаго времени, и до сихъ поръ находитъ въ своемъ великомъ прошломъ твердую опору и богатый запасъ воспоминаній. Романы мейнингенскаго уроженца Эрнста Вагнера и Августа фонъ Тромлица (Witzleben), равно какъ стихотворенія и переводы (Tegnér's Frithjofsage) Амаліи фонъ Гельвигъ, урожд. Имгофъ (ум. въ 1831 въ Берлинѣ), принадлежатъ къ болѣе раннему періоду; но и недавнее прошлое имѣло даровитыхъ писателей въ лицѣ Лудвига Бехштейна (ум. въ 1860), Арнольда Шлѣмбаха (ум. въ 1866; Weltseele; Der Stedinger Freiheitskampf) и Адольфа Бубе (ум. въ 1873); всѣ они искусно обрабатывали тюрингскія народныя сказанія и баллады, а Бубе сверхъ того умѣлъ наглядно описывать явленія природы (Naturbilder). Университетъ въ Іенѣ и научное направленіе въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ, какъ напр. въ готской и веймарской, поддерживаютъ влеченіе къ литературѣ и къ умственной дѣятельности, а въ Веймарѣ, Мейнингенѣ и Кобургъ-Готѣ мирно процвѣтаютъ науки и искусства подъ покровительствомъ либеральнаго правителя. Въдѣ мейнингенскій придворный театръ открылъ новую эру въ искусствѣ исполненія комедій. Къ числу тюрингскихъ писателей принадлежатъ частію по своему происхожденію, частію потому, что долго жили въ Тюрингіи: эрфуртскій уроженецъ Юл. Гроссе (Das Mädchen von Capri); рудольштадскій уроженецъ Альб. Линднеръ, авторъ получившей премію, драмы Brutus und Collatinus и драмы Bluthochzeit; берлинскій уроженецъ Эд. Темпельтей (драма Klytämnestra), біографъ Шиллера Паллеске, искусный художникъ Ад. Шѣмль (ум. въ 1882). Жившій въ Готѣ, Фр. Готл. Беккеръ шелъ по стопамъ своего отца Руд. Зах. Беккера, прославившагося въ качествѣ народнаго писателя и журналиста, а во времена Наполеоновскаго владычества поплатившагося за свое нѣмецкое прямодушіе семнадцати-мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ въ Магдебургѣ. Въ Фрейбургѣ на берегахъ Унштрута жилъ впавшій у реакціонеровъ въ немилость, основатель гимнастическаго общества, «отецъ Жанъ» до той минуты, когда признательный нѣмецкій народъ выбралъ его въ 1848 году въ члены франкфуртскаго національнаго собранія. Онъ умеръ 15 октября 1852. Ариштадтъ былъ родиной и мѣстомъ

жительства поэтессы Евгеніи Жонъ (ум. въ 1887), писавшей подъ именемъ Марлиттъ стихотворенія *Gartenlaube* и рассказы (*Goldelse; Geheimnis der alten Mamsell*), которые одно время съ жадностью поглощались читающей публикой. Въ Вейссенфельсѣ живетъ Луиза ф. Франсуа, писавшая очень характерные очерки жизни и умственного развитія (*Letzte Reckenburgerin; Stufenjahre eines Glücklichen*). Изъ тюрингскаго городка Крапихфельда ведетъ свое происхожденіе (род. въ 1841) живущій въ Мейнигенѣ, Рудольфъ Баумбахъ, написавшій *Lieder eines fahrenden Gesellen*.

Саксонія, изстари бывшая средоточіемъ протестантской культуры, сохранила и въ новое время свою литературную репутацию не смотря на то, что послѣ перехода царствующаго дома въ католическую вѣру, искусство цѣнилось въ Дрезденѣ выше литературы и науки. Тамъ провелъ послѣдніе годы своей жизни Тидге; тамъ-же жилъ среди юнаго поколѣнія, подобно распатавшейся старой колоннѣ, романтикъ Лудв. Тикъ, пока не былъ вызванъ Прусскимъ королемъ въ Берлинъ, чтобъ кончить жизнь на своей родинѣ (ум. въ 1853). Драматургъ Мальтицъ (*Schwur und Rache; Hans Kohlhaas; Oliver Cromwell*) умеръ въ Дрезденѣ на сорокъ четвертомъ году своей жизни (1837); романтикъ Карлъ Фёрстеръ работалъ въ Дрезденѣ вмѣстѣ съ Тикомъ до своей смерти (1841); тамъ-же долго жили Гуцкофъ и прославившійся своими военными рассказами, туристъ и романистъ Гансъ Вахенгузенъ. Въ Дрезденѣ жилъ и умеръ въ 1865 году Отто Лугвицъ, авторъ драмъ *Erbförster* и *Makkabäer*, психологическаго очерка *Zwischen Himmel und Erde* и полныхъ юмора деревенскихъ рассказовъ. Отто Гейбнеръ, содержавшійся въ теченіе десяти лѣтъ въ тюремномъ заключеніи неподалеку отъ Дрездена, въ Кёнигштейнѣ, искалъ развлечения и утѣшенія въ поэзіи (*Klänge aus der Zelle in die Heimat*) и въ переводѣ стихами англійскихъ лириковъ. Въ Дрезденѣ родился умершій въ 1862 въ Пильницѣ Юл. Гаммеръ, пріобрѣвшій извѣстность различными сочиненіями во вкусѣ Рюккерта и въ особенности сборникомъ поэтическихъ афоризмовъ *Schau um dich und schau in dich*; къ числу дрезденскихъ уроженцевъ также принадлежатъ новеллистъ Роб. Вальдмюллеръ и поэтесса Фрида Шанцъ, получившая премію за *Rheinweinlied*. Интересныя монодрамы писалъ саксонскій полковникъ Ричардъ фонъ Меергеймбъ. Любителей искусствъ сильно привлекали въ Дрезденѣ: превосходная картинная галлерея, находившаяся въ завѣдываніи Гюбнера и Бендемманна, античный музей (*Beckers Augusteum*), находившійся въ завѣдываніи историка литературы и археолога Герм. Геттнера (ум. въ 1882), и театръ, для котораго писали оперы К. Марія Веберъ и Карлъ Готлибъ Рейссигеръ (ум. въ 1859), а бывший тамъ капельмейстеромъ Ричардъ Вагнеръ создавалъ первыя и самыя замѣчательныя изъ своихъ музыкальныхъ драмъ. Члены

Саксонія.
Дрезденъ.

царствующаго дома всегда отличались своимъ образованіемъ и любовью къ наукѣ, а эти влеченія и до сихъ поръ поддерживаются въ саксонскихъ жителяхъ превосходными учебными заведеніями.

Лейпцигъ.

Блестящее мѣсто въ новѣйшей литературѣ занимаетъ Лейпцигъ, — этотъ центръ широкой дѣятельности по изданію книгъ, когда-то служившій средоточіемъ для членовъ общества «Молодая Германія». Обширная книжная торговля, множество газетъ разнообразнаго содержанія, привлекающая многочисленныхъ иноземцевъ ярмарка, вліяніе никогда не прерывавшейся литературной извѣстности, — все это придавало Лейпцигу такой отпечатокъ научнаго и художественнаго развитія, что онъ издавна считался храмомъ музъ и привлекалъ къ себѣ писателей, поэтовъ и ученыхъ. И любовь къ музыкѣ, развившуюся тамъ еще во времена Себастіана Баха, поддерживалъ Феликсъ Мендельсонъ Бартольди, а изученіемъ древности занимались тамъ извѣстные филологи Готтфридъ Германнъ, Ричль и въ особенности В. Ад. Беккеръ (*Gallus, oder römische Szenen aus der Zeit Augusts*). И І. Минквицъ, — другъ Платена и переводчикъ произведеній Эсхила и Гомера, — былъ лейпцигскій уроженецъ. Между жившими въ Лейпцигѣ новѣйшими поэтами заслуживаетъ прежде всѣхъ упомянанія Густавъ Фрейтагъ. Къ числу профессоровъ лейпцигскаго университета принадлежитъ египтологъ Георгъ Эберсъ (род. въ 1837), умѣвшій своими романами (*Eine ägyptische Königstochter; Uarda; Homo sum; Die Schwestern*) возбуждать въ читателяхъ интересъ къ нравамъ и образу жизни давно исчезнувшихъ народовъ. Германъ Маргграффъ (ум. въ 1864 въ Лейпцигѣ) былъ въ теченіе многихъ лѣтъ редакторомъ журнала *Blätter für litterarische Unterhaltung*; его впослѣдствіи замѣнилъ въ этомъ званіи Руд. Готтшаль. И сатирикъ и юмористъ Эрнстъ Экштейнъ (род. въ 1845 въ Гиссенѣ) живетъ въ Лейпцигѣ. Вильгельмъ Гергардъ (1780—1858) и Ад. Бёттгеръ (1815—1870) приобрѣли извѣстность не столько своими собственными поэтическими произведеніями, сколько переводами. Къ болѣе ранней эпохѣ принадлежатъ: бауценскій уроженецъ, драматическій писатель и юмористъ К. Фр. Г. Вецель (1780—1819), поэтъ и публицистъ С. А. Мальманнъ (ум. въ 1826) и дессаускій уроженецъ Вильг. Мюллеръ (1794—1827), талантливый авторъ *Griechenlieder* и *Lieder eines reisenden Waldhornisten*. Въ Мариенейѣ, въ саксонскихъ владѣніяхъ, родился поэтъ Юлій Мозенъ (въ 1803), писавшій эпическія дидактическія стихотворенія (*Lied vom Ritter Wahn; Ahasver*), народныя пѣсни и баллады (*Die letzten Zehn vom vierten Regiment; Andreas Hofer*), новеллы и романы (*Bilder im Moose; Georg Venlot; Kongress von Verona*) и приобрѣвшій хорошую репутацію рядомъ историческихъ драмъ (*Heinrich der Finkler; Cola Rienzi; Don Juan von Österreich; Der Sohn des Fürsten*). Приглашенный въ Ольденбургъ на

должность директора театра, онъ умеръ тамъ послѣ многолѣтней мучительной болѣзни (1867).

Въ Мускау, въ прусскомъ Лаузицѣ, жилъ остроумный князь Пюх-леръ (1785—1871), авторъ многочисленныхъ сочиненій, въ особенности описаній путешествій (*Briefe eines Verstorbenen; Ein Reisetagebuch aus England, Frankreich, Deutschland; Jugendwanderungen; Semilassos vorletzter Weltgang*) и статей различного содержанія (*Tutti Frutti*); онъ кончилъ тѣмъ, что посвятилъ свои литературныя дарованія на восхваленіе египетскаго правителя Мегемед-Али. Также въ Мускау жилъ Леопольдъ Шеферъ (1784—1862), авторъ отзывающагося пантеизмомъ *Laienbrevier* и повеллъ въ жапрѣ Жанъ-Поля. Кёстрицъ былъ родиной и мѣстомъ жительства пастора Юлія Штурма, автора лирическихъ пѣснопѣній и «Благочестивыхъ пѣсенъ» въ консервативномъ духѣ.

Лаузицъ.

2. Старая Пруссія и Берлинъ.

Въ восточной Пруссіи, въ особенности въ Кёнигсбергѣ, литературная дѣятельность не прекратилась со смертію Гердера, Канта и Гаманна, но не прекратилась и давнишняя борьба между противоположными умственными направленіями. Кружокъ мистиковъ-плетистовъ, находившихся подъ вліяніемъ г-жи Крюденеръ и собиравшихся въ домѣ г-жи Барклей (впослѣдствіи вышедшей за мужъ за поэта Макса ф. Шенкендорфа), нашелъ подражателей въ кружкахъ святошъ тридцатыхъ годовъ (стр. 74) и вызвалъ противодѣйствіе со стороны Руппа и приверженцевъ свободной церкви; такія эксцентрическія направленія какъ въ области религіи, такъ и въ области политики (Якоби) доказываютъ, что мѣстное населеніе отличалось очень подвижнымъ и впечатлительнымъ умомъ. Но восточная Пруссія не умѣла привязывать къ себѣ своихъ даровитыхъ уроженцевъ: подобно Гаманну и Гердеру и новѣйшіе писатели покидали свою родину, чтобъ работать на чужой почвѣ; такъ напр. къ кружку веймарскихъ писателей принадлежалъ сынъ бѣднаго данцигскаго парикмахера Іоаннъ Фалькъ (1768—1826), прославившійся столько-же своими сатирическими и юмористическими сочиненіями (*Der Mensch und die Helden; Die Gräber von Rom und die Gebete; Taschenbuch für Freunde des Scherzes und der Satire*), сколько тѣмъ, что основалъ заведеніе для воспитанія безпріютныхъ дѣтей. Далеко отъ своей родины жилъ и данцигскій уроженецъ Отто Группе (*Alboin, Königin Bertha* и другіе рассказы, заимствованные изъ сказаній о герояхъ временъ Карла Великаго); его землякъ Роб. Рейникъ (род. въ 1805), воспѣвавшій въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ природу и весну, переселился въ Дрезденъ, гдѣ умеръ въ 1852; и нейденбургскій

Восточная
Пруссія.

уроженецъ Ферд. Грегоровіусъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ живетъ въ Римѣ, исторія котораго въ средніе вѣка уже доведена имъ до конца. Александръ Юнгъ придерживался направленія «Молодой Германіи», къ членамъ которой принадлежалъ, а юмористъ въ жанрѣ Жанъ-Поля, родившійся въ Варшавѣ Богумиль Гольцъ (ум. въ 1870) жилъ много лѣтъ въ Торнѣ, послѣ чего объѣхалъ много странъ и городовъ въ качествѣ странствующаго импровизатора. Вблизи отъ Кёнигсберга жилъ философъ и историкъ литературы Розенкранцъ (ум. въ 1879); тамъ-же въ старости жилъ до 1856 года бывшій товарищъ Штейна, баронъ ф. Шёнъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ дѣятелей, которые не одобряли политическое направленіе прусскаго правительства. Маріенвердерскій уроженецъ Юліанъ Шмидтъ, воспитывавшійся въ кёнигсбергскомъ университетѣ и издававшій въ Лейпцигѣ вмѣстѣ съ Густавомъ Фрейтагомъ журналъ *Grenzboten*, былъ авторомъ «Исторіи нѣмецкой національной литературы въ девятнадцатомъ столѣтіи» и многихъ другихъ очерковъ и монографій, свидѣтельствующихъ объ обширности его познаній, но вмѣстѣ съ тѣмъ и объ односторонности и партійномъ пристрастіи его воззрѣній. Эрнстъ Вихертъ, род. въ 1831 въ Инстербургѣ, а въ настоящее время живущій въ Берлигѣ, писалъ драмы (*Unser General York*, комедія *Ein Narr des Glücks*) и романы (*Heinrich von Plauen*), свидѣтельствующіе о патріотическихъ чувствахъ автора, но не отличающіеся ни поэтическимъ воодушевленіемъ ни оригинальностью.

Померанія.

Родившійся въ Помераніи, патріотическій поэтъ Христіанъ Фр. Шеренбергъ (1798—1881) попытался описывать историческія событія съ поэтической точки зрѣнія (*Waterloo*); въ своемъ стихотвореніи *Leuthen* онъ съ юморомъ охарактеризовалъ личность Фридриха II и семилѣтнюю войну, но своимъ грубымъ натурализмомъ нарушалъ требованія изящнаго вкуса. Его племянникъ, живописецъ и публицистъ Эрнстъ Шеренбергъ также былъ поэтъ (*Stürme des Frühlings*). Вблизи отъ Стральзунда провелъ большую часть своей жизни другъ и землякъ Козегартена, Карлъ Лаппе, пріобрѣтшій извѣстность какъ поэтъ и авторъ сочиненій для юношества. Въ средѣ здравомыслящаго населенія сѣверныхъ странъ былъ страннымъ явленіемъ склонный къ католицизму, протестантскій пасторъ Мейнгольдъ (1797—1851), авторъ эническихъ и лирическихъ стихотвореній, юмористическихъ описаній путешествій и оригинальнаго романа *Die Bernsteinhexe*. Поэтъ Ричардъ Фоссъ (род. въ 1851) былъ совершенно чужимъ для своей родины въ Помераніи; удостоившаяся преміи, его драма *Luigia San Felice* и многочисленныя повеллы перепосытъ читателя на югъ въ среду итальянской народной жизни.

Силезія.

Силезія, бывшая въ семнадцатомъ столѣтіи отчизной знаменитыхъ пѣвцовъ и родиной многихъ даровитыхъ писателей, не оставалась и въ новое время позади другихъ странъ; свою любовь къ свободѣ

она не рѣдко обнаруживала упорной оппозиціей противъ прусскихъ государственныхъ и церковныхъ учреждений. Зародыши этого направленія были замѣтны еще у Фридриха фонъ Саллэ (1812—1843); этотъ даровитый авторъ евангелія для мірянъ, написаннаго по принципамъ Гегеля, остроумныхъ эпиграммъ и привлекательныхъ сказокъ былъ приговоренъ военнымъ судомъ къ тюремному заключенію за сатирическіе нападки на военное сословіе, къ которому самъ принадлежалъ. Въ Силезіи жили и работали: плодовитый драматургъ въ родѣ Коцебу, Раупахъ (*Die Hohenstaufen; Der Müller und sein Kind*), ум. въ 1852 въ Потсдамѣ; преданный абсолютизму, эстетикъ и авторъ романовъ Калертъ и романистъ Густавъ фонъ Зее (*Struensee*). Къ числу силезскихъ уроженцевъ также принадлежали: графъ Морицъ фонъ Штрахвицъ (1822—1847)—лирикъ съ аристократической окраской, вступавшійся за новѣйшее рыцарство въ своихъ *Lieder eines Erwachenden*, написанныхъ въ противоположность *Gedichten eines Lebendigen*; послѣ поѣздки въ Швецію и Норвегію онъ описалъ вынесенныя оттуда впечатлѣнія въ изящныхъ по внѣшней формѣ стихотвореніяхъ; Максъ Валдау (Георгъ Шпиллеръ фонъ Гауеншильдъ, 1825—1855), авторъ пропитанныхъ либеральными идеями сороковыхъ годовъ, канцонъ и романовъ *Nach der Natur, Aus der Junkerwelt* и деревенскаго разсказа въ стихахъ *Cordula*; А. Э. Брахфогель (1824—1878), авторъ трагедіи *Narziss*, очень правившейся своими сценическими эффектами, и нѣсколькихъ романовъ съ исторической подкладкой; баронъ Юхтрицъ (*Chrysostomus; Alexander und Darius; Die Babylonier in Jerusalem*). Бреславльскій университетъ, въ которомъ были преподавателями историки Штенцель, Генрихъ Рюккертъ, Ричардъ Рёппель и многіе другіе даровитые люди, служить разсадникомъ нѣмецкой образованности для восточныхъ славянскихъ странъ. Юхтрицъ много занимался религіозными вопросами и попытался въ своемъ романѣ *Albrecht Holm* нарисовать широкую картину культуры и нравовъ революціонной эпохи. Но настоящимъ силезскимъ поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова былъ Карлъ фонъ Гольтей (1797—1880), постоянно возвращавшійся послѣ пережитыхъ невзгодъ на свою дорогую родину—въ городъ Бреславль. Къ числу силезскихъ уроженцевъ принадлежалъ и романтикъ баронъ Эйхендорфъ, прославившійся въ качествѣ лирическаго поэта, автора романовъ, новеллъ (*Aus dem Leben eines Taugenichts; Das Marmorbild; Ahnung und Gegenwart*), драматическаго писателя (*Meierbeths Glück und Ende; Ezzelino von Romano; Die letzten Helden von Marienburg*) и переводчика произведеній Кальдерона; онъ долго занималъ должность совѣтника правленія въ Кёнигсбергѣ и въ Берлинѣ (XIV, 918). У него католическое направленіе романтиковъ доходитъ до такой крайности, что въ его «Исторіи драмы» служеніе католической церкви выдается за главную цѣль всѣхъ искусствъ.

- Позенъ. Изъ позенской провинціи ведетъ свое происхождение Отто Рокеттъ, авторъ повѣствовательныхъ стихотвореній *Waldmeisters Brautfahrt* и *Der Tag von St. Jakob*; въ этомъ послѣднемъ стихотвореніи прекрасно описано чрезвычайно трагическое историческое событіе и ярко выставлена противоположность между добродушнымъ, свободолюбивымъ, храбрымъ народомъ и отрядами закаленныхъ въ бояхъ, высокомѣрныхъ разбойниковъ. — Изъ Франкфурта на Одерѣ велъ свое происхождение Францъ фонъ Годи (1800—1840), даровитый поэтъ и авторъ повелль (*Erato; Korallen; Venetianische Novellen; Aus dem Tagebuch eines wandernden Schneidergesellen*). Онъ провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ и умеръ во цвѣтѣ лѣтъ въ Берлинѣ. Родившійся въ Галле, токарный мастеръ Карлъ Вейзе (ум. въ 1888) описывалъ, живя въ Фрейенвальде на Одерѣ, народную жизнь и природу въ стихахъ, напоминающихъ Ганса Сакса.
- Бранденбургъ. Сокомѣрныхъ разбойниковъ. — Изъ Франкфурта на Одерѣ велъ свое происхождение Францъ фонъ Годи (1800—1840), даровитый поэтъ и авторъ повелль (*Erato; Korallen; Venetianische Novellen; Aus dem Tagebuch eines wandernden Schneidergesellen*). Онъ провелъ большую часть своей жизни въ путешествіяхъ и умеръ во цвѣтѣ лѣтъ въ Берлинѣ. Родившійся въ Галле, токарный мастеръ Карлъ Вейзе (ум. въ 1888) описывалъ, живя въ Фрейенвальде на Одерѣ, народную жизнь и природу въ стихахъ, напоминающихъ Ганса Сакса.
- Берлинъ. Самыхъ даровитыхъ художниковъ и литераторовъ привлекалъ къ себѣ Берлинъ, обладавшій одинакою притягательною силою съ столицами Англіи и Франціи еще прежде, чѣмъ сдѣлался столицей германской имперіи. Кромѣ многихъ другихъ, ранѣе нами упомянутыхъ писателей, въ Берлинъ переѣхали на жительство изъ Силезіи: романистъ Вильг. Герингъ (*Wilibald Alexis, 1797—1871*), поэтъ и живописецъ Авг. Копишъ (1799—1853), который открылъ лазуревый гротъ на островѣ Капри, былъ другомъ Платена, переводилъ произведенія Данте и написалъ нѣсколько юмористическихъ стихотвореній (*Vater Noah*); Давидъ Калишъ (1820—1872), создавшій фарсъ-водевиль въ мѣстномъ берлинскомъ вкусѣ; онъ написалъ, кромѣ многихъ другихъ полныхъ юмора и остроумія пьесъ, *Hunderttausend Thaler; Berlin bei Nacht; Namenlos; Der Aktienbudiker; Dr. Peschke; Ein gebildeter Hausknecht*. Изъ Помераніи переѣхали въ Берлинъ: штетинскій уроженецъ, поэтъ, историкъ и знатокъ искусства Францъ Теодоръ Куглеръ (1808—1858; *Jakobäa; Doge und Dogaresa*) и романистъ Фридрихъ Шинильгагенъ (род. въ 1829), авторъ большихъ соціальныхъ романовъ *Problematische Naturen, Durch Nacht zum Licht, Hammer und Amboss; Sturmflut*, много способствующихъ пониманію жизни новаго времени и проводящихъ ту основную мысль, что отъ совокупнаго труда и братскаго единодушія людей всѣхъ сословій будетъ зависѣть счастье нѣмецкаго труда. И Робертъ Прутцъ временно жилъ въ Берлинѣ, не смотря на то, что его муза была не на своемъ мѣстѣ вблизи отъ королевскаго трона и двора. Братъ композитора Мейербера и авторъ нѣсколькихъ драмъ (*Klytämnestra; Der Paria; Struensee*) Михаилъ Бееръ родился въ Берлинѣ, но провелъ большую часть своей жизни въ другихъ городахъ, преимущественно въ Мюнхенѣ, гдѣ находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ поэтомъ и министромъ Эд. ф. Шенкомъ. Генрихъ Стеффенсъ (1773—1845), романтикъ и натурфилософъ въ духѣ

Шеллинга (стр. 67, XIV, 934), промѣнялъ свое норвежское отечество на Германію, сражался въ рядахъ нѣмецкихъ армій во время войнъ за освобожденіе Германіи, а потомъ жилъ въ прусской столицѣ, занимаясь литературной дѣятельностью въ области философіи, новеллистики, политики и религіи. Вслѣдствіе замкнутости Австріи и незначительнаго участія Вѣны въ литературной дѣятельности нѣмецкихъ писателей, Берлинъ занялъ еще до основанія германской имперіи первое мѣсто между нѣмецкими городами и считался за метрополию нѣмецкой образованности. Два первыхъ десятилѣтія девятнадцатаго столѣтія, когда въ Берлинѣ было столько перво-классныхъ писателей, считались золотымъ вѣкомъ прусской столицы. Къ той эпохѣ принадлежитъ ученая дѣятельность автора «Космоса», Александра фонъ Гумбольдта (ум. въ 1859). Мы впослѣдствіи будемъ вести рѣчь о многихъ корифеяхъ науки, принадлежавшихъ къ числу профессоровъ берлинскаго университета. Честь музъ, которыхъ Гёте осмѣялъ въ *Musen und Grazien in der Mark*, возстановили: Непдорфъ цикломъ стихотвореній *Hegler Mühle*; К. Френцель романами (*Ganganelli*; *Charlotte Corday*), Теодоръ Фонтанэ пѣснями *Männer und Helden* и поэтическими *Wanderungen durch die Mark Brandenburg*; Георгъ Гезекиль пѣснями и сочиненіями, въ которыхъ прославлялъ Пруссію; драматургъ и авторъ новеллъ Густавъ Гансъ цу-Путлицъ, долго стоявшій во главѣ придворнаго театра въ Карлсруэ и пріобрѣвшій извѣстность комедіями *Badekuren*, *Die blaue Schleife*, драмами *Das Testament des Grossen Kurfürsten*, *Rolf Berndt* и поэтической сказкой *Was sich der Wald erzählt*. Въ Берлинѣ родились и жили: циническій сатирикъ Адольфъ Гласбреннеръ (1810—1876; *Berlin wie es ist und—trinkt*, *Der neue Reineke Fuchs*) и Теодоръ Мюггэ (1806—1861), одинъ изъ основателей газеты *Nationalzeitung*. Между романами Мюггэ особенно интересны *Afraja*, *Erich Randal*, написанные на скандинавскіе сюжеты. Между поэтами и писателями новаго времени выдѣляются: Юлій Вольфъ (род. въ 1834 въ Кведлинбургѣ), излагавшій стихами *Rattenfängers von Hameln* и другія средневѣковыя народныя сказанія; Гансъ Гопфенъ (род. въ 1835 въ Мюнхенѣ), многосторонне-даровитый писатель, стихотворенія котораго принадлежатъ къ числу лучшихъ поэтическихъ произведеній новаго поколѣнія; его новеллы, нерѣдко отличающіяся пикантностью содержанія, обнимаютъ широкую сферу, начиная съ подробностей деревенской жизни (*Bayrische und Tiroler Geschichten*) и кончая описаніями утонченныхъ наслажденій аристократическаго общества (*Mein Onkel Don Juan*; *Geschichten des Majors*); драматургъ Эрнстъ фонъ Вильденбрухъ (род. въ 1845, въ Бейрутѣ, въ Сиріи); его трагедіи и комедіи *König Harald*, *Die Karolinger*, *Väter und Söhne*, *Opfer um Opfer*, *Die*

Quitows имѣли большой успѣхъ; наконецъ братья Рудольфъ и Поль Линдау. Въ новеллахъ Рудольфа Линдау нерѣдко описывается жизнь въ заморскихъ странахъ, которую авторъ изучилъ во время продолжительнаго тамъ пребыванія; такъ напр. въ повелѣхъ *Kleine Welt* описана жизнь въ Японіи. Поль Линдау (род. въ 1839), издававшій газету *Nord und Süd*, описывалъ жизнь большихъ городовъ какъ въ своихъ комедіяхъ (*Gräfin Lea*; *Verschämte Arbeit*; *Ein Erfolg*; *Tante Therese*), такъ и въ своихъ романахъ (*Der Zug nach Westen*; *Arme Mädchen*). Юлій Роденбергъ (Леви), авторъ многочисленныхъ повелѣхъ и описаній путешествій (*Die Strassensängerin von London*; *Die Grandidiers*, романъ, въ которомъ сюжетъ взятъ изъ жизни во французской колоніи), поселился, послѣ страннической, богатой приключеніями, жизни, въ Берлинѣ, гдѣ онъ основалъ журналъ *Deutsche Rundschau*. Представительницей новѣйшаго берлинскаго юмора является нѣсколько тривиальная личность «Вильгельмины Бухгольцъ», описанная Юліемъ Штинде.

Однимъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей въ области театральной поэзіи, романовъ и пьесъ былъ Карлъ ф. Гольтей, — актёръ, поэтъ, театральный режиссёръ и директоръ; это былъ прототипъ неуспѣливаго, безпрестанно переѣзжающаго съ мѣста на мѣсто, литератора, какимъ самъ Гольтей описалъ себя въ *Vierzig Jahren*. Между его театральными пьесами болѣе всѣхъ нравились: *Lenore*, въ которой слышится оглозокъ романтико-патріотическаго настроенія умовъ въ эпоху войнъ за освобожденіе Германіи; *Das Trauerspiel in Berlin* съ фигурой подѣнщика Нанте, сдѣлавшейся типомъ благодаря Бекманну; водевилъ *Die Wiener in Berlin*; *Der alte Feldherr (Kosciuszko)*, *Lorbeerbaum* und *Bettelstab*, *Shakespear in der Heimat*. Въ поздніе годы своей жизни онъ посвятилъ себя преимущественно искусству читать вслухъ и сочиненію романовъ: *Die Vagabunden*, съ характеристикой художниковъ-пролетаріевъ, *Ein Schneider* съ описаніемъ жизни ремесленниковъ, *Christian Lammfell*, *Die Eselsfresser*. Его „Силезскія стихотворенія“ написаны на діалектѣ его родины. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Бреславлѣ пенсіонеромъ монастыря „сердобольныхъ братьевъ“, гдѣ пользовался тщательнымъ уходомъ. Не смотря на нѣкоторые недостатки, неизбежные при такихъ натуральныхъ влеченіяхъ, какими отличался Гольтей, это былъ человекъ очень пріятный въ обществѣ и всегда готовый написать по всякому поводу стихотвореніе. — Вильг. Герингъ, извѣстный какъ писатель подъ именемъ Видибальда Алексиса, приобрѣлъ извѣстность не столько подражаніями Вальтеру Скотту (*Waldemar*, *Shloss Avalon*), которые даже были выпущены въ свѣтъ отъ имени шотландскаго писателя, сколько своими повеллами, описаніями путешествій и въ особенности патріотическими романами изъ различныхъ періодовъ прусской исторіи; эти романы отличаются удачными описаніями ландшафтовъ и нравовъ, здоровымъ реализмомъ, тонкимъ юморомъ, мѣткими характеристиками, хотя въ нихъ иногда и встрѣчаются растянутые діалоги и описанія; между ними заслуживаютъ особаго вниманія: *Cabanis*; *Die Hosen des Herrn von Bredow*; *Der Roland von Berlin*; *Der falsche Waldemar*; *Ruhe ist die erste Bürgerpflicht* — сцены изъ Наполеоновской эпохи съ психологической подкладкой; *Das Haus Dürsterweg*; *Zwölf Nächte*. Въ мѣстѣ съ

Гицигомъ онъ издавалъ сборникъ разсказовъ объ уголовныхъ преступленіяхъ подъ названіемъ *Der neue Pitaval*. Онъ умеръ въ Тюрингѣ, въ Ариштадтѣ, куда переселился съ 1854 года.

3. Г а н н о в е р ь.

И въ Ганноверѣ съ его знаменитымъ гёттингенскимъ университетомъ и поэтическимъ кружкомъ гёттингенскихъ студентовъ (*Hainbund*) не прекращались занятія литературой и искусствами. Родившійся въ Целле и тамъ-же умершій во цвѣтъ лѣтъ Эрнстъ Шульце (1789—1817) былъ авторомъ эпического разсказа *Säcilie*, въ которомъ описана въ двадцати пѣсняхъ геройская борьба Оттона I съ языческими Датчанами; оно отличается мягкостью внѣшней формы и звучностью языка, но страдаетъ элегической монотонностью; тому же автору принадлежатъ романтическое стихотвореніе въ трехъ пѣсняхъ *Die bezauberte Rose* и нѣсколько лирическихъ стихотвореній въ нѣжномъ жалобномъ тонѣ. Въ столицѣ Ганновера Спитта (ум. въ 1859) писалъ свои пѣсни, отличающіяся религіознымъ душевнымъ настроеніемъ (*Psalter und Harfe*); ганноверскимъ уроженцемъ былъ и собесѣдникъ престарѣлаго Гёте, поэтъ Экерманнъ (ум. въ 1854). М. Оскаръ Медингъ, излагавшій въ романахъ, подъ вымышленнымъ именемъ Григ. Самарова, воспоминанія о своей жизни (*Um Zepher und Kronen*—циклъ романовъ въ пяти отдѣленіяхъ; *Höhen und Tiefen*), перешелъ изъ прусской государственной службы въ ганноверскую, чтобъ помогать королю Георгу преодолевать политическія невзгоды. Въ Ганноверѣ родился и рисовальщикъ Вильгельмъ Бушъ; его каррикатуры съ написаннымъ имъ самимъ текстомъ (*Max und Moritz*; *Antonius von Padua*; *Die fromme Helene*) расходились въ громадномъ числѣ.—Въ Брауншвейгѣ занимались поэзіей: авторъ революціонныхъ драмъ *Robespierre* и *Die Girondisten*, Роб. Гриненкерль и «послѣдній рыцарь романтизма» Карлъ Кёхн, авторъ нѣсколькихъ драмъ и другихъ поэтическихъ произведеній. Авторъ описаній путешествій по Америкѣ и романовъ, Фридр. Герштекеръ нашолъ въ 1872 году въ могилѣ то спокойствіе, котораго почти вовсе не зналъ въ теченіе своей жизни. Совершенно своеобразнаго поэта имѣетъ Брауншвейгъ въ лицѣ Вильгельма Раабе (род. въ 1831), котораго перѣдко называютъ новымъ Жанъ Полемъ. Сила Раабе заключается въ умѣньи описывать нѣмецкую жизнь въ маленькихъ городахъ и малонаселенныхъ уголкахъ Германіи (*Die Chronik der Sperlingsgasse*; *Horacker*; *Abu Telfan*; *Der Hungerpastor*).—Изъ Бюкебурга былъ родомъ лирический и эпическій поэтъ (Richard) Викторъ Штраусъ, а вальдекскій городокъ Корбахъ былъ родиной барона Карла Іоси фонъ Буизена (род. въ 1791, ум. въ 1860 въ Боннѣ), который, въ качествѣ преемника Нибура, долго

занимался въ Римѣ археологическими изслѣдованіями; въ то время, какъ онъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, онъ занимался учеными трудами по археологiи и церковной исторiи (Hypolyt); когда онъ, выйдя въ отставку, жилъ въ Гейдельбергѣ, онъ въ своихъ письмахъ къ Арндту «о знаменіяхъ времени» мужественно отстаивалъ религіозную терпимость и свободу совѣсти; въ послѣдніе годы своей жизни онъ приступилъ къ изданію новаго перевода Библии съ историческими введеніями и объясненіями.

4. Ганзейскіе города.

Гамбургъ.

Между Ганзейскими городами Гамбургъ издавна выдѣлялся какъ своей торговлей, предприимчивостью, богатствомъ, такъ и литературной дѣятельностью. Тамъ занимались въ журналахъ и въ монографіяхъ преимущественно изслѣдованіями по мѣстной исторiи со временъ Клопштока, Реймаруса и Лессинга слѣдующіе писатели: историкъ Лаппенбергъ (ум. въ 1865; *Geschichte von England*), публицисты Вурмъ (ум. въ 1859), Эгиди, Клаугольдъ; тамъ Отто Бенеке излагалъ исторію города и народныя сказанія и обогащалъ исторію культуры поучительнымъ сочиненіемъ *Von unehrlichen Leuten*. Іоаннъ Готтвертъ Мюллеръ (1744—1828), авторъ комическаго романа *Siegfried von Lindenberg*, былъ гамбургскимъ уроженцемъ; однако, самыя значительныя литературныя силы Гамбургъ извлекалъ изъ другихъ странъ. Гамбургская актриса Шарлотта Акерманнъ, прославившаяся во времена Лессинга и внезапно скончавшаяся въ молодыхъ лѣтахъ отъ любви къ кутилѣ—датскому офицеру, доставила писателю Отто Мюллеру (стр. 488) сюжетъ для интереснаго біографическаго романа. Лебрехтъ Древесъ, романтикъ въ родѣ Эйхендорфа, перешелъ въ католическую вѣру и вслѣдъ за тѣмъ переселился изъ своей протестантской родины—города Гамбурга въ Фельдкирхъ. Писательница Тереза Робинзонъ, урожд. Ф. Якобъ, извѣстная подъ именемъ Тальви и занимавшаяся составленіемъ сборниковъ сербскихъ и другихъ народныхъ пѣсенъ, провела послѣдніе годы своей жизни въ Гамбургѣ (ум. въ 1870). Хранителями умственныхъ сокровищъ Гамбурга были и такіе извѣстные педагоги, какъ Классенъ, Вихардъ Ланге, Теод. Гофманнъ.—Въ Бременѣ жилъ въ должности пастора Фр. Ад. Круммахеръ (1768—1845), авторъ интересныхъ параболъ; а подъ вліяніемъ бургомистра І. Шмидта (ум. въ 1857) и историка и публициста Гормайра (1781—1848, XIV, 360), жившаго тамъ много лѣтъ въ качествѣ баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, тамъ развилась журналистика; ея представителемъ былъ въ послѣднее время политико-экономъ А. Ламмерсъ, обсуждавшій соціальныя вопросы въ газетахъ, брошю-

Бременъ.

Въ Бременѣ жилъ въ должности пастора Фр. Ад. Круммахеръ (1768—1845), авторъ интересныхъ параболъ; а подъ вліяніемъ бургомистра І. Шмидта (ум. въ 1857) и историка и публициста Гормайра (1781—1848, XIV, 360), жившаго тамъ много лѣтъ въ качествѣ баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, тамъ развилась журналистика; ея представителемъ былъ въ послѣднее время политико-экономъ А. Ламмерсъ, обсуждавшій соціальныя вопросы въ газетахъ, брошю-

рахъ и публичныхъ лекціяхъ. Бременское ученое общество пріобрѣло хорошую репутацію подъ руководствомъ филолога и эстетика Вильг. Эрнста Вебера (ум. въ 1850). Его коллега І. В. Шеферъ (ум. въ 1880) пріобрѣлъ извѣстность сочиненіями по исторіи нѣмецкой литературы. Въ настоящее время Бременъ не остается позади другихъ нѣмецкихъ городовъ и въ поэтической дѣятельности. І. П. Виллаценъ выказалъ свою даровитость въ переводахъ старинныхъ исландскихъ народныхъ балладъ и героическихъ стихотвореній и въ сборникахъ лирическихъ стихотвореній; еще болѣе громкую извѣстность пріобрѣлъ живописецъ и поэтъ Артуръ Фитгеръ своей драмой *Die Hecke*.— Любекъ, когда-то гордившійся своимъ господствомъ на Балтійскомъ морѣ, изстари интересовался практическими занятіями, торговлей, мореплаваніемъ, улучшеніемъ судопроизводства гораздо болѣе, чѣмъ тѣми духовными наслажденіями, которыя доставляетъ общество музъ. Къ числу любекскихъ уроженцевъ принадлежатъ: фонъ Руморъ (ум. въ 1843; *Deutsche Denkwürdigkeiten*), пріобрѣтшій извѣстность въ области искусства, изящнаго вкуса и литературы путешествій; поэтъ Эм. Гейбель и извѣстный какъ поэтъ и публицистъ Георгъ Фил. Шмидтъ (ум. въ 1849). Эман. Гейбель, отказавшись отъ званія профессора мюнхенскаго университета, снова поселился въ Любекъ и умеръ тамъ въ 1884 году; городскіе жители почтили своего даровитаго поэта такими торжественными похоронами, какихъ не удостоивался ни одинъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ со временъ Клопштока.

Любекъ.

5. Ольденбургъ, Мекленбургъ и Остзейскія провинціи.

Ольденбургъ былъ родиной историка Вольтманна (1770—1817) и Ольденбургъ. тамъ былъ хорошій театръ подъ управленіемъ драматурга Юл. Мозена. Въ Ольденбургѣ постоянно жили Карлъ Майеръ и Греверусъ; первый изъ нихъ объѣхалъ и описалъ Италію, второй — Грецію. Тамъ-же долго жилъ Адольфъ Штаръ, издавшій много сочиненій по археологіи (*Aristotelische Schriften; Bilder aus dem Altertum*), по эстетикѣ (*Torso, oder Kunst, Künstler und Kunstwerke der Alten*) и по исторіи литературы (*Lessing, sein Leben und seine Werke*); въ своей литературной дѣятельности онъ соперничалъ съ своей второй женой Фанни Левальдъ (стр. 481).—Висмаръ въ мек- Мекленбургъ. ленбургскихъ владѣніяхъ былъ родиной Дальманна; но историческая и политическая дѣятельность этого писателя въ Килъ, Гёттингенъ и Боннъ (гдѣ онъ и умеръ 5 дек. 1860) всецѣло принадлежала его отечеству. Бюцовъ былъ родиной Ганса Кёстера, автора нѣсколькихъ историческихъ драмъ (*Maria Stuart; Der Grosse Kurfürst*). Университеты роштокскій и грейфсвальдскій были разсадниками обра-

Остзейскія
провинціи.

зованія и литературы на берегахъ Балтійскаго моря; тамъ господствовало ниже-нѣмецкое нарѣчіе, на которомъ Фрицъ Рейтеръ (1810—1874) описывалъ въ поэтическихъ произведеніяхъ и разсказахъ (Olle Kamellen, заключающія въ себѣ: Ut de Franzosentid, Ut mine Stromtid, Dorchläuchting) жизнь мекленбургскаго народа съ такимъ юморомъ и съ такой наглядностью, что нѣкоторыя изъ охарактеризованныхъ имъ личностей, какъ напр. «дядя Брезигъ» заняли прочное мѣсто въ фантазіи всего нѣмецкаго народа. Живя студентомъ въ Іенѣ, Рейтеръ увлекся стремленіями буршей, былъ арестованъ въ 1833 году въ Берлинѣ и присужденъ къ смертной казни; ему замѣнили смертную казнь тридцати-лѣтнимъ тюремнымъ заключеніемъ; онъ содержался въ различныхъ прусскихъ крѣпостяхъ, всего долѣе въ Грауденцѣ, наконецъ былъ выданъ своему правительству и въ 1840 получилъ помилованіе отъ герцога Мекленбургскаго. Въ своемъ сочиненіи Ut mine Festungstid (нѣчто вродѣ автобіографіи) онъ описалъ свою тюремную жизнь безъ всякаго раздраженія, перѣдко тономъ шутливости и юмора; тѣмъ не менѣе его разсказъ производитъ очень грустное впечатлѣніе. Онъ умеръ въ Эйзенахѣ, гдѣ построилъ себѣ виллу у подножія Вартбурга. Его землякъ Адольфъ Вильбрандтъ (стр. 501) соорудилъ ему памятникъ въ формѣ его біографіи.—Остзейскія провинціи были уже давно описаны знаменитымъ путешественникомъ, бременскимъ уроженцемъ Г. Георгомъ Колемъ; ихъ историческое, географическое и политическое положеніе описывали мѣстные ученые Шлѣцеръ, Ратлефъ, ф. Рутенбергъ; русское владычество до сихъ поръ не могло искоренить въ мѣстномъ населеніи привязанность къ нѣмецкому языку и литературѣ. Въ Ревелѣ родился баронъ Унгернъ-Штернбергъ (1806—1868), авторъ нѣсколькихъ повелѣй и разсказовъ (Die Zerrissenen; Die Litteratur-und Charakterbilder Lessing und Molière; Diana; Braune Märchen), которые были написаны большею частію въ Берлинѣ, гдѣ авторъ постоянно жилъ съ 1841 года. Тюрингскій уроженецъ, драматическій и лирический поэтъ Августъ Тиме (Thieme) долго жилъ въ Россіи и въ Финляндіи, а въ Петербургѣ жила поэтесса и переводчица Елизавета Кульманъ (ум. въ 1825); ея многочисленныя лирическія стихотворенія представляютъ замѣчательный памятникъ скороспѣлыхъ природныхъ поэтическихъ дарованій. Участвующій въ редакціи лейпцигскаго журнала Daheim, курляндскій уроженецъ Т. Пантениусъ является новеллистомъ самаго новаго времени съ самыми консервативными церковными и политическими убѣжденіями.

6. Шлезвигъ-Гольштинія.

Шлезвигъ-Гольштинія. Шлезвигъ-Гольштинія, подвергавшаяся отъ Даніи угнетеніямъ за свой нѣмецкій патріотизмъ, сохранила вмѣстѣ съ привязанностью къ Гер-

маніи и нѣмецкое образованіе. Въ кильскомъ университетѣ когда-то были преподавателями: извѣстный какъ историкъ и переводчикъ греческихъ классическихъ писателей, профессоръ Дройзенъ, историкъ Г. Вайцъ и многіе другіе ученые.—Дитмаршенскій уроженецъ Фридр. Геббель (стр. 469) сначала предпринималъ поѣздки за границу, получая на этотъ предметъ стипендію отъ датскаго короля, а потомъ поселился въ Вѣнѣ. И Авг. Винцеръ,—когда-то поддерживавшій въ своихъ пѣсняхъ и рѣчахъ стремленія нѣмецкихъ буршей, потомъ сотрудничавшій въ *Allgemeine Zeitung* и писавшій вмѣстѣ съ своей женой новеллы,—промѣнялъ свое шлезвигъ-гольштинское отечество на австрійскую столицу (ум. въ 1868). Въ болѣе близкое къ намъ время, сѣверо-дитмаршенскій уроженецъ Клаузъ Гротъ (род. въ 1819) описывалъ въ своемъ *Quickborn* на ниже-нѣмецкомъ діалектѣ народную жизнь, мысли и чувства своихъ отечественниковъ.

Въ доказательство эстетическаго достоинства такихъ поэтическихъ произведеній Гротъ говоритъ въ своемъ *Quickborn*: „Вошло въ моду называть ниже-нѣмецкій языкъ діалектомъ. Но ниже-нѣмецкій языкъ имѣетъ различные діалекты; это доказываетъ, что самъ онъ не принадлежитъ къ числу діалектовъ; это—самостоятельный языкъ, равноправный съ верхне-нѣмецкимъ, даже превосходящій его древностью. Онъ имѣетъ точныя выраженія для всѣхъ человѣческихъ чувствъ, особыя слова для выраженія всѣхъ человѣческихъ мыслей; въ немъ нѣтъ ничего наивнаго или смѣшнаго, ничего грубаго или неизящнаго; на немъ можно выражать и смѣхъ и горе, можно возвышать и понижать тонъ такъ, что онъ отъ этого ничего не потеряетъ“.

Клаузъ Гротъ первый ввелъ ниже-нѣмецкій языкъ въ нѣмецкую литературу; произведенія, написанныя на этомъ языкѣ Фрицемъ Рейтеромъ, читались, понимались и нравились во всей Германіи. Своеобразие шлезвигъ-гольштинскаго населенія сказывается и въ повѣствовательныхъ стихотвореніяхъ Теодора Шторма (1817—1888), которыя нерѣдко соединяютъ въ узкой рамкѣ значительную поэтическую силу. Многія изъ его новеллъ, какъ напр. *Immensee*, *Aquis submersus*, *Karsten Kurator*, и его послѣднее сочиненіе *Der Schimmelreiter* могутъ быть причислены къ разряду законченныхъ художественныхъ произведеній, хотя въ нихъ и чувствуется нѣкоторая монотонность душевнаго настроенія. Очень многостороннимъ, одареннымъ богатой фантазіей и плодовитымъ шлезвигскимъ писателемъ является Вильгельмъ Іенсенъ (род. въ 1837); но онъ рано промѣнялъ свою родину на южно-нѣмецкіе города; онъ очень легко подмѣчаетъ мѣстныя особенности народной жизни въ различныхъ странахъ и въ различныя эпохи и описываетъ ихъ въ своихъ романахъ (*Karin von Schweden*; *Minatka*—разсказъ изъ тридцатилѣтней войны; *Um den Kaiserstuhl*). Его *Tagebuch aus Grönland*—очень оригинальное произведеніе, въ которомъ очень ясно сказывается

пессимистическое воззрѣніе поэта на жизнь. Также, пессимистическимъ настроеніемъ, отзываются произведенія другаго гольштинскаго новеллиста Германа Гейберга (*Plaudereien mit der Herzogin von Seeland; Apotheker Heinrich*).

III. Литература въ чужихъ краяхъ въ девятнадцатомъ столѣтіи.

А. Французская литература послѣ Вѣнскаго конгресса.

1. Представители новой романтики Ламартинъ и Викторъ Гюго.

Ламартинъ. Мы уже ранѣе замѣтили (XIV, 970 и сл.), что въ началѣ девятнадцатаго столѣтія самое сильное сочувствіе встрѣчали два направленія—церковное благочестіе и любовь природы. Родившійся въ Маконѣ, Альфонсъ Ламартинъ впиталъ въ себя эти оба направленія съ самой ранней молодости, а возвысившись до положенія самаго великаго изъ французскихъ писателей, онъ сталъ въ своей лирикѣ изливать такія-же христіанскія поэтическія чувства, какими отличался Шатобріанъ. Изъ подробностей его жизни, которыя онъ сообщалъ всему міру съ большою словоохотливостью, мы узнали, что его мать—красивая, статная женщина, аккуратно посѣщала въ своемъ саду мѣсто, назначенное для молитвы, и вела дневникъ своихъ тайныхъ обращеній къ Богу, что самъ онъ воспитывался въ іезуитской школѣ въ Беллѣ, на границѣ Савойи, что тамъ онъ довелъ до фанатизма религіозныя чувства, вынесенныя изъ родительскаго дома, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ любить природу. Далѣе онъ съ явнымъ удовольствіемъ разсказываетъ, что онъ былъ очень красивымъ, изящнымъ и всѣмъ правившимся, юношей, что въ 1809 году, во время своей поѣздки въ южную Италію, онъ велъ на островѣ Прочидѣ сентиментально-идиллическую жизнь въ средѣ одного рыбацкаго семейства и вступилъ въ любовную связь съ красивой дочерью рыбака, которая умерла съ горя, когда онъ въ слѣдующемъ году возвратился въ свое отечество. Послѣ того, Ламартинъ велъ безцѣльную жизнь и впадалъ въ меланхолію, какъ человѣкъ пресытившійся наслажденіями; наконецъ онъ сблизился съ сельскимъ священникомъ, аббатомъ Дюмономъ (жизнь и душевныя страданія котораго послужили сюжетомъ для поэмы *Jocelyn*) и съ чахоточной молодой женщиной, придерживавшейся пантеистическихъ воззрѣній, Эльвирой или Юліей; эти знакомства пробудили въ немъ желаніе писать тѣ поэтическія произведенія, которыя сдѣлали его имя извѣстнымъ во всей Франціи. Такъ какъ онъ не сочувствовалъ холодному разсудочному направленію умовъ стараго времени, то онъ сталъ писать свои *Meditations poétiques, Nouvelles meditations poétiques, Harmonie poétiques*

et religieuses въ такомъ тонѣ, какой всего болѣе нравился Французамъ во время реставраціи и благодаря которому онъ скоро сдѣлался любимымъ поэтомъ народа, въ особенности молодёжи и женщинъ! Эти стихотворенія сравпивались съ эоловой арфой, на которой играютъ дующіе съ разныхъ сторонъ вѣтры; они изливались изъ такой души, которая сама была глубоко потрясена нравственными недугами того времени. Поэтому въ нихъ «ярко отражались тѣ мучительныя колебанія между грустью и радостью, между самообольщеніемъ и разочарованіемъ, между бурными порывами и спокойнымъ равнодушіемъ, которыми въ то время страдали всѣ благородныя сердца». И меланхолическій элегическій тонъ его религіозной лирики, и его пылкая вѣра въ Бога и въ безсмертіе души, и пріятная меланхолія его описаній природы, и даже его риторическій пафосъ производили сильное впечатлѣніе на воспріимчивыя умы молодёжи. Но его душевнымъ волненіямъ не доставало глубины, въ его чувствахъ не было идей, въ его очеркахъ не было чувственной наглядности.

Правительство старалось крѣпче привязать къ себѣ поэта, такъ ревностно отстаивавшаго религіозныя идеи того времени и культъ королевской власти. Ламартинъ былъ назначенъ секретаремъ французскаго посольства сначала въ Неаполь, потомъ въ Лондонъ и во Флоренцію. Значительное состояніе, доставшееся ему частію вслѣдствіе его женитьбы на Англичанкѣ, частію по наслѣдству отъ дяди, доставило ему возможность жить съ аристократической роскошью. Въ качествѣ приверженца Бурбоновъ, онъ воспѣвалъ коронованіе Карла X; недовольный іюльской революціей, онъ предпринялъ въ сопровожденіи своей англійской супруги и своей дочери путешествіе въ Сирію и въ Палестину, которое, по возвращеніи во Францію, описалъ въ поэтическихъ очеркахъ восточной природы и восточныхъ нравовъ. Самыя большія изъ его поэтическихъ произведеній—эпиколрическая идиллія «Жоселинъ», въ которой изображены съ идеальными преувелichenіями христіанскія добродѣтели и самоотверженіе благородной гуманной натуры, и «Паденіе ангела», въ которомъ его необузданная фантазія вращается въ допотопномъ мірѣ между титанами и гигантами,—были, по его словамъ, лишь отрывками обширнаго всемірнаго эпоса, который, однако, не былъ доведенъ до конца. Пронсходящая въ человѣческой душѣ борьба между врожденными влеченіями и сознаніемъ долга, между вліяніемъ чувственныхъ впечатлѣній и готовностью къ самопожертвованію, между требованіями разсудка и преданіями, очень краснорѣчиво изображена въ «Жоселинѣ» въ описаніи жизни деревенскаго священника; съ основнымъ тономъ изложенныхъ здѣсь идей вполне гармонируютъ картины природы, отличающіяся очаровательной свѣжестью красокъ. Тѣмъ менѣе удачно второе стихотвореніе. Насколько привлекателенъ и богатъ

содержаніемъ идиллическій эпосъ «Жоселинъ», на столько-же отличается непослѣдовательностью, фантастичностью и наводящими ужасъ подробностями описаніе судьбы ангела Седара, который подвергается страшнымъ мученіямъ отъ любви къ человѣческой дочери и отъ жестокосердія допотопнаго поколѣнія гигантовъ, происходящаго отъ Каина, и въ концѣ концовъ сожигаетъ себя вмѣстѣ съ своею женою на кострѣ.

Политическое
направленіе
Ламартина.

Избранный въ тридцатыхъ годахъ членомъ палаты депутатовъ, Ламартинъ сталъ мало по малу отказываться отъ своихъ легитимистскихъ воззрѣній, чтобъ сдѣлаться поборникомъ гуманитарнаго идеализма, демократическаго и филантропическаго космополитизма, для котораго служили точкой исхода христіанскія идеи. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ все сильнѣе увлекаться мечтаніями о религіозно-демократическомъ строѣ человѣческаго общества. Въ тогдашнемъ положеніи французскаго государства онъ находилъ подготовленную почву для такого государственнаго переустройства, которое соотвѣтствовало-бы намѣреніямъ небеснаго устроителя вселенной. Такъ какъ онъ былъ краснорѣчивымъ ораторомъ и поборникомъ всякихъ либеральныхъ идей и проектовъ, то онъ скоро сдѣлался вліятельнымъ вождемъ оппозиціи, не руководствовавшейся ни династическими ни республиканскими партійными стремленіями, и считавшей органическое развитіе общественнаго строя за главную цѣль новой политики. При своемъ идеалистическомъ и гуманномъ умственномъ настроеніи, Ламартинъ не могъ не питать сильнаго сочувствія къ благороднымъ и даже въ своихъ заблужденіяхъ великимъ личностямъ жирондистовъ; поэтому онъ, въ исторіи этихъ идеальныхъ республиканцевъ, нарисовалъ разукрашенную риторикой и поэзіей картину этого самаго интереснаго періода въ исторіи революціи и этимъ снискалъ такую народную любовь, что въ бурные дни 1848 года, по видимому, могъ успѣшнѣе всякаго другаго сдерживать разбушевавшіяся волны революціи. Онъ былъ назначенъ членомъ временнаго правительства и министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ выбранъ въ десяти департаментахъ народнымъ представителемъ въ учредительномъ національномъ собраніи и состоялъ членомъ исполнительнаго комитета этого собранія; поэтому онъ пріобрѣлъ громадную популярность и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пользовался ею такъ благоразумно, что заслужилъ признательность не только Франціи, но и всей Европы. Остались незабвенными слѣдующія слова, съ которыми онъ обратился къ народной толпѣ, намѣревавшейся развернуть красное знамя, какъ символъ республики: трехъ-цвѣтное знамя обошло весь міръ вмѣстѣ съ республикой и съ имперіей, вмѣстѣ съ свободой и украшавшими ее вѣнками славы; а красное знамя, обогренное потоками народной крови, обошло только Марсово поле. Въ то время Ламартинъ предохранилъ Францію отъ большой бѣды. Но несмотря на то, что въ трудныя минуты у него не было недостатка въ личномъ муже-

ствѣ, у него не было такой твердости убѣжденій, которая могла-бы предохранить его отъ вліянія окружавшихъ его людей. Ему болѣе всего повредило въ глазахъ всѣхъ благоразумныхъ Французовъ его дѣйствительное или мнимое единомысліе съ Ледрю-Ролленомъ. Іюньская борьба въ парижскихъ улицахъ, такъ сказать, вытолкала его съ политическаго поприща. Онъ тщетно старался оправдаться. Возбужденное имъ негодованіе было такимъ всеобщимъ, что онъ не былъ выбранъ въ 1849 году въ члены законодательнаго собранія; онъ попалъ въ составъ этого собранія только послѣ дополнительныхъ выборовъ. Послѣ государственнаго переворота 2 декабря окончилась его политическая дѣятельность и онъ снова сталъ заниматься литературой. Онъ написалъ «Исторію реставраціи», въ которой снова выразилъ свое прежнее сочувствіе къ Бурбонамъ и свой аристократически-монархическій образъ мыслей, но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилъ отсутствіе широкихъ политическихъ принциповъ и твердыхъ убѣжденій; онъ написалъ *Confidences*, въ которыхъ обнаруживаются его тщеславіе и самодовольство. Своими историческими познаніями онъ воспользовался и для сочиненія драмы *Toussaint Louverture*, въ которой изобразилъ возстаніе негровъ въ Санъ-Доминго и душевные страданія тѣхъ, кто участвовалъ въ борьбѣ. Къ такой усиленной литературной производительности побуждало Ламартина не столько врожденное влеченіе, сколько стѣсненное матеріальное положеніе. Онъ глубоко погрязъ въ долгахъ и чтобъ добывать деньги писалъ и исторію реставраціи, и исторію Турціи, и исторію Россіи. Но всё это были поверхностныя произведенія, не имѣвшія серьезныхъ достоинствъ. Были предприняты такія изданія его сочиненій, которыя въ сущности были вызовами къ денежнымъ пожертвованіямъ; деньги собирались для него и тайно и явно, но они высыпались изъ его рукъ, какъ сквозь рѣшето. Онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ великаго французскаго просителя подаяпій; онъ принималъ денежную помощь и отъ императора и отъ всѣхъ безъ разбора. Отъ этого, конечно, не могло быть въ выигрышъ его личное достоинство и мы охотно опускаемъ завѣсъ надъ послѣднимъ печальнымъ актомъ его жизни. Ни какъ поэтъ, ни какъ историкъ, ни какъ государственный дѣятель, Ламартинъ не былъ первокласснымъ гениемъ; тѣмъ не менѣе это была благородная личность, игравшая въ исторіи замѣчательную роль. Онъ принадлежитъ скорѣй къ разряду незабвенныхъ, чѣмъ къ разряду безсмертныхъ.

Политическою дѣятельностью и неустойчивостью убѣжденій основателей французской романтической школы Шатобріана и Ламартина отличался и третій представитель этой школы Викторъ Гюго—поэтъ, чрезвычайно впечатлительный и подчинявшійся господствовавшему въ данную минуту вліянію. Его отецъ былъ преданный Бонапартамъ офицеръ, служившій республикѣ и имперіи въ Калабріи, въ

В. Гюго.

1802—1885.

Испаніи и въ другихъ странахъ; его мать, родившаяся въ Вандеѣ, была привязана къ Бурбонамъ; поэтому Гюго воспринималъ разнообразныя политическія впечатлѣнія еще въ своей ранней молодости, которую провелъ частию въ Италиі, частию въ Испаніи и во Франціи. Но сначала одерживало верхъ материнское вліяніе, поэтому въ своихъ первыхъ лирическихъ стихотвореніяхъ Гюго является ревностнымъ роялистомъ: тѣмъ, что онъ съ восторгомъ, превозносилъ священное королевское званіе, Бурбоновъ и «дита чуда» (*Findung Mosis*), онъ снискалъ милостивое расположеніе Людовика XVIII, который назначилъ ему ежегодное содержаніе. Еще въ 1823 году онъ воспѣвалъ испанскую кампанію, проклиналъ (во время похоронъ Людовика XVIII) якобинцевъ и королеубійцъ, а въ стихотвореніи по случаю коронованія Карла X соперничалъ съ Ламартиномъ возвышенностью своихъ роялистскихъ чувствъ. Но его фанатическая преданность Бурбонамъ оказалась непрочною. Написанная имъ въ 1827 году, ода къ Вандомской колоннѣ была предвѣстницей перемѣны его убѣжденій, которая, однако, только послѣ іюльской революціи обнаружилась вполне. Онъ сдѣлался восторженнымъ поклонникомъ Наполеона, котораго воспѣлъ въ одной изъ своихъ лучшихъ одъ, когда прахъ императора былъ перевезенъ въ Парижъ. Въ царствованіе Луи-Филиппа онъ былъ возведенъ въ званіе пэра и члена академіи, а при второй республикѣ былъ депутатомъ въ національномъ собраніи; такимъ образомъ, онъ умѣлъ находить для себя мѣсто при всякой формѣ правленія. Пережитое имъ самимъ, превращеніе изъ приверженца реставраціи въ горячаго бонапартиста описано имъ въ лицѣ героя романа *Les misérables*. Когда онъ былъ юношей, его дѣдъ-легитимистъ внушалъ ему отвращеніе къ узурпатору Наполеону, но впоследствии пробудились въ его душѣ тѣ чувства, которыя внушалъ ему его отецъ, павшій при Ватерлоо. Описаніе этого психологическаго переворота, безспорно, принадлежитъ къ самымъ лучшимъ мѣстамъ въ произведеніяхъ Виктора Гюго и отличается самою искреннею правдивостью; оно мастерски изложено и производитъ сильное впечатлѣніе.

Произведенія Виктора Гюго. Викторъ Гюго прославился и своими лирическими произведеніями и драмами и романами, но онъ выказалъ самыя выдающіяся дарованія въ первомъ изъ этихъ видовъ литературнаго творчества. Послѣ того, какъ онъ съ риторическимъ паѳосомъ юношескаго воодушевленія описывалъ въ своихъ одахъ сцены изъ чужой жизни, въ своихъ балладахъ снова игралъ на струнахъ средневѣковой романтики, а свои *Orientales*, считавшіяся романтиками за образцовыя произведенія лирической поэзіи, наполнялъ блестящими описаніями чужихъ странъ и нравовъ, онъ наконецъ болѣе углубляется въ самого себя въ одахъ *Les feuilles d'automne*, *Les chants du crépuscule*, *Les voix intérieures*, *Les rayons et les ombres*: здѣсь онъ описывалъ

съ техническимъ совершенствомъ впечатлѣнія, производимыя созерцаніемъ природы и семейною жизнью, и различныя душевныя настроенія, но уже присоединяя къ нимъ тщеславное самосозерцаніе; здѣсь «то удивительно сердечныя и нѣжныя, то прекрасно звучныя, полныя одушевленія аккорды соединяются въ полнозвучную гармонию, которую можно сравнить съ плавностью колокольнаго звона». За Викторомъ Гюго, какъ за лирическимъ поэтомъ, нельзя не признавать умѣнья глубоко проникать въ человѣческую душу и вѣрно понимать всѣ сердечныя впечатлѣнія; напротивъ того, его драматическія произведенія отличаются неестественностью, преувеличеніями и производятъ непріятное впечатлѣніе. Онъ старался разорвать оковы, наложенныя на литературу классической школой, а прежнюю вышлѣрованную, условную поэзію замѣнить такою, болѣе богатою внутреннимъ содержаніемъ, поэзіей, которая производила-бы впечатлѣніе не столько своими внѣшними совершенствами, сколько богатствомъ идей; но при этомъ онъ нерѣдко нарушалъ вѣчные законы искусства, красоты и изящнаго вкуса; онъ придерживался основнаго правила, что всё, встрѣчающееся въ природѣ, должно встрѣчаться и въ искусствѣ, что дѣйствительность состоитъ изъ соединенія двухъ основныхъ элементовъ—изъ возвышеннаго и грубо-причудливаго; по этому онъ впадалъ въ грубыя преувеличенія, производившія отталкивающее впечатлѣніе. Отвергая такъ называемыя три единства и другія тиранническія требованія неправильно понимаемой поэтики, онъ впалъ въ лишенную всякихъ правилъ, противоположную крайность, въ которой господствуютъ ужасъ, смертоубійство, неестественность, а развязка является результатомъ не развитія врожденныхъ влеченій, а вмѣшательства какого нибудь Deus ex machina. «Въ его драмахъ почти всегда встрѣчается олицетвореніе сверхъестественнаго принципа; оно безсердечно, саркастично и вовлекаетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ гибель; оно достигаетъ этой цѣли большею частію ребяческимъ способомъ—съ помощью машинъ, потаенныхъ лѣстницъ, подъемныхъ дверей, а настоящая идея судьбы и нравственной необходимости отсутствуетъ». Грубость и уродливость такихъ гладіаторскихъ игръ заглушаетъ въ народѣ влеченіе къ красотѣ и къ правдѣ. Викторъ Гюго старается восполнить недостатокъ глубокихъ внутреннихъ мотивовъ описаніемъ внѣшнихъ предметовъ, въ особенности контрастами, но при этомъ впадаетъ въ неестественность и эксцентричность, внушающія отвращеніе. Его богатая даровитость обнаруживается только тогда, когда онъ снова выражается какъ лирикъ. Между его драмами пользуются самою большою извѣстностью: «Кромвель»; «Эриани», — карикатура на кастильскую честь; *Triboulet ou le roi s'amuse*, въ которой описана самая чистая отцовская любовь въ низкой душѣ злого и отвратительнаго шута при дворѣ короля Франциска I; «Лукреція

Борджіа»; «Маріонъ Делормъ», въ которой описана любовь куртизанки; «Марія Тюдоръ», — пьеса, наводящая ужасъ неестественностью изображаемыхъ въ ней страстей; его послѣдняя драма *Les Bourgeois*, — въ которой описана вѣрноподданническая преданность изъ феодальной эпохи, — изъ всѣхъ самая безобразная и самая неудачная. Такою-же патянутостью, гоньбою за эффектами и даже неестественностью отличаются и романы Виктора Гюго. То было характеристической особенностью романтической школы, что она съ высокоуміемъ отвергала требованія правильности, считала филистерствомъ соблюденіе установленныхъ правилъ, любила всё необычайное, дикое, фантастическое; но такихъ геніальныхъ вольностей никто не позволялъ себѣ въ такой-же мѣрѣ, какъ Викторъ Гюго. Художественные продукты творческой фантазіи и мастерской техники, величественныя картины природы и сцены изъ человѣческой жизни нерѣдко вставляются въ однѣ рамки вмѣстѣ съ тѣмъ, что причудливо и безобразно. Изящное, пріятное и возвышенное искажается отъ сочетанія съ тѣмъ, что безобразно, противоестественно, пошло; искусство осмѣивается выставкой его противоположностей. Эта склонность къ описанію того, что некрасиво и необычайно, — къ описанію пороковъ и преступленій обнаруживается у Виктора Гюго преимущественно въ его романахъ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ, какъ напр. въ *Han d'Islande*, въ *Bug-Jargal*, онъ возводитъ уродливость въ идеалъ своей поэзіи. Только въ его знаменитомъ романѣ *Notre-Dame de Paris* уродливость продуктовъ его фантазіи умѣряется талантливымъ описаніемъ средневѣковаго искусства и народной жизни, а картинность разсказа оттѣсняетъ на задній планъ его историческій прагматизмъ; всѣ другіе его романы наполнены самыми изысканными душевными страданіями, мучительными пытками и жестокостями, — такъ напр. въ романѣ *Le dernier jour d'un condamné* предсмертныя страданія описаны съ такимъ мастерствомъ, которое производитъ болѣзненное впечатлѣніе на фантазію читателя, но заставляетъ его удивляться искусству анатома. Послѣ польской революціи Викторъ Гюго былъ выбранъ членомъ національнаго собранія въ качествѣ ревностнаго поборника республиканскихъ идей, отстаивавшаго демократическіе принципы и въ поэзіи и въ политикѣ; онъ произносилъ тамъ высокопарныя рѣчи за религіозную и политическую свободу, пока государственный переворотъ 2 декабря 1851 г. не принудилъ его бѣжать изъ Франціи, потому что онъ горячо возставалъ противъ стремленій президента Луи-Наполеона къ единовластію. Въ отмщеніе за это онъ, живя въ изгнаніи, выпустилъ въ свѣтъ язвительный памфлетъ *Napoléon le petit* и стихотворенія *Les châtimens*. Его ненависть къ третьему Наполеону была вызвана въ значительной мѣрѣ оскорбленнымъ тщеславіемъ, — тѣмъ, что онъ уже не могъ разыгрывать выдающуюся политическую роль, къ которой онъ считалъ себя способнымъ. Съ тѣхъ поръ онъ пользовался въ изгнаніи своимъ досугомъ для за-

нятій литературой и написалъ нѣсколько крупныхъ сочиненій — *La Légende des siècles*, представляющую цѣлый рядъ эпическихъ очерковъ изъ всемірной исторіи, *Les Misérables*—изложенное въ формѣ романа, описаніе строя общественной жизни во Франціи при Луи-Филиппѣ, и остроумную книгу о Шекспирѣ. Послѣ Седанской катастрофы и основанія третьей республики онъ покинулъ островъ Джерзей, бывший въ теченіи многихъ лѣтъ мѣстомъ его изгнанической жизни, и возвратился въ Парижъ. Французы считаютъ Виктора Гюго величайшимъ изъ своихъ поэтовъ, — приписываютъ ему философскій и всеобъемлющій умъ, стоящій на высотѣ человѣчества.

Въ романѣ *Les Misérables* есть много превосходныхъ мѣстъ; такъ напр. въ немъ есть образцовое описаніе битвы при Ватерлоо и встрѣчаются глубокія идеи касательно современныхъ религіозныхъ и соціальныхъ вопросовъ; однако романъ производитъ въ своемъ цѣломъ неотрадное впечатлѣніе, а въ концѣ даже совершенно плохъ. Во всякомъ случаѣ то было печальной характеристикой не столько автора, сколько французскаго общества, что въ описаніи столько житейскихъ подробностей и столько личностей, въ которыхъ какъ-бы отражается вся жизнь данной эпохи, не встрѣчается ни одного описанія счастливой семейной жизни. Поэтому и читатель не выноситъ изъ чтенія романа ни малѣйшей надежды на исцѣленіе недуговъ этого общества. Хотя въ концѣ романа герой и героиня и сочетаются бракомъ, но въ особенности героиня такая незначительная личность, что этотъ бракъ не внушаетъ никакихъ утѣшительныхъ мыслей. Во всѣхъ отношеніяхъ неудаченъ и даже скученъ послѣдній романъ Виктора Гюго *Les travailleurs de la mer*.

Перечисленные нами поэты распространили во Франціи вкусъ къ различнымъ от-романтической поэзіи, возникшей въ Германіи и предпочтительно тѣмъ роман-воспѣвавшей средніе вѣка, искусство и католицизмъ; они ввели въ тѣмъ роман-ней новыя метрическіе размѣры и доставили ей побѣду надъ клас-тическаго на-сической школой, насчитывавшей лишь немногихъ послѣдователей. правленія. Но въ лицѣ Виктора Гюго романтическое направленіе достигло высшей точки своего развитія и уже начало сильно отзываться приторностью; поэтому одинъ изъ самыхъ даровитыхъ представителей этого направленія и поэтической міровой скорби и превосходный переводчикъ Шекспировскихъ драмъ Альфредъ де-Виньи сталъ вносить въ Виньи. романтическую поэзію больше естественности и художественной ос-1799—1863.мотрительности, какъ это видно и изъ его эпико-лирическихъ стихотвореній (*Dolorida*; *Eloa* — дѣвушка, выросшая, подобно цвѣтку, изъ слезы Спасителя; *Moïse*; *La neige*) и изъ его романовъ (*Cinq-Mars*, одно изъ самыхъ удачныхъ подражаній Вальтеръ Скотту; *Servitude et grandeur militaires* — поэтическіе очерки военной и солдатской жизни съ философскими размышленіями; *Stello ou les diables bleus* — очерки французской революціи). Воспитанный подъ вліяніемъ легитимистовъ и католиковъ, Виньи все болѣе и болѣе склонялся на сторону либераловъ и не смотря на то, что держался

въ сторонѣ отъ социалистовъ, не ограничивался скромной оппозиціей. Въ качествѣ аристократа, онъ заботился болѣе объ интересахъ народа, чѣмъ объ интересахъ буржуазіи. — Остроумный и саркастическій писатель Фіевэ, изгнанный во времена директоріи изъ Франціи за то, что былъ по своимъ убѣжденіямъ роялистъ, еще во время революціи вносилъ реализмъ дѣйствительной жизни въ свои романы (*La dot de Suzette, Frédéric; Le divorce*), содержание которыхъ принадлежало къ періоду революціонныхъ переворотовъ. И одинъ изъ самыхъ выдающихся писателей временъ реставраціи, Просперъ Мериме безусловно придерживался романтическаго 803—1870. направленія, хотя и усвоилъ нѣкоторыя изъ его отличительныхъ особенностей. Это былъ ученый археологъ и историкъ, о чемъ свидѣлствуютъ его *Etudes sur l'histoire romaine, Les faux Demetrius, Histoire de don Pèdre 1-er, roi de Castille* и въ особенности описание его поѣздокъ по различнымъ французскимъ провинціямъ для археологическихъ изслѣдованій; однако онъ до такой степени подчинялся господствовавшему въ его время влеченію къ оригинальности и неестественности, что даже принималъ участіе въ попыткахъ такого-же подлога, на какой рѣшился англійскій поэтъ Чаттертонъ (XIV, 984). Похвалы, съ которыми отнеслись современники Клотильды Сюрвилль къ изданнымъ ею, мнимымъ средневѣковымъ стихотвореніямъ, по видимому, побудили и Мериме приняться за литературныя произведенія этого рода. По меньшей мѣрѣ принадлежали къ разряду мистификацій изданные имъ сборники: *Les pièces de Clara Gazul* — комедіи въ родѣ испанскихъ интермеццо и *Guzla* — иллирійскія народныя пѣсни. Впрочемъ, съ теченіемъ времени Мериме сталъ придерживаться болѣе свободной и болѣе возвышенной точки зрѣнія. Онъ снова выказалъ свои историческія познанія въ изданныхъ имъ подъ заглавіемъ *La Jacquerie* историко-драматическихъ очеркахъ нравовъ и характеровъ феодальной эпохи; за тѣмъ онъ занялъ мѣсто на ряду съ первокласными романтическими французскими писателями, благодаря своимъ многочисленнымъ новелламъ, которыя полны драматизма и заключаютъ въ себѣ реалистически вѣрныя описанія природы, отличающіяся совершенствомъ внѣшней формы. Лучшія изъ этихъ новеллъ — корсиканскій рассказъ «Коломба» и испанскій рассказъ «Кармень», послужившій сюжетомъ для очень нравящейся въ наше время оперы Бизе. Переводомъ «Пиковой Дамы» Пушкина Мериме прежде всѣхъ возбудилъ въ своихъ соотечественникахъ интересъ къ новѣйшей русской литературѣ.

Не смотря на то, что въ произведеніяхъ Виктора Гюго были и слабыя стороны, даровитость этого писателя такъ ярко бросалась въ глаза и его примѣръ былъ такъ заразителенъ, что нѣкоторые 811—1872. изъ лирико-романтическихъ поэтовъ принимали его за образецъ. Готье. Между этими писателями особенно выдѣлялись: Теофиль Готье, опи-

савшій яркими красками разныя нелѣпности и сумасбродства въ своихъ новеллахъ (*Mademoiselle de Maupin*), характеристикахъ и литературныхъ портретахъ; критикъ и поэтъ Сентъ-Бёвъ; одаренный пылкой фантазіей и мастерски владѣвшій языкомъ, Альфредъ де-Мюссе; 1804—1869. Сентъ-Бёвъ. Мюссе. 1810—1857. Ребуль. 1796—1864. напротивъ того, булочникъ Жанъ Ребуль изъ Нима перешелъ отъ подражанія сентиментальной поэзіи Ламартина къ подражанію Мюссе; этотъ писатель, находившійся нѣсколько времени въ тѣсной связи съ Жоржъ Сандомъ, описывалъ съ странною смѣсью удовольствія и ужаса покинутый Богомъ міръ, «отзывающійся гниlostью и тлѣніемъ» (*Contes d'Espagne et d'Italie; Un spectacle dans un fauteuil*). Онъ съ психологическимъ анализомъ изслѣдовалъ всѣ душевныя влеченія (*Confessions d'un enfant du siècle*). Альфреда Мюссе можно считать за настоящаго сына французскаго народа, за представителя французской націи. Чрезмѣрное употребленіе полыннаго вина и безпорядочная жизнь преждевременно разрушили его здоровье, но вслѣдствіе своей ранней смерти онъ сдѣлался еще болѣе дорогъ сердцу своего народа. Даже серьезный критикъ и историкъ литературы Низаръ, бывшій исключительнымъ и одностороннимъ поклонникомъ стараго классическаго направленія, и рѣзко порицавшій новыя поэтическіе приемы, становится снисходительнымъ, когда говоритъ объ этомъ любимцѣ своей націи, который «хотя и былъ вполне оригиналенъ, но не отвергалъ классическихъ традицій, составляющихъ отличительную особенность французской литературы». Мюссе не рѣдко и не безъ основанія сравнивали съ лордомъ Байрономъ; изъ поэтовъ одной съ нимъ національности Андре Шенье имѣетъ самое большое съ нимъ сходство, но онъ далеко превосходилъ этого своего предшественника. «Поэзія Альфреда Мюссе носитъ на себѣ», по словамъ Юліана Шмидта, «признаки частаго употребленія ликёровъ; она могла возникнуть только въ такомъ обществѣ, въ которомъ отъ утонченныхъ наслажденій и отъ преждевременной траты жизненныхъ силъ заглохло влеченіе къ безыскусственно прекрасному, и которое ищетъ только сильныхъ эмоцій». Не смотря на всѣ преувеличенія Мюссе выказалъ свое мастерство во всѣхъ видахъ поэзіи — и въ лирикѣ («Четыре почи»; «Воспоминаніе»), и въ новеллахъ и въ особенности въ комедіяхъ. Его небольшія пьесы—«Пословицы» принадлежатъ къ самымъ характеристичнымъ изъ всѣхъ его произведеній; онѣ превосходны по изяществу и легкости рисунка и языка. Въ нихъ отражаются какъ въ зеркалѣ легкомысліе, жажда наслажденій и внѣшнее изящество современнаго французскаго общества; но въ нихъ также обнаруживается нравственная неустойчивость пресытившагося наслажденіями поэта, которому непонятны никакія болѣе глубокія чувства, никакія болѣе чистыя житейскія радости. Насъ Нѣмцевъ Мюссе мѣтко осмѣялъ въ своемъ отвѣтѣ на Беккеровскую *Rheinlied*.

- Элиза Меркёръ. По стопамъ Виктора Гюго или Ламартина шли поэтессы: Элиза Меркёръ, 1809—1835. кёръ, изливавшая свою душевную скорбь въ элегическихъ стихотвореніяхъ; Дебордъ-Валь-Марселина Дебордъ-Вальморъ, описывавшая любовныя страданія; она была такъ несчастлива съ самаго дѣтства, что ея дарованія не могли развиваться до болѣе свѣтлыхъ воззрѣній на жизнь; Амабль Тастю; Софія Гэ и ея даровитая дочь Дельфина. Софія Гэ была красизая, остроумная и образованная свѣтская дама, собиравшая въ своемъ салонѣ выдающихся людей, 1786—1859. подобно г-жамъ Сталь и Рекамье; она изложила плоды своей тонкой наблюдательности въ цѣломъ рядѣ романовъ (*Léonie de Montbreuse*; *Les malheurs d'un amant heureux*) и комедій (*Le Marquis de Pomenars*). Ея дочь Дельфина Гэ-Дельфина Гэ, вышедшая за-мужъ за литератора и журналиста Эмиля де-Жирардена. Жирардена, была чѣмъ-то въ родѣ второй Коринны; всѣ выдающіеся явленія современной общественной жизни она воспѣвала въ элегическихъ 1804—1855. сентиментальныхъ стихотвореніяхъ въ духѣ Ламартина; въ болѣе поздніе годы своей жизни она описывала общественную парижскую жизнь — и аристократическіе салоны и кружки литераторовъ и художниковъ — въ романахъ (*Le Jorgnon*) и фельетонныхъ статьяхъ, отличавшихся живостью изложенія, но нерѣдко не стѣснявшихся требованіями женской скромности и стыдливости. Имѣли успѣхъ и ея театральныя пьесы, въ особенности комедіи (*L'école des journalistes*; *Lady Tartuffe*). Ея трагедія „Юдифъ“ долго нравилась парижской публикѣ благодаря игрѣ Рашели. Братья Эмиль и 1791—1871. Антуанъ Дешанъ (*Deschamps*), — дилетанты, напоминавшіе многосторонностью своихъ стремленій братьевъ Шлегелей, — много содѣйствовали развитію романтической поэзіи во Франціи, основавши общество *Sénacle romantique* съ цѣлю познакомить французскую публику, посредствомъ переводовъ и передѣлокъ, съ поэтическими произведеніями другихъ народовъ. Новизна этой цѣли встрѣтила общее сочувствіе. Хотя этотъ романтический кружокъ и не создалъ никакихъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній, но онъ расширилъ литературный кругозоръ переводами произведеній Данте, Петрарки, древнихъ восточныхъ и греческихъ поэтовъ. Онъ подготовилъ почву для литературной дѣятельности Виктора Гюго.

Кинэ. Своеобразное положеніе занималъ въ литературѣ Эдгаръ Кинэ (*Quinet*). Онъ долго жилъ въ Германіи, въ особенности въ Гейдельбергѣ, гдѣ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Крейцеромъ; близко познакомившись съ нѣмецкой наукой и литературой, онъ попытался пересадить на французскую почву усвоенныя имъ въ Германіи философскія и романтическія воззрѣнія. Онъ перевелъ на французскій языкъ «Идеи» Гердера и старался глубже проникнуть въ умственную жизнь нѣмецкой націи. Его замѣчанія о Германіи, изложенныя въ 1831 году въ *Revue des deux mondes* и въ особомъ сочиненіи, заключаютъ въ себѣ остроумныя вѣрныя сужденія о переворотѣ, происшедшемъ въ направленіи умовъ со временъ г-жи Сталь, о чувствѣ международной солидарности, пробудившемся въ сердцахъ благодаря успѣхамъ наукъ и искусствъ послѣ совокупной борьбы съ Наполеономъ. По порученію парижской академіи, Кинэ предпринялъ путешествіе въ Грецію, доставившее ему матеріалъ для привлекательнаго и остроумнаго сочиненія о новой Элладѣ и о ея отношеніяхъ къ древности. Впослѣдствіи исчезла его симпатія къ Германіи; при своей склонности

къ мистикѣ и къ символикѣ онъ возмущался реалистическимъ направле-
ніемъ болѣе молодого поколѣнія; въ своей статьѣ о тевтомани онъ вы-
сказалъ не мало язвительныхъ замѣчаній о той странѣ, которой былъ
главнымъ образомъ обязанъ своимъ умственнымъ развитіемъ. Нѣмец-
кая романтика навела его на мысль написать драматическое стихо-
твореніе въ поэтической прозѣ «Агасферъ», которое онъ назвалъ
мистеріей и которое онъ предполагалъ довести до размѣровъ всемір-
наго эпоса, обнимающаго исторію и естественныя науки. Въ стихо-
твореніи «Прометей», написанномъ александрійскимъ размѣромъ, онъ
старался слить язычество съ христіанствомъ и отыскать зачатки хри-
стіанства въ языческихъ мифахъ; въ натурфилософскомъ стихотво-
реніи «Сирена», отличающемся какъ смѣлымъ мистицизмомъ, такъ и
своей поэтической формой, онъ выставилъ символъ пантеистическаго
духа природы, проникающаго всю вселенную; въ стихотвореніи «На-
полеонъ», котораго онъ считалъ представителемъ французскаго на-
рода, онъ выставилъ этого героя своего вѣка въ блестящемъ ро-
мантическомъ освѣщеніи. Подъ вліяніемъ современныхъ событій его
влеченія къ мистикѣ и къ символикѣ все болѣе и болѣе отодвигались
на задній планъ передъ возрѣніями раціоналистическими и либераль-
ными. Назначенный профессоромъ литературы южныхъ народовъ въ
Collège de France, онъ сталъ вмѣстѣ съ Мишле такъ горячо напа-
дать на христіанство іезуитовъ и папистовъ («Ультрамонтанизмъ или
римская церковь и общество новаго времени», 1844), и сталъ про-
износить въ этомъ направленіи такія рѣзкія рѣчи съ профессорской
каѳедры, что былъ уволенъ отъ должности. Послѣ февральской ре-
волюціи онъ вступилъ въ ряды социаль-демократовъ, о чемъ и зая-
вилъ своимъ стихотвореніемъ *Spartacus ou les Esclaves*. За это онъ
былъ изгнанъ изъ Франціи послѣ государственнаго переворота 2 де-
кабря. Съ тѣхъ поръ онъ жилъ за границей, — болѣею частію въ
Швейцаріи; наконецъ, въ сентябрѣ 1870 онъ возвратился во Францію
и вмѣстѣ съ Викторомъ Гюго былъ выбранъ членомъ національнаго
собранія. Онъ умеръ въ 1875 въ Версали.

И многіе изъ романистовъ, — какъ напримѣръ виконтъ д'Арленкуръ и Арленкуръ.
Фред. Сулье (*Les deux cadavres*) — подражали фантастическимъ преувеличе- 1789—1856.
ніямъ и неестественности романтиковъ, взаимно поддерживая другъ друга
въ этомъ направленіи чрезмѣрными похвалами. Фред. Сулье написалъ нѣ- Сулье.
сколько удачныхъ драмъ и затѣмъ сталъ писать, по примѣру Вальтеръ- 1800—1847.
Скотта, историческіе романы, въ которыхъ описывалъ преимущественно
свою родину — Лангедокъ („Графъ Тулузскій“; „Виконтъ де-Безье“) и ко-
торые наполнялъ самыми фантастическими ужасами и преступленіями.
Описывая правственную испорченность и умственное невѣжество высшаго
общества, Сулье разжигалъ въ социалистахъ ненависть къ этому сословію.
Напротивъ того, одинъ изъ самыхъ изящныхъ новеллистовъ Ксавье де-
Местръ возвратился къ безыскусственности произведеній Бернардена Де-Местръ.
де-Сентъ-Пьера. Въ его *Voyage autour de ma chambre* выражено веселое 1764—1852.

и добродушное возрѣніе на жизнь. Въ *Le Lèpreux de la cité d'Aoste* онъ описалъ яркими красками безмолвное отчаяніе несчастнаго, который принужденъ, въслѣдствіе страшной болѣзни, жить въ совершенномъ одиночествѣ. *La jeune Sibérienne*—безыскусственное и трогательное описаніе дѣтской привязанности. И женеvскій уроженецъ, живописецъ и писатель Руд.

Тѣнцферъ. Тѣнцферъ обнаруживаетъ склонность къ простотѣ и естественности въ своихъ юмористическихъ новеллахъ (*Le presbytère*) и въ своихъ путевыхъ замѣткахъ; жившій въ Женевѣ, сынъ Нѣмца, Л. Бунгенеръ написалъ нѣсколько историческихъ романовъ (*Un sermon sous Louis XIV; Trois sermons sous Louis XV; Julien*), въ которыхъ является ревностнымъ поборникомъ протестантской свободы мысли и преподаванія.

2. Оппозиціонная литература.

Классическое направление. Романтическая школа старалась, въ противоположность типичному условному классицизму, отстаивать право писателей на пичѣмъ не стѣсняющуюся своеобразность даже тогда, когда они были чрезвычайно причудливы и фантастичны; но, по причинѣ своей односторонности, эта школа находила не мало противниковъ, съ успѣхомъ нападавшихъ на ея недостатки. Не смотря на то, что классическое направление устарѣло и, по видимому, было отодвинуто на задній планъ, его представители вели противъ новоромантической поэзіи горячую борьбу, которая окончилась ихъ пораженіемъ только потому, что силы передовыхъ бойцовъ были неравны. Классическая поэзія въ духѣ Расина и Мольера съ своимъ гладкимъ александрійскимъ размѣромъ, съ своимъ тщательно обработаннымъ языкомъ и риторическимъ пафосомъ, такъ крѣпко срослась съ исторіей Франціи и съ ея славнымъ прошлымъ и до такой степени соотвѣтствовала характеру націи, что не могла быть окончательно отложена въ сторону. И въ мнѣніи Наполеона старая поэзія съ своимъ торжественнымъ тономъ и изысканными виѣшними формами стояла выше своевольной и юношески-высокомѣрной, молодой поэзіи. Въ этомъ отношеніи и Людовикъ XVIII былъ одного мнѣнія съ тѣмъ, кого считалъ узурпаторомъ. Однако, новая романтическая поэзія такъ гармонировала съ современнымъ направлениемъ умовъ и имѣла такихъ даровитыхъ представителей, что ее не могли вытѣснить изъ употребленія такіе второстепенные писатели, придерживавшіеся обычной классической формы, какъ ранѣе упомянутый нами (XIV, 961) поэтъ, критикъ и историкъ

Арно. литературы Лагарпъ, какъ драматургъ Арно (*Les Vénitiens*), какъ 1776—1834. Жуи (*Bélisaire*), какъ Габр. Легувэ и ученый изслѣдователь про-

Ренуаръ. вансальскаго языка и поэзіи Ренуаръ (*Les Templiers*); съ произве- 1761—1836. деніями г-жи Сталь и Шатобріана не могли соперничать ни лишен-

Графиня Жан- ные глубокомыслия романы и рассказы графини Жанлисъ, находив- шейся въ тѣсной дружеской связи съ Орлеанскимъ домомъ, ни ди-

1746—1830. дактическія стихотворенія и идиллическія описанія природы перевод-

чика произведений Виргилия, Жака Делиля, не смотря на то, что Делиль.
 парижская публика когда-то очень восхищалась описательным сти- 1738—1813.
 хотворением этого поэта *Les jardins*. Но съ течениемъ времени
 снова стало обнаруживаться во французской литературѣ возвращеніе
 къ классицизму: Неп. Лемерсье—въ своихъ многочисленныхъ исто- Лемерсье.
 рическихъ трагедіяхъ (*Agamemnon; Clovis; Pinto*) и въ своихъ 1771—1840.
 комедіяхъ (*Dame Censure*) — свободно пользовался классическими
 формами и правилами и, не устраниая ихъ, позволялъ себѣ нѣкоторыя
 уклоненія отъ нихъ; популярный хотя и менѣе глубокомысленный
 поэтъ Казимиръ Делавинъ умѣлъ искусно соединять романтическія Делавинъ.
 идеи съ классической формой въ своихъ историческихъ драмахъ 1793—1843.
 (*Paria; Marino Faliero; Les Messéniennes; Les Vêpres Siciliennes; Les enfants d'Edouard; Don Juan d'Autriche*) и въ своихъ
 комедіяхъ (*L'école des vieillards*); то-же можно сказать о драма-
 тургѣ Ал. Суме (*Clytemnestre; Saul; Jeanne d'Arc*); а когда даро- Суме.
 витая актриса Рашель стала снова придавать привлекательность тра- 1788—1845.
 гедіямъ Корнеля и Расина, о которыхъ романтики отзывались съ
 пренебреженіемъ, — когда она стала вносить въ изображеніе антич-
 ныхъ характеровъ новоромантичскій пылъ и духъ новаго времени,
 тогда, по меньшей мѣрѣ въ театральныхъ пьесахъ, снова стала приоб-
 рѣтать твердую почву классическая поэзія; этому благопріятствовало
 то обстоятельство, что главные представители романтическаго на-
 правленія Викторъ Гюго и его соперникъ Алекс. Дюма обнаруживали
 односторонность въ своихъ преувеличеніяхъ.

Александръ Дюма, сынъ Наполеоновскаго генерала, мулата, при- Алекс. Дюма
 надлежитъ къ числу самыхъ плодovitыхъ писателей временъ Луи- отецъ.
 Филиппа. Такъ какъ послѣ смерти его отца состояніе его семейства 1803—1870.
 разстроилось вслѣдствіе разныхъ несчастій, то ему пришлось съ
 ранней молодости заботиться о добываніи средствъ существованія.
 Онъ плохо учился, но имѣлъ хорошій почеркъ; поэтому одинъ изъ
 друзей его отца, генераль Фуа доставилъ ему мѣсто секретаря въ
 канцеляріи герцога Орлеанскаго и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность изу-
 чать французскую и иностранную литературу и, часто посѣщая те-
 атръ, ознакомиться съ драматическимъ искусствомъ. Его первыя те-
 атральныя пьесы «Генрихъ III и его дворъ», «Королева Христина»
 и «Мональдески» вызвали одобреніе. Ему пришла въ голову счастли-
 вая мысль облекать романтическое содержаніе въ классическія формы
 и согласовать новыя требованія изящнаго вкуса съ старыми привыч-
 ками и правилами. Успѣхъ поощрилъ его къ усиленной работѣ; когда
 его собственная изобрѣтательность оказывалась недостаточной, онъ
 дѣлалъ позаимствованія изъ чужихъ литературныхъ произведений, по-
 тому что не считалъ предосудительнымъ «брать свою собственность
 повсюду, гдѣ находилъ ее». Поэтому онъ сталъ создавать одну вслѣдъ
 за другой новыя драмы, въ которыхъ или выводилъ на сцену исто-

рическія личности («Катерина Медичи», «Карль VI и его вассалы», «Калигула»), или изображалъ нравственную испорченность современнаго общества съ его порочными наклонностями и наслажденіями; такъ напр. его драмы *Antony*, *Theresa*, *Angèle* переносятъ зрителя или читателя въ такія сферы, гдѣ господствуютъ безнравственность, злой умыселъ и преступленіе. Въ *La tour de Nesle*, — гдѣ супруга Лудовика X, королева Маргарита предается вмѣстѣ съ двумя сестрами ночнымъ кровавымъ оргіямъ, — отвратительныя и наводящія ужасъ сцены перемеживаются съ сценами сладострастія. Въ драмѣ *Don Juan de Marana*, наполненной религіозными мистеріями, явленіями духовъ и демоновъ, и отзывающейся могильною гнилью, необузданная фантазія автора доходитъ до самыхъ крайнихъ преувеличеній романтизма. И въ своихъ комедіяхъ, — между которыми особенно славились *Mademoiselle de Belle-Isle*, *Un mariage sous Louis XV* и *Les demoiselles de St.-Cyr*, — Дюма нисколько не стѣснялся нравственными принципами публики, хотя съ другой стороны и доставлялъ ей удовольствіе разными привлекательными сценами и симпатичными чертами въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ. Еще болѣе плодovита была дѣятельность Дюма въ другихъ отрасляхъ литературы: онъ писалъ романы, новеллы, мемуары, путевыя замѣтки, правоописательныя повѣсти и очерки всякаго рода. Одобреніе публики поощряло его къ такой многосторонней производительности, которая кажется невѣроятной и которая была возможна только потому, что, — какъ онъ самъ признался, — значительная часть сочиненій, вышедшихъ въ свѣтъ подъ его именемъ, была написана не имъ самимъ, а только была имъ задумана и окончательно редактирована. Между его сотрудниками были люди даровитые, но ни одинъ изъ нихъ не могъ производить своими самостоятельными литературными работами такого-же впечатлѣнія, какое производилъ при содѣйствіи энергической фантазіи Александра Дюма. Почти всѣ его романы, — между которыми были самыми извѣстными «Три мушкетера», «Графъ Монте-Кристо» и «Королева Марго» — появлялись сначала въ фельетонахъ большихъ газетъ и уже послѣ того выпускались въ свѣтъ особыми изданіями. Его доходы увеличивались до баснословныхъ размѣровъ; онъ могъ-бы сдѣлаться милліонеромъ, еслибы не увлекался своей склонностью къ мотовству и къ биржевымъ спекуляціямъ и не растрчивалъ денегъ такъ-же скоро, какъ ихъ пріобрѣталъ. Царствованіе Луи-Филиппа было для Дюма золотымъ вѣкомъ славы и богатства. Въ качествѣ придворнаго исторіографа, онъ сопровождалъ герцога Монпансье, отправлявшагося въ Испанію для вступленія въ бракъ; онъ открылъ особый театръ для исполненія своихъ пьесъ, содержаніе которыхъ бралъ изъ своихъ романовъ; онъ былъ собственникомъ нѣсколькихъ журналовъ. Его вывела изъ этого счастливаго положенія февральская революція и не смотря на то, что его удаленіе изъ Па-

рижа было непродолжительно, что послѣ своего возвращенія въ столицу онъ загладилъ свои денежные потери новыми предпріятіями и литературною дѣятельностью, онъ уже не могъ возстановить своей прежней блестящей славы. Когда вспыхнула война за освобожденіе Италіи, онъ отправился вслѣдъ за французской арміей за Альпы, принялъ участіе въ походѣ Гарибальди въ Сицилію и въ Неаполь и этимъ снова обратилъ вниманіе Парижанъ на свою личность и на свои литературныя произведенія. Но его производительныя силы стали мало по малу ослабѣвать; его подвижной умъ, такъ долго умѣвшій поддерживать его извѣстность театральными пьесами и романами, уже не былъ въ состояніи работать съ успѣхомъ; поѣтому конецъ его жизни былъ полонъ тревогъ. Онъ умеръ 5 декабря 1870 въ то время, какъ французскія арміи подвергались тяжелымъ пораженіямъ.

На долю Дюма выпало то рѣдкое счастье, что его сынъ, носившій Алекс. Дюма одинаковое съ нимъ имя, выступилъ бойцемъ на одной съ нимъ сынъ, род. аренѣ. Уже въ своемъ первомъ романѣ *Aventures de quatre femmes et d'un perroquet*, написанномъ въ молодыхъ лѣтахъ, 1824. Александръ Дюма-сынъ обнаружилъ замѣчательный даръ изобрѣтательности. Вслѣдъ за тѣмъ онъ написалъ цѣлый рядъ романовъ, которые, подобно своему отцу, передѣлывалъ въ драмы. Они возбуждали въ публикѣ интересъ своимъ простымъ безыскусственнымъ стилемъ, драматическими положеніями дѣйствующихъ лицъ и пикантными описаніями такихъ общественныхъ кружковъ, которые имѣли сомнительную репутацію. Вѣдь онъ выбиралъ свои сюжеты преимущественно изъ сферы куртизанокъ и развратниковъ. *La dame aux camélias*, въ которой отстаивалась честь одной изъ такихъ героинь сомнительной добродѣтели, возбуждала восторгъ и въ формѣ романа и въ формѣ драмы не только во Франціи, но и во всей Европѣ. И почти всѣ другіе романы и театральныя пьесы—*Le roman d'une femme*, *La dame aux perles*, *Diane de Lys*, *Le fils naturel*, *Le demi monde*—вращаются на такой же сальной почвѣ; въ нихъ легкомысліе, безнравственность, сладострастіе и пороки выставляются въ привлекательномъ свѣтѣ, оправдываются и даже окружаются чѣмъ то въ родѣ ореола славы; послѣдній изъ этихъ романовъ даже далъ свое названіе всѣмъ литературнымъ произведеніямъ этого рода. Легкость и плавность слога и діалога, приправленные правоучительными изреченіями, остроумными замѣчаніями, пикантными вымыслами, увеличивали привлекательность тѣхъ соблазнительныхъ картинъ, которыя выставлялись передъ глазами пресытившихся житейскими наслажденіями, читателей и зрителей. Главныя литературныя произведенія Дюма-сына были созданы во время второй имперіи и третьей республики. Въ своихъ позднѣйшихъ романахъ и драмахъ, какъ напр. въ *Clémenceau*, *Francillon*, обработанныхъ очень тщательно и съ большимъ талантомъ, онъ возставалъ противъ намѣренія вводить неизмѣнные общественные порядки и учрежденія.

Понсаръ. Классическое направлѣніе пріобрѣло даровитаго, — хотя и не вполнѣ
1814—1867. оправдавшаго возбужденныя имъ надежды, — представителя въ лицѣ
драматурга Франсуа Понсара; его трагедія «Лукреція» считалась на-
чаломъ новой эпохи въ литературѣ; но въ его драмѣ «Улиссъ» «го-
меровская простота» является слишкомъ рѣзкой, а реторическая де-
кламація въ его трагедіяхъ *Agnès de Meranie* и *Charlotte Corday*
не могла скрыть недостатка поэтической даровитости и творческой
фантазіи. Восхищеніе, которое сначала возбуждали драматическія про-
изведенія Понсара, объясняется не столько ихъ поэтическими достоин-
ствами, сколько привязанностью Французовъ къ старымъ литератур-
нымъ формамъ. Историческія драмы Л. Вите и многочисленныя
Скрибъ. театральныя пьесы плодовитаго автора комедій Авг. Евг. Скриба,
1791—1861. этого французскаго Коцебу, не имѣютъ высокихъ поэтическихъ до-
стоинствъ, хотя у перваго изъ нихъ и встрѣчаются нѣкоторыя изящ-
ныя сцены, а второй отличался искусной композиціей и техникой.
Безъ комедій Скриба (*Le verre d'eau*, *Bertrand et Raton* ou *l'art*
de conspirer, *La samaraderie*) не можетъ обходиться ни одна теат-
ральная сцена.

Эллинизмъ. Романтическая поэзія представляла лишь одну сторону тѣхъ рево-
люціонныхъ стремленій, которыя были направлены къ уничтоженію
въ области литературы старыхъ порядковъ и правилъ, уже уничто-
женныхъ національнымъ собраніемъ въ строѣ общественной жизни;
другою стороною этихъ стремленій было возбужденіе болѣе сильнаго
интереса къ литературѣ, изящному вкусу и образованію древнихъ
Грековъ. Оба направленія сначала преслѣдовали одинакую цѣль —
уничтоженіе заимствованныхъ отъ Римлянъ однообразныхъ класси-
ческихъ правилъ посредствомъ расширенія содержанія литературныхъ
произведеній и облагороженія ихъ внѣшнихъ формъ. Поэтому, но-
воромантики стали воскрешать воспоминанія о средне-вѣковой Фран-
ціи, а приверженцы новаго эллинизма стали обращаться къ тѣмъ
временамъ, когда распространившаяся изъ Марсели, греческая обра-
зованность господствовала въ Провансѣ и въ Лангедокѣ; первые
снова стали интересоваться христіанскими народными балладами,
вторые стали заниматься серьезнымъ изученіемъ старинныхъ фран-
цузскихъ діалектовъ. Первыми представителями этого послѣдняго на-
правленія были: поэтъ Андре Шенье, въ жилахъ котораго текла
греческая кровь; извѣстный авторъ «Путешествія молодаго Анахар-
сиса», Жанъ Жакъ Бартеlemi, талантливый эллинистъ, переводчикъ.
Бартеlemi. Геродота и другихъ писателей Поль Луи Курье; ихъ успѣху много-
1716—1795. содѣйствовало господствовавшее во времена революціи, сочувствіе
къ греческой простотѣ и естественности, къ стариннымъ респуб-
ликанскимъ учрежденіямъ, къ античному военному мужеству и влече-
нію къ свободѣ, — сочувствіе, выразившееся и въ картинахъ рево-
люціоннаго мечтателя, живописца Давида. Однако, эти два направ-

ленія скоро разошлись въ разныя стороны. Между тѣмъ, какъ романтика, поддерживаемая и поощряемая реставраціей, вступала на путь католической и политической реакціи и стала служить опорой для принципа «тронъ и алтарь», на почвѣ республиканскаго эллинизма развилась сильная оппозиція этимъ ретрограднымъ стремленіямъ. Поль Луи Курье, доканчивавшій свое образованіе въ военномъ лагерѣ среди шумныхъ военныхъ сценъ и занимавшійся во время итальянской кампаніи изученіемъ греческой литературы и археологическими изслѣдованіями, посвятилъ себя политико-сатирической литературѣ лишь только вышелъ изъ военной службы и поселился въ деревнѣ неподалеку отъ Тура. Онъ сталъ вліять на современное направленіе умовъ, вступаясь за прогрессъ, свободу и просвѣщеніе въ своихъ брошюрахъ, въ которыхъ наряду съ блестящимъ остроуміемъ и веселой ироніей видны мужественный умъ и серьезные нравственные принципы, облеченные въ заимствованную отъ Грековъ ясную художественную форму. Когда возникло въ 1821 году намѣреніе открыть національную подписку для покупки замка Шамборъ въ пользу *Enfant du miracle* (легитимистскаго претендента), Курье публично протестовалъ противъ такой раболовной прислужливости. «Такъ какъ онъ былъ желчнаго темперамента и усвоилъ саркастическій тонъ греческихъ писателей, то развѣ могъ онъ не ковать мечей изъ своихъ памфлетовъ?». Онъ поплатился за свою брошюру двухъ-мѣсячнымъ тюремнымъ заключеніемъ, но за то всѣ либералы стали прославлять его какъ патріотическаго мученика. Недоступный чувству тщеславія и не ослѣплавшійся ни блескомъ имперіи ни престижемъ легитимной королевской власти, онъ былъ постояннымъ противникомъ монархически-клерикальной реакціи, пока не былъ убитъ вблизи отъ своего жилища. При іюльской династіи Кормененъ писалъ, подъ именемъ Тимона, въ духѣ Курье, свои политическія брошюры противъ режима Орлеанистовъ.

Курье.

1772—1825.

Еще вліятельнѣе, чѣмъ Курье, былъ либеральный сочинитель пѣсень Пьеръ Жанъ Беранже. Хорошо знакомый съ чувствами и стремленіями народа, изъ котораго самъ вышелъ, которому былъ непоколебимо преданъ и для котораго былъ «независимымъ заступникомъ и утѣшителемъ», онъ выражался такимъ натуральнымъ, безыскусственнымъ тономъ, который проникалъ прямо въ сердце, потому что выходилъ изъ сердца. Такъ какъ у него вовсе не было честолюбія, а его матеріальныя потребности были очень скромны, то его не могли сбить съ дороги ни заманчивыя предложенія должностей и почетныхъ отличій, ни наказанія и судебныя преслѣдованія. Его первыя народныя пѣсни были грубоваты по своему тону, но онъ послѣдовалъ совѣту Луціана Бонапарта соблюдать требованія изящнаго вкуса въ выраженіи самыхъ смѣлыхъ идей. Съ тѣхъ поръ онъ старался соединять свое либеральное остроуміе и пикантность своихъ

Либеральная оппозиція.

Беранже.

1780—1857.

заключительныхъ риѣмъ съ классическимъ изяществомъ языка. Послѣ реставраціи Бурбоновъ онъ пришелъ къ убѣжденію, что царствующая династія не можетъ примириться съ принципами 1789 года, и что французская нація также не можетъ примириться съ Бурбонами; тогда онъ сталъ еще смѣлѣе прежняго вступаться за народъ и сталъ осмѣивать эксперименты реакціи: онъ сталъ приписывать дьяволу возникновеніе внутренней миссіи, «старавшейся потушить свѣтильникъ жизни и разводить костры», сталъ жаловаться на то, что Юпитеръ отдалъ міръ во власть пигмеевъ. Судебныя преслѣдованія сдѣлали его мученикомъ, тюремное заключеніе впервые освятило его стихи въ глазахъ народа. Беранже былъ самымъ полнымъ выраженіемъ французскаго національнаго характера въ самыхъ благородныхъ его проявленіяхъ; онъ былъ всегда веселъ и беззаботенъ, и при этомъ всегда привѣтливъ, добродушенъ и одушевленъ любовью къ свободѣ и къ своему отечеству. Это послѣднее чувство становилось тѣмъ болѣе сильнымъ, чѣмъ болѣе онъ возмущался ретроградными стремленіями Бурбоновъ; оно вовлекло его въ тѣ выраженія гнѣва и негодованія, въ насмѣшки и сатирическія жалобы, которыя сдѣлали изъ его пѣсенъ страшное орудіе для борьбы съ реставраціей и съ клерикальнымъ фарисействомъ. Его пѣсни, пропитанныя Вольтеровскою ироніей и постоянно прерывающіяся основнымъ однообразнымъ припѣвомъ, были голосомъ народа и отголоскомъ общественнаго мнѣнія о всѣхъ современныхъ событіяхъ. Онъ участвовалъ въ іюльской борьбѣ на баррикадахъ и отказался при Луи-Филиппѣ отъ предложенной ему должности, потому что предпочиталъ независимую, хотя и бѣдную, жизнь поэта. Съ тѣхъ поръ его муза сдѣлалась болѣе молчаливой. Громадное стеченіе народа на его похоронахъ служило доказательствомъ того, что онъ не утратилъ народную любовь до самой смерти.

Одинъ изъ новѣйшихъ историковъ литературы такъ характеризуетъ мнѣнія и чувства, выражавшіяся въ пѣсняхъ Беранже: „Его популярная лира была очень многострунна; она выражала и эпикурейскую философію восемнадцатаго столѣтія (*Le dieu des bonnes gens*), и революціонныя стремленія къ свободѣ (*La déesse*; *Le vieux sergent*), и воинственный энтузіазмъ времени Наполеона (*Les deux grenadiers*; *Les souvenirs du peuple*), и насмѣшки надъ попыткой возстановить старый режимъ (*Le marquis de Carabas*; *Les Missionnaires*; *Nabuchodonosor*), и горячее сочувствіе освобожденію народовъ (*La sainte alliance des peuples*; *Hâtons-nous!*), и веселость за стаканомъ вина (*Ma république*), и житейскія радости и горести (*Qu'elle est jolie! La vertu de Lisette*), и юмористическое самодовольство (*Le roi d'Yvetot*; *Roger Bontemps*), и разумную шутливость (*Mon curé*; *Le sénateur*), и вызванную похотливыми желаніями, улыбку (*Le vieux célibataire*), и наконецъ всю горечь матеріальной нужды и рабской зависимости бѣдняковъ (*Jeanne-la-Rousse*; *Le vieux vagabond*; *La pauvre femme*); все это говоритъ, радуется, хихикаетъ, смѣется, ворчитъ и плачетъ въ пѣсняхъ Беранже съ такою искренностью и естественностью, съ такою граціей и выразительностью,

которая внушают читателю убеждение, что в этой поэзии действительно бьется народное сердце“. Когда поэт кончил жизнь, другой историк литературы так охарактеризовал его литературную деятельность: „Беранже был самым популярным и вместе с тем самым великим из всех французских поэтов. Каждую идею, еще только зародившуюся в сердце нации, он оживлял и выражал в какой-нибудь пьеске, основная мысль которой; незатемненная ни одним лишним словом, глубоко западала в голову нации благодаря своей плавной, мелодичности. Каждую идею, возбуждавшую во Франции умы и выражавшуюся в прозаической форме в палатах или в газетах, Беранже клал на музыку и, так сказать, облачал ее текст в поэтическую форму; но во Франции всегда преобладало влечение к военной славе, поэтому Беранже воспевал славу императора и относился с пренебрежением к безсилю Бурбонов. И тогда, когда он не затрагивал политических вопросов, он был настоящим сыном народа; он знал, как народ любит, живет, чувствует и мыслит то серьезно, то поверхностно, то со страстью, то с легкомыслием, и сообразно с этим поэт изливал свои мысли из глубины сердца то серьезным, то шутливым тоном, то с воодушевлением, то в форме смелой сатиры, то игриво, то с внушительной важностью, но всегда согласно с национальными чувствами и с поразительной меткостью. Между его многочисленными пьесами нет ни одной, в которой не было бы какой-нибудь верной, гениальной или трогательной мысли, а припеву он впервые придал то чрезвычайное значение, какое он имеет в настоящее время. Его припевы чрезвычайно метко выражают в немногих словах целую и нередко великую идею; при этом они так же безыскусственны, как природа, и так же, как она, увлекательны. Эти припевы — нечто в роде рифмованных идей; они соединяют в одно целое все оттенки идеи точно так же, как обыкновенная рима соединяет в одно целое все повышения и понижения тона“.

Либерализм, возбуждавший сильную ненависть в двадцатых годах, нашел двух плодовитых поборников в лице Бартеlemi. Бартеlemi и его школьного товарища Мери, осмеливавшихся господствовавшую систему управления в множестве сатирических брошюр и стихотворений (*La Villélide; La Corbièreide; La Censure*). За эти произведения и за стихотворения, написанные в похвалу Наполеону (*Napoléon en Egypte; Le fils de l'homme*) они подверглись преследованиям и тюремному заключению; благодаря июльской революции они достигли непродолжительного триумфа, но уже в следующем году они выразили в стихотворении *La durinade ou la révolution durée* свою досаду на то, что обманулись в своих ожиданиях. Одним из самых язвительных французских сатириков нового времени был Огюсть Барбье; он с безцеремонной строгостью бичевал стеснявшую свободу стремления людей знатных и влиятельных и с демократическим негодованием описывал страдания народа. В стихотворении «Охотничье право» (*La cugée*) он нападал на тех низких интригантов, которые старались извлекать для себя пользу из июльской революции, происходившей без их участия, а у народа старались

Бартеlemi.

Мери.

Барбье.

1796—1867.

1798—1866.

1805—1882.

обманомъ отнять ея плоды; въ стихотвореніи *L'Idole* онъ выражалъ свое негодованіе на то, что поклоненіе императору Наполеону доходитъ до идолопоклонства; въ *Popularité* онъ гнѣвно указывалъ на постыдную нравственную испорченность высшихъ сословій. Въ этихъ и другихъ рѣзкихъ сатирахъ, изданныхъ имъ подъ древне-греческимъ (архилохическимъ) названіемъ «Ямбы», онъ описывалъ положеніе своего отечества; въ своихъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ *Il Pianto* и *Lazare* онъ скорбѣлъ о положеніи народа въ Италіи и въ Англіи, но уже не съ прежней энергіей: они отличаются мрачнымъ однообразнымъ колоритомъ и въ нихъ встрѣчаются производящія непріятное впечатлѣніе, мелкія подробности изъ реальной жизни, описанныя съ трогательнымъ пафосомъ. Въ его послѣднемъ произведеніи *Erostrate* уже нѣтъ никакихъ признаковъ его прежней энергіи.

Литература
соціальныхъ
реформъ.

Литературный либерализмъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется намъ въ сатирахъ П. Л. Курье и въ популярныхъ пѣсняхъ Беранже, отличался такимъ-же, какъ политическій либерализмъ, недостаткомъ творческой плодovitости; онъ былъ болѣе отрицательнымъ, чѣмъ производительнымъ и не могъ долго удовлетворять умственные потребности народа; это была вложенная въ вялую массу романтическихъ стремленій, закваска, возбуждавшая волненіе умовъ, но сама по себѣ неспособная служить здоровой и укрѣпляющей пищей. Изъ сочетанія двухъ противоположныхъ направленій въ искусствѣ, но съ преобладающимъ влеченіемъ къ отрицанію, къ преобразованію или къ разрушенію существующаго строя, возникъ соціальный, правоописательный или тенденціозный романъ, для котораго служили подкладкой всѣ явленія и формы общественной жизни и въ которомъ обсуждались всѣ жизненные вопросы человѣческаго общества. Уроженецъ города Тура, Оноре Бальзакъ сталъ прежде всѣхъ другихъ писателей описывать въ своихъ многочисленныхъ романахъ семейную и общественную жизнь, извилины и тайны человѣческаго сердца. Деятнадцатое столѣтіе съ своими соціальными явленіями и стремленіями служило для его музы настоящей житницей. Онъ родился въ 1799 году, еще сохранялъ свои дѣтскія воспоминанія и впечатлѣнія въ блестящую эпоху первой имперіи, былъ юношей во время реставраціи и начинавшимъ пріобрѣтать извѣстность писателемъ при іюльской монархіи. Поэтому онъ пережилъ эти три эпохи, обнимающія всю исторію Франціи въ первой половинѣ текущаго столѣтія, и такъ мало похожія одна на другую, а его произведенія были до нѣкоторой степени ихъ отраженіемъ. Такъ напр., кто лучше его описывалъ старухъ и красавицъ временъ имперіи, герцогинь и виконтессъ временъ реставраціи, — тѣхъ «тридцатилѣтнихъ женщинъ», которыя отличались своимъ приторнымъ пизществомъ и желаніемъ нравиться? Кто вѣрнѣе его охарактеризовалъ тотъ *genre bourgeois*,

Бальзакъ.
1799—1850.

который былъ господствующимъ при іюльской династіи? За то Бальзакъ имѣлъ громадный успѣхъ не только во Франціи, но и во всей Европѣ. Въ особенности въ Италиі и у восточныхъ славянскихъ народовъ онъ былъ чѣмъ-то въ родѣ идола. Онъ сначала былъ чиновникомъ судебнаго вѣдомства, потомъ книгопродавцемъ. Когда его дѣла пришли въ разстройство, а его спекуляціи оказались неудачными, онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности. Онъ былъ очень высокаго о себѣ мнѣнія, старался доказать, что былъ дворянскаго происхожденія, и считалъ себя пророкомъ своего столѣтія. Въ своихъ романахъ онъ намѣревался не только представить полную картину тогдашняго общества, но также изложить философію жизни. Хотя его произведенія далеко не выполняютъ такой задачи, они все таки свидѣлствуютъ о его наблюдательномъ умѣ, о его литературной даровитости и глубокомъ знаніи людей. Во Франціи теперь цѣнятъ его выше, чѣмъ цѣнили при его жизни, потому что считаютъ его творцемъ такъ называемаго «научнаго метода» въ поэзиі, основанныхъ на анализѣ наблюденій, и сборника тѣхъ Documents humains, изъ которыхъ впослѣдствіи возникъ натурализмъ. Онъ проложилъ ту прямую дорогу, которая вела отъ его произведеній къ произведеніямъ Флобера и наконецъ къ произведеніямъ Зола.

Въ романѣ *Le dernier Chouan* прикрыта юморомъ и прониіей склонность автора къ пессимизму; въ *Physiologie du mariage* облечены въ пріятную и интересную форму не совсѣмъ пристойныя сцены, а *Contes drolatiques* напоминаютъ своимъ цинизмомъ произведенія Рабелэ. Въ романѣ *La peau de chagrin* проводится въ цѣломъ рядъ фантастическихъ разсказовъ и размышленій основная мысль, что „умъ, плотскія вожделѣнія, желанія истощаютъ человѣка, что жизнь убиваетъ жизнь“. Въ доказательство этой мысли авторъ описываетъ въ цѣломъ рядѣ романовъ отдѣльныя влеченія, страсти и необычайныя душевныя усилія, сдѣлавшіяся причиною гибели людей и ихъ нравственной испорченности. Такъ напримѣръ въ романѣ *L'histoire intellectuelle de Louis Lambert* описана страсть философа-материалиста къ спекуляціямъ, въ *Seraphitus* — супранатуралистическая мистика съ видѣніями въ родѣ Сведенборговскихъ; въ *Médecin de campagne* дѣлается анализъ болѣзней отдѣльныхъ личностей. *La recherche de l'absolu* есть мастерское произведеніе въ родѣ нидерландской жанровой живописи; оно свидѣлствуетъ о чрезвычайно тонкомъ наблюдательномъ умѣ автора, объясняя вліяніе научныхъ заблужденій на примѣрѣ одного несчастнаго фанатика, который занимался алхиміей и отыскивалъ камень мудрости. Въ превосходно написанномъ романѣ *Eugenie Grandet* алчность является тѣмъ демономъ, который отравляетъ каждую минуту жизни, истрачиваемой на мелочныя заботы. Насколько производятъ хорошее впечатлѣніе очерки провинціальной жизни (*Scènes de la vie de province; Scènes de la vie de campagne*), настолько же противны *Scènes de la vie Parisienne*, въ которыхъ выведены на сцену утонченныя преступники, кутилы, негодяи большею частію изъ аристократической сферы. Даже въ романѣ *Le Lys dans la vallée*, въ этой литературно-филиграновой работѣ, гдѣ свойства души и тѣла разсматриваются какъ въ микроскопъ, проглядываетъ безнравственная склонность къ сладострастію. Въ

Les deux jeunes mariées болѣе подробно развита та-же мысль, которая лежитъ въ основѣ романа *La physiologie du mariage*, но здѣсь часто встрѣчаются отвратительныя черты характера. По мнѣнію Юліана Шмидта, „Бальзакъ былъ первоклассный живописецъ, но фальшивый и опасный моралистъ. Когда онъ ограничивается копіями съ натуры, онъ становится выше всѣхъ своихъ соперниковъ; но когда онъ переносится въ область метафизики или мистики, онъ невыносимъ. При своемъ замѣчательномъ умѣнн изображать дѣйствующихъ лица такъ, что они кажутся живыми людьми, и при своей глубокой наблюдательности онъ былъ-бы гениемъ, если бы его кругозоръ былъ болѣе широкъ и еслибы съ тонкостью его ума соединилось благородство. Но этого послѣдняго у него вовсе нѣтъ“. У него было достаточно прозорливости, чтобъ подмѣчать всякія безнравственныя и неблагородныя влеченія, но его взоры не были способны обращаться къ небесамъ. Такъ какъ у него не было твердыхъ убѣжденій, то онъ является то скептикомъ, то мистикомъ, а въ лабиринтѣ жизни нерѣдко ищетъ опоры въ суевѣріяхъ и въ ультрамонтанизмѣ.

Жоржъ Сандъ. Самой гениальной сочинительницей социальныхъ тенденціозныхъ романовъ была извѣстная подъ именемъ Жоржъ Санда, г-жа Дюдеванъ, родившаяся въ беррійской провинціи; она создала новый художественно-совершенный родъ литературы изъ сочетанія мистики и сердечной чувствительности первыхъ романтиковъ съ свободомысліемъ и демократизмомъ либеральной литературы, съ необузданнымъ стремленіемъ новѣйшаго социализма къ уничтоженію нравственныхъ законовъ и къ удовлетворенію врожденныхъ влеченій; эти произведенія, отличавшіяся благородствомъ и энергіей языка, ясностью изложенія, вѣрностью наблюденій и описаній, скоро достигли чрезвычайно широкаго распространенія и затмили всѣ другія однородныя литературныя произведенія. Жоржъ Сандъ — великая писательница, обладавшая такимъ серьезнымъ и глубокимъ умомъ, который чисто-сердечно стремится къ истинѣ и вѣритъ въ возможность исцѣлить многочисленныя недуги человѣчества только въ томъ случаѣ, если оно облагородится. По мнѣнію одного выдающагося литературнаго эстетическаго критика (Брандеса), это такая цѣльная и замѣчательная гениальная женщина, что во всемірной исторіи никогда не было другой женщины, обладавшей такими-же громадными творческими силами. Она никогда не писала легкихъ безыдейныхъ рассказовъ только съ цѣлю доставлять читающей публикѣ развлеченіе; содержаніемъ для ея произведеній служатъ глубокомысленныя идеи, современные или обще-человѣческіе вопросы и интересы, борьба между двумя противоположными умственными направленіями, религіозныя и философскія проблемы. Но на ряду съ свѣтлыми сторонами ея литературной дѣятельности есть и темныя. Чтобъ согласовать чувство долга съ врожденными влеченіями, чтобъ предохранить естественныя склонности и страсти отъ стѣсненій, налагаемыхъ нравственными правилами и приличіями, Жоржъ Сандъ нерѣдко прибѣгаетъ къ казуистическимъ рѣшеніямъ вопросовъ совѣсти, къ оправданію безнрав-

ственности и порочныхъ любовныхъ связей. Болѣзненные влеченія и душевное разстройство нерѣдко служатъ подкладкой для ея парадоксальныхъ сужденій о добродѣтели и для ея изворотливой софистики. Не смотря на богатство ея творческихъ силъ, описываемые ею характеры нерѣдко бываютъ однороднаго типа, такъ напр. герои ея романовъ оказываются большею частію слабохарактерными и не стоятъ на одной высотѣ съ женскими типами.

Аврора Дюпенъ (такое имя получила Жоржъ Сандъ при рожденіи) росла среди безпорядочной семейной обстановки. Ея отецъ, — внукъ маршала Мориса Саксонскаго, былъ офицеръ легкомысленнаго поведенія; ея мать, вышедшая изъ среды народа, была женщина раздражительнаго характера и со склонностью къ чувственнымъ наслажденіямъ; ея бабушка была гордая аристократка временъ Вольтера. Въ такомъ семействѣ не могло быть ни единодушія ни сердечныхъ привязанностей. Однако Жоржъ Сандъ провела въ принадлежавшемъ ея бабушкѣ замкѣ Ноганъ, въ беррійской провинціи, счастливое дѣтство, благотворные плоды котораго не покидали ее въ теченіе всей ея жизни. Окончивши свое воспитаніе въ монастырѣ, она вышла семнадцати лѣтъ за мужа за г-на Дюдевана не смотря на то, что не чувствовала никакого къ нему влеченія; въ этомъ бракѣ она произвела на свѣтъ двухъ дѣтей. Въ своихъ подробныхъ мемуарахъ (*Histoire de ma vie*) она очень привлекательно описала свои житейскія невзгоды, годы своей молодости и окружавшую ее среду; тамъ-же она изложила свои мнѣнія о тѣхъ художникахъ, литераторахъ и политическихъ дѣятеляхъ, съ которыми ей приходилось встрѣчаться. Когда ей надоѣлъ бракъ безъ любви, она бросила своего мужа и переехала безъ всякихъ средствъ существованія въ Парижъ (въ 1831 г.), гдѣ стала заниматься литературными работами вмѣстѣ съ своимъ другомъ Жюлемъ Сандо, авторомъ многихъ романовъ и драмъ (*Mademoiselle de la Seiglière, Madame de Sommerville*), но Сандо. 1811—1883. предварительно изучала парижскую жизнь, переодѣвшись мужчиной. Эти превратности судьбы объясняютъ намъ, почему въ большинствѣ своихъ романовъ, въ особенности тѣхъ, которые принадлежатъ къ числу ея первыхъ литературныхъ произведеній, она всего чаще описывала безобразную семейную обстановку, происшедшую отъ несчастнаго брака или отъ разныхъ любовныхъ связей, и дѣлала ясныя намѣки на то, что сама пережила, и на тѣ впечатлѣнія, которыя вынесла изъ родительскаго дома. Узы брака повсюду выдаются ею за тираннію. Въ ея первомъ романѣ *Rose et Blanche*, написанномъ вмѣстѣ съ Сандо, выставлена на видъ противоположность между монастырскою жизнью и условіями реальной жизни; *Indiana* есть исторія брачной жизни и любви, происходящая частію въ Парижѣ, частію на островѣ *Réunion*; эта книга, написанная подъ гнѣтомъ самыхъ тяжелыхъ заботъ, возбудила чрезвычайное вниманіе не смотря на неестественность и причудливость описанныхъ въ ней дѣйствій и ихъ мотивовъ; здѣсь „всѣ страсти и распри, всѣ страданія и столкновенія, всѣ горести и всѣ желанія, все, чѣмъ волнуется современное общество, соединены въ одну картину, которая достигаетъ самого сильнаго дѣйствія самыми простыми средствами, доводитъ до ужаса своею вѣрностью и восхищаетъ совершенствомъ формы“. „*Jacques*“—это герой любви, для которой онъ жертвуетъ даже честью; въ *Leone Leon* софистика любви доводится до послѣдней крайности: любимая женщина остается вѣрной красивому кавалеру даже послѣ того, какъ онъ оказался низкимъ мошенникомъ; изъ любви она дѣлается сообщницей въ его преступленіяхъ. Въ *Andrée* поэтически описана борьба идеальныхъ но сла-

быхъ натуръ съ требованіями дѣйствительной жизни. *Valentine*—также исторія брачной жизни и любви; здѣсь очень вѣрно описаны умственное развитіе и воззрѣнія различныхъ сословій въ эпоху реставраціи; въ романѣ *Lelia* влагаются въ уста героя разсказа парадоксальныя воззрѣнія на жизнь и теоріи. „Исторія Леліи есть исторія несчастнаго сердца, которое было вовлечено въ заблужденіе безплоднымъ богатствомъ своихъ дарованій, увяло не успѣвши насладиться жизнью, истощилось отъ тщетныхъ надеждъ и, можетъ быть, отъ избытка силъ сдѣлалось беспильнымъ“. Начатый Жоржъ Сандомъ, процессъ о разводѣ окончился въ ея пользу; ей отдали ея дѣтей и возвратили значительное состояніе. Съ тѣхъ поръ она жила то въ Парижѣ, то въ деревнѣ, и по временамъ предпринимала путешествія. „Лѣто, проведенное на югѣ Европы“ заключаетъ въ себѣ воспоминанія и впечатлѣнія, вынесенныя съ острова Майорки, гдѣ Жоржъ Сандъ жила въ одно время съ Шопеномъ, за которымъ ухаживала во время его болѣзни; ея *Lettres d'un voyageur*—плодъ ея пребыванія въ Венеціи, гдѣ она жила въ интимной связи съ больнымъ Альфредомъ Мюссе,—знакомятъ читателя съ ея душевными тайнами и въ этомъ отношеніи имѣютъ нѣкоторое сходство съ „Исповѣдью“ Руссо. Въ *Les sept cordes de la lyre* Жоржъ Сандъ погружается въ романтическую мистику и символичку. Въ „Спиридіонѣ“ производитъ сильное впечатлѣніе разсказъ о томъ, какъ „человѣкъ съ высокимъ умомъ и съ благороднымъ сердцемъ выноситъ все, что есть мучительнаго въ жаждѣ знанія, въ сомнѣніяхъ, въ невѣріи, въ отчаяніи и въ равнодушіи, и наконецъ достигаетъ ясности убѣжденій, радостной увѣренности, въ одно и то-же время и разумаго и христіански-нравственнаго міровоззрѣнія“. Художественный романъ *Consuelo* едва-ли не самое привлекательное изъ всѣхъ произведеній гениальной писательницы. Въ немъ поэтически описаны всѣ умственные стремленія того времени—и художественныя стремленія, которыми Жоржъ Сандъ заинтересовалась благодаря знакомству съ Листомъ, и сообщенныя ей другимъ ея другомъ, польскимъ эмигрантомъ Мицкевичемъ, свѣдѣнія о космополитическомъ призваніи Славянъ, и ученіе мистиковъ и иллюминатовъ, съ которыми ее познакомили Ламеннэ и Сенъ-Симонисты. Характеръ героини этого романа такъ чистъ и благороденъ, какъ никакой другой изъ описанныхъ Жоржъ Сандомъ женскихъ характеровъ; юношеская жизнь Консуэло въ Венеціи, ея бѣгство изъ Богеміи въ Вѣну съ маленькимъ Іосифомъ Гайдномъ принадлежатъ къ разряду самыхъ изящныхъ очерковъ, какіе были созданы новой поэзіей во Франціи; при этомъ романъ имѣетъ историческую подкладку и разыгрывается,—не такъ, какъ всѣ другіе романы Жоржъ Санда,—на почвѣ, хорошо знакомой Нѣмцамъ. Только въ концѣ романа, къ сожалѣнію, слишкомъ ярко выступаетъ наружу фантастическій элементъ случайностей, который доходитъ въ продолженіи „Консуэло“, въ „Графинѣ Рудольштадтѣ“ до невыносимыхъ преувеличеній. Явленія духовъ, разныя продѣлки, напоминающія Кальбюстро, тайны общества и привидѣнія всякаго рода дѣлаютъ почти невозможнымъ чтеніе второго изъ этихъ романовъ. Въ 1834 году Жоржъ Сандъ вступила въ тѣсныя сношенія съ республиканцемъ Мишелемъ де-Буржъ (Эверардомъ) и черезъ его посредство познакомилась съ вождями социалистической и демократической оппозиціи. Съ тѣхъ поръ она стала вступаться за „народъ“ и нападать на буржуазію; въ романахъ *Simon* и *La dernière Aldini* изображенъ контрастъ между стремящейся впередъ, честолюбивой демократіей и нравственно-испорченной аристократіей. Потомъ, своими романами „Французскій подмастерье“, „Іоанна“, *Le meunier d'Angibault* писательница старалась развивать въ народѣ социалистическія идеи, нерѣдко доводя ихъ до нелѣпыхъ искаженій, а увлек-

шись религиознымъ демократизмомъ Ламейнэ, стала все болѣе и болѣе заниматься разработкой политическихъ и церковныхъ вопросовъ. Одно изъ ея самыхъ благородныхъ произведеній, принадлежащихъ къ болѣе позднему періоду ея литературной дѣятельности, — *M-lle la Quintinie* вызвано католическимъ тенденціознымъ романомъ Октава Фёлье *Histoire de Sibylle*; въ немъ, — какъ выражается сама Жоржъ Сандъ, — „объясняются нѣкоторыя изъ причинъ, по которымъ жаждущіе истины умы и любящія сердца могутъ попасть не на тотъ путь, который указываетъ клерикальная партія“. Также хороши: *Le marquis de Villemer*, *Cadio*, гдѣ разсказанъ одинъ эпизодъ изъ исторіи борьбы въ Вандеѣ, и въ особенности небольшія, мастерски написанныя произведенія *La Mare au diable*, *François le Champi*, *La petite Fadette*, *Les maîtres sonneurs*, гдѣ народная жизнь въ беррійской провинціи описана очень привлекательно и безъ нарушающаго требованія нравственности направленія. Впечатлѣніе, которое производили сочиненія Жоржъ Санда на людей, недовольныхъ установленными порядками, было чрезвычайно сильно. „Всѣ проблемы любви и брака не только затрогивались Жоржъ Сандомъ, но и анализировались безъ всякихъ стѣсненій нерѣдко съ парадоксальной точки зрѣнія; самымъ яркимъ описаніемъ чувственныхъ увлеченій она умѣла придавать идеальный отпечатокъ и съ этимъ соединяла такое горячее желаніе реформъ, такія свѣтлыя надежды на лучшее будущее, что ея слова не оставались безъ вліянія на современный строй общественной жизни“; поэтому, когда она развивала въ своихъ романахъ основную мысль, что всѣ влеченія и страсти человѣческаго сердца имѣютъ право на удовлетвореніе, она подкапывалась подъ государственныя, церковныя и общественныя учрежденія, опиравшіяся на законъ и на укоренившіеся обычаи; въ этомъ отношеніи она имѣла не менѣе сильное вліяніе, чѣмъ софистическія теоріи повѣйшаго социализма.

Одобреніе, вызванное тенденціозными романами Жоржъ Санда, скоро Эж. Сю. навело и другихъ писателей на ту-же дорогу. Болѣе всѣхъ равнялся 1804—1857 съ ней своей извѣстностью, но не глубиною и разнообразіемъ идей, Эженъ Сю, родившійся въ Провансѣ, въ зажиточномъ семействѣ, которое пріобрѣло почтенную извѣстность въ медицинскомъ мірѣ. Онъ выросъ въ роскошной домашней обстановкѣ, познакомился съ Испаніей, исполняя тамъ обязанности военнаго врача, потомъ путешествовалъ въ Америкѣ и въ Греціи; растративши свои юношескія силы на распутную жизнь, онъ занялся сочиненіемъ романовъ и былъ первый французскій писатель, взявшійся за описаніе жизни моряковъ. Его романы *Kernok le pirate*, *Plick et Plock*, *Atar Gull* нравились читателямъ цвѣтистыми описаніями морской жизни; не смотря на то, что ихъ содержаніе слишкомъ фантастично. Но ни эти произведенія, ни позднѣе написанные имъ историческіе романы (*Cécile*; *Le marquis de Létorières*; *Jean Cavalier*) не доставили ему такой-же извѣстности, какъ очерки нравовъ, изображавшіе горечь нищеты и отвратительность пороковъ и написанные съ цѣлію выставить на видъ безобразіе строя общественной жизни. Къ числу такихъ романовъ принадлежатъ *Les mystères de Paris*, *Les sept péchés capitaux*, *Le juif errant*, *Martin ou l'enfant trouvé*; они распространились въ публикѣ съ неимоверной быстротою и подобно

романамъ Сувье не мало содѣйствовали взрыву социалистической революціи 1848 года. *Les Mystères du peuple*, гдѣ описано положеніе семейства пролетаріевъ въ различныя эпохи всемірной исторіи, были приговорены парижскимъ судомъ присяжныхъ къ уничтоженію, какъ безнравственная книга, возбуждающая народъ къ возстанію. За нарушенія требованій нравственности и художественной правдивости служили недостаточнымъ вознагражденіемъ внѣшнія достоинства изложенія, легкость и живость разсказа, искусное описаніе натянутыхъ положеній и эффектныя сцены. Романы *Barbe bleue* и *Les deux cadavres*, написанные на сюжеты изъ исторіи Англіи, наполнены массой отвратительныхъ ужасовъ. Эженъ Сю былъ мастеромъ въ описаніи всякой нравственной грязи. «У него порокъ выступаетъ на сцену не только въ полной наготѣ, но съ такой-же наглою самоувѣренностью, съ какой онъ относится самъ къ себѣ». Послѣ государственнаго переворота 2 декабря Эженъ Сю бѣжалъ изъ Франціи и умеръ 3 августа 1857 въ Аннеси, тоскуя о пріятной жизни въ

Сувестрь. 1806—1854. Парижѣ, къ которому онъ былъ давно привязанъ.—Эмиль Сувестрь описывалъ въ своихъ раннихъ произведеніяхъ противоположность между бѣдностью и богатствомъ, придерживаясь социалистически-романтическаго направленія, а потомъ писалъ «семейные романы», наполненные болѣе безвреднымъ содержаніемъ. Еще гораздо ниже

Кокъ. 1794—1871. Эжена Сю стоитъ Поль де-Кокъ, этотъ любимецъ «полусвѣта» во всей Европѣ. Эпоха реставраціи была золотымъ вѣкомъ для легкомысленныхъ, безнравственныхъ литературныхъ произведеній, доставлявшихъ пріятное развлеченіе людямъ, погрязшимъ въ наслажденіяхъ. «Пятнадцати-лѣтній міръ, наступившій послѣ продолжительнаго изнурительнаго напряженія умственныхъ и физическихъ силъ, принудилъ фантазію сосредоточиться въ самой себѣ; развивавшееся благосостояніе содѣйствовало широкому распространенію поверхностнаго образованія и на самый скорый успѣхъ могъ рассчитывать тотъ, кто, не напрягая своихъ умственныхъ силъ, доставлялъ пищу для чувственныхъ наклонностей. Успѣхъ достигался съ одной стороны накопленіемъ массы смѣлыхъ вымысловъ, съ другой стороны забавнымъ легкимъ остроуміемъ». Съ теченіемъ времени нѣсколько ослабѣлъ интересъ къ описаніямъ полусвѣта, къ литературѣ гризетокъ и куртизанокъ; за то выдвинулись въ модныхъ романахъ на передній планъ жажда золота и богатства и влеченіе къ спекуляціямъ на биржѣ; типомъ этого новаго литературнаго направленія является романъ Эмиля Ожье *La ceinture dorée*. Ожье болѣе придерживался классическаго направленія Понсара въ своихъ первыхъ драмахъ, какъ напр. въ «Отравленномъ напиткѣ» и въ удостоившейся преміи «Габріэлѣ», но потомъ сталъ все рѣшительнѣе переходить къ описанію современныхъ нравовъ, —такъ напр. въ романѣ «Бракъ Олимпіады», написанномъ въ противоположность романамъ Дюма-сына,

въ «Бѣдныхъ львицахъ» въ *Les Fourchambaults* и въ превосходной, написанной сообща съ Жюлемъ Сандо, комедии *Le beau-fils de M-r Poirier*.

Оживленная дѣятельность, обнаруживавшаяся въ области французской Публицистика. поэтической литературы, была не менѣе плодотворна и въ другихъ литера- Фельетоны. турныхъ сферахъ, въ особенности въ журналистикѣ. Намъ уже извѣстно, какъ было сильно во время революціи вліяніе ежедневной печати на общественное мнѣніе и на разрѣшеніе политическихъ вопросовъ. И во времена Наполеона ежедневная пресса была большой силой въ рукахъ Бертена, Фьеве, Жоффруа не смотря на то, что подвергалась строгому надзору. Но самое цвѣтущее время настало для публицистики съ реставраціей Бурбоновъ. Многочисленные журналы, интересъ которыхъ еще увеличивается благодаря литературнымъ приложеніямъ (фельетонамъ), привлекаютъ къ себѣ самыя выдающіяся литературныя дарованія и, печатая на своихъ страницахъ романы, путевыя замѣтки (Мармье), статьи по эстетикѣ и литературной критикѣ (Жюль Жаненъ, Тальяндье), нерѣдко убиваютъ новѣйшія литературныя произведенія. Въ особенности заслуживаютъ похвального упоминанія журналы *Revue des deux mondes* и *Magasin pittoresque*. — Жюль Жаненъ, родомъ еврей изъ Сентъ-Этьенна, помѣщалъ въ Жаненъ. *Journal des Débats* и въ другихъ газетахъ очерки во вкусѣ нѣмецкаго ро- 1804—1874. маниста Гоффмана; въ своихъ разсказахъ, характеристикахъ, очеркахъ общественной жизни различныхъ эпохъ, новеллахъ онъ выказалъ неистощимую даровитость, стараясь возбуждать фантазію пресытившагося наслажденіями, поколѣнія. Въ разсказѣ *L'âne mort et la femme guillotinée* онъ съ геніальной проницательностью знакомитъ читателя съ вертепами порока и нищеты; въ разсказѣ *La religieuse de Toulouse* онъ явно поддѣлывается подъ благочестивые вкусы знатнаго общества. Онъ не относится серьезно ни къ какимъ убѣжденіямъ; для него все служитъ поводомъ для фантастическихъ вымысловъ, для остротъ, для забавы; въ качествѣ талантливаго критика, онъ обсуждаетъ все явленія въ сферахъ общественной жизни, литературы, искусства, театра; но его блестящая болтовня лишена внутренней теплоты; въ ней отражаются всякія умственные настроенія, современныя воззрѣнія и народныя стремленія. Въ томъ же родѣ былъ Альфонсъ Каррь, писавшій фельетоны и романы на манеръ Гейне. Онъ обладалъ умѣньемъ пикантно описывать мелкіе случаи изъ обыденной жизни, но его произведенія недостаютъ глубины идей, серьезнаго интереса и увлеченія продуктами его собственной фантазіи. Въ своихъ первыхъ романахъ (*Sous les tilleuls; Une heure trop tard; Vendredi soir; Le chemin le plus court*) онъ съ юморомъ описывалъ происшествія изъ своей собственной жизни и нѣкоторыя черты изъ жизни нѣмецкихъ студентовъ и художниковъ. Болѣе тщательно обработаны его романы *Geneviève* и *Clotilde*. Самыхъ большихъ похвалъ удостоился Каррь за свои статьи, въ особенности *Les Guêpes*, въ газетѣ *Figaro*, которая долго выходила подъ его редакціей.

3. Реализмъ и натурализмъ.

Новѣйшую эпоху французской литературы составляютъ времена второй имперіи и третьей республики. Къ числу писателей временъ 1828—1885. второй имперіи принадлежатъ: Эрнестъ Фейдо, Эдм. Абу (*Grèce con-*

temporaire; Rome contemporaine), Амеде Ашаръ, Араго, Понсонъ дю-Терраль, Викторъ Шербулье (*Isabella ou le roman d'une femme honnête*), Октавъ Фёлье (*Histoire de Sybille; Roman d'un jeune homme pauvre*) и два эльзасъ-лотарингскихъ уроженца Эркманъ и Шатрианъ, писавшіе сообща очень нравившіеся романы (*Le conscrit de 1813; Madame Thérèse; L'ami Fritz; Histoire d'un paysan en 1789*). Для всѣхъ этихъ рассказовъ служить сценой дѣйствія Эльзасъ, и всѣ они отличаются вѣрнымъ мѣстнымъ колоритомъ. Въ нихъ также ясно обнаруживается, — помимо намѣренія авторовъ, — двойственный характеръ мѣстнаго населенія. Сами авторы чистые Французы, но они, повидимому, не сознаютъ, что на этой старо-германской почвѣ съ нѣмецкими именами мѣстностей и дѣйствующихъ лицъ, съ нѣмецкими народными сказаніями и нравами, кажутся не на своемъ мѣстѣ выводимыя ими на сцену личности, которыя дѣйствуютъ и думаютъ подъ вліяніемъ восторженной привязанности къ Наполеону, французскихъ революціонныхъ стремленій къ свободѣ, и вообще подъ вліяніемъ французскихъ воззрѣній и интересовъ. Достойны большого вниманія появившіяся въ шестидесятыхъ годахъ безъ имени автора сочиненія одного изъ высшихъ сановниковъ католической церкви; въ нихъ съ основательнымъ знаніемъ дѣла описаны злоупотребленія, столкновенія и нарушенія нравственныхъ правилъ, являющіяся натуральными послѣдствіями ультрамонтанизма (*Le maudit; Le moine; La religieuse; Le Jésuite*). Представителемъ своеобразнаго рода литературы является Жюль Вернь, съ поэтическимъ одушевленіемъ описывавшій въ своихъ многочисленныхъ романахъ («Кругосвѣтное путешествіе въ восемьдесятъ дней»; «Дѣти капитана Гранта») открытія по части естественныхъ наукъ. Но самымъ даровитымъ изъ писателей, прославившихся въ послѣдніе годы второй имперіи, былъ Густавъ Флоберъ. Его первый романъ *Madame Bovary* расчистилъ путь для позднѣйшей натуралистической школы Гонкуровъ, Дроза, Зола; здѣсь описано прелюбодѣяніе съ такимъ трагическимъ исходомъ, за который было возбуждено противъ автора судебное преслѣдованіе. *Salammbô* — наполненный ужасными сценами рассказъ изъ исторіи Карфагена; но онъ художественъ по своей формѣ, полонъ великолѣпныхъ описаній и декоративныхъ украшеній; для изучающихъ исторію культуры болѣе интересенъ романъ *L'éducation sentimentale*, представляющій исторію умственнаго развитія одного, жившаго въ Парижѣ, молодого человѣка; здѣсь съ ничѣмъ непрекрашенной объективностью описана такая общественная сфера, въ которой господствуетъ самый грубый эгоизмъ безъ вѣры въ Бога или какіе либо идеалы, безъ добродѣтелей и сердечныхъ привязанностей и только съ жадной наслажденіемъ; но эти наслажденія въ концѣ концовъ оказываются неуловимыми призраками, причиняющими только тяжелую борьбу, раздраженіе и истощеніе силъ. Герой романа по-

Вернь,
род. 1828.

Флоберъ.
1821—1880.

всюду находить только ложь, злобу, низость, нигдѣ не находить чего либо возвышеннаго и благороднаго и влачить остальные годы своей жизни «съ пустымъ карманомъ и съ больнымъ сердцемъ». Едва-ли съ бѣльшимъ удовольствіемъ можно читать «Искушеніе святаго Антонія», хотя и этотъ романъ свидѣтельствуемъ о богатой фантазіи автора, о его серьезной умственной работѣ и обширныхъ познаніяхъ.

Во времена второй имперіи и третьей республики былъ первокласснымъ французскимъ драматургомъ В. Сарду, авторъ длиннаго ряда драмъ, частью и до сихъ поръ еще не сошедшихъ съ театральной сцены (*Féodora, Divorçons*). «Сарду затрогиваетъ въ своихъ пьесахъ самые разнообразные общественные вопросы. У него неистощимъ запасъ новыхъ точекъ зрѣнія. Отъ его взоровъ не ускользаетъ ни одно изъ заблужденій, въ которыя впадаетъ общество, ни одна изъ тайныхъ ранъ, отъ которыхъ оно страдаетъ. Въ этомъ отношеніи онъ является однимъ изъ самыхъ многостороннихъ и самыхъ изобрѣтательныхъ поэтовъ. При этомъ онъ мастерски придаетъ цѣльный характеръ очень оживленнымъ сценамъ, въ которыхъ участвуютъ многочисленныя дѣйствующія лица». Но нельзя не согласиться съ слѣдующимъ мнѣніемъ Зола, — этого противника всякихъ драматическихъ произведеній, принаравливающихъ къ условнымъ требованіямъ театральной сцены: у Сарду дѣйствіе надъ всѣмъ господствуетъ и все уничтожаетъ.

Сарду,
род. 1831.

Французская національная литература съ теченіемъ времени находила для себя все болѣе характеристическое выраженіе своихъ направленій въ области романа, а ея самый выдающійся и самый вліятельный представитель Эмиль Зола даже призналъ романъ за единственный родъ поэзіи, имѣющій право на существованіе въ настоящее время. Въ его описаніяхъ общественной жизни новаго времени французскій натурализмъ доходитъ до такого высокаго пункта въ своемъ развитіи, который уже не можетъ быть превзойденъ. Грубая безцеремонность, съ которой онъ точнѣе самой тонкой фотографіи рисуетъ копіи съ безотрадныхъ явленій дѣйствительной жизни, до такой степени увлекательна, что ни одинъ изъ будущихъ писателей не будетъ въ состояніи избѣгнуть ея вліянія, а туманный романтическій способъ изложенія можетъ считаться навсегда вытѣсненнымъ изъ употребленія. Главное произведеніе Эмиля Зола — длинный рядъ романовъ *Rougon-Macquart*; для нихъ служатъ основой политическіе и общественные порядки при второй имперіи и въ нихъ проводится та мысль, что передаваемые по наслѣдству дурныя влеченія могутъ принимать самыя разнообразныя формы въ семействѣ, развѣтвившемся въ самыхъ разнородныхъ слояхъ общества, и наконецъ должны вредно повліять на здоровье общества. Самой глубокой основой для его воззрѣній служатъ тѣ идеи, которыя болѣе или менѣе произвольно группируются вокругъ имени Дарвина.

Зола,
род. 1840.

Въ то время, какъ человѣчество принаравливалось къ законамъ этой новой теоріи во всѣхъ сферахъ науки и соціальной политики, они отражались въ литературѣ, какъ въ зеркалѣ. Оказалось, что въ эту минуту Зола держалъ въ своихъ рукахъ самое большое и самое вѣрное зеркало. Онъ вѣрно описалъ отражавшееся въ зеркалѣ явленіе, но не столько въ тѣхъ частяхъ своихъ произведеній, гдѣ онъ говорилъ о научныхъ методахъ, о наслѣдственности душевныхъ свойствъ, о непреодолимыхъ влеченіяхъ, а въ тѣхъ, гдѣ онъ снова становится эпическимъ поэтомъ, гдѣ онъ выражаетъ въ поступкахъ и въ характерахъ дѣйствующихъ лицъ наши теперешнія понятія о мірѣ и о жизни. Онъ будетъ затмѣвать литературныя произведенія своихъ современниковъ, какъ ихъ всегда затмѣваетъ тотъ поэтъ, которому удалось выразить въ произведеніи фантазіи философскія идеи своего времени. Высшее основное правило Эмиля Зола заключается въ изображеніи дѣйствительности такою, какою она представляется его взорамъ; при этомъ онъ вовсе не обнаруживаетъ намѣренія разоблачать притворство тѣхъ поэтовъ, которые, подобно Альфреду де-Мюссе, хотятъ увѣрить читателей, что ихъ безнравственные увлеченія, ихъ *vie de Bohême* (какъ названы такіа увлеченія въ извѣстномъ романѣ Мюргера) просвѣтлялись лучами поэзіи, между тѣмъ какъ на этомъ пути нельзя ничего найти кромѣ пошлости и грязи. Всѣмъ людямъ съ созрѣвшими убѣжденіями, желающимъ ближе изучить духъ своего времени, будетъ поучительно чтеніе романовъ Зола, хотя имъ и придется нерѣдко жаловаться на утомительныя, монотонныя описанія и отвратительныя сцены. Такъ напр. въ *Bonheur des dames*, въ *La terre* гений Зола впадаетъ въ уродливыя преувеличенія своей своеобразности. Онъ какъ будто насмѣхается надъ своими читателями, пренебрегая самыми элементарными требованіями приличія. Мы не будемъ перечислять заглавія всѣхъ сочиненій, служащихъ продолженіемъ для тѣхъ романовъ, которые носятъ общее названіе *Rougon-Macquart*; приведемъ только заглавія тѣхъ романовъ, которые болѣе всѣхъ другихъ прославили имя Зола: *La faute de l'Abbé Mouret*, напоминающій о Мильтоновомъ «Потерянномъ раѣ», *Assommoir* и *Nana*.

Эдмундъ Гон-
куръ,
род. 1822.
Жюль Гон-
куръ.
1830—1870.

Также къ числу представителей натурализма принадлежитъ Дрозъ (Monsieur, Madame et Bébé) и братья Эдмундъ и Жюль Гонкуры, представляющіе въ литературномъ отношеніи одну личность. Къ числу лучшихъ произведеній этихъ двухъ братьевъ принадлежатъ *Renée Maupérin* и *Madame Gervaisais*. Эдмундъ, безъ помощи своего брата, обрисовалъ свою совокупную съ нимъ литературную дѣятельность въ романѣ «Братья Земгано» (такъ назывались два знаменитыхъ клоуна въ циркѣ). И Альфонсъ Доде сталъ придерживаться въ *Sarrho* одинакаго направленія съ Зола послѣ того, какъ въ своихъ прежнихъ романахъ *Fromont jeune*, *Risler aîné* и др. обнаруживалъ

Доде,
род. 1840.

влеченіе къ болѣе эстетическому реализму. У него иногда встрѣчаются выраженія такихъ трогательныхъ чувствъ, какихъ нельзя найти у болѣе послѣдовательнаго Зола. Въ *Tartarin de Tarascon* Доде съ успѣхомъ переносится въ область юмора, которую рѣдко воздѣлывали во Франціи. Въ *Le petit Chose* разсказана жизнь юноши, вѣроятно отчасти пережитая самимъ авторомъ. Чрезвычайно интересны очерки изъ жизни различныхъ слоевъ парижскаго населенія, въ романахъ Доде *Nabob*, *Les rois en exil*, *Noûma Roumestan*. Въ особенности *Nabob* принадлежитъ къ разряду такихъ художественныхъ произведеній, изъ чтенія которыхъ выносятся неизгладимыя впечатлѣнія. Вѣдь намъ кажется, что мы сами видѣли и знали выводимыхъ въ этомъ романѣ на сцену, дѣйствующихъ лицъ — и сдѣлавшагося въ Тунисѣ миллионеромъ, искателя приключеній, родившагося въ южной Франціи, и его супругу, мало-азіатскую уроженку, и еврейскаго банкира Гемерлинка, и красивую скульпторшу Фелицію, и счастливыхъ авантюристовъ временъ второй имперіи, — доктора съ мышьяковыми пилюлями, маркиза Монтальвана, идущаго на смерть послѣ того, какъ онъ разыгралъ свою роль, и наконецъ герцога Морра, подъ именемъ котораго выведена на сцену личность своднаго брата императора, герцога Морни. Доде очень часто рисовалъ въ своихъ романахъ характеристики иностранцевъ, которыхъ всегда такъ много въ Парижѣ. Такъ напр. въ романахъ *Fromont jeune* и *Risler aîné* онъ выводитъ на сцену нѣмецкихъ Швейцарцевъ съ ихъ дурнымъ французскимъ языкомъ, въ *Les rois en exil* — слѣпного ганноверскаго короля, жителей Дунайскихъ княжествъ и славяно-нѣмецкихъ уроженцевъ, въ *Evangeliste* — Датчанъ, въ *Nabob* — Мало-Азіатцевъ, въ *Noûma Roumestan* — южныхъ Французовъ съ нѣкоторыми чертами характера, напоминающими Гамбетту. Болѣе слабы, но и менѣе зазорны, чѣмъ перечисленные нами блестящіе произведенія новѣйшей французской литературы, романы Гектора Мало (*Sans famille*) и Жоржа Оне (*Serge Panine*); этому послѣднему принадлежитъ и поставленная на сценѣ драма *Maître de forge*.

Мало,
род. 1830.
Оне,
род. 1848.

4. Историографія.

Въ историографіи писатели частію подражали философскому прагматизму Вольтера и Монтескьё, частію придавали главное значеніе распределенію и обработкѣ собраннаго съ большимъ тщаніемъ историческаго матеріала, заботясь главнымъ образомъ о формальной сторонѣ историографіи. Между представителями перваго направленія занимаетъ выдающееся мѣсто знаменитый государственный дѣятель и писатель Франсуа Гизо; въ своихъ сочиненіяхъ («Исторія цивилизаціи въ Европѣ»; «Исторія цивилизаціи во Франціи», «Исторія англійской рево-

Историографія.

Гизо,

1787—1874.

люціи») онъ пользуется собраннымъ историческимъ матеріаломъ преимущественно для того, чтобъ извлекать изъ него философскіе выводы и идеи во вкусѣ эклектической школы, нерѣдко съ политическими и религіозными цѣлями и съ явнымъ сочувствіемъ къ средневѣковому городскому гражданству. Онъ считаетъ задачей человѣчества введеніе такой цивилизаціи, которая заключается въ господствѣ идей надъ матеріей, разсудка надъ природными влеченіями, опыта надъ привычками; а самымъ главнымъ признакомъ настоящей цивилизаціи онъ считаетъ свободное развитіе индивидуума и согласованіе общественныхъ учрежденій съ такою индивидуальною цѣлію. Онъ ясенъ и логиченъ въ анализѣ историческихъ явленій, но однообразенъ и сухъ въ способѣ изложенія; у него не видно ни воодушевленія ни фантазіи. —

Барантъ. На ряду съ Барантомъ, написавшимъ «Исторію герцоговъ Бургунд-
1782—1866. скихъ», «Исторію національнаго конвента и директоріи» и остроумную «Исторію французской литературы въ восемнадцатомъ столѣтіи», замѣчательны художественными совершенствами историческаго

Авг. Тьерри. изложенія братья Августинъ и Амедей Тьерри; своими описатель-
1795—1856. ными историческими сочиненіями, основанными на тщательномъ изу-

Амед. Тьерри. ченіи характеристическихъ особенностей различныхъ племенъ, они
1797—1873. вызывали возникновеніе новыхъ воззрѣній на исторіографію. Августинъ Тьерри, нѣсколько времени принадлежавшій къ обществу Сенъ-Симонистовъ, а въ старости ослѣпшій, написалъ «Исторію завоеванія Англіи Норманнами», «Историческія Письма», «Разказы изъ временъ Меровинговъ», «Исторію возникновенія и развитія третьяго сословія», согласно со взглядами Сьейеса на это сословіе; Амедей Тьерри написалъ «Исторію Галловъ»; своею полною жизни, пластическою наглядностью эти сочиненія сильно возбуждали интересъ Французовъ къ ихъ историческому прошлому. Болѣе легкому методу историческаго изложенія, рассчитывающему не столько на то, чтобъ поучать читателя, сколько на то, чтобъ доставлять ему пріятное развлеченіе,

Капфигъ. посвящали свои силы слѣдующіе пледовитые историки: Капфигъ, напи-
1802—1872. савшій нѣсколько обширныхъ сочиненій объ исторіи Франціи, которыя всѣ отзываются ультрамонтанизмомъ; братья Лакретель, многочисленныя сочиненія которыхъ, преимущественно о новѣйшей исторіи Франціи, отличаются не столько основательностью и вѣрностью, сколько пріятностью изложенія, изящнымъ плавнымъ слогомъ; они перенесли въ исторіографію приемы журналистики; государственный дѣятель и романистъ (Don Alfonso) графъ Нарцисъ Ахиллъ Сальванди, написавшій съ блестящими прикрасами исторію Польши подъ управленіемъ Іоанна Собіескаго.

Анкетиль. Повѣствовательная исторіографія въ жанрѣ хроникъ имѣла не
1723—1808. столько остроумныхъ, сколько трудолюбивыхъ представителей въ лицѣ Анкетилия, Галлэ и женевскаго уроженца Сисмонди; этотъ по-
Сисмонди. слѣдній написалъ исторію Франціи и средневѣковыхъ итальянскихъ
1773—1842.

республикѣ въ романтическомъ духѣ; кромѣ того онъ былъ авторомъ исторіи литературы южныхъ народовъ, въ которой старался доказать, что родственные между собою по происхожденію, южные народы — Итальянцы, Испанцы, Провансальцы, Португальцы оказывали другъ на друга вліяніе и касательно языка и касательно нравственныхъ и эстетическихъ воззрѣній; онъ также доказывалъ, что существуетъ внутренняя связь между литературой и общимъ развитіемъ культуры, что «произведенія ума и въ особенности фантазіи подчиняются постояннымъ законамъ, соотвѣтствующимъ нравственному уровню народовъ и прогрессивному или ретроградному направленію ихъ интеллигенцій». Жюль Мишле, написавшій римскую исторію на основаніи новѣйшихъ критическихъ изслѣдованій, въ особенности Нибура, и очень распространенную исторію Франціи съ романтическими прикрасами и съ цвѣтистой колоратурой, старался соединить философскій прагматизмъ болѣе старой школы съ новымъ болѣе художественнымъ направленіемъ; а въ послѣдствіи онъ попытался повліять на народныя понятія о религіи изданіемъ «Библии человечества». Такъ какъ у Мишле была впечатлительная натура, въ которой брала верхъ фантазія, то онъ придавалъ исторіографическому искусству не только нравоучительный характеръ, но также привлекательность и способность возбуждать умственную дѣятельность; онъ разсматривалъ прошедшее съ точки зрѣнія новаго времени. Мы уже ранѣе (стр. 527) упоминали о томъ, что, бывши профессоромъ въ Collège de France, онъ въ одно время съ Кинэ рѣзко нападалъ на орденъ іезуитовъ. Онъ мѣтко описывалъ пагубное вліяніе іезуитскаго католицизма на бракъ, на домашнюю и семейную жизнь. Увлекаясь сочиненіемъ Вико *Scienza nuova*, онъ старался въ своихъ «Принципахъ философіи исторіи» установить необходимые законы для развитія человечества. Уже въ ранѣе написанномъ сочиненіи о Лютерѣ онъ отзывался съ большимъ сочувствіемъ о реформации и считалъ вредомъ для всеобщаго умственного развитія то, что побѣда, достигнутая реформацией, была неполной. Въ сочиненіи *Le peuple* онъ проповѣдывалъ новое евангеліе свободы и патріотизма. Въ своей «Исторіи революціи» онъ превозносилъ это событіе, какъ начало новой эры въ развитіи человечества и даже какъ источникъ всего, что справедливо, полезно и благородно, какъ начало всякой настоящей исторіи. Въ нѣкоторыхъ болѣе мелкихъ сочиненіяхъ, какъ напр. въ *L'oiseau*, *L'insecte*, *L'amour*, *La femme*, онъ очень своеобразно затрогивалъ вопросы, входящіе въ область фізіологіи и медицины. Такими-же полу-философами, полу-журналистами являются Жюль Симонъ (*Le travail*; *L'école*) и Эженъ Пеллетанъ (*La famille*; *La mère*; *La nouvelle Babylone*, гдѣ дѣлаются нападки на вторую имперію). Болѣе остроумно и съ болѣе серьезными нравственными дѣлами Лабулэ бичевалъ гнилой строй общественной жизни шести-

Мишле.

1798—1874.

Лабулэ.

1811—1883.

десятихъ годовъ въ своихъ привлекательныхъ небольшихъ сочиненіяхъ *Paris en Amérique*, *Prince Caniche*, а въ своихъ публичныхъ лекціяхъ о политической исторіи сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ выставлялъ контрастъ съ французскими государственными учрежденіями. Республиканецъ Ганри Мартенъ написалъ 1810—1883. вызывавшую большія похвалы исторію Франціи во времена монархіи; въ ней соединяются основательныя историческія изслѣдованія съ правдолюбіемъ, прямодушіемъ и искуснымъ изложеніемъ. Богатое со- С.-Олеръ. держаніемъ сочиненіе о войнѣ Фронды написалъ графъ Сентъ-Олеръ; 1778—1854. о провансальской народной поэзіи и о другихъ отдѣлахъ исторіи литературы писали хорошія сочиненія Ренуаръ, Фориель, Амперъ, Низаръ, отличавшійся мастерскимъ изяществомъ изложенія Вилле-менъ, Генгенэ (ум. въ 1816, «Исторія итальянской литературы») и ранѣе нами упомянутый Сентъ-Бёвъ (стр. 525). Главное произведеніе Сентъ-Бёва *Histoire de Port-Royal*; его статьи, критики и рецензіи появлялись по попендѣльникамъ въ газетѣ *Constitutionnel*; теперь онѣ всѣ собраны и изданы подъ заглавіемъ *Causeries du lundi* и принадлежатъ къ числу лучшихъ произведеній въ этомъ жанрѣ. Это—настоящіе образцовыя произведенія какъ по изяществу и ясности стиля, такъ и по серьезности идей и многосторонности воззрѣній. Графъ Александръ Сентъ-При, французскій аристократъ, выросшій въ Одессѣ въ средѣ находившейся тамъ колоніи эмигрантовъ, написалъ *Histoire de la royauté* съ точки зрѣнія аристократа и легитимиста; чтобъ загладить неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвела эта книга, онъ написалъ «Исторію завоеванія Неаполя Карломъ Анжуйскимъ», въ которой придерживался національной и церковной точекъ зрѣнія.

Французскіе историки всего охотнѣе брались за описаніе временъ революціи и имперіи. Плодовитый классическій историкъ, урженецъ города Экса, Минье сжато изложилъ исторію этихъ великихъ эпохъ, 1796—1884. стараясь доказать, что каждое отдѣльное событіе является необходимымъ послѣдствіемъ ранѣе существовавшихъ причинъ. Однако, въ виду того, что философъ и историкъ Дрозъ старался въ своей «Исторіи Людовика XVI» объяснить возникновеніе революціи съ помощью такого-же прагматическаго фатализма, Минье произнесъ въ память о Дрозѣ рѣчь, въ которой предостерегалъ, что объясненіе причинъ не можетъ считаться за оправданіе. «Хотя въ такія ужасныя минуты и уменьшается сила индивидуума, но его нравственная свобода отъ этого не стѣсняется. Хотя индивидуумъ и оказывается неспособнымъ руководить ходомъ событій, но онъ остается полнымъ хозяиномъ въ своемъ образѣ дѣйствій,—остается отвѣтственнымъ за то, что дѣлаетъ. Историкъ революціи долженъ доказать, что всякое уклоненіе отъ правильнаго пути влечетъ вслѣдъ за собою наказаніе и что никакое преувеличеніе не можетъ быть прочнымъ». Жизнь

Мишье была всецѣло посвящена наукѣ, а отъ политики онъ почти всегда держался въ сторонѣ. Къ числу лучшихъ его работъ принадлежитъ сборникъ документовъ и источниковъ для французской исторіи съ превосходными предисловіями. Его монографіи о Маріи Стюартъ, объ Антоніо Перецѣ, объ отреченіи Карла V отъ престола принадлежатъ къ разряду самыхъ мелкихъ его сочиненій, возникшихъ изъ подготовки къ большому историческому сочиненію о временахъ реформациі, надъ которымъ онъ работалъ въ теченіе многихъ лѣтъ. — Адольфъ Тьеръ, этотъ вліятельный журналистъ временъ іюльской революціи, имя котораго еще будетъ часто встрѣчаться въ дальнѣйшемъ изложеніи исторіи Франціи, былъ землякъ, ровесникъ и школьный товарищъ Мишье; своей подробной «Исторіей французской революціи» онъ проложилъ себѣ дорогу къ тому высокому общественному положенію, которое съ тѣхъ поръ постоянно сохранялъ. Въ этомъ сочиненіи, отличающемся блестящимъ изложеніемъ и обширностью свѣдѣній, обнаруживается сочувствіе автора къ политическимъ и религіознымъ принципамъ, выразившимся въ великомъ событіи. Позднѣе написанная имъ «Исторія консульства и имперіи» представляетъ большой интересъ благодаря тому, что онъ пользовался подлинными документами изъ государственнаго архива; она привлекательна блестящимъ изложеніемъ и характеристиками историческихъ событій и дѣйствующихъ лицъ, хотя въ нѣкоторыхъ частяхъ и отзывается пристрастіемъ и свойственною Французамъ склонностью къ самохвальству. Автору также недостаетъ искренняго воодушевленія и высокаго умственного полѣта. За такіе же недостатки заслуживаетъ еще болѣе сильныхъ упрековъ «Исторія французской дипломатіи», написанная Биньономъ по приглашенію самого Наполеона съ острова Св. Елены. Какъ Биньонъ, такъ и авторъ «Исторіи Венеціанской республики» Даріо занимали различныя должности на императорской службѣ, между тѣмъ какъ Мишо, написавшій «Исторію Крестовыхъ походовъ» въ духѣ романтизма и нѣкоторыя другія историческія сочиненія, былъ членомъ кружка г-жи Крюднеръ, сдѣлался ревностнымъ роялистомъ и старался отстаивать интересы Бурбоновъ. Его ненависть къ Наполеону обнаруживается въ его сочиненіи *Histoire des XV semaines, ou le dernier règne de Bonaparte*. Графъ Сегюръ младшій нарисовалъ въ своей «Исторіи Наполеона и великой арміи въ 1812 году» такую картину геройскихъ военныхъ подвиговъ и трагическихъ катастрофъ, которая глубоко врѣзалась въ сердца французскаго народа. Уроженецъ города Шамбери, П. Ланфрѣ написалъ «Исторію Наполеона I», въ которой, въ противоположность съ Тьеромъ, возставалъ противъ господствовавшихъ во Франціи воззрѣній на первую имперію; онъ старался доказать, что основатель бонапартизма пользовался своими умственными превосходствами и военными дарованіями только для удовлетворенія

Тьеръ.

1797—1877.

Мишо.

1767—1839.

Ланфрѣ.

1828—1877.

своего честолюбія и властолюбія, и съ эгоистической безпощадностью вовлекалъ французскую націю въ несправедливую и вѣроломную политику по отношенію къ другимъ народамъ. Нисколько не стараясь умалять личную геніальность Наполеона, Ланфрэ говоритъ, что первый французскій императоръ постоянно ставилъ силу выше права, а съ людьми обходился какъ съ орудіями, помогавшими ему достигать намѣченныхъ цѣлей; поэтому Ланфрэ упрекаетъ своихъ соотечественниковъ за то, что, ослѣпленные внѣшней славой, они выпосили и поддерживали такое пренебреженіе ко всѣмъ требованіямъ государственнаго и международнаго права, ко всякимъ идеальнымъ стремленіямъ и къ человѣческому достоинству и до сихъ поръ еще, не смотря на эти недостатки, восхищаются первой имперіей, какъ самымъ блестящимъ періодомъ въ исторіи Франціи. Ланфрэ отзывался о французскомъ императорѣ съ такою-же суровой строгостью, съ какою Тацитъ отзывался о первыхъ Цезаряхъ, а это настроеніе нерѣдко вовлекало его въ неправильную оцѣнку человѣка, который былъ безспорно геніаленъ не смотря на всѣ свои недостатки. По мнѣнію Ланфрэ, Наполеонъ былъ воплощеніемъ зла и лжи, съ демоническою силою заставлявшимъ людей преклоняться передъ нимъ. — Историческими сочиненіями («Исторія Лудовика XV», «Старый режимъ и революція») прославился и поборникъ всякихъ гуманныхъ

Токвиль. 1805—1859. идей, выдающійся какъ государственный дѣятель Алексисъ Токвиль; онъ изучилъ въ Америкѣ и въ Англіи сущность и вліяніе мѣстныхъ формъ государственнаго устройства и познакомилъ съ ними своихъ соотечественниковъ въ прекрасныхъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ духѣ Монтескьё («О демократіи въ Америкѣ»). Близко познакомившись съ соціальными и политическими учрежденіями и основными идеями Англичанъ и Американцевъ, Токвиль, — не смотря на свое знатное происхожденіе, — признавалъ необходимость вносить демократическіе принципы въ государственную жизнь новаго времени, и въ то же время объяснялъ, какъ слѣдуетъ, при благоразумномъ практическомъ примѣненіи этихъ принциповъ, придать демократіи правильную организацію, предохраняя ее отъ пагубныхъ увлеченій подъ знаменемъ свободы. Онъ говорилъ, что еслибы аристократія была уничтожена вслѣдствіе смертельнаго удара, нанесеннаго ей низшими слоями общества, то изъ демократіи возникъ-бы деспотизмъ. — На результаты февральской революціи имѣли сильное вліяніе: *Histoire des dix ans* (1830—1840), въ которой Луи Бланъ описалъ царствованіе Луи Филиппа съ многочисленными пикантными подробностями и съ точки зрѣнія демократической оппозиціи, его-же «Исторія французской революціи» и многія другія сочиненія соціалистическаго содержанія. Мемуары знаменитыхъ мужчинъ и женщинъ, составляющіе любимое чтеніе Французовъ и появлявшіеся во Франціи въ громадномъ числѣ, рѣдко отличаются художественными достоинствами, хотя нѣкоторые

Л. Бланъ.
1813—1882.

изъ нихъ и не лишены интересныхъ подробностей, какъ наприм. мемуары Бурриена, Мармона и почти всѣ тѣ, которые перечислены нами въ обзорахъ исторіи литературы. И для этого рода литературныхъ произведеній служить богатымъ источникомъ славная эпоха Наполеоновскаго владычества. Императоръ Наполеонъ III также попытался прославиться на литературномъ поприщѣ, написавши «Историю Цезаря», но онъ не могъ соперничать съ Эрнестомъ Ренаномъ, котораго уволили въ 1863 году отъ должности профессора въ Collège de France въ угоду католическому духовенству. Ренанъ былъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности католическимъ теологомъ (сравни его Souvenirs), одинаково замѣчательнымъ и какъ ученый ориенталистъ, и какъ историкъ, и какъ беллетристъ; изданіемъ своихъ Origines du Christianisme, въ первомъ томѣ которыхъ описана жизнь Христа и которая во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ извѣстное сочиненіе Давида Штрауса, онъ вмѣшался въ теологическіе споры своего времени.

В. Англія и сѣверная Америка.

1. Поэтическая литература новоромантиковъ въ Англіи.

Въ Англіи драматическая поэзія все болѣе и болѣе отодвигалась со временъ Шекспира на задній планъ, а въ новѣйшее время уже и вовсе не можетъ быть рѣчи о такой поэзіи; но лирика и вообще поэзія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова имѣютъ лишь не много болѣе представителей, которые не выдерживаютъ никакого сравненія ни съ Байрономъ ни съ Шелли; и далеко не пользуются такимъ-же вліяніемъ, какое имѣла озерная школа въ началѣ текущаго столѣтія (XIV, 984 и сл.). Они не были въ состояніи создать въ литературѣ новое направленіе, новую ступень развитія. Это удалось только тѣмъ даровитымъ писателямъ, которые занимались сочиненіемъ романовъ въ прозѣ. Хотя лирическая поэзія и обогатилась нѣсколькими полными вдохновенія пѣснями, нѣсколькими глубоко прочувствованными стихотвореніями, трогательными балладами и интересными народными сказаніями, но въ ней не было проложено новыхъ путей; было достигнуто только одинъ результатъ: произведенія англійской литературы стали болѣе прежняго распространяться въ средѣ народа. Между находящимися въ настоящее время въ живыхъ, англійскими поэтами всѣхъ превосходитъ и талантомъ и извѣстностью сынъ англійскаго пастора, Альфредъ Теннисонъ. Его внѣшняя жизнь протекла въ матеріальномъ довольствѣ и въ гордомъ удаленіи отъ свѣта. Онъ замѣнилъ Вордсворта и Соути въ почетномъ придворномъ званіи Poeta laureatus. Его стихотворенія

Литературное
затишье въ
новѣйшее
время.

Теннисонъ,
род. 1810.

состоять изъ балладъ, въ которыхъ описаны радости и страданія страстно любящаго сердца, изъ изліяній лирическихъ чувствъ и эпическихъ разсказовъ, въ которыхъ раздаются сѣтованія на прошлое время и на матеріализмъ новаго времени вмѣстѣ съ изложенными въ поучительномъ тонѣ видѣніями и фантазіями. Они чрезвычайно привлекательны столько же своимъ изяществомъ, классической виѣшной формой, сколько своеобразиемъ окраски и выражаемыхъ въ нихъ чувствъ. Ихъ основной тонъ элегиченъ, иногда даже почти доходитъ до тона міровой скорби, но не имѣетъ никакого сходства съ тономъ произведеній Байрона, въ которыхъ больше страсти и бурныхъ взрывовъ негодованія. Своими великолѣпными описаніями природы Теннисонъ обнаруживаетъ много общаго съ озерной школой, между тѣмъ какъ его заботливость о потребностяхъ современнаго общества, его желаніе содѣйствовать счастью человечества дѣлаютъ его настоящимъ поэтомъ новаго времени. Благодаря привлекательности своихъ поэтическихъ произведеній, чистотѣ и непорочности своихъ чувствъ, спокойному безстрастному тону своихъ мелодическихъ стиховъ, въ которыхъ не встрѣчается никакихъ непристойностей, онъ сдѣлался любимымъ поэтомъ образованныхъ классовъ англійскаго общества. Прекрасная элегія *In memoriam*, написанная въ память объ умершемъ другѣ, и три цикла романсовъ *The princess*, *Maud* и *King Arthur* вышли въ свѣтъ послѣ сборника его лирическихъ стихотвореній. И эпизодомъ изъ Крымской войны «Аттака конницы при Балаклавѣ» онъ вызвалъ заслуженныя похвалы. Его трогательная идиллія *Enoch Arden*, написанная въ болѣе зрѣлые годы его жизни, свидѣтельствуетъ о томъ, что источникъ его поэтическаго вдохновенія еще не изсякъ и что онъ еще умѣетъ извлекать изъ самаго простаго сюжета неистощимое изобиліе прекрасныхъ поэтическихъ идей.

Сьюинборнъ,
род. 1837.

Между многочисленными учениками Теннисона и писателями, державшимися одного съ нимъ направленія, самыми значительными были Чарльсъ Альджернонъ Сьюинборнъ и Робертъ Броунингъ. Подобно Байрону и Шелли, Сьюинборнъ считался литературными критиками за представителя сатанинской школы; дѣйствительно, его стихотворенія и баллады написаны отчасти въ духѣ его великихъ предшественниковъ, но это направленіе соединяется у него съ утонченной изысканностью всецѣло въ духѣ новаго времени. Его драмы (*Atalanta* и трилогія изъ жизни Маріи Стюартъ) богаты прекрасными поэтическими сценами и отличаются художественными красотами, но онѣ болѣею частію такъ невыносимо длинны, что не могутъ доставлять удовольствія въ чтеніи, а для постановки на сценѣ вовсе негодятся. Тѣмъ-же недостатками еще въ болѣеи степени отличаются драмы Роберта Броунинга, поэта, имѣющаго нѣкоторое сходство съ Шелли; но въ его пьесахъ болѣе философіи, чѣмъ сце-

Броунингъ,
род. 1812.

ническаго дѣйствія; кромѣ того, въ нихъ часто встрѣчаются неясности и онѣ не всегда удобопонятны. Достаточно указать только на его *Paracelsus* — нѣчто въ родѣ англійскаго Фауста. Его супруга Елизавета Барреттъ — Броунингъ считается величайшей изъ англійскихъ поэтессъ; это была не только поэтически — даровитая, но также очень ученая дама, переводившая «Прометея» Эсхила. Ея богатство идей, философское и классическое образованіе даже нерѣдко парализовали ея чисто-поэтическую творческую силу.

Елизавета

Броунингъ.

1809 — 1861.

Ея главные произведенія — романъ въ стихахъ *Aurora Leigh* и *A drama of exile*; въ этомъ послѣднемъ произведеніи облечена въ лирико-драматическую форму мистерія, очень наглядно изображающая юношескіе идеалы человечества на примѣрѣ мифа объ изгнаніи Адама и Эвы изъ рая. Также очень даровитой поэтессой была Каролина Нортонъ, внучка знаменитаго Шеридана, отличавшаяся такою-же красотою и такимъ-же умомъ; какіе, по видимому, были наслѣдственными въ этомъ семействѣ. Она не была счастлива въ своей супружеской жизни: ей причинили много огорченій скандальный процессъ съ мужемъ и своеобразные англійскіе законы о бракѣ прежде, чѣмъ она добилась въ 1840 году развода. Ее называли Байрономъ между англійскими поэтессами; дѣйствительно у ней было много глубокой страстности и энергичной выразительности, свойственныхъ поэзии Байрона. Когда ей минуло семнадцать лѣтъ, было издано ея первое произведение — идиллія *The sorrows of Rosalie*; вслѣдъ за тѣмъ были изданы: *The undying one* (легенда о вѣчномъ жидѣ), стихотвореніе *The dream*, имѣвшее громадный успѣхъ, и наконецъ лучшее изъ всѣхъ ея произведеній *The child of the islands*, въ которомъ описаны, на примѣрѣ принца Уэльскаго, хорошія и дурныя стороны англійской общественной жизни. Благороднымъ явленіемъ была личность Аделанды Проктеръ, дочери Барри Корнвалля (автора „Англійскихъ пѣсень“ и „Пріюта для бѣдныхъ“); она и какъ поэтесса и какъ женщина всецѣло посвящала себя человѣколюбію. — Живописецъ и поэтъ итальянскаго происхожденія Данте Габріель Россетти (авторъ балладъ и сонетовъ) и Вильямъ Моррисъ также могутъ быть отнесены къ разряду писателей, сходныхъ по своему направленію съ Теннисономъ и съ Сьюннборномъ; но они съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе предавались своимъ археолого-романтическимъ влеченіямъ къ искусству и къ средне-вѣковой поэзіи. Моррисъ преимущественно занимался обработкой средне-вѣковыхъ народныхъ сказаній (*Ginevra*) и даже пытался подражать стилю нравоучительныхъ пьесъ древне-англійскаго театра. Всѣмъ этимъ поэтамъ, начиная съ Теннисона, можно дать общее названіе послѣдователей ново-романтической школы. У многихъ изъ нихъ даже не было недостатка въ собственномъ новоромантизмѣ, влеченіи къ католицизму.

Каролина Нортонъ.

1808 — 1877.

А. Проктеръ.

1825 — 1864.

Россетти.

1828 — 1882.

Моррисъ,
род. 1834.

2. Романы и историографія.

Романы — любимое чтеніе образованныхъ классовъ въ Англіи, поэтому и самые даровитые писатели посвящали себя предпочтительно этому роду литературы, стараясь сдѣлать его поучительнымъ и привлекательнымъ посредствомъ разнообразія сюжетовъ, изяще-

Романы.

ства изложенія и расширенія его содержанія на самыя разнообразныя сферы жизни и научныхъ изслѣдованій. Въ области историческихъ романовъ Вальтеръ Скоттъ оставался такимъ образцовымъ писателемъ, съ которымъ никто не могъ равняться; между его послѣдователями болѣе всѣхъ извѣстенъ Джемсъ, — писатель чрезвычайно плодovitый и въ свое время находившій многочисленныхъ читателей, но далеко не гениальный. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что жителямъ окруженной морями Англiи болѣе всего нравились сюжеты изъ жизни моряковъ; поэтому было значительно число англійскихъ романистовъ, занимавшихся морской новеллистикой. Между ними занимаютъ первое мѣсто капитанъ Марріэтъ (Jakob Ehrlich; Peter Simple), Базиль Голль и К. Вильсонъ (Tom Cringles log). Богатая разнообразіемъ семейная и народная жизнь на всѣхъ своихъ ступеняхъ, начиная съ королевскаго двора и высшаго общества (high life) и кончая разбойниками и пролетаріями, доставляла неисчислимый запасъ сюжетовъ слѣдующимъ писателямъ, старавшимся доставлять публикѣ занимательное чтеніе: Теодоръ Гукъ, Самуэль Уорренъ (Passages from the diary of a late physician), В. Г. Энсвортъ, авторъ производившихъ сенсацию новеллъ Вильки Коллинсъ (The woman in white; Antonina or the fall of Rome; No name), Чарльзъ Кингсли (Westward Ho; Yeast) Антони Троллопъ (Framley Personage; Barchester Towers; He knew he was right), Гольмъ Ли, Уайтъ Мельвилль, Чарльзъ Ридъ.

Кингсли. Между ними выдѣляются Кингсли и Троллопъ. Это были писатели
1819—1875. не дюжиннаго полѣта: въ самомъ замѣчательномъ изъ своихъ произведеній Westward Ho Кингсли описалъ ожесточенную борьбу между Англiей временъ Елизаветы и Испаніей или вѣрнѣе между протестантизмомъ и руководимымъ іезуитами, католицизмомъ; въ романѣ Hurratia онъ нарисовалъ чрезвычайно интересную картину изъ той эпохи, когда на обширномъ пространствѣ римскихъ владѣній боролись между собою изъ-за господства христіанство и язычество.

Троллопъ. Троллопъ превосходно описывалъ англійскую жизнь, въ особенности
1815—1882. жизнь среднихъ классовъ и англиканскаго духовенства. Онъ хорошо знакомъ съ правами этихъ сферъ на уваженіе, но также съ узкостью ихъ понятій и съ ихъ предразсудками, которые описываетъ очень вѣрно, повидимому, потому, что самъ ихъ нераздѣляетъ. Извѣстный государственный дѣятель, парламентскій ораторъ и публицистъ

Дизраэли. Дизраэли, получившій титулъ графа Биконсфильда, также отличался
1804—1881. на литературномъ поприщѣ (Coningsby). Въ характеристическомъ произведеніи этого самаго даровитаго изъ всѣхъ поборниковъ высоко-консервативныхъ стремленій, — въ романѣ Lothair выведенъ на сцену молодой человекъ изъ высшей аристократіи, который, путешествуя по Италіи и по другимъ странамъ, вовлекается въ разныя заблужденія и наслаждается привлекательными запрещенными

плодами, но наконецъ приходитъ къ разумному убѣжденію, что для него всего лучше будетъ направить свой корабль въ безопасную гавань супружеской жизни, соотвѣтствующей его знатному происхожденію; въ романѣ *Endymion* Дизраэли доказываетъ, что стремленіе къ политической роли есть единственный признакъ, по которому узнается умный человѣкъ.

Къ этому длинному ряду писателей мужескаго пола слѣдуетъ присовокупить чрезмѣрно большое число дамъ, ежегодно наводняющихъ книжный рынокъ въ высшей степени безвредными, нравственными и большею частію хорошо написанными новеллами; не смотря на свои добродѣтели и свое благочестіе, эти писательницы приучаютъ читателей и въ особенности читателей къ пищѣ, разслабляющей умъ, и заглушаютъ въ нихъ влеченіе къ болѣе здоровой умственной пищѣ. Этотъ родъ литературы, съ включеніемъ похожихъ на церковныя проповѣди романовъ Анны Муръ, когда-то вытѣсненныхъ изъ употребленія романами Вальтеръ Скотта, и до сихъ поръ имѣетъ слѣдующихъ, составившихъ себѣ извѣстность представительницъ: миссъ Мартино, которая въ своихъ тенденціозныхъ романахъ старалась разоблачать тайны политической экономіи скорѣе съ прилежаніемъ и знаніемъ дѣла, чѣмъ съ поэтическимъ одушевленіемъ, и излагала исторію новаго времени (*History of England during the thirty years peace 1816—1846*) преимущественно съ политико-экономической точки зрѣнія; лэди Блессингтонъ, г-жи Маршъ, Вудъ, Йонгъ, Гаскелль, Каванагъ. Худшаго достоинства романы лэди Феллертонъ и миссъ Брэддонъ; первая изъ нихъ уже проникла сквозь легкую преграду, отдѣляющую высокую церковь и ибюзинзмъ отъ католицизма и старается вовлечь и другихъ на ту-же дорогу, а вторая неутомимо фабрикуетъ такъ называемые сенсационные романы, наполненные большею частію такими описаніями преступленій, въ которыхъ весь интересъ заключается въ искусно скрываемой тайнѣ. Гораздо болѣе даровиты Шарлотта Бронте (*Currer Bell*), написавшая романъ *Jane Eyre*, который былъ передѣланъ г-жою Бирнъ-Пфейфферъ въ драму для нѣмецкой театральной сцены, и извѣстная подъ псевдонимомъ Жоржа Эліота, г-жа Эвансъ, находившаяся въ тѣсной связи съ прославившимся и въ Германіи, авторомъ біографіи Гёте, Льюисомъ, считавшаяся въ обществѣ за его жену и присоединившая его имя къ своему собственному. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что романы Ж. Эліота (*Adam Bede; Mill on the floss; Silas Marner; Romola; Felix Holt; Middlemarch*) лучше всего, что было написано въ Англіи женщинами въ повѣйшее время. Они реалистичны въ описаніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ о тонкомъ изученіи человѣческаго сердца, отличаются мастерскимъ объясненіемъ психологическихъ мотивовъ и часто затрагиваютъ вопросы дня, вслѣдствіе чего существенно отличаются къ своей выгодѣ отъ множества англійскихъ дюжинныхъ романовъ, наполненныхъ только мелочами семейной жизни и не касающихся никакихъ общественных интересовъ. — Описаніями своего времени и народныхъ нравовъ, равно какъ удачными описаніями путешествій приобрѣла литературную извѣстность лэди Морганъ. — Мэри и Вильямъ Гоунтъ представляютъ такую поэтическую парочку, въ которой женская личность даровитѣе мужской. Мэри Гоунтъ происходила изъ семейства квакеровъ и получила строгое одностороннее воспитаніе; въ послѣдствіи она нѣсколько высвободилась изъ этихъ узъ, но была преимущественно дидактической поэтессой, много писавшей для юношества. Ея дочь Маргарита Гоунтъ недавно приобрѣла извѣстность своими сочиненіями объ искусствѣ.

Женщины-
писательницы.

Эліотъ.

1820—1880.

Въ первомъ ряду между всѣми англійскими романистами стоятъ со временъ Вальтеръ Скотта Больверъ, Диккенсъ и Тэккерей—первый благодаря своему многостороннему образованію, пріобрѣтенному серьезными учеными занятіями и путешествіями, своему ясному уму и философскимъ воззрѣніямъ, второй благодаря своему юмору и мѣткому остроумію, соединяющемуся съ трогательнымъ пафосомъ, третьей въ качествѣ сатирика, отличающагося самой ѣдкой рѣзкостью.

Больверъ.
1803—1873.

Эдв. Литтонъ Больверъ пробовалъ свои силы въ лирической и въ драматической поэзіи, но пріобрѣлъ самую громкую извѣстность своими романами, между которыми наиболѣе замѣчательны: *Pelham*, *Eugen Aram*, *Ernest Maltravers*, *Night and morning*, своею знаменитой картиной древности *The last days of Pompeii* и историческими романами *Cola Rienzi*, *The last of the Barons* и *Harold*. Всѣ они отличаются благозвучнымъ языкомъ, остроуміемъ, тонкою наблюдательностью и знаніемъ людей, искусной группировкой фактовъ, но ихъ превосходятъ романы многихъ другихъ писателей богатствомъ вымысла, разнообразіемъ характеристикъ и описаніемъ сильныхъ страстей. «У Больвера не столько творческій, сколько воспринимавшій внѣшнія впечатлѣнія, умъ; онъ не столько поэтъ, сколько художникъ; онъ постоянно хладнокровенъ, отчего и читатели остаются хладнокровными». Своимъ интереснымъ сочиненіемъ «Англія и Англичане» Больверъ создалъ новый этнографическій родъ литературы. Въ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ *The Saxtons*, *My Novel*, *What will he do with* онъ снова описываетъ англійскіе нравы, но переносится въ болѣе высокую сферу этическихъ воззрѣній, чѣмъ та, въ которой ранѣе вращался. Онъ вообще чувствуетъ себя какъ дома на почвѣ своего отечества, а когда онъ умственно переносится на чужую почву, какъ напр. въ «Рейнскихъ пилигримахъ», въ «Занони», въ «Лукреціи», онъ не достигаетъ большихъ успѣховъ. Только въ его посмертномъ сочиненіи «Парижане», въ которомъ описано настроеніе умовъ во время войны 1870 года, мѣстами проглядываетъ его прежній талантъ; поэтому можно сказать, что жизнь Больвера закончилась красивымъ солнечнымъ закатомъ. И его жена, съ которой онъ, впрочемъ, развелся, и его сынъ пріобрѣли извѣстность въ литературномъ мірѣ,—этотъ послѣдній подъ псевдонимомъ Оуэна Мередита.

Диккенсъ
(Бозъ).
1812—1870.

Чарльзъ Диккенсъ (его псевдонимъ — Бозъ) пріобрѣлъ репутацію остроумнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ симпатичнаго народнаго писателя уже благодаря своимъ первымъ юмористическимъ произведеніямъ—*Sketches of London*, для которыхъ онъ извлекалъ содержаніе изъ жизни лондонскаго населенія, и *Pickwick—papers*. Тонкая прозорливость, веселый юморъ, мѣткія сатирическія замѣчанія и увлекательный комизмъ въ сочетаніи съ трогательнымъ пафосомъ — вотъ тѣ достоинства, которыми отличается интересное описаніе положе-

ній г-на Пиквика и его трехъ друзей съ разными подробностями изъ жизни низшихъ и среднихъ слоевъ англійскаго народа. Вслѣдъ за тѣмъ были написаны: *Oliver Twist*, *Nicholas Nickleby*, гдѣ выставлена противоположность между соціальнымъ положеніемъ высшихъ и низшихъ классовъ общества, но при этомъ дѣлаются указанія не на взаимную ненависть этихъ классовъ, а на возможность ихъ примиренія; *David Copperfield*; *Master Humphreys Wanduhr*; *Dombey and son*; *Little Dorrit*; *Tale of two cities*; *Our mutual friend*; эти произведенія, быть можетъ, и стоятъ выше первыхъ произведеній Диккенса по своей болѣе художественной отдѣлкѣ, но они едва-ли могли увеличить славу писателя, пріобрѣтенную «Записками Пиквикскаго клуба». Одаренный живою творческою фантазіей и замѣчательнымъ талантомъ рассказчика, Диккенсъ отличается умѣньемъ описывать эксцентричныя, ненормальныя и болѣзненныя натуры, странныя положенія дѣйствующихъ лицъ и житейскія отношенія. Но уродливость этихъ отношеній смягчается сердечнымъ добродушіемъ и филантропическими чувствами, которыя проявляются во всемъ, что писалъ Диккенсъ. Новый родъ литературы представляютъ его такъ называемыя «Сказки на Рождество» *Christmas's carol*, *Chimes*, *Cricket on the hearth*, *Battle of life*, въ которыхъ онъ рисуетъ съ нравственною цѣлю увлекательныя небольшія картинки отчасти съ фантастической подкладкой. И его *American notes*, *A child's history of England* и *Pictures from Italy* — привлекательныя произведенія, хотя своеобразная даровитость автора и не обнаруживается въ нихъ такъ-же ярко, какъ въ тѣхъ произведеніяхъ, гдѣ онъ не сходитъ съ почвы старой Англій и описываетъ жизнь своего времени. Описывая въ своихъ романахъ современныя нравы, Диккенсъ старается не только поучать читателя, но также выставить на видъ общественныя недуги всякаго рода, какъ напр. мѣшкотность англійскаго судопроизводства, — старается улучшить положеніе бѣдняковъ и угнетенныхъ, обливая ихъ душевныя раны цѣлебнымъ бальзамомъ. Его дѣятельность была такою въ высшей степени благотворной, какою едва-ли когда либо отличался какой либо писатель.

Очерки общественной жизни и человѣческаго характера, написанные Вильямомъ Мекписомъ Тэккереемъ, существенно отличаются отъ очерковъ Диккенса; въ нихъ есть все, что могутъ дать чрезвычайно искусный психологическій анализъ, тонкая наблюдательность, до крайности рѣзкая саркастическая проія; но Тэккерей никогда не былъ въ состояніи, а можетъ быть, и никогда не старался возбуждать глубокую или сильную симпатію описаніемъ натянутыхъ положеній или сильныхъ страстей. У него вовсе нѣтъ горячаго человѣколюбія Диккенса, который хотя и описывалъ смѣшныя и слабыя стороны людей, но никогда не утрачивалъ увѣренности, что въ глубинѣ чело-

Тэккерей.

1811—1863.

вѣческаго сердца кроются зародыши добра, что во всѣхъ людяхъ есть врожденное чувство человѣческаго достоинства, хотя оно нерѣдко и не выступаетъ наружу или проявляется въ извращенномъ видѣ. По мнѣнію Шерра, Тэккерей родился сатирикомъ: «Его взоръ проникаетъ въ самое сердце и въ утробу человѣка, а жгучее остріе его характеристикъ врѣзывается безжалостно, какъ ножъ оператора, въ самыя сокровенныя больныя мѣста англійскаго общества». Къ самымъ выдающимся произведеніямъ Тэккерей принадлежатъ *Vanity fair* и *Pendennis*. «Ярмарка тщеславія» — самая ѣдкая сатира на себялюбіе, безсердечность и ханжество знатнаго англійскаго общества, но въ этой картинѣ нѣтъ ни одного свѣтлаго луча, вслѣдствіе чего она является односторонней и несогласной съ истиной. Въ *Arthur Pendennis* точно такъ-же, какъ въ «Копперфильдѣ», Диккенса, описаны нѣкоторыя событія изъ собственной жизни автора. Въ историческомъ романѣ *Henry Esmond* Тэккерей попытался описать эпоху королевы Анны въ духѣ и языкомъ того времени. *The Newcomes* и *The Virginians* вышли въ свѣтъ послѣ всѣхъ другихъ произведеній Тэккерей. Почти до самой смерти онъ редактировалъ журналъ *Cornhill magazine*, который былъ имъ-же и основанъ.

Послѣ Бульвера, Диккенса, Тэккерей и Ж. Эліота литература романовъ стала приходить въ Англіи въ упадокъ; ее стали низводить на одну степень съ сочиненіями, которыя пишутся только съ цѣлію развлекать публику, и въ которыхъ пустота содержанія прикрывается все болѣе крѣпкими приправами; такъ напр. Стевенсонъ и Ридеръ-Гаггаръ обращаются, въ своихъ романахъ *Dr. Iskull* и *Mr. Hyde*, къ здоровому человѣческому разсудку съ неисполнимыми требованіями; въ сочиненіяхъ г-жи Крамфордъ вызываются, — съ помощью точно объясняемыхъ физическихъ экспериментовъ, — духи Юлія Цезаря, Гейне и другихъ усопшихъ знаменитостей для того, чтобъ живые люди вступали съ ними въ пріятную бесѣду. Это то-же, что верченіе столовъ, стучаніе духовъ, только въ иной формѣ. Лучше по своему содержанію рекомендованный Глэдстономъ романъ г-жи *Humphrey Ward (Robert Elsmere)*, который знакомитъ читателя съ теперешнимъ англійскимъ обществомъ.

Исторіографія. Исторіографія въ новѣйшее время обогатилась въ Англіи превосходными сочиненіями, въ особенности объ исторіи этой страны.

Тёрнеръ. Шэронъ Тёрнеръ и Джонъ Лингардъ излагали исторію Англіи въ 1768—1847. многотомныхъ сочиненіяхъ — первый съ точки зрѣнія приверженца

Лингардъ. англиканской церкви не столько съ внѣшнимъ изяществомъ, сколько 1769—1851. съ большой ученостью и знаніемъ дѣла; второй съ пристрастіемъ искренно-вѣрующаго католика, но съ умомъ, съ искусствомъ и съ предварительнымъ изученіемъ источниковъ. Съ болѣе безпри-

Галламъ. страстіемъ и болѣе ясно излагалъ Галламъ въ своей *Constitutional* 1777—1859. *history of England* исторію англійской конституціи вмѣстѣ съ из-

мѣненіями, произведенными въ ней реформаціей и революціей; кромѣ того онъ написалъ исторію европейскихъ государствъ и литературы въ Средніе вѣка (The state of Europe during the middle ages). Непиръ написалъ хорошее сочиненіе о войнѣ на Пиренейскомъ полуостровѣ, Титлеръ — обширную исторію Шотландіи; Алисонъ описывалъ положеніе Европы во времена французской революціи и Наполеоновской имперіи съ точки зрѣнія англійскаго торія, между тѣмъ какъ остроумный критикъ Томасъ Карлейль, — шотландскій уроженецъ, одаренный поэтической фантазіей и философскимъ складомъ ума, — описывалъ тѣ-же великія историческія событія съ эпической пластичностью, но съ точки зрѣнія строгаго пуританина. Тотъ-же Карлейль основательно изучилъ нѣмецкую литературу и старался познакомить съ нею своихъ соотечественниковъ путемъ искусныхъ переводовъ («Вильгельма Мейстера») и біографій («Біографія Шиллера»). О томъ, что онъ очень интересовался нѣмецкой литературой и исторіей, свидѣтельствуетъ его «Исторія Фридриха II, названнаго великимъ», на которую онъ потратилъ гигантскій трудъ и которая заставляла его становиться на точку зрѣнія прусскихъ солдатъ того времени. Вѣдь упрекаютъ-же его въ томъ, что онъ даже германизировалъ свой стиль, который, будто-бы, ничто иное, какъ смѣсь стиля Лютера съ стилемъ Жанъ-Поля. Въ теченіе всей своей жизни и даже въ тяжелое время войны 1870 года онъ былъ поклонникомъ нѣмецкаго народа и считалъ задачей своей жизни распространеніе въ Англіи произведеній нѣмецкой литературы и нѣмецкихъ воззрѣній. И современные политическіе и соціальные вопросы, и строй англійской общественной жизни онъ освѣщалъ въ своихъ остроумныхъ и глубокомысленныхъ сочиненіяхъ, нерѣдко отличавшихся рѣзкостью сужденій, которыя онъ облакалъ въ мистико-фантастическую форму. Его Sartor Resartus полонъ геніально-оригинальныхъ идей и написанъ блестящимъ языкомъ; это сочиненіе называютъ англійскимъ панданомъ къ «Фаусту» Гёте. Въ «Сборникѣ писемъ и рѣчей Оливера Кромвеля» онъ воздвигнулъ великому протектору приличный памятникъ. — Объ усиленной дѣятельности англійскихъ писателей въ области исторіографіи и о живомъ интересѣ англійской націи къ ея прошлому свидѣтельствуютъ: сочиненія Денлопа и Кембля о литературѣ и исторіи культуры; написанныя лордомъ Брумомъ, біографіи знаменитыхъ государственныхъ людей; множество сочиненій объ отдѣльныхъ эпохахъ англійской исторіи (Пельгревъ, Годвинъ, Джемсъ Макинтошъ, Том. Кейгслей, лордъ Магонъ, Фроудъ), также множество сборниковъ историческихъ документовъ и старыхъ сочиненій. Фроудъ, пользовавшійся въ архивахъ новыми источниками свѣдѣній для своей History of England from the fall of Wolsey to the death of Elizabeth, высказываетъ противоположныя съ Лингардомъ мнѣнія объ эпохѣ англійской реформаціи и объ исторической драмѣ, разы-

Карлейль.
1795—1881.

гравшейся между королевой Елизаветой и Маріей Стюартъ. Достоинъ упоминанія и Г. Диксонъ, какъ серьезный историкъ (Исторія Кате-
рины Арагонской и Анны Болейнъ) и какъ остроумный публицистъ
Лэмбъ. и авторъ описаній путешествій; Чарльзъ Лэмбъ, писавшій лирическія
1775—1834. стихотворенія, очерки и рассказы (Tales from Shakespeare), былъ
плодовитымъ и остроумнымъ публицистомъ (Essays of Elia).

Между всѣми англійскими писателями, до той поры посвящавшими
свой досугъ на изученіе и описаніе историческихъ событій, зани-
маетъ первое мѣсто извѣстный государственнѣйшій дѣятель и ораторъ,
Маколей. остроумный критикъ и поэтъ Том. Бабингтонъ Маколей; его недо-
1800—1859. веденная до конца, «Исторія Англіи» начинается введеніемъ, въ ко-
торомъ сдѣланъ обзоръ развитія англійской конституціи, а истори-
ческій рассказъ начинается со вступленія Іакова II на престолъ. Съ
основательнымъ изученіемъ историческихъ событій и характера дѣй-
ствующихъ лицъ Маколей соединяетъ любовь къ исторической прав-
дѣ, свободу сужденій, ясность изложенія и благородный, выразитель-
ный языкъ. Но въ описаніи подробностей, въ прагматической харак-
теристикѣ историческихъ личностей, въ реторической декламациі онъ
мѣстами выходитъ изъ предѣловъ безпристрастной исторіографіи и
соприкасается съ областью поэзіи и романа. Въ его болѣе мелкихъ
историческихъ сочиненіяхъ и статьяхъ есть много прекрасныхъ до-
стоинствъ. Можно причислить къ разряду образцовъ научной кри-
тики многія изъ его критическихъ, историческихъ и біографическихъ
статей, какъ напр. его статьи о Мильтонѣ, Аддисонѣ, Макиавелли,
Робертѣ Вальполѣ, Питтѣ, Варренѣ Гастингсѣ, Клайвѣ, первоначально
появлявшіяся въ «Эдинбургскомъ обозрѣніи» и уже впослѣдствіи вы-
ходившія въ свѣтъ особыми изданіями. Напротивъ того, его статьи
о Фридрихѣ Великомъ обнаруживаютъ непростительное для историка
отсутствіе правильнаго взгляда на личность, отличающуюся всемірно-
историческимъ величіемъ. Въ этомъ случаѣ горизонтъ его идей не
возвышался надъ традиціями и кругозоромъ вигизма, приверженцемъ
котораго онъ былъ и въ своей общественной дѣятельности и въ
своихъ сочиненіяхъ. Между его стихотвореніями выдѣляются своими
достоинствами *Lays of ancient Rome* и *Battle of Ivry*; въ нихъ
мы находимъ такой же эффектный стиль, какимъ отличается его
проза.

Бокль. Подъ вліяніемъ современныхъ изслѣдованій по естественной исто-
1822—1862. ріи, Том. Бокль попытался въ своей *History of civilization in*
England установить законы нравственнаго міра, обнаруживающіеся
въ исторіи человѣчества; по причинѣ ранней смерти автора эта по-
пытка ограничилась введеніемъ, которое, однако, возбудило сильный
интересъ и вызвало множество и одобреній и возраженій. По сто-
памъ Бокля шелъ Американецъ Лекки въ своей исторіи европей-
скихъ нравовъ со временъ Августа до временъ Карла Великаго. На

ряду съ исторіей своего отечества англійскіе ученые занимались всего болѣе исторіей древности. Такъ напр. Mitford и Thirlwall были авторами сочиненій по исторіи Греціи; въ болѣе близкое къ намъ время Джоржъ Гротъ, употребившій большую часть своей жизни на занятія банкирскими дѣлами, написалъ History of Greece въ сущ-ности на основаніи трудовъ нѣмецкихъ филологовъ; она справедливо причисляется къ разряду классическихъ произведеній. Гротъ былъ свободномыслящимъ апологетомъ аѳинскихъ демократическихъ учреждений. Наряду съ исторіографіей процвѣтали и процвѣтаютъ въ Англіи и другія отрасли прозаической литературы—ораторское искусство, публицистика, политическая экономія. Намъ уже ранѣе приходилось упоминать о великихъ ораторахъ, которые подобно Каннингу, Бруму, Пилю, О'Коннелю, Коббету излагали свои воззрѣнія и идеи въ парламентѣ, въ судахъ, въ народныхъ собраніяхъ; намъ также приходилось ранѣе упоминать о вліяніи, которое имѣли англійскія газеты и періодическія изданія на общественное мнѣніе по всѣмъ важнымъ современнымъ вопросамъ и во всѣхъ сферахъ общественной жизни; а большіе журналы, какъ напр. Edinburger-Quarterly-Westminster-Review, имѣли не менѣе сильное вліяніе на оцѣнку литературныхъ и художественныхъ произведеній.

Гротъ.

1794—1871.

3. Сѣверо-американская литература.

Сѣверо-американскіе поэты и писатели заняли въ началѣ нашего столѣтія мѣсто на ряду съ поэтами своей метрополіи. Въ самомъ началѣ столѣтія приобрѣли извѣстность два писателя, имена которыхъ тѣсно связаны съ воспоминаніями о нашемъ дѣтствѣ и о нашей юности: Вашингтонъ Ирвингъ и Джемсъ Фениморъ Куперъ. Первый изъ нихъ, въ теченіе многихъ лѣтъ путешествовавшій по всѣмъ европейскимъ странамъ, изучилъ нравы и характеристическія особенности почти всѣхъ европейскихъ народовъ, привлекательно описалъ въ своихъ очеркахъ (Sketch-book) строй англійской и американской жизни, а въ Alhambra нарисовалъ живую картину романтической эпохи испанской исторіи во время владычества Мавровъ. Послѣ того, какъ онъ снова выказалъ въ Bracebridge-Hall и въ Tales of a traveller свое умѣнье описывать природу, онъ съ меньшимъ успѣхомъ занялся историческими сочиненіями (New York; Columbus; Mahomet), которыя мѣстами носятъ на себѣ юмористическую и романтическую окраску. Куперъ умѣлъ возбуждать сильный интересъ своими описаніями американскихъ нравовъ и красотъ природы, образа жизни Индѣйцевъ и переселенцевъ. Подкладкой для его многочисленныхъ романовъ служатъ описанія жизни въ сѣверо-американскихъ лѣсахъ съ ея ужасами и матеріальными лишеніями

Ваш. Ирвингъ

Куперъ.

1783—1859. 1789—1851.

и описанія моря съ его бурями и опасностями. Между ними болѣе всѣхъ извѣстны: *Union* — картина изъ войны за американскую независимость, *Waterwitch* и «Разказы кожаннаго чулка», состоящія изъ пяти новеллъ; лучшими считаются двѣ послѣднія новеллы *The last of the Mohicans* и *Bravo*. — Брайантъ старался въ своемъ 1794—1878. эпико-дидактическомъ стихотвореніи *The ages* обрисовать дальнѣйшее культурное развитіе человѣчества съ точки зрѣнія теолога — оптимиста; Рич. Генр. Дэнэ описывалъ въ лирическихъ стихотвореніяхъ 1787—1879. (*The dying raven*), во вкусѣ озерной школы, своеобразную природу своего отечества, а въ дико-фантастической балладѣ *The buccaneer* не безъ успѣха подражалъ стихотворенію Кольриджа о старомъ морякѣ; Генри Уодсвортъ Лонгфелло былъ отъ природы одаренъ богатой фантазіей и окончилъ свое образованіе продолжительными путешествіями по Европѣ. Всѣ эти писатели славились даже въ старомъ свѣтѣ; тѣмъ не менѣе любимымъ чтеніемъ Англо-Американцевъ долго были произведенія англійской литературы. Извѣстный романъ Лонгфелло *Evangeline*, написанный англійскими гекзаметрами въ формѣ «Германа и Доротей» Гёте, есть поэтическій разсказъ, въ которомъ слышатся шелестъ листьевъ на соснахъ дѣвственнаго лѣса и бушеваніе морскихъ волнъ. Здѣсь описана участь французскихъ плантаторовъ въ Новой Шотландіи, которыхъ Англичане безжалостно принудили переселиться съ ихъ родины въ другія колоніи. Въ сборникѣ лирическихъ стихотвореній Лонгфелло («Ночныхъ голосахъ») есть много прекрасныхъ строкъ и въ особенности прекрасныхъ и благочестивыхъ чувствъ, но его поэзія не отличается большой оригинальностью. Благодаря своей многосторонней образованности и своему знакомству съ поэтической литературой другихъ народовъ, онъ нерѣдко увлекается въ подражанія. Въ своей повеллѣ *Huregrion* онъ частію описывалъ нѣмецкую жизнь и впечатлѣнія, вынесенныя изъ продолжительнаго пребыванія въ Гейдельбергѣ; онъ пересаживалъ «голубой цвѣтокъ» нѣмецкой романтики на дѣвственную американскую почву. Самое оригинальное и самое интересное изъ всѣхъ его произведеній — *Song of Hiawatha*, которому онъ старался придать характеръ индѣйскаго героическаго эпоса; здѣсь описана печальная участь коренныхъ жителей Америки.

Уиттиръ, род. 1807. Поэтъ Джонъ Гринлифъ Уиттиръ (*Whittier*) былъ ровесникъ Лонгфелло; онъ воспѣвалъ человѣческую и гражданскую свободу и благороднымъ выразительнымъ языкомъ охарактеризовалъ всѣ фазы развитія своего отечества, всѣ возникавшіе при этомъ развитіи вопросы («Атлантический телеграфъ»; «На пожарѣ въ Чикаго»; «Моудъ Миллеръ»). — Поэтомъ, отличавшимся изяществомъ внѣшней формы и вкуса и не лишеннымъ поэтического вдохновенія былъ *Walt Whitman* («Былинка»; «Барабанный бой»), который считался Американцами также за одного изъ великихъ писателей, содѣйствовавшихъ развитію ихъ литературы. Все это были благородныя личности, настоящіе патріоты и представители смѣлаго идеализма, создав-

ние молодую американскую литературу, стремления которых нашли для себя типическое выражение въ прекрасномъ стихотвореніи Лонгфелло *Excelsior*. Рѣзкую противоположность съ Лонгфелло, не отступавшимъ отъ установленныхъ правилъ ни въ частной жизни, ни въ поэтической дѣятельности, представляетъ гениальный Эдгаръ Аллэнъ По (*Poe*), который и въ своей жизни и въ своихъ поэтическихъ произведеніяхъ („Воронъ“; „Амабель Ли“) обнаруживалъ отсутствіе твердыхъ нравственныхъ правилъ. И въ своихъ стихотвореніяхъ и въ своихъ, написанныхъ прозой, рассказахъ онъ обнаруживалъ такое мастерское умѣнье владѣть языкомъ, которое производило на читателя совершенно своеобразное впечатлѣніе. Онъ также любилъ переноситься въ область гипнотизма и въ нѣкоторыхъ изъ его рассказовъ не легко отыскать пограничную черту между жизнью и смертію. Поэтому, нѣтъ ничего неправдоподобнаго въ предположеніи, что онъ вызвалъ появленіе новеллъ Жюль Верна на сюжеты изъ естественной исторіи и повѣйшихъ уродливыхъ произведеній англійской сенсационной литературы, какъ напр. произведеній Ридера Гаггарда, такъ какъ и у этихъ писателей сглаживается та пограничная черта.—Ричардъ Генри Стоддердъ былъ авторомъ многочисленныхъ небольшихъ пѣсень (*Leonatus*). — Болѣе извѣстенъ въ Германіи долго жившій тамъ Бэйярдъ Тэйлоръ; это былъ неутомимый странствователь, объѣзжавшій и Старый и Новый Свѣтъ по всѣмъ направленіямъ въ качествѣ газетнаго корреспондента; онъ написалъ нѣсколько очерковъ путешествій, но также писалъ стихотворенія и романы. Онъ чрезвычайно вѣрно и изящно перевелъ на англійскій языкъ „Фауста“ Гёте и тщательно изучалъ нѣмецкую литературу, поэтому былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей нѣмецкой образованности въ Америкѣ. Онъ умеръ на должности американскаго посланника въ Берлинѣ.

По.
1809—1849.

Стоддердъ,
род. 1825.
Б. Тэйлоръ.
1825--1878.

Въ новѣйшее время выступилъ на сцену писатель съ своеобразнымъ талантомъ, очень скоро пріобрѣвшій широкую извѣстность—Бретъ Гартъ; въ своихъ стихотвореніяхъ и новеллахъ онъ описываетъ жизнь поселенцевъ и золотопромышленниковъ Калифорніи съ реализмомъ, поражающимъ своею наглядностью. Въ качествѣ натуралиста, онъ обрисовываетъ предпочтительно мрачныя стороны человѣческой натуры, выводитъ на сцену полудикихъ людей и производитъ потрясающее впечатлѣніе описаніями безобразной мѣстной общественной жизни и мѣстной природы; но онъ также оптимистъ, поэтому даже въ одиночныхъ людяхъ, несмотря на ихъ отвратительное безобразіе, находитъ неискоренимые зародыши добра. Самый большой изъ его романовъ *Gabriel Conroy* менѣе удаченъ, чѣмъ его «Рассказы объ Аргонавтахъ». Одинакіе сюжеты съ Бретъ Гартомъ обрабатываетъ Іоакимъ Миллеръ. Онъ жилъ среди индѣйцевъ, женился на Индіанкѣ и по своему американскому образу жизни былъ скорѣй авантюристомъ, чѣмъ поэтомъ; только въ своихъ цвѣтистыхъ пѣсняхъ онъ обнаруживаетъ поэтическій талантъ.—И юмористъ Маркъ Туэнъ (*Samuel Langhorne Clemens*) всецѣло Американецъ по направленію своего ума, что едва ли не всего яснѣе видно изъ того, какъ онъ описываетъ достопримѣчательности и общественную жизнь стараго свѣта въ описаніяхъ своихъ путешествій (*The Innocents*

Бретъ Гартъ,
род. 1839.

Миллеръ,
род. 1841.

Туэнъ,
род. 1835.

abroad; A tramp abroad). И поэзія и проза принимаютъ въ сѣверной Америкѣ все болѣе національный характеръ и по содержанію и по формѣ и вступаютъ на такой своеобразный путь, что, по видимому, стремятся къ устраненію всякаго вліянія со стороны европейской литературы.

И въ Америкѣ, такъ-же какъ въ Англіи, особы женскаго пола принимаютъ живое и успѣшное участіе въ литературной дѣятельности, какъ напр. поэтесса Frances Sargent Osgood, и сочинительницы рассказовъ для молодыхъ дѣвушекъ Elisabeth Wetherell (The wide, Бичеръ-Стоу. wide world), Luisa Alcott («Маленькія дѣвочки») и Бичеръ-Стоу. 1812—1887. Романъ г-жи Бичеръ-Стоу Uncle Tom's cabin былъ въ свое время чѣмъ то въ родѣ составляющаго эпоху событія; онъ былъ какъ бы предвѣстникомъ великой междоусобной войны и во всякомъ случаѣ такъ сильно возбудилъ умы, что отчасти содѣйствовалъ освобожденію невольниковъ. Въ позднѣе написанномъ романѣ Oldtown folks г-жа Бичеръ-Стоу вѣрно описала образъ жизни и настроеніе умовъ пуританскихъ поселенцевъ Новой Англіи во время ихъ отдѣленія отъ метрополіи. Два сочиненія, въ которыхъ она брала сторону лэди Байронъ противъ ея мужа (The true story of Lady Byron's life и Lady Byron vindicated) наполнены лукавымъ злословіемъ.

Исторіографія. И въ области историческихъ и философскихъ изслѣдованій Американцы сдѣлали многообѣщающій начинъ. Своими трудами по этой Прескоттъ. части отличились Прескоттъ («Исторія Фердинанда и Изабеллы»; 1796—1859. «Исторія Филиппа II»; «Завоеваніе Мексики и Перу»), Джердъ Спарксъ («Біографія Вашингтона») и Джоржъ Банкрофтъ («Исторія сѣвероамериканскихъ соединенныхъ штатовъ»). Подобно Банкрофту и два другихъ извѣстныхъ американскихъ историка Джонъ Лоторпъ Мотли 1814—1877. («Исторія возникновенія Голландской республики») и Джоржъ Тикноръ Тикноръ. («Исторія испанской литературы») долго жили въ Германіи, изучая 1791—1871. нѣмецкую исторіографію. И американскій философъ Эмерсонъ, сходный Эмерсонъ. по складу своего ума съ Карлейлемъ, многое усвоилъ отъ нѣмецкихъ ученыхъ. Знаменитый проповѣдникъ ученія унитаріевъ и воз- 1803—1882. Чаннингъ. держности Чаннингъ заложилъ въ своемъ отечествѣ фундаментъ. 1780—1842. для эстетической критики (Essay on national literature).

С. И т а л і я.

1. Политическая поэзія Италіи въ промежуткѣ времени между іюльской революціей и основаніемъ итальянскаго королевства.

Мы уже познакомились въ XIV томѣ (стр. 1001 и сл.) съ итальянской романтической поэзіей, главными представителями которой были Манцони и Леопарди. Между тѣмъ, какъ Алессандро Манцони устра-

нялъ изъ своихъ литературныхъ произведеній все, что могло возбуждать опасныя политическія стремленія его соотечественниковъ, Леопарди выражалъ жалобными и гнѣвными словами свою скорбь о печальномъ положеніи своего отечества и о нравственной испорченности своихъ современниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ старался внушить имъ мужество и самоувѣренность, указывая на славное прошлое Италіи. Впослѣдствіи и всѣ другіе представители итальянской литературы шли по стопамъ Леопарди и потому имѣли не маловажное вліяніе на возрожденіе своего отечества даже тогда, когда не преслѣдовали непосредственно никакихъ политическихъ цѣлей, а только сообщали читателямъ болѣе точныя свѣдѣнія о прошломъ и настоящемъ строѣ общественной жизни въ Италіи. Вѣдь сообщеніе такихъ свѣдѣній въ сущности было «протестомъ противъ тогдашнихъ правителей, противъ нравственнаго смертнаго приговора, произнесеннаго политикой надъ будущностью Италіи».

Въ богатый замѣчательными событіями, промежутокъ времени отъ іюльской революціи и смерти Леопарди до 1848 года, больше всѣхъ итальянскихъ писателей прославился Джузеппе Джусти, родившійся Джусти. въ Тосканѣ, въ Монсуммано. По своей поэтической даровитости онъ, 1809—1850. бесспорно, занимаетъ первсе мѣсто между итальянскими политическими сатириками. Изъ Флоренціи, гдѣ его стихотворенія долго ходили по рукамъ только въ рукописныхъ копіяхъ, онъ все болѣе расширялъ сферу своего вліянія, поражая своими сатирическими насмѣшками всѣхъ противниковъ объединенія Италіи, все равно, кто бы они ни были — правители-ли итальянскихъ провинцій, либеральные-ли болтуны и фразёры, приверженцы-ли необузданнаго радикализма. Заподозрѣнный въ реакціонныхъ стремленіяхъ, онъ, при своемъ слабомъ здоровьѣ, не вынесъ огорченій и разочарованій, выпавшихъ на долю итальянскихъ патріотовъ послѣ блестящихъ надеждъ 1848 года. Онъ умеръ во Флоренціи во дворцѣ своего благороднаго друга Джино Каппони и былъ похороненъ въ церкви Санъ-Миньято. Между лирическими стихотвореніями, принадлежащими къ раннему періоду его литературной дѣятельности, особенно выдѣляются элегіи, написанныя по поводу несчастной юношеской любви («Къ находящейся далеко подругѣ»; «Упованіе на Бога»; «Вздохи изъ глубины души»). Его политическая дѣятельность началась въ 1835 году съ написаннаго по случаю кончины императора Франца I, стихотворенія *Dies Irae*, которое обратило на себя общее вниманіе еще неслыханною свободою выраженій, хотя нѣкоторые педанты и находили тонъ этой сатиры не достаточенъ торжественнымъ и были недовольны тѣмъ, что она заставляла ихъ невольно смѣяться; вслѣдъ за тѣмъ были написаны «Сапогъ», «Апологія игры-лото» и въ 1838 году «Коронація» по случаю коронованія Фердинанда I королемъ Ломбардіи. Продолженіе къ *Dies Irae* есть самая законченная

изъ сатиръ Джустини, благодаря которой онъ безспорно сдѣлался итальянскимъ національнымъ поэтомъ. Въ ней обнаруживается одинакое съ Беранже умѣнье сочинять увлекательные заключительные припѣвы и искусное пользованіе флорентинскимъ діалектомъ, который въ сущности и придаетъ привлекательность всему стихотворенію. Въ стихотвореніи *Brindisi di Girella*, которое въ насмѣшку посвящено тѣни усопшаго Таллейрана, Джустини бичуетъ политическую безхарактерность. «Страна мертвыхъ» служитъ отвѣтомъ на оскорбительныя для Италіи, слова Ламеннэ; въ «Республикѣ» Джустини излагаетъ свой политическій символъ вѣры, заключающій въ томъ, что только монархія способна возстановить единство Италіи. Въ II Мemento поэтъ порицаетъ человѣческую склонность къ тщеславію; въ прекрасномъ «Посланіи къ Джинно Каппони» онъ раскрываетъ всѣ тайны своего сердца. Для насъ Нѣмцевъ наслажденіе стихотвореніями Джустини облегчено ихъ мастерскимъ переводомъ Полемъ Гейзе, а предисловіе къ этому переводу облегчаетъ намъ вѣрное пониманіе выдающагося значенія поэта.

- Томмасео. Между поэтами, также принадлежавшими къ школѣ Манцони, игралъ 1802—1874. самую видную политическую роль далматскій уроженецъ Никколо Томмасео, участвовавшій въ возстаніи Венеціанцевъ подъ руководствомъ Манина. Его историческій романъ *Il duca d'Arena*, сюжетъ котораго заимствованъ изъ исторіи Флоренціи въ пятнадцатомъ столѣтіи, имѣетъ менѣе достоинствъ, чѣмъ его разсказъ „Вѣрность и красота“, чѣмъ его ученые и біографическія сочиненія—комментарій къ произведеніямъ Данте, большой сборникъ итальянскихъ и иллирійскихъ народныхъ пѣсенъ и біографія
- Росмини. Антоніо Росмини. Этотъ послѣдній былъ католическимъ священникомъ въ 1797—1855. Ровередо и вмѣстѣ съ тѣмъ философомъ; благодаря своей симпатичной личности, своей философской системѣ, отчасти напоминающей схоластику, и своимъ филантропическимъ стремленіямъ, онъ придавъ дѣятельности ордена іезуитовъ новое направленіе, о чемъ свидѣтельствуетъ недавно изданное остроумное сочиненіе, вышедшее изъ сферы нѣмецкаго католическаго духовенства.—И графъ Алеарди былъ уроженцемъ той части Италіи, которая находилась подъ австрійскимъ владычествомъ. И его жизнь и его поэзія наполнены борьбой за единство Италіи и за ея освобожденіе отъ австрійскаго владычества, но его муза не имѣетъ сходства съ музой Джустини: она нерѣдко увлекается въ напыщенность и рисуетъ невѣрныя характеристики. Въ числѣ его патріотическихъ пѣснопѣній находится посвященное Гарибальди, стихотвореніе „Семеро солдатъ“, которое онъ могъ бы съ одинакимъ основаніемъ посвятить подвластнымъ Австріи народамъ. Его стихотвореніе „Одинъ часъ изъ моей молодости“ заключаетъ въ себѣ прелестное описаніе пейзажа, а его „Письма къ Маріи“ обнаруживаютъ и самыя лучшія стороны его поэтическихъ дарованій, и самыя слабыя.—
- Далл'Онгаро. Землякомъ графа Алеарди былъ Далл'Онгаро; но ни его лирическія стихотворенія, ни его драмы, какъ напр. *Bianca Capello*, не имѣютъ прочныхъ художественныхъ достоинствъ: они обязаны своей непродолжительной популярностью только своимъ политическимъ тенденціямъ. Вообще можно замѣтить, что многіе изъ итальянскихъ поэтовъ, жившихъ въ половинѣ текущаго столѣтія, возбуждали интересъ не столько внутреннимъ содержа-

ніемъ своихъ произведеній, сколько своей политической дѣятельностью, своей печальной судьбой или преслѣдованіями, которымъ подвергались за свои патріотическія стремленія. Къ числу такихъ поэтовъ принадлежатъ Алессандро Поэріо, Маркъ Антоніо Канини, Арнольдо Фузинато и Ревере. А. Поэріо. Поэріо происходилъ отъ неаполитанскаго семейства, члены котораго съ 1802—1848. 1820 года постоянно находились въ передовыхъ рядахъ бойцевъ за конституцію и свободу и подвергались продолжительнымъ ссылкамъ и тюремнымъ заключеніямъ. Патріотическія стихотворенія Поэріо получили, подобно стихотвореніямъ Теодора Кёрнера, освященіе свыше вслѣдствіе того, что ихъ авторъ умеръ отъ раны, полученной при защитѣ Венеціи отъ Австрійцевъ.

Канини былъ во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ съ „проблематической натурой“; онъ былъ по своему призванію такой революціонеръ, который только тогда былъ доволенъ, когда политическая неурядица соответствовала хаосу его неясныхъ идей и стремленій. Онъ долго жилъ на востокѣ и мечталъ не только объ освобожденіи Италіи, но и объ освобожденіи всѣхъ народовъ Балканскаго полуострова. Своими стихотвореніями („Сонеты“; „Сапфическія оды“) онъ внесъ и въ литературу выраженіе нелѣпыхъ воззрѣній политическаго изгнанника. Канини и Фузинато были родомъ Венеціанцы, а этотъ послѣдній также сражался въ 1848 году за свободу Венеціи. Онъ былъ веселый лирический поэтъ, производившій очень пріятное впечатлѣніе своими мелкими и крупными стихотвореніями, между которыми выдѣляется „Падуанскій студентъ“. И его супруга Эрмнія Фуа-Фузинато была лирической поэтессой, отличавшейся пылкими патріотическими чувствами; вмѣстѣ съ тѣмъ она оказала важную услугу женскому образованію, основавши въ Римѣ первое учебное заведеніе, не находившееся подъ руководствомъ монахинь. Другая поэтесса Лаура Манчини, урожд. Олива, бывшая за мужемъ за министромъ Паскалемъ Манчини, также доказала своими стихотвореніями *Patria ed amore*, какое дѣятельное участіе принимали въ Италіи женщины въ возрожденіи своей націи.

И драма служила въ то время орудіемъ для распространенія національных идей; такъ напримѣръ тріестинскій уроженецъ Ревере описывалъ въ своихъ историческихъ драмахъ *Lorenzino de' Medici*; *Piagnoni* и *Arrabbiati* положеніе дѣлъ въ старой Флоренціи въ ихъ связи съ настоящимъ; то-же можно сказать о Карло Маренко; но его трагедіи, какъ напримѣръ *Pia de' Tolommei*, обработаны такъ неравномѣрно, что въ нихъ встрѣчаются на ряду съ прекрасными сценами явные доказательства недостатка изящнаго вкуса и образованія. Его сынъ Леопольдо Маренко написалъ драму *Sappho*. Болѣе многосторонни по содержанію, но менѣе глубоко-мысленны и оригинальны многочисленныя театральныя пьесы Паоло Джакометти; однако ни его комедія „Четыре женщины“, ни его трагедія „Торквато Тассо“ и написанная для актрисы Ристори, „Біанка Марія Висконти“ не возвышаются надъ посредственностью. Также для Ристори написалъ Монтанелли по греческому образцу свою трагедію *Сампа*. Дѣятельность Монтанелли какъ юриста, государственнаго человѣка и сражавшагося въ 1848 году при Куртатоне (стр. 328), бойца за свободу Италіи, болѣе входитъ въ составъ политической исторіи; онъ самъ остроумно описалъ ее въ своихъ мемуарахъ.

Говоря о такихъ писателяхъ, какъ Джуліо Каркано, Джіованни Прати, Паоло Феррари и Томмасо Герарди дель Теста, мы мало по малу приближаемся къ тому переходному времени, когда вызванное годами революціи, возбужденіе умовъ стало утихать, а общественная жизнь и литература были принуждены развиваться мирнымъ путемъ. Каркано создалъ итальянскій семейный романъ своими остроумными рассказами и деревенскими

Канини,
род. 1822.

Фузинато,
род. 1817.

Эрм. Фуа-Фу-
зинато.

1834—1876.

Лаура Ман-
чини.

1823—1869.

Ревере,
род. 1812.

Маренко.

1800—1843.

Джакометти.

1816—1882.

Монтанелли.

1813—1862.

Каркано.

1812—1884.

исторіями, между которыми всѣхъ лучше и характеристичнѣе *Angiolina Maria*. Его главная заслуга заключается въ переводѣ произведеній Шекспира. Его собственныя драмы *Spartaco* и *Arduin* лишь нѣсколькими сценами слегка напоминаютъ Шекспира, но вообще оказались недолговѣчными.—Прати родился у подошвы Бреннера, тамъ гдѣ кончается господство

1815—1884. нѣмецкаго языка и начинается господство итальянскаго, и не смотря на свой пылкій итальянскій патріотизмъ, нерѣдко доходящій до ненависти ко всему нѣмецкому, онъ не могъ высвободиться изъ подъ вліянія нѣмецкаго ума. Такъ напримѣръ въ его *Armando* есть черты, напоминающія Гётевскаго „Фауста“ и Байроновскаго „Манфреда“. Онъ вызвалъ большія похвалы своимъ юношескимъ стихотвореніемъ *Edmenegarda*, своими *Canti*—сборниками пѣсенъ, сонетовъ, одъ и балладъ, надгробными пѣснями и многочисленными патріотическими стихотвореніями, которыя онъ писалъ, въ качествѣ непоколебимаго приверженца Савойской династіи, по поводу всѣхъ политическихъ событій на Апеннинскомъ полуостровѣ. Прати и его другъ Массимо д'Азеліо яснѣе всѣхъ другихъ итальянскихъ писателей понимали, что объединеніе Италіи можетъ осуществиться только подъ руководствомъ піемонтскаго короля; поэтому, послѣ печальныхъ неудачъ 1849 года они еще упорнѣе прежняго держали сторону Карла Альберта и Виктора Эмануила. Прати также извѣстенъ какъ переводчикъ Виргилія. Его Антиподомъ былъ вождь демократической оппозиціи противъ Кавура,

Брофферіо. Анжело Брофферіо, на котораго онъ нападалъ въ своей драмѣ „Политическіе Тартюфы“. Со вступленіемъ на престолъ Виктора Эмануила итальянская театральная сцена стала пользоваться болѣе широкой свободой, конечно прежде всего въ Туринѣ, а это содѣйствовало развитію драматической поэзіи. Такими-же плодовитыми драматическими

Феррари. писателями, какъ Джакометти, были Паоло Феррари и Герарди дель Теста. 1822—1889. Оба они нерѣдко напоминали французскихъ писателей своими остроум-

Герарди. ными комедіями и изображеніями современныхъ нравовъ. Феррари имѣлъ 1818—1881. въ виду болѣе благородныя нравственные цѣли, а у Герарди было больше юмора и онъ выражался болѣе чистымъ тосканскимъ языкомъ. Феррари достигъ самаго блестящаго успѣха своими комедіями; нѣкоторыя изъ его пьесъ, какъ напр. „Двѣ женщины“ и „Самоубійство“ переведены на нѣмецкій языкъ и исполнялись на нѣмецкихъ сценахъ. Герарди былъ также авторомъ правоучительнаго романа „Богачи и бѣдняки“. Изъ его многочисленныхъ драмъ укажемъ на „Приключеніе въ купальнѣ“, „Школу стариковъ“ и переведенную на нѣмецкій языкъ „Настоящее дворянство“. Стернь говоритъ: „И хорошія и дурныя стороны измѣнившагося общественнаго строя въ Италіи отражались въ произведеніяхъ Герарди тѣмъ вѣрнѣе, что самъ онъ не задавался такою цѣлію“. Южно-тирольскій уроженецъ

Маффен. Андреа Маффен оказалъ итальянской литературѣ такую-же услугу своими 1802—1885. переводами произведеній Шиллера, Гёте, Мильтона и Байрона, какую ей оказалъ Каркано переводами произведеній Шекспира. — Другъ Леопарди,

Раніери. Неаполитанецъ Антоніо Раніери оказалъ своему отечеству большую услугу, 1809—1888. описавши въ своемъ романѣ *Ginevra* ужасныя злоупотребленія, совершавшіяся въ Неаполѣ въ воспитательномъ домѣ; этотъ романъ произвелъ такое сильное впечатлѣніе, что по всему королевству раздался взрывъ общаго негодованія и по прошествіи двадцати лѣтъ заведеніе было преобразовано по программѣ этого романиста.

2. Поэты объединенной Италии.

Съ тѣхъ поръ, какъ объединеніе Италіи и завладѣніе Римомъ осуществили многолѣтнія желанія и надежды итальянскихъ поэтовъ и патріотовъ, оказалось устарѣлымъ то содержаніе, которымъ наполняли итальянскую литературу въ теченіе многихъ десятилѣтій всѣ итальянскіе писатели, начиная съ Алфіери и кончая Леопарди и Джустини; тогда пришлось искать для поэзіи новаго интереснаго содержанія. Тогда возникъ въ Италіи новый родъ литературы, который и по своей формѣ и по своему содержанію былъ реализмомъ, развивавшимся частію подъ французскимъ вліяніемъ, частію подъ вліяніемъ Гейне, который считается въ Германіи самымъ лучшимъ изъ нѣмецкихъ поэтовъ послѣ Гёте. Цендрини.
1839—1879.

Бернардино Цендрини, нѣкоторыя изъ стихотвореній котораго перевелъ на нѣмецкій языкъ Гейзе, извѣстенъ превосходнымъ переводомъ на итальянскій языкъ «Книги пѣсенъ» Гейне. Представителями здороваго реализма безъ примѣси пессимизма, но отчасти съ примѣсью свойственныхъ Итальянцамъ преувеличеній, могутъ считаться Фердинандо Бозіо, Витторіо Берзеціо, Эдмондо де Амичисъ и Сальваторе Ла Фарина. Во всѣхъ ихъ сочиненіяхъ проглядываетъ идеалистическое стараніе описывать всѣ стороны частной жизни такъ, чтобъ внушать націи довольство ея настоящимъ и увѣренность въ ея дальнѣйшемъ здоровомъ развитіи. Бозіо.
1829—1881.

Такъ напр. Бозіо, несмотря на свою тяжелую служебную дѣятельность въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, находилъ достаточно свободнаго времени, чтобъ писать стихотворенія, историческія сочиненія («Исторія папъ») и очень хорошіе, чисто народные рассказы (Popolano arricchito). Берзеціо писалъ новеллы въ трехъ Берзеціо,
род. 1830. серіяхъ, посвященныхъ любви, дружбѣ и отечеству, романы («Пальмина», «Ангелы на землѣ») и превосходныя комедіи на піемонтскомъ діалектѣ, какъ напр. «Страданія г-на Траве». Де Амичисъ выказалъ Де Амичисъ,
род. 1846. свои литературныя дарованія и въ своихъ очеркахъ солдатской жизни и въ своихъ многочисленныхъ, очень живо изложенныхъ, описаніяхъ путешествій, какъ напр. своего путешествія по Испаніи. Изданіемъ богатаго фантастическимъ содержаніемъ сочиненія «Сердце» онъ недавно вступилъ на почву литературной дѣятельности въ пользу юношества, чего прежде не дѣлалъ ни одинъ изъ итальянскихъ писателей. Привлекательную сторону итальянской семейной жизни описывалъ съ тонкимъ психологическимъ анализомъ Ла Фарина. Его Ла Фарина,
род. 1846. прелестныя жанровыя картинки «Мой сынъ» недавно появились въ журналѣ Deutsche Rundschau въ нѣмецкомъ переводѣ.

Въ своемъ романѣ «Супругъ Елены» Сициліецъ Джіованни Верга Верга,
род. 1840. является представителемъ натурализма въ жанрѣ Зола; его деревенскія новеллы заключаютъ въ себѣ очерки жизни въ Сициліи, въ ко-

торыхъ страшная бѣдность и невѣжество народа представляютъ яркій контрастъ съ солнечнымъ небомъ и съ великолѣпной природой. Верга считается приверженцемъ «веристической школы», представители которой находятъ слишкомъ безцвѣтными описанія обыденной жизни во вкусѣ реалистовъ и потому приправляютъ ихъ различными пикантными примѣсами. Нѣкоторые изъ этихъ писателей находятъ «правду» въ цинизмѣ, скептицизмѣ и легкомысліи Гейне, которые и стараются вводить въ итальянскую литературу; Раписарди, Раписарди стремится къ этой цѣли въ своихъ историко-философскихъ стихотвореніяхъ «Возрожденіе» и «Люциферъ», другіе достигаютъ ее туманными отвлеченностями, археологическими, историческими и естественно-историческими примѣсами, которыми приправляютъ свои стихотворенія, напоминая Англичанъ Броунинга и Сьюинборна. Ихъ характеристическая особенность заключается въ пренебреженіи, съ которымъ они относятся къ прежнимъ поэтамъ. Они нападаютъ не только на реторическій пафосъ Алеарди и на отзывающіяся Байроновскою міровою скорбью, произведенія Прати, но иногда даже на Данте, утверждая, что его «Божественная комедія» наполнена «болтовней старыхъ бабъ». Самый выдающійся представитель веристической школы и вмѣстѣ съ тѣмъ самый геніальный изъ итальянскихъ поэтовъ послѣ смерти Леопарда—Джозуэ Кардуччи. Родившійся подобно Джустини въ Тосканѣ, онъ, подобно этому поэту, по преимуществу сатирикъ: онъ умѣетъ рисовать портреты съ безпощаднымъ сходствомъ, а въ стихотвореніи «Италія», написанномъ по случаю завладѣнія Капитоліемъ, онъ чистосердечно признается, что Итальянцы возстановили независимость своего отечества не столько собственными силами, сколько благодаря помощи чужеземцевъ. Ему удаются и идиллическіе напѣвы, напоминающіе своей пластичностью и безыскусственностью стиль древняго Лаціума, и даже совершенно вышедшія изъ употребленія въ повѣйшей итальянской поэзіи, лирическія стихотворенія, воспѣвающія вино. Онъ тривиаленъ только въ нѣкоторыхъ гимнахъ къ свободѣ, «которые похожи на письма Гарибальди съ острова Капреры, переложенныя на стихи». Кардуччи любитъ хвастаться своимъ древне-римскимъ языческимъ складомъ ума и въ глубинѣ души всегда былъ республиканцемъ; однако, онъ, повидимому, не относится враждебно къ монархическому режиму теперешней Италіи, такъ какъ лѣтомъ 1888 года произнесъ, въ присутствіи короля Гумберта, торжественную рѣчь по случаю празднованія университетскаго юбилея въ Болоньѣ. Его «Гимны къ сатанѣ», которые онъ издавалъ въ видѣ летучихъ листовъ для друзей подъ псевдонимомъ Энотріо Романо, сначала имѣли громаднѣйшій успѣхъ. Въ нихъ духъ отрицанія превозносится какъ двигающая сила человѣческой жизни и всемірной исторіи и какъ принципъ всякаго прогресса. Назначенный профессоромъ италья-

Раписарди,
род. 1843.

Кардуччи,
род. 1835.

янской литературы въ Болоньѣ, Кардуччи неутомимо трудился надъ изученіемъ итальянской филологіи и литературы и издалъ много сочиненій по этимъ предметамъ. Германію познакомили съ его литературной дѣятельностью статьи Карла Гиллебранда и переводы Поля Гейзе и Б. Якобсона. Къ числу новѣйшихъ изданій Кардуччи принадлежатъ стихи и оды въ честь Гарибальди. Это доставляетъ намъ случай напомнить, что и престарѣлый Гарибальди принадлежитъ къ числу итальянскихъ писателей, такъ какъ рассказывалъ подробности своей жизни въ романахъ, мемуарахъ и письмахъ.

Къ числу вызывавшихъ большія похвалы, поэтическихъ произведеній веристической школы принадлежитъ книга пѣсенъ Олиидо Гверрини, писавшаго подъ псевдонимомъ Лоренцо Стеккетти. Судя по тѣмъ выдержкамъ изъ этой книги, съ которыми насъ познакомилъ Поль Гейзе, она сильно напоминаетъ произведенія Гейне: намъ даже кажется, что мы читаемъ Гейне — такъ схожи произведенія этихъ двухъ писателей привлекательностью поэтического языка, заостренными заключительными стихами и вообще направленіемъ и содержаніемъ. — Неаполитанецъ Витторіо Имбріани называетъ самъ себя противникомъ веристической школы; но его отдѣляетъ отъ этой школы главнымъ образомъ его фанатическій роялизмъ, сказывающійся въ его одахъ къ королевѣ Италіи и по случаю помилованія Пассананте: вѣдь въ другихъ произведеніяхъ онъ является настоящимъ реалистомъ; своимъ сборникомъ итальянскихъ народныхъ пѣсенъ и сказаній онъ вызвалъ вполне заслуженныя похвалы. Миланскій уроженецъ Феличе Каваллоти представляетъ рѣзкій контрастъ съ Имбріани: еще на школьной скамьѣ онъ писалъ стихи противъ Нѣмцевъ, юношей сражался въ отрядахъ добровольцевъ подъ начальствомъ Гарибальди, всегда былъ страстнымъ радикаломъ, а въ качествѣ журналиста и члена палаты депутатовъ постоянно велъ упорную борьбу съ итальянскимъ правительствомъ. Вслѣдъ за лирическими стихотвореніями онъ сталъ писать драмы и достигъ большого успѣха своей пьесой «Алкивидіадъ». Не смотря на то, что въ этой пьесѣ есть много странностей и что она первоначально едва-ли была предназначена для исполненія на сценѣ, она изображаетъ античную жизнь съ понятною для новѣйшихъ читателей и богатою блестящими красками естественностью. Въ томъ-же родѣ пьесы «Мессенцы» и «Супруга Менекла». — Римскій уроженецъ Піетро Косса, написавшій драмы «Неронъ какъ художникъ», «Мессалина», выбиралъ свои сюжеты, подобно многимъ драматическимъ писателямъ, изъ временъ римской имперіи только ради того, что въ нихъ много пикантныхъ подробностей. Драма «Неронъ» (переведенная на нѣмецкій языкъ Рейсснеромъ), которую самъ Косса называетъ комедіей, есть оригинальное произведеніе, изображающее въ полныхъ жизни сценахъ полу-грандіозную, полу-смѣшную лич-

Гверрини,
род. 1845.

Имбріани.
1840—1886.

Каваллоти,
род. 1842.

Косса.

1834—1881.

ность римскаго тирана и его время; она произвела въ Италіи громадное впечатлѣніе. Для своихъ драмъ *Cola di Rienzi*, *Borgia* и другихъ Косса бралъ сюжеты изъ отечественной исторіи; онъ вызвалъ громкія похвалы какъ этими пьесами, такъ и драмами «Плавтъ и его время» (переведенной на нѣмецкій языкъ Лаугвицемъ) и «Цецилія», содержаніемъ для которой служитъ одинъ эпизодъ изъ жизни Гіоргіона.

Д. Испанія.

Характеръ новейшей испанской литературы. Въ XI томѣ (стр. 215 и сл.) мы описали цвѣтущее положеніе испанской литературы въ семнадцатомъ столѣтіи. Въ восемнадцатомъ столѣтіи испанская литература находилась въ застоѣ: только немногіе представители строгой французской правильности языка писали поэтическія произведенія, отличавшіяся неестественностью и напыщенностью. Однако, комедіи Моратина младшаго напоминали болѣе счастливое прошлое. Онѣ написаны въ жанрѣ Мольера, изящны, граціозны, не недостойны своего великаго образца и даютъ ясное понятіе о современномъ, такъ называемомъ, хорошемъ обществѣ. Въ царствованіе относившагося враждебно къ іезуитамъ, Карла III, нѣкоторые изъ одаренныхъ критическимъ умомъ писателей задались цѣлю разорвать сѣть предрасудковъ, которою были опутаны Испанцы. Въ разрядъ такихъ писателей принадлежали іезуитъ Исла и философъ, поэтъ и государственннй дѣятель Мельхіоръ де Ховельяносъ. Перый изъ нихъ изобразилъ въ «Исторіи знаменитаго проповѣдника брата Герундіо» сдѣлавшійся знаменитымъ, вполне національный типъ такого монаха — церковнаго проповѣдника, который выражается съ натянутой напыщенностью, въ одно и то же время и очень заносчивъ и смѣшонъ, а свое грубое невѣжество старается скрывать подъ самыми изысканными оборотами рѣчи. Ховельяносъ, стрѣмившійся къ распространенію просвѣщенія, выразилъ слѣдующее мнѣніе въ статьѣ объ общественныхъ удовольствіяхъ: для преобразованія испанскаго театра необходимо прекратить подражаніе классическимъ драмамъ, не смотря на всѣ ихъ красоты, такъ какъ онѣ находятся въ противорѣчіи съ требованіями морали и благоразумной политики. Тогда, по словамъ Стерна, перестали сознавать различіе между тѣми воззрѣніями на жизнь, которыя высказывались въ произведеніяхъ Мендозы, Сервантеса, Аларкона, и тѣми, которыя высказывались въ произведеніяхъ Лопе де-Веги, Кальдерона и всѣхъ поэтовъ, воодушевлявшихся несочувствіемъ къ реформаціи, — тогда не признавали, что можно брать сюжеты изъ національнаго прошлаго, не превознося инквизицію, не придерживаясь старыхъ нелѣпыхъ понятій о чести, и не описывая ауто-да-фе съ фантастическимъ увлеченіемъ фанатиковъ.

Только въ текущемъ столѣтіи и въ Испаніи возродилась національная поэзія. Могущественныя литературныя теченія, разливавшіяся по всей Европѣ, — сначала романтическое, потомъ реалистическое, — проникли и въ Испанію, но получили тамъ своеобразный характеръ. Романтика и безъ того уже имѣла много общаго съ испанскимъ національнымъ складомъ ума, который носитъ на себѣ свой самостоятельный романтическій отпечатокъ и въ началѣ текущаго столѣтія снова окрѣпъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. Но и болѣе новое реалистическое направленіе является въ Испаніи вполне національнымъ: его представители принимаютъ въ настоящее время горячее участіе въ борьбѣ, возникающей въ Испаніи въ области политики и религіи. Сохраненіе старыхъ испанскихъ вѣрованій и нравовъ съ одной стороны, прогрессъ и религіозная терпимость съ другой стороны находятъ для себя одинаково краснорѣчивыхъ, горячихъ и глубоко-убѣжденныхъ поборниковъ, а это вноситъ въ новѣйшую испанскую литературу очень оживленную дѣятельность. Эта литература, дѣйствительно, является тѣмъ, чѣмъ должна быть всякая литература — главнымъ факторомъ въ умственной жизни націи.

Мануэль Іосифъ Кинтана считается въ Испаніи главнымъ виновникомъ возрожденія національной литературы, а его прекрасныя стихотворенія составляютъ необходимую принадлежность всякой большой библіотеки. Онъ и съ мечомъ и съ перомъ въ рукахъ участвовалъ въ борьбѣ за освобожденіе Испаніи отъ французскаго нашествія и былъ горячимъ патріотомъ; онъ то подвергался тюремному заключенію или изгнанію, то былъ осыпаямъ почестями всякаго рода сообразно съ превратностями политической судьбы своего отечества. Его драма *Pelago*, подобно «Вильгельму Теллю» Шиллера, призывала народъ къ борьбѣ съ иноземцами, а его ода къ освобожденной Испаніи воспѣвала одержанную побѣду. Въ томъ-же тонѣ Хуанъ Никасіо Галлего писалъ свою оду на второе мая, а Хуанъ Баптиста Арріаза свои патріотическія пѣсни; этотъ послѣдній до такой степени увлекался своимъ сочувствіемъ къ старому строю испанской жизни, что превозносилъ даже самыя негодныя изъ старинныхъ государственныхъ учрежденій. Всѣмъ писателямъ того времени очень вредило рѣзкое противорѣчіе между ихъ религіозной нетерпимостью и ихъ демократическими убѣжденіями, возникшими подъ вліяніемъ вѣка просвѣщенія и французской революціи; это противорѣчіе и до сихъ поръ даетъ себя чувствовать въ Испаніи. Между испанскими писателями есть не мало горячихъ патріотовъ, жаждущихъ наступленія новой эры свободы и прогресса, но лишь только какая-либо побѣда человѣческаго разсудка требуетъ отъ нихъ принесенія въ жертву ихъ старыхъ вѣрованій и мечтаній о всемірномъ владычествѣ, страхъ заставляеть ихъ оказываться отъ результатовъ ихъ собственной умственной работы. «Тѣмъ, кто живетъ внѣ Испаніи, трудно соста-

Кинтана.

1772—1857.

Галлего.

1777—1853.

Арріаза.

1770—1837.

вить себѣ понятіе о скорби, съ которой Испанцы взирають на упадокъ своихъ религіозныхъ вѣрованій: У нихъ точно будто разрывается отъ этой скорби сердце. Они не въ состояніи остановить этого упадка, но онъ причиняетъ имъ душевныя страданія. Имъ кажется, что вмѣстѣ съ вѣрованіями у нихъ отнимають жизнь».

- Мартинецъ де-Важную политическую роль игралъ въ теченіе первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія донъ Франциско Мартинецъ де-ла-Роза; это былъ очень плодовитый и изящный писатель, блестящій ораторъ и человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ благородный; но читая его сочиненія, невольно удивляешься, какъ могъ человѣкъ съ такимъ мелкимъ умомъ, съ такими нетвердыми убѣжденіями, съ такой склонностью къ доктринѣрству и къ высокопарности, прославиться и какъ поэтъ, и какъ вождь политической партіи, и какъ государственный дѣятель, къ которому обращались въ безчисленныхъ случаяхъ за совѣтами. Впрочемъ и онъ, подобно Галлего, Кинтанъ и болѣе молодымъ, позднѣе прославившимся, поэтамъ, велъ очень тревожную жизнь, то удостоивался почестей и отличій, то подвергался преслѣдованіямъ и ссылкѣ по причинѣ совершавшихся въ Испаніи политическихъ переворотовъ. Только слѣдующія изъ его сочиненій еще можно дочесть до конца: трагедія „Эдипъ“, уже своимъ заглавіемъ свидѣтельствующая о томъ, что въ ней нѣтъ почти ничего оригинальнаго; остроумная комедія, направленная противъ слишкомъ частыхъ свѣтскихъ развлеченій, „Дочь дома, мать на балу“, и трагедія „Заговоръ въ Венеціи“. Въ 1821 году была основана въ Мадридѣ коллегія Св. Матвѣя для воспитанія юношества, подъ руководствомъ Листы, въ духѣ современнаго либерализма. Листа былъ благороднаго характера, вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ и ученый; подъ его руководствомъ воспитывалось большинство тѣхъ даровитыхъ людей, которые въ ближайшемъ будущемъ приобрѣли извѣстность въ качествѣ писателей и государственныхъ дѣятелей. Когда коллегія была закрыта въ 1823 году вслѣдствіе политическихъ смутъ, тѣ же ревнители просвѣщенія основали академию изящной словесности подъ названіемъ Эль Мирто; эта академія была также закрыта за свои политическія тенденціи, но молодые люди, вышедшіе изъ нея и изъ тайнаго общества Нумантійцевъ, чтобъ отправиться въ изгнаніе, впоследствии оказались самыми даровитыми испанскими поэтами; къ ихъ числу принадлежали: Вентура де ла Вега, донъ Жозе де Эспронседа, донъ Патрисио де ла Эскура и донъ Маріано де Ларра.
- Де ла Вега. Вентура де ла Вега былъ родомъ изъ Буэносъ Айреса; онъ очень скоро отказался отъ своихъ юношескихъ революціонныхъ стремленій и сдѣлался извѣстнымъ поэтомъ, воспѣвавшимъ въ своихъ одахъ и сонетахъ всѣхъ членовъ испанскаго и французскаго царствующихъ домовъ, даже со включеніемъ императрицы Евгеніи; онъ безъ большого труда нажилъ значительное состояніе главнымъ образомъ благодаря тому, что переводилъ на испанскій языкъ всѣ французскія театральныя пьесы, имѣвшія хоть какой нибудь успѣхъ. Въ описаніи положеній, характеровъ и чувствъ онъ умѣлъ очень искусно принаравливать ко вкусамъ своихъ соотечественниковъ; между его собственными драмами достойна упоминанія только правописательная драма „Свѣтскій человѣкъ“. — Эспронседа имѣлъ въ своей натурѣ много общаго съ Байрономъ и съ Альфредомъ де-Мюссе; преждевременно созрѣвши, онъ и свою жизнь слишкомъ скоро растратилъ на непрерывныя душевныя волненія, на разныя превратности судьбы, заговоры и страстныя увлеченія. Наконецъ, его слабое здоровье не выдержало холоднаго климата Гаги, куда онъ былъ посланъ на должность секретаря.

посольства. Самое большое изъ его стихотвореній *El Diablo mundo* напоминаетъ Байронова „Донъ Жуана“; въ своихъ одахъ и мелкихъ лирическихъ стихотвореніяхъ онъ владѣлъ прекраснымъ испанскимъ языкомъ съ неподражаемой выразительностью и привлекательностью. И Эскосура былъ попеременно то изгнанникомъ, то вліятельнымъ политическимъ дѣятелемъ и министромъ; съ 1872 до 1874 года онъ занималъ въ Берлинѣ должность испанскаго посланника при германскомъ императорѣ. Онъ написалъ множество романовъ, драмъ, историческихъ сочиненій и стихотвореній и перевелъ на испанскій языкъ „Мессіаду“ Клопштока. Лучшее изъ его произведеній — романъ „Отецъ долины“, въ которомъ описана жизнь изгнанника съ такой привлекательностью и живостью, съ какими можно описывать только то, что пережито нами самими. Ларра, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ Фигаро, былъ очень язвительный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень жолчный сатирикъ; его умъ мало по малу омрачался меланхоліей и безотраднымъ возрѣніемъ на жизнь, такъ что онъ кончилъ самоубійствомъ. Кромѣ памфлетовъ и сатирическихъ сочиненій, онъ написалъ интересную историческую новеллу „Пажъ Генриха III“ и нѣсколько литературныхъ критикъ.

Въ одномъ отношеніи въ Испаніи постоянно придерживались традицій стараго блестящаго періода испанской литературы, — въ томъ, что тамъ писали драмы всего охотнѣе и съ особеннымъ искусствомъ. Въ противоположность многимъ другимъ литературамъ, какъ напр. сѣверо-американской, — гдѣ драмы пишутся рѣдко и болѣею частью только для чтенія, а мысли выражаются преимущественно въ формѣ романовъ, — въ Испаніи драма и до настоящаго времени остается самымъ популярнымъ способомъ выражать поэтическія идеи. Здѣсь мы прежде всего назовемъ слѣдующихъ четырехъ драматическихъ писателей: Мануэль Бретонъ де лосъ Геррероса, Гиль-и-Зарате, Гарценбуша и Гутирреца. Бретонъ де лосъ Герреросъ, писавшій почти исключительно только комедіи, можетъ стоять наравнѣ съ Скрибомъ по живости и творческой силѣ своего ума. Его пьесы изображаютъ порочныя наклонности и заблужденія его современниковъ, но въ нихъ сатира отличается не столько язвительностью, сколько колкостью, а недостатокъ интереса въ причинной связи возмѣщается постоянной живостью и привлекательностью діалога. Многія изъ нихъ написаны въ подражаніе французскимъ пьесамъ, а къ числу оригинальныхъ принадлежатъ „Противъ мужчинъ, за женщинъ“, „Музыкальное умопомѣнательство“, „Міръ есть забавная шутка“, „Правда или смерть“. — Пьеса, которою Зарате возбуждалъ живой интересъ даже въ низшихъ слояхъ испанскаго народа, была „Карль II“. Это — драма въ стилѣ романтической школы, въ родѣ драмъ Виктора Гюго; въ ней вѣрно изображены: мадридскій дворъ въ концѣ семнадцатаго столѣтія, дряхлый король, мучимый суевѣрнымъ страхомъ, и инквизиторъ Діазъ, въ которомъ олицетворяются дьявольское коварство, сластолюбіе, жестокосердіе и лицемеріе католическаго духовенства, старающагося, при помощи страха, господствовать надъ умами. На Зарате было возложено преобразование испанскихъ университетовъ. Хуанъ Евгеніо Гарценбушъ былъ сынъ жившаго въ Мадридѣ, нѣмецкаго столяра; онъ по своимъ качествѣ историка, литературы, онъ изучалъ золотой вѣкъ испанской литературы и былъ авторомъ драмъ (*Los Amantes de Teruel*) въ которыхъ, подобно Гутиррецу, придерживался романтическаго направленія. Этотъ послѣдній былъ авторомъ очень характеристической рыцарской пьесы *El Trovador*, на которую Верди написалъ музыку. Но такъ какъ его позднѣйшія драмы не имѣли такого успѣха, какого онъ ожидалъ, то онъ съ огорченія покинулъ свое отечество и переселился въ испанскія владѣнія въ

Бретонъ де лосъ Герреросъ.

1800—1873.

Зарате.

1796—1861.

Гарценбушъ.

1806—1880.

Гутиррець,

род. 1813.

- Соррилья, Америкъ. И донъ Хосе Соррилья промѣнялъ съ огорченія свое отечество
род. 1817. на Мексику, гдѣ поступилъ на должность чтеца при императорѣ Макси-
милянѣ, но скоро возвратился въ Испанію. Онъ прославился, когда двад-
цатилѣтнимъ юношей написалъ, по случаю смерти Ларры, высокопарную
оду, которою какъ будто обѣщалъ идти по стопамъ умершаго поэта. Онъ
не исполнилъ своего обѣщанія и сталъ придерживать тона старинныхъ
испанскихъ романовъ, описывая въ своихъ балладахъ и легендахъ борьбу
христіанъ съ Маврами. Не смотря на то, что онъ выдавалъ себя за при-
верженца ново-католицизма безъ искренней вѣры въ это ученіе, онъ сдѣ-
лался, въ царствованіе Изабеллы II, самымъ популярнымъ изъ всѣхъ ис-
панскихъ поэтовъ. Его главное произведеніе—фантастическая религіозная
драма *Don Juan Tenorio*, представляющая такую смѣсь нелѣпостей съ
мистицизмомъ, какая служить отличительнымъ признакомъ испанскаго
католицизма. Въ ней выведенъ на сцену волокита и наглый развратникъ,
у котораго нѣтъ ни сердца ни совѣсти, но который страшно боится
смерти и ада.
- Кампоаморъ, Послѣ Соррильи самымъ любимымъ поэтомъ высшаго испанскаго об-
род. 1817. щества былъ донъ Рамонъ де Кампоаморъ; въ сборникъ его стихотворе-
ній *Doloras* („Жалобы“) вошли самыя извѣстныя изъ его произведеній;
менѣе удачна написанная имъ въ одну недѣлю большая міровая драма,
въ которой онъ старался идти по стопамъ Мильтона и Данте; она, мо-
жетъ быть, и была-бы понятна въ шестнадцатомъ или въ семнадцатомъ
столѣтіи, но послѣ возникшаго въ восемнадцатомъ столѣтіи, философскаго
направленія умовъ, она находится всецѣло внѣ нашего умственнаго круго-
зора. Двумя драматургами, случайно работавшими вмѣстѣ, были Тамайо
усъ. и Баусъ и Аврелиано Фернандецъ Гверра и-Орбе. Первый сначала при-
Гверра и-Орбе, держивался классическаго направленія въ своей драмѣ *Virginia*, второй
род. 1816. болѣе занимался исторіей и исторіей литературы и потому выбиралъ сю-
жеты въ родѣ того, какой служить содержаніемъ для его драмы „Дочь
Сервантеса“. Но ихъ лучшее произведеніе—написанная ими сообща, ро-
Айяла. мантико-историческая трагедія „Богачка“. И Аделардо Лопе де Айяла
1829—1879. приобрѣлъ извѣстность, какъ драматическій писатель; но какъ политиче-
скій дѣятель и государственныи челоѣкъ онъ игралъ еще болѣе видную
роль, чему много способствовала его красивая и интересная наружность.
Самая удачная изъ его пьесъ — „Сто процентовъ“; онъ бичуетъ въ ней
страсть къ биржевымъ спекуляціямъ, но при этомъ не объясняетъ испан-
скому народу, такъ сильно нуждавшемуся въ поощреніяхъ къ промышлен-
ной предпримчивости, въ чемъ заключается разница между такою стра-
стью и здраво задуманными спекуляціями и предпріятіями. Своей трагедіей
Авелланеда. *Alfonso Munio* уроженка острова Кубы Гертрудисъ Гомецъ де Авелланеда
1816—1873. попыталась придать болѣе высокое художественное значеніе драмѣ, до
той поры или служившей орудіемъ для партійныхъ интересовъ или пред-
ставлявшей подражаніе французскимъ образцамъ. Это была первая ис-
панская женщина, осмѣлившаяся взяться за такую трудную задачу. Она
кромѣ того писала лирическія стихотворенія и романы, изъ которыхъ са-
мыя ранніе,—какъ напр. „Двѣ женщины“,—очевидно написаны подъ влія-
ніемъ „Индіаны“ Жоржа Санда. Впослѣдствіи житейскія невзгоды все
усиливали ея врожденную склонность къ лирикѣ. Послѣ преждевременной
смерти своего втораго мужа она нѣсколько времени жила въ монастырѣ,
но въ своихъ религіозныхъ чувствахъ обнаруживала менѣе нетерпимости,
Фернанъ Ка- чѣмъ ея болѣе знаменитая современница Фернанъ Кабаллеро. Эта послѣд-
баллеро. ная (ея настоящее имя Цецилія Бѣль фонъ Фаберъ) была дочь жившаго
1797—1877. въ Кадиксѣ, гамбургскаго купца. Своимъ сочувствіемъ къ ультрамонта-
низму и абсолютизму она очень скоро снискала милостивое расположеніе

королевы Изабеллы; между этою романисткою и дочерью Фердинанда VII точно будто былъ заключенъ союзъ. При дворѣ и въ высшемъ обществѣ г-жа Кабаллеро единогласно признавалась за такую писательницу, которая вѣрнѣе всѣхъ описываетъ испанскіе нравы; самые выдающіеся литераторы, политическіе дѣятели и члены академій, какъ напр. герцогъ Ривасъ, Каннеттъ, писали къ ея романамъ предисловія; съ своей стороны и она старалась во всѣхъ своихъ произведеніяхъ смягчать отвратительныя черты въ характерѣ Фердинанда VII, прикрывать негодность конституціонно-монархической системы управленія въ Испаніи, представлять въ лучшемъ видѣ всѣ безобразія деспотизма и инквизиціи подъ управленіемъ Габсбурговъ и Бурбоновъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ нравиться народу, она старалась вдохнуть новую жизнь въ самыя старыя изъ его традицій, въ самыя закоренѣлыя изъ его предразсудковъ, освѣщала лучами поэзіи вѣрованія, неразрывно связанныя съ невѣжествомъ, а либерализмъ выставляла въ самомъ отвратительномъ видѣ. Она такъ горячо вступалась за все прошлое, что отзывалась съ отвращеніемъ не только о человѣческомъ разсудкѣ и наукахъ, но даже о желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ; а такъ какъ сожитіе людей на кострахъ уже было-бы въ то время невозможно, то она ограничивалась желаніемъ, чтобъ всѣхъ либераловъ по меньшей мѣрѣ разстрѣливали по приговорамъ военныхъ судовъ. И не смотря на ея глубокое знаніе человѣческаго сердца, на ея умѣнье рассказывать, на живость ея фантазій, ея романы кажутся однообразными по причинѣ ея политическаго и религіознаго фанатизма. Она не учитъ мужественно выносить житейскія невзгоды, а считаетъ единственными истинными добродѣтелями самоотверженіе, смиреніе, слабость и мягкость характера. Ея сочиненія не даютъ намъ полной картины всего испанскаго общества; она ведетъ рѣчь только о жителяхъ Андалузій. Она страстно любитъ Севилью и ту прелестную страну, по которой протекаетъ Гвадалеквивиръ; она изучила нравы и характеръ жителей этой страны, она выражается ихъ языкомъ и всѣ ея сочиненія носятъ на себѣ отпечатокъ ихъ отличительныхъ особенностей—наивной граціи, колкаго остроумія, гордости, хвастливости, пылкой чувственности, лѣности и гордости. Ея первое произведеніе „Чайка“ (*La Gaviota*) до сихъ поръ остается лучшимъ изъ ея болѣе крупныхъ романовъ; но также находятъ многочисленныхъ читателей ея романы „Элія“, „Работягъ и либералы“, переведенные и на французскій и на нѣмецкій языки. Между ея рассказами, написанными въ формѣ небольшихъ новеллъ, особенно нравятся: „Андалузскіе деревенскіе рассказы“, „Бѣдная Долоресъ“, „Рождество и Крещенье“, „Молчать при жизни, прощать при смерти“, „Больше чести, чѣмъ почестей“.

Къ числу популярныхъ испанскихъ романистовъ также принадлежатъ Эскрихъ. Перецъ Эскрихъ и Мануэль Фернандецъ и-Гонзалесъ. Каталонскій уроженецъ Эскрихъ былъ прилежный работникъ, написавшій нѣсколько много-томныхъ и частію чрезмѣрно растянутыхъ романовъ, въ которыхъ болѣею частію описывалъ разныя приключенія по примѣру Амадея Гоффмана или Эдгара По съ примѣсью наводящихъ ужасъ сверхъестественныхъ явленій и преступленій. Тѣми-же особенностями, только еще въ болѣе высокой степени, отличался его соперникъ Фернандецъ и-Гонзалесъ, отчасти наминавшій Александра Дюма-отца тѣмъ, что картинно описывалъ изстари очень нравившіеся Испанцамъ типы развратныхъ донъ-Жуановъ, храбрыхъ разбойниковъ, отважныхъ корсаровъ. Подобно г-жѣ Кабаллеро, онъ родился въ Андалузій, поэтому его плодовитую склонность къ сочиненію рассказовъ можно приписать вліянію арабскаго склада ума, отъ котораго остались въ Андалузій очень глубокіе слѣды. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ романовъ онъ описывалъ образъ жизни мавританскаго населе-

Эскрихъ.

Гонзалесъ.

1830—1888.

Труэба,
род. 1821.

нія, съ такимъ жестокосердіемъ истребленнаго инквизиторами.— Совершенно другого склада ума былъ баскскій поэтъ Антоніо де Труэба; въ его произведеніяхъ нѣтъ ни сложныхъ интригъ, ни ужасныхъ преступленій, ни честолюбивыхъ замысловъ; и его „Книга пѣсенъ“ и его многочисленные мелкіе рассказы—настоящіе идилліи, которыя, не смотря на свою граціозность и тонкій ароматъ, утомляютъ чрезмѣрной дѣтской наивностью, чрезмѣрнымъ невѣжественнымъ сочувствіемъ къ католическимъ вѣрованіямъ и неестественнымъ смиреніемъ. Труэба нерѣдко вполне сознательно придерживается почти ребяческой точки зрѣнія; такъ напр. въ своихъ рассказахъ для матерей и дѣтей онъ говоритъ: „развѣ есть болѣе дѣтскій языкъ, чѣмъ языкъ нѣжности и невинности, чѣмъ языкъ матерей и дѣтей? Гдѣ-же можно найти болѣе душевной чистоты и чувствительности, чѣмъ въ дѣтяхъ и въ матеряхъ?“ Онъ любитъ съ наивнымъ оптимизмомъ своего Бога, свою долину, гдѣ родился, дружбу, сердечную привязанность, семейство, солнце, мѣсяцъ, птицъ, но также старую католическую вѣру, старинныя патріархальныя нравы, поэтому онъ не хочетъ утомлять испанскій народъ умственной работой, а желаетъ оставлять его во мракѣ невѣжества. И ему, точно такъ-же, какъ г-жѣ Кабаллеро, такіа воззрѣнія доставили милостивое расположеніе Изабеллы II и мадридскихъ ново-католиковъ и онъ былъ возведенъ въ званіе придворнаго поэта.

Аларконъ,
род. 1833.

И Педро Антоніо де Аларконъ былъ родомъ изъ Андалузіи. Онъ сначала готовился къ духовному званію, потомъ участвовалъ, какъ простой солдатъ, въ мароккской экспедиціи; онъ описалъ эту экспедицію и потомъ посвятилъ себя всецѣло литературѣ и политической дѣятельности. Въ своемъ романѣ *Manuel Venegas* онъ описалъ свои юношескія впечатлѣнія и то, что самъ пережилъ. Его новеллы „Священная ночь поэта“, „Трезубецъ“, „Досада“ считаются образцовыми произведеніями новѣйшей испанской литературы. Впрочемъ Аларконъ еще не вполне высказался, хотя съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлался государственнымъ человѣкомъ, онъ перешолъ со стороны либеральной оппозиціи на сторону ново-католицизма: вмѣсто того, чтобы указывать своей націи новые пути, онъ превозноситъ ея великое прошлое и ея старыя вѣрованія.

Беккеръ.
1836—1870.

Какъ трудно Испанцамъ оторваться отъ ихъ изстари укоренившихся воззрѣній, доказываютъ: касательно религиозныхъ вопросовъ богатый содержаніемъ романъ Переца Гальдоса *Gloria*, въ которомъ описана любовь Испанки къ еврею, касательно другихъ сферъ мышленія—романъ Хуана Валеры *Dr. Faustino*. По всему видно, что Испанцы еще никакъ не могутъ отказаться отъ старыхъ мечтаній о всемірномъ владычествѣ, никакъ не могутъ освоиться съ условіями жизни новаго времени, требующими и отъ народовъ и отъ индивидуумовъ солидныхъ научныхъ познаній и неутомимой работы. Нѣмецко-испанскій новеллистъ Густаво Адольфо Беккеръ, вызвавшій за-границей похвалы своими рассказами въ жанрѣ Гоффмана (какъ наприм. „Дама“), выразилъ слѣдующими характеристическими словами это несочувствіе Испанцевъ къ требованіямъ жизни новаго времени: „Я знаю, что прошлое умерло, всецѣло умерло, однако я стою за него, потому что оно нравится мнѣ“. Доказательствомъ того, что наряду съ французскимъ мало по малу проникаютъ въ испанскую литературу вліянія англійское и нѣмецкое, могутъ служить стихотворенія Гаспара Нунеца де Арсе „Послѣдняя жалоба лорда Байрона“ и „Братъ Мартина“; содержаніемъ для этого втораго стихотворенія служитъ отпаденіе Лютера отъ Рима. И нѣмецкая философія нашла въ мадридскомъ университетѣ вліятельнаго и благороднаго представителя въ лицѣ донъ Юліана Санга дель Ріо. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть и о Хозе Эшегарѣ, драма котораго *Galeoto* недавно была переведена Полемъ Линдау на нѣ-

Арсе,
род. 1834.

Эшегаръ,
род. 1832.

мецкій языкъ и неоднократно исполнялась въ Германіи на сценѣ. Жизнь Эшегарэ отличается такимъ-же многостороннимъ разнообразіемъ, какъ жизнь почти всѣхъ испанскихъ поэтовъ. Сначала онъ былъ профессоромъ физики и метематики и издалъ по этимъ наукамъ нѣсколько очень хорошихъ статей; послѣ революціи 1868 года онъ былъ политическимъ дѣятелемъ, ораторомъ, членомъ кортесовъ, а при королѣ Амедеѣ министромъ; теперь онъ занимается исключительно сочиненіемъ драмъ и написалъ ихъ слишкомъ тридцать; всѣ онѣ оригинальны за исключеніемъ *El gladiator de Ravenna*, написанной въ подражаніе *Fechter* Гальма. Онъ началъ съ сочиненія комедій и только много позже убѣдился, что его настоящее призваніе заключается въ сочиненіи трагедій. Содержаніемъ для его пьесъ служатъ жизнь новаго времени и нравственныя проблемы теперешняго общества; но онъ смотритъ на эти вопросы не съ одной точки зрѣнія, съ нѣмецкими и французскими писателями. Драматическая выразительность, богатство фантази и лирическія красоты соединяются въ его пьесахъ съ чисто-испанскою любовью къ сценамъ, наводящимъ ужасъ. Его пьеса „Помѣшательство или святость“ была поставлена въ Берлинѣ на сценѣ, но произвела чрезвычайно странное впечатлѣніе. Его первыя пьесы „Жена мстителя“ и „На лонѣ смерти“ переведены на нѣмецкій языкъ Фастенратомъ. Въ то время, какъ Эшегарэ былъ членомъ кортесовъ, онъ произнесъ въ 1869 году, по случаю преній о религіозной свободѣ, прекрасную и смѣлую рѣчь за религіозную терпимость.

Е. Венгрія.

Мадьярская литература, возникшая только съ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, распадается на три группы писателей. Къ первой группѣ принадлежатъ предвѣстники венгерской революціи 1848 года—Вёрёшмарти и братья Кишфалуди. Вторая группа образовалась во время революціи; къ ней принадлежатъ: самый выдающійся изъ авторовъ разсказовъ въ прозѣ, баронъ Эётвешъ и величайшій изъ венгерскихъ поэтовъ Александръ Петёфи, который служилъ адъютантомъ при генералѣ Бемѣ и въ сраженіи при Шессбургѣ 31 іюля 1849 былъ на двадцать седьмомъ году жизни убитъ или, вѣрнѣе, исчезъ безъ вѣсти. Такъ какъ его трупъ не былъ отысканъ, то венгерскій народъ долго не вѣрилъ смерти своего любимца. Третья группа принадлежитъ нашему времени; ея старанія развивать литературную дѣятельность на мадьярскомъ языкѣ находили самыя щедрыя поощренія въ официальныхъ сферахъ, однако между тѣми драматургами, лириками и романистами, которые были въ Венгріи представителями реализма, едва ли найдется хоть одинъ даровитый поэтъ. Между ними болѣе всѣхъ извѣстенъ Маурусъ Йокай. У нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напр. у Мадаха въ его «Цивилизаторѣ», обнаруживается фанатическая ненависть къ Нѣмцамъ.

Главное лирическое произведеніе Александра Кишфалуди «Любовь А. Кишфалуди. Гимнъ» напоминаетъ Гётевскаго «Вертера»; оно вышло въ свѣтъ 1772—1844. безъ имени автора и очень скоро доставило «великому незнакомцу»

- громадную популярность. Его сказка на сюжетъ изъ венгерской древности еще усилила эту популярность. Въ его историческихъ драмахъ Iohann Hunyady служилъ для него образцомъ Шиллеръ. Бо-
 К. Кишфалуди. 1788—1830. лѣе замѣчательнымъ поэтомъ былъ его братъ Карлъ, котораго считаютъ создателемъ венгерской комедіи и венгерской національной театральной сцены. Онъ увѣковѣчилъ память о себѣ, основавши «общество Кишфалуди», которое было въ Пештѣ чѣмъ-то въ родѣ беллетристической академіи. Михаилъ Вѣрѣшмарти — аристократиче-
 Вѣрѣшмарти. 1800—1855. скій поэтъ, подготовлявшій Венгерцевъ къ революціи; его драмы («Король Сигизмундъ») и романтико-эпическія стихотворенія («Торжество вѣрности», «Бѣгство Залана», «Эгеръ») нравились всего болѣе въ образованномъ обществѣ, способномъ оцѣнивать по достоинству классическое направленіе; онъ сдѣлался популярнымъ только благодаря своему патріотическому «Воззванію» (Szozat), въ которомъ чрезвычайно вѣрно выразилъ «мысли Венгерцевъ» и которое распѣвалось во всей Венгріи незадолго до 1848 года. Но это стихотвореніе годилось только для возбужденія ненарушающей законовъ, мирной агитаціи и не высказало всѣхъ народныхъ надеждъ; поэтому, когда разразились бури революціи и началась война, Венгерцы стали распѣвать иныя пѣсни, въ которыхъ сказывалась слѣпая увѣренность въ успѣхѣ и которыя служили акомпаньементомъ для звука мечей и пушечной пальбы (онѣ изданы на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Національныя пѣсни» Мадьяръ). Александръ Петѣфи
 Петѣфи. 1823—1849. былъ настоящимъ поэтомъ венгерской революціи, но также демократіи. Сынъ мясника и трактирщика въ Пусстѣ, онъ былъ какъ бы воплощеніемъ угнетенной народной массы сначала на литературномъ поприщѣ, а потомъ и на политическомъ. Его застольныя и любовныя пѣсни и очерки изъ жизни въ Пусстѣ были продуктомъ его многолѣтнихъ странствованій среди пастуховъ и крестьянъ, актеровъ и цыганъ, солдатъ и разбойниковъ; такую бродячую жизнь онъ велъ до выхода въ свѣтъ его первыхъ стихотвореній; въ 1846 году онъ женился и поселился въ Пештѣ. Кромѣ различныхъ сборниковъ его стихотвореній заслуживаютъ особаго упоминанія его юмористическіе рассказы «Герой Яношъ», «Деревенская кузница», фантазія «Сумасшедшій», драма «Тигръ и Гіена» и романъ «Петля палача».
- Эѣтвѣшъ. 1813—1871. Баронъ Іосифъ Эѣтвѣшъ началъ свою литературную дѣятельность также до 1848 года; впоследствии онъ былъ полезенъ для своего отечества въ качествѣ государственнаго чловѣка и министра народнаго просвѣщенія. Изъ его произведеній болѣе всѣхъ извѣстны романы Karthausi, «Деревенскій нотаріусъ» и «Венгрія въ 1514 году»; въ этомъ послѣднемъ романѣ очень живо описано возстаніе крестьянъ. Эѣтвѣшъ также много содѣйствовалъ развитію въ Венгріи журналистики, которая очень оживилась благодаря дѣятельности Кошута и основанію новыхъ газетъ и журналовъ.

М. Юкай былъ въ молодости другомъ Петёфи; онъ образуетъ связь между революціей и настоящимъ временемъ, которому принадлежитъ главная масса его литературныхъ произведеній. Онъ очень пріятный, но чрезмѣрно плодовитый и многосторонній романистъ и новеллистъ; его сочиненія, состоящія изъ нѣсколькихъ сотъ томовъ, ходятъ по рукамъ у всѣхъ любителей чтенія; они доставили ему много денегъ и почёта.

Юкай,
род 1828.

Ф. Скандинавія.

1. Данія и Норвегія.

Первымъ представителемъ новѣйшей датско-норвежской литературы былъ Лудвигъ Гольбергъ, производившій сильное впечатлѣніе въ качествѣ даровитаго сатирика. Въ его поэзіи не было никакого серьезнаго или политическаго направленія; но его комедіи и его комико-героическая поэма Peder Raabs отличаются національнымъ характеромъ и оригинальностью. Онъ имѣетъ самое большое сходство съ Свифтомъ. Онъ былъ настоящимъ воспитателемъ своихъ соотечественниковъ, а его многочисленныя популярныя сочиненія научнаго содержанія имѣли плодотворное вліяніе и при слѣдующихъ поколѣніяхъ. И старшій Гейбергъ, горячо сочувствовавшій французской революціи, нападалъ въ своихъ комедіяхъ и сатирахъ на существующіе порядки съ такимъ ожесточеніемъ, что кончилъ жизнь въ Парижѣ изгнанникомъ; однако его комедіи не выдерживаютъ никакого сравненія съ комедіями Гольберга. Талантливымъ лирическимъ поэтомъ былъ Іоаннъ Эвальдъ, жизнь котораго слишкомъ рано угасла отъ бѣдности и огорченій; своимъ прекраснымъ стихотвореніемъ «Король Христіанъ стоялъ у высокой мачты» онъ подарилъ своему народу національную пѣсню, а для самого себя воздвигнулъ прочный памятникъ въ народныхъ сердцахъ. Многосторонній и даровитый писатель Баггезенъ (XIV, 917) всецѣло примыкалъ къ нѣмецкой литературѣ, но въ теченіе всей своей жизни не могъ устранить разлада между господствовавшими въ его умѣ противоположными стремленіями. Онъ былъ на-половину нѣмецкимъ поэтомъ, на-половину датскимъ; онъ не находилъ ни такого языка, ни такого рода поэзіи, которые вполне соответствовали-бы требованіямъ его ума. Въ этомъ отношеніи былъ болѣе счастливъ его болѣе даровитый соперникъ Адамъ Эленшлегеръ, въ лицѣ котораго датская поэзія чтитъ своего настоящаго руководителя и котораго Баггезенъ осыпалъ язвительными и мелочными нападками за его слишкомъ легко пріобрѣтенную славу, — впрочемъ нерѣдко и не безъ достаточнаго основанія. И Эленшлегеръ обнаруживалъ честолюбивое желаніе принадлежать къ числу представителей нѣмецкой литературы (его глав-

Л. Гольбергъ.
1684—1754.

П. А. Гей-
бергъ.
1758—1841.

Эвальдъ.
1743—1781.

Баггезенъ.
1764—1826.

Эленшлегеръ.
1779—1850.

ныя произведенія уже были нами перечислены въ XIV т., стр. 918). Такъ напр. свою драму изъ художнической жизни «Корреджіо» онъ написалъ первоначально на нѣмецкомъ языкѣ. Но это было съ его стороны ошибкой, такъ какъ онъ былъ на своемъ мѣстѣ только на національной датской почвѣ. Съ другой стороны, онъ совершенно измѣнилъ свое направленіе подъ вліяніемъ нѣмецкой романтики, влеченіе къ которой ему внушилъ Стеффенсъ (стр. 508). Разсказываютъ, что Стеффенсъ упорно спорилъ съ нимъ въ теченіе шестнадцати часовъ и эта борьба кончилась тѣмъ, что изъ старчески-дряхлаго поэта, какимъ онъ былъ въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности, онъ внезапно превратился въ пылкаго романтическаго юношу. И въ скандинавскихъ странахъ такъ-же, какъ повсюду, романтика возбуждала интересъ къ изслѣдованіямъ древности, къ стариннымъ героическимъ стихотвореніямъ и сказаніямъ и такимъ путемъ привела къ возникновенію настоящей національной литературы. Стеффенсъ также впервые познакомилъ съ нѣмецкой

Грундтвигъ. романтикой и философіей теолога, философа и поэта Грундтвига, 1783—1872. такъ много содѣйствовавшаго умственному развитію своихъ соотечественниковъ. И Грундтвигъ и подобно ему романтически настроен-

Гаухъ. ный поэтъ и философъ, Норвежецъ Гаухъ, замѣнившій Эленшлегера 1790—1872. въ званіи профессора эстетики въ копенгагенскомъ университетѣ, были противниками радикализма; но они наложили на умъ націи тяжелыя оковы піетизма и ортодоксіи.

Л. Гейбергъ. До нѣкоторой степени противникомъ романтическаго направленія 1791—1860. былъ младшій Гейбергъ, въ теченіе многихъ лѣтъ занимавшій должность директора театра, писавшій театральныя пьесы и дававшій тонъ во всемъ, что касалось эстетики. Между его произведеніями

Ингеманнъ. были самыми удачными водевили или оперетки. Поэтъ Ингеманнъ 1789—1862. обратилъ на себя вниманіе главнымъ образомъ тѣмъ патріотическимъ стихотвореніемъ, въ которомъ воспѣвалъ датскій флагъ (Danebrog), а между новѣйшими драматургами особенно правился даже въ Гер-

Герцъ. маніи авторъ драмы «Дочь короля Рене»; Генрихъ Герцъ. Болѣе 1798—1870. оригиналенъ ютландскій пасторъ Steen Seensen Blicher; онъ пре-

Блихеръ. восходно изучилъ и описывалъ бѣдную трудовую жизнь крестьянъ 1782—1848. своей родины и ранѣе Ауэрбаха (который впрочемъ не былъ знакомъ съ его литературными произведеніями) ввелъ въ литературѣ новеллы изъ крестьянской жизни. Однимъ изъ самыхъ симпатичныхъ датскихъ поэтовъ, находившимъ многочисленныхъ читателей и въ

Андерсенъ. Германіи, былъ Гансъ Христіанъ Андерсенъ; его сказки отличаются 1805—1875. такимъ тономъ, какого еще никогда никто не слышалъ въ литературѣ ни до него ни послѣ него, — тономъ въ одно и то-же время и ребяческимъ, и лукавымъ, и глубоко проникающимъ въ душу, и всегда полнымъ поэзіи и неувядаемой прелести. Онъ былъ поэтомъ «сердечной наивности». И его романы, — какъ напр. «Импровиза-

торъ», «Одинъ только скрипачъ», «О. Т.», — пользуются большою извѣстностью; но они не имѣютъ такихъ-же солидныхъ поэтическихъ достоинствъ, какъ его сказки, и даже не могутъ равняться съ его картинами природы (какъ напр. «Рынокъ поэта»); хотя въ нихъ и описываются только впечатлѣнія, вынесенныя изъ путешествій. Одно-родное явленіе съ Грундтвигомъ представляетъ жившій нѣскольکو позже его, Сёренъ Киркегаардъ, который былъ и теологомъ, и фи- Киркегаардъ.
лософомъ, и поэтомъ. Болѣе пессимистъ, чѣмъ романтикъ, онъ 1813—1855.
имѣлъ сильное возбуждающее вліяніе на умственную жизнь своего отечества; но онъ не имѣлъ такихъ учениковъ, которые могли-бы считать его послѣдователями, потому что многіе изъ писателей, придерживавшихся основныхъ правилъ его смѣлой критики существующихъ порядковъ, пришли не къ тѣмъ выводамъ, какіе онъ проповѣдывалъ; вѣдь его выводы сводились къ аскетическому пренебреженію мірскими интересами и резюмировались въ «Евангеліи страданія». Даже для остроумнаго критика, эстетика и историка литературы Георга Брандеса, являющагося украшеніемъ для теперешней датской литературы, служили точкой исхода воззрѣнія Киркегаарда. Въ лицѣ Фредерика Палуданъ-Мюллера Данія пріобрѣла поэта, отличающагося глубиною идей и замѣчательной оригинальностью. Его интересное эпическое стихотвореніе «Адамъ Гомо» служитъ какъ-бы переходомъ къ новѣйшему пессимистическому періоду датской поэзіи. Другая сторона его міровоззрѣнія обнаружилась въ его драмѣ «Каланусъ», гдѣ выставлена противоположность между возбуждавшимъ чувственные влеченія, греческимъ образованіемъ и жизнію индійскихъ отшельниковъ.

Теперь мы все болѣе и болѣе отдаляемся отъ тѣхъ временъ, когда датская литература, по видимому, была почти отраслью литературы нѣмецкой; усиливающаяся ненависть ко всему нѣмецкому все болѣе наводитъ эти двѣ литературы на разные пути; теперь датскіе писатели ищутъ образцовъ и новыхъ идей чаще во Франціи, чѣмъ въ Германіи въ особенности потому, что въ настоящее время реализмъ и пессимизмъ пріобрѣтаютъ все болѣе сильное господство и въ области искусства, какъ повсюду. Представителемъ этого направления является въ особенности естествоиспытатель и новеллистъ Якобсенъ («Г-жа Марія Груббе», Niels Lyhne). Но замѣчателенъ тотъ фактъ, что отдаленіе отъ Германіи не привело къ болѣе тѣсному сближенію скандинавскихъ націй на почвѣ умственной дѣятельности, — что, напротивъ того, въ говорящей по-датски Норвегіи возникла своеобразная и нелишенная достоинствъ литература, которая даже мало по малу уклоняется отъ употребленія стариннаго классическаго датскаго языка, усваивая элементы провинціальныхъ нарѣчій. Такой переворотъ былъ отчасти вызванъ еще Вергеландомъ, но его главной причиной было то, что два величайшіе изъ живу-
Якобсенъ.
1847—1885.
Вергеландъ.
1808—1845.

Ибсенъ, шихъ въ настоящее время сѣверо-скандинавскихъ поэтовъ, Ибсенъ
 род. 1828. и Бьёрнсонъ, норвежскіе уроженцы; поэтому Норвегія разомъ стала
 во главѣ литературы трехъ народовъ, родственныхъ между собою
 Бьёрнсонъ, по происхожденію. Бьёрнстьернъ Бьёрнсонъ одаренъ отъ природы
 род. 1832. натурой, полной свѣтлыхъ надеждъ; по выраженію Брандеса, онъ
 такъ-же силенъ, какъ тотъ дикій звѣрь, который два раза названъ
 въ его имени; онъ—великій норвежскій морякъ и вмѣстѣ съ тѣмъ
 народный ораторъ и республиканецъ по своимъ политическимъ убѣж-
 деніямъ. Его поэтическія произведенія раздѣляются на три главныя
 группы—полныя жизни и художественныя по отдѣлкѣ рассказы изъ
 жизни норвежскихъ крестьянъ, драмы съ древне-сѣвернымъ или
 съ историческимъ содержаніемъ (какъ напр. «Въ промежуткѣ между
 битвами», «Злой Сигурдъ», «Марія Стюартъ въ Шотландіи») и на-
 конецъ сочиненія, написанныя на сюжеты новаго времени, какъ
 напр. «Новобрачные», «Банкротство» и новелла «Томасъ Рендаленъ»,
 для которой служить сюжетомъ воспитаніе молодыхъ дѣвушекъ.
 Генрихъ Ибсенъ болѣе сосредоточенъ въ самомъ себѣ и уже много
 лѣтъ живетъ внѣ своего отечества, болѣею частью въ Римѣ или
 въ Мюнхенѣ, между тѣмъ какъ каждую ночь переносится во снѣ «изъ
 великолѣпныхъ южныхъ странъ въ хижины своего покрытаго снѣгомъ
 отечества». Его главныя произведенія: *Brand*, *Peer Gynt*, «Союзъ юно-
 шества», «Императоръ и Галилеяне», «Опоры общества», «Нора»,
 «Привидѣнія», «Г-жа моря». Ибсенъ съ ѣдкой проникательностью ана-
 лизируетъ душевныя чувства, обнаруживая по истинѣ фанатическую
 ненависть ко всякой лжи и фразёрству; онъ все глубже проникаетъ
 въ сокровенныя тайны человѣческаго сердца и строя общественной
 жизни, но та сфера, въ которой вращаются его проблемы, стано-
 вится все болѣе темной и загадочной; такъ напр. въ «Привидѣніяхъ»,
 онъ, по видимому, переступаетъ за ту пограничную черту, на которой
 прекращается господство искусства и начинается господство меди-
 цины и естествознанія. Новеллистъ Александръ Килландъ («Гарманъ
 и Ворсе», «Работники») можетъ быть поставленъ на ряду съ двумя
 нами упомянутыми, великими норвежскими поэтами; его неприми-
 римый радикализмъ и натурализмъ страдаетъ, по замѣчанію Стерна,
 тѣмъ, свойственнымъ пессимистической поэзіи, противорѣчіемъ, что
 берется описывать то, что недостойно права на жизни.

2. Швеція.

Зачатки шведскаго книжнаго языка возникли въ эпоху реформа-
 ціи, но такъ какъ переводчиками библии и реформаторами были
 въ Швеціи Нѣмцы, то въ мѣстный языкъ было внесено не мало
 искажавшихъ его, германизмовъ. Поэтому Густавъ III основалъ

шведскую академію, которая должна была очистить и облагородить отечественный языкъ; но, вмѣсто того, она втиснула и шведскій языкъ и шведскую поэзію въ безжизненныя формы, подчиняя ихъ требованіямъ французской правильности. Однако, уже въ то время Швеція имѣла геніальнаго поэта въ лицѣ Карла Михаила Белльмана. Белльмана, лучшія стихотворенія котораго собраны подъ заглавіемъ «Пѣсни Фредмана»; большая часть этихъ стихотвореній положена самимъ авторомъ на музыку и они поются съ акомпаньементомъ на цитрѣ. Къ сожалѣнію, этотъ анакреонтическій поэтъ, нерѣдко предавался кутежамъ и пьянству. Несмотря на его примѣръ, французскій классицизмъ господствовалъ въ шведской литературѣ дольше, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, но въ концѣ концовъ былъ замѣненъ романтизмомъ. Въ Швеціи романтическая школа распалась на два лагеря — на фосфористовъ, такъ названныхъ по главному титулу ихъ журнала «Фосфорусъ» и подъ руководствомъ Аттербома (его «Островъ блаженства» и «Сказка о птицѣ Бла» очень напоминаютъ Тика) бывшихъ представителями фантастической, туманно-расплывчивой стороны преувеличенно-идеалистическаго романтизма, и на членовъ готской школы, снова бравшихся, подобно Датчанину Эленшлегеру, за національные древне-скандинавскіе сюжеты. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежали оба выдающихся шведскихъ писателя — Эрикъ Густавъ Гейеръ (Geijer) и Исаія Тегнеръ. Недоведенная Гейеромъ до конца, «Исторія Швеціи» приобрѣла европейскую извѣстность; его баллады и романсы, какъ напр. «Послѣдній воинъ», «Послѣдній скальдъ», «Викингъ», также считаются образцовыми по своей простотѣ и выразительности; въ нихъ настоящий сѣверный тонъ поэзіи достигъ еще небывалой высоты. Въ лицѣ Исаи Тегнера Швеція чтитъ своего величайшаго поэта, а циклъ его романсовъ «Фритіофъ-сага» считается продуктомъ національной поэзіи шведскаго народа; онъ былъ переведенъ на всѣ европейскіе языки и только въ одной Германіи восемнадцать разъ (какъ напр. Амаліей ф. Гельвигъ и Мёрике, издавшихъ полное собраніе произведеній шведскаго поэта на нѣмецкомъ языкѣ). Между его болѣе ранними произведеніями заслуживаютъ упоминанія теологическая идиллія «Дѣти Причастія» (Nattvardsbarnen), получившая премію, стихотвореніе «Швеція» (Svea) и романсъ «Аксель»; въ этихъ произведеніяхъ рѣшительно выступаетъ наружу патріотическое или готское направленіе поэта. Въ стихотвореніи «Карлъ XII» Тегнеръ воспѣваетъ своего любимаго героя. Свою эпическую поэму «Герда» онъ не довелъ до конца, потому что впалъ въ умственное разстройство и велѣдъ за тѣмъ умеръ.

Белльманъ.
1740—1795.

Аттербомъ.
1790—1855.

Гейеръ.
1783—1847.
Тегнеръ.
1782—1846.

Вліяніе Тегнера и готской партіи господствовало въ шведской литературѣ такъ же долго, какъ въ болѣе раннюю пору вліяніе французскаго классицизма; новое направленіе съ болѣе соотвѣт-

ствующими духу новаго времени, реалистическими цѣлями прокладывало для себя дорогу лишь мало-по-малу; оно проявлялось преимущественно въ романахъ, но не въ такой грубо-пессимистической формѣ, какъ въ другихъ странахъ: вѣдь и теперешніе писатели любятъ, не менѣе своихъ предшественниковъ-романтиковъ, брать сюжеты изъ скандинавской старины. Къ числу такихъ новыхъ тенденціозныхъ писателей принадлежитъ Карлъ Іона Лудвигъ Альм-квистъ; онъ выказалъ свою многостороннюю даровитость въ своихъ разсказахъ, собранныхъ въ одно цѣлое подъ заглавіемъ *Tönghens Bok* («Книги колючей розы»), и въ своихъ романахъ «Амалія Гиллеръ» и «Три женщины въ Смаландѣ», но онъ никогда не былъ въ состояніи создать цѣльное художественное произведеніе. — Фредерика Бремеръ очень вѣрно описывала самыя разнообразныя стороны шведской семейной жизни въ своихъ романахъ («Сосѣдка»; «Домъ»), которые переведены и на нѣмецкій языкъ; но ея тривиальная муза въ послѣдствіи занималась преимущественно разработкой социальныхъ вопросовъ, какъ напр. въ «Гертъ». Еще болѣе плодотворной, но и болѣе фантастичной писательницей является г-жа Флигаре-Карлэнъ («Пустынникъ», «Роза Тистелѣнская»). Переводчикъ Гётевскаго «Фауста», Викторъ Ридбергъ яркими красками описалъ, въ самомъ удачномъ изъ своихъ романовъ «Послѣдній Афинянинъ», борьбу между умирающимъ язычествомъ и уже возвышавшимся на степень государственной религіи, христіанствомъ. Безспорно, самымъ выдающимся поэтомъ послѣ смерти Тегнѣра былъ Фиянъ Іоаннъ Лудвигъ Рунебергъ; въ своихъ идиллическихъ стихотвореніяхъ («Охотникъ за лосями», «Вечеръ наканунѣ Рождества») онъ соединяетъ описаніе Финляндіи и ея жителей съ здоровыми воззрѣніями на дѣйствительную жизнь и съ большой простотою языка. Всѣми этими достоинствами еще въ высшей степени отличается циклъ поэтическихъ военныхъ анекдотовъ «Разсказы прапорщика Сталя». Въ этомъ образцовомъ произведеніи Рунеберга воспѣвается борьба Финляндіи съ Россіей; оно проникнуто горячей привязанностью къ Швеціи и въ качествѣ финско-шведскаго національнаго стихотворенія въ послѣдствіи служило крѣпкой связью между двумя странами. Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть и о двухъ поэтахъ, возсѣдавшихъ на шведскомъ престолѣ, — о двухъ братьяхъ Карлъ XV и Оскаръ II. Стихотворенія короля Оскара, посвященныя шведскому флоту, были удостоены преміи, не смотря на то, что были присланы въ академію безъ имени автора. Онъ также перевелъ Гердерова «Сиды» и «Гётева» «Тассо».

Г. Новѣйшая нидерландская и фламандская литература.

Мы уже ранѣе (XI, 557 и сл.) описали зачатки нидерландской литературы и прослѣдили ихъ развитіе до ея полного разцвѣта, — до появленія изящныхъ произведеній Вонделя, Катса и ихъ послѣдователей. Но этотъ разцвѣтъ былъ не продолжителенъ. Въ эпоху просвѣщенія тамъ возникла почти рабская зависимость отъ сосѣдней Франціи, изгладившая воспоминанія о славномъ прошедшемъ. Только съ начала восемнадцатаго столѣтія тамъ снова начала проявляться нѣкоторая самостоятельность прежде всего въ комедіяхъ; ея представителемъ былъ Лангендейкъ, отличавшійся не столько остроуміемъ, сколько живостью характеристикъ. И драматическая поэзія стала развиваться благодаря братьямъ Ванъ-Гаренъ, изъ которыхъ въ особенности младшій, Онно пріобрѣлъ заслуженную извѣстность своимъ эпическимъ стихотвореніемъ «Гёзы». Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія обнаружились успѣхи и въ сочиненіи романовъ въ особенности благодаря двумъ женщинамъ — Елизаветѣ Вольфъ (урожд. Беккеръ) и ея подругѣ Агатѣ Декенъ, написавшимъ сообща самое замѣчательное изъ ихъ литературныхъ произведеній *Historie van mejuffrouw Sara Burgerhart*, въ которомъ видны умъ и знаніе людей, а тогдашняя жизнь людей средняго сословія описана живо и увлекательно.

Лангендейкъ,
1700—1756.
Виллемъ ванъ-
Гаренъ.
1710—1768.
Онно Цвиръ
ванъ-Гаренъ.
1713—1779.
Елизавета
Вольфъ.
1738—1804.
Агатъ Декенъ.
1741—1804.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія поэзія снова стала процвѣтать благодаря Фейту и Бильдердейку. Фейтъ (*Rhijnvis Feith*) былъ ученикъ Клопштока; онъ прославился болѣе своими религіозными поэтическими произведеніями, чѣмъ своими романами и трагедіями. Гораздо болѣе плодовитымъ и многостороннимъ писателемъ былъ Бильдердейкъ (*Willem Bilderdijk*); но онъ строго придерживался французскихъ правилъ искусства, поэтому его дидактическія стихотворенія, какъ напр. «Звѣздное Небо», холодны и скучны. Авторъ описательнаго стихотворенія «Голландцы на Новой Землѣ», Толленсъ (*Hendrik Tollens*) прославился всего болѣе своими народными пѣснями. Всѣхъ этихъ писателей превзошелъ Исаакъ Да Коста своими политическими стихотвореніями и своимъ *Slag by Nieupoort*. Съ 1830 до 1840 года господствовало въ нидерландской литературѣ вліяніе романтизма. Его главнымъ представителемъ былъ Леннепъ, успѣшно боровшійся съ фальшивымъ французскимъ классицизмомъ. Его лучшими произведеніями были нидерландскія легенды и романъ *De lotgevallen van Klaasje Zevenster*. На ряду съ нимъ стоятъ: Битсъ (*Nicolaas Beets*), подражавшій Байрону въ своихъ поэтическихъ разсказахъ (*Guy der Vlamingen*); но его новеллы *Camera obscura* полны жизни; Богерсъ (*Adrian Bogaers*), авторъ разсказа *De tocht van Heemskerk naar Gibraltar*.

Фейтъ.
1753—1824.
Бильдердейкъ.
1756—1831.

Толленсъ.
1780—1856.
Да Коста.
1798—1860.

Леннепъ.
1802—1868.

Битсъ,
род. 1814.
Богерсъ.
1795—1870.

Съ 1830 года, т. е. послѣ отдѣленія Бельгіи отъ Нидерландовъ, и нидерландская литература раздвоилась, такъ какъ Бельгійцы съ тѣхъ поръ старались сохранять употребленіе мѣстнаго языка и самостоятельное направленіе въ своей литературѣ. Первымъ и главнымъ представителемъ этой фламандской литературы можно считать Бломмерта (Philipp Blommaert), обнаружившаго въ своихъ рассказахъ (Hilda) близкое знакомство съ древне-нидерландской литературой. Его другъ Консценцъ (Hendrik Conscience) можетъ быть поставленъ на ряду съ лучшими изъ современныхъ нидерландскихъ поэтовъ. Изъ его слишкомъ ста романовъ («Фландрскій Левъ») самые старые были подражаніями Вальтеръ Скотту. Онъ болѣе своеобразенъ въ своихъ мелкихъ рассказахъ.

Бломмертъ. 1808—1870.
Консценцъ. 1812—1883.

И въ Бельгіи и въ Нидерландахъ, точно такъ-же, какъ во всѣхъ другихъ европейскихъ государствахъ, романтизмъ былъ замѣненъ реализмомъ, который соединялся въ Бельгіи съ упорной борьбой противъ французскаго вліянія. На почву національной исторіи прежде всѣхъ вступилъ Пинъ (Hippolyt Johan van Peene) своими драмами «Императоръ Карлъ и берхемскій крестьянинъ» и «Іаковъ Артевельде»; въ своихъ написанныхъ для народа пьесахъ, какъ напр. въ «Тиль Эйленшпигелѣ», онъ удачно попадалъ въ народный нидерландскій тонъ. Летъ (Johan Jakob de Laet) создалъ своимъ романомъ «Домъ Везенбека» одно изъ лучшихъ произведеній фламандской литературы. Поэтомъ, пользовавшимся большою извѣстностью, былъ Боркенфельдтъ (Adolphe van Soust de Borckenfeldt); какъ критикъ художественныхъ произведеній и историкъ искусства, онъ нерѣдко писалъ по-французски, но какъ патріотическій поэтъ онъ воспѣвалъ на своемъ родномъ языкѣ возрожденіе древне-фламандскаго величія. Наконецъ, Гиля (Emanuel Hiel) слѣдуетъ считать самымъ замѣчательнымъ изъ фламандскихъ поэтовъ; его лирико-эпическія стихотворенія и его ораторіи («Прометей», «Люциферъ», «Шельда») отличаются отъ всѣхъ новѣйшихъ произведеній фламандской эпозіи высокимъ полетомъ и богатствомъ фантазіи.

Пинъ. 1811—1864.
Летъ, род. 1815.
Боркенфельдтъ. 1824—1877.

Въ Голландіи главнымъ представителемъ реализма можно считать любимца теперешняго поколѣнія, Гѣнесте (Peter August de Génestet). Его стихотворенія отличаются такою простотою языка, такою безыскусственностью выраженій, которая поражала его соотечественниковъ какъ нѣчто, еще небывалое въ поэзіи. На ряду съ Гѣнесте считается самымъ знаменитымъ изъ новѣйшихъ поэтовъ Шиммель (Hendrik Jan Schimmel); прославившійся не столько своими драмами, сколько новеллами. Онъ писалъ и большіе романы, но въ этой сферѣ литературной дѣятельности его превосходила своею даровитостью романистка Анна Люція Гертруде Восбумъ, урожд. Тус-сентъ. Ея историческіе романы («Домъ Lauernesse», «Лейденскій студентъ»), равно какъ тѣ романы, въ которыхъ описываются нравы

Гѣнесте. 1829—1861.
Шиммель, род. 1824.

Восбумъ. 1812—1886.

современнаго общества («Майоръ Францъ»), отличаются тщательностью отдѣлки и изяществомъ изложенія. Наконецъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о Деккерѣ (Eduard Douwes Dekker), обратившемъ на себя вниманіе тѣмъ, что подъ псевдонимомъ Multatuli описалъ въ своемъ романѣ *Max Havelaar* злоупотребленія, совершавшіяся на островѣ Явѣ. Онъ самъ прожилъ на Явѣ семнадцать лѣтъ и близко изучилъ положеніе нидерландскихъ владѣній въ Азіи. Изъ позднѣйшихъ произведеній этого поэта достойны упоминанія «Любовныя письма» и драма «Княжеская школа».

Деккеръ,
род. 1820.

IV. Искусство въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Литературныя пособія для изученія исторіи искусства. Кромѣ ранѣе нами указанныхъ, за-ново переработанныхъ руководствъ Куллера (*Handbuch der Kunstgeschichte*. Stuttg. 1872; 5-ое изд.) и Любке (*Grundr. der Kunstgesch.* Stuttgart 1887; 10-ое изд.), намъ служили для этого отдѣла пособіями слѣдующія сочиненія: *Ant. Springer*, *Geschichte der bildenden Künste im neunzehnten Jahrh.* Leipzig 1858; *Dr. A. Hagen*, *Die deutsche Kunst in unserm Jahrh.* Berlin 1857; 2 части; *Gesch. der neuen deutschen Kunst von Ath. graf v. Raczyński*. Berlin. 1836; *Geschichte der deutschen Kunst von Ernst Förster*. Leipzig 1860; 5 част. *Gesch. der neuern Kunst etc. von Dr. Frz. Reber*, unter Mitw. von *F. Pecht*; 2-ое изд. въ 3 частяхъ. Лейпцигъ 1884; *Riegel*, *Gesch. des Wiederauflebens der deutschen Kunst zu Ende des achtzehnten und zu Anfang des neunzehnten Jahrh.* Hannover 1876; *Deutsche Künstler des neunzehnten Jahrh. von Friedr. Pecht*. Nördlingen 1877—1885; *Jul. Meyer*, *Gesch. der modernen franz. Malerei*. Leipzig 1867; *Adolf Rosenberg*, *Gesch. der modernen Kunst*. Leipzig 1882—1888; *Dohme*, *Kunst und Künstler des neunzehnten Jahrhunderts*. Leipzig 1886.

А. Образовательныя искусства.

1. Различныя направленія въ области искусства.

Сильный переворотъ, совершившійся въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго столѣтія въ политической, умственной и общественной жизни, не остался безъ вліянія и на развитіе искусства: въдѣ образовательныя искусства, — какъ замѣтилъ Антонъ Шпрингеръ, — не создаютъ никакого особаго міровоззрѣнія, не могутъ служить основой для самостоятельной культуры, а могутъ только служить доведенной до изящества формой выраженія идей, господствующихъ въ данную эпоху. «Далѣе этой цѣли не заходитъ ихъ содержаніе; въ ихъ распоряженіи нѣтъ никакихъ другихъ внѣшнихъ формъ кромѣ тѣхъ, которыя берутъ свое начало въ современномъ умственномъ развитіи и каждому понятны, такъ какъ фантазія можетъ облекать

Тѣсная связь
искусства съ
современнымъ
умственнымъ
развитіемъ.

въ осязательную форму только то, что уже выработано въ области идей. Характеръ искусства въ какой либо данный періодъ находится въ самой тѣсной внутренней связи съ господствующей культурой и можетъ имѣть только такія выдающіяся черты, какими отличается эта послѣдняя». Поэтому образовательное искусство есть только одна изъ тѣхъ формъ и одинъ изъ тѣхъ фактовъ, въ которыхъ отражается умственная жизнь и творческая дѣятельность вѣка, а обзоръ исторіи искусства въ ея главныхъ теченіяхъ служить дополненіемъ для характеристики культуры данной эпохи.

Новыя отрасли искусства. Изъ содержанія XIII тома (стр. 633 и сл.) намъ уже извѣстно, какъ широко развилась художественная дѣятельность съ половины восемнадцатаго столѣтія и какія она проявила многостороннія жизненные силы. Подобно литературѣ, и живопись, ваяніе, архитектура достигли высокаго полета въ Германіи, совершившей на умственной аренѣ такія-же преобразованія, какія были совершены во Франціи на аренѣ политической. Эта новая художественная дѣятельность приняла болѣе универсальный характеръ, такъ какъ перестала вращаться исключительно въ сферѣ христіанско-религіозныхъ идей и угождать господствующей церкви: она избрала ареной для своего творчества широкую область исторіи, преданій и поэзіи, а для своихъ идеальныхъ художественныхъ произведеній пользовалась, на ряду съ античными образцами, также богатою естественною и народною жизнію какъ въ спокойныхъ, такъ и въ тревожныхъ ея проявленіяхъ. Уже ранѣе нами было замѣчено, что Гёте, признававшій настоящую художественную форму только за античными произведеніями искусства, долго несочувственно относился къ новому направленію. Около того времени, когда публика холодно относилась къ журналу «Пропилеи», изданіе котораго онъ предпринялъ вмѣстѣ съ Швейцарцемъ Генрихомъ Мейеромъ (болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Кунстмейера), а напротивъ того всѣ восхищались «Любящимъ искусство, монахомъ» Вакенродера, онъ писалъ Шиллеру: «Мы находимся въ отношеніи къ новѣйшему искусству въ такомъ-же положеніи, въ какомъ находился Юліанъ въ отношеніи къ христіанству». Это были пророческія слова, оправдавшіяся на дѣлѣ: вѣдь «Юліанъ, имѣвшій въ своемъ распоряженіи всѣ средства, чтобъ измѣнить порядокъ вещей, еслибы это было возможно, не былъ въ состояніи этого сдѣлать; не могъ этого сдѣлать и Гёте». Новое художественное направленіе привело, между прочимъ, и къ тому результату, что художническая работа раздѣлилась на разнообразныя отрасли и что на ряду съ исторической живописью возникли, какъ равноправныя съ нею виды, пейзажъ и такъ называемый «жанръ», для которыхъ служили сюжетами общественные порядки, нравы, обычаи и различныя сферы человѣческой дѣятельности; эта перемѣна совершилась наперекоръ абсолютному идеализму, привыкшему свысока относиться къ явленіямъ реальной жизни

и историческимъ фактамъ, и сначала непризнававшему за настоящія художественныя произведенія тѣ, въ которыхъ выражались народныя и національныя воззрѣнія. Даже такъ долго остававшаяся въ пренебреженіи, рѣзьба на деревѣ, которая въ нѣкоторомъ отношеніи занимаетъ въ живописи такое-же мѣсто, какое занимаетъ въ поэзіи ниже-нѣмецкое нарѣчіе, была возведена Рихтеромъ и Шнорромъ, Ретелемъ, Швиндомъ и многочисленными народными журналами на одинакую высоту съ древне-нѣмецкой художественной техникой. Этому разнообразію художественной дѣятельности много содѣйствовало влеченіе къ романтизму. Ново-романтическая школа, какъ извѣстно, пробуждала и въ поэзіи и въ научной сферѣ стремленія къ усиленной дѣятельности; хотя ея вліяніе и не всегда было полезнымъ, не всегда приносило утѣшительные плоды, но оно служило поощреніемъ для многихъ новыхъ попытокъ, пробуждало новыя стремленія и идеи. Еще сильнѣе и устойчивѣе было ея вліяніе на художническое творчество, которое вступило, благодаря романтизму, на новые пути и обнаружило все богатство своихъ жизненныхъ силъ. Призывая къ борьбѣ съ классическимъ направленіемъ, она удерживала художниковъ отъ односторонней исключительности; хотя оживленіе средневѣковыхъ идей и понятій и пробудило неблагоприятное сочувствіе къ отжившимъ церковнымъ учрежденіямъ и къ рыцарству; но оно вмѣстѣ съ тѣмъ пробудило интересъ къ національному прошлому, къ отечественной исторіи; тогда священная исторія и религіозныя традиціи снова стали служить сюжетами для искусства; тогда стали строить или достраивать, наряду съ зданіями въ классическомъ вкусѣ, и готическія церкви (кѣльнскій соборъ), стали возстановлять старыя рыцарскіе замки (Маріенбургъ, Гогеншвангау, Штольценфельсъ), стали собирать древне-нѣмецкія картины и художественныя произведенія (братья Буассерэ), стали снова заниматься давно позабытой живописью на стеклѣ. Усиленію этого направленія много способствовало тогдашнее политическое положеніе Германіи, находившейся въ рабской зависимости отъ французскаго завоевателя; тогда пришлось искать въ умственной сферѣ той свободы, которой нельзя было найти въ общественной жизни, и, вспоминая о блестящемъ прошломъ, черпать изъ него душевныя силы для борьбы. Фридрихъ Шлегель, Тикъ и другіе романтики, конечно, впадали въ заблужденія, когда уже у Рафаэля и у Микель-Анджело находили признаки упадка, искали осуществленія своихъ идеаловъ въ прошедшемъ, считали единственно-правильнымъ направленіемъ подражаніе средневѣковому искусству, проникнутому духомъ христіанства, а за образецъ выдавали вмѣсто античнаго искусства столь несовершенное по рисункамъ и по внѣшнимъ формамъ искусство до-рафаэлевской эпохи; за то романтика съ другой стороны обогатила область искусства новыми элементами, придала идеямъ и внутреннему смыслу болѣе

высокое значеніе, пробудила въ душѣ болѣе глубокія чувства и не дозволила пренебрегать внутреннимъ содержаніемъ ради совершенства внѣшней формы.

Направленіи
и цѣли.

Такимъ образомъ, школы классическая и романтическая нѣсколько времени оспаривали одна у другой исключительное господство, пока не созрѣло убѣжденіе, что обѣ онѣ, — при правильномъ пониманіи и правильномъ практическомъ примѣненіи ихъ воззрѣній, — имѣютъ равныя права на уваженіе, что ихъ недостатки заключаются только въ ихъ односторонности и въ ихъ стремленіи къ исключительному преобладанію; тогда между ними состоялось соглашеніе, основанное на признаніи слѣдующаго принципа: «только то, что сознано умомъ и дѣйствительно прочувствовано, можетъ быть предметомъ настоящаго художественнаго произведенія, но при этомъ необходимо и совершенство внѣшней формы, основой для которой должна считаться правильность чертежа». А подобно романтизму и классицизму, и противоположность между идеализмомъ и реализмомъ раздѣляла художниковъ на два враждебныхъ лагеря. Въ эпохи политическаго затишья, — когда личныя впечатлѣнія не оттѣснялись на задній планъ великими историческими событіями, а душевному настроенію отдѣльной личности придавалось чрезвычайно важное значеніе какъ въ поэзіи, такъ и во всей духовной жизни, — субъективный идеализмъ игралъ выдающуюся роль въ художественномъ творествѣ, пока какія нибудь важныя событія и требованія практической жизни не заставляли индивидуума расширить его прежній узкій кругозоръ. Столкновеніе двухъ противоположныхъ воззрѣній, наконецъ, привело къ убѣжденію, что каждое изъ нихъ сбивается съ правильнаго пути, что въ наше время настоящая художественная дѣятельность должна стараться гармонически согласовать тѣ противоположности, и что научная критика должна признавать оба направленія равноправными. Роль посредника игралъ въ этомъ отношеніи юмористическій идеализмъ Каульбаха. Все болѣе и болѣе распространялось убѣжденіе, что живопись не можетъ долго оставаться въ одиночествѣ на своей идеальной высотѣ, что она должна искать для себя опоры въ народной жизни, должна тѣснѣе сблизиться съ міромъ реальныхъ явленій и принаравливаться къ современнымъ вкусамъ. Успѣхъ, который имѣла въ Германіи передвижная выставка картинъ нидерландскихъ живописцевъ Галлэ и Біефве, не мало содѣйствовалъ тому, что и нѣмецкая историческая живопись усвоила реалистическій характеръ. Мюнхенскій живописецъ Карлъ Пилоти прежде всѣхъ и рѣшительнѣе всѣхъ придерживался такого реалистическаго направленія и въ то-же время тѣснѣе сблизился съ бельгійской школой. Еще болѣе важный шагъ къ реализму былъ сдѣланъ исторической живописью вслѣдствіе ея сближенія съ историческимъ жанромъ. «Вѣдь если художникъ обращаетъ главное вниманіе на то, что есть обще-человѣческаго и психологическаго въ

избранномъ сюжетѣ, если, изображая историческое событіе или историческую личность, онъ старается наглядно представить существующіе порядки и нравы, то его произведеніе утрачиваетъ свой историческій характеръ и ничѣмъ не отличается отъ вымышленныхъ изображеній, взятыхъ изъ современныхъ событій или изъ частной жизни». Такимъ образомъ, историческая живопись стала спускаться съ своей идеальной высоты, стала, посредствомъ разныхъ переходныхъ формъ, все болѣе и болѣе сближаться съ реализмомъ, и нерѣдко стала соединяться съ жанромъ и съ живописью ландшафтовъ. Она даже стала, подобно литературѣ, задаваться политическими цѣлями, такъ какъ многіе живописцы стали брать свои сюжеты предпочтительно изъ жизни пролетаріевъ, изъ безобразныхъ сторонъ общественнаго строя. Къ этому разряду принадлежатъ: «Каменьщики» и «Корзинщицы» Француза Курбэ, «Застольная молитва бѣднаго семейства рабочихъ» Нидерландца де-Гру (1825—1870), «Право свободной охоты» К. Гюбнера и т. д. Этому влеченію къ ничѣмъ не прикрашенной реальности вседневной жизни низшихъ слоевъ общества соотвѣтствуетъ и пренебреженіе новѣйшихъ живописцевъ къ привлекательнымъ мягкимъ оттѣнкамъ колорита, которымъ они предпочитаютъ яркій уличный свѣтъ. Такой же процессъ совершается въ пластикѣ и въ архитектурѣ. На ряду съ классическимъ направлениемъ, которому доставилъ преобладаніе въ скульптурѣ могущественный и благородный геній Торвальдсена (XIII, стр. 638), романтика вторгнулась въ область искусства черезъ посредство мюнхенскаго художника Швантгалера, а черезъ посредство Шадова, Рауха, Ритчеля достигъ преобладанія художественный реализмъ, соотвѣтствовавшій духу того времени. Шинкель, Кленце, Гертнеръ и ихъ ученики придерживались въ архитектурѣ всѣхъ родовъ стиля—и древнегреческаго въ его разнообразныхъ видахъ, и готическаго, и стиля эпохи Возрожденія и наконецъ недавно стали пользоваться даже видоизмѣненіями этого послѣдняго—стилями барокко и рококо, но не впадая въ рабское имъ подражаніе, а обогащая ихъ реальными идеями и техническими формами, пріобрѣтенными благодаря изученію природы. Такимъ эклектическимъ характеромъ отличается архитектура въ большей части европейскихъ государствъ. Новѣйшая культура не была въ состояніи создать общепринятый архитектурный стиль съ опредѣленнымъ отпечаткомъ и съ свѣжими творческими силами. Зато слѣдуетъ признать «за нашимъ искусствомъ то выдающееся достоинство, что оно проникнуто глубокимъ изученіемъ сущности стараго архитектурнаго стиля, освященнаго преданіями».

Изъ слѣдующаго обзора художественныхъ произведеній въ главныхъ Главные культурныхъ государствахъ теперешней Европы мы усмотримъ, что три новѣйша-девятнадцатое столѣтіе нисколько не уступаетъ великой эпохѣ Возрожденія ни по своимъ творческимъ силамъ ни по художнической техни-

къ, и что богатство и разнообразіе его художественныхъ произведеній доставляютъ ему такое-же преимущество надъ прошлымъ, какое доставляли этому послѣднему глубина и богатство идей. За то, художественная дѣятельность завела свои мастерскія и у другихъ народовъ. Въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ родинами великихъ художниковъ были два романскихъ полуострова, въ особенности Италія, а въ наше время Германія и Франція заняли въ этомъ отношеніи первое мѣсто. Только въ Нидерландахъ возникла изъ старыхъ традицій новая реалистическая художественная школа. Напротивъ того, Италія и Испанія подчиняются въ направленіяхъ своей художественной дѣятельности вліянію Франціи столько же, сколько подчиняются ея вліянію въ политикѣ и въ литературѣ; эти страны уже почти неспособны создавать такія художественныя произведенія, которыя могли бы стать наравнѣ съ произведеніями ихъ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ сосѣдей, хотя въ послѣднее время и стала съ энергіей прокладывать себѣ дорогу новая испанская школа, зародившаяся въ Римѣ. Только въ области пластики Римъ былъ въ состояніи сохранить свое мѣсто рядомъ съ Парижемъ и Мюнхеномъ, но былъ этимъ обязанъ не столько художнической геніальности мѣстныхъ уроженцевъ, сколько живущимъ въ немъ художникамъ различныхъ національностей и мѣстнымъ удобствамъ для скульптурныхъ работъ. По тѣмъ же причинамъ и богатая мраморомъ Каррара постоянно служила временнымъ мѣстопробываніемъ для многочисленныхъ скульпторовъ. И швейцарскіе художники придерживаются, сообразно съ своей національностью, частію нѣмецкихъ, частію французскихъ образцовъ. Бенж. Вотье, род. въ 1829 году въ Моржѣ (въ Ваадтландскомъ кантонѣ) и соперничавшій съ Лудв. Кнаузомъ въ юмористическомъ жанрѣ («Поминки»), соединялъ усвоенный имъ въ Дюссельдорфѣ, нѣмецкій методъ съ французскимъ, съ которымъ познакомился въ Парижѣ. Художники русскаго, польскаго и мадьярскаго происхожденія только недавно стали создавать такія произведенія, которыя даютъ имъ право надѣяться, что имъ также будетъ отведено мѣсто во всеобщей исторіи искусства. По замѣчанію Ребера, въ Россіи преобладаетъ французское вліяніе: «Тамъ для значительнаго большинства художниковъ блестящіе эффекты колорита имѣютъ болѣе высокую цѣну, чѣмъ смыслъ содержанія и даже чѣмъ реальная правда». Это видно на картинѣ Гэ «Тайная Вечера» и на картинахъ Семирадскаго «Христосъ» и «Красивая грѣшница». Только въ военныхъ картинахъ Ал. Коцебу замѣтно, наряду съ французскимъ вліяніемъ, и вліяніе мюнхенской школы. Къ числу самыхъ распрославленныхъ произведеній русскихъ художниковъ принадлежитъ большая картина Брюлова (1799—1852) «Послѣдній день Помпеи».

2. Живопись.

а. ГЕРМАНИЯ.

Изъ содержанія XIII тома намъ уже извѣстно, что классическая Романтика живописи достигла исключительнаго преобладанія въ Германіи благодаря Рафаэлю Менгсу, во Франціи благодаря Жаку Луи Давиду и что Карстенсъ впервые очистилъ ее отъ односторонняго формализма и вложилъ въ нее болѣе идеальное содержаніе. Тогда живопись вступила на такой путь, на которомъ можно было достигать прекрасныхъ результатовъ. Но въ то время обнаруживалось стремленіе къ новымъ идеаламъ искусства; романтическая школа, достигая господства въ литературѣ и во всемъ, что касалось умственного развитія, удержала за собою поле битвы и въ томъ, что касалось художественнаго творчества. Противъ классическаго направленія въ искусствѣ возстали прежде всѣхъ тѣ нѣмецкіе художники, которые находились въ Римѣ въ началѣ текущаго столѣтія, и которые проявили свое единомысліе въ томъ, что стали жить вмѣстѣ и вмѣстѣ работать. Незадолго передъ тѣмъ, кѣльнскіе уроженцы братья Сульпицій и Мельхіоръ Буассерэ и ихъ другъ Іоаннъ Бертрамъ начали собирать древне-нѣмецкія и нидерландскія произведенія живописи, которыя произвели такое сильное впечатлѣніе на Гёте и на всѣхъ нѣмецкихъ художниковъ. Эта коллекція картинъ, очень увеличившаяся съ теченіемъ времени, и служащая въ настоящее время украшеніемъ для мюнхенской пинакотeki, совершенно соотвѣтствовала направленію идей Тика, Шлегелей и другихъ представителей романтической школы; поэтому нѣмецкіе живописцы стали выбирать исключительно христіанско-религіозныя сюжеты по образцу древне-нѣмецкихъ и итальянскихъ картинъ. Многіе изъ нихъ ознаменовали пробудившееся въ нихъ сочувствіе къ ново-романтическому направленію въ искусствѣ тѣмъ, что перешли въ католическую вѣру.

Въ своей „Новѣйшей исторіи искусства“ Рачинскій такъ описываетъ этотъ переходъ въ католическую вѣру, столь характеристичный для художественныхъ и литературныхъ стремленій того времени: „Нельзя отвергать того факта, что религіозныя чувства необходимы для человѣческаго сердца и что они вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ для искусства источникомъ самаго благороднаго воодушевленія: это прежде всѣхъ узнали на собственномъ опытѣ тѣ нѣмецкіе художники, которые собрались въ Римѣ. Тѣ изъ нихъ, которые были протестантами, полагали, что не будутъ въ состояніи достаточно ясно выражать свое религіозное рвеніе, если будутъ придерживаться обрядовъ своей церкви и вѣры своихъ предковъ; на ихъ фантазію производили сильное впечатлѣніе церковныя обряды католиковъ, ихъ церковная дисциплина, единство верховной церковной власти, старыя воспоминанія, внѣшній блескъ богослуженія, многочисленные святыя и ихъ чудеса. Поэтому, живя въ Римѣ, гдѣ религіозная истина не прене-

брегаетъ внѣшнимъ блескомъ, не легко было устоять противъ вліянія окружающей атмосферы. Не слѣдуетъ терять изъ виду и того факта, что большинство тѣхъ молодыхъ художниковъ воспитывалось въ такое время, когда общество относилось равнодушно и даже съ пренебреженіемъ ко всякимъ церковнымъ обрядамъ и вѣрованіямъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что многіе изъ нихъ пожелали восполнить то, чего имъ не дали ни воспитаніе ни окружающая среда, а самымъ вѣрнымъ для этого средствомъ казался имъ католицизмъ, въ которомъ менѣе чѣмъ въ какой либо другой религіи они усматривали такіе недостатки, отъ какихъ искали для себя исцѣленія. Этотъ переходъ въ католицизмъ совершился въ 1814 году. Овербекъ, братья Шадовы, Роденъ, Мюллеръ, Эггерсъ, оба Вейта, граверъ на мѣди *Ruschweyh*, дрезденскій художникъ Фогель и во главѣ ихъ ученый Фридрихъ Шлегель сдѣлались католиками. Тѣ, которые остались протестантами, или, хотя и сдѣлались католиками, но воодушевлялись менѣе горячимъ религіознымъ рвеніемъ,—какъ напр. Шнорръ, Торвальдсенъ, Вахъ, Бегасъ, братья Рингенгаузенны,—отдѣлились отъ своихъ прежнихъ товарищей; они находили, что католики относятся къ нимъ враждебно; ихъ стали осыпать насмѣшками, обвинять въ ослѣпленіи или въ лицемеріи и дали имъ прозвище назареевъ. Но вѣрованія нельзя поколебать нападками этого рода“.

Овербекъ. Во главѣ этого кружка благочестивыхъ художниковъ стоялъ лю-
1789—1869. бекскій уроженецъ Фридрихъ Овербекъ,—человѣкъ мягкаго характера, чувствовавшій отвращеніе къ міеологіи, которую считалъ за идолопоклонство, и никогда ничего не заимствовавшій изъ области античнаго искусства и поэзіи; онъ выбиралъ свои сюжеты исключительно изъ области христіанской религіи и легендъ, а при своемъ искреннемъ благочестіи, умѣлъ придавать имъ необыкновенную привлекательность. Но онъ облачалъ эти сюжеты въ такую отвлеченную форму, которая доходила до аллегоріи. Такъ какъ онъ былъ настоящимъ «любящимъ искусство монахомъ» въ родѣ Тика и Вакенродера, то его дѣтское сердце находило въ ученіи католической церкви соотвѣтствующее его натурѣ направленіе и душевное спокойствіе. Въ числѣ его картинъ, написанныхъ масляными красками («Вступленіе Христа въ Іерусалимъ», «Христосъ у Марѣи и у Маріи», «Воскрешеніе Лазаря», «Увѣнчаніе Маріи» и др.) находится большая картина «Союзъ церкви съ искусствами», хранящаяся во Франкфуртѣ на М., въ Штеделевскомъ институтѣ: она даетъ самое наглядное понятіе о достоинствахъ и недостаткахъ художника,—объ изяществѣ композиціи и совершенствахъ колорита, равно какъ о монотоніи мотивовъ и безжизненности дѣйствующихъ лицъ. Художникъ намѣревался изобразить на картинѣ ходъ развитія искусства подъ вліяніемъ христіанской религіи; поэтому его картина, созданная не столько фантазіей, сколько умомъ, получила безжизненную внѣшнюю форму. Для развитія новѣйшаго нѣмецкаго искусства имѣли важное значеніе работы Овербека и его товарищей въ палаццо Бартольди на Пинчіо въ Римѣ, такъ какъ при раскрашиваніи этого дворца (начавшемся въ 1816 году)

снова употреблялась техника фресокъ, придававшая живописи болѣе высокую цѣль и монументальный характеръ. Вслѣдъ за этими первыми попытками были сдѣланы новыя попытки въ томъ-же родѣ: тѣ-же художники (Овербекъ, Корнелиусъ, Шнорръ и др.) изобразили на стѣнахъ виллы римскаго маркиза Массими сцены изъ поэтическихъ произведеній Данте и Тассо. Но Овербекъ выказалъ свои художническія дарованія не столько во фрескахъ и въ живописи масляными красками, сколько въ рисункахъ на картонѣ. Между этими послѣдними болѣе всѣхъ замѣчательны сорокъ рисунковъ къ Евангеліямъ (принадлежатъ Лоцбеку въ замкѣ Вейгернъ, въ Баваріи) и изображеніе семи таинствъ. По замѣчанію Шпрингера, всѣ художественныя произведенія Овербека могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: «Въ первой группѣ, къ которой принадлежатъ кромѣ находящихся въ Любекѣ картинъ и всѣмъ извѣстные рисунки, которые были столько разъ воспроизведены въ гравюрахъ, художникъ выражалъ свои задушевные чувства и свое безыскусственное лирическое душевное настроеніе; она возбуждаетъ въ зрителѣ религіозныя чувства; во второй группѣ художникъ старался выразить богатый запасъ символическихъ идей и придавалъ особую важность идеальному смыслу композиціи, ея поэтическому содержанію».

Между тѣмъ, какъ Овербекъ былъ представителемъ мягкаго, исключительно-религіознаго душевнаго настроенія и типическаго подражанія древне-христіанскимъ художественнымъ произведеніямъ, дюссельдорфскій уроженецъ Петръ Корнелиусъ былъ представителемъ болѣе свободныхъ и болѣе энергичныхъ проявленій романтизма въ разнообразныхъ сферахъ индивидуальной жизни. Онъ былъ сынъ инспектора академіи и росъ среди такихъ впечатлѣній, которыя развиваютъ влеченіе къ искусству. Благодаря поощреніямъ со стороны братьевъ Буассерэ, онъ въ первый разъ выказалъ плодovitость своей фантазіи и свою техническую ловкость въ то время, какъ, живя во Франкфуртѣ (1808—1811), дѣлалъ перомъ рисунки къ «Фаусту» Гёте. Въ началѣ своего пребыванія въ Римѣ онъ дѣлалъ превосходные рисунки къ «Пѣсни Нибелунговъ» и фрески изъ жизни Іосифа въ упомянутой выше залѣ прусскаго консула Бартольди; въ этихъ работахъ онъ обнаружилъ такое-же выдающееся искусство композиціи, какимъ впослѣдствіи отличались его образцовыя работы, исполненныя по порученію короля Баварскаго Лудовика сначала въ Мюнхенѣ, а потомъ въ Берлинѣ. При этомъ онъ придерживался болѣе свободнаго религіознаго направленія; не смотря на то, что онъ родился католикомъ, онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ перешедшихъ въ католическую вѣру романтиковъ и при всякомъ удобномъ случаѣ старался сдерживать чрезмѣрное религіозное рвеніе «Назареевъ». «Своимъ могущественнымъ вліяніемъ»,—говоритъ Реберъ,—«онъ отстаивалъ принципъ универсальности какъ въ выборѣ сюжетовъ, такъ и въ

Корнелиусъ.
1783—1867.

мышленіи и въ чувствахъ; онъ постоянно искалъ истины, величій и богатства содержанія и относился съ пренебреженіемъ къ болѣзненной сантиментальности. Между тѣмъ, какъ большинство его товарищей по профессіи доходило до самоотрицанія, до совершеннаго непониманія требованій вѣка въ своемъ стараніи переноситься въ прошлое, онъ бодро стремился впередъ и искалъ новаго способа для выраженія идей». Только гораздо позже въ немъ пробудилось влеченіе къ католицизму и онъ пришелъ къ убѣжденію, что искусство должно служить «орудіемъ для церкви».

Этотъ такъ называемый «вождь римской кучки художниковъ» возвратился въ 1819 году въ Германію во-первыхъ для того, чтобъ украсить вновь построенную въ Мюнхенѣ глиптотеку фресками изъ міра греческихъ боговъ и героевъ, во-вторыхъ для того, чтобъ занять должность директора въ дюссельдорфской академіи живописи. Тѣ фрески открыли новую эпоху въ нѣмецкомъ искусствѣ; по словамъ одного изъ новѣйшихъ историковъ искусства, это былъ «рядъ глубокихъ идей, примыкавшихъ къ эпико-дидактическому поэтическому произведенію»; вотъ какъ отзывается о нихъ Фёрстеръ: «Ихъ стиль благороденъ и величественъ; въ своихъ широкихъ и изящныхъ формахъ, чрезвычайно пластичныхъ не смотря на свою идеальность, онъ сближается съ античнымъ стилемъ; при этомъ онъ постоянно новъ, своеобразенъ, фантастиченъ, полонъ вкуса и выразительности». Художникъ изобразилъ залу героевъ, въ которой сцены изъ троянской войны полны драматическаго интереса; при этомъ онъ снова сталъ прибѣгать къ арабескамъ для украшенія стѣнъ. Послѣ окончанія рабовъ въ глиптотекѣ, Корнеліусъ занялся работами для церкви св. Людовика и картинами для пинакотeki. Тамъ онъ украсилъ стѣны и плафоны превосходными картинами, для которыхъ служатъ сюжетами ученіе о Богѣ и о Его отношеніяхъ къ человѣку, и наконецъ написалъ картину «Страшный судъ». Корридоръ, ведущій въ залы пинакотeki, онъ украсилъ картинами, для которыхъ были взяты сюжеты изъ исторіи искусства. Въ 1825 году онъ былъ приглашонъ въ Мюнхенъ на должность директора академіи и жилъ тамъ до 1841 года; тогда онъ переселился, по приглашенію короля Фридриха Вильгельма IV въ Берлинъ. Тамъ онъ украшалъ фресками портикъ музея, составлялъ рисунки для такъ называемаго «щита вѣры», назначеннаго въ подарокъ принцу Уэльскому, и для стѣнныхъ картинъ берлинскаго королевскаго склепа (*Campeo santo*) подлѣ новаго собора, а для окончательной отдѣлки этихъ работъ нѣсколько разъ ѣздилъ въ Римъ. Въ своихъ послѣднихъ работахъ онъ изображалъ христіанскіе догматы, не стѣсняясь традиціями, которыя замѣнялъ своимъ личнымъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Ихъ называли «эпосомъ съ вставленнымъ въ него хоровымъ пѣніемъ». По мнѣнію Шпрингера, едва-ли кто либо былъ въ состояніи соперничать съ Корне-

ліусомъ въ умѣннѣ изображать въ лицахъ глубокія идеи и рисовать поэмы. Его главная сила заключалась въ пониманіи всѣхъ тонкостей ритма и въ умѣннѣ придумывать сюжеты для цѣлаго ряда однородныхъ картинъ.

Рисунки картинъ для *Campo santo*, въ особенности группы „восьми блаженствъ“, считаются новѣйшими знатоками искусства за самыя замѣчательныя произведенія, какія когда либо были созданы руками нѣмецкихъ художниковъ. Самъ Корнеліусъ говоритъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Съ этими произведеніями связано самое возвышенное душевное настроеніе, а выраженные въ нихъ чувства не только не ослабѣваютъ по мѣрѣ того, какъ я старѣю, но дѣлаются все болѣе чистыми, искренними, глубокими, святыми. Я еще никогда не работалъ съ такимъ-же наслажденіемъ, съ такимъ-же чувствомъ блаженства“. Сочиняя тѣ рисунки, художникъ мечталъ о всемірномъ эпосѣ въ родѣ „Божественной комедіи“ Данте.

Къ группѣ художниковъ ново-романтическаго направленія принадлежатъ вмѣстѣ съ Овербекомъ и Корнеліусомъ: Вильгельмъ Шадовъ 1789—1862. (сынъ скульптора Іоанна Готфрида), и берлинецъ Филиппъ Вейтъ, оба перешедшіе въ католическую вѣру, и лейпцигскій уроженецъ Юлій Шнорръ. Всѣ трое долго жили въ Римѣ, гдѣ работали вмѣстѣ съ Овербекомъ и Корнеліусомъ надъ фресками дворца Бартольди, а Шнорръ также работалъ вмѣстѣ съ Корнеліусомъ надъ фресками виллы Массими. Послѣ того, какъ Шадовъ довелъ до конца работы разнаго рода и въ Римѣ и въ Берлинѣ, онъ занялъ въ 1826 году должность Корнеліуса въ дюссельдорфской академіи художествъ; тамъ онъ собралъ вокругъ себя значительное число учениковъ, которые достигли такихъ успѣховъ въ исторической живописи и въ живописи пейзажей, что не смотря на неблагопріятныя мѣстныя условія дюссельдорфская школа стала на ряду съ мюнхенской, руководимой Корнеліусомъ. Шадовъ занимался предпочтительно живописью масляными красками и старался обнаруживать свое мастерство не столько въ подражаніяхъ природѣ, сколько въ свободномъ отъ внѣшнихъ вліяній творчествѣ. Однако у него слишкомъ ясно замѣтно желаніе выражать живописью отвлеченныя идеи («Притча о блудномъ сынѣ», «Молитва Христа на Элеонской горѣ», «Мудрыя и юродивыя дѣвы»). Онъ снискалъ полное довѣріе своихъ учениковъ и безъ зависти отдавалъ должную справедливость ихъ заслугамъ.—Филиппъ Вейтъ Фил. Вейтъ. (по своей матери Доротеѣ внукъ философа Мендельсона и пасынокъ Фридриха Шлегеля) 1793—1877. долго жилъ въ Римѣ, гдѣ пріобрѣлъ извѣстность своими фресками въ виллѣ Массими и надпрестольнымъ образомъ Царицы Небесной, а потомъ поселился во Франкфуртѣ на М. Тамъ онъ работалъ въ духѣ романтизма въ качествѣ директора Штеделева института вмѣстѣ съ болѣе молодыми художниками и съ курляндскимъ уроженцемъ, скульпторомъ Шмидтомъ фонъ-деръ-Лауницъ, пока не отказался въ 1843 году отъ своей должно-

сти съ досады на продажу картины Лессинга «Гусь». Въ 1853 году онъ переѣхалъ на жительство въ Майнцъ, гдѣ и умеръ 18 декабря 1877 въ глубокой старости. Его мастерскимъ произведеніемъ была большая фресковая картина «Введеніе искусствъ въ Германіи христіанствомъ» и въ видѣ дополненій къ ней картины «Италія» и «Германія». — Юлій Шноррь фонъ-Карольсфельдъ, сынъ директора лейпцигской академіи живописи, проявилъ богатство своей фантазіи и свое поэтическое воодушевленіе прежде всего во фрескахъ, для которыхъ онъ заимствовалъ сюжеты изъ «Неистоваго Роланда» Аріосто и которыми онъ украсилъ виллу Массими. Послѣ того, какъ онъ прославился нѣсколькими картинами, написанными масляными красками (*Die Hochzeit zu Kana; Lasset die Kindlein zu mir kommen*), онъ былъ назначенъ профессоромъ исторической живописи въ мюнхенской академіи и ему было поручено украсить фресками изъ «Пѣсни Нибелунговъ» пять большихъ апартаментовъ въ нижнемъ этажѣ новаго королевскаго замка и историческими картинами императорскіе апартаменты въ королевскомъ дворцѣ; это порученіе онъ исполнилъ съ успѣхомъ. Изъ «Пѣсни Нибелунговъ» онъ выбралъ описанія самыхъ важныхъ событій и облекъ ихъ въ глубоко-поэтическую художественную форму. Въ 1846 году онъ принялъ назначеніе на должность директора дрезденской картинной галлерей и профессора академіи живописи; тамъ онъ нарисовалъ 240 иллюстрацій къ Библии, производившихъ сильное впечатлѣніе какъ по своему замыслу, такъ и по выразительности исполненія. Съ его переѣздомъ въ Дрезденъ тамъ оживилась художественная дѣятельность, не стоявшая на высотѣ требованій того времени не смотря на труды пейзажиста Фридриха Рецша, рисовальщика и гравёра Морица Рецша и сентиментальнаго историческаго живописца Герг. Кюгельгена (убитаго въ 1820 году разбойниками). — Къ кружку художниковъ романтическаго направленія принадлежалъ, вмѣстѣ съ цюрихскимъ уроженцемъ Лудвигомъ Фогелемъ («Возвращеніе Швейцарцевъ послѣ моргартенской битвы»), Карломъ Фогелемъ и др., и талантливый жанристъ и пейзажистъ, гейдельбергскій уроженецъ.

Карль Форъ. Карль Форъ, который утонулъ, купаясь въ Тибрѣ, когда ему было 1795—1818. только двадцать два года.

Школа Овербека. Вокругъ самыхъ даровитыхъ изъ этихъ людей собирались многочисленные молодые ученики, частію шедшіе по стопамъ своихъ наставниковъ и строго придерживавшіеся преподанныхъ имъ правилъ, частію далѣе развивавшіе эти правила самостоятельной творческою дѣятельностью. Такимъ образомъ возникли въ Германіи школы художествъ, старавшіяся превзойти одна другую и возбуждавшія интересъ къ произведеніямъ искусства. Самое незначительное число безусловныхъ приверженцевъ насчитывала школа Овербека, придерживавшаяся исключительно христіанско-романтическаго направленія.

Прозвище «монаховъ» или «Назареевъ», данное ей, очевидно, въ насмѣшку, доказывало, что ея направленіе правилось немногимъ. Такъ какъ жившіе въ Римѣ, нѣмецкіе художники оказывали предпочтеніе древне-итальянскому стилю, то многіе изъ нихъ смотрѣли на избранные сюжеты глазами старыхъ «флорентинскихъ мастеровъ» и придавали приторно-слащавый тонъ выраженію своего неискренняго благочестиваго душевнаго настроенія. Филиппъ Вейтъ и вѣнскій уроженецъ Іоаннъ Эдуардъ Штейнле, работавшіе во Франкфуртѣ на М., оставались самыми вѣрными послѣдователями Овербека. О даровитости Штейнле свидѣлствуютъ картины «Нагорная проповѣдь» и «Рай», находящіяся въ капеллѣ замка Рейнекъ, «Наши первые прародители» и «Авель», равно какъ громадное число написанныхъ масляными красками, картинъ религіознаго содержанія, чертежей для украшенія стеклянныхъ оконъ, рисунковъ и акварелей (въ которыхъ изображались сцены изъ сказокъ и поэтическихъ произведеній). Къ числу тѣхъ художниковъ, которые придерживались христіанской романтики и подражали стариннымъ итальянскимъ мастерамъ, также принадлежатъ: австрійскій художникъ, богемскій уроженецъ Іосифъ Фюрихъ, стоявшій во главѣ религіозной школы и обнаруживавшій въ своихъ рисункахъ («Приложенія къ Женевиѣвъ Тика», «Сонъ Іосифа») живость своей фантазіи (сравни съ стр. 612), гильдесгеймскій уроженецъ Эрнстъ Дегеръ, кобленцскій уроженецъ І. Сеттегастъ и жившій въ Карлсруэ Лудв. де-Кудръ (ум. 1879). Вмѣстѣ съ Вейтомъ работалъ во Франкфуртѣ («Бонифацій»; «Даніилъ въ львиной берлогѣ») недавно умершій, ахенскій уроженецъ Альфр. Ретель; его фрески изъ жизни Карла Великаго, находящіяся въ залѣ ахенской ратуши, обнаруживаютъ такую же даровитость, какъ и рисунки изъ временъ революціи 1848 года, извѣстные подъ названіемъ Auch ein Totentanz. Хотя на сторонѣ религіознаго направленія въ искусствѣ и было то преимущество, что его мотивы всѣмъ извѣстны и не требуютъ отъ зрителя утомительной подготовки, но ему вредили отсутствіе яркихъ натуральныхъ формъ и красокъ и склонность «изображать только строго пассивныя положенія, а религіозныя личности изображать не торжествующими и побѣдоносными, а какъ будто утомленными борьбой, не полными жизни и лишь полу-тѣлесными».

Штейнле.

1810—1886.

Ретель.

1816—1859.

Корнелиусъ имѣлъ самое сильное вліяніе на всѣ виды новѣйшаго искусства. Ему обязаны началомъ своего процвѣтанія большія изъ новѣйшихъ школъ живописи—дюссельдорфская и мюнхенская; но его личное вліяніе было болѣе сильно, чѣмъ вліяніе его художественныхъ произведеній, поэтому, послѣ его удаленія со сцены, скоро въ обѣихъ школахъ взяли верхъ новыя направленія. Изъ дюссельдорфской школы,—которая была въ 1820 году помѣщена прусскимъ правительствомъ въ старомъ зданіи пфальцской

Школа Корнелиуса.

Дюссельдорфская школа.

Первый періодъ. академіи и отдана въ завѣдываніе Корнеліусу и Мозлеру,—вышли даровитые, впослѣдствіи прославившіеся художники Вильг. Каульбахъ, Карлъ Штюмеръ, Адамъ Эберле, Германнъ Штильке («Крестоносцы»), Іаковъ Гёценбергеръ (фрески въ Боннѣ и въ Баденъ-Баденѣ), Шорнъ. Э. Фёрстеръ, Карлъ Шорнъ («Анабаптисты передъ судомъ»), пле- 1803—1850. мянникъ носившаго то-же имя, автора исторіи искусства, Карлъ Германнъ («Исторія нѣмецкаго народа въ картинахъ»), Бернгардъ Негеръ («Комната Шиллера въ веймарскомъ замкѣ»), Генрихъ Мюкке («Фридрихъ Барбаросса и Генрихъ Левъ»). Однако, не смотря на важныя заслуги этихъ художниковъ, ученики Корнеліуса навлекали на себя упреки за то, что занимались предпочтительно фресковой живописью и пренебрегали болѣе глубокимъ изученіемъ природы, которое возможно только для тѣхъ, кто занимается живописью масляными красками. Этихъ недостатковъ старался избѣгать Карлъ Вильг. Вахъ, принимавшій въ Берлинѣ вмѣстѣ съ Шадовомъ участіе въ отдѣлкѣ театра и нарисовавшій для Москвы большую на- престольную картину «Воскресеніе Христа»; онъ обращалъ больш- ое вниманіе на правильность рисунка и техническую точность въ его исполненіи такъ, что его школу, въ которой преобладалъ рас- четливый умъ, можно назвать академической или классической. Къ числу самыхъ выдающихся учениковъ Ваха принадлежатъ: магде- бургскій уроженецъ Штейнбрюкъ («Грѣхопаденіе», «Отвергнутая Агарь»), берлинскіе уроженцы Геннингъ и Гопфгартенъ и Адольфъ Менцель («Сцены и характеры изъ эпохи Фридриха Вел.»).

Второй періодъ. И во второмъ періодѣ дѣятельности дюссельдорфской академіи подъ руководствомъ Шадова изъ нея вышли такіе первоклассные Юл. Гюбнеръ. живописцы, какъ Юлій Гюбнеръ и берлинскій уроженецъ Эдуардъ 1806—1882. Вендеманнъ («Плачущіе Іудеи», «Іеремія на развалинахъ Іерусали- ма»); оба они были впослѣдствіи приглашены въ Дрезденъ и съ род. 1811. усиѣхомъ работали въ тамошней академіи вмѣстѣ съ Эрнестомъ (въ Дрезденѣ). Дегеромъ (фрески въ церкви св. Аполлинарія) и эйзенахскимъ уро- женцемъ Герм. Вислиценусомъ («Императорскій залъ въ Госларѣ»). О картинѣ Вендеманна «Іеремія» говорили, что изъ нея раздаются сильные вопли; онъ, кромѣ того, украсилъ дрезденскій дворецъ нѣсколькими фресками на историческіе сюжеты; изъ картинъ Гюб- nera пользовались заслуженной похвалою два изображенія Карла V въ монастырѣ, Фридрихъ II, умирающій въ Санъ-Суси, и диспутъ въ Лейпцигѣ во времена реформаціи.

Лессингъ. Но первое мѣсто между историческими живописцами дюссельдорф- 1808—1880. ской школы принадлежитъ бреславльскому уроженцу Карлу Фридриху Лессингу («Королевская чета въ печали», «Ленора», «Гусъ передъ соборомъ», «Гусъ на кострѣ», «Проповѣдь Гусситовъ», Эццелино въ тюрьмѣ», «Взятіе въ плѣнъ папы Пасхалія II», «Лютеръ, сожи- гающій папскую буллу»). Не менѣе даровитъ былъ Лессингъ, какъ

пейзажистъ («Монастырскій дворъ въ снѣгу», «Кладбище», «Замокъ на берегу моря» и другіе пейзажи, въ которыхъ господствуетъ меланхолическое душевное настроеніе). Его изображенія Гусса возбуждали сильное негодованіе въ ультрамонтанскихъ кружкахъ, потому что въ нихъ усматривали нападки на церковный судъ и на католическую церковь; они возбудили раздоры въ дюссельдорфской школѣ и сдѣлались главной причиной удаленія протестантскаго художника изъ Дюссельдорфа. Въ 1858 году Лессингъ былъ приглашонъ въ Карлсруэ, гдѣ сталъ во главѣ новой академіи художествъ вмѣстѣ съ живописцемъ Ширмеромъ, который также былъ воспитанникомъ дюссельдорфской школы и долго былъ въ ней преподавателемъ. По словамъ Рачинскаго, Лессингъ отличается удачнымъ сочетаніемъ романтическаго направленія съ правильностью и строгостью стиля,—благородныхъ и нѣжныхъ чувствъ съ самою глубокою вдумчивостью въ характеры сюжетовъ. Онъ первый придалъ исторической живописи реалистическій характеръ, съ которымъ въ то-же время стали осваиваться мюнхенскіе художники и который стали далѣе развивать его ученики берлинскій уроженецъ Юл. Шрадеръ, дюссельдорфскій уроженецъ В. Камигаузенъ, бреславльскій уроженецъ Адольфъ Менцель и въ особенности воспитывавшійся въ Америкѣ, талантливый Э. Лейтце («Переправа Вашингтона черезъ Делаваръ», «Послѣдній вечеръ Карла I»). И многосторонне даровитый, Вернеръ сначала развивалъ свои способности по указаніямъ Лессинга, пока жилъ въ Берлинѣ, а потомъ пользовался въ Парижѣ совѣтами Делакруа.

Нѣмецкая историческая живопись и вмѣстѣ съ нею ландшафтная достигли высокаго развитія благодаря Лессингу, Ширмеру, Зону («Похищеніе Гилы»; «Діана, купающаяся вмѣстѣ съ нимфами»; «Двѣ Леоноры»), Ахенбаху, Теод. Гильдебрандту («Дѣти Эдуарда по Шекспиру»; «Юдифь и Олофернъ»), Фридриху Преллеру («Комната Виланда въ веймарскомъ замкѣ», «Пейзажи изъ Одиссеи»), А. Веберу и др.; самыми даровитыми жанристами были Іаковъ Бекеръ, Лудвигъ Кнаусъ, Бенж. Вотье, норвежскіе уроженцы Адольфъ Тидемандъ и Гюде; въ юмористическомъ жанрѣ отличались Іоаниъ Петръ Газенклеверъ, Адольфъ Шрѣдтеръ («Рыбаки на Рюгенѣ»), Германнъ Крецшмеръ, Г. Бюркель и Генр. Рустигъ. Философскій факультетъ боннскаго университета возвелъ дюссельдорфскаго профессора живописи Андрея Ахенбаха въ званіе доктора по случаю семидесятой годовщины его рожденія, а въ выданномъ по этому случаю дипломѣ восхваляя этого живописца за умѣнье мастерски изображать красоты природы, великолѣпіе моря, усилія людей, борющихся съ силами природы, жизнь моряковъ и т. д.

Уже ранѣе было нами замѣчено, что отдѣльные виды искусства все болѣе и болѣе раздвигали свои рамки, сближались и смѣшивались

одни съ другими. Въ особенности историческая живопись, при своемъ переходѣ къ реализму, приняла такой характеръ, что стала во многихъ отношеніяхъ соприкасаться съ «историческимъ жанромъ»; это объясняется тѣмъ, что живопись, изображающая жизнь и нравы народа, охватывала все болѣе широкія сферы, все болѣе разнообразные сюжеты. Новѣйшіе жанристы изображаютъ людей всѣхъ сословій и всѣхъ возрастовъ, всѣ виды занятій, жизнь индивидуумовъ и нравы цѣлыхъ племенъ; въ ихъ картинахъ вы найдете и идилліи и драматическія новеллы, событія изъ деревенской и изъ городской жизни, и комическія и трагическія сцены. Поэтому, было вполне естественно, что живописцы, изображавшіе въ своихъ картинахъ народные нравы, находили въ исторіи неисчерпаемый источникъ новыхъ сюжетовъ, что смѣшеніе тѣхъ двухъ видовъ искусства становилось все болѣе частымъ. И Рустигъ, сначала прославившійся какъ жанристъ («Покинутая дѣвушка», «Прерванный обѣдъ»), въ послѣдствіи съ успѣхомъ посвятилъ себя исторической живописи («Герцогъ Альба въ рудольштадтскомъ замкѣ», «Погребальная процессія императора Оттона III», «Фридрихъ II и его дворъ въ Палермо»). Изображеніе общественной жизни и происходящихъ въ ней столкновений («Силезскіе ткачи» Карла Гюбнера; его-же «Переселенцы» и «Право охоты») входятъ въ составъ внутренней исторіи нашего времени, дополняя ее яркой характеристикой выдающихся личностей; картины талантливаго жанриста Лудвига Кнауса, соединявшаго съ знаніемъ человѣческаго сердца мастерскую технику («Пожаръ», «Цыганскій таборъ», «Утро послѣ сельскаго праздника», «Крещеніе», «Похороны»), даютъ болѣе ясное понятіе о внутренней и внѣшней народной жизни, чѣмъ какой либо историческій рассказъ. Не менѣе оживляютъ и дополняютъ историческую живопись изображенія натуры въ пейзажахъ. Въ жанровой ландшафтной живописи Тидеманда и Гюде отражается вся своеобразность сѣверныхъ народовъ, изображаются всѣ важныя формы общественной жизни. «Пейзажи Гюде не только отличаются мастерскою техникой и законченностью внѣшней формы, но также отзываются своеобразной сѣверной поэзіей и представляютъ превосходную характеристику сѣверныхъ странъ». Сочетаніе ландшафтной живописи съ исторической является самымъ удачнымъ у Ширмера и у Лессинга, обнаруживавшихъ и въ той и въ другой одинаковое мастерство. Ширмеръ былъ настоящимъ основателемъ новой школы; онъ придалъ ландшафтной живописи твердую опору. «Послѣ непродолжительныхъ колебаній, онъ отдалъ предпочтеніе идеалистическому направленію и создалъ своеобразный стиль, въ которомъ преобладаетъ поэтическое чувство и все направлено къ произведенію цѣльнаго гармоническаго впечатлѣнія». Самымъ вѣрнымъ его послѣдователемъ былъ Авг. Веберъ; и базельскій уроженецъ Арнольдъ Бёклинь вышелъ изъ его школы.

Мы уже ранѣе говорили о томъ, какъ сильно возбудила романтика интересъ къ природѣ во всѣхъ ея явленіяхъ. Это послужило въ пользу ландшафтной живописи. Но и въ этой сферѣ все болѣе и болѣе преобладалъ реализмъ. Въмѣсто того, чтобъ смотрѣть на природу съ идеальной точки зрѣнія, искать въ ней мотивовъ для душевныхъ настроеній, художники стали, по примѣру Эдуарда Гильдебрандта, Рифшталя и др., считать своей главной задачей подражаніе природѣ въ ея внѣшнихъ формахъ, стали обнаруживать предпочтеніе ея поразительнымъ и рѣдкимъ явленіямъ и такимъ образомъ вовлеклись въ чистый натурализмъ.

Самая оживленная художественная дѣятельность развилась въ Мюнхенѣ подъ покровительствомъ короля Лудовика и подъ руководствомъ Корнелиуса. Въ особенности живопись аль-фреско достигла высокаго процвѣтанія благодаря сооруженію громаднхъ новыхъ зданій, украшавшихся стѣнными и плафонными картинами (церковь св. Лудовика, придворная капелла, базилика св. Бонифація, церковь въ готическомъ стилѣ, глиптотека, старая и новая нинаотека, новая королевская резиденція и галлерей изъ арокъ, гдѣ работали такіе художники, какъ Э. Фёрстеръ, Лиденшмидтъ, Гильтеншпергеръ, Аншоуцъ, Циммерманъ). Дюссельдорфскій художникъ Генр. Гессъ, Мюнхенская школа. приглашенный въ мюнхенскую академію почти въ одно время съ Шнорромъ, написалъ для придворной капеллы и для церкви св. Бонифація цѣлый рядъ картинъ въ строго-католическомъ вкусѣ. Ему помогали въ этихъ работахъ его ученикъ Іоаннъ Шраудольфъ, которому было впоследствии поручено украсить живописью соборъ въ Шпейерѣ. Г. Гессъ. 1798—1863. Шраудольфъ. 1808—1879.

Однако и въ кружкахъ мюнхенскихъ художниковъ стало съ теченіемъ времени обнаруживаться реалистическое направленіе. Уже дюссельдорфскій живописецъ Шоршъ, — учившійся въ Парижѣ подъ руководствомъ Гро и Энгра и послѣ своего приглашенія въ Мюнхенскую академію, впервые начавшій уклоняться отъ системы Корнелиуса, — сталъ противопоставлять индивидуальность философскому воззрѣнію и символическому идеализму не только въ ранѣе упомянутой нами картинѣ «Анабаптисты», но и въ другихъ картинахъ («Папа Павелъ III передъ портретомъ Лютера», «Сальваторъ Роза среди разбойниковъ»). Еще рѣшительнѣе придерживался этого направленія Карлъ Пилоти, подчинявшійся вліянію Галлэ и Делароша какъ въ своей картинѣ «Сени передъ трупомъ Валленштейна», такъ и въ другой, отправленной въ Америку картинѣ «Трагическая смерть Фридлендера». Пилоти не уклонился отъ этого направленія и въ позднѣе написанныхъ историческихъ картинахъ; оно обнаруживается въ «Смерти Цезаря» менѣе ярко, чѣмъ въ картинахъ «Неронъ на развалинахъ Рима», «Вступленіе Валленштейна въ Эгеръ», «Галилеяне въ темницѣ»; всего ярче оно обнаруживается въ картинѣ «Колумбъ».

Тщательная отдѣлка мелкихъ подробностей, соединяющаяся съ мастерскою техникой, составляетъ главное достоинство и его позднѣйшихъ произведеній: «Игуменья, встрѣчающаяся съ грабителями», «Объявленіе Маріи Стюартъ ея смертнаго приговора», «Извѣщеніе о битвѣ у Бѣлой горы», «Германикъ», «Туснельда въ плѣну». На этой послѣдней картинѣ лежитъ такой поэтическій и идеальный отпечатокъ, какой рѣдко встрѣчается въ историческихъ картинахъ французскихъ художниковъ.

Въ одно время съ Пилоти работало въ Мюнхенѣ еще нѣсколько даровитыхъ художниковъ, вносившихъ въ живопись новые сюжеты и новые способы ихъ обработки въ противоположность одностороннему идеализму и романтизму. Между ними въ особенности Дженелли и Швиндъ отличались умѣньемъ придавать романтическимъ личностямъ классически-привлекательную энергичность въ замѣнъ прежней вялой сантиментальности. Бонавентура Дженелли всего болѣе прославился акварелями и рисунками къ произведеніямъ Гомера и Данте и тремя картинами: «Жизнь кутилы», «Жизнь художника» и «Жизнь колдуньи». Морицъ Швиндъ сначала участвовалъ въ работахъ по украшенію мюнхенскаго дворца, потомъ снабжалъ фресками музей художественныхъ произведеній въ Карлсруэ и много лѣтъ украшалъ стѣны вартбургскаго замка картинами изъ исторіи Тюрингіи («Война пѣвцевъ», «Жизнь святой Елизаветы»); кромѣ того онъ снискалъ единодушныя похвалы своими юмористическими картинами («Поѣздка рыцаря Курта за невѣстой», «Музыканты») и обработкой сюжетовъ изъ нѣмецкихъ народныхъ сказокъ (о чумичкѣ, о семи воронахъ и о прекрасной Мелузинѣ). Его творческая фантазія вращалась преимущественно на почвѣ нѣмецкихъ сказокъ и народныхъ преданій. Но самое сильное впечатлѣніе производилъ на народныя массы Лудвигъ Рихтеръ, занимавшійся политажами для иллюстраціи народныхъ и дѣтскихъ книжекъ, рассказовъ, пѣсенъ, календарей, стихотвореній. Изъ школы Корнеліуса вышелъ и геніальный изобрѣтатель разныхъ украшеній, мюнхенскій уроженецъ Евгеній Нейрейтеръ. Многосторонней даровитостью отличался итальянскій уроженецъ графъ Францъ Поцци; онъ былъ въ одно время и поэтъ и живописецъ и музыкантъ и, не смотря на то, что занималъ придворную должность, находилъ время для многочисленныхъ художественныхъ произведеній въ юмористическомъ жанрѣ.

Но еще болѣе всѣхъ этихъ художниковъ отличался разнообразіемъ своихъ дарованій, силою своего вліянія на современниковъ и важностью намѣченныхъ цѣлей, арользенскій уроженецъ Вильгельмъ Каульбахъ. «Поэзія и исторія служили главными источниками для сюжетовъ его картинъ; онъ держался въ сторонѣ отъ церкви, но глубоко вникалъ въ условія дѣйствительной жизни. Одаренный способностью подмѣчать нравственные и физическіе недостатки людей

и всецѣло проникнутый современнымъ духомъ отрицанія, онъ почти съ неограниченною властію распоряжался всѣми средствами, какія нужны для сатирика». Не глубина идей и не нѣжность чувствъ придавали привлекательность его сюжетамъ; его натура «безъ любви и безъ вѣры» отражалась въ его художественныхъ произведеніяхъ; за то въ обрисовкѣ формъ и линій, въ изображеніи движеній и въ группировкѣ дѣйствующихъ лицъ его рукою руководило такое высоко-развитое пониманіе изящнаго, какого часто недостаетъ вычурному стилю.

Поселившись въ Мюнхенѣ, Каульбахъ сначала работалъ подъ руководствомъ Корнелиуса въ галереѣ дворцоваго сада и въ Одеонѣ, потомъ самостоятельно рисовалъ въ новомъ королевскомъ дворцѣ картины на сюжеты изъ поэтическихъ произведеній Клопштока, Гёте и Виланда; но уже въ своихъ рисункахъ «Домъ умалишенныхъ» и «Преступникъ изъ утраченной чести» онъ совершенно отказался отъ идеальнаго направленія Корнелиуса и съ тѣхъ поръ сталъ придерживаться рѣзко противоположнаго направленія. Обѣ стороны своей даровитости—рефлексію и ритмическую выразительность композиціи онъ въ первый разъ блестящимъ образомъ выказалъ въ большой картинѣ «Битва Гунновъ» (по плану, составленному въ 1834 г.). Историческая живопись, къ которой относились съ пренебреженіемъ и Корнелиусъ и его послѣдователи, вступила тогда на новый, много обѣщавшій, путь; она расширила свой объемъ, когда Каульбахъ создалъ своей картиной «Разрушеніе Іерусалима» новый видъ живописи, изображающей «всемирно-историческую эпоху». Въ то-же время онъ, для отдыха и для развлеченія, занимался рисунками къ Гётевскому «Рейнеке Фуксу». Въ этой работѣ онъ въ первый разъ обнаружилъ свою склонность къ сатирѣ и къ насмѣшкамъ; но и работая надъ фресками для новой пинакотекы, онъ позволилъ себѣ насмѣшливо относиться къ исторіи новѣйшаго нѣмецкаго искусства, чѣмъ навлекъ на себя вражду почти всѣхъ своихъ прежнихъ товарищей. Къ самой блестящей эпохѣ художественной дѣятельности Каульбаха принадлежатъ шесть картинъ изъ всемирной исторіи, украшающихъ лѣстницу новаго берлинскаго музея; въ нихъ художникъ выказалъ всѣ свои достоинства—искусство и ясность композиціи, глубину идей и богатство содержанія, соединяющіяся съ яркостью колорита и съ изяществомъ фигуръ. Для первой картины служитъ сюжетомъ построеніе вавилонской башни, для второй—Гомеръ, для третьей—разрушеніе Іерусалима, для четвертой—духовная борьба между Гуннами и Римлянами, для пятой—Крестовые походы, для шестой—реформація. На ряду съ этими шестью большими историческими картинами стоятъ восемь изображеній преданія, исторіи, поэзи, науки и четырехъ отраслей образовательнаго искусства; надъ ними возвышается фризъ съ бо-

лѣе веселыми изображеніями дѣтей: это похоже на комедію, написанную въ добавокъ къ серьезному содержанію остальныхъ сюжетовъ, и имѣетъ нѣкоторое сходство съ поэтической ироніей романтиковъ. Задуманная Каульбахомъ въ широкихъ размѣрахъ, иллюстрація къ драмамъ Шекспира не была доведена до конца. То обстоятельство, что оба величайшихъ живописца нашего времени, Корнеліусъ и Каульбахъ, одновременно работали въ Берлинѣ, подало Реберу поводъ для слѣдующаго сравненія: «Въ двухъ своихъ большихъ композиціяхъ, созданныхъ въ Мюнхенѣ, — въ «Битвѣ Гунновъ» и въ «Разрушеніи Іерусалима», — Каульбахъ развилъ свой стиль до полной зрѣлости, но развилъ такъ, что Корнеліусъ, никогда не отвергавшій заслугъ своего ученика, долженъ былъ убыть въ его рѣшительномъ отпаденіи отъ школы своего наставника. Христіанское воззрѣніе, господствовавшее въ произведеніяхъ Корнеліуса, было замѣнено воззрѣніемъ языческимъ, эллинскимъ; супернатурализмъ, почти никогда не нисходившій до одного уровня съ человѣчностью, былъ замѣненъ обоготвореніемъ чистой человѣчности; вмѣсто Божескаго Духа и Откровенія выступилъ на сцену міровой духъ исторіи. Корнеліусъ придерживался точки зрѣнія, по видимому, уже не внушавшей довѣрія въ Берлинѣ, гдѣ положительное христіанство имѣло немногочисленныхъ, хотя и принадлежавшихъ къ избранному кружку, послѣдователей. Напротивъ того, Каубальхъ придерживался такого направленія, которое соответствовало духу времени, находило для себя опору въ наукѣ и привлекало къ себѣ не только избранныхъ послѣдователей, но и всю массу публики». Историческая жизнь служила главнымъ источникомъ сюжетовъ для Каульбаха до самой его смерти, какъ это доказываютъ: картина «Императоръ Оттонъ III, приказывающій вскрыть могилу Карла Великаго въ ахенскомъ соборѣ» (она находится въ германскомъ музеѣ, въ Нюрнбергѣ) и монументальныя произведенія Peter Arbues и Negro.

Въ одно время съ этими великими живописцами довели до высокаго процвѣтанія ландшафтную живопись Роттманнъ, Эрнестъ и Бернгардъ Фризы, Моргенштернъ, Гейнлейнъ, Катель, Шлейхъ, Линде-Эрн. Фризь. маннъ Фроммель. Карлъ Роттманнъ нарисовалъ двадцать восемь пейзажей *al fresco* для галлерей дворцоваго сада, двадцать три греческихъ пейзажа для новой пинакотeki; Эрнестъ Фризь нарисовалъ виды Гейдельберга и различныхъ мѣстностей Италіи; всѣ эти произведенія свидѣтельствовали о всестороннемъ изученіи природы, составлявшемъ главную задачу мюнхенской школы. Жанровыя и ландшафтныя изображенія итальянской природы, которыми занимался Берлинецъ Катель, отличаются какъ живостью и фантастичностью вышпей формы, такъ и изяществомъ колорита. Майнцскій уроженецъ Іос. Стилеръ. Стилеръ и Баварецъ Францъ Ленбахъ довели и портретную живо- род. 1836. пись до художественнаго совершенства.

Художественныя школы мюнхенская и дрезденская были въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій настоящими разсадниками нѣмецкой живописи. Но и въ другихъ нѣмецкихъ городахъ оживленная художественная дѣятельность поддерживалась академіями живописи и покровительствомъ царствующимъ особъ. И въ прусской столицѣ, — гдѣ въ теченіе первой четверти текущаго столѣтія процвѣтали преимущественно скульптура и архитектура, — стали мало-по-малу возникать самостоятельныя направленія въ области живописи. Воспитавшійся въ Парижѣ и въ Римѣ, Карлъ Бегасъ приобрѣлъ извѣстность своими картинами христіанско-романтическаго содержанія («Христосъ въ Геосиманскомъ саду» въ обновленной гарнизонной церкви и «Сошествіе св. Духа» въ берлинскомъ соборѣ; «Воскресеніе Христово»); въ позднѣйшемъ періодѣ своего развитія онъ сталъ на ряду съ первоклассными нѣмецкими художниками благодаря своимъ картинамъ «Лорелей», «Напрасный трудъ» и многимъ превосходнымъ портретамъ. Въ одно время съ нимъ приобрѣли извѣстность Вильг. Гензель († 1861) историческими картинами и портретами, Фридрихъ В. Ширмеръ († 1866) пейзажами, Эдуардъ Магнусъ и Францъ Крюгеръ портретами и изображеніями военныхъ парадовъ, І. Ф. Шрадеръ историческими картинами. Также могутъ быть причислены къ берлинскимъ художникамъ Адольфъ Фридрихъ Менцель и Антонъ Вернеръ, приобрѣвшіе извѣстность многочисленными иллюстраціями нѣмецкихъ поэтическихъ произведеній и историческими картинами; первый изъ нихъ талантливо изображалъ событія временъ Фридриха Великаго и былъ смѣлымъ нововводителемъ въ различныхъ отрасляхъ новѣйшей живописи; второй прославился въ наше время изображеніями различныхъ сценъ изъ франко-германской войны. Въ Веймарѣ и въ Штутгартѣ, точно также, какъ въ Берлинѣ, для дѣятельности художниковъ служили поощреніемъ существованіе академіи художествъ и покровительство царствующихъ особъ.

Бегасъ.

1794—1854.

Менцель,

род. 1815.

А. Вернеръ,

род. 1843.

И въ Австріи, въ особенности въ Вѣнѣ и въ Прагѣ, пробудился живой интересъ къ образовательнымъ искусствамъ. Хотя музыка и театръ постоянно были въ Вѣнѣ тѣми отраслями искусства, которыя пользовались предпочтеніемъ, но и живопись мало-по-малу возвысилась изъ того второстепеннаго положенія, на которое была осуждена въ началѣ столѣтія господствомъ безжизненнаго классицизма; архитектура и пластика также достигли одинакаго совершенства съ художественными произведеніями берлинскими и мюнхенскими. Съ романтической живописью познакомилъ жителей австрійской столицы Іосифъ Фюрихъ; онъ былъ родомъ изъ Крацау въ Богеміи, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ принадлежалъ въ Римѣ къ кружку Овербека и Вейта и въ то время былъ всецѣло проникнутъ христіанско-символическими идеями «Назареевъ»; въ 1834 году онъ

Австрійскіе художники.

Фюрихъ.

1800—1876.

былъ приглашенъ въ Вѣну, въ академическую картинную галерею, а въ 1841 году былъ назначенъ въ вѣнскую академію преподавателемъ исторической композиціи. Тамъ онъ былъ однимъ изъ послѣднихъ представителей истинно-религіознаго церковнаго искусства и въ зрѣлые годы своей жизни отличался такимъ благородствомъ рисунка, такимъ искусствомъ композиціи и такой выразительностью фигуръ, что сталъ много выше средняго уровня художниковъ, вышедшихъ изъ школы Овербека. Всего болѣе нравились его политипажи или эстампы *Der Psalter* и *Der Bethlehemitische Weg*, *Die Nachfolge Christi* и *Der verlorne Sohn*. Ученики вѣнской академіи украсили, подъ руководствомъ Фюриха, многочисленными фресками Альтлерхенфельдерскую церковь. Его талантливый ученикъ, вѣнскій уроженецъ Лудвигъ Пассини (род. 1832), изображавшій духовные сюжеты въ жанровой живописи (*Der katechisierende Geistliche*, *Einsegnung der Chorherren*, *Die Beichtende*) и изучавшій преимущественно технику акварели, жилъ и работалъ большею частию въ Римѣ или въ Венеціи (*Vorleser des Tasso*).

- Раль. Важный шагъ въ болѣе свободномъ направленіи былъ сдѣланъ 1812—1865. вѣнскимъ историческимъ живописцемъ, сыномъ извѣстнаго гравёра на мѣди, Карломъ Ралемъ. Во время своего семилѣтняго пребыванія въ Римѣ и онъ придерживался нѣмецкаго направленія въ живописи, какъ это доказываютъ его картины «Гагенъ передъ трупомъ Зигфрида» и «Гоненіе Христіанъ»; но благодаря тщательному изученію произведеній старинной венеціанской школы, онъ сдѣлался болѣе искуснымъ колористомъ и приобрѣлъ опытность въ композиціи большихъ картинъ. Его участіе въ политическихъ волненіяхъ 1848 года заставило его бѣжать изъ Вѣны. Онъ поселился въ Мюнхенѣ, гдѣ своимъ мастерствомъ въ колоратурѣ вызвалъ возникновеніе новаго художественнаго направленія въ реалистическомъ духѣ. Послѣ его возвращенія въ Вѣну, его главными художественными произведеніями были стѣнные картины для военнаго музея въ новомъ арсеналѣ, построенномъ Ганзеномъ; принаравливаясь къ цѣли этой постройки, онъ украсилъ ее большими военными картинами на сюжеты изъ Ветхаго Завѣта и фризомъ на сюжеты изъ австрійской исторіи. Австрія имѣла и первокласснаго жанриста въ лицѣ Ферди-Вальдиюллеръ. нанда Георга Вальдмюллера, нарисовавшаго цѣлый рядъ всѣмъ 1792—1858. извѣстныхъ картинъ изъ народной жизни (*Das Ende der Schule*, *Die Klostersuppe*, *Die Bauernfamilie vor der Hausthür*, *Bescherung am Christmorgen*). Съ нимъ соперничалъ вѣнскій уро-Дангаузеръ. женецъ Іосифъ Дангаузеръ (*Testamentseröffnung*, *Augenarzt*, 1805—1845. *Pfändung*, *Maleratelier*), приобрѣвшій извѣстность и въ качествѣ историческаго живописца. Въ ландшафтной живописи отличались Карлъ Маркё и Іосифъ Гоффманнъ. И пластическое искусство дѣлало успѣхи въ Вѣнѣ, какъ это доказываютъ многочисленные про-

изведенія Франца Бауера и сдѣланный Цумбушемъ, памятникъ Бетховена. Кромѣ этихъ болѣе старыхъ мастеровъ, къ которымъ слѣдуетъ причислить и пейзажиста Юс. Ребелля, выступили въ Вѣнѣ очень недавно на сцену три первоклассныхъ живописца, временно работавшихъ въ Вѣнѣ, но часто мѣнявшихъ свое мѣстожителство— два вѣнскихъ уроженца Дефреггеръ и Макаръ и вызванный изъ Германіи Фейербахъ.

Сынъ тирольскаго крестьянина Францъ Дефреггеръ учился въ мюнхенской школѣ, преимущественно подъ руководствомъ Пилоти; онъ нарисовалъ цѣлый рядъ жанровыхъ картинъ, которыя отличаются внутренней и внѣшней гармоніей и въ которыхъ отражается радостное наслажденіе жизнью подъ яркими солнечными лучами (*Der Ringkampf in Tirol, Der Ball auf der Alm, Die beiden Brüder, Die Zuhörerinnen des Zitherspielers, Das Preisferd, Die Brautwerbung*); эти картины можно назвать образцовыми въ своемъ жанрѣ. Мало по малу возвышаясь отъ жанровой живописи къ исторической, Дефреггеръ удачно изобразилъ различныя сцены изъ войны своихъ соотечественниковъ съ Наполеономъ (*Das letzte Aufgebot, Die Heimkehr der Sieger, Todesgang Andreas Hofers*). Не смотря на свою реальность, его картины носятъ на себѣ отпечатокъ идеализма, производящій на зрителя пріятное и успокоивающее впечатлѣніе.

Дефреггеръ,
род. 1835.

Къ числу художниковъ нашего времени, всего чаще вызывающихъ то чрезмѣрныя похвалы, то рѣзкія порицанія, принадлежитъ зальцбургскій уроженецъ Гансъ Макаръ. Онъ былъ сынъ комнатнаго сторожа въ императорскомъ загородномъ дворцѣ Мирабелль и еще бывши ребенкомъ пріучился видѣть вокругъ себя тотъ внѣшній блескъ и то великолѣпіе, которые стали въ послѣдствіи изображать съ особеннымъ мастерствомъ. Подобно Дефреггеру, онъ воспитывался въ мюнхенской академіи подъ руководствомъ Пилоти; уже въ 1867 году онъ доставилъ на парижскую выставку картину „Римскія развалины“, которая была плодомъ его поѣздки въ Италію; общее вниманіе онъ впервые обратилъ на себя картиной *Moderne Amoretten*, представлявшей то сочетаніе наивности съ чувственной страстностью, которому онъ былъ въ послѣдствіи обязанъ своимъ успѣхамъ. Послѣ вторичной поѣздки въ Римъ и въ Венецію онъ выставилъ въ мюнхенскомъ обществѣ для поощренія художествъ написанную въ формѣ фриза картину „Чума во Флоренціи“ или „Семь смертныхъ грѣховъ“; онъ нарисовалъ ее съ поразительной скоростью—въ нѣсколько недѣль и скоро пріобрѣлъ всемірную извѣстность. Что это было геніальное и оригинальное художественное произведеніе, способное служить точкой исхода для новаго періода въ исторіи искусства,—въ этомъ всѣ были одного мнѣнія; но между тѣмъ какъ одни считали „несоотвѣтствующимъ достоинству искусства“ исключительное стараніе производить эффектъ и плѣнять колоритомъ, другіе протестовали во имя морали противъ непристойности сценъ и фигуръ изъ жизни, полной чувственныхъ наслажденій,—протестовали противъ производимаго ими соблазна, который нисколько не ослабѣвалъ оттого, что былъ прикрытъ полумракомъ. Эта блестящая своимъ колоритомъ, картина, побывавшая почти во всѣхъ большихъ европейскихъ городахъ и повсюду вызывавшая отвращеніе, смѣшанное съ восторгомъ, выражала, по мнѣнію Пехта, не столько дѣйствительность, сколько сновидѣніе: „Во время чумы 1450 года во Флоренціи, дѣйствительно, были разорваны всѣ узлы нравственной дисциплины и порядка; тогда и мужчины и женщины сѣвши наслаждаться послѣдними минутами своего земнаго

Макаръ.
1840—1884.

существованія, а картина Макарта вѣрно изобразила этотъ моментъ чувственнаго упоенія. Это нѣчто въ родѣ музыки „Донъ Жуана“, переведенной на языкъ живописи“. Макартъ создалъ такой родъ живописи, который удовлетворялъ влеченіе того времени къ чувственнымъ наслажденіямъ и представлялъ рѣзкую противоположность съ слащаво-сентиментальнымъ направленіемъ романтиковъ, отвергавшимъ все, что раздражало чувственность. Встрѣченное имъ одобреніе не только побудило его самого держаться избраннаго направленія („Ромео и Юлія“, „Абунданція“, „Катерина Корнаро“, „Клеопатра“, „Вступленіе Карла V въ Антверпенъ“), но и вызвало не мало подражаній. Макартъ не только изображалъ своей кистью житейскія радости, но и наслаждался ими въ Вѣнѣ до упоенія, такъ какъ высокая цѣна его картинъ доставляла ему необходимыя для этого денежные средства. Однако и на него имѣла вредное вліяніе вѣнская жизнь: онъ не дѣлалъ никакихъ успѣховъ и придерживался прежней системы. Написанныя имъ во время путешествія по Египту, три картины „Прогулка по Нилу“, мрачно оглядывающийся кругомъ, „Мавританскій принцъ“ и „Двѣ бѣдныя жены феллаховъ, несущія воду“ принадлежатъ къ одному стилю съ „Клеопатрой“; но въ нихъ все эффектно и привлекательно. „Макартъ умѣлъ очаровывать зрителей и съ демонической энергіей изображать золотой вѣкъ, полный фантастическаго блеска, чарующей красоты и чувственнаго упоенія“.

Фейербахъ. Между тѣмъ какъ Макартъ пріобрѣталъ всемірную извѣстность и достигалъ блестящихъ успѣховъ, его геніальный современникъ Ансельмъ Фейербахъ боролся съ несочувствіемъ публики и съ трудомъ пріобрѣталъ немногочисленныхъ поклонниковъ. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ основательно изучалъ живопись въ теоріи и на практикѣ сначала въ Дюссельдорфѣ и въ Мюнхенѣ, потомъ въ Парижѣ (подъ руководствомъ Кутюра) и въ Венеціи; отбросивши французское реалистическое направленіе, которое сказывалось въ его первыхъ большихъ картинахъ „Гафизъ въ шинкѣ“ и „Смерть Пьетро Ареттино“, онъ сталъ изучать преимущественно греческія произведенія искусства и мнѣя; въ этомъ отношеніи онъ сходилъ съ направленіемъ своего преждевременно скончавшагося отца († 1851), бывшего преподавателемъ археологіи во фрейбургскомъ университетѣ и написавшаго сочиненіе объ искусствѣ „Ватиканскій Аполлонъ“. Имѣя постоянно въ виду великихъ живописцевъ эпохи Возрожденія, Фейербахъ написалъ, живя болѣею частію въ Римѣ и въ Венеціи, и временно въ Карлсруэ и въ Гейдельбергѣ, цѣлый рядъ картинъ, въ которыхъ обнаружилъ стараніе достигнуть бѣзъискусственнаго величія своихъ классическихъ образцовъ и „сочетать духъ новаго времени съ классической внѣшней формой“. Его личныя воззрѣнія на искусство не сходились съ влеченіемъ его современниковъ къ реализму. Онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ написалъ: хранящуюся въ картинной галлерей, въ Карлсруэ, картину „Данте среди знатныхъ дамъ въ Равеннѣ“; нѣсколько картинъ разнообразнаго содержанія для находящейся въ Мюнхенѣ коллекціи Шакка и въ томъ числѣ „Піэта“, которая производитъ очень трогательное впечатлѣніе, но не имѣетъ церковнаго характера, свойственнаго произведеніямъ католическихъ романтиковъ; картины: „Петрарка и Лаура“, „Франческа де-Римини“, отличающаяся, по словамъ Пехта, невыразимою привлекательностью; „Весеннія картинки“, „Занимающіяся музыкой дѣти“. По мнѣнію Пехта, „Фейербахъ отличается отъ своихъ нѣмецкихъ предшественниковъ не только тѣмъ, что не былъ такимъ-же по преимуществу драматическимъ живописцемъ, какимъ былъ почти каждый изъ художниковъ, группировавшихся вокругъ Корнеліуса, но также тѣмъ, что никогда не былъ тенденціозенъ, никогда не задавался цѣлю поучать зрителей. Поэтому онъ такъ хорошо понималъ

дѣтскую натуру, а написанныя имъ въ этомъ жанрѣ картины, безспорно, принадлежать къ самымъ привлекательнымъ изъ его художественныхъ произведеній“. Вслѣдъ за картиной „Ифигенія на берегу моря“ онъ написалъ самую знаменитую изъ своихъ картинъ — „Пиръ Платона“, которая въ своей болѣе старой отдѣлкѣ находится въ Ганноверѣ, а въ болѣе новой — въ берлинской національной галлерей. Вотъ какъ отзывался о ней Пехтъ: „Она представляетъ такое разнообразіе характеровъ и душевныхъ эмоцій всякаго рода, начиная съ самыхъ глубокихъ чувствъ и кончая самымъ безумнымъ весельемъ, изображая то дѣтей и вѣтренныхъ красивыхъ женщинъ, то повелительныя фізіономіи старцевъ, что можетъ считаться почти за полную картину греческаго міра, отличающуюся и прелестью красокъ и благороднымъ достоинствомъ самыхъ изящныхъ античныхъ произведеній искусства“. За „Пиромъ Платона“ слѣдовалъ цѣлый рядъ картинъ на античныя сюжеты: „Орфей и Эвридика“, „Медея“, въ которой превосходно изображены уѣзжающіе матросы въ итальянской одеждѣ, „*Das Urtheil des Paris*“, въ которой изображена нагота „съ благородной античной наивностью, представляющей рѣзкій контрастъ съ возбуждающими сладострастіе, произведеніями новѣйшихъ художниковъ“, „Битва амазонокъ“, „Титаномахія“, отличающіяся драматической живостью. Эта послѣдняя картина была задумана съ цѣлю изобразить торжество культуры надъ грубыми естественными силами; она была предназначена для украшенія плафона въ новомъ зданіи академіи, которое было построено архитекторомъ Ганзономъ въ Вѣнѣ, куда Фейербахъ былъ приглашенъ на должность профессора въ школу живописи. Въ Нюрнбергѣ, куда Фейербахъ иногда перѣзжалъ на жительство изъ Венеціи, онъ написалъ, для украшенія одной изъ залъ новаго зданія суда, картину „Императоръ Лудвигъ Баварскій принимаетъ присягу нюрнбергскихъ жителей“. Въ концѣ своихъ *Studien und Erinnerungen* Пехтъ указываетъ и на національный характеръ картинъ Фейербаха. Еще всѣмъ памятно глубокое впечатлѣніе, произведенное во всей Германіи внезапной и преждевременной смертью этого художника (4 іюня 1880) вслѣдствіе паралича сердца. Его великолѣпныя похороны въ Нюрнбергѣ и блестящая выставка въ берлинской національной галлерей всѣхъ его картинъ, устроенная директоромъ этой галлерей М. Іорданомъ, свидѣтельствовали о славѣ, достигнутой имъ не смотря на порицанія пристрастныхъ критиковъ. Въ числѣ его выставленныхъ произведеній находились и нѣкоторыя недоковченныя картины („Концертъ“, „Прометей“), свидѣтельствовавшія о постоянномъ стараніи художника подвигаться впередъ по избранному пути.

в. живопись въ чужихъ краяхъ.

Мы уже ранѣе указывали на то, что во Франціи литература па- 1. Франція.
ходила въ тѣсной внутренней связи съ строемъ общественной Ходъ развитія
жизни и съ господствующими воззрѣніями, а культура и умствен- французскаго
ныя стремленія — въ тѣсной связи съ ходомъ политическихъ событій. искусства.
То-же можно замѣтить и относительно французскаго искусства; въ немъ, точно такъ-же, какъ въ литературѣ, можно различить три главныхъ направленія: во-первыхъ идеалистически-классическое, господствовавшее во время революціи и Наполеоновскаго военнаго владычества и имѣвшее своими представителями Давида и послѣдовате-

лей его школы; во-вторыхъ романтическое, раздѣлявшееся на церковное и мірское; оно достигло господства подѣ вліяніемъ реставраціи въ царствованіе Бурбоновъ и Луи-Филиппа; у Энгра оно соединялось съ идеализмомъ, а у Жерико и у геніальныхъ художниковъ Делакруа и Делароша—съ строго реалистической эффектностью; въ третьихъ то направленіе, которое было переходомъ отъ романтизма къ натурализму или къ рѣшительному реализму и представителями котораго слѣдуетъ считать жанриста Леопольда Робера и изображавшаго преимущественно военныя сцены, Гораса Верне. Это уклоненіе отъ классическихъ требованій искусства совершилось одновременно и въ поэзіи и въ живописи. Викторъ Гюго раскрывалъ громадную сферу для творческой дѣятельности геніальныхъ художниковъ, когда восклицалъ: «Въ искусствѣ нѣтъ никакихъ границъ; все можетъ служить для него сюжетомъ, все входитъ въ его рамки, все имѣетъ право гражданства въ поэзіи. Отвратительное должно соединяться съ изящнымъ, безобразное съ привлекательнымъ, низкое съ возвышеннымъ». Одинъ изъ нѣмецкихъ писателей такъ описываетъ этотъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на искусство: «Благодаря представителямъ новѣйшаго мірскаго романтизма, идеальную красоту замѣнило выраженіе страстной раздражительности дюжиннаго индивидуума, типическія обобщенія замѣнила характеристика отдѣльной личности. Впечатлѣніе данной минуты оттѣснило на задній планъ то, что имѣетъ общій, традиціонный характеръ. При этомъ красота рисунка утрачиваетъ свое значеніе въ той-же мѣрѣ, въ какой увеличивается значеніе колорита».

Въ составъ различныхъ группъ входили художники, считавшіеся послѣдователями то одного то другого изъ знаменитыхъ мастеровъ, или же старавшіеся работать самостоятельно. Изъ школы Энгра вышли Поль Шенаваръ, Луи Жомо, Ипполитъ Фландренъ и другіе молодые художники, выразившіе романтическій идеализмъ своего учителя въ нѣсколькихъ картинахъ историческаго и церковно-религіознаго содержанія. Геніальному реализму Делароша подражали болѣе ста художниковъ и въ томъ числѣ Кутюръ, Жеромъ, Жандронъ. Произведенія Робера служили образцами для Шнеца, Леманна, Геберта. Между натуралистами, шедшими по стопамъ Гораса Верне и придававшими самое важное значеніе колориту, Біаръ и Жаккандъ пріобрѣли извѣстность эффектными изображеніями народныхъ нравовъ и картинъ природы («Невольничій рынокъ», «Борьба съ бѣлыми медвѣдями», «Обвинительный приговоръ надъ цыганами»).

Однако, вовсе нелегко раздѣлить многочисленныхъ французскихъ художниковъ на опредѣленныя группы и школы частію потому, что во Франціи отношенія ученика къ учителю гораздо болѣе поверхностны и непрочны, чѣмъ въ Германіи, частію потому, что большая часть художниковъ переживаетъ различные періоды своего развитія,

во время которыхъ придерживается различныхъ воззрѣній на искусство. Такъ напр. одинъ изъ самыхъ выдающихся живописцевъ Ари Шефферъ придерживался различныхъ направленій въ различные періоды своей художнической дѣятельности; Кутюръ, собиравшій въ теченіе многихъ лѣтъ въ своей мастерской такое-же громадное число учениковъ, какъ Леонъ Конье («Марій на развалинахъ Карфагена», Конье. «Избіеніе дѣтей въ Вилеемѣ», «Тинторетто, рисующій свою умер- 1794—1880. шую дочь»), изобразилъ въ своей картинѣ «Пирушка Римлянъ» самыя сенсаціонныя описанія нравовъ, какія находилъ у современныхъ романистовъ и новеллистовъ; Л. Буланже доводилъ свойственную романтикамъ страстность до крайнихъ преувеличеній; привязанный къ демократически-соціалистическимъ идеямъ, Густ. Курбэ дошелъ, Курбэ. въ своемъ стараніи подражать природѣ, до такихъ преувеличеній, 1819—1877. что сталъ изображать въ своихъ картинахъ самыя отвратительныя и самыя пошлыя факты изъ общественной жизни (какъ напр. въ картинахъ: «Похороны въ Орнансѣ», «Кунающіяся женщины», «Каменьщики»). Это послѣднее направленіе, заключающееся въ доведенномъ до крайности реализмѣ, сдѣлало съ тѣхъ поръ во Франціи еще болѣе значительныя успѣхи. Уже у Курбэ оно соединялось съ мастерствомъ отдѣлки и съ необыкновенной живостью красокъ, вовсе не соответствовавшей прежнимъ приѣмамъ этого художника.

Въ виду такой склонности французскихъ живописцевъ къ преувеличеніямъ, для нихъ было большимъ счастьемъ основаніе Луи-Филиппомъ версальскаго музея, побудившее ихъ заняться исторической живописью. Тогда и живописцы и скульпторы занялись изображеніемъ такихъ сценъ изъ отечественной исторіи, которыя могли удовлетворять страстное влеченіе націи къ славѣ. Въ этихъ патріотическихъ работахъ принимали участіе самые выдающіеся изъ тогдашнихъ художниковъ: Горасъ Верне, Шнецъ, Синьоль («Сцены изъ Крестовыхъ походовъ»), Делакруа, Жанъ Ало († 1864, «Собраніе государственныхъ чиновъ при Филиппѣ Валуа»), Ларивьеръ («Снятіе осады съ Мальты», «Битва при Аскалонѣ»), Ари Шефферъ («Открытіе трупа Гастона де-Фуа») и его братъ Генри Шефферъ («Шарлотта Кордэ»), Жолливе («Битва при Агнаделло»), Альфредъ и Тони Іоганно, Бушо («18-ое брюмера»), Суде («Клятва въ залѣ для игры въ мячъ», «Открытіе засѣданій государственныхъ чиновъ въ 1789 году»), Штейбенъ («Битва при Иври»), Деларошъ, Жераръ, Деверіа, Гро («Битва при Пирамидахъ»), Виншонъ, Роб. Флѣри, Бельгіецъ Галлэ («Взятіе Антиохіи», «Коронованіе Балдуина Фландрскаго»). И одинъ нѣмецкій живописецъ—Францъ Ксаверій Винтергальтеръ пріобрѣлъ во Фран- Винтергаль- ции нѣкоторую извѣстность не столько какъ жанристъ, изображав- теръ. шій жизнь итальянскаго народа, сколько какъ портретистъ. Онъ былъ 1806—1873. спеціально портретистомъ царствующихъ особъ.

За-одно съ революціей, старавшейся возвратитъ государственной Классицизмъ.

и частной жизни прежнюю естественность и простоту, и влечение къ древне-классическому искусству рѣшительно возстало противъ господствовавшаго извращенія изящнаго вкуса: оно воспользовалось тогдашнимъ обыкновениемъ превозносить древнія республики для того, чтобъ расчистить почву для новаго направленія въ искусствѣ. Послѣ

Віэнь. 1716—1809. того, какъ Жозефъ Марія Віэнь дѣлалъ нерѣшительныя попытки возстановить чистоту и естественность стиля, его смѣлый ученикъ

Давидъ. 1748—1825. Жакъ Луи Давидъ водрузилъ знамя классицизма съ торжественнымъ риторическимъ пафосомъ, соотвѣтствовавшимъ духу времени и вкусамъ французской націи. Определенно выразивши свое направленіе и упрочивши свою славу картинами «Просящій милостыни Велизарій», «Клятва Гораціевъ», «Смерть Сократа» и «Брутъ», онъ сдѣлался слугою революціи, къ самымъ ревностнымъ приверженцамъ которой принадлежалъ въ качествѣ якобинца и члена конвента: онъ сталъ изображать на полотнѣ большія народныя празднества, рисовалъ убитаго Марата и сталъ смотрѣть на искусство только какъ на средство распространять политическія идеи. Онъ сталъ измѣнять свои убѣжденія послѣ паденія Робеспьера и, доказавши въ «Похищеніи Сабинянокъ» неослабѣвшую силу своего таланта, сталъ превозносить въ своихъ работахъ военное могущество Бонапарта. По желанію этого послѣдняго онъ написалъ двѣ картины: въ одной Наполеонъ переходитъ, во главѣ итальянской арміи, черезъ Альпы на конѣ, взвизгивающемъ на дыбы, съ плащомъ и волосами, развѣвающимися отъ бурнаго вѣтра; въ другой изображено коронованіе императора. Впослѣдствіи онъ окончилъ свою знаменитую картину «Леопидъ въ Термопилахъ». Бурбоны выгнали его изъ Франціи вмѣстѣ съ тѣми, кого называли «королеубійцами», и съ тѣми, кто держалъ сторону Бонапарта во время его сто-дневнаго владычества; онъ умеръ въ Брюсселѣ, гдѣ жилъ изгнанникомъ. Несмотря на то, что Давидъ старался прикрывать искусственнымъ пафосомъ недостатокъ искреннихъ чувствъ, его картины очаровывали зрителей величественной пластичностью композиціи, строгой правильностью внѣшней формы и страстною выразительностью.

Основанная Давидомъ, классическая школа живописи долго удерживала за собою никѣмъ неоспориваемое господство не только во Франціи, но также въ сосѣднихъ романскихъ странахъ и въ Бельгіи, гдѣ онъ, — во время своей десятилѣтней жизни изгнанникомъ, — далъ определенное направленіе всѣмъ отраслямъ искусства. Къ числу самыхъ выдающихся между его послѣдователями принадлежали: Франсуа Жераръ, вообще державшійся направленія своего учителя, но рѣже вовлекавшійся въ преувеличенія («Битва при Аустерлицѣ», «Вступленіе Генриха IV въ Парижъ», «Слѣпой Велизарій съ раненымъ мальчикомъ на рукахъ»), Жанъ Гро, снискавшій большія похвалы своей картиной «Наполеонъ среди зачумленныхъ въ Яффѣ»;

Жераръ. 1770—1837.

Гро. 1771—1835.

Жиродэ-Тріозонъ («Даная», «Эндиміонъ», «Погребеніе Аталы», «Воз- Жиродэ-Тріо-
станіе въ Каирѣ», «Людовикъ Святой въ Египтѣ»), Ж. Бат. Реньо зонъ.
и его ученики Геренъ и Блондель. Ихъ хвалили за искусную ком- 1767—1824.
позицію, за умѣнье придумывать эффектную обстановку, но они не Реньо.
выражали никакихъ душевныхъ чувствъ и потому не возбуждали пато- 1754—1829.
логического интереса. Въ нихъ была замѣтна душевная пустота и
потому возникла потребность въ такихъ картинахъ, которыя выра-
жали-бы душевныя движенія. Тогда произвела сильное впечатлѣніе
картина молодого художника Жерико «Крушеніе Медузы» (1819) и
не смотря на то, что Жерико жилъ недостаточно долго для того,
чтобъ поколебать могущество традиціи, онъ подготовилъ своей кар-
тиной перемѣну въ направленіи изящнаго вкуса тѣмъ болѣе потому,
что въ то-же время дѣлались и съ другихъ сторонъ попытки реак-
ціи противъ окоченѣлаго классицизма. Такъ напр. П. П. Прудонъ, Прудонъ.
(«Всемирный потопъ», «Похищеніе Психеи Зефиромъ»), шедшій по 1758—1823.
стопамъ Корреджіо, отличался преимущественно мягкостью колорита
и свѣтовыми эффектами и этимъ отчасти вызвалъ возникновеніе но-
ваго направленія, обнаружившагося съ большей опредѣленностью
въ произведеніяхъ Энгра, даровитаго создателя «исторического жан-
ра», невшательскаго уроженца Леоп. Роберта, Делакруа и Делароша.

Новое направленіе встрѣтило многочисленныхъ противниковъ въ Переходъ къ
послѣдователяхъ старой школы. Монтобанскій уроженецъ, Жанъ реализму.
Огюсть Доминикъ Энгръ не былъ въ состояніи осилить ихъ въ на- Энгръ.
чалѣ своей художнической дѣятельности, съ досады отправился въ 1781—1867.
Италію и прожилъ много лѣтъ въ Римѣ и во Флоренціи. И прислап-
ная имъ оттуда картины («Эдипъ и сфинксъ», «Двѣ одалиски»,
«Юпитеръ и Тетида») не встрѣтили одобренія среди парижскихъ
художественныхъ критиковъ. Переворотъ совершился только тогда,
когда Теодоръ Жерико, своей картиной «Крушеніе Медузы», водру- Жерико.
жилъ знамя возстанія противъ классицизма. Онъ изобразилъ спас- 1791—1824.
шихся отъ кораблекрушенія людей, которые плаваютъ на плоту,
ежеминутно подвергаясь опасности погибнуть; ихъ душевныя муки
изображены съ такою поразительной естественностью, что захваты-
ваютъ зрителя прямо за сердце; здѣсь новое направленіе выразилось
съ демонической силой. Тогда романтико-реалистическое изображеніе
душевныхъ страданій съ смѣлой самоувѣренностью вступило въ
борьбу съ классически-идеальнымъ направленіемъ и скоро вышло
изъ нея побѣдителемъ. Замѣнившій рано умершаго Жерико, Еженъ
Делакруа сталъ защищать романтическое направленіе противъ тради- Делакруа.
ціоннаго классицизма. По замѣчанію Любке, «Делакруа, по видимому, 1799—1863.
былъ представителемъ всѣхъ революціонныхъ инстинктовъ своихъ
соотечественниковъ; сцены, которыя онъ изображаетъ въ своихъ
картинахъ, болѣею частью отличаются мрачнымъ характеромъ; отъ
нихъ точно будто пышетъ всепожирающимъ пламенемъ; этотъ ху-

дожникъ любить и всего искуснѣе изображаетъ не моменты душевнаго спокойствія, а душевныя бури съ ихъ страстными вспышками; при этомъ онъ выбираетъ преимущественно такіе сюжеты, въ которыхъ обнаруживаются мрачныя стороны человѣческой натуры». Его картины — «Данте и Виргилій, плывущіе по морю въ адъ», «Кровопролитіе на Хіосѣ», «Изступленные въ Танжерѣ», «Охота на львовъ», «Медея», «Свобода на баррикадахъ 1830 года», «Геліодоръ» и многія другія — производили одинакое впечатлѣніе съ наводившими ужасъ, драмами Виктора Гюго. И молодой живописецъ Генрихъ

Реньо.
1843—1871.

Реньо придерживался того реалистическаго направленія, которое гоняется преимущественно за внѣшними эффектами, за сложной обстановкой и блестящимъ колоритомъ; портретомъ генерала Прима и картиной «Саломея» онъ доказалъ, что умѣлъ воспользоваться своими неоднократными поѣздками въ Испанію и въ Алжиръ для развитія своихъ выдающихся дарованій. Его имя сдѣлалось особенно дорогимъ для французской націи вслѣдствіе того, что онъ былъ убитъ 19 января 1871 во время осады Парижа Пруссакими. Скоро и въ живописи стали обнаруживаться такія же стремленія къ переменамъ, какія обнаруживались въ поэзіи. Художники стали искать новыхъ сюжетовъ въ средне-вѣковыхъ нравахъ, на востокъ, — которымъ особенно интересовались романтики и который доставилъ такъ много

Декампсъ.
1803—1860.

сюжетовъ талантливому живописцу Ал. Декампсу («Турецкая ка-
раульня», «Іосифъ, проданный своими братьями», «Самсонъ и Филистимляне»), — въ церковной сферѣ и въ исторіи. Тогда настала блестящая пора и для Энгра. Среди сильной борьбы между противоположными направленіями еще оставалось достаточно простора для миролюбивой натуры, стремившейся къ тому, что идеально. Энгръ возвратился въ Парижъ, гдѣ вызвала общія похвалы его картина «Клятвенный обѣтъ Людовика XIII». Это благопріятное расположеніе публики усиливалось съ каждымъ новымъ произведеніемъ Энгра: его поклонники стали называть его «французскимъ Рафаэлемъ» и въ его мастерской стало собираться множество учениковъ. Онъ съ неутомимой дѣятельностью обрабатывалъ самые разнородные сюжеты: онъ рисовалъ и картины въ духѣ благочестія и картины въ античномъ вкусѣ, и сцены въ историческомъ жанрѣ и портреты, а всѣ эти произведенія были безупречны и по своей внѣшней формѣ и по благородству выражавшагося въ нихъ направленія. Самыя горячія похвалы вызвалъ его «Апоѳеозъ Гомера» съ многочисленными историческими и символическими фигурами. Энгръ соединялъ съ богатой фантазіей и съ большимъ разнообразіемъ внѣшнихъ формъ строгую правильность стиля и пріятный колоритъ. При этомъ онъ воздерживался отъ всякихъ преувеличеній, съ самообладаніемъ держался середины между классицизмомъ и романтизмомъ, которые старался соединять въ своихъ композиціяхъ, и обнаруживалъ рѣдкое пониманіе изяще-

ства формъ и правильности рисунка. На него, наконецъ, стали сыпаться отличія одно вслѣдъ за другимъ. Послѣ смерти Гораса Верне, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ завѣдывалъ французской академіей художествъ въ Римѣ, былъ избранъ въ члены парижскаго института изящныхъ искусствъ, и получилъ крестъ Почетнаго Легіона и званіе сенатора. Съ 1841 года онъ снова поселился въ Парижѣ и жилъ тамъ до своей смерти, неутомимо работая и постоянно создавая новыя художественныя произведенія («Венера Анадіомена», «Источникъ»). Со временъ великихъ итальянскихъ и нидерландскихъ художниковъ еще ни одинъ живописецъ не оставлялъ послѣ себя такъ много произведеній. Въ числѣ этихъ произведеній есть много портретовъ, между которыми особенно славятся портреты старшаго Бертена, графа Молэ, герцога Орлеанскаго, самого Энгра и Херубини съ музой, надѣвающей на его голову вѣнокъ. Къ числу самыхъ большихъ его картинъ на историческіе и церковные сюжеты принадлежатъ: «Пій VII въ папской капеллѣ», «Вступленіе Карла V въ Парижъ», «Генрихъ IV въ своей семьѣ», «Іоанна д'Аркъ при коронованіи Карла VII», «Мученичество святаго Симфоріона» (находящаяся въ отѣнскомъ соборѣ), «Исусъ среди книжниковъ», и находящійся въ парижской ратушѣ «Апоѳеозъ Наполеона»; на этой послѣдней картинѣ Наполеонъ изображенъ героемъ, одѣтымъ въ пурпуръ и сидящимъ на запряженной четырьмя конями колесницѣ, которую богиня побѣды направляетъ къ храму безсмертія.

Между учениками Энгра, изъ которыхъ однако ни одинъ не достигъ Школы Энгра. мастерства своего наставника, особенно выдѣлялись: Ипполитъ Фландренъ, жившій во Франціи альтонскій уроженецъ Генрихъ Леманнъ, креоль Теод. Шассерио (1819—1856), Эженъ Амори-Дюваль и пейзажистъ и жанристъ Арманъ Лелё. И недавно умершій Леонъ Бенувилль («Умиращій Францъ Ассизи») принадлежалъ къ итальянской школѣ Энгра. Преобладавшее во время реставраціи, религіозное настроеніе умовъ, о которомъ мы уже говорили ранѣе, было благоприятно для церковной живописи; поэтому, не только выше упомянутые художники, но и многіе изъ остальныхъ учениковъ Энгра занимались преимущественно украшеніемъ французскихъ церквей, писали стѣнные и плафонныя картины. Подобно поэзіи Шатобріана и Ламартина, и образовательное искусство было въ теченіе многихъ лѣтъ слугою церкви и духовенства и посвящало свою дѣятельность прославленію средневѣковыхъ вѣрованій. Послѣдствіемъ этого было сходство французской художественной романтики съ нѣмецкой; оно всего ярче обнаруживалось въ при-рейнскихъ церквахъ. Церковно-религіознымъ сюжетамъ отдавалъ предпочтеніе передъ свѣтскими даже талантливый Ари Шефферъ, родившійся въ Голландіи, но воспи- Ари Шефферъ. тывавшійся въ Парижѣ; послѣ многихъ попытокъ заняться исклю- 1795—1858. чительно жанровой живописью и иллюстраціями къ произведеніямъ

Гёте и другихъ нѣмецкихъ поэтовъ, онъ сталъ заниматься преимущественно реалистическо-романтической исторической живописью («Графъ Эбергардъ у трупа своего сына», «Хлодвигъ въ битвѣ при Цюльпихѣ», «Франческа да-Римиши»). Сантиментальность, которою отличаются у него мужскіе и женскіе типы, и тусклый колоритъ его картинъ соотвѣтствовали современному настроенію чувствъ и умственному складу. Всѣ сходились въ мнѣніи, что Ари Шефферъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся художниковъ своего времени, что онъ съ самымъ большимъ успѣхомъ брался за всѣ роды живописи, начиная съ портретовъ и поэтическихъ иллюстрацій къ «Фаусту» и кончая историческими картинами, что всѣ его произведенія отличаются и реалистической естественностью и идеалистической задушевностью. Что онъ былъ мастеромъ и въ религіозной живописи, доказываютъ его картины: «Христосъ Утѣшитель», «Искушеніе І. Христа», «Мадонны», «Святой Тома Аквинскій», «Поклоненіе маговъ», «Св. Фландренъ. Августинъ и его мать». Однако его превосходилъ Ипп. Фландренъ и 1809—1864. выразительностью, и спокойнымъ достоинствомъ, и ясной наглядностью изображаемыхъ сюжетовъ («Въѣздъ Христа въ Іерусалимъ», «Несеніе креста», «Поклоненіе маговъ»). Вообще можно замѣтить, что у Французовъ и религіозная историческая живопись и всѣ искусственно вызванныя упражненія въ благочестіи отличались не столько глубиною чувствъ и идей, сколько внѣшнимъ блескомъ и формальными достоинствами. Въ своихъ картинахъ на церковные сюжеты Ф. М. Гране. Гране и П. П. Ревуаль обращали главное вниманіе на святость 1775—1849. антикварно-исторической обстановки. И у Виктора Орсея, только Ревуаль. послѣ іюльской революціи написавшаго самую замѣчательную изъ 1776—1842. своихъ картинъ («Дочь Фараона, просящая пощадить маленькаго Моисея»), религіозное чувство беретъ верхъ надъ историческою Орсея. 1793—1850. точностью.

Наряду съ Энгромъ и Делакруа имѣли самое сильное вліяніе на Леоп. Роберъ. французское искусство живописи Леопольдъ Роберъ и Горасъ Верне. 1794—1835. Жанровыя картины Робера стоятъ, по глубинѣ замысла, на ряду съ самыми высокими произведеніями исторической живописи. «Чистота стиля, гармонія формъ и красокъ, привлекательность идей, которыми отличаются его картины, изображающія преимущественно сцены изъ жизни итальянскаго народа, придаютъ его произведеніямъ такія преимущества, какихъ достигли лишь немногіе изъ новѣйшихъ художниковъ». Роберъ облагораживалъ всякій избранный имъ сюжетъ: «Его геній стремился къ тому, что идеально и возвышенно, и даже сцены изъ вседневной жизни низшихъ слоевъ общества получали подъ его кистью отпечатокъ благородства». Его изображенія народныхъ нравовъ, слегка отзывающіяся грустнымъ душевнымъ настроеніемъ, всегда имѣютъ серьезный историческій смыслъ; его жанровыя картины всегда выражаютъ какую нибудь историческую мысль. Ихъ мо-

тивы, по видимому, принадлежать къ области идилліи или элегіи, но по своему внутреннему содержанію онѣ стоятъ наряду съ настоящими историческими произведеніями. Кому незнакомы его «Возвращающіеся домой жнецы», «Рыбаки въ лагунахъ», сцены изъ жизни разбойниковъ, «Праздникъ Мадонны дель'Арко»? Онъ лишилъ себя жизни въ Венеціи въ припадкѣ меланхоліи, быть можетъ, изъ тайной любви къ принцессѣ Шарлоттѣ, вдовѣ того Наполеона Бонапарта, который погибъ въ 1831 году во время возстанія въ Романьи. Сильное впечатлѣніе производитъ и «Алхимикъ» Ёжена Изабейя, напоминающій манеру Рембрандта. Между многочисленными подражателями и соперниками Робера могутъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ равняться съ нимъ только Шнецъ, Леманнъ и Гебертъ. Пейзажи этого послѣдняго на сюжеты изъ народной жизни носятъ на себѣ такой-же меланхолическій отпечатокъ, какъ картины Робера (въ его «Маларіа» изображена молодая женщина съ хилымъ ребенкомъ на рукахъ); онъ даже перѣдко превосходитъ Робера привлекательной мягкостью колорита.

Главнымъ образомъ вліянію Робера слѣдуетъ приписать то, что даже во время второй имперіи, когда живописцы занимались преимущественно изображеніемъ сценъ, производящихъ потрясающее впечатлѣніе, ландшафтная жанровая живопись удержалась до нѣкоторой степени на своей прежней идеальной высотѣ въ работахъ Жюль Бретона и Жана Франс. Милле. По замѣчанію Любке, въ особенности у перваго изъ этихъ двухъ живописцевъ замѣтно стараніе изображать хорошія, привлекательныя черты народныхъ нравовъ. Сколько простоты и привлекательности въ его картинахъ „Полыщицы“, „Жнецы, возвращающіеся вечеромъ домой“, „Женщины, собирающія колосья“, „Вечеръ“ и многихъ другихъ! Напротивъ того, у Милле дѣйствующія лица изображаются во всей своей грубой простотѣ; однако и въ его картинахъ такъ много правды, что невольно возвращаешься назадъ, чтобъ еще разъ посмотрѣть на нихъ. Картины Бретона напоминаютъ деревенскіе рассказы Ауэрбаха и деревенскія новеллы Жоржъ Санда, а картины Милле—„Плачъ“ Іереміи. Такую-же противоположность представляли въ то время историческія картины ліонскаго уроженца Эрнеста Мейссонье и одного изъ учениковъ Делароша, везульскаго уроженца Леона Жерома. Между тѣмъ, какъ въ картинахъ Мейссонье, написанныхъ на сюжеты изъ прошлаго столѣтія („Отдыхъ“, „Наемные убійцы“, „Работающій молодой человѣкъ“), еще чувствуется вліяніе старинной изящной свѣтской вѣжливости и любезности Французовъ, между тѣмъ какъ у Жерома всё изображается съ самой рѣзкой, ничѣмъ неприкрытой, ясностью („Алкивιάда и Сократъ“, „Смѣшшіеся авгуры“, „Фрипа“, „Супруга Кандавла“, „Смерть Цезаря“). Онъ обрабатывалъ самые разнообразные сюжеты, которые бралъ преимущественно изъ древней исторіи. Но какъ онъ мало понималъ духъ классической древности! Любке говоритъ: „Вмѣсто чистаго наиптѣка изъ чаши античной чувственности, не знающей никакого запрета и потому наивной, онъ преподноситъ вамъ нѣчто противоположное, такъ что его картины въ концѣ концовъ производятъ своимъ сладострастіемъ самое непріятное впечатлѣніе“. Сюжеты, взятые имъ съ востока, изображаютъ главнымъ образомъ сцены жестокости или сладостра-

Мейссонье,
род. 1815.

Жеромъ,
род. 1824.

стія. Однако, его картины отличаются внѣшней законченностью и изящной техникой и, благодаря этимъ достоинствамъ внѣшней формы, встрѣчаютъ общее одобреніе.

Г. Верне.
1789—1863.

Къ числу тѣхъ французскихъ художниковъ, которые вызывали самыя горячія похвалы во всѣхъ общественныхъ сферахъ и во всѣхъ странахъ, принадлежитъ Горасъ Верне; это былъ любимецъ французской націи, умѣвшій мастерски изображать ея умственные стремленія и чувства. Внукъ писавшаго морскія картины, Жозефа и сынъ изображавшаго на картинахъ лошадей, Карла Верне, Горасъ соединялъ въ своихъ картинахъ битвъ и войнъ натурализмъ отца съ богатой изобрѣтательностью дѣда и обогатилъ ихъ изученіемъ величественныхъ картинъ природы во время своихъ путешествій по Африкѣ. Главными сюжетами служили для него военные подвиги Французовъ въ различныя эпохи ихъ исторіи, начиная съ Среднихъ Вѣковъ (битвы при Толозѣ и Гастингсѣ) и вплоть до недавняго прошлаго (битвы при Вальми и при Жемаппѣ, «Наполеонъ съ своимъ штабомъ», «Битва при Ганау», «Взятіе Константины», «Штурмъ воротъ Константины», «Взятіе Смалы»). Никто не могъ равняться съ Верне въ умѣнїи съ безошибочной вѣрностью изобразить цѣльную картину того или другого сраженія. «Онъ съ успѣхомъ превозмогалъ всѣ трудности благодаря ясности колорита и умѣнью заставлять каждое изъ дѣйствующихъ лицъ принимать живое участіе въ томъ, что совершалось передъ его глазами». Онъ выбиралъ свои сюжеты предпочтительно изъ славныхъ для французской арміи временъ революціи и имперіи. Нѣкоторыя сцены изъ военной и лагерной жизни временъ Наполеона особенно нравились Французамъ, — какъ напр. *Soldat laboureur*, «Ватерлооскій солдатъ», «Полковая собака». Въ этихъ поэтическихъ картинахъ, точно такъ-же, какъ въ пѣсняхъ Беранже, сохранялись для потомства воспоминанія и о славѣ французской арміи, и о неустрашимомъ мужествѣ гвардіи, и о безмолвной печали пораженія. И въ другихъ произведеніяхъ исторической и жанровой живописи, изображающихъ преимущественно сцены восточной жизни («Ревекка и Эліэзеръ», «Юдиѣ и Олофернъ», «Избіеніе мамелюковъ Мегемедомъ Али», «Мазепа на конѣ» по описанію лорда Байрона), видно мастерское умѣнье схватывать выдающіяся черты избраннаго сюжета. Самой громкой славы Верне достигъ своими большими историческими картинами, находящимися въ версальскомъ историческомъ музеѣ.

Французская романтика.

Склонность къ реализму, къ изображенію внѣшнихъ сторонъ жизни и къ яркой характеристикѣ дѣйствительности, свойственная французскимъ художникамъ и постоянно возбуждавшаяся великими живописцами, предохранила романтическое направленіе въ искусствѣ отъ такихъ чрезмѣрныхъ преувеличеній, въ какія впадали нѣмецкіе «На-

зарен». Поэтому мы находимъ сильное стремленіе къ изображенію дѣйствительной жизни и большую заботливость о свѣжести и яркости колорита какъ въ романтической исторической живописи, которою занимались въ Парижѣ подъ нѣмецкимъ вліяніемъ баденскій уроженецъ Карлъ Штейбенъ, Ари Шефферъ, Ф. Викторъ Шнецъ, такъ и въ находящемся въ связи съ исторической живописью, «романтическомъ жанрѣ», представителями котораго были, — кромѣ вышеоцодаровитаго, долго учившагося въ Италіи, Поля Делароша, — болѣе молодые художники: Кутюръ («Римская оргія»), Делакруа, Ларивьеръ («Чума въ Римѣ»), Конье, Куде («Битва при Лаффельде»). При этомъ много содѣйствовала развитію исторической живописи возможность находить постоянно новые сюжеты въ недавнихъ великихъ историческихъ событіяхъ. Многосторонне-даровитый Деларошъ, занимавшійся всѣми видами живописи и соединявшій съ умѣньемъ рисовать индивидуальныя характеристики умѣнье придавать колориту глубокую поэтическую привлекательность, довелъ до высокаго совершенства реалистическое направленіе въ исторической живописи. Никто не умѣлъ лучше его характеризовать, съ помощью освѣщенія и красокъ, душевную жизнь и умственные стремленія. Онъ бралъ свои сюжеты предпочтительно изъ бурныхъ временъ революцій французской и англійской («Осужденіе Маріи Антуанетты», «Осужденіе Жироудистовъ», «Наполеонъ въ Фонтенебло», «Умерщвленіе герцога Гиза», «Сыновья Эдуарда», «Дженъ Грей», «Лордъ Страффордъ на пути къ эшафоту», «Кромвель у гроба Карла I», «Смерть Елизаветы», «Отшельническая жизнь Карла V», находящееся въ парижской Ecole des beaux arts «Полукружіе», на которомъ изображены великіе художники всѣхъ вѣковъ). Въ болѣе поздніе годы своей жизни Деларошъ обрабатывалъ преимущественно сюжеты изъ церковной исторіи («Погребеніе Христа», «Сцены изъ жизни Маріи»). Вокругъ Делароша собирались тѣ художники, для которыхъ главная цѣль искусства заключалась въ колоритѣ и въ тщательной отдѣлкѣ мелкихъ подробностей. Въ числѣ ихъ находились Робертъ Флѣри («Ужасы инквизиціи», «Вѣра въ вѣдьмъ», «Преслѣдованіе Іудеевъ») и Камилль Рокепланъ («Антикварій»). Однако многіе изъ нихъ съ теченіемъ времени перестали придавать колориту чрезмѣрно важное значеніе.

Штейбенъ.
1793—1856.

Шнецъ.
1787—1870.

Кутюръ.
1815—1879.

Деларошъ.
1797—1856.

Рокепланъ.
1803—1855.

Описанный нами ходъ развитія въ области исторической и жанровой записи повторился и въ живописи ландшафтной. Классическое направленіе, по примѣру Пуссена, украшавшее ландшафты античной обстановкой по личному вкусу живописца, праздновало свои послѣдніе триумфы въ произведеніяхъ Дойена, Гюэ, Бертена и Вателэ. Уже въ пейзажахъ Теодора Руссо сказывается болѣе реалистическое направленіе, основанное на непосредственныхъ наблюденіяхъ надъ природой, такъ какъ оно недовольствуется изображеніемъ

Пейзажи и
изображенія
животныхъ.

Руссо.
1812—1867.

внѣшнихъ формъ явленій, а старается отыскать въ этихъ явленіяхъ
 Каламъ. общій законъ; но у Добиньи и въ особенности у Александра Калама
 1810—1864. это направленіе переходитъ въ полный свѣжести и жизни натура-
 лизмъ. Этотъ геніальный художникъ, родившійся въ Вевэ, а воспитывавшійся въ Женевѣ, умѣлъ изображать и поэтично и вполне вѣрно
 не только величественныя картины альпійской природы, но и свое-
 образныя картины природы итальянской («Монте Роза», «Дубы во
 время бури на Фирвальдштеттскомъ озерѣ», «Развалины Песта»).
 Подобно ландшафтной живописи и изображенія животныхъ были до-
 ведены до большого совершенства въ теченіе послѣднихъ десятилѣ-
 тій. Роза Бонёръ достигла, наряду съ многими другими художника-
 род. 1822. ми, общаго одобренія за свое умѣнье вникать въ психологію живот-
 ныхъ. Ея картины «Конный рынокъ» и «Сѣнокосъ» доставили ей
 Труайонъ всемірную извѣстность. Однако ее превзошелъ своей техникой Труай-
 1810—1865. онъ: его картины «Бѣлая корова при солнечномъ освѣщеніи» и «Быки»
 принадлежатъ къ числу настоящихъ мастерскихъ произведеній. И въ
 многочисленныхъ картинахъ Гюдена,—не смотря на то, что ихъ от-
 дѣлка часто небрежна,—проглядываютъ и выдающаяся способность
 къ поразительнымъ эффектамъ и живость фантазіи; картины Изабейя,
 изображавшаго сцены изъ домашней жизни и внутренность зданій сем-
 надцатаго столѣтія, также пользовались заслуженнымъ одобреніемъ.

Между французскими живописцами нашего времени занимаетъ свое-
 образное положеніе страсбургскій уроженецъ Поль Густавъ Дорэ,—
 Дорэ. 1833—1883. художникъ столько-же плодовитый, сколько фантастичный. Онъ про-
 славился и своими картинами и многочисленными иллюстраціями Биб-
 ліи, произведеній Данте и другихъ поэтовъ. Различіе между худож-
 нической геніальностью нѣмецкой и французской ни въ чемъ не обна-
 руживается, по замѣчанію Любке, болѣе ясно, чѣмъ въ произведе-
 ніяхъ двухъ иллюстраторовъ Библіи—Шнорра и Любке. «У Шнорра
 мы находимъ искренность и теплоту чувства, которыя выражаются
 въ благородныхъ, полныхъ воодушевленія фигурахъ и уступаютъ
 мѣсто догматической холодности только тогда, когда художникъ чрез-
 мѣрно наполняетъ свои произведенія символическими изображеніями;
 но его иллюстраціи къ исторіи Товія и многія другія отличаются
 поразительнымъ изяществомъ. У Дорэ мы находимъ роскошно деко-
 рированныя театральныя сцены съ бездушными статистами, тщетно
 старающимися исполнить навязанныя имъ роли, смыслъ которыхъ
 имъ непонятенъ; только тогда, когда Дорэ обращаетъ главное вни-
 маніе на пейзажъ, а фигуры изображаетъ только въ видѣ обстанов-
 ки, его композиціи отличаются такимъ поэтическимъ и даже фанта-
 стическимъ смысломъ, благодаря которому онъ является блестящимъ
 иллюстраторомъ въ другихъ сферахъ своей дѣятельности, какъ напр.
 въ рисункахъ къ произведеніямъ Данте».

2. Нидерланды. Вслѣдствіе владычества Наполеона надъ западно-европейскими стра-

нами, и французское искусство достигло тамъ преобладающаго вліянія,—въ особенности въ Нидерландахъ и въ Италіи (уроженецъ Перуджіи, Пьетро Бенвенути, А. Аппіани и Винч. Камуччини). Когда Давидъ внесъ во всѣ сферы искусства классическое направлеіе, и въ Бельгіи Ленсъ вступилъ на путь реформъ во французскомъ вкусѣ. Ленсъ.
М. І. Брэ изъ Антверпена, І. Жоз. Пэлинкъ изъ окрестностей Гента, 1740—1822.
Ф. І. Навецъ изъ Шарлеруа подражали французскимъ образцамъ. Брэ.
Однако, болѣе молодое поколѣніе не утрачивало влеченія къ худо- 1773—1839.
жественному направленію предковъ и придерживалось его въ много- Пэлинкъ.
численныхъ мѣстныхъ академіяхъ художествъ. Бельгійскіе художники 1781—1839.
отличались отъ нѣмецкихъ тѣмъ, что не теряли изъ виду ни народ- Навецъ.
ныхъ стремленій ни современныхъ требованій изящнаго вкуса. Упа- 1787—1856.
докъ классицизма во Франціи вызвалъ и въ Бельгіи реакцію: тамъ живописцы пошли по стопамъ старыхъ художниковъ, въ особенно- Галлэ.
сти Рубенса, и стали придерживаться національныхъ традицій и въ 1810—1887.
выборѣ сюжетовъ и во внѣшней формѣ своихъ произведеній; такимъ Біэфве.
образомъ, брюссельскіе уроженцы Л. Галлэ и Э. Біэфве, Генри Лейсъ 1809—1882.
(«Сцены изъ исторіи Нидерландовъ»), антверпенскій уроженецъ Густ. Лейсъ.
Ванперсъ («Геройская смерть бургомистра ван-дер-Верфа», «Сентябрь- 1815—1869.
ская революція») и Никэзъ де-Кейзеръ, родомъ изъ Сантфлита Ванперсъ.
(«Битва при Воррингенѣ», «Битва при Спорахъ») возвысились до 1803—1874.
такого реализма, который, благодаря разнообразію своего колорита, Кейзеръ.
имѣлъ значительное вліяніе даже на нѣмецкое искусство. 1813—1887.

Галлэ своей картиной „Отреченіе Карла V“ и Біэфве своими картинами „Соглашеніе нидерландской знати“ и „Брюссельскіе стрѣлки передъ труномъ Эгмонта“ пріобрѣли европейскую извѣстность. Болѣе старая картина Галлэ „Іовъ и его друзья“,—не смотря на нѣкоторыя преувеличенія,—обратила на себя общее вниманіе на парижской выставкѣ 1836 года. При этомъ и жанровая живопись, также придерживавшаяся старыхъ образцовъ, сдѣлала значительные успѣхи и точно такъ-же, какъ въ Германіи, стала на ряду съ исторической живописью. Что и въ Бельгіи точно такъ-же, какъ во Франціи, не было недостатка въ извращеніяхъ изящнаго вкуса и въ понадавшихъ на ложный путь художникахъ, доказываютъ нѣкоторыя изъ картинъ Антона Жоз. Виртца, въ которыхъ обнаруживается болѣз- Виртъ.
ненная пылкость фантазій. Такое-же натуралистическое направлеіе об- 1806—1865.
наруживается у голландскихъ живописцевъ, между которыми занимаютъ первое мѣсто пейзажистъ Кекокъ, изображавшій морскія сцены Шотель Альма-Тадема,
и Альма-Тадема, который былъ прозванъ живописцемъ-археологомъ за род. 1836.
свою ученую обработку мелкихъ подробностей. Этотъ послѣдній воспи-
тывался въ Антверпенѣ, но съ 1870 года постоянно жилъ въ Лондонѣ;
онъ началъ историческими жанровыми картинами изъ древнѣйшей исторіи
Франковъ, но впослѣдствіи сталъ выбирать свои сюжеты изъ частной
жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ, и умѣлъ придавать имъ особенную
привлекательность.

Французская живопись не имѣла никакого вліянія въ Англіи, что 3. Англія.
объясняется географической замкнутостью этой страны и враждою

между двумя націями. Напротивъ того, серьезныя археологическія изслѣдованія І. Стьюарта и Н. Ривитта («Аѳинскія древности») не остались безъ вліянія на скульптора Джона Флаксмана, вызвавшаго общее одобреніе своими очерками къ произведеніямъ Гомера, Гезіода, Эсхила и Данте. Англійскіе живописцы занимались не столько исторической живописью, сколько жанровыми картинами, портретами и пейзажами. Еще самый знаменитый изъ англійскихъ художниковъ восемнадцатаго столѣтія, Рейнольдсъ былъ обязанъ своей славой не столько своимъ историческимъ картинамъ, сколько портретамъ, жанровой живописи и идеальному изображенію отдѣльных фигуръ («Маленькій пастухъ», «Амуръ»). Вѣдь англійское искусство не имѣетъ ничего общаго съ политикой: оно поддерживается на средства частныхъ людей и удовлетворяетъ преимущественно ихъ потребности. Фрески, доставляющія историческимъ живописцамъ самую широкую сферу дѣятельности, были только недавно введены въ Англіи въ употребленіе при постройкѣ нѣкоторыхъ зданій, въ особенности зданія парламента и Бюкингамскаго дворца (въ этомъ жанрѣ отличались Истлэкъ, Лесли, Дайсъ, Гербертъ, Горслэ). Шпрингеръ говоритъ: «Англійскимъ историческимъ живописцамъ недостаетъ дисциплины, то есть готовности подчинять субъективное своенравіе общимъ правиламъ, основаннымъ на изученіи натуры изображаемыхъ предметовъ,—не достаетъ умѣнья держать фантазію въ надлежащихъ границахъ; но имъ всего больше недостаетъ школы, способной восполнить отсутствіе художественныхъ традицій». Историческіе живописцы находятъ мало поощреній и во вкусахъ англійской націи: вѣдь самый выдающійся изъ художниковъ этого рода Бенж. Роб. Гэйдонъ жилъ на себя руки съ отчаянія, что его картины находили мало покупателей. Напротивъ того, сцены Чарльса Истлэка изъ жизни южныхъ народовъ и картины Давида Вильки, изображавшаго сцены изъ англійской и шотландской народной жизни, принадлежатъ къ числу самыхъ привлекательныхъ произведеній новѣйшаго искусства;—первыя написаны въ стилѣ Леопольда Роберта, вторыя по образцу Гогарта. Вильки удачно изображалъ картины мѣстной природы и сцены изъ народной жизни. Въ его юмористическихъ характеристикахъ народныхъ нравовъ («Деревенскій политикъ», «Слѣпой скрипачъ», «День выдачи жалованья», «Вскрытіе духовнаго завѣщанія») обнаруживается его тонкій наблюдательный умъ. Такое же достоинство замѣтно у Мулриды въ сценахъ изъ жизни дѣтей, у Миллеса и Хонта, поражающихъ вѣрностью мелкихъ подробностей; мастерскимъ живописцемъ животныхъ былъ Э. Лэндсиръ. Всѣ картины англійскихъ живописцевъ, въ особенности ландшафты геніальнаго, хотя и стремившагося къ фантастическимъ эффектамъ, Вильяма Торнере. Хотя и стремившагося къ фантастическимъ эффектамъ, Вильяма Торнере. Хотя и стремившагося къ фантастическимъ эффектамъ, Вильяма Торнере.

чаются пріятными переливами красокъ и блестящими тѣневыми эффектами; такими же достоинствами отличаются писанныя акварелью картины Фильдинга, Стенфильда, Лэвиса, Геркомера, Маркса; вообще можно замѣтить, что этотъ послѣдній видъ живописи достигъ въ Англіи самаго высокаго развитія. Но всѣмъ англійскимъ художникамъ недостаетъ творческой фантазіи; очень многіе изъ нихъ, — какъ напр. Фризь, Форстъ, Лесли Алланъ, Стонъ, — занимались преимущественно иллюстраціями къ произведеніямъ англійскихъ и иностранныхъ поэтовъ и всего чаще къ произведеніямъ Шекспира. У нихъ также замѣтно эксцентричное влеченіе къ страннымъ тѣневымъ эффектамъ, къ туманной окраскѣ сюжетовъ, къ формамъ и пріемамъ старыхъ временъ; такъ напр. въ Англіи образовалась новая группа художниковъ, такъ называемыхъ «дорафаэлитовъ» (между ними самымъ выдающимся былъ Джонъ Эвереттъ Миллсъ), бравшихъ за образецъ преимущественно произведенія старыхъ итальянскихъ живописцевъ. Впрочемъ, въ Англіи труднѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, прослѣдить послѣдовательное развитіе искусствъ. Средне-вѣковыя художественныя традиціи были тамъ уничтожены революціями шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Новѣйшее развитіе искусства не имѣетъ тамъ тѣсной связи съ народною жизнію, поэтому индивидуализмъ господствуетъ тамъ такъ безусловно, какъ нигдѣ. Положеніе искусствъ въ Англіи совершенно своеобразно; «Вмѣстѣ съ оригинальностью въ нихъ господствуетъ монотонія; не смотря на многія общія черты, они не принадлежатъ къ одной школѣ; въ нихъ постоянно замѣтенъ яркій мѣстный отпечатокъ, но въ нихъ нѣтъ художественнаго единства». Американскіе художники только очень недавно стали соперничать съ европейскими, и между ними есть люди съ оригинальными дарованіями, какъ напр. Фредерикъ Эдвинъ Чорчъ, Санфордъ Гиффордъ, Джонъ Бристоу.

3. Пластика.

Мы уже ранѣе (XIII, 638 и сл.) говорили о могущественномъ развитіи, котораго достигла скульптура благодаря Кановѣ и Торвальдсену. Вліяніе этихъ художниковъ было такъ сильно, что Римъ сдѣлался съ тѣхъ поръ средоточіемъ пластической дѣятельности; скульпторы всѣхъ національностей стали переселяться туда на постоянное жительство и стали принимать за руководство для своей творческой дѣятельности образцовыя произведенія тѣхъ двухъ художниковъ вмѣстѣ съ произведеніями греческихъ мастеровъ. Тамъ поселились и работали нѣмецкіе художники: вюрцбургскій уроженецъ Мартинъ Багнеръ, мюнхенскій уроженецъ Петеръ Шейфъ, тирольскіе уроженцы братья Эбергардъ, бременскій уроженецъ Карлъ Штейн-
Скульптура въ Римѣ.
Конр. Эбергардъ.
1768—1859.
Штейнгейзеръ.
1813—1879.

гейзеръ (его статуя, изображающая Гёте, находится въ Веймарѣ; съ 1864 года онъ работалъ въ школѣ художествъ въ Карлсруэ), уроженецъ Рейнскихъ провинцій Эдуардъ Майеръ, перешедшій въ католическую вѣру, берлинскій уроженецъ Юлій Трошель («Персей», «Группа грацій»), Швейцарецъ Имгофъ († 1869), гессенскій подданный Гергардъ, выбиравшіе религіозные сюжеты, Ахтерманиъ и Гоффманниъ, кобургскій подданный Мюллеръ («Прометей» и «Океаниды»); переселялись въ Римъ и не одни только нѣмецкіе художники: тамъ работалъ Англичанинъ Джонъ Гибсонъ надъ своими привлекательными мнѳологическими фигурами «Гиласъ», «Эротъ», «Психея», «Венера» и надъ своими идеальными статуями и скульптурными портретами Гускиссона, королевы Викторіи, лорда Байрона; къ кружку жившихъ въ Римѣ художниковъ принадлежали Нидерландецъ Матв.

Кессельсъ. Кессельсъ и Итальянцы Тенерани, Марокетти, Бенцони и др. Это
1784—1836. выдающееся значеніе Рима въ области скульптуры служило нѣкоторымъ вознагражденіемъ за упадокъ живописи въ старинномъ центрѣ
Тенерани. всѣхъ образовательныхъ искусствъ. Между тѣмъ какъ иностранные
1789—1869. жанровые живописцы находили на Апеннинскомъ полуостровѣ самые удачные сюжеты для своихъ произведеній, а талантливо изображавшій тѣлесную красоту и бывший предшественникомъ новѣйшихъ колористовъ, Августъ Ридель изъ Байрейта («Купающаяся дѣвушка», «Саконтала») учился по римскимъ образцамъ, итальянскіе художники оставались далеко позади своихъ великихъ предшественниковъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и не безъ успѣха соперничали съ художниками иностранными, какъ напр. въ Миланѣ Аппіани, Индуніо, Конкони, въ Венеціи Кіавони, во Флоренціи Беллуцци и скульпторъ

Бартолини. Бартолини; этому послѣднему принадлежатъ многочисленныя статуи,
1777—1850. въ числѣ которыхъ находятся статуя Наполеона въ античномъ одѣяніи триумфатора и группа «Пирръ». Ученикъ Кановы, миланскій

Маркези. уроженецъ Помп. Маркези изготовилъ, кромѣ многочисленныхъ статуй и бюстовъ, и для франкфуртской бібліотеки статую, въ которой Гёте представленъ сидящимъ на креслѣ съ карандашемъ и записной книжкой въ рукахъ. Въ новѣйшемъ направленіи итальянской пластики замѣтно стремленіе къ ничѣмъ нестѣсняющемуся реализму, — къ изображенію сюжетовъ изъ вседневной жизни или съ вольной импровизаціей или съ утонченной отдѣлкой. Этого направленія придерживаются Барбелла, Тантардини, Барцаги, Аписильони.

Нѣмецкая Вслѣдствіе тѣсной связи скульптуры съ архитектурой, занятія
пластика. пластикой болѣе чѣмъ занятія живописью сосредоточиваются въ большихъ городахъ, гдѣ легче найти необходимыя удобства и для изученія и для преподаванія всѣхъ видовъ искусства. Поэтому не только въ нѣмецкихъ столичныхъ городахъ, въ Берлинѣ и въ Дрезденѣ, въ Мюнхенѣ и въ Вѣнѣ, но также въ Парижѣ мы находимъ оживленную дѣятельность въ школахъ и мастерскихъ, созда-

вавшихъ и въ живописи и въ пластикѣ новыя идеи и художественныя формы и старавшихся приравливать къ современнымъ цѣлямъ и воззрѣніямъ. Хотя Торвальдсенъ и далеко превосходилъ всѣхъ своихъ современниковъ совершенствомъ и многочисленностью своихъ художественныхъ произведеній, однако и кромѣ него были скульпторы, пріобрѣвшіе громкую извѣстность, скоро создавшіе массу произведеній искусства и внесшіе въ такъ называемую «жанровую пластику» много новыхъ оригинальныхъ идей. Штутгартскій уроженецъ, Іоаннъ Генрихъ Даннекеръ хотя сначала и старался подражать Кановѣ, но уже въ своемъ бюстѣ Шиллера обнаружилъ болѣе самостоятельное изученіе природы и наконецъ сдѣлался творцемъ знаменитыхъ художественныхъ произведеній—статуи Христа (находящейся въ Регенсбургѣ) и «Аріадны». Мартинъ Вагнеръ, одинаково прославившійся и какъ живописецъ и какъ скульпторъ («Переселеніе народовъ»—фризъ для Валгаллы и скульптуры для триумфальныхъ воротъ въ Мюнхенѣ), считался однимъ изъ «самыхъ ученыхъ художниковъ новаго времени» и отличился своими заслугами, помогая баварскому наслѣдному принцу (впослѣдствіи королю Лудвигу I) собирать коллекціи художественныхъ произведеній для мюнхенской глиптотеки. Еще даровитѣе былъ Іоаннъ Готфридъ Шадовъ, уроженецъ берлинскій: «Богиня побѣды», изваянная имъ для украшенія Браденбургскихъ воротъ, построенныхъ силезскимъ архитекторомъ Ланггаузомъ (1733—1808) по образцу пропилеевъ въ древне-дорическомъ стилѣ, и нѣсколько статуй (Фридриха Великаго въ Штетинѣ, стараго Дессаускаго князя, генерала Цитена, Блюхера въ Ростокѣ, Лютера въ Вюртембергѣ) свидѣлствуютъ о его умѣннѣи «ставить искусство въ правильныя отношенія къ природѣ и къ дѣйствительной жизни». Онъ былъ основателемъ такого «реализма» въ скульптурѣ, который отказывался отъ идеальнаго, завысшаго преданіями, схематизма въ изображеніи и обстановкѣ сюжетовъ, болѣе придерживался дѣйствительности и стремился преимущественно къ живому изображенію и къ яркой характеристикѣ индивидуальныхъ явленій.

Даннекеръ.
1758—1841.

М. Вагнеръ.
1777—1858.

Шадовъ.
1764—1850.

Для скульптуры настала новая эпоха развитія благодаря любви баварскаго короля Лудвига къ искусствамъ. Тогда выступилъ на сцену Лудв. Шванталеръ—художникъ, хотя и неравнявшійся съ Шадовомъ по совершенству внѣшней формы и правильности своихъ произведеній, но стоявшій не много ниже его по богатству фантазіи и по творческимъ дарованіямъ. Онъ не былъ равнодушенъ къ достоинствамъ античнаго искусства, изъ котораго заимствовалъ мотивы для своихъ первыхъ скульптурныхъ произведеній (для серебрянаго столоваго сервиза короля Максимилиана I, для пластическихъ фигуръ въ нѣкоторыхъ залахъ глиптотеки и для другихъ новыхъ мюнхенскихъ зданій); однако онъ предпочиталъ сюжеты изъ слав-

Шванталеръ.
1802—1848.

ныхъ временъ нѣмецкаго рыцарства, на которыя смотрѣлъ глазами романтика. Въ замкѣ, который онъ построилъ для себя на берегу Изара, онъ еще разъ пережилъ мечтанія своей молодости. Поощряемый склонностью короля къ искусствамъ, онъ обнаружилъ необычайную дѣятельность, какъ это видно изъ множества статуй, памятниковъ и рельефныхъ работъ, вышедшихъ изъ его мастерской. Такъ напр. онъ украсилъ фронтонъ Валгаллы группой, изображающей битву Арминія съ Римлянами, тронную залу—желѣзными, позолоченными статуями предковъ царствующаго въ Баваріи дома, различныя зданія—декоративными изображеніями. Между изваянными имъ статуями особенно выдѣляются статуи: Моцарта для Зальцбурга, Жанъ-Поля для Байрейта, Гёте для Франкфурта на М., великаго герцога Карла Фридриха для Карлсруэ, Лудвига Гессенскаго для Дармштадта, Крейтмайера для Мюнхена, Тилли и Вреде для залы полководцевъ; кромѣ того онъ изваялъ нѣсколько статуй, находящихся въ Эрлангенѣ, въ Стокгольмѣ и въ Шпейерѣ. Но самый большой памятникъ самому себѣ онъ воздвигнулъ колоссальной статуей «Баварія», поставленной передъ входомъ въ залу знаменитостей. Большой литейный заводъ Стигльмайера въ Мюнхенѣ служилъ поощреніемъ для усиленной художественной производительности Шванталера и его учениковъ.

Раухъ. Но первое мѣсто между новѣйшими скульпторами принадлежитъ 1777—1857. Христіану Рауху. Онъ былъ сынъ дворцоваго камердинера и началъ изучать искусство въ Касселѣ, въ мастерской І. Хр. Руля. Ему принадлежитъ та заслуга, что онъ создалъ искусство патріотическое по содержанію и по формѣ, хотя и старавшееся усвоить духъ и чистоту формъ античныхъ художественныхъ произведеній. Вслѣдъ за памятникомъ королевы Луизы, изваяніе котораго для шарлоттенбургскаго мавзолея было ему поручено по совѣту Торвальдсена, изъ его мастерской вышли: мраморныя статуи Бюлова и Шарнгорста, бронзовая статуя Блюхера (въ Бреславлѣ), памятникъ на Крейцбергѣ подлѣ Берлина, статуя короля баварскаго Максимилиана І въ коронаціонномъ одѣяніи и множество другихъ. И въ Валгаллѣ есть нѣсколько произведеній частию его собственныхъ, частию исполненныхъ по его рисункамъ Шванталеромъ; между ними особенно замѣчательны шесть богинь побѣды, изваянныхъ въ античномъ стилѣ, но по мысли принадлежащихъ къ новѣйшимъ произведеніямъ искусства. Высшей степени своей славы Раухъ достигъ великолѣпнымъ памятникомъ Фридриха Великаго, поставленнымъ въ Берлинѣ unter den Linden; это произведеніе одинаково замѣчательно и смѣлостью, съ которой въ немъ нарушены прежнія правила искусства, и богатствомъ фигуръ и идей. Къ послѣднимъ годамъ жизни Рауха принадлежатъ статуи Йорка и Гнейзенау, лежачая статуя Фридриха Вильгельма III въ шарлоттенбургскомъ мавзолеѣ и группа «Моисей»

при входѣ въ потсдамскую церковь. Раухъ унаслѣдовалъ отъ своихъ предшественниковъ завѣщанный преданіями стиль, тѣсно связанный съ заимствованными отъ древнихъ художниковъ законами искусства; но въ то-же время онъ сознавалъ необходимость удовлетворять требованія дѣйствительной жизни и исторической правды; поэтому онъ сдѣлалъ первыя энергичныя попытки согласовать идеализмъ съ реализмомъ. «Онъ умѣлъ придавать классическій отпечатокъ изображенію и даже обстановкѣ своихъ сюжетовъ, не нарушая вѣрности съ природой, и, наоборотъ, онъ умѣлъ владывать въ идеальные типы новую жизнь болѣе удачно, чѣмъ который либо изъ художниковъ нашего столѣтія». Изъ его многочисленныхъ учениковъ многіе оказались достойными своего учителя, какъ напр: Авг. Киссъ. («Амазонка, сражающаяся съ тигромъ»), братъ поэта Фридр. Тикъ, К. Фр. Вихманъ («Женщина, черпающая воду») и его братъ Лудвигъ (бюсты и статуи), Фридрихъ Драке (мраморная статуя Фридриха Вильгельма III въ зоологическомъ саду въ Берлинѣ и «Богиня побѣды» на берлинской триумфальной колоннѣ), Вредовъ («Ганимедъ и Парисъ»), братья Вольфъ, Фр. Герм. Шивельбейнъ. Этими художниками были изваяны восемь мраморныхъ группъ на мосту берлинскаго замка и другія монументальныя произведенія

Драке.

1805—1882.

Между учениками Рауха болѣе всѣхъ прославился Саксонецъ Эрнстъ Ритчель. Онъ развилъ свои дарованія въ дрезденской академіи и въ мастерской Рауха и затѣмъ создалъ цѣлый рядъ скульптурныхъ произведеній въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ (памятникъ королю Фридриху Августу; аллегорическія фигуры четырехъ факультетовъ, фризы и группы на фронтонахъ лейпцигскаго университетскаго зданія; статуя Таэра; фронтонъ въ зданіи берлинской оперы, мраморная группа *Pietà*, памятникъ Лютера въ Вормсѣ); наконецъ въ статуй Лессинга въ Брауншвейгѣ и въ памятникъ Гёте и Шиллеру въ Веймарѣ онъ разрѣшилъ трудную задачу создавать статуи-портреты въ современной обстановкѣ, но безъ нарушенія ихъ идеальнаго характера. Однако, художественная критика, отдававшая полную справедливость достоинствамъ веймарскаго памятника, находила, что основная идея этого произведенія—символическое изображеніе взаимныхъ отношеній и внутренней связи между двумя великими поэтами—не входитъ въ задачи реалистической пластики. Въ то время, какъ Ритчель работалъ надъ сооруженіемъ памятника Лютеру въ Вормсѣ, его постигла преждевременная смерть. Его цѣлью было гармоническое сочетаніе естественности съ изяществомъ и съ достоинствомъ. По мнѣнію одного изъ новѣйшихъ критиковъ, «Ритчель не всегда могъ равняться съ своимъ учителемъ Раухомъ монументальнымъ величіемъ и классической цѣльностью своихъ произведеній; за то онъ отличался поэтичностью, отзывавшейся роман-

Ритчель.

1804—1861.

тизмомъ, и такую теплотою чувствъ, рядомъ съ которой нерѣдко кажется холоднымъ философскій умъ Рауха, какъ вообще мышленіе кажется холоднымъ въ сравненіи съ чувствомъ». Въ одно время съ Ритчелемъ работалъ въ Дрезденѣ даровитый Эрнстъ Гэнель (Бетховенъ, въ Боннѣ; Карлъ IV въ Прагѣ; вакхическій фризь въ старомъ дрезденскомъ театрѣ; статуя Рафаэля), у котораго, однако, были болѣе удачны воспроизведенія античныхъ мотивовъ, чѣмъ самостоятельныя произведенія. Къ числу учениковъ Ритчеля принадлежатъ: Іоаннъ Шиллингъ (группы четырехъ временъ дня на Брюлевской террасѣ; національный памятникъ на Нидервальдѣ у береговъ Рейна), Адольфъ Донндорфъ и Виттигъ. И австрійскій скульпторъ Гансъ Гассеръ въ 1817—1868. казалъ большія природныя дарованія не столько въ статуѣ Виланда въ Веймарѣ, сколько въ другихъ произведеніяхъ (статуи Музы для театра въ Пештѣ; двѣ группы для англійской королевы, изображающія искусство и промышленность, науку и торговлю; статуя фельдцейгмейстера Вельдена въ Грацѣ). Въ послѣднее время скульпторы стали еще рѣшительнѣе прежняго подражать природѣ, частію принимая за образцы итальянскія художественныя произведенія эпохи Возрожденія. Къ числу такихъ скульпторовъ принадлежатъ: во Флоренціи, уроженецъ Іены Адольфъ Гильдебрандъ («Спящій молодой пастухъ», «Адамъ»), въ Дрезденѣ Робертъ Дитцъ, въ Мюнхенѣ М. Вагмюллеръ и въ особенности въ Берлинѣ отличающійся богатствомъ фантазіи и оригинальностью, Рейнгольдъ Бегасъ, Рудольфъ Зимерингъ, Фрицъ Шаперъ (памятникъ Гёте въ Берлинѣ), въ Римѣ—Жозефъ Копфъ и Эдуардъ Мюллеръ.

Французская
пластика.

Скульптура достигла высокаго развитія во Франціи, въ особенности въ Парижѣ, гдѣ множество церквей и публичныхъ зданій доставляли обширную сферу для занятій пластикой и рельефными работами,—гдѣ была въ большемъ ходу фабрикація бронзовыхъ издѣлій и процвѣтали всѣ отрасли художественныхъ производствъ. Тамъ мы замѣчаемъ въ скульптурѣ одинакій ходъ развитія съ живописью. Французскіе скульпторы высвободились изъ подъ безусловнаго господства антиковъ, которое преобладало въ Римѣ, но которое не находило для себя во Франціи опоры въ національныхъ вкусахъ и не удовлетворяло влеченія Французовъ къ «риторическому паѳосу». Поэтому они стали придавать главное значеніе реальной точкѣ зрѣнія, живости выраженія и непосредственности впечатлѣнія. Однако Франсуа Жозефъ Бозіо сдѣлалъ въ области скульптуры то-же, что было сдѣлано Энгромъ въ области живописи,—сталъ придерживаться болѣе идеальнаго направленія, стараясь подражать античнымъ формамъ искусства и въ особенности произведеніямъ Кановы, между тѣмъ какъ болѣе молодая школа стремилась къ болѣе выразительному и страстному натурализму. Къ числу художественныхъ произведеній Бозіо принадлежатъ: рефьефы на Вандомской колоннѣ, двѣ граціоз-

Бозіо.
1769—1845.

ныя и изящно отдѣланныя мраморныя статуи въ Люксембургскомъ дворцѣ (Распростертый на землѣ юноша Гіацинтъ и выходящая изъ купанья нимфа Салмакида), нѣсколько скульптурныхъ произведеній (надгробный памятникъ Людовика XVI, мавзолей графини Демидовой на кладбищѣ Père Lachaise) и нѣсколько статуй. Еще болѣе блестящихъ успѣховъ въ античномъ направленіи достигъ женевскій уроженецъ Джемсъ Прадье, нѣсколько лѣтъ учившійся въ Римѣ; онъ былъ однимъ изъ самыхъ распрославленныхъ парижскихъ художниковъ и сдѣлался основателемъ школы, которую посѣщали многочисленные ученики. Его статуи въ античномъ стилѣ, между которыми считаются самыми удачными «Вакханка», «Психея», «Флора», «Нюба», свидѣлствуютъ о его искусной technikѣ, о его умѣннѣ подражать античнымъ произведеніямъ и о его тонкомъ пониманіи эффектовъ. О его неутомимой дѣятельности свидѣлствуютъ его многочисленные скульптурныя произведенія на Триумфальной аркѣ. въ церкви Madeleine, въ версальскомъ музеѣ, колоссальныя изображенія богини побѣды на надгробномъ памятникѣ Наполеона въ Домѣ Инвалидовъ и памятникъ Руссо въ Женевѣ. Уже въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Прадье замѣтно стремленіе къ эффектамъ, къ выраженію чувственной красоты; оно еще болѣе замѣтно у его учениковъ Лекесна, Гильома, Дюмона и др. Это направленіе становилось все болѣе и болѣе господствующимъ и достигло самыхъ блестящихъ триумфовъ благодаря Пьеру Жану Давиду изъ Анжера—талантливому художнику, отличавшемуся гениально-легкомысленными воззрѣніями. Тотъ величественный благородный стиль, который былъ введенъ Бозіо и отъ котораго не уклонялись ученики этого художника, Дюре въ своей превосходной жанровой пластикѣ («Тарантелла», «Импровизирующий виноградарь») и даровитый Рюдъ («Неаполитанскій рыбакъ, играющій съ черепахой»), былъ совершенно вытѣсненъ рѣзкимъ реализмомъ и натурализмомъ Давида. Подобно живописцу того же имени, изъ школы котораго вышелъ Пьеръ Жанъ Давидъ и съ которымъ сходилъ въ демократически-республиканскихъ убѣжденіяхъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ художниковъ своего времени. Свои дарованія онъ развилъ многолѣтними занятіями, живя въ Италіи, въ Германіи и во время второй имперіи изгнанникомъ въ Греціи, а выказалъ ихъ въ замѣчательныхъ монументальныхъ произведеніяхъ (конная статуя Кондэ въ Версали, скульптуры на фронтонѣ Пантеона) и въ особенности въ статуяхъ своихъ знаменитыхъ современниковъ французской и нѣмецкой національности (генерала Фуа, г-жи Сталь, Кювье, Шиллера, Гёте, Гумбольдта, Шеллинга). Въ своихъ мастерски изваянныхъ статуяхъ-портретахъ Давидъ съ поразительной вѣрностью изображалъ отличительныя особенности характера знаменитыхъ людей. Однако во многихъ изъ его статуй и бюстовъ замѣтны вычурность и стараніе яснѣе выразить

Прадье.

1792—1852.

Давидъ.

1789—1856.

Дюре.

1804—1865.

Рюдъ.

1784--1855.

отличительныя особенности изображаемыхъ личностей. Въ большей части новѣйшихъ произведеній французской пластики,—какъ напр. въ произведеніяхъ Клезингера, Фойятье, Дебэ, Жакемона, Поля Дюбуа, Жана Бапт. Карпо,—господствуютъ полный жизни натурализмъ и риторическій паѳосъ; отсюда, по видимому, можно заключить, «что пластическая фантазія Французовъ способна всего лучше изображать сильныя страсти и чувственныя влеченія». Между теперешними французскими скульпторами занимаетъ первое мѣсто Клодъ Ёженъ Гильомъ («Анакреонъ», «Кольберъ», «Орфей»); наряду съ нимъ приобрѣли извѣстность: Мерсье (*Gloria victis*), Шаю, Барриасъ, Томасъ, Бартольди, Перро.

Англійская скульптура. И въ Англіи развилась самостоятельная пластика, болѣе или менѣе придерживавшаяся античныхъ формъ и образцовыхъ произведеній Кановы и Торвальдсена. Мы уже ранѣе упоминали о томъ, что Флак-сманъ и Гибсонъ постоянно имѣли въ виду античныя произведенія искусства. Однако, въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Гибсона замѣтно больше свободы и самостоятельнаго изученія природы. Самоучка изъ низкаго званія, Фрэнсисъ Чантри обнаружилъ еще большую самостоятельность, вырабатывая національный художественный стиль въ своихъ бюстахъ и идеальныхъ фигурахъ (группа спящихъ дѣтей въ лхфильдскомъ соборѣ) и въ своихъ конныхъ статуяхъ (Георгъ IV на Трафальгарской площади, Веллингтонъ). Такое же вольное подражаніе мы находимъ и у другихъ англійскихъ скульпторовъ,—у Макдональда, Белля, Вестмакотта, Бэли, Р. Уайтта. Но до геніальнаго творчества не возвышался ни одинъ изъ англійскихъ скульпторовъ. «Хоть въ Англіи и часто можно видѣть бронзовые и мраморные бюсты такихъ знаменитостей, какъ Нельсонъ, Пиль, Уэллингтонъ и др., но тамъ рѣдко встрѣчаются такія произведенія, которыя отвѣчали бы всѣмъ требованіямъ искусства». Англійскимъ скульпторамъ всего лучше удастся жанровая пластика, но и въ ней рѣдко встрѣчается такая ничѣмъ не прикрытая чувственность, какую мы находимъ у южныхъ народовъ. Вообще можно замѣтить, что творческая сила фантазіи гораздо болѣе слаба въ англійскомъ искусствѣ, чѣмъ въ произведеніяхъ англійской литературы.

4. Архитектура.

Архитектура въ Германіи. Пробудившееся въ Мюнхенѣ и въ Берлинѣ, сильное влеченіе къ искусствамъ отразилось на архитектурѣ. То было вполне естественно, что увлеченіе античнымъ искусствомъ, господствовавшее въ концѣ восемнадцатаго столѣтія во всѣхъ сферахъ литературы и искусства и усвоенное архитекторомъ Фр. В. Эрдманнсдорффомъ (строившимъ Вёрлицскій замокъ и звѣринецъ подлѣ Дессау) во время его поѣз-

докъ по Италіи, имѣло рѣшающее вліяніе и на направленіе архитектурнаго вкуса. Въ Мюнхенѣ два художника противоположныхъ направленій соперничали между собою въ стараніи украсить столицу Баваріи великолѣпными зданіями—родившійся вблизи отъ Гильдесгейма, Лео Кленце и кобленцскій уроженецъ Фридр. Гертнеръ; въ Берлинѣ Карлъ Фридр. Шинкель сумѣлъ сочетать возбужденное романтиками и примѣромъ рано умершаго Ферд. Гилли, влеченіе къ античному искусству съ новыми гармоническими формами, съ такимъ архитектурнымъ стилемъ, который соотвѣтствовалъ требованіямъ практической жизни. Ему принадлежитъ та заслуга, что «онъ расширилъ способность греческой архитектуры выражать идеи и, соблюдая чистоту внѣшней формы, придавъ своимъ архитектурнымъ произведеніямъ самостоятельный характеръ». Подобно Шинкелю, и его современникъ Кленце былъ всей душой привязанъ къ греческому искусству; поэтому самыя лучшія произведенія Кленце тѣ, въ которыхъ онъ ничѣмъ не сдерживалъ этой склонности, какъ то: глп-тотека съ ея великолѣпнымъ портикомъ, Валгалла—этотъ памятникъ національнаго нѣмецкаго величія, воздвигнутый на высокомъ берегу Дуная подлѣ Регенсбурга въ формѣ дорическаго храма съ чрезвычайно красивыми статуями по сторонамъ, зала съ изображеніями знаменитыхъ людей и великолѣпныя ворота Пронилеевъ; однако Кленце былъ слишкомъ глубоко проникнутъ сознаніемъ, что всѣ искусства составляютъ одно нераздѣльное цѣлое и что каждый родъ стилиа имѣетъ свои собственные достоинства; поэтому онъ не отказался строить въ стилѣ эпохи Возрожденія новый королевскій дворецъ и пинакотеку и строить въ романскомъ стилѣ придворную капеллу. Одинъ изъ его учениковъ, Г. Нейрейтеръ создалъ постройкой Политехническаго заведенія удачный образецъ обновленнаго стилиа Возрожденія. Напротивъ того, Гертнеръ возводилъ большую часть своихъ построекъ—и церковь св. Лудвига и зданія въ Лудвигштрассе (библіотеку) въ романскомъ стилѣ, а дворецъ Виттельсбаховъ въ готическомъ; но ему не доставало умѣнья пользоваться сочетаніемъ различныхъ искусствъ, чтобъ придавать архитектурнымъ произведеніямъ цѣльное впечатлѣніе. Наряду съ этими художниками прославились: Г. Фридр. Цибландъ постройкой церкви св. Бонифація въ стилѣ старинныхъ христіанскихъ базиликъ, итальянскій уроженецъ Дом. Кваліо—перестройкой замка Гогеншвангау и Дан. Ольмюллеръ сооруженіемъ церкви въ предмѣстіи Аи. Архитектура служитъ опорой и основой для мюнхенскаго искусства; отъ нея, по видимому, зависятъ и ея господству подчиняются живопись и въ особенности скульптура; ея слугою оказывается и вновь открытая живопись на стеклѣ, которую довелъ до такого совершенства Эман. Энмюллеръ. — Съ успѣшнымъ развитіемъ архитектуры связано въ Берлинѣ имя Шинкеля. Испробовавши свои силы на со-

Кленце.

1784—1864.

Гертнеръ.

1792—1847.

Шинкель.

1781—1841.

Цибландъ.

1800—1873.

Кваліо.

1787—1837.

Ольмюллеръ.

1791—1839.

оруженіи въ готическомъ стилѣ памятника на Крейцбергѣ и готической колоннады въ гауптвахтѣ подлѣ цейхгауза, онъ сталъ руководствоваться новыми комбинаціями при отстройкѣ театра и музея и выказалъ все богатство своей фантазіи. При постройкѣ берлинской Werderkirche онъ старался ослабить односторонность готическаго типа, придавши ему нѣкоторое сходство съ произведеніями греческой архитектуры, а при постройкѣ потсдамской церкви св. Николая старался создать типъ храма для евангелическаго культа. Кромѣ памятниковъ и куполовъ Шинкель строилъ виллы по такимъ планамъ, въ которыхъ видны были его дарованія пейзажиста, а его чертежи фресокъ для стараго берлинскаго музея ставятъ его на ряду съ великими живописцами.

Хотя геніальный идеализмъ Шинкеля былъ такого рода, что его нельзя было передать другимъ путемъ уроковъ и наставленій, однако и этотъ художникъ оставилъ послѣ себя школу, трудившуюся въ указанномъ имъ направленіи и создавшую не мало превосходныхъ архитектурныхъ произведеній. «Въ этихъ произведеніяхъ удачнѣе, чѣмъ въ какихъ либо другихъ, осуществлялся на практикѣ основной принципъ, что архитектура должна находиться въ органической взаимной связи съ ландшафтною обстановкой». Итальянскіе мотивы и легкое подражаніе стариннымъ римскимъ вилламъ служили основой для архитекторовъ, во главѣ которыхъ стоялъ Персіи. Между учениками, вышедшими изъ школы Шинкеля, выдѣляются, кромѣ Персіи, частію новыми комбинаціями въ примѣненіи болѣе стараго архи-

Штюлеръ. тектурнаго стиля, частію искусной техникой: I. Г. Штракъ (церковь 1800—1865. св. Петра), Л. Соллеръ (церковь св. Михаила въ романонтальянскомъ стилѣ), Авг. Штюлеръ (новый музей, соборъ съ кладбищемъ), Штирль. 1799—1856. Вильг. Штирль, Фр. Гицигъ, Э. Кноблаухъ († 1865).

Въ то-же время обнаруживалось и въ другихъ мѣстахъ желаніе сооружать новыя зданія: при отстройкѣ кельнскаго собора и при сооруженіи новыхъ замковъ и церквей на берегахъ Рейна оживило

Цвирнеръ. готическое искусство трудами Цвирнера, Ласо и др.; въ Дрезденѣ 1802—1861. Готфридъ Семперъ старался облагородить стиль прошлаго столѣтія

Ласо. при сооруженіи большого театра (который сгорѣлъ въ сентябрѣ 1869 1781—1848. и былъ имъ заново построенъ по новому плану), новаго музея и

Семперъ. цюрихской Политехнической школы; въ то-же время онъ и устнымъ 1803—1879. преподаваніемъ и своими сочиненіями старался распространять болѣе

глубокое пониманіе основныхъ законовъ своего искусства; въ Карлсруэ еще въ концѣ восемнадцатаго и началѣ девятнадцатаго столѣ-

Вейнбреннеръ. тія Фр. Вейнбреннеръ обнаружилъ глубокое знаніе древней архитек- 1764—1829. тоники при постройкѣ католической и протестантской городскихъ

церквей, городской думы и многихъ другихъ публичныхъ и частныхъ

Гюбшъ. зданій; затѣмъ, Гейнр. Гюбшъ, придерживавшійся романтическаго 1795—1863. направленія, выказалъ свою даровитость въ сооруженіи нѣсколькихъ

публичныхъ зданій (зданія министерства финансовъ, Политехнической школы, музея, театра, галлерей въ Баденъ-Баденъ и нѣсколькихъ церквей); въ Нюрнбергѣ даровитый архитекторъ Гейделоффъ снова пробудилъ влеченіе къ средневѣковому готическому искусству и къ сооруженіямъ въ нѣмецкомъ патріотическомъ духѣ; въ Штутгартѣ архитекторы Хр. Леинсъ и І. Эглъ, строившіе королевскую виллу и нѣсколько публичныхъ зданій (Политехническую школу, техническое архитектурное училище), придерживались частію итальянскаго стиля эпохи Возрожденія, частію французскаго стиля Лувра. И въ Вѣнѣ архитекторы, занимавшіеся постройкой многихъ великолѣпныхъ зданій, далѣе развивали стиль эпохи Возрожденія въ новѣйшемъ вкусѣ и прибѣгали къ готическому стилю съ тонкимъ пониманіемъ его достоинствъ. Между вѣнскими архитекторами, кромѣ Семпера и Шмидта, выдѣляются развившіеся на изученіи античныхъ образцовыхъ произведеній: Теофиль Гансенъ, Гейнрихъ Ферстель, Газенауеръ, Тишлеръ.

Во Франціи классическій вкусъ господствовалъ въ началѣ текущаго столѣтія и въ архитектурѣ точно такъ-же, какъ во всѣхъ другихъ искусствахъ; тамъ особенно нравились великолѣпныя внѣшнія формы римскихъ построекъ, соотвѣтствовавшія величію новаго Цезаря. Этого направленія придерживались: Персье, строившій триумфальную арку de l'Etoile Шальгрень, и строившій церковь св. Магдалины Вишшопъ. Во время реставраціи, Лассю и Віолле-ле-дюкъ доставили романтикѣ и въ архитектурѣ такое-же преобладающее вліяніе, какого она достигла въ литературѣ и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ; въ послѣдствіи Гитторфъ старался примирить и согласовать тѣ два стиля (церковь st.-Vincent de Paul), причемъ французскіе архитекторы стали придерживаться декоративнаго стиля эпохи Возрожденія (при отстройкѣ городской ратуши и Лувра). Этотъ стиль вошелъ въ большое употребленіе во Франціи, между тѣмъ какъ готическій стиль, котораго придерживались при постройкѣ церквей св. Клотильды и св. Евгеніи, не имѣлъ большого успѣха. Въ Англіи по прежнему господствовалъ позднѣйшій готическій стиль въ постройкѣ церквей и публичныхъ зданій (въ построенномъ архитекторомъ Парри, зданіи парламента, въ построенномъ Уайаттомъ, Виндзорскомъ замкѣ и въ бѣльшей части загородныхъ домовъ аристократіи). Прежнія единичныя попытки возвратиться къ стилю Возрожденія не имѣли прочнаго успѣха. Вѣдь даже самый знаменитый изъ англійскихъ архитекторовъ Христ. Вренъ, строившій въ концѣ семнадцатаго столѣтія въ Лондонѣ великолѣпный храмъ св. Павла, подражая Микель-Анджело, въ то-же время строилъ въ готическомъ вкусѣ двѣ башни Вестминстерскаго аббатства.

На усиленіе и распространеніе влеченія къ искусствамъ имѣло значительное вліяніе многостороннее развитіе художественной дѣя-

Гейделоффъ.
1788—1865.

Архитектура
во Франціи и
въ Англіи.

Расширеніе
сферы искус-
ства.

тельности, о которомъ мы будемъ впослѣдствіи говорить болѣе подробно. Не только гравировка на мѣди и на стали, въ которой особенно отличались итальянецъ Раф. Моргенъ и дрезденскій уроженецъ. 1758—1833. Фр. Мюллеръ, служила занятіемъ для даровитыхъ художниковъ, и Мюллеръ. 1782—1816. долго оставлявшаяся въ пренебреженіи рѣзьба на деревѣ (ксилография) снова стала пользоваться почетомъ, а литографія и фотографія достигли въ наше время удивительнаго развитія, распространяя повсюду уваженіе къ искусству. Художественныя выставки ясно доказываютъ, до какой степени дѣятельность художниковъ облагородила вкусы и во Франціи и въ Германіи. «Всё это доказываетъ», — говоритъ Вильг. Любке, — «что интересъ къ художественнымъ произведеніямъ проникаетъ все въ болѣе широкія сферы. Но чѣмъ болѣе зависить вполнѣ успѣшное развитіе искусствъ отъ усиленія интереса къ нимъ въ народныхъ массахъ, тѣмъ болѣе должны они оберегать чистоту своихъ идеаловъ. Вслѣдствіе господствующаго въ наше время влеченія къ реализму, въ особенности живописи угрожаетъ опасность попасть на ложный путь, — искать внѣшнихъ достоинствъ, вѣрности съ природой, и утратить внутренній смыслъ. Поэтому она должна беречь унаслѣдованные ею идеалы, должна глубоко проникать въ жизненныя явленія и изображать не блестящую ихъ внѣшнюю сторону, а ихъ смыслъ. Въ этомъ заключаются ея задача, ея призваніе и условіе ея живучести».

В. Музыкальное искусство въ девятнадцатомъ столѣтіи ¹⁾.

Классическое музыкальное направленіе наконецъ проникло и въ Вѣну, гдѣ оно достигло въ оперѣ и въ особенности въ инструментальной музыкѣ такого совершенства, которое и до сихъ поръ считается образцовымъ (XIII, 640 и сл.). Тамъ итальянское искусство обновило свои силы изъ нѣмецкихъ источниковъ. Но итальянская музыка поддерживала свои связи и съ французской музыкой, и наряду съ великими вѣнскими композиторами пріобрѣлъ извѣстность. и пользовался благосклонностью публики Марія Луиджи Херубини, 1760—1842. создавшій художественныя произведенія почти по всеѣмъ отраслямъ музыкальнаго искусства. Напротивъ того, современникъ и землякъ этого композитора, Гаспаро Спонтини прославился только своими 1774—1851. большими операми, которымъ придавалъ, по примѣру Глюка, внѣшнюю эффектность въ итальянско-французскомъ вкусѣ. Въ одно время съ нимъ Французы Мегюль, Буальдьё и др. писали оперы съ болѣе скромными притязаніями на успѣхъ; однако ихъ произведенія держались на сценѣ такъ же долго, какъ оперы Спонтини.

¹⁾ Статья д-ра Хризандера.

Чисто-итальянская музыка, удержавшаяся на всѣхъ европейскихъ театральныхъ сценахъ не смотря на пережитой ею въ Вѣнѣ періодъ упадка, снова достигла высокаго процвѣтанія благодаря Іоахиму Россини; на всѣхъ театральныхъ сценахъ стали господство- Россини.
вать его многочисленныя оперы, между которыми всѣхъ болѣе за- 1792—1868.
мѣчательны — какъ комическая, «Севильскій цирюльникъ», и какъ серьезная «Вильгельмъ Телль». Этой послѣдней оперой, поставлен-
ной на сценѣ въ Парижѣ въ 1829 году, Россини вступилъ на тотъ
путь, который былъ проложенъ въ 1828 году оперой Француза
Франсуа Обера *La Muette de Portici* и который находился въ Оберъ.
близкой связи съ июльской революціей. Для этихъ историческихъ 1782—1871.
оперъ, имѣвшихъ въ свое время важное политическое значеніе,
служили продолженіями и въ нѣкоторой степени окончательными
дополненіями оперы Нѣмца Іакова Мейербера «Гугеноты» и «Про- Мейерберъ.
рокъ»; кромѣ того Мейерберъ написалъ въ 1831 году оперу *Ro-* 1791—1864.
bert le Diable, которая исполнялась на всѣхъ театральныхъ сце-
нахъ въ одно время съ вышеупомянутыми операми Обера и Россини.

Всѣ эти музыкальныя произведенія глубоко пропитаны духомъ такъ называемаго романтизма, господствовавшемъ въ то время во всѣхъ сферахъ искусства. Нѣмецкіе композиторы придерживались такого же направленія съ оригинальной самостоятельностью. К. М. Веберъ (XIII, 648), учившійся музыкѣ вмѣстѣ съ Мейерберомъ у аббата Фоглера, задавалъ тонъ сочинителямъ нѣмецко-романтиче-
скихъ оперъ; по его стопамъ шли Лудвигъ Шпоръ, Генрихъ Марш- Шпоръ.
неръ и многіе другіе. Это романтическое направленіе господство- 1784—1859.
вало въ Германіи почти до 1850 года; но, за исключеніемъ нѣко- Маршнеръ.
торыхъ произведеній Вебера, оно не могло укорениться въ Гер- 1796—1861.
маніи: тамъ съ нимъ вступали въ борьбу произведенія туземныхъ
композиторовъ, написанныя частію въ чисто-итальянскомъ стилѣ,
частію, — какъ напр. въ Парижѣ, — въ итальяно-французско-нѣмец-
комъ. Эта борьба между туземными и иностранными операми и пред-
почтеніе, которымъ пользовались эти послѣднія въ мнѣніи боль-
шинства, составляютъ отличительную особенность той эпохи частію
даже до настоящаго времени. Со временъ Вебера нѣмецкая опера
уже не обладаетъ тѣми достоинствами внѣшней формы, какими от-
личались классическія оперы; вмѣсто арій съ ихъ удивительно раз-
нообразной и цѣльной выразительностью все болѣе и болѣе высту-
паютъ на передній планъ пѣсня и речитативъ; роль хора приобрь-
таетъ все болѣе важное значеніе; акомпаньментъ оркестра все бо-
лѣе и болѣе присвоиваетъ себѣ право выражать музыкальныя идеи
композитора; онъ становится все болѣе громкимъ, заглушая пѣніе
и мало по малу отодвигая его на задній планъ. Эта добавочная со-
ставная часть оперныхъ представленій является самой эффектной,
а пѣніе — слабая сторона этихъ оперъ и главная причина, по кото-

рой онѣ исполняются только въ Германіи, а иногда даже только въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи. Можно подумать, что нѣмецкіе оперные композиторы уже не въ состояніи сочинять такіа патетическія мелодіи, которыя могли бы производить эффектъ въ пѣніи безъ постороннихъ пособій.

Доницетти. 1797—1848. Этотъ недостатокъ восполнили итальянскіе композиторы Россини, Доницетти («Анна Болена», «Лукреція Борджія»), Беллини («Норма»)
Беллини. 1802—1835. сочиненіемъ такихъ оперъ, которыя повсюду нравятся своимъ богатствомъ великолѣпныхъ мелодій и повсюду ставятся на сценѣ.

Верди, род. 1813. Онѣ исполняются лучшими пѣвцами нашего столѣтія, а съ ихъ появленіемъ явились и первоклассные исполнители, которые не только поддерживали старую блестящую репутацію итальянской оперы въ большихъ европейскихъ городахъ, но даже распространяли ее въ Америкѣ и въ Африкѣ. Въ настоящее время итальянскія оперныя сцены существуютъ въ трехъ частяхъ свѣта. На нихъ господствовали въ теченіе послѣднихъ четырехъ десятилѣтій оперы Джузеппе Верди; этотъ композиторъ отличается всѣми достоинствами и недостатками новѣйшей итальянской музыки: необыкновенная творческая плодовитость, разнообразіе привлекательныхъ мелодій, драматическая выразительность, умѣніе производить музыкальные эффекты соединяются у него съ грубостью вкуса и тривиальностью въ выраженіи чувствъ. Его оперы даются на всѣхъ театрахъ, а его мелодіи исполняются всѣми шарманками.

Вторымъ недостаткомъ нѣмецкой романтической оперы было отсутствіе драматизма. Въ ней главные дѣйствующія лица были или вымышленными существами, олицетвореніями романтическаго идеала, или такими неестественными существами, отъ которыхъ нельзя ожидать обще-понятной драматической игры. Даже въ драмахъ Нѣмцамъ всегда было трудно выводить на сцену натуральныхъ людей, потому что они всегда приплели къ драмамъ разныя символическія представленія и вымыслы; это еще легче дѣлалось въ оперѣ, такъ какъ музыкой легче выражать безформенныя, туманныя идеи. Въ этомъ отношеніи французская опера, достигшая неожиданнаго процвѣтанія, восполнила недостатки нѣмецкой и на нѣкоторое время вытѣснила ее со сцены, но только благодаря тому, что подкрѣпила свои собственныя силы изъ итальянскихъ и нѣмецкихъ источниковъ. Въ ней главную роль игралъ Мейерберъ: развивши свой замѣчательный врожденный талантъ изученіемъ музыки различныхъ народовъ, онъ съ 1830 года ставилъ свои оперы почти исключительно въ парижскомъ театрѣ и оттуда руководилъ направленіемъ оперныхъ композиторовъ въ теченіе почти тридцати лѣтъ. Изъ его трехъ главныхъ произведеній—Robert le Diable, Les Huguenots, Le Prophète, второе служитъ образцомъ для новѣйшей исторической оперы и въ нѣкоторой мѣрѣ можетъ считаться самымъ замѣчатель-

нымъ изъ музыкальныхъ сценическихъ произведеній нашего времени. Оперы Мейербера представляютъ сочетаніе самыхъ разнородныхъ эффектовъ; пользуясь контрастами, онъ доводитъ ихъ до такихъ преувеличеній, что они утрачиваютъ всякій смыслъ; при этомъ ему очень удаются мелодіи, которыя однако нерѣдко бываютъ искусственно прикрашены, сентиментальны или небогаты внутреннимъ содержаніемъ; у него изящный вкусъ не стоитъ на одной высотѣ съ искусствомъ. Его умѣнье придавать эффектность пѣнію хора было въ значительной мѣрѣ причиной того, что у другихъ композиторовъ изящныя аріи солистовъ, входившія въ составъ прежнихъ оперъ, стали мало по малу уступать мѣсто пѣнію въ нѣсколько голосовъ, которое съ своей стороны заглушается слишкомъ громкимъ оркестромъ. Самъ Мейерберъ обыкновенно обрабатывалъ аріи солистовъ не только съ большимъ искусствомъ, но и съ самою утонченною отдѣлкою; такъ какъ онъ всячески старался придавать своимъ операмъ историческій колоритъ, то ему нужно было выставить главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ самомъ привлекательномъ видѣ; онъ достигалъ этой цѣли съ помощью трогательныхъ мелодій, а съ помощью колоратурныхъ украшеній придавалъ этимъ мелодіямъ художественное совершенство.

Наряду съ оперой постоянно развивалась та музыка, которая исполняется не на театральныхъ сценахъ, а въ концертныхъ залахъ; но развивалась, соотвѣтственно господствующему въ то время направленію, преимущественно въ количественномъ отношеніи. Тѣмъ не менѣе въ ней выражались новыя идеи, въ сферѣ которыхъ и вращалась композиторская дѣятельность въ теченіе послѣднихъ семидесяти лѣтъ. Въ особенности драматизмъ производилъ въ эту эпоху чарующее впечатлѣніе и безъ его пониманія оставалось бы загадочнымъ все направленіе музыкальнаго искусства въ настоящее время.

Въ своихъ нѣмецкихъ пѣсняхъ (XIII, 648) Францъ Шубертъ, по видимому, держался направленія, указаннаго Моцартомъ, Рейхардтомъ, Бетховеномъ и др., а по художественной формѣ своихъ произведеній даже безспорно шелъ однимъ путемъ съ этими композиторами; но у него было и нѣчто новое, а именно его благородный пафосъ и то, что онъ облачалъ свои мелодіи исключительно только въ форму пѣсенъ. По мнѣнію прежнихъ композиторовъ, пѣсня годилась только для исполненія въ частныхъ домахъ и ей противопоставлялись музыкальныя произведенія, исполнявшіяся на сценѣ или въ концертахъ; но Шубертъ не умѣлъ владѣть болѣе широкими формами произведеній, предназначавшихся для сцены; поэтому пѣсня была для него единственной формой выраженія музыкальныхъ идей и сохранила такое же значеніе для его послѣдователей вплоть до настоящаго времени. Его горячимъ поклонникомъ и настоящимъ Шуманъ. преемникомъ былъ Робертъ Шуманъ, произведенія котораго были 1810—1856.

продуктами гораздо менѣе непосредственнаго творчества и потому распространялись гораздо медленнѣе, но съ нѣкотораго времени оказываютъ серьезное вліяніе на композиторовъ и встрѣчаютъ даже въ чужихъ странахъ неожиданно горячее одобреніе; они исполняются многими изъ нашихъ самыхъ знаменитыхъ музыкантовъ (Іос. Іоахимомъ, Юл. Штокгаузенемъ, Іог. Брамсомъ) и кромѣ того съ ними знакомитъ публику жена Шумана, извѣстная піанистка Клара Шуманъ, урожд. Вискъ (род. въ Лейпцигѣ въ 1819). Искусство Шумана обнаруживается главнымъ образомъ на почвѣ лирики, въ романсахъ съ акомпанементомъ на фортепьяно, къ которымъ онъ иногда присоединяетъ нѣсколько фразъ для двухъ или для нѣсколькихъ голосовъ безъ всякаго акомпанеента; но для него были почти вовсе недоступны болѣе широкія формы пѣнія — аріи, дуэты, хоры, вѣя фуги. И въ самыхъ большихъ изъ его музыкальныхъ сочиненій (Das Paradies und die Peri; Der Rose Pilgerfahrt; Manfred; Faust) если онъ неограничивается речитативами и романсами, пѣніе получаетъ у него пѣззачную форму и звучитъ непріятно, но нерѣдко привлекаетъ слушателя побочными достоинствами. Болѣе удачна его дѣятельность композитора инструментальной музыки; начиная съ пьесъ для фортепьяно и кончая симфоніями для оркестра, его произведенія вполнѣ выдержаны по своей формѣ и въ этомъ отношеніи частію стоятъ выше оркестровыхъ пьесъ Шуберта, которыя хотя и очень мелодичны, но не всегда отличаются цѣльностью характера. Шуманъ только одинъ разъ испробовалъ свои силы въ сочиненіи оперы, но его Геночева не имѣла успѣха.

Феликсъ Мендельсонъ. Трудившійся въ одно время съ Шуманомъ на одномъ съ нимъ поприщѣ, Феликсъ Мендельсонъ-Бартольди представляетъ въ нѣкоторомъ отношеніи рѣзкую съ нимъ противоположность. Въ своей молодости и въ послѣдніе годы своей жизни онъ пробовалъ сочинять оперы, но лишь мимоходомъ и безъ успѣха; онъ посвящалъ всѣ свои силы концертной музыкѣ. Оригинальность его таланта проявляется въ романсахъ и въ тѣхъ пьесахъ для фортепьяно, которыя онъ самъ охарактеризовалъ названіемъ *Lieder ohne Worte*; это—частію отголоски пѣнія, частію привлекательные предвѣстники позднѣйшей программной музыки. Въ вокальной музыкѣ онъ дошелъ до сочиненія ораторій, въ инструментальной—до сочиненія симфоній всякаго рода, которыя очень скоро повсюду распространились и нашли многочисленныхъ подражателей; но между его крупными музыкальными сочиненіями достойны вниманія не столько тѣ, которыя написаны для инструментовъ, сколько тѣ, которыя написаны для хоровъ. Это объясняется и ходомъ музыкальнаго развитія Мендельсона и его врожденными склонностями. Онъ обладалъ великимъ умѣньемъ припоровливаться къ условіямъ данной минуты. Среди тѣхъ музыкантовъ, которые низошли на степень эпигоновъ своихъ

непосредственныхъ предшественниковъ, Мендельсонъ былъ человѣкомъ съ новымъ образованіемъ; онъ прошелъ другую школу и создалъ для себя другіе идеалы. Его наставникъ Цельтеръ близко познакомилъ его съ музыкальнымъ искусствомъ Баха и онъ старался усвоить это искусство всѣми силами своей души; поэтому, всѣ его композиціи, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ пѣсень и пьесъ для фортепьяно, болѣе или менѣе пропитаны Баховскими воззрѣніями на искусство и онъ былъ главнымъ виновникомъ того, что въ наше время такъ высоко цѣнятъ произведенія Баха. Онъ умѣлъ многое усвоить и изъ произведеній Генделя, какъ это всего яснѣе доказываетъ его ораторія *Elias*; хотя эти позаимствованія и касались только внѣшней формы, но они доставили ему возможность соперничать съ его современниками, имѣя въ рукахъ новое оружіе, взятое изъ такого арсенала, который былъ до той поры закрытъ для всѣхъ другихъ. Многіе даже считали его такимъ композиторомъ, который соединилъ въ себѣ и довелъ до совершенства всѣ достоинства Баха и Генделя, а найденный послѣ его смерти отрывокъ изъ его ораторіи «Христосъ», позволяетъ предполагать, что, можетъ быть, онъ дѣйствительно мечталъ о такой роли въ музыкальномъ мірѣ.

Вопросъ о значеніи Мендельсона въ исторіи музыки уже давно разрѣшенъ. Онъ придерживался устарѣлыхъ пріемовъ музыкальной композиціи подъ впечатлѣніемъ своихъ ученыхъ занятій, какъ это видно, между прочимъ, и изъ той музыки, которую онъ писалъ къ греческимъ трагедіямъ. Вѣдь никто другой, какъ ученые, снова сдѣлали для насъ понятными идеалы музыки старыхъ временъ, а подъ ихъ все еще усиливающимся вліяніемъ совершалось почти все музыкальное развитіе новаго времени. Поэтому, Мендельсона можно назвать эклектикомъ, который былъ отъ природы одаренъ тонкимъ музыкальнымъ чутьемъ, но не освоился съ старыми формами музыкальнаго творчества настолько, чтобъ быть въ состояніи придать имъ свѣжія жизненныя силы. И въ то время, въ которое жилъ Мендельсонъ, не было всесторонней подготовки къ такому нововведенію.

Нашимъ современникамъ приходилось въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій разрѣшать загадки, которыя задавалъ имъ сфинксъ иного рода—Ричардъ Вагнеръ. Этотъ композиторъ представляетъ самую рѣзкую противоположность съ Мендельсономъ; онъ былъ антиподомъ и Шумана не смотря на то, что имѣлъ съ нимъ много общаго, а къ Мейерберу, который долго служилъ для него образцомъ, онъ самъ относился враждебно въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ; съ такимъ-же несочувствіемъ относился онъ и ко многимъ другимъ композиторамъ. Это былъ рыцарь пера столько-же, сколько рыцарь лиры; сборникъ его прозаическихъ и поэтическихъ произведеній состоитъ изъ девяти томовъ. Онъ написалъ одиннадцать оперъ, которыя возбуждаютъ въ настоящее время болѣе сильный интересъ,

чѣмъ произведенія всѣхъ другихъ композиторовъ. Поэтому онъ является главнымъ представителемъ сценическихъ музыкальных произведений. Онъ придаетъ самое важное значеніе драматическому элементу и самъ называетъ свои оперы музыкальными драмами; и общественное мнѣніе сочувствуетъ этому направленію: оно считаетъ театральную сцену привилегированнымъ мѣстомъ для исполненія драматической музыки и воображаетъ, что въ переложеніи на музыку драма достигаетъ своего совершенства. Вагнеръ отъ природы одаренъ такимъ талантомъ сценическаго композитора, какимъ обладаютъ лишь немногіе изъ нѣмецкихъ музыкантовъ; сцена есть настоящая сфера его творческой дѣятельности, но ею и ограничивается эта дѣятельность, такъ какъ всё, что онъ писалъ кромѣ оперъ, не заслуживаетъ вниманія. Въ качествѣ сценическаго композитора, онъ имѣетъ много общаго съ Веберомъ; по интеллигенціи, по образованію, по умѣнью пользоваться сценическими эффектами и по энергической послѣдовательности онъ стоитъ выше Вебера столько же, сколько стоитъ ниже его по глубинѣ музыкальнаго чувства. Въ своихъ аріяхъ для солистовъ онъ руководствовался преимущественно примѣромъ Вебера, Мейербера и современныхъ итальянскихъ композиторовъ, въ особенности Беллини, но потомъ сталъ мало по малу уклоняться отъ прежнихъ формъ сценическаго пѣнія; и въ теоріи и на практикѣ онъ сталъ придерживаться основнаго правила, что единственная пригодная для «музыкальной драмы», форма пѣнія есть речитативъ. Въ этомъ отношеніи онъ только дѣлалъ дальнѣйшіе выводы изъ послѣднихъ музыкальных произведеній Бетховена и изъ романсовъ Шуберта, считая романсъ за первоначальную форму пѣнія въ одинъ голосъ, а большинство современныхъ музыкантовъ или уже ранѣе придерживалось такого воззрѣнія (какъ напр. Шпоръ), или самостоятельно держалось такого-же направленія, или принадлежало къ числу его учениковъ и подражателей. Поэтому разница между ними и Вагнеромъ вовсе не такъ велика, какъ можно было бы подумать въ виду длившихся нѣсколько десятилѣтій горячихъ споровъ о музыкальномъ направленіи этого композитора. Всѣ эти споры въ сущности сводились къ вопросу о силѣ таланта; при этомъ зависть и ненависть играли немаловажную роль въ особенности потому, что многимъ композиторамъ пришлось остановиться на половинѣ уже написанныхъ сочиненій, между тѣмъ какъ самъ Вагнеръ доводилъ до конца свои смѣло задуманныя предпріятія. Такъ напр. онъ построилъ въ мѣстѣ своего жительства, въ Байрейтѣ, свой собственный театръ для исполненія своихъ послѣднихъ произведений; тамъ были поставлены на сцену лѣтомъ 1876 года «Кольцо Нибелунговъ», а въ 1882 году «Парциваль», и представленія этихъ оперъ возобновлялись почти ежегодно. Вагнеръ бралъ для своихъ оперъ сюжеты исключительно изъ нѣмецкихъ или германскихъ

народныхъ сказаній и потому считалъ свои произведенія продуктами настоящаго нѣмецкаго національнаго искусства. Но и это смѣшиваніе историческаго содержанія съ искусственными прикрасами вызвало одобреніе со стороны вліятельныхъ людей, считавшихъ своимъ патріотическимъ долгомъ поощреніе такой художественной дѣятельности; объясняется это тѣмъ, что Вагнеръ умѣлъ лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ придавать сценическую эффектность главнымъ дѣйствующимъ лицамъ старинныхъ легендъ. Въ томъ, что касается искусственныхъ прикрасъ, большія оперы соприкасаются съ опереткой, главнымъ представителемъ которой былъ Жакъ Оффенбахъ (кѣльнскій уроженецъ), и которой посвящали свои труды въ Вѣнѣ Іоаннъ Штраусъ, въ Лондонѣ Артуръ Сюлливанъ. Эти музыкальныя произведенія встрѣчали почти общее одобреніе, не смотря на то, что большею частію носятъ на себѣ отпечатокъ пошлости, и хотя нельзя не признать, что въ глазахъ будущихъ композиторовъ они будутъ служить главнымъ мѣриломъ теперешняго унадка музыкальнаго искусства, но также нельзя не замѣтить, что въ нихъ нашло для себя убѣжище безыскусственное мелодическое пѣніе, все рѣже встрѣчающееся въ большихъ операхъ.

Оффенбахъ.
1819—1880.
Штраусъ,
род. 1825.
Сюлливанъ,
род. 1842.

Между тѣмъ во всѣхъ странахъ появлялись композиторы, болѣе или менѣе господствовавшіе въ своемъ отечествѣ на театральной сценѣ и въ концертныхъ залахъ, а иногда пріобрѣтавшіе извѣстность и за границей. Къ числу ихъ принадлежатъ, кромѣ Итальянца Верди, Французы Гуно, Бизе (его опера «Карменъ» исполняется повсюду), Тома, Сенъ-Сансъ, нѣмцы Брамсъ, Брухъ, Гольдмаркъ, Чехъ Дворакъ, Датчанинъ Гаде, Русскій Рубинштейнъ и др. Своеобразной и характеристичной личностью для музыкальнаго искусства нѣсколькихъ десятилѣтій послѣ 1830 года былъ Францъ Листъ, значеніе котораго, какъ великаго піаниста своего времени, признается всѣми; но достоинство его сочиненій для оркестра, его ораторій и церковной музыки оспаривается. Настоящая церковная музыка занимаетъ въ музыкальной сферѣ нашего времени лишь второстепенное мѣсто. Ей больше всего повредило то, что ее стали смѣшивать съ концертной музыкой; хотя эта послѣдняя и не занимаетъ такого-же выгоднаго положенія, какъ театральная музыка, однако она пріобрѣла значеніе преимущественно какъ музыка для средняго сословія и потому на ней отразилось могущественное развитіе этого сословія въ нашемъ столѣтіи. Въ особенности по примѣру Англіи и благодаря музыкальнымъ сочиненіямъ Генделя и въ Германіи возникли въ концѣ прошлаго столѣтія общества хорового пѣнія для исполненія ораторій. Въ то-же время стали повсюду устраиваться такъ называемые филармоническіе концерты со смѣшанной программой, въ которой однако преобладала инструментальная музыка; главной основой служили для нихъ музыкальныя произ-

Листъ.
1811—1886.

веденія вѣнской школы. Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій эти концерты достигли такихъ громадныхъ размѣровъ и по своему содержанию, и по числу слушателей, и по обширности помѣщеній, что итти далѣе въ этомъ направленіи, по видимому, и не возможно и вредно для искусства. Въ особенности хоровые концерты поддерживаютъ это ложное направленіе, такъ какъ хоры состояются изъ громаднаго числа людей, не получившихъ нужнаго музыкальнаго образованія; такъ напр. въ исполненіи ораторіи Генделя *Israel* лѣтомъ 1859 г. въ «Хрустальномъ дворцѣ» подлѣ Лондона участвовали около 5000 человекъ (4000 хористовъ и 1000 человекъ, игравшихъ на различныхъ инструментахъ); число слушателей или зрителей доходило до 28,000 человекъ; такимъ-же направленіемъ отличаются всѣ теперешніе большіе концерты, которые при всякомъ удобномъ случаѣ выдаются за «музыкальные празднества».

Это направленіе находитъ для себя значительную поддержку въ иномъ родѣ хороваго пѣнія, возникшемъ около 1810 года въ сѣверной Германіи,—въ хорахъ съ участіемъ только мужскихъ голосовъ. Оно частію развивалось рука объ руку съ одновременно возникшими тамъ-же гимнастическими обществами, чѣмъ и объясняются отличительныя черты его характера. Въ этихъ хорахъ участвовали въ большинствѣ случаевъ только четыре мужскихъ голоса и не смотря на то, что для нихъ было написано безконечное число музыкальных композицій, ихъ сфера такъ узка, что они не имѣютъ большого значенія для музыкальнаго искусства; но тѣмъ важнѣе ихъ значеніе въ общественной жизни; даже нельзя за ними не признать нѣкотораго политическаго вліянія. Большіе «пѣвческіе праздники», которымъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій иногда придавалось офиціальное значеніе, были исключительно праздниками мужскихъ хоровъ, между тѣмъ какъ исполненіе ораторій даже на «музыкальныхъ праздникахъ» считалось частнымъ предпріятіемъ музыкальных обществъ; при этомъ придавалось одинаковое значеніе и праздникамъ пѣвцовъ, и праздникамъ гимнастовъ, и праздникамъ стрѣлковъ. Очень характеристиченъ для такого полу-политическаго значенія мужскихъ хоровъ тотъ фактъ, что благодаря имъ появились новѣйшія національныя пѣсни; достаточно указать на *Wacht am Rhein*, которая была написана въ 1854 году К. Вильгельмомъ (ум. въ 1873) для хора изъ четырехъ мужскихъ голосовъ. Такое хоровое пѣніе есть чисто-нѣмецкая выдумка; оно не только развивало въ нѣмецкихъ странахъ вкусъ къ гармонической музыкѣ, но также служило связью между разсѣянными по всему земному шару Нѣмцами и содѣйствовало распространенію музыкальнаго образованія между иностранцами. Такъ напр. въ сѣверо-американскихъ соединенныхъ штатахъ почти въ каждомъ городѣ есть общество нѣмецкихъ пѣвцовъ, устраивающее такія-же какъ въ Германіи праздники, состязанія въ пѣніи и т. п.

Что наше отечество уже давно играетъ въ музыкальномъ мірѣ болѣе важную роль, чѣмъ Италія или Франція, видно по дѣятельности музыкальной прессы. Доведенное до совершенства печатаніе музыкальныхъ сочиненій въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какіе прежде были невозможны, имѣетъ своимъ средоточіемъ Германію и въ особенности городъ Лейпцигъ. Громадная распродажа музыкальныхъ сочиненій служитъ, подобно біенію пульса въ человѣческомъ тѣлѣ, доказательствомъ оживленной дѣятельности въ этой сферѣ искусства. Музыкальные магазины распродаютъ преимущественно такъ называемыя классическія произведенія умершихъ композиторовъ, а это служитъ доказательствомъ того, что лучшими музыкальными произведеніями считаются не тѣ, которыя появляются въ наше время. Чтобъ предохранить теперешнюю музыку отъ односторонняго предпочтенія оперъ, отъ пренебреженія къ другимъ ея отраслямъ и отъ многихъ другихъ заблужденій было предпринято въ наше время изданіе произведеній знаменитыхъ композиторовъ Палестрины, Шюца, Генделя, Баха, Моцарта, Бетховена, Шуберта и др. По своей точности и по своимъ техническимъ совершенствамъ эти изданія превосходятъ все, что было сдѣлано съ тою-же цѣлю въ прежнія времена.

Все это вмѣстѣ взятое представляетъ богатый матеріалъ для развитія музыкальнаго искусства и служитъ указаніемъ того пути, которымъ должно развиваться это искусство въ будущемъ.

V. Нѣмецкая наука въ девятнадцатомъ столѣтіи¹⁾.

Литературныя пособія (сравни. XIII, 106). Прежде всего слѣдуетъ указать на сборникъ, изданный исторической комиссіей при мюнхенской королевской академіи наукъ *Geschichte der Wissenschaften in Deutschland, neuere Zeit*. Сюда входятъ: *Bluntschli*, *Gesch. des allgem. Staatsrechts und der Politik*. 1877; *Stintzing*, *Gesch. der deutschen Rechtswissenschaft*. 1880—1885; *Benfey*, *Gesch. der Sprachwissenschaft*. 1869; *R. Raumer*, *Gesch. der germanischen Philologie*. 1870; *Peschel*, *Gesch. der Erdkunde*. 1884; *Wegele*, *Gesch. der Historiographie*. 1885; *v. Kobell*, *Gesch. der Mineral.* 1864; *Carus*, *Gesch. der Zool.* 1872; *Sachs*, *Gesch. der Botanik*. 1875; *Wolf*, *Gesch. der Astronomie*. 1877; *Gerhardt*, *Gesch. der Mathematik*. 1877. Кромѣ того: *Lange*, *Gesch. des Materialismus*. 2 части. Iserlohn 1887; *Poggendorff*, *Biographisch-litterarisches Handwörterbuch zur Gesch. der exakten Wissenschaften*. Лейпц. 1857—1863; *Poggendorff*, *Gesch. der Physik*. Лейпцигъ 1879; *Heller*, *Gesch. der Physik von Aristoteles bis auf die neueste Zeit*. Штутг. 1884; *Kopp*, *Gesch. der Chemie*. 4 части. Брауншвейгъ 1843—1847, и *Entwicklung der Chemie in der neuern Zeit*. Мюнхенъ 1871—1873; *Häser*, *Lehrbuch der Gesch. der Medizin*. 3 части. Иена 1875—1882; *Petersen*, *Hauptmomente in der geschichtlichen Entwicklung der medizinischen Therapie*. Копенгагенъ 1877.

¹⁾ Статья, составленная учеными специалистами.

1. Пути и цѣли.

Задачи.

Между тѣмъ, какъ поэзія и искусство старались освѣтить и расширить область прекраснаго, облагородить и обогатить жизнь эстетическими наслажденіями, наука старалась проникать въ законы природы и человѣческаго бытія; исторіографія разслѣдовала дѣянія и стремленія прежнихъ поколѣній, чтобъ знакомить насъ съ тѣмъ, что было пережито нашими предками; она изучала постепенное развитіе человѣческаго рода для того, чтобъ сохранить на будущія времена результаты труда прошлыхъ поколѣній; юриспруденція старалась выработать такія нормы законовъ и учрежденій, при которыхъ государственная и общественная жизнь могла бы развиваться правильнымъ путемъ; естественныя науки старались путемъ индукціи, съ помощью наблюденій и опытовъ, изучать силы и дѣятельность природы, изслѣдовать причины явленій въ физическомъ и матеріальномъ мірѣ и доискиваться законовъ, на которыхъ зиждется вселенная; теологія старалась объяснять сущность религіи, смыслъ и значеніе Откровенія, возникновеніе и развитіе религіозныхъ вѣрованій, строй церковныхъ учрежденій; наконецъ, философія хотя и не замѣнила прежнихъ теорій никакой новой всѣми признанной теоріей, но сохранила свое прежнее вліяніе и высокое научное положеніе, пользуясь добытыми критикой и опытомъ результатами для установленія общихъ законовъ и снабжая другія науки формами и методами отвлеченнаго мышленія. Она перестала по прежнему строить смѣлыя системы, подводить духовныя и физическія жизненныя функціи природы и человѣчества подъ одну общую, но одностороннюю точку зрѣнія; тѣмъ не менѣе она поддержала свое достоинство «всемирной мудрости». Только съ ея помощью естественныя науки были въ состояніи выработать теорію образованія земнаго шара; только съ ея помощью была возможна смѣлая попытка отыскать законы постепеннаго развитія человѣчества, объяснить зависимость человѣческой воли и человѣческихъ дѣяній отъ естественныхъ вліяній; только съ ея помощью филологія могла возвыситься на степень такого сравнительнаго языковѣдѣнія, о какомъ мечталъ Вильгельмъ Гумбольдтъ.

Популяризи-
ваніе наукъ
съ помощью
публичныхъ
лекцій.

Важнымъ шагомъ въ дѣлѣ распространенія научнаго образованія было устройство публичныхъ лекцій съ цѣлію сдѣлать науку общимъ достояніемъ людей всѣхъ сословій, всякаго возраста и пола. Въ прежнее время наука была исключительнымъ достояніемъ небольшихъ замкнутыхъ кружковъ ученыхъ, а въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій обнаружилось горячее стараніе излагать результаты научныхъ изслѣдованій въ общепонятной формѣ сначала въ публичныхъ лекціяхъ, а потомъ и въ печатныхъ статьяхъ; такимъ обра-

зомъ, изъ помѣщавшихся въ журналахъ статей по всѣмъ отраслямъ науки и искусства возникъ особый родъ литературы. Успѣху этой дѣятельности благопріятствовали размножавшіяся ученыя общества и съѣзды специалистовъ. Не только люди одинакихъ религіозныхъ и политическихъ убѣжденій стали отъ времени до времени собираться для совѣщаній о средствахъ къ достиженію ихъ цѣлей,—какъ напр. члены католическихъ обществъ, такъ называемой «внутренней миссіи», евангелическаго союза, — но и филологи, педагоги, естествоиспытатели, юристы, германисты стали періодически собираться на съѣзды для обмѣна мыслей о томъ, что касалось интересовъ ихъ профессіи. Въ царствованіе баварскаго короля Максимилиана II была учреждена въ 1858 году при мюнхенской академіи особая историческая коммиссія, которую король снабдилъ необходимыми денежными средствами для того, чтобъ она изложила исторію всѣхъ отраслей нѣмецкой науки и освѣтила исторію нѣмецкаго народа посредствомъ обнародованія городскихъ хроникъ и официальныхъ документовъ.

2. Нѣмецкая философія съ 1830 года.

Философія была поставлена на большую высоту Шеллинговой и Гегелевой системой тождества, но съ теченіемъ времени неизбежно должна была спуститься въ низменныя сферы вновь возникшихъ эмпирическихъ изслѣдованій. Вѣдь предположенное тождество мышленія и бытія не оставляло свободнаго мѣста для все еще неразрѣшеннаго, но постоянно съ новою силою выдвигавшагося на передній планъ вопроса объ отношеніи постигаемаго умомъ бытія къ дѣйствительному бытію, — т. е. для теоретическихъ выводовъ, основанныхъ на положительномъ знаніи. Поэтому, лишь только философія тождества стала утрачивать свое чарующее вліяніе на умы, для большинства изслѣдователей сдѣлалось лозунгомъ возвращеніе къ Канту, такъ удачно разъяснившему ту основную проблему всякой новѣйшей философіи. Что-же касается метода, то естественныя науки, отложивши въ сторону Шеллинговы традиціи, стали съ такимъ блестящимъ успѣхомъ придерживаться индукціи, основанной только на опытѣ, что и философія, подобно всѣмъ другимъ наукамъ, была принуждена съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе подчиняться вліянію такого направленія. Тогда становился все болѣе жгучимъ вопросъ о возможности согласовать философію съ естественными науками и потому всѣ споры вращались преимущественно въ области той науки, съ которой и философія и естественныя науки имѣли много общаго,—въ области психологіи. Ее уже разрабатывалъ Гербартъ по методу «точныхъ наукъ», а потомъ попытался за-ново

Ходъ философскихъ изслѣдованій.

построить ее на основѣ естествознанія. При этомъ стали снова оживать спекулятивныя теоріи; и онѣ, точно такъ же, какъ одно время господствовавшій матеріализмъ и снова достигшій неожиданнаго процвѣтанія пессимизмъ Шопенгауера, только доказываютъ основательность слѣдующаго замѣчанія Юбервега: «Самымъ сокровеннымъ двигателемъ всего процесса развитія философіи въ новое время служить не имманентная діалектика спекулятивныхъ принциповъ, а скорѣе борьба и стремленіе къ примиренію между сохраняемыми въ преданіяхъ и глубоко укоренившимися въ умахъ и сердцахъ религіозными убѣжденіями и съ другой стороны знаніями, добытыми въ новое время путемъ изслѣдованій въ области и естественныхъ и отвлеченныхъ наукъ». Поэтому, для правильнаго пониманія этого отдѣла въ исторіи человѣческаго мышленія необходимо постоянно имѣть въ виду его связь съ политическими событіями, съ религіозною жизнію и вообще съ развитіемъ культуры. Но внутреннее развитіе всей системы нельзя подвести ни подъ какой съ точностью выраженный, логическій законъ. По словамъ Дробиша, «однако не подлежитъ сомнѣнію слѣдующій фактъ въ исторіи философіи: въ каждой новой философской школѣ ученики сначала въ точности придерживались словъ своего паставника; потомъ духъ ученія старался высвободиться изъ-подъ гнета его буквальнаго смысла; наконецъ случалось одно изъ двухъ — или школа утрачивала свою строгую методическую выдержку, опошляясь отъ старанія пріобрѣсть популярность, или же отдѣлившаяся отъ нея вѣтвь принимала другое направленіе и съ свѣжей энергіей вызывала новую научную дѣятельность».

Іоаннъ Фридрихъ Гербартъ разработывалъ философскіе вопросы, въ качествѣ второго преемника Канта, въ одно время съ Шеллингомъ и Гегелемъ—съ 1809 года въ Кёнигсбергѣ, а съ 1833 года въ Гёттингенѣ; самъ онъ называлъ свою систему реализмомъ, между тѣмъ какъ лишь нескоро пріобрѣтенные имъ послѣдователи охотнѣе давали ей названіе „положительной философіи“. Во всякомъ случаѣ его новое ученіе представляло рѣзкую противоположность съ идеалистическими системами его современниковъ. Между тѣмъ какъ Шеллингъ, Гегель и ихъ послѣдователи возвысили критическій идеализмъ Канта на степень абсолютнаго идеализма, Гербартъ низвелъ его съ этой высоты, опираясь на встрѣчающіеся въ системѣ Канта противоположные реалистическіе элементы; онъ наконецъ дошелъ до того, что въ его философіи стали обнаруживаться нѣкоторыя основныя черты метафизики Лейбница и Вольфа. Вотъ въ чемъ заключается сущность его системы: единственная причина, по которой мы вынуждены, недовольствуясь опытомъ, прибѣгать къ спекуляціи и искать дѣйствительное бытіе внѣ сферы явленій, заключается въ томъ, что опытъ даетъ намъ противорѣчивыя понятія, которыми не можетъ довольствоваться мышленіе. Мы обыкновенно считаемъ за свойства вещей ихъ отдѣльныя примѣты, но понятіе о вещи съ различными примѣтами уже само по себѣ въ высшей степени противорѣчиво: вѣдь многочисленность свойствъ несовмѣстима съ единствомъ

предмета. Полагать, что предметъ долженъ обладать разнообразными примѣтами, значитъ составлять себѣ противорѣчивое о немъ понятіе. Единое не можетъ быть многимъ. И такъ противорѣчія, на которыя наводитъ насъ опытъ, требуютъ отъ насъ переработки и преобразованія понятій, въ чемъ и заключается задача философіи. Эта цѣль достигается путемъ отыскиванія дополнительныхъ понятій по методу причинной связи слѣдующимъ способомъ: понятіе о предметѣ съ многими примѣтами должно быть очищено отъ кроющагося въ немъ противорѣчія посредствомъ признанія того факта, что есть множество несложныхъ реальныхъ существъ. Когда нѣсколько такихъ „реальностей“ (*Reale*) соединяются, тогда предметъ кажется намъ обладающимъ нѣсколькими свойствами. — Такимъ образомъ система Гербарта признаетъ разнообразіе и многочисленность явленій, которая тщетно старалась привести къ единству пантеистическая теорія. Признаніе самостоятельности и многочисленности реальныхъ существъ есть единственный плодотворный принципъ для объясненія фактической дѣйствительности. Такъ напримѣръ, матерія возникаетъ изъ взаимнаго соприкосновенія реальностей. Напротивъ того, душа есть такое несложное непротяженное существо, которое имѣетъ свое пребываніе въ опредѣленномъ пунктѣ чловѣческаго мозга. Въ нее могутъ проникать находящіеся вблизи отъ нея другія реальности, если онѣ будутъ дѣйствовать на чувства, а произведенное ими сотрясеніе будетъ сообщено черезъ посредство первовъ мозгу. Актъ самосохраненія, которымъ душа реагируетъ въ такомъ случаѣ, называется „представленіемъ“. Нѣсколько одновременныхъ представленій, если они противоположны одно другому, взаимно сдерживаютъ одно другое. Послѣдствіемъ этого является то, что опредѣленное количество возникшихъ представленій, вычисляемое нашимъ философомъ по законамъ механики и статки, не затрогиваетъ душу, поэтому остается несознаннымъ и затмѣвается. Въ особенности представленія въ пространствѣ и во времени Гербартъ не считаетъ „апріористическими формами“, какъ это дѣлалъ Кантъ, а видитъ въ нихъ результаты психического механизма. Но отъ этого наше познаніе ви́шняго міра не дѣлается иллюзіей, потому что воспринимаемыя нами впечатлѣнія знакомятъ насъ по меньшей мѣрѣ съ тѣмъ, что по ви́шнему виду правдоподобно. Безсодержательное ничто невысказуемо, такъ какъ по меньшей мѣрѣ есть на лицѣ ви́шній видъ правдоподобія. Но въ этомъ отношеніи вѣрно замѣчаніе философа, что „сколько есть кажущихся правдоподобій, столько же есть указаній на дѣйствительное бытіе“. Съ помощью механизма чловѣческаго мышленія невозможно только познание настоящей сущности вещей по причинѣ условности всѣхъ нашихъ воззрѣній; что именно въ этомъ заключается сущность философской системы Гербарта, видно изъ всего, что онъ говоритъ объ эстетическихъ, этическихъ и религіозныхъ истинахъ.

Эта система немедленно вызвала строгую критику, потому что казалось непонятнымъ, какимъ образомъ такое непротяженное существо, какъ душа, можетъ занимать опредѣленное мѣсто въ нашемъ мозгу и воспринимать цѣлую массу протяженныхъ понятій; однако не было недостатка въ такихъ людяхъ, какъ Аялинъ, Бонницъ, Дробинъ, Штрюмпель, Циллеръ, Фолькманнъ, Гартенштейнъ, Лазарусъ, Штейнталь, которые остроумно защищали и далѣе развивали теорію Гербарта; по меньшей мѣрѣ Лотце при-Рудольфъ Гердерживался точки зрѣнія, имѣющей близкое сходство съ точкой зрѣнія манъ Лотце. Гербарта: въ своемъ „Микрокосмѣ“ (съ 1856 года) онъ изложилъ такое 1817—1881. міровоззрѣніе, по которому всѣ монады только видоизмѣненія абсолютнаго, всѣ конечныя умы только проявленія или идеи Бога; такимъ образомъ, онъ находитъ въ понятіи безконечнаго разрѣшеніе проблемы, заданной Гербартомъ. Возможность совместнаго существованія и взаимодѣй-

ствія различныхъ существъ онъ объясняетъ необходимымъ единствомъ всемірной основы; во всѣхъ умахъ, говоритъ онъ, „безконечное развиваетъ цѣлый рядъ жизненныхъ дѣйствій; для конечнаго сознанія остается непонятнымъ, какимъ образомъ совершаются эти дѣйствія: оно видитъ въ нихъ продуктъ разнообразно измѣняющагося чувственнаго міра“. Это безконечное есть единая сила, которая даетъ въ духовномъ мірѣ безчисленныя, во всемъ между собою сходныя, доказательства своего собственнаго существованія, но въ механизмѣ своей дѣятельности принимаетъ своеобразную форму конечнаго бытія.

Ф. Э. Бенеке. Ф. Э. Бенеке, занимавшійся изслѣдованіями по новѣйшей психологіи и 1798—1854. этикъ, имѣлъ во многихъ отношеніяхъ сходство съ Гербартомъ. Такъ какъ внѣшній міръ понятенъ для насъ только настолько, насколько его явленія производятъ впечатлѣніе на нашу душевную жизнь, то,—по мнѣнію Бенеке,—„внутренній опытъ“ долженъ считаться источникомъ всякаго знанія, и мы должны пользоваться имъ по такому же методу индукціи и составленія гипотезъ, по какому естественныя науки дѣлаютъ свои выводы изъ внѣшняго опыта. Сначала въ своей *Erfahrungsseelenlehre* (1810), а потомъ въ длинномъ рядѣ другихъ сочиненій, Бенеке нападалъ на старую психологію подобно Гербарту, котораго считалъ самымъ дальновзоркимъ и самымъ глубокомысленнымъ изъ современныхъ философовъ. Онъ старался отыскать немногочисленные „основные процессы“, которыми совершаются сложныя явленія психической жизни; при этомъ онъ отличался отъ Гербарта тѣмъ, что отвергалъ его понятіе о душѣ. Теорію нравственности онъ основываетъ на душевныхъ функціяхъ, обнаруживающихся въ томъ, какъ душа относится къ естественнымъ явленіямъ внѣшняго міра. Мы опредѣляемъ достоинство всѣхъ предметовъ сообразно съ тѣми повышениями или пониженіями, которыя они производятъ въ нашемъ психическомъ развитіи. Благодаря установленнымъ этимъ способомъ степенямъ хорошаго и дурного, создается для всѣхъ людей практическая норма, а что по этой нормѣ считается самымъ высокимъ, то признается за требованіе нравственности. Въ противоположность съ ненормальной оцѣнкой, основанной на чрезмѣрной притязательности пріятныхъ или непріятныхъ впечатлѣній, правильная оцѣнка обнаруживается въ сознаніи долга или нравственной необходимости, т. е. такой необходимости, которая кроется въ самой глубинѣ человѣческой души. Это—то, что Кантъ разумѣлъ подъ названіемъ „категорическаго императива“. Къ числу послѣдователей Бенеке, далѣе развивавшихъ его теорію, принадлежатъ Дресслеръ, Бёрнеръ, Диттесъ и Юбервегъ; Фортлаге и Гоппе также могутъ быть отнесены къ этому числу, но не раздѣляли всѣхъ его воззрѣній; Фортлаге обнаружилъ болѣе сильное влеченіе къ идеализму, а Гоппе еще болѣе сильное влеченіе къ эмпиризму.

Переворотъ въ области фило- Въ промежуткѣ между философіей настоящаго времени и временами господства системы тождества и абсолютнаго идеализма не только возникали оппозиціонныя стремленія философскихъ школъ Краузе, Гербарта, Бенеке, но кромѣ того совершался принципиальный переворотъ въ направленіи какъ ученыхъ изслѣдователей, такъ и интересовавшейся ихъ теоріями публики. Можно считать 1848 годъ за раздѣльную черту между идеалистическимъ міровоззрѣніемъ, которое характеризуетъ первую половину нашего столѣтія, и реалистическимъ, которое характеризуетъ его вторую половину, а постоянно

«становившееся все болѣе многостороннимъ требованіе «возвратиться къ теоріи Канта» можно считать за лозунгъ, во имя котораго совершился вышеупомянутый переворотъ. Въ мнѣніи новаго поколѣнія, знакомаго съ результатами философскихъ изслѣдованій Шеллинга и Гегеля только по наслышкѣ отъ отцовъ и дѣдовъ, эти изслѣдованія снова касались такихъ вопросовъ, которые, въ качествѣ трансцендентныхъ, должны быть, по мнѣнію Канта, навсегда отложены въ сторону. Признавать, что высшія понятія и самыя общіе принципы нашего мышленія свойственны намъ отъ природы, что ихъ можно отыскать посредствомъ интеллектуальнаго созерцанія или объяснить путемъ чистаго мышленія, значило возвратиться къ гипотезамъ старой схоластики, а къ этому настоящему схоластическому содержанію Гегель присовокупилъ настоящую схоластическую форму, по видимому, чтобъ придать ему законченность. Критику, по видимому, замѣнила конструкція, изслѣдованія замѣнило нѣчто въ родѣ «художественнаго влеченія», старавшагося находить для себя удовлетвореніе въ постоянно новыхъ развитіяхъ идей, объясненія дѣйствительности замѣнила «поэзія идей». Тогда стали сравнивать философскіе труды Фихте, Шеллинга, Гегеля съ вавилонскимъ столпотвореніемъ, «которое было задумано съ высокоуміемъ и съ безразсудствомъ и окончилось смѣшеніемъ языковъ». Реакція, въ сущности требовавшая, чтобъ было снова признано вліяніе естественныхъ наукъ, безспорно, имѣла на своей сторонѣ массу неопровержимыхъ аргументовъ; поэтому самыя ученые изъ представителей школы Гегеля или молча отказались отъ прежней философской системы, какъ это сдѣлалъ эстетикъ Фридрихъ Теодоръ Вишеръ, или же рѣшились дожидаться того времени, когда можно будетъ извлечь изъ естественныхъ наукъ новое міровоззрѣніе, а покуда занялись разработкой исторической стороны своей задачи. Никто не излагалъ исторію древней философіи болѣе всесторонне и болѣе основательно, чѣмъ Эдуардъ Целлеръ, и никто не излагалъ исторію новѣйшей философіи съ болѣе блестящимъ успѣхомъ, чѣмъ Куно Фишеръ. По части исторіи философіи не менѣе важны труды Христіана Августа Брандиса и Генриха Риттера; вообще, во всей этой сферѣ видна самая оживленная дѣятельность.

Ожиданія переворота въ области естественныхъ наукъ долго оставались тщетными. Почти всѣ естествоиспытатели долго придерживались слѣдующаго основнаго правила, самымъ остроумнымъ проповѣдникомъ котораго былъ въ Берлинѣ Рудольфъ Вирховъ: все, что находится внѣ границъ точныхъ изслѣдованій, должно быть совершенно исключено изъ области научнаго знанія и должно быть предоставлено „вѣрѣ“. Изъ такого рѣзкаго разграниченія двухъ сферъ прежде всего вытекало заключеніе, что естественныя науки некомпетентны не только въ дѣлахъ вѣры, но и въ вопросѣ о реальномъ существованіи и судьбѣ человеческой души; съ этой точки

Естественныя науки и философія.

зрѣнія фзіологъ Рудольфъ Вагнеръ вступился за традиціонныя воззрѣнія на происходившемъ въ 1854 году въ Гёттингенѣ собраніи естествоиспытателей; онъ въ особенности возсталъ противъ основного положенія Карла Фогта, что дѣятельность души заключается въ функціяхъ мозга, какъ необходимаго матеріальнаго субстрата всякой психической жизни. Этимъ Матеріализмъ. былъ поданъ сигналъ къ взрыву борьбы о матеріализмѣ, въ которой болѣе всѣхъ отличились систематической разработкой матеріалистическаго принципа Іаковъ Молешоттъ, Лудвигъ Бюхнеръ и Генрихъ Цольбе. Съ тѣхъ поръ тысячи ученыхъ и неученыхъ стали придерживаться матеріалистическаго міровоззрѣнія, по которому можно признавать дѣйствительно существующимъ только то, что могутъ воспринимать наши чувства — матерія и ея движеніе; даже бывшій Гегеліанецъ Д. Ф. Штраусъ въ концѣ концовъ сталъ искать разрѣшенія великаго спорнаго вопроса въ формулѣ, что идеализмъ и матеріализмъ въ сущности одно и то-же. Онъ былъ правъ, если держался того мнѣнія, что идеализмъ и матеріализмъ одинаково тождественны съ догматизмомъ.

Болѣе непосредственно, чѣмъ догматическій матеріализмъ, содѣйствовали развитію философіи тѣ естествоиспытатели, которые не торопились дѣлать систематическіе выводы, а добытые путемъ точныхъ изслѣдованій, законы природы старались подводить подъ общіе принципы, обработка которыхъ предоставлялась философіи. Къ числу такихъ естествоиспытателей принадлежалъ еще Густавъ Теодоръ Фехнеръ, который въ своей „Психофизикѣ“ пытался измѣрить интенсивность чувственныхъ впечатлѣній на основаніи физически измѣримой силы возбуждающихъ средствъ; въ то же время гейльброннскій лекаръ Робертъ Майеръ открылъ механическую теорію теплоты и, на основаніи ея, общій законъ сохраненія силы, имѣвшій горячаго защитника въ лицѣ Германа Гельмгольца. И онъ, и Вильгельмъ Вундтъ, и Горвикъ, и Фр. Brentano такъ дѣлательно занимались утонченными изслѣдованіями чувственныхъ впечатлѣній, что возвысили психологию до одинаковаго значенія съ естественными науками. Конечно, едва-ли когда либо удастся подчинить психическія явленія чисто математическому измѣренію; къ тому же психологическія изслѣдованія отличаются отъ физическихъ и химическихъ тѣмъ, что предвзятая цѣль, съ которой они предпринимаются, мѣшаетъ безупречности выводовъ; тѣмъ не менѣе, съ помощью самонаблюденія, статистики и опыта, была построена такая научная система, которая во всякомъ случаѣ имѣетъ болѣе солидный фундаментъ, чѣмъ старыя шаблонныя понятія о разумѣ, чувствѣ и волѣ; она хоть нѣсколькими лучами знанія освѣтила и ту область безсознательной душевной жизни, которая лежитъ на заднемъ планѣ сознательнаго бытія, — ту темную мастерскую, въ которой всѣ элементы мышленія приходятъ въ движеніе, приступаютъ къ творческой дѣятельности и за тѣмъ достигаютъ самосознанія въ формѣ сужденій или результатовъ нашей умственной дѣятельности и, превращаясь въ ясно выработанныя понятія, составляютъ богатство нашего ума.

Тогда многіе изъ самыхъ выдающихся представителей какъ естественныхъ наукъ, такъ и философіи, мало по малу сошлись на почвѣ такого компромиса, что принципъ механическаго объясненія естественныхъ явленій, на основаніи котораго матеріализмъ намѣревался объяснять всё, непримѣнимъ къ проявленіямъ самосознанія и воли; тогда фзіологъ Эмилъ Бюа-Реймонъ доказывалъ, на происходившемъ въ 1872 году въ Лейпцигѣ съѣздѣ естествоиспытателей, что на основаніи матеріальныхъ данныхъ нельзя составить себѣ вѣрнаго понятія ни о сущности матеріи и силы, ни о возникновеніи умственныхъ процессовъ, и устанавливалъ „границы познания природы“; наконецъ самый остроумный и самый выдающійся фило-

софъ изъ послѣдователей „новокантіанизма“, Фридрихъ Альбрехтъ Ланге, Фр. Альбр. Ланге. утверждавшій въ своей „Исторіи матеріализма“, что всё дѣйствительно существующее объясняется механизмомъ матеріальныхъ явленій, однако не позабылъ прибавить, что при этомъ разумѣются явленія только въ томъ смыслѣ, въ какомъ ихъ понималъ Кантъ и, стало быть, эстетическіе и этические идеалы не утрачиваютъ своего ничѣмъ не замѣнимаго достоинства наряду съ научнымъ познаваніемъ естественныхъ явленій. Такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ обнаруживалось желаніе выработать солидную основу для соглашенія; только въ будущемъ оно можетъ принести зрѣлые плоды, а въ настоящее время пользуются самымъ горячимъ одобреніемъ двѣ системы, главное различіе между которыми заключается въ томъ, что одна изъ нихъ имѣетъ болѣе оптимистическую окраску, а другая—пессимистическую. 1828—1875.

Съ одной стороны намъ проповѣдуютъ теперь матеріализмъ, который развился до натурфилософскаго „монизма“ вслѣдствіе того, что усвоилъ знаменитую теорію Дарвина о естественномъ подборѣ; его представителями являются въ особенности Геккель, Шмидтъ, Карнери. Возникавшая,—конечно только въ отдаленномъ будущемъ,—возможность чисто-механически объяснить весь процессъ развитія, начиная съ самыхъ простыхъ клѣточекъ и кончая цѣльнымъ человѣческимъ организмомъ, неизбежно должна была вызвать со стороны философіи попытку построить понятіе о вселенной на основаніи чисто-механическихъ законовъ взаимной притягательной и отталкивающей силы атомовъ съ устраненіемъ всякихъ причинъ, оказывающихъ свое вліяніе съ какою либо опредѣленною цѣлію. Въ сущности монизмъ есть то самое міровоззрѣніе, которое изложилъ Давидъ Фридрихъ Штраусъ въ 1872 году въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „Старая и новая вѣра“; здѣсь онъ присвоиваетъ себѣ не только результаты новѣйшихъ изслѣдованій естествоиспытателей, но и самыя крайніе выводы, которые сдѣлалъ матеріализмъ изъ этихъ результатовъ. Его основную философскую мысль мѣтко охарактеризовалъ его землякъ К. Г. Рейшле, назвавши ее „философіей универса“, такъ какъ въ ней вселенная считается безпредѣльной въ пространствѣ и времени, по силѣ и по содержанію, не имѣющей ни начала ни конца и, несмотря на всѣ перемѣны, всегда равной самой себѣ. Монизмъ.

Рѣзкую противоположность съ этой философіей универса, выдававшейся ея послѣдователями за „мастерскую разума и хорошаго“, представляетъ пессимистическое воззрѣніе, изложенное въ 1819 году Артуромъ Шопенгауеромъ въ его сочиненіи „Міръ какъ воля и представленіе“ сначала въ такомъ видѣ, что оно напоминало идеалы буддизма. Его система доходитъ въ одномъ изъ своихъ конечныхъ пунктовъ до крайняго идеализма, а въ другомъ до столь-же крайняго матеріализма. Первая крайность, заключающаяся въ понятіи о мірѣ какъ о „представленіи“, въ точности соотвѣтствуетъ феноменамъ Канта; она не признаетъ субъекта и стало быть не признаетъ и существованіе объекта; вторая крайность заключается въ томъ, что интеллектъ считается продуктомъ или, вѣрнѣй,—дѣятельностью мозга. Но Кантъ остановился на „вещи въ себѣ“, какъ на недоступной для пониманія, а Шопенгауеръ находитъ эту „вещь въ себѣ“ въ волѣ, подъ которой разумѣетъ не только сознательное желаніе, но и безсознательныя стремленія, обнаруживающіяся даже въ дѣятельности неорганической природы. По мнѣнію Шопенгауера, настоящей основой для міра служитъ врожденная въ насъ, но слѣпая воля, направленная только къ сохраненію нашего существованія. Всё существуетъ потому, что хочетъ существовать, и все хочетъ существовать, потому что существуетъ. Но только на высшихъ ступеняхъ объективированія воли къ ней присоединяется самосознаніе, на- Артуръ Шопенгауеръ. 1788—1860.

ходящееся въ зависимости отъ развитія нервной системы. Ему обязаны мы существованіемъ всего окружающаго насъ, призрачнаго міра. Но всякая интеллигенція прежде всего только поддерживаетъ желаніе жить; индивидуумы являются только пустыми субъектами для одного и единственнаго предиката безцѣльной воли; вѣчно недовольные своей дѣятельностью и своими стремленіями, они вынуждены выносить безконечный рядъ страданій, пока, наконецъ, не явятся между ними геніи, у которыхъ интеллектъ высвободится изъ-подъ рабской зависимости отъ воли, будетъ изъ-за кулисъ смотрѣть на плохую забавную сторону всемірной драмы и заглушитъ въ волѣ желаніе существовать.

Пессимистическія направленія. Лишь мало по малу накоплялись въ настроеніи умовъ нашего столѣтія такія пессимистическія воззрѣнія на жизнь, что та сфера идей, которая въ теченіе почти сорока лѣтъ была достояніемъ только одного человѣка, наконецъ пріобрѣла въ широкихъ кругахъ значеніе господствующаго міровоззрѣнія. И въ этомъ отношеніи 1848-й годъ служилъ раздѣльной чертой. Всѣ пессимистическія воззрѣнія, до той поры публично заявлявшія о своемъ существованіи, были лишь лирической прелюдией къ страшной трагедіи, разыгрывающейся въ сферѣ человѣческаго мышленія съ 1848 года. Ясное полуденное небо, которому нѣмецкая національная литература была обязана своими лучшими вдохновеніями, уже давно подернулось туманомъ. Муза Гейне и его послѣдователей играла предпочтительно на такихъ струнахъ, гармоническіе звуки которыхъ незамѣтно становились непріятно-пронзительными. Къ этому присоединялась литература то болѣзненной и вялой міровой скорби, то легкомысленнаго проклинанія жизни. Но именно въ поэзіи величайшаго генія, какой когда либо являлся представителемъ демонической черты въ характерѣ человѣка,—въ поэзіи лорда Байрона пессимистическія воззрѣнія на жизнь стали уступать мѣсто убѣжденію, что человѣкъ избавится отъ болѣзненныхъ припадковъ меланхолии, если посвятитъ себя какой нибудь положительной дѣятельности съ явнымъ сознаніемъ условій и цѣли своего существованія. Въ этой мощной натурѣ, впадавшей въ заблужденія только отъ избытка силъ, стремленіе къ свободѣ постоянно брало верхъ надъ всѣми душевными настроеніями, отзывавшимися отвращеніемъ къ жизни. Появленіе этого англійскаго поэта можно считать поворотнымъ пунктомъ, съ котораго начали ослабѣвать повсемѣстныя стремленія европейской реакціи и реставраціи, уступая мѣсто идеальнымъ влеченіямъ къ прогрессу и революціоннымъ страстямъ. Поэтому и въ политической лирикѣ „Молодой Германіи“ сталъ господствовать такой же полный жизни, возвышенный тонъ, не смотря на, что съ другой стороны поощряли къ пессимистическимъ воззрѣніямъ жалобы на мелочное, даже постыдное направленіе отечественной политики, разоблаченія всѣхъ общественныхъ нравственныхъ недуговъ и вообще болѣе близкое знакомство съ негодностью строя государственной и общественной жизни. Но только всеобщее разочарованіе послѣ 1849 года и тяжелыя испытанія пятидесятихъ годовъ въ связи съ общимъ истощеніемъ силъ и безнадежнымъ негодованіемъ окончательно низвергнули господство того философскаго оптимизма, который находилъ для себя самое полное выраженіе и въ старой и въ новой школѣ Гегеля; тогда настало для жившаго во Франкфуртѣ на М., Шопенгауера неожиданное время триумфовъ. Но только съ тѣхъ поръ, какъ Юлій Фрауэнштедтъ издалъ въ 1854 году свои первыя письма о философій Шопенгауера, пессимизмъ сдѣлался вопросомъ дня. Въ то-же время, непрестанные и остроумные нападки самого Шопенгауера на „профессоровъ философій“ возбуждали подозрѣніе, не есть-ли то, что публично преподають въ университетахъ, государственная философія и догматизмъ, за которые вступаются продажныя софисты въ интересахъ правительства

и церкви. А такъ какъ эта система возникла немедленно послѣ окончанія войны за освобожденіе Германіи, то ее нисколько не поколебали блестящія побѣды 1870 года.

Но пессимизмъ открылъ себѣ доступъ къ новому поколѣнію не въ самой рѣзкой своей формѣ, напоминающей индѣйское ученіе о Сансарѣ и Нирванѣ; отличительныя черты отшельника буддиста онъ замѣнилъ міровою скорбью, подъ которой скрывалось пресыщеніе наслажденіями; онъ достигъ полнаго развитія въ сочиненіи Эдуарда Гартмана „Философія безсознательнаго“, которое вышло въ свѣтъ въ первый разъ въ 1869 году, потомъ снова издавалось восемь разъ и вызвало множество комментаріевъ. Въ этой формѣ, напоминающей во многихъ отношеніяхъ систему Гегеля, пессимистическое направленіе распространилось сначала въ Берлинѣ, а оттуда стало все глубже проникать въ умственную жизнь Нѣмцевъ, производя на нее подавляющее вліяніе. И это міровоззрѣніе было построено на нелогической основѣ: по мнѣнію пессимистовъ, мірозданіе не было дѣломъ разума и никакое болѣе высокое развитіе медленно созрѣвающей интеллигенціи, никакой прогрессъ во всемірной исторіи не можетъ измѣнить или исправить этого прискорбнаго факта; а человѣкъ, которому приходится расплачиваться за эту ошибку, самъ увеличиваетъ ея вредъ; вѣдь слѣпая воля преслѣдуетъ только себялюбивыя цѣли, вслѣдствіе чего зло неудержимо вторгается въ жизнь и усиливаетъ невыносимость бытія, создавая общественные недуги. Но съ другой стороны за волей, создавшей этотъ жалкій міръ, слѣдитъ постоянно развивающійся интеллектъ, чтобъ исправить вину безсознательнаго мірозданія путемъ міроотрицанія. И здѣсь разумѣется не то индивидуальное міроотрицаніе, о которомъ говорилъ Шопенгауеръ, непослѣдовательно и малодушно признававшій самоубійство предосудительнымъ, а міроотрицаніе универсальное. Утомленное жизнью и жаждущее смерти человѣчество въ концѣ концовъ отказывается отъ дальнѣйшаго существованія; вмѣстѣ съ этимъ,—какъ въ послѣдствіи поучалъ Гартманъ въ своей „Феноменологіи нравственнаго сознанія“,—оно избавляетъ безсознательное божество отъ мучительныхъ недостатковъ его міроваго порядка, „сокращаетъ мучительный путь абсолютнаго“. Такой перспективой превращенія въ ничто заканчивается пессимистическая система, которая впрочемъ болѣе оригинальна съ виду, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Гартманъ заимствовалъ понятіе о „безсознательномъ“ съ одной стороны отъ Лейбница, съ другой отъ новѣйшей психологіи, и сталъ выдавать его за метафизическій міровой принципъ, за первобытное бытіе, соединяя въ немъ идею по ученію Гегеля, и слѣпую волю по ученію Шопенгауера; вмѣстѣ со всѣми этими комбинаціями Гартманъ снова вступаетъ на тотъ путь, который проложенъ Шеллингомъ въ его сочиненіи „О сущности человѣческой свободы“. Благодаря такимъ разнообразнымъ и пикантнымъ составнымъ частямъ, а также даровитости изложенія, новая философская система получила общедоступную форму и проникла въ широкіе кружки образованныхъ людей, въ особенности тѣхъ людей, которые за отсутствіемъ серьезныхъ философскихъ и религіозныхъ убѣжденій, были, по видимому, обречены на безцѣльное плаваніе по бурному морю.

И недавно начавшій проникать въ Германію изъ Франціи и Англіи, такъ называемый „позитивизмъ“ является чѣмъ-то въ родѣ интеллектуальнаго пессимизма, такъ какъ научаетъ подавлять всѣ требованія религіознаго чувства и возникающія изъ нихъ старанія выработать всеобъемлющее и цѣльное міровоззрѣніе; по мнѣнію позитивистовъ, вопросы о первоначальныхъ причинахъ и о конечныхъ цѣляхъ не допускаютъ никакихъ научныхъ объясненій и сами по себѣ бесполезны, а человѣкъ долженъ довольствоваться какъ своимъ конечнымъ существованіемъ, такъ и своимъ конеч-

Эдуардъ Гартманъ, род. 1842.

1879.

Позитивизмъ.

нымъ ограниченнымъ знаніемъ. Во Франціи Контъ и Люттре проповѣдывали это ученіе въ замѣнъ стараго вольтеріанизма; его же представителями являются въ Англіи Джонъ Стюартъ Милль и Гербертъ Спенсеръ, въ Голландіи А. Пирсонъ и ванъ-Гамель; и въ Германіи стали замѣнять абсолютныя принципы относительнымъ знаніемъ, — стали утверждать (какъ напр. *Laas*, *Vaihinger*), что конечныя основы явленій недоступны и лишены интереса для мышленія, сознающаго свою ограниченность и свою цѣль.

3. Филологія и словесныя науки.

1. Классическая филологія. Постепенное развитіе и обогащеніе разговорнаго языка издавна было предметомъ изслѣдованій и возбуждало любознательность цивилизованныхъ народовъ древняго и новаго времени. Греки и Римляне, Индѣйцы и Арабы старались изучить правила и организацію своихъ нарѣчій и изложить ихъ въ своихъ грамматикахъ. Со времени реформации изученіе грамматики распространилось во всей западной Европѣ; правда, гуналисты сначала интересовались только классическими языками латинскимъ и греческимъ, кромѣ которыхъ включали въ сферу своихъ изслѣдованій только еврейскій языкъ Священнаго Писанія, но научная дѣятельность этого рода скоро распространилась и на языки западныхъ народовъ. Однако, классическіе языки сохранили за собою прежнее первенствующее значеніе; греческія и латинскія сочиненія не переставали служить основой для серьезнаго образованія (Humaniora); средства для ихъ объясненія вошли въ составъ особой науки — классической филологіи, задача которой заключалась въ изученіи древней культуры во всѣхъ ея проявленіяхъ, а главнымъ образомъ въ изученіи древнихъ языковъ, какъ главномъ вспомогательномъ средствѣ при всякихъ археологическихъ изслѣдованіяхъ. Всѣ народы принимали участіе въ этой дѣятельности, а процвѣтаніе филологіи, съ которой было самымъ тѣснымъ образомъ связано преподаваніе всѣхъ наукъ, сдѣлалось мѣриломъ всего умственнаго развитія націй. Благодаря такой всесторонней важности, филологія разрослась въ обширную науку, которая постоянно включала въ свой составъ новые элементы и изъ которой возникали многочисленныя вѣтви, разросавшіяся въ особыя вспомогательныя науки; филологія сдѣлалась «полимаціей» и «поли-исторіей», въ которыхъ формальная сторона отодвигалась на задній планъ передъ матеріальной и реалистической, а знаніе языка получило значеніе только необходимаго вспомогательнаго средства для пріобрѣтенія ученыхъ познаній. «Классическая филологія никогда не задавалась цѣлію изучать языки только ради ихъ самихъ, считать ихъ изученіе конечною цѣлію, и, изслѣдуя законы ихъ внутренняго развитія, считать эти законы продуктомъ психологической организаціи народовъ». Сообразно съ господствовавшими въ различ-

ныя эпохи, умственными направленіями, филологія служила вспомогательной наукой или для реторики, или для критики, или для эстетики; грамматика и лингвистика имѣли только значеніе пропедевтики. Только въ восемнадцатомъ и девятнадцатомъ столѣтіяхъ проникло въ нѣмецкую филологію новое воззрѣніе, которое было въ нѣкоторомъ отношеніи повтореніемъ прежнихъ научныхъ воззрѣній, но расширяло ихъ и придавало имъ болѣе глубокий смыслъ. При этомъ имѣли значительное вліяніе частію новая точка зрѣнія, съ которой взглянулъ Винкельманнъ на исторію древняго искусства, частію сильное оживленіе, обнаружившееся въ области нѣмецкой національной литературы; но ихъ вліяніе было обоюдное, такъ какъ Лессингъ и Гердеръ, Шлегели и І. Г. Фоссъ обнаруживали свою дѣятельность въ этихъ обѣихъ сферахъ, а содержаніе сочиненій Гёте и Шиллера во многихъ отношеніяхъ соприкасалось съ результатами филологическихъ изслѣдованій.

Гёттингенскому профессору, Христ. Готтл. Гейне принадлежитъ та Гейне.
заслуга, что онъ возвелъ филологію на степень самостоятельной 1729—1812.
науки и освободилъ ее отъ связи съ теологіей. Не впадая ни въ
какія преувеличенія, онъ съ необыкновенной наглядностью обрисо-
валъ задачи филологіи и возбудилъ такой живой интересъ къ этой
наукѣ, который напоминалъ итальянскую эпоху Возрожденія. Самый
замѣчательный изъ учениковъ Гейне, Фридр. Авг. Вольфъ (бывшій Вольфъ.
сначала профессоромъ въ Галле, а потомъ членомъ берлинской ака- 1759—1824.
деміи), продолжалъ то, что было начато его наставникомъ, частію
придерживаясь противоположнаго направленія; онъ произвелъ чрез-
вычайно сильное впечатлѣніе своими Prolegomena, измѣнявшими
прежнія воззрѣнія на эпическую поэзію и на произведенія Гомера,
всею своею ученою дѣятельностью и своими систематическими объ-
ясненіями задачъ, составныхъ частей и самостоятельнаго научнаго
достоинства археологій. Въ одно время съ Вольфомъ и послѣ него
пользовался большимъ вліяніемъ, какъ преподаватель и какъ уче-
ный, лейпцигскій профессоръ Готфридъ Германъ; поощряемый при- Готфр. Гер-
мѣромъ знатоковъ англійской и голландской филологіи, въ особен- манъ.
ности Р. Бентлея и Т. Гемстергюи, и примѣромъ Р. Порсона, сдѣ- 1772—1848.
лавшагося впоследствии его противникомъ, онъ занялся прежде всего
критикой и экзегетикой, а потомъ метрикой и грамматикой; эту
послѣднюю науку онъ старался поднять на болѣе значительную вы-
соту, болѣе тщательно изучая греческіе діалекты и придерживаясь
болѣе рациональныхъ пріемовъ Канта.

Своимъ одностороннимъ формализмомъ Германъ вызвалъ нападки
съ разныхъ сторонъ; съ нимъ вступили въ литературную борьбу:
сначала самый выдающійся изъ учениковъ Вольфа, Августъ Бёкъ, Бёкъ.
имѣвшій много общаго съ героемъ французскихъ реалистовъ Ю. 1785—1867.
Скалигеромъ и выдвигавшій на передній планъ реальныя науки и

Велькеръ. историческое возрѣніе; потомъ фантастичный Фр. В. Велькеръ, 1784—1868. искавшій новыхъ путей для изученія исторіи литературы, миѳологіи К. О. Мюллеръ. и археологіи, и наконецъ К. Отфридъ Мюллеръ, пріобрѣвшій из- 1797—1840. вѣстность какъ изложеніями исторіи греческихъ городовъ и племенъ, такъ и трудами по миѳологіи и археологіи. Споры о сравнительномъ превосходствѣ «филологіи языка» (Sprachphilologie) или «предметной филологіи» (Sachphilologie), неоднократно возобновлявшіеся съ участіемъ и послѣдователей вышеупомянутыхъ ученыхъ, привели къ такому соглашенію, что всѣ основательныя требованія обѣихъ сторонъ были удовлетворены. Достигнуть этого соглашенія было тѣмъ болѣе легко, что историческій принципъ внесъ оживленіе и въ такія болѣе фѳормальныя науки, какъ критика и грамматика. Въ противоположность эклектическому методу, — котораго въ сущности придерживался Германъ, восполняя его недостатки проникательностью своего ума и своимъ блестящимъ даромъ предвидѣнія, — филологи стали методически руководствоваться исторіей преданій и этимъ способомъ создали надежныя основы для объясненій текста

Беккеръ. древнихъ писателей. Этимъ путемъ шли впереди всѣхъ Имм. Бек- 1785—1871. керъ и К. Лахманъ, — первый преимущественно въ изученіи греческой филологіи, а второй — латинской; тогда настала новая эра критическихъ изданій древнихъ классиковъ, частію принесшая блестящіе плоды; вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались предметами тщательнаго изученія отрывки утраченныхъ произведеній древнихъ писателей и остававшіяся до той поры неизслѣдованными, области литературы. Но грамматика расширилась въ исторію языка частію подъ вліяніемъ трудовъ І. Гримма и Фр. Боппа по изученію стариннаго нѣмецкаго языка и по сравнительному языковѣдѣнію, частію вслѣдствіе болѣе серьезныхъ занятій эпиграфикой. Эта послѣдняя наука принесла обильные плоды главнымъ образомъ благодаря тому, что Фр.

Ричль. Ричль изучалъ ее въ связи съ древне-латинской литературой (съ 1806—1876. произведеніями Плавта). Въ качествѣ профессора въ Боннѣ и въ Лейпцигѣ, Ричль также стоялъ во главѣ школы (Риббекъ, Ваксмутъ, Бюхелеръ), усердно и съ успѣхомъ работавшей въ области филологіи. Развитію эпиграфики много содѣйствовало предпринятое берлинской академіей изданіе сборниковъ надписей; надъ сборникомъ греческихъ надписей трудился сначала Бёкъ, потомъ А. Кирхгоффъ вмѣстѣ съ многочисленными сотрудниками, а сборникъ латинскихъ надписей былъ составленъ Т. Моммсенъ.

Число тѣхъ людей, которые въ одно время съ вышеупомянутыми учеными содѣйствовали или въ настоящее время содѣйствуютъ развитію филологіи въ качествѣ преподавателей, или въ качествѣ пи- 1781—1860. сателей, чрезвычайно велико, а плоды ихъ трудовъ безчисленны и Шёманъ. необозримы. Изъ тѣхъ, которыхъ уже нѣтъ въ живыхъ, особенно 1793—1879. достойны упоминанія Хр. А. Лобекъ, К. Лерсъ, Г. Фр. Шёманъ,

К. Ф. Германъ, О. Жанъ, М. Гауптъ; но нельзя не отдать должной справедливости и слѣдующимъ ученымъ, замѣчательнымъ не столько своими собственными трудами, сколько тѣмъ, что они поощряли другихъ къ ученой дѣятельности—Фр. Якобсу, Фр. Тиршу, К. Гёттлингу и пользовавшимся широкимъ вліяніемъ черезъ посредство школьнаго преподаванія Ф. Буттманну и К. Г. Цумпту. Ученикомъ Гёттлинга былъ Бернг. Штаркъ, ученый знатокъ античнаго искусства (*Niobe und die Niobiden*), которому не было суждено пережить изданіе только первой части его главнаго сочиненія *Handbuch der Archäologie der Kunst*. Филологин приходилось преодолевать не мало препятствій частію потому, что къ ней относились враждебно приверженцы ортодоксіи, частію потому, что ее подозрѣвали въ сочувствіи къ языческимъ воззрѣніямъ, частію потому, что, съ точки зрѣнія практической пользы, она придерживалась слишкомъ длиннаго окольнаго пути, тратя слишкомъ много времени и силъ на изученіе древности; тѣмъ не менѣе, изученіе филологіи всегда будетъ отличительнымъ признакомъ всемірно-исторической культуры и настоящей гуманной образованности; важное значеніе этой науки заключается не въ пріобрѣтаемой съ ея помощью массѣ знаній, а въ томъ, что она служитъ связью между настоящимъ и прошедшимъ, помогаетъ изученію постепеннаго развитія человѣческаго ума по самымъ замѣчательнымъ его памятникамъ, сохраняетъ добытые предками результаты въ неприкосновенности для пользы потомства.

Между тѣмъ, какъ филологія передавала изъ поколѣнія въ поколѣніе точное знаніе классическихъ языковъ, какъ доставшееся намъ отъ древнихъ временъ сокровище, и тщательно оберегала этотъ благородный запасъ результатовъ умственнаго труда, онъ увеличивался цѣнными вкладами изъ другихъ рукъ и изъ него возникала новая наука. Философскія изслѣдованія, имѣвшія такое сильное вліяніе на умственную жизнь нѣмецкой націи съ послѣднихъ десятилѣтій восемнадцатаго столѣтія, и расширившіяся вслѣдствіе частыхъ далекихъ путешествій международныя сношенія обратили вниманіе ученыхъ на развитіе человѣческаго языка въ его общихъ чертахъ; они стали изслѣдовать его возникновеніе, стали изъ его постепеннаго развитія извлекать понятіе о постепенности умственнаго развитія человѣческаго рода, стали подводить его развѣтвленіе подъ различные классы и разряды, а взаимную связь и взаимное несходство этихъ развѣтвленій стали объяснять естественными законами и ходомъ историческихъ событій. При этомъ имѣлось въ виду не только изучить конструкцію употребляющихся на земномъ шарѣ языковъ и опредѣлить различныя степени ихъ взаимнаго сходства, но также изслѣдовать, какимъ образомъ въ нихъ отражается различіе человѣческихъ чувствъ и человѣческаго мышленія у столь разнообразно организованныхъ націй. Намъ уже извѣстно, что еще

Фр. Германъ.
1804—1855.
Жанъ.
1813—1869.
Якобсъ.
1764—1847.
Тиршъ.
1784—1860.
Гёттлингъ.
1793—1869.
Буттманъ.
1764—1829.
Цумптъ.
1792—1849.
Штаркъ.
1824—1879.

2. Сравнительное языковѣдѣніе.

Гердеръ вдумывался въ происхожденіе языка и этимъ затронулъ такой вопросъ, разъясненіемъ котораго стали потомъ интересоваться философы и лингвисты. Эти изслѣдованія о самыхъ характеристическихъ особенностяхъ, отличающихъ человѣка отъ животныхъ, относятся преимущественно къ области умозрительныхъ наукъ, или же принадлежать къ области психологіи и фізіологіи, а съ языковѣдѣніемъ соприкасаются только въ той мѣрѣ, въ какой оно является составною частію антропологіи; но нѣкоторые писатели вступили на болѣе эмпирическій путь сравнительнаго языковѣдѣнія—стали изучать безконечно разнообразныя идіомы и діалекты для того, чтобъ извлекать изъ нихъ понятіе объ общихъ законахъ образованія языка. Составленный въ Петербургѣ сборникъ произношеній молитвы «Отче нашъ» на всѣхъ употребляющихся въ Россіи языкахъ обнаружилъ существованіе слишкомъ ста нарѣчій; а жившій въ Дрезденѣ, І. Хр. Аделунгъ изложилъ незадолго до своей смерти результаты своихъ многолѣтнихъ занятій лингвистикой въ сочиненіи, которое потомъ продолжалъ Северинъ—отецъ и которому было дано названіе знавшаго много языковъ, царя Понта: «Митридатъ или всеобщее языковѣдѣніе». Такимъ образомъ были заложены основы для новой науки, которая должна была пустить отъ себя корни и въ области естествознанія и въ области историческихъ наукъ. Въ противоположность классической філологіи, для которой языковѣдѣніе служило лишь вспомогательнымъ средствомъ при изученіи древней культуры во всѣхъ ея жизненныхъ проявленіяхъ, для этой новой науки самъ языкъ былъ объектомъ изслѣдованій, сравнительныхъ выводовъ. Она, подобно естествознанію, старается прежде всего создать для себя твердую реальную почву, вовлекая въ сферу своихъ наблюденій какъ можно болѣе значительное число языковъ, раздѣляя ихъ, сообразно съ ихъ взаимнымъ сходствомъ или несходствомъ, на роды и виды, и потомъ стараясь путемъ сравненій доискаться основныхъ законовъ, по которымъ происходитъ образованіе всякаго языка. Она сдѣлала изъ человѣческаго слова точку исхода для всѣхъ своихъ изслѣдованій и основной элементъ для своей научной теоріи. Но такъ какъ каждое слово состоитъ изъ отдѣльныхъ звуковъ или изъ сочетанія отдѣльныхъ звуковъ, выражающихъ такія чувства, представленія, понятія, которыя имѣютъ умственное содержаніе и значеніе, то слово является въ одно и то же время и выраженіемъ и формой внутренней душевной дѣятельности и, стало быть, важнымъ факторомъ умственныхъ стремленій и умственной дѣятельности въ человѣческомъ организмѣ.

Лингвистика, долго ограничивавшаяся собираніемъ матеріала и каменей для возведенія новаго зданія, приняла болѣе серьезное научное направленіе съ тѣхъ поръ, какъ знакомство съ санскритскимъ языкомъ раскрыло передъ нею существованіе широкой области однородныхъ

языковъ, называемыхъ общимъ именемъ индо-германскихъ, индоевропейскихъ или арійскихъ. Завоеваніемъ Индіи Англичанами облегчилось изученіе стариннаго языка Индусовъ. Тогда появились грамматики и словари этихъ языковъ; англійскіе ученые Алекс. Гамильтонъ, Джонсъ, Кольбрукъ посвятили свою дѣятельность и свои жизненные силы изученію индѣйскаго языка и литературы. Они скоро нашли подражателей въ другихъ странахъ. Во Франціи Шези и Бюрнуфъ, въ Германіи Фр. Шлегель и его братъ Августъ Вильгельмъ Фр. Шлегель. обратили вниманіе образованныхъ людей на «языкъ и мудрость Индѣйцевъ» 1772—1829. Намъ уже извѣстно, что главная заслуга ново-романтической школы заключалась въ успѣшномъ стараніи познакомить Германію съ умственными и художественными богатствами другихъ націй, сдѣлать для нея доступными иностранныя литературныя произведенія посредствомъ переводовъ и въ то-же время снова внушить позднѣйшимъ поколѣніямъ сочувствіе къ средне-вѣковому строю нѣмецкой жизни. Въ этихъ обоихъ направленіяхъ дорога была продолжена главными представителями ново-романтической школы. Въ небольшомъ сочиненіи Фр. Шлегеля «Языкъ и мудрость Индѣйцевъ» 1808. въ первый разъ были сдѣланы указанія на сродство санскритскаго языка съ другими болѣе извѣстными языками какъ по отдѣльнымъ словамъ, такъ и по «внутренней структурѣ»; по грамматическимъ формамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ было объяснено, какимъ путемъ сравнительное изученіе языковъ можетъ привести къ новымъ важнымъ выводамъ и результатамъ.

Тѣ идеи, которыя были высказаны Фр. Шлегелемъ только въ общихъ чертахъ, далѣе развивалъ гениальный филологъ Боппъ въ болѣе широкомъ объемѣ, съ болѣе обширными познаніями и не съ романтической цѣлію отыскивать новыя опоры для мистическихъ и туманныхъ вымысловъ, а съ цѣлію создать прочныя основы для новой научной теоріи. Въ своемъ сочиненіи о системѣ спряженій въ санскритскомъ языкѣ сравнительно съ системою спряженій въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, персидскомъ и нѣмецкомъ Боппъ объяснялъ, какимъ образомъ можно, съ помощью сравнительныхъ и историческихъ изслѣдованій, доискаться возникновенія грамматическихъ формъ въ языкахъ, родственныхъ съ санскритскимъ; здѣсь онъ въ первый разъ изложилъ понятіе о законахъ, по которымъ языкъ получаетъ опредѣленную форму и развивается; здѣсь-же онъ установилъ надежный критерій для опредѣленія взаимной родственной связи между отдѣльными идіомами. Это сочиненіе прежде всего вызвало новыя труды по изученію индѣйскаго языка. Между тѣмъ, какъ самъ Боппъ составлялъ, на основаніи трудовъ Вилькинса, Кольбрука и др., «Подробную систему санскритскаго языка», норвежскій уроженецъ Христіанъ Лассенъ занимался въ Боннѣ болѣе подробнымъ изученіемъ санскритскаго языка и въ обширномъ сочиненіи Indische 1800—1876.

Altertumskunde со всѣхъ сторонъ освѣщаль историческое прошлое Индусовъ и ихъ отечества. Скоро почти при всѣхъ германскихъ и многихъ иностранныхъ университетахъ были учреждены каѳедры для преподаванія санскритскаго языка; филологи, занимавшіе эти каѳедры, придерживались направленія, указаннаго Боппомъ, и поставили индѣйскую филологію на одинакую высоту съ классической и восточной; къ ихъ числу принадлежали: въ Берлинѣ Альбрехтъ Веберъ (*Indische Studien*), въ Гёттингенѣ Теодоръ Бенфей, въ Лейпцигѣ Германъ Брокгаузъ, въ Боннѣ Теод. Ауфрехтъ, въ Ньюгевенѣ воспитанный въ Германіи Американецъ Уил. Уитней, въ Тюбингенѣ Руд. Ротъ, въ Оксфордѣ Максъ Мюллеръ. Эта дѣятельность въ области санскритскаго языка внесла сильное оживленіе во всю сферу филологическихъ изслѣдованій. Не только классическая филологія стала болѣе прежняго заботиться о той части своей задачи, которая касается лингвистики, но и въ изученіи древняго нѣмецкаго языка обнаружилось оживленіе; а съ тѣхъ поръ, какъ Анкетиль дю Перронъ познакомилъ Европейцевъ съ произведеніями Зороастра, изученіемъ древняго персидскаго языка стали заниматься въ Парижѣ Бюрнуфъ, въ Мюнхенѣ Гаугъ; они доказали родство этого языка съ санскритскимъ; и славянскіе языки, равно какъ остатки языка Кельтовъ и Басковъ сдѣлались предметомъ изслѣдованій; скандинавскій языкъ и литературу стали изучать какъ своеобразную отрасль нѣмецкаго языка. Благодаря такой оживленной дѣятельности, изученіе общихъ законовъ развитія языка мало по малу замѣнилось филологическими изслѣдованіями языка и литературы отдѣльныхъ народовъ; тогда возникли до той поры неизвѣстныя самостоятельныя науки — филологія персидская, германская, славянская.

Но при этихъ изслѣдованіяхъ отдѣльныхъ языковъ не терялась изъ виду и общая философская точка зрѣнія. Одинъ изъ самыхъ великихъ германскихъ ученыхъ, соединявшій изученіе подробностей съ философскою прозорливостію, Вильгельмъ Ф. Гумбольдтъ объяснилъ, въ предисловіи къ своему сочиненію о языкѣ Кави, какое вліяніе имѣетъ несходство языковъ на умственное развитіе человѣческаго рода; въ качествѣ теоретика, онъ сдѣлался, на ряду съ практикомъ Боппомъ, основателемъ новой науки языковѣдѣнія. «Выросшій въ такихъ условіяхъ, которыя не принуждали его посвящать его выдающіяся умственные дарованія и силы какой либо спеціальной профессіи, онъ сталъ привлекать въ сферу своей умственной дѣятельности одну область знанія вслѣдъ за другой, и при этомъ обнаружилъ такую энергію, что, едва достигши возраста возмужалости, уже былъ почти во всѣхъ этихъ областяхъ знанія самостоятельнымъ хозяиномъ». Намъ уже не разъ приходилось упоминать о дѣятельности этого выдающагося человѣка въ различныхъ сферахъ литературы и политики. «Всѣ его труды по классической и по санскрит-

Вильгельмъ
Ф. Гумбольдтъ.
1767—1835.

ской филологін, по эстетикѣ, исторіи и по политическимъ наукамъ свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ былъ прозорливый, либеральный, философски образованный и богатый знаніями мыслитель, умѣвшій мастерски владѣть оружіемъ діалектики. Онъ былъ другомъ и единомышленникомъ Гёте, Шиллера, Фр. А. Вольфа; въ качествѣ государственнаго дѣятеля и дипломата, онъ былъ близко знакомъ съ высшимъ обществомъ всѣхъ европейскихъ странъ; его совѣты имѣли самый большой вѣсъ при основаніи берлинскаго университета; при содѣйствіи своего брата Александра, достигшаго полного господства въ области естествознанія, Вильгельмъ Ф. Гумбольдтъ господствовалъ, какъ царь, въ области ума». Во всемъ, за что онъ брался, онъ находилъ новыя умственные сокровища, но самыми важными и самыми блестящими были его труды по языковѣдѣнію. Онъ включилъ въ сферу своихъ сравнительныхъ филологическихъ изслѣдованій языки жителей Америки и Океаніи; точки зрѣнія философскую и историческую онъ соединилъ такъ, что первая служила въ его научной системѣ внутреннею связью, а вторая внѣшнею; онъ наконецъ пришелъ къ выводу, что языкъ не есть безжизненное средство или орудіе, употребляемое человѣческимъ умомъ для обозначенія предметовъ, что онъ есть органъ мышленія, что въ немъ обнаруживается постоянно возобновляющееся стараніе ума сдѣлать изъ членораздѣльныхъ звуковъ выраженіе мысли, что нѣтъ мыслей безъ языка, что человѣческое мышленіе возникаетъ только посредствомъ языка. Эти старанія ума сдѣлать звукъ выраженіемъ мысли обнаруживаются у различныхъ народовъ въ различной формѣ сообразно съ складомъ ума cadaго народа. «Различіе языковъ объясняется тѣмъ, что въ своемъ стараніи выражать свои мысли словами человѣкъ достигаетъ этой цѣли болѣе или менѣе удачно вслѣдствіе того, что его стараніямъ или благопріятствуетъ или противудѣйствуетъ особый складъ ума cadaго народа». Вѣдь каждый народъ обнаруживаетъ въ своемъ языкѣ ту точку зрѣнія, съ которой онъ смотритъ на предметы внѣшняго міра. — Въ этомъ высказывалась та мысль, что изученіе образованія языка есть вмѣстѣ съ тѣмъ изученіе врожденныхъ свойствъ народа и всего человѣчества; вслѣдствіе этого принципа языковѣдѣніе получаетъ чрезвычайно важное значеніе для исторіи развитія всего человѣческаго рода. Всѣ языки, которыми говорятъ на земномъ шарѣ, должны быть, по словамъ Гумбольдта, призваны на помощь, чтобъ служить основой для философскихъ наблюденій и изслѣдованій въ области филологін.

Послѣ того, какъ Гумбольдтъ такимъ образомъ уяснилъ задачу и цѣль филологическихъ изслѣдованій, онъ попытался привести извѣстные намъ языки въ научную систему и распредѣлить ихъ по классамъ соотвѣтственно ихъ конструкціи. Принимая за точку исхода форму словъ, въ которыхъ онъ различалъ корень отъ дополнитель-

ныхъ слоговъ, онъ раздѣлилъ языки на три разряда, — на языки односложные (или *isolierende*), въ которыхъ корни языка, то есть группы звуковъ, возникшія при первоначальномъ образованіи языка, просто ставятся рядомъ однѣ съ другими; на языки совокупающіе (*agglutinierende*), которые стараются, посредствомъ соединенія однихъ корней съ другими, выразить внутреннюю связь и взаимныя отношенія между отдѣльными понятіями; наконецъ, тѣ языки, въ которыхъ склоненія и спряженія являются видоизмѣненіями коренныхъ звуковъ. При этомъ раздѣленіи языковъ каждый болѣе высокій ихъ разрядъ предполагаетъ существованіе низшаго разряда, какъ предшествующей ступени своего развитія, а всѣ языки, принадлежащіе къ одному и тому-же разряду, считаются родственными между собою по своей внѣшней формѣ. Отъ этого внѣшняго сходства слѣдуетъ отличать сходство матеріальное между видоизмѣненіями коренныхъ языковъ, къ числу которыхъ считаются до настоящаго времени принадлежащими только три—индо-германскій, семитическій и финско-татарскій. Всѣ языки производные ведутъ свое начало отъ кореннаго языка, когда-то не дѣлившагося на части; отыскать слѣды этого основнаго языка въ имѣющихся на лицѣ идіомахъ долго было главною цѣлію сравнительной филологіи. При этомъ индо-германскій коренной языкъ стоялъ на первомъ планѣ, поэтому онъ и былъ главнымъ предметомъ изслѣдованій для лингвистовъ. Боппъ обогатилъ филологію изданіемъ многихъ сочиненій и въ особенности надѣлавшимъ много шума сочиненіемъ «Сравнительная грамматика языковъ санскритскаго, зендскаго, армянскаго, греческаго, латинскаго, литовскаго, древнеславянскаго, готскаго и нѣмецкаго»; тому-же предмету посвятилъ свои труды другой ученый изслѣдователь —

Поттъ. Авг. Фридр. Поттъ, авторъ замѣчательнаго сочиненія «Этимология-
1802—1887. чешскія изслѣдованія въ области индо-германскихъ языковъ».

Между тѣмъ, какъ Боппъ умѣлъ мастерски анатомировать грамматическую конструкцію языка, Потту принадлежитъ та важная заслуга, что онъ развилъ до широкихъ размѣровъ специальную отрасль сравнительной грамматики—такъ называемую сравнительную этимологию. Онъ раскрылъ громадное изобиліе словъ въ индо-германскихъ языкахъ и указалъ корни, отъ которыхъ происходятъ эти слова; поэтому его необыкновенной учености и блестящей сообразительности обязана еще юная наука языковѣднія тѣмъ, что она обогатилась очень значительнымъ матеріаломъ для своихъ

Шлейхеръ. изслѣдованій. Въ то же время ученый Авг. Шлейхеръ старался доказать
1821—1868. важное значеніе языка въ естественной исторіи человѣчества, а въ своемъ

„Компендіѣ сравнительной грамматики индо-германскихъ языковъ“ онъ впервые вставилъ результаты филологическихъ изслѣдованій въ рамки хорошо округленной системы; мы ему въ особенности обязаны основательными изслѣдованіями въ области славянскихъ языковъ и изданіемъ такого популярнаго сочиненія „О нѣмецкомъ языкѣ“, изъ котораго не мало обра-

Штейнталь, зованныхъ людей черпали свои свѣдѣнія о конструкціи индо-германскихъ
род. 1823. языковъ вообще и нѣмецкаго языка въ особенности. Штейнталь шелъ не-

посредственно по стопамъ Гумбольдта, стараясь въ многочисленныхъ сочиненіяхъ далѣе развѣивать психологическія воззрѣнія этого ученаго на конструкцію языка; между этими сочиненіями особенно замѣчательна „Характеристика главныхъ типовъ конструкціи языка“. И о развитіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ языковъ были написаны дѣльные сочиненія съ точки зрѣнія сравнительной исторической грамматики. Такъ напр. о греческомъ языкѣ писалъ Г. Курціусъ; его сочиненія „Основные черты греческой этимологіи“ и „Глаголы въ греческомъ языкѣ“ были написаны преимущественно съ цѣлю познакомить классическихъ филологовъ и преподавателей съ плодами языковѣдѣнія; о латинскомъ языкѣ Вильг. Корссенъ написалъ нѣсколько сочиненій и между прочимъ сочиненіе *Über Aussprache, Vokalismus und Betonung der lateinischen Sprache*. Сравнительная этимологія, которою специально занимаюсь Поттъ, приобрѣла въ новѣйшее время болѣе молодого изслѣдователя въ лицѣ Авг. Фикка; его „Сравнительный словарь индо-германскихъ языковъ“ выдержалъ въ короткое время нѣсколько изданій. Дельбрюкъ и Виндишъ, извѣстные знатоки санскритскаго языка, а послѣдній изъ нихъ кромѣ того знатокъ кельтскаго языка, стали изучать индо-германскіе языки съ новой точки зрѣнія: они заложили фундаментъ для сравнительнаго синтаксиса (*Syntaktische Forschungen*), оставшагося до той поры въ пренебреженіи. По ихъ слѣдамъ шелъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими учеными Гюбшманъ (*Zur Kasuslehre*); онъ сумѣлъ облегчить изученіе синтаксиса языка Зендъ-Авесты, между тѣмъ какъ Дельбрюкомъ было сдѣлано то-же самое относительно языка Веды.

Курціусъ.
1820—1885.

Корссенъ.
1820—1875.

Вообще можно замѣтить, что въ новѣйшей филологіи преобладаетъ критическое направленіе, что плодотворный скептицизмъ начинаетъ провѣрять основательность теорій, уже всѣми принимавшихся за руководство. Такъ напр. ученикъ Шлейхера, Іоаннъ Шмидтъ подвергнулъ основательному пересмотру традиціонныя воззрѣнія на разчлененіе кореннаго индо-германскаго языка; его небольшое сочиненіе *Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen* вызвало провѣрку того мѣрила, которымъ до той поры опредѣлялось болѣе или менѣе близкое родство производныхъ языковъ съ кореннымъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ возникло при участіи лейпцигскаго ученаго Лескиена новое, такъ называемое младограмматическое направленіе (Остроффъ, Бругманнъ); его послѣдователи заботятся о томъ, чтобъ результаты методологическаго изученія новѣйшихъ языковъ и діалектовъ болѣе прежняго употреблялись въ дѣло при изученіи древнихъ мертвыхъ языковъ, которые намъ знакомы только по дошедшимъ до насъ литературнымъ памятникамъ; эти ученые настаиваютъ на необходимости точнѣе слѣдить за вліяніемъ разнородныхъ силъ на развитіе языка и точнѣе опредѣлить вліяніе физической и душевной человеческой дѣятельности (физиологіи и психологіи) на измѣненія, происходящія въ его конструкціи (Остроффъ и Бругманнъ: *Morphologische Untersuchungen auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen*). Объ оживленной дѣятельности въ сферѣ сравнительнаго языковѣдѣнія также свидѣлствуетъ тотъ фактъ, что кромѣ издающагося съ 1850 года журнала А. Куна *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, сталъ издаваться съ 1877 года въ Гёттингенѣ съ тою же цѣлю журналъ Беценбергера *Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen*; кромѣ того, Техмеръ сталъ недавно издавать въ Лейпцигѣ *Die Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft*.

Наряду съ индогерманскими языками сдѣлались предметомъ тща- 3. Семитичес-
тельнаго изученія языки семитическіе въ особенности съ тѣхъ поръ, кіе языки.
какъ въ 1845 году было основано «Восточное общество», для ко-

торого служили центрами дѣятельности Лейпцигъ и Галле. Между этими языками арабскій обладаетъ самой богатой литературой и имѣетъ на своей сторонѣ еще то преимущество, что до сихъ поръ принадлежитъ къ числу живыхъ языковъ. Сильвестръ де Саси открылъ новую эпоху въ этой сферѣ ученой дѣятельности; указаннымъ имъ путемъ шли: во Франціи Рейно и Катрмэръ, въ Англіи Флейшеръ. Вraithъ, въ Голландіи Соци и де Гоэё, въ Германіи Флейшеръ, 1801—1888. Рёдигеръ и Гильдемейстеръ. Тогда были созданы новыя вспомогательныя средства (Фрейтагъ, Эвальдъ, Каспари, Вraithъ, Лауэ), появились многочисленныя сочиненія (Флейшеръ, Вюстенфельдъ, Флюгель, Сахау, Альвардтъ) и была подробно изложена исторія мусульманъ (Гаммеръ-Пургшталъ, Вейль, Шпренгеръ, Коссенъ де Персеваль). Знаніе финикійскаго языка значительно расширилось послѣ Гезеніуса. Гезеніусъ открылъ новыя надписи, смыслъ которыхъ 1786—1842. объяснили Эвальдъ, Леви, Блау. Всю область арамейскихъ діалектовъ разработалъ Нёльдеке съ точки зрѣнія сравнительнаго языковѣдѣнія; въ особенности изученіе сирійскаго діалекта сдѣлало большіе успѣхи благодаря трудамъ Нёльдеке и Меркса по сирійской грамматикѣ, трудамъ Бернштейна и Смита по сирійской лексикографіи, а также благодаря изданіямъ сирійскихъ писателей (Вraithъ, Гофманъ, де-Лагардъ) и сборникамъ уцѣлѣвшихъ въ употребленіи остатковъ сирійскаго языка (Социнъ, Примъ). Дилльманъ и Преториусъ составили лексиконъ и грамматику эіопскаго языка и родственныхъ съ нимъ діалектовъ. Для этихъ похвальныхъ попытокъ обозрѣть всю сферу семитическихъ языковъ постоянно служило точкой исхода изученіе еврейскаго языка, которое въ грамматическихъ и лексикографическихъ трудахъ Гезеніуса первоначально приняло узкія формы теологической науки, а потомъ, въ рукахъ Генриха Эвальда, Юста Ольсгаузена, Ферд. Гицига, Г. Гупфельда, получило однородное развитіе съ классической филологіей и постоянно находилось въ тѣсной связи со всею областью языковѣдѣнія. Совершенно новая область семитизма сдѣлалась доступной для ученыхъ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ познакомили съ клинообразнымъ письмомъ памятники въ Персеполѣ, Вавилонѣ, Ниневіи и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ Малой Азіи, Сиріи и Месопотаміи. Первый разрядъ этихъ надписей, относящихся ко временамъ древнихъ царей Вавилоніи и Персіи, принадлежитъ къ области индо-германскаго языка; къ ихъ объясненію приступилъ въ 1802 году Гротенфендъ, а довели его до конца въ 1846 году Лассенъ, Бурнуфъ и Г. Роулисонъ; надписи втораго разряда написаны, по видимому, на одномъ изъ языковъ турецко-татарскихъ; почти всѣ изслѣдователи и въ особенности нѣмецкіе ученые Ольсгаузенъ, Оппертъ, Шрадеръ признали надписи третьяго рода за чисто-семитическія. Написанныя на этомъ послѣднемъ языкѣ, надписи Ахеменидовъ, такъ называемыя

ассирійско-вавилонскія клинообразныя надписи бросаютъ яркій свѣтъ какъ на ходъ развитія семитическаго языка, такъ и на позднѣйшую исторію Израильтянъ. Но и болѣе раннія эпохи развитія этого народа получили неожиданное освѣщеніе: со временъ египетской кампаніи Наполеона іероглифы стали нарушать свое молчаніе, длившееся тысячи лѣтъ. То, что было начато Шамполліономъ младшимъ и Шабасомъ, продолжали Розеллини и въ особенности Лепсіусъ. Лепсіусъ. 1810—1884.
усъ и Бругшъ,—эти настоящіе создатели египтологіи; такимъ образомъ вся древняя исторія востока подверглась существенной переработкѣ подъ вліяніемъ тѣхъ снова возставшихъ изъ праха памятниковъ и сдѣлавшихся краснорѣчивыми надписей.

Сравнительная филологія нашла для себя самую твердую опору 4. Нѣмецкая филологія.
какъ въ изученіи санскритскаго языка, такъ и въ глубокомъ изученіи древне-нѣмецкаго языка и литературы. Въ тѣхъ главахъ этого сочиненія, гдѣ шла рѣчь объ исторіи культуры, мы уже неоднократно указывали на важный переворотъ, совершившійся въ теченіе первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія въ изученіи нѣмецкаго языка—сначала путемъ, указаннымъ романтиками, а потомъ путемъ самостоятельныхъ научныхъ изслѣдованій. Въ самую тяжелую и самую позорную эпоху нѣмецкой исторіи пробудился интересъ къ памятникамъ отечественной старины и были достигнуты неожиданные результаты. Какъ-бы по внушенію свыше, нѣсколько нѣмецкихъ ученыхъ посвятили свою умственную дѣятельность и дарованія изученію германской древности и предприняли такую работу, которая должна была сильнѣе всякой другой пробудить въ нѣмецкомъ народѣ національныя чувства и сознаніе неразрывной связи между всѣми его племенами. Въ тотъ моментъ, когда нѣмецкая нація была раздроблена на части и доведена до крайняго униженія, нашлись благородные люди, почти безсознательно пробудившіе изъ долгаго усыпленія старый нѣмецкій языкъ и поэзію; этимъ путемъ они стали создавать внутреннюю связь между разрознившимися составными частями старой имперіи и стали направлять ихъ дѣятельность къ одной общей цѣли. Нѣмецкій языкъ и нѣмецкая литература долго были единственной основой національнаго единства; они сдѣлались очагомъ для всѣхъ патріотическихъ чувствъ. Сколько сокровищъ было найдено съ тѣхъ поръ, какъ романтики, въ особенности Фридр. Шлегель, Тикъ, Архимъ, Іосифъ Гёрресъ вывели изъ забвенія средне-вѣковую поэзію и пѣсни миннезенгеровъ, Фридр. Г. фонъ-деръ-Гагенъ ближе познакомилъ нѣмецкій народъ съ пѣснью о Нибелунгахъ, а трудолюбивый Доцентъ отыскалъ въ мюнхенской библіотекѣ правила старинной просодіи! Потомъ наступило блестящее время германской филологіи, основателями которой были братья Іаковъ и Вильгельмъ Гриммъ и которую развивали далѣе К. Лахманъ, Шмеллеръ, Уландъ, Морицъ Гауптъ, Сим- Фонъ-деръ-Гагенъ. 1780—1856. Доцентъ. 1782—1828.

Яковъ Гриммъ. 1785—1863. роки, Францъ Пфейфферъ, Карлъ Барчъ и многіе другіе. Исследо-
 ванія Якова Гримма освѣтили болѣе яркимъ свѣтомъ древне-герман-
 скій и сѣверный эпосъ, древнія народныя сказанія, сказку о лиси-
 цѣ Рейнгартъ и т. д.; онъ былъ авторомъ нѣмецкой грамматики,
 посредствомъ которой проложилъ путь къ историческому языковѣ-
 дѣнію; онъ написалъ сочиненія о философіи нѣмецкаго права и о
 нѣмецкой мифологіи; при содѣйствіи своего брата и нѣсколькихъ
 ученыхъ специалистовъ онъ началъ составлять до сихъ поръ еще
 не вышедшій въ свѣтъ нѣмецкій словарь; оба брата кромѣ того
 писали дѣтскія сказки, находившія многочисленныхъ читателей и въ
 высшихъ и въ низшихъ общественныхъ сферахъ... Благодаря ихъ
 трудамъ германская филологія сдѣлалась самостоятельной наукой.
 Намъ уже ранѣе приходилось упоминать многія изъ слѣдующихъ
 именъ германистовъ, принимавшихъ участіе въ этой патріотической
 работѣ: Г. Ф. Бенеке, Массманъ, Моне, Гоффманъ фонъ Фаллер-
 слебенъ, Граффъ, Мейзебахъ, А. Гольцманъ, Вакерпагель, Мюлленгофъ,
 Царнке; исторію возникновенія германской филологіи подробно изло-
 жилъ Рудольфъ фонъ Раумеръ; Теод. Бенфей изложилъ исторію
 языковѣдѣнія и восточной филологіи. Также слѣдуетъ здѣсь упомя-
 нуть о проявившемся въ новое время оживленіи въ изученіи ис-
 торической грамматики нѣмецкаго языка. В. Шереръ и его остро-
 умное сочиненіе *Zur Geschichte der deutschen Sprache*, вышед-
 шее въ свѣтъ въ 1868 году, впервые со временъ Якова Гримма
 указали новые пути и цѣли при изученіи нѣмецкой грамматики. О
 достиженіи этихъ цѣлей трудятся частію непосредственные ученики
 Шерера, частію самостоятельно развившіеся ученые Брауне, Пауль,
 Сиверсъ, Датчанинъ Карлъ Вернеръ, постоянно обмѣниваясь влія-
 ніями съ представителями всеобщаго и сравнительнаго языковѣдѣнія.

Раумеръ заканчиваетъ слѣдующими словами свое сочиненіе, о которомъ
 мы упомянули выше: „Подобно всѣмъ филологическимъ наукамъ, и герман-
 ская филологія развивалась по точному и тщательно выработанному ме-
 тоду классической филологіи. Исследования языковъ санскритскаго и зенд-
 скаго были для нея столько-же полезны, какъ и для изученія всѣхъ индо-
 европейскихъ языковъ. Научныя изслѣдованія съ одной стороны литовскихъ
 и славянскихъ нарѣчій, съ другой кельтскихъ пригодились и для германской
 филологіи. Но и эти научныя сферы подверглись очевидному вліянію гер-
 манской филологіи. Впрочемъ, достоинство германской филологіи не за-
 ключается только въ томъ, что она входитъ въ составъ общихъ исследо-
 ваній языка и литературы. Самое важное ея значеніе заключается въ томъ,
 что она занимаетъ видное мѣсто въ сферѣ тѣхъ наукъ, для которыхъ
 служатъ предметомъ изученія нѣмецкій народъ. Она находится въ самой
 тѣсной связи съ широкимъ всестороннимъ развитіемъ изслѣдованій по нѣ-
 мецкой исторіи. Дѣянія и судьбы нѣмецкаго народа, его юриспруденція,
 искусства и вся культура подверглись въ наше время такимъ основатель-
 нымъ изслѣдованіямъ, о какихъ не имѣлось въ прошлые вѣка даже при-
 близительнаго понятія. А такъ какъ языкъ всего вѣрнѣе выражаетъ свой-

ства нашего народа, то изученіе этого языка и изложенныхъ на немъ произведеній нѣмецкаго ума составляетъ какъ-бы сердцевину тѣхъ наукъ, которыя считаютъ своей задачей изученіе нашего народа“.

4. Историографія.

Настроеніе умовъ описываемой нами эпохи отражалось болѣе или менѣе во всѣхъ наукахъ, но ни въ одной изъ нихъ въ такой-же мѣрѣ, какъ въ историографіи, которая получила широкое развитіе подѣ влияніемъ великихъ событій того времени и пользуясь тѣмъ, что было дознано европейскими народами на ихъ собственномъ опытѣ, старалась уяснить весь ходъ ихъ историческаго развитія съ древнѣйшихъ временъ. Бартольдъ Георгъ Нибуръ, пользовавшійся Нибуръ. большимъ влияніемъ и въ качествѣ прусскаго государственнаго дѣ- 1776—1831. ятеля и въ качествѣ профессора боинскаго университета, приложилъ къ изученію исторіи Рима историческую критику и неутомимо извлекалъ изъ древнихъ произведеній матеріалъ для своего бессмертнаго сочиненія, съ котораго начинается новая эпоха въ изученіи древней исторіи. Онъ не ограничивался указаніемъ противорѣчій въ традиціонномъ воззрѣніи на исторію и ошибокъ въ томъ, что до той поры выдавалось за историческіе факты, а вмѣстѣ съ тѣмъ старался «отыскать скрывающуюся подѣ формой поэтическихъ народныхъ сказаній истину, возстановить событія древней исторіи въ томъ видѣ, въ какомъ они дѣйствительно совершались, и изъ собраннаго солиднаго матеріала построить новое историческое зданіе». Самъ Нибуръ довелъ свое сочиненіе только до Пуническихъ войнъ, но изъ публичныхъ лекцій по исторіи и филологіи, которыя онъ читалъ въ Боннѣ, его ученики извлекли достаточный запасъ свѣдѣній, чтобъ писать къ его труду дополненія, обнимавшія не только римскую, но и всю древнюю исторію. Кромѣ того, Нибуръ основалъ, при содѣйствіи Брандиса и Бѣка «Рейнскій музей для филологіи» и вызвалъ новую разработку произведеній византійскихъ историковъ. Не смотря на то, что онъ восхищался древними республиканскими учрежденіями и энергіей римскихъ плебеевъ, онъ считалъ французскую революцію и бывшую ея послѣдствіемъ, польскую катастрофу крайне вредными для государствъ новаго времени.—Гейдельбергскій профессоръ Фр. Христофъ Шлоссерь изло- Шлоссерь. жилъ—въ своей «Всемирной Исторіи» и въ своемъ «Общенсториче- 1776—1861. скомъ обзорѣ исторіи древняго міра и его культуры»—обзоръ жизненной дѣятельности народовъ въ древнія времена и въ средніе вѣка, объясняя внутреннюю связь литературы, правовъ и склада ума съ явленіями общественной жизни, а въ своей «Исторіи восемнадцатаго и девятнадцатаго столѣтій» описалъ событія и харак-

теры, дѣянiя и мiръ изъ недавняго прошлаго съ глубокомыслиемъ, съ прозорливостью, съ правдолюбіемъ, и подводя ихъ подъ строгія требованiя правственности и справедливости. Его суровая серьезность не рѣдко принимаетъ характеръ стоической взыскательности. Обладая обширными историческими познанiями, онъ пріобрѣлъ сильное вліяніе на образованные классы нѣмецкой націи и какъ университетскій преподаватель, и какъ неутомимый писатель и какъ комментаторъ произведеній Данте. Изъ его болѣе сухихъ ученыхъ произведеній была въ послѣдствіи составлена его ученикомъ Г. Л. Кригкомъ «Всемирная исторiя» для нѣмецкаго народа.—Карлъ

Роттекъ. ф. Роттекъ, бывшій поборникомъ либеральныхъ принциповъ и въ 1775—1840. своихъ рѣчахъ и въ своихъ сочиненiяхъ, пользовался всемірною исторiей какъ средствомъ для распространенiя въ народѣ политическихъ идей и демократическихъ теорій въ духѣ философскаго прогресса.

Лео. Противоположнаго направленiя придерживался Генрихъ Лео, плодотворный протестантскій историкъ, отличавшійся обширными познанiями и нетвердыми убѣжденiями; онъ сначала съ нѣкоторою объективностью обработалъ исторію Италіи для «Исторiи европейскихъ государствъ» Геерена и Укерта, но въ послѣдствіи, въ своемъ «Учебникѣ всеобщей исторiи» нападалъ съ ожесточеніемъ доминиканца на просвѣщеніе, появившееся на свѣтъ вслѣдствіе реформаци и революціи. Онъ усматривалъ счастье народовъ не въ умѣнны пользоваться легальной свободой, а въ исходящей отъ Бога, власти правителя, окруженнаго многочисленнымъ духовенствомъ. Онъ принадлежалъ къ ретроградной романтико-исторической школѣ, находившей свой идеалъ въ христiанско-консервативныхъ воззрѣнiяхъ Фр. Шлегеля, Генца, Галлера.—Такихъ-же основныхъ воззрѣній придерживались два протестантскихъ теолога Фр. Гуртеръ и Авг. Фр. Гфререръ; при обработкѣ своихъ сочиненій объ исторіи церкви они до такой степени освоились съ идеями романтиковъ, что перешли

Гуртеръ. въ католическую вѣру. Въ своей исторіи папы Иннокентія III Гуртеръ описалъ широкую дѣятельность католической церкви въ началѣ тринадцатаго столѣтія съ такимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ къ папскому авторитету, что снискалъ милостивое расположеніе римской курии; даже до его перехода въ католическую вѣру, въ то время, какъ онъ занималъ въ Шафгаузенѣ должность главнаго протестантскаго пастора, его вызывали въ Римъ, какъ одного изъ тайныхъ агентовъ высшаго католическаго трибунала, для участiя въ выборахъ католическихъ должностныхъ лицъ и миссіонеровъ; онъ въ теченіе многихъ лѣтъ не стыдился такого двоедушнаго образа дѣйствій, пока другіе члены протестантскаго духовенства и общее негодованіе не заставили его отказаться отъ его должности. Его сочиненіе «Рожденіе и возрожденіе. Воспоминанiя изъ моей

жизни» не можетъ ни въ чьихъ глазахъ служить оправданіемъ его лицемѣрія. Назначенный исторіографомъ въ Вѣну, онъ выразилъ свою признательность австрійскому императору изданіемъ много- томнаго сочиненія «Исторія Фердинанда II и его родителей». — За- нимаемый въ Штутгартѣ должность бібліотекаря, Гфрѣреръ былъ Гфрѣреръ. авторомъ сочиненія «Шведскій король Густавъ Адольфъ»; онъ смо- 1803—1861. трѣлъ на значеніе германскаго императора съ точки зрѣнія Гибел- линовъ, поэтому тамъ, гдѣ шла рѣчь о Тридцатилѣтней войнѣ, обнаруживалъ сочувствіе къ интересамъ католицизма, совпадавшимъ съ интересами германскихъ императоровъ. Приглашенный на долж- ность профессора во фрейбургскомъ университетѣ, онъ перешолъ въ католическую вѣру и въ своемъ семитомномъ сочиненіи «Григо- рій VII и его время» описывалъ историческія событія съ католи- ческой точки зрѣнія. И остальные его сочиненія о церковной исто- ріи и о временахъ Каролинговъ свидѣтельствуютъ о его неспособ- ности излагать богатый запасъ свѣдѣній въ сколько нибудь сносной формѣ. — Таковъ же былъ ходъ умственнаго развитія Онно Клоппа, уроженца Восточной Фризландіи. Уже въ своей исторіи этой про- винціи онъ обнаружилъ свою ненависть къ Пруссіи; свою привя- занность къ интересамъ Вельфовъ онъ обнаружилъ тѣмъ, что въ 1866 году сопровождалъ короля Георга въ Вѣну; онъ мало по малу усвоилъ католическія воззрѣнія, которыя наконецъ побудили его перейти въ католическую вѣру и которыхъ онъ придерживался да- же въ своемъ четырехъ-томномъ историческомъ сочиненіи «Паденіе дома Стюартовъ». Его ученія заслуги заключаются въ томъ, что для изданія историко-политическихъ сочиненій Лейбница онъ из- влекъ много цѣннаго матеріала изъ ганноверскаго архива. — Горя- чимъ поборникомъ ультрамонтанскихъ воззрѣній является въ на- стоящее время франкфуртскій преподаватель гимназіи Іоаннъ Янс- сенъ, которому не давали спокойно спать лавры Гуртера и Клоппа. Вслѣдъ за нѣсколькими мелкими сочиненіями, онъ изложилъ въ «Исторіи нѣмецкаго народа съ окончанія Среднихъ вѣковъ» ходъ реформациі съ новокатолической точки зрѣнія. По его мнѣнію, ре- формация виновна во всѣхъ общественныхъ бѣдствіяхъ нашего вре- мени, такъ какъ отпаденіе отъ католической церкви ввергло рабо- чій классъ въ нищету и создало пролетаріатъ. — Въ консерватив- номъ духѣ написаны и историческія сочиненія Карла Ад. Менцеля, Менцель. профессора въ Бреславлѣ; главное изъ этихъ сочиненій — *Neuere Ge- 1784—1873. schichte der Deutschen von der Reformation bis zur Bundesakte*. Вслѣдствіе своего несочувствія ко всякимъ измѣненіямъ въ суще- ствующемъ строѣ государственныхъ и церковныхъ учреждений, онъ смотритъ на новѣйшую исторію съ католической точки зрѣнія, а иногда чуть не является поборникомъ папской власти. Однако онъ еще не дошелъ до отпаденія отъ евангелическо-протестантской цер-

кви и до отрицанія ея ученія. Его сочиненія по нѣмецкой исторіи построены на основательномъ изученіи источниковъ и, не смотря на свой сухой, неуклюжій слогъ, пользуются уваженіемъ и очень распространены.

- Между тѣмъ какъ въ произведеніяхъ этихъ историковъ серьезная и гордая муза исторіи нерѣдко исполняетъ обязанности прислужницы въ преддвѣріи римской церкви, напротивъ того другіе писатели вѣрнѣе понимали свою задачу, описывая историческія событія всѣхъ временъ въ ихъ настоящемъ видѣ. А. Г. Л. Гееренъ изложилъ не-
 1760—1842. мало новыхъ воззрѣній на многостороннюю дѣятельность древнихъ народовъ въ своихъ *Ideen über Politik, Verkehr und Handel der Alten Welt* и въ своей *Geschichte der Staaten des Altertums*; и его *Geschichte des europäischen Staatensystems und Seiner Kolonien* заключаетъ въ себѣ много дальнозоркихъ замѣчаній. Вмѣстѣ съ Укертомъ онъ основалъ обширный сборникъ *Geschichte der europäischen Staaten*. Э. Вильг. Ваксмуть, работавшій въ Лейп-
 1784—1866. цигѣ, обнаружилъ глубокую ученость въ описаніи эллинской древности, эпохи французской революціи и положенія культуры у различныхъ народовъ въ различные времена. Подобно Ваксмуту и Кортюмъ. Фр. Кортюмъ принадлежалъ къ числу историковъ, отличавшихся
 1788—1858. глубокой ученостью. Цѣлый рядъ сочиненій (*Römische Geschichte, Geschichte Griechenlands, Geschichte des Mittelalters*) доказываетъ, что бывши профессоромъ сначала въ Швейцаріи, потомъ въ Гейдельбергѣ, Кортюмъ былъ какъ у себя дома во всѣхъ сферахъ исторіографіи. Но ему не доставало милостиваго расположенія грацій. Дальманнъ. Уроженецъ Висмара, Фридр. Христофъ Дальманнъ былъ однимъ
 1785—1860. изъ самыхъ выдающихся теоретическихъ политиковъ новаго времени; въ своей «Исторіи Даніи» онъ выказалъ свое остроуміе и ученость; въ «Исторіи англійской и французской революціи» онъ является въ одно и то-же время и политикомъ и историкомъ, стараясь объяснить государственнымъ дѣятелямъ, которой изъ старыхъ формъ управленія они должны отдавать предпочтеніе. Онъ занималъ должность профессора въ Копенгагенѣ, въ Килѣ, въ Гёттингенѣ; его дѣятельность была прервана его увольненіемъ вслѣдствіе отказа отъ принесенія присяги во время нарушенія въ 1837 году ганноверской конституціи (стр. 250); но онъ скоро сталъ продолжать ее въ Боннѣ. О томъ, какую роль онъ игралъ во франкфуртскомъ имперскомъ парламентѣ, мы уже говорили ранѣе. Онъ умеръ 5 декабря 1860 всѣми уважаемый и за свою твердость характера и за свою многостороннюю ученость. — Генр. Люденъ, занимавшій должность профессора въ
 1780—1847. Іенѣ, былъ авторомъ многочисленныхъ историческихъ сочиненій (*Allgemeine Geschichte der Völker und Staaten des Altertums und des Mittelalters*; недоконченная *Geschichte des deutschen Volks*; *Nemesis, Zeitschrift für Politik und Geschichte*); въ его посмерт-

номъ сочиненіи *Rückblicke in mein Leben* есть много интересныхъ замѣчаній о дѣятеляхъ и о событіяхъ его времени. — Родившійся въ 1786 году въ Баттенгаузенѣ, въ Мейнингенскихъ владѣніяхъ, Іоаннъ Фойгтъ былъ долго профессоромъ въ кѣнигсбергскомъ университетѣ І. Фойгтъ.
и написалъ нѣсколько сочиненій по средне-вѣковой исторіи, между 1786—1863.

которыми занимаетъ первое мѣсто *Geschichte Preussens unter der Herrschaft des Deutschen Ordens*. Его сынъ Георгъ Фойгтъ (род. въ 1827), занимающій въ настоящее время должность профессора въ Лейпцигѣ, избралъ предметомъ своихъ историческихъ изслѣдованій средневѣковую общественную жизнь (*Die Wiederbelebung des klassischen Altertums oder das erste Jahrhundert des Humanismus. Enea Silvio de Piccolomini als Papst Pius II und sein Zeitalter*).

Густ. Ад. Штенцель, служившій въ своей молодости въ рядахъ Штенцель.
бойцевъ за освобожденіе Германіи, а въ концѣ своей жизни бывшій 1792—1854.

членомъ франкфуртскаго имперскаго парламента, читалъ лекціи въ Бреславльскомъ университетѣ и написалъ нѣсколько сочиненій по исторіи Германіи (*Geschichte Deutschlands unter den fränkischen Kaisern; Geschichte des preussischen Staats; Geschichte Schlesiens*). — Фридр. ф. Раумеръ написалъ «Исторію Гогенштауфеновъ

и ихъ временіи» съ романтическимъ сочувствіемъ къ Среднимъ вѣ- Раумеръ.
камъ, а Леонольдъ ф. Ранке сдѣлался основателемъ исторической 1781—1873.

школы, имѣвшей въ Германіи многочисленныхъ учениковъ и послѣ- Ранке.
дователей; онъ старался съ помощью новыхъ изслѣдованій выяснить 1795—1886.

причины внутреннихъ смутъ, происходившихъ въ эпоху реформациі въ Германіи, въ Италіи (*Die römischen Päpste*), во Франціи и въ Англіи. Соединяя богатство собраннаго матеріала съ его прекрасной обработкой и съ остроумнымъ историческимъ воззрѣніемъ, Ранке довелъ искусство историческаго изложенія до высокой степени совершенства. Его историческія сочиненія — настоящія художественныя произведенія, созданныя съ любовью и потому возбуждающія и въ читателѣ чувство довольства. Онъ ненадолго останавливается на трагическихъ событіяхъ и очень далѣкъ отъ пессимистическаго міровоззрѣнія. Но подъ изящной гладкостью его слога нерѣдко скрываются мужественная энергія и нравственное негодованіе, а подъ объективнымъ спокойствіемъ его изложенія нерѣдко замѣтна горячность собственныхъ убѣжденій. Онъ умѣетъ искусно соединять отдѣльныя черты характера въ цѣльныя характеристики, но у него нѣтъ никакихъ признаковъ стоической строгости Тацита или Шлоссера.

Изъ школы Ранке и его непосредственныхъ учениковъ вышло нѣсколько извѣстныхъ въ настоящее время историковъ, произведенія которыхъ уже были перечислены въ отдѣлахъ литературныхъ пособій. Кромѣ трудолюбивыхъ сотрудниковъ въ журналахъ *Monumenta* и *Jahrbücher des Deutschen Reichs*, Руд. Кёпке и Фил. Іаффэ (оба умерли въ 1870), занимались историческими трудами: въ Боннѣ и въ Лейпцигѣ Мауренбрехеръ, въ Лейп-

цигъ К. Ф. Ноорденъ (ум. въ 1883), въ Іенѣ А. Шмидтъ, въ Эрлангенѣ К. Гегель, въ Мюнхенѣ и въ Гёттингенѣ А. Клукогнъ, въ Гейдельбергѣ Э. Винкельманнъ и Б. Эрдманнедёрфферъ, въ Вюрцбургѣ Ф. Х. Вегеле, въ Страсбургѣ Г. Баумгартенъ. Фонъ Зибель различаетъ три періода въ ученой дѣятельности своего наставника Ранке: первый періодъ заканчивается тридцатымъ годомъ жизни Ранке, а характеристикой его служатъ особенности перваго большаго сочиненія этого историка *Geschichte der germanischen und romanischen Völker*. Здѣсь прежде всего бросается въ глаза стараніе наглядно изображать яркими красками пеструю вереницу разнообразныхъ историческихъ явленій. Ранке пишетъ *sine ira et studio*. Къ описываемымъ имъ личностямъ онъ относится хладнокровно. Онъ заботится только о вѣрномъ описаніи событій и дѣятельности выдающихся личностей. Второй періодъ начинается съ переезда Ранке въ Берлинъ и продолжается до шестидесятаго года его жизни. Сочиненія, относящіеся къ этому періоду, отличаются отъ остальныхъ преимущественно тѣмъ, что въ нихъ видно стараніе находить конечные результаты, къ которымъ ведутъ описываемыя явленія, а въ жизни и въ дѣятельности индивидуумовъ и цѣлыхъ народовъ находятъ господствующіе въ нихъ вѣчные законы. Онъ изслѣдуетъ, чѣмъ связано каждое отдѣльное событіе съ общимъ ходомъ событій. Хладнокровный объективный рассказъ отступаетъ на задній планъ, а идея вступаетъ въ свои права. Ранке все чаще и чаще указываетъ на проявленія воли Божіей въ ходѣ историческихъ событій. Къ этому періоду относится плодотворная профессорская дѣятельность Ранке. Такъ какъ онъ былъ врагъ теперешней манеры всё специализировать, то онъ постоянно дѣлалъ въ своихъ лекціяхъ обзоры обширныхъ историческихъ отдѣловъ, стараясь пробуждать въ своихъ слушателяхъ склонность къ историческимъ обобщеніямъ. Самые способные изъ его учениковъ могли приобретать нужныя для нихъ спеціальныя познанія, поступая въ члены историческихъ обществъ. Третій періодъ въ дѣятельности Ранке, какъ историка, былъ дальнѣйшимъ развитіемъ предшествующаго. Ранке все болѣе и болѣе интересуется идеями, господствовавшими въ ту или другую эпоху, такъ какъ господствующая въ данное время идея всецѣло отражается въ человеческой дѣятельности и передаетъ событіямъ свою форму и свое направленіе. Въ глубокой старости Ранке началъ писать всемірную исторію, которая не была доведена до конца.

Гервинусъ. Другъ и единомышленникъ Дальмана, дармштадтскій уроженецъ 1805—1871. Георгъ Готфр. Гервинусъ написалъ «Исторію поэтической національной литературы Нѣмцевъ» или, какъ гласитъ заглавіе четвертаго изданія, «Исторію нѣмецкой поэзіи»; это сочиненіе всегда будетъ считаться украшеніемъ нѣмецкой литературы; за тѣмъ въ своемъ сочиненіи о Шекспирѣ Гервинусъ старался, въ эпоху внутренней неурядицы, освѣжить умы нѣмецкой націи указаніями на гармоническую творческую дѣятельность этого великаго и яснаго ума. Въ своемъ «Введеніи къ исторіи девятнадцатаго столѣтія» онъ, слѣдуя указаніямъ Аристотеля, старался опредѣлить характеръ будущихъ историческихъ событій на основаніи теченія такихъ событій въ древности и въ Средніе вѣка. А сама «Исторія девятнадцатаго столѣтія», вышедшая при жизни автора въ восьми томахъ и обнимающая періодъ времени съ 1815 до 1830 года, есть мастерское про-

изведеііе какъ по основательности историческихъ изслѣдованій, такъ и по благородному тону изложенія. — Гр. Генрихъ Пертцъ описалъ великую эпоху въ своихъ біографіяхъ барона Штейна и фельдмаршала Гнейзенау, а изданіемъ источниковъ для изученія нѣмецкой исторіи (*Monumenta Germaniae historica*) подготовилъ почву для нѣмецкой исторіографіи.

Пертцъ.
1795—1876.

Лудв. Гейссеръ написалъ «Исторію Рейнскаго Пфальца» и «Исторію Германіи отъ смерти Фридриха Великаго до основанія германскаго союза»; его публичныя лекціи о вѣкѣ реформаци и о французской революціи привлекали многочисленныхъ слушателей; онѣ изданы его ученикомъ Оякеномъ. — Генрихъ ф. Трейчке былъ приглашенъ въ Гейдельбергъ на профессорскую должность, сдѣлавшуюся вакантною со смертію Гейссера; онъ былъ редакторомъ журнала *Preussische Jahrbücher* и мужественно доказывалъ необходимость преобразованія германскаго государственнаго устройства подъ руководствомъ Пруссіи. Онъ былъ впослѣдствіи вызванъ въ Берлинъ и написалъ «Исторію Германіи въ девятнадцатомъ столѣтіи», вызвавшую общее одобреніе, не смотря на то, что нѣкоторые критики упрекали автора въ рѣзкой односторонности его прусско-нѣмецкой точки зрѣнія при оцѣнкѣ историческихъ дѣятелей и событій. — Генр. ф. Зибель былъ профессоромъ въ Боннѣ, а потомъ былъ приглашенъ въ Берлинъ для завѣдыванія тамошнимъ архивомъ; онъ основалъ журналъ *Historische Zeitschrift*, съумѣлъ съ прозорливостью критика разрѣшить нѣкоторые темныя и трудныя историческіе вопросы и при своей профессорской и политической дѣятельности нашолъ достаточно свободнаго времени, чтобъ написать «Исторію революціи». Дѣятельнымъ сотрудникомъ въ журналѣ *Historische Zeitschrift* былъ Арнольдъ Шеферъ, написавшій обширное сочиненіе о Демосоенѣ и «Исторію семилѣтней войны». — Георгъ Вайцъ написалъ исторію своего отечества — Шлезвигъ-Гольштиніи, изъ которой былъ выгнанъ Датчанами; съ этимъ сочиненіемъ находится въ тѣсной связи другое его сочиненіе — *Lübeck unter Jürgen Wullenweber*; кромѣ того, онъ въ своей «Исторіи германской конституціи» старался объяснить, на основаніи надежныхъ источниковъ, причины внутренней неурядицы, господствовавшей въ Германіи въ Средніе вѣка. Онъ провелъ большую часть своей жизни въ Гёттингенѣ, откуда былъ впослѣдствіи вызванъ въ Берлинъ, чтобъ руководить изданіемъ журнала *Monumenta Germaniae*. — Густавъ Дройзенъ, Максъ Дункеръ и Теодоръ Моммсенъ занимались преимущественно древней исторіей и литературой; первый изъ нихъ перевелъ на нѣмецкій языкъ произведенія Аристофана, въ своей «Исторіи Александра Великаго» живо охарактеризовалъ личность этого героя, въ «Исторіи эллинизма» старался освѣтить темную эпоху владычества Діадоховъ, наконецъ въ болѣе близкое къ намъ время изложилъ «Исторію прусской политики» и

Гейссеръ.
1818—1867.

Трейчке,
род. 1834.

Зибель,
род. 1817.

Вайцъ.
1813—1886.

Дройзенъ.
1808—1884.

«Біографіей Йорка» воздвигнулъ памятникъ этому энергичному про-
 тивнику французскаго владычества надъ Германіей. Дункеръ напи-
 саль «Исторію древности»; въ этомъ предпріятіи былъ его достой-
 нымъ соперникомъ Э. Курціусъ («Исторія Греціи»). Наконецъ Момм-
 сенъ мастерски изложилъ «Римскую Исторію» на основаніи тща-
 тельнаго изученія всѣхъ находящихся на лицѣ историческихъ па-
 мятниковъ и въ особенности надписей. Вильг. Гизебрехтъ опи-
 саль въ своей «Исторіи германской имперіи» положеніе нѣмецкой
 націи подъ властью саксонскихъ, франкскихъ и гогенштауфен-
 скихъ правителей. Сынъ извѣстнаго филолога Грегора Вильг. Ницша
 и племянникъ теолога Карла Им. Ницша, К. В. Ницшъ, равно какъ
 Вильг. Ваттенбахъ, приобрѣли репутацію ученыхъ исторіографовъ —
 первый своими сочиненіями о Тракхахъ, второй своимъ сочиненіемъ
 объ источникахъ для изученія исторіи Германіи въ Средніе вѣка;
 продолжателемъ этого труда былъ Оттокаръ Лоренцъ. Фр. К. Би-
 дерманнъ, отличавшійся многосторонней дѣятельностью, какъ про-
 фессоръ, публицистъ и политикъ, описаль умственную и обществен-
 ную жизнь нѣмецкой націи въ обширномъ сочиненіи «Германія въ
 восемнадцатомъ столѣтіи», а въ другомъ сочиненіи «Тридцать лѣтъ
 нѣмецкой исторіи» (1840—1870) описаль историческія событія, ко-
 торыя совершались на его глазахъ и въ которыхъ онъ самъ участвовалъ.

Бартольдъ Георгъ Нибуръ, сынъ знаменитаго путешественника Карстена
 Нибура (XIII, 488), родился въ Копенгагенѣ 27 августа 1776; окончивши
 изученіе юриспруденціи въ гёттингенскомъ университетѣ и проживши до-
 вольно долго въ Эдинбургѣ, онъ поступилъ на государственную службу
 сначала въ Даніи, потомъ въ Пруссіи; наряду съ своими практическими
 трудами онъ постоянно занимался науками, а своими брошюрами во время
 владычества Наполеона старался, при содѣйствіи барона Штейна, возбу-
 ждать патріотическія чувства въ своихъ соотечественникахъ. Съ 1816 до
 1823 года онъ жилъ въ Римѣ въ званіи прусскаго посланника, постоянно
 занимаясь учеными изслѣдованіями древности; остальную часть своей
 жизни онъ провелъ въ званіи профессора въ Боннѣ, гдѣ вмѣстѣ съ Са-
 виньи, Эйхгорномъ и др. занимался исторіей юриспруденціи и читаль
 лекціи (впослѣдствіи появившіяся въ печати) о всѣхъ странахъ и наро-
 дахъ древняго міра. Число его сочиненій историческаго, археологическаго
 и филологическаго содержанія очень значительно. Мучимый грустными пред-
 чувствіями послѣдствій, которыя будетъ имѣть для Германіи французская
 іюльская революція, онъ умеръ 2 января 1831. — Фр. Христ. Шлоссеръ
 родился 17 ноября 1776 въ Леверѣ; послѣ окончанія курса наукъ въ гёт-
 тингенскомъ университетѣ и непродолжительной дѣятельности преподава-
 теля въ своемъ родномъ городѣ, онъ провелъ большую часть своей жизни
 въ южной Германіи — сначала во Франкфуртѣ въ званіи домашняго учи-
 теля и профессора гимназій, а съ 1817 года въ званіи профессора въ Гей-
 дельбергѣ, гдѣ и умеръ 23 сентября 1861. О его обширныхъ познаніяхъ
 во всѣхъ сферахъ историческихъ наукъ свидѣлствуютъ, кромѣ его со-
 чиненій по всеобщей исторіи, и многіе другіе труды, которые онъ частію
 помѣщалъ въ *Archiv für Geschichte und Litteratur* (этотъ журналъ онъ из-

давалъ вмѣстѣ съ Берхтомъ), частію печаталъ отдѣльными изданіями (*Leben des Theodor de Beza und des Petr. Martyr Vermili*). — К. Ф. Роттекъ родился 18 іюля 1775 во Фрейбургѣ въ Бризгау; въ 1798 году онъ занялъ въ тамошнемъ университетѣ должность профессора исторіи, которую потомъ промѣнялъ на должность профессора юриспруденціи и государственнаго права. Состоя членомъ баденскаго сейма, онъ былъ вмѣстѣ съ Велькеромъ и Ицштейномъ вождемъ либеральной партіи, воззрѣнія которой излагалъ какъ въ своей „Всеобщей Исторіи“, такъ и во многихъ другихъ публицистическихъ, историческихъ и юридическихъ сочиненіяхъ. Самое сильное вліяніе на политическое направленіе либеральной партіи имѣли періодическія и энциклопедическія изданія *Der Freisinnige*, *Staatslexikon*, которыми Роттекъ занимался вмѣстѣ съ Велькеромъ. За свою политическую дѣятельность Роттеку нерѣдко приходилось выносить отъ правительства оскорбительныя униженія. Даже памятникъ, который былъ ему воздвигнутъ послѣ его смерти въ его родномъ городѣ, былъ долго снятъ съ своего мѣста. — Карль Авг. Варнгагенъ фонъ Энзе, родившійся въ 1785 году въ Дюссельдорфѣ, находился въ близкихъ сношеніяхъ съ Шамиссо, съ братьями Шлетелями, съ Фихте еще въ то время, какъ былъ студентомъ берлинскаго университета. Въ 1809 году онъ вступилъ въ австрійскую военную службу и участвовалъ въ сраженіяхъ при Ашнернѣ и при Ваграмѣ. Находясь въ дружескихъ сношеніяхъ съ Штейномъ, съ Юст. Грунеромъ и съ прусскими патріотами, онъ принималъ участіе въ войнахъ за освобожденіе Германіи, но служилъ въ русской арміи: онъ былъ адъютантомъ Теттенборна, военные подвиги котораго впослѣдствіи описалъ. Поступивши въ прусскую службу по дипломатической части, онъ сопровождалъ государственнаго канцлера Гарденберга на вѣнскій конгрессъ, а потомъ въ Парижъ. Съ 1819 онъ жилъ болѣею частію въ Берлинѣ безъ всякой должности съ чиномъ дѣйствительнаго легаціоннаго совѣтника (*Geheim Legationsrath*). Его *Deutschen Erzählungen*, *Vermischten Gedichte*, *Geistlichen Sprüche des Angelus Silesius* написаны въ романтическомъ направленіи. Между его „Достопримѣчательностями“ и біографіями болѣе всѣхъ другихъ заслуживаютъ упоминанія: *Biographische Denkmale*, *Leben des Generals Winterfeldt*, *Leben der Königin von Preussen, Sophie Charlotte*, *Leben des Feldmarschalls Keith*, *Hans von Held*. Его переписка и бесѣды съ Александромъ Ф. Гумбольдтомъ, изданныя послѣ смерти этого послѣдняго, и его собственный дневникъ, изданный послѣ его смерти его племянницей Людмилой Ассиной, возбуждали сильный интересъ рѣзкостью сужденій о высокопоставленныхъ людяхъ и даже послужили поводомъ для протестовъ; они представляютъ цѣнный сборникъ интересныхъ свѣдѣній о дѣятеляхъ и о порядкахъ того времени. Произведенія Варнгагена отличаются такимъ тщательно выглаженнымъ прозаическимъ слогомъ, подъ которымъ нерѣдко сглаживаются и отличительныя черты характеровъ, но они свидѣтельствуютъ о самостоятельности воззрѣній автора и о юношеской свѣжести его ума.

Варнгагенъ
фонъ Энзе.
1785—1858.

5. Юриспруденція.

И юриспруденція не могла избѣжать вліянія тогдашняго настроенія Философское умовъ, не смотря на то, что эта наука черпаетъ свое содержаніе изъ та- воззрѣніе на кихъ источниковъ, которые, по видимому, имѣютъ прочно установив- юриспруденцію. шійся характеръ, неподдающійся случайнымъ впечатлѣніямъ. Въ концѣ прошлаго столѣтія, въ эпоху просвѣщенія и философіи, обнаружи-

лись стремленія къ преобразованіямъ и въ области законовѣдѣнія; тогда стали заниматься кодификаціей мѣстныхъ законовъ и въ Баваріи, и въ Пруссіи, и въ Австріи, а постановленія кодекса Наполеона были самымъ яркимъ выраженіемъ тѣхъ стремленій; но съ начала текущаго столѣтія стало обнаруживаться преобладаніе романтизма, реставраціи и легитимизма: оно выразилось въ уваженіи къ историческому прошлому, къ стариннымъ учрежденіямъ и въ особенности въ стараніи оберегать всѣ національныя особенности. Въ первую изъ этихъ двухъ эпохъ господствовало основное воззрѣніе, что государственная власть есть предназначенный для господства разумъ всей націи и что, въ качествѣ органа всей націи, она можетъ, съ помощью философіи, давать неизмѣнную организацію всей общественной жизни; такимъ образомъ, естественное право или такъ называемое философское право считалось коренной основой и главнымъ источникомъ научныхъ познаній о государственномъ правѣ и о юриспруденціи; напротивъ того, во вторую эпоху обнаружилось стараніе выбирать изъ римскихъ, каноническихъ и германскихъ законовъ всѣ способные къ жизни элементы, всѣ уцѣлѣвшіе догматы, постановленія и учрежденія, чтобъ извлекать изъ нихъ пользу для новыхъ поколѣній и сохранять для потомства. Подобно языку, и законы были признаны за продукты народнаго ума; тогда и законы, точно такъ же, какъ языкъ, стали считаться за вполне выраженное пониманіе современныхъ условій жизни, обусловленное изученіемъ прошлаго. Поэтому юриспруденція стала развиваться въ одномъ направленіи съ духомъ времени. Такъ какъ стремленіе къ реформамъ, обнаружившееся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій прошлаго столѣтія, объясняется главнымъ образомъ, разложеніемъ отжившаго свое время строя государственныхъ и общественныхъ учрежденій, то на него слѣдуетъ смотрѣть, какъ на необходимую борьбу разсудка съ устарѣлыми, невыносимыми общественными недугами; поэтому, понятно, что и въ сферѣ юриспруденціи обнаружилось стараніе спастись отъ варварства съ помощью острыхъ орудій разсудка и философіи и водворить господство тѣхъ законовъ, которые родились вмѣстѣ съ нами. Юриспруденція до такой степени погрязла въ безсодержательномъ формализмѣ, въ пошломъ педантствѣ, въ безплодномъ преклоненіи передъ авторитетами, что раціоналистическая теорія естественнаго права не только была умѣстной, но и не встрѣтила серьезныхъ препятствій. «Существующіе порядки казались такими бессмысленными, что отъ ихъ умственной пустоты люди стали искать спасенія въ области абстракцій, стали мечтать объ идеальномъ государствѣ и о вѣчныхъ одинакихъ законахъ для всего человѣчества, а эти законы стали составлять на основаніи невѣрныхъ понятій о положительномъ правѣ».

Новые пути. Но хотя эта реформаторская дѣятельность и была несомнѣнно

плодомъ прогресса, ея направленіе было такимъ одностороннимъ, что она могла считаться лишь за переходную ступень. На ея почвѣ развились тѣ люди, которые, подобно гёттингенскому ученому Густаву Гюго, іенскому Гейзе, гейдельбергскому Тибо, вызвали болѣе глубокое и основательное изученіе юриспруденціи, примѣнивши къ ней тѣ результаты и методы, которые были выработаны въ другихъ научныхъ сферахъ. «Но всѣ эти ученые въ сущности еще стояли на почвѣ стараго радикализма; хотя они и придавали исторіи права болѣе высокую цѣну, чѣмъ ихъ предшественники, но они считали главной задачей юриспруденціи примѣненіе философскаго метода, стараясь согласовать законы Юстиніана съ требованіями здраваго человѣческаго разсудка». Романтическая школа, пробудившая вмѣстѣ съ разными болѣзненными и нелѣпыми влеченіями не мало и благородныхъ стремленій и умѣвшая откапывать въ далекомъ прошедшемъ цѣнныя сокровища для обогащенія и украшенія настоящаго времени, оказала свое возбуждающее вліяніе и на юриспруденцію. Она присовокупила къ критико-философскому направленію болѣе глубокія историческія изслѣдованія, стала внимательно изучать характеръ и отличительныя особенности различныхъ народовъ и различныхъ вѣковъ и выставила въ настоящемъ свѣтѣ старыя понятія и воззрѣнія; послѣдствіемъ этого было то, что сочувствовавшіе романтическому направленію законовѣдцы поставили юриспруденцію на такую высоту, какой она не достигала ранѣе. Между этими законовѣдцами занимаетъ выдающееся положеніе Фридр. Карлъ Ф. Савиньи; онъ происходилъ отъ рыцарскаго семейства, переселившагося изъ Верхней Лотарингіи въ Германію, родился во Франкфуртѣ на М. и прославился въ качествѣ профессора, читавшаго свои лекціи въ Марбургѣ, въ Ландсгутѣ и въ Берлинѣ; впослѣдствіи онъ былъ государственнымъ дѣятелемъ, министромъ и главою исторической школы законовѣдѣнія, открывшей новую эру въ изученіи юриспруденціи. Своимъ остроумнымъ сочиненіемъ «Право владѣнія» онъ создалъ образецъ настоящаго метода юридическихъ изслѣдованій, а своими двумя главными сочиненіями («Исторія римскаго права въ Средніе вѣка» и «Система теперешняго римскаго права») онъ создалъ твердую основу для историческаго и догматическаго изложенія этой главной отрасли законовѣдѣнія.

Съ паденіемъ Наполеона и съ основаніемъ германскаго союза возникли въ государственной жизни и въ законодательной дѣятельности новыя цѣли и направленія, отразившіяся и на наукахъ. Въ своей знаменитой брошюрѣ «О необходимости общаго гражданскаго права для Германіи» Тибо настойчиво рекомендовалъ составленіе нѣмецкаго гражданскаго кодекса; напротивъ того, Савиньи отговаривалъ отъ этого предпріятія въ своемъ небольшомъ сочиненіи *Über den Beruf unsrer Zeit, zur Gesetzgebung und Rechtswis-*

Гюго.

1764—1844.

Историческая школа законовѣдѣнія.

Савиньи.

1779—1861.

Споръ о кодификаціи.

Тибо.

1772—1840.

senschaft; онъ доказывалъ, что настоящее національное законодательство каждаго народа не можетъ быть продуктомъ законодательной мудрости, а подобно его языку, его искусству и правамъ является органическимъ продуктомъ народнаго ума и результатомъ законодательной дѣятельности всѣхъ вѣковъ. Въ этомъ разномысліи не трудно усмотрѣть зародыши и корни стараго двойственнаго на- правленія, но уже достигнувшіе такого высокаго развитія, при ко- торомъ оказывается возможнымъ ихъ примиреніе. Оба направленія находили для себя опору въ широкомъ развитіи образованія и зако- новѣдѣнія, оба придерживались научнаго философско-историческаго метода, оба стремились къ одной патріотической цѣли; они расхо- дились только въ разрѣшеніи вопроса, что слѣдуетъ считать за высшее выраженіе національнаго права, за настоящую цѣль и объ- ектъ законовѣдѣнія—совокупность-ли понятій о правѣ, сохранив- шихся въ народныхъ нравахъ, въ обычномъ правѣ, въ традиціяхъ и въ старыхъ учрежденіяхъ, или-же продуктъ законодательной дѣя- тельности, находящей для себя опору въ наукѣ, въ правительствен- ной власти и во всѣхъ средствахъ, доставляемыхъ разсудкомъ, опы- томъ и интеллигенціей.

Процвѣтаніе римскаго зако- новѣдѣнія. Это была такая междоусобная война, которая принесла юриспру- денціи большую пользу и въ которой приходилось праздновать только побѣды и не скорбѣть ни о какихъ пораженіяхъ. Оба соперника удер- жали за собою поле битвы и вмѣстѣ сложили пріобрѣтенную добычу въ безопасное мѣсто. Они испробовали на дѣлѣ свое оружіе и вслѣдъ за тѣмъ воспользовались имъ для дальнѣйшихъ завоеваній. Исторія съ своими вспомогательными науками критикой и герменевтикой, фи- лологіей и археологіей помогла имъ распредѣлить въ надлежащемъ порядкѣ и очистить собранный матеріалъ, а правильный философскій методъ привелъ ихъ къ положительнымъ выводамъ; но имъ еще предстояло разрѣшить, съ помощью разсудка и философіи, важную задачу—съ пользою примѣнить къ практической жизни плоды своей умственной работы, своихъ тщательныхъ и прилежныхъ изслѣдова- ній. Благодаря накопившемуся запасу умственныхъ силъ и опыта, ученые стали достроивать великое зданіе юриспруденціи и не смотря на то, что имъ приходилось тратить свое время на разработку мел- кихъ подробностей, они не теряли изъ виду основныхъ правилъ и цѣлей своей работы. Хотя Савиньи и Тибо и несходились въ сво- ихъ воззрѣніяхъ на задачи современной законодательной дѣятель- ности, но они оба старались и своими университетскими лекціями и своими сочиненіями дать правильное понятіе о римскомъ правѣ, излагали исторію его возникновенія, развитія, окончательной обра- ботки и вліянія во всѣ вѣка, а на основаніи отдѣльныхъ статей пандектовъ создавали руководство для урегулированія всѣхъ граж- данскихъ правъ и взаимныхъ отношеній въ общественной жизни.

Вожди романистовъ нашли благороднаго сотрудника въ лицѣ вышеупомянутаго историка Нибура, который «благодаря своимъ прозорливымъ изслѣдованіямъ, опиравшимся на самый богатый запасъ знаній, не только освѣтилъ неожиданнымъ свѣтомъ внутреннее развитіе римскихъ учреждений, но съ помощью выработаннаго этимъ путемъ метода имѣлъ чрезвычайно благотворное вліяніе и на всю область историческихъ наукъ». По стопамъ этихъ руководителей шли болѣе молодые ученые, которые сберегали и увеличивали накопившійся запасъ знаній, излагали исторію римскаго права въ многочисленныхъ руководствахъ и учебникахъ, распредѣляли по собственнымъ системамъ и освѣщали заключающійся въ *Corpus juris* юридическій матеріалъ, или-же разрабатывали въ особыхъ статьяхъ отдѣльныя теоріи и юридическіе вопросы. Въ Гейдельбергѣ работалъ К. А. ф. Вангеровъ, замѣнившій Тибо въ званіи профессора римскаго права; Ф. Вангеровъ. 1808—1870. этотъ романистъ пользовался до самой смерти самымъ глубокимъ уваженіемъ во всей Германіи; римское законодательство преподавали по системѣ Савиньи и Нибура: въ Боннѣ Эд. Бёкингъ и Ферд. Вальтеръ, въ Тюбингенѣ и въ Лейпцигѣ К. Г. ф. Вехтеръ; своими трудами по исторіи и догматикѣ освѣщали всю обширную область римскаго права: въ Берлинѣ Г. Фр. Пухта, Ф. Л. Келлеръ и Бетманиъ-Гольвегъ, въ Гиссенѣ, въ Вѣнѣ и въ Гёттингенѣ Игерингъ, въ Мюнхенѣ, въ Гейдельбергѣ и въ Лейпцигѣ Виндшейдъ, въ Прагѣ, въ Тюбингенѣ, въ Мюнхенѣ Бринцъ (ум. въ 1887), въ Тюбингенѣ и въ Берлинѣ Брунсъ, въ Грейсвальдѣ и въ Гейдельбергѣ Беккеръ. Старанія понять и описать внутреннюю сущность и своеобразность положительнаго права мало по малу уступили мѣсто философской разработкѣ собраннаго матеріала; этимъ направленіемъ характеризуется теперешняя догматика римскаго права; оно всего яснѣе обнаруживается въ произведеніяхъ Игеринга (*Geist des römischen Rechts; Kampf um das Recht; Zweck im Recht*). Наряду съ этимъ обнаруживается, — въ особенности въ сочиненіяхъ Моммсена, — стараніе возстановлять подлинный текстъ источниковъ.

Въ рукахъ этихъ ученыхъ и подъ ихъ вліяніемъ не только изученіе римскаго права сдѣлало громадныя успѣхи, но и германское право сдѣлалось предметомъ научнаго изложенія. Еще въ восемнадцатомъ столѣтіи нѣмецкое право было отдѣлено отъ римскаго и возведено на степень самостоятельной науки, а учепый Пюттеръ (XIII, 616) даже попытался изложить систему общаго нѣмецкаго гражданскаго права. Но только возбужденный романтическою школой, интересъ къ историческому прошлому и къ средневѣковой умственной жизни вызвалъ болѣе точныя изслѣдованія нѣмецкаго законодательства. Хр. Г. Бинеръ прежде всѣхъ предпринялъ, но не могъ довести до конца изложеніе исторіи нѣмецкаго права, отличающееся основательнымъ изученіемъ источниковъ; послѣ него открыли новый пе-

Ф. Вангеровъ.
1808—1870.

Бёкингъ.

1802—1870.

Вальтеръ.

1794—1879.

Вехтеръ.

1797—1880.

Пухта.

1798—1846.

Келлеръ.

1799—1860.

Бетманиъ-Гольвегъ.
1795—1877.

Германское
право.

Бинеръ.

1748—1828.

риодъ въ изложеніи нѣмецкаго права: патріотъ, жившій въ эпоху
 1781—1854. Эйхгорнъ. войнъ за освобожденіе Германіи, К. Фр. Эйхгорнъ, руководившій
 вмѣстѣ съ Савиньи и Гёшеномъ изданіемъ *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft* и написавшій обширное сочиненіе *Deutsche Staats-und Rechtsgeschichte*, и Іаковъ Гриммъ, также бывший другомъ и ученикомъ Савиньи. Между тѣмъ какъ Гриммъ проникалъ въ самую глубину нѣмецкой народной жизни, собирая все, что нравы, языкъ и складъ ума имѣютъ общаго съ понятіями о правѣ, Эйхгорнъ приводилъ богатый матеріалъ въ систематическій порядокъ, занимался историческими изслѣдованіями, отыскивая въ прошломъ мотивы существующихъ учрежденій, а своимъ примѣромъ поощрялъ другихъ къ изученію германскаго права. Касательно метода изслѣдованій отдѣльныхъ юридическихъ постановленій, проложилъ новую дорогу авторъ сочиненія *Die Gewere als Grundlage des ältern deutschen Sachenrechts*, Эд. Альбрехтъ. Съ тѣхъ поръ ученые
 1800—1876. стали съ большимъ интересомъ заниматься изученіемъ нѣмецкаго права; они стали издавать сборники источниковъ, составленные съ критической разборчивостью, стали обрабатывать исторію права какъ всей имперіи, такъ и отдѣльныхъ провинцій, стали (какъ напр. Миттермайеръ, Мауренбрехеръ, Герберъ) составлять учебники нѣмецкаго гражданскаго права, стали руководствоваться совершенно новыми точками зрѣнія и освѣщать не мало темныхъ сторонъ исторической жизни нѣмецкаго народа. Подобно тому, какъ изученіе римскаго права много подвинулось впередъ благодаря трудамъ Нибура, и изученіе нѣмецкаго права сильно подвинули впередъ вышеупомянутыми историческими изслѣдованіями и сборниками Вайтцъ, Пертцъ, Ваттенбахъ, Гизебрехтъ, и сочиненіями по исторіи права Штоббе, Гомейеръ, Безелеръ, Вальтеръ, Цёпфль, Ротъ, Фикеръ, Лабандъ, Зомъ, Бруннеръ, Гейзлеръ. Въ особенности Вайтцъ успѣшно вступилъ на новый путь, стараясь при изученіи прошлыхъ временъ разсматривать каждое отдѣльное явленіе въ связи съ его позднѣйшими послѣдствіями.

Государствен- Эти ученныя занятія, предпринятыя въ національномъ духѣ и съ
 ное право и патріотическою цѣлю, оказались и для изученія государственнаго
 политика. права не менѣе полезными, чѣмъ для изученія права гражданскаго, поэтому и въ изложеніи политическихъ наукъ обнаружили два на-
 правленія—историко-положительное и философско-политическое. Для
 этого послѣдняго служила точкой исхода заимствованная отъ Франціи теорія государственнаго договора, а для перваго—основанная на феодальныхъ учрежденіяхъ, конституція германской имперіи. Такъ какъ государственное право вѣдаетъ прежде всего существующія государственныя учрежденія, то оно находится въ сильной зависимости отъ господствующихъ въ данное время идей и отъ историческихъ событій. Поэтому то было вполне естественно, что теорія Пюттера

и его послѣдователей, основанная на старомъ имперскомъ государственномъ правѣ, оказалась несостоятельной съ разложеньемъ германской имперіи. Политическія событія и противоположныя воззрѣнія на французскую революцію и ея доктрины не остались безъ вліянія и на понятія о государствѣ и о государственномъ правѣ. Сначала философія и въ особенности идеализмъ Фихте старались, по примѣру Руссо, теоретически установить понятіе о государствѣ и о строѣ общественной жизни; не обращая вниманія на реальные факты, они пришли къ заключенію, что воображаемый государственный договоръ служитъ легальною внутреннею связью для всякаго государственнаго организма, но въ то же время придали этому организму такое могущество, въ которомъ крылись зародыши абсолютизма; послѣ того возникли далеко-несходныя между собою политическія воззрѣнія и системы подѣ вліяніемъ важныхъ историческихъ событій и историко-романтическихъ идей реставраціи. Отъ республиканскихъ политическихъ теорій, основанныхъ на принципѣ народного верховенства, отталкивали происходившія во Франціи событія; поэтому консервативный принципъ сталъ, со временъ Бурке и Генца, считаться душою государственной мудрости, а съ теченьемъ времени къ нему присоединилось и ученіе о священныхъ правахъ легитимной власти. Въ періодъ существованія Рейнскаго Союза, понятіе о государствѣ развилось и философскимъ и практическимъ путемъ въ духѣ монархизма; тогда неограниченная власть государства или государя считалась догматомъ. Послѣ Вѣнскаго конгресса и въ особенности послѣ іюльской революціи сдѣлалась господствующей формой правленія смѣшанная или представительная система, которая выработалась на англійской почвѣ и мало по малу была введена во всѣхъ германскихъ государствахъ подѣ названіемъ конституціонализма или парламентаризма. На защиту этой системы или на доказательства ея негодности стали тратить свои умственные силы самые ученые знатоки государственнаго права.

Между тѣмъ, какъ вышедшій изъ школы Пюттера, Клюберъ придерживался въ своемъ «Учебникѣ нѣмецкаго государственнаго права» исторической точки зрѣнія, уже неоднократно нами упомянутые ученые К. фонъ Роттекъ и К. Г. Велькеръ доказывали и въ своихъ публичныхъ рѣчахъ и въ своихъ сочиненіяхъ необходимость расширить права народа и индивидуальную свободу въ ущербъ правительственнымъ властямъ; Роттекъ выражалъ болѣе сильное сочувствіе къ понятію Канта о естественномъ правѣ, къ идеямъ Руссо объ идеальной демократіи, чѣмъ къ конституціонной монархіи; Велькеръ хотѣлъ, чтобъ государство было организовано на основаніи разсудка, свободы воли и историческаго опыта, чтобъ оно считало своею цѣлію водвореніе добродѣтели, гуманности и вмѣстѣ съ ними общаго благосостоянія; поэтому онъ отдавалъ предпочтеніе новѣйшей пред-

Клюберъ.

1762—1837.

Велькеръ.

1790—1869.

- ставительной системѣ государственнаго управленія, представляющей смѣсь монархическихъ, аристократическихъ и демократическихъ элементовъ. Въ противоположность этимъ поборникамъ либерализма, К. С. Цахаріэ. Карлъ Саломонъ Цахаріэ доказывалъ въ своемъ главномъ сочиненіи 1769—1843. *Vierzig Bücher vom Staat*, что верховная власть принадлежитъ не народу, а правителю государства; онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ демократической системы правленія. Такъ какъ онъ былъ очень ученымъ университетскимъ профессоромъ, то его лекціи и сочиненія возбуждали сильную умственную дѣятельность и онъ былъ на ряду съ Тибо, съ Вангеровомъ и съ Миттермайеромъ однимъ изъ главныхъ представителей гейдельбергской юридической школы. Его преемникомъ былъ Робертъ ф. Мольте, который въ цѣломъ рядѣ сочиненій (между ними занимаетъ первое мѣсто *Die Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften*) старался согласовать противорѣчія между философскими и историческими воззрѣніями на государство и на его задачи; съ этой цѣлю онъ старался съ критической точностью изучить политическія идеи и теоріи, изложенныя въ литературныхъ произведеніяхъ и уяснить изъ значеніе. Его сочиненіе есть необходимое вспомогательное средство для того, кто хочетъ разобратся въ хаосъ сбивчивыхъ воззрѣній на политическіе вопросы. Онъ обладалъ такой всесторонней начитанностью, какой еще никогда не встрѣчалось у другихъ писателей. Когда онъ поступилъ на государственную службу, его профессорская кѣедрa перешла къ І. К. Блунчли, автору сочиненій о государственномъ правѣ 1808—1881. и о политикѣ и сотруднику въ изданіи «Словаря Государственного права». Онъ былъ родомъ изъ Швейцаріи, которой и посвятилъ свои первые ученые труды (*Staats-und Rechtsgeschichte der Stadt und Landschaft Zürich*); впослѣдствіи онъ посвятилъ свои силы и свою дѣятельность на пользу нѣмецкаго народа и занимался преимущественно научной обработкой международнаго права. Различныя области юриспруденціи разрабатывалъ въ теоріи и на практикѣ саксонскій уроженецъ Авг. В. Геффтеръ, писавшій сочиненія и по древнему 1796—1880. законовѣдѣнію (*Athenische Gerichtsverfassung*) и по новѣйшему государственному и международному праву (*Europäisches Völkerrecht der Gegenwart*). О союзномъ правѣ и о государственномъ правѣ отдельныхъ частей германской имперіи писали, во время существованія германскаго союза, въ Гёттингенѣ Г. А. Цахаріэ, въ Гейдельбергѣ Г. А. Цахаріэ. Г. Цепфль. Въ рядахъ людей прогресса занималъ почетное положеніе Г. Бернг. Оппенгеймъ, издававшій журналъ *Deutsche Jahrbücher* и писавшій сочиненія юридически-политическаго содержанія (*Studien der innern Politik; System des Völkerrechts; Philosophie des Rechts und der Gesellschaft*). 1807—1877. Б. Оппенгеймъ. 1819—1880. Въ эпоху реставраціи и Священнаго Союза, нѣсколько французско-направленіе. скихъ и нѣмецкихъ политическихъ писателей стали доказывать въ

своихъ сочиненіяхъ превосходство монархически-аристократической системы правленія съ іерархически-феодальными основами. Намъ уже знакомы представители этихъ ретроградныхъ теорій Бональдъ и де-Мэстръ. Намъ уже ранѣе (XIV, 700) приходилось упоминать и о нѣмецкихъ поборникахъ такой ретроградской политики, о Швейцарцѣ Лудв. ф. Галлерѣ и о берлинскомъ уроженцѣ Адамѣ Мюллерѣ, ко- Л. ф. Галлеръ. торые, подѣ покровительствомъ Меттерниха и съ помощью средне- 1768—1854. вѣковой схоластики, возставали противъ народныхъ правъ и всѣхъ результатовъ революціи. Придерживаясь самыхъ крайнихъ и нелѣ- ныхъ выводовъ, къ какимъ пришла романтическая школа, они счи- тали возвращеніе къ іерархически-феодальнымъ средневѣковымъ мо- нархическимъ учрежденіямъ за якорь спасенія отъ наплыва револю- ціонныхъ идей, призывавшихъ народъ къ участию въ общественной дѣятельности. Первымъ шагомъ къ отпаденію отъ ихъ священныхъ доктринъ было, по ихъ мнѣнію, сочувствіе, вызванное реформаціей; поэтому и они сами и раздѣлявшіе ихъ воззрѣнія, ученые и худож- ники возвратились въ лоно католической церкви. Въ своемъ глав- номъ сочиненіи «Реставрація науки государственнаго права или те- орія натурального общественнаго строя» Галлеръ нападалъ на химе- рическія мечтанія объ искусственно-гражданскомъ строѣ государствен- ной жизни, а политическія сочиненія Мюллера «Элементы государ- ственнаго права» и «О необходимости теологической основы для науки государственнаго права» долго служили евангеліемъ для фе- одальной и ретроградской партіи въ Пруссіи и въ другихъ нѣмецкихъ государствахъ. Жившій въ Галле, историкъ Генр. Лео придерживался почти такого-же направленія, только дѣлая изъ него нѣсколько менѣе рѣзкіе выводы и присоединяя къ своему ортодоксальному рвенію на- учныя познанія; онъ смотрѣлъ на государство, какъ на художествен- ное произведеніе, имѣющее божественное происхожденіе; вслѣдствіе своей страстной ненависти къ революціи, къ этому «царству ада на землѣ», онъ горячо вступался за «странную смѣсь іудейской те- ократіи, строгой военной дисциплины, ленной зависимости низшихъ правителей отъ высшихъ, унаслѣдованнаго отъ предковъ абсолю- тизма и возникшихъ въ новое время вождедѣній, — то есть тѣхъ эле- ментовъ, изъ которыхъ сложилась прусская королевская власть по мнѣнію партіи, пользовавшейся вліяніемъ при дворѣ и въ правитель- ственныхъ сферахъ». Самымъ энергичнымъ и самымъ остроумнымъ представителемъ этой юридической и политической философіи; опи- равшейся на теологію, былъ перешедшій въ лютеранскую вѣру Еврей Фридр. Юл. Сталь, сначала занимавшій профессорскія должности въ Сталь. баварскихъ университетахъ, а потомъ дѣятельно трудившійся въ Бер- 1802—1861. линѣ. Такъ какъ онъ былъ человѣкъ умный, прозорливый и хорошо владѣвшій даромъ слова, то онъ лучше всѣхъ умѣлъ «облекать тен- денціи королевской романтики и притязанія рыцарскаго дворянства

въ научныя формулы и съ діалектическимъ искусствомъ разоблачать слабыя стороны своихъ противниковъ». Своимъ сочиненіемъ *Philosophie des Rechts nach geschichtlicher Ansicht* Сталь построилъ, на основѣ христіанскаго міровоззрѣнія, такую юридическую и политическую теорію, которая пользовалась въ высшихъ сферахъ чрезвычайнымъ сочувствіемъ. «Убѣжденный въ негодности и въ опасности всей новѣйшей философіи, основанной на авторитетѣ высокаго разума, онъ требовалъ, чтобъ наука возвратилась къ вѣрѣ въ истину христіанской религіи и чтобъ было восстановлено то ничѣмъ ненарушимое единеніе между теологіей и философіей, которое проповѣдывалъ въ Средніе вѣка Тома Аквинать». Для него государство мыслимо только въ формѣ монархіи, а божественное право легитимнаго повелителя есть высшій юридическій принципъ. И католическій профессоръ въ Боннѣ, Ферд. Вальтеръ (ум. въ 1879) придерживался въ своемъ сочиненіи *Naturrecht und Politik* христіанской точки зрѣнія на государственное право; впрочемъ онъ не увлекался такимъ-же чрезмѣрнымъ рвеніемъ, съ какимъ излагалъ ученіе церкви, и у него не замѣтно такой-же рѣзкости сужденій, какъ у Сталя.

При такомъ столкновеніи противоположныхъ мнѣній и направленій, отрадно видѣть стремленія, возникшія на здоровой почвѣ, согрѣтыя чувствомъ гуманности и освѣщенныя лучами настоящей философской и исторической образованности,—отрадно видѣть, что нашлись люди, доказывавшіе, что государство есть полный жизни организмъ, въ которомъ всѣ человѣческія способности могутъ переходить въ дѣятельность и своими совокупными усиліями содѣйствовать дальнѣйшему развитію человѣческаго рода. Между такими людьми занимаютъ самое выдающееся мѣсто Вильг. ф. Гумбольдтъ (стр. 666) и Дальманъ (стр. 676). Первый изъ нихъ былъ единомышленникомъ и сотрудникомъ Штейна на поприщѣ практической политики въ трудное переходное время отъ владычества Наполеона къ эпохѣ Священнаго Союза, и вращался въ обществѣ Шиллера и Гёте въ самыхъ высшихъ образованныхъ сферахъ; онъ старался создать соответствующую духу времени, форму правленія, соединяя философскія идеи съ историческимъ опытомъ. Исходя изъ основной мысли, что новыя государственныя учрежденія должны находиться въ тѣсной связи съ старыми для того, чтобъ могли пустить глубокіе корни, онъ хотѣлъ принять старыя сословныя учрежденія за основу для новой конституціи въ прусской монархіи,—хотѣлъ согласовать либеральныя идеи съ консервативными интересами. Хотя плоды его усилій и были побиты морозомъ реакціи, но его политическія воззрѣнія сохраняются для потомства вмѣстѣ съ его научными трудами. Дальманъ, и въ своей практической дѣятельности, и въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, всегда «искалъ въ исторіи основъ для уясненія понятій о правѣ»; въ своемъ сочиненіи *Die Politik auf den Grund und dass Mass*

der gegebenen Zustände Zurückgeführt (вышла въ свѣтъ только первая его часть), онъ старался согласовать неизмѣнныя формы правового порядка съ необходимостью удовлетворить народныя стремленія къ свободѣ. И Дальманъ и его преемникъ Георгъ Вайцъ (Grundzüge der Politik) стояли на почвѣ конституціонной монархіи, образцомъ для которой считали англійскія парламентскія учрежденія. Сущность, возникновеніе и развитіе этихъ учреждений описалъ берлинскій профессоръ и парламентскій ораторъ Руд. Гнейстъ въ своемъ обширномъ сочиненіи Das heutige englische Verfassungs-und Verwaltungsrecht и въ своей Englische Verfassungsgeschichte. Кромѣ того, онъ изложилъ и систему прусскаго государственнаго управленія. О прусскомъ государственномъ правѣ писали Лудвигъ ф. Рёнке и Германъ Шульце (ум. въ 1888).

Гнейстъ,
род. 1816.

Ученый споръ между философско-практической школой, главнымъ органомъ которой былъ Archiv für die zivilistische Praxis, и историко-консервативный, для которой служила органомъ Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft, оказался полезнымъ и для другихъ отраслей юриспруденціи; тогда возникли новыя воззрѣнія не только на судопроизводство и на уголовное право, но также на международное и на церковное право, и всѣ составныя части юриспруденціи получили широкое развитіе. Въ первое десятилѣтіе текущаго столѣтія еще не утрачивало своего господства раціоналистически-философское направленіе, старавшееся смягчить старыя теоріи уголовного права, внося въ нихъ духъ гуманности и просвѣщенія; а теперь снова стали вводить тѣ старинныя учрежденія, которыя считались полезными на практикѣ, стали расширять участіе присяжныхъ въ постановленіи приговоровъ и дѣлать для пользы нѣмецкой націи позаимствованія изъ уставовъ судопроизводства въ другихъ странахъ; такимъ образомъ было создано такое уголовное судопроизводство, которое съ одной стороны удовлетворяло требованія справедливости, обезпечивало внутреннее спокойствіе, а съ другой стороны не оставляло безъ вниманія требованія челоуколюбія, болѣе развитой культуры и индивидуальной свободы. Большею частію вліянію ученыхъ законовѣдовъ слѣдуетъ приписать тѣ улучшенія, что въ уголовныхъ процессахъ было разрѣшено употребленіе всѣхъ средствъ, ведущихъ къ полному разъясненію преступнаго дѣянія, къ удостовѣренію виновности или невинности подсудимаго, что защитникамъ было дозволено выводить изъ стеченія внѣшнихъ обстоятельствъ или изъ душевнаго состоянія обвиняемаго мотивы для его оправданія или для уменьшенія его наказанія, что допросъ свидѣтелей и все судебное разбирательство производились публично и гласно при содѣйствіи присяжныхъ, и что эти новыя порядки были почти повсюду и единогласно признаны соотвѣтствующими требованіямъ современнаго образованія и справедливости; съ другой стороны, уче-

Судопроизвод-
ство и уголов-
ное право.

ные юристы побуждали правительства улучшать дѣйствующіе законы, составлять новые кодексы и вводить такія наказанія, которыя основаны не столько на старой теоріи возмездія или запугиванія, сколько на стараніи возбудить въ осужденномъ чувство раскаянія и желаніе исправиться, и которыя имѣютъ цѣлю обезпечить общественную безопасность, не насильственно вырывая изъ общественного организма нездоровые члены, а излечивая ихъ. Осмотрительность, съ которой стали относиться къ лицамъ, присужденнымъ къ лишенію свободы, устройство исправительныхъ заведеній съ одиночнымъ заключеніемъ, съ полезными занятіями, съ обученіемъ разнымъ ремесламъ и съ преподаваніемъ религіи, введеніе суда присяжныхъ, усовершенствованіе юридической практики посредствомъ точнаго опредѣленія различныхъ разрядовъ преступленій, съ успѣхомъ окончившаяся въ нѣкоторыхъ государствахъ борьба противъ примѣненія смертной казни, отмѣна тѣлесныхъ наказаній—и эти и многія другія нововведенія свидѣтельствуютъ о благотворномъ вліяніи улучшенной уголовной юстиціи и стремящейся къ справедливости и къ гуманности, науки уголовного права. Во всѣхъ нѣмецкихъ университетахъ профессора законовѣдѣнія читали свои лекціи въ этомъ духѣ; правда, они не всегда сходились въ своихъ мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ основныхъ юридическихъ принципахъ, не всегда придерживались одинакихъ методовъ или одинакихъ воззрѣній на практическую пригодность тѣхъ или другихъ реформъ въ уголовномъ судопроизводствѣ, но уже ни судьи, ни уголовные кодексы не могли игнорировать великихъ результатовъ, достигнутыхъ культурой и гуманными идеями во всѣхъ сферахъ жизни, — не могли игнорировать прогресса въ воззрѣніяхъ на человѣческое достоинство и на человѣческія права.

Между многочисленными учеными, посвящавшими всѣ свои силы и всю свою умственную дѣятельность на облагораженіе уголовного судопроизводства, стоятъ въ первомъ ряду Фейербахъ, Грольманъ и Миттермайеръ. — Фейербахъ, род. 14 ноября 1775 въ Іенѣ, умеръ 1775—1833. 29 мая 1833 во Франкфуртѣ на М. во время поѣздки на минеральныя воды; онъ былъ профессоромъ въ Іенѣ, въ Килѣ, въ Ландсгутѣ, состоялъ на баварской государственной службѣ, участвовалъ въ составленіи баварскаго уголовного кодекса, занималъ высшія судебныя должности и какъ на этихъ должностяхъ, такъ и въ своихъ лекціяхъ и учебникахъ обнаруживалъ философскую прозорливость, уваженіе къ индивидуальной свободѣ и необыкновенно многостороннюю образованность. — Карлъ ф. Грольманъ отличался одинакою съ Фейербахомъ ученостью и прозорливостью, но нерѣдко расходился съ нимъ въ своихъ воззрѣніяхъ и принципахъ; онъ сначала былъ профессоромъ юриспруденціи въ Гиссенѣ, потомъ поступилъ на государственную службу и умеръ въ должности гессенъ-дармштадтскаго министра, обогативши юридическую литературу замѣчательными сочиненіями о

кодексъ Наполеона и о различныхъ областяхъ правовѣдѣнія. — Миттельмайеръ, род. 5 авг. 1787 въ Мюнхенѣ, умеръ 28 августа 1867^{Миттельмайеръ. 1787—1867.} послѣ того, какъ много лѣтъ состоялъ членомъ знаменитаго гейдельбергскаго юридическаго факультета; и въ своихъ сочиненіяхъ и въ своихъ лекціяхъ онъ руководствовался принципами гуманности, религіозной терпимости и человѣколюбія и умѣлъ употреблять на пользу своего отечества и всего человѣчества свою обширную ученость и свою опытность, пріобрѣтенную во время далекихъ заграничныхъ путешествій. Наряду съ этими учеными отличался своими трудами и по уголовному и по гражданскому праву вюртембергскій уроженецъ К. Г. фонъ Вехтеръ, бывшій профессоромъ въ Тюбингенѣ и въ Лейпцигѣ, участвовавшій, въ качествѣ практическаго юриста, въ собраніяхъ земскихъ чиновъ и въ сеймахъ и занимавшій въ Любекѣ должность предсѣдателя высшаго апелляціоннаго суда. Ему болѣе, чѣмъ кому либо другому, принадлежитъ та заслуга, что въ уголовномъ правѣ снова стали господствовать историческая точка зрѣнія и безусловное уваженіе къ существующимъ законамъ, пока они остаются въ силѣ. — Напротивъ того, тюбингенскій профессоръ Р. Кёстлинъ старался внести въ уголовное право спекуляціи и категоріи Гегелевской философіи, между тѣмъ, какъ берлинскій профессоръ Бернеръ умѣлъ успѣшно соединять съ такими-же стараніями философскія воззрѣнія, а боннскій профессоръ Г. Гельшнеръ (умеръ въ 1889) соединялъ съ обширными историческими познаніями систематическое изложеніе, освѣщенное философіей. Р. Гейнце, трудившійся въ Лейпцигѣ и въ Гейдельбергѣ, занимался элементарными изслѣдованіями по уголовному праву и по уголовному судопроизводству и достигъ во многихъ отношеніяхъ оригинальныхъ и значительныхъ результатовъ. Исторіей и систематизаціей гражданскаго судопроизводства занимались Бетманнъ-Гольвегъ и Вецелль; этотъ послѣдній былъ профессоромъ въ Гиссенѣ и въ Тюбингенѣ, а потомъ поступилъ въ мекленбургскую государственную службу. Выдающимися заслугами по догматикѣ и гражданскаго и уголовного судопроизводства отличился Г. Планкъ, бывшій профессоромъ въ Грейфсвальдѣ, въ Килѣ и въ Мюнхенѣ.

Кёстлинъ.
1813—1856.

Интересъ, съ которымъ стали изучать исторію юриспруденціи, оказался полезнымъ и для церковнаго права. Въ старыя времена вся юриспруденція дѣлилась на свѣтскую и церковную, а въ наше время эта послѣдняя отступила на задній планъ передъ первой. Со времени реформаціи и значительная часть каноническихъ книгъ утратила въ протестантскихъ странахъ свое прежнее значеніе. Чѣмъ болѣе ослаблялись узы, связывавшія въ Средніе вѣка государства съ общою церковью, чѣмъ болѣе государства новаго времени вовлекали въ сферу своего вѣдомства всё, что касалось нравственныхъ правилъ и людскихъ интересовъ, тѣмъ болѣе суживалась сфера дѣятель-

Церковное
право.

пости церковной судебной власти и тѣмъ болѣе старалось государство ограничить дѣятельность духовнаго суда вопросами религіозными и церковными. Кромѣ того, власть надъ евангелическими церквами, предоставленная вслѣдствіе реформаци свѣтскимъ правителямъ, подчиняла себѣ и разрѣшеніе чисто-церковныхъ вопросовъ, а всѣ вопросы, касавшіеся церковныхъ и религіозныхъ интересовъ католицизма, разрѣшались или на основаніи особыхъ законовъ, или на основаніи конкордатовъ, заключенныхъ съ римской куріей. Но съ половины текущаго столѣтія снова стали обнаруживаться притязанія католической церкви на такое-же могущество, какимъ она пользовалась въ Средніе вѣка; они выразились въ провозглашеніи догмата папской непогрѣшимости, въ размноженіи и въ усилившемся вліяніи церковныхъ орденовъ и конгрегацій, и въ особенности въ борьбѣ римско-католической церкви съ прусской королевской властію, съ германской имперіей и съ нѣкоторыми другими государствами. Съ другой стороны, включеніе пресвитерствъ и синодовъ въ консисторіальныя учрежденія нѣмецкихъ церквей было вызвано не только практическими цѣлями, но также и преимущественно научными изслѣдованіями и требованіями. При такомъ положеніи дѣлъ, имѣли не только научное, но и важное практическое значеніе сочиненія о церковномъ правѣ, между которыми особенно замѣчательны: католическій учебникъ Ферд. Вальтера, руководство къ изученію католическаго церковнаго права Филлипса, сочиненія протестантовъ Эйхгорна и А. Л.

Филлипсъ. 1804—1872. Рихтера. По исторіи источниковъ и литературы церковнаго права.

Рихтеръ. писали ученые сочиненія—въ Вѣнѣ Маассенъ, въ Прагѣ и въ Боннѣ
1808—1864. фонъ Шульте. Многочисленные и прекрасные сборники сочиненій этого рода изданы во Фрейбургѣ и въ Лейпцигѣ Фридбергомъ. Богатое содержаніемъ руководство составилъ въ Берлинѣ Гиншіусъ.

Международное право. Международное право, также представляющее отрасль юриспруденціи, является преимущественно продуктомъ тѣхъ взаимныхъ отношеній и уступокъ, которыя вызваны развитіемъ культуры, облегченіемъ сношеній между государствами и націями, признаніемъ общихъ человѣческихъ правъ и за друзьями и за недругами. Учрежденіе посольствъ и консульствъ и повсемѣстное признаніе одинакихъ принциповъ справедливости имѣли цѣлю ограждать иностранцевъ отъ насилій, оберегать интересы промышленности и торговли и ограничивать пагубныя послѣдствія войнъ. Введеніе общаго международного законодательства и учрежденіе международного трибунала, конечно, будутъ возможны только тогда, когда цивилизованное человѣчество, раздѣляющееся на различныя націи, соединится въ одну конфедерацію, и когда будетъ введено вѣчное мирное положеніе, хотя и не такое, о какомъ мечтаютъ утописты и филантропы, но такое, за соблюденіе котораго поручились-бы всѣ правительства. Тогда международное право не ограничилось-бы, какъ въ настоящее время, требованіемъ

соблюденія внѣшнихъ приличій и нѣкоторыхъ нравственныхъ и гуманныхъ правилъ,—тогда оно получило-бы характеръ обязательныхъ законовъ, коренящихся въ христіанской этикѣ, въ европейской культурѣ, въ чувствахъ и стремленіяхъ всѣхъ цивилизованныхъ націй; тогда всеобщій европейскій ареопагъ недопускалъ-бы никакихъ нарушеній такого мирнаго положенія, употребляя въ дѣло только духовное оружіе и руководствуясь вѣчными божескими законами. А покуда были сдѣланы, въ теченіе послѣдней четверти нашего столѣтія, серьезныя попытки точнѣе опредѣлить сферу международной законодательной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи имѣютъ большую важность установленныя на парижскомъ конгрессѣ 1856 года гуманныя правила для веденія морскихъ войнъ, женевская конвенція 1864 года объ уходѣ за ранеными и больными воинами и наконецъ проектъ международныхъ правилъ для веденія войнъ на сушѣ, который былъ составленъ въ 1874 году на международной конференціи делегатовъ, происходившей въ Брюсселѣ по предложенію Россіи. Въ качествѣ преподавателей международного права пользовались во всей Германіи большимъ авторитетомъ уже ранѣе упомянутые нами юристы Геффтеръ и Блунчи (*Das moderne Völkerrecht als Rechtsbuch dargestellt*).

Новѣйшая юриспруденція обязапа своими задачами и своимъ направле-
ніемъ большею частію усиленной законодательной дѣятельности, которую
она сама вызвала и подготовила, и которая частію только благодаря ей
сдѣлалась возможной. Это всего яснѣе видно на тѣхъ законахъ, которые
были изданы для всей Германіи во время существованія германскаго со-
юза, въ особенности на вексельномъ уставѣ (1848 г.) и на сводѣ коммер-
ческихъ законовъ (1859—1861); а со времени основанія сѣверо-германска-
го союза и германской имперіи было издано множество новыхъ законовъ,
между которыми имѣютъ особенную важность уголовный кодексъ (1870),
военный уголовный кодексъ (1872), и изданные въ 1877, а вступившіе въ
силу съ 1 октября 1879, законы о порядкѣ уголовного и гражданскаго су-
допроизводства и конкурсный уставъ. Въ то же время торговое право по-
лучило чрезвычайно важное практическое значеніе вслѣдствіе необычай-
наго расширенія торговыхъ сношеній. Вмѣстѣ съ этимъ возникла богатая
литература, въ которой занимаютъ самое выдающееся мѣсто руководства
Теля и Гольдшмидта и учебникъ нѣмецкаго вексельнаго права, составлен-
ный въ Гейдельбергѣ профессоромъ А. Рено. Новые законы о судопро-
изводствѣ и другіе имперскіе законы сначала вызвали появленіе множест-
ва комментаріевъ, которые отчасти приносили практическую пользу, но
большею частію не могли предъявить никакихъ притязаній на научныя
достоинства. Государственное право новой имперіи излагали П. Ла-
бандъ, Цорнъ, Георгъ Мейеръ и другіе свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ ученые.
Отношенія имперскаго законодательства къ законодательствамъ отдѣльныхъ
нѣмецкихъ государствъ съ точностью установилъ Гейнце (*Reichsstrafrecht und
Landesstrafrecht*). Истолкованіе общихъ нѣмецкихъ законовъ и ихъ практи-
ческое примѣненіе въ судахъ долго нуждалось въ центральномъ руково-
дствѣ; эта потребность была сначала удовлетворена относительно тор-
говаго права благодаря тому, что въ началѣ августа 1870 былъ открытъ

Расширеніе
законодатель-
ной дѣятель-
ности.

въ Лейпцигѣ верховный имперскій торговый судъ, а въ октябрѣ 1879 этотъ судъ былъ замѣненъ также засѣдавшимъ въ Лейпцигѣ, имперскимъ судомъ, выдающимъ всѣ гражданскія и уголовныя дѣла. Гораздо болѣе важно въ практическомъ и въ научномъ отношеніяхъ изданіе всеобщаго гражданскаго кодекса для германской имперіи; составленіемъ его проекта занималась съ 1874 года, подъ руководствомъ президента верховнаго имперскаго торговаго суда Папе, особая коммиссія, составленная изъ выдающихся специалистовъ; оно доведено теперь до конца и ожидается только утвержденіе проекта законодательною властію.

6. Педагогика.

Возрастающая важность педагогическихъ вопросовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Песталоцци (XIII, 601 и сл.) преобразовалъ элементарное воспитаніе на основаніи выработанныхъ въ прошломъ столѣтіи принциповъ, въ Германіи стало все болѣе и болѣе распространяться убѣжденіе, что только улучшеніемъ народнаго образованія можно излечить политическіе и соціальные недуги и подготовить лучшую будущность для потомства. Педагогическіе вопросы сосредоточили въ себѣ всѣ умственные стремленія и интересы нѣмецкой націи вслѣдствіе общаго убѣжденія, что судьбы народа, и его благоденствіе и его упадокъ, находятся въ прямой зависимости отъ того, какъ онъ воспитываетъ новыя поколѣнія. Это воззрѣніе пріобрѣтало съ теченіемъ времени все болѣе важное значеніе и въ государственномъ и въ церковномъ управленіи, и въ философіи, и въ поэзіи, и даже въ теоріи государственнаго права и военнаго искусства. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникла и особая педагогическая литература, продукты которой разрослись около половины нашего столѣтія почти до необозримыхъ размѣровъ и съ тѣхъ поръ не перестаютъ разрастаться.

Эту оживленную дѣятельность въ области образованія и воспитанія вызвала главнымъ образомъ философія, такъ какъ самые выдающіеся ея представители постоянно горячо интересовались этой стороною общественнаго благоустройства. Кантъ одно время ожидалъ исцѣленія общественныхъ недуговъ отъ педагогической реформы Базедова, а Фихте восхищался педагогическою дѣятельностью Песталоцци. Согласно съ принципами своей философской системы, Кантъ требовалъ такого нравственнаго воспитанія, которое заблаговременно пріучало-бы дѣтей правильно смотрѣть на вещи и научало-бы ихъ, что слѣдуетъ дѣлать добро ради его самого. Въ этомъ направленіи излагали систему воспитанія Нимейеръ, Шварцъ, Стефани, Грейлингъ. Едва ли не болѣе строги были требованія Фихте: онъ хотѣлъ, чтобъ воспитаніе замѣняло эгонистическіе мотивы безусловной любовью къ добру и пріучало воспитанниковъ считать себя членами цѣлаго въ ряду разумныхъ существъ. Въ своихъ «Рѣчахъ къ нѣмецкой націи» онъ придавалъ этимъ требованіямъ политическую

цѣль, утверждая, что только съ помощью національнаго воспитанія по античному образцу «человѣчество можетъ стоять на своихъ собственныхъ ногахъ». И изъ этой школы отвлеченной, но очень характерной педагогики вышли такіе теоретики, какъ Риттеръ, Зауеръ, Юганнсея. Шеллингъ только въ своихъ лекціяхъ непосредственно касался метода академическаго преподаванія педагогики, однако и онъ значительно усилилъ умственную дѣятельность по этому предмету, какъ о томъ свидѣтельствуютъ имена І. І. Вагнера, Блаше и въ особенности Гразера. Болѣе подробно обсуждалъ вопросы этого рода Гегель; по его мнѣнію, только воспитаніе и образованіе дѣлаютъ человѣка способнымъ отбрасывать свои случайныя и своеобразныя влеченія, изучать общіе законы и желать общей пользы. Съ этой точки зрѣнія Розенкранцъ обрабатывалъ систему воспитанія, а Дейнгардтъ, Каппъ, Тауловъ гимназическую педагогику, между тѣмъ какъ Эмиль Ангальтъ излагалъ въ радикальномъ направленіи теорію преподаванія въ народныхъ школахъ.

Наряду съ Гегелемъ производилъ сильное впечатлѣніе Шлейермахеръ своими лекціями о педагогикѣ, какъ напр. своими идеалистическими воззрѣніями на уголовныя указанія и въ особенности своимъ безусловнымъ неодобреніемъ всякихъ тѣлесныхъ наказаній. Между тѣмъ, какъ онъ руководствовался всецѣло философскими принципами, теологи — католикъ Дуршъ и протестантъ Пальмеръ строили систему педагогики на догматическихъ гипотезахъ. Но всего успѣшнѣе излагали въ новѣйшее время систему воспитанія тѣ философы, которые старались построить ее на чисто психологической основѣ, какъ напр. Гербартъ и Бенеке, имена которыхъ уже встрѣчались въ нашемъ обзорѣ новѣйшей философіи (стр. 652 и сл.). Гербартъ, замѣнившій Канта въ должности кѣнигсбергскаго профессора, перешелъ къ изученію философіи отъ изученія педагогики и сначала писалъ о Песталоцци, а потомъ издалъ цѣлый рядъ педагогическихъ сочиненій. Онъ съ строгой послѣдовательностью придерживается своего понятія о человѣческой душѣ, какъ о такомъ несложномъ существѣ, въ которомъ воспринимаемыя извнѣ впечатлѣнія вызываютъ образованіе идей; поэтому онъ выводитъ изъ первоначальныхъ фактовъ внутренняго опыта всѣ сложныя явленія умственной дѣятельности, а цѣлію воспитанія считаетъ «уравновѣшенную многосторонность умственныхъ интересовъ», подчиненную нравственному развитію характера. «Всѣ должны любить всё и каждый долженъ быть виртуозомъ въ какой нибудь спеціальности», — таково его знаменитое основное правило. Между тѣмъ, какъ Кантъ, Фихте, Шлейермахеръ, Розенкранцъ считали цѣлью воспитанія развитіе въ воспитанникѣ сочувствія къ общимъ интересамъ и цѣлямъ, та педагогическая школа, которая возникла подъ руководствомъ Гербарта, смотрѣла на человѣка главнымъ образомъ какъ на индивидуальное

Школа Шел-
линга и Ге-
геля.

Теологическая
школа.

существо и нигдѣ не искала цѣлей воспитанія внѣ воспитанника. Этого направленія придерживались Магеръ, Мигуель, Кернъ, Ротертъ, и въ особенности Циллеръ и Аллинъ, Теодоръ Вайцъ и Стой (Stoy). Другую попытку въ томъ-же направленіи сдѣлалъ Ф. Э. Бенеке: онъ построилъ свою психологію, какъ чисто естественную науку, въ рѣшительной противоположности съ теоріей Гербарта и отвергалъ основное понятіе Гербарта о несложности и неизмѣняемости человеческой души. По его мнѣнію, человѣкъ вноситъ вмѣстѣ съ собою въ жизнь только способность воспринимать чувственные впечатлѣнія и воззрѣнія; поэтому слѣдуетъ сохранять слѣды, оставляемые этими впечатлѣніями въ душѣ, соединять и раздѣлять ихъ сообразно съ ихъ сходствомъ или несходствомъ и развивать возникшія подъ ихъ вліяніемъ влеченія; педагогика заключается въ томъ, чтобъ вносить въ этотъ процессъ искусство и правильность. «Натура хочетъ (какъ гласитъ одно изъ основныхъ положеній Бенеке), чтобъ въ человѣкѣ сначала преобладала чувственность, чтобъ потомъ въ немъ развивались преимущественно воспроизводительныя способности, и чтобъ только послѣ того онъ дѣйствовалъ производительно для интеллигенціи. Этой послѣдовательности не долженъ нарушать воспитатель». Такія основныя правила, конечно, болѣе полезны для развитіи ума, чѣмъ для развитія характера; Дресслеръ и Юбервегъ далѣе развивали ихъ теоретически и примѣняли на практикѣ; отчасти къ нимъ примыкала и такъ называемая «готская педагогика», представителями которой являются Диттесъ, К. Шмидтъ и Керъ.

Къ этимъ философамъ, имѣвшимъ самое сильное вліяніе на развитіе педагогики, слѣдуетъ присовокупить многихъ другихъ, какъ напр. І. Г. Фихте (младшаго), желавшаго, чтобъ воспитаніе имѣло общественныя цѣли, и Краузе, напротивъ того, искавшаго цѣль воспитанія въ самомъ воспитанникѣ. И великіе представители нѣмецкой національной поэзіи частію вырабатывали общій идеалъ умственного развитія (въ особенности Шиллеръ и Гёте), частію писали сочиненія о теоріи воспитанія. Такъ напр. Жанъ Поль Фридрихъ Рихтеръ (XIII, 560) въ своей «Левашѣ» примѣнилъ къ педагогикѣ основную мысль своей жизни, что только въ индивидуальной формѣ можетъ развиваться тотъ идеалъ человѣка, который кроется въ каждомъ изъ насъ. Но приступая къ воспитанію дѣтей, слѣдуетъ быть осторожными, такъ какъ никто не можетъ предугадать, «въ какіе опасные моменты можетъ со временемъ превратиться въ великана тотъ чародѣй, который играетъ передъ вашими глазами въ видѣ маленькаго ребенка». Поэтому слѣдуетъ предохранять ребенка отъ всякихъ сильныхъ и глубокихъ и въ особенности сладкихъ и нѣжныхъ впечатлѣній, даже слѣдуетъ избѣгать всякаго виѣшняго гнѣта, всякаго религіознаго методизма! Вообще въ этомъ сочиненіи сказывается горячая любовь къ дѣтямъ и въ немъ многое напоми-

наетъ воззрѣнія Руссо и Фихте. Между тѣми писателями, которые занимались исключительно педагогикой, имѣетъ самое большое сходство съ Жанъ-Полемъ Куртманнъ; онъ соединялъ понятіе о человѣческомъ идеалѣ съ христіанскими понятіями и вообще придерживался консервативнаго направленія.

Фридрихъ Фрѣбель, безспорно самый глубокомысленный и самый даровитый изъ учениковъ Песталоцци, отличается отъ выше перечисленныхъ педагоговъ своеобразнымъ направленіемъ и какъ теоретикъ и какъ практикъ. Это — «психологъ дѣтской жизни. Онъ съ истинной геніальностью и самой глубокой прозорливостью вдумывался въ условія дѣтской жизни и проникся глубоко-религіозной и вмѣстѣ съ тѣмъ гуманной увѣренностью, что въ зачаткахъ человѣческой натуры не можетъ скрываться ничего дурного или наводящаго на ложный путь; поэтому онъ полагалъ, что слѣдуетъ только развивать эти зачатки постепенно и во всѣ стороны сообразно съ врожденными способностями. Въ этомъ заключается вся задача первоначальнаго воспитанія». Со временъ Песталоцци еще никто такъ же сильно не возбуждалъ въ родителяхъ и въ наставникахъ сознаніе своего долга. Самымъ извѣстнымъ плодомъ дѣятельности Фрѣбеля было устройство «дѣтскихъ садовъ», которые скоро стали возникать во всей Германіи и даже во всей Европѣ не смотря на то, что на нихъ было наложено строгое запрещеніе прусскимъ министромъ исповѣданій ф. Раумеромъ, ошибочно принявшимъ ихъ основателя за демократа Юлія Фрѣбеля. Ихъ устройствомъ занимались ревностные послѣдователи Фрѣбеля, между которыми достойны упоминанія Миттендорфъ, Баропъ, Вишардъ Ланге и въ особенности Берта фонъ Маренгольцъ-Бюловъ.

Было рѣшено, что устройство дѣтскихъ садовъ должно предшествовать заведенію народныхъ школъ. Для этихъ послѣднихъ были тщательно выработаны планы и методы преподаванія и учебныя пособія и онѣ сдѣлались такимъ сокровищемъ нѣмецкой націи, которому всѣ завидуютъ. Къ числу тѣхъ педагоговъ, которые своими сочиненіями принимали участіе въ преобразованіи народной школы, принадлежатъ: Стефани, который былъ однимъ изъ первыхъ поборниковъ понятія о школѣ, какъ о государственномъ учебномъ заведеніи, и такъ называемаго звукового метода; Динтеръ, прославившійся тѣмъ, что отстаивалъ такъ называемый сократическій вопросительный методъ и діалектическій способъ преподаванія; Денцель, съумѣвшій сначала въ Нассау, а потомъ въ Вюртембергѣ ввести въ народныхъ школахъ реформу, основанную на принципахъ Базедова, Рохова, Песталоцци, и кромѣ того составившій нѣсколько хорошихъ учебниковъ; Церреннеръ, трудившійся въ сѣверной Германіи въ одномъ направленіи съ Денцелемъ; Іоаннъ Баптистъ Гразеръ, философски образованный человѣкъ, искавшій основы для теоріи воспитанія не

Фрѣбель.

1782—1852.

Стефани.

1781—1851.

Динтеръ.

1760—1831.

Денцель.

1773—1838.

Церреннеръ.

1780—1832.

Гразеръ.

1766—1841.

въ опытѣ, а въ понятіи о сущности человѣческой природы; онъ прежде всѣхъ высказалъ плодотворную мысль о необходимости соединить устное обученіе съ письменнымъ; Грефе, бывший директоромъ ре-

Грефе. 1802—1868. ального училища въ Бременѣ; Целлеръ, начальникъ сиротскаго дома въ Бейггенѣ. Въ этомъ педагогическомъ направленіи, ведущемъ свое начало отъ Песталоцци, возникло глубокое разномысліе по вопросу

Дистервегъ. 1790—1866. объ отношеніяхъ школы къ религіи и къ церкви. Дистервейгъ, издававшій *Rheinische Blätter* и бывший директоромъ семинаріи въ Берлинѣ, отстаивалъ въ многочисленныхъ сочиненіяхъ самостоятельность народной школы, имѣющей цѣлю развитіе чисто человѣческихъ способностей, и энергически возставалъ противъ вліянія церкви въ этой сферѣ; напротивъ того, Рамзауеръ, Стернъ, Карлъ фонъ

Гарнишъ. 1787—1864. Раумеръ и въ особенности Гарнишъ придерживались противоположнаго направленія, находившагося въ самой тѣсной связи съ церковной реакціей; это разномысліе вызвало появленіе многочисленныхъ сочиненій частію съ теологической, частію съ педагогической окраской и закончилось изданіемъ прусскаго школьнаго регламента, составленнаго Штилемъ (1854—1872). Вслѣдствіе борьбы между противоположными воззрѣніями, на народной школѣ, къ сожалѣнію, отразились всѣ колебанія, обнаруживавшіяся въ Германіи въ сферахъ политической и церковной; эта школа сдѣлалась предметомъ публичныхъ совѣщаній на соборахъ, въ парламентѣ и на съѣздахъ учителей; преподавателей нерѣдко принуждали руководствоваться разнообразными и противоположными партійными цѣлями; между ними укоренилось глубокое недовѣріе къ духовенству, такъ что отдѣленіе школы отъ церкви сдѣлалось лозунгомъ дня.

Гуманизмъ и реализмъ. И въ гимназической педагогикѣ обнаружилось разномысліе съ представителями церкви, но на нее имѣлъ еще болѣе сильное вліяніе старый разладъ между гуманистами и реалистами. Въ своемъ сочиненіи о гимназической реформѣ Кёхли старался провести раздѣльную черту между гуманизмомъ и реализмомъ, принимая за правило, что гимназія должна готовить къ изученію историческихъ наукъ, а реальная школа—къ изученію естественныхъ наукъ. Брандтъ предлагалъ другой способъ соглашенія — онъ предлагалъ возстановить въ гимназіяхъ параллельные классы для гуманистовъ и для реалистовъ. Въ противоположность этимъ проектамъ Клоніусъ составилъ общій планъ преподаванія, обнимающій и новые и древніе языки, а Гаушильдъ старался ввести этотъ планъ въ употребленіе. Результатомъ всѣхъ этихъ споровъ было то, что изъ прежняго реального училища (*Bürgerschule*) возникла реальная школа, основную цѣль которой изложилъ Шпиллеке въ статьѣ, надѣлавшей много шума. Въ настоящее время всѣми признано, что средоточіемъ дѣятельности реальныхъ школъ служатъ естественныя науки и языки цивилизованныхъ народовъ новаго времени; остается спорнымъ вопросъ, въ

какой мѣрѣ необходимо для ихъ цѣли изученіе латинскаго языка. Реальныя школы организованы на основаніи той руководящей мысли, что ученики должны дѣлать окончательный выборъ между двумя открытыми для нихъ путями только въ послѣдніе годы передъ поступленіемъ въ университетъ. Но для реальныхъ школъ служатъ университетами политехническія школы, которыя въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ достигали въ Германіи все болѣе цвѣтущаго положенія.

Въ противоположность этому новому направленію школьнаго преподаванія, гуманистическое направленіе, по видимому, старалось нѣ- Гимназическая педагогика. которое время найти для себя опору въ союзѣ съ церковью и съ религіей. Это было не согласно съ убѣжденіями руководителей теперешняго нѣмецкаго гуманистическаго образованія, Ф. А. Вольфа, Г. Германа, А. Бёка (стр. 661); однако нѣкоторые школьные преподаватели, выдававшіе за свою главную цѣль «концентрацію преподаванія», были готовы ради этой цѣли совершенно прекратить въ гимназіяхъ преподаваніе естественныхъ наукъ и новѣйшихъ языковъ, а наряду съ классическими языками предоставить выдающееся значеніе почти только одному преподаванію религіи; къ разряду такихъ педагоговъ принадлежали, кромѣ основателя гимназической педагогики Фридриха Тирша, Негельсбахъ, Флаттъ, Карлъ ф. Раумеръ, Ротъ, Швабъ, Ландферманъ. Напротивъ того, Любкеръ, проводившій въ педагогикѣ историческій принципъ, старался достигнуть соглашенія на томъ основаніи, что школа, должна знакомить учащихся съ древностью, съ христіанствомъ и съ жизнью новаго времени въ ихъ взаимной связи. Впрочемъ всѣ пришли къ тому убѣжденію, что юношеству необходимо знакомство съ греческимъ и съ римскимъ міромъ, т. е. съ древностью, что изученіе классическихъ языковъ лучше всего другого развиваетъ способность мышленія, подготовляетъ къ научнымъ занятіямъ и стало быть помогаетъ пріобрѣтенію такого образованія, какое требуется отъ гимназій. Въ этомъ отдѣлѣ литературы замѣтна во всѣхъ направленіяхъ оживленная дѣятельность. Учебники и изданія классиковъ появляются въ огромномъ числѣ, а педагогическіе вопросы постоянно обсуждаются и съ теоретической и съ практической точки зрѣнія въ программахъ, въ журналахъ и на съѣздахъ филологовъ.

7. Естественныя науки и математика.

Въ томѣ XIII (стр. 176 и сл.) мы попытались описать путь, на Натурфилософское направ- который вступили изслѣдованія природы въ концѣ прошедшаго столѣтія; и въ текущемъ столѣтіи естественныя науки развивались тѣмъ- леніе. же путемъ; не смотря на то, что времена романтизма, неоставивша-

гося безъ вліянія и на эту сферу умственной дѣятельности, были неблагопріятны для развитія естественныхъ наукъ, а политическія бури въ эпоху войнъ за освобожденіе Германіи выдвигали на передній планъ интересы иного рода, и въ эту сферу, наконецъ, проникло вѣяніе реализма, благодаря которому естественныя науки могли достигнуть широкаго развитія. Въ теченіе первыхъ десятилѣтій текущаго столѣтія умы увлекались такимъ направленіемъ, которое хотя и содѣйствовало нѣкоторымъ важнымъ открытіямъ, но вообще не было благопріятно для изученія законовъ природы. Вызванное философіей Гегеля и Шеллинга, стремленіе объяснять все существующее на основаніи законовъ человеческого мышленія проникло и въ естественныя науки; тогда здравая натурфилософія въ духѣ Ньютона, исходившая изъ фактическихъ данныхъ и подводившая отдѣльныя явленія подъ общіе законы, слишкомъ часто замѣнялась неясными понятіями и предвзятыми мнѣніями, къ которымъ болѣе или менѣе успѣшно принаправлялись фактическія данныя.

Окенъ. Самымъ замѣчательнымъ и самымъ геніальнымъ представителемъ 1779—1851. этого натурфилософскаго направленія былъ остроумный и твердый характеромъ Лоренцъ Окенъ (Окенфуссъ), имѣвшій въ свое время сильное вліяніе на естествознаніе, которое было ему обязано многими новыми точками зрѣнія не смотря на его склонность къ мистическимъ умозрѣніямъ. Натурфилософія Окена привела его къ пантеистическому міровоззрѣнію, которое имѣло много сходства съ спинозизмомъ, и которое онъ, ничѣмъ не стѣсняясь, высказывалъ въ своемъ журналѣ *Isis* и въ другихъ сочиненіяхъ по естественной исторіи, часто сталкиваясь съ господствовавшими воззрѣніями и вызывая горячія возраженія. Онъ былъ вынужденъ покинуть сферу своей дѣятельности въ Іенѣ и прожилъ нѣсколько времени въ Мюнхенѣ; но тамъ онъ также не нашелъ безопасной почвы для своихъ свободныхъ воззрѣній и наконецъ поселился въ Швейцаріи. Въ окрестностяхъ прелестнаго Цюрихскаго озера и до сихъ поръ можно видѣть простой памятникъ, поставленный на томъ мѣстѣ, гдѣ любилъ отдыхать Окенъ и гдѣ онъ обыкновенно размышлялъ о загадкахъ природы.

Матеріалистическое направленіе. Одностороннее спекулятивное направленіе, толкавшее естественныя науки на такой путь, который не могъ привести къ плодотворнымъ результатамъ, неизбежно должно было вызвать реакцію; эта реакція сначала обнаружилась въ рѣшительномъ отвращеніи большинства естествоиспытателей ко всякой философіи, даже въ презрѣніи всякихъ спекулятивныхъ теорій, но въ послѣдствіи вызвала возникновеніе матеріалистической и атеистической системы, которая хотя и была основана на болѣе точномъ изученіи природы, но обнаруживала несомнѣнное сходство съ матеріализмомъ предшествовавшаго столѣтія. Подобно этому матеріализму и новый матеріализмъ не ограничивался

научными вопросами, а съ ожесточеніемъ нападалъ на господствовавшія религіозныя воззрѣнія.

Въ этомъ полемическомъ и отрицательномъ направленіи всего далѣе заходитъ гиссенскій уроженецъ Карль Фогтъ въ своихъ сочиненіяхъ по естественной исторіи; послѣ распушенія франкфуртскаго имперскаго парламента, въ которомъ Фогтъ былъ однимъ изъ вождей и главныхъ ораторовъ лѣвой стороны, онъ поселился въ Швейцаріи; одаренный смѣлымъ и любознательнымъ умомъ, онъ съ полной откровенностью излагалъ свои матеріалистическія воззрѣнія въ своихъ сочиненіяхъ «Руководство къ изученію геологіи и окаменѣлостей», «Физиологическія письма», «Очерки жизни животныхъ». Такого-же направленія придерживались Молешоттъ, Бюхнеръ и одаренный болѣе глубокимъ философскимъ умомъ Н. Сsolbe. По мнѣнію сторонниковъ этого ученія, только одаренная жизненными силами, матерія имѣетъ дѣйствительное существованіе; всѣ явленія въ безжизненной и въ одаренной жизни природѣ, равно какъ дѣятельность человеческого ума они объясняли свойственною физическимъ атомамъ способностью взаимно притягивать или отталкивать другъ друга; при этомъ они теряли изъ виду или не сознавали, что такое механическое воззрѣніе на вселенную находитъ для себя предѣлъ въ фактѣ самосознанія.

К. Фогтъ,
род. 1817.

Великіе и неожиданные результаты, достигнутые въ области естествознанія путемъ чистой индукціи въ противоположность спекулятивному методу, натурально, внушили преувеличенное понятіе объ ихъ важности; тогда возникла надежда, что тѣмъ-же путемъ можно достигнуть разоблаченія всѣхъ загадокъ бытія и подвести всѣ жизненные явленія подъ одну точку зрѣнія. Поэтому и методы изслѣдованій природы были примѣнены къ другимъ отраслямъ знанія, до той поры развивавшимся иными путями,—къ психологіи, къ логикѣ, къ политической экономіи и даже къ исторіи. Такъ напр. англійскій философъ и политико-экономъ Стюартъ Милль старался въ своей «Системѣ индуктивной логики» доказать, что опытъ есть единственный источникъ всякаго человѣческаго знанія и потому индукція есть единственный путь, который можетъ привести къ познанію истины. Хотя эта остроумная и послѣдовательно примѣняемая система и не можетъ, по причинѣ своей односторонности, удовлетворять требованія болѣе глубокихъ философскихъ умовъ, но она много содѣйствовала уясненію научныхъ воззрѣній, такъ какъ подводила методы изслѣдованій природы подъ одну точку зрѣнія и противодѣйствовала преувеличеннымъ притязаніямъ отвлеченныхъ умозрѣній.

Методы.

Но и одностороннее матеріалистическое міровоззрѣніе въ области естествознанія уже отжило свое время. Ученые снова стали сознавать достоинство и пользу такого философскаго познаванія основныхъ началъ, къ какому стремился Кантъ. Естествоиспытателямъ Фехнеру,

Лотце, Гельмгольцу, Вундту принадлежит въ наше время та заслуга, что они сочетали точныя изслѣдованія природы съ болѣе глубокимъ философскимъ воззрѣніемъ. И предѣлы человѣческаго знанія были точнѣе установлены; въ этомъ отношеніи знаменателенъ тотъ фактъ, что именно одинъ изъ самыхъ выдающихся представителей органическаго естествознанія, Э. дю-Буа-Реймонъ противопоставилъ слишкомъ смѣлымъ надеждамъ свое рѣшительное *Ignorabimus*.

Но изслѣдованія законовъ природы не только имѣли рѣшительное вліяніе на всѣ научныя воззрѣнія текущаго столѣтія, а также внесли коренныя преобразованія въ строй государственной и хозяйственной жизни. Громадныя успѣхи въ техникѣ, усовершенствованіе машинъ, электрическій телеграфъ, желѣзныя дороги — всѣмъ этимъ мы обязаны, если не исключительно, то болѣею частію научнымъ изслѣдованіямъ. Въ виду такого важнаго значенія этихъ изслѣдованій для умственной и матеріальной жизни, они, конечно, не могли оставаться тайной, доступной только для ученыхъ, и стали возбуждать сильный интересъ во всѣхъ сколько нибудь образованныхъ людяхъ. Поэтому старанія многихъ ученыхъ сообщать во всеобщее свѣдѣніе результаты научныхъ изслѣдованій нашли благопріятную для себя почву. Популярныя сочиненія по естествознанію составляютъ въ настоящее время довольно значительный отдѣлъ въ литературѣ, а публичныя лекціи на ту-же тему повсюду встрѣчаютъ сочувствіе.

Алекс. ф. Гум- Первымъ и самымъ замѣчательнымъ представителемъ этого попу-
больдтъ. лярнаго направленія въ литературѣ по естественнымъ наукамъ яв-
1769—1859. ляется Александръ фонъ-Гумбольдтъ, оставившій нѣмецкому народу два классическихъ произведенія *Ansichten der Natur* и *Kosmos*, которыя всегда будутъ служить прекраснымъ доказательствомъ нѣмецкаго трудолюбія и нѣмецкой учености. Обладая рѣдкимъ запасомъ многостороннихъ познаній, обнимавшихъ почти всѣ сферы умственной человѣческой дѣятельности, и близко изучивши природу трехъ частей свѣта во время своихъ продолжительныхъ путешествій, Гумбольдтъ былъ болѣе всякаго другого способенъ уяснить сущность естественныхъ наукъ какъ въ ихъ совокупности, такъ и въ ихъ отношеніяхъ къ жизни народовъ и отдѣльныхъ личностей. Онъ старался изучать природу, какъ одно нераздѣльное цѣлое, и предохранить естественныя науки отъ того ложнаго пути, который ведетъ къ изученію только мелочныхъ подробностей. Плодомъ этихъ стремленій является «Космосъ», въ которомъ Гумбольдтъ изложилъ всю совокупность нашихъ свѣдѣній о вселенной не въ видѣ простаго ихъ перечня, а въ ихъ органической цѣльности. Благодаря своему тонкому поэтическому чутью всего, что прекрасно, онъ умѣлъ объяснять вліяніе природы на наше настроеніе ума, а своими превосходными описаніями внушать любовь къ ней. Его стараніе знакомить съ результатами изслѣдованій природы не только ученыхъ спеціаль-

стовъ, но и всѣхъ образованныхъ людей, нашло многочисленныхъ подражателей, между которыми особенно выдѣляется Французъ Араго (ум. въ 1853), бывший поборникомъ свободы и въ своей ученой и въ своей политической дѣятельности. Но ни одинъ изъ этихъ послѣдователей Гумбольдта не можетъ равняться съ нимъ по геніальности, по глубинѣ идей и по изяществу изложенія.

Мы уже ранѣе (XIII, 184) говорили о цѣляхъ, которыя имѣлъ въ виду Гумбольдтъ во время своихъ путешествій по тропическимъ странамъ Америки. Свое второе большое путешествіе онъ предпринялъ въ 1829 году въ сопровожденіи Эренберга и Г. Розе также съ цѣлію изучить физическія свойства земной поверхности и ихъ вліяніе на жизнь народовъ. Это направленіе сдѣлалось съ тѣхъ поръ господствующимъ въ географической наукѣ; съ тѣхъ поръ перестали довольствоваться сопоставленіемъ отдѣльныхъ фактовъ и стали изучать вліяніе земной поверхности на взаимныя отношенія между различными народами и вообще на ихъ историческое развитіе.

Уже въ концѣ прошлаго столѣтія геттингенскій историкъ Гаттереръ сталъ придерживаться при изученіи географіи такого направленія, которое старается изучать естественныя условія страны и ихъ вліяніе на судьбу мѣстнаго населенія. По примѣру Гаттерера, придерживался такого-же направленія Августъ Цейне въ своемъ сочиненіи *Gea*, въ которомъ попытался изложить научное описаніе земнаго шара; это былъ патріотъ и филантропъ, самоотверженно занимавшійся образованіемъ слѣпыхъ. Но самое сильное вліяніе на изученіе географіи имѣлъ въ наше время другой послѣдователь Гумбольдта, Карлъ Риттеръ. Въ своемъ, недоведенномъ до конца, великопномъ трудѣ «Географія по отношенію къ исторіи человѣчества» онъ старался доказать, что судьба народовъ зависитъ отъ естественнаго положенія ихъ родины, — отъ очертанія береговъ, отъ многочисленности или малочисленности горныхъ возвышенностей и водяныхъ путей. Въ томъ-же направленіи трудились ученики Риттера, между которыми выдѣляются Генрихъ Кипертъ, Даніель и бывший впоследствии прусскимъ военнымъ министромъ, Роонъ. Подъ непосредственнымъ вліяніемъ направленія Гумбольдта былъ составленъ богатый физико-географическій атласъ Берггауза и вообще сдѣлала большіе успѣхи картографія, чему благопріятствовали и техническія усовершенствованія. Въ этой сферѣ особенно замѣчательны работы географическаго института въ Готѣ, который издавалъ съ 1854 года, подъ руководствомъ географа Августа Петермана, множество превосходныхъ географическихъ картъ и кромѣ того очень вліятельный и распространенный журналъ подъ заглавіемъ *Geographische Mittheilungen*. Петерману также принадлежитъ та заслуга, что онъ поощрялъ путешествія съ цѣлію открытій и извлекалъ изъ нихъ пользу для науки. Интересъ, возбуждаемый изслѣдованіями земной поверх-

Географія.

А. Цейне.
1778—1853.

Риттеръ.
1779—1859.

ности, обнаруживается все въ болѣе широкихъ сферахъ. Объ этомъ свидѣтельствуя основаніе и процвѣтаніе многочисленныхъ географическихъ обществъ, много содѣйствовавшихъ расширенію нашихъ географическихъ свѣдѣній благодаря тому, что оказывали поощреніе и денежную помощь тѣмъ, кто предпринималъ обширныя путешествія съ учеными цѣлями. Въ качествѣ писателя, излагавшаго исторію географіи, достоинъ упоминанія Оскаръ Пешель (ум. въ 1875).

Геологія.

Благодаря все болѣе и болѣе расширявшимся свѣдѣніямъ о земной поверхности, выяснились и сдѣлались болѣе правильными понятія о геогностикѣ,—о возникновеніи и образованіи горъ, о геологическомъ развитіи земли. Геологія обязана своими успѣхами пре-

Леоп. Бухъ. 1774—1853. имущественно дѣятельности геніальнаго Леопольда фонъ-Буха. Онъ сначала придерживался теоріи Вернера, съ которой мы уже поз-

накомились ранѣе (XIII, 185); но его обширныя изслѣдованія различныхъ странъ земного шара привели его къ убѣжденію въ неосновательности этой теоріи; онъ сталъ придерживаться стараго мнѣнія, что внутренность земли состоитъ изъ огненной массы, которая, вслѣдствіе встрѣчаемаго ею противодѣйствія въ твердой земной корѣ, не только производитъ въ наше время вулканическія изверженія, но и прежде выталкивала наружу огромныя массы горъ, какъ напр. Альпы. Эти воззрѣнія помогли Буху точнѣе опредѣлить относительную древность различныхъ формацій, которыя онъ научился яснѣе различать однѣ отъ другихъ благодаря находившимся въ нихъ окаменѣlostямъ. Бухъ доказалъ, что тѣ силы, которыя въ раннія эпохи существованія земнаго шара измѣняли его поверхность, и теперь еще не совсѣмъ утратили свое вліяніе,—онъ доказалъ, что почва Скандинавіи и до сихъ поръ медленно, но постоянно, возвышается. И эти наблюденія и другія однородныя съ ними, сдѣланныя позже, расчистили почву для такого воззрѣнія на геологію, которое находится въ противорѣчіи съ мнѣніемъ Кювье, будто громадные перевороты совершенно измѣнили всю поверхность земнаго шара. Еще въ 1822 году Гоффъ утверждалъ, что вулканическая дѣятельность земной внутренности и медленно непрерывно работающая вода способны, послѣ очень длинныхъ промежутковъ времени, производить громадныя измѣненія земной поверхности, хотя ихъ вліяніе и едва замѣтно въ историческія времена. Во Франціи, какъ намъ уже извѣстно (XIII, 185), прежде всѣхъ возстали противъ нептунической теоріи Доломьё и ученикъ Вернера, д'Обюиссонъ де-Буазенъ, руководствовавшійся преимущественно результатами своихъ геогностическихъ изслѣдованій въ Оверни; противоположное плуто-

Эли де-Бомонъ.

1798—1874.

Чарльсъ

Лайелль.

1797—1875.

нистическое направленіе было почти всѣми признано за правильное въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ его сталъ придерживаться ученый геологъ и минералогъ Эли де-Бомонъ. И въ Англіи систематически проводилъ такое же воззрѣніе на геологію Чарльсъ Лайелль,

опиравшійся на богатый запасъ данныхъ, добытыхъ личными наблюденіями. Эти воззрѣнія подверглись существеннымъ измѣненіямъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Болѣе точное изслѣдованіе альпійскихъ горныхъ породъ австрійскими и швейцарскими геологами (Hauer, Studer, Escher von der Linth, Heim) поколебало теорію возникновенія горъ отъ вулканическихъ изверженій. Неровности земной поверхности уже не приписываются силамъ вырывающимся наружу изъ внутренностей земли, а считаются послѣдствіемъ непрерывнаго охлажденія земли, вслѣдствіе котораго земная масса суживается. Это происходитъ, какъ полагаютъ, вслѣдствіе того, что высохшая земная кора осѣдаетъ и при этомъ разваливается на куски, подобно ледяной поверхности пруда, изъ котораго спустили воду; при этомъ отъ боковаго давленія выдвигаются вверхъ горы. Подводя подъ эту точку зрѣнія результаты геологическихъ изслѣдованій, производившихся внутри и внѣ Европы, Суэсъ (Suess) попытался начертить «обликъ земнаго шара».

Суэсъ,
род. 1831.

Къ числу непрерывно-дѣйствующихъ силъ, способныхъ съ теченіемъ времени сильно измѣнять внѣшній видъ земной поверхности, теперь относятъ и глетчеры, которые спускаются съ горныхъ возвышенностей и ежегодно сваливаютъ въ долины массы каменныхъ глыбъ. Различныя указанія и въ особенности такъ называемые эрратическіе камни вызвали предположеніе, что эти ледяныя массы когда-то имѣли гораздо болѣе значительный объемъ, чѣмъ въ настоящее время, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, покрытыхъ въ настоящее время богатой растительностью, были найдены признаки прежней ледяной коры. Изслѣдованіями этого рода занимались преимущественно швейцарскіе геологи Штудеръ, А. Эшеръ фонъ деръ Линтъ, Шарпантье, Агассицъ. Признаки прежней ледяной коры были найдены на сѣверо-германской низменности (Берендтомъ, Креднеромъ, Пенкомъ) и въ Сѣверной Америкѣ еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ у подошвы Альпійскихъ горъ. Такимъ образомъ сложилось убѣжденіе, что въ эпоху дилувіальной формаціи громадная ледяная кора тянулась отъ Скандинавіи черезъ Балтійское море вплоть до подножія средне-германскихъ горныхъ возвышенностей. Не покрытыя глетчерами пространства встрѣчались только мѣстами между сѣверными и альпійскими ледяными массами. Тамъ уже жили люди среди вымершихъ въ настоящее время, гигантскихъ животныхъ.

Въ новѣйшее время пріобрѣла важное самостоятельное значеніе Палеонтологія, наука объ окаменѣлостяхъ, находящаяся въ близкой связи съ геологіей и прежде считавшаяся за ея побочную вѣтвь; когда геологи стали тщательно собирать и сравнивать между собою заключавшіеся въ окаменѣлостяхъ остатки допотопныхъ животныхъ и растений, чтобъ составить себѣ болѣе ясное понятіе объ органической жизни на землѣ въ отдаленномъ прошломъ, тогда возникла новая наука—палеонтологія. Разныя цѣнныя находки помогали изслѣдователямъ изучать древнѣйшую исторію и развитіе человѣческаго рода; въ особенности открытіе свайныхъ построекъ и другихъ остатковъ пер-

воначальной, крайне грубой, человеческой работы, может, съ помощью дальнѣйшихъ открытій, со временемъ помочь разрѣшенію вопросовъ, имѣющихъ чрезвычайно важное вліяніе на всё, что входитъ въ сферу нашего міросозерцанія.

Минералогія. Натуральнымъ послѣдствіемъ успѣховъ геологіи и находящагося съ нею въ связи горнаго дѣла было развитіе минералогіи, которая съ тѣхъ поръ занималась исключительно физическимъ и химическимъ изслѣдованіемъ минераловъ. На кристаллизацію минераловъ было обращено особое вниманіе съ тѣхъ поръ, какъ Вейссъ придалъ кристаллографіи научную основу, а Митчерлихъ открылъ замѣчательную зависимость кристаллическихъ формъ отъ химическаго состава минераловъ. Науманнъ, Розе и др. далѣе развивали эту физико-химическую систему изученія минералогіи и воспользовались ею для систематической классификаціи минераловъ.

Математика. Развитіе большей части естественныхъ наукъ—астрономіи, физики, физиологіи, находится въ самой тѣсной связи съ развитіемъ математики; въ этой области обнаруживалась въ теченіе текущаго столѣтія усиленная дѣятельность. То, что было съ успѣхомъ предпринято великими изслѣдователями въ прошломъ столѣтіи, развивалось далѣе въ нашемъ вѣкѣ такими учеными, какъ Каухи, Гауссъ, Якоби

Гауссъ. и умершій въ молодыхъ лѣтахъ, геніальный Абель. К. Ф. Гауссъ 1777—1855. былъ однимъ изъ самыхъ великихъ математиковъ всѣхъ временъ; его учѣные труды по астрономіи и по физикѣ не менѣе замѣчательны, чѣмъ труды по чистой математикѣ. Онъ родился въ Брауншвейгѣ въ незнатномъ и небогатомъ семействѣ, но благодаря великодушію герцога Карла Вильгельма Фердинанда, могъ, безъ всякихъ заботъ о средствахъ существованія, развивать свои замѣчательныя дарованія и, занимаясь великими открытіями, обогащать науку. Впослѣдствіи Гауссъ былъ въ теченіе полу-столѣтія украшеніемъ гёттингенскаго университета. Едва ли найдется какая либо область математическихъ наукъ, въ которой онъ не указалъ-бы новыхъ точекъ зрѣнія, не проложилъ бы новыхъ путей. Но всего болѣе была ему обязана теорія чиселъ, которой онъ посвятилъ свое первое большое сочиненіе и которую онъ не терялъ изъ виду въ теченіе всей своей жизни. Онъ впервые пріобрѣлъ широкую извѣстность своими астрономическими занятіями. Въ первый день текущаго столѣтія наука обогатилась такимъ открытіемъ, которое восполнило давно замѣченный пробѣлъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о планетахъ. Жившій въ Палермо, Піацци открылъ до той поры неизвѣстную планету Цереру; это одна изъ тѣхъ небольшихъ планетъ, которыя вращаются вокругъ солнца между Марсомъ и Юпитеромъ и которыя въ настоящее время извѣстны уже въ числѣ слишкомъ двухъ сотъ. Но наблюденія надъ этой звѣздой еще были немногочисленны; поэтому на основаніи ихъ нельзя было опредѣлить путь планеты съ такой точ-

ностью, которая давала бы возможность снова отыскать это небесное тѣло, бросающее лишь очень слабый свѣтъ. Гауссъ былъ тотъ, кто создалъ средство восполнить этотъ недостатокъ а, жившій въ Бременѣ, Ольберсъ могъ, опираясь на результаты его изслѣдованій, отыскать новую планету. Эта заслуга поставила Гаусса наряду съ великими астрономами, а впоследствии онъ еще усовершенствовалъ свои методы изслѣдованій; они до сихъ поръ всего чаще употребляются въ астрономіи. Не только для астрономіи, но и для всѣхъ наукъ, основывающихъ свои наблюденія на измѣреніяхъ разстояній, имѣетъ особую важность такъ называемый методъ мельчайшихъ квадратовъ; это—чрезвычайно глубокомысленный способъ дѣлать по мѣрѣ возможности безвредными даже мелкія неточности въ наблюденіяхъ и придавать этимъ наблюденіямъ дотолѣ считавшіяся недостижимыми, вѣрность и точность. Гауссъ обогатилъ своими трудами и математическую физику: его изслѣдованія преломленія лучей свѣта въ астрономическихъ инструментахъ имѣли важно значеніе въ устройствѣ этихъ инструментовъ; также замѣчательны его изслѣдованія о равновѣсіи жидкостей, о силѣ тяготѣнія, и въ особенности о земномъ магнетизмѣ. При сотрудничествѣ физика Вильгельма Вебера Гауссъ создалъ новыя основы и вспомогательныя средства для изслѣдованія этихъ замѣчательныхъ явленій, скоро сдѣлавшіяся извѣстными во всей Европѣ благодаря основанію магнетического общества. Эти труды находятся въ тѣсной связи съ устройствомъ электрическихъ телеграфовъ, оказавшихъ въ очень короткое время такое сильное вліяніе на международныя сношенія. И способъ изложенія въ произведеніяхъ Гаусса можно назвать образцовымъ. Языкъ этого ученаго, писавшаго свои сочиненія большею частію по-латыни, можетъ равняться по своей ясности и выразительности съ языкомъ математиковъ классической древности. Его многочисленныя сочиненія были всѣ распроданы и сдѣлались очень рѣдкой находкой; но въ наше время они снова сдѣлались доступными благодаря тому, что были снова изданы гёттингенскимъ ученымъ обществомъ одновременно съ найденными послѣ смерти Гаусса рукописями.

Ольберсъ.
1758—1840.

Вильгельмъ
Веберъ,
род. 1804.

Проложеннаго Гауссомъ пути придерживались съ замѣчательнымъ успѣхомъ два писателя, оба преждевременно сошедшіе въ могилу, но своими сочиненіями много содѣйствовавшіе развитію математики—Лежёнъ-Дирихле и Риманнъ, имена которыхъ всегда будутъ занимать блестящее мѣсто въ исторіи этой науки. Не менѣе замѣчательенъ своею ученою дѣятельностью въ Кёнигсбергѣ и въ Берлинѣ Якоби, почти равномерно обогатившій своими учеными трудами всѣ отдѣлы математики. Вмѣстѣ съ Нейманномъ онъ основалъ въ Кёнигсбергѣ математико-физическую семинарію, изъ которой вышло не мало такихъ замѣчательныхъ математиковъ, какъ Гессе (ум. въ 1874),

Дирихле.
1805—1859.
Риманнъ.
1826—1866.
Якоби.
1804—1851.

Борхардъ (ум. въ 1880), Клебшъ (ум. въ 1872). Послѣ того, какъ Якоби переселился въ Берлинъ, лекціи читалъ вмѣсто него его ученикъ Ришело. Кромѣ Гёттингена и Кёнигсберга разсадникомъ математическихъ наукъ былъ Берлинъ. Академія, въ которую еще Фридрихъ Великій умѣлъ привлечь самыхъ выдающихся ученыхъ, не утратила своей прежней репутаціи, а въ позднѣе основанномъ берлинскомъ университетѣ математическія науки стали дѣлать большіе успѣхи со временъ Дирихле и Якоби. Тамошніе преподаватели Куммеръ, Вейерштрассъ, Кронеккеръ и по сіе время считаются украшеніями науки. Также заслуживаютъ упоминанія работавшій въ Берлинѣ швейцарскій математикъ Іаковъ Штейнеръ (ум. въ 1863), жившій въ Лейпцигѣ, Мёбіусъ (ум. въ 1868), жившій въ Эрлангенѣ, ф. Штаудтъ, жившій въ Боннѣ, Плюкеръ; всѣ они занимались преимущественно геометріей и обогатили ее новыми методами преподаванія.

Астрономія. Выше уже было упомянуто о громадномъ вліяніи, которое имѣли теоретическіе труды Гаусса на развитіе астрономіи. Но въ эту науку было внесено много новаго матеріала и техническими усовершенствованіями телескоповъ, въ устройствѣ которыхъ особенно отличались Фраунгоферъ, Репсольдъ и др. Эти инструменты познакомили насъ съ многочисленными небесными тѣлами, существованіе которыхъ было намъ до той поры неизвѣстно, и вмѣстѣ съ тѣмъ съ такими явленіями въ небесныхъ пространствахъ, тщательное изученіе и объясненіе которыхъ составляетъ важную, но трудную задачу теоріи, разрѣшимую только совокупными усиліями астрономовъ и математиковъ. Самые глубокіе слѣды оставила послѣ себя

Бессель. дѣятельность Ф. В. Бесселя, разработавшаго какъ теоретическую, 1784—1846. такъ и практическую сторону астрономіи съ одинакимъ талантомъ и съ одинакимъ успѣхомъ. Бессель родился въ Минденѣ и, по желанію своего отца, долженъ былъ поступить въ купеческое званіе; но его врожденныя влеченія побудили его, не покидая торговыхъ занятій, пріобрѣтать тѣ математическія и астрономическія познанія, благодаря которымъ онъ сдѣлался величайшимъ астрономомъ нашего столѣтія. Послѣ того, какъ онъ пріобрѣлъ извѣстность своими первыми учеными трудами, онъ нашелъ поощреніе и поддержку со стороны такихъ замѣчательныхъ ученыхъ, какъ Ольберъ и Захъ.

Захъ. Первымъ значительнымъ результатомъ трудовъ Бесселя было из- 1754—1832. влеченіе практическихъ выводовъ изъ наблюденій Брадлея; астрономія обязана ему, между прочимъ, и болѣе точными свѣдѣніями о составныхъ частяхъ и движеніи кометъ; кромѣ того, онъ прежде всѣхъ другихъ ученыхъ предпринялъ и исполнилъ трудное вычисленіе разстоянія до одной неподвижной звѣзды, а эта работа впослѣдствіи побудила Вильг. Струве и другихъ ученыхъ, какъ напр. обоихъ Струве, завѣдывавшихъ Пул- 1793—1864. ковской обсерваторіей подлѣ Петербурга, предпринять вычисленіе

разстояній и до другихъ болѣе отдаленныхъ звѣздъ. Бесселю принадлежитъ и та заслуга, что онъ первый утверждалъ существованіе планеты по ту сторону Урана и попытался посредствомъ вычислений опредѣлить ея мѣсто, величину и орбиту на основаніи ея вліянія на самую отдаленную изъ всѣхъ извѣстныхъ въ то время планетъ—на Урана; впрочемъ эта работа Бесселя была прервана его болѣзною; она была впослѣдствіи исполнена почти одновременно директоромъ парижской обсерваторіи Леверрье и Адамсомъ въ Кэмбриджѣ; а тотъ фактъ, что новую планету, получившую названіе Нептуна, отыскалъ Галле почти на заранѣе указанномъ мѣстѣ, служитъ блестящимъ доказательствомъ правильности вычислений, основанныхъ на законѣ тяготѣнія. Также достойно упоминанія исполненное Бесселемъ съ замѣчательною теоретическою прозорливостью и съ величайшимъ искусствомъ, измѣреніе длины секунднаго маятника, вслѣдствіе чего сила тяготѣнія земнаго шара была опредѣлена съ такою точностью, какая только возможна при нашихъ средствахъ.

Леверрье.
1811—1877.
1846.

Выше упомянутое открытіе все болѣе и болѣе значительнаго числа небольшихъ планетъ создало для теоретическихъ выводовъ такую трудную по своему объему задачу, что Гауссъ усомнился въ возможности ея разрѣшенія и предложилъ подвергать точнымъ вычислениямъ только нѣкоторыя изъ этихъ небесныхъ тѣлъ, а остальные оставлять безъ вниманія. Но болѣе молодые астрономы не послѣдовали этому совѣту: они общими силами принялись за разрѣшеніе той задачи во всемъ ея объемѣ. Въ виду необходимости совокупной работы, собравшіеся въ 1863 году въ Гейдельбергѣ астрономы основали астрономическое общество, которое въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ распространило свою полезную дѣятельность за предѣлы Германіи. Астрономическія наблюденія надъ луной вызвали возникновеніе такихъ научныхъ вопросовъ, которые еще не могутъ быть разрѣшены въ настоящее время. Медлеръ и Лорманнъ составили карты поверхности луны, на основаніи точныхъ измѣреній, а въ новѣйшее время Шмидтъ исполнилъ въ Афинахъ такую-же работу еще въ болѣе широкомъ размѣрѣ. Гансенъ въ Готѣ и Делоне въ Парижѣ снова подвергнули движеніе луны точнымъ вычислениямъ, которыя привели къ результатамъ не вполне сходнымъ съ результатами наблюденій; разъясненіе этихъ противорѣчій составляетъ важную задачу для будущихъ астрономовъ. Прохожденіе Венеры передъ солнечнымъ дискомъ—очень рѣдкое явленіе, имѣющее большую важность для опредѣленія разстоянія солнца отъ земнаго шара,—случилось, послѣ 1769 года, въ первый разъ въ 1874 году и снова въ 1882. Оно ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ и вызвало снаряженіе научныхъ экспедицій всѣми цивилизованными націями.

Медлеръ.
1794—1874.
Гансенъ.
1795—1874.
Делоне.
1816—1872.

Неподвижныя звѣзды также сдѣлались предметами многочислен-

ныхъ наблюденій, которыя расширили наши свѣдѣнія о движеніи двойныхъ звѣздъ и нашей солнечной системы, и которыми занимались астрономы Гершели отецъ (XIII, 181) и сынъ; этотъ послѣдній расширилъ наши свѣдѣнія о южномъ небѣ наблюденіями, которыми занимался на мысѣ Доброй Надежды; астрономическими наблюденіями также занимались нѣмецкіе ученые Аргеландеръ, Петерсъ, Энке. Этотъ послѣдній прославился преимущественно своими изслѣдованіями о періодически появляющихся кометахъ, которыя и названы его именемъ. Въ послѣднее время астрономы обратили свое вниманіе на то, что появленіе кометъ находится въ связи съ падающими звѣздами и метеорными камнями. Наблюденія Кіапарелли въ Миланѣ, Г. А. Ньютона, Вейсса доказали если не безспорное, то очень правдоподобное существованіе такой связи. Открытіемъ спектральнаго анализа Кирхгоффъ и Бунзенъ неожиданно обогатили наши свѣдѣнія о внутреннемъ составѣ небесныхъ тѣлъ. По свойствамъ свѣтовыхъ лучей, доходящихъ до насъ отъ звѣздъ, отъ солнца и отъ туманныхъ пятенъ, они научили распознавать, изъ какихъ матеріаловъ состоятъ эти свѣтящіеся тѣла и въ какомъ соотношеніи находятся между собой эти матеріалы.

Физика. Эти ученые были обязаны своимъ открытіемъ физикѣ. Явленія поляризаціи, двойнаго преломленія лучей и ихъ интерференціи сдѣлались въ концѣ прошлаго столѣтія болѣе близко намъ знакомыми, а въ теченіе текущаго столѣтія сдѣлались предметомъ новыхъ изслѣдованій. Въ этомъ отношеніи достойны упоминанія труды Араго, Біо, Бревстера, Фраунгофера, Штокса, Шверда и въ особенности Фреснеля; они безспорно доказали, что свѣтовые явленія слѣдуетъ объяснять волнообразнымъ движеніемъ лучей и на основаніи этой истины вполнѣ удовлетворительно объяснили мельчайшія подробности оптическихъ явленій; англійскому физикъ и математику Гамильтону удалось, на основаніи законовъ Фреснеля, предсказывать такіа явленія, которыя до того времени были недоступны для наблюденій, а потомъ доказывать, что они дѣйствительно происходили. Не менѣе многочисленнымъ наблюденіямъ подверглись электрическія явленія, въ особенности разнообразныя вліянія гальваническаго тока, объ открытіи котораго уже было говорено ранѣе (XIII, 187). Сфера относящихся сюда явленій быстро расширялась. Гемфрѣ Дэви изслѣдовалъ химическое дѣйствіе гальваническаго тока. Ёрштедъ открылъ въ 1820 году вліяніе электрическаго тока на магнитъ, а примѣненіе этого открытія къ устройству телеграфовъ привело къ важнымъ практическимъ результатамъ. Почти въ то-же время Амперъ открылъ взаимное динамическое вліяніе электрическихъ токовъ и создалъ математическую теорію, которая обнимаетъ и электрическія и магнетическія явленія и доказываетъ тождественность двухъ естественныхъ силъ, до той поры считавшихся независимыми одна отъ дру-

гой. Вскорѣ послѣ того, Зеебекъ доказалъ (1822 г.), что возбужденіе электрическихъ токовъ объясняется различіями температуры, а его открытіемъ воспользовались для конструкціи самыхъ точныхъ термометрическихъ инструментовъ. Англійскій физикъ Фарадѣ открылъ въ 1822 году электрическую и математическую индукцію, а 1791—1867. своими наблюденіями надъ вліяніемъ электричества на свѣтовые лучи вызвалъ новыя воззрѣнія на взаимную связь между различными силами природы, которыя, по его мнѣнію, ничто иное какъ различные внѣшнія проявленія одной и той-же, неизвѣстной намъ, основной силы. Эти открытія многочисленныхъ новыхъ явленій задали теоретикамъ важную задачу, разрѣшеніе которой начато Амперомъ и надъ которой до сихъ поръ еще трудятся физики. По пути, проложенному Амперомъ, успѣшно шли Г. С. Омъ, Ф. Нейманнъ, Вильгельмъ Веберъ и Кирхгоффъ. Фарадѣ. Омъ. 1787—1854. Кирхгоффъ. 1824—1887.

Воззрѣнія физиковъ подвергались значительной переработкѣ подъ вліяніемъ такъ называемой механической теоріи теплоты. Врачъ Р. Майеръ сталъ прежде всѣхъ излагать эту теорію въ 1840 году, основываясь на наблюденіяхъ надъ больными. Почти въ одно время съ нимъ, но независимо отъ него, пришли къ такимъ-же выводамъ Джауль въ Англіи и Гельмгольцъ въ Германіи; своими наблюденіями, экспериментами и математическими вычисленіями они создали для новой теоріи болѣе твердую основу. Дальнѣйшимъ ея развитіемъ и примѣненіемъ къ различнымъ отраслямъ физики занимался также Клаузіусъ. Роб. Майеръ. 1814—1878. Клаузіусъ. 1822—1888.

Въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій обнаружилось сильное оживленіе въ области химіи. Мы уже ранѣе (XIII, стр. 188 и сл.) говорили объ ученіи Лавуазье и объ открытіи закона неизмѣнныхъ пропорцій при химическихъ соединеніяхъ; тогда была создана твердая научная почва для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Еще было много теоретическихъ вопросовъ, ожидавшихъ отвѣта, а недостаточно разработанная почва обѣщала не мало новыхъ полезныхъ открытій; къ тому-же въ химіи почти всякій шагъ впередъ обѣщаетъ немедленную практическую пользу; поэтому, требованія техники не мало содѣйствовали успѣшному развитію химіи. Эта послѣдняя скоро сдѣлалась любимой наукой нашего столѣтія и хотя еще есть не мало вопросовъ, остающихся безъ отвѣта, хотя многіе выводы не вполне точны и вызываютъ возраженія, тѣмъ не менѣе наши свѣдѣнія о химическихъ процессахъ и о вспомогательныхъ средствахъ ихъ изслѣдованія чрезвычайно увеличились въ послѣднія десятилѣтія. Задача, которую предстояло разрѣшить теоретической химіи и которая наложила свой отпечатокъ на все направленіе ученыхъ изслѣдованій въ текущемъ столѣтіи, заключалась въ обработкѣ атомистической теоріи, получившей новое значеніе вслѣдствіе открытія французскаго ученаго Гей-Люссака, что объемы газовъ, находя-

Химія.

Гей-Люссакъ. 1778—1850.

Авогадро ди Кваренья. 1776—1856. шихся между собою въ химическомъ соединеніи, постоянно находятся въ неизмѣнномъ численномъ отношеніи между собою. Уже въ 1811 году, жившій въ Туринѣ Авогадро былъ наведенъ этимъ открытіемъ Гей-Люссака на мысль, что въ одинакихъ объемахъ различныхъ газовъ при равной температурѣ и равномъ давленіи находится всегда одно и то-же число химическихъ атомовъ. На этотъ законъ долго не обращали вниманія, но онъ получилъ рѣшающее вліяніе на новѣйшее развитіе химіи. Впослѣдствіи Дюма сдѣлалъ въ Парижѣ практическое примѣненіе закона, открытаго Гей-Люссакомъ и Авогадро, чтобъ по удѣльному вѣсу газовъ опредѣлить вѣсъ атомовъ.

Дюма. 1800—1884. Сильное и прочное вліяніе имѣла на химію неутомимая дѣятельность Шведа Берцелиуса, занимавшагося преимущественно обработкой теоріи атомовъ и пріобрѣвшаго безсмертную славу своими всесторонними изслѣдованіями отношеній электричества къ химическимъ процессамъ. Онъ же болѣею частію создалъ находящуюся въ настоящее время въ употребленіи, химическую терминологію.

Гмелинъ. 1788—1853. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о дѣятельности Леопольда Гмелина, который происходилъ отъ швабскаго семейства, отличившагося выдающимися трудами по естествознанію, и долго занималъ должность профессора въ Гейдельбергѣ; въ своемъ учебникѣ химіи онъ собралъ и изложилъ всѣ результаты, достигнутые въ его время изслѣдованіями въ этой наукѣ.

Самые важные результаты были достигнуты тщательнымъ и всестороннимъ изслѣдованіемъ отношеній химическихъ свойствъ тѣлъ къ физическимъ явленіямъ. Дальнзоркій ученый, родомъ изъ восточной Фризландіи, Митчерлихъ открылъ чрезвычайно важный законъ объ отношеніи кристаллическихъ формъ къ химическимъ свойствамъ; основу для этихъ изслѣдованій уже ранѣе подготовили Вейссъ, Г. Розе, происходившій отъ прославившагося своею ученостію семейства, Ф. Нейманнъ и др. своими трудами по кристаллологіи. Отношенія химическихъ свойствъ тѣлъ къ термическимъ, получившія особую важность вслѣдствіе примѣненія къ нимъ механической теоріи теплоты, были изслѣдованы Дюлонгомъ и Пети, которые открыли законъ, что специфическая теплота обратно пропорціональна вѣсу атомовъ.

Слѣдуетъ также упомянуть и о Бунзенѣ, занимавшемся въ Гейдельбергѣ изслѣдованіями химическихъ вліаній свѣта. Эти изслѣдованія получили очень важное значеніе для художественной техники вслѣдствіе изобрѣтенія фотографіи. Послѣ многихъ болѣе старыхъ и неудачныхъ попытокъ, Ньепсу и въ особенности Дагерру наконецъ удалось упрочить свѣтописный рисунокъ на металлической пластинкѣ; Араго сообщилъ въ 1839 году Парижской академіи объ открытіи Дагерра, вслѣдствіе чего оно сдѣлалось общеизвѣстнымъ. Впослѣдствіи были найдены другіе и болѣе удовлетворительные способы фотографірованія въ особенности благодаря Англичанину Тальбо, а непрерыв-

ныя усилія многочисленныхъ ученыхъ и техниковъ мало по малу довели фотографическое искусство до его теперешнихъ совершенствъ. — Одна изъ самыхъ важныхъ и самыхъ трудныхъ задачъ, которыми задавалась химія въ новѣйшее время, заключается въ изслѣдованіи органическихъ соединеній, которыя хотя и образуются изъ очень незначительнаго числа несложныхъ веществъ, но представляютъ очень большое разнообразіе. Прежде существовало мнѣніе, что органическія соединенія могутъ происходить только подъ вліяніемъ жизненной силы и потому не могутъ быть произведены искусственно; Вёлеръ доказалъ на дѣлѣ неосновательность этого мнѣнія и съ тѣхъ поръ 1800—1882. новѣйшія теоретическія воззрѣнія химиковъ развивались преимущественно на основаніи изслѣдованій объ органическихъ соединеніяхъ. Самымъ выдающимся представителемъ этого направленія въ химіи былъ Юстъ ф. Либигъ, родившійся въ Гиссенѣ, а впослѣдствіи переселившійся въ Мюнхенъ; онъ распространилъ свои изслѣдованія на явленія въ жизни животныхъ и растений и въ особенности на процессъ питанія и достигъ такихъ результатовъ, которые имѣютъ чрезвычайно важное значеніе не только въ научномъ отношеніи, но также для народнаго хозяйства и для сбереженія здоровья. Въ лицѣ Германа Коппа химія нашла для себя дѣльнаго исторіографа.

Успѣхи, достигнутые въ физикѣ и въ химіи, не могли оставаться безъ пользы и для находящейся въ тѣсной связи съ этими науками, фізіологіи, которая имѣетъ цѣлію изслѣдованіе законовъ жизни; но лишь послѣ того, какъ были изслѣдованы законы болѣе простыхъ явленій въ неодушевленной природѣ, сдѣлалась возможной попытка изслѣдовать законы и болѣе сложныхъ явленій въ живыхъ организмахъ. Въ этой сферѣ еще есть много такихъ загадокъ, которыя до сихъ поръ неразгаданы и, можетъ быть, вѣчно останутся неразгаданными. Все болѣе и болѣе созрѣваетъ убѣжденіе, что здѣсь точныя изслѣдованія и вмѣстѣ съ ними пониманіе жизненныхъ явленій возможны только въ той мѣрѣ, въ какой доступна для наблюденій дѣятельность жизненныхъ силъ, въ сущности ничѣмъ не отличающихся отъ силъ, господствующихъ въ такъ называемой мертвой природѣ. И въ фізіологіи, какъ во всѣхъ другихъ отрасляхъ естественныхъ наукъ, принесло большую пользу доведенное до высокаго совершенства искусство производить опыты. Іоаннъ Мюллеръ былъ тотъ, кто прежде всѣхъ поставилъ фізіологію на твердую научную почву и указалъ на необходимость примѣнять къ ней физическіе и химическіе законы; поэтому, его можно считать создателемъ новѣйшей фізіологіи. Онъ не менѣе замѣчателенъ, какъ анатомъ и зоологъ, такъ какъ извѣстенъ своими трудами по сравнительной анатоміи, имѣющей связь и съ фізіологіей: онъ изслѣдовалъ общіе законы жизни въ различныхъ формахъ органическихъ существъ. По проложенному имъ пути шёлъ далѣе его ученикъ Эмиль дю-Буа-Реймондъ, замѣнившій его

- Дю-Буа-Рей-мондъ, Реймондъ въ должности профессора при берлинскомъ университетѣ; Дю-Буа-мондъ, Реймондъ посвятилъ свои силы преимущественно на изслѣдованіе физическихъ явленій въ жизни животныхъ, а своимъ открытіемъ электрической силы въ мускулахъ и въ нервахъ вызвалъ новыя воззрѣнія на скрытые отъ нашихъ глазъ законы жизненныхъ явленій.
- Гельмгольцъ, Вѣ томъ-же направленіи и съ неменьшимъ успѣхомъ Гельмгольцъ (работавшій въ Гейдельбергѣ и въ Берлинѣ) старался объяснить загадочныя чувственные ощущенія путемъ опытовъ, физическихъ, математическихъ и астрономическихъ изслѣдованій. Въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи *Die Lehre von den Tonempfindungen* онъ изслѣдовалъ физическія явленія, происходящія въ нашихъ ушахъ и въ нашихъ нервахъ подѣ вліяніемъ музыки; въ свойствѣ звуковыхъ волнъ и въ организаціи нашихъ ушей онъ открылъ физическія причины пріятныхъ впечатлѣній, производимыхъ на насъ музыкальными звуками, и такимъ образомъ заложилъ фундаментъ для новой музыкальной теоріи, построенной на почвѣ естественныхъ наукъ. Съ такой-же прозорливостью Гельмгольцъ изслѣдовалъ способность зрѣнія, а результаты этихъ изслѣдованій изложилъ въ своемъ сочиненіи «О фізіологической оптикѣ». Онъ повсюду старался отыскивать внутреннюю связь между отдѣльными явленіями и навелъ фізіологію на такой путь, который обѣщаетъ въ будущемъ болѣе легкое разрѣшеніе загадки жизненныхъ явленій. И живущій въ Лейпцигѣ, К. Лудвигъ занимаетъ выдающееся мѣсто между фізіологами нашего времени.
- Лудвигъ, К. Лудвигъ, род. 1816. Ботаника и зоологія. Науки, для которыхъ служатъ предметомъ изученія живыя существа, — ботаника и зоологія вступили въ концѣ прошлаго столѣтія въ новую фазу своего развитія, какъ объ этомъ уже было нами упомянуто ранѣе (XIII, стр. 190). Послѣ блестящаго періода систематики и въ этой сферѣ знанія пастало время фізіологическихъ и анатомическихъ изслѣдованій, а въ связи съ ними и развитія морфологіи. Самое сильное вліяніе въ этомъ направленіи оказала, въ теченіе первыхъ десятилѣтій нашего столѣтія, дѣятельность Г. Кювье. Онъ родился въ Мѣмпельгардѣ, принадлежавшемъ въ то время къ вюртембергскимъ владѣніямъ, и происходилъ отъ семейства, бѣжавшаго изъ Франціи по причинѣ своей привязанности къ протестантской вѣрѣ; онъ воспитывался въ Штутгартѣ въ *Karlsschule*, гдѣ изучалъ естественныя науки подѣ руководствомъ зоолога Кильмейера. Стало быть зачатки своего научнаго образованія онъ получилъ въ Германіи, но главнымъ центромъ его дѣятельности былъ Парижъ, гдѣ онъ съ теченіемъ времени достигъ вліятельнаго положенія не только въ научной сферѣ, но и въ министерствѣ народнаго просвѣщенія. Его заслуги въ области естествознанія очень разнообразны, но онѣ относятся преимущественно къ сравнительной анатоміи, которая достигла въ его рукахъ высокой степени развитія. Онъ изслѣдовалъ измѣненія, которымъ подвергаются органы различныхъ жизненныхъ

отправлений; эти изслѣдованія онъ дѣлалъ надъ всѣми разрядами животныхъ и въ особенности надъ окаменѣлыми остатками тѣхъ животныхъ, которыя уже вымерли. Онъ открылъ законы, по которымъ формы различныхъ органовъ взаимно обусловливаются однѣ другими, и потому могъ опредѣлять форму цѣлаго организма по немногимъ уцѣлѣвшимъ остаткамъ когда-то жившихъ на землѣ животныхъ. Такимъ образомъ, отъ изслѣдованія отдѣльныхъ органовъ и ихъ функций онъ могъ перейти къ общимъ точкамъ зрѣнія на значеніе формъ животныхъ и указать нѣсколько основныхъ типовъ, по которымъ организованы тѣла животныхъ. У Кювье нѣтъ никакихъ указаній на общее происхожденіе этихъ типовъ, но нѣтъ и никакого ясно выраженного телеологическаго воззрѣнія.

Съ тѣхъ поръ и въ ботаникѣ и въ зоологіи стало все сильнѣе чувствоваться вліяніе анатоміи и фізіологіи; въ особенности въ тщательномъ изслѣдованіи развитія органическихъ зародышей стали съ тѣхъ поръ искать указаній на законы, по которымъ образуются формы живыхъ существъ. Въ этомъ направленіи прокладывали новые пути К. Г. Пандеръ и въ особенности К. Э. фонъ Баеръ, оба уроженцы русскихъ Остзейскихъ провинцій. Изслѣдованіями развитія зародышей также занимались въ Кёнигсбергѣ профессоръ зоологіи М. Г. Ратке, въ Вюрцбургѣ цюрихскій уроженецъ Кёлликеръ.

Въ ученіе о животныхъ и растеніяхъ былъ внесенъ новый элементъ, когда Шлейденъ указалъ на важное значеніе клѣточекъ въ развитіи растительныхъ организмовъ; а когда Теодоръ Шваннъ доказалъ, что клѣточка играетъ такую-же роль и въ развитіи животныхъ организмовъ, тогда стали считать клѣточку за общую первобытную форму живыхъ организмовъ. Эта целлюлярная теорія получила въ рукахъ Р. Вирхова значеніе даже для патологіи, такъ какъ онъ считалъ клѣточку за настоящее средоточіе жизни. Здѣсь также слѣдуетъ упомянуть о трудахъ ботаниковъ К. Ф. Шимпера и Александра Брауна, открывшихъ новые законы въ морфологіи растеній.

Самый глубокій переворотъ въ воззрѣніяхъ на природу произвелъ въ наше время ученіе Дарвина. Еще въ прошломъ столѣтіи Ламаркъ и Жоффруа С.-Гилеръ полагали, что изъ сходства въ развитіи животныхъ и растительныхъ организмовъ можно сдѣлать заключеніе объ общности ихъ происхожденія. Дарвинъ не только подтвердилъ основательность этой гипотезы множествомъ тщательно собранныхъ и проверенныхъ фактовъ, но также старался уяснить причины постепеннаго перерожденія видовъ; благодаря убѣдительной силѣ его доводовъ, его теорія произвела глубокое впечатлѣніе и на людей науки и на профановъ.

Ч. Дарвинъ родился въ 1809 году въ Шресбѣри и послѣ окончанія своихъ учебныхъ занятій въ Эдинбургѣ и въ Кэмбриджѣ сопровождалъ капитана Фицруа въ его пятилѣтнемъ кругосвѣтномъ путе-

Пандеръ.
1794—1865.

Баеръ.
1792—1876.

Шлейденъ.
1804—1881.

Шваннъ.
1810—1882.

Шимперъ.
1803—1867.

Браунъ.
1805—1877.

Дарвинъ.
1809—1882.

шествіи (1831—1836). Крім спеціальнихъ изслѣдованій по зоології, въ особенности объ образованіи коралловыхъ рифовъ, Дарвинъ собралъ во время этого путешествія тотъ запасъ наблюденій и впечатлѣній, который побудилъ его заняться разработкой новой теоріи. Прежде чѣмъ выступить на арену общественной дѣятельности, онъ провелъ цѣлую четверть вѣка въ наблюденіяхъ надъ развитіемъ различныхъ видовъ животныхъ и растений. Въ 1859 году вышло въ свѣтъ его первое сочиненіе о возникновеніи видовъ, вслѣдъ за которымъ появилось нѣсколько новыхъ сочиненій, въ которыхъ онъ частію приводилъ новыя доказательства въ подтвержденіе своей основной мысли, частію примѣнялъ эту мысль къ болѣе широкимъ сферамъ естествознанія («Измѣненія, которымъ подвергаются домашнія животныя и растенія», «Происхожденіе человѣка», «О выраженіи душевныхъ волненій у людей и у животныхъ»). По мнѣнію Дарвина, безчисленныя и разнообразныя формы жизни на землѣ суть видоизмѣненія и постепенныя перерожденія немногочисленныхъ первобытныхъ формъ, которыя хотя и неизвѣстны намъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, несложны и несовершенны. Причина возникновенія все болѣе совершенныхъ формъ,—какъ объ этомъ свидѣлствуютъ результаты изслѣдованій и опытовъ,—заключается съ одной стороны въ измѣнчивости организмовъ, въ наслѣдственности индивидуальныхъ свойствъ, съ другой стороны во внѣшнихъ условіяхъ жизни, которыя благопріятствуютъ размноженію болѣе совершенныхъ организмовъ въ ущербъ организмамъ менѣе совершеннымъ. Это—то, что Дарвинъ мѣтко называлъ борьбой за существованіе. Такимъ образомъ телеологія изгоняется изъ области естествознанія, а цѣлесообразность живыхъ организмовъ объясняется механически дѣйствующими причинами. Выводы Дарвина, основанные на громадномъ числѣ наблюденій и тщательно взвѣшенныхъ фактовъ, произвели чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Большинство изслѣдователей очень скоро признало основательность принциповъ дарвинизма, которые въ настоящее время и служатъ руководствомъ для изслѣдованій въ области органической природы. Конечно, не было недостатка и въ противникахъ этой теоріи въ особенности въ средѣ тѣхъ людей, которые усматривали въ новомъ ученіи опаснаго врага телеологическаго міровоззрѣнія. Между многочисленными учеными, далѣе развивающими ученіе Дарвина и исправляющими его въ мелкихъ подробностяхъ, особенно выдѣляются Гексли и Оуэнъ въ Англіи, и Э. Геккель въ Іенѣ.

Методы эмпирическаго изслѣдованія поздно и медленно стали проникать въ область медицины, или, точнѣе говоря, патологій,—т. е. той науки, которая занимается жизненными явленіями, возникающими при ненормальныхъ условіяхъ, въ нездоровыхъ организмахъ, и для которой служитъ конечною практическою цѣлію устраненіе этихъ ненормальныхъ условій посредствомъ излеченія болѣзни. Труд-

Геккель,
род. 1834.
Медицина.

ности, которая приходилось преодолевать изслѣдователямъ въ этой научной области, почти совершенно устранявшей помощь экспериментовъ, и практическій интересъ, съ которымъ относится лишенная научнаго образованія публика къ врачебному искусству, постоянно вызывали возникновеніе новыхъ системъ и теорій, подводившихъ безконечно разнообразныя болѣзненные явленія подъ одну точку зрѣнія и сообразно съ нею указывавшихъ способъ леченія. Эти системы, приводившія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ къ удовлетворительнымъ результатамъ, пріобрѣтали на нѣкоторое время или въ нѣкоторыхъ общественныхъ кружкахъ безусловное довѣріе, но очень скоро замѣнялись новыми, совершенно измѣнявшими прежніе способы леченія. Къ числу такихъ системъ принадлежатъ: придуманная Рёш-лаубомъ, такъ называемая «теорія возбужденія», созданная Ганеманномъ, гомеопатія, теорія Радемахера и многія другія. Въ особенности натурфилософское направленіе, — которымъ увлеклось большинство нѣмецкихъ врачей въ первой половинѣ нашего столѣтія, — привело къ тому, что тщательное изслѣдованіе фактическихъ данныхъ было замѣнено философскими отвлеченностями, въ концѣ концовъ оказавшимися безсодержательнымъ фразёрствомъ. Однако, никогда не было недостатка и въ такихъ людяхъ, которые преслѣдовали серьёзные научныя цѣли, не увлекались потокомъ господствующихъ въ данную минуту мнѣній и наконецъ внесли въ изученіе медицины здоровое направленіе, основанное на естествознаніи. Такъ напр. Іоаннъ Штиглицъ былъ непримиримымъ противникомъ всякихъ медицинскихъ системъ, вѣнскій профессоръ Рокитанскій основалъ патолого-анатомическую школу; Гуфеландъ, — авторъ «Макробіотики» и другихъ многочисленныхъ медицинскихъ сочиненій, занимавшій въ Берлинѣ должность профессора и лейбъ-медика, — занялъ почетное мѣсто въ исторіи медицины, не смотря на то, что по своей мягкой натурѣ, искавшей соглашенія между различными партіями, не годился для дѣятельности реформатора. Въ особенности вліянію Іоанна Мюллера медицина была обязана тѣмъ, что въ ней стало господствовать болѣе разумное направленіе. Въ нѣмецкой медицинѣ произвелъ коренное преобразование І. Л. Шёнлейнъ, вліявшій на своихъ учениковъ и на своихъ современниковъ не столько своими сочиненіями, которыя очень немногочисленны, сколько своимъ примѣрамъ и лекціями, которыя читалъ въ университетахъ вюрцбургскомъ, цюрихскомъ и берлинскомъ. Онъ старался тщательно изслѣдовать всѣ цѣлебныя средства, примѣнять химическій анализъ и микроскопъ къ патологическимъ наблюденіямъ, классифицировать безконечно разнообразныя формы болѣзней и такимъ образомъ создавать надежную основу для способовъ леченія. Это стараніе преобразовать медицину съ помощью естествознанія нашло многочисленныхъ подражателей, которые далѣе развивали воззрѣнія Шёнлейна и наконецъ доставили

Рёшлаубъ.

1768—1835.

Ганеманнъ.

1755—1843.

Штиглицъ.

1767—1840.

Рокитанскій.

1804—1878.

Гуфеландъ.

1762—1836.

Шёнлейнъ.

1793—1864.

медицинѣ равноправное положеніе съ другими естественными науками. Значительное число такихъ выдающихся нѣмецкихъ врачей, какъ Каннштаттъ, Пфѣйферъ, Фридрихъ, вышло изъ школы Шенлейна. Для естественно - историческаго направленія въ медицинѣ служила литературнымъ органомъ *Zeitschrift für rationelle Medizin*, основанная Пфѣйферомъ при содѣйствіи извѣстнаго анатома Генле. Не менѣе важное значеніе имѣла реформаторская дѣятельность въ такъ называемомъ физиологическомъ направленіи подѣ руководствомъ трехъ вюртембергскихъ уроженцевъ Вундерлиха, Розера и Гризингера. Большимъ вліяніемъ пользовался и Рудольфъ Вирховъ; онъ доставилъ въ Германіи рѣшительный перевѣсъ тому направленію, которое было основано на изученіи естественныхъ наукъ, и настойчиво требовалъ примѣненія точныхъ методовъ къ медицинскимъ изслѣдованіямъ. Онъ много содѣйствовалъ развитію патологической анатоміи, — т. е. той науки, которая ищетъ причины болѣзненнаго состоянія въ измѣненіяхъ физическихъ органовъ, чтобъ такимъ путемъ доискаться способовъ врачеванія.

Вирховъ,
род. 1821.

Всего рѣзче бросается въ глаза благотворная дѣятельность въ области хирургіи; болѣе точное изученіе человѣческаго организма и его болѣзней въ связи съ усовершенствованной техникой операцій принесло страждущимъ неоцѣнимую пользу. Боль, которую причиняютъ хирургическія операціи, была уменьшена употребленіемъ наркотическихъ средствъ — эѳира, къ которому сначала прибѣгали въ Бостонѣ Джексонъ и Мортонъ, и хлороформа, къ которому сталъ прибѣгать въ Эдинбургѣ Симпсонъ. Неожиданную пользу принесли антисептическія средства, употребленіе которыхъ ввели въ Англіи

Земмельвейссъ. Листеръ, въ Пештѣ Земмельвейссъ; они въ очень значительной мѣрѣ
1818—1865. уменьшили опасность хирургическихъ операцій. Въ этой области
К. ф. Грѣфе. знанія отличились своими заслугами К. Ф. фонъ Грѣфе и его сынъ
1787—1840. Альбрехтъ, знаменитый глазной докторъ Диффенбахъ, семейство Лан-
Альбр. Грѣфе. генбека, Билльротъ, Тиршъ.
1818—1870.

Диффенбахъ. Хотя по отношенію къ нѣкоторымъ болѣзнямъ, какъ напр. къ
1794—1847. эпидеміямъ, медицина и оказывается безсильной, но она можетъ ослаблять ихъ вредное дѣйствіе, можетъ ограничивать ихъ распространеніе узкой сферой. Холера, нѣсколько разъ посѣщавшая Европу въ теченіе нашего столѣтія, выдвинула на очередь вопросъ о рациональныхъ мѣрахъ для предохраненія отъ заразительныхъ болѣзней.

Петтенкоферъ, Главнымъ образомъ благодаря дѣятельности Петтенкофера въ Мюн-
род. 1818. хенѣ, медицина взялась за научную разработку этого вопроса. Блестящимъ результатомъ этихъ усилій было уясненіе причины заразительныхъ болѣзней, заключающейся въ размноженіи микроскопическихъ паразитовъ въ больномъ организмѣ. Изслѣдованія Пастёра, Р. Коха и многихъ другихъ доказали, что антоновъ огонь, холера, чахотка и нѣкоторыя другія болѣзни находятся въ связи съ раз-

множеніемъ паразитовъ; этимъ была заложена научная основа для предохраненія отъ этихъ болѣзней и для ихъ излеченія. Гигіена сдѣлалась въ настоящее время предметомъ спеціальнаго преподаванія почти во всѣхъ университетахъ, а значеніе этой науки возрастаетъ съ каждымъ днемъ, такъ какъ только благоразумныя мѣры предосторожности могутъ предохранить отъ распространенія эпидемическихъ болѣзней.

Мы дошли до конца нашего обзора, изъ котораго, надѣмся, ясно видно, что различные отдѣлы естествознанія служатъ помощью и подпорой одни для другихъ, подобно колесамъ одной и той-же машины, что стремленіе къ научному знанію пріобрѣтаетъ все болѣе твердыя основы, достигая повсюду богатыхъ результатовъ, и что всѣ отрасли естественныхъ наукъ сдѣлали въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій такіе успѣхи, какихъ онѣ прежде не достигали въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Но чѣмъ болѣе расширяются научныя познанія, тѣмъ шире становятся ихъ задачи. Каждое новое открытіе возбуждаетъ новые вопросы, ожидающіе отвѣта. Но это должно не ослаблять, а усиливать энергію изслѣдователя, такъ какъ—по прекрасному выраженію Лессинга—люди находятъ счастье и удовлетвореніе не въ полномъ обладаніи истиной, а въ сознаніи, что неизмѣнно и честно стремятся къ ней.

Заключеніе.

VI. Народное хозяйство и соціальная политика новаго времени.

Литературныя пособія. По исторіи техническихъ изобрѣтеній и открытій: *Karmarsch*, *Gesch. der Technologie*, Мюнхень 1872; *Jahrbuch der Erfindungen*. Лейпцигъ 1865 и сл.; *Das Buch der Erfindungen*, 6 частей, Лейпцигъ 1876 и сл.—По исторіи политической экономіи: *I. Kautz*, *Theorie und Geschichte der Nationalökonomik*. Вѣна 1858 и сл. и *Die gesch. Entw. der Nationalökonomik und ihrer Litteratur*. Вѣна 1860; *Roscher*, *Gesch. der Nationalökonomik in Deutschland*. Мюнхень 1874; *Eisenhart*, *Gesch. der Nationalökonomik*. Iena 1881; *Contzen*, *Geschichte, Litteratur und Bedeutung der Nationalök.* Берлинь 1881; *M. Wirth*, *Grundzüge der Nationalökonomie*. Кёльнь 1871; рядъ политико-экономическихъ статей въ журналѣ Баунчли и Братера *Staatswörterbuch*; *v. Mohl*, *Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften*. Эрлангенъ 1855 и сл.; *Rob. Meyer*, *Die Principien der gerechten Besteuerung in der neuern Finanzwissenschaft* (съ обзоромъ исторіи литературы политико-экономическихъ системъ). Берлинь 1884. — По соціалистическому движенію: *Fr. Mehring*, *Die deutsche Sozialdemokratie*. Берлинь 1879; *O. Testut*, *Die Internationale*. Лейпцигъ 1872; *Rud. Meyer*, *Der Emanzipationskampf der vierten Standes*. Берлинь 1882; *Adler*, *Geschichte der ersten sozialpolit. Arbeiterbewegung in Deutschland*. Бреславль 1885; много сочиненій о теоріи Лассаля; *H. v. Sybel*, *Die Lehren des heutigen Sozialismus und Kommunismus*. Боннь 1872; *E. Jäger*, *Der moderne Sozialismus*. Берлинь 1873.

1. Экономическая дѣятельность въ новое время.

Паровая сила,
какъ помощ-
ница въ чело-
вѣческомъ
трудѣ.

Ни въ какомъ періодѣ исторіи соціальныя и экономическія условія не подвергались такимъ сильнымъ переворотамъ какъ въ нашѣ вѣкѣ паровой силы, машиннаго и фабричнаго производства, желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ. Ни одно изъ изобрѣтеній прежнихъ временъ не произвело во всѣхъ сферахъ общественной жизни такой же глубокой перемѣны, какъ употребленіе паровой силы въ пользу человеческого труда и культуры. Дымящіяся трубы фабрикъ, повсюду свидѣтельствующія о самой оживленной промышленной дѣятельности, и тысячи верстъ желѣзныхъ дорогъ и телеграфныхъ проволокъ, опоясывающихъ весь земной шаръ, являются самыми краснорѣчивыми памятниками неутомимыхъ стремленій нашего времени къ прогрессу. Постоянно возрастающее и способное расширяться до безконечности, употребленіе машинъ представляетъ въ экономическомъ отношеніи самую характеристическую отличительную черту новаго времени. Громадное облегченіе производительной дѣятельности и увеличеніе человеческихъ рабочихъ силъ, ускореніе сообщеній, принципъ раздѣленія труда, неразрывно связанный съ введеніемъ машиннаго производства, — все это вызвало коренныя измѣненія въ условіяхъ человеческой жизни, въ привычкахъ и въ воззрѣніяхъ, и расширило старыя узкія рамки промышленной предпріимчивости.

Характеръ
экономической
дѣятельности
новаго времени.

Только благодаря великимъ изобрѣтеніямъ въ области промышленнаго производства и торговыхъ сношеній окончательно исчезли средне-вѣковыя общественныя и государственныя учрежденія съ ихъ феодальнымъ строемъ, съ ихъ сословными привилегіями, съ ихъ цехами, неравноправностью и прикрѣпленіемъ рабочаго класса къ землѣ. Свобода труда и переселеній съ одного мѣста на другое, и отмѣна стѣсненій всякаго рода, на сколько это дозволяютъ общіе интересы населенія, сдѣлались съ тѣхъ поръ такими основными принципами, которые мало по малу признаются повсюду. Конечно, когда разваливается старый организмъ, обществу приходится переживать продолжительный періодъ тяжелаго труда, пока оно не создастъ новыхъ прочныхъ формъ и законовъ для своей общественно-экономической жизни. Именно въ такомъ переходномъ положеніи находятся наши современники. Въмѣстѣ съ «добрымъ старымъ временемъ», безспорно, исчезло не мало хорошихъ и полезныхъ стремленій, съ которыми почти вовсе незнакомы люди новаго времени, неутомимо заботящіеся о наживѣ, холодно расчетливые и себялюбивые. Лихорадочное оживленіе теперешней промышленной предпріимчивости при неумолкаемомъ стукѣ машинныхъ колесъ и подъ тяжелымъ гнѣтомъ ничѣмъ нестѣсняемой конкуренціи иногда заглушаетъ тѣ нѣжныя патріархальныя чувства, которымъ были доступны сердца прежнихъ ремес-

ленниковъ; неограниченная свобода переселеній и удобства сообщеній иногда отучаютъ отъ любви къ родинѣ и къ осѣдлой регулярной жизни; пессимисты могутъ приводить не мало доводовъ въ подтвержденіе своихъ опасеній, что экономическое развитіе нашего времени приведетъ къ исчезновенію средняго зажиточнаго сословія, и что въ концѣ концовъ не будетъ никакой середины между плутократіей и пролетаріатомъ; но человѣческое общество обладаетъ неистощимыми цѣлебными средствами и въ концѣ концовъ справится со всѣми внутренними недугами, хотя, быть можетъ, и послѣ очень тяжелыхъ испытаній. Этихъ недуговъ, конечно, нельзя излечить возвращеніемъ къ прежнимъ учрежденіямъ, для которыхъ уже нѣтъ налице необходимыхъ условій. То, что годилось во времена патріархальныхъ правовъ, крѣпостной зависимости и трудныхъ торговыхъ сообщеній, не можетъ годиться въ наше время машиннаго производства, широкой кредитной системы и удивительно быстрой перевозки промышленныхъ произведеній. Хотя пессимисты и не перестаютъ указывать на нѣкоторыя дѣйствительно темныя стороны экономической жизни новаго времени, а агитаторы возбуждаютъ народныя страсти проповѣдуя непримиримую борьбу между трудомъ и капиталомъ, но нѣтъ возможности отвергать того факта, что въ наше время улучшилось положеніе народныхъ массъ и въ чисто-матеріальномъ отношеніи. Конечно, и въ теперешнее время нерѣдко встрѣчается несоразмѣрность между наемнымъ трудомъ и заработной платой, а положеніе рабочихъ, въ особенности на фабрикахъ, иногда бываетъ крайне-печальнымъ; но когда же переставали дѣйствовать вѣчные законы, которые неравномѣрно распредѣляютъ между людьми необходимость труда и средства для жизненныхъ наслажденій? Что-бы ни говорили о недостаткахъ теперешняго строя общественной жизни, нельзя не признавать той истины, что низшіе классы населенія достигли болѣе благопріятнаго матеріальнаго положенія, чѣмъ въ прошлыя времена, что ихъ жилища, одежда, пища улучшились, что они имѣютъ теперь болѣе свободнаго времени для отдыха. Въ сожалѣнію, нѣкоторыя, рѣзко бросающіяся въ глаза слабыя стороны существующихъ порядковъ нерѣдко мѣшаютъ ясно сознать, какъ великъ прогрессъ культуры нашего столѣтія и въ матеріальномъ отношеніи.

2. Технические улучшенія въ способахъ сообщенія и промышленной дѣятельности.

Развитіе культуры человѣческаго рода находитъ для себя и могущественный рычагъ и самое наглядное выраженіе въ усовершенствованіи искусствъ и въ техническихъ изобрѣтеніяхъ; поэтому въ

Прогрессъ въ сферѣ экономической дѣятельности.

нашемъ сочиненіи, задавшемся цѣлію описать постепенное развитіе всѣхъ сторонъ народной жизни, оказался-бы важный пробѣлъ, если бы мы умолчали о самыхъ важныхъ перемѣнахъ и улучшеніяхъ въ области международныхъ сношеній, въ ремесленной и промышленной дѣятельности. И въ наше время творческую дѣятельность человѣческаго ума возбуждаютъ прежніе стимулы—необходимость обороняться отъ враговъ, желаніе болѣе легкимъ способомъ удовлетворять жизненныя потребности, стараніе умножить житейскія радости и наслажденія, и кромѣ того удовлетвореніе честолюбія и любознательности, а этимъ же путемъ подготавливается почва и для развитія тѣхъ идеальныхъ благъ, которыя называются наукой и искусствомъ. Грубое оружіе и каменные инструменты, съ которыми насъ познакомили изслѣдователи до-историческихъ временъ, свидѣтельствуютъ о давно исчезнувшей культурѣ, не оставившей послѣ себя никакихъ сказаній, никакихъ преданій. Какой длинный путь пришлось проходить человѣческому роду, чтобъ замѣнить тѣ грубыя орудія теперешними машинами и художественными сооруженіями! Но оно проходило этотъ путь шагъ за шагомъ, изъ которыхъ каждый оставлялъ послѣ себя глубокіе слѣды въ умственной и матеріальной жизни народовъ. Между тѣмъ, какъ въ старыя времена еще неразвившейся культуры каждое семейство, каждое племя старалось удовлетворять свои насущныя потребности тѣми дарами природы, которые находило на своей родинѣ, напротивъ того, при болѣе высокомъ развитіи культуры, стоитъ на первомъ планѣ устройство удобныхъ путей сообщенія, такъ какъ они дѣлаютъ возможнымъ обмѣнъ умственныхъ и матеріальныхъ богатствъ между различными странами и превращаютъ въ достояніе всего человѣческаго рода то, что достигнуто усиліями какого нибудь одного народа. Обзоръ исторіи прошлыхъ временъ доказываетъ намъ, что самыя глубокія преобразованія совершались въ эпохи великихъ народныхъ движеній—во времена походовъ Александра Македонскаго, великаго переселенія народовъ, Крестовыхъ походовъ, великихъ открытій пятнадцатаго столѣтія; и наше время обязано своимъ особымъ отпечаткомъ громадному прогрессу въ улучшеніи путей сообщенія.

Свѣтлыя и темныя стороны прогресса. Такіе перевороты, конечно, не всегда имѣютъ только благотворныя послѣдствія, въ особенности если переходъ отъ старыхъ порядковъ къ новымъ совершается быстро. Они нарушаютъ не мало интересовъ, имѣющихъ право на уваженіе, и уничтожаютъ не мало дорогихъ воспоминаній. Общественные порядки, существовавшіе въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, не легко приспособляются къ новымъ формамъ рабочей дѣятельности и къ измѣнившимся условіямъ жизни; переходъ къ этимъ новымъ условіямъ нерѣдко влечетъ за собою тяжелую борьбу и матеріальныя лишенія; сначала онъ оказывается полезнымъ только для меньшинства, а народная масса не перестаетъ.

тяготиться условіями своего существованія, которыя кажутся ей тѣмъ болѣе невыносимыми, что еще рѣзче прежняго бросается въ глаза ихъ противоположность съ улучшившимся положеніемъ немногихъ счастливцевъ. Такъ какъ всѣ коренныя преобразованія вызываются большею частію матеріальными потребностями, то ими прежде всего стараются воспользоваться эгоисты для удовлетворенія своихъ низкихъ влеченій къ наслажденіямъ и своего корыстолюбія. Въ пятнадцатомъ столѣтіи жажда золота побуждала тысячи людей переселяться на ту сторону океана, гдѣ они вели безпутную жизнь искателей приключеній; и въ наше время паровая сила и электричество разожгли страсть къ наживѣ и къ наслажденіямъ, угрожая заглушить влеченія къ умственной дѣятельности и къ идеальнымъ цѣлямъ. Эти явленія можно назвать болѣзненными конвульсіями, безъ которыхъ организмъ человѣческаго общества не можетъ перейти къ совершенно новому, еще неиспробованному порядку. Разумные законы, устройство товариществъ, вліяніе религіи и совѣсти могутъ ослабить ожесточеніе борьбы и уменьшить страданія; но нѣтъ никакой возможности остановить потокъ прогресса или заставить его течь обратно, а еслибы это и было возможно, то человѣчество ничего не выиграло-бы отъ того, что наложили-бы узы на его энергію и предприимчивость и стали бы искусственно поддерживать мракъ и невѣжество. Побѣды человѣческаго ума надъ слѣпыми силами природы не могутъ причинять продолжительнаго вреда; онѣ въ концѣ концовъ сами излечутъ нанесенныя ими раны, когда снова возьмутъ верхъ тѣ болѣе благородныя стремленія, которыя лишь временно могутъ заглухнуть въ человѣческой натурѣ.

Мы начнемъ нашъ обзоръ теперешняго положенія техники съ Паровая сила. введенія въ употребленіе паровой силы, которою стали пользоваться какъ двигательною силою для машинъ еще въ послѣднія десятилѣтія прошлаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ начался для человѣчества новый періодъ культуры, который далеко еще не закончился въ настоящее время; все его значеніе будутъ въ состояніи исполнѣ оцѣнить только историки культуры будущихъ временъ. Мы въ состояніи только бѣгло обозрѣть постепенное возникновеніе новыхъ порядковъ; ихъ глубокое вліяніе на условія общественной жизни создаетъ для соціальной политики и для законодательства важныя задачи, къ разрѣшенію которыхъ въ ихъ самомъ широкомъ объемѣ приступила новая германская имперія.

а. исторія пользованія паровой силой.

Первыя по-

Отъ многихъ изъ древнихъ писателей намъ извѣстно, что способность ^{испытать пользо-} пара служить двигательной силой уже была извѣстна Архимеду, Герону ^{ванія паровой} Александрійскому и Витрувію. И изъ ^{силою.} шестнадцатаго и семнадцатаго сто-

лѣтій до насъ дошли отрывочныя свѣдѣнія въ томъ-же родѣ объ итальянскомъ естествоиспытателѣ Іеронимѣ Карданусѣ, о Французѣ Саломонѣ де-Ко, объ Англичанинѣ маркизѣ Уорчестерѣ. Но этимъ попыткамъ неслѣдуетъ придавать важнаго значенія: это были только предвѣстницы будущихъ паровыхъ машинъ. Первымъ, въ чьихъ рукахъ паровая машина получила реальное существованіе, былъ Діонисій Папинъ; онъ родился въ

- Папинъ.
1647—1714. Блуа, но такъ какъ былъ кальвинистъ, то, послѣ отмѣны нантскаго эдикта, былъ принужденъ удалиться изъ Франціи и отправился въ Англію. Дальнѣйшія подробности его жизни извѣстны намъ не вполне. Съ 1687—1707 года онъ занималъ должность профессора математики и физики въ марбургскомъ университетѣ; тамъ онъ занялся подробной обработкой своихъ изобрѣтеній и построилъ модель паровой машины, которую самъ и описалъ. Въ Германіи не нашлось въ то время такихъ предпріимчивыхъ или такихъ богатыхъ людей, которые были-бы въ состояніи воспользоваться новымъ изобрѣтеніемъ и сдѣлать изъ него широкое употребленіе, хотя самъ Папинъ зашелъ такъ далеко, что построилъ парохоть, на которомъ успешно плавалъ по Фульдѣ. Между тѣмъ, Англичанинъ Томасъ Савери также построилъ паровую машину неизвѣстно, независимо-ли отъ Папина, или, какъ нѣкоторые утверждаютъ, воспользовавшись его идеями; но эта машина имѣла лишь незначительную двигательную силу и не могла равняться съ тѣмъ, что было сдѣлано Папиномъ; она была усовершенствована въ 1705 году слесаремъ Ньюкоменомъ такъ, что сдѣлалась годной для техническихъ цѣлей, преимущественно для выкачиванія воды изъ корваллисскихъ рудниковъ въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ приставленному къ ней мальчику Гѣмфрѣ Поттеру надоѣла тяжелая и однообразная работа верченія колеса и онъ придумалъ способъ, чтобы сама машина исполняла эту работу.
1707.
1698.
1718.

- Съ тѣхъ поръ въ теченіе почти полустолѣтія не было сдѣлано существенныхъ улучшеній въ устройствѣ паровыхъ машинъ и онѣ употреблялись
Джемсъ Уоттъ. въ дѣло лишь въ рѣдкихъ случаяхъ; наконецъ Джемсъ Уоттъ довелъ ихъ
1736—1819. своей прозорливостью и своимъ терпѣніемъ до такого совершенства, что онѣ сдѣлались общеупотребительнымъ орудіемъ. Онъ родился въ Гриннокѣ, въ Шотландіи, и уже съ ранней молодости привыкъ донскиваться причины всѣхъ интересовавшихъ его явленій. Онъ посвятилъ себя изученію механики и занималъ съ 1757 до 1764 года второстепенную должность при гласговскомъ университетѣ, гдѣ ему было поручено устройство и усовершенствованіе физическихъ инструментовъ. Но уже тамъ его даровитость, познанія и симпатичный характеръ доставили ему возможность сблизиться съ нѣсколькими выдающимися людьми, въ числѣ которыхъ находился и знаменитый политикоэкономъ Адамъ Смитъ. Мастерская Уотта сдѣлалась сборнымъ мѣстомъ ученыхъ и любознательныхъ студентовъ. Принадлежавшій университету, модель одной изъ паровыхъ машинъ, построенныхъ Ньюкоменомъ, внушилъ Уотту желаніе изучить дѣйствіе паровой силы. Онъ съ удивительной прозорливостью умѣлъ находить и недостатки этой машины и средства для ихъ исправленія, но долго не могъ осуществить всѣхъ своихъ замысловъ по недостатку денежныхъ средствъ, пока не нашелъ друга и помощника въ лицѣ владѣльца промышленнаго заведенія въ Соо, подлѣ Бирмингама, Матвѣя Больтона. Благодаря совокупнымъ успѣхамъ этихъ двухъ людей, машинная фабрика въ Соо сдѣлалась самой большой во всемъ мірѣ; она и до настоящаго времени сохранила свою громкую извѣстность. Тамъ Уоттъ придумывалъ одно вслѣдъ за другимъ многочисленныя улучшенія, благодаря которымъ дѣятельность машинъ усилилась, стоимость ихъ уменьшилась, а ихъ работа сдѣлалась болѣе правильной. Послѣдніе годы своей жизни Уоттъ провелъ въ своемъ помѣстьѣ
- 1773.

подлѣ Бирмингама, занимаясь научными трудами. И ему, какъ многимъ другимъ изобрѣтателямъ приходилось встрѣчать на пути не мало затрудненій и вести нелегкую борьбу. Но своей твердостью воли онъ достигъ своей цѣли, а въ глубокой старости онъ имѣлъ счастье собственными глазами видѣть великіе плоды своихъ трудовъ. Англійскій народъ почтилъ его память, поставивши его статую въ вестминстерскомъ аббатствѣ.

Самыя старыя паровыя машины въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ строилъ Уоттъ, были неподвижно стоявшія на одномъ мѣстѣ; онѣ употреблялись для самыхъ разнообразныхъ цѣлей—для выкачиванія воды изъ рудниковъ, для подниманія тяжестей, для пробуриванія отверстій и для облегченія труда въ самыхъ разнородныхъ отрасляхъ производства—въ прядильномъ промыслѣ, въ ткацкой работѣ, въ книгопечатаніи, въ постройкѣ машинъ. Болѣе трудной и лишь позднѣе разрѣшенной задачей было употребленіе паровой силы для перемѣны мѣста, для приведенія кораблей и экипажей въ движеніе; но именно въ этомъ отношеніи новое изобрѣтеніе достигло самыхъ блестящихъ результатовъ. Легче было найти способъ движенія на водѣ, чѣмъ на сушѣ, и онъ дѣйствительно былъ найденъ гораздо ранѣе, какъ объ этомъ свидѣлствуетъ и вышеупомянутая попытка Папина; но и эта попытка и другія, подобныя ей, дѣлавшіяся позже, скоро прекращались, не смотря на то, что не оставались совершенно безуспѣшными. И первыя пробы, сдѣланныя Американцемъ Робертомъ Фультономъ на Сенѣ, подлѣ Парижа, были не вполне удачны; даже Наполеонъ, замышлявшій въ то время высадку въ Англію, отвергнулъ предложенное ему изобрѣтеніе, какъ несбыточную мечту. Болѣе удачны были попытки, сдѣланныя Фультономъ въ 1807 году на рѣкѣ Гудсонѣ подлѣ Нью-Йорка. Хотя съ тѣхъ поръ пароходство и стало достигать быстрыхъ успѣховъ, но Фультонъ умеръ въ нуждѣ и въ долгахъ въ томъ самомъ году, когда конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ приказалъ спустить на воду первый военный пароходъ—фрегатъ „Фультонъ“, на которомъ было 32 пушки. Но самыхъ важныхъ успѣховъ достигнули тогда, когда осмѣлились пуститься съ помощью паровой силы въ открытое море, сдѣлать мореплаваніе независимымъ отъ вѣтровъ, отъ погоды и отъ морскихъ теченій, и успѣли до безконечности быстроту плаванія. Первый корабль, переѣхавшій съ помощью паровой силы черезъ океанъ,—„Саванна“ совершилъ переѣздъ изъ Нью-Йорка въ Ливерпуль въ двадцать дней. Черезъ нѣсколько десятилѣтій пароходство вошло въ употребленіе на всемъ земномъ шарѣ; безчисленные пароходы всѣхъ націй разсѣкаютъ морскія волны во всѣхъ направленіяхъ, поддерживая постоянныя и скорыя сообщенія съ самыми отдаленными странами.

Пароходы.

1803.

1815.

1819.

Такому сильному развитію международныхъ сообщеній содѣйствовали и другія предпріятія, въ особенности прорытіе суэцкаго канала, задуманное Французомъ Фердинандомъ Лессенсомъ и приведенное имъ въ исполненіе въ 1869 не смотря на множество политическихъ и техническихъ препятствій; разрѣшеніе этой проблемы, уже ранѣе неоднократно выдвигавшейся на передній планъ, сократило морской путь изъ Европы въ Индію почти на половину. Другія однородныя предпріятія, какъ напр. прорытіе панамскаго перешейка, и соединеніе Нѣмецкаго моря съ Балтійскимъ посредствомъ прорытія канала черезъ Гольштинію еще не доведены до конца, но безъ всякаго сомнѣнія увѣнчаются успѣхомъ. Для прорытія канала черезъ Гольштинію уже начаты работы на счетъ германской имперіи и Пруссіи, а окончаніе работъ по прорытію панамскаго перешейка встрѣтило недавно большія денежныя затрудненія.

Прорытіе перешейковъ.

Лессенсъ,
род. 1805.

Употребленіе
винтового сна-
ряда. 1829.

Важнымъ улучшеніемъ въ постройкѣ пароходовъ было введеніе винтоваго снаряда, придуманнаго Иосифомъ Ресселемъ, уроженцемъ города

Тріеста; тогда пароходы сдѣлались болѣе прежняго годными для военныхъ цѣлей, такъ какъ тѣ части машины, въ которыхъ сосредоточена двига-
тельная сила, стали занимать въ пароходахъ мѣсто ниже поверхности
воды и въ нихъ не могли попадать пушечныя ядра съ непріятельскихъ
кораблей.

Желѣзные до-
роги.

Мы оставимъ въ сторонѣ придуманныя техникой военного искусства.
средства нападенія и обороны, заключающіяся въ сооруженіи броненос-
ныхъ судовъ и въ устройствѣ торпедъ, и посмотримъ, какъ воспользо-
вались паровой силой для сухопутныхъ сообщеній. Въ этомъ отношеніи при-
ходилось преодолевать важныя затрудненія, не встрѣчавшіяся при соору-
женіи пароходовъ, потому что паровую машину съ ея запасами воды и
топлива и съ ея паровымъ котломъ нужно было помѣстить на болѣе уз-
комъ мѣстѣ, чѣмъ какое она занимала на пароходахъ или на фабрикахъ.

1802.

Это сдѣлалось возможнымъ только съ тѣхъ поръ, какъ *Richard Trevithik*
изобрѣлъ въ Корнваллисѣ машину высокаго давленія, которая превосхо-
дила своею силой прежнія машины въ шесть или въ восемь, а впоследствии
даже въ десять разъ; тогда сдѣлался не нужнымъ конденсаторъ, требова-
вшій значительнаго пространства для запасовъ холодной воды. И устрой-
ство паровозовъ было доведено до совершенства не разомъ, а только по-
слѣ многочисленныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ, экспериментовъ. Пер-
воначальное намѣреніе пользоваться ими для ѣзды по обыкновеннымъ до-
рогамъ оказалось неисполнимымъ по причинѣ слишкомъ сильнаго давленія
и недостаточной устойчивости шоссейныхъ дорогъ. Это затрудненіе надѣ-
ялись устранить съ помощью желѣзныхъ рельсовъ, уже давно бывшихъ
въ употребленіи въ англійскихъ рудоконьяхъ; но этому долго препятство-
вало ошибочное мнѣніе, будто треніе на желѣзныхъ рельсахъ такъ незна-
чительно, что по нимъ нельзя пускать паровозы. Долго придумывались
разныя средства для устраненія этого воображаемаго затрудненія. Только

Г. Стефенсонъ. Георгу Стефенсону и его сыну Роберту удалось побѣдить всѣ препятствія
1781—1848. и соорудить вполне соотвѣтствующіе своему назначенію паровозы. Георгъ

Р. Стефенсонъ. Стефенсонъ родился въ окрестностяхъ Ньюкэстля въ бѣдномъ семействѣ
1803—1859. изъ рабочаго сословія и въ своей молодости работалъ въ мѣстныхъ ко-
няхъ каменнаго угля. Тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался впоследствии, онъ былъ
обязанъ только своей энергіи и даровитости. Сравнительно довольно рано
онъ нашелъ для себя подпору въ своемъ сынѣ Робертѣ, отличавшемся

1812.

одинакими съ нимъ дарованіями. Первый паровозъ былъ построенъ Сте-
фенсономъ только для перевозки каменнаго угля изъ коней Ньюкэстля
къ берегамъ рѣки Тайна, откуда его грузили на корабли. Стефенсонъ про-
зорливо подмѣчалъ недостатки въ устройствѣ этой машины и неутомимо
трудился надъ ихъ исправленіемъ. Въмѣстѣ съ другими промышленниками
онъ завелъ въ 1824 году въ Ньюкэстлѣ, преимущественно для постройки
паровозовъ, машинную фабрику, которая скоро пріобрѣла всемірную из-
вѣстность, а своимъ владѣльцамъ доставила богатство и почѣтъ. Въ 1825
году была открыта для эксплуатаціи между Стоктономъ и Дерлингтономъ
первая настоящая желѣзная дорога въ теперешнемъ смыслѣ слова. Но еще

1829.

несравненно болѣе важнымъ было открытіе желѣзно-дорожной линіи меж-
ду Манчестеромъ и Ливерпулемъ, по которой стали ходить паровозы, по-
строенные Стефенсономъ по новымъ и усовершенствованнымъ принци-
памъ; эти паровозы далеко превзошли предъявленные къ нимъ требова-
нія и въ настоящее время служатъ точкой исхода для всѣхъ дальнѣйшихъ
улучшеній въ этой сферѣ.

Развитіе же-
лѣзныхъ до-
рогъ.

Вслѣдъ за этими первыми желѣзными дорогами скоро были построены
новыя—сначала въ Англии, а потомъ на европейскомъ континентѣ и въ
Сѣверной Америкѣ. Въ нѣсколько десятилѣтій этотъ способъ сообщеній

достигъ такого распространенія и такой важности, какихъ никакъ нельзя было предвидѣть при первыхъ попыткахъ пользоваться имъ. Въ Германіи сначала препятствовала развитію сѣти желѣзныхъ дорогъ политическая разрозненность мелкихъ нѣмецкихъ государствъ. Только въ 1835 году была открыта недлинная желѣзная дорога между Нюрнбергомъ и Фюртомъ, а въ 1839 году была построена первая большая желѣзная дорога между Лейпцигомъ и Дрезденомъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ вновь пробудившіяся стремленія къ объединенію Германіи внесли оживленіе и въ экономическую дѣятельность, эта страна такъ расширила свою желѣзно-дорожную сѣть, что не уступаетъ въ этомъ отношеніи ни одному изъ другихъ европейскихъ государствъ. Сначала постройка желѣзныхъ дорогъ находилась въ зависимости отъ условій почвы: для нея были непреодолимыми препятствіями рѣки, горы, даже небольшія возвышенности; но съ теченіемъ времени были найдены средства преодолевать всѣ эти затрудненія и для новѣйшей техники уже не существуютъ неразрѣшимыя задачи. Вслѣдствіе усовершенствованія сооружений изъ желѣза сдѣлалась возможной постройка такихъ мостовъ для желѣзно-дорожныхъ сообщеній, о какихъ прежде не смѣли бы и подумать. Такъ напр. построены мостъ между англійскимъ материкомъ и островомъ Англезн и другой мостъ черезъ *Firth of Tay* подлѣ Дѣнди въ Шотландіи. Кромѣ того принадлежать къ числу самыхъ большихъ сооружений: мостъ, построенный (1850—1857 г.) черезъ Вислу подлѣ Диршау и первый постоянный мостъ черезъ Рейнъ между Страсбургомъ и Килемъ; теперь нѣтъ ни въ одной изъ цивилизованныхъ европейскихъ странъ такой большой рѣки, черезъ которую не переѣзжали-бы желѣзно-дорожные поѣзды въ нѣсколькихъ пунктахъ. Нашли способъ переѣзжать и горы съ тѣхъ поръ, какъ для усовершенствованныхъ машинъ перестали служить препятствіемъ значительныя возвышенности и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ научились прокапывать длинные туннели. До самого начала текущаго столѣтія только нѣшеходы и вьючныя животныя могли проходить черезъ альпійскія горныя ущелья, а переходъ Наполеона черезъ большой Сенъ-Бернаръ былъ сопряженъ съ громадными затрудненіями и усиліями. Въ нашемъ столѣтіи была начата и доведена 1800. до конца постройка многочисленныхъ превосходныхъ дорогъ черезъ Альпы; первая изъ нихъ была проведена, по распоряженію Наполеона, черезъ Симплонъ; этимъ способомъ былъ проложенъ чрезвычайно извилистый, 1800—1807. но удобный путь въ Италію какъ для фуръ и легкихъ экипажей, такъ и для артиллеріи и для цѣлыхъ армій. Въ настоящее время паровозы дымятся на четырехъ рельсовыхъ путяхъ, проложенныхъ черезъ Альпы—черезъ Земмеррингъ съ 1854 года, черезъ Бренперъ съ 1867 года, черезъ Монъ-Сени съ 1871 года и черезъ Сенъ-Готтардъ съ 1882 г.; кромѣ того, имѣется въ виду проложеніе новыхъ дорогъ черезъ горы, чтобъ удовлетворить постоянно возрастающую потребность въ новыхъ путяхъ сообщенія. И въ другихъ странахъ свѣта, въ особенности въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, постройка желѣзныхъ дорогъ встрѣчала важныя и своеобразныя препятствія не столько на технической почвѣ, сколько на соціальной; тамъ теперь есть четыре желѣзно-дорожныя линіи, идущія отъ береговъ Атлантическаго океана къ берегамъ Тихаго океана. Задачи иного рода возникли для техники вслѣдствіе сильнаго расширенія большихъ городовъ и вслѣдствіе потребности въ удобныхъ сообщеніяхъ между городскими жителями. Кромѣ безчисленныхъ рельсовыхъ путей, по которымъ ѣздятъ частію на лошадяхъ, частію съ помощью паровозовъ, и безъ которыхъ не хотятъ обходиться даже менѣе обширные города, здѣсь слѣдуетъ указать на два громадныхъ сооруженія—на подземную желѣзную дорогу въ Лондонѣ и на берлинскую дорогу, идущую поверхъ городскихъ улицъ и называющуюся безкопечными изгибами.

в. ИЗВЛЕЧЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОЛЪЗЫ ИЗЪ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА.

Телеграфъ.

На ряду съ паровой силой и электричество содѣйствовало улучшенію способовъ сообщенія, въ особенности въ устройствѣ телеграфовъ. Уже давно возникали попытки быстро сообщать важныя извѣстія на далекія разстоянія посредствомъ условныхъ знаковъ; онѣ часто возобновлялись, когда представлялась необходимость въ быстрой передачѣ извѣстій, въ особенности во время военныхъ дѣйствій. Въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ настоящаго Шанне довелъ во Франціи устройство оптическихъ телеграфовъ до такого высокаго совершенства, что Парижъ могъ въ нѣсколько минутъ обмѣниваться извѣстіями по телеграфу съ самыми большими французскими городами. Его система телеграфнаго устройства поражала его современниковъ удивленіемъ и скоро вызвала подражаніе въ другихъ странахъ, но увѣренность въ ея непоколебимыхъ превосходствахъ сначала мѣшала серьезнымъ попыткамъ устройтъ электрическіе телеграфы.

1809.

Составленный Зѣммерингомъ проектъ устройства электрическаго телеграфа былъ переданъ парижской академіей на разсмотрѣніе особой комиссіи, въ составъ которой вошли первоклассные ученые Монжъ, Біо, Карно; но комиссія оставила этотъ проектъ безъ тщательнаго разсмотрѣнія, а самъ Наполеонъ считалъ его негоднымъ для практическаго примѣненія, нѣмецкой химерой. И такъ сильны были укоренившіеся во Франціи предразсудки, что только въ 1851 году тамъ былъ введенъ для общаго употребленія первый электрическій телеграфъ.

Зѣммеррингъ,
род. въ 1755 г.
въ Торнѣ, ум.
въ 1830 во
Франкфуртѣ
на М.

Но изобрѣтеніе мюнхенскаго анатома и физиолога Зѣммерринга въ сущности было первымъ шагомъ къ будущему широкому развитію электрическаго телеграфа, съ которымъ не выдерживаетъ никакого сравненія оптический телеграфъ ни по своей точности, ни по своимъ практическимъ удобствамъ, ни по своей стоимости. Зѣммеррингъ задумалъ воспользоваться химическимъ разложеніемъ воды съ помощью электрическаго тока для передачи условныхъ знаковъ по телеграфу; его аппаратъ, устроенный на небольшія средства, дѣйствовалъ на значительныхъ разстояніяхъ вполнѣ успѣшно до 1820 года, т. е. до его переѣзда изъ Мюнхена. И въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ дѣйствовали въ то время аппараты, устроенные по той же системѣ. Но общественное мнѣніе мало интересовалось новымъ изобрѣтеніемъ и даже совершенно перестало имъ интересоваться, такъ какъ нигдѣ не обнаруживалось готовности тратить деньги на устройство новыхъ аппаратовъ въ широкихъ размѣрахъ; мысль Зѣммерринга укоренилась въ умахъ нѣсколькихъ индивидуумовъ и потому не осталась утраченной для человѣчества; она снова пробудилась по прошествіи нѣсколькихъ десятилѣтій, когда Датчанинъ Ёрстедъ создалъ для нея болѣе надежныя вспомогательныя средства, открывши магнетическое дѣйствіе электричества. Наконецъ въ 1833 году Гауссъ и Веберъ устроили въ Гёттингенѣ электро-магнетическій телеграфъ между обсерваторіей и физическимъ кабинетомъ и стали пользоваться имъ для пересылки депешъ.

Усовершен-
ствованіе те-
леграфа.

Между тѣмъ, баронъ Шиллингъ фонъ Каннитаттъ, жившій въ 1811 году въ Мюнхенѣ въ званіи члена русскаго посольства, близко сошелся съ Зѣммеррингомъ, горячо заинтересовался его идеей и сталъ развивать ее далѣе. У насъ нѣтъ достаточныхъ данныхъ, чтобъ съ точностью опредѣлить, въ какомъ году Шиллингъ (умершій въ 1837 г.) устроилъ свой электро-магнетическій телеграфъ, и былъ-ли этотъ телеграфъ устроенъ ранѣе Гауссъ-Веберовскаго. Но положительно извѣстно, что въ 1835 году на съѣздѣ естествоиспытателей въ Гейдельбергѣ физикъ Мунке въ первый

разъ познакомили съ этихъ аппаратомъ нѣмецкихъ ученыхъ, а впоследствии объясняли его устройство на своихъ университетскихъ лекціяхъ. Тамъ познакомился съ этимъ аппаратомъ въ 1836 году англичанинъ Кукъ (*Cooke*), который старался, при содѣйствіи знаменитаго англійскаго физика Уитстона, дать этому изобрѣтенію дальнѣйшій ходъ и взялъ въ 1837 году патентъ на усовершенствованіе аппарата. Между тѣми, кто содѣйствовали усовершенствованію телеграфа, занимаетъ выдающееся мѣсто жившій въ Мюнхенѣ, Карлъ Августъ Штейнгейль; это былъ очень ученый астрономъ и физикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ искусный техникъ. Онъ изобрѣлъ первый телеграфъ, отмѣчавшій передаваемые слова на бумагѣ. За тѣмъ Американецъ Морсъ нашелъ способъ отмѣчать телеграфическіе знаки на бумагѣ стальной иглой; это было въ сущности незначительное улучшеніе, но оно вошло въ общее употребленіе и доставило изобрѣтателю громкую извѣстность и много денегъ. Но насъ завело-бы слишкомъ далеко перечисленіе всѣхъ улучшеній въ устройствѣ телеграфа и наконецъ также телефона (изобрѣтеннаго въ 1877 году Грахамъ Беллемъ). Во всѣхъ этихъ улучшенияхъ принимала дѣятельное участіе берлинская фабрика телеграфическихъ аппаратовъ Сименса и Гальске подъ руководствомъ ученаго Вернера Сименса. А какими гигантскими шагами расширялась телеграфная сѣть въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, еще свѣжо въ памяти нашихъ современниковъ.

Штейнгейль.
1801—1870.
1837.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть и о смѣломъ предпріятіи соединить Старый Свѣтъ съ Новымъ посредствомъ подводнаго телеграфнаго кабеля. Оно потребовало многолѣтнихъ приготовительныхъ работъ и очень значительныхъ денежныхъ суммъ; первая попытка была сдѣлана въ 1857 году и не имѣла успѣха; она была возобновлена въ слѣдующемъ году и была успѣшна въ томъ отношеніи „что кабель былъ проложенъ во всю свою длину; но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль онъ пересталъ дѣйствовать и снова оказалась бесполезной трата многихъ милліоновъ. Не смотря на эту неудачу, въ 1864 году образовалась новая акціонерная кампанія для возобновленія попытки, успѣхъ которой былъ, повидимому, обезпеченъ ранѣе пріобрѣтенной опытностью; но предпріятіе снова окончилось неудачей: гигантскій корабль *Great Eastern*, на который было возложено исполненіе трудной задачи, возвратился въ Ирландію, бесполезно погрузивши въ воду кабель длиною почти въ тысячу англійскихъ миль. Но англійскіе акціонеры не упали духомъ и при четвертой попыткѣ достигли своей цѣли; 28 іюля 1866 была получена въ Лондонѣ первая депеша изъ Америки, а тронная рѣчь, произнесенная Прусскимъ королемъ при открытіи сейма послѣ войны съ Австріей, была по прошествіи только двухъ дней напечатана слово въ слово въ американскихъ газетахъ. Такимъ образомъ было доведено до конца предпріятіе, сначала казавшееся крайне рискованнымъ. Въ настоящее время не менѣе пяти подводныхъ кабелей соединяютъ Европу съ Америкой и во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ телеграфная проволока передаетъ мысли и слова съ быстротою молніи.

Подводный
кабель.

1866.

Мы не можемъ закончить этого краткаго обзора средствъ сообщенія, не упомянувъ о важныхъ заслугахъ главнаго директора нѣмецкихъ почтъ и телеграфовъ, Стефана: при его дѣятельномъ участіи были начаты въ 1874 году въ Бернѣ и доведены до конца въ 1878 году въ Парижѣ переговоры объ организаціи всемірнаго почтового союза и были устроены постоянныя сообщенія съ заморскими странами черезъ посредство почтовыхъ пароходовъ. Эта дѣятельность Стефана, какъ организатора, имѣла не менѣе важное значеніе, чѣмъ усовершенствованіе техническихъ пріемовъ; благодаря ей, новые способы сообщеній могутъ удовлетворительно исполнять свою важную культурную задачу.

Заслуги главного директора
нѣмецкихъ почтъ Стефана.

С. ПРОМЫШЛЕННАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ НОВАГО ВРЕМЕНИ.

Желѣзное и машинное про- до громадныхъ размѣровъ потребность въ желѣзѣ и оказали непосред- изводство. ственное, чрезвычайно сильное вліяніе на ту чрезвычайно важную отрасль народнаго хозяйства, въ которую входятъ устройство желѣзныхъ заводовъ и фабрикація машинъ. Умѣнье плавить и обдѣлывать желѣзо было извѣстно даже дикимъ народамъ; его зачатки теряются во мракѣ доисторическихъ временъ. Оно всегда играло важную роль въ народномъ хозяйствѣ, а изобиліе желѣза всегда было однимъ изъ главныхъ источниковъ благосостоянія страны. Тотъ фактъ, что Англія опередила европейскій континентъ успѣшнымъ развитіемъ своихъ матеріальныхъ богатствъ, объясняется главнымъ образомъ изобиліемъ желѣза и каменнаго угля и той счастливой случайностью, что желѣзныя руды и залежи каменнаго угля находятся въ близкомъ разстояніи одни отъ другихъ. Поэтому, въ первой половинѣ текущаго столѣтія Англія безспорно занимала первое мѣсто по своей машинной teknikѣ и вообще по обработкѣ желѣза и стали, и почти всѣ улучшения и изобрѣтенія исходили оттуда или по меньшей мѣрѣ впервые вводились тамъ въ употребленіе. Тамъ былъ впервые введенъ въ употребленіе каменный уголь, служащій въ настоящее время такимъ могущественнымъ рычагомъ для работы машинъ; тамъ были введены въ употребленіе паровыя раздувальныя мѣха, Бессемерова сталь, очищеніе желѣза отъ фосфора и многія другія изобрѣтенія. Желѣзныя сооруженія стали играть важную роль при постройкахъ и во многихъ случаяхъ вытѣснили изъ употребленія дерево и камень. Хорошему качеству своихъ желѣзныхъ рудъ Швеція обязана тѣмъ, что по настоящее время неутратила своего важнаго значенія въ области желѣзнаго производства. Отъ нея неотстала въ этомъ отношеніи и Германія: Силезія, Саксонія, Вестфалія, Рейнскія провинціи принимаютъ дѣятельное участіе въ обработкѣ желѣза. Но въ особенности фабрикація литой стали въ Эссенѣ фирмою Круппа прославила нѣмецкую промышленность во всемъ цивилизованномъ мірѣ. Фридрихъ Круппъ, которому принадлежала небольшая молотовая фабрика подлѣ Эссена, пытался еще въ началѣ нашего столѣтія улучшить обработку стали. Его старанія не увѣнчались успѣхомъ и послѣ его смерти въ 1826 году его вдова и четырнадцати-лѣтній сынъ были очень озабочены печальнымъ положеніемъ доставшейся имъ по наслѣдству фабрики. Но неустойчиво А. Круппъ. дѣятельному и даровитому сыну Круппа, Альфреду удалось найти способъ 1812—1887. для выработки изъ стали гораздо болѣе крутыхъ инструментовъ, чѣмъ тѣ, которые изготавлялись его отцомъ. Крупповскія пушки изъ литой стали и блиндажныя плиты имѣли въ военной исторіи послѣднихъ десятилѣтій рѣшающее значеніе и доставили эссенской фабрикѣ всемірную извѣстность; впрочемъ, эта фабрика неоставалась въ бездѣйствіи и въ мирное время; она изготавляла колокола, желѣзнодорожныя рельсы и составныя части машинъ. На громадныхъ Крупповскихъ заводахъ пріобрѣтаютъ средства существованія болѣе 20,000 рабочихъ съ своими семьями, а владѣлецъ этихъ заводовъ, самъ испытавшій въ своей молодости нужду и никогда не стыдившійся своего незнатнаго происхожденія, всегда относился къ своимъ рабочимъ съ отеческой заботливостью.

Пользованіе электриче- ствомъ. Для техники машиннаго устройства возникли новыя задачи съ тѣхъ поръ, какъ открылась возможность пользоваться электричествомъ для устройства освѣтительныхъ снарядовъ и въ качествѣ двигательной силы. Попытки этого рода возникли лишь очень недавно; онѣ конечно, вызовутъ не

мало новыхъ улучшеній и позволяютъ ожидать очень важныхъ результатовъ; и въ этомъ отношеніи нѣмецкій умъ и нѣмецкая наука помогли нѣмецкой промышленности занять передовое мѣсто: находящаяся въ Берлинѣ, фабрика электрическихъ машинъ и аппаратовъ Сименса и Гальске является колыбелью большей части улучшеній и успѣховъ достигнутыхъ въ этой сферѣ.

Здѣсь не мѣсто подробно описывать развитіе всѣхъ отдѣльныхъ отраслей промышленной дѣятельности — какъ напр. придильнаго искусства, ткацкаго ремесла, приготовленія красокъ, разработки рудниковъ, горно-заводскихъ работъ, фабрикаціи стеколъ и химическихъ продуктовъ; каждая изъ этихъ отраслей имѣетъ свою особую исторію, нелишнюю значенія въ общемъ ходѣ развитія культуры. Для болѣе подробнаго изученія ихъ исторіи можетъ служить прекраснымъ руководствомъ изданная подъ редакціей *Reuleaux* „Книга изобрѣтеній“ (*Buch der Erfindungen*); мы ограничимся краткимъ обзоромъ типографическаго искусства, главная задача котораго заключается въ служеніи умственнымъ интересамъ, и тѣхъ искусствъ, которыя съ первыхъ моментовъ своего процвѣтанія сильно вліяли на направленіе общественной и умственной жизни. Еще въ девятомъ томѣ этого сочиненія мы говорили о томъ, какъ развилось искусство книгопечатанія изъ болѣе стараго искусства рѣзбы на деревѣ. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія, то есть черезъ нѣсколько десятилѣтій послѣ изобрѣтенія книгопечатанія, это искусство уже достигло такой высокой степени совершенства и такъ распространилось по всей Европѣ, что въ слѣдующемъ столѣтіи уже служило могущественнымъ орудіемъ для распространенія идей реформаціи и гуманизма. Но вслѣдъ за этими быстрыми успѣхами наступила продолжительная эпоха не только застоя, но даже упадка и испорченности частію вслѣдствіе повсемѣстнаго упадка народнаго хозяйства, который былъ въ Германіи послѣдствіемъ войнъ семнадцатаго столѣтія, частію по причинѣ стѣснительныхъ цензурныхъ требованій и недостаточной легальной охраны отъ перепечатокъ. Только послѣ пробужденія умственной дѣятельности во второй половинѣ прошлаго столѣтія искусство книгопечатанія стало дѣлать новыя успѣхи; благодаря развитію техники, оно достигло въ наше время еще не бывалаго совершенства и по художественной отдѣлкѣ своихъ произведеній и по быстротѣ, съ которой оно выпускаетъ ихъ въ свѣтъ громадными массами. Этими успѣхамъ содѣйствовали постоянно возрастающія требованія, съ которыми обращается избалованная читающая публика къ печатному станку. Чтобъ быть въ состояніи отпечатать сотню тысячъ экземпляровъ большой газеты въ теченіе нѣсколькихъ часовъ отъ вечера до утра, нужно имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ средства, доставляемыя машинной техникой, и въ особенности паровой силой.

Рѣшительнымъ шагомъ къ такому выпуску печатныхъ произведеній въ громадныхъ массахъ было сдѣланное эйслебенскимъ уроженцемъ Фридрихомъ Кёнигомъ, изобрѣтеніе скоропечатной машины. Кёнигъ поступилъ въ 1790 году работникомъ въ знаменитую типографію Брейткопфа въ Лейпцигѣ; благодаря своей любознательности, онъ приобрѣлъ обширныя научныя, математическія и техническія познанія и уже съ ранней молодости въ его умѣ зародилась и созрѣла мысль объ улучшеніи печатнаго станка. Но, подобно многимъ другимъ изобрѣтателямъ, онъ безуспѣшно искалъ въ своемъ отечествѣ средствъ для осуществленія своего проекта и, послѣ безуспѣшной поѣздки въ Петербургъ, отправился въ Англію, гдѣ былъ болѣе развитъ духъ предпримчивости. Послѣ того, какъ изъ сооруженнаго Кёнигомъ скоропечатнаго станка было выпущено нѣсколько мелкихъ печатныхъ листовъ, наконецъ былъ выпущенъ 29 ноября 1814

Скоропечатная
машины.
Фр. Кёнигъ.
1774—1833.

1806.

первый, ненапечатанный человеческой рукой, номеръ газеты *Times*, въ которомъ было подробно объяснено читателямъ, въ чемъ заключается сущность новаго изобрѣтенія. Кѣнигъ нашелъ надежнаго помощника въ искусствѣ и свѣдущемъ механикѣ, штутгартскомъ уроженцѣ А. Ф. Бауэрѣ. Вслѣдствіе размолвки съ ихъ англійскимъ товарищемъ Бенслеемъ, оба они возвратились въ 1817 году изъ Англіи въ Германію и основали въ монастырѣ Оберцелль, подлѣ Вюрцбурга, фабрику скоропечатныхъ машинъ, которая скоро приобрѣла громкую извѣстность и до сихъ поръ еще находится въ цвѣтущемъ положеніи. Эти скоропечатныя машины были впоследствии еще усовершенствованы и стали работать еще быстрее прежняго.

Искусства, съ помощью которыхъ достигается размноженіе оттисковъ. Рѣзьба на деревѣ. Наряду съ размноженіемъ письменныхъ сочиненій и частію въ связи съ нимъ приобрѣли въ новое время болѣе важное значеніе и различные методы размноженія оттисковъ картинъ. Въ особенности рѣзьба на деревѣ, эта предшественница искусства книгопечатанія, достигла большого процвѣтанія. Еще въ пятнадцатомъ и шестнадцатомъ столѣтіяхъ рѣзьбой на деревѣ занимались такіе первоклассные художники, какъ Лука Кранахъ, Гольбейнъ и въ особенности Альбрехтъ Дюреръ; уцѣлѣвшіе съ того времени оттиски составляютъ очень цѣнную рѣдкость въ собраніяхъ художественныхъ произведеній и возбуждаютъ удивленіе своей выразительностью и привлекательностью, которыя достигнуты самыми простыми средствами. Въ теченіе семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій и рѣзьба на деревѣ пришла въ такой-же упадокъ, въ какомъ находились всѣ образовательныя искусства; только гравированіе на мѣди не оставлялось въ полномъ пренебреженіи. Только въ нашемъ столѣтіи, сначала во Франціи, а потомъ и въ Германіи, снова занялись техникой въ рѣзьбѣ на деревѣ, хотя уже не такими-же средствами и не съ такими-же цѣлями, какъ въ прежнія времена, и довели это искусство до небывалаго совершенства. Нельзя сказать, чтобъ рѣзьба на деревѣ только помогала художнику непосредственно выражать его идеи; она входитъ въ составъ книгопечатанія и много обязана своей распространенностью тому, что легко соединяется съ печатаніемъ книгъ. Въ научныхъ сочиненіяхъ она помогаетъ уясненію текста, а въ иллюстрированныхъ изданіяхъ удовлетворяетъ требованія виѣшняго изящества. Въ новѣйшее время она доведена до такого совершенства, что ни въ чемъ не уступаетъ другимъ способамъ размноженія оттисковъ.

Фотографія. Между искусствами, имѣющими цѣлю умножать до безконечности число однихъ и тѣхъ-же оттисковъ, фотографія занимаетъ выдающееся мѣсто.

Ньепсъ. Уже съ 1814 года Ньепсъ (*Niépce*) дѣлалъ во Франціи попытки воспользоваться, для полученія свѣтописныхъ изображеній, способностью нѣкоторыхъ веществъ воспринимать дѣйствіе свѣтовыхъ лучей; этимъ способомъ ему удалось достигнуть только такого изображенія предметовъ, которое было непрочно. Только Дагерра слѣдуетъ считать настоящимъ

1789—1851. изобрѣтателемъ свѣтописныхъ изображеній (дагерротипія, 1839 г.), такъ какъ ему удалось фиксировать эти изображенія на серебряной пластинкѣ. Это изобрѣтеніе надѣлало въ свое время много шума и скоро очень распространилось въ особенности для сниманія портретовъ. Почти въ то-же время Фоксъ Тальбо достигъ такой-же цѣли въ Англіи, открывши способъ производить дагерротипныя изображенія на бумагѣ и этимъ доставивши возможность увеличивать число оттисковъ до безконечности. Съ тѣхъ поръ фотографія постоянно дѣлала успѣхи частію въ художественной отдѣлкѣ изображеній, частію въ упрощеніи пріемовъ.

Гравированіе на мѣди. Здѣсь не мѣсто описывать различныя улучшенія, придуманныя для воспроизведенія свѣтописныхъ изображеній, музыкальных сочиненій и геог-

рафических картъ въ безконечномъ числѣ оттисковъ съ помощью химіи, фотографіи, гальванопластики и машинной техники. Мы упомянемъ здѣсь только о самомъ старомъ способѣ воспроизводить оттиски—о гравированіи на мѣди. Исторія изобрѣтенія этого искусства покрыта мракомъ; по мнѣнію однихъ оно было изобрѣтено въ Германіи, по мнѣнію другихъ—въ Италіи; оно, по всему вѣроятію, возникло изъ чеканной работы золотыхъ дѣлъ мастеровъ. Во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что съ шестнадцатаго столѣтія искусствомъ гравирования на мѣди усердно занимались первоклассные художники въ Германіи, въ Италіи и въ Нидерландахъ и что оно даже не осталось безъ вліянія на успѣхи живописи. Въ этомъ отношеніи достаточно будетъ указать на художественныя произведенія Дюрера и Рембрандта, Гогарта и Ходовецкаго. Гравированіе на мѣди болѣе, чѣмъ какой либо другой способъ воспроизведенія оттисковъ, предоставляетъ широкую свободу творческой фантазіи художника; поэтому, не смотря на всѣ превосходства фотографическихъ оттисковъ, оно до сихъ поръ остается любимымъ занятіемъ многихъ художниковъ; а созданныя этимъ способомъ произведенія художниковъ Моргена, Шефера, Келлера, Манделя и др. и въ настоящее время служатъ самыми любимыми украшеніями въ домахъ богатыхъ людей.

Техника не могла достигнуть своихъ теперешнихъ совершенствъ безъ помощи науки, поэтому всѣ отрасли техническихъ знаній подверглись тщательной теоретической обработкѣ. Отсюда возникли политехническія школы, въ которыхъ получали научное образованіе люди, посвящавшіе себя архитектурѣ и инженерному искусству. Между тѣмъ, какъ въ Англіи техническое образованіе было всецѣло предоставлено дѣятельности частныхъ лицъ и тамъ не было основано общественныхъ заведеній съ цѣлію распространять такое образованіе, напротивъ того во Франціи была основана въ 1795 году Монжемъ политехническая школа, дѣятельность которой постоянно была очень плодотворна. Самые выдающіеся французскіе ученые и техники, какъ напр. Лагранжъ, Понселе, Пуассонъ, Коши, Навье, Коріолисъ, были преподавателями въ этой школѣ и болѣею частию сами въ ней воспитывались. По ея образцу, по съ устраненіемъ строгихъ требованій военной дисциплины, были въ теченіе нашего столѣтія основаны въ Германіи, въ Австріи и въ Швейцаріи многочисленныя высшія учебныя заведенія, не мало содѣйствовавшія такому процвѣтанію техники въ этихъ странахъ, что туда обращались изъ другихъ странъ и въ особенности изъ Англіи, для удовлетворенія потребности въ теоретически образованныхъ техникахъ. Въ Берлинѣ существуетъ съ 1799 года академія архитектуры; изъ нея вышло не мало художниковъ и въ томъ числѣ Шинкель; кромѣ того Бейтъ (*Beuth*) основалъ въ Берлинѣ институтъ промышленности. Впослѣдствіи эти оба заведенія были соединены въ одну высшую техническую школу, на содержаніе которой были назначены большія денежныя суммы. Наряду съ этой школой существуетъ въ Германіи болѣе старая политехническая школа, которая была основана въ 1825 году въ Карлсруэ и которой доставили громкую извѣстность по строительной части Эйзенлоръ, по постройкѣ машинъ Редтенбахеръ. Кромѣ того процвѣтаютъ высшія техническія школы въ Прагѣ, Вѣнѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Ганноверѣ, Штуттартѣ, Брауншвейгѣ, Дармштадтѣ, Ахенѣ и Цюрихѣ.

1879.

Мы постарались указать на главные моменты такого культурнаго движенія, которое рѣзче всякаго другаго наложило свой отпечатокъ на нашу эпоху, еще нигдѣ не достигло вполне своей цѣли и можетъ прекратиться лишь тогда, когда обовѣетъ своими нитями весь земной шаръ. Его плоды не принадлежатъ къ разряду тѣхъ благъ, которыя приобрѣтаются безъ всякаго труда благодаря счастливой случайности, поэтому оно, подобно всякому другому честному труду, носитъ въ самомъ себѣ зачатки успѣха.

3. Наука народного хозяйства.

(Сравн. XIII, 163 и сл., XV, 14 и сл.).

Новѣйшая теорія народнаго хозяйства. Великіе перемены, совершившіеся въ новѣйшее время въ экономической и общественной жизни, побудили представителей науки подробно изслѣдовать экономически-соціальныя явленія, установить основныя на нихъ воззрѣнія, выработать изъ пестрой массы отдѣльных фактовъ цѣльныя системы, изложить общія соціально-политическія истины со ссылками на доводы, доставляемые исторіей, логикой, разсудкомъ, выяснить сомнительныя и полныя противорѣчій проблемы, и наконецъ, на основаніи научныхъ теорій, подготовить введеніе реформъ въ области народнаго хозяйства. Политико-экономическая наука все болѣе и болѣе выдѣляется въ наше время изъ общихъ рамокъ политическихъ наукъ и пріобрѣтаетъ все болѣе самостоятельное значеніе; а такъ какъ она занимается изслѣдованіемъ основныя условій общественной жизни, то она все болѣе привлекаетъ къ себѣ общее вниманіе. Въ слѣдующемъ очеркѣ мы попытались сдѣлать обзоръ воззрѣній, возникшихъ въ новѣйшее время въ области политической экономіи; но въ виду чрезвычайнаго обилія матеріаловъ, сложности большей части политико-экономическихъ проблемъ и невозможности изложить на нѣсколькихъ страницахъ всю сущность обширныхъ системъ, мы вынуждены ограничиться только краткимъ очеркомъ общихъ политико-экономическихъ принциповъ.

а. АНГЛІЯ.

Не прекращающееся вліяніе Адама Смита. Мы уже ранѣе (XIII, 169 и сл.) познакомились съ великимъ шотландскимъ политико-экономомъ Адамомъ Смитомъ; онъ былъ создателемъ новаго научнаго воззрѣнія на народное хозяйство, а на основаніи его изслѣдованій впоследствии строились новыя теоріи. Всякій, кто съ тѣхъ поръ брался за изученіе политико-экономическихъ законовъ, начиналъ съ того, что подтверждалъ или опровергалъ выводы Смита подобно тому, какъ философы подтверждали или опровергали философскія воззрѣнія Аристотеля или Канта. Гигантское развитіе и преобразование всей политико-экономической жизни новаго времени вызвало всестороннее изслѣдованіе соціально-политическихъ проблемъ и доставило богатую умственную пищу тѣмъ, кто придерживался въ политической экономіи либеральнаго направленія Адама Смита. И послѣ смерти этого великаго мыслителя англійскіе ученые удержали за собою первое мѣсто въ ряду политико-экономовъ отчасти потому, что чрезвычайно широкое развитіе англійской промышленности и торговли служило стимуломъ для научнаго изслѣдованія соціальныя и экономическихъ явленій.

Мальтусъ. Однимъ изъ самыхъ многостороннихъ и самыхъ дальновзоркихъ ученыхъ, прославившихся послѣ Смита, былъ Робертъ Мальтусъ, усиленно развивавшій понятія о собственности, о капиталѣ, о цѣнѣ предметовъ потреб-

ленія, о заработной платѣ и предпринявшій во многихъ отношеніяхъ новыя изслѣдованія о производительности труда, о земледѣліи, промышленности, торговлѣ. Но онъ достигъ самыхъ большихъ успѣховъ въ качествѣ создателя теоріи населенія (*Essay on the principle of population*). Онъ возсталъ противъ долго господствовавшей теоріи, что чѣмъ многочисленнѣе населеніе, тѣмъ лучше для государства, и что правительства должны всѣми средствами облегчать заключеніе браковъ и разводъ, оказывать предпочтеніе тѣмъ, кто рано вступаетъ въ бракъ и имѣетъ много дѣтей, облагать налогами людей, живущихъ внѣ брака, затруднять выселенія и облегчать прибытіе переселенцевъ. Онъ принималъ за точку исхода слѣдующее положеніе: населеніе размножается быстрѣе, чѣмъ средства существованія; первое растетъ въ геометрической прогрессіи, а вторыя въ арифметической; поэтому онъ считалъ чрезмѣрно увеличивающееся населеніе за главную причину бѣдственнаго положенія низшихъ классовъ. По его мнѣнію, вѣрнѣе въ безконечно-прогрессивное развитіе человѣчества и соціально-политическихъ учрежденій значитъ впадать въ опасное заблужденіе: вслѣдствіе естественнаго закона, дѣйствующаго съ непреодолимой силой, населеніе постоянно стремится къ размноженію несоразмѣрно съ необходимыми для него средствами существованія и такимъ образомъ создаетъ безконечно длинный рядъ соціальныхъ недуговъ. Всѣ старанія увеличить на долгое время заработную плату и улучшить положеніе самыхъ бѣдныхъ классовъ населенія будутъ безуспѣшны, если предложеніе труда не будетъ ниже спроса, если не будетъ положено предѣла размноженію рабочаго населенія. Правда, природа находитъ въ самой себѣ необходимую помощь, устраняя излишекъ населенія съ помощью голода, эпидемическихъ болѣзней, войнъ, выселеній, неурожаевъ. Физическія лишенія и страданія самыя вѣрныя средства для возстановленія соразмѣрности между числомъ жителей и количествомъ пищи. Но было-бы лучше, еслибы благоразумная предусмотрительность и воздержность предохранили человѣчество отъ такихъ ужасныхъ средствъ; для достиженія такой цѣли необходимо прежде всего упразднить тѣ учрежденія, которыя ослабляютъ отвѣтственность родителей за судьбу ихъ дѣтей. Эти воззрѣнія побудили Мальтуса рѣзко нападать на благотворительныя заведенія и на англійскіе законы о призрѣніи нищихъ, предоставляющіе бѣднякамъ право на полученіе содержанія изъ общественныхъ суммъ, поощряющіе заключеніе легкомысленныхъ браковъ, и содѣйствующіе размноженію пролетаріевъ. Онъ утверждалъ, что никакія правительственныя мѣры и государственныя учрежденія, имѣющія цѣлю улучшеніе положенія низшихъ классовъ, не въ состояніи бороться съ главной причиною всѣхъ золъ—съ чрезмѣрнымъ увеличеніемъ населенія; это неоптимистическое воззрѣніе, во многихъ отношеніяхъ безспорно основательное, признавало совершенно бесполезными и любовь къ ближнему и христіанское милосердіе, многихъ отталкивало своею рѣзкостью и нерѣдко истолковывалось въ ложномъ смыслѣ; кромѣ того Мальтусъ не придавалъ надлежащей цѣны тому факту, что вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа населенія увеличиваются рабочія силы и средства добыванія жизненныхъ припасовъ; онъ не обращалъ вниманія и на то, что постоянно прогрессирующее развитіе умственныхъ способностей облегчаетъ и расширяетъ способы добыванія матеріальныхъ благъ. Однако, изложеніе его идей послужило поводомъ для установленія болѣе правильныхъ воззрѣній на вопросъ о пользѣ размноженія народонаселенія.

Въ противоположность съ Мальтусомъ, полагавшимъ, что единственный способъ излеченія общественныхъ недуговъ заключается въ ограниченіи размноженія человѣческаго рода, Вильямъ Годвинъ усматривалъ причину

Годвинъ,
ум. 1836.

этихъ недуговъ въ несовершенствѣ политическихъ учреждений и въ неспособности административныхъ властей; поэтому онъ впадалъ въ свойственные анархистамъ и коммунистамъ преувеличенія,—требовалъ упраздненія правительственныхъ властей, общности имуществъ и уничтоженія браковъ.

Рикардо. Современникъ Мальтуса и самый знаменитый изъ учениковъ Адама Смита, Давидъ Рикардо былъ одаренъ необыкновенно прозорливымъ умомъ и имѣлъ богатое послѣдствіями вліяніе на развитіе политико-экономическихъ теорій новаго времени, не смотря на то, что во многихъ отношеніяхъ придерживался мрачныхъ пессимистическихъ воззрѣній на жизнь и не вѣрилъ въ непрерывный экономическій прогрессъ человѣчества. Онъ былъ сынъ переселившагося изъ Голландіи еврейскаго купца, нажилъ громадное состояніе и вращался въ сферѣ практически—дѣловой и политической дѣятельности. Онъ изложилъ результаты своихъ въ высшей степени остроумныхъ и интересныхъ наблюденій въ цѣломъ рядѣ сочиненій о политико-экономическихъ вопросахъ дня—о денежномъ обращеніи и банкахъ, о свободѣ торговли и хлѣбныхъ пошлинахъ, о налогахъ и государственномъ кредитѣ, и въ особенности въ сочиненіи *Principles of political economy*. Онъ обращалъ вниманіе преимущественно на распредѣленіе народнаго богатства и на мѣновую цѣнность предметовъ. Настоящимъ мѣриломъ мѣновой цѣнности предметовъ онъ считаетъ количество труда, необходимаго для ихъ производства. Количество труда опредѣляетъ нормальную цѣну, отъ которой дѣйствительная или рыночная цѣна можетъ на короткое время уклоняться соразмѣрно съ предложеніемъ и требованіемъ; нормальная цѣна работы есть та, которая необходима для того, чтобъ рабочіе могли содержать себя и размножаться, а капиталъ есть ничто иное, какъ накопленный трудъ. Рикардо различаетъ три главныя отрасли доходовъ: земельная рента, заработная плата и проценты съ капитала. Но земельная рента имѣетъ въ его глазахъ самое рѣшающее значеніе въ распредѣленіи народнаго богатства, потому что цѣнами земельныхъ продуктовъ опредѣляется стоимость содержанія рабочихъ. Самые оживленные споры вызвалъ Рикардо своей теоріей земельной ренты. Подъ словами земельная рента онъ разумѣетъ вознагражденіе за пользованіе „первоначальными и неистощимыми силами почвы“,—т. е. избытокъ надъ расходами производства вмѣстѣ съ процентами. „Прогрессъ въ экономическихъ условіяхъ народной жизни и увеличеніе спроса на земельные продукты наконецъ заставляютъ или воздѣлывать болѣе плохую почву, или только вся лучшая почва уже будетъ воздѣлана, или-же улучшать обработку и истрачивать болѣе значительные капиталы для того, чтобъ извлекать изъ той-же почвы болѣе значительное количество продуктовъ“. Земельную ренту доставляетъ не худшая почва, только покрывающая расходы обработки и проценты съ капитала, а лучшая почва или та, которая не требуетъ значительныхъ денежныхъ тратъ; эта рента есть разница между доходностью двухъ земельныхъ участковъ одинакаго размѣра. Возвышеніе ренты является послѣдствіемъ возрастающаго народнаго благосостоянія и трудности снабжать увеличивающееся населеніе жизненными припасами; оно является доказательствомъ, но никогда не бываетъ причиной общаго благосостоянія. Напротивъ того, уровень общаго благосостоянія понижается тамъ, гдѣ повышеніе земельной ренты незначительно. Такъ какъ повышеніе ренты всегда происходитъ отъ повышенія цѣнъ на земельные продукты, то въ года, доставляемая имъ землевладѣльцу нарушаетъ интересы всѣхъ другихъ сословій. Кромѣ того, Рикардо вступался за неблагопріятныя для землевладѣльцевъ, воззрѣнія капиталистовъ, и потому возставалъ противъ хлѣбныхъ пошлинъ, при чемъ могъ ссылаться и на тотъ аргументъ, что въ этомъ отношеніи интересы землевладѣльцевъ находятся въ противорѣчій

съ интересами всѣхъ другихъ сословій. Онъ остроумно доказывалъ необходимость самой широкой свободы въ международныхъ торговыхъ сношеніяхъ; онъ говорилъ, что при полной свободѣ торговли каждая страна посвящаетъ свои капиталы и свой трудъ на самыя выгодныя предпріятія, что тогда она развиваетъ самыя выгодныя отрасли производительной дѣятельности, болѣе соразмѣрно распредѣляетъ трудъ между различными націями, увеличиваетъ производительную силу у себя дома, въ то-же время соединяя между собою цивилизованныя страны узами торговыхъ сношеній и общей пользы. Рикардо былъ самымъ выдающимся изъ всѣхъ политико-экономовъ, отстаивавшихъ принципъ свободы торговли. Онъ также предлагалъ новыя пути своими изслѣдованіями объ устройствѣ банковъ, о денежномъ обращеніи, о налогахъ; въ этомъ отношеніи занимаетъ наряду съ нимъ выдающееся мѣсто политико-экономъ Томасъ Тукъ.

Юристъ и политическій дѣятель Іеремія Бентамъ (XIV, 772) также имѣлъ сильное вліяніе на разработку политико-экономическихъ вопросовъ. Въ качествѣ представителя утилитаризма или системы полезности, онъ считалъ цѣлю государства и общества доставленіе возможно-большаго счастья и благосостоянія возможно-большому числу людей, а въ стремленіи къ благосостоянію и къ пріобрѣтенію собственности усматривалъ самый сильный стимулъ добродѣтели и порядка. При этомъ онъ вступался за всѣ либеральныя стремленія къ преобразованіямъ на почвѣ политической и экономической, былъ противникомъ ограниченія размѣра процентовъ и охранительныхъ таможенныхъ пошлинъ, и требовалъ, чтобы каждому было предоставлено право заниматься промыслами и торговлей безъ всякихъ стѣсненій.

Вліяніе выше перечисленныхъ нами великихъ мыслителей и изслѣдователей на практику и теорію народнаго хозяйства въ Англіи было очень значительно и прочно. Благодаря отмѣнѣ стѣсненій въ международной торговлѣ и введенію либеральныхъ законовъ, Англія въ нѣсколько десятилѣтій опередила всѣ другія страны громаднымъ развитіемъ своего народнаго хозяйства. Политико-экономическія реформы Роберта Пилля были практическими послѣдствіями вышеупомянутыхъ теорій, а принципы свободы торговли и въ особенности требованія ничѣмъ ни стѣсняемаго ввоза необходимыхъ жизненныхъ припасовъ вызвали успѣшную агитацію противъ хлѣбныхъ пошлинъ, которою руководилъ популярный манчестерскій агитаторъ Ричардъ Кобденъ (стр. 190). И Гускиссонъ, бывший, подобно Кобдену, болѣе практическимъ дѣятелемъ, чѣмъ ученымъ теоретикомъ, былъ однимъ изъ главныхъ поборниковъ свободы торговли; онъ нанесъ чрезвычайно сильныя удары системѣ монополій и охранительныхъ пошлинъ. Онъ также горячо поощрялъ расширеніе сѣти желѣзныхъ дорогъ и по несчастной случайности лишился жизни въ то время, какъ праздновалось открытіе желѣзной дороги между Манчестеромъ и Ливерпулемъ (стр. 180).

Научная разработка экономическихъ и соціальныхъ вопросовъ почти совершенно закончилась трудами тѣхъ замѣчательныхъ ученыхъ. Представители „ново-англійской школы“ шли путемъ, который былъ имъ указанъ тѣми наставниками, ограничиваясь развитіемъ, исправленіемъ и обогащеніемъ ихъ теорій или обработкой отдѣльныхъ отраслей политико-экономической науки. Между послѣдователями Смита и Рикардо выделяются: Джемсъ Милль, Роб. Торренсъ, Макъ-Коллохъ, Сеніоръ. Между тѣмъ, наряду съ развитіемъ промышленности и съ усиливавшимся господствомъ капиталистовъ возрастала бѣдность народныхъ массъ и увеличивалось число пролетаріевъ; эти явленія заставили политико-экономовъ доискиваться причины обѣднѣнія низшихъ классовъ и придумывать спо-

Бентамъ.

1748—1832.

Практическія
послѣдствія
теоретическихъ
изслѣдованій.

Гускиссонъ,
ум. 1830.

Англійское
народное хо-
зяйство въ но-
вѣйшее время.

собы помочь этому злу. Такой дѣятельностью, направленной къ улучшенію положенія рабочихъ, особенно отличались Томасъ Чальмерсъ и знаменитый философъ и социальный теоретикъ Джонъ Стюартъ Милль, 1806—1873. (стр. 660, 703). Но значеніе Милля не ограничивается сферой такихъ практическихъ цѣлей: онъ былъ однимъ изъ такихъ ученыхъ, которые пролагали новые пути въ теоріи народнаго хозяйства. Въ своихъ *Principles of political economy* онъ изложилъ полное систематическое руководство къ изученію народнаго хозяйства и собралъ всѣ данныя, какія были ранѣе добыты въ этой сферѣ знанія. Онъ остроумно разслѣдовалъ социаль-экономическія проблемы своего времени—теорію умноженія богатствъ, цѣнности предметовъ, земельной ренты, заработной платы, отношеній правительственной власти къ условіямъ экономической дѣятельности, свободы международныхъ сношеній и торговли; неограничиваясь разрѣшеніемъ этихъ отдѣльныхъ экономическихъ вопросовъ, онъ разсматривалъ народное хозяйство, какъ такую сферу дѣятельности, которая находится въ самой тѣсной связи со всѣми другими сферами народной жизни. Не отвергая принципа свободной конкуренціи, онъ признаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ необходимымъ вмѣшательство правительства, горячо вступаетъ за интересы рабочихъ классовъ въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніяхъ и даже отчасти одобряетъ нѣкоторыя изъ социалистическихъ теорій, какъ напр. находить возможнымъ введеніе существенныхъ преобразованій въ организаціи собственности. Онъ съ особеннымъ рвеніемъ ратовалъ за социальное освобожденіе женщинъ и за предоставленіе имъ права голоса.

Противники
теоріи Ад.
Смита.

Однако, не всѣ новѣйшіе англійскіе политико-экономы были приверженцами и послѣдователями Адама Смита. Между противниками этого ученаго самымъ остроумнымъ былъ Джемсъ Лодердаль (*Lauderdale*); онъ занимался изслѣдованіями о свойствахъ и происхожденіи народнаго богатства, о его распредѣленіи, о капиталѣ и денежномъ обращеніи, о потребленіи и производствѣ, высказывая много новыхъ и интересныхъ мнѣній и нерѣдко очень мѣтко критикуя основныя положенія Смита. Къ числу противниковъ ученія Смита также принадлежали: Шотландецъ Джонъ Рэ (*Rae*), доказывавшій необходимость правительственнаго вмѣшательства въ разрѣшеніе политико-экономическихъ вопросовъ и требовавшій введенія охранительныхъ пошлинъ, и Вил. Аткинсонъ, старавшійся согласовать теорію народнаго хозяйства съ требованіями христіанской морали.

Америка.

Теоріи Смита нашли рѣшительныхъ противниковъ и въ сѣверной Америкѣ, между прочимъ въ лицѣ знаменитаго секретаря казначейства Алекс. Гамильтона, который своими финансовыми мѣрами пріобрѣлъ репутацію возстановителя американскаго кредита, и въ лицѣ Г. К. Кэри (*Carey*), автора большаго сочиненія *Principles of Social Science* и многихъ другихъ сочиненій о народномъ хозяйствѣ. Оба они доказывали, что только введеніе обширной системы охранительныхъ пошлинъ можетъ предохранить американскую промышленность отъ невыгодной конкуренціи съ англійской. Охранительная теорія Кэри нашла энергичныхъ приверженцевъ въ Германіи, которая познакомилась съ произведеніями этого политико-эконома

Кэри. черезъ посредство Э. Дюринга. Кэри также занимался очень цѣнными изслѣдованіями въ научномъ отношеніи различными проблемами, какъ напр. о теоріи населенія и земельной рентѣ, при чемъ горячо нападалъ на Мальтуса и Рикардо, о мѣновыхъ цѣностяхъ, заработной платѣ, объ уничтоженіи невольничества.

1793—1879.

в. франція.

Не въ одной только Англии Адамъ Смита считался руководителемъ и наставникомъ во всемъ, что касалось народнаго хозяйства; его теоріи имѣли прочное вліяніе и на европейскомъ континентѣ. Въ особенности во Франціи по его стопамъ шли самые знаменитые политико-экономы. Во главѣ новѣйшихъ французскихъ политико-экономовъ стоитъ Жакъ Батистъ Сэ, которому принадлежитъ та заслуга, что изученіе народнаго хозяйства во Франціи было основано на принципахъ, выработанныхъ Смитомъ. Въ *Traité d'économie politique* (въ этомъ, изложенномъ въ разговорной формѣ, политико-экономическомъ катихизисѣ), въ обширномъ *Cours de l'économie politique* и въ другихъ сочиненіяхъ, написанныхъ съ образцовой ясностью, Сэ въ первый разъ соединилъ всю массу добытыхъ наукой, политико-экономическихъ выводовъ, въ одну цѣльную систему; при этомъ онъ подвергнулъ тщательному разслѣдованію и освѣтилъ многіе изъ специальныхъ политико-экономическихъ вопросовъ, какъ напр. о переходѣ имущества изъ однихъ рукъ въ другія, о распредѣленіи народнаго богатства, объ источникахъ доходовъ, о капиталѣ. Онъ различаетъ три главныхъ фактора производства—натуру, трудъ и капиталъ, придавая первому изъ нихъ и третьему болѣе важное значеніе, чѣмъ какое они имѣютъ въ ученіи Смита и его послѣдователей, считавшихъ только трудъ источникомъ производства; впрочемъ Сэ приписываетъ капиталу едва-ли не чрезмѣрно важную роль въ накопленіи богатствъ. Онъ требуетъ безусловнаго умноженія производительности, которая должна увеличивать благосостояніе народа; онъ не считаетъ возможнымъ продолжительный избытокъ производительной дѣятельности. На своей теоріи производительности труда онъ строитъ свою знаменитую теорію способовъ сбыта. Онъ говоритъ, что въ международной торговлѣ продукты обмѣниваются на продукты, товары на товары; деньги являются при этомъ только посредниками и представителями продуктовъ; каждый плодъ труда тѣмъ вѣрнѣе находитъ сбытъ, чѣмъ сильнѣе производительная дѣятельность покупателей. Въ торговлѣ выгоды всегда бываютъ обоюдны; у всѣхъ народовъ есть общіе интересы; выгоды, получаемыя однимъ народомъ, вовсе не служатъ ко вреду другого. Прекращеніе торговыхъ сношеній и торговые кризисы обыкновенно бываютъ результатомъ вмѣшательства и ошибочныхъ мѣропріятій правительствъ. Вотъ на какихъ основахъ строитъ Сэ свою теорію свободной торговли въ то время, какъ для международныхъ торговыхъ сношеній служили препятствіемъ войны и континентальная система Наполеона. Въ противоположность единовластію французскаго императора онъ считалъ всякое вмѣшательство правительства въ развитіе народнаго хозяйства за безразсудство; онъ былъ рѣшительнымъ поборникомъ системы безусловнаго *Laissez faire*, поэтому много содѣйствовалъ распространенію болѣе либеральныхъ политико-экономическихъ принциповъ и нанесъ тяжелый ударъ старой системѣ охранительныхъ пошлинъ, служившей руководствомъ для французской хозяйственной политики.

По стопамъ Сэ шли многочисленные либеральные ученые, на практикѣ примѣнявшіе его теоріи къ современнымъ социальнымъ вопросамъ и явленіямъ, постоянно возстававшіе противъ распространявшихся коммунистическихъ заблужденій, но при этомъ горячо заботившіеся о положеніи рабочихъ классовъ; они послѣдовательно отстаивали принципъ свободнаго, ничѣмъ нестѣсняемаго, развитія хозяйственной дѣятельности; къ ихъ числу принадлежали: Траси; Дрозъ; политико-экономъ второй имперіи Миш.

Сэ.

1767—1832.

Либеральные
политико-эко-
номы послѣ

Сэ.

Шевалье, помогавший Наполеону III примѣнять на практикѣ принципы свободы торговли; Шарль Дюнуайе, считавший свободу труда за главное условіе плодотворнаго развитія человѣческихъ способностей и возстававший противъ всякой правительственной опеки; самый гениальный между новѣйшими французскими политико-экономами Фридрихъ Бастіа, авторъ 1801—1850. знаменитыхъ *Harmonies économiques* и многихъ, отличающихся блестящими достоинствами, статей и брошюръ. Заслуги Бастіа заключаются въ болѣе правильномъ установленіи основныхъ политико-экономическихъ понятій, какъ напр. объ обмѣнѣ и цѣнности предметовъ, опредѣляемой количествомъ предложенія, а главнымъ образомъ въ томъ, что онъ, въ противоположность пессимистическимъ воззрѣніямъ англійскихъ политико-экономовъ, излагалъ принципы свободы торговли, ничѣмъ не стѣсняемой экономической дѣятельности, безграничной конкуренціи, считая ихъ за главное средство соединить между собою всѣ народы общностью ихъ экономическихъ интересовъ и открыть для человѣчества путь къ непрерывному прогрессу. Онъ считалъ задачей своей жизни агитацію за принципы свободной торговли по образцу устроенной Кобденомъ лиги противъ англійскихъ хлѣбныхъ законовъ, съ которою онъ познакомился во время своей поѣздки въ Англію. Онъ, подобно Сэ, считаетъ вреднымъ вмѣшательство правительствъ въ организацію соціального и экономического строя народной жизни. Онъ прямо заявляетъ, что внутреннее спокойствіе и порядокъ, правосудіе и благосостояніе, свобода и прогрессъ возможны только въ томъ случаѣ, если правительства будутъ безусловно воздерживаться отъ вмѣшательства въ народное хозяйство. Но, будучи энергическимъ противникомъ меркантильной системы и охранительныхъ пошлинъ, Бастіа также энергически нападаетъ на социализмъ и коммунизмъ и безпощадно разоблачаетъ ихъ нелѣпость особенно съ тѣхъ поръ, какъ февральская революція ясно обнаружила кроющуюся въ нихъ опасность. Въ этой полемикѣ съ политико-экономическими противниками и въ популярномъ объясненіи ученыхъ теорій и проблемъ заключается его сила еще болѣе, чѣмъ въ его научныхъ изслѣдованіяхъ; нельзя сказать, чтобъ во всемъ были вѣрны его возраженія противъ ученія Мальтуса о народонаселеніи и противъ ученія Рикардо о земельной рентѣ. Вліяніе сочиненій Бастіа было очень сильно и въ Германіи отчасти благодаря привлекательной ясности ихъ изложенія; противники охранительныхъ пошлинъ и социализма извлекали изъ нихъ самые надежные аргументы. Даровитымъ преемникомъ Бастіа является въ новѣйшее время Бодрильяръ.

Реакція про- Ученіе послѣдователей Смита о благотворныхъ послѣдствіяхъ свободы
тивъ ученій торговли и конкуренціи, о безусловномъ невмѣшательствѣ правительствъ
Смита. нерѣдко впадало въ преувеличенія и въ односторонность и потому неизбежно должно было вызвать реакцію. Такую реакцію оно встрѣтило со стороны тѣхъ политико-экономовъ, которые въ нѣкоторомъ отношеніи подготовили переходъ къ ученію социалистовъ, хотя и не вовлекались въ его крайности. Они возставали противъ ничѣмъ нестѣсняемой конкуренціи, противъ пагубнаго для мелкой промышленности вліянія машиннаго производства и капиталовъ, изслѣдовали причины бѣдственнаго соціального и экономического положенія бѣдныхъ классовъ и, не расшатывая основъ теперешняго строя общественной жизни, требовали, чтобъ правительства болѣе дѣятельно вмѣшивались въ народное хозяйство и поднимали уровень нравственного, интеллектуальнаго и матеріальнаго положенія рабочихъ, впадающихъ въ нищету подъ гнетомъ новѣйшей организаціи промышленной дѣятельности. Самымъ выдающимся представителемъ этого направленія 1773—1842. былъ женеvскій уроженецъ Симонъ де-Сисмонди (стр. 548), пріобрѣтшій

извѣстность и въ качествѣ исторіографа и знатока государственнаго права (*Etudes sur les constitutions des peuples libres*). Подмѣченная имъ въ Англіи, рѣзкая противоположность между громадными богатствами и крайней нищетой побудила его разслѣдовать причины бѣдственнаго положенія низшихъ классовъ и онъ нашелъ эту причину въ ненормальныхъ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, въ расширеніи машиннаго производства, которое создаетъ чрезмѣрно большое количество продуктовъ, уменьшаетъ требованія на человѣческій трудъ, понижаетъ заработную плату и имѣетъ своимъ послѣдствіемъ переполненіе рынка товарами, торговые кризисы и забастовки рабочихъ. Сисмонди впадаетъ въ крайній пессимизмъ и увлекается слишкомъ мрачными воззрѣніями на жизнь, когда говоритъ, что повѣйшая промышленная дѣятельность есть поле битвы, на которомъ слабые поглощаются сильными, что она ничего не создала кромѣ путаницы, господства капиталовъ, угнетенія рабочихъ, нищеты и пролетаріата; по его мнѣнію, государство не имѣетъ права относиться къ этимъ явленіямъ безучастно и бездѣлательно взирать на эту борьбу между частными интересами, не знающую никакихъ границъ. Однако, онъ признается въ своей неспособности указать цѣлебныя средства отъ перечисленныхъ имъ общественныхъ недуговъ.

Съ другой стороны, послѣдователи Смита и Сэ встрѣтили противниковъ въ представителяхъ меркантильно-охранительнаго направленія, считавшихъ необходимымъ охранять національный трудъ отъ конкуренціи съ англійской промышленностью. Самыми выдающимися изъ этихъ противниковъ были Феррье, Ганиль, Сень-Шамансъ и историкъ Тьеръ. Новыхъ противниковъ нашла либеральная теорія въ представителяхъ церковно-феодалнаго, средне-вѣковаго направленія, которые надѣялись излечить общественныя надуги, возстановивши воззрѣнія и учрежденія до-революціонной эпохи, и старались придать религіозную основу всему строю политико-экономической дѣятельности. Къ числу представителей этого направленія можно отнести редактора ультрамонтанской газеты Вёльо и автора исторіи литературы политической экономіи Альбана ф. Вилленева; этотъ послѣдній описывалъ мрачными красками бѣдственное положеніе рабочихъ и полагалъ, что его можно улучшить только возстановленіемъ средне-вѣковыхъ христіанскихъ учрежденій и между прочимъ цеховъ и монастырей.

Меркантильное
и церковно-
феодалное
направленіе.

С. ГЕРМАНИЯ.

Въ Германіи политическая экономія сдѣлалась предметомъ серьезной обработки позднѣе другихъ наукъ; однако, хотя нѣмецкіе ученые и дѣлали Смита на болѣе чрезвычайно много позаимствованій отъ Англичанъ и Французовъ, и между ними есть люди, достойные стать наравнѣ съ самыми извѣстными иностранцами политико-экономами. Они занимались самостоятельными изслѣдованіями, хотя на ихъ произведеніяхъ и ясно отражалось вліяніе Смита и другихъ извѣстныхъ иностранныхъ ученыхъ. Всего болѣе подчинялись вліянію Смита тѣ нѣмецкіе политико-экономы, чья литературная дѣятельность относится къ тремъ первымъ десятилѣтіямъ текущаго столѣтія; между ними достойны упоминанія: Карторіусъ (*Handbuch der Staatswirtschaft; Von den Elementen des Nationalreichthums*), графъ Коденъ (*Die Nationalökonomie*), Гюфеландъ (*Neue Grundlegung der Staatswirtschaftskunst*), Евсев. Лотцъ (*Handbuch der Staatswirtschaft*, Генрихъ Шторхъ (*Kursus der politischen Ökonomie*); этотъ послѣдній жилъ въ Россіи и изъ экономическаго положенія этой страны извлекъ не мало своеобразныхъ указаній, бросающихъ

Вліяніе Адама
старыхъ нѣ-
мецкихъ поли-
тико-эконо-
мовъ.

новый свѣтъ на политико-экономическія проблемы; онъ подготовилъ возникновеніе такъ называемаго „историческаго метода“; Фридрихъ Небеніусъ, который въ своемъ превосходномъ сочиненіи *Das öffentliche Credit* изложилъ и до сихъ поръ еще считающіяся образцовыми изслѣдованія по вопросамъ о государственныхъ долгахъ, о денежномъ обращеніи, о сущности государственнаго кредита; но самымъ замѣчательнымъ представителемъ того-же направленія былъ Карлъ Рау, род. въ Эрлангенѣ и занимавшій должность профессора въ Гейдельбергѣ. О его громадной учености свидѣлствуютъ какъ его объемистыя, систематически изложенныя, сочиненія (*Lehrbueh der politischen Ökonomie, Ansichten der Volkswirtschaft*), такъ и многочисленныя монографіи; его главные достоинства заключаются въ умѣльнъ распредѣлять громадную массу свѣдѣній, въ ясности и точности выраженій. По своимъ основнымъ воззрѣніямъ (только за исключеніемъ того мнѣнія, что государство должно вмѣшиваться въ народное хозяйство) онъ былъ рѣшительнымъ послѣдователемъ Смита и Сэ и совѣтовалъ предоставлять торговлѣ и промышленности самую широкую свободу.

Однимъ изъ самыхъ даровитыхъ нѣмецкихъ экономистовъ стараго времени былъ Германнъ; въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ подвергнулъ новой, отличающейся математическою точностью, провѣркѣ основныя политико-экономическія понятія и законы, какъ напр. ученіе о цѣнности, теорію земельной ренты, и нерѣдко приходилъ къ выводамъ, во многихъ отношеніяхъ несходнымъ съ теоріями англійскихъ и французскихъ экономистовъ. Противъ ученія Рикардо о земельной рентѣ, нашедшаго для себя даровитаго переводчика и истолкователя въ лицѣ Баумштарка, выступилъ Родбертусъ Ягетцовъ, который и въ своихъ „Соціальныхъ писъмахъ“ указывалъ на важныя коренныя недостатки во всемъ строѣ нѣмецкой общественной жизни. Статистикъ Гоффманнъ извѣстенъ своими остроумными изслѣдованіями о денежной и монетной системѣ. Самостоятельнымъ и остроумнымъ писателемъ былъ ф. Тюненъ; въ своемъ сочиненіи „Изолированное государство“ (*Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und National-Ökonomie*) онъ дѣлаетъ предположеніе о существованіи такого государства, которое вполнѣ изолировано отъ всего остальнаго міра: въ этомъ государствѣ почва повсюду одинаково плодородна, а въ центрѣ находится единственный обширный городъ; ф. Тюненъ изучаетъ при такихъ условіяхъ вопросы о земельной рентѣ, о сельско-хозяйственномъ производствѣ, о цѣнѣ продуктовъ. Въ своемъ ученіи о заработной платѣ и объ арендной платѣ онъ, изъ человеколюбія, доходитъ до такихъ выводовъ, которые во многихъ отношеніяхъ отзываются социализмомъ. Онъ находитъ, что доходъ рабочаго слишкомъ незначителенъ въ сравненіи съ доходомъ капиталиста, что между интересами пролетаріевъ и зажиточныхъ людей существуетъ непримиримая противоположность, и что существующіе въ наше время порядки во многихъ отношеніяхъ негодны. Нѣмецъ изъ русскихъ подданныхъ Теодоръ ф. Бернгарди рѣзко нападалъ на послѣдователей новой англійской политико-экономической школы, проповѣдывавшихъ невмѣшательство въ хозяйственныя интересы народа, и утверждалъ, что на государствѣ и обществѣ лежитъ высокая нравственно-политическая обязанность руководить частными людьми въ ихъ хозяйственной дѣятельности. Кромѣ того, Бернгарди занимался разъясненіемъ многихъ основныхъ политико-экономическихъ проблемъ, какъ напр. вопросовъ объ организаціи землевладѣнія, о пользѣ раздѣленія земельной собственности на большіе или на мелкіе участки.

Теорія народнаго хозяйства, основанная на ученіи Смита, встрѣтила противничей рѣшительную оппозицію со стороны меркантилистовъ и приверженцевъ охранительной системы и со стороны феодально-ретрограднаго направле-

нія. Въ своихъ *Zwölf Büchern vom Staat* Фридрихъ Шмидтгеннеръ относится сочувственно къ этимъ обоимъ направленіямъ, указывая на обязанность государства вмѣшиваться въ разрѣшеніе политико-экономическихъ вопросовъ. Между меркантилистами выдѣляются Бюшъ и философъ Фихте; первый былъ основательнымъ теоретикомъ по вопросамъ о банкахъ и о монетной системѣ; второй отвергалъ ученіе о свободѣ конкуренціи и утверждалъ, что государство и въ экономическомъ отношеніи должно представлять замкнутое цѣлое, что на правительствѣ лежитъ обязанность высшаго надзора за собственностью, промыслами, торговлей частныхъ лицъ для того, чтобъ каждый могъ жить своимъ трудомъ; но тѣми крайними выводами, къ которымъ приводятъ эти воззрѣнія, они очень близко соприкасаются съ ученіемъ социалистовъ.

Самымъ выдающимся представителемъ охранительной системы и противникомъ либеральныхъ теорій Смита былъ вюртембергскій уроженецъ Фридрихъ Листъ, авторъ сочиненія *Das Nationale System der Politischen Ökonomie*. Онъ прежде всего обвиняетъ послѣдователей Смита въ космополитизмъ, индивидуализмъ и матеріализмъ; они, по словамъ Листа, оставляютъ безъ всякаго вниманія историческія и національныя несходства народовъ и излагаютъ теоріи, не имѣющія никакой внутренней связи съ дѣйствительною жизнью; они указываютъ исключительно на матеріальныя силы и личные интересы индивидуумовъ, теряя изъ виду умственные и нравственные задачи національнаго государства и общіе интересы, и вообще видятъ въ народномъ хозяйствѣ только интересы частныхъ лицъ. По мнѣнію Листа, между индивидуумомъ и человѣчествомъ стоитъ національное государство и что только это государство способно обезпечить народное благосостояніе, прогрессъ и развитіе цивилизаціи въ отношеніяхъ умственномъ и экономическомъ. Поэтому вся экономическая дѣятельность народа, всѣ частныя экономическіе интересы должны подчиняться національнымъ цѣлямъ и интересамъ всего государства. Национальное богатство заключается, по мнѣнію Листа, не въ количествѣ предметовъ мѣны, а во всестороннемъ развитіи производительныхъ силъ, какъ умственныхъ, такъ и матеріальныхъ. Чтобъ довести до совершенства организацію національной производительной дѣятельности необходимо равномерно развивать земледѣльческую и мануфактурную дѣятельность и торговлю; при этомъ должно быть отведено для промышленности самое важное мѣсто въ культурной и хозяйственной дѣятельности народовъ. Но къ успѣшному развитію промышленности способны только государства съ умѣреннымъ климатомъ; они достигаютъ процвѣтанія промышленности, проходя различныя ступени развитія, а именно періоды пастушеской жизни, одного земледѣлія, земледѣлія и мануфактуръ, и наконецъ земледѣлія, мануфактуръ и торговли; въ этомъ послѣднемъ періодѣ достигается, по мнѣнію Листа, высшій пунктъ хозяйственнаго развитія. Довести народъ до такого высокаго экономического положенія есть задача государства. На низшихъ ступеняхъ развитія необходимы свобода торговли и ничѣмъ нестѣсняемая возможность обмѣниваться продуктами съ болѣе цивилизованными и болѣе опытными въ промышленности странами; но когда мѣстная промышленность окажется способной къ самостоятельной дѣятельности, она будетъ пугаться въ охранѣ отъ чрезмѣрной конкуренціи съ другими странами, пока не окрѣпнетъ до того, чтобъ не бояться никакой конкуренціи; тогда снова сдѣлается необходимой свобода торговли. Хотя охранительныя пошлы и возвышаютъ на нѣкоторое время цѣны произведеній мѣстной промышленности, но для будущаго онѣ готовятъ значительное пониженіе цѣнъ, потому что вполне развившаяся національная промышленность можетъ назначать болѣе низкія цѣны, чѣмъ промышленность иностранная, уже толь-

ко вслѣдствіе болѣе низкой стоимости перевозки. Такимъ образомъ нація увеличиваетъ, благодаря охранительнымъ пошлинамъ, свои производительныя силы, а если ей и приходится временно нести убытки вслѣдствіе вздорожанія промышленныхъ произведеній, то эти убытки то-же, что расходы на воспитаніе, которые впоследствии вознаграждаются въ избыткѣ. Для Германіи, стоящей на средней ступени промышленнаго развитія, Листъ требовалъ широкой системы охранительныхъ пошлинъ, организаціи таможеннаго союза, улучшенія путей сообщенія, проведенія желѣзныхъ дорогъ, постройки флота; такія же идеи высказывались и другими писателями, но значеніе Листа заключалось главнымъ образомъ въ томъ, что онъ умѣлъ приравливать свои теоріи къ требованіямъ практической жизни и излагалъ ихъ съ горячностью политическаго агитатора. Листъ былъ предметомъ столько-же преувеличенныхъ похвалъ, сколько преувеличенныхъ порицаній: одни называли его „политико-экономическимъ Лютеромъ“, другіе невѣжественнымъ шарлатаномъ. Онъ былъ обязанъ своимъ успѣхомъ умѣнью вѣрно выражать народныя желанія.

Феодально-церковная реакція. Ад. Мюллеръ. 1779—1829. Самымъ горячимъ поборникомъ феодально-церковной теоріи народнаго хозяйства былъ уже знакомый намъ (стр. 689) государственный дѣятель времени реставраціи и перекрещенецъ Адамъ Мюллеръ, старавшійся доказать, что для политическихъ наукъ необходима теологическая основа и что для счастья человѣчества необходимо возстановить средневѣковые порядки. Въ своихъ *Elemente der Staatskunst* и въ друг. сочиненіяхъ онъ утверждаетъ, что новѣйшія политико-экономическія системы, и въ особенности система Адама Смита, суть ничто иное, какъ одностороннія теоріи о денежномъ обращеніи и о частной собственности, что въ нихъ обнаруживается ошибочное понятіе о человѣческомъ обществѣ, что онѣ стараются подавить всѣ существующія въ государствѣ нравственныя силы и элементы, что это только теоріи себялюбія и частныхъ интересовъ, что онѣ не разсматриваютъ народную жизнь въ ея внутренней исторической цѣльности, а государству предоставляютъ недостойную роль, не соответствующую его цѣлямъ и задачамъ. По мнѣнію Мюллера, вся жизнь индивидуума должна помножаться государствомъ, должна подчиняться ему, должна приносить ему въ жертву свою самостоятельность; политическія учрежденія Среднихъ вѣковъ осуществляли на дѣлѣ правильное понятіе о государствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ обезпечивали общественное спокойствіе и настоящую свободу; поэтому, идеаломъ для Мюллера служатъ средневѣковыя феодальныя учрежденія, аристократически-консервативная система крупнаго землевладѣнія съ ея замкнутостью и неотчуждаемостью и возстановленіе цеховаго устройства. Это былъ настоящій представитель возрѣвѣвшей реставраціи и Священнаго Союза. Такіе ретроградные публицисты и политическіе дѣятели, какъ Галлеръ, Лео, Сталь, считали Адама Мюллера своимъ руководителемъ во всемъ, что касалось политико-экономическихъ вопросовъ, а занимавшіеся соціальной политикой реакціонеры и ультрамонтаны новаго времени постоянно настаивали на удовлетвореніи предъявленныхъ имъ требованій.

Историко-реалистическое направленіе. До той поры почти каждый изъ экономистовъ предъявлялъ притязаніе на то, что онъ создаетъ всеобщую нормальную экономическую теорію, что онъ излагаетъ законы, дѣйствующие во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, на всѣхъ ступеняхъ культуры, во всѣ періоды развитія, что онъ вырабатываетъ учрежденія, полезныя при всякихъ условіяхъ времени и пространства; напротивъ того, представители историко-реалистическаго направленія въ политической экономіи не предъявляли намѣренія открыть абсолютную истину и выработать такую „идеальную политико-экономическую теорію“, которая не находилась-бы въ зависимости отъ практиче-

скихъ и историческихъ условій; они признавали, что человѣчество находится въ непрерывномъ процессѣ своего развитія, что степень его культуры то повышается, то понижается, что экономическіе законы, полезные въ данное время у какого нибудь народа, могутъ быть вредны въ другое время, у другого народа, что подобно матеріальнымъ потребностямъ индивидуума, измѣняющимся сообразно съ развитіемъ физическихъ и умственныхъ силъ и съ возрастомъ, и экономическія потребности народа измѣняются подъ вліяніемъ различныхъ временныхъ условій. „Историческая школа“, очевидно, болѣе всякой другой способна согласовать противорѣчивыя выводы различныхъ экономическихъ системъ и соединить ихъ въ одно гармоническое цѣлое, такъ какъ она признаетъ, что каждая изъ нихъ хороша при извѣстныхъ мѣстныхъ и временныхъ условіяхъ, при извѣстной степени цивилизаціи. При этомъ послѣдователи историческаго направленія считаютъ своей задачей объяснять связь между экономическими, политическими и нравственными сторонами народной жизни, и доказывать, что народное хозяйство составляетъ только одну сторону всей національной жизни. Необходимость такого примирительнаго направленія указывалась уже ранѣе, но Рошеру принадлежитъ та заслуга, что онъ придалъ этому направленію научное значеніе. Лейпцигскій профессоръ Вильгельмъ Рошеръ обладалъ самыми основательными и многосторонними политико-экономическими и историческими свѣдѣніями, какъ это видно изъ его сочиненій *Grundriss zu Vorlesungen über die Staatswirtschaft nach geschichtlicher Methode, System der Volkswirtschaft, Ansichten der Volkswirtschaft, Geschichte der Nationalökonomik in Deutschland, Über Kornhandel und Teuerungspolitik*. Максъ Виртъ такъ характеризуетъ „историко-физиологическій“ методъ Рошера: „Онъ какъ-бы описываетъ читателю тотъ процессъ мысленія, съ помощью котораго политико-экономы должны устанавливать общіе экономическіе законы на основаніи историческихъ данныхъ. Онъ не выставляетъ для народнаго хозяйства такой идеаль, къ которому должны стремиться всѣ народы, а изучаетъ основныя понятія о народномъ хозяйствѣ съ момента ихъ возникновенія, слѣдитъ за ними по всѣмъ ступенямъ ихъ развитія и наконецъ приходитъ къ такимъ выводамъ, которые подтверждаются опытомъ тысячелѣтій“. Такого-же историческаго направленія придерживались Шюцъ, Брюно Гильдебрандъ въ Лейпцѣ (*Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft*), Карль Книшъ въ Гейдельбергѣ (*Politische Ökonomie nach geschichtlicher Methode, Die Eisenbahnen, Der Telegraph, Das Geld*), историкъ социализма и коммунизма Лоренцъ Ф. Штейнъ (*Lehrbücher der Volkswirtschaft und der Finanzwissenschaft, System der Verwaltungslehre*). Статистику довели до высокаго научнаго процвѣтанія Эд. Ваппеусъ въ Гёттингенѣ и Эрнстъ Энгель въ Берлинѣ.

В. Рошеръ,
род. 1817.

Въ новѣйшемъ развитіи нѣмецкой системы народнаго хозяйства особенно выдѣляются два противоположныхъ направленія, приверженцы которыхъ получили отъ своихъ противниковъ отчасти насмѣшливыя названія манчестерской школы и катедеръ-соціалистовъ. Характеристическую особенность этихъ двухъ направленій составляетъ воззрѣніе на задачу государства въ дѣлѣ народнаго хозяйства. Манчестерская партія (такъ названная по имени основаннаго Робертъ Кобденъ въ Манчестерѣ общества для протеста противъ хлѣбныхъ законовъ) опирается на ученіе Адама Смита, придерживается принципа *Laissez faire* и самого свободнаго развитія социальныхъ и экономическихъ отношеній по возможности съ самымъ незначительнымъ вмѣшательствомъ правительственной власти и законодательства, и утверждаетъ, что свободная конкуренція излѣчиваетъ всѣ недуги; она въ особенности съ энергіей вступаетъ за принципъ свободы торговли. Къ числу ея послѣдователей принадлежатъ Максъ Виртъ (*Grundzüge der Na-*

Манчестер-
ская школа и
«Катедеръ-со-
ціалисты».

tionalökonomie, Geschichte der Handelskrisen), I. Принсъ Смитъ, I. Фаухеръ, О. Михаэлисъ, Б. Бёмертъ, Шульце-Деличъ и нѣсколько извѣстныхъ парламентскихъ членовъ, какъ напр. Карлъ Браунъ, Бамбергеръ, Евг. Рихтеръ, Алекс. Мейеръ. Въ противоположность одностороннему направленію этой школы возникла школа такъ называемыхъ „катедеръ-соціалистовъ“, которые возлагаютъ на государство обязанность дѣятельнаго вмѣшательства въ экономическіе вопросы и большею частию одобряютъ систему охранительныхъ пошлинъ. Къ ихъ числу принадлежатъ многіе изъ университетскихъ преподавателей, какъ напр. А. Вагнеръ, основательный знатокъ банковаго и финансоваго дѣла Г. Шмоллеръ, рано-умершій А. Гельдъ, Э. Нассе, Л. Brentano. Болѣе близко сходятся съ соціалистическими теоріями воззрѣнія автора книги *Kapitalismus und Sozialismus*, Шеффле, который былъ нѣсколько времени членомъ австрійскаго министерства. Что же касается нѣмецкаго экономическаго законодательства, то оно становится все болѣе независимымъ отъ вліянія приверженцевъ свободы торговли.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Абарка, епископъ леонскій, духовникъ испанскаго короля Фердинанда VII, 151 и сл.

Аббасъ Мирза, наследный принцъ персидскій, 278.

Абдъ-эль-Кадеръ, алжирскій эмиръ, 136—140.

Абдъ уръ-Рахманъ, султанъ мароккскій, 140.

Абель, баварскій министръ, 50, 257 и сл.

Абу, Эдмонъ, франц. романистъ, 543.

Авелланеда, испанская поэтесса, 578.

Авила, португальскій министръ финансовъ, 178.

Австрія; послѣ польской революціи, 3; императоръ Фердинандъ I, Меттерниховская система въ управленіи, сельско-хозяйственная политика, положеніе духовенства, 265—269; возстаніе крестьянъ въ Галиціи, присоединеніе Кракова къ Австріи, 270—274; отношенія къ Швейцаріи, 291; паденіе Меттерниха, возстанія въ Вѣнѣ и въ Прагѣ (1848 г.), 309 и сл.; война въ верхней Италіи (1848 г.), 326 и сл.; австрійскій сеймъ 1848 года, возстаніе въ Вѣнѣ, 350—360; австрійскій вопросъ на франкфуртскомъ національномъ собраніи, 360—365; отношенія къ имперскому сейму, 369 и сл.; отреченіе Фердинанда, вступленіе Франца Иосифа на престолъ и изданіе конституціи, 374—376; подавленіе венгерскаго возстанія, 408—414; конкордатъ съ Римомъ (1855 г.), 56. — Литература въ Австріи, 475—479, 500; живопись, 611 и сл.

Адамсъ, астрономъ, 711.

Адана, главный городъ Киликіи, 126.

Аделанда, сестра короля Луи-Филиппа, 115.

Аделунгъ, нѣмецкій филологъ, 664.

Азеліо, Массимо, итал. писатель, 282, 287.

Айяла, испанскій поэтъ, 578.

Акбаръ, сынъ Доста Могаммеда афганистанскаго, 404 и сл.

Акерманъ, Шарлотта, актриса, 512.

Акра, взята Англичанами, 132.

Аларконъ, испанскій поэтъ, 580.

Албани, кардиналъ, 121, 123.

Алгринъ Уссингъ, копенгагенскій бургомистръ, 232.

Алеарди, итал. поэтъ, 568.

Алегрія, испанскій городъ; сраженіе, 161.

Александръ, герцогъ вюртембергскій, вступилъ въ бракъ съ принцессой Маріей Орлеанской, 105.

Алжиръ; его внутреннее состояніе и войны въ царствованіе Луи-Филиппа, 133—142.

Алибо; его покушеніе на жизнь короля Луи-Филиппа, 101.

Алисонъ, англ. историкъ, 561.

Алкала Галиано, испанскій государственный дѣятель, 169 и сл.

Алжудіа, испанскій министръ, 149.

Ало, Жанъ, франц. живописецъ, 617.

Алэ, вождь христіановъ, 165.

Альбертъ, принцъ саксенъ-кобургскій, супругъ англ. королевы Викторіи, 190.

Альбертъ Амедей савойскій, сынъ Карла Альберта сардинскаго, отказывается отъ сицилійскаго престола, 321.

Альберъ, франц. демагогъ, 97, 443.

Альбрехтъ, нѣмецкій юристъ, 250, 686.
 Альма-Тадема, нидерландскій живописецъ, 627.
 Альмквистъ, Лудвигъ, шведскій писатель, 588.
 Альторпъ (графъ Спенсеръ), англ. министръ финансовъ, 197.
 Амалія, супруга испанскаго короля Фердинанда VII, 145.
 Амперъ, физикъ, 712.
 Ангеръ, протестантскій теологъ, 63.
 Англія; борьба національностей, 11; церковныя дѣла въ 19 столѣтіи, 78 и сл.; правленіе Вильгельма IV, 179—189; королева Викторія и движеніе чартистовъ, 190 и сл.; положеніе Ирландіи въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ 192—199; отношенія къ Канадѣ, къ Афганистану, къ Китаю, 200—205; вліяніе парижской революціи, 317.
 Анкетиль, франц. историкъ, 548.
 Анкона, занята Французами (1832 г.), 6, 122 и сл.; занята Австрійцами (1849 г.), 324.
 Ансильонъ, прусскій министръ, 104.
 Антонъ I, король саксонскій, 247.
 Антошъ, португальскій полководецъ, 176.
 Анценгруберъ, Лудвигъ, австрійскій поэтъ, 501.
 Апслэ-Гаузь, резиденція Уэллингтона, 181.
 Арабы въ Алжирѣ, 134.
 Араго, франц. физикъ, 712.
 Араго, Этіеннъ, братъ предъидущаго, 303.
 Арадъ, венгерская крѣпость, 420.
 Аргвеллесъ, Августинъ, членъ испанскихъ кортесовъ, 171.
 Аргеландеръ, нѣмецкій астрономъ, 712.
 Арениенбергъ, замокъ на берегу Боденскаго озера, 104.
 д'Арленкуръ, виконтъ, франц. романистъ, 527.
 Арманшпергъ, баварскій министръ, 228.
 Аридтъ, Эрнстъ Морицъ, поэтъ, 237; членъ франкфуртскаго парламента, 337, 396.
 Ариимъ-Бойценбургъ, графъ Генрихъ, прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, 238 и сл., 244.
 Ариимъ, Елизавета (Беттина), нѣмецкая писательница, 480.
 Арно, франц. поэтъ, 528.
 Арриаза, испанскій поэтъ, 575.
 Арсе, испанскій поэтъ, 580.
 д'Аспре, австр. генералъ, 336.

Ассизъ, Францискъ, супругъ испанской королевы Изабеллы, 173.
 Асторія, торговая колонія въ сѣверной Америкѣ, 8.
 Аткинсонъ, Вильг. англійскій политико-экономъ, 740.
 Атталинъ, адъютантъ Луи-Филиппа, 115.
 Аттербомъ, шведскій поэтъ, 587.
 Ауерсвальдъ, прусск. генералъ, убитъ въ 1848 г., 343.
 Ауерснергъ, австр. генералъ въ войнѣ 1848 г., 355.
 Аукландъ, англ. генералъ, 204.
 Ауфрехтъ, Теод., нѣмецкій филологъ, 666.
 Ауффенбергъ, Иос., нѣмецкій драматическій поэтъ, 489.
 Ауэрбахъ, Бертольдъ, нѣмецкій романистъ, 468 и сл.
 Афганистанъ, войны и договоры съ Англіей, 203 и сл.
 Аффръ, архіепископъ парижскій, убитъ, 304.
 Ахенбахъ, живописецъ, 605 и сл.
 Ахмедъ-паша, турецкій адмиралъ, 128.
 Ахметъ, турецкій бей въ Алжирѣ, 138 и сл.
 Ахтерфельдтъ, католич. теологъ, 52.

Б.

Баадеръ, философъ, 258, 498.
 Бабёфъ, парижскій коммунистъ, 26.
 Бава, піемонтскій генералъ, 327.
 Баварія; подъ управленіемъ Лудвига I и волненія въ Мюнхенѣ, 256—261; отреченіе короля отъ престола, 315.
 Баггезенъ, поэтъ, 583.
 Баденское великое герцогство; конкордаты съ Римомъ (1859 г.), 57; политическое положеніе въ тридцатыхъ годахъ, 261—263; вліяніе парижской февральской революціи, 307 и сл.; революціонное возстаніе въ 1848 и 1849 гг., 399—408.
 Баеръ, нѣмецкій ботаникъ и зоологъ, 717.
 Базанъ, братья, испанскіе революціонеры, 144.
 Базаръ, франц. соціалистъ, 22.
 Бакунинъ, русск. анархистъ, 394.
 Балагиссаръ, дворецъ въ Кабулѣ, 204.
 Бальбо, графъ Цезаре, итальянскій политическій дѣятель, 33, 282; піемонтскій министръ, 327.
 Бальзакъ, Оноре, франц. романистъ, 536.

Бандіера, братья, стараются вызвать возстаніе въ Калабаріи, 281, 285 и сл.
 Банкрофтъ, Джоржъ, американскій историкъ, 566.
 Барантъ, франц. историкъ, 548.
 Барбесъ, Арманъ, франц. республиканецъ, 98, 107, 443.
 Барбье, Огюстъ, франц. поэтъ, 535 и сл.
 Барклей, г-жа, собирала у себя мистиковъ-піетистовъ, 505.
 Барлетта, итал. городъ; преслѣдованіе протестантовъ (1866 г.), 35.
 Барретъ-Броунигъ, Елизавета, англ. поэтесса, 555.
 Барро, Одилонъ, сенскій префектъ при Луи-Филиппъ, 84, 111; его участіе въ февральской революціи и назначеніе министромъ, 296, 444, 446.
 Бартелеми, Жанъ-Жакъ, франц. романистъ, 532.
 Бартелеми, Августъ, франц. поэтъ, 535.
 Бартолини, итальянскій скульпторъ, 630.
 Барчъ, германистъ, 672.
 Баски, характеристика страны и народа, 154 и сл., 160.
 Басса, испанскій генералъ, убитый мятежниками 168.
 Бассерманнъ, членъ баденской палаты депутатовъ, 262, 308, 337; государственный секретарь во Франкфуртѣ въ 1848 г., 348.
 Бастидъ, Жюль, франц. революціонеръ, 95.
 Бастія, франц. политико-экономъ, 742.
 Баттіани, графъ Лудвигъ, венгерскій министръ (1848 г.), 409.
 Бауерифельдъ, сочинитель комедій, 501.
 Бауеръ, Брюно, протестантск. теологъ, 61, 67.
 Бауеръ, Францъ, австр. скульпторъ, 613.
 Бауманнъ, Ник., поэтъ, 501.
 Баумбахъ, Рудольфъ, поэтъ, 503.
 Баумштаркъ, политико-экономъ, 744.
 Бауръ, протестантск. теологъ, 59.
 Бегасъ, Карлъ, нѣмецкій живописецъ, 611.
 Бедо, франц. генералъ, 447.
 Бедуины, 134, 135.
 Бееръ, Миханлъ, нѣмецкій поэтъ, 508.
 Безелеръ, Вильг., шлезвигскій адвокатъ, 233, 337; президентъ шлезвиг-гольштинскаго временнаго правительства 317; намѣстникъ шлезвиг-гольштинскій (1849 г.), 388.
 Бейланское ущелье въ Малой Азіи, сраженіе въ 1832 г., 125.

Беирская принцесса, 151.
 Бейерлэ, вѣнскій сочинитель фарсъ, 500.
 Бекератъ, Германнъ, членъ прусскаго сейма, 244, 336, 348, 365, 383.
 Бекеръ, Авг., нѣмецкій поэтъ, романистъ, 490.
 Бекеръ, Іаковъ, нѣмецкій живописецъ, 605.
 Бёкингъ, Эд., нѣмецкій юристъ, 685.
 Беккеръ, Каръ Фердин., нѣмецкій филологъ, 496.
 Беккеръ, Николай, нѣмецкій поэтъ, 230, 471.
 Беккеръ, В. Ад., нѣмецкій археологъ, 504.
 Беккеръ, нѣмецкій филологъ, 662.
 Беккеръ, нѣмецкій юристъ, 685.
 Бёклинъ, Арнольдъ, живописецъ, 606.
 Бёкстонъ, англійскій филантропъ, 79, 185 и сл.
 Беккъ, президентъ баденскаго министерства, 263, 401 и сл.
 Бёкъ, Августъ, нѣмецкій филологъ, 661.
 Беллини, итал. музыкальный композиторъ, 642.
 Белльманнъ, шведскій поэтъ, 587.
 Бельгія, послѣ июльской революціи, 5; борьба національностей, 11; преобладаніе римской іерархіи, 43; вліяніе парижской февральской революціи, 318.
 Бёмертъ, нѣмецкій политико-экономъ, 748.
 Вежъ, польскій генералъ, 355, 359, 415.
 Бенедекъ, австр. полковникъ, 273.
 Бенедиксъ, авторъ нѣмецкихъ комедій, 487.
 Бенеке, нѣмецкій философъ, 654.
 Бенеке, германистъ, 672.
 Бенеке, Отто, нѣмецкій писатель, 512.
 Бентамъ, англ. политико-экономъ, 739.
 Бенувиль, Леонъ, франц. живописецъ, 621.
 Бенфей, Теодоръ, нѣмецкій филологъ, 666, 672.
 Бенцель-Штернау, графъ, нѣмецкій поэтъ, 490.
 Беранже, франц. поэтъ, 533—535.
 Берберы въ Алжирѣ, 134.
 Бергара; тамъ былъ заключенъ договоръ между карлистами и христи-носами (1839 г.), 167.
 Берггаузъ, географъ, 705.
 Бёрдеттъ, членъ англ. парламента, 182 и сл.
 Бержеронъ, совершилъ покушеніе на жизнь короля Луи Филиппа, 100.

- Берзеціо, итальянскій писатель, 571.
 Берлеишъ, суируга Вильгельма II гессенъ-кассельскаго, 253.
 Берлинъ; собраніе нѣмецко-католическаго синода (1874 г.), 54; евангелическій соборъ (1864 г.), 69; мартовская (1848 г.) борьба на баррикадахъ, 311 и сл.
 Беригарди, Теодоръ, нѣмецко-русскій политико-экономъ, 744.
 Бернеръ, нѣмецкій юристъ, 693.
 Бернетти, римскій государственный секретарь, 121.
 Бёрне, Лудвигъ, писатель, 458—461.
 Бёрисъ, Александръ, изслѣдовалъ внутреннюю Азію, 204.
 Бернъ; демократическая конституція 1874 года, 291.
 Беррійская герцогиня; организовала возстаніе въ Вандеѣ, 92.
 Беррье, членъ франц. палаты депутатовъ и публицистъ, 93, 106, 109.
 Бертезенъ, франц. генералъ, 136.
 Бертольди, купецъ, вождь либераловъ въ Саксоніи, 248.
 Бертранъ, франц. генералъ, 110.
 Бернелиусъ, шведскій химикъ, 714.
 Беръ, баварскій бургомистръ, во время преслѣдованія демагоговъ, 256.
 Бессель, нѣмецкій астрономъ, 710.
 Бетманиъ-Гольвегъ, юристъ, 685; прусскій министръ духовныхъ дѣлъ, 52, 73.
 Бёттгеръ, нѣмецкій поэтъ, 504.
 Бехеръ, Альфредъ Юлій, музыкантъ; казненъ въ 1848 г., 359.
 Бехштейнъ, Лудвигъ, нѣмецкій писатель, 502.
 Бенценбергеръ, нѣмецкій филологъ, 669.
 Бидерманиъ, протест. теологъ, 59.
 Бидерманиъ, нѣмецкій публицистъ и историкъ, 248, 680.
 Бизе, музыкантъ, 647.
 Бильдердайкъ, нидерландскій поэтъ, 589.
 Бинеръ, нѣмецкій юристъ, 685.
 Биньонъ, франц. историкъ, 551.
 Биршъ-Шейфферъ, Шарлотта, нѣмецкая писательница, 482.
 Биттиеръ, катол. теологъ, 53.
 Битсъ, нидерландскій поэтъ, 589.
 Бичеръ-Стоу, сѣверо-американская писательница, 566.
 Біо, франц. физикъ, 712.
 Блакасъ, графъ, возбуждавшій возстаніе въ Вандеѣ, (1832 г.), 92.
 Бланки, Луи Авг., франц. революціонеръ, 28, 98, 108, 303, 443.
 Бланъ, Луи, франц. социалистъ и историкъ, 29, 98, 297, 300, 443, 552.
 Блекъ, Фридр., протест. теологъ, 63.
 Блессингтонъ, лэди, англ. писательница, 557.
 Блиттерсдорфъ, баденскій министръ, 262.
 Блихеръ, ютландскій пасторъ, 584.
 Бломмертъ, бельгійскій поэтъ, 590.
 Блумауеръ, австр. поэтъ, 500.
 Блумъ, Робертъ, лейпцигскій революціонеръ, 54, 248, 336, 357; разстрѣлянъ, 359.
 Блунчли, нѣмецкій юристъ, 688.
 Блэ, замокъ подлѣ Бордо, гдѣ содержалась герцогиня Беррійская, 93.
 Богерсъ, нидерландскій поэтъ, 589.
 Бозио, итал. писатель, 571.
 Бозио, франц. скульпторъ, 634.
 Бодельшвингъ, прусскій министръ, 425.
 Боденштедтъ, баварскій поэтъ, 499.
 Бойенъ, прусскій военный министръ, 237.
 Бокль, Томасъ, англ. историкъ, 562.
 Больверъ, англ. романистъ, 558.
 Бомонъ, Эли, франц. геологъ, 706.
 Бомфинъ, португальскій генералъ, 176.
 Бона, городъ въ Алжирѣ, 138.
 Бонинъ, прусскій генералъ, въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ, 389 и сл., 439.
 Бонпъ, нѣмецкій филологъ, 665.
 Борхардъ, нѣмецкій математикъ, 710.
 Босбумъ, голландская писательница, 590.
 Ботенъ, французскій аббатъ, 52.
 Боццелли, неаполитанскій министръ, 321.
 Брaddonъ, миссъ, англійская романистка, 557.
 Брайянтъ, американскій поэтъ, 564.
 Брамсъ, Іоаннъ, нѣмецкій музыкантъ, 644, 647.
 Бранденбургъ, графъ, прусскій министръ; его смерть, 436 и сл.
 Брандесъ, датскій писатель, 585.
 Брандисъ, нѣмецкій философъ, 655.
 Брауншвейгъ; революція 1830 года, 251 и сл.
 Браунъ, католич. теологъ, 52.
 Браунъ, нѣмецкій публицистъ, 488, 748.
 Брахфогель, нѣмецкій драматургъ, 507.
 Бреа, франц. генералъ, убитъ въ Парижѣ, 304.
 Бревстеръ, физикъ, 712.
 Бремеръ, Фредерика, шведская писательница, 588.

Брептано, баденскій адвокатъ, 401 и сл.
 Брептано, политико-экономъ, 748.
 Брессонъ, графъ, франц. посланникъ въ Мадридъ, 174.
 Бретонъ, Жюль, франц. живописецъ, 623.
 Бретонъ де-лосъ-Герреросъ, испанскій поэтъ, 577.
 Брешія, возстаніе 1849 года, 331.
 Бринцъ, нѣмецкій юристъ, 685.
 Брокгаузъ, Германнъ, профессоръ санскритскаго языка, 666.
 Брольи, герцогъ, членъ франц. палаты пэровъ, 8, 96, 102.
 Бронте, Шарлотта, англ. писательница, 557.
 Броунигъ, Робертъ, англ. поэтъ, 554.
 Брокферио, итал. поэтъ, 570.
 Бругманиъ, нѣмецкій филологъ, 669.
 Бругшъ, нѣмецкій египтологъ, 671.
 Брумъ, лордъ, англійскій государственный дѣятель, 563.
 Бруновъ, русскій дипломатъ, 129.
 Брунсъ, нѣмецкій юристъ, 685.
 Брухъ, нѣмецкій музыкантъ, 647.
 Брюнетти, римскій демагогъ, (прозванный Чичеруакіо), 284, 325.
 Брѣ, нидерландскій живописецъ, .
 Буа-ле-Контъ, француз. дипломатъ, 291.
 Буа-Реймонъ, Эмиль, нѣмецкій физиологъ, 656, 716.
 Буассерѣ, Сульпицій и Мельхиоръ, собиратели художественныхъ произведеній, 489, 597, 599.
 Бубе, Адольфъ, нѣмецкій писатель, 502.
 Булонъ, мѣсто высадки претендента Луи Наполеона, 109.
 Бунгенеръ, романистъ, 528.
 Буизенъ, прусскій посланникъ въ Римъ, 48; теологъ, 77.
 Буонаротти, 26 и сл.
 Бургосъ, испанскій государственный дѣятель, 145, 155.
 Бурмонъ, графъ, француз. маршалъ; участвовалъ въ заговорѣ герцогини Беррійской, 93.
 Бутера, князь, сицилійскій политическій дѣятель, 320.
 Буттманнъ, нѣм. филологъ, 663.
 Бушо, франц. живописецъ, 617.
 Бушъ, Вильгельмъ, карикатуристъ, 511.
 Бюжо, франц. маршалъ, 90, 139 и сл. 299, 453.
 Бюловъ, прусск. министръ иностранныхъ дѣлъ, (1842 г.), 239.

Бюркель, нѣмецкій живописецъ, 605.
 Бюрнуфъ, франц. оріенталистъ, 665.
 Бюхнеръ, Георгъ драматическій писатель, 496.
 Бюхнеръ, Лудвигъ, натуралистъ, 656, 703.
 Бюше, президентъ парижскаго національнаго собранія, 303.
 Бюшъ, политико-экономъ, 745.
 Бьёрисонъ, норвежскій поэтъ, 586.

В.

Ваадтландъ, смуты по поводу церковныхъ дѣлъ, 80 и сл.
 Ваггёйзель, сраженіе въ 1849 г. между Пруссакими и баденскими революціонерами, 407.
 Вагнеръ, А., нѣм. политико-экономъ, 748.
 Вагнеръ, Эрнстъ, нѣм. романистъ, 502.
 Вагнеръ, К., педагогъ и историкъ литературы, 496.
 Вагнеръ, Мартинъ, нѣм. скульпторъ и живописецъ, 629 и сл.
 Вагнеръ, Ричардъ, музыкантъ, 498, 645 и сл.
 Вагнеръ, Рудольфъ, нѣм. физиологъ, 656.
 Вайцъ, Георгъ, нѣм. историкъ, 679, 691.
 Вакернагель, германистъ, 492, 672.
 Ваксмутъ, нѣм. историкъ, 676.
 Валдау, Максъ, нѣм. романистъ, 507.
 Валевскій, графъ, французскій посланникъ въ Константинополь, 131.
 Валлесъ, де-лосъ-, карлистскій агентъ, 159.
 Валлисъ, швейцарскій кантонъ подъ владычествомъ ультрамонтанъ, 288 и сл.
 Вальдекъ, членъ прусскаго сейма, 346, 382.
 Вальдмюллеръ, Ферд. Георгъ, австр. живописецъ, 612.
 Вальдмюллеръ, Роб., нѣм. пувеллистъ, 503.
 Вальтеръ, Ферд., нѣм. юристъ, 685, 686, 690, 694.
 Валѣ, графъ, франц. маршалъ, 139.
 Вангеровъ, нѣм. юристъ, 685.
 Вандея; возстаніе въ пользу герцогини Беррійской (въ 1832 г.), 92 и сл.
 Ванперсъ, нидерландскій живописецъ, 627.

Ваппеусъ, нѣм. статистикъ, 747.
 Варигагенъ фонъ Энзе, нѣм. писатель, 681.
 Ваттенбахъ, Вильг., нѣм. историкъ, 680.
 Вахенгузенъ, Гансъ, нѣм. романистъ, 503.
 Вахъ, Карлъ Вильг., нѣм. живописецъ, 604.
 Веберъ, Альбрехтъ, нѣм. лингвистъ, 666.
 Веберъ, Авг., нѣм. живописецъ, 607.
 Веберъ, К. Юлій, нѣм. сатирикъ, 495.
 Веберъ, композиторъ, 641.
 Веберъ, Вильг., физикъ, 709.
 Веберъ, Вильг. Эрнстъ, филологъ и эстетикъ, 513.
 Веблингеръ, нѣм. поэтъ и нувеллистъ, 494.
 Вейдигъ, гессенскій пасторъ, былъ преданъ суду, 217.
 Вейзе, токарный мастеръ и поэтъ, 508.
 Вейнбреннеръ, нѣм. архитекторъ, 638.
 Вейскирхенъ, венгерскій городъ; сраженіе въ 1848 г., 411.
 Вейссе, Христ. Герм., теологъ и философъ, 61.
 Вейссъ, нѣм. химикъ, 714.
 Вейтъ, Ф., нѣм. живописецъ, 601.
 Вейцсекеръ, Карлъ, нѣм. теологъ, 61, 62.
 Вёлеръ, нѣм. химикъ, 715.
 Вельденъ, австр. генералъ, 329, 416.
 Велькеръ, нѣм. филологъ, 662.
 Велькеръ, Карлъ Теод., нѣм. политическій дѣятель, 217, 261, 337, 370, 372.
 Вельяминовъ, русск. генералъ, 278.
 Венгрія; борьба національностей, 12, 270; положеніе въ тридцатыхъ и въ сороковыхъ годахъ, 274 и сл.; возстаніе 1848 года, 408 — 415; провозглашеніе независимости, 415—419; подавленіе возстанія, 419—424.
 Венедей, нѣм. публицистъ, 489.
 Венеція, снова подняла въ 1849 г. подъ владычество Австріи, 331.
 Вентура, католическій священникъ, 284.
 Верга, итал. поэтъ, 571.
 Вергеландъ, датскій писатель, 585.
 Верди, Джузеппе, композиторъ, 642.
 Вёрёсмарті, венгерскій поэтъ, 582.
 Верне, Горасъ, франц. живописецъ, 616, 624.
 Вернеръ, Карлъ, датскій германистъ, 672.
 Вернеръ, нѣм. живописецъ, 605, 611.

Вернъ, Жюль, франц. романистъ, 544.
 Весселени, Николай, венгерскій агитаторъ, 275.
 Вессенбергъ, баронъ, президентъ австр. министерства, 311.
 Вессенбергъ, братъ предъидущаго, правитель констанцскаго епископства, 46, 491.
 Вехтеръ, нѣм. юристъ, 685, 693.
 Вецель, нѣм. юристъ, 693.
 Вецель, нѣм. драматич. писатель, 504.
 Виги, англ. политическая партія, 180 и сл.
 Виденбругкъ, членъ франкфуртскаго національнаго собранія, 337, 348, 391.
 Виджевано; перемиріе въ 1848 г. между Карломъ Альбертомъ и Радецкимъ, 329.
 Видманиъ, швейцарскій поэтъ, 492.
 Визлиценусъ, протестантскій пасторъ, 70.
 Визлиценусъ, Герм., нѣм. живописецъ, 604.
 Викторія, королева англійская, 188, 189 и сл.
 Викторъ Эммануль, король Сардинскій, 331.
 Виллагосъ, тамъ венгерскіе инсургенты положили оружіе въ 1849 г., 421 и сл.
 Виллареаль, карлистскій генералъ, 165.
 Вилларъ де-лосъ-Наварросъ; сраженіе между Карлистами и Христиносами въ 1837 г., 166.
 Виллаценъ, нѣм. поэтъ и переводчикъ, 513.
 Виллеменъ, франц. министръ, 42, 107.
 Вилленсвѣтъ, Альбанъ, франц. политико-экономъ, 743.
 Виллизенъ, шлезвигъ-голыштинскій генералъ, 439.
 Вильбрандтъ, австр. драматич. писатель, 501.
 Вильгельмъ, принцъ Пруссій, 314, 407.
 Вильгельмъ, герцогъ Брауншвейгскій, 252.
 Вильгельмъ II, курфюрстъ Гессенскій, 252.
 Вильгельмъ IV, англ. король, 179 и сл., 182; его смерть, 188; былъ королемъ Галловерскимъ, 249.
 Вильденбрухъ, Эрнстъ, нѣм. драматургъ, 509.
 Вильдермутъ, Оттилія, нѣм. писательница, 482.
 Вильмаръ, протестантскій теологъ, 77, 254, 433.

Вильсонъ, англ. романистъ, 556.
 Винбаргъ, нѣм. писатель, 463, 467.
 Виндишгрецъ, князь, австр. генералъ, 311, 355 и сл., 412.
 Виндишъ, нѣм. филологъ, 669.
 Виндшейдъ, нѣм. юристъ, 685.
 Вилле, Алекс., швейцарскій теологъ, 81.
 Винеръ, протест. теологъ, 63.
 Винке, Георгъ, членъ прусскаго сейма, 244, 336, 348.
 Винтергальтеръ, нѣм. живописецъ, 617.
 Винтеръ, баденскій министръ, 261.
 Виншонъ, франц. живописецъ, 617.
 Виншонъ, франц. архитекторъ, 639.
 Виньи, Альфредъ, франц. поэтъ, 523.
 Виртцъ, нидерландскій живописецъ, 627.
 Виртъ, политич. агитаторъ, 214 и сл.
 Виртъ, Максъ, нѣм. политико-экономъ, 747.
 Вирховъ, Руд., нѣм. натуралистъ и политикъ, 655, 720.
 Вите, франц. поэтъ, 532.
 Виттигъ, нѣм. скульпторъ, 634.
 Вихернъ, теологъ, 75.
 Вихертъ, Эрнстъ, нѣм. писатель, 506.
 Вихманъ, нѣм. скульпторъ, 633.
 Вичини, президентъ временнаго правительства въ Болоньѣ, 118.
 Вишеръ, Фридр. Теод., эстетикъ, 655.
 Виенъ, Жоз. Мари, франц. живописецъ, 618.
 Виолле-ле-дюкъ, франц. архитекторъ, 639.
 Водре, франц. полковникъ, бонапартистъ, 103.
 Вольгемутъ, австр. полководецъ, 416.
 Вольтманъ, нѣм. историкъ, 513.
 Вольфъ, Фридр. Авг., нѣм. филологъ, 661, 701.
 Вольфъ, братья, нѣм. скульпторы, 633.
 Вольфъ, Юлій, нѣм. поэтъ, 509.
 Вольфъ, Елизавета, нидерландская романистка, 589.
 Воронцовъ, русск. генералъ, 278.
 Вотье, Бенж., нѣм. живописецъ, 605.
 Врайтъ, англ. ориенталистъ, 670.
 Врангель, прусскій фельдмаршалъ, 317, 347.
 Вреде, князь Карлъ, сынъ баварскаго фельдмаршала, 258.
 Вредовъ, нѣм. скульпторъ, 633.
 Вуазенъ, франц. полковникъ, бонапартистъ, 109.
 Вуароль, франц. генералъ, 136.
 Вудъ, англ. романистка, 557.

Вундтъ, Вильг., нѣм. натуралистъ и философъ, 656.
 Вурмъ, нѣт. публицистъ, 512.
 Вюртембергъ, графъ Александръ, поэтъ, 476.
 Вюртембергъ въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, 261; вліяніе парижской февральской революціи, 308; принужденъ (въ 1849 г.) принять имперскую конституцію, 392.

Г.

Гагенбахъ, швейцарскій историкъ и поэтъ, 492.
 Гагенъ, фонъ-деръ, нѣмец. филологъ, 671.
 Гагернъ, Фридрихъ, нѣм. генералъ, 316.
 Гагернъ, Генрихъ, президентъ франкфуртскаго національнаго собранія, 316, 334 и сл., 361; президентъ имперскаго министерства, 363.
 Гаде, датскій музыкантъ, 647.
 Газе, протестантскій теологъ, 59.
 Газенклеверъ, нѣм. живописецъ, 605.
 Гай, Лудвигъ, кроатскій политическій дѣятель, 270.
 Гайнау, австр. генералъ, 330, 331, 419 и сл.
 Гайнау, Карлъ, братъ предъидущаго, гессенъ-кассельскій генералъ, 434.
 Гаклендеръ, нѣм. романистъ, 494.
 Галиція, недовольство польскимъ дворянствомъ, 271; крестьянская война (въ 1846 г.), 273.
 Галиано, Алкала, испанскій политическій дѣятель, 169.
 Галламъ, англ. историкъ, 560.
 Галлего, испанскій поэтъ, 575.
 Галлеръ, Лудвигъ, знатокъ государственнаго права, 689.
 Галлетти, римскій адвокатъ, 323.
 Галль, Луиза, нѣмецк. писательница, 482.
 Галлэ, франц. историкъ, 548.
 Галлэ, нидерландскій живописецъ, 627.
 Гальдосъ, Пересъ, испанскій писатель, 580.
 Гамбахъ, развалины замка: устроенный тамъ (въ маѣ 1832) народный праздникъ, 214.
 Гамерлингъ, Роб., австр. поэтъ, 501.
 Гамильтонъ, Александръ, американскій политич. дѣятель, 740.
 Гамильтонъ, Александръ, англ. филологъ, 665.
 Гаммеръ, Юлій, нѣмец. литераторъ 503.

- Гаммеръ-Нургштадтъ, нѣмец. оріенталистъ, 501.
- Гамъ, крѣпость, въ которой содержался Луи Наполеонъ, 109.
- Ганггоферъ, Лудвигъ, баварскій литераторъ, 499.
- Ганеманъ, гомеопатъ, 719.
- Ганзейскіе города въ 19 столѣтіи, 512.
- Ганземанъ, Давидъ, членъ прусскаго сейма, 244.
- Ганиль, политико-экономъ, 743.
- Ганке, Генріетта Вильгельмина, нѣм. писательница, 482.
- Ганноверъ, при Вильгельмѣ VI и Эрнстѣ Августѣ, 249—251.
- Гансенъ, нѣм. астрономъ, 711.
- Ганъ, протест. теологъ, 67.
- Ганъ-Ганъ, Ида, нѣм. писательница, 480.
- Гардингъ, губернаторъ англійскихъ владѣній въ Индіи, 205.
- Гарели, испанскій государственный дѣятель, 156.
- Гаренъ, Виллемъ, голландскій писатель, 589.
- Гаренъ, Овно Цвиръ, голландскій поэтъ, 589.
- Гарибальди, Джузеппе, вождь итальянскихъ волонтеровъ въ 1849 г., 324 и сл.
- Гарисна, графъ, французскій военачальникъ, 162.
- Гарнакъ, протест. теологъ, 62.
- Гарнишъ, нѣм. педагогъ, 700.
- Гарнье-Паже, франц. политич. дѣятель, 96, 111; министръ финансовъ, 302.
- Гаррахъ, графиня (княгиня Лигницъ), супруга прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, 234.
- Гартманъ, Морицъ, богемскій поэтъ, 500.
- Гартманъ, Эдуардъ, нѣм. философъ, 659.
- Гартъ, Бретъ—, америк. поэтъ, 565.
- Гарція, карлистскій генералъ, 166.
- Гарценбушъ, испанскій поэтъ, 577.
- Гаскелль, англ. писательница, 557.
- Гаспаринъ, основатель франц. свободной протестантской церкви, 81.
- Гассеншолугъ, гессенъ-кассельскій министръ, 239, 253, 429 и сл.
- Гассеръ, Гансъ, австр. скульпторъ, 634.
- Гаттереръ, гёттингенскій историкъ, 705.
- Гаугъ, Фр., сочинитель нѣм. пѣсенъ и эпиграммъ, 494.
- Гаугъ, нѣм. геологъ, 666.
- Гаузратъ, протест. теологъ, 62, 489.
- Гауптъ, Морицъ, нѣм. филологъ, 663.
- Гауссъ, нѣм. математикъ, 708.
- Гауффъ, Вильг., нѣм. писатель, 494.
- Гаухъ, норвежскій поэтъ, 584.
- Гафизъ-паша, турецкій полководецъ, 128.
- Гверацци, итальянскій романистъ, 326.
- Гвергъ, испанскій генералъ, 164.
- Гверрини, итал. поэтъ, 573.
- Гвиччардини, графъ, итальянскій протестантъ, 34.
- Геббель, Фридрихъ, нѣм. драматургъ, 470, 515.
- Гебель, Петръ, нѣм. писатель, 489.
- Гебертъ, франц. живописецъ, 623.
- Гегель, нѣм. философъ и его послѣдователи, 59.
- Гееренъ, нѣм. историкъ, 676.
- Гезекиль, Георгъ, нѣмецк. писатель, 509.
- Гезениусъ, нѣм. оріенталистъ, 670.
- Гейбель, Эмануэль, нѣм. поэтъ, 471, 499, 513.
- Гейбергъ, Германъ, гольштинскій новеллистъ, 516.
- Гейбергъ, датскій писатель, 584.
- Гейбнеръ, Отто, саксонскій демократъ и поэтъ, 394.
- Гейеръ, Эрикъ, Густавъ шведскій писатель, 587.
- Гейзе, Поль, нѣм. поэтъ, 485.
- Гейне, Христ. Готтл., нѣм. филологъ, 661.
- Гейне, Генрихъ, нѣм. поэтъ, 459.
- Гейнце, нѣм. юристъ, 693.
- Гейссель, Іоаннъ, епископъ шпейерскій, 49.
- Гейссеръ, Лудв., нѣм. историкъ, 679.
- Геккель, натуралистъ, 657, 718.
- Геккеръ, Фридр., баденскій демагогъ, 238, 262, 341, 400, 407.
- Гекшеръ, членъ нѣмецкаго имперскаго министерства, 336.
- Геллеръ, Іосифъ, нѣм. писатель, 498.
- Геллеръ, Робертъ, нѣмецк. романистъ, 463.
- Гельвигъ, Амалія, нѣм. писательница, 502.
- Гельдъ, нѣм. политико-экономъ, 748.
- Гельмгольцъ, Германъ, нѣм. натуралистъ, 656, 713, 716.
- Гельцеръ, историкъ литературы, 492.
- Гельшперъ, нѣм. юристъ, 693.
- Гейгштенбергъ, нѣм. теологъ, 63, 67, 71, 73, 77.
- Гендель, музыкантъ, 645.
- Гензель, Вильг., нѣмец. живописецъ, 611.

- Тенесте, голландскій поэтъ, 590.
 Гензель, Луиза, нѣм. поэтесса, 482.
 Генне аль Рейнъ, швейц. историкъ, 492.
 Генци, австр. генералъ, 417.
 Генцъ, Фридрихъ, публицистъ, 475.
 Герарди дель Теста, итал. поэтъ, 570.
 Гербартъ, нѣм. философъ, 652 и сл., 697.
 Герберъ, президентъ нассауской палаты депутатовъ, 265.
 Гервегъ, Георгъ, нѣмец. поэтъ, 238, 316, 400, 468, 472.
 Гервинусъ, нѣм. историкъ, 244, 250, 678.
 Гёргей, Артуръ, венгерскій генералъ, 412, 417 и сл. 421 и сл.
 Герице, протест. теологъ, 67.
 Герицъ, Вильг., нѣмец. романистъ, 508.
 Герлосзонъ, Карлъ, австр. поэтъ, 500.
 Германія; движенія въ церковной сферѣ, 29 и сл., 56 и сл.; исторія Германіи отъ іюльской революціи до февральской, 212—224; національныя стремленія, таможенный союзъ и шлезвигъ-гольштинскій вопросъ, 225—234; Пруссія въ царствованіе Фридриха Вильгельма I, 234—247; среднія и мелкія сѣверо-германскія государства, 247—256; южно-германскія государства, 256—265; Австрія, 265—276; предвѣстники революціи 1848 и 1849 гг., 280 и сл.; 306 и сл.; борьба изъ-за конституціи и національное собраніе во Франкфуртѣ на М., 333 и сл.; повсемѣстная реакція, 424 и сл. — Нѣмецкая литература послѣ Гёте и „Юная Германія“, 455 и сл.; образовательныя искусства, 591; музыка, 640 и сл., нѣмецкая наука въ 19 столѣтіи: ея пути и цѣли, 649 и сл.; философія, 651; исторіографія, 673; юриспруденція, 681; педагогика, 696; естествознаніе и математика, 701; народное хозяйство и социальная политика 721.
 Германиъ, нѣмец. политико-экономъ, 744.
 Германиъ, Готфридъ, нѣм. филологъ, 661.
 Германъ, Карлъ, нѣмецк. живописецъ, 604.
 Германиъ, членъ франкфуртскаго парламента, 370.
 Гермезіанцы, теологическая школа, 48, 52.
 Гермесъ, Георгъ, католич. теологъ, 52.
 Герокъ, нѣмецк. прелатъ и писатель, 494.
 Гёрресъ, нѣм. публицистъ, 45, 257.
 Гершель, отецъ и сынъ, нѣм. астрономы, 712.
 Герицъ, Вильг., нѣмец. лирикъ, 494, 499.
 Герицъ, Генр., датскій поэтъ, 584.
 Герштекеръ, Фридр. нѣм. романистъ, 511.
 Гессе, нѣм. математикъ, 709.
 Гессенъ-Дармштадтъ, управленіе Лудвига II, 264.
 Гессенъ-Кассель; система управленія Гассенпфлуга и Шеффера, 252—255, 429; борьба по поводу нарушенія конституціи и союзная экзекуція (въ 1850 г.); 431—436.
 Гессъ, Генр., нѣм. живописецъ, 607.
 Гёттлингъ, нѣм. филологъ, 663.
 Геттнеръ, историкъ литературы и археологъ, 503.
 Гефтеръ, нѣм. юристъ, 688.
 Гёценбергеръ, Іаковъ, нѣмец. художникъ, 604.
 Гёцъ, австр. генералъ, 416.
 Гибсонъ, Джонъ, англ. скульпторъ, 630, 636.
 Гизебрехтъ, Вильг., нѣм. историкъ, 680.
 Гизеке, Роб., нѣм. поэтъ, 471.
 Гизелеръ, протест. теологъ, 59.
 Гизо, Франсуа, французск. писатель и министръ; его политическая дѣятельность 3, 91, 95, 102, 108, 174; отношенія къ Швейцаріи, 291 и сл.; 294; уволенъ, 297 и сл.
 Гиллебрандъ, Іосифъ, авторъ исторіи литературы, 495.
 Гиллебрандъ, Карлъ, нѣм. писатель, 496.
 Гиллериъ, Вильгельмина, нѣм. писательница, 491.
 Гиль, бельг. поэтъ, 590.
 Гильгенфельдъ, нѣм. теологъ, 62.
 Гильдебрандтъ, Теод., нѣм. живописецъ, 605.
 Гильдебрандъ, Брюно, нѣм. политико-экономъ, 747.
 Гильдемейстеръ, нѣм. оріенталистъ, 670.
 Гильомъ, франц. скульпторъ, 636.
 Гилтеншпергеръ, нѣмецк. художникъ, 607.
 Гильшеръ, австр. поэтъ, 476.
 Гипаръ, франц. журналистъ, 94.
 Гинкельдей, баденскій полковникъ, 403.
 Гирихсъ, нѣм. философъ, 239.
 Гишнѳусъ, нѣм. юристъ, 694.
 Гиршеръ, каноникъ, 491.

Х

- Гієнгієсъ, побѣда Дембинскаго надъ австр. генераломъ Шликомъ, 416.
- Гієнъ-фонгъ, китайскій императоръ, 207.
- Гласбрешнеръ, Адольфъ, нѣм. сатирикъ, 509.
- Глюкъ, Елизавета, нѣмец. поэтесса, 482.
- Гмелинъ, нѣм. химикъ, 714.
- Гнейстъ, нѣм. юристъ, 691.
- Годвинъ, англ. политико-экономъ, 737.
- Годи, Францъ, нѣм. поэтъ, 508.
- Гонто, сраженіе Карла Альберта съ Австрійцами, 327.
- Гольбергъ, Лудвигъ, датскій поэтъ, 583.
- Гольдмаркъ, нѣм. композиторъ, 647.
- Гольдшмидтъ, нѣм. юристъ, 695.
- Голль, англ. романистъ, 556.
- Гольштепъ, протест. теологъ, 62.
- Гольтей, Карлъ, нѣм. поэтъ, 510.
- Гольцманъ, германистъ, 672.
- Голецъ, карлистскій вождь, 161, 165.
- Гонеггеръ, швейцарскій писатель, 492.
- Гонкуры, Эдмонъ и Жюль, франц. писатели, 546.
- Горбостель, австр. министръ торговли, 351, 354.
- Горинъ, Уффо Дан., австр. писатель, 500.
- Горинъ, (псевдонимъ пастора Ёртеля), нѣм. писатель, 488.
- Горстъ, шлезвигъ-гольштинскій генералъ, 440.
- Гортензія, супруга голландскаго короля Людовика Бонапарта; ея смерть, 104.
- Готтгельфъ, швейцарскій писатель, 492.
- Готтшаль, нѣм. поэтъ, 470.
- Готтшикъ, нѣм. теологъ, 63.
- Готье, Теофиль, франц. писатель, 524.
- Гоугъ, англ. генералъ, 205.
- Гофманъ, Ф. Фаллерслебенъ, нѣм. поэтъ и ученый, 472, 672.
- Гофманнъ, баденскій военный министръ, 402.
- Гофманнъ, Вильгельмъ, прусскій придворный пасторъ, 61, 73, 76.
- Гофманнъ, Іосифъ, австр. живописецъ, 612.
- Гоффъ, нѣм. геологъ, 706.
- Гоэе, голландскій ориенталистъ, 670.
- Граббе, Христіанъ, нѣм. драматургъ, 487.
- Гразеръ, нѣм. педагогъ, 699.
- Гране, франц. живописецъ, 622.
- Гребенъ, прусскій генералъ, 236, 435.
- Греверусъ, нѣм. писатель, 513.
- Грегоровіусъ, Ферд., нѣм. историкъ, 506.
- Грей, графъ, англ. государственный дѣятель, 180, 196.
- Грейфъ, Мартинъ, нѣм. писатель, 490.
- Гренобль, возстаніе 1832 года, 95.
- Грефе, нѣм. педагогъ, 700.
- Грибенъ, нѣм. поэтъ, 488.
- Грильпарцеръ, Францъ, австр. поэтъ, 476.
- Гриммъ, братья Іаковъ и Вильгельмъ, германисты, 237, 250, 672.
- Гриненкерль, Роб., нѣм. драматургъ, 511.
- Гро, Жанъ, франц. живописецъ, 618.
- Грольманъ, президентъ прусскаго верховнаго суда, 238.
- Гроссе, Юлій, нѣм. писатель, 502.
- Гротендъ, нѣм. ориенталистъ, 670.
- Гротъ, Джоржъ, англ. историкъ, 563.
- Гротъ, Клаузъ, нѣм. писатель, 515.
- Грузія, русская провинція, 277.
- Грундтвигъ, датскій поэтъ, 584.
- Группе, Отто, нѣм. поэтъ, 505.
- Графе, нѣм. хирургъ, 720.
- Грюнъ, Анаст. (графъ Ауерспергъ), австр. поэтъ, 476.
- Гугъ, католич. теологъ, 51.
- Гукъ, англ. романистъ, 556.
- Гуманнъ, франц. министръ финансовъ, 89, 96.
- Гумбольдтъ, Вильгельмъ, какъ филологъ, 666 и сл. и знатокъ государственнаго права, 689.
- Гумбольдтъ, Александръ, натуралистъ, 509, 704.
- Гумиертъ, Текла, нѣм. писательница, 483.
- Гундесгагенъ, протест. теологъ, 68.
- Гуно, франц. музыкантъ, 647.
- Гурго, сопровождавшій Наполеона на островъ св. Елены, 110.
- Гуртеръ, нѣм. историкъ, 475, 674.
- Гускиссонъ, Вильг., англ. политическій дѣятель и политико-экономъ, 180, 739.
- Гутиррецъ, испанскій поэтъ, 577.
- Гуфеландъ, нѣм. докторъ, 719.
- Гуфеландъ, Готтл., нѣм. политико-экономъ.
- Гуцковъ, Карлъ, нѣм. поэтъ, 462 и сл.
- Гушке, нѣм. юристъ, 67.
- Гэ, Софія и Дельфина, франц. писательницы, 526.
- Гэйдонъ, англ. живописецъ, 628.
- Гэнель, Эрнстъ, нѣм. художникъ, 634.

Гюбнеръ, Юлій, нѣм. живописецъ, 604.
 Гюбнманнъ, нѣм. филологъ, 669.
 Гюго, Викторъ, франц. поэтъ, 448, 451, 519—523.
 Гюде, норвежскій живописецъ, 605.
 Гюльгане, изданіе султанскаго гатти-шерифа (въ 1839 г.), 129.
 Гюнтеръ, Антонъ, нѣм. философъ, 52.

Д.

Давидъ, Жакъ Луи, франц. живописецъ, 615, 618.
 Давидъ д'Анжеръ, франц. скульпторъ, 635.
 Дагерръ, изобрѣтатель дагерротипа, 734.
 Да-Коста, нидерландскій поэтъ, 589.
 Далл'Онгаро, итал. писатель, 568.
 Дальвигкъ, гессенъ-дармштадтскій министръ, 58.
 Дальгузи, лордъ, губернаторъ, Остъ-Индіи, 205.
 Дальманнъ, нѣм. историкъ, 513, 676, 691; его политическая дѣятельность, 250, 333, 337.
 Даміаникъ, венг. генералъ, 423.
 Дамремонъ, франц. генералъ, 139.
 Дангаузеръ, австр. живописецъ, 612.
 Даниель, географъ, 705.
 Данія, послѣ июльской революціи, 5; послѣдніе годы царствованія Фридриха VII и шлезвигъ-гольштинская война 1849 и 1850 гг., 388 и сл., 439 и сл.
 Даннекеръ, нѣм. скульпторъ, 631.
 Данъ, Феликсъ, историкъ и поэтъ, 486.
 Дарбисты, религіозная секта въ Англіи, 78.
 Дарвинъ, англ. натуралистъ, 717.
 Дармесь, франц. республиканецъ, 108.
 Дарю, графъ, франц. генералъ и писатель, 551.
 Даумеръ, нѣм. писатель, 497.
 Деакъ, Францъ, венгерскій государственный дѣятель, 275.
 Дебордъ-Вальморъ, Марселина, французская писательница, 526.
 Девріенъ, нѣм. драматургъ, 489.
 Дегеръ, Эрнстъ, нѣм. живописецъ, 603, 604.
 Дедерлейнъ, нѣм. филологъ, 498.
 Дейнгардштейнъ, австр. поэтъ, 477, 479.
 Дейнгардтъ, нѣмецкій педагогъ, 697.
 Дѣйцъ, кѣльнскій еврей, выдалъ герцогиню Беррійскую (1832 г.), 93.

Декамисъ, франц. живописецъ, 620.
 Декенъ, Агата, нидерландская романистка, 589.
 Деккеръ, голландскій поэтъ, 591.
 Делавинъ, Казиміръ, франц. поэтъ, 529.
 Делакура, Евг., франц. живописецъ, 617, 619, 625.
 Деларошъ, Поль, франц. живописецъ, 617, 619, 625.
 Делиль, Жакъ, франц. поэтъ, 529.
 Дёллингеръ, католич. теологъ, 53, 259.
 Делицинъ, протестантскій теологъ, 63, 77.
 Делоне, франц. астрономъ, 711.
 Делоръ, франц. историкъ, 448.
 Дельбрюкъ, нѣмецкій филологъ, 669.
 Дембинскій, польскій генералъ, 415, 417, 424.
 Демишель, франц. генералъ, 137.
 Дёплонъ, англ. историкъ, 561.
 Денцель, нѣмецкій педагогъ, 699.
 Десанктисъ, Луиджи, римскій священникъ, 34.
 Дессеффи, графъ, венгерскій государственный дѣятель, 275, 423.
 Дефреггеръ, австр. живописецъ, 613.
 Дешанъ, Эмиль и Антуанъ, франц. писатели, 526.
 Джакометти, итальянскій драматич. писатель, 569.
 Джемсъ, англ. романистъ, 556.
 Дженелли, Бонавентура, живописецъ, 608.
 Джіюберти, Винченцо, итал. философъ и политикъ, 35, 281.
 Джіованелли, графъ, покровитель іезуитовъ, 269.
 Джонсъ, Эрнестъ, вождь чартистовъ, 189.
 Джонсъ, англ. филологъ, 665.
 Джусти, Джузеппе, итал. поэтъ, 567.
 Дизраэли, англ. министръ и писатель, 556.
 Диккенсъ, англ. романистъ, 558 и сл.
 Дицльманъ, нѣм. оріенталистъ, 670.
 Дингельштедтъ, нѣм. писатель, 468, 473.
 Динтеръ, педагогъ, 699.
 Дипенброкъ, католич. теологъ, 499.
 Дирихле, математикъ, 709.
 Дистервегъ, нѣм. педагогъ, 700.
 Добльгоффъ, австр. министръ внутреннихъ дѣлъ, 351 и сл.
 Доде, Альфонсъ, франц. писатель, 546 и сл.
 Доницетти, итал. композиторъ, 642.
 Донидорфъ, нѣм. скульпторъ, 634.

ХІІ

Дорнеръ, Исаакъ, протест. теологъ, 62, 76.
 Дорэ, Густавъ, франц. живописецъ, 626.
 Доссенбахъ, сраженіе въ 1848 г. между баденскими инсургентами и нѣмецкими союзными войсками, 316.
 Достъ Могаммедъ, афганистанскій ханъ, 204.
 Драке, Фридр., нѣм. скульпторъ, 633.
 Древестъ, Лебрехтъ, нѣм. романтикъ, 512.
 Дрезденъ, возстаніе въ маѣ 1849 г., 392 и сл.
 Дробишъ, нѣм. философъ, 653.
 Дройзенъ, нѣм. историкъ, 679.
 Дросте-Гюльсгофъ, Аннетта, нѣмецкая писательница, 479.
 Дросте-Вишерингъ, баронъ, кѣльнскій архіепископъ, 48.
 Друенъ де-Люисъ, франц. министръ, 444.
 Друэ д'Эрлонъ, франц. генералъ, алжирскій генералъ - губернаторъ, 137.
 Дуквицъ, нѣмецкій имперскій министръ (1848 г.), 336.
 Дуллеръ, Эд., австр. поэтъ, 500.
 Дунинъ, позенскій архіепископъ, 49.
 Дункеръ, Максъ, нѣмецкій историкъ, 680.
 Дурандо, итал. генералъ, 323, 328.
 Дурандо, Джакоме, итал. политическій дѣятель, 282.
 Дургамъ, лордъ, генералъ-губернаторъ Канады, 194, 202.
 Дуршъ, католич. теологъ, 697.
 Дуффъ де-Мезопанъ, франц. офицеръ, бонапартистъ, 109.
 Душъ, баденскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 262.
 Дэви, Гёмфрэ, физикъ, 712.
 Дэпэ, америк. поэтъ, 564.
 Дюваль, Амори, франц. живописецъ, 621.
 Дювержье де-Гораниъ, франц. государственный дѣятель, 106, 296, 448.
 Дювернуа, вюртембергскій министръ, 428.
 Дюма, Александръ, франц. поэтъ и романистъ, 529 и сл.
 Дюма, сынъ предъидущаго, романистъ, 531.
 Дюма, франц. физикъ, .
 Дюнуайе, франц. политико-экономъ, 742.
 Дюпанлу, епископъ орлеанскій, 41.
 Дюпети-Туаръ, франц. адмиралъ, 105, 141.

Дюпенъ, членъ франц. палаты депутатовъ, 86, 106 и сл.
 Дюпоти, франц. журналистъ, 112.
 Дюпнельскіе окопы, взяты Нѣмцами приступомъ (1849 г.), 389.
 Дюре, франц. скульпторъ, 635.
 Дюрингсфельдъ, Ида, нѣмецкая писательница, 482.
 Дюттлингеръ, вождь либеральной оппозиціи въ Баденѣ, 261.
 Дюфоръ, членъ франц. палаты депутатовъ при Луи-Филиппѣ, 106.
 Дюфуръ, швейцарскій генералъ, 292.

Е.

Еврей; имъ открытъ доступъ въ англ. палату депутатовъ, 191.
 Египетъ, подъ управленіемъ Мехмеда Али, 124 и сл.
 Елена, (принцесса Мекленбургъ-Шверинская), супруга герцога Орлеанскаго, сына Луи-Филиппа, 105.
 Ермоловъ, русск. генералъ, 277.
 Естественныя науки въ 19 столѣтіи, 701 и сл.
 Ёткеръ, Фридрихъ, нѣм. публицистъ, 254.
 Ёттингенъ-Валлерштейнъ, князь, баварскій министръ, 257, 260.

Ж.

Жаненъ, Жюль, франц. писатель, 543.
 Жанлисъ, г-жа, франц. писательница, 528.
 Жанъ, „отецъ гимнастики“, 502.
 Жанъ, католич. теологъ, 51.
 Жанъ, нѣмец. филологъ и археологъ, 663.
 Женева; во власти радикаловъ, 290.
 Жераръ, графъ, французскій министръ, 90.
 Жераръ, Франсуа, франц. живописецъ, 618.
 Жерико, французскій живописецъ, 616, 619.
 Жеромъ, франц. живописецъ, 623.
 Жирарденъ, Эмиль, французскій журналистъ 102, 114, 294.
 Жиродэ-Тріозонъ, франц. живописецъ, 619.
 Жуанвильскій, принцъ, сынъ Луи-Филиппа, 105, 115.
 Жуфруа, франц. философъ, 38.

З.

- Заукенъ**, членъ соединеннаго сейма въ Пруссіи, 244.
Захеръ-Мазохъ, Леопольдъ, австр. поэтъ, 501.
Зее, Густавъ, нѣм. романистъ, 507.
Зеегеръ, Лудв., нѣм. поэтъ и переводчикъ, 494.
Зейдль, австр. лирикъ, 500.
Зейнсгеймъ, графъ, баварскій министръ, 257.
Зибель, нѣм. историкъ, 679.
Зибенпфейфферъ, нѣм. политич. агитаторъ, 214.
Зигвартъ-Мюллеръ, вождь ультрамонтанъ въ Люцернѣ, 289.
Зиммерингъ, нѣм. скульпторъ, 634.
Зола, Эмиль, француз. писатель, 545 и сл.
Зондербундъ, швейцарскій, 288 и сл.; вызванная имъ война, 291 и сл.
Зопъ, нѣм. живописецъ, 605.
Зуавы, особые отряды франц. войскъ, 135.

И.

- Ибсенъ**, норвежскій поэтъ, 586.
Игерингъ, нѣм. юристъ, 685.
Идштедтъ; сраженіе между Шлезвигъ-Гольштинцами и Датчанами, 430.
Изабей, французск. живописецъ, 623, 626.
Изабелла, дочь Фердинанда VII, 146; королева испанская, 173; вступаетъ въ бракъ съ Францискомъ д'Ассизъ, 174.
Имбриани, итал. поэтъ, 573.
Имгофъ, швейцарскій скульпторъ, 630.
Иммерманнъ, нѣм. драматургъ и романистъ, 486.
Ингеманнъ, датскій поэтъ, 574.
Индія; ея положеніе въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ 19-го столѣтія, 203 и сл.
Ирвингъ, Вашингтонъ, америк. историкъ, 563.
Ирвингъ, англ. пасторъ, 78.
Ирвингіанцы, религіозная секта, 78.
Ирландія; церковныя дѣла, 44; оранжисты и царствованіе Викторіи, 192—200.
Исла, испанскій іезуитъ и писатель, 574.
Исли, рѣка въ Алжирѣ; побѣда Французовъ надъ мароккскими войсками, 140.

Испанія; положеніе церквей католической и протестантской въ 19 столѣтіи, 35 и сл.; послѣдніе годы царствованіе Фердинанда VII, прагматическая санкція 1830 года и предвѣстники междоусобицы, 142—152; карлисты и христиносы и королевскій статутъ 1834 года, 152—159; война съ карлистами въ тридцатыхъ годахъ, 159—167; борьба партій, удаленіе королевы Маріи Христины, Эспартеро назначенъ регентомъ, Изабелла вступаетъ на престолъ, 167—174.

Истурицъ, испанскій политикъ, 160, 169.

Италія; вліяніе іюльской революціи, 6; общество „Молодая Италія“, 12; церковныя дѣла, 32 и сл.; возстанія 1831 и 1832 гг., 118 и сл.; предвѣстники переворотовъ 1848 года, 280 и сл.; революціонныя движенія (1848, 1849 гг.), 318—326; война въ сѣверной Италіи и возстановленіе австрійскаго владычества, 326—333.

Итурральде, вождь карлистовъ, 155.

І.

- Иезуиты**; ихъ положеніе въ Швейцаріи, 288 и сл.
Иеллачичъ, банъ кроатскій, 355 и сл., 410 и сл.
Иеллинекъ, Германъ, вѣнскій демократъ, казненъ въ 1848 г., 359.
Иенсенъ, Вильг., шлезвигскій писатель, 515.
Іоаннъ, эрцгерцогъ австрійскій; во время празднества въ кѣльнскомъ соборѣ, 230; имперскій администраторъ (1848 г.), 335 и сл.
Іоаннъ, принцъ, а потомъ король Саксонскій, 248; какъ поэтъ, 457.
Іоакимъ, скрипачъ, 644.
Іоганно, Альфредъ и Тони, франц. живописцы, 617.
Іокай, венгерскій поэтъ, 583.
Іорданъ, профессоръ въ Марбургѣ, 217, 255, 314.
Іорданъ, Вильг., нѣмецк. поэтъ, 340, 471.
Іосифъ, эрцгерцогъ австрійскій, братъ императора Франца I, 276.
Іостъ, Эд., нѣмецк., пувеллистъ, 490.
Іюльская революція; ея вліяніе, 1 и сл.

К.

Кабаллеро, Фернанъ, испанская поэтесса, 578.
 Кабе, Этьенъ, французск. коммунистъ, 27.
 Кабилы, въ Алжирѣ, 134.
 Кабрера, Рамонъ, вождь карлистовъ, 164 и сл., 167.
 Каванагъ, англ. писательница, 557.
 Кавеньякъ, Годефрауа, франц. политич. дѣятель, 94.
 Кавеньякъ, франц. генералъ, 139.
 Кавеньякъ, французск. диктаторъ, 304, 305; изгнанъ изъ Франціи, 447; его смерть, 450.
 Каламъ, Алекс., франц. живописецъ, 626.
 Калатрава, испанскій министръ, 170.
 Калертъ, нѣм. романистъ, 507.
 Каломарде, испанскій министръ, 143 и сл.; уволенъ, 149.
 Кальберматтенъ, Вильг., вождь ультрамонтанъ въ Швейцаріи, 289.
 Камерфордъ, Жозефина, Испанка, отличавшаяся религіознымъ фанатизмомъ, 144.
 Камнгаузенъ, нѣм. живописецъ, 605.
 Кампоаморъ, испанскій поэтъ, 578.
 Канада; ея попытки отдѣлиться отъ Англіи, 201 и сл.
 Канини, итал. поэтъ, 569.
 Канино, Карлъ Люціанъ Бонапартъ, 323.
 Канисъ, протест. теологъ, 65.
 Каницъ, прусск. министръ внутрен. дѣлъ, 238.
 Кантеракъ, испанскій генералъ, 162.
 Кантонъ, взятъ Англичанами, 208.
 Каппони, Джино, тосканскій государственный дѣятель, 282, 326, 568.
 Канфигъ, франц. историкъ, 548.
 Кардуччи, итал. поэтъ, 572.
 Каркано, итал. писатель, 569.
 Карлейль, Томасъ, англ. историкъ, 561 и сл.
 Карлисты; ихъ возстаніе въ Испаніи, 152 и сл.
 Карлеруэ, возстаніе въ маѣ 1849 г., 403 и сл.
 Карлъ, герцогъ Брауншвейгскій, 251.
 Карлъ X, король Французскій; его смерть, 104.
 Карлъ II Лудвигъ, герцогъ Лукскій, а потомъ Пармскій, 287, 326.
 Карлъ Альбертъ, король Сардинскій; его управленіе, 286 и сл.
 Карлъ (V), сынъ испанскаго короля Карла IV; его возстаніе въ 1833 г.,

151 и сл.; 158 и сл.; его смерть, 166, 167.
 Карлъ (VI), сынъ предъидущаго, графъ Монтемолинъ, 167.
 Карлъ XV, король Шведскій, 588.
 Карове, франц. теологъ, 53.
 Карраско, испанскій протестантъ, 37.
 Каррель, Арманъ, франц. публицистъ, 96, 102, 294.
 Карръ, Альфонсъ, франц. романистъ, 543.
 Кастелли, австр. поэтъ, 476, 479.
 Катрмэръ, франц. оріенталистъ, 670.
 Каульбахъ, Вильг., нѣм. живописецъ, 608—610.
 Квадра, Гиль-де-ла, испанскій министръ, 170.
 Квезада, генералъ-капитанъ Старой Кастиліи, 156, 170.
 Квеленъ, парижскій архіепископъ, 105.
 Кейзеръ, нидерландскій живописецъ, 627.
 Кеймъ, Теодоръ, нѣмецк. теологъ, 61, 62.
 Келлеръ, нѣм. юристъ, 685.
 Келлеръ, Готфр., швейцарскій живописецъ, и поэтъ, 492.
 Кёльнскій, соборъ, 230, 341.
 Кемблъ, англ. историкъ, 561.
 Кёнигъ, Фр., изобрѣтатель скоропечатной машины, 733.
 Кениссе, франц. работникъ, покусившійся на жизнь герцога Омальскаго, 112.
 Кергорлей, франц. легитимистъ, 93.
 Кернеръ, Юстинъ, швабскій поэтъ, 494.
 Кессельсъ, нидерл. скульпторъ, 630.
 Кёстеръ, Гапсъ, авторъ историческихъ драмъ, 513.
 Кёстлинъ, протест. теологъ, 62.
 Кеттелеръ, епископъ майнцскій, 57.
 Кёхи, Карлъ, нѣм. поэтъ, 511.
 Кёхли, нѣм. педагогъ, 700.
 Кикинда, возстаніе Сербовъ въ 1848 г. противъ венгерскаго правительства, 410.
 Килландъ, норвежскій писатель, 586.
 Кингели, англ. романистъ, 556.
 Кинкель, Готфр., нѣмец. поэтъ, 407, 469, 474 и сл., 487.
 Кинкель, Іоанна, нѣм. писательница, 475.
 Кинтана, испанскій поэтъ и публицистъ, 575.
 Кинэ, Эдгаръ, франц. поэтъ, 526.
 Кинъ, англ. генералъ, 204.
 Кипертъ, Генрихъ, нѣмецк. географъ, 705.

Киркегаардъ, датскій писатель, 585.
 Кирхгофъ, нѣм. филологъ, 662.
 Кирхгофъ, физикъ, 712.
 Киришперъ, Лола, писавшая подъ псевдонимомъ Осипа Шубина, 501.
 Киссъ, Авг., нѣм. скульпторъ, 633.
 Китай, война съ Англіей въ 1842 г., 206, войны съ Англіей и Франціей въ пятидесятихъ и шестидесятихъ годахъ, 207 и сл.
 Китсиангъ, китайскій императоръ, 208.
 Кинфалуди, венгерскій поэтъ, 581.
 Киа-кингъ, китайскій императоръ, 206.
 Кламъ-Мартиницъ, графъ, австр. генералъ, 266.
 Кланка, венгерскій полководецъ, 416 и сл., 420.
 Клаузіусъ, нѣм. физикъ, 713.
 Клебшъ, нѣм. математикъ, 710.
 Клевицъ, прусскій министръ финансовъ, 225.
 Клейнъ, австр. писатель, 501.
 Кленце, нѣм. архитекторъ, 637.
 Клоппъ, Онно, нѣм. историкъ, 675.
 Блюберъ, профессоръ государственнаго права, 687.
 Клюпфель, нѣм. историкъ, 494.
 Кнаниъ, Альб., нѣм. поэтъ изъ духовнаго званія, 494.
 Кнаусъ, Лудвигъ, живописецъ, 605.
 Кнебель, нѣм. лирич. поэтъ, 496.
 Книсъ, нѣм. политико-экономъ, 747.
 Кноблаухъ, нѣм. архитекторъ, 638.
 Кноль, Копр., нѣм. скульпторъ, 490.
 Кобденъ, Ричардъ, англ. политич. дѣятель, 190, 191.
 Кокерель, отецъ и сынъ, вожди церковной партіи во Франціи, 81, 82.
 Кокъ, Поль-де, французск. романистъ, 542.
 Колеттисъ, греческій государственный дѣятель, 7.
 Колларъ, венг. поэтъ, 270.
 Коллинъ, австр. генералъ, 272.
 Коллинсъ, Вильки, англ. романистъ, 556.
 Коловратъ, графъ, австр. министръ, 266.
 Кольбрукъ, англ. филологъ, 665.
 Кольбъ, статистикъ, 490.
 Комориъ, придунайская крѣпость, 416, 421.
 Компертъ, Леоп., австр. писатель, 501.
 Конія, городъ въ Малой Азій; побѣда, одержанная тамъ Ибрагимомъ надъ Турками, 126.
 Конно, докторъ Наполеона III, 110.
 Консидеранъ, Викторъ, франц. социалистъ, 25, 444.

Константина, взята Французами въ 1837 г., 138.
 Констанъ, аббатъ, коммунистъ, 27.
 Коппъ, Германъ, нѣм. химикъ, 715.
 Кордоба, испанскій генералъ, 163.
 Кормененъ, виконтъ, франц. публицистъ, 533.
 Корнелиусъ, Петръ, нѣм. живописецъ. 599 и сл.; его школа, 603 и сл.
 Корссенъ, нѣм. филологъ, 669.
 Кортюмъ, нѣм. историкъ, 676.
 Косса, Пиетро, итал. поэтъ, 573.
 Коссакъ, нѣм. юмористъ, 463.
 Коссидьеръ, франц. революціонеръ, 301, 443.
 Коста Кабралъ, графъ, португальскій министръ внутр. дѣлъ, 176, 178.
 Котта, книгопродавецъ, 493.
 Кохъ, Эрнстъ, нѣм. писатель, 495.
 Кошутъ, Лудв., венгерскій патриотъ, 275, 412 и сл., 415, 419 и сл., 423.
 Краковъ, революціонное движеніе и занятіе города союзными арміями въ 1836 г., 271; возстаніе 1846 года и присоединеніе къ Австріи, 272—274.
 Крамфордъ, англ. писательница, 560.
 Краузе, протест. теологъ, 71.
 Краусъ, австр. министръ, 354.
 Краусъ, Ксаверій, католическій теологъ, 491.
 Кремье, франц. республиканецъ, 300.
 Крецимеръ, нѣм. живописецъ, 605.
 Крoація, волненія, вызванныя враждою къ Венгерцамъ, 271; возстаніе противъ Венгріи, 409 и сл.
 Круа-Руссъ, возстаніе ліонскихъ рабочихъ въ 1831 г., 95.
 Крузе, Генр., нѣм. публицистъ и драматургъ, 488.
 Круммахеръ, протест. пасторъ и писатель, 512.
 Круинъ, Альфр., фабрикантъ литой стали, 732.
 Крюгеръ, Францъ, нѣм. живописецъ, 611.
 Ксапи, венгерскій министръ, 423.
 Куангъ-Су, китайскій императоръ, 209.
 Куглеръ, нѣмецк. историкъ и поэтъ, 508.
 Кульманъ, Елизавета, нѣмецк. писательница, 514.
 Кунъ, нѣм. филологъ, 669.
 Куперъ, Джонъ, Фениморъ, американскій романистъ, 563.
 Куранда, австр. литераторъ, 500.
 Курбэ, Густ., французск. живописецъ, 617.

Куртисъ, Вильямъ, агитаторъ въ Кентъ, 189.
 Курціусъ, нѣм. филологъ, 669.
 Курціусъ, Э., нѣм. историкъ, 680.
 Курцъ, Герм., нѣм. писатель, 494.
 Курье, Поль Луи, франц. поэтъ, 533.
 Кустоца; побѣда Радецкаго надъ итальянской арміей въ 1848 г., 329.
 Кутюръ, франц. живописецъ, 617 и сл.; 625.
 Кэмбриджскій, герцогъ, вице-король, Ганноверскій, 249.
 Кэри, американск. политико-экономъ, 740.
 Кюбекъ, баронъ, австрійскій президентъ придворной камеры, 267.
 Кюбьеръ, франц. генералъ, 90, 122, 294.
 Кювье, франц. зоологъ, 716.
 Кюгельгенъ, Герг., нѣм. живописецъ, 602.
 Кюне, Густавъ, нѣм. писатель, 463, 466.
 Кюрибергеръ, Ферд., нѣм. писатель, 500.

Л.

Лабандъ, нѣм. юристъ, 695.
 Лабордъ, франц. полковникъ, бонапартистъ, 109.
 Лабулэ, франц. сатирикъ, 549.
 Лайелль, Чарльсъ, англ. геологъ, 706.
 Лагарпъ, Жанъ Франсуа, франц. публицистъ, 528.
 Лагранжъ, франц. демагогъ, 97, 448.
 Ла Гранха, испанскій замокъ, гдѣ жила Марія Христина, 170.
 Лакордеръ, франц. теологъ, 39 и сл.
 Лакреттелль, франц. историкъ, 548.
 Лалла Маграніа, цѣль благочестивыхъ странствованій магометанъ въ Африкѣ, 140.
 Ламаркъ, франц. генералъ, 95.
 Ламармора, итал. генералъ, 327.
 Ламартинъ, Альфонсъ, франц. поэтъ, 305, 516—519.
 Ламбергъ, графъ, австр. генералъ; убитъ въ 1848 г., 353, 412.
 Ламениэ, франц. философъ и публицистъ, 27, 39 и сл., 114.
 Ламмерсъ, нѣмецк. политико-экономъ, 512.
 Ламорисьеръ, французск. генералъ и военный министръ, 139 и сл., 299, 304, 447.
 Ланге, нѣм. философъ, 657.
 Лангендейкъ, нидерландскій поэтъ, 589.

Ланфрэ, франц. историкъ, 551.
 Ланца, сицилійскій государственный дѣятель, 320.
 Ланпе, Карлъ, нѣм. поэтъ, 506.
 Ланпенбергъ, нѣм. историкъ, 512.
 Ларивьеръ, франц. живописецъ, 617, 625.
 Ларошъ-Жакеленъ; участвовалъ въ возстаніи Вандейцевъ въ 1832 г., 93.
 Ларра, Маріано Жозе, испанскій писатель, 157, 171, 576.
 Лассбергъ, баронъ, романтикъ, 491.
 Лассенъ, Христ., норвежскій филологъ, 665.
 Ласъ-Казесъ, сопровождавшій Наполеона на островъ св. Елены, 110.
 Латуръ, графъ, австр. военный министръ, 351 и сл.; убитъ, 354.
 Лаубе, Генрихъ, нѣмецк. поэтъ, 463, 466.
 Лафайетъ, маркизъ; отказывается отъ командованія національной гвардіей, 87; его смерть, 97.
 Лафарина, итал. государственный дѣятель, 322, 333.
 Лафиттъ, членъ франц. палаты депутатовъ и министръ при Луи Филиппѣ, 84, 111 и сл.
 Лахманиъ, Карлъ, нѣм. филологъ и германистъ, 662, 671.
 Левальдъ, Авг., нѣмец. нувеллистъ, 490.
 Левальдъ, Фанни, нѣмецк. романистка, 481.
 Леверрье, франц. астрономъ, 711.
 Легувэ, Габр., франц. писатель, 528.
 Ледрю-Ролленъ, франц. политикъ, 106, 113, 297, 444.
 Лейпцигскій князь, президентъ имперскаго министерства во Франкфуртѣ, 336.
 Лейпцигъ, возстаніе 1849 года, 393.
 Лежёнъ-Дирихле, нѣмецк. математикъ, 709.
 Лекки, американскій историкъ, 562.
 Леконтъ, сдѣлалъ покушеніе на жизнь Луи Филиппа, 113.
 Лелё, Арманъ, французск. живописецъ, 621.
 Леманиъ, Генр., франц. живописецъ, 621.
 Лемерсье, франц. поэтъ, 529.
 Ленау, Николай, австр. поэтъ, 476, 478.
 Ленбахъ, Францъ, нѣм. живописецъ, 690.
 Ленненъ, нидерландскій поэтъ, 589.
 Ленсъ, Андр., нидерланд. живописецъ, 627.

Лео, Генрихъ, нѣмецк. историкъ, 674, 689.
 Леопольдъ, великій герцогъ Баденскій, 261 и сл.
 Леопольдъ II, великій герцогъ Тосканскій, 286, 325.
 Лепсіусъ, египтологъ, 671.
 Лерсъ, нѣм. филологъ, 662.
 Леру, Пьеръ, франц. социалистъ, 22, 27.
 Лессенсъ, строитель суэцкаго канала, 727.
 Лессингъ, Карлъ, Фр., нѣм. живописецъ, 604.
 Ли. Гольмъ, англ. романистъ, 556.
 Либигъ, нѣм. химикъ, 715.
 Ливерапи, апостолическій протонотарій, 35.
 Лигницъ, княгиня (графиня Гаррахъ), 234.
 Лигоріане, орденъ (іезуитскій), 269.
 Лингардъ, Джонъ, англ. историкъ, 560.
 Лингъ, Германъ, нѣм. поэтъ, 499.
 Линдау, Рудольфъ и Поль, нѣм. писатели, 510.
 Линдгорстъ, англ. государственный дѣятель, 183, 188, 191.
 Линденау, Бернг., саксонскій министръ, 247.
 Линденшмидтъ, нѣмецк. живописецъ, 607.
 Линднеръ, Альбертъ, нѣмецк. драматургъ, 502.
 Линъ, китайскій губернаторъ, 206.
 Липсіусъ, протест. теологъ, 59, 62.
 Листъ, Фридрихъ, политико-экономъ, 226; его система, 745.
 Листъ, Францъ, музыкантъ, 647.
 Лихновскій, князь; участвовалъ въ возстаніи карлистовъ, 154, членъ франкфуртскаго парламента, 336; убитъ (1848 г.), 343, 344.
 Лионъ, возстанія въ 1831 и 1834 гг., 94 и сл.
 Лаудеръ, испанскій генералъ, 147, 150, 162.
 Лобеккъ, нѣм. филологъ, 662.
 Лодердэль, Джемсъ, англ. политико-экономъ, 740.
 Лозанна; основаніе свободной церкви (1845 г.), 81; во власти радикаловъ, 290.
 Ломбардо-венеціанское королевство, подъ владычествомъ Австріи, 319, 326 и сл.
 Лонгфелло, америк. поэтъ, 564.
 Лопецъ, Іоахинъ Марія, испанскій государственный дѣятель, 158.
 Лотцъ, нѣм. политико-экономъ, 743.

Лотце, Германъ, нѣмецк. философъ, 653.
 Лудвигъ, король Баварскій, 256—259; отрекается отъ престола, 315; какъ поэтъ, 457, 498.
 Лудвигъ II, великій герцогъ Гессенскій, 264.
 Луи-Филиппъ, франц. король; характеръ его управленія, 83 и сл.; его отношенія къ народнымъ представителямъ, 85 и сл.; бережливость въ домашнемъ хозяйствѣ, 88; его совѣтники, 88; возстанія въ Вандеѣ, 92; возстаніе республиканцевъ, 94; покушенія на его жизнь, 99 и сл.; сентябрьскіе законы и репрессивная политика, 101; возстанія бонапартистовъ, 103; возстаніе коммунистовъ въ 1839 г., 107; министерства Тьера и Сульта-Гизо, 108; смерть наслѣднаго принца и законъ о регентствѣ, 112; недовѣріе къ прочности династіи, 112, иностранная политика, 115 и сл.; февральская революція, 294 и сл.; бѣгство королевскаго семейства, 300; смерть Луи-Филиппа, 446.
 Лудвигъ, Отто, нѣмецк. драматургъ, 503.
 Лудвигъ, К., физиологъ, 716.
 Лукчеци-Пальи, маркизь, 94.
 Лулэ, маркизь, португальскій государственный дѣятель, 178.
 Лэмбъ, Чарльзъ, англ. поэтъ и публицистъ, 562.
 Лэндсиръ, англ. живописецъ, 628.
 Люденъ, Гевр., нѣмецкій историкъ, 676.
 Людерсъ, русск. генералъ, 420.
 Людовикъ, король Португальскій, 178.
 Люкке, Фридр., протестант. теологъ, 63, 76.
 Люссакъ, Гей, франц. химикъ, 713.
 Лютгардтъ, протестантск. теологъ, 63, 65.
 Люцернъ, стремленія ультрамонтанъ и борьба партій, 289.

М.

Маассенъ, Карлъ Георгъ, прусскій министръ финансовъ, 228.
 Маассенъ, профессоръ церковнаго права, 694.
 Мабли, аббатъ, франц. писатель, 15.
 Магнусъ, нѣм. живописецъ, 611.
 Мадахъ, венгерскій писатель, 581.
 Майеръ, Роб., нѣмецк. физикъ, 656, 713.

Макартъ, Гансъ, австр. живописецъ, 613.
 Макональдъ, англ. скульпторъ, 636.
 Макинтошъ, англ. филантропъ, 185.
 Маколей, англ. историкъ, 562.
 Максимилианъ II, король баварскій, 651.
 Макъ-Коллохъ, англ. политико-экономъ, 739.
 Макъ-Магонъ, франц. генералъ въ Алжирѣ, 139.
 Макъ-Нагтенъ, англ. генералъ, 204.
 Мало, Гекторъ, французск. писатель, 547.
 Мальманиъ, нѣм. поэтъ и публицистъ, 504.
 Мальмё, перемиріе въ 1848 г. между Шлезвигъ-Гольштинцами и Нѣмцами, 341, 388.
 Мальтицъ, нѣм. драматич. писатель, 503.
 Мальтусъ, Роб., англ. политико-экономъ, 736.
 Маміани, графъ Теренціо, итал. публицистъ, 283; президентъ министерства въ церковной области, 323.
 Манинъ, венеціанскій патриотъ, 331.
 Мантейфель, Отто, прусскій министръ, 346, 437, 441.
 Манчестерская школа политико-экономовъ, 747.
 Манцанаресъ, испанскій министръ, 148.
 Манчини, Лаура, итал. поэтесса, 569.
 Манцони, Алессандро, итал. поэтъ, 33.
 Маньянъ, франц. генералъ, бонапартистъ, 109.
 Маре, герцогъ Бассано, франц. министръ при Луи-Филиппѣ, 90.
 Маренко, итал. драматич. писатель, 569.
 Марія, дочь Филиппа, супруга герцога Александра Вюртембергскаго, 105.
 Марія Луиза, вдова Наполеона I; ея смерть, 287.
 Марія Христина, супруга испанскаго короля Фердинанда VII, 146, 153, 174.
 Марія Франциска, супруга испанскаго инфанта дона-Карлоса, 143.
 Марія II да Глорія, дочь португал. короля Петра I, 175, 178.
 Марія Піа, супруга португ. короля Людовика, 178.
 Маргграфъ, Германъ, нѣм. писатель, 504.

Маркё Карлъ, венгерскій живописецъ, 612.
 Маркези, итал. скульпторъ, 630.
 Марлиттъ, нѣм. романистка, 503.
 Марото, вождь баскскихъ инсургентовъ, 167.
 Маррастъ, Арманъ, французск. журналистъ, 98, 102, 450.
 Марріэтъ, англ. романистъ, 556.
 Мартенъ, Гапри, французск. историкъ, 550.
 Мертино, миссъ, англ. романистка, 557.
 Маршанъ, бонапартистъ, 110.
 Маршъ, англ. романистка, 557.
 Массманъ, германистъ, 672.
 Матаморосъ, Манюэль, испанскій офицеръ, перешедшій въ протестантъ. вѣру, 37.
 Матеріализмъ, 656.
 Мати, Карлъ, баденскій государственн. дѣятель, 262.
 Маурманиъ, епископъ, папскій викарій въ Саксоніи, 247.
 Мауреръ, баварскій министръ, 259.
 Маффен, маркизь, итал. поэтъ, 570.
 Махмудъ II, турецкій султанъ; война съ завоевательными дѣлами и договоръ въ Ункіаръ Скеlessи, 126.
 Мацератъ, нѣм. лирикъ, 487.
 Мацини, Джузеппе, итал. агитаторъ, 34, 118, 280, 318.
 Мёбіусъ, математикъ, 710.
 Мевиссенъ, членъ прусскаго сейма, 244.
 Медлеръ, нѣм. астрономъ, 711.
 Меергеймбъ, Ричардъ, саксонскій писатель, 503.
 Мейерберъ, композиторъ, 641, 643.
 Мейеръ, Эрнстъ, нѣмецк. ориенталистъ, 494.
 Мейсръ, Беригардъ, членъ швейцарской партіи ультрамонтанъ, 289.
 Мейеръ, Георгъ, нѣмецкій юристъ, 695.
 Мейеръ, Конрадъ, цюрихскій поэтъ, 492.
 Мейзенбургъ, Альвина, нѣм. писательница, 496.
 Мейнгольдъ, протестантскій пасторъ и поэтъ, 506.
 Мейеръ, Мельхіоръ, нѣмецк. писатель, 500.
 Мейснеръ, Альфр., австр. поэтъ, 477, 500.
 Мейссонье, Жанъ, франц. живописецъ, 623.
 Мёлеръ, католич. теологъ, 51.
 Мельбурнъ, англійскій министръ, 187, 196.

- Менгсъ, Рафаэль, нѣмецк. живописецъ, 597.
- Мендельсонъ-Бартольди, Феликсъ, музыкантъ, 644.
- Мендигоррія; побѣда, одержанная христіаносами надъ карлистами, 163.
- Мендизабаль, испанскій министръ, 168.
- Менцель, Адольфъ, нѣм. живописецъ, 611.
- Менцель, К. А., нѣмецкій историкъ, 675.
- Менцель, Вольфг., нѣмецк. историкъ, 464.
- Мѣнье; совершилъ покушеніе на жизнь Луи Филиппа, 104.
- Мери, франц. сатирикъ, 535.
- Мериме, Просперъ, франц. историкъ и романистъ, 524.
- Меркёръ, Элиза, франц. писательница, 526.
- Мерклишъ, протест. теологъ, 60.
- Мессенгаузеръ, начальникъ вѣнскаго національной гвардіи, 355.
- Мессина; подвергнута бомбардировкѣ генераломъ Филанжери, 322.
- де-Местръ, Ксавье, франц. новеллистъ, 527.
- Методисты, религіозная секта, 74.
- Меттернихъ, австр. канцлеръ, въ старости, 267; выходитъ въ отставку и переѣзжаетъ въ Англію, 309.
- Мехмедъ-Али, египетскій вице-король, 124 и сл., 129.
- Мецарошъ, венгерскій полководецъ, 421.
- Милле, Жанъ Франс., франц. живописецъ, 623.
- Миллеръ, Іоакимъ, американ. поэтъ, 565.
- Милль, Джонъ Стюартъ, англ. философъ и политико-экономъ, 660, 703, 740.
- Милль, Джемсъ, англ. политико-экономъ, 739.
- Миша, вождь гверильсовъ, 147, 161, 164; его смерть, 165.
- Минье, франц. историкъ, 550.
- Мирафлоресъ, испанскій посланникъ въ Лондонъ, 158.
- Миттермейеръ, нѣм. юристъ, 693.
- Митчерлихъ, нѣм. химикъ, 714.
- Михаэлисъ, нѣмецк. политико-экономъ, 748.
- Михеліанцы, религіозная секта въ Швабін, 74.
- Мишель де-Буржъ, франц. политикъ, 106.
- Мишле, франц. историкъ, 549.
- Мишо, франц. историкъ, 551.
- Могенъ, членъ франц. палаты депутатовъ, 106, 118.
- Модена, занята Австрійцами (въ 1831 г.) 120; управленіе герцога Франца V и событія 1848—49 г., 287, 325 и сл.
- Мозенталь, нѣм. драматургъ, 501.
- Мозенъ, Юлій, нѣмецкій поэтъ, 504.
- Моле, графъ, французск. министръ, 91, 104, 106, 299.
- Молешоттъ, натуралистъ, 656, 703.
- „Молодая Германія“, нѣм. патріотическое общество, 461.
- „Молодая Италія“, патріотическое общество, основанное Генуэзцемъ Маццини.
- Молль, Робертъ, государственный дѣятель и ученый, 336, 688.
- Мольтке, графъ Карлъ, датскій государственный дѣятель, 342.
- Моммсенъ, Теодоръ, нѣм. историкъ, 680.
- Монизмъ, 657.
- Монодъ, француз. протест. теологъ, 81.
- Мопнасье, герцогъ, сынъ Луи Филиппа, 174.
- Монталамберъ, графъ, французск. государственный дѣятель, 33, 39, 446.
- Монталиве, графъ, франц. министръ, 91, 104.
- Монтанелли, тосканскій министръ, 326, 569.
- Монтебелло, франц. дипломатъ, 8.
- Монтеъ, Лола; испанская танцовщица, 258 и сл.
- Монтобанъ, франц. генералъ, 208.
- Монтолонъ, сопровождавшій Наполеона на островъ св. Елены, 109.
- Мона, французск. министръ полиціи, 447.
- Моратинъ, сочинитель испанскихъ комедій, 574.
- Морганъ, лэди, англ. романистка, 557.
- Моргенштернъ, нѣмецк. живописецъ, 610.
- Море, покусившійся выѣсть съ Фіески на жизнь Луи Филиппа, 98, 101.
- Морелли, аббатъ, писатель, 14, 15.
- Морено, карлистъ, 148.
- Мормоны, секта въ сѣверной Америкѣ, 82.
- Моррисъ, Бильг., англійскій писатель, 555.
- Мортара; побѣда, одержанная Радецкимъ надъ сардинской арміей, 330.
- Мортара, еврейскій мальчикъ, отнятый у своихъ родителей католическимъ духовенствомъ, 34.

Мортъе, франц. маршалъ; министръ, при Луи Филиппъ, 90; его смерть, 100.

Москозо де Альтамира, испанскій политическій дѣятель, 157.

Моссдорфъ, вождь дрезденскихъ либераловъ, 248.

Мотли, Джонъ Лоторпъ, американскій историкъ, 566.

Моцъ, прусскій министръ финансовъ, 225, 228.

Мулриди, англ. живописецъ, 628.

Мундтъ, Теод., нѣмецк. нувеллистъ, 463, 466.

Муниципальный билль, въ Англіи, 187.

Мутонъ, (графъ Лобау), франц. маршалъ, 94.

Мутсу-Гито, японскій микадо, 211.

Мюггэ, нѣм. романистъ, 509.

Мюкке, Генр., нѣмецкій живописецъ, 604.

Мюлеръ, прусскій министръ юстиціи, 240.

Мюлеръ, Генрихъ, прусскій министръ духовныхъ дѣлъ, 52, 71.

Мюлленгофъ, германистъ, 672.

Мюллеръ, Адамъ, нѣмецк. политико-экономъ, 689.

Мюллеръ, Фр., гравёръ на мѣди, 640.

Мюллеръ, Іоаннъ, нѣмецк. физиологъ, 715.

Мюллеръ, Іоаннъ Готтв., нѣм. романистъ, 512.

Мюллеръ, Юлій. протест. теологъ, 63, 69.

Мюллеръ, Максъ, нѣмецк. филологъ, 666.

Мюллеръ, Никласъ, швабскій поэтъ, 494.

Мюллеръ, Отфридъ, археологъ, 662.

Мюллеръ, Отто, нѣмецкій романистъ, 488.

Мюллеръ, Вильг., нѣмецкій поэтъ, 504.

Мюллеръ, фонъ-Кёнигсвинтеръ, Вольфгангъ, нѣм. поэтъ, 487.

Мюльбахъ, Луиза, романистка, 466.

Мюльгрэвъ, маркизъ Норманби, ирландскій памѣтникъ, 197.

Мюноцъ, камергеръ испанской королевы Маріи Христины, 168, 170.

Мюнстеръ, графъ, ганноверскій министръ, 249.

Мюнхенгрецъ, конгрессъ въ 1833 году, 221.

Мюнхенская школа живописи, 607 и сл.

Мюнхъ-Беллинггаузенъ, (Фридрихъ Гальмъ), нѣм. поэтъ, 457.

Мюссе, Альфредъ, французск. поэтъ, 525.

Н.

Навецъ, нидерландскій живописецъ, 627.

Наги-Сарло, побѣда Гѣргея въ 1849 г., 416.

Надлеръ, пфальцскій поэтъ, 489.

Накинъ, взятъ приступомъ тайпингами въ 1853 г., 207; отнятъ у тайпинговъ англо-китайской арміей въ 1864 г., 209.

Наполеонъ I Бонапартъ; его прахъ перевезенъ въ Домъ Инвалидовъ, 110.

Наполеонъ III, сынъ короля Голландскаго Лудовика, 122; возстаніе бонапатистовъ въ Страсбургъ и въ Булони, заключеніе Наполеона въ Гамской тюрьмѣ и его бѣгство въ Лондонъ, 103 и сл.; избранъ президентомъ франц. республики, 305 и сл., 443 и сл.; совершаетъ государственный переворотъ 2 декабря 1850 и провозглашенъ императоромъ, 446—451; историческое значеніе этого событія, 451 и сл.

Нарваецъ, испанскій генералъ и президентъ министерства, 173.

Нассауское герцогство, подъ управленіемъ герцога Адольфа, 264.

Нассе, нѣм. политико-экономъ, 748.

Науверкъ, нѣм. философъ, 239.

Національное собраніе, нѣмецкое, во Франкфуртѣ на М. (1848 г.), 316 и сл.; 333 и сл.; 394 и сл.

Неандеръ, Августъ, нѣм. теологъ, 59, 62.

Неаполь, въ царствованіе Фердинанда II; возстаніе въ Сициліи (1848 г.), 285, 320 и сл.

Небеніусъ, баденскій государственный дѣятель и политико-экономъ, 226, 262, 744.

Невольники, ихъ освобожденіе по требованію Англіи, 185 и сл.

Невшатель; борьба партій въ 1848 г., 318.

Негельсбахъ, нѣм. педагогъ, 701.

Негеръ, Бернг., нѣм. живописецъ, 604.

Ней, Эдгаръ, адъютантъ президента франц. республики Наполеона, 446.

Нейманнъ, нѣм. физикъ, 713.

Нейрейтеръ, Евгеній нѣм. живописецъ, 608.

Нейрейтеръ, Г. нѣм. архитекторъ, 637.

Нёльдеке, орієнталистъ, 670.
 Немурскій герцогъ, сынъ короля Луи-Филиппа, 112.
 Нефиръ, Чарльсъ, англ. морякъ, 132.
 Нефиръ, Роб., англ. генералъ, 204.
 Нефиръ, англ. историкъ, 561.
 Нестрой, вѣнскій сочинитель фарсъ, 500.
 Нибуръ, Бартольдъ Георгъ, историкъ, 673, 680.
 Нидерланды, отреченіе Вильгельма I отъ престола, 4.
 Низибъ, побѣда, одержанная въ 1839 г. египетской арміей надъ войсками турецкаго султана, 128.
 Николай, императоръ Всероссійскій; покровитель Пруссіи, 222; его иностранная политика, 276—278.
 Нимейеръ, нѣм. педагогъ, 695.
 Ницшъ, Карлъ Иммануилъ, протест. теологъ, 63, 69.
 Ницшъ, нѣм. историкъ, 680.
 Ниендорфъ, нѣм. поэтъ, 509.
 Новара; побѣда, одержанная въ 1849 г. Радецкимъ надъ сардинской арміей, 330.
 Ноерскій принцъ, намѣстникъ шлезвигъ-гольштинскій, 232.
 Норвегія; ея литература, 583—586.
 Нортонъ, Каролина, англ. писательница, 555.
 Ноттъ, англ. генералъ, 204.
 Нубія, покорена Мехмедомъ Али 125.
 Нюгентъ, австр. фельдцейгмейстеръ, 328.
 Нью-Гармони въ Индіанѣ (въ сѣверной Америкѣ); попытка Оуэна основать тамъ коммунистическую колонию, 25.
 Ньюманъ, англ. теологъ, 79.

О.

Оберъ, Франсуа, музыкантъ, 641.
 О'Бріенъ, ирландскій народный вождь, 199.
 Овербекъ, протест. теологъ, 62.
 Овербекъ, Фридр., нѣм. живописецъ, 598, его школа, 602.
 О'Дойль, испанскій генералъ, 161.
 О'Доннелъ, карлистскій генералъ; убитъ въ Барселонѣ (1836 г.), 164.
 Ожье, Эмиль, франц. романистъ, 542.
 Озанамъ, франц. теологъ, 33, 41.
 Окенъ, Лоренцъ, натуралистъ, 702.
 О'Коннелъ, Даниилъ, ирландскій агитаторъ, 44, 180, 183, 192.
 О'Конноръ, Феаргъ, Ирландецъ, вождь Чартистовъ, 189, 195.

Оксенбейнъ, Ульрихъ, вождь швейцарскихъ добровольцевъ, 290.
 Олозага, испанскій государственный дѣятель, 148, 171.
 Ольберсъ, нѣм. медикъ и астрономъ, 709.
 Ользгаузенъ, Германнъ, протест. теологъ, 62, 67.
 Ользгаузенъ, нѣм. орієнталистъ, 670.
 Ользгаузенъ, публицистъ и вождь политич. партіи въ Шлезвигъ-Гольштиніи, 233.
 Ольмюллеръ, нѣм. архитекторъ, 637.
 Ольмюцъ, резиденція австр. императора въ 1848 г., 354; конференціи 1850 г., 437.
 Омальскій, герцогъ, 111, 140.
 Омъ, физикъ, 713.
 Оне, Жоржъ, франц. писатель, 547.
 Онкенъ, нѣм. историкъ, 679.
 Онпенгеймъ, нѣм. юристъ, 688.
 Оппертъ, нѣм. орієнталистъ, 670.
 Оранжесты въ Ирландіи, 197 и сл.
 Орлеанская герцогиня, супруга сына короля Луи Филиппа, 300.
 Орлеанскій герцогъ, 112.
 Ороа, генералъ Христиносовъ, 166.
 Орсель, Викторъ, франц. живописецъ, 622.
 Осгудъ, американская писательница, 566.
 Оскаръ II, король Шведскій, 588.
 Остгоффъ, нѣм. филологъ, 669.
 Остенъ-Сакенъ, русскій полководецъ, (1849 г.), 421.
 Остъ-индская компанія, 184.
 Отто-Петерсъ, Луиза, нѣм. писательница, 481.
 Оуенъ, Роб., англійскій социалистъ, 25.
 Оффенбахъ, Жакъ, композиторъ, 647.

П.

Паальцовъ, Генріетта, нѣм. писательница, 482.
 Палацкій, богемскій историкъ, 270.
 Палестина, покорена Ибрагимомъ, сыномъ вице-короля египетскаго, 126.
 Паллавичино - Тривульціо, маркизь, итал. государственный дѣятель, 288, 332.
 Паллеске, біографъ Шиллера, 502.
 Палуданъ-Мюллеръ, датскій писатель, 585.
 Пальмерстонъ, лордъ, англ. министръ, 180.
 Пальмеръ, протест. теологъ, 697.

- Наидеръ, нѣм. ботаникъ и зоологъ, 717.
- Нантеніусъ, нѣм. писатель, 514.
- Напе, президентъ нѣм. имперскаго торговаго суда, 696.
- Наннино, вождь оппозиціи въ Канадѣ, 202.
- Парижскій графъ, внукъ короля Луи Филиппа, 112.
- Парижъ; возстанія республиканцевъ въ 1831 г., 94, въ 1834 г., 97; покушеніе на жизнь Луи Филиппа, 97 и сл.; перенесеніе праха Наполеона I въ Домъ Инвалидовъ, 110; возстаніе коммунистовъ въ 1839 г., 107; укрѣпленіе города въ 1840 г., 113; февральская революція и возстаніе въ іюнѣ 1848 г., 294 и сл., 304 и с.
- Паркенъ, бонапартистъ, 109.
- Паркеръ, англ. адмиралъ, въ Испаніи (1834 г.), 159; въ Китаѣ (1840 г.), 207.
- Паркеръ, Теодоръ, америк. теологъ, 82.
- Пармское герцогство; занято Австрійцами въ 1831 г., 120; подъ управленіемъ Карла Лудвига Бурбонскаго, 287; возстаніе 1848 года, 327.
- Парри, англ. архитекторъ, 639.
- Паскевичъ, русскій полководецъ, 277; въ войнѣ съ Венгріей, 421 и сл.
- Пасси, франц. министръ, 107.
- Пассини, австр. живописецъ, 612.
- Педро V, король Португальскій, 178.
- Пейкеръ, нѣм. имперскій министръ (1848 г.), 336; прусскій комиссаръ въ Гессенѣ, 438.
- Пелиссье, франц. маршалъ, 139.
- Пеллетанъ, Евг., франц. публицистъ, 549.
- Пеллико, Сильвіо, итал. писатель, 281.
- Пепинъ, помощникъ Фіески при покушеніи на жизнь Луи Филиппа, 101.
- Перини, президентъ венгерской верхней палаты, 423.
- Персиньи, виконтъ, франц. государственный дѣятель, 103, 453.
- Персій, нѣм. архитекторъ, 638.
- Персье, франц. архитекторъ, 639.
- Пертцъ, нѣм. историкъ, 679.
- Перцель, венг. генералъ, 419.
- Перье, Казиміръ, франц. министръ, 88, 92, 122; его смерть, 95, 123.
- Пескіера, крѣпость въ верхней Италіи, 328.
- Петерманиъ, нѣм. географъ, 705.
- Петерсъ, нѣм. астрономъ, 712.
- Петёфи, Алекс., венгерскій поэтъ, 582.
- Петтенкоферъ, нѣм. докторъ, 702.
- Пешель, Оскаръ, нѣм. географъ, 706.
- Пештъ, возстаніе въ 1849 г., 412, 417, 419 и сл.
- Пиль, Робертъ, англ. государственный дѣятель, 180, 187, 191, 197; его смерть, 199.
- Пиль, Робертъ, сынъ предъидущаго, посланникъ въ Бернѣ, 293.
- Пиллерсдорфъ, баронъ, австр. министръ финансовъ, 351.
- Пилоти, Карлъ, нѣм. живописецъ, 607.
- Пинъ, бельгійскій писатель, 590.
- Пиркеръ, Ладиславъ, австр. поэтъ, 476, 478.
- Пихлеръ, Каролина, нѣм. писательница, 482, 483.
- Піа, Феликсъ, франц. социалистъ, 444.
- Піетизмъ, въ евангелической церкви, 74.
- Пій IX, папа; его характеръ, 283—285; отношенія къ Швейцаріи, 291; возстаніе въ Римѣ, (1848 г.), бѣгство папы въ Гаэту и возвращеніе, 323—325.
- Планкъ, нѣм. юристъ, 693.
- Платенъ-Галлермундъ, Августъ, поэтъ, 456.
- Плѣннисъ, нѣм. поэтъ и военный писатель, 496.
- Пленнисъ, Луиза, нѣм. писательница, 482.
- Плимутскіе братья, или дарбисты, англ. секта, 78.
- По, Аллэнъ Эдгаръ, американскій писатель, 565.
- Позень, во время польскаго возстанія, 317 и сл.
- Политехническія школы; ихъ основаніе, 735.
- Поллокъ, англ. генералъ, 204.
- Полько, Элиза, нѣм. писательница, 482.
- Польша; возстанія въ Краковѣ и въ Галиціи (1846 г.), 272—275; польскій вопросъ во франкфуртскомъ національномъ собраніи, 339 и сл.
- Помаре, королева острова Таити, 141 и сл.
- Понсаръ, франц. писатель 532.
- Порто, (Опорто); возстаніе 1846 года, 177.
- Португалія; управленіе королевы Маріи II и короля Педро V, 174—179; договоръ четырехъ державъ въ 1834 г., 5; успѣхи протестантизма и положеніе католической церкви, 35 и сл.

Поттъ, Авг. Фридр., нѣм. филологъ, 668.
 Поци, графъ, живописецъ, 608.
 Поэріо, неаполитанскій поэтъ, 569.
 Прага; возстаніе 1848 года, 311 и сл.
 Прагматическая санкція, испанская, 146, 149 и сл.
 Прадье, франц. скульпторъ, 635.
 Прасленъ, герцогиня, убита, 294, 295.
 Прати, итал. поэтъ, 570.
 Преллеръ, Фр., живописецъ, 605.
 Прескоттъ, американскій историкъ, 566.
 Прессансе, Эдмундъ, теологъ, 81.
 Принсъ - Смитъ, политико-экономъ, 748.
 Притвицъ, прусскій генералъ, 389.
 Притчаръ, англ. миссіонеръ, 141.
 Проктеръ, Аделаида, англ. писательница, 555.
 Прота-Джурлео, Луиджи, итал. священникъ, 35.
 Прудонъ, франц. социалистъ, 28, 98.
 Прудонъ, франц. живописецъ, 619.
 Пруссія; ея положеніе во время французской іюльской революціи, 4 и сл.; смерть Фридриха Вильгельма III и ретроградная система управленія Фридриха Вильгельма IV, 234—241; вопросъ о конституціи и соединенный сеймъ, 241—247; протестантская церковь при Фр. Вильг. IV, 65, 69; ея зависимость отъ русскаго вліянія, 221; мартовскія смуты въ Берлинѣ (1848 г.), 311 и сл.; введеніе конституціи, 345—350; отношенія къ нѣмецкой имперской конституціи, 369—374; союзъ трехъ королей, 386 и сл.; походъ въ Пфальцъ и въ Баденъ, 406; конституція 1850 года, 426 и сл.; конференціи въ Ольмюцѣ (1850), 437 и сл.
 Прутцъ, нѣм. писатель, 473, 508.
 Пульсцкій, Францъ, венгерскій писатель, 271.
 Путлицъ, нѣм. драматическій писатель, 489, 509.
 Пухнеръ, австр. генералъ, 414.
 Пухта, нѣм. юристъ, 685.
 Пфальцъ, баварскій; либеральное движеніе въ 1832 г., 214 и сл.; волненіе 1849 года, 395, 397; вступленіе Пруссаковъ, (1849 г.), 406.
 Пфарріусъ, Густ., нѣм. поэтъ, 473.
 Пфаффъ, протест. теологъ, 63.
 Пфаффъ, Адамъ, публицистъ и историкъ, 492.
 Пфейферъ, нѣм. докторъ, 720.
 Пфицеръ, Поль, публицистъ, 214, 494.

Пфицеръ, Густавъ, нѣм. поэтъ, 494.
 Пфлейдереръ, протест. теологъ, 59, 62.
 Пфортденъ, саксонскій министръ иностранныхъ дѣлъ, 406.
 Пэлиникъ, нидерл. живописецъ, 627.
 Пюхлеръ-Мускау, князь, нѣм. писатель, 505.
 Пьюзи, англ. теологъ и его ученіе (пьюзізмъ), 79 и сл.

Р.

Раабе, Вильг., нѣм. поэтъ, 511.
 Равиньянъ, іезуитскій священникъ въ Парижѣ, 41.
 Раво, членъ франкфуртскаго парламента, 397, 402.
 Радецкій, графъ, австр. фельдмаршалъ, его кампанія въ верхней Италіи, 327 и сл.
 Радовицъ, прусскій генералъ и государственный челоѡкъ, 234, 236, 336.
 Рай датскій генералъ, 389.
 Раймундъ, Ферд., сочинитель фарсъ, 501.
 Раль, Карлъ, австр. живописецъ, 612.
 Раморино, польскій генералъ, 330.
 Раніери, Антоніо, итал. поэтъ, 570.
 Ранке, Леопольдъ, нѣм. историкъ, 677.
 Ранкъ, Іосифъ, нѣм. поэтъ, 471.
 Распаль, франц. республиканецъ, 303, 443, 448.
 Рау, Карлъ, нѣм. политико-экономъ, 744.
 Раумеръ, Фридр., историкъ, 332, 677.
 Раумеръ, Карлъ, нѣм. педагогъ, 700.
 Раумеръ, Рудольфъ, гармонистъ, 672.
 Раумеръ, прусскій министръ духовныхъ дѣлъ, 52, 73.
 Раупахъ, нѣм. драматическій писатель, 507.
 Раушенилаттъ, геттингенскій приватъ доцентъ и политич. агитаторъ, 216.
 Раухъ, Христіанъ, нѣм. скульпторъ, 632.
 Рахиль, (Барнгагенъ ф. Энзе), нѣм. писательница, 480.
 Раиштадтъ, солдатскій бунтъ 1849 г. 402 и сл., 407.
 Ребуль, Жанъ, франц. поэтъ, 525.
 Ревентловъ, графъ, 232, намѣстникъ шлезвигъ-гольштинскій, 388.
 Ревере, итал. драматич. писатель, 569.
 Ревуаль, франц. живописецъ, 622.
 Регенбрехтъ, католич. теологъ, 48.
 Редвицъ, Оскаръ, нѣм. поэтъ, 472.
 Редемтористы, католич. орденъ, 269.

- Реденбахеръ, баварскій протест. пасторъ, 257.
- Редигеръ, нѣм. оріенталистъ, 670.
- Реймонъ, прусскій совѣтникъ посольства и писатель, 487.
- Рейникъ, Роб., нѣм. живописецъ и поэтъ, 505.
- Рейно, франц. оріенталистъ, 670.
- Рейнольдсъ, англ. живописецъ, 628.
- Рейссигеръ, нѣм. музыкантъ, 503.
- Рейссъ, Эдуардъ, протест. теологъ, 62.
- Рейтеръ, Фрицъ, нѣм. юмористъ, 514.
- Рейхенбахъ, графиня, 252, 253.
- Рёмеръ, вюртембергскій министръ, 337, 392, 397, 405.
- Ремюза, Шарль, членъ франц. палаты депутатовъ при Луи Филиппъ, 106, 296.
- Ренанъ, франц. теологъ, 61, 553.
- Рендебургъ, гольштинская крѣпость, 317, 439, 440.
- Рёниге, Лудвигъ, нѣм. юристъ, 691.
- Рено, нѣм. юристъ, 695.
- Ренуаръ, франц. писатель, 528.
- Реньо, франц. живописецъ 620.
- Рёппель, Ричардъ, историкъ, 507.
- Ретель, Альфр., нѣм. живописецъ, 603.
- Реформисты, коммунистическая партія, 27.
- Рецшъ, Фридр., пейзажистъ, 602.
- Решидъ-паша, турецкій министръ, 127 и сл.
- Рёшлаубъ, медикъ 719.
- Ривиттъ, англ. археологъ, 628.
- Ридбергъ, Викторъ, шведскій поэтъ, 588.
- Ридель, нѣм. скульпторъ, 630.
- Ридеръ-Гаггаръ, англ. романистъ, 560.
- Ридъ, Чарльзъ, англ. романистъ, 556.
- Риказоли, итал. государственный дѣятель, 326.
- Рикардо, Давидъ, англ. политико-экономъ, 738.
- Риль, нувеллистъ и историкъ культуры, 499.
- Риманиъ, нѣм. математикъ, 709.
- Римъ; революціонныя движенія 1848-1849 г., учрежденіе республики и ея низпроверженіе, 322, 325.
- Рингсэйзъ, нѣм. медикъ, 499.
- Риттерсгаузъ, нѣм. поэтъ, 487.
- Риттеръ, Генрихъ, нѣм. философъ, 655.
- Риттеръ, Карль, географъ, 705.
- Риттеръ, нѣм. педагогъ, 697.
- Ритуалисты, англ. секта, 79.
- Ритчель, нѣм. скульпторъ, 633.
- Рифшаль, живописецъ, 607.
- Рихтеръ, нѣм. профессоръ церковнаго права, 694.
- Рихтеръ, Евг., членъ прусскаго парламента, 748.
- Рихтеръ, Фридр., протест. теологъ, 59.
- Рихтеръ, Жанъ Поль Фридр., романистъ, 698.
- Рихтеръ, Лудвигъ, нѣм. живописецъ, 608.
- Ричль, Альбрехтъ, протест. теологъ, 59, 62, 63.
- Ричль, Фридр., нѣм. филологъ, 662.
- Ришело, нѣм. математикъ, 710.
- Роберъ, Леоп., франц. живописецъ, 622.
- Роберъ, Лудвигъ, нѣм. драматическій писатель, 464.
- Родбертусъ Ягетцовъ, нѣм. политико-экономъ, 744.
- Родиль, испанскій генералъ, 159, 161, 170.
- Родригъ, Оливьдъ, франц. социалистъ, 21.
- Роза, Мартинецъ де-ла, испанскій министръ, 156; выходитъ въ отставку, 162; писатель, 576.
- Розе, нѣм. химикъ, 714.
- Розеггеръ, австр. поэтъ, 501.
- Розеллини, итал. египтологъ, 671.
- Розенкранцъ, философъ и историкъ литературы, 506.
- Розмини, итал. философъ, 35, 281, 568.
- Рокепланъ, Камилль, франц. живописецъ, 625.
- Рокетъ, Отто, нѣм. поэтъ, 508.
- Ромеръ, Фридр., философъ, 497.
- Ронге, Іоаннъ, основатель, нѣмецкаго католицизма, 53 и сл.
- Роонъ, географъ, 705.
- Россель, лордъ Джонъ, англ. государственный дѣятель, 180, 187, 199.
- Россети, англ. писатель, 555.
- Росси, итал. государственный дѣятель, 295, 323.
- Россини, Джакомо, музыкальный композиторъ, 641.
- Роте, Ришаръ, теологъ, 62.
- Роттекъ, Карль, историкъ, 217, 261, 674, 681.
- Роттманъ, нѣм. живописецъ, 610.
- Ротъ, президентъ баварской консисторіи, 257.
- Ротъ, Руд., нѣм. филологъ, 666.
- Роулисонъ, англ. оріенталистъ, 670.
- Рохау, Лудвигъ, политич. писатель, 216, 489.
- Роховъ, прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ, 236.

Рошеръ, нѣм. политико-экономъ, 747.
 Рубинштейнъ, музыкантъ, 647.
 Руге, Арнольдъ, публицистъ, 61, 248, 336, 339, 471.
 Рукавина, австр. комендантъ въ Темешварѣ, 420.
 Руморъ, нѣм. писатель, 513.
 Рундшидъ Зиппъ, правитель Лагорскій, 204, 205.
 Рунебергъ, шведскій поэтъ, 588.
 Рунъ, протест. пасторъ, 71, 75.
 Руссенъ, франц. адмиралъ, 126.
 Руссо, Теод., франц. живописецъ, 625.
 Рустигъ, Генр., живописецъ, 605.
 Рэ, Джонъ, англ. политико-экономъ, 740.
 Рюдигеръ, русск. генералъ, 422.
 Рюдъ, франц. скульпторъ, 635.
 Рюккертъ, Фридр., поэтъ, 497.
 Рюккертъ, Генр., историкъ, 507.
 Рюэ, Франциско де Паула, протестантскій пасторъ въ Мадридѣ, 37.

С.

Сааведра, герцогъ Ривасъ, испанскій государственный дѣятель и поэтъ, 158, 170 и сл.
 Савари, франц. генералъ; его смерть, 136.
 Савери, Томасъ; построилъ паровую машину, 726.
 Савиньи, Карлъ, нѣм. ученый, 684; прусскій министръ юстиціи, 239.
 Саксонія; при Фридрихѣ Августѣ II и волненія въ Лейпцигѣ (1845), 247 и сл.; въ 1848 и 1849 гг., 392—394.
 Салданья, герцогъ, португальскій маршалъ и министръ, 176—179.
 Саллэ, Фридр. нѣм. поэтъ, 507.
 Саль, англ. генералъ, 204.
 Сальванди, графъ, франц. государственный дѣятель, 42, 548.
 Самаровъ, Григ. (Оскаръ Медингъ), нѣм. романистъ, 511.
 Сандъ, Жоржъ, франц. романистка, 538.
 Санта-Лучія, сраженіе въ 1848 г. между арміями сардинской и австрійской, 327.
 Сантосъ Ладронъ, вождь карлистовъ, 153.
 Санфедисты, 121 и сл.
 Санъ Романо, испанскій комендантъ, 170.
 Сардинія-Піемонтъ, при Карлѣ Альбертѣ; статутъ 1848 года, 286 и

сл.; война съ Австріей въ 1848 и 1849 гг., 326 и сл.
 Сарду, франц. писатель, 545.
 Сарсфилдъ, Ирландецъ, испанскій генералъ, 155.
 Сарториусъ, нѣм. политико-экономъ, 743.
 Саси, Сильвестръ, ориенталистъ, 670.
 Сафиръ, нѣм. сатирикъ, 500.
 Себастиани, графъ, франц. маршалъ и министръ, 121.
 Сегюръ, графъ, франц. историкъ, 551.
 Сеймъ, франкфуртскій, 218 и сл.
 Семперъ, Готфр., нѣм. архитекторъ, 638.
 Сеніоръ, политико-экономъ, 739.
 Сентъ-Арно, франц. маршалъ и военный министръ, 139, 447.
 Сентъ-Бёвъ, франц. писатель, 525, 550.
 Сентъ-Олеръ, графъ, франц. государственный дѣятель и историкъ, 104, 121, 550.
 Сентъ-При, графъ Александръ, историкъ, 550.
 Сентъ-При, участвовавшій въ возстаніи герцогини Беррійской (1832), 93.
 Сентъ-Симонъ, графъ, и сентъ-симонизмъ, 20 и сл.
 Сентъ-Шамансъ, франц. политико-экономъ, 743.
 Сеоане, испанскій генералъ, 170.
 Сербія; возстаніе венгерскихъ Сербовъ въ 1848 г., 410.
 Серрано, испанскій маршалъ и министръ, 174.
 Сеттеастъ, нѣм. живописецъ, 603.
 Сеттимо, Руджіеро, сицилійскій государственный дѣятель, 320.
 Сечени, Стефанъ, венгерскій политич. дѣятель, 274.
 Сидовъ, берлинскій пасторъ, 71, 344.
 Сикакъ, рѣка въ Алжирѣ; побѣда французовъ въ 1836 г., 138.
 Сильсфилдъ, Шарль, швейцарскій романистъ, 493.
 Симонъ, Генрихъ, публицистъ 244, членъ франкф. парламента, 348.
 Симонъ, Жюль, франц. публицистъ, 549.
 Симонъ, Лудвигъ, членъ франкфуртскаго парламента, 348.
 Смирокъ, нѣм. поэтъ, 487, 671, 672.
 Симсонъ, президентъ, франкфуртскаго національнаго собранія 363, 374, 395 и сл.
 Синдъ, страна на южномъ Индѣ, завоевана Англичанами, 205.

Сирія, покорена сыномъ египетскаго вице-короля Ибрагимомъ, 125.
 Сисмонди, франц. историкъ и политико-экономъ, 548, 742.
 Сицилія; возстаніе 1848 года и его подавленіе, 285 и сл., 320—322.
 Скрибъ, франц. писатель, 532.
 Смитъ, Адамъ, англ. политико-экономъ, 716.
 Смолка, вице-президентъ австр. сейма, 355.
 Собріе, парижскій демагогъ, 303.
 Соденъ, графъ, публицистъ, нѣм. политико-экономъ, 743.
 Соустъ де Боркенфельдтъ, бельгійскій поэтъ, 590.
 Соци, голландскій оріенталистъ, 670.
 Спарксъ, американскій историкъ, 566.
 Спенсеръ, Гербертъ, представитель позитивизма, 660.
 Спири, Іоанна, швейцарская писательница, 493.
 Спонтини, музыкантъ, 640.
 Спитта, авторъ нѣм. пѣсенъ, 511.
 Спюржонъ, англ. пасторъ баптистовъ, 78.
 Стадіонъ, графъ Францъ; намѣстникъ Галиціи, 273; австр. министръ, 374.
 Сталь, Фридр. Юлій, нѣм. политическій дѣятель, 238, 689.
 Станлей, вполѣдствіи лордъ Дерби, англ. министръ, 183, 188, 191, 194.
 Стевенсонъ, англ. романистъ, 560.
 Стефани, нѣм. педагогъ, 699.
 Стефанія, принцесса Гогенцоллернъ-Зигмарингенская, супруга португ. короля Петра V, 178.
 Стефанъ, эрцгерцогъ австрійскій, 276, 412.
 Стефанъ, саксонскій пасторъ, 74.
 Стефанъ, нѣм. генералъ почтмейстеръ, 731.
 Стефенсонъ, Георгъ и Робертъ, соорудили первые локомотивы, 728.
 Стеффенсъ, Генрихъ, нѣм. философъ и натуралистъ, 508.
 Стоддертъ, америк. писатель, 565.
 Страсбургъ, возстаніе бонапартистовъ, въ 1836 г., 103.
 Стратфордъ-Каннингъ, англ. посланникъ въ Константинополь, 293.
 Струве, Густавъ, демагогъ, 401, 403, 406.
 Струве, Отто и Вильг., астрономы, 710.
 Стьюартъ, англ. археологъ, 628.
 Суаронъ, вождь оппозиціи въ Баденѣ (1842 г.), 262.
 Сувестръ, Эмиль, франц. романистъ, 542.
 Сулье, Фред., франц. романистъ, 527.

Сультъ, франц. маршалъ; его поѣздка въ Лондонъ, 3; президентъ министерства, 90, 95, 107.
 Сумалакаррегни, вождь карлистовъ, 155, 159, 161; его смерть и характеристика, 163 и сл.
 Суме, Алекс., франц. поэтъ, 529.
 Суэсъ, нѣм. геологъ, 707.
 Сѣверная Америка; ея положеніе въ первой половинѣ 19 столѣтія, 8; церковныя дѣла и секты, 82; отношенія къ Мексикѣ, 9.
 Сѣдльнишкій, графъ, начальникъ австр. полиціи, 266.
 Сэлерь, епископъ регенбургскій, 46, 499.
 Сэ, Жанъ Батистъ, франц. политико-экономъ, 741.
 Сю, Еженъ, франц. романистъ, 541 и сл.
 Сюлливанъ, Артуръ, музыкантъ, 647.
 Сюрвилля, Клотильда, франц. писательница, 524.
 Сюниборнъ, Чарльсъ, англ. поэтъ, 554.

Т.

Тайпинги, китайская политическая партія, 207 и сл.
 Танти, островъ, подъ управленіемъ королевы Помаре, 141.
 Талейранъ; франц. посланникъ въ Лондонъ, 116; его смерть, 2, 3.
 Тамayo и Баусъ, испанскій поэтъ, 578.
 Таможенный союзъ въ Германіи, 225—229.
 Танжеръ; мирный договоръ 1845 года между Марокко и Франціей, 140.
 Таннеръ, Руд. нѣм. писатель, 494.
 Тао-куангъ, китайскій императоръ, 206.
 Тарнофъ, Фанни, нѣм. писательница, 482.
 Тастю, Амабль, франц. писательница, 526.
 Тауловъ, нѣм. педагогъ, 697.
 Тафна, гдѣ былъ заключенъ договоръ между французскимъ правительствомъ и Абдъ-эль-Кадеромъ, 138.
 Твестенъ, протест. теологъ, 69.
 Тегнеръ, Исаія, шведскій поэтъ, 587.
 Тейнеръ, католич. теологъ, 53.
 Тель, нѣм. юристъ, 695.
 Темпельтей, Эд. нѣм. драматич. писатель, 502.
 Тенерани, итал. скульпторъ, 630.
 Теннисонъ, Альфредъ, англ. поэтъ, 553.

Тёпферъ, Руд., писатель, 528.
 Тернеръ, Шэронъ, англ. историкъ, 560.
 Терцеира, герцогъ, португальскій министръ, 176, 178.
 Тестъ, франц. министръ, 90, 107, 294.
 Тибо, нѣм. юристъ, 684.
 Тидге, поэтъ, 490.
 Тидеманъ, норвежскій живописецъ, 605.
 Тидеманнъ, раштаттскій комендантъ, разстрѣлянъ въ 1849 г., 407.
 Тикноръ, Георгъ, америк. историкъ, 566.
 Тикъ, Лудвигъ, поэтъ, 503.
 Тикъ, Фридр., нѣм. скульпторъ, 633.
 Тиль, баронъ, гессенъ-дармштадтскій министръ, 264.
 Тиме, нѣм. драматич. и лирич. поэтъ, 514.
 Тироль, изгнаніе протестантскихъ жителей, 57; центръ ультрамонтанскихъ стремленій, 269.
 Тиришъ, Фр., нѣм. филологъ, 498, 663.
 Тиссовскій, президентъ временнаго правительства въ Краковѣ, 273.
 Тиенъ-ванъ, императоръ, назначенный китайскими мятежниками, 207.
 Тиенъ-те, китайскій пророкъ, 207.
 Тодтъ, дрезденскій адвокатъ, 248.
 Токвилль, Алекс., графъ, франц. писатель, 446, 552.
 Толленсъ, нидерл. писатель, 589.
 Толукъ, Августъ, протест. теологъ, 62.
 Тома, франц. композиторъ, 647.
 Томмассо, Никколо, итал. поэтъ, 568.
 Тонъ-Диттмеръ, баронъ, регенсбургскій бургомистръ, 258.
 Торелли, сардинскій генералъ, 327.
 Торено, графъ, испанскій писатель и политическій дѣятель, 157, 168.
 Торихосъ, испанскій генералъ; вождь радикаловъ, 148.
 Торнеръ, англ. живописецъ, 628.
 Торресарса, маркизъ, сицилійскій политическій дѣятель, 322.
 Торренсъ, Роб., англ. политико-экономъ, 739.
 Торресъ-Ведрасъ, побѣда, одержанная въ 1846 г. Салданей надъ португальскими инсургентами, 177.
 Тоскана; подъ управленіемъ Леопольда, 11, 286.
 Трансильванія, борьба національностей, 413.
 Траси, франц. политико-экономъ, 741.
 Траутманъ, Францъ, баварскій поэтъ, 499.
 Трезель, франц. генералъ, 137.

Трейчке, нѣм. историкъ и политикъ, 679.
 Трела, парижскій демагогъ, 94.
 Трога, итал. историкъ и неаполитанскій министръ, 320.
 Троллопъ, Антони, англ. романистъ, 556.
 Тролицъ, Авг., нѣм. поэтъ, 502.
 Трошель, Юлій, нѣм. скульпторъ, 630.
 Труайонъ, франц. живописецъ, 626.
 Труэба, испанскій поэтъ, 580.
 Трюцшлеръ, членъ франкфуртскаго парламента, разстрѣлянъ въ 1849 г., 407.
 Тукъ, Томасъ, англ. политико-экономъ, 739.
 Тунъ, графъ, богемскій аристократъ, 270.
 Туринъ, графъ, австр. генералъ, 328.
 Турнія; борьба съ правителемъ Египта, Мехмедомъ Али, 128 и сл.; гаттишерифъ, изданный въ Гюльгане, 129.
 Туэнъ, Маркъ, америк. писатель, 565.
 Тэйлоръ. Бэйярдъ, америк. поэтъ, 565.
 Тэккерей, англ. романистъ, 559.
 Тюбингенская теологическая школа, 58.
 Тюненъ, нѣм. политико-экономъ, 744.
 Тьерри, Августинъ и Амедей, франц. историки, 548.
 Тьеръ, Адольфъ, франц. историкъ, 551; его политическая дѣятельность въ царствованіе Луи-Филиппа, 84, 90, 96, 102 и сл., 110, 113; во время февральской революціи, 296 и сл.; при Наполеонѣ III, 445, 448.

У.

Удино, сынъ франц. маршала, франц. генералъ, 324.
 Уитменъ, американскій писатель, 564.
 Уитней, америк. лингвистъ, 666.
 Уиттиръ, американ. писатель, 564.
 Уитстонъ, англ. физикъ, 731.
 Уландъ, Лудвигъ, поэтъ, 261, 397, 456, 494, 671.
 Улихъ, прот. пасторъ, 71 и сл.
 Ульманнъ, Карлъ, протест. теологъ, 61, 69.
 Уьтремонъ, графиня, супруга Голландскаго короля Вильгельма I, 5.
 Уигернъ-Штернбергъ, Алекс., нѣм., нувелистъ, 514.
 Унія, церковная, въ Пруссіи, 67 и сл.
 Ункіаръ-Скелесси, договоръ между правительствами русскимъ и турецкимъ, 126, 277.

Упру, президентъ прусск. національнаго собранія, 347.
 Уордъ, членъ англійскаго парламента, 195.
 Уордъ, пармскій министръ, 287.
 Уорренъ, англ. романистъ, 556.
 Уоттъ, Джемсъ, довель устройство паровыхъ машинъ до совершенства, 726.
 Уэллингтонъ, англ. президентъ министерства, 180, 187, 196.
 Уэтерелль, Елиз., америк. писательница, 566.

Ф.

Фази, Джемсъ, швейцарскій демагогъ, 291.
 Фалькъ, Іоаннъ, нѣмецк. сатирикъ и юмористъ, 505.
 Фальмерайеръ, баварскій ученый, 498.
 Фальмерайеръ, членъ франкфуртскаго имперскаго парламента, 337.
 Фарадэ, англ. физикъ, 713.
 Фарини, итал. историкъ и политикъ, 285.
 Фаухеръ, нѣмец. политико-экономъ, 748.
 Февральская революція во Франціи, 295 и сл.
 Федо, Эрнестъ, французск. писатель, 543.
 Фейербахъ, нѣм. юристъ, 692.
 Фейербахъ, Лудвигъ, философъ, 58, 61.
 Фейербахъ, Ансельмъ, нѣмецкій археологъ, 491.
 Фейербахъ, Ансельмъ, нѣмецк. живописецъ, 614.
 Фейтъ, нидерландскій поэтъ, 589.
 Фейхтерслебенъ, писатель, 500.
 Фельдманъ, австр. писатель, 501.
 Феллертопъ, лэди, англ. писательница, 557.
 Фёлье, Октавъ, франц. романистъ, 543.
 Феншебергъ, руководитель возстанія въ Вѣнѣ, 357, 359.
 Фердинандъ I, австрійскій императоръ, 265 и сл.; возстаніе въ Вѣнѣ въ 1848 году, 310, 350; отреченіе отъ престола, 375, 412.
 Фердинандъ II, король неаполитанскій, 286, 322.
 Фердинандъ VII, король испанскій; его политика относительно Португаліи, 142 и сл.; вступленіе въ бракъ съ Маріей Христиной, принцессой Неаполитанской, 146; завѣщаніе и его отмена, 149; смерть, 152.
 Фердинандъ, герцогъ Саксенъ-Кобургскій, супругъ португальской королевы Маріи II да-Глорія, 175.
 Фернандецъ Гверра и Орбе, испанскій поэтъ, 578.
 Феррари, Паоло, итал. поэтъ, 570.
 Феррье, французск. политико-экономъ, 743.
 Фёрстеръ, Э., нѣмецкій живописецъ, 604, 607.
 Фёрстеръ, Карлъ, нѣмецк. романтикъ, 503.
 Ферстеръ, бреславльскій архіепископъ, 52.
 Фетъ Али, персидскій шахъ, 278.
 Фиклеръ, баденскій демагогъ, 316, 400, 405.
 Филанжери, неаполитанскій генералъ, 322.
 Филлипсъ, нѣм. профессоръ церковнаго права, 499, 694.
 Фитгеръ, Артуръ, живописецъ и поэтъ, 513.
 Фихте, Іоаннъ Готтлибъ, какъ педагогъ, 698.
 Фіевэ, франц. романистъ, 524.
 Фіески, Жозефъ, совершилъ покушеніе на жизнь короля Луи Филиппа, 100.
 Флакманъ, Джонъ, англ. живописецъ, 628.
 Фланженъ, Иппол., франц. живописецъ, 622.
 Флейшеръ, нѣмецкій оріенталистъ, 670.
 Флерн, Робертъ, франц. живописецъ, 619, 625.
 Флиднеръ, протестантскій пасторъ въ Мадридѣ, 37.
 Флигаре-Карленъ, г-жа, шведская писательница, 588.
 Флоберъ, Густавъ, франц. романистъ, 544.
 Флоконтъ, издатель газеты „Реформа“ 297.
 Флоренція; эфемерная республика 1849 года, 326.
 Флюгель, нѣмецкій оріенталистъ, 670.
 Фогель, Лудв. и Карлъ, нѣм. живописцы, 602.
 Фогль, австр. лирикъ, 500.
 Фогтъ, Карлъ, нѣмецк. натуралистъ, 336, 703.
 Фойгтъ, Іоаннъ и Георгъ, нѣм. историки, 677.
 Фонтанэ, Теод., нѣм. поэтъ, 509.
 Форъ, Карлъ, нѣмецкій живописецъ, 602.
 Фоссъ, Ричардъ, нѣмецкій писатель, 506.

Франкфуртъ на Майнѣ; учредительное національное собраніе 1848 года, 333, 348, 360, 365 и сл.; сентябрьскіе безпорядки, 342, 394.

Франклъ, поэтъ и публицистъ, 501.

Франсуа, Луиза, нѣм. писательница, 503.

Францискъ, Джонъ; совершилъ покушеніе на жизнь королевы Викторіи (1840), 190.

Франція; царствованіе Луи-Филиппа, возстанія легитимистовъ, республиканцевъ и бонапартистовъ и сентябрьскіе законы (1835 г.), 83—104; министерства Моле, Тьера, Сульта-Гизо, возстанія коммунистовъ въ 1839 г., законъ о регентствѣ, 104—115; отношенія къ Италиі и къ восточнымъ державамъ, 115—133; къ Алжиру и къ Таити, 133—142; февральская революція, учрежденіе республики и избраніе Луи-Наполеона президентомъ, 294—306; государственный переворотъ 2 декабря 1851 и возстановленіе имперіи, 442—454.

Францозъ, австр. нувеллистъ, 501.

Францъ I, императоръ австрійскій 265.

Францъ II Іосифъ, императоръ австрійскій, 375 и сл.

Францъ Карлъ, эрцгерцогъ австрійскій, 375.

Францъ IV, герцогъ моденскій, 119.

Францъ V, герцогъ моденскій, 287, 326.

Фрауенштедтъ, Юлій нѣм. философъ, 658.

Фраунгоферъ, нѣм. физикъ, 712.

Фребель, Фидр., нѣмецкій педагогъ, 699.

Фребель, Юлій, членъ франкфуртскаго парламента, 357, 359.

Фрелихъ, швейцарскій поэтъ, 492.

Фрейлигратъ, нѣмецкій поэтъ. 468, 474.

Фрейтагъ, Густ., авторъ нѣмецкихъ романовъ и драмъ, 486.

Френцель, нѣм. романистъ, 509.

Фреснель, физикъ, 712.

Фридбергъ, нѣм. юристъ, 694.

Фридрихъ Вильгельмъ I, курфюрстъ гессенскій, 252—255.

Фридрихъ Вильгельмъ III, король прусскій его; смерть и характеристика, 234 и сл.

Фридрихъ Вильгельмъ IV, король прусскій; характеръ его управленія, 235 и сл.; покушеніе Чеха на его жизнь, 240; вопросъ о конституціи, 241 и сл.; мартовскія смуты 1848

года, 311 и сл.; отказывается отъ императорской короны, 378.

Фридрихъ Августъ II, король саксонскій, 248.

Фридрихъ VII Христіанъ, король датскій, 233 и сл.

Фризъ, Эрнестъ и Бернгардъ, нѣмецк. живописцы, 610.

Фримонъ, австр. генералъ, 120.

Фростъ, Джонъ, англ. мировой судья, вождь Чартистовъ, 189.

Фроудъ, англ. историкъ, 561.

Фузинато, итал. поэтъ, 569.

Фультонъ, Робертъ; пытался построить пароходъ, 727.

Фурье, Карлъ, социалистъ, 23 и сл.

Фюрихъ, австрійскій живописецъ, 603, 611.

X.

Хіанъ-лонгъ, китайскій императоръ, 205.

Херубини, музыкантъ, 640.

Ховельяносъ, испанскій министръ, 574 и сл.

Хозревъ, турецкій великій визиръ, 127, 130.

Христиносы, политическая партія въ Испаніи, 152 и сл.

Христіанъ VIII, король датскій, 231 и сл.

Ц.

Царнке, германистъ, 672.

Цахаріэ, нѣм. юристъ, 688.

Цахаріэ, Карлъ Саломонъ, знатокъ государственнаго права, 688.

Цвириеръ, нѣм. архитекторъ, 638.

Цеа-Бермудецъ, президентъ испанскаго министерства, 150 и сл., 155.

Цедлицъ, австр. поэтъ, 476, 477.

Цейне, нѣм. географъ, 705.

Цеклеръ, протест. теологъ, 63.

Целлеръ, Эдуардъ, нѣм. философъ, 59, 62, 655.

Целлеръ, нѣм. педагогъ, 700.

Целль, Карлъ, нѣм. филологъ, 491.

Цельтеръ, нѣм. музыкантъ, 645.

Цендрини, итал. поэтъ, 571.

Цепфль, нѣм. ученый, 688.

Церреннеръ, нѣм. педагогъ, 699.

Цибландъ, нѣм. архитекторъ, 637.

Циммерманъ, Вильг. историкъ, 494.

Цихи, графъ, австр. комсдантъ Венеціи, 327.

Цицъ, членъ франкф. парламента, 336, 404.

- Цольбе, Генрихъ, нѣм. натуралистъ, 656, 703.
 Цоричъ, нѣм. юристъ, 695.
 Цукки, итал. генералъ, 120.
 Цумптъ, нѣм. филологъ, 663.
 Цширниеръ, саксонскій адвокатъ, руководившій возстаніемъ въ Дрезденъ (1849 г.), 394 и сл.
 Цшокке, нѣм. поэтъ, 493.
 Цшоппе, прусскій тайный совѣтникъ, 237.

Ч.

- Чабушингъ, австр. лирикъ, 500.
 Чальмерсъ, англ. египтологъ, 740.
 Чаннингъ, американскій теологъ, 82, 566.
 Чантри, англ. скульпторъ, 636.
 Чартисты, политич. партія въ Англіи, 189 и сл.
 Черскій, Іоаннъ, католич. теологъ, 54.
 Чехени, графъ Стефанъ, венгерскій политич. дѣятель, 256.
 Чехъ, бургомистръ; его покушеніе на жизнь Фридриха Вильгельма IV (1844 г.), 240.
 Чіальдини, сардинскій полковникъ, 329.

Ш.

- Шадэвъ, Іоаннъ Готтфр., скульпторъ, 631.
 Шадовъ, В., нѣм. живописецъ, 601.
 Шакъ, баронъ, переводчикъ восточныхъ поэтическихъ произведеній, 499.
 Шальгрень, франц. архитекторъ, 639.
 Шамборъ, графъ, герцогъ Бордосскій, претендентъ на французскій престолъ, 94, 120, 446.
 Шамиль, черкесскій вождь, 278.
 Шамполіонъ, франц. египтологъ, 671.
 Шангай, китайскій городъ, занятый тайпингами, 209.
 Шангарнье, франц. генералъ, 444, 447.
 Шанцъ, Фрида, нѣм. писательница, 503.
 Шанеръ, нѣм. скульпторъ, 634.
 Шареттъ; его участіе въ возстаніи Ванден вмѣстѣ съ герцогиней Беррійской, 93.
 Шаррасъ, франц. полковникъ, 448.
 Шассерио, франц. живописецъ, 621.
 Шатель, франц. аббатъ, 40.
 Шатобрианъ, франц. поэтъ, 93 и сл.
 Шатрианъ, франц. романистъ, 544.
 Шафарикъ, богемскій филологъ, 270.

- Швабъ, Густавъ, нѣм. поэтъ, 494.
 Шванталеръ, Лудвг., нѣм. скульпторъ, 632.
 Шварценбергъ, князь Феликсъ, австр. министръ, 362 и сл.
 Шварценбергъ, участникъ въ возстаніи Дёрнберга, 439.
 Шварцеръ, австр. министръ, 351 и сл.
 Шварцъ, педагогъ, 695.
 Шварцъ, Карлъ, теологъ, 239.
 Швеглеръ, протест. теологъ, 62.
 Швердъ, физикъ 712.
 Швейцарія; вліяніе іюльской революціи, 7 и сл., дѣятельность ультрамонтанъ въ сороковыхъ годахъ, 44 и сл.; волненіе въ протестантской церкви, 80 и сл.; война Зондербунда и новая союзная конституція (1848 г.), 288—294.
 Швейцеръ, Алекс., протест. теологъ, 59.
 Шверинъ-Пуцаръ, графъ, членъ прусскаго сейма, 244; прусскій министръ духовныхъ дѣлъ, 69, 71.
 Швехатская равнина; тамъ была въ 1848 г. разбита венгерская армія, 358.
 Швиндъ, Мор., нѣм. живописецъ, 608.
 Шевалье, франц. политико-экономъ, 742.
 Шези, Гельмина, нѣм. писательница, 482.
 Шези, франц. филологъ, 665.
 Шейбельъ, протест. теологъ, 67.
 Шеле, ганноверскій министръ, 250.
 Шеллингъ, философъ, 697.
 Шёманиъ, нѣм. филологъ, 662.
 Шенкель, теологъ, 61.
 Шенкендорфъ, Максъ, поэтъ, 489.
 Шенкъ, Эдуардъ, баварскій министръ, 257; поэтъ, 457.
 Шёнфъ, нѣм. скульпторъ, 629.
 Шербуалье, Викторъ, франц. романистъ, 544.
 Шеренбергъ, нѣм. поэтъ, 506.
 Шереръ, германистъ, 672.
 Шерръ, Іоаннъ, историкъ, 492.
 Шеферъ, историкъ нѣм. литературы, 513.
 Шеферъ, Леоп., нѣм. поэтъ, 505.
 Шеффель, Іос. Викторъ, нѣм. поэтъ, 490.
 Шефферъ, гессенъ-кассельскій министръ, 253.
 Шефферъ, Арн., франц. живописецъ, 617, 625.
 Шефле, политико-экономъ, 748.
 Шивельбейнъ, нѣм. скульпторъ, 633.
 Шиллингъ, Іоаннъ, нѣм. скульпторъ, 634.

Шиллингъ фонъ Каништаттъ, баронъ, членъ русск. посольства въ Мюнхенѣ, 730.

Шиммель, голландскій поэтъ, 590.

Шимперъ, нѣм. ботаникъ, 717.

Шинкель, Карлъ Фридр., нѣм. архитекторъ, 637.

Ширмеръ, Фридр. В., нѣм. живописецъ, 611.

Ширмеръ, I. В., нѣм. живописецъ, 605.

Шлезвигъ - Гольштинскія герцогства, 230; вступленіе Фридриха VII на престолъ, 231 и сл.; временное правительство (1848 г.), 317; перемиріе въ Мальмё, 341 и сл.; пораженіе прусской арміи, 389 — 391; снова подчинены Даніи, 439—441.

Шлейеръ, вюртемб. министръ, 261.

Шлейермахеръ, теологъ; его воззрѣнія на воспитаніе, 697.

Шлейхеръ, Авг., нѣм. лингвистъ, 668.

Шлейденъ, Іаковъ, ботаникъ, 717.

Шлегили Авг. Вильг. и Фридр., какъ лингвисты, 665.

Шлѣмбахъ, Арнольдъ, нѣм. писатель, 502.

Шликъ, австр. генералъ, 416.

Шлоссеръ, Фридр. Христ., историкъ, 673, 680.

Шмалькальденскій союзъ, празднованіе его 300-лѣтней годовщины, 253.

Шмеллеръ, германистъ, 671.

Шмерлингъ, нѣм. имперскій министръ (1848), 364 и сл.

Шмидъ, Германнъ, баварскій народный писатель, 499.

Шмидтъ, Христ., дѣтскій писатель, 500.

Шмидтъ, Юліанъ, историкъ литературы, 506.

Шмидтъ, Георгъ Фил., нѣм. поэтъ и публицистъ, 513.

Шмидтъ, Іоаннъ, нѣм. лингвистъ, 669.

Шмидтъ, Элиза, нѣм. писательница, 482.

Шмидтъ фонъ дкръ-Лауницъ, нѣм. скульпторъ, 601.

Шмиттгеннеръ, Фридр., нѣм. политико-экономъ, 745.

Шмоллеръ, нѣм. политико-экономъ, 748.

Шнаазе, нѣм. критикъ, 487.

Шнейдеръ, нѣм. военный писатель, 222.

Шнекенбургеръ, протест. теологъ, 68.

Шнецъ, Викт., франц. живописецъ, 617, 625.

Шнорръ ф. Карольсфельдъ, нѣм. живописецъ, 602.

Шопенгауеръ, Артуръ, нѣм. философъ, 652, 657 и сл.

Шопенгауеръ, Іоанна, нѣм. писательница, 482, 484.

Шорнъ, Карлъ, нѣм. живописецъ, 604.

Шотландія; церковныя дѣла, 80 и сл.

Шоттъ, вождь либераловъ въ Вюртембергѣ, 261.

Шпоръ, Лудвигъ, музыкантъ, 641.

Шпоръ, графъ, баварскій посланникъ въ Римѣ, 324.

Шнигель, графъ, кельнскій архіепископъ, 48, 52.

Шпильгагенъ, нѣм. романистъ, 508.

Шпиндлеръ, Карлъ, нѣм. романистъ, 490.

Шрадеръ, нѣм. оріенталистъ, 670.

Шрадеръ, Юлій, живописецъ, 605, 611.

Шраудольфъ, нѣм. живописецъ, 607.

Шрѣдтеръ, Адольфъ, нѣм. живописецъ, 605.

Штаръ, Адольфъ, нѣм. писатель, 481, 513.

Штауденмейеръ, католич. теологъ, 491.

Штѣберъ, Авг. и Ад., эльзасскіе нувеллисты, 491.

Штѣбль, швейцарскій механикъ, участвовавшій въ заговорѣ противъ Луи Филиппа, 107.

Штѣйбенъ, Карлъ, франц. живописецъ, 625.

Штейбъ, Лудв., нѣм. писатель, 499.

Штейгеръ, Роб., вождь швейцарскихъ доброолицевъ, 290 и сл.,

Штейнакеръ, адвокатъ и депутатъ въ Брауншвейгѣ, 252.

Штейвбрюкъ, нѣм. живописецъ 604.

Штейнгейзеръ, Карлъ, нѣм. скульпторъ, 629, 630.

Штейнгель, астрономъ, физикъ и техникъ, 731.

Штейнле, нѣм. живописецъ, 603.

Штейнталь, нѣм. лингвистъ, 668.

Штенцель, Густ. Ад., нѣм. историкъ, 507, 677.

Штейнеръ, Іаковъ, швейцарскій математикъ, 710.

Штейнъ, Лор., нѣм. политико-экономъ, 747.

Штемпfli, швейцарскій политическій дѣятель, 291.

Штиглицъ, Генр., нѣм. поэтъ, 481.

Штиглицъ, Шарл. Софія, нѣм. писательница, 481.

Штилеръ, Карлъ, баварскій поэтъ, 499.

Штинде, Юлій, берлинскій юмористъ, 510.

Штирѣ, Рудольфъ, протест. теологъ, 62.
 Штирѣ, Вильг. нѣм. архитекторъ, 638.
 Штифтеръ, Адальбертъ, австр. нувеллистъ, 501.
 Штокгаузенъ, Юлій, музыкантъ, 644.
 Штоксъ, физикъ, 712.
 Штольбергъ-Вернигероде, графъ, прусскій министръ при Фридр. Вильг. IV, 239.
 Штольтерфортъ, Адельгейда, нѣм. писательница, 482, 487.
 Штормъ, Теод., шлезвигъ-гольштинскій нувеллистъ, 515.
 Шторхъ, Генр., нѣм. политико-экономъ, 743.
 Штракъ, нѣм. архитекторъ, 638.
 Штраусъ, Давидъ Фридр., теологъ, 52 и сл., 56 и сл., 657.
 Штраусъ, берлинскій придворный пасторъ, 69.
 Штраусъ, Іоаннъ, музыкантъ, 647.
 Штраусъ, Викторъ, нѣм. поэтъ, 511.
 Штрахвицъ, нѣм. лирич. поэтъ, 507.
 Штробахъ, президентъ австр. рейхстага, 354.
 Штрюмпелль, философъ, 653.
 Штурмъ, нѣм. пасторъ и поэтъ, 505.
 Штюве, бургомистръ въ Оснабрюкъ, 315.
 Шубертъ, Францъ, музыкантъ, 643.
 Шубертъ, Готтгильфъ Генр., философъ, 498.
 Шульте, нѣм. юристъ, 694.
 Шультсъ, нѣм. поэтъ, 487.
 Шульце, Эрнстъ, ганноверскій поэтъ, 511.
 Шульце, Герм., нѣм. юристъ, 691.
 Шульце-Деличъ, Германнъ, социалистъ, 748.
 Шуманъ, Робертъ, музыкантъ, 643.
 Шуманъ, Клара, піанистка, 644.
 Шурцъ, Карлъ, нѣм. демократъ, 408, 475.
 Шушелка, австр. публицистъ, 269, 500.
 Шюкингъ, нѣм. романистъ, 487.
 Шютте, демократич. агитаторъ въ Вѣнѣ, 359, 360.
 Шюцъ, политико-экономъ, 747.

Э.

Эбергардъ, гессенъ-кассельскій министръ, 315.
 Эбергардъ, Конрадъ, нѣм. скульпторъ, 629.
 Эберле, Адамъ, нѣм. живописецъ, 604.

Эберсъ, Георгъ, нѣм. египтологъ и романистъ, 504.
 Эбертъ, Карлъ-Эгонъ, австр. поэтъ, 476.
 Эберсоль, Левъ, вождь швейцарскихъ ультрамонтанъ, 45, 289; убитъ, 290.
 Эбнеръ-Эшенбахъ, Марія, австр. писательница, 501.
 Эбрардъ, протест. теологъ, 63.
 Эвальдъ, Генрихъ, протест. теологъ и ориенталистъ, 59, 61, 62, 250, 670.
 Эвальдъ, Іоаннъ, датскій поэтъ, 583.
 Эвансъ, миссъ (Жоржъ Эліотъ), англ. писательница, 557.
 Эгвія, генералъ кариетскій, 165.
 Эйтвёсъ, венгерскій министръ, 412, и публицистъ, 582.
 Эймаръ, франц. генералъ, 97.
 Эйзенштюкъ, комиссаръ франкфуртскаго парламента въ Пфальцѣ, 399.
 Эймерихъ, испанскій министръ, 143.
 Эйзидель, графъ, саксонскій министръ, 247.
 Эйхендорфъ, романтикъ, 507.
 Эйхгорнъ, юристъ, 686, 694.
 Эйхгорнъ, прусскій министръ духовныхъ дѣлъ, 69, 225, 238 и сл.
 Экерманнъ, другъ Гёте, 511.
 Экштейнъ, нѣм. писатель, 504.
 Эленшлегеръ, Адамъ, датскій поэтъ, 583.
 Эленборо, лордъ, англ. министръ, 191; губернаторъ остъ-индскій, 204.
 Эльвенихъ, католич. теологъ, 52.
 Эмерсонъ, американскій писатель, 566.
 Энгель, нѣм. статистикъ, 747.
 Энгръ, франц. живописецъ, 616, 616; его школа, 621.
 Энгельгардъ, русск. генералъ, 414.
 Эгль, нѣм. архитекторъ, 639.
 Энке, нѣм. астрономъ, 712.
 Энжюллеръ (живописъ на стеклѣ), 637.
 Эпсвортъ, англ. романистъ, 556.
 Эразо, карлистскій вождь, 153.
 Эрдманисдорфъ, нѣм. архитекторъ, 636.
 Эркманнъ, франц. романистъ, 544.
 Эрнстъ Августъ, герцогъ Кумберландскій, король Ганноверскій, 249.
 Эрнстъ, герцогъ Кобургъ-Готскій, 388.
 Эскосура, испанскій поэтъ, 576.
 Эскрихъ, испанскій поэтъ, 579.
 Эспанья, испанскій генералъ, 144, 150; убитъ, 167.
 Эспартеро, испанскій генералъ, 162, 166; назначенъ регентомъ королевства, 172; его паденіе, 173.
 Эснропседа, испанскій поэтъ, 171, 576.

Эшегарэ, испанскій поэтъ, 580.
 Эшеръ Ф. деръ Линтъ, швейцарскій
 геологъ, 707.

Ю.

Юмъ, Джозефъ, членъ англ. парла-
 мента, 183.
 Юргенсъ, нѣм. писатель, 363.
 Юхтрицъ, баронъ, нѣм. писатель, 507.

Я.

Ягетцовъ, нѣм. политико-экономъ, 744.
 Якоби, нѣм. математикъ, 710.
 Якоби, Иоаннъ, кенигсбергскій врачъ
 и публицистъ, 237, 243.
 Якобсенъ, датскій писатель, 585.
 Якобсъ, Фр., нѣм. филологъ, 663.
 Янссенъ, Иоаннъ, нѣм. историкъ, 675.

- Каррьера.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры. Т. I, II, III и IV.
Пер. *Е. Корша*. М. 1874 г. Ц. 16 р.
- Корсакъ.** Первоначальные уроки грамматики. М. 1879 г. Ц. 60 к.
- Куглера.** Руководство къ исторіи искусства. Пер. *Е. Корша*. 2 ч. М. 1870 г.
Цѣна 10 р.
- Руководство къ исторіи живописи. Пер. *И. Васильева*. М. 1870 г. Ц. 7 р.
- Куно-Фишера.** Г. Э. Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы, въ 2 частяхъ, пер. *И. П. Разсидина*. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Курціуса.** Исторія Греціи. 3 части. Пер. *А. Веселовскаго* и *М. Корсака*. М. 1880—3 г. Ц. 12 р.
- Лавелз.** Балканскій полуостровъ. М. 1889 г. Перев. *Н. Е. Васильева*. Ц. 6 р.
- Левитова А. И.** Собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, гравиров. въ Лейпцигѣ, и статьею о жизни его *Ф. Д. Нефедова*. 2 тома. М. 1884 г.
Цѣна 2 р. 50 к.
- Лессинга Г. Э.** Гамбургская драматургія. Перев. *И. П. Разсидина*. М. 1883 г.
Цѣна 3 р.
- Лотце.** Микрокозмъ. 3 части. Пер. *Е. Корша*. М. 1870 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Любке.** Исторія пластики (съ 231-мъ рисунк. въ текстѣ). Пер. *В. Чаева*. М. 1873 г. Ц. 6 р.
- Магаффи.** Исторія классическаго періода Греческой литературы. 2 тома. Перев. *А. Веселовскаго*. М. 1882 г. Ц. 6 р.
- Марта.** Философы и поэты-моралисты во времена Римской имперіи. Пер. *М. Корсака*. М. 1879 г. Ц. 2 р.
- Матеріалы** для біографіи *Н. А. Добролюбова*. М. 1890 г. Т. I. Ц. 2 р.
- Моммсена.** Римская исторія, Т. I. Ц. 6 р., II и III. Ц. 7 р., V. Ц. 3 р. 50 к
Пер. *В. Н. Невъдомскаго* и *А. Н. Веселовскаго*.
- Морлея Дж. Руссо.** Пер. съ англійскаго *В. Н. Невъдомскаго*. М. 1882 г. Цѣна 2 р. 50 к.
- Дидро и Энциклопедисты. Пер. *В. Н. Невъдомскаго*. М. 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Маурера.** Сведеніе въ исторію общиннаго, подворнаго, сельскаго и городскаго устройства и общественной власти. Пер. *В. Корша*. М. 1880 г. Цѣна 2 руб. 75 к.
- Ольденбергъ Г.** Будда, его жизнь, ученіе и община. Перев. *П. Николаева*. М. 1891 г. Цѣна 2 р.
- Пешеля Оск.** Исторія эпохи открытій. Пер. *Э. Циммермана*. М. 1885 года.
Цѣна 3 р.
- Полонскаго Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М. 1882 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Рибо.** Современная англійская психологія. Перев. *П. Д. Боборыкина*. М. 1878 г.
Цѣна 2 руб.
- Риля А.** Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма.
Перев. *Е. Корша*. М. 1888 г. Ц. 2 р.
- Саади-Ширази.** Гюлистанъ. (Цвѣтникъ розъ). Съ персидскаго подлинника. Пер. *И. Холмогоровъ*. М. 1882 г. Ц. 1 р.
- Страбона.** Географія (въ 17 книгахъ, 1 т.). Перев. съ греческаго *Θ. Г. Мищенко*. М. 1879 г. Ц. 10 р.
- Сурикова.** Стихотворенія. Полное собраніе съ портретомъ автора, факсимиле и біографіей *Н. А. Соловьева-Несмьлова*. Изданіе 4-е (посмертное). М. 1884 г. Цѣна 3 р.
- Сурикова.** Стихотворенія. Изданіе третье. М 1877 г. Ц. 1 р.
- Тьюка Х.** Духъ и тѣло. М. 1888 г. Пер. *П. Викторова*. Ц. 2 р. 50 к.

- Тиннора. Исторія испанской литературы, въ 3 т. Перев. *Н. И. Стороженка*.
М. 1886 г. Ц. 9 р. 50 к.
- Тренделенбурга. Логическія изслѣдованія. 2 части. М. 1868 г. Ц. 4 р.
- Тэна. Титъ Ливій. Критическое изслѣдованіе. Пер. *Иванова и Щепкина*. М. 1885 г.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Файфа. Исторія Европы XIX ст. т. I, II и III. М. 1890 г., перев. подъ редакціею
И. В. Луцикаго. Ц. 6 р. 50 к.
- Финлея. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Перев. *С. Никитенко*. М. 1876 г.
Цѣна 4 р.
- Фойгта. Г. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма.
Пер. *И. П. Разсидина*. 2 тома. М. 1884 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Фрикена. Римскія катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства
(съ рисунками). Части I, II, III и IV. М. 1885 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. М. 1891 г., ч. I, ц. 2 р.
- Шекспира. Полное собраніе драматическихъ сочиненій. Перев. *Н. Кетчера*. 9
частей. Цѣна 10 р.
- Шмидта Карла. Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ раз-
витіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Съ третьяго
изданія, дополненнаго и исправленнаго *В. Ланге*, перев. *Э. Циммермана*.
т. I, III и IV (IV-й томъ въ 2-хъ частяхъ). М. 1880 г. Цѣна за три
тома 17 р. 50 к.
-

Печатаются слѣдующія сочиненія:

- Буасье Гастона. Паденіе язычества.
- Вебера Г. Всеобщая исторія, т. XV, ч. II (последняя).
- Викторова, П. П. Ученіе о личности, вып. II.
- Гринъ Д. Исторія Англійскаго народа, т. IV.
- Дройзена. Исторія Эллинизма. Т. II.
- Фриманъ. Историческая Географія Европы, съ картами.
- Фиске Д. Открытіе Америки.
-

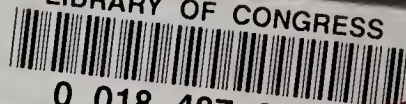

LIBRARY OF CONGRESS

0 018 487 246 8